

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША**

**ЭТНОГЕНЕЗ
И ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА**

Том I

**Душанбе
2021**

**Под общей редакцией
президента Национальной академии наук Таджикистана
Фархода Рахими**

Главные редакторы:
Масов Рахим Масович,
академик Национальной академии наук Таджикистана

**Убайдулло Насрулло Каримзода,
доктор исторических наук, профессор**

**Ответственный редактор
Мадамиджонова Зухра Мадамиджоновна,
кандидат исторических наук**

**Этногенез и этническая история таджикского народа. В 2-х томах.
Том 1.- Душанбе: Дониш, 2021.- 989 с.**

Данная двухтомная монография посвящена изучению происхождения таджикского народа, его развития и становления в широком хронологическом диапазоне - от древнейшего периода до современности. В работе освещены основные этапы этнической истории таджиков, процесс сложения единого этноса с особенностями хозяйственно-культурного типа оседлых земледельцев, языка, антропологического типа, традиционных жизненных практик, верований, религий, социальных структур общества.

В первом томе рассматриваются теоретические аспекты этногенеза, историография проблемы и периодизация этнической истории таджикского народа. Опираясь на богатейшие материальную и духовную культуры, а также письменные источники, освещаются индоевропейские и индоарийские истоки происхождения таджиков, их сложение и основные этапы развития, значение этнонима «таджик» и история формирования таджикского языка.

Исследование рассчитано на историков, этнологов, культурологов, преподавателей гуманитарных ВУЗов, студентов и широкого круга читателей, которых интересует история таджикского народа.

Рецензенты: Рахимов Н.Т., доктор исторических наук, профессор
Хотамов Н.Б. доктор исторических наук, профессор

**Редактор
Тоджиддин Мардони**
доктор филологических наук, профессор

ISBN 978-99975 -

© Институт истории, археологии
и этнографии им. Ахмада Дониша

**Настоящее издание
осуществлено при всемерной поддержке
Основателя мира и национального единства –
Лидера нации, Президента Республики
Таджикистан Эмомали Рахмона**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	7
Введение.....	18

РАЗДЕЛ I.

История изучения этногенеза таджикского народа

ГЛАВА I.

Теоретические аспекты этногенеза таджикского народа. Историография вопроса

1. Теоретические аспекты исследования этногенеза и этнической истории.....	41
2. Историография.....	49
3. Периодизации этнической истории таджикского народа.....	74

ГЛАВА II.

В поисках древних этнических показателей

1. Археологические источники по этногенезу.....	81
2. Отражение древних этнических процессов в «Авесте».....	123
3. Авестийская «Арианам–Вайджа»: проблема локализации.....	153
4. Историческая основа арийской цивилизации и государственного образования таджиков (на основе анализа гидронимики и данных древних источников).....	190

ГЛАВА III.

Этногенез таджиков в сочинениях средневековых авторов

1. Таджики в средневековых письменных источниках.....	213
2. Этнографические сведения о таджиках в IX-XVIII вв.....	226

ГЛАВА IV.

Таджики в русской и западноевропейской историографии

1. Этнические особенности таджиков, как маркер идентичности... ..	249
2. Вопросы этногенеза и этнической истории таджикского народа в трудах зарубежных исследователей.....	265

РАЗДЕЛ II.

История сложения таджикского этноса

ГЛАВА I.

Древнейшие предки таджикского народа. Индоевропейские истоки сложения индоиранской общности в Центральной Азии.

(Неолит. Бронза.)

1. Пути заселения Центральной Азии в каменном веке.....	278
2. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа.....	375
3. Саразм – колыбель древнеземледельческой цивилизации в Центральной Азии.....	386
4. Памятники бронзового века древнего Согда.....	434
5. Этнокультурные процессы на территории Юго-Западного Таджикистана в эпоху бронзы и раннего железа.....	461
6. Миграционные и этнические процессы на Памире.....	510
7. Антропологические данные к проблеме этногенеза таджиков.....	539

РАЗДЕЛ III.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

ГЛАВА I.

Процесс сложения таджикского этноса в I–VIII вв. н.э.

1. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма.....	600
2. Этнические процессы в I– III вв. н.э.....	629
3. Таджики в раннем средневековье IV–VIII вв.н.э.....	641
4. Этапы этногенеза и формирование этнической общности таджиков.....	658
5. История происхождения этнонима «таджик».....	673

ГЛАВА II.

Формирование таджикского языка

1. Древние и средневековые языки Центральной Азии.....	691
2. История сложения и развития таджикского языка.....	715

ГЛАВА III.

Духовная культура (верования и религии)

1. Зороастризм в древней истории таджиков.....	752
2. Зороастризм в контексте мировой цивилизации (сравнительный религиоведческий анализ).....	805
3. Ислам в контексте духовной культуры таджиков.....	822
Список сокращений.....	835
Источники и литература	836

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан уважаемый Эмомали Рахмон неоднократно обращал внимание ученых на необходимость обстоятельного изучения этногенеза и древнейших этапов этнической истории таджикского народа. И сегодня, в период безудержного роста процесса самосознания таджиков, их национальной гордости благодаря обретению полной независимости представленное фундаментальное исследование «Этногенез и этническая история таджикского народа» отвечает задачам, поставленным Президентом перед учеными Института истории, археологии и этнографии имени Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана.

Процесс этногенеза таджиков в основном протекал на обширной территории Центральной Азии, прежде всего территории Древнего Согда, Бактрии-Тохаристана, Хоразма и Ферганской долины. Таджики, кроме того проживают на территории долины реки Мургаб Сарыкольского хребта (КНР)¹, а также в Афганистане, Иране, Пакистане, Индии и других странах и регионах.

При изучении этногенеза таджиков, базирующегося на принципе историзма, реконструкция этнического пространства имеет немаловажное значение. Более того, процесс складывания таджикского народа очень сложен, и целиком связан с общим ходом этнической истории народов Центральной Азии.

Центральная Азия², расположенная в центре Евразийского континента, рассматривается как важная стратегическая территория не только в

---

¹ Большая Советская Энциклопедия 25-й том 1976 г. - С. 167.

² Согласно ЮНЕСКО, современное определение территории Центральной Азии базируется на природно-климатических особенностях. Регион включает Афганистан, Западный Китай, Северную Индию, Северо-Восточный Иран, Монголию, Пакистан и бывшие советские Центральноазиатские республики (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан). См.: History of Civilization of Central Asia/ Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B. C. / Ed. by A. H. Dani, V. M. Mas-son. – Paris.: UNESCO, 1992. P. 480. В настоящей монографии для более раннего периода (древнейшая, древняя и раннее средневековье) используется понятие Средняя Азия, а для позднего средневековья, нового и новейшего времени – термин Центральная Азия.

настоящее время, но и в древности. На ее территории проживали различные этнические общности и народности, соответствующие предкам таджиков - древние согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, ферганцы, сако-массагеты, эфталиты, а также некоторые другие с разной этнической историей. Археологические материалы, ранние письменные источники со всей очевидностью показывают, что население древней Центральной Азии в основном было *ираноязычным*, а предки таджиков выработали все ранние *ираноязычные* компоненты духовной и материальной культуры, и являлись прямыми потомками ариев, (согласно древнейшему письменному источнику «Авесте»), представлявших одну из ветвей исторического древа индоевропейских народов»¹.

Географические условия Центральной Азии явились важнейшим фактором, влияющим на сложение хозяйственно-культурного типа этнических общностей в древности. Крупные горные массивы и межгорные долины с протекающими здесь реками, способствовали возникновению и развитию земледелия с ее уникальной ирригационной системой. Наличие открытых пространств – пустынь и степей создавало благоприятные возможности для развития и скотоводства. Следовательно, на этой территории параллельно развивались земледелие и скотоводство, и роль этих занятий была крайне важна для местного древнего населения. На территории Центральной Азии с глубокой древности шел процесс формирования хозяйственно-культурного типа с акцентом на то, что земледельцы основную роль в своей деятельности отводили земледелию, при этом занимаясь и скотоводством, а скотоводы, в свою очередь, параллельно занимались и земледелием. Открытость территории, прежде всего, с севера, а также обширность пространства и его близость к древнейшим центрам цивилизации региона и Ближнего Востока - обусловили здесь многие этнические процессы.²

На территории Центральной Азии создавались различные государственные образования, сыгравшие огромную роль в истории человечества, где не раз происходили миграции значительных масс населения, формировались и распадались этнические общности, совершались сложнейшие процессы этногенеза и этнической истории. Все это протекало на фоне развития социально-экономического базиса общества и его культуры.

---

¹ Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков //Таджики: история, культура, общество. - Санкт-Петербург, 2014. - С. 10.

² Асимов М. С. Исследование этнической истории Древней Центральной Азии (2 тыс. до н.э.) в Советской науке. – Москва, 1977.

Уже в глубочайшей древности были созданы удивительные по своему архитектурному совершенству протогорода, города, которые сыграли решающую роль в судьбе таджикского народа. Многие из них сохранились как памятники прошлого, а некоторые процветают до настоящего времени. Это древнее городище Саразм в Согде, Бухара, Мараканда (Самарканд), Шахрисабз, Насаф, Коканд, Маргилан, Пайкент, Риштан, Ташкент, Термез, Топрак-кала, Холчаян, Хива, Шеробод, Тахти-Сангин, Худжанд, Истаравшан, Пенджикент, Санджаршох, Наврузшох, Кум, Мадм, Кала-и Лукмон, античный город Гиссар, Душанбе, Саксанахур, Шахринавское городище и многие другие. История этих городов показывает, что зарождение и развитие их связаны еще в древнем периоде с ираноязычным населением, его культурой и занятиями, которые стали основным маркером этничности. «Именно тогда таджикская культура и духовность обрели черты складывающейся новой этнической общности. Это проявлялось в единой художественной традиции (за некоторыми отличиями) от Шираза на юго-западе до Тараза, Таласа и Испиджаба на северо-востоке, в сюжетах и композиции народного эпоса, мифологии, в названиях топонимов. В это время почти повсеместно герои Авесты и эпической традиции выступают основателями и покровителями городов и регионов. В Бухаре и Хорезме таковым являлся Сиявуш, в Самарканде – Фаридун, Манучехр и другие».¹

В истории складывания и формирования хозяйственно-культурного типа оседлых земледельцев в глубокой древности является широко известный Саразм – один из древнейших земледельческих памятников - поселений Центральной Азии в период с 4-го тыс. до конца 3-го тыс. до н.э. Археологический материал показывает самый ранний этап зарождения урбанизации в этом регионе. Население Саразма осуществляло торговые и культурные связи, что позже послужило формированию согдийской цивилизации. В 2010 году он был включен в список объектов Всемирного культурного наследия ЮНЕСКО.

Таким образом, этнические процессы, происходившие на территории Центральной Азии, свидетельствуют о том, что городская культура таджиков необычайно древняя. Был период, когда основную часть населения в городах Ферганской, Зарафшанской, Пянджско-Амударьинских долин, в Бадахшане, Хорасане, Пенджабе составляли таджики. Подавляющее большинство мударрисов, ремесленников, представители торговцев,

---

¹ ИТН, т. 2. -Душанбе, 1999. – С.150.

духовной элиты религиозного сословия состояли из лиц, принадлежавших к таджикскому этносу. К тому же хорошо известно, что преобладающая часть сотрудников правительственных структур и чиновничьего аппарата состояла из таджиков. Главным языком государственного делопроизводства и торговли был таджикский, судебные дела велись также на таджикском языке. На всем протяжении азиатской части Великого Шелкового Пути ведущим языком межнационального общения был согдийский, таджикский язык. Пространственное господство этого языка протягивалось от Хорасана до Хотана и Бенгалии, от южных оконечностей Индийского полуострова до южных границ Кыпчакской степи. И важно отметить, что на всех этих пространствах среди многочисленных этносов самым урбанизированным был таджикский этнос, тем более этому способствовало географическое положение. Центральная Азия с глубокой древности являлась перекрестком культур, на ее территории постоянно происходила массовая циркуляция населения, и интенсивный обмен товарами. Через Центральную Азию проходил Великий Шелковый Путь, который способствовал развитию торгового, интеллектуального, культурного потенциала населения Центральной Азии.¹ Одними из первых посредников на этом пути стали древние согдийцы, которые наряду с другими народами, внесли неоспоримый вклад в социально-экономическое и культурное развитие Центральной Азии. По мнению многих исследователей, в Центральной Азии этносы (с разной хозяйственно-культурной направленностью), сосуществовали на огромных ее территориях и участвовали в обширных этногенетических процессах, что приводило к синтезу культур.

Таким образом, Центральная Азия явилась колыбелью в первую очередь таджиков – оседлых земледельцев, предки которых согдийцы, бактрийцы, парфяне, тохары, хорезмийцы, ферганцы и т.д. Впоследствии на этой территории стали развиваться и другие пришлые народы.

Сегодня, Центральная Азия является одним из важных регионов Евразии, где народы развиваются в рамках современного глобального прогресса, поддерживая мир и безопасность.

При изучении этноса следует иметь ввиду, что реконструкция этнического пространства имеет немаловажное значение. Учет этого факта поз-

---

¹ Нурулла-Ходжаева Н. Т. Танцующие купцы в не империи на шелковом пути. Вестник МГИМО-Университета. 2017. 1(52). - С. 119-139.

воляет восстановить не только древние названия территорий расселения, но и установить первоначальное место происхождения народа, что является, прежде всего, важным в поиске научной истины.

Отличительной чертой в настоящем исследовании является комплексный научный подход в изучении проблем научно-гуманитарных направлений, где вопросы добрососедства и взаимопонимания стоят на первом месте. Концепция этногенеза и этнической истории таджикского народа (далее концепция) не стремится «открыть простор для всякого рода манипуляций»¹, по отношению к территориям на которых формировались и далее развивались древнейшие племена оседлых земледельцев и скотоводов. Необходимо отметить, что этнонимы согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы и другие для этнических общностей более раннего периода имели этно-территориальный принцип и соответствовали реалиям того времени, т.е. эти этнические общности сформировались благодаря процессу взаимопроникновения и взаимовлияния автохтонных коренных оседлых земледельцев с пришлыми степными племенами. С приходом в Центральную Азию арийских племен начался один из последующих этапов этногенеза таджиков, в результате которого расовый субстрат населения не изменился, поскольку этот процесс происходил в пределах средиземноморской разновидности европейской расы.² Затем в результате нашействия Александра Македонского на Центральную Азию была положена начало эпохе эллинизма. Произошел синтез местной и греческой культур, стали создаваться, условия для формирования языка, культуры, религий и этнонима – «таджик» по всей Центральной Азии. В период раннего средневековья произошла миграция тюркских племен в Центральную Азию, завоевание ее территории арабами, тюркскими, монгольскими и дашти-кипчакскими племенами. Все это привело к тому, что Центральная Азия стала пестрой в этническом плане, но этноним «таджик» стал преобладающим, в большей мере еще до арабского завоевания.

Исследования по истории древнейшего, древнего, средневекового, нового и новейшего периодов выявляют этно-социо-культурную связь между населением Центральной Азии – оседлыми земледельцами и кочевниками сегодня и в далеком прошлом.

---

¹ Ильхамов А. Вокруг публикации «Этнического атласа Узбекистана», tribune.uz.

² Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. - Санкт-Петербург, 2014. - С. 10.; Кузмина Е. Е. Откуда пришли индоарии. - М., 1994.

Проблема происхождения и этническая история таджикского народа разрабатывалась в таджикской науке в течении XX и нач. XXI веков. Большой вклад в изучение этой проблемы внесли отечественные ученые-академики – Б. Гафуров, А.А. Семёнов, Б.И. Искандаров, З.Ш. Раджабов, Б.А. Литвинский, А.М. Мандельштам, А.М. Мухтаров, Н.Н. Негматов, Р.М. Масов, Ю.Я. Якубов, В.А. Ранов, А.Турсон, И.В. Пьянков, Х. Назаров, А.Н.Мухаммад, Х. Пирумшоев и многие другие, одно перечисление займет немало страниц. И все же очень многое остается еще неизученным, имеются сложности в однозначном толковании ряда узловых моментов. В настоящее время бурное накопление новых материалов расширяет источниковедческую базу, однако отнюдь не делает задачу ученых более простой, но позволяет вновь обратиться к этой проблеме уже с новым багажом исторических, археологических, антропологических, лингвистических и этнографических данных. Сложившаяся ситуация подводит ученых к разработке данной проблематики, как одной из ступеней изучения прошлой и современной истории таджикского народа.

С процессом накопления новейшего материала открываются новые археологические памятники, появляются новые антропологические материалы, стали доступными ранее неизвестные письменные источники средневековья и научные интерпретации зарубежных исследователей по проблемам этногенеза таджикского народа.

Естественно, важнейшим направлением исследовательской деятельности наших ученых является изучение, в первую очередь, состояния производительных сил, материальной и духовной культуры племен, населявших Центральную Азию в древности. Здесь особенно велики заслуги археологов. За последнее время (конец XX-нач. XXI вв.) они произвели, огромные по масштабам раскопки и исследования в Центральной Азии, в том числе в Таджикистане, благодаря которым мы ныне имеем конкретно-реальные представления о многих сторонах жизни предков таджиков в древнейшие и древние эпохи. Поэтому концепция «Этногенез и этническая история таджикского народа» рассматривает, прежде всего, историю происхождения и формирования таджиков и дальнейшее его развитие. Исходя из этого, историю этногенеза таджиков правомерно следует излагать в более широком территориально-пространственном общеисторическом фоне для ранних периодов. Такой подход прослеживается в работах Б. Гафурова, где он отмечает территорию, на которой традиционно проживали таджики, а имен-

но «область распространения иранских языков и племен была намного обширнее, чем в средние века и в новое время»¹. Исторически сложилось так, что территории на которых проживают таджики, остались те же, но они вошли в состав разных государств.

В настоящее время объективное изучение этногенеза и этнической истории таджиков имеет большое теоретическое и практическое значение. Актуальность данной темы получает новые импульсы в связи с интересом к своей истории после обретения государственной независимости и вступлением в третье тысячелетие, когда таджики вышли на путь построения нового демократического и правового государства. Все это подняло не только научный, но и общественный интерес к истокам этнической истории таджикского народа. В результате этого процесса наблюдается изменение народной психологии, всплеск патриотизма и гордость за государство, большое желание познать культурно-историческое наследие, языковые и этнические связи, происхождение своего народа. В результате этого наблюдается:

Во-первых, активный всплеск интереса к своей этнической истории, и это закономерно на фоне общемирового интереса к этой проблеме, (каждый хочет знать: кто он и откуда?).

Во-вторых, о таджиках имеется огромное количество исторических работ, как сводных, где участвуют большое количество известных исследователей (это несколько изданий «Истории таджикского народа», «Таджики Каратегина и Дарваза» в 3-х выпусках, «Таджики долины Хуф», «Таджики» Б. Гафурова и другие), работы исследователей по отдельным направлениям в исторической науке о таджиках, по их материальной и духовной культуре. Существующая литература отражает все периоды истории таджиков, имеются исследования по языку таджикских и российских ученых, монографии по формированию хозяйственно-культурного типа таджиков и их традиционной обрядовой культуре, труды по искусству и т.д. Однако комплексных исследований по этногенезу таджикского народа не было. Назрела объективная необходимость в написании этногенеза и этнической истории таджиков.

В-третьих, как известно, в последнее время вопросы происхождения таджиков и этнонима «таджик» активно обсуждаются в научных статьях, в СМИ, в Интернете, что привело к формированию различных точек зре-

---

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972.-С-36.

ния. Например, тюрколог Гумилев Л.Н и его сторонники считают, что этноним «таджик» появился с завоеванием арабами Центральной Азии.¹ Согласно этой версии, этноним «таджик» берет свое начало от среднеперсидского термина «тазик» – араб. Другое мнение указывает на то, что более ранний этноним *tāṣṭīk* происходит от названия ближайшего к Ирану древнего племени *Tāṣṭī*.

Другая точка зрения заключается в том, что происхождение этнонима «таджик» относится к более раннему времени и ведет свое начало от слова «toj» – «тодж» – корона, означающее «коронованный» или «имеющий венец». Над этим суждением работают ученые лингвисты, археологи, историки – востоковеды, философы не только в Таджикистане, но и в других государствах, и эта точка зрения все больше получает научное признание.²

В настоящее время стали доступными новые материалы – это эпиграфические памятники средневековья. Весомым аргументом является открытие бактрийской надписи Тангии Сапедаки Яковланг в Бамиане (Северный Афганистан)³. Большинство специалистов считает, что эта надпись заставила многих пересмотреть взгляд на первоначальное время возникновения и существования этнонима таджик. Надпись датируется 624 г. н.э. и переводится следующим образом «Алхис, сын Хуроса, хадюя Газона» в честь победы или избрания шахом турков и тазиго (таджик)-ов.⁴ Это очень важные данные, так как арабы пришли в Афганистан только в середине VII века, а надпись была сделана несколько раньше. Ученый Г.Дж. Довари, анализируя эту надпись считает, что необходимо признать кардинальные различия этнонимов двух племен този (в смысле араб) и тозиг (в значении таджик)-ов.⁵ Довари Г.Дж. также пишет, что слово «*Tozigo*» надписи из Яковланга не может быть ничем иным кроме этноним таджиков, проживавших в Бактрии и Вароруде.⁶

В данном коллективном труде приводятся все существующие точки зрения ученых по интерпретации этнонима «таджик». Необходимо отметить, что этот вопрос находится в центре постоянного внимания. Дискус-

---

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. - Ленинград, 1990. С. –59.

² Махмадов А. Н. Таджики – «корононосцы» (Опыт этнополитического анализа). – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. -С. 90.

³ Довари Г. Ч. Тахлили забони ва таърихи вожаи «точик» бар мабнои осори кашфшуда. - Душанбе, 2016. - С. 104.

⁴ Там же. - С. 117.

⁵ Там же. - С. 118.

⁶ Там же. - С. 117.

сионное пространство огромно, выдвигаются новые научно обоснованные точки зрения, которые позволяют ученым подтверждать более раннее, доарабское происхождения этнонима «таджик».¹

И, наконец, в-четвертых, в исторической, этнографической литературе государств Центральной Азии появились и широко обсуждаются «на поле постсоветской историографии вопросы обустройства своей этнической истории, якобы злонамеренно искаженной другими»². При этом, одни аналитики государств Центральной Азии выдвигают тезис о древности своего рода-племени на фоне мировой истории, другие – пытаются «возвратить свое «незаконно» забытое или приписанное другими культурное и иное наследие». Соответственно, на постсоветском пространстве появились работы, в которых подвергались критике национальные истории государств Центральной Азии, что вызвало серьезные академические дебаты. Стало пересматриваться историческое прошлое таджикского народа – этногенез, происхождение языка фарси-дари и огромное культурно-цивилизационное наследие и в результате таджики предстают «пришельцами иранского происхождения». Такая постановка вопроса, а именно, искажение исторических фактов приводит к полному хаосу не только в истории таджиков, но и других народов Центральной Азии. Как известно, эпоха Саманидов – это эпоха завершения процесса формирования таджикского народа. По общеизвестной концепции академика Н. Негматова, эпоха Саманидов была продолжением таджикского возрождения (таджикское эхё «эхёи точик»³), которое началось еще при Сасанидах и возрождалось при Саманидах высоким уровнем науки (Ибн Сина, Хоразми, Беруни), литературы (Рудаки, Фирдоуси)⁴. В.В. Бартольд подчеркнул то, что вытеснение согдийского языка таджикским произошло именно в эпоху Саманидов⁵. М. Шакури предложил теорию «Большого Хорасана» («Хуросони бузург»),

---

¹ Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков //Таджики: история, культура, общество. - Санкт-Петербург, 2014. - С. 9.

² Там же.

³ Негматов Н. Феномен материальной культуры Центральной Азии эпохи Саманидов // Вклад эпохи Саманидов в культурное наследие Центральной Азии. Материалы международного семинара. - Душанбе: Адиб, 1999. - С. 48.

⁴ Негматов Н. Феномен материальной культуры Центральной Азии эпохи Саманидов // Вклад эпохи Саманидов в культурное наследие Центральной Азии. Материалы международного семинара. - Душанбе: Адиб, 1999. - С. 48.

⁵ Бартольд В. В. История Туркестана // Бартольд В. В. Собрание сочинений. Т.2. Ч.1. - С.121.

упоминавшуюся еще в период империи Сасанидов, куда входили значительно большие территории от северо-восточного Ирана, Хорасана (территория нынешнего Афганистана) и Вароруда, объединенного как раз во времена Саманидов¹.

Если обратимся к историческим данным, то увидим, что в начале XVI в. некогда единый в историческом и культурном аспекте регион Вароруд, Хорасан и восточный Иран т.е. Великий Хорасан под натиском Шейбанидов в Мовароуннахре и Сефевидов в Иране и Хорасане был расколот на две части. Именно с этого времени развиваются две самостоятельные ветви фарсиязычной литературы – таджикской и иранской, но разрыв был не полный, оставался общий литературный язык. В Иране Сефевиды приступили к созданию государства, основанного на одном из течений ислама - шиизме. Это также стало поводом для конфронтационного сосуществования двух частей единого региона, а за этим последовало разное восприятие своей идентичности.²

Как известно, во всем научном мире считается, что все арийцы - иранцы, в том числе и таджики, которые являются потомками согдийцев и бактрийцев, однако нынешние иранцы являются потомками древних мидийцев и персов.³ Следовательно, индоарийские племена на раннем этапе своего становления выступали как этнические общности с близкими социокультурными особенностями, но на этапе формирования таджикского этноса (эпохи Сасанидов и Саманидов) стали развиваться как самостоятельные.

В характеристике этноса важным маркером выступает этнокультурное самосознание, а бактрийцы, согдийцы стали себя осознавать как таджики уже в эпоху Сасанидов, а во времена Саманидов этноним «таджик» уже был признан в Центральной Азии, и главными его маркерами были язык (фарси-дари), самосознание и культура⁴. Следовательно, «наличие единого самоназвания-этнонима предполагает существование у этнических общностей, этносов – единое самосознание»⁵.

---

¹ Шукуров М. Хуросон аст ин чо [Хорасан – здесь]. Душанбе, 1997.

² Хамза Камол. История вторжения кочевых племен Дашти-Кипчака в Мовароуннахр и Хорасан. – Душанбе: «Дониш», 2012. - С. 297-298.

³ Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. - Санкт-Петербург, 2014. -С. 9.

⁴ Турсон Акбар. Самандар и Зулкарнайн: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. - Санкт-Петербург. 2014. - С. 28.

⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. – М., 1973; его же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; его же. Очерки теории этноса. М., 1983; Ю. Рыбаков С. Е.

К сожалению, концепция «пришельцев иранского происхождения» излагается учеными работающими на «заказ», без признания устоявшихся в науке азбучных истин, которые установили авторитетные ориенталисты среди которых В. Бартольд, Е. Бертельс, А.А. Семенов, Б. Гафуров, А.М. Мандельштам, Ричард Фрай, А. Мирзоев, А. Турсон, И.В. Пьянков, Х.П. Пирумшоев и другие. Более того, Акбар Турсон, ссылаясь на известного тюрколога С.Г. Кляшторного, одного из исследователей этногенеза кыргызов констатирует, что «евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в VIII тыс. до н.э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках».¹

С.Г. Кляшторный выдвигает и далее обосновывает теорию происхождения монголоидного расового типа, считая, что «очаги первоначального формирования тюркских народов и языков неразрывно связаны с востоком Евразии».²

Выше изложенные материалы позволяют еще раз подчеркнуть актуальность данной темы, а на фоне различных точек зрения выкристаллизовать научно обоснованную концепцию происхождения, формирования и стабильного развития таджикского этноса.

Предлагаемая вниманию читателей монография «Этногенез и этническая история таджикского народа» принадлежит перу видных ученых Таджикистана и России. Монография является первой попыткой систематизации и анализа существующих материалов по этногенезу таджиков, что, в свою очередь, позволяет показать происхождение этноса-народа через выявление этнических и исторических корней.

Судьбы теории этноса. Памяти Ю. В. Бромлея. //Вопросы теории. 2001 г. ЭО, № 1.

¹ Кляшторный С. Г. Основные этапы политогенеза у древних кочевников Центральной Азии. // Проблемы политогенеза кыргызской государственности (Бишкек, 2003), - С. 116.

² Там же.

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных направлений в современной таджикской исторической науке является исследование этногенеза и этнической истории таджикского народа. В годы Советской власти процесс постановки и изучения проблемы этногенеза и этнической истории таджиков только начинался, благодаря патриотической деятельности Б. Гафурова, который писал, что «тысячелетняя история таджиков не нуждается в фольклоре и легендах, мы должны знать свою богатую историю опираясь на исторические источники». В результате, данная проблема стала актуальной для ученых-обществоведов, появились серьезные исследования по различным направлениям, что позволило в совокупности по новому взглянуть на этническую историю таджиков. В предисловии определены научные аспекты представленных материалов относящиеся к этногенезу таджиков, определена территория на которой с древнейшего периода формировался таджикский этнос, высвечена актуальность, ее значение не только для таджиков, но и для других народов Центральной Азии. При анализе проблем, лежащих в основе настоящего исследования авторы строго придерживаются принципа историзма.

В первой номинации, первой главы первого раздела, рассматриваются теоретические аспекты исследования этого вопроса, дается определение понятий «этноса» и «нация», обозначаются методологические подходы, позволяющие рассмотреть сложный и длительный процесс становления народа. Для этого необходимы глубокие научно-теоретические обобщения и поиск составляющих методологических подходов.

В работах видных ученых философов, историков, этнографов наблюдается стремление к общим понятиям этноса и нации, выдвигаются общие характеристики культуры, языка, территории, экономической жизни и т.д. Как известно, этногенез включает рассмотрение вопросов возникновения и развития ранних этнических общностей, этносов, народностей и наций. То есть, в классическом варианте эта модель включает в себя синтез примордиального метода, рационального инструментализма и социального конструктивизма. Каждый из этих методов должен использо-

ваться контекстуально в зависимости от того, что является объектом исследования. Если при анализе этноса приемлемым выступает метод примордиализма, то при анализе нации наиболее адекватным методом является социальный конструктивизм.

В этой же номинации представлена историография исследований этногенеза таджикского этноса. Изучение этногенеза основывается на методологических подходах и исследовательских методах. В свою очередь, исследования по всевозможным сторонам жизни этноса основываются на комплексном, междисциплинарном подходе. Таким образом, изучение этногенеза или происхождение народа невозможно без знания археологических культур, этнографии, антропологии, лингвистики, и т. д. В данной номинации дан анализ работ советских и отечественных исследователей, прежде всего, труды Б. Г. Гафурова, А.М. Мандельштама, Б.А.Литвинского, В.А.Ранова, Н.Н.Негматова, Э.Рахмона, Ю.Якубова и других, в которых рассмотрены вопросы этногенеза, определена важность исследования, по-новому интерпретируются новейшие археологические данные, сведения средневековых сочинений, а так же источников конца XIX в. Концепция этногенеза таджикского народа включает разработанные Б.Гафуровым положения, о том, что таджикский этнос стал развиваться на огромной территории Центральной Азии, с единым языком, хозяйственно-культурным типом (ХКТ) оседлых земледельцев со своей культурой и религией. Мандельштам А.М в своих работах выделяет исходные этнические компоненты, и считая их составляющими основу этноса таджиков, дополнительные этнические компоненты, которые включились в процесс сложения таджиков в период VI-X вв. Анализируя исследования известных ученых-археологов прийти к выводу о том, что они высвечивают историю древнейшего и древнего периодов, а так же показывают роль миграции для населения Центральной Азии. Велика роль историографии в изучении разных источников – собственно исторических, лингвистических, археологических, этнографических и антропологических и пр.

Во второй номинации этой главы приводятся материалы по проблеме периодизации этнической истории таджикского народа. Выделены основные этапы этногенеза и его периодизация. Весь имеющийся к настоящему времени накопленный гуманитарными науками материал позволил продолжить разработку концепции периодизации истории Центральной Азии в общем и обозначить периодизацию этнической истории таджиков, куда вошли не-

сколько решающих этапов. Данная периодизация основана на принципе исторической реальности (примордиальность) которая имеет пятитысячелетнюю историю (древнейший и древний период) таджиков. Предложенный подход выдвигает несколько этапов в порядке хронологического развития этноса.

Глава II посвящена поискам древних этнических показателей, и включает 4 номинации.

Первая номинация этой главы содержит анализ археологических источников, которые характеризуют этнические показатели древности для древнейшей, древней истории таджикского народа. Классифицируя исторические эпохи, авторы заключили, что каждая историческая эпоха обладает определёнными специфическими чертами, находящими своё выражение в различных формах материальной, социальной и духовной культуры общества. Изучение древних периодов истории основывается, главным образом, на всестороннем анализе археологических источников, что позволяет восстановить основные особенности развития народа в конкретных культурно-исторических условиях. Авторы выделяют следующие виды и критерии источников: археологические публикации, эпиграфические находки, петроглифы, письменные документы. На основе анализа этих источников появляется возможность дать характеристику культур тех или иных человеческих коллективов во времени и пространстве.

Вторая номинация посвящена самому древнейшему письменному памятнику истории Центральной Азии - «Авесте» - являющейся собрания священных текстов зороастризма, религии, которую исповедовали древние ираноязычные народы. Она отразила не только историю, но и культуру, мифологию иранских народов, в том числе таджиков. «Авеста» даёт представление по исторической географии региона, а также первые и очень важные сведения по этнической истории Центральной Азии середины и конца эпохи бронзы, которые в свою очередь тесно связаны с арийской проблемой. «Авеста» показывает, что Центральная Азия была ареной сложных этнических процессов и передвижений племен, и, очевидно, именно с этим временем связывается зарождение этнических образований, названия которых известны в этом древнейшем письменном источнике.

Третья номинация анализирует самые последние мнения ученых – авестологов о проблеме происхождения индоиранских народов, которая тесно связана с темой локализации авестийской «Арианам-Вайджа» – ро-

дины индоиранцев. Автор приводит трактовку этого термина и различные точки зрения по поводу ее локализации. Ходжаева Н.,- автор исследования, предлагает свою концепцию, которая поддерживается зарубежными учеными и ранее выдвинутая и обоснованная И.М. Дьяконовым и Б.Г. Гафуровым.

Четвертая номинация поднимает вопросы, которые высвечивают аспекты касающиеся географических границ авестийской «Арианам-Вайджа», на основе естественных границ, выраженных горами и реками. Известно, что в древности моря, озера, реки и горы были естественными границами различных государственных образований. Сведения о горах Хара Бэрэзаити или Тянь-Шаня – Памир – Гиндукуша имеются во многих частях «Авесты». В данном случае горы Хара Бэрэзаити являются наглядным примером естественной восточной границы «Арианам-Вайджа». Анализ «Авесты» показал, что в период ее устного сложения (вторая половина II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.), древние иранцы уже заселили Центральную Азию, которая в этот период называлась «Арианам-Вайджа», а предки таджиков – бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, парфяне, тохары, сакские племена и другие жили на территории «Арианам-Вайджа» как конгломерат арийских племен. Обращаясь к локализации «Арианам-Вайджа», автор считает, что это территория Центральной Азии с ее горами и реками.

Первая номинация третьей главы посвящена характеристике средневековых письменных источников в которых имеются материалы по этногенезу таджиков. Анализ этих материалов показывает, что предки таджиков – согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, тохары, саки и массагеты с древнейших времен жили на территории Мавераннахра и Хорасана. В этом разделе приводится этноним «таджик» в разных вариантах: – как «таджик», «тозик», «тожик», «тозак». В более древних текстах и арабоязычных письменных источниках использовался также термин «дехкан» и «озода», которые в целом означали ираноязычные народы, в частности «таджик». Дается интерпретация этого понятия, приводятся данные таджикского писателя и ученого С. Айни.

Вторая номинация этой главы представлена этнографическими сведениями о таджиках IX – XVIII вв. Это историческое время было заметным в истории таджиков. Период IX-X вв. был временем сложения и упрочения таджикской государственности – государство Тохиридов, Саффаринов и

Саманидов, при которых произошел расцвет хозяйственной жизни, была создана благоприятная почва для развития науки и культуры. Материалы представлены по двум группам. Первая группа – местные историки, хронисты и государственные деятели. Ко второй группе относятся арабские авторы, чьи сочинения в значительной степени имели обобщающий характер.

Глава четвертая представлена двумя номинациями и посвящена теме - «Таджики в русской и западноевропейской историографии».

Первая номинация посвящена теме «Этнические особенности таджиков, как маркеры идентичности. Здесь изложены этнические особенности таджиков.

На фоне хорошо известных исторических данных сделан сопоставительный анализ доступной информации имеющиеся в сочинениях позднесредневековых местных историков с результатами наблюдения русских и европейских исследователей, посетивших Среднюю Азию до середины XIX в., Результаты научных изысканий русских ученых-востоковедов, произведенных после присоединения края к России, привели их к выводу о том, что таджики, принадлежащие к иранской группе арийских народов, являлись самым древним (автохтонным) оседло-земледельческим населением Центральной Азии. Это мнение красной нитью проходит через труды почти у всех исследователей согласно наблюдениям которых таджики выделяются этническими и антропологическими особенностями среди других народов региона Центральной Азии. Они преимущественно занимаются сельским хозяйством. Таджик в отличие от других обладает коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Таджики значительно менее смуглы, чем персы и черноволосы. Авторы исследований отмечают, что таджики живя среди труднодоступных гор сохранили в чистом виде свой язык и древние обычаи. Женщины ходят с открытыми лицами и среди них встречается много красивых с правильными чертами лица. Согласно источникам, таджики хорошо сложены, их отличают густые черные бороды; по характеру - это веселые, остроумные деятельные люди, они доброжелательны, радушные, смелые, гостеприимные, трудолюбивые, любят роскошь и торжественность обрядов.

Русские исследователи особо отмечают стойкость, чистоты нравов среди горных таджиков, у них не встречается воровства, скот пасется без присмотра, сакли не запираются и преступность среди них сравни-

тельно ничтожна. Подобные примеры, свидетельствуют о сохранение таджиками свои сложившиеся веками традиции .

Во второй номинации для характеристики исторических этапов в этнической истории таджиков привлечены труды зарубежных исследователей. Дан объективный анализ историографии научной литературы в основном на западноевропейских языках, которая была посвящена формированию таджикского этноса. Представлен огромный материал по локализации авестийской «Арианам-Вайджа», даны различные точки зрения среди них, Э. Бенвениста, К.Риттера, английского ученого М. Миллера, Г. Ньюли. Все исследователи определяют прародину арийцев – «Арианам-Вайджа» на территории Центральной Азии на основе анализа текстов Авесты и пехлевийских источников.

Раздел второй посвящен истории сложения таджикского этноса и включает одну главу из семи номинаций. Глава первая анализирует проблемы древнейших предков таджикского народа, показывает индоевропейские истоки сложения индоиранской общности в Центральной Азии .

Первая номинация на примере развития культур каменного века позволила по- новому взглянуть на заключительную стадию развития, т.н. «неолитическую революцию» и показать новые социально-экономические особенности древнего общества, определить производительные силы и новый статус производящего хозяйства. В социальной сфере пройден путь преобразования небольшого бродячего первобытного стада в позднеродовую общину. Духовная сфера отмечена возникновением и развитием на протяжении огромного периода, языка, искусства, религии. Бытовая – преклонению огню, устройством жилищ, началом использования одежды, возникновением гончарного дела и т.д. В общем, каменный век ознаменовался появлением и совершенствованием, как самого человека, так и всего того, что его окружало.

Приход племен эпохи бронзы не означал ассимиляции ими аборигенного населения, которого, естественно, было значительно больше, чем мигрантов. Причем их фильтрация на новые места была растянута во времени (середина III – конец II тыс. до н.э.) и территориально (от севера евро-азии до юга Таджикистана), и не носила массового прямолинейного характера. Синтез этих двух групп населения, генезис которых восходит к одному антропологическому корню, создал ту базу, которая положила начало формированию генотипа бактрийцев и согдийцев, непосредственных предков таджикского народа.

Вторая номинация рассматривает важный период для этногенеза таджиков – это период неолитической гиссарской культуры, (шестое – второе тысячелетие до н.э.). Вопрос о роли гиссарской культуры на ранних этапах этногенеза таджиков подробно в советской исторической науке не рассматривался. Но археологические данные, полученные в результате полувекового изучения памятников этого времени, дают уже контуры компонентов понятия этноса. Хотя считается, что этногенез таджиков можно начинать с появления на территории Центральной Азии племен степной бронзы (второе тысячелетие до н.э.), которые принесли пратоиранский язык в его ранней форме. Некоторые ученые констатируют факт существования этнических общностей эпохи неолита с важнейшими признаками этноса – формируется один из признаков этноса – язык, на базе которого возникает общее этническое самосознание и представление об общем происхождении на определенной территории, имеющей социально-экономическое единство, религию и зачатки обрядовой практики. В монографии выдвигается тезис о самых древних языках населения джейтунской, кельтиминарской и гиссарской культур, который утверждает, что в основном в неолите население говорило на дравидском языке, в то время как гиссарцы разговаривали на языке бурушаски. Ученые выдвинули тезис о том, что именно в это время формировалась семья, род, община. С производящим хозяйством развивались новые социально-экономические отношения, и хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев. Все эти признаки этничности позволяют выдвигать тезис о начале идентичности оседлых земледельцев.

Третья номинация рассматривает время появления и распространения древнеземледельческих культур в эпоху неолита и палеометалла.

Поселение Саразм уже во второй половине IV тыс. до н.э. – в эпоху энеолита – было древнеземледельческим центром, развитие которого продолжалось и в эпоху бронзы.

Последовательно описаны, систематизированы находки керамики, металлические, каменные и ювелирные изделия и сопоставлены с материалами синхронных памятников Средней Азии, Ирана и Белуджистана, были определены четыре археологических горизонта развития культуры Саразма.

Многие исследователи считают, что Саразм был не только оседло-земледельческим поселением, но и крупным центром металлургии и металлообработки, и что именно эта производственная специализация обусловила

широкие контакты его населения в эпоху энеолита и бронзы. Это означает, что Саразм обладал признаками развитой цивилизации. Будучи периферийным по месту расположения, этот памятник был создан народом, осуществлявшим активные торговые и посреднические связи между регионами обширной территории. По существу, Саразм является той колыбелью, с которой началась и сложилась древнейшая согдийская цивилизация.

Четвертая номинация по памятникам бронзового века древнего Согда включает многочисленные, хотя и разрозненные, сведения греческих, римских, персидских и китайских источников о Согде и согдийцах, отражая важную и зачастую ключевую роль этой области в процессах этногенеза и культурирования всего региона. Анализ многочисленных первобытных стоянок и поселений, а также блестящие достижения средневековой культуры в долинах Зарафшана и Кашкадарьи косвенно, свидетельствуют о мощном культурном потенциале древней Согдианы. Приводятся дошедшие до нашего времени письменные источники о территориях арийских народов, – это Авеста, как важный историко-географический источник об ариоиранских территориях. Среди 16 наименований земель и стран второй названа «Гава Сугда шайанам», и располагалась она между речье Сырдарьи и Амударьи с протекающей вдоль них рекой Зарафшон.

Дается анализ открытых археологических памятников начиная с мезолитических стоянок сазаганской культуры, а так же характеристика территорий по которой течет река Зарафшон.

Таким образом, подтверждается выдвинутая ранее гипотеза, что на территории древнего Согда мирно сосуществовали племена пастушеских номинаций сазаганской культуры, охотников и рыболовов кельтеминарской культуры, раннеземледельческих племен анауской культуры, племен охотников, скотоводов и отчасти земледельцев гиссарской культуры и местных земледельцев, скотоводов, металлургов и ремесленников саразмской культуры. Союз этих пяти племен составил основу будущей согдийской цивилизации. Но важно также отметить существование особой культуры памятников Кайраккумского типа, которые приходятся на самую северную окраину согдийских просторов.

Рассматривая эпоху бронзы на территории Таджикистана во времени и пространстве, видными археологами была определена особая кайраккумская культура (период II-I тыс. до н.э). Сделан вывод, что основным занятием населения кайраккумской культуры было скотоводство и земледе-

лие. На поселениях были найдены каменные зернотерки и терочники. Население также знало прядение, ткачество и горное дело – занималось бронзолитейным производством.

Большое внимание уделено вопросам формирования оседло-земледельческой культуры на территории Согда, выделены отдельные её элементы, на основе которых сложилась древнесогдийская цивилизация.

Таким образом, самая ранняя практика земледелия была зафиксирована в бассейнах Амударьи, Сырдарьи, Зарафшона, в дельтовых зонах больших и малых рек и их притоков Мургаба, Теджена, Герируда, Хильменда, Сурхандарьи, Вахша, Кафирнигана, целого ряда южных притоков Пянджа, рек, стекающих со склонов Кабутака (Копетдаг), Гиндукуша, Припамирья и других гор.

В пятой номинации проведен анализ памятников эпохи бронзы Южного Таджикистана. Анализ археологических исследований памятников юга Таджикистана позволяет проследить общую картину последовательности археологических культур от неолита до раннего железного века. Неолитические памятники представлены здесь гиссарской культурой. Границы их распространения имеют четкие грани – между Дарвазом на востоке и Сурхандарьей на западе; Гиссарским хребтом – на севере и Северным Афганистаном на юге в районе распространения лессов. Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы этого времени предлагаются различные названия, зафиксированные в работах исследователей – культура Намазга, культура Окса, сапаллинская культура, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК). Новейшие археологические материалы могильников Фархора, Гелота, Дарнайчи позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в конце III-начале II тыс. до н.э.

Таким образом, археологические материалы Северной Бактрии от эпохи ранней бронзы до раннего железного века, являются важнейшим источником для реконструкции этнической истории Южного Таджикистана и Средней Азии в целом.

Шестая номинация показывает процессы заселения Памира, которое происходило за счет медленного проникновения отдельных этнических групп, как с северо-востока из Ферганы, так и с запада – из Афганистана и Юга Таджикистана это подтверждают материалы с могильника Южбок I. Археологические и антропологические сведения указывают, что проис-

хождение и процесс сложения населения Памира шел параллельно с Южными районами Таджикистана и другими прилегающими областями, находящимися к западу от него и составившими впоследствии древнюю Бактрию. В нем участвовали два компонента. Один, это основная группа земледельческого среднеазиатского населения эпохи бронзы и второй – это степные андроновские племена.

Известно, что памирские языки восходят к древним диалектам восточно-иранской группы. Исследования их исторической фонетики и морфологии показали, что они продолжают не единые, а разные восточноиранские диалекты, а их структурное сходство объясняется процессами вторичной конвергенции и единообразному воздействию на них со стороны других языков.

В работе дается понимание термина «саки» в исторической науке. Предлагаются доступные науке данные о саках и их толкования этих данных следует, что слово «саки» в древности употреблялось в двух значениях – узком и широком. «Саки» в первом значении – это племена, обитавшие на территории от Семиречья на севере до Гиндукуша на юге. Существует мнение ученых, по-которому в VII-II вв. до н.э. на Восточном Памире обитали саки, ираноязычный народ, живший в то время в степях и горах Средней Азии и родственный европейским савроматам и скифам

Таким образом, население Памира полностью сформировалось к концу первого тысячелетия до н.э. из конгломерата индоиранских народов, мигрировавших сюда со стороны Афганистана и Южного Таджикистана и равнин Центральной Азии.

Седьмая, заключительная номинация второго раздела первой главы, излагает материал об антропологических данных, имеющих отношение к проблеме этногенеза. Проведен анализ по антропологическим материалам, который дал ценную информацию для понимания путей сложения таджиков во временном и территориальном пространстве. Тем более, что современные государственные границы здесь имеют мало общего с панорамой антропологического покрова.

Таким образом, мезолитическая, неолитическая и раннеэнеолитическая эпохи население среднеазиатского региона на три подразделения европеоидной расы:

1) на юго-западе, прежде всего в южных областях современного Туркменистана. По общим характеристикам, этот тип близок суммарным дан-

ным черепов энеолита и бронзы с территории Индии и Ирана и наиболее – к серии черепов Ирана III-II тыс. до н.э. из раскопок в Тепе Гиссар II, отличаясь большей грацильностью черепов и рядом других особенностей.

2) на юго-востоке, в южных областях современных Таджикистана и Узбекистана вплоть до долины Зарафшона. Присутствует долихокраний, узко-высоколицый антропологический вариант, что может говорить о давности проживания этого типа в зоне предгорий Памиро-Алая.

3) в северных, преимущественно степных областях Средней Азии население характеризуется значительно большей массивностью, существенно более низким, чем в южных земледельческих районах, лицом с невысокими орбитами и несколько более слабой чем в южных районах, горизонтальной профилировкой. Исследователи материала отмечают, что этот тип сочетает в себе особенности протоевропейского и средиземноморского типов.

Здесь же нельзя не подчеркнуть, что такие области, как степные районы севернее Туркестанского хребта и междуречья Аму – и Сырдарьи, уже в неолите являлись зонами контактов нескольких вышеперечисленных антропологических вариантов.

Показан антропологический материал в хронологическом срезе. Выделены периоды – от эпохи бронзы до железного века, с периода античности до рубежа нашей эры, раннее средневековье до развитого позднего средневековья и современности, и даны антропологические характеристики этих периодов.

Как следствие постоянных контактов, имевших место начиная уже с раннего железного века между земледельческим и скотоводческим населением, особо активно протекавших в сельской местности, на равнинах Мавераннахра и Хорасана начинает складываться европеоидный вариант, но его более четкое оформление можно связать с эпохой раннего средневековья. В последующем в его состав, благодаря контактам с поздними кочевниками и завоевателями, включилась небольшая монголоидная примесь. Именно такой вариант можно назвать типом Среднеазиатского междуречья.

В XX в. население переселялось уже с учетом развития промышленности региона. Создавалась та пестрая этническая мозаика, которая характерна для настоящего времени. Антропологический состав современных таджиков, как и других народов Средней Азии, изучен достаточно по-

дробно, но не в полной мере. Приводятся особенности антропологического облика таджиков, в первую очередь, горных и памирских в частности, на фоне других народов, населяющих среднеазиатский регион и предлагаются три точки зрения на их положение среди европеоидных антропологических типов мира.

Раздел третий посвящен этническим процессам, включает три главы, и 9 номинаций. Глава первая этого раздела отражает процессы сложения таджикского этноса в I–VIII вв. н.э.

Первая номинация первой главы – синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма, показала систему древних верований на огромной территории Центральной Азии, которая включала в себя как дозороастрийские, зороастрийские, так и эллинистические религиозные представления, восходящие к индоиранским. Сложная картина этих религиозных представлений воссоздается сегодня не только по письменным античным и зороастрийским источникам («Авесте», пехлевийской литературе), но и по эпиграфическому, археологическому и этнографическому материалу. Особую роль при этом играют исследования археологических памятников бактрийцев, согдийцев, парфян и других народов Центральной Азии, которые дают нам данные о духовной жизни таджиков. Одним из наиболее изученных археологических памятников второй половины I тыс. до н.э. и начала I тыс. н.э. на территории Таджикистана является городище Тахти Сангин с храмом Окса, обнаруженное на правом берегу реки Амударья (древнегреческое название – Окс) в Кубадиенском районе Хатлонской области, которая входила в древности в состав Бактрии.

Таким образом, исследования многих объектов и находок из храма Окса показали, что древние дозороастрийские верования предков таджиков сильно повлияли на формирование духовного мировоззрения современных таджиков. Таджикский народ смог пройти исторические этапы не разрушив, а сохранив свои духовные традиции, которые являются на сегодняшний день уникальным наследием его древнего прошлого.

Вторая номинация первой главы представляет анализ этнических процессов в I–III вв. На фоне этих материалов рассмотрен вопрос формирования этнической общности таджиков.

Рассматривается этническая история таджиков в I–III в. на фоне политической истории, в которой преобладала борьба за власть греко-бактрийских, парфянских, селевкидских царей. Особое внимание обра-

щено на оседлые этнические общности и на пришлые племена, среди которых выделены большие юэчжи, саки и усуни, которые вели постоянную войну и неоднократно вторгались в пределы Средней Азии, в том числе в Бактрию и Парфию. В завоевании Бактрии участвовали пришедшие с правого берега Сырдарьи асии, пасианы, тохары и сакарауки. Бактрию завоевали скифские племена сакарауков и асианов. Кушанское царство образовалось к I в. н.э., что привело к стабильности и развитию экономики и культуры. Основой экономики было сельское хозяйство.

В конце IV в.н.э. империя пала под ударами Сасанидов и распалась на несколько относительно самостоятельных владений. Дана характеристика оседлого и кочевого населения. Характеризуя оседлое население, которое дается по материалам раскопок на Тупхоне, считается что это население имеет компоненты основного населения Центральной Азии. Это доказывалось, так же исследованиями, проведенные В.В. Гинзбургом, который пишет, что «Основное население относилось к брахикранному европеоидному расовому типу (тип Среднеазиатского междуречья) и в расовом отношении было совершенно сходно с населением соседней Согдианы. По всей видимости, население обеих стран было в значительной степени родственным». В.В. Гинзбург отнёс население страны в кушанский период к европеоидной расе со значительным преобладанием типа Среднеазиатского междуречья.

Характеристику кочевого населения Средней Азии дают курганные могильники, которые изучены в Северной Бактрии. А.М. Мандельштам, Т.П. Кияткина, Т.К. Ходжайов, С.И. Мустафакулов посвятили специальные исследования антропологическому составу населения Бактрии кушанского периода. По их мнению, состав населения в это время был неравномерный и их относят к дополнительным компонентам в процессе формирования таджиков.

Таким образом, суммируя все материалы относительно этногенетических процессов, протекавших в регионах Средней Азии в кушанский период, делаются следующие выводы: в результате взаимосвязей оседлого и пришлого населения начала формироваться раса Среднеазиатского междуречья. Сельское население в этом процессе не играло активной роли и сохранило древний расовый тип. Что же касается Бактрии – ядра Кушанского царства, то её коснулись те же тенденции. Проникновение монголоидов в её пределы «решающего значения... не имело, и основной расо-

вый тип оставался тем же – европеоидный, мезо-брахикранный со средними размерами и средними указателями мозгового и лицевого отдела, тип Среднеазиатского междуречья».

Третья номинация этой главы характеризует таджиков в раннем средневековье т.е. в IV-VIII вв.. Политико-административные изменения, происходившие в Средней Азии, совпали с активными этническими передвижениями, вызванными великим переселением народов, повлиявшим на этногенетические процессы в регионе. Представляется, что накопленный археологический материал может быть соотнесён как с коренным населением Среднеазиатского междуречья, так и с пришлым населением, к которому исследователи относят хионитов, кидаритов, эфталитов, тюрок.

Суммируя данные источников, предполагается, что на территории Средней Азии (Тохаристана, Согда), как в сельской местности, так и в городах жило преимущественно европеоидное население. Между коренным и пришлым населением существовала хозяйственная интеграция. В свою очередь, культурные связи между государствами Средней Азии, активно развивались между Тохаристаном и Согдом. Процессы формирования таджикского народа заняли огромный период времени и только к X в. завершилось сложение таджиков в единый этнос, параллельно шел процесс формирования таджикского языка фарси-дари. Процесс распространения таджикского языка в Мавераннахре и замены им согдийского, тохаристанского, хорезмийского, ферганского, сакского языков был долгим и неравномерным. Уже к IX-X вв. основная часть населения крупных городов Мавераннахра, особенно Бухары, Самарканда, Худжанда, Ахсиката, Хульбука и ряда других перешла на язык парси (фарси)-дари. Этому способствовали создание государства Саманидов с таджикским языком делопроизводства, возрождение иранских традиций культуры, развитие художественной литературы и науки на таджикском языке. На языке парси-дари в VIII-X вв. создается персидско-таджикская классическая литература (Рудаки, Дакики, Фирдавси и др.), наука (Абуали ибн Сино Абурейхан Беруни и другие.), на базе которых формируется таджикский (парси-дари) литературный язык.

Этап территориально-хронологического процесса сложения таджикского народа полностью связан с государством Саманидов (819-999 гг.). Эпоха Саманидов характеризуется развитием производительных сил, существенными сдвигами в социальной структуре общества и в его этно-

культурном развитии: в этот период полностью победили феодальные отношения, завершился процесс формирования таджикского народа, оформилась его государственность, развивались материальная и духовная культура таджикского народа. Это было время сложения среднеазиатского средневекового города с его довольно сложной социально-экономической и социально-культурной структурой.

Вопросы этапов этногенеза и формирования этнической общности таджиков рассматривают в пределах государства Саманидов, куда включены все определяющие признаки народа: общность языка, территории и культуры, сочетающиеся с наличием определенных экономических связей. Наметившаяся еще раньше территориальная, языковая и культурная общность раннесредневековых народностей в новых условиях государственной независимости Саманидов резко усилила стремление общества к объединению. Основными этническими компонентами таджикского народа стали ираноязычные согдийцы (долина Зарафшана, Кашкадарьинский оазис, бассейн Средней Сырдарьи), бактрийцы и тохары (бассейн Верхней и Средней Амударьи), маргианцы и парфяне (бассейн Мургаба, Северное и Южное Прикопетдагье и Хорасанские горы), хорезмийцы (бассейн Нижней Амударьи), ферганцы (Ферганская долина), а также ряд сакских племен среднеазиатских степей и горных районов Тянь-Шаня, Алая и Памира. Все эти народы говорили на родственных с таджикским древнеиранских языках, вели оседлый, преимущественно земледельческий образ жизни (за исключением саков-скотоводов).

В разные периоды формирования таджикского народа в этом процессе, кроме названных народов, участвовали и другие этнические группы, в частности: хиониты-эфталиты и тюрки, проникавшие в IV-VIII вв. на территорию сложения таджиков.

Следует также учитывать одно важное обстоятельство: этнографические наблюдения показывают, что оседание тюркоязычных кочевников, как правило, происходит компактными группами, которые устойчиво сохраняют свою изолированность от окружающего иноязычного населения. Это явление свидетельствует об ограниченности слияния оседавших тюрков с коренным ираноязычным населением. Поэтому роль тюркских племен в сложении таджикского народа, во всяком случае до X в., была невелика и существенного дополнительного компонента они не составили.

Четвертая номинация, заключающая первую главу предоставила материал по истории и интерпретации этнонима «таджик». Этот вопрос

всегда был в центре внимания не только у таджикских интеллектуалов, но и у наших соседей-оппонентов. По этому вопросу существует множество гипотез, в некоторых случаях противоречащих друг другу, основанных как на материалах древних, средневековых письменных источников, так и отдельных исследованиях таджикских, российских и зарубежных ученых.

В «Авесте», встречаются названия историко-культурных областей и упоминаются арии, туры, саэна, даха, которые обитали в центрально-азиатском регионе. Эти этнические общности вошли как первоначальный этнический компонент в процесс складывания и формирования таджикского народа. Согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы, имея свои этнотерриториальные этнонимы, в то же время идентифицировали себя как таджики от слова Тој – тодж – венценосный, коронованный. Касаясь этнонима «таджик», исследователи приводят новые эпиграфические данные, которые доказывают, что этноним «таджик» существовал до прихода арабов в Среднюю Азию.

Глава вторая состоит из двух номинаций включает два очень важных аспекта этногенеза таджиков. Исследования древних и средневековых языков Центральной Азии показали совершенно новый материал, который показал историю сложения и развитие таджикского языка.

В первой номинации материалы, освещающие древние и средневековые языки Центральной Азии показывают, что наиболее значительными из языковых групп являются иранские языки индоевропейской семьи, к которым относится и таджикский. Приводятся гипотезы по происхождению языка древнего населения Центральной Азии. Сделана попытка выявления их общего языка-предка. Метод лингвистической реконструкции – примерно до двух тысяч лет и ранее, старейших письменных памятников – в данном случае вполне надежен для исследования.

Развивая идею о носителях индоевропейских языков, ученые-лингвисты выдвинули гипотезу, согласно которой это были народы андроновской археологической общности. Андроновцы, ранние кочевники степного пояса Евразии, мигрировали в Среднюю Азию (могильники имеются и на территории Таджикистана), а оттуда – далее на юг. Поддерживается мнение многих ученых о том, что у предков индоиранских народов было общее этническое самоназвание: *агуа-. Этимология этого термина не выяснена, однако известно, что он одинаково использовался древними индийцами и иранцами и не применялся представителями других индоевропейских

групп. Исходя из этого, сделан вывод о том, что вполне возможно называть индоиранские народы, включая сюда, разумеется, и таджиков, термином арья, арии, арийцы. В Индии этот этноним дал термин *ārya* – «благородный», в то время как в древнем Иране выражение **airiānām xšaθra* – «страна ариев» развилось в среднеперсидское *Ērān šahr*, откуда современное персидское *Irān*, таджикское Эрон. В процессе анализа существующей литературы было выявлено, что общеарийский язык существовал, по видимому, в III или начале II тыс. до н.э. Такое мнение вполне объективно и принято многими учеными занимающиеся арийской проблемой.

Вторая номинация второй главы представила материал об истории сложения и развития таджикского языка. Приводятся официальные данные языка, который входит в иранскую группу индоевропейских языков. Язык распространён в Таджикистане, Узбекистане, Афганистане, Кыргызстане, Иране, Пакистане, Индии, Китае (Синьцзян Уйгурском автономном районе). Таджикский язык приобрел статус литературного языка, начиная с IX в. Уже в эпоху Саманидов (IX-X вв.) появляется научная и художественная литература на таджикском языке. Историю таджикского языка, как утверждает автор, (как и других иранских языков), разделяют на три этапа:

1-ый этап – древний период (с периода выделения иранских языков в самостоятельную группу языков по IV-III вв. до н. эры). Предшественниками таджикского языка с этого периода развития иранских языков являются авестийские и древнеперсидские языки;

2-ой этап – средний период (с IV-III вв. до н.э. по VIII-IX вв. н.э.), предшественниками таджикского языка являются языки среднеиранской языковой эпохи, - к примеру парфянские, среднеперсидские, бактрийские, согдийские и хорезмийские языки, хотя некоторые из них (бактрийский, хорезмийский и согдийский) представляли группы восточноиранских языков;

3 этап – новоиранская языковая эпоха (с VIII-IX вв. н. э. по настоящее время). Этот период развития иранских языков включает в себя более 40 языков и диалектов. Таджикский язык вместе с персидским, дари, курдским, белуджским и другими входит в состав западной группы иранских языков.

На этом этапе, в зависимости от общественно-политической обстановки и приведения норм таджикского языка в соответствие с политическим курсом советского государства, в сфере реформы языка происходили

важные события, которые сильно повлияли на перспективы его развития. Здесь можно назвать перевод арабизированного алфавита таджикского языка на латиницу, а затем на кириллицу.

После обретения Республикой Таджикистан национальной независимости, таджикский язык в качестве государственного получил статус официального в политических, социально-экономических сферах, широко стал использоваться в делопроизводстве, законотворчестве, науке и образовании, культуре, внутренних и внешних связях страны.

Глава III включает духовную культуру.

В первой номинация представлен материал, оглавленный «Зороастризм в древней истории таджиков». Сведения о древнейших религиозных верованиях таджиков до времени возникновения письменной традиции крайне фрагментарны, что даёт широкий простор для интерпретации археологических материалов. Ценность археологических источников заключается в том, что только на их основе возможно проследить наиболее ранние стадии формирования древних верований.

Одной из самых древних мировых религий является зороастризм, который впервые в истории объединил разные племена и народы Ирана и Центральной Азии. Возникнув и сложившись в среде индоарийских племён, эта религия отражает восприятие, мировоззрение и духовную культуру народов Центральной Азии. Священной книгой зороастризма является Авеста. Авторы на примере зороастрийской религии предлагают рассмотреть духовную культуру с привлечением археологических материалов.

Зороастризм, несмотря на реформаторский стиль формирования её основы, сложился в центре индоиранской религиозной системы, которая сформировала авестийскую этническую общность.

Авестийское общество арийских народов, «Прародину ариев» помещают в самые различные области – от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границу Индии. Особенно популярна в науке теория среднеазиатского происхождения ариев. Её многочисленные сторонники считают, что именно Средняя Азия была местом сложения арийских племен, их цивилизации, духовной культуры, эпоса.

На основании всех этих данных сделано справедливое заключение о том, что в определенный период истории предки древних иранцев и древних индийцев составляли единое целое, жили на одной территории и говорили на одном и том же языке, составляя индоиранскую (или арийскую) этническую общность

Приводятся данные археологических материалов, которые во многом уточняют сведения письменных источников и отражают бытовавшие на территории Центральной Азии древние религиозные представления и культовую обрядность. В археологическом материале Согда, Бактрии-Тохаристана, Ферганы отразился мощный пласт религиозных представлений древнего населения. Они свидетельствуют, что зороастризм в качестве одной из самых крупных религиозных систем среднеазиатского региона играл важную роль в общественной жизни, охватывал все сферы жизнедеятельности древнего населения. Спецификой среднеазиатского зороастризма стало его тесное переплетение с местными локальными верованиями, прежде всего с культом умирающих и воскресающих божеств природы (Сиявуша), урожая, растительности, воды. Яркой чертой среднеазиатского зороастризма был погребальный обряд, что делало его одним из устойчивых элементов традиционной культуры. Наличие же архаичных элементов, нередко восходящих к глубокой древности, придали обряду специфические черты.

Вторая номинация представляет зороастризм в контексте мировой цивилизации.

Анализируя существующий материал автор заключает, что из всех ранних религий наибольшее влияние на мировую цивилизацию и особенно на индоарийские и семитские религии оказал зороастризм. По словам известной исследовательницы Мэри Бойс, зороастризм «оказал на человечество, прямо или косвенно, большее влияние, чем какая-либо другая вера». Существующие проблемы этого вопроса просматриваются на уровне времени и пространства, рассматриваются вопросы возникновения и родины зороастрийской религии. Поставлен вопрос о степени влияния ирано-арийской религии на семитские религии. Исследования по проблемам религий позволили провести периодизацию процесса взаимовлияния двух цивилизаций в ходе их исторического развития.

Согласно проведенным ранее исследованиям, сложилась точка зрения, что на формирование зороастризма существенное влияние оказали вавилонские и иудейские верования. Автор считает, что это ошибочное мнение, потому что сегодня на основе сравнительного исследования древней части Горы и Авесты можно уверенно констатировать, что в Авесте (особенно в ее ранней части – Гатах) нет ничего, что можно считать заимствованием из Ветхого Завета. Не могло быть заимствования хотя бы в силу того, что Аве-

ста появилась не на юго-западе Ирана, а в восточной его части. Учеными высказывается мнение о том, что даже на ранних порах существования Ахеменидского государства зороастризм не был еще распространен в юго-западной части Ирана и не стал здесь господствующей религией. Влияние иудаизма на Авесту на рубеже 2 тыс. было невозможным, и потому, что самая древняя часть Ветхого Завета – Тора – датируется X в. до н.э. и в ней отсутствуют какие-либо общие положения с зороастризмом.

Далее приводятся доводы по которым в генезисе иудаизма и зороастризма, а также в решении ими основных вопросов теологии нет ничего общего. Генетически это совершенно разные религии, представляющие две различные формы цивилизации. Общность же между ними появляется позднее, и она имеет вторичный характер. Иначе обстоит дело с христианством и исламом. Общность между зороастризмом, христианством и исламом, в отличие от иудаизма, является генетической, т.е. изначальной. Согласно позиции историко-сравнительного религиоведения, независимо от различных выводов о времени возникновения зороастризма и его распространении, религия Заратуштры занимали важное место в истории религиозно-философских систем древнего мира. В тот период не было больше такой религии, сфера влияния которой была бы столь обширной. Зороастрийские идеи о монотеизме, о происхождении зла и его месте в мире, о назначении человека в мировых и вселенских процессах, посмертном воздаянии и т.д. оказали огромное влияние на историю культуры других народов и их верования, в том числе и на иудаизм, и на его секты, на христианство и гностицизм, буддизм (и его секты – Махаяна), на ряд воззрений античных философов, и уж тем более на религиозные течения, возникшие на общей идейной почве самого зороастризма – на манихейство и маздакизм.

Особое внимание уделено определению причин принятия ислама и активного участия иранских народов в его развитии. В заключении говорится, что основные положения теологических учений ислама не были чужды народам, они нашли в исламе возвышенные идеи и идеалы раннего зороастризма, но в более развитом и очищенном виде. То, что принес Пророк Мухаммад, было более знакомо иранским народам, чем арабам.

Третья номинация открывает тему «ислам в контексте духовной культуры таджиков.»

Как известно, таджикский народ и их этнические предки, такие как согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, тахаристанцы, ферганцы и другие

группы в своей истории исповедовали различные религиозно-идейные верования. Характерным для начальных этапов исламской культуры у таджиков, является то, что шла конкуренция и взаимодействие местной домусульманской и мусульманской культур. Таким образом, в процессе взаимодействия двух начал – местной домусульманской и мусульманской культур – образовалась и развивалась таджикская культура, духовная жизнь таджикского народа. Материалы исследований позволили выделить начальный этап исламизации Средней Азии, который сопровождался постоянными насилиями и грабежами со стороны арабских завоевателей. Насильственная исламизация народов Средней Азии не является в этом регионе главным и особого успеха тоже не имела. Распространение ислама среди этих народностей приобрело массовый и естественный характер только после ухода арабских завоевателей, при представительстве местных династий Тахиридов и Саманидов. Они сами раньше всех почувствовали интегрирующие возможности новой религии и начали их внедрять и использовать в своей социо-культурной и государственной политике. Распространение ислама среди народностей Центральной Азии и Ирана, в том числе таджиков, имело развитие потому, что в исламе были какие-то общие положения с ранним зороастризмом, и они в историческом сознании не были им чужды. Исследования подтверждают, что хотя арабы одержали военно-политическую победу, они не смогли противостоять культурной экспансии народов Ирана, среднеазиатских народов, в том числе таджиков. Они во многих отношениях, особенно в вопросах государственного управления, делопроизводства и т.п., подверглись мощному влиянию этой древней цивилизации. Большой заслугой является то, что таджики, в отличие от других древних цивилизаций, которые утонули в «волнах» арабской культуры, растворившись в ней, смогли сохранить свою самобытность, свой язык, национальный облик и характер. Многие другие народы, например египтяне, ассирийцы, шумеры, вавилонцы и другие после арабского завоевания и принятия ислама не смогли, как иранцы и среднеазиатские народы, сохранить свою идентичность и культурную самобытность внутри ислама и подняться на более высокую ступень развития. Таджикский народ внёс свою определённую лепту в развитие общемусульманской культуры в этом периоде, который с полным основанием называют периодом мусульманского Ренессанса.

В Таджикистане большая часть населения ГБАО – мусульмане-исмаилиты шиитского толка. На Западном Памире проживают – шугнан-

цы, рушанцы, ваханцы, барджувцы, баргтангцы, сарыкольцы, ишкашимцы (к.Рын) – все исповедуют исмаилизм шиитского толка. Так же, на Западном Памире проживают таджики Дарваза и Ванджа, язгулемцы, которые являются мусульманами-суннитами. Памирцы принадлежат к низаритской ветви исмаилизма, возникновение которой связано с проповедью Хасана ас-Саббаха (ум. 1124). Между низаритами Бадахшана и другими низаритскими общинами, которые существуют в Афганистане, Индии, Пакистане, Сирии, Египте и Кении, не существует принципиальных различий в вопросах догматики и основ вероучения. В большей степени они проявляются в сфере народной религиозности, для которой характерно сильное влияние локальных верований, религиозных и магических практик. Процесс исламизации Бадахшана связывается с именем Насир-и Хусрава. Обращение населения Западного Памира в ислам представляет собой растянувшийся на несколько веков процесс смены религиозных ценностей и религиозной идентичности. Показаны все этапы становления ислама в Бадахшане, которые связаны с политическими процессами в Центральной Азии.

Данная монография состоит из трех разделов и глав, которые написаны известными учеными Таджикистана и России. Предисловие написали академик Ф.К.Рахими и профессор Н.К. Убайдулло, введение З.М.Мадамиджанова. Раздел первый «История изучения этногенеза таджикского народа»: **глава первая** первого раздела написана следующими авторами: З.М. Мадамиджанова «Теоретические аспекты исследования этногенеза и этнической истории» и «Историография», Н.Н.Негматов «Периодизация этнической истории таджикского народа»;

глава вторая: Г.Р.Каримова и Т.Г.Филимонова - «Археологические источники по этногенезу»; Н.Д.Ходжаева - «Отражение древних этнических процессов в «Авесте» и «Авестийская «Арианам-Вайжда» – проблема локализации»; С. Джонбобоев – «Историческая основа арийской цивилизации и государственного образования таджиков (на основе анализа гидродинамики и данных древних источников)»;

глава третья: Хамза Камол и А.Саидов - «Таджики в средневековых письменных источниках»; А.Валиев - «Этнографические сведения о таджиках в IX-XVIII вв.»;

глава четвертая: Х.П.Пирумшоев - «Этнические особенности таджиков, как маркеры идентичности»; Л.Н.Додхудоева и Н.Д.Ходжаева - «Во-

просы этногенеза и этнической истории таджикского народа в трудах зарубежных исследователей».

Раздел второй «История сложения Таджикского этноса»: **глава первая** «Древнейшие предки таджикского народа. Индоевропейские истоки сложения индоиранской общности в Центральной Азии» (Неолит, бронза) написали следующие авторы: Т.Г.Филимонова «Пути заселения Центральной Азии в каменном веке»; В.А. Ранов и Р.М.Масов «Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа»; Г.Р.Каримова - «Саразм – колыбель древнеземледельческой цивилизации Центральной Азии» и «Памятники бронзового века древнего Согда»; Н. М.Виноградова - «Этнокультурные процессы на территории Юго-Западного Таджикистана в эпоху бронзы и раннего железа»; М.А.Бубнова и Т.Г.Филимонова - «Миграционные и этнические процессы на Памире»; Н.А.Дубова - «Антропологические данные к проблеме этногенеза таджиков».

Раздел третий – «Этнические процессы»: **глава первая**: «Процесс сложения таджикского этноса в I-VIII вв. н.э.» написаны: А.Дружинина, Н.Д.Ходжаева - «Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма»; В.С.Соловьев – «Этнические процессы I в. н.э. – III в. н.э.» и «Таджики в раннем средневековье IV–VIII вв»; Н.Негматов - «Этапы этногенеза и формирование этнической общности таджиков», Махмадов А.Н.- «История происхождения этнонима «таджик».

Глава вторая – «Формирование таджикского языка» написали: Б.Лурье - «Древние и средневековые языки Центральной Азии»; С.Назарзода -«История сложения и развития таджикского языка»;

Глава третья – «Духовная культура» написали: Ю.Я.Якубов и Г.Р.Каримова - «Зороастризм в древней истории таджиков»; Ш.Абдуллоев - «Зороастризм в контексте мировой цивилизации»; Г.Мирзоев и К.Васильцов - «Ислам в контексте духовной культуры таджиков».

РАЗДЕЛ I
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА
ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

Глава 1

**Теоретические аспекты исследования
этногенеза и этнической истории таджиков. Историография**

**1. Теоретические аспекты исследования этногенеза
и этнической истории**

При исследовании проблемы этногенеза и этнической истории таджикского народа перед нами стоит важная задача – определить такие понятия как «этнос» и «нация», обозначить методологические подходы, которые концептуально позволят рассмотреть сложный и длительный процесс их становления. Для этого необходимы глубокие научно-теоретические обобщения и поиск методологических подходов, которые позволили бы наиболее эффективно раскрыть становление этих социальных общностей или структур.

В работах видных ученых философов, историков, этнографов наблюдается стремление к выделению общих понятий этноса и нации, выдвигая на первый план общие характеристики культуры, языка, территории, экономической жизни и т.д.¹ Как известно, этногенез включает рассмотрение вопросов возникновения и развитие ранних этнических общностей, куда входили рода и племена, этносов, народностей и наций. К сожалению,

---

¹Чебоксаров Н.Н. Проблемы типологии этнических общностей в трудах современных ученых. - М.: Наука, 1978; Козлов В.И. О понятии этнической общности. - М.: Наука, 1974; Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей //К методологическим проблемам этнографии. - М., 1964. № 11; Широкогородов С.М. Этнос. - М.: Наука, 1978; Дашдамиров А.Ф. Нация и личность. - Баку: ЭЛМ, 1976; Бромлей Ю.В. Этнос и этнография.- М.: Наука, 1973; Арутюнов А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. /Отв. Ред. Бромлей Ю.В.- М.: Наука, 1989; Чебоксаров Н.Н. Проблемы происхождения древних и современных народов. Доклад на III Международном конгрессе антропологических и этнологических наук. - М.: Наука, 1964; Козлов В.И. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития // Вопросы истории. - 1968. № 9 и др.

следует отметить, что в настоящее время зачастую одним методом (примордиализма, рационального инструментализма или социального конструктивизма) пытаются объяснить все особенности становления этноса и нации. Это приводит ко многим искажениям и неточностям в определении рассматриваемых понятий. Стоит отметить, что этнические общности и само понятие этнос являются основой, над которой в последствии воздвигаются нации.

С нашей точки зрения, при анализе этноса и нации стоит использовать различные теоретико-методологические подходы. Каждый из этих методов должен использоваться контекстуально, в зависимости от того, что является объектом исследования. Если при анализе этноса приемлемым выступает метод примордиализма, то при анализе нации, наиболее адекватным методом является социальный конструктивизм. В монографии при исследовании этнических процессов, в основном использован метод примордиализма, так как он является наиболее эффективной парадигмой, при рассмотрении таких понятий, как «этнос» и «этнические процессы»¹. В этом контексте авторы монографии придерживаются методологической позиции академика Ю.В. Бромлей, который при изучении этнических процессов использует примордиальный подход (от «примордиальный» – изначальный, первичный). Метод примордиализма позволяет рассматривать развитие этноса с самых ранних этапов его истории и существования длительное время. Этот метод является исконным из научных подходов к представлению об этничности. Академик Ю.В. Бромлей, изучив огромный материал предшествующих этнографов о теории этничности, в том числе и работы С.М. Широкогорова, выдвинул собственную научнообоснованную теорию этноса, в которой обосновал тезис о различии стадий этногенеза и этнической истории, а позже такой подход стал традиционным.

Ю.В. Бромлей впервые ввел в научный оборот термин «этнос», хотя до этого этнографы и философы обозначали данный феномен понятием «этническая общность.»² На этой же основе он разработал дуалистическую концепцию примордиализма. Развивая концепцию примордиализма посредством использования принципа историзма, Ю.В. Бромлей получил

---

1 Шозимов П. Таджикиская идентичность и государственное строительство в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 2003.

2 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973; Он же. Современные проблемы этнографии. М., 1981; Он же. Очерки теории этноса. М., 1983; Бромлей Ю. В., Подольный Р. Г. Человечество – это народы. М., 1990.

широкую поддержку в научном мире не только Советского Союза, но и за его пределами. В результате, вокруг выдвинутой теории состоялись долгие активные академические дебаты, которые привели к тому, что, во-первых, было определено, что она не нова для этнографов и имеет историю, которая уходит в дореволюционные традиции российской этнографии. Во-вторых, она была принята и получила дальнейшее развитие в этнографической науке 60-90-х годов прошлого века. С точки зрения Ю.В.Бромлея, этнические группы возникали приблизительно в период неолита (с формированием первых эндогамных единиц – племен), и с этого момента начинается «этническая история» человечества, предстающая как результат развития и взаимодействия первоначально возникших групп.¹ Этот вариант примордиализма, получил широкую поддержку². Ю. В. Бромлей в своих работах показал то, что этнографическая наука является подлинно теоретической научной дисциплиной. Примордиализм в этнографии был признан как научный метод, который рассматривал этнос как изначальное и неизменное объединение людей «по крови». Особенность этой теории заключается в развитии эволюционистского представления об этносе. Ю.В. Бромлей воспринимает этнос не выделяя какого-либо особого биологического фактора, предопределяющего этногенез. Основные представители примордиальных позиций поддерживают взгляды Ю.В.Бромлея и рассматривают развитие этноса от древнейших групповых объединений до этапов становления нации, которую они считают объективной реальностью и высшим этапом развития этноса, когда образуется этническая территория и объединения людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание³. Отсюда следует, что примордиальный подход объективно рассматривает этническую идентичность, считает ее реальностью, с непосредственными ее критериями (личностные привязанности людей, их мировосприятие, культура, язык, психология).⁴

Согласно определению академика Ю. В. Бромлея, этносом называется «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая со-

---

1 Бромлей Ю.В.Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории). М.:Наука,1981.

2 Басилов В.Н. Традиции отечественной этнографии // Этнограф, обозрение (далее – ЭО). 1998. № 2. С. 18–45.

3 Галушина Н. С. Этничность в современной культуре. // Глобализация в культурологическом измерении: Учебное пособие. - М.: Изд-во МГУ. – 2005. – С. 308-322.

4 Там же.- С.312.

вокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)». Вслед за С.М. Широкогоровым, академик Ю. В. Бромлей обоснованно назвал термин термин «этнос» базовым. Видный советский и российский этнолог С.В.Чешко считает, что эта теория оставалась единственным методологическим ориентиром для большинства советских этнографов, а также их коллег из стран «социалистического лагеря».¹ По его мнению, самое ценное в теории этноса – это признание народов – этносов в качестве самостоятельных субъектов исторического развития и социального бытия.²

Впоследствии развивая данную теорию, Ю.В. Бромлей особо подошел к узкому и широкому пониманию этноса (дуалистическая концепция этноса), к иерархичности этнических общностей и их типологизации, к изучению этнических функций культуры и психики. Отсюда следует, что: во-первых, этнос – «этникос» (с греч. народный) в узком смысле – это общность, с этнокультурными компонентами; во-вторых, этнос – «этносоциальный организм» (ЭСО) в широком смысле слова – соединение этникоса с социально-экономическими и государственными или внутригосударственными административно-территориальными структурами, (как например, нации).

Такой подход позволяет определить иерархичность этнических общностей и увидеть этнос в развитии. Как видим, в своих работах Ю.В.Бромлей поднял важные теоретические и практические проблемы этнографии, как определения понятия «этнос», роль этнической эндогамии как механизма поддержания целостности этноса. Он также рассмотрел проблемы исторической типологии этнических общностей, выявил иерархическую структуру этноса, а также разработал вопросы соотношения этнографии со смежными дисциплинами – историей, археологией, социологией, фольклористикой, антропологией, географией и др.³ Кроме того, ученый предложил в качестве основного критерия для выделения

---

1 Чешко С. В. Этнология и социальная антропология.- М., Издательский фонд «Академия», 2015. –С.7.

2 Там же.

3 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. – 85 с.; Бромлей Ю. В, «Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории), М.: Наука, 1981; Он же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. – С. 412.

предметной области этнографии рассмотрение «компонентов» этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций».¹ Важно отметить, что Ю.В. Бромлей говоря об этносе, рассматривает только его «признаки», которые начинаются с названия – этнонима. При этом он имеет ввиду не экзоэтноним (название народа, употребительное среди его соседей), а эндоэтноним, т.е. самоназвание. Отсюда следует, что «наличие единого самоназвания – этнонима предполагает существование у каждой из интересующих нас общностей самосознания»². Таким образом, этноним важен не сам по себе, а именно как свидетельство существования у общности общего самосознания, которое проявляется общим самоназванием (этноним). Поэтому этнография на советском пространстве развивалась на основе научно-обоснованных позиций, разработанных Ю.В. Бромлеем, где первостепенное место уделено этническому самосознанию, что явилось большим вкладом в развитии советской этнографической школы. При этом, очень важно (особенно в настоящее время) и то, что Ю.В. Бромлей не отошел от формационного подхода, соединив этнос с триадой: – «племя – народность – нация»³.

Таким образом, взяв за основу подход, предложенный Ю.В. Бромлеем, в монографии «Этногенез и этническая история таджикского народа» дается характеристика понятия этнонима – «таджик» в историко-этнографическо-археологическом срезе, и это позволило авторам монографии предложить новые научно-обоснованные положения.

В противовес теории этноса Ю.В. Бромлея Л.Н. Гумилев предложил пассивный подход в изучении этногенеза. Однако, в позднее советское время обе альтернативные концепции этничности - официальная теория этноса Ю.В. Бромлея, и теория этногенеза Л.Н. Гумилева сошлись в своем примордиализме.⁴ Л.Н. Гумилев представляет социобиологическое направление в примордиализме и характеризует этнос следующим образом: «Этнос – коллектив особей, противопоставляющих себя всем прочим коллективам. Этнос более или менее устойчив, хотя возникает и исчезает в историческом

---

1 Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории).- М.: Наука, 1981.

2 Рыбаков С. Е. Судьбы теории этноса. Памяти Ю. В. Бромлея.//Вопросы теории. 2001.ЭО, № 1.

3 Там же.

4 Гумилев Л. Н., Иванов К. П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Социологические исследования, 1992, № 1.- С. 50–57.

времени. Нет ни одного реального признака для определения этноса, применимого ко всем известным нам случаям: язык, происхождение, обычаи, материальная культура, идеология иногда являются определяющими моментами, а иногда нет. Поскольку это явление повсеместно, то, следовательно, оно отражает некую физическую или биологическую реальность, которая и является для нас искомой величиной». Такое определение этноса вызвало большую дискуссию.¹ Л.Н. Гумилев представляет социобиологическое направление в примордиализме и отрицает генетическую передачу этнических признаков (через «кровь»). Один этнос отличается от другого «своеобразным стереотипом поведения». Иными словами, речь идет об этничности как проявлении именно социальных характеристик. Л.Н. Гумилев пишет: «Феномен этноса – это и есть поведение особей, его составляющих. Иными словами, он не в телах людей, а в их поступках и взаимоотношениях. Именно характер поведения определяет этническую принадлежность»² Примордиализм учения Л.Н. Гумилева об этногенезе заключается, прежде всего, в том, что этнические свойства, по его мнению, жёстко задаются общности природным фактором, который он называет этническим полем.

В своей теории Гумилев Л.Н., выдвигая концепт поведения этнических общностей считает, что оно полностью зависит от процесса адаптации этнической системы к окружающей ее среде – ландшафтной и иноэтнической. Его точка зрения об образовании и существовании в одном и том же ландшафте большого числа разных племен, которые не сливались в один народ и, в то же время, сохраняли свою самобытность, не получила научной поддержки среди энтографов.

Л.Н.Гумилев, рассматривая этнос, выдвигает на первое место стереотип поведения и сроки его существования, измеряемые в целом 1200-1500лет, в течении которых этнос проходит ряд стадий своего развития от

---

1 Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа. – 1970. – № 2. – С. 51–55.; Севе́нский Б. Н. Взаимодействие системы «Человек и природа» // Там же. – № 8. – С. 74–75; Дроздов О. А. Этнос и природная среда // Там же. – С. 75–76.; Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Там же. – С. 76–77; Козлов В. И. Что же такое этнос // Там же. – 1971. – № 2 – С. 71–74; Кузнецов Б. И. Проверка гипотезы Гумилёва // Там же. – С. 74–75; Артамонов М. И. Снова «герои» и «толпа»? // Там же. – С. 75–77.; Ефремов Ю. К. Важное звено в цепи связей человека и природы // Там же. – С. 77–80.; Гумилёв Л. Н. Этногенез – природный процесс // Там же. – С. 80–82.; Бромлей Ю. В. Несколькo замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Там же. – С. 83–84.

2 Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. / Под ред. канд. геогр. наук К. П. Иванова. – М. – Л., 1987.

начала до конца. Выдвигая пассионарность, а это есть энергия, или это энергетический код этноса (введен З.М.) Л.Н. Гумилев считает, что пассионарность растрачивается в течение этногенеза. Она уходит на создание культуры, строительство городов, на создание идеологий и политическую деятельность, на территориальную экспансию и войны, то есть на тот труд, результатом которого есть сегодняшняя человеческая цивилизация.¹ Степени пассионарности различны, но для того, чтобы она имела видимые и фиксируемые историей проявления, необходимо, чтобы пассионариев было много, то есть это признак не только индивидуальный, но и популяционный».² Это означает, что не отдельные пассионарии делают великие дела, а тот общий настрой общества или энергетический код этноса, который можно назвать уровнем пассионарного напряжения» (стадии-фазы), и он может быть различным.³

В свою очередь, каждая из этих стадий-фаз этногенеза характерна только ей присущим тоном пассионарности и, в зависимости от его (пассионарности) напряжения, стереотипом поведения людей, народов, наций, государств и даже цивилизаций.⁴ Этот базовый стереотип, по мнению Л.Н. Гумилева, объективно изменяется в зависимости от фазы этногенеза, каждая из которых измеряется несколькими веками.⁵ Отсюда и наблюдаются старые (последние фазы пассионарности) и молодые этносы.

Таким образом, Л.Н.Гумилев выдвинул принципы этногенеза, основанные на угасании пассионарного импульса, на что может подействовать сопротивление окружающей этнической и природной среды. На дискуссионной площадке теории пассионарности шли научные-обоснованные дебаты как советских ученых этнографов, философов, социологов, так и ученых западноевропейской школы мысли. Выдвинутая Л.Н. Гумилевым теория пассионарности вызвала большую критику и была признана как ненаучная. Некоторые историки критикуют пассионарную теорию этногенеза и сделанные на её основе частные выводы за слабую обоснованность⁶ и политизированность¹. Например, В. Шнирельман и С. Панарин,

---

1 Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Там же. – С. 76–77.

2 Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Там же. – С. 76–77.

3 Гумилев Л. Н. Этнос: мифы и реальность [Фрагмент монографии «Этногенез и биосфера Земли»] // Дружба народов. – 1988. – № 10. – С. 218–231.

4 Гумилев Л. Н. Этнос: мифы и реальность. // Дружба народов. – 1988. – № 10. – С. 228.

5 Куренной В. Н. Пассионарность и ландшафт // Там же. – С. 76–77.

6 Данилевский И. Читая Л. Н. Гумилёва // Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.). – М. – 2001. – С. 336–345.

указывают,² что Гумилёв, оставаясь в рамках исторической науки, тем не менее, «подготовил почву для бурного произрастания разнообразных творцов псевдоисторического бреда... с необходимой аудиторией потребителей их продукции. Л.Н. Гумилев своим авторитетом как бы санкционировал произвольное обращение с историей». Л. С. Клейн считает, что, «предложенные Л. Н. Гумилевым обобщения – рубежи периодов (фаз), их длительность, цифры – всё это построено на песке. Какой смысл говорить о начале существования этноса или его конце, о его преобразованиях, если неправильно, неубедительно указаны его определяющие признаки, если нет критериев диагностики – один и тот же этнос или уже новый?»³. Я.Лурье указывает на слабые моменты в теории пассионарности. По Л.Н. Гумилёву, «продолжительность жизни этноса, как правило, одинакова и составляет от момента толчка до полного разрушения около 1500 лет»⁴, а «до превращения этноса в реликт около 1200 лет»⁵. Однако Гумилев фактами это не подкрепляет, а лишь ссылается на «наблюдения этнологов»⁶, не называя их.

Занимаясь вопросами этноса, Л.Н. Гумилев не всегда мог научно обосновывать свои тезисы, поскольку он часто отходил от научных методов и принципов. Поэтому научное сообщество России не приняло его теорию пассионарности.

Таджикская этнографическая школа, которая была создана в XX в., в основном развивалась на теоретических исследованиях ученых Института этнологии и антропологии им. М.Маклая РАН, который в 1966-1989г.г. возглавлял Ю.В. Бромлей. Деятельность этнографов Таджикистана в советский период главным образом, находилась на эмпирическом уровне (собирался полевой этнографический материал по актуальным запланированным темам). Необходимо отметить, что этнографы Таджикистана

---

1 Тортика А., Михиев В. Концепция истории Хазарского каганата Л. Н. Гумилёва: опыт критического анализа // Материалы восьмой ежегодной специализированной конференции по иудаике. – Ч. 1. – М. – 2001. – С. 149–178.

2 Шнирельман В., Панарин С. Лев Николаевич Гумилев: основатель этнологии? – Вестник Евразии, № 3 (10). – 2000. – С. 32-33.

3 Клейн Л. С. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л. Н. Гумилёва // «Нева». 1992. № 4. С. 228–246.

4 Гумилев Л. Н. От Руси до России. СПб., 1992. С. 335.

5 Гумилев Л. Н. Этногенез и этносфера // Природа. 1970. № 1. С. 335.

6 Гумилев Н. «Год рождения 1380» // Декоративное искусство. 1980. № 12. С. 37.

собрали огромный материал по различным аспектам жизни этноса, написаны кандидатские, докторские диссертации, монографии.

С обретением Таджикистаном государственной независимости этнографическая школа республики продолжает придерживаться прежних теоретических подходов, в частности примордиального, с учетом происходящих этнических процессов в современном таджикском обществе. Развитие таджикского этноса способствует изменениям в экономике, социальной сфере, культуре, образовании, а также в особом отношении к традициям и их сохранению. В настоящее время продолжается процесс развития таджикской нации, и государство в нем играет важную роль. Например, в определении нации политический принцип является главным компонентом, и он идентифицирует, во многих случаях, культуру, язык, экономику посредством социального конструирования новой национальной реальности. В этом случае многие культурные компоненты зачастую являются конструктами политических и интеллектуальных элит, которые выстраивают общность исторической, культурной и политической жизни. В определении нации территориальный и политический принципы основаны на идее этатизма¹, которая помимо тесного «союза между культурой и государством» предлагает также и сильный компонент гражданского общества. Такой подход выражен в новых законодательных актах, способствующих усилению института семьи, ответственности родителей за воспитание детей, урегулированию обычаев, обрядов и традиций и других законодательных актов.

Таким образом, проведенное нами комплексное исследование основано на теории примордиализма, которая позволяет создать объективную и реальную картину развития таджикского этноса с древнейших времен до настоящего времени.

2. Историография исследований этногенеза

Этногенез – совокупность исторических явлений и процессов, имеющих место в ходе формирования народа и приводящих к окончанию сложения его этнического лица².

---

1 Этатизм (государственничество) (от фр. *État* – «государство») – идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая подчинение интересов как отдельных людей, так и групп интересам государства; политика активного вмешательства государства во все сферы общественной и частной жизни.

2 Алексеев В. П. Этногенез. М., 1986, с. 3.

Методологическая основа исследования базируется на комплексном, междисциплинарном подходе. Поэтому специфика данной работы основана на применении традиционного исторического, историографического и проблемно-хронологического методов, согласно которым исследуемая проблематика рассматривается во временной последовательности. Историко-сравнительный анализ, положен в основу оценки научного вклада разных поколений ученых в разработку проблем этногенеза и этнической истории таджикского народа. При анализе проблем, лежащих в основе настоящего исследования, авторы строго придерживаются принципа историзма.

Соционормативная культура, т.е. обычаи, обряды, ритуалы, социальные нормы, этикет являются непосредственными маркерами этничности и обязательны при характеристике этногенеза народа. Поэтому, изучение этногенеза таджиков невозможно, в первую очередь, без истории, археологии, антропологии, лингвистики, экономики, этнографии.¹ Изучение этногенеза основывается на методологических подходах и исследовательских методах. Самыми обязательными являются историографический и источниковедческий подходы. В монографии использованы существующие знания, имеющиеся в письменных источниках, в исследованиях обозначенных выше научных дисциплин и предметах материальной культуры. Известно, что историография включает в себя источниковедческий метод, который обобщает историческую информацию. В монографии используется историографический метод, осуществлен критический анализ существующей литературы по заявленным темам. Роль историографии в изучении разных источников – собственно исторических, лингвистических, археологических, этнографических и антропологических – велика.² Данные

---

1 Чешко С. В. Этнология и социальная антропология. М. Издательский центр «Академия». 2013. – С.8; Брук С. И., Чебоксаров Н. Н. Метаэтнические общности // Расы и народы. – М., 1976. – Вып. 6. Тишков В. А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.

2 Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. 1949. № 3; Дебеч Г. Ф., Левин М. Г., Трофимова Т. А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. №1; Кнабе Г. С. Словарные заимствования и этногенез // Вопросы языкознания. 1962. № 1; Третьяков П. Н. Этногенетический процесс в археологии // Советская археология. 1962. № 4; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа (Избранное. Т. 5). М., 2009 (первое издание – М.: Наука, 1974б).-С. 208-217; Литвинский Б. А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977.-С.170-176 и др.

этих наук заняли особое место в исследовании, поскольку они охватывают, практически всю историю этногенеза таджиков и дают возможность установить преемственность современного и древнего населения.¹

Как писал академик Р.М.Масов, историография – это наука, изучающая закономерности субъективного отражения историками разных поколений объективно совершающегося исторического процесса².

Как было отмечено выше, для решения сложных проблем, какой является проблема этногенеза и этнической истории таджикского народа, необходимо использовать комплексный, междисциплинарный подход. В настоящее время, такой подход проявляется в исторических исследованиях научных дисциплин, среди которых археология, этнология, лингвистика, культурология, антропология.³ В силу актуальности и не разработанности вопроса происхождения таджикского этноса, комплексный подход, куда вошли материалы этнологии, археологии, физической и культурной антропологии, лингвистики др. письменных источников, архивов и т.д. позволил показать развитие этноса в историческом разрезе: от возникновения до современности. Такой подход в историческом познании дал, во-первых, возможность изучения не только исторической реальности, но и прошлого, на пример, воссоздание картины первоначального заселения обширных территорий Центральной Азии, в том числе и современную территорию проживания таджиков, во-вторых, возможность преодоления предметной ограниченности в изучении истории этногенеза.

Однако, до настоящего времени отсутствуют монографические исследования по процессу образования и развития таджикского народа с элементами, присущими ему или характеризующими его.

Суммируя работы по этногенезу, а также работы по узким, но очень важным проблемам, можно прийти к выводу, что они квалифицированы по темам и расположены внутри каждой из них в хронологическом порядке. Такой подход дает возможность проследить объективные закономерности процесса изучения проблемы этногенеза начиная с самых ранних высказываний по этой проблематике, включая его развитие, специфические черты этноса, определение качественных изменений. Такая

---

1 Чешко С. В. Этнология и социальная антропология. -М.: «Академия». 2013. – С. 8.

2 Масов Р. Актуальные проблемы историографии таджикского народа.-Душанбе,2005.-С.14

3 Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А. О. Чубарьян. М., 2014, с. 310-311

классификация дала возможность авторам показать цепочку конкретных проблем, которые с одной стороны, решаемы, и те, которые в силу объективных и субъективных причин еще остаются открытыми. Авторы разделов монографии прибегали к такому методу, чтобы более углубленно изучить исторические явления и получить качественно новые исторические знания синтетического характера. При этом, необходимо отметить, что приоритеты такого метода позволили выявить перспективы для проведения совместных исследований по этногенезу. Следовательно, для изучения этногенеза и этнической истории таджиков комплексный подход является способом рассмотрения истории, ориентированной на воспроизведение прошлого. Происходит кристаллизация новых знаний путем дополнений, которые наработаны в других дисциплинах¹. Кроме того, для раскрытия процесса этногенеза и анализа различных точек зрения этой проблемы присутствует несколько принципов историографических исследований, о которых говорилось уже выше - это принципы хронологический, проблемный, биографический, хронологически-тематический, позволяющие осветить общие черты эволюции исторической, археологической, антропологической, лингвистической, этнографической наук по этногенезу и далее выявить особенности этой эволюции. Эти принципы используются при анализе спорных дискуссионных проблем, например, арийская проблемы, этнонима «таджик», древнейший, древний и современный языки, религия и т.д.

Соблюдение хронологической последовательности позволяет выявить основные методологические установки и теоретические концепции, позволяющие определить процесс изучения проблемы от единичных данных до новых, дополняющих. Отсюда следует то, что такой дает возможность подход позволяет установить качественный сдвиг в развитии той или иной проблемы. Следовательно, хронологический принцип дает плодотворные результаты только тогда, когда соблюдается периодизация объективной исторической действительности и учета качественных изменений, лежащих в основе этой периодизации. Авторы этногенеза, в предоставленных материалах делают акцент именно на этих особенностях.

---

¹ Гуревич А. Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 9-10; Николаева И. Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск, 2010. С. 360.

Обобщение итогов изучения литературы по этногенезу для решения крупного отдельного вопроса заставило обратиться к проблемному принципу. Этот принцип включает элементы хронологичности, так как этногенез требует фиксации начального этапа, т.е. объективных условий и причин, породивших интерес к данному вопросу со стороны общественности и историков, и его состояние изученности к моменту рассмотрения. В этом случае были сделаны акценты рассмотрение определенного исторического периода, в течение которого изучался вопрос учеными – историками, археологами, антропологами, лингвистами, этнографами и т.д. Таким образом, проблемный принцип использован авторами настоящего исследования, где ставится задача раскрыть в концентрированной форме теоретические концепции и методологические основы исторических исследований по этногенезу. В этом случае историографические исследования этногенеза осуществляются на основе также и проблемного принципа, который является целесообразным и эффективным в сравнительно узких областях исследования этногенеза. Таким образом, исследования этногенеза и этнической истории таджикского народа базируются на комплексном подходе, на хронологическом и проблемном принципах историографии, что позволяет акцентировать внимание на конкретных неразработанных вопросах этногенеза.

Исследование этногенеза и этнической истории таджикского народа требует профессионалов – специалистов, ученых –патриотов, которые переживают за судьбу своего народа. Эта проблема всегда вызывала научный интерес, а в 30-40-ых годах XXв. стала особенно актуальна. В апреле 1941 г. на торжественном форуме в честь таджикской культуры и искусства в Москве И.В. Сталин произнес в Кремле речь, в которой назвал таджиков самым древним народом Средней Азии – «носителем короны» (одна из версий перевода этнонима).¹ Эта речь послужила основанием для дальнейших разработок исследований по таджикам. Позже были выдвинуты основные положения – таджики это древнейший народ в Средней Азии. Этноним «таджик» переводится как «венценосный или» «носитель короны». Более того, таджики объявлялись главными наследниками согдийского государства, а саманидская династия объявлялась таджикской. Начиная с этого времени шли активные дебаты в научной

---

¹ Пирумшо Х. Ахтари илму сиёсат.- Хучанд, 2019.- С. 271-272; ГАНИ РТ. - Ф. Б. Гафурова.- Оп.16.- Ед хр. 3.-Лл.1-7.

среде востоковедов, историков и госчиновников о судьбе таджикского народа. В городе Ташкенте была проведена специальная научная сессия по изучению этногенеза таджикского народа. Созданная Комиссия по этногенезу и этнографии при отделении истории и философии АН СССР заслушала выступления видных ученых, среди которых были Н.А. Кисляков, К.В. Тревер, чьи доклады, были посвящены непосредственно этногенезу таджиков. Б.Г.Гафуров и А.М. Мандельштам в своих выступлениях показали основные пути этногенеза таджикского народа в пределах среднеазиатского Междуречья на основании изучения комплекса главнейших письменных источников и добытого археологического материала. Исследования продолжались многими учеными, такими как А.Ю. Якубовский, К.В. Тревер, А.Н. Бернштам, Б.А. Литвинский, Н.Н.Негматов, Ю.А. Заднепровский, А.М.Мандельштам антропологами – В.В. Гинзбургом, А.В.Ошанином, М.М.Герасимовым. В их исследованиях самыми актуальными были вопросы формирования общей этнической территории, образование единого языка, единой ментальности, культуры, этапы формирования народа и консолидация этнических групп в единый народ. Таким образом, в это время формировался историко-научный интерес к исследованиям об этногенезе таджиков и относительно быстро появились ведущие специалисты по этногенезу, среди которых были ученые центра, а так же таджикские исследователи. Их труды, посвященные этой проблематике получили большое признание не только в советском государстве, но и за его рубежами. Изучая работы С.Айни, В.В. Бартольда, А.Ю. Якубовского, Б.Г. Гафурова, Н.А.Кислякова, Х.Назарова, Б.А.Литвинского, Н.Н. Негматова, А.М. Мандельштама и других по проблеме этногенеза таджикского народа, можно утверждать, что были сделаны серьезные обобщения и обозначены аспекты будущих исследований. Перед учеными стоят вопросы арийской проблемы, особенностей складывания ХКТ древних этнических общностей, религии и обрядовой культуры оседлых земледельцев и другие.

Основательное исследование проблемы этногенеза, вопрос об периодизации и процесса формирования таджикского народа, принадлежит академику Б.Г.Гафурову.¹ Появились серьезные исследования по проблемам истории таджиков: классический труд фундаментальный труд «Ис-

---

1 История таджиков и Таджикистана. Институт истории, литературы и языка ТФАН СССР. Сталинабад, 1945. 144 с.

тория таджикского народа» в 3-х томах и 5 книгах, фундаментальная работа Б.Гафурова «Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история», включившие в себя историю таджикского народа с древнейших времен до середине XVIII века. Данная монография научно систематизировала историю таджикского народа, куда вошел огромный исторический материал, ставший весомым доказательством древнейшего происхождения и формирования таджикского этноса, его культуры и религии.

Особое внимание Б.Гафуров отводил проблеме происхождения и прародины индоиранских арийских народов. Именно он одним из первых пришел к заключению, что решение арийской проблемы невозможно без комплексного подхода. Ученый пишет: «Арийская проблема является комплексной, но уже по своему содержанию это, прежде всего, историческая проблема. Данное обстоятельство, естественно, не исключает, а подразумевает привлечение материалов и выводов смежных научных дисциплин, прежде всего, ё языкознания и археологии. Но решение вопросов о прародине, времени и путях расселения арийских племен (т. е. вопросов по своему характеру также исторических) невозможно без уяснения таких моментов, как тип и особенности хозяйства, черты общественной структуры, уровень социально-политического развития арийских племен, характер их культуры и религии. Лишь на этой основе можно, например, реально говорить о хронологических границах арийского языкового единства и времени его распада или о возможной принадлежности тех или иных археологических культур арийским племенам».¹ Научная деятельность ученого подняла вопрос этногенеза таджикского народа на международный уровень. Он активизировал внимание ученых многих стран на лингвистический анализ «Авесты» и «Ригведы», в результате чего открылись новые аспекты особенностей близости авестийского языка и таджикского, осетинского языков, а также языков, на которых говорят народы, населяющие Горно-Бадахшанскую автономную область Республики Таджикистан, Афганский Бадахшан и Ташкурган-Таджикский автономный уезд в округе Кашгар Синьцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики. Профессиональное тонкое чутье ученого, позволило Б.Гафурову подчеркнуть немало-

---

¹ Гафуров Б. Г. Некоторые проблемы этнической истории народов Центральной Азии в древнейший период // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). Труды Международного симпозиума по этническим проблемам Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М.: Наука, 1981. – 57.

важную роль этимологического анализа топонимии, орфографии и гидрографии горных районов Центральной Азии, а так же археологического материала, которые, по его мнению, имеют решающее значение для определения прародины арийских племен.

Поэтому новейшие исследования в области археологии, лингвистики, антропологии, этнографии позволили дополнить и уточнить многие вопросы, касающиеся миграций древнейших этнических общностей, внести весомый вклад в «арийскую проблематику», определение среды возникновения и развития хозяйственно-культурного типа оседлых земледельцев, скотоводов, процесс и время сложения этнических общностей. Согласно исследованиям джейтунской, кельтеминарской и гиссарской культур представлялась возможность предположить, что эти культуры возникли на территории Центральной Азии и представители этих культур являются первыми этническими общностями (группа родственных племен).¹ Лингвисты определили их язык и этнический состав, у джейтунцев называют дравидским, у гиссарцев – язык гималайских бурушасков.² Таким образом, в современной исторической науке «... наиболее распространена точка зрения, согласно которой древнеземледельческая Средняя Азия в IV – начале II тыс. до н.э. входила в зону распространения протодравидского языка, на котором говорили и носители хараппской культуры древней Индии».³ При этом также широко распространено мнение, что индоарийские языки «... были принесены на территорию Центральной Азии во втором – начале первого тысячелетия до н.э. в эпоху бронзы в связи с приходом ариев».⁴

---

1 Ранов В.А. Каменный век.//История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Под редакцией академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена-корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова.-Душанбе: Суруш, 1998. -С. 114.

2 Мнение венгерского лингвиста Я. Харматты. См.: Ранов В.А. Каменный век.// История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. Под редакцией академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена-корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова. – Душанбе: Суруш, 1998. – С. 114.

3 Пьянкова Л.Т. Энеолит и бронзовый век. //История таджикского народа. Том 1. Древнейшая и древняя история. -С.182.; Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг.-М.: Летний сад,2008.-С.42.

4 Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – С. 38-43.; Литвинский Б.А. Бронзовый век//История таджикского народа. Том 1. – М.: Издательство Восточной литературы, 1963. – С. 127-128.; Ранов В.А. Каменный век.// ИТН. Том 1. Древнейшая и древняя история. Под редакцией академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена-корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова. – Душанбе: Суруш, 1998. – С. 114.

Эти научные обоснования были приняты Б.Гафуровым и получили дальнейшее развитие в последующих его работах.

Археологические, антропологические, лингвистические и экологические источники дают основание большинству ученых определить прародину индоарийцев, к которой можно отнести территории от Европы до Урала. Следовательно, распространение индоиранских языков, было намного обширнее, чем теперь. Эта территория включала области Юго-восточной Европы до Восточного Туркестана и от Приуралья и Южной Сибири до Ирана. Рассматривая этот вопрос, Б.Гафуров внес понимание индоевропейское этническое начало и выделение из них, (миграция на юг Средней Азии) – индоиранского или индоарийского этнического компонента. Древнейшие, арийские племена, мигрировав на юг, столкнулись с автохтонным населением, у которых были свои хозяйственные навыки в жизни, социальные и культурные достижения. Конгломерат арийских племен и местное автохтонное население окунулись в сложные длительные этнические процессы, которые сформировали различные индоиранские этнические общности на огромной территории этого региона.

Таким образом, заслуга Б.Г.Гафурова заключается в том, что им впервые был обозначен вопрос этногенеза, разработана концепция его изучения и даны перспективы дальнейших исследований. Особенно хочется отметить его высокое чувство патриотизма, любви к своему народу, Родине. Это проявляется во всех его исследованиях и выступлениях. В связи с этим хочется привести мнение известного историографа Таджикистана – доктора исторических наук, профессора, член-корреспондента АН РТ – Пирумшоева Х., который дал очень яркую характеристику его деятельности: – «Излагая историю таджикского народа, Б.Гафуров выдерживал высокий уровень объективности по отношению не только к таджикскому народу, но и к другим народам Центральной Азии. В этой связи нельзя не заметить повышенного чувства интернационализма, большой симпатии к соседним народам, к их истории .... С одной стороны, он как бы выделяя роль таджикского народа в истории Центральной Азии, его место в развитии региональной и мировой цивилизации, в то же время с максимальной объективностью уделяет внимание определению места соседних народов в общем водовороте событий и с предельной осторожностью на сугубо научной основе прослеживает процесс формирования этих народ-

ностей, их этногенеза, переплетение их судеб на том или ином этапе исторического процесса»¹.

Одним из видных исследователей исторического прошлого таджикского народа является А.М. Мандельштам. Как известно, этот ученый посвятил свои исследования проблеме сложения таджиков с использованием всех новейших результатов археологических работ на территории Средней Азии в XX веке. В своих работах Мандельштам А.М.² определяет признаки характерные для народности – общность языка, территории и культуры и наличие хозяйственной деятельности с экономическими связями. Согласно разработанной концепции, ученый выделяет основные подходы к вопросу сложения таджикского этноса – это время и место сложения, пути сложения общности языка, процесс образования общности территории и сложения общности культуры таджикской народности. Анализируя археологические материалы, А.М. Мандельштам, как археолог, увидел процесс сложения и развития таджикского этноса. Выделенные им признаки имеют научные подходы, кстати, выдвигаемые и учеными смежных дисциплин, например, – этнография³, и эти принципы соответствуют разработанному положению о признаках народности, как зачаточном состоянии признаков нации. Уже в то время, Мандельштам А.М. видел таджикский этнос как нацию в будущем. Рассматривая эти принципы, А.М. Мандельштам пишет, что «известная общность языка, территории и культуры имеет место для оседлого земледельческого населения основного ядра саманидского государства, которое составляли Среднеазиатское Междуречье, Хорасан и Северный Афганистан. Если сопоставить эту территорию с территорией расселения таджиков в настоящее время, то становится очевидным фактически полное ее совпадение».⁴ Изучая этногенез таджиков, Мандельштам дает научный взгляд на

---

1 Пирумшоев Х. Концептуальные вопросы истории и историографии таджикского народа. - Душанбе, Ирфон, 2014, С-373

2 Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье.//Таджики в исторических источниках и трудах исследователей.- Душанбе, Дониш, 2018.-С.-397

3 Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. – 85 с.; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии (очерки теории и истории).- М.: Наука, 1981; Он же. Очерки теории этноса.- М.: Наука, 1983. – С. 412.

4 Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье.//Таджики в исторических источниках и трудах исследователей Душанбе, Дониш, 2018.-С.-398.

отдельные этнические компоненты этого процесса. На первое место он ставит исходные компоненты, составляющие основу будущей таджикской народности, а далее пишет о дополнительных этнических компонентах, и наконец – выделяет особую значимость и роль каждого компонента – основного и дополнительного – в данном процессе. К основным, исходным компонентам на территории Среднеазиатского междуречья он относит четыре крупных народности: согдийцы, бактрийцы, которые составляли основную массу населения центральной части Среднеазиатского междуречья долины Зарафшона, Кашкадарьинский оазис, и Уструшана. В равнинной части современного Южного Таджикистана обитали бактрийцы и тохары. Паркании (под ними подразумевается основное ядро населения государства Давань) обитали на территории равнинной Ферганы.¹ Мандельштам А.М. считает, что тохары были пришлыми для Среднеазиатского междуречья, которые в начале обосновались в Тохаристане, а затем частично передвинулись далее на юг. В Южном Таджикистане и Северном Афганистане они составляли значительную часть населения еще в IV-V вв. н.э. Горные территории Припамирья, Памира и окаймляющих Фергану хребтов в основном были заселены рядом небольших сакских племен, сведения о которых чрезвычайно скудны.

Таким образом, Мандельштам А.М. утверждает, что все племена и народности, явившиеся исходными этническими компонентами будущей таджикской народности, были ираноязычными. Далее он определяет принципы дополнительных этнических компонентов, которые включались в процесс сложения таджикской народности в разное время, к ним в IV-VIII вв. относились хиониты и эфталиты, а затем тюрки. Роль каждого из них – исходных и дополнительных компонентов - в сложении таджикской народности была различна. А.М. Мандельштам дает характеристику хионитам-эфталитам, которые были² первыми повремени дополнительными этническими компонентами, которые включившимися в процесс сложения таджикской народности. Археологические материалы, письменные источники, к которым апеллирует А.М. Мандельштам.

---

1 Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в среднеазиатском междуречье.//Таджики в исторических источниках и трудах исследователей. Душанбе, Дониш, 2018.-С.-399

2 Отождествление хионитов и эфталитов предложено Мандельштамом А.М., Гиршманом и обосновано чтением легенд большого числа эфталитских монет.(См. Таджики в исторических источниках и трудах исследователей. Душанбе: Дониш,2018.-С.-402)

позволяют ему сделать заключение, что они - кочевники, пришедшие в Среднеазиатское междуречье приблизительно в середине IV в. н.э., ираноязычные и этнически близки к тохарам. Согласно собранным данным и проведенному анализу А.М. Мандельштам пришел к заключению, что хиониты-эфталиты в сравнительно большом количестве оседали в той части Среднеазиатского междуречья, где шел процесс сложения таджиков, и постоянно подвергались ассимиляции местным населением. Процесс ассимиляции, очевидно, в основном уже закончился к VIII в. Он также разработал вопрос о роли тюрок в процессе сложения таджикского этноса. На основе письменных арабоязычных и китайских источников ученый высказывает мнение о том, что присутствие тюрок на территории сложения таджиков было не одинаковым, и поэтому в VII-X вв. значительного оседания тюрок на Среднеазиатском междуречье не было, и поэтому А.М. Мандельштам считает, что роль их в процессе сложения таджикского народа была незначительна.

Отмечая его заслуги в изучении этногенеза таджиков академик Н. Негматов пишет: «А.М. Мандельштам скрупулёзно собрал все имеющиеся в середине XX века материалы, тщательно проанализировал их, взвесив все факты и выводы, выдвинул одновременно теорию таджикского этногенеза и его решение для важнейшего этапа – периода завершения формирования таджикского народа.¹ Мандельштамовская концепция этногенеза таджикского народа была принята многими учеными – историками Таджикистана.

Проблема происхождения этносов на огромной территории Центральной Азии, включает важные вопросы, связанные с доарийской историей, в первую очередь, далее с локализацией прародины индоевропейских народов, вопросами консолидации конгломерата арийских племен и, наконец, формирования этнических общностей с единой территорией, языком, ХКТ, единой экономической основой. В таджикской историографии советской и постсоветской эпохи, достаточно фундаментальных исследований относительно этих вопросов²

---

1 Рахими Ф.К. Вместо предисловия. // Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа. Душанбе: Дониш, 2016. – С.14.

2 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. (Древнейшая история Северного Таджикистана). – Душанбе: Изд. АН Таджикской ССР, 1962. – С. 292-300.; История таджикского народа. Том I. С древнейших времен до V в.н.э. / под редакцией Б.Г. Гафурова, Б.А. Литвинского. – М.: Изд. Восточной литературы, 1963. – С.

Особенно значимый вклад в изучение этногенеза и этнической истории таджикского народа в таджикской археологической науке¹, был сделан соратником Б.Г.Гафурова академиком Б.А. Литвинским, который своей научной деятельностью открыл новейшие памятники эпохи бронзы и раннего железа. Эти исторические периоды получили признание и характеристику благодаря памятникам Намазгах-тепе, Кайрак-Кумы, вахшской культуры и других более поздних культур. Ученый дал анализ первым свидетельствам миграции легендарных «Ариев» из северных степей в Среднюю Азию. Поддержав тем самым гипотезу Б.Г.Гафурова, Б.А. Литвинский ввел в науку новую до того времени неизвестную культуру эпохи бронзы, которую называли кайраккумской². В своих работах Б.А.Литвинский подчеркивает, что кайраккумские материалы создали прекрасную возможность для изучения истории индоиранских племен эпохи бронзы не только по Таджикистану, но и по всей Центральной Азии. Анализируя материалы Кайраккумской культуры Б.А. Литвинский смог показать эволюционный процесс генезиса, развития и взаимосвязь материальной культуры изученного ареала с подобными памятниками в

127-133.(596с.); Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: «Наука», 1972. – С. 27-43.; Негматов Н. Государство Саманидов. – Д., 1977.; Турсунов Н.О. Таърихи тоҷикон. – Хучанд: нашриёти ба номи Раҳим Ҷалил, 2001. – С. 137-140.; Таърихи халқи тоҷик. Китоби якум. Аз инсонии оқил то тоҷики баркамол. Дар зери таҳрири умумии академик Нуъмон Нӯматов. – Душанбе: Сарпараст, 2003. – С. 58 – 66.; Абдуллои Мирбобо. Муқаддимаи таърихи Хучанд: Ношир, 2013. – С. 250-272.; Рахимов Н. К вопросу о миграции племен Кайраккумской культуры.//Таърих ва этнографияи тоҷикон. – История и этнография таджиков. (Мачмуаи илми бахшида ба 70-солагии зодрузи этнограф Усто Чахонов). Мухаррирони масъул – профессор Мирбобоев А., профессор Рахимов Н. – Хучанд: ЧДММ Наргиз, 2011. – С. 30-42.(304с.); Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа (Исследование). /Составители: А. Раджабов, Р. Мукимов. Отв. Редактор: А. Раджабов. -Душанбе: Дониш, 2016.-806с. и др. (можно добавит также исследование советских российских ученых по арийской тематике-академические работы Г.М. Бонгард-Левина, Э.А. Грантовского, М.М. Дьяконова, И.М. Дьяконова, Е.Е. Кузьмина и др.)

¹ Литвинский Б.А. Археологическое изучения Таджикистана советской наукой (краткий очерк).- Сталинабад. АН Тадж.ССР,1954 С.83., он же, Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970г.г.(Некоторые итоги и проблемы),Археологические работы в Таджикистане – М.1973.-вып.10.С.5-41.;он же. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977)//Вестник древней истории –М.1977.-№4.-С.73-92.он же, Проблемы истории культуры Бактрии-Тохаристана в свете археологических работ в Южнот Таджикистане.-Душанбе,1987.-Вып.20 (1980г.)-С.15-50,; Он же, Бободжан Гафурович Гафуров и его труд // Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековаяистория.-Душанбе,1989 –Кн.2.-С.-331-383. И т.д.м

² Литвинский Б.А. Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана).- Душанбе, 1962._495с.(с иллюстр.)

Центральной Азии. Он подчеркнул связь позднейших культурных пластов эпохи бронзы с андроновской – арийской культурой. Б.А. Литвинский писал, что «Самоназвание древнеиранских и древнеиндийских племен было одинаковым – агуа (арии)».¹ Но, говоря о лингвистической группировки в науке, Е.Е. Кузьмина, отмечает, что язык индоиранских народов в древности и на современном этапе делят на три группы: язык дардов и нуристанцев, индоарийский и индоиранский. Такие группы с исторической точки зрения не всегда является приемлемым для этнографической науки, потому что этноним «ариец» относится каждому из этих племен и народов.²

На основании материалов этих памятников Б.А. Литвинский впервые обратился к проблеме распространения носителей индоевропейских языков в Средней Азии – важной научной проблеме, над решением которой он работал в дальнейшем многие десятилетия.

Выдвинутая идея Б.А. Литвинского о культуре сакских племен, которые, по его мнению, являются создателями последних этапов материальной культуры Кайракумов, заключается в следующем: «В качестве рабочей гипотезы можно высказать мнение о сложении Кайракумской культуры на местной основе, но в обстановке непрерывного притока андроновских элементов с северо-востока и севера и тесных связей как с южными культурами расписной керамики, так на поздних этапах и с чувстской культурой».³ Отсюда следует, что его предположения объективны и андроновская культура, бытовавшая в Евразийской степной зоне, считается степной культурой кочевых индоарийских племен. Согласно выдвинутой им гипотезе, систематизации точек зрения по определению прародины носителей индоарийской культуры, последние состоят из групп сторонников, считавших прародиной индоарийцев следующие территории: Индия, Венгрия, Причерноморье и северокавказские степи, Средняя Азия. Несмотря на предложенную теорию, Б.А. Литвинский заодно подчеркивал наличие целого ряда других ее вариантов. Например, он отметил, что некоторые ученые в своих построениях объединяют Причерноморье, северокавказские степи и Среднюю Азию.⁴ Вопросы форми-

---

¹ Литвинский Б.А., др. Древности Кайракумов. – С. 291.

² С этой точки зрения, на месте терминов «индоиранцы», «иранские племена» этого периода, мы широко используем термин «индоарийцы» относительно индоязычных и персоязычных племен и народов.

³ Литвинский Б.А., др. Древности Кайрак-Кумов. – С. 290.

⁴ Литвинский Б.А., др. Древности Кайрак-Кумов. – С. 292.

рования индоарийцев и индоиранцев в Средней Азии рассматривали не только ученые республик бывшего Советского Союза, но и ученые Запада. Сторонниками этой гипотезы, были А.В. Шлегель, Х. Лассен, М. Мюллер, Дж. Никольс. К ним присоединились советские ученые – академик С.П. Толстов, исследовавший древнехорезмскую культуру, частично эту гипотезу поддерживали В.М. Массон и И.М. Дьяконов.¹

Исследование могильников эпохи бронзы, расположенных в низовьях рек Вахша, Пянджа и Кызылсу позволили Б.А. Литвинскому выделить новый тип культуры, названной им вахшской.² Он является основоположником нового направления науки – археологического источниковедения среднеазиатской археологии. Б.А. Литвинским разработана периодизация древних городов этого региона. Исследование памятников буддизма положило начало буддологии в Таджикистане.

Таким образом, Б.А.Литвинский, внес огромный вклад в изучение древнейшей, древней истории таджиков, его научные изыскания продолжают таджикскими археологами, новейшие материалы позволили углубить знания и выстроить основы концепции этногенеза таджиков.

Широко известный ученый В.А.Ранов, изучавший каменный век, одним из первых выдвинул идею о древнейших компонентах этнических общностей гиссарской культуры Таджикистана. В.А.Ранов будучи одним из ведущих специалистов мирового уровня он перевел исследование каменного века Таджикистана в области каменного века, вывел исследование каменного века Таджикистана в категорию эталонных научных изысканий. Разработав периодизацию каменного века Таджикистана и наметив общую периодизацию памятников этого периода Центральной Азии, В.А Ранов. открыл и с особым вниманием изучил гиссарскую неолитическую культуру.

Рассматривая неолитическую гиссарскую культуру, (шестое – второе тысячелетия до н.э.) в своих первых аналитических разработках, В.А. Ранов считал, что этногенез таджиков можно начинать с появления племен степной бронзы (второе тысячелетие до н.э.), которое принесли с собой протоиранский язык в его ранней форме. Но ведь племена эпохи бронзы не пришли на пустое место – здесь уже несколько тысячелетий существовало исторически сложившееся единство неолитических племен, отражавших культурное и, по всей вероятности, уже этническое единство.

---

¹ Пьянкова Л.Т. Энеолит и бронзовый век. //ИТН. Том 1. Древнейшая и древняя история. – С. 182.

² Литвинский, 1964, с.158; 1967, с.126-127.

Поэтому все последующие аналитические разработки привели его к тому, что в конце каменного века, в неолите, на территории Средней Азии очень четко вырисовываются три историко-культурные общности, отличающиеся, кроме территории распространения, также антропологически и, возможно, языковыми особенностями и различием экономической основы существования. Это джейтунская культура – первая раннеземледельческая культура на территории Средней Азии. Второй историко-культурной общностью является кельтеминарская культура охотников и рыболовов. И наконец, третья – гиссарская неолитическая культура, которая является завершающим этапом каменного века Средней Азии. Согласно определению антрополога Т.П. Кияткиной, антропологически гиссарцы представляют обособленную группу, отличающуюся как от людей джейтунской, так и кельтеминарской культур. Экономическая основа гиссарской культуры вызвала очень длительную дискуссию. В.А. Ранов дал глубокий научный анализ и заключил, что выдвинуты предположения не имеют под собой достаточно полных обоснований и должны рассматриваться как начальные этапы оседания охотников и собирателей на земле. Это всегда является свидетельством начала производящего хозяйства, т.е. начало неолитической революции. На фоне доступного археологического материала с памятников гиссарской культуры, глубоко анализируя их, В.А. Ранов ставит вопрос о роли гиссарской культуры на ранних этапах этногенеза таджиков. Он привлекает гиссарскую культуру к этногенезу таджиков на основе археологических данных, полученных в результате полувекового изучения памятников этого времени, он осторожно выдвигает некоторые компоненты, которые определяют понятие этноса, т.е. специфическую общность людей (семья, род, община), сложившуюся на определенной территории, имеющую социально-экономическое единство, т.е. начинает формироваться хозяйственно-культурный тип оседлых земледельцев. В.А. Ранов считает что эпоха неолита начала формировать такие элементы этноса как общность территории, социально-экономическая общность, а также материальную культуру.

Важнейшим признаком этноса является язык, на базе которого возникает общее этническое самосознание и как результат самоназвание народа, включающее представление об общем происхождении. В.А. Ранов считает, что гиссарцы говорили на одном языке. В своих исследованиях он выдвигает некоторые соображения о языке, как важном компоненте

этнического характера для гиссарской культуры. Анализируя работы венгерского лингвиста Я. Харматты, который выдвигает гипотезу о существовании трех языковых зон в эпоху неолита Средней Азии, В.А. Ранов поддерживает эту гипотезу и считает что горная восточная часть Средней Азии была территорией распространения языка бурушасков. Он полагал, что это был язык, который встретили здесь первые племена, носители протоиндоиранского языка. Постепенно предвзяв широкую последующую инвазию, они стали проникать и на оба берега Амударьи в пределах Афгано-Таджикской депрессии. Очень заманчиво считать, что за целое тысячелетие, до прихода хорошо известных земледельческо-скотоводческих племен поздней бронзы (1300-1100 лет до н.э.), протоиндоиранский язык уже проник в среду гиссарских родовых общин.¹ Это бы объяснило мирную ассимиляцию гиссарцев пришельцами с запада.

Изучая гиссарскую культуру, В.А. Ранов выдвигает гипотезу, согласно которой гиссарская культура представляет отдельное звено среди родственных культур Центральной Азии – звено особое и самостоятельное. Для неолитической гиссарской культуры было установлено, что в технике обработки камня сохраняются некоторые черты, унаследованные от предыдущей мезолитической культуры, при этом широко использовалась передовая шлифовальная технология. Затрагивая вопрос об экономическом базисе гиссарских племен В.А. Ранов развивает гипотезу А.П. Окладникова, который предположил, что гиссарцы были первыми земледельцами и скотоводами Центральной Азии, в том числе и на нынешней территории проживания таджиков. Итак, В.А. Ранов считает, что гиссарская культура является древнейшим этническим компонентом в этногенезе таджиков и должна учитываться в этом статусе при рассмотрении данного вопроса.²

Академик Н.Н. Негматов является одним из видных археологов, культурологов, исследователей древнейшей, древней и средневековой истории таджикского народа. Ему принадлежит несколько исторических открытий, среди которых цивилизация Уструшаны, локализация в городе Худжанде античной Александрии Эсхаты на Яксарте, изучение древних

---

¹ Подобные идеи уже высказывались ранее. См. Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев. В кн: Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. – М., 1981, с. 113. Речь идет о гипотезе Л. Грэя и Т. Барроу.

² Масов Р., Ранов В.А. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа // Мероси Ниёгон – 2003/6. – С.59.

культурных слоёв Исфары, Канибадама, а также городища эпохи поздней бронзы Нуртеппа в районе санатория Хаватаг¹.

В трудах Н.Н. Негматова прослеживается углубленное изучение этногенеза таджикского народа, что позволило ему подготовить почву для формирования проблем этногенеза и дальнейшего освещения процесса сложения основных этнических компонентов. В своем анализе он всегда придерживается классического определения этносов, учитывает его признаки: общность языка, территорию проживания, экономическую основу жизни этнома и его культурогенез. Испытывая огромный интерес к индоевропейской проблеме, Н.Н. Негматов изучает гипотезы европейских и советских ученых, критически анализирует их, дальше развивает их.² В последних своих работах Н.Н. Негматов дает своеобразную характеристику этапов формирования таджикского народа³. Выдвинутая Н.Н. Негматовым гипотеза – арийской «золотой подковы» вызвала в научных кругах различную реакцию. Как большой знаток этого периода он предлагает один из вариантов локализации Арийана – Вайджа, поместив ее внутри одного ареала – в «подкову». Н.Н. Негматов считает, что именно в Средней Азии была расположена Арийана – Вайджа и на этой территории 12-6 тысяч лет тому назад до нашей эры проживали индоевропейцы. В конце IV – III тысячелетия до н.э.⁴ «... начинаются миграционные процессы в разные регионы Евразии... через северный и южный Кавказ в бассейны Днепра, Дуная и Карпатских гор... на юго-восточный Урал... в степи между Волгой и Енисеем... Новые группы ариев мигрировали в Северный Индостан, приокеанский пояс Афганистана и Ира-

---

¹ Таърихи халки тоҷик. Китоби якум. Аз инсонӣ оқил то тоҷики баркамол. /Дар зери таърири умумии академик Нуъмон Неъматов. Душанбе: Сарпараст, 2003. – С. 58 – 66.; Негматов Н. К проблемам культурно-антропологической и цивилизационной периодизации истории таджикского народа/ Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа. Душанбе: Дониш, 2016. – С. 20-30. (80бс.); Он же. Прародина Ариев. Там же. – С. 79-114.; Он же. Истоки этногенеза и культурогенеза таджиков. Там же. – С. 115-121. Он же. Этногенез таджикского народа. Там же. – С. 337-428.; Он же. Таджикское Эхё. От Сасанидов до Саманидов. Там же. – С. 438-474. Он же. Шест веков таджикского исторического феномена (X-XV вв.). Там же. – С. 502-544.; Негматов Н., Воднев В.В. Среднеазиатская автохтонность этногенеза и культурогенеза ариев. Там же. – С. 131-150.; Негматов Н., Воднев В.В. Великая степь Евразии в культурогенезе. Там же. – С. 408-732.

² Негматов Н. Прародина ариев. / Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа. Душанбе, Дониш, 2016. – С. 100.

³ Там же, С.98

⁴ Периодизация представлена академиком Н.Негматовым, см.: Негматов Н. Прародина ариев./ Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа. Душанбе, Дониш, 2016. – С. 79-114.

на, в Южный Прикаспий, Южный Кавказ, Малую Азию и через Дарданеллы в Фракию и бассейн Эгейского моря».¹

«Золотая подкова» включает, в основном, территорию Средней Азии на которой шел процесс консолидации и формирования индоарийских племен и именно с этой территории начался процесс их миграций в Европу и Азию. Это означает, что индоарийцы формировались в Средней Азии, и отсюда они поэтапно в течение нескольких столетий, распространялись в Европу и на юг Средней Азии. Научная гипотеза, представленная Н. Негматовым, сформировалась на основе научных изысканий А.В. Шлегеля, Х. Лассена, М. Мюллера, С.П. Толстова, Б. Гафурова, А.М.Мандельштама, В.М. Массона и И.М. Дьяконова, открывает новые возможности для глубокого изучения и анализа накопленных знаний, для окончательного доказательства гипотезы «золотой подковы» и эта проблема продолжает быть в центре внимания многих ученых Таджикистана, России, Узбекистана, коллег из западных и других стран. Таким образом, работы Н.Н. Негматова стали теоретической основой для всех последующих исследований по истории древней Средней Азии.

Вопросы происхождения, формирования таджикского этноса находятся в центре внимания Основателя мира и национального единства, Лидера нации, Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона, который в своих исторических работах, прежде всего в книгах «Таджики в зеркале истории», «Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов»², «Арии и познание арийской цивилизации или размышления накануне Года арийской цивилизации»³, а также в научно-исторических статьях обратил особое внимание на вопросы этнической истории таджикского народа, территории его формирования с древнейших времен, миграционные процессы в Центральной Азии во времени и пространстве, арийское наследие, вопросы языка и культуры.

Идеи устойчивого национального государства, которые выдвигает Лидер нации Эмомали Рахмон отождествляются с сохранением и развитием

---

¹ Негматов Н. Прародина ариев.- С. 105, 112, 113.; Негматов Н. Истоки этногенеза и культурогенеза ариев Арианы/Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа.- Душанбе: Дониш, 2016. – С. 117-118.

² Э.Рахмон Таджики в зеркале истории.-Душанбе,Шарки Озод,1996,80с.; Он же. Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов.Книга первая. –Londob: Flint rivereditoris Great Britaib,1999.-240с.

³ Э.Рахмон. Арийцы и познание арийской цивилизации. Размышление накануне празднования Года арийской цивилизации. – Душанбе: Ирфон, 2006.-95с.; Он же. Арийские ценности в мировой цивилизации. Статья // Народная газета.-2006. – 6 сентября.

таджикского этноса. Это очень важно, тем более, когда задача построения в республике современного демократического общества стала неотъемлемой составляющей стратегического курса нашего государства.¹

Поэтому, именно эти составляющие будут способствовать укреплению основ современного таджикского государства, его институтов через национальное самосознание и национальную идентичность, что приведет к единой цели в нациостроительстве – консолидации таджикского народа.

Лидер нации Эмомали Рахмон, опираясь в своих работах, на данные достоверных источников, продолжает развивать выдвинутый тезис об автохтонности иранозычного населения Центральной Азии. Обладая глубокими знаниями этнических процессов, исторически обоснованно и объективно он рассуждает об узловых моментах этнической истории таджикского народа, усматривая древность в более раннюю эпоху, эпоху зороастризма.²

Президент Таджикистана Эмомали Рахмон, выступая с различных трибун, подчеркивал, что было бы ошибочным утверждать, что государство Саманидов является началом истории таджикской государственности. Ибо еще задолго до эпохи Саманидов таджики основали целый ряд государств и были признаны древнейшим народом Средней Азии, открывшим первые страницы цивилизации на этой земле³.

Выдвигая тезис о древней государственности таджиков еще до государства Саманидов IX-X вв., Эмомали Рахмон считает, что «зороастризм навечно наделил предков таджиков высокой духовностью».⁴ Такое утверждение Э. Рахмона имеет глубокие исторические корни наследия, насчитывающего тысячелетия в течении которых «таджики сохраняли свою идентичность и культуру, а «таджикский язык стал ведущим языком многих государств и империй»⁵.

Взгляд Эмомали Рахмона на арийскую цивилизацию с ее культурно-нравственными ценностями - это взгляд ученого -историка, который видит не только арийскую цивилизацию, но и связь между цивилизациями и

---

1 Э. Рахмон. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т.2, Душанбе, 2006.-С-9.

2 Э. Рахмон. Таджикистан. Опыт истории и открытость будущему // Независимая газета. 2001. 6 сентября. - С. 1, 11.

3 Э.Рахмон. Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов. Книга первая.- Душанбе.: Ирфон,2010.-С.6

4 Там же, – С. 12.

5 Там же, – С. 11

культурами, к этому он привлекает как свидетельства исторические памятники сохранившиеся на территориях проживания арийских народов и в других странах. Эмомали Рахмон поддерживает мнение российских, отечественных и западных ученых о локализации «Ариана-вайджа», и ссылаясь на археологию, он указывает на огромные по размерам пространства, освоенные иранскими («арийскими») народами в раннем железном веке. Он считает «извечной родиной» ариев – Среднюю Азию¹

Выдвигая эти идеи, Президент Эмомали Рахмон развивает тезис об «арийском первородстве» таджиков и «зафиксировал» его во времени и пространстве². По его утверждениям, древняя арийская цивилизация зародилась на территории Центральной Азии, Хорасане, северном Афганистане. Этот взгляд на прошлое опирается на разработки таджикских историков и археологов.

Таким образом, исследование этногенеза таджиков Эмомали Рахмон считает сложным процессом, который должен показать формирование народа, начиная от древнейших восточно-иранских этнических общностей, тесно связанных с «арийским наследием» до народа с этнонимом – «таджик».

Значительная заслуга по изучению древнейшего периода истории Центральной Азии принадлежит академику Ю.Я. Якубову. Ему удалось поднять пласт малоисследованных вопросов – это динамика развития горных поселений и их типология, архитектура и структура горных поселений³, экономика, развитие ремесленного производства и т.д. Ю.Я. Якубов провел исследования по классификации керамики и определению характера оборонительных сооружений, а также затронул вопросы, связанные с планировкой застроек. Одним из первых он начинает изучать хозяйство таджиков горных регионов⁴, их обычаи и обряды, древние социальные институты, материальную и духовную культуру горного Согда.

---

1 Э. Рахмон. Арии и познание арийской цивилизации (Размышления накануне празднования Года арийской цивилизации) // <http://www.president.tj/rus/vistupleniy280606.htm> (последнее посещение 14 марта 2009).

2 Э.Рахмон. Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов. Книга первая., Душанбе: Ирфон, 2010.-С.6.

3 Якубов Ю. Паргар в VII-VIII вв. н.э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). – Душанбе, 1979. – 218 с.; он же: О структуре сельских поселений горного Согда в раннем средневековье// Культура и искусство Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. – С. 73-78, рис. 27-30.

4 Якубов Ю. Раннесредневековые бытовые очаги из поселения Гардани Хисор.// Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1982.-С. 111-121

Две фундаментальные монографии «Паргар в VII – VIII вв.»¹ и «Ранне-средневековые сельские поселения горного Согда»² вывели изучение этого вопроса в ранг эталонных для дальнейших исследований единовременных памятников всего Среднеазиатского региона.

Ю.Я. Якубов относится к числу немногих исследователей, занимающихся исследованием государственности по древнейшим письменным источникам, сопоставляя их с археологическим материалом им написаны такие фундаментальные работы «Религия древнего Согда»³ и «Государство Кайянидов». Одновременно с изучением различных регионов Таджикистана Ю.Я. Якубов методично разрабатывает исследования по проблеме исторической географии Центральной Азии.

Проблемам этногенеза и этнической истории посвящали свои исследования Масов Р.М.⁴. Махаммад А.Н.⁵ Пирумшоев Х.П.⁶ Заслуга Х. Пирумшоева в этом направлении зримо прослеживается в его работах, посвященных историографическому анализу трудов ученых, в той или иной мере причастных к изучению различных этапов процесса этнического сложения таджикского народа. Другой таджикский ученый-этнограф, профессор Н.О.Турсунов в своем академическом труде «История таджиков», дал глубокий анализ всех доступных археологических, лингвистических и письменных сведений относительно арийского вопроса.⁷ Об этническом процессе эпохе древности на территории современной Согдийской области, заслуживает внимание мнения профессоров А.К. Мирбабаева и Н. Рахимова, считающих оседлое население древней Ферганы – создателями Чустской культуры архаического Худжанда, и это – осевшие в этом регионе сакские племена – потомки древних арийских пле-

---

1 Якубов Ю. Паргар в VII-VIII вв. н.э. (Верхний Зеравшан в эпоху раннего средневековья). – Душанбе, 1979. – 218 с.

2 Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. - М. – 1988

3 Юсуфшохи Ёкубшох. 2012. Давлати Каёниён. – Душанбе: Эр-граф, 2012. – 544с.

4 Масов Р., Ранов В.А. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа // Мероси Ниёгон, 2003/6. – С.59.

5 Мухаммад А.Н. Таджики - «корононосец» (Опыт этнополитологического анализа).- Душанбе: «ЭР-Граф», 2018.-168с.

6 Пирумшоев Х. Русские дореволюционные исследователи о городах Восточной Бухары конца XIX – начала XX вв. – Душанбе: «Дониш», 1992 – 130 с.; Его же. Российско-среднеазиатские отношения XVI-середины XIX веков в русской историографии. – Душанбе: «Маориф», 2000. – 338 с.; Его же. Россия–Таджикистан: история взаимоотношений. – Душанбе: РТСУ, 209. – 688. (в соавторстве с М. Маликовым).

7 Турсунов Н.О. Таърихи тоҷикон. – Хучанд, – С. 140.

мен.¹ Кочевые сакские племена были создателями Кайракумской культуры, расположенной в ареале Согдийской области.

Большой вклад в решении вопроса этногенеза населения Центральной Азии, в том числе и таджиков внесли антропологи, которые на основе добытого при археологических раскопках краниологического материала и изучение физического облика современных таджиков сделали ряд ценнейших наблюдений и выводов по антропологическому типу населения в древности, в средние века и в новейшее время, а также о таджиках в целом. Все эти исследования показали, что таджикский народ сформировался из ряда ираноязычных этнических общностей и является отдельным этносом² с единым языком, единой территорией формирования.

В.В.Гинзбург - доктор исторических наук, антрополог, археолог, исследователь проблем этногенеза и расогенеза населения Подонья, Поволжья, Средней Азии и Казахстана, истории антропологической науки. В 1932—1933 годах он проводил антропологические исследования и в Таджикистане, где обследовал жителей кишлаков Каратегина, Центрального и Восточного Дарваза. Он в 1935 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Горные таджики».

Первые антропологические исследования археологического материала в Таджикистане осуществлены В.В. Гинзбургом по материалам погребений Тупхона Гиссарского района³ в составе Гиссарского археологического отряда. В. В. Гинзбург, издавший результаты своих работ отдельной книгой, среди горных таджиков определил и выделил типы, содержащие данные о локальных вариациях антропологических признаков⁴. Первые

---

¹ Мы солидарны с мнением авторов, о образовании Худжанда с осевшими сакскими племенами. См.: Мирбабаев А., Рахимов Н. Сакские наследие архаического Худжанда (К этнической истории таджиков). / Актуальные проблемы культурогенеза таджикского народа./Ответственный редактор: профессор Аскаралли Раджабов. – Душанбе: Дониш, 2016. 1– С. 121, 125(-С.121-130).

² Негматов Н. Н. К проблемам культурно-антропологической и цивилизационной периодизации истории таджикского народа // Центрально-Азиатские Гуманитарные Исследования. 2000. – Вып. 4. – Худжанд: Изд. ХГУ им. акад. Б. Гафурова, 2000. – С. 5-12.

³ Гинзбург В. В.. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. – М.—Л. – 1937; он же, Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА, 1950. – № 15. – с. 241–250; он же, Материалы к краниологии Согда. // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж.ССР и ГЭ. 1948-1950 гг. – Т. II. /МИА. – М.-Л.: 1953. – № 66. – С. 157

⁴ Гинзбург В.В.. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жидища горных Таджики // СЭ. – 1936. – № 3. – С. 59-77; он же., Антропологический состав населения Западного Памира (по материалам Н. В. Богоявленского) // Антр. Журнал. – 1936. – № 1; он же, Горные таджики. Мате-

антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии¹, Согда², таджиков³ и народов Средней Азии⁴ собраны В.В. Гинзбургом.

Антропологический материал окрестностей древнего Пенджикента был исследован В.В. Гинзбургом по материалам курганного могильника Саурсай (15 курганов), могильника в урочище Мушхона (4 кургана), погребения в Зосуне (10 погребений), остеологических материалов оссуариев, хумных захоронений и черепа из наосов пригорода древнего Пенджикента, черепа из оссуария урочища Обхурак, погребения Батуртеппа, курганы Мингдоны⁵. По его мнению, антропологический тип у всех материалов европеоидный, средиземноморский. Антропологический материал принадлежит непосредственным потомкам более древнего населения, которое было родственно населению Передней Азии и юга Средней Азии⁶. Наряду с антропометрией и антропоскопией определенное место в его программах антропологических экспедиций занимал и сбор данных по физиологической антропологии. В. В. Гинзбург собрал небольшие, но очень выразительные данные по вариациям системы АВО у горных таджиков, которые и сейчас служат примером резких различий по мономерным признакам между близкими селениями в условиях изоляции⁷ было изучено кровяное давление у горных таджиков⁸. По археологиче-

---

риалы по антропологии таджиков Каратегина и Дарваза. – М.—Л. – 1937; он же, Таджики предгорий // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. – М.-Л. – 1949. – Т. XII,

¹ Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА, 1950. – № 15. – с. 241–250

² Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда. // Труды Таджикской археологической экспедиции ИИМК АН СССР, ИИАЭ АН Тадж.ССР и ГЭ. 1948-1950 гг. – Т. II. /МИА. – М.-Л.: 1953. – № 66. – С. 157 – 168

³ Гинзбург В.В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков.// КСИИМК — 1956. – Вып. 61. – С. 45-48

⁴ Гинзбург В. В.. Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза её народов // КСИА. – М.-Л. – 1959. – Вып.31.; он же., Теория происхождения расового типа Среднеазиатского междуречья // Тезисы докладов «Этнографических исследований за 1967 год». – Л. – 1967;. Гинзбург В. В., Трофимова Т.А.. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука. – 1972. – 371 с.

⁵ Гинзбург В. В. Антропологические материалы из окрестностей древнего Пянджикента // МИА, 1958. – № 66. – С. 281–289.

⁶ Там же .

⁷ Гинзбург В. В. Изогемоагломинация у горных таджиков. // Антр. Журнал. – 1934. – № 1—2; ое жеи, Гинзбург В.В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жидища горных Таджикив // СЭ. – 1936. – № 3. – С. 59-77.

⁸ Гинзбург В. В.. Изучение кровяного давления у горных таджиков //Антр. Журнал, 1936. – № 2.

ским материалам составлена антропологическая характеристика саков Памира¹. Им были изданы также материалы Н. В. Богоявленского, собранные в 1898 и 1901 гг. на Памире.²

Кияткина Т. П. кандидат исторических наук, антрополог, археолог, с самого первого дня поступления на работу в сектор археологии и до момента отъезда из Таджикистана была единственным антропологом почти на все экспедиции работавшие как на севере, так и на юге республики. Антропологический материал из могильников Памира, исследованный Т.П.Кияткиной (34 мужских и 27 женских черепов), представляет один расовый тип с комплексом европеоидных признаков, зафиксированных в Передней и Центральной Азии. Всё это свидетельствует о юго-западных связях (северные, семиреченские не обнаружены). Генетически расовый тип населения сакского времени восходит, вероятнее всего, к эпохе бронзы. Антропологический материал Тулхарских могильников Южного Таджикистана позволил Т.П. Кияткиной провести широкие исследования в плане расово-генетического определения, показавшего, что начиная с самых ранних этапов заселения территории Таджикистана, население отражает средиземноморский тип европеоидной расы. Непосредственная работа с антропологическим материалом при раскопках способствовали созданию в фондах отдела археологии большой коллекции краниологических материалов широкого диапазона времени VI тыс. до н.э. – II тыс. н.э. (древних черепов более 600 экз.).

Были сделаны первые для гиссарской культуры антропологические находки. По данным Т.П. Кияткиной, жители Туткаула принадлежали к еще не дифференцированному протоевропеоидному расовому типу³ Курганы Оксай-I, согласно проведенным антропологическим исследованиям Т.П.Кияткиной, оставлен саками. Могильники Ляхш I и Ляхш II (V-VI вв. н.э.), указывают на то, что по расовому типу древние обитатели верхней части Вахша являлись европеоидами, т.е. ираноязычными. В могильнике Чатрсанг, где Т.П.Кияткиной были раскопаны ямные захоронения, наряду с европеоидами выделены отдельные захоронения монголоидов и метисов, что можно считать временем достоверного первичного проникновения тюркоязычного элемента в ранее сплошной массив европеоидного населения.

---

¹ Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Западного Памира (по материалам Н. В. Богоявленского) // Антр. Журнал. – 1936. – № 1

² Там же.

³ Кияткина Т. П. 1976. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе. – 1976. – С.10-13

Т. П. Кияткина указывает, что расовая дифференциация в Средней Азии происходит, по меньшей мере, через одно тысячелетие. На основании изучения антропологического материала гиссарской культуры этот же автор высказывает важную идею о том, что влияние миграционных процессов на формирование средиземноморской расы в Средней Азии, вероятно, преувеличено и ряд вариантов восточносредиземноморского антропологического типа мог развиваться на месте. При этом гиссарские находки представляют самые древние постпалеолитические антропологические свидетельства Средней Азии.¹

Помимо скрупулезной технической и реставрационной работы Т.П. Кияткиной проведена серьезная научная работа, которая нашла свое отражение в большом объеме публикаций, где обработаны и внесены в научный оборот все полученные на территории Таджикистана антропологические материалы².

3. Периодизация этнической истории таджикского народа

Таджикский народ создал на протяжении тысячелетий богатую земледельческую и городскую культуру, великолепные города и зодчество, технику и техническую мысль, декоративное и прикладное искусство, монументальную живопись и книжную миниатюру, народную и классическую музыку, богатую духовную культуру, науку, литературу, общественно-политическую мысль, теорию народного свободного справедливого государства, увенчанные именами сотен и тысяч крупных деятелей разных исторических эпох. Громадное и разнообразное культурное наследие, которое создано таджикским народом, стало предметом исследований широкого круга ученых – специалистов гуманитарных наук, научных экспедиций и научно-исследовательских учреждений.

Развивая археологию, археографию, этнографию, искусствоведение, филологию, изучение философской и общественно-политической мысли, накопивших громадный материал историко-культурного порядка, гуманитарные науки Таджикистана пока мало занимаются их обобщением, выявлением общих путей и закономерностей развития культуры народа, взаимодействия ее составных частей, возрастающую роль достижений

---

¹ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. - С.10-13

² Кияткина Т.П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. – АКД. – М. – 1966

культуры в поступательном прогрессе экономики и социально политических отношений современного общества.

Поэтому настает неотложная необходимость исследований по новым направлениям культурной антропологии, истории и теории материальной и духовной культуры, выделение основных этапов этногенеза и закономерностей развития и периодизации истории таджикского народа. В свете сказанного получает первостепенную важность постановка проблем, прежде всего этногенеза таджикского народа и его периодизации.

I. Весь имеющийся к настоящему времени накопленный гуманитарными науками материал позволяет продолжить периодизационную концепцию истории Центральной Азии в общем и наметить периодизацию ирано-таджикской истории с выделением следующих восьми решающих этапов:

1) Этап формирования современного человека на территории Прародины-Родины таджикского народа. Археологические периоды: лессовый палеолит, палеолит, мезолит. Социальный: первобытный строй.

2) Этап формирования протоарийцев-арийцев-индоиранцев. Археологические периоды: неолит, энеолит, бронзовый век. Социальный: общинно-сословный строй. Формирование зороастрийско-авестийской цивилизации (V-начало I тыс. до н.э.).

3) Этап сложения а) иранских скотоводческих кочевых сакской и массагетской конфедераций племен и родов, б) оседло-земледельческих и урбанизированных народностей: согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, маргианцев, фарсов и других на территории от Алтая-Тяньшаня – Памиро-Гималаев на севере и востоке до Кавказа и Загросса на западе и юге. Археологический: ранний железный век. Социальный: государственно-общинный строй. Этап галла микро-и макроцивилизаций (I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.).

4) Этап этнического сложения таджикского народа (V-X вв. н.э.), формирования и расцвета Таджикского классического Эхъё (V-XI вв. н.э.). Социальный: ранний и развитый феодализм.¹

5) Этап «Таджикского исторического феномена». Социальный: развитой феодализм (X-XV вв.).

6) «Этап затмения» таджикского бытия и культуры, военных интервенций, политической раздробленности и изоляции, больших этнокультурных потерь. Социальный: поздний, застойный феодализм (XVI-XIX вв.).

---

¹ Центрально-Азиатские гуманитарные исследования.– Худжанд, 2003, № 5. - С. 12-32.

7) Этап Неовозрождения таджикского народа (государственного, этнонационального, экономического и культурного) на части территории Таджикистана – Таджикской ССР (в рамках бывшего СССР) и Республики Таджикистан с непосредственным выходом в Мировое Сообщество (XX, XXI век).

Данная периодизация основана на принципе исторической реальности (примордиальность), которая имеет более пятитысячелетнюю историю (древнейший и древний период) таджиков. Наша концепция выдвигает несколько этапов в порядке хронологического развития этноса.

1. Саразмская культура, зарождение согдийской цивилизации.

Территория: вся Центральная Азия и Средний Восток. Первичное территориальное ядро. Памятники: Геоксюрская группа поселений, Анау, Саразм, Намазгатепа, Алтынтепа, Хараппа, Мохенджодаро, Дашти Козы, Сапалли, Джаркутан, Даштли. Время: IV-начало I тыс. до н.э. Формирование бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК).

Социально-экономическая и духовная революция ранних человеческих общин: переход от присваивающего (собирательство и охота) к производящему хозяйству (земледелие, скотоводство, палеометалл, наземное жилище, ранняя урбанизация) и новому образу жизни, приведшему к формированию нового социального общинно-сословного строя; завершение этапа первичной языческой духовности.

2. Зороастрийско-Авестийский этап (цивилизация) и переход к единобожью (бог Ахура Мазда и пророк Заратуштра) мировоззрению – зороастрийской религии с дуальной системой мышления о Добре (Ахура Мазда-Ормузд) и Зле (Ахриман-Заххок), Свете (День) и Тьме (Ночь) и образу жизни (оседлоземледельческо-урбанизационному и кочевому степноскотоводческому). Создание древнейших гимнов Авесты на письменном авестийском языке и Ведов на языке санскрит – первых величайших центральноазиатско-среднеазиатских творений мировой цивилизации. В Авесте обозначены древнейшие государственные образования Маргиана, Согд, Бактрия, Пенджаб и др.

3. Ахменидская общеиранская фарсо-великохорасанская макроцивилизация.

Территория: Фарс, Двуречье, Маргиана, Арейя, Бактрия, Согд. Время: VI-IV вв. до н.э. Формирование централизованной монархической империи Ахеменидов с развитыми средствами коммуникаций, транспорта (сухопутные и водные пути, коннопочтовые сооружения и военно-

инженерной фортификацией. Мощный взлет урбанизации и зодчества с главными центрами: Персеполь, Пасаргады, Сузы, Раги, Мерв (Эрккала, Язтепа), Балх, Самарканд (Афрасиаб), Курушкада (Кирополь), Архаический Худжанд, Хвартак (Нуртепа), Кубадиян (Калаи Мир), Кеш (Еркурган) и др. Развитие оазисно-земледельческой культуры и разнообразной ремесленной промышленности. Формирование общеиранской имперской духовности и этики на базе канонического зороастризма, собственно иранской письменной и художественной культуры, архитектурной и декоративной мысли и прикладного искусства (Амударьинский клад, Тиллотепа). Усиление интеграции ахеменидско-ближневосточных культур. Соприкосновение с эллинско-римской культурной общностью. Взлет государственно-общинного социального строя. Древнеперсидское классическое эхъё с главенствующим центром Фарс.

4. Эллинизм в Бактрии, Парфии, Иране, (конец IV-I в. до н.э.). Завоевание Александром Македонским Ахеменидской державы и создание краткосрочных империй Александра и Селевкидов. Греко-Бактрийское государство. Встреча двух миров и цивилизаций – эллинской и ираноязычной (иранской). Переход с загадочной к реальной дихотомии Восток-Запад. Эллинизм на Востоке: от берегов Средиземноморья до Сырдарьи и Инда. Парфяно-эллинский и греко-бактрийский синтез. Эллинская урбанизация: Дура Эвропос, Айханум, Таксила и др. Эллинизированная художественная культура и духовность. Гандхарское и Парфяно-Нисийское искусство.

5. Парфянская цивилизация (III в. до н.э. – III в. н.э.).

Собственно парфяно-хорасанская микроцивилизация Мерво-Нисийского этапа. Начальные центральноазиатские парно-дахо-массагетский кочевой, маргианский оседлоземледельско-урбанизированный и эллинистический компоненты цивилизации. Территория: Малый Хорасан (город и оазис Мерва, город Михрдат-гирд – Ниса и др.). Создание упорядоченного парфянского государства, общий подъем экономики и синтез родственных культур. Взлет художественной культуры, среднеиранской письменной и речевой системы языка пахлави – будущей корневой основы новоиранских языков (современных парси-дари-таджикского). Парфянская экспансия на юго-запад и запад, и создание Великой парфянской империи со столицей в г. Исфахане. Территория: Средний и Ближний Восток. Формирование парфяно-персидско-ближневосточной интеграционной галлакультуры. Эпоха четырех вели-

ких широтных империй Старого Света – Цинской, Кушанской, Парфянской и Римской.

6. Кушанская цивилизация.

Образование Кушанской империи. Территория: Северный Индостан, Бактрия, Бадахшан, Крорайна. Время: I в. до н.э. – III в. н.э. Развитие и канонизация буддийской религии. Буддийские центры и памятники: Каушанби, Таксила, Гандхара, Бамиан, Панджшер, Термез (Каратепа и др.). Художественная культура, искусство и письменность (Сурхкотал и др.).

7. Хорезмийская микроцивилизация (V в. до н.э. – IV в. н.э.). Развитие оседло-земледельческой культуры на базе искусственного орошения и урбанистической ремесленной промышленности. Города и памятники: Кюзелигыр, Дингильдже, Кой-крылганкала, Топраккала и др.

8. Скифо-сакская, массагетская, кангюйская горно-степные скотоводческие цивилизации. Территория: степи, предгорья и долины от Алтая и Енисея на Востоке до Каспия и Урала на Западе. Памятники: Аржан, горно-алтайские курганы (Пазырык, Туэкта и др.), Иссык, Тяньшанские курганы и культуры, Памиро-Алайские курганы и поселения, Тагискенские мавзолеи Приаралья, курганные памятники Мангышлака, Узбоя, Заузбойского плато, Большого Балхана, подножий Западного Копетдага и др. Достижения в селекции скота, средствах транспорта и вооружения (особенно легких колесницах), художественной культуре и языческой духовности.

9. В III – первой половине VII вв. н.э. формируется Сасанидская общесобирательная макроцивилизация, составившая исходную потенцию возрождения культуры V-XI вв.

Сасанидское генеративно-цивилизационное начало было заложено усилиями практически всех древнеиранских народностей Среднего Востока и Центральной Азии. Сасанидская эпоха была временем становления новых феодальных социально-экономических отношений и на их базе прогресса земледелия и ирригации, градостроительства и зодчества, добычи полезных ископаемых, роста ремесленной промышленности, интенсификации развития коммуникаций, региональных и мировых торгово-экономических и культурных сношений. В области духовной культуры были совершены сбор и кодификация Авесты и зороастрийско-маздеистской религиозной доктрины, митраизма, других древнеиранских религиозных, мифологических, героико-эпических, музыкально-певческих и художественно-словесных ценностей. В области материаль-

ной культуры были созданы художественные произведения торевтики, медальерного и ювелирного искусства, являющиеся до сих пор лучшими сокровищами мировых музеев. Заложенные при Сасанидах судьбоносные процессы и их фундаментальные достижения, однако не сумели остановить и сломать ни кочевые тюркские вторжения и иго, ни арабо-халифатская экспансия, ни погромы и попытки утверждения иной государственности, другой религии, культуры и языка в VII-начале IX вв.

10. Согдийская макроцивилизация V-IX вв. развивалась на огромной Согдийской территории: Самаркандского, Бухарского, Кашкадарьинского, Пенджикентского, Уструшанского и Худжандского Согда, Ферганы, Чача, Илака, Испиджаба и Хафтруда (Семиречье), а также многочисленных восточных колоний на маршрутах Великого Шелкового пути.

11. Тохаристанская цивилизация с ведущим центром в Балхе, тогда включавшая около трех десятков больших и малых областей бассейна Верхней и Средней Амударьи (Кубадиян, Хутгаль, Вахш, Бадахшан, Рашт, Кумед, Ахарун, Шуман и др.).

12. Мервский, Нишапурский и Гератский цивилизационные очаги VII-IX вв. Малого Хорасана.

13. Микроцивилизация Афригидского Хорезма V-X вв. с многогранными отраслевыми проявлениями в ирригационном земледелии, ремесленном производстве, науке, и урбанизации с ведущими центрами Кят и Гургандж.

14. Выход на историческую арену дома Саманидов и создание мощного централизованного таджикского государства ознаменовал начало новой эры таджикской истории и полного завершения консолидационных процессов самого таджикского народа; образование собственной государственности, языка, культуры. Консолидационные процессы включали:

а) сложение таджикского народа на базе аборигенных древнеиранских народностей, которое способствовало формированию этнического самосознания и самоназвания – «таджик»;

б) полного сложения общенародного языка парси-дари-таджикский до уровня литературного языка;

в) сложение единой этнической территории таджикского народа – Государства Саманидов, сопредельных областей Центральной Азии и Среднего Востока;

г) формирование и развитие социально-экономической жизненной базы таджикского этноса. Этнические процессы «эхъё» охватили огромную территорию Саманидской державы и целый ряд таджикских историко-культурных оазисов вне ее границ: Мавераннахр, Великий Хорасан, Хорезм, Хафтруд, Кашгаро-Хотано-Яркендский и Верхнеиндские регионы на севере и востоке, Табаристан, Фарс и Систан на юго-западе¹

15. Отметим также, что после Саманидской цивилизации IX-XI вв. и всеобщего Таджикского возрождения V-XI вв. с последовавшими друг за другом внезапными тюрко-монгольскими завоеваниями и этнокультурными ударами XIII-XIX вв. таджикский народ смог все же опять принять главенствующее участие в Центрально-азиатском цивилизационном взлете XV века, а в XX веке совершил неовозрожденческий (20-40-е годы) и цивилизационный (50-80-е годы) взлет.

---

¹ Негматов Н.Н. Концепция Центральноазиатской цивилизации XV в. // Центрально-азиатские гуманитарные исследования. – Вып. 1. – Худжанд, 1997. – С. 54-59.

ГЛАВА II

В ПОИСКАХ ДРЕВНИХ ЭТНИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

1. Археологические источники по этногенезу

Каждая историческая эпоха обладает определёнными специфическими чертами, находящими своё выражение в различных формах материальной, социальной и духовной культуры общества. Изучение древних периодов истории основывается, главным образом, на всестороннем анализе археологических источников, что позволяет восстановить основные особенности развития народа в конкретных культурно-исторических условиях.

Сложная понятийная масса «археологические источники» по-разному делится на типы, даёт начало разным классификациям, разным производным понятиям, разным конкретным упорядочениям материала.

Термин «археологические источники» часто подменяется другими пояснениями, на первый взгляд, произвольно. На самом же деле – лишь в определенных ситуациях, строго отобранными синонимами и по достаточно жестким правилам и с рядом ограничений. Несмотря на теоретическую важность и главенство рассмотрения наших объектов как археологических источников, этот ракурс ни исторически, ни методически не был первичным. Только сегодня начинаются наработки необходимых критериев понятия «археологические источники этногенеза» вообще¹, и этногенеза таджикского народа, в частности. В данном разделе попытаемся выделить из общей массы исторических источников те, которые задействованы как археологические источники этногенеза с привлечением конкретных археологических материалов Таджикистана и Центральной Азии.

Многозначность и в широком смысле полифункциональность археологических источников делает весьма сложной проблему их классификации.

---

¹ Клейн Л. С. Этногенез и археология. Том 1: Теоретические исследования. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013.— 528 с

В целом их можно грубо делить на простейшие, или движимые (орудия труда, украшения, клады и т. д.), и сложные или недвижимые (постройки, поселения, могильники и остатки производства: поля, ирригационные сооружения, гончарные печи и т. д.). В основу классификации артефактов можно положить их морфологические или технологические особенности. Подобного рода классификации имеют формальный характер, так как содержательное начало отступает в них на второй план. С развитием трасологических исследований появилась возможность создания, казалось бы, более логичной смысловой, функциональной классификации.

Что касается археологических публикаций, то они многочисленны. Это, прежде всего, работы монографического плана, итоговые научные публикации по изучению наиболее важных археологических памятников, соответствующие альбомы находок и т.п. Но прежде всего, в качестве источников важны отчеты и сообщения об осмотре и раскопках археологических памятников или публикации отдельных находок. В эту категорию входит сборник отчетов и статей в серии «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА), полная серия сборника отчетов «Археологические работы в Таджикистане», многотомная серия «Археология СССР», альбом «Древности Таджикистана», сборники статей серии «Материальная культура Таджикистана», «Материалы Пенджикентской археологической экспедиции», «Памироведение».

Наряду с нарративными письменными источниками большое значение для изучения истории контактов таджиков с народами Центральной Азии имеет эпиграфика. Найдены многочисленные памятники согдийской эпиграфики и нумизматики. Фрагменты надписей, сопровождающие настенную живопись, обнаружены при раскопках городища Пенджикент. Здесь же найдены надписи на керамике, в том числе остраки (VII – начало VIII в.), из которых наиболее важен острак с согдийской азбукой, происходящей из арамейского алфавита. Формы букв совпадают с формами букв согдийской письменности VII-VIII вв. н.э. Согдийские надписи имеются на изделиях из кости и камня, в том числе на каменных гирях. В окрестностях Пенджикента найден фрагмент ранней надписи на керамике (возможно, относится к IV в. н.э.). Надпись на сосуде обнаружена в Гардани Хисор, недалеко от горы Муг. При раскопках замка Чильхуджра найдены три согдийских документа на дощечках VII-VIII вв. н.э. Дощечки с надписями и документы, написанные согдийским письмом, найдены в процессе раскопок городищ Санджаршах и Хисорак.

Среди многочисленных бактрийских надписей, найденных на территории Бактрии-Тохаристана, процарапанных или нанесенных черной тушью на стенках сосудов и относящихся к периоду с I-II по VIII вв. н.э. следует упомянуть на фрагменте погребального хума из Душанбе; бронзовом колокольчике из Даштиджума; курсивную надпись-дипинти из Кафыркалы; фрагмент монументального письма из Тепай-Шах. К исключительно важным источникам относятся легенды на монетах кушанских, кушано-сасанидских и эфталитских правителей, а также на раннесредневековых тохаристанских монетах общегосударственного и местного чекана, на саманидских дирхемах и т.д.

Отдельно необходимо отметить присутствие неизвестной письменности как об отдельной категории письменных памятников Средней Азии. Такого рода надписи обнаружены на обломках сосудов в Южном Таджикистане – на Калаи Кафирнигане (VI-VII вв. н.э.)¹

Важным источником для понимания единства культур Центральной Азии и Таджикистана в древности являются наскальные изображения. На территории республики удалось собрать и проанализировать информацию с более чем 100 памятников наскального искусства с Восточного и Западного Памира, из Матчинского, Аштского, Пенджикентского районов.² В результате исследований комплексов петроглифов на всей терри-

---

1 Литвинский Б.А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977 гг.) // ВДИ. – 1977. – №4. – С.78.

2 Дальский Н.А. Наскальные изображения Таджикистана // ИВГО. – 1949.– Т.81.– Вып.2; Дальский А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан // МИА, 1950.– N 15.– С.232–240; Ранов В.А., Гурский А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской ССР // Советская этнография.– 1966.– № 2.– С. 110-119; Ранов В.А., Жуков В.А. Петроглифы на р. Северная Акджилга (Восточный Памир) //Археологические открытия 1971 года. – М., 1972.– С. 540-541; Ranov V.A. Petroglyphs of Tadjikistan// Tashbaeva K. et al., Petroglyphs of Central Asia.-Bishkek, 2001, p. 122-150; Бобомуллоев Б. С. Наскальное искусство Таджикистана // Наскальное искусство в Центральной Азии. Тематическое исследование под редакцией Jean Clottes.– 2011.– С.281-303; Бобомуллоев Б.С. Соё Сабаг – уникальное скопление петроглифов в верховье Зарафшана // Вестник Таджикского национального университета (серия гуманитарных наук).– Душанбе.– 2012.– 3/6(96).– С. 21-26; Ранов В.А., Каримова Г.Р. Наскальные изображения в долине и верховьях Зарафшана // Археологические работы в Таджикистане.– Душанбе, 2013.– Вып. 36.– С.249-273; Каримова Г.Р., Курбанов Ш.Ф. Наскальные изображения в сае Хавзак // АРТ.– Душанбе, 2014.– Вып. 37.– С. 78-99; Каримова Г.Р. Таджикистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том I. Традиционные верования и шаманизм. – Самарканд: МИЦАИ, 2016. – С.138-199; Ранов В. А. Бегущие по скалам: Наскальные рисунки Памира / ред. Каримова Г.Р., Худжагелдиев Т.У. – Душанбе: Дониш, 2016. – 412 с. и др.

тории Таджикистана, стало очевидным, что в периоды палеометалла и раннего железного века изобразительные сюжеты и манера их исполнения не различаются. Искусство наскальной живописи имеет сходство с наскальным искусством других районов Центральной Азии. Конечно, сходство на ранних этапах может являться проявлением традиционного уклада жизни в похожих условиях, но также может быть отражением этнополитической ситуации в регионе.

В значительной степени археологические данные важны и для характеристики более поздних периодов, отраженных в письменных источниках. Самой первой такой находкой для Таджикистана стали письма правителя Пенджикента Деваштича, найденные в замке на горе Муг¹. В этом случае археологические материалы позволяют подтвердить сведения источников и акцентировать внимание на наиболее важных процессах этнокультурных контактов населения Центральной Азии.

Однако сам по себе археологический материал, не увязанный с надежными и достоверными проявлениями этнической культуры, не может служить этническим индикатором. Археологические данные могут характеризовать этнос только через своеобразие материальных памятников, оставленных населением определенной эпохи на конкретной территории. При интерпретации археологических объектов возможно выявление параллелей, которые могут быть увязаны со специфическими проявлениями культуры исторически известных этносов. Мы подошли к направлению раздела, которое затрагивает наиболее объёмный блок информации, относящийся к археологическим памятникам этногенеза. Это – памятники культуры, цивилизации, в которых формировались праэтнические и этнические племена, составившие этногенез таджикского народа.

Среди множества источников, рассматривающих материальные аспекты происхождения таджикского народа, немаловажным является археологический, позволяющий рассмотреть процесс развития на интересующей нас территории, главным образом по исторической вертикали т.е. в

---

1 Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий / А.А. Фрейман (описание, публикации и исследование документов). – М.: Издательство восточной литературы, 1962.– Вып I. – 93 с.; Согдийские документы с горы Муг (юридические документы и письма) / Чтение, перевод и комментарий В.А. Лившица. – М.: Издательство восточной литературы, 1962.– Вып II.– 222 с.; Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод и комментарии М.А. Боголюбова и О.И. Смирновой / Хозяйственные документы. – М.: Издательство восточной литературы, 1963.– Вып III.– 132 с.

хронологическом порядке. Такой подход позволяет проследить преемственность и сохранившиеся «предковые» черты этногенеза таджиков. И какие собственно археологические источники и материалы всё-таки предоставляют возможность проведения этнической атрибуции археологических памятников? Сама по себе материальность не может служить источником для сколько-нибудь надежной этнической атрибуции.

Для изучения дописьменной истории это - единственный источник, но, к сожалению, дающий далеко не полную информацию об этой самой длинной странице истории человечества. К примеру, каменные изделия, найденные археологами в процессе раскопок стоянок первобытных людей, в первую очередь, дают представление о материальной культуре, о техническом уровне производства и усовершенствовании орудий труда и охоты. Все, что касается социальной и духовной составляющей жизни первых людей, является в большей мере теоретическими построениями. Среди ученых ведется давний спор о том, следует ли историкам допускать теоретические построения в своих работах или же делать просто обобщения. Часть историков придерживалась точки зрения, что теоретические изыскания не должны включаться в исторические исследования и надлежит ограничиваться констатацией того, что и как происходило. Теоретические или номотетически изыскания должны быть оставлены социологии. Но большинство ученых считает, что историк может и даже должен включать теоретические интерпретации в описания прошлого и именно для этого и производятся археологические раскопки.¹ На наш взгляд, при рассмотрении этногенеза следует больше опираться на археологические периоды определяемые перемещением значительной массы нового населения в результате войн, миграций, природных катаклизмов, которые в той или иной мере участвовали в формировании культурного и внешнего облика таджикского народа. С этой позиции древняя история таджиков определена следующими большими археологическими периодами (пластами) формирования этногенеза:

Первый период – пласт местных родов, и племён и мигрантов периода каменного века.

На территории Таджикистана определён четкий ряд последовательных этапов каменного века, развивавшихся от нижнего палеолита к среднему,

---

1 Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. // Очерки и лекции. – М., 2001. – С.67

сопоставляемому с мустьерским временем и далее через верхний палеолит и мезолит к ранним стадиям неолита гиссарской культуры и далее к ее финальному этапу.

Раздел нижнего палеолита – самого древнего периода в истории человечества, в Таджикистане получил название «Лёссового палеолита». Этим термином охватываются культуры или технические варианты, известные по стоянкам, распространенным в лёссовых районах. Все стоянки связаны с временем образования палеопочв в периоды климатических оптимумов.¹ На сегодняшний день в Южном Таджикистане известно более сорока точек с находками нижнепалеолитических орудий в лёссово-почвенной формации. Шесть из них квалифицированы как стоянки и подверглись сложным комплексным раскопкам. Успех исследований стоянок Каратау², Лахути³, Кульдара⁴, Хонако⁵, Оби-Мазар⁶, обеспечил установление исключительно важных данных для понимания динамики развития древнейшего этапа каменного века⁷.

В результате сделано стратиграфическое обоснование появления древнего человека в предгорной зоне Средней Азии 900-950 тыс. лет назад. Стоянка Кульдара стала хронологическим репером, от которого начинается отсчет времени заселения Хомо эректусом не только территории со-

-
- 1 Ранов В.А. Лёссово-почвенная формация Южного Таджикистана и лёссовый палеолит // АРТ. – Душанбе, 2000. – С.21-49; Додонов Е.А., Ранов В.А. Геохронология памятников каменного века Южного Таджикистана // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгрессу ИНКВА (Канада, 1987 г.). – М. – С.187-196.
  - 2 Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау I – древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // БКИЧП.1977. – № 47. – С.50-56; Ранов В.А., Амосова А.Г. Завершение раскопок стоянки Каратау – 1 // Древние цивилизации. История и культура. – М., 2001. – С.383-408;
  - 3 Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути I в 1979 г. // АРТ. – Душанбе 1986. – Вып. XIX (1979 г.). – С.11-36;
  - 4 Ранов В.А. Раскопки палеолитической стоянки Кульдара // АРТ – Душанбе, 1987. – Вып. XVII. – С.11-32.
  - 5 Ранов В.А., Худжагельдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки 4-ой палеопочвы разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2003 г. // АРТ – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX (2003 г.). – С.71-120.
  - 6 Ранов В. А. Раскопки в 4-6 палеопочвах лёссово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // АРТ – Душанбе, 2005. – Вып. XXX – С. 14-32.
  - 7 Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI (1976 г.). – С.9-30; Ранов В.А., Амосова А.Г. Работы отряда по изучению каменного века // АРТ – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV (1984 г.). – С.172-215; Ранов В.А., Худжагельдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки 4-ой палеопочвы разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2003 г. // АРТ – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX (2003 г.). – С.71-120.

временного Таджикистана, но и Средней Азии в целом. Установлена прямая связь условий обитания древнего человека с цикличностью миграционного заселения лёссовых районов, а также экологическая приспособляемость древнего человека по мере совершенствования материальной культуры и методов охоты. Наличие палеолитических индустрий в разновозрастных ископаемых почвах позволили проследить непрерывное развитие культур на протяжении всего неоплейстоцена и создать схему эволюции галечных индустрий. Выявленные технологии дали возможность предположить миграцию двух групп пралюдей, освоивших лессовые районы 950-600 тыс. лет назад¹.

Хотя отдельные изделия, типологически хорошо диагностируемые как мустьерские, встречавшиеся на стоянках Хонако III и Оби-Мазар давали основание предположить возможность формирования среднепалеолитической индустрии на местной основе, но, изучив ее детально, ученые все же пришли к выводу, что смена нижнепалеолитической технологии на среднепалеолитическую произошла в результате миграции неандертальцев, двигавшихся со стороны Ближнего Востока через Иран, Афганистан в Туркмению.

---

1 Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. Кульдара–новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана //БКИЧП. – 1987. – №56. – С.65-75; Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий //Почвоведение. – 1984 – №4. – С.21-30; Додонов Е.А., Ранов В.А. Геохронология памятников каменного века Южного Таджикистана // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгрессу ИНКВА. – М.,1987. – С.187-196; Ранов В.А., Лаухин С.А. Проблемы геохронологии лессового палеолита Южного Таджикистана // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 352-357; Додонов А.Е. Антропоген Южного Таджикистана. – М., 1986; Ломов С. П., Сосин П. М. О почвах палеолитической стоянки Каратау 1 в Южном Таджикистане // Известия АН Тадж. ССР, отд. биол. Наук. – 1976. – Т. 2. №4(65), – С. 93-99; Сосин П. М., Шефер И., Ранов В. А. Геологические и экологические проблемы Республики Таджикистан. – Душанбе, 2000. – Институт геологии АН РТ. – С. 96 – 99; Ranov V. The «Loessic Palaeolithic» in Southern Tadjikistan, CENTRAL Asia; its industries, chronology and correlation.//Quaternary Science Reviews. – 1995, Vol. 14 – P. 731 – 745;. Schafer J, Ranov V.A. and Sosin P.M. Loess stratigraphy and settlement patterns by Palaeolithic hominids in Khovaling, South Tadjikistan. // Loessfest '99, Extended abstracts – London, 1999. – P.212-215; Ранов В.А.,Шефер И. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – М., 2000. – Т.2, № 2. – С.20-32; SchaferJ., RanovV. A. Middle Pleistocene blade industries in the Upper Palaeolithic of Central Asia. – Pnehistor. // Anatolie Genese de deuxm an des –.Liege, 1998. – P.785-814; Ранов В.А., Лаухин С.А., Худжагельдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки второй палеопочвы стоянки ХонакоIII в 1997 г. // АРТ. – Душанбе. – Вып. XXVIII. – С.18-63.

Исследование стоянок Кара-Бура, Худжи, Огзи-Кичик, Семиганч, Кумтепинская скала, расположенных на юге Таджикистана, и Джар-Кутан, Каракумы, Шахристанская группа – на севере, показало, что их обитатели использовали различные технические приемы обработки камня¹, что позволило сформулировать положения, касающиеся среднепалеолитических культур. Основным стало положение о существовании в Средней Азии двух групп, одна из которых была связана с переднеазиатскими культурами, вторая – с восточноазиатскими. Но их нельзя представлять как сменяющиеся друг друга миграционные волны, а рассматривать их в ракурсе взаимодополняющих друг друга. Они отражают процесс, происходивший внутри больших палеолитических периодов, связанный с передачей из поколения в поколение технических навыков производства орудий, существовавших в определенных человеческих объединениях².

Изучение верхнего палеолита в Таджикистане основано на трёх стоянках с культурным слоем – это Шугноу, группе местонахождений со стоянкой Харкуш и мастерской по добыче кремня в верховьях р. Ширкент,

---

1 Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе, 2005; Ранов В.А. Археологические исследования на возвышенности Кара-Бура в 1959 г. // АРТ. – Душанбе, 1961. – Вып. VII (1959 г.). – С.16-29; Ранов В.А. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА – Л., 1972. – № 185. – С.100-110; Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки пещерной стоянки Огзи-Кичик в 1977 году // АРТ. – Душанбе, 1977. – Вып. XVII (1977 г.). – С. 7-33; Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 году // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. XVIII. – С.11-47; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Разведывательные работы Вахскоо отряда в 1976 г. // АРТ. – Душанбе. 1982. – Вып. XVI (1976 г.). – С. 47-53; Ранов В.А., Лаухин С.А. Новые раскопки стоянки Худжи, Таджикистан (предварительное сообщение) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Т. 2. – Новосибирск, 1998а: 345-351; Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов: Древнейшая история Северного Таджикистана (Тр. АН ТаджССР.Ин-т истории им. А.Дониша; Т. 33). – Душанбе, 1962. – 405 с: ил.

1 Окладников А.П. Исследование памятников каменного века в бассейне р. Сырдарья осенью 1955 г. // АРТ. – Сталинабад, 1956. – Вып. III. – С.5-10; Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г. // АРТ. – Сталинабад, 1959. – Вып. IV. – С.7-15; Москаленко Н.А. Позднепалеолитические стоянки Шахристана // АРТ. – Вып. XXIV. – Душанбе, 1993. – С.44-50; Жуков В.А. Новые данные по каменному веку Ленинабадской области (работы 1983 г.) // АРТ. – Вып. XXIII. – Душанбе, 1991. – С.15-21; О работе по изучению каменного века в 1984 г. – С.40-43 и др.

2 История таджикского народа. Т. 1. Древнейшая и древняя история // Под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена –корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова. – Душанбе, 1998 – С.64-81; Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – Душанбе, 1965; Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропологии Средней Азии. – Душанбе, 1973.

стоянке Оджук и серии размытых местонахождений на берегах р. Вахш¹. Исследование показало: во-первых, что культура верхнего палеолита состоит из нескольких компонентов. Первый компонент соответствует местной галечной культуре, сохранявшей свои позиции, начиная с нижнего палеолита, что нашло отражение в индустрии 3-го горизонта стоянки Сай-Сайёд.² Второй компонент – это автохтонное развитие пластинчатой технологии на основе мустьерской четвертого горизонта стоянки Шугноу. Третий компонент был принесен мигрировавшими сюда кроманьонцами с Ближнего Востока. Синтезированный вариант двух последних компонентов был выделен исследователями на местонахождениях в зоне Нурекского водохранилища. Отщепово-пластинчатая индустрия стоянок по р. Ширкент, связанная с равнинными памятниками ближневосточного типа, еще раз подчеркнула многообразие путей развития культур в горной части Средней Азии.³

Мезолитическая культура изучалась по материалам стоянок Актанга (нижний слой)⁴, Туткаул слой 2А⁵, Обикиик⁶, Дараи Шур⁷, Ошхона¹, Ис-

---

1 Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу: (раскопки 1969-1970 гг.) // АРТ.– М., 1973.–Вып. X (1970 г.).–С. 42-61; Филимонова Т.Г. Отчет о работе Ширкентской группы Колхозабадского археологического отряда за 1986 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. XXVI (1986 г.).– С. 323-336; Радилиловский В.В. Стоянка каменного века в Варзобском ущелье // АРТ.– Душанбе, 1979.– Вып. XIV (1974 г.). – С. 65-71; Новиков В.П., Радилиловский В.В. К истории горнорудных промыслов и металлургии древнего Гиссара //Очерки по истории геологии Таджикистана. – Душанбе, 1990. – Вып. 1.– С. 54-103; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования археологических памятников на юге Таджикистана в 1980 г.//АРТ – Душанбе, 1987– Вып. XX. – С. 96-104; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI (1981 г.). – С. 234-246; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Археологическое исследование памятников каменного века в Дангаринском и Яванском районах в 1982 г. // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып. 2XX (1982 г.). – С. 195-211.

2 Юсупов А.Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // СА. – 1975. – № 2. – С. 138-147

3 Филимонова Т.Г. Стоянка каменного века Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – С.40-60.

4 Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // АРТ. – Душанбе, 1961. – Вып. VII (1959). – С. 30-49.

5 Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА – 1971. – № 2. – С. 133-147.

6 Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология – поиски и находки. – Киев, 1980. – С. 82-90;

7 Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дараи Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана: (от мезолита до бронзы) – Душанбе, 1982. – С.5-21.

тык на Восточном Памире², местонахождениям у поселка Дангара, на окраине сел. Бульени Поён³, в Бешкентской долине⁴, 10 пунктами на берегах Вахша.⁵ Материалы стоянок показали одновременное сосуществование двух культур – одной мезолитической ближневосточной с набором геометрических орудий (прямоугольники, сегменты и треугольники) и второй автохтонной без них⁶. Генезисом обоих подразделений на основе материалов горизонта 2а Туткаула и стоянки Дараи Шур была выделена вахшская культура, вобравшая в себя как местные корни, так и ближневосточные. Появление пришедшей мезолитической технологии принято рассматривать как миграционную идею, самый восточный маркер, которой представляет индустрия Истыка с элементами подлинной мезолитической культуры⁷.

Неолитические памятники изучались в основном на юге Таджикистана и на Восточном Памире, где была открыта самая высокогорная культура каменного века в мире – маркансуйская⁸ и единственные на территории Таджикистана памятники с живописью в гротах Шахты и Куртеке⁹.

Первые сведения о неолитической культуре были получены А.П. Окладниковым при обследовании берегов рек Кафирнигана, Хонакинки, Лучоба.

---

1 Ранов В.А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире. // АРТ. – Душанбе, 1962. – Вып. VIII (1960 г.). – С.16-24.

2 Жуков В.А. Раскопки пещеры «Истыкская» (1978-1979 гг.) // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С. 51-65.

3 Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана. Предварительное сообщение – С.42-22; 48-58.

4 Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А. История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины. – Душанбе, 1991; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш: (Работы 1978 г.) // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. XVIII (1978 г.). – С.52-58.

5 Юсупов А., Филимонова Т.Г. Периодизация стоянок каменного века среднего течения р.Вахш / Изв. АН Рес. Тадж. Серия востоковедение, история, филология, 1992. – № 3. – С. 34-36; Svetlana V. Shnaidera, Kseniya A. Kolobovaa, Tatiana G. Filimonova, William Taylore, Andrei I. Krivoschapkin. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian Complex// Quaternary International, 2018. – P 1-37.

6 Svetlana V. Shnaidera, Kseniya A. Kolobovaa, Tatiana G. Filimonova, William Taylore, Andrei I. Krivoschapkin. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian Complex// Quaternary International, 2018. – P 1-37.

7 Амосова А.Г., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х. Мезолит и неолит Южного Таджикистана // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез.докл. конф. посвящ. десятилетию Южно-Тадж. археол. экспедиции. – М., 1983. – С. 4-5; DavisR., RanovV.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Antropology. – 1999. V.8. – P 186-193.

8 Ранов В.А. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956-1958 гг.). // МИА – М.-Л., 1964. № 124. – С.7-50.

9 Ранов В.А., Гурский А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // СЭ.– 1966.– № 2.– С 112-113, 117.

Она отличалась необычностью, резко отличающейся своим инвентарем от одновременных и соседствующих с ней среднеазиатских равнинных индустрий – джейтунской и кельтеминарской. Эту культуру горного Таджикистана по месту расположения первого памятника Тепаи Газион у поселка Гиссар, названную гиссарской, датировали в пределах IV-III тыс. до н.э.¹

Позже памятники гиссарской культуры были обнаружены в бассейнах рек Таирсу, Кизыл-су (Сурхоб), Ях-су. Выявлены как остатки многочисленных временных стоянок, таких как Санги-Угур, Танга-Товти, Кизилджар, Калкот, Худжарки (Дашти мазар), Гиджовак, так и долговременных поселений – Туткаул, Сайёд, Куй-Бульен, Игрони Боло, Гулизиндон, Калкот, Разиён² и очень редких пещерных стоянок – Кумтепа³. В настоящее время в Таджикистане учтено свыше 300 неолитических памятников разных категорий.

При раскопках Туткаула и Сай-Сайёда были сделаны первые для гиссарской культуры и важные для этногенеза антропологические находки, позволившие определить облик неолитического населения⁴. На основании раскопок крупных поселений Туткаул, Сай-Сайед, Тегузак, Макони Мор, Кангурттут, Гелот, Учкун, Кумтепа, Камышлы, Дахана⁵, были опре-

---

1 Окладников А.П. Каменный век Таджикистана: Итоги и проблемы // Материалы 2-го Совещания археологов и этнографов Средней Азии. – М.; Л., 1959 г. – С. 159.

2 Юсупов А.Х. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1975 г. // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С.55-59; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования каменного века на юге Таджикистана в 1984. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV. – С.216-226.

3 Юсупов А.Х. Пещера Кумтепа. – Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981.

4 Кияткина Т.П., Ранов В.А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). – ВА, 1971, № 37. – С.134-139.

5 Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА – 1971. – № 2. – С. 133-147; Юсупов А.Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // СА. – 1975. – № 2. – С. 138-147; Ранов В.А., Юркевич Э.А. Стоянка с кремневым инвентарем в долине Пянджа // КСИА – М., 1973. – Вып. 136. – С. 56-59; Юсупов А. Неолитическая стоянка Тегузак // Материалы по археологии и истории Таджикистана. – Душанбе, 1977. – С.23-27; Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 64-116; Юсупов А.Х. Изучение памятников каменного века в Яванской долине (1971 г.). – АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып. XI. – С. 36-48; Он же. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1975 г. // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С.50-62; Он же. Пещера Кумтепа. // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. С. 10-19; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш (работы 1978 г.) // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. XVII I (1978 г.). – С. 48-54;

делены основные положения, касающиеся: 1) генезиса и финала гиссарской культуры, что в отсутствие памятников энеолитического времени очень важно в плане преемственности между концом каменного века и эпохой бронзы. 2) форм ее хозяйственной деятельности; 3) некоторых элементов идеологических представлений. Неолитические стоянки – Чармгарон и Люлякутал¹ предоставили материалы по ритуальной культурной практике в неолите. На стоянке Люлякутал было найдено сооружение, условно названное «сакральным местом» и рассматриваемое учеными как алтарь для поклонения огню.

Технико-типологические различия обработки каменного инвентаря позволило выделить несколько зон распространения неолитических памятников с присущими только им характерными чертами: это большая часть Гиссарской долины; Яванская долина; среднее течение р.Вахш; Дангаринская долина; долины и междуречье Сурхоба и Яхсу².

Установлено, что гиссарская культура обладает четко очерченной территорией своего распространения, самобытными чертами, отличающими ее от одновременных и пограничных с ней джейтунской и кельтеминарской культур, отражающих в какой-то мере и этнические различия. Но поскольку археологические культуры, как известно, характеризуют лишь материальную составляющую, они не могут полностью документировать сложение этнических общностей, а могут дать только достаточно веские основания к подтверждению этого процесса.³

Второй период – индоевропейский пласт этнических общностей, несмотря на свою значительную временную отдаленность, предстает перед

Они же. Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования археологических памятников на юге Таджикистана в 1980 г. // АРТ – Душанбе, 1987 – Вып. XX. – С. 102-104; Они же. Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI. – С. 234-246; Они же. Археологические исследования памятников каменного века в Дангаринском и Яванском районах в 1982 г. // АРТ – Душанбе, 1990. – Вып. XXII. – С. 195-21; Они же. Исследования каменного века на юге Таджикистана в 1984. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV. – С.216-226; Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Сафаров Х.Т.Г. Археологические раскопки на территории г. Куляба и его пригородов в 2005 г. // АРТ. – Душанбе, 2007. – Вып. XXXI. – С.6-21.

1 Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006. – С.264-274.

2 Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзы). – М., 2008. – С.22-24.

3 Ранов В.А. Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика // Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе, 1982. – С. 22-41.

нами как реально сформировавшаяся фаза не только с выраженными хозяйственно-культурными традициями, но и рядом известных этнических объединений и расовых образований. В лингвистическом отношении на этом этапе население не только Таджикистана, но и обширного региона Евразии входило в древнеиранскую ветвь индоевропейской семьи. В данный период происходили наиболее важные процессы в историческом прошлом. Это и многочисленные миграции, определявшие пути продвижения и смешивания этноса, и определение локальных центров культур, и изменение социальности, и выделение вождеств, сложение городов и больших социальных групп. И наконец, сложение первых государств, свидетельства о которых мы получаем по первым письменным источникам, возникшим также на этом этапе истории.

Индоевропейский пласт этнических общностей¹ охватывает следующие исторические периоды: энеолит, бронзовый век, раннежелезный век, ахемениды.

Единственный археологический источник этногенеза для энеолитического времени является протогородское поселение Саразм (Таджикистан), для которого характерна определённая совмещенная соционормативная модель культуры, основанная на отгонном скотоводстве, земледелии, производящем хозяйстве и ремесле со всеми присущими ему атрибутами и соответствующим уровнем развития социальных отношений, идеологии и искусства. При этом необходимо учитывать и региональную специфику отдельных археологических культур, отразившихся в материале Саразма. Понятие «саразмийцы», «гиссарцы», «кельтеминарцы», «сазаганцы», «афанасьевцы», «андроновцы», предложенные в исследованиях, помимо определённой хронологической позиции по отношению к «ранним миграциям» отражает разнокультурное население с задатками праэтнических кланов и, позднее, племенных конфедераций.

Новые данные, полученные при раскопках Саразма, позволили исследователям обратиться к анализу культурно-исторической ситуации той эпохи. Выделенная особая саразмская культура, которая вместе с ранее известными кельтеминарской и сазаганской культурами, укладывалась в III-II тыс. до н.э., определена на первоначальной территории распространения культуры, выраженной в двух локальных вариантах: южном (гиссарский) и северном

---

1 Шапошников А. К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия. Индоевропейская история в свете новых исследований (сборник трудов конференции памяти проф. В. А. Сафронова). – Москва, МГОУ: 2010.– С.251-262.

(зарафшанский). На основе локального варианта сформировалась неолитическая культура IV – III тыс. до н.э., а саразмская культура представляет собой результат взаимодействия местного населения, племён, пришедших из степей культуры, афанасьевско-фёдоровских племен и маргианской культурной общности¹. Однако единственный некрополь, датированный энеолитическим временем отразил различающиеся типы погребений (ямные одиночные скорченные, катакомбное скорченное с подзахоронением, коллективное ямное и фрикционное), которые также ориентируют решение вопроса в пользу полиэтничности по культуре погребения.

Имеющиеся археологические артефакты, связанные с этим периодом, свидетельствуют, что в Северном Таджикистане была распространена так называемая андроновская культура,² представленная материалами могильника Дашти Кози, датированного временем поздней бронзы XIV-XI вв. до н.э.³ Орнамент на сосудах аналогичен на керамике из памятников степной (кайракумской) бронзы. Антропологический тип определен как европеоидный средиземноморский, но в группе имеются некоторые особенности, которые позволяют видеть здесь включение иного варианта – брахикранного.⁴ В то же время преобладание захоронений Дашти Кози элементов степной погребальной культуры свидетельствует о проникновении андроновцев на эти территории. Однако наличие смешанных погребений могильника Дашти Кози, включающих памятники различных культур погребения (одиночные, коллективные, расчленённые, со следами обрядовых возжиганий и без них, ямные и катакомбные)⁵, свидетель-

---

1 Исаков А.И. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. – 1986. – №1; Он же. Саразм; Он же. Верховья Зарафшана; Besenval R., Isakov A. Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans la rKgion de Samarkand. – Arts Asiatiques. – 1989. – Т.44; Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques. – Paris, 1996.

2 Мерперт Н. Я. Миграции эпохи неолита и энеолита. – СА, 1978. – С.3: 9-28.

3 Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. – 1989. – № 1. – С. 145–167.

4 Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. – Вып. 20 (1980 г.). – Душанбе, 1987. – С.404; ИТН с.545; Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И. Формирование антропологических особенностей населения Согда//Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: А.В. Громов, В.И. Хартанович]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – 293, [2] с.: ил.

5 Исаков А., Потёмкина Т.М. Раскопки могильника Дашти-Кози //Археологические открытия 1986 года. М.,1988. – С.514-518. Они же. Могильники эпохи бронзы в Таджикистане // СА, 1989, №1. – С.145-167; Исаков А.И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г. //АРТ. –Душанбе, 1993.– Вып. 24. – С.127-130.

ствуем о взаимодействии этих племён и даже об ассимиляции афанасьевцев, андроновцев и др. с саразмийцами¹.

Центральный и Южный Таджикистан в эпоху бронзы становятся зоной контакта трех крупных культурно-исторических общностей, различных по происхождению. Это древние земледельцы – носители сапаллинской культуры (северо-бактрийский вариант культуры Намазга VI), степные племена бешкентско-вахшской и племена андроновской культуры².

По своему хозяйственному укладу памятники северо-восточной Бактрии делятся на три группы: скотоводческую (бешкентская, вахшская), скотоводческо-земледельческую (Тегузак) и земледельческо-скотоводческую (Кангурттут 1-2³, некрополи Тандырйул⁴, Кызлар-Кала, Заркамар⁵, Нурекские могильники⁶, поселения Дахана, Тегузак⁶⁷). На территории правобережной Бактрии в низовьях рек Вахша и Сурхоба раскопаны курганные могильники, оставленные скотоводческим населением, выделенным в вахшскую культуру. Могильники и отдельные захоронения с инвентарем, аналогичным вахшской культуре, известны и значительно севернее. Они открыты в Фархоре,⁷ Гелоте и Дарнайчи¹, Обкух².

-
- 1 Исоков А. Саразм – озги тамадуни халки тоҷик. Панҷакенти Сугд.– Хучанд.– 2005.– 401с; Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зерафшана // Вестник антропологии. 2004. – Вып. 11.
  - 2 Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004; Виноградова Н.М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). – М. 2008.
  - 3 Виноградова Н.М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). – М. 2008; Виноградова Н.М., Бобомуллоев С.Г., Бобомуллоев Б.С. Отчет об археологических исследованиях на могильнике эпохи средней бронзы Фархор в Южном Таджикистане осенью 2013 года // Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 71– 86.
  - 4 Виноградова Н. М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. М.: Наука, 1991. Вып. 18. – С. 68–88.
  - 5 Антонова Е.А., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. – Вып.14. – Душанбе, 1979. – С. 98-109.
  - 6 Пьянкова Л.Т. Находки бронзового века из Нурека // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981; Пьянкова Л.Т. О раскопках на поселении бронзового века Тегузак в 1980 г.// АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып. XX. – С.117-125; Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 году. АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI. – 1989 г. – С.247-264.
  - 7 Виноградова Н. М. Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // Вестник древней истории. – 2011. – № 4. – С. 84–98; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2014. – №3 (235). – Душанбе. – С. 39-47; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджики-

Отдельные погребения известны в могильниках Исанбай³, Алиджон⁴. Разрозненные погребения вахшской культуры открыты в Гиссарской долине – на окраине г. Душанбе⁵ и возле районного центра Гиссар⁶. Недалеко от Дангары впервые открыты остатки поселения Ташгузар⁷. Археологические источники подтверждают, что происхождение вахшской культуры связано с переходом в конце бронзового века части древнебактрийских племен к преимущественному занятию скотоводством. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения носителей вахшской и земледельческой культур едины и ничем не отличаются между собой. Примечательно, что население вахшской скотоводческой культуры не имеет черт «степняков». Но отлично оно и от древнего земледельческого населения. Это позволяет предположить существование еще одного исходного этнического пласта у населения, которое имеет местные корни. Дело в том, что памятники вахшской культуры относятся к началу развитого этапа бронзы. Вероятно, можно предположить, что здесь продолжало жить население, которое известно по раскопкам неолитических памятников Туткаул и Сай-Сайёд. Очевидно, с этими местными группами и смешались пришедшие сюда скотоводы.

-
- стана // ЗИИМК. 2015. №5. С. 47-66; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года // Муаррих (Историк), 2015. – №4. – Душанбе. – С. 73-98; Виноградова Н.М., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Маргианская экспедиция. Труды, т.6. – М., 2016. – С. 534-552.
- 1 Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. 2009. – Вып. XXXIII. – С. 35–72; Виноградова Н. М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М. Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана. – На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И.Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. – СПб, 2010. – С. 389-411; Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. – СПб, 2009. – С. 102-116.
  - 2 Пьянкова Л.Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (московский район) в 2002 г. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С.194-228.
  - 3 Пьянкова Л.Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // МАИКЦА. Информационный бюллетень. – Вып.1. – М., 1981. – С.38-39.
  - 4 Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской культуры) // МКТ. – Вып.4. – Душанбе, 1987.
  - 5 Бубнова М.А., Ранов В.А. Археологическое изучение территории г. Душанбе // ИБ МАИКЦА. – Вып.9. – М., 1985. – С.103, 108.
  - 6 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе – город древний. – Душанбе: Дониш, 1993. — 176 с.
  - 7 Денисов Е.П. Отчет о работе Дангаринского отряда в 1974 г. // АРТ. – Душанбе, 1979. – Вып.14. – С.214-216.

Бешкентская культура определена на основании раскопок могильника Ранний Тулхар в низовьях Кафирнигана. Серия останков из могильника Ранний Тулхар имеет некоторые черты, выделяющие ее из всех серий эпохи бронзы: племена бешкентской культуры по своему антропологическому типу квалифицированы как представители европеоидной матуризированной средиземноморской расы, ее варианта, связанного с евроафриканским типом, и имеющей связи с юго-западными областями¹. Расовый тип населения племен вахшской культуры был также европеоидный. Однако изучение материалов из могильников этой культуры показало, что антропологический тип населения не может быть сопоставлен с типом бешкентцев, хотя эти группы родственны в культурном отношении. По результатам исследований антропологический тип вахшских скотоводов выделен в отдельный локальный вариант, в котором прослеживаются южные (индийское) влияния, что свидетельствует не только о межрегиональных связях этих племен в описываемое время, но, возможно, и общностью происхождения². Существует точка зрения, что керамические комплексы вахшской культуры генетически связаны с южнобактрийскими, а сама культура с проникновением группы племен из Южной Бактрии на правобережье Амударьи³. В связи с этим важность заключения археологов о возможных истоках генезиса населения вахшской скотоводческой культуры приобретает первостепенное значение.

Примечательно, что катакомбные конструкции погребений были широко распространены на юге Средней Азии, в северо-восточном и восточном Иране, Белуджистане и т.д. А погребальная конструкция сапаллинской культуры бытовавшая на территории Южного Таджикистана, в большинстве ямная, а не катакомбная.

Скопление памятников скотоводческих племен обнаружено в долине Кафирнигана – это Ранний Тулхар, Ранний Аруктау, Бешкент I, Бешкент II и Бешкент III⁴, в низовьях р.Сурхоб – Маконимор⁵ и р.Вахш – Тигровая

---

1 Пьянкова Л.Т. Археологическая разведка по среднему течению реки Кафирниган // АРТ. – Вып.22. – Душанбе, 1990.

2 Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. – Душанбе, 1987. – С.50-52.

3 Пьянкова Л.Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // МАИКЦА. Информационный бюллетень. – Вып.1. – М., 1981. – С.38-39.

4 Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л.: Наука, 1968. – 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 145).

5 P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadžikistan, AMIT, B. 41, Berlin, 2009.

Балка¹. Погребальные обряды, прослеживаемые по материалам этих компактно расположенных могильников, являются чрезвычайно разнообразными, что также свидетельствует о сложных этнокультурных процессах, происходящих на юге Таджикистана в эпоху поздней бронзы.

В последние годы открыты могильники относящиеся к раннему и среднему этапу бронзового века – это Фархор², Кангурттут 2, Дарнайчи³ и единичные погребения в могильнике Гелот⁴.

Присутствие третьей историко-культурной общности, обитавшей на юге Таджикистана в эпоху бронзы – это андроновская, что устанавливается по стоянке Кирова, содержанию андроновской керамики на поселениях Кангурттут и Тегузак, по смешанным могильникам, содержащим андроновские погребения – Кумсай, Гелот, Нурекские могильники и единичному захоронению у сел. Туюн⁵.

Что касается глобального понятия «мифические» или «легендарные»⁶ арийцы, также рассматриваемое по материалам памятников бронзового века,

-
- 1 Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. – Душанбе, 1989. – С. 230
  - 2 Виноградова Н. М. Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // Вестник древней истории. – 2011. – № 4. – С. 84–98; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. – 2014. – №3 (235). – Душанбе. – С. 39-47; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. – 2015. – №5. – С. 47-66; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года // Муаррих (Историк). – 2015. – №4. – Душанбе. – С. 73-98; Виноградова Н.М., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Маргианская экспедиция. Труды, т.6. – М. 2016. – С. 534-552.
  - 3 Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г.// АРТ, 2009.-Вып. XXXIII. -С. 35-72; Виноградова Н. М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М. Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана. На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И.Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. -Спб, 2010. -С. 389-411; Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи).-М.: ИВ РАН, 2018.-276 с.: ил.
  - 4 Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи).– М.: ИВ РАН, 2018.– 276 с.: ил
  - 5 Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы.– М.: ИВ РАН.– 2004.– 299 с.
  - 6 Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – Москва, МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994.

то этноним, вошедший в этногенез Центральной Азии, в археологических источниках не имеет четкого определения т.к. своему возникновению он напрямую обязан лингвистическому значению происхождения, а археологические источники на ранних этапах истории не определяют хождения языка. Сложно установить точность использования языков и в дальнейшие исторические периоды в силу того, что археологические находки предоставляющие примеры использования различных типов письменности не есть факт использования этого языка, который зафиксирован на артефакте.

Особо необходимо подчеркнуть, что основным источником, определяющим полигенез населения, являются могильники, которые дают четкое представление об антропологическом типе населения. На основании изученных антропологических материалов могильников поздней бронзы и раннего железного века определяются следующие типы населения. Люди, оставившие могильник Кангурттут, принадлежали к южным европеоидным формам – средиземноморской расе, различным ее модификациям¹. В Гиссарской долине, западнее г. Душанбе был открыт грунтовый могильник Тандырйул, в котором был определён европеоидный длинноголовый средиземноморский тип², а в могильниках Кумсай 1³ – Кумсай 2⁴ зафиксировано присутствие разных групп населения, обитавших на данной территории в середине II тыс. до н.э. По антропологическим данным население Фархора отражает общую грациальность и бесспорную европеоидность облика средиземноморского типа⁵. Сложность генезиса – характерная черта всех памятников бронзового века Южного Таджикистана.

-
- 1 Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. – Вып.13. – Душанбе, 1977. – С.76-92; Пьянкова Л.Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // ИБ МАИКЦА. – Вып.1. – М., 1981; Пьянкова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Изв. АН ТаджССР. Сер.: востоковедение, история, филология. 1986. – №4; Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. – Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – М., 1986.
  - 2 Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане// УСА.– 1972. – Вып.1.
  - 3 Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. М.: Наука, 1990. С. 98–112.
  - 4 Кутимов Ю.Г. Археологические исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай в 2012-2013 гг.// Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2017. – Выпуск 39. – С. 40-68.
  - 5 Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи).– М.: ИВ РАН, 2018.– С.35.

Преемственность культурно-исторической общности местного населения раннего железного века с периодом эпохи бронзы, не вызывает сомнения и об этом свидетельствуют многочисленные археологические источники¹. Эти культуры, обладавшие выраженными региональными чертами, в свою очередь, послужили основой для нового уклада жизни потомков в виде номадизма в эпоху раннего железного века, вошедшую в научную литературу как культуры Яз и Чуст.

На территории Средней Азии происходит четкое разграничение культур на «степную» и «оседлоземледельческую». К первой относятся суярганская, заманбабинская, андроновская, тазабагьябская, кайраккумская, вахшская, бишкентская; ко второй, – анаусская, намазгинская, саразмская, алтыновская, сапаллинская, дашлинская. Эти две исторические общности, находясь в тесном контакте, но развиваясь по-разному, в конечном итоге составили основу государственных образований, засвидетельствованных в письменных источниках как Согд, Бактрия и Маргиана.

В рассматриваемый период территория Таджикистана становится одним из основных мест ассимиляции и распространения так называемой «кочевнической триады», характерной для всей Евразии. Ареалом повсеместного бытования классических предметов вооружения (ферганский могильник), конского снаряжения и «звериного стиля» (могильник Зарча Халифа²). Очаг среднеазиатской степной бронзы определился на берегах Сырдарьи, на территории западной части Ферганской долины, где выделена особая кайраккумская культура эпохи бронзы и раннего железного века³.

Истоки этой экспансии, как полагают некоторые исследователи, восходят к древним племенам андроновской культуры. Однако с открытием зарафшанско-ферганской фазы развития номадических культур региональные особенности евразийских племен от Хуанхэ до Дуная стали рассматриваться на фоне общего взаимодействия всего кочевого мира в це-

---

1 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайраккумов (Древнейшая история Северного Таджикистана) // ТИИ АН ТаджССР. – 1962. – Т.33. – С.170-175.

2 Бобомуллоев С. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаалифы // Изв. АН РТ. Серия востоковедение, история, философия.– Душанбе, 1993.– № 3 (27).– С. 56-63; Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зарафшане//Stratum Plus.– Кишинёв: Высшая антропологическая школа, 1999.– № 2.– С. 307-313.

3 Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. – 1962. – №118. – С.77-80; Литвинский Б.А. [Рец. на:] Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л., 1962; СА. – 1965. – №4. – С.262-263.

лом¹. Примечательно, что на рубеже II и I тыс. до н.э. в южных районах Средней Азии, отмечается еще одна волна пришлого населения, связанная с распространением лепной расписной керамики раннежелезного века – Чустской культуры². Археологическим источником по этому процессу являются материалы, открытые в Западной части Ферганской долины, на территории современного Северного Таджикистана, где обитали племена кайраккумской культуры. Отмечаются их контакты с носителями чустской культуры, о чем может свидетельствовать находка на такыре Ходжи Ягона горшка с типично чустской росписью³. Однако наиболее глубокие связи кайраккумцев с земледельцами Ферганы относятся к более позднему времени – второй четверти I тыс. до н.э. – заключительному этапу кайраккумской культуры⁴. Кайраккумская керамика совместно с позднечустской найдена в погребениях могильника Дашти Ашт в Ферганской долине датированный VIII-VII вв. до н.э.⁵.

На юге Таджикистана керамика типа Яз I открыта в верхних слоях поселений Кангурттут и Тегузак. В бассейне р. Сурхоб найдены земледельческие поселения этой культуры – Карим Берды и Кудук.

Входившие в обширную зону евразийских степей культуры раннежелезного века открывают новую эпоху, которая характеризуется появлением и распространением иных археологических культур. В этот период в евразийских степях в виде отдельных этнических общностей зафиксированы индоевропейские племена под названием «скифы» («саки»). Результатом взаимодействия пришельцев с племенами позднебронзового века является, вероятно, возникновение в Средней Азии доахеменидских государственных образований.

В Южном Таджикистане четкая линия преемственности элементов мате-

---

1 Мерперт Н. Я. Миграции эпохи неолита и энеолита. -Советская археология,1978.– 3. – С. 9-28.

2 Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966; Сарияниди В.И., Кошеленко Г.А. Фергана. Чустская культура. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. Сарияниди В. Культура расписной керамики раннежелезного века Юго-Западной Азии // ИБ МАИКЦА. – М., 1985. – Вып.9. – С.9.

3 Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине. – Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966.

4 Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. – Душанбе, 1962. – С.131, 137, 255-258.

5 Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИА. – 1978. – Вып.154. – С.96-97.

риальной культуры с последующими историческими эпохами прослеживается в некоторых типах вахшских сосудов, которые становятся прототипами наиболее характерных форм столовой керамики Бактрии ахеменидского времени. Ритуал разжигания расположенных по кругу костров при захоронении вождей в могильнике Тигровая Балка, повторяется в погребальном обряде сакских племен. На Восточном Памире, сосуды, характерные для эпохи поздней бронзы, например, найденные в могильнике Кзылрабат (X-VIII/VII вв. до н.э.) вместе с железными изделиями повторяются в погребениях раннекочевнических могильников, начиная с VII-VI вв. до н.э.¹

Такова в общих чертах этнокультурная ситуация, которая лежала в основе этнообразовательного процесса местных народов в эпоху бронзы и раннего железа. На этом этапе вся совокупность важнейших компонентов хозяйственно-культурных традиций, этнического развития и лингвистической близости, в конечном счете, образовала предковую основу последующего процесса формирования культурно-исторической общности союза племен (конфедераций) древнего населения Таджикистана, включая и таджикскую народность в целом. В пользу этого говорят основные результаты исследований по этнической археологии, этнологии, исторической этнографии и топонимике Таджикистана. Это концептуальное положение находит наиболее важное обоснование в палеантропологических материалах², которые получены из полевых работ и являются основополагающими источниками этногенеза таджиков.

Таким образом, определено, что основным источником для изучения первобытнообщинного строя служат археологические материалы. Но уже для следующей эпохи – эпохи его распада и возникновения первых государственных образований, имеется источник иного рода – это Авеста, собрание священных текстов зороастризма, древнейшие из которых восходят к концу II – началу I тыс. до н.э.³

---

1 Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972. – Гл.1, с.16-17.; Бабаев А. Могильники Западного Памира эпохи поздней бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен // ИБ МА-ИКЦА. – 1988. – Вып.1.

2 Клёсов А. А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? Ответ дает ДНК-генеалогия. — Интернетпортал: Технополис завтра (kramtp.info/news/64/full/id=6426); Клёсов А. А. Читая Л. С. Клейна «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов» Санкт-Петербург, 2007. Часть I. — Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Канада), т. 4, № 1:40-65.

3 Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). – Этнические проблемы истории

В то же время важнейшим источником при историческом анализе данных Авесты вновь выступают археологические памятники того времени. Однако проблема датировки и истолкования данных Авесты по археологическим материалам лишь поставлена в науке, но еще не решена.¹ В связи с этим, рассмотрение вопроса о государственных образованиях, возникших в среде того этноса, который часто называют условным термином «авестийский народ»² или «центральноиранской этнической общностью»³, в науке Таджикистане не так уж и много.

Установлено, что «Авестийский народ» занимал компактной массой на протяжении почти всего I тыс. до н.э. (кроме последних его столетий) ряд областей юга Средней Азии и востока Иранского нагорья: область древней Бактрии – бассейн верхней Аму-Дарьи как по правому, так и по левому берегу; Согдиана, занимавшая бассейн Зарафшана и долину Кашка-Дарьи; Ферганская долина. На этих территориях обитали оседлые земледельческие народы: в Фергане – парканы; в Уструшане, долине Зарафшана и Кашка-Дарьинском оазисе – согдийцы; в равнинной части современного южного Таджикистана и Северного Афганистана – бактрийцы; в горах Памиро-Алая и в Ферганских горах – кочевые сакские племена. Все эти древние народы составили основной генофонд этногенеза таджиков⁴.

Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С.161,

- 1 Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.14. – С.121-140.
- 2 Определение понятия “авестийский народ” и территории этого народа см.: Boyse M. Avestian People. – EIr. 1987. – Vol.3. Fasc.1. – P.62; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса), с.131-132; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Naples, 1980. – P.130-131; Gnoli G. Avestan Geography. – EIr. 1987. – Vol.3. Fasc.1. – P.46-47; СН. – Vol.III, 1. – P.438-440.
- 3 Поскольку теперь об этом этносе можно судить не только по данным Авесты; см.: Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа. – Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1988. – С.102-103.
- 4 Литература по этому вопросу очень обширна. Основные точки зрения по проблеме локализации индоевропейской прародины обобщены, например, в труде В.А.Сафронова “Индоевропейские прародины”. – Горький, 1989. Обобщение основных работ, посвященных проблемам происхождения и расселения индоиранских и иранских народов, см.: История таджикского народа. – Т.1. – М., 1963. – С.127-133 (автор Б.А.Литвинский); Грантовский Э.А. Ранняя история; Гафуров Б.Г. Таджики. – М., 1972. – С.27-43; Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник, IV. – М., 1986. – С.169-174. Этническим процессам в Центральной Азии во II тыс. до н.э. был посвящен специальный международный симпозиум, состоявшийся в 1977 г. в г.Душанбе. Публикацию

Согд ахеменидского времени представлен городами, сельскими поселениями и усадьбами, расположенными в среднем и нижнем течении р. Зарафшан и на р.Кашкадарья¹. Как согдийские следует, по-видимому, рассматривать и поселения VI-IV вв. до н.э., следы которых открыты на землях будущей Уструшаны и на левобережье Средней Сырдарьи (в г. Худжанде и к западу от него). Великолепным примером существования и жизнедеятельности населения служат компактно расположенные города периода ранних государств в этой части Согда: Кирополь (Курушката), Худжанд (Александрия Эсхата), Мугтепа (Багкат, Вагкат), Ширин (Куркат), Нуртепа (Нурата, Хватаг)². Жители городов и их округов занимались не только поливным земледелием, металлургией, ткачеством, гончарным ремеслом, но и другими видами хозяйства, связанными с отгонным скотоводством.

Бактрия известна как «страна тысячи городов». На сегодняшний день на археологической карте Бактрии не найдено и не раскопано даже десятой доли названной цифры. Археологическими источниками этногенеза, связанными с Бактрией VI-IV вв. до н.э., стали отдельные вещи из «Амударьинского клада» (иначе «Клад Окса») и храма Окса на городище Тахтисангин. Сокровища же этого храма состояли из votivных подношений храму и божеству Окса (Вахшу)³ древних бактрийцев, людей эллинистической и даже кушанской эпох. Также к археологическим источникам относятся бронза сакских могильников Памира и расписные глиняные сосуды Ферганы.

Вопреки выводам опубликовавшего «Амударьинский клад» английского

его докладов см.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М., 1981.

- 1 Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985. – С.227.
- 2 Негматов Н.Н. Таджикистан на пути к урбанизации. – Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. – С.81; Негматов Н.Н. Исследования СТАКЭ в 1984 г. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып.24 (1984 г.) – С.36-37; Негматов Н.Н. Ходжент. Основные этапы истории // Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.3-5; Беляева Т.В. Архаический, античный и раннесредневековый Ходжент по данным письменных и археологических источников // Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.82-85. Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи бронзы и раннего железа – Нуртеппа // Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.89-111; Беляева Т.В. Нуртепа – городище древней Уструшаны // АРТ. – Душанбе, 1991. – Вып.23 (1983 г.) – С.21-28; Она же. О раскопках на Нуртепа и в Худжанде // АРТ. – Душанбе, 1994. – Вып.25 (1985 г.) – С.19-21; Негматов Н.Н., Беляева Т.В. Общий отчет об исследованиях Нуртепа в 1980-1985 гг. // Там же. – С.23-25.
- 3 Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal. [3-е изд.]. – London, 1964; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад (каталог выставки). – Л., 1979.

искусствоведа Дальтона, который приписывает большинство вещей из клада искусству персов, мидян и других народов Передней Азии, сейчас установлено, что большинство изделия были выполнены руками бактрийцев. Но также среди вещей «Амударьинского клада» имеются изделия доахеменидского времени, созданные мастерами из Западного Ирана; предметы царского и сатрапского достоинства ахеменидов; произведения из Малой Азии, изготовленные до походов Александра Македонского и «скифо-сибирского» производства¹.

Особо стоит отметить находку двух скульптурных бронзовых голов баранов в ложе р. Исфарасай, относящихся к V-III вв. до н.э. являющихся произведениями «фергано-сакской культуры»².

Частично материальная культура бактрийцев ахеменидского периода восстанавливается по поселению Учкун, фрагментам сосудов типа Кубадиан I, найденных в районе городища Хульбаг, планировке многокомнатного дома на городище Калаимир³. Эпоха ахеменидов отметилась жилыми постройками на Гиссарской крепости⁴ и в сел. Киблаи, где были собраны остатки посуды этого времени⁵.

Для эпохи раннего железа на территории Таджикистана изучена более 12 памятников, и только на 3-х из них – Калаи-Мир, Байтудашт-IV и Нуртепа обнаружены культовые сооружения. На городище Бойтудашт-IV (Пянджский район) выявлен храм огня, датированный эпохой раннего железа и ахеменидского времени, не имеющий по своей планировке аналогии среди синхронных культовых памятников Средней Азии и Ирана, отражающий ранние формы-планировки храмов огня зороастрийской религии⁶. На городище Нуртепа выявлен комплекс, где наблюдается место кремации, обряд не характерный для зороастрийского вероучения.

---

1 Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды. – М., 1991.

2 См.: Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных голов и других изделий из Исфаринской долины // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19. – С.413-425; Они же. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана // ПК НО. – 1983. – Л., 1985. – С.501-507.

3 Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. – 1954. – Т.19. – С.121-140; Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) // МИА. – 1953. – №37. – С.273-275; Забелина Н.Н. Раскопки на городище Кала-и Мир // МИА. – 1953. – №37. – С.294-301. Ср.: Массон В.М. Древнеземледельческая культура // МИА. – 1959. – №73. – С.55-58.

4 Самойлик П.Т. К вопросу о стратиграфии и топографии Хисортепа // Проблемы истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1993.

5 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе — город древний.—Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.

6 Абдуллаев А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 г. //АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып. XVII. – С.69-78.

Восточный Памир заселяется сакскими племенами, на которые сильное влияние оказала культура Ферганы VI-IV вв. до н.э.¹ Погребальный инвентарь 260 курганов и могильников VI-IV вв. до н.э.², включал глиняные круглодонные чаши и горшки; предметы вооружения – железные кинжалы-акинаки, деревянные стрелы с наконечниками из бронзы, железа, кости и дерева, деревянные гарпуны; украшения – разнообразные бусы и поделки из бронзы, преимущественно детали конского убора, сходные с предметами кочевников Тянь-Шаня, Семиречья и Чача³.

Памятники соответствующей древности в Северном Таджикистане еще не обнаружены. Но к середине I тысячелетия до н. э. это была уже страна многочисленных поселений и крупных городов. Ахеменидские цари регулярно упоминали Согд среди подвластных им территорий.

Археологические источники однозначно указывают, что ахеменидский период был важным этапом в истории, истории культуры и искусства народов Средней Азии. Войдя в состав единого с западными иранцами могущественного государства, просуществовавшего более 200 лет, ираноязычные народы Средней Азии вошли в контакт не только с персами и мидянами, но и с передовыми в то время культурами Ближнего Востока – вавилонской, египетской, малоазийской, греческой.

Следующий период - греко-македонский этнический пласт - рассматривается по материалам памятников, представляющих периоды античности, эллинизма, греко-бактрийского царства и кушанского государства.

В предгорной и горной части Зарафшанской долины в настоящее время известны 20 памятников античного времени – могильники Суджина⁴ и Зосун⁵, пещера Гори-Гург около Пенджикента¹, городища Калаи Навруз

---

1 Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИИМК. – М., 1978. – Вып. 154. – С.95-98.

2 Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – №26. – С. 27-35;189-191; 286-326; Бернштам А.Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – №1. – С.121-134; Бабанская Г.Г., Заднепровский Ю.А. Археологические исследования А.Н.Бернштама на Памире в 1956 г. // Труды АН ТаджССР. – 1959. – Т.91. – С.53-61.

3 Литвинский Б.А. Древние кочевники “Крыши мира”. – М., 1972.

4 Зеймаль Е.В. Кубок из погребения в Суджине //АРТ.– Сталинабад, 1961. – Вып. 6. – С. 167-168; Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. Душанбе,1983.-309 с.

5 Мандельштам А.М. Предварительный отчет о работах Верхне-Зеравшанского отряда в 1953 г //Доклады АН Тадж. ССР. 1954.– Вып. 11. – С. 31-37 (с.31-34); Мандельштам А.М. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г //АРТ. – (Труды АН. Тадж. ССР, т. LXIII). – Сталинабад, 1965. – Вып. 3. – С. 57-59 (С.9-44); Курбанов Ш.Ф. Античные памятники

Шах², Мустафотепа, поселения Буранбай³, Тепаи Шутурак и др.⁴ В Магии-не известна крепость Калаи Муг⁵, Калаи Нофин⁶ и могильники Дашти Саразм¹⁷, Саурсай⁸, погребения близ источника Кайнар⁹, Эшбек, Минг-дона¹⁰, уникальных по своей неповторимости.

Холикназартепа – это древнейший образец отдельно стоящего укрепленного здания, очень важного как предшественник раннесредневековых замков Согда. Талихамтуда небольшая крепость, положившая начало сооружениям крестообразной формы, не имеющих аналогий в более раннее время, но широко используемых далее вплоть до средневековья. Мустафотепа отмечено появлением местной школы гончаров, для которой характерно сочетание архаичных чашевидных кубков, восходящих к общесогдийским формам конца IV-II вв. до н.э., с цилиндро-коническими и колоколовидными бокалами, появившимися на рубеже н.э.

верховьев Зарафшана. – Душанбе: Ирфон. –2014. – 248 с.– (с. 85-87).

- 1 Маршак Б.И. Пещера Гори Гург близ Пенджикента //АРТ.– (Труды АН Тадж. ССР, т. 103). – Сталинабад, 1959. – Вып. 5. – С. 171-173.
- 2 Якубов Ю. Работы ВерхнеЗарафшанского археологического отряда на поселении Наврузшах //АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. 24. – С. 296-304.
- 3 Исаков А.И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г. //АРТ.– Душанбе, 1983. – Вып. 17. – рис. 23.2.
- 4 Курбанов Ш.Ф. Античные памятники верховьев Зарафшана. – Душанбе: Ирфон. –2014. – 248 с. (С. 43-54,75).
- 5 Ставиский Б.Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г //АРТ (Труды АН Тадж. ССР, т. СШ). – Сталинабад, 1959.– Вып. 5.– С. 65-82; Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1959 г. //АРТ (Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж. ССР, т. 31).– Душанбе, 1961в.– Вып. 7.– С.101-105.
- 6 Ставиский Б.Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г //АРТ (Труды АН Тадж. ССР, т. СШ). – Сталинабад, 1959.– Вып. 5.– С. 65-81; Б.Я. Археологические работы в районе Магиандарьи в 1957-1959 гг //СГЭ.– Л, 1961а.– N 21.– С. 57-60; Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1958 г. //АРТ. (Труды Института истории им. А.Дониша, т. 27). – Сталинабад.– 1961б.– Вып. 6.– С. 101-112; Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1959 г. //АРТ (Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж. ССР, т. 31).– Душанбе, 1961в.– Вып. 7.– С. 101-107.
- 7 Исаков А.И. Разведки и раскопки Саразмского массива в 1981г. //АРТ.– Душанбе. – 1988.– Вып. 21.– С. 186-198 (с. 187); 1999.
- 8 Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА, № 15. Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. М. — Л., 1950; Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1974; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.
- 9 Курбанов Ш.Ф. Античные памятники ...– С 81.
- 10 Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М.: Наука, 1972. – 372 с.

Разнообразные памятники античного периода, датируемые с IV в. до н.э. по IV в. н.э. позволили изучить фортификационные сооружения, как примитивные (Круглая крепость), так и достаточно совершенные (Холикна-зартепа и Тали Хамтуда), причем последние дают основание поставить вопрос о термине «сельских крепостцах-цитаделях», ранее не фигурировавших в литературе.

Сооружения и слои эллинистического времени открыты в Саксанохуре, Душанбинском городище¹, к III–II вв. до н. э. относится основной комплекс Тамошо-тепа (Яванская долина)², Золи Зард (Дангаринская долина), отразили эволюцию урбанизированных центров³. Значительное число поселений античного времени сосредоточено в Вахшской долине – это городища Кухна-Кала, Кум-тепа, Болдай-тепа и др., представляющие исключительный интерес для истории градостроительства, архитектуры и фортификации IV–III вв. до н. э.

Целый блок археологических источников связан с материалами памятников греческого вторжения в Среднюю Азию. Среднеазиатская фортификация, возникшая в конце II тыс. до н.э., достигла к рассматриваемому времени больших успехов. Античные авторы сообщают, что в Средней Азии существовали большие, хорошо укрепленные города, внутри которых находились мощные цитадели (например, Мараканда, Александрия Эсхата, Кирополь и др.) и поселения без них – Тамошо тепе, Дараи Шур-2, Тепаи Динистон, Душанбинское городище⁴. Особенно неприступны были крепости в горных районах.

Материал, полученный при раскопках этих памятников показал, что пребывание в Средней Азии значительных групп греческого населения, строительство греческих городов привело к встрече и общению двух этнокультур – эллинской и местной. В зоне непосредственного контакта развивалась модель, где основой служила местная (бактрийская, согдийская и т.д.) культура, обогащенная разнообразными греческими элементами. И модель, где фиксируется лишь проникновение отдельных элементов эллинской культуры, таких как греческая письменность, которая послужила основой для письменности селевкидского, греко-

---

1 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе – город древний.-Душанбе: Дониш,1993. – С.31.

2 Абдуллаев А.Б., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. //АРТ.– Душанбе, 1975.– Вып.11. – С. 249-264; Абдуллаев А. Раскопки городища Тамошо-тепе в 1974 г. // АРТ. –Душанбе, 1979.– Вып. 14.– С.123-133;

3 Абдуллаев А. Раскопки в Яванской долине в 1975 г. //АРТ.-Душанбе,1980.-Вып. 15.– С. 85-95.

4 Абдуллаев А. Раскопки в Яванской долине в 1975 г. //АРТ.– Душанбе,1980.– Вып. 15.– С. 70.

бактрийского, кушанского и эфталитского времени. Вместе с письменностью проникали различные литературные и философские сочинения, элементы греческого театра, музыки, изобразительного искусства, мифологии, религии и т.д. Произошли перемены в архитектуре (распространение греческой колонны, портиков и т.д.) и ремеслах, в частности, в керамическом производстве.

Для характеристики культуры Бактрии в селевкидское и греко-бактрийское время исключительно важное значение имеет Храм Окса на городище Тахти Сангин. Последовательная эволюция храма, отражает динамику бактрийско-эллинистического синтеза, продолжавшегося вплоть до кушанского периода.

Городище Тахти Сангин наряду с эталонными архитектурными памятниками, подарило миру высочайшие шедевры изобразительного искусства¹, которые подразделяются по стилю исполнения и хронологии на три совершенно разные школы. К первой относится скульптура раннеселевкидского времени, выполненная в малоазиатских греческих традициях. Ко второй – греко-бактрийская школа со специфически местными традициями. К третьей – скульптуры, близкие по стилю парфянскому и индо-гандхарскому искусству.

Бактрийская земля была одним из центров, где шел этот сложный процесс сплочения воедино западных и восточных традиций. Именно здесь эллинизированный элемент был особенно силен и значителен. Недаром, когда кушанские цари решились, наконец, писать свои титулы и имена на родном языке, для обозначения звуков этой речи был выбран греческий алфавит. Само название, «Греко-бактрийское царство», является как бы символом творческого синтеза, которым отмечена городская культура.

Проявление черт смягчающих европеоидность, замечено в материалах многослойного могильника Тупхона в Гиссарской долине в 20 км к западу от г. Душанбе, захоронения совершались в грунтовых ямах, расположенных в несколько ярусов разновременные типы погребений, охватывающих время от V в. до н.э. до I в. н.э. Стойким отличительным признаком погребений III в. до н.э. – I в. н.э. в Тупхоне является труположение в грунтовую могилу, обложенную сырцовым кирпичом³⁷. Все захороненные относятся к брахикранному европеоидному типу Среднеазиат-

---

¹ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ.-1985. – №4. – С.84-110.

ского междуречья. На одном женском черепе отмечен легкий налет монголоидных черт, несколько смягчающих европеоидность.

Примерно тем же временем, что и могильник Тупхона, датируется найденный в 90 км к западу от Душанбе (с.Пахтаабад) глиняный гроб с мужским захоронением. Антропологический тип погребенного европеоидный. Измерительные признаки этого черепа близки к черепам из Тупхоны.

Археологический материал памятников кушанского периода является хорошо изученным источником по материальной и духовной культуре населения Северного, Центрального, Южного Таджикистана и Памира. Определены культурологические, антропологические, лингвистические и др. данные. Самым значимым археологическим источником для данного периода по-прежнему являются могильники. На территории Таджикистана их открыто несколько типов. I. Грунтовые могильники – Тупхона (в Гиссарской долине). II. Гробницы с двускатной кровлей и полом – Душанбинский могильник. III. Погребения сверху перекрытые сырцовый кладкой. (I в. до н.э. – III в. н.э.) – Харкуш. Во всех трёх типах в погребениях соблюден обычай помещать вместе с покойником (на грудь или в рот) серебряную монету – обол или заменяющий ее золотой кружок¹. Этот обычай находит себе аналогии в погребениях Греции и эллинистических государств Ближнего Востока)². В ранних погребениях рядом с покойником помещался сосуд с жертвенной пищей. В могилах находились бусы, бронзовые зеркала, серьги, браслеты, перстни. Эти украшения дают много параллелей с сарматской культурой Прикаспия и Причерноморья. Среди находок имеются балтийский янтарь и раковины каури из Индийского океана.

К кушанскому времени также относятся захоронения в глиняных гробах, или хумах. Для одного из последних (обнаружено на территории могильника в Душанбе) был использован сосуд с бактрийской (тохарской) надписью, так называемым кушанским письмом³.

Тохаристан наследник Бактрии, располагался между Гиссарским хребтом и Гиндукушем, охватывал южные земли Таджикистана и Узбекистана, юго-восточную Туркмению и Северный Афганистан. «Тохаристан» означает «страна тохар». Тохары же – имя кочевников, сыгравших важнейшую роль в разгроме Греко-Бактрийского царства и в образовании затем Кушанской империи, простиравшейся, по крайней мере, от южных границ Согда – на

---

1 Там же. – С.7-78.

2Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии.-М.,1984. -С.150-161.

3 Лившиц В.А. Тохарская надпись на хуме // ДАН ТаджССР. – 1953. – Вып.7. – С.23-28.

севере и до междуречья Ганга и Джамны и Индийского океана – на юге. Тохар большинство исследователей отождествляет с юэчжами китайских источников. Есть достаточно оснований считать, что правившая в Кушанской империи династия происходила именно из рода юэчжей.

Этнический аспект тохарской проблемы является одним из важнейших вопросов древней истории Средней Азии. Единственным источником археологических памятников II в. до н.э. – I в. н.э., оставленных кочевниками на территории Таджикистана также являются погребальные памятники. Показательными памятниками определен материал группы курганных могильников, расположенных на берегах р.Ксиров – Ксиров-I-V, Бешкапа (Ксиров IX), Экизак (Ксиров-VII) и Найзабулак (Ксиров-VI)¹. По своей конструкции они представляют собой ограды.

Сделанное антропологическое заключение сводится к следующему: весь ксировский материал представлен брахи- и мезо-кранными европеоидами средиземноморского типа. Отмечена большая грацильность черепов по сравнению с материалами кочевников, исследованных синхронных могильников Бешкентской долины. Характерно, однако, что среди дангаринских материалов представлен и череп с явной гуннской искусственной деформацией (Ксиров-IV, выкл. 18)². В совокупности, эти исследования могильника Ксиров дают ключ для решения вопроса об этнической идентификации погребенных в Дангаре кочевников. Исследователями определено, что дангаринские кочевники являются представителями больших юэчжей³.

В отдельную группу памятников, принадлежавших скотоводам, выделены могильники, открытые в Бешкентской и Южнокафирниганской долинах: Тулхарский (348 курганов⁴), Бешкентский могильник IV-VII (БМ-IV – 247 насыпей⁵, БМ-V – 150⁶, БМ VI – 60¹, (БМ-VII) – более 40²), Кок-

---

1 Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии-Тохаристана II в. до н.э.– III в. н. э. /К этнической истории Северной Бактрии кушанского времени/. – Ставрополь, 1999. – 131 с.

2 Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной... – С. 45.

3 Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии-Тохаристана II в. до н.э.– III в. н. э. /К этнической истории Северной Бактрии кушанского времени/. – Ставрополь, 1999. – 131 с. (с. 129).

4 Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. //МИА, N136.– М.-Л., 1966 б. – С.9.

5 Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, И. Н. Медведская. Отчет о работах Южнотаджикостанской археологической экспедиции в 1973 г. – АРТ, XIII (1973), 1977. – С. 92.

6 Медведская И. Н. Раскопки в Шаартузе в 1975 г. – АРТ, XV, 1980. – С. 111; Седов А. В. Могильники Бешкента. – Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана.

кумский (120 насыпей), Караджарский, Чайпаракский (13 колец³); Аруктауский (286 погребений⁴). Небольшие скопления погребальных сооружений зафиксированы у Хангазы, Кокумского могильника и другие. Таким образом, в настоящее время в Бешкентской долине насчитывается более 1340 погребальных памятников кушанского времени.

Ряд небольших курганных могильников был обнаружен в 11 км к северу от районного центра Кабадиан – это первая Кафирниганская группа, состоящая из 25 земляных насыпей. II-ая Кафирниганская группа курганов находится неподалеку от того же райцентра, в полукилометре севернее городища Кей-Кобадшах, III – группа в 2-3 км юго-западнее Кобадияна⁵. Отмечено наличие группы каменных насыпей на правом берегу р. Кафирниган, севернее выхода к ней Бешкентской долины⁶ и в районе между Кабадианским оазисом и Гиссарской долиной⁷.

Хронологически близкие могильники кочевников Северной Бактрии обнаружены и частично исследованы в Сарайкамарской долине (Пянджский р-н). Это большие курганы – Байтудашт-I и небольшие курганы Отчапар⁸. Один крупный курган был исследован в долине реки Обимазар, на северо-востоке Кулябской области⁹. Остатки одного разрушенного погребения в могильнике Тагитор обнаружены и расчищены в этом же районе,

---

Материалы ЮТАЭ. Каталог выставки. – М., 1983. – С. 36.

- 1 Седов А. В., Керзум А. П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 году. – АРТ, XVIII, 1984. – С. 116-119; Седов А. В. Могильники Бешкента. – Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана. Материалы ЮТАЭ. Каталог выставки. – М., 1983. – С. 36.
- 2 Седов А. В., Керзум А. П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 году. – АРТ, XVIII, 1984. – С. 122.
- 3 Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Тр. ТАЭ, т. VII. – Л., 1975. – С. 150, табл. 1.
- 4 Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 40, илл. 79.
- 5 Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) (1950-1951 гг.). – МИА, N37, 1953. – С. 258-259.
- 6 Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – С. 3
- 7 Пьянкова Л. Т. Разведка в среднем течении р. Кафирниган. – АО 1982 года. – М., 1984. – С. 501-502.
- 8 Зеймаль Е. В. Разведочные работы Гиссарско-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г. – АРТ, XIV, 1979. – С. 136-137; Абдуллаев А. Работа Пянджского археологического отряда в 1981 г. – АРТ, XXI, 1988. – С. 310-324; А. Абдуллаев. Отчет о работе Пянджского отряда за 1983 г. – АРТ, XXIII, 1991. – С. 201-213.
- 9 Муллокандов М. Р. Археологические работы в долине р. Обимазар. – АРТ, XXI, 1988. – С. 404; с. 405, рис. 1.

(найден обол Герая)¹. В Ляхше (Каратегин, среднее течение р.Сурхоб) исследовались могильники Ляхш I-II, оставленные кушанами².

Характеристика курганных могильников Северной Бактрии свидетельствует о значительном типологическом различии между бешкентскими могильниками и, прежде всего, Аруктау и Тулхаром, с одной стороны, и Ксировом – с другой. Именно по этим признакам могильник Ксиров сближается с погребальными памятниками кочевников Семиречья – Северного Тянь-Шаня, а Аруктау и Тулхар – с сарматскими памятниками Южной России, Поволжья и Южного Урала. Другой северо-бактрийский могильник – Бабашов занимает промежуточное положение между бешкентскими и дангаринскими памятниками³.

Примером иной культуры погребения выступают захоронения с чертами поклонения огню или использования ритуала со сжиганием. В Бешкентской долине обнаружены четыре захоронения, которые, «характеризуются единством обряда и одинаковым типе могильного сооружения. Это трупосожжение, совершающееся где-то вне могилы с последующим захоронением костей в небольшой грунтовой яме».⁴

На южных склонах Гиссарского хребта в долине р. Ширкент раскопан небольшой могильник Харкуш, расположенный по соседству с одноименным поселением. Захоронения совершены в грунтовых ямах, стенки которых обложены каменными плитами, ими же сверху перекрыты некоторые могильные ямы. В заполнении могильных ям встречены многочисленные древесные угольки, в некоторых кости барана и небольшой погребальный инвентарь. В двух случаях во рту погребенных находились позднекушанские медные монеты с пробитыми в них отверстиями⁵. Близкие по обряду погребения вскрыты в Гиссарском могильнике. Интересной их особенностью является наличие у головы погребенных специальной ямки, в которую засыпаны кусочки обожженной земли, угольки, зола –

---

1 Муллокандов М. Археологические работы в долине Обимазара. – АРТ, XX, 1987. – С.222.

2 Якубов Ю.Я. Археологические памятники Ляхша. – АРТ, XVIII, 1984. – С. 178-193; Якубов Ю., Муллокандов М. Работы Каратегинского отряда. – АРТ, XX, 1987. – С. 194-201.

3 Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии-Тохаристана II в. до н.э.– III в. н. э. /К этнической истории Северной Бактрии кушанского времени/Ставрополь, 1999. – 131 с.

4 Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. – М.: Наука, 1987. – 202 с.

5 Соловьев В.С. Могильник Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991.

остатки, погребальных костров, которые возжигались где-то недалеко от могильников¹.

Для коллективных захоронений служили пещерные склепы, найденные в разных регионах Таджикистана. В местности Джулсай Пянджского района, на крутом склоне амударьинской террасы располагался однокамерный склеп с остатками трех скелетов. Вместе с ними найдены украшения, бронзовое зеркало, монеты. В районе селения Куркат на севере Таджикистана на крутом склоне горной цепи обнаружено 17 склепов. Количество захороненных людей в одном из них достигает 182, в другом – 172. Есть здесь и обычные захоронения, и остатки оссуарных захоронений².

В Кубадиане при раскопках сельского поселения Актепа II в обходном коридоре святилища были устроены погребальные ямы, в которых были совершены захоронения костей и черепов, очищенных от мягких тканей. Захоронения сопровождала металлическая посуда, кушанские монеты³.

Столь многочисленное количество типов могильников помимо перечисленных отдельных захоронений, отражает пестроту религиозных воззрений и этнического состава местного населения (антропологические исследования подтвердили исторические данные о наличии здесь в кушанское время разных по расовым признакам этнических компонентов)⁴.

Археологические комплексы кушано-сасанидского времени зафиксированы на поселениях Бешкентской долины (Ак-тепе II, Дарахша-тепе, Клыч-Дувал, Хан-Газа, Безымянное, Шур-тепе), на городищах и поселениях вдоль левого и правого берегов р. Кафирниган (Кей-Кобад-шах, Новабад-кала, Мунчак-тепе, Шодмон-кала, поселение у сел. Саят), в правобережье р. Амударьи (Тахти-Кувад, Хишт-тепе, Уштур-мулло)⁵. К этому же време-

---

1 Абдуллаев А. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август-сентябрь 1971г.) // АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып.11 (1971 г.). – С.49-58.

2 Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования // Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. – Душанбе, Ому, 2003; Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. – Автореф. дисс... доктора исторических наук. – Душанбе, 1995, с. 45; Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: Раскопки и исследования. История, архитектура и искусство Уструшаны // Душанбе – 2013.

3 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе - город древний.-Душанбе:Дониш, 1993. - С.34.

4 Среди захоронений Бактрии-Тохаристана кушанской эпохи Б.А. Литвинский, Г.А.Пугаченкова и Э.В.Ртвеладзе выделяют и такие, которые они считают зороастрийскими. Однако вопрос об их связи с зороастризмом нуждается еще в дополнительном изучении.

5 Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья.– М.: Наука, 1987.– 202 с.

ни относятся Яванское городище, Халкаджар, Кииктепа, Шуртепа (Южный Таджикистан)¹ и многие другие. К примеру, количество кушанских памятников в Гиссарской долине приближается к 30². Всего на территории Таджикистана выявлено около 200 городов и сельских поселений.³

На одних памятниках, таких как городище Калаи Мир, Кейкубад, Саксанохур, Тамошотепа, жизнь продолжалась на тех же местах, на которых жили люди греко-бактрийского времени. В других случаях основывались новые города. Таким памятником является городище Тепаи Шах, расположенное в низовьях реки Кафирниган (II-середины IV вв. н. э.). Обряд захоронения в рядом расположенном некрополе свидетельствует, что жившие здесь люди исповедовали зороастрийскую религию.

В Яванской долине располагался крупный город Гаравкала, в период своего расцвета достигавший 30 га. Время его существования охватывает всю кушанскую эпоху (с II-I вв. до н. э. до конца III или в начале IV века н. э.)⁴. К раннему, развитому и позднекушанскому периоду относятся городища Кухнакала и Кумтепа⁵, Шахринауское городище, Узбеконтета, Чимкуртан, Гиссарская крепость⁶. Каждый из этих памятников нами привлечён для показа особенностей кушанского периода.

Шахринауское городище – наиболее крупный и эффектный памятник с характерной фортификацией, с сохранившимся 100-метровым участком стены с башнями, имеющими стреловидные ложные и действительные бойницы. Обнаруженные на территории городища монеты и керамические изделия составили представление о материальной культуре кушан. Узбеконтета – крупное городище пример продуманного строительства с использованием рельефа местности⁷. Чимкуртан выделяется уникальными находками, в том числе большой коллекцией терракотовых изделий. Гиссарская крепость, сохранившая остатки жизни людей от II века до н. э. – «великокушанского», т. е. периода правления знаменитого царя Ка-

---

1 Там же. – С.78-84.

2 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе - город древний.-Душанбе: Дониш, 1993. - С.34.

3 Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья.– М.: Наука, 1987.– 202 с.

4 Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия.—М.: Наука, 1977.

5 Литвинский Б.А., Давидович Е.А. Предварительный отчет о работах Хутальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г. // Докл. АН Тадж. ССР.– Душанбе, 1954.– № 11.– С. 53—60.

6 ИТН с.452.

7 Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе -город древний.-Душанбе: Дониш, 1993.- 176 с.).- С.39.

нишки, которое отмечено максимальным расцветом кушанского царства, до позднекушанского – III–IV века н. э.

Наиболее хорошо памятники этого периода изучены в Вахшской долине. Особую важность имеет открытие буддийского монастыря Аджина-тепа¹. Ключевым раннесредневековым памятником с кушанскими слоями является городище Кафыркала – столица области Вахш².

Изученные архитектурные сооружения кушан можно разделить на следующие типы: светские и культовые жилища. Кроме буддийского монастыря Аджина-тепа³ известны и другие постройки – это небольшой буддийский монастырь на горе Уштурмулло⁴, буддийский храм Хишттепа⁵, святилище на Калаи-Кафирниган⁶, буддийская часовня на цитадели Кафыркалы⁷.

Поселения Согда кушанского времени изучены пока слабо. В большинстве своем определяют только культурные слои, датированные по

---

1 Литвинский, Б. А., Зеймаль, Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство /под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Нестор-История, 2010.- 320 с.: ил. -(Archaeologica Varia).

2 Литвинский Б. А., Денисов Е. И. Буддийская часовня в Кафыр-Кале // АРТ. Вып. 10. 1973; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... – С. 22–23, 109–123; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки... – С. 85–86.

3 Литвинский, Б. А., Зеймаль, Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство / Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль; под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 320 с.: ил. - (Archaeologica Varia).

4 См. публикации Т.И.Зеймаль: Буддийский комплекс Шутур-Мулло // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19 (1979). – С.186-202; Она же. Раскопки буддийского комплекса Уштур-Мулло в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып.21 (1981). – С.325-336; Она же. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. - Душанбе, 1990. – Вып.22 (1982). – С.255-261; Она же. Буддийская ступа у Верблюжьей Горки. – Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.70-78. Ср.: Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии.- М., 1983. - С.75-79.

5 Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. -М.,1985. -С.22-23.

6 Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган // Археологические открытия 1977 г. – М., 1978. – С. 558–559; он же. Средневековый центрический мавзолей...; он же. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). – М., 1981. – С. 116–138; он же. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. – М., 1983; он же. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. Вып. 14. 1979.

7 Литвинский Б. А., Денисов Е. И. Буддийская часовня в Кафыр-Кале // АРТ. Вып. 10. 1973; Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана... С. 22–23, 109–123; Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки... С. 85–86.

керамике. Так же, как и в Бактрии-Тохаристане, здесь встречаются два типа керамики – красноглиняная с красным и светлым ангобом и серо-глиняная с черным ангобом. Однако последняя в целом для Согда не характерна. Ведущие формы выражены в сосудах, характерных только для Согда. Таковы вазы на высокой ножке, сосуды с красной ленточной росписью по светлому ангобу, кувшины типа оэнохой и сосуды с налепами – головками людей или животных под вертикальной ручкой.

Культура земледельцев Уструшаны, территория которой начиналась западнее реки Ходжа Бакырган, исследована мало. Из поселений кушанского времени исследованы только жилые и хозяйственные помещения на поселении Дунгчатепе¹ и соответствующие слои на Худжандской крепости и на городище Ширин возле селения Куркат. Среди многоцветных погребений в скальных склепах, находившихся на склоне горы Ширин, имеются и относящиеся к кушанскому времени. В сопровождающем инвентаре, помимо керамики, бронзовые изделия – браслеты, перстни, кольца, зеркала, заколки, бубенчики, амулеты, богатые коллекции бус².

На основе изученных памятников археологами была восстановлена как материальная, так и духовная сторона культуры кушанской эпохи. Важным элементом бактрийской архитектуры этого периода служат деревянные колонны с каменными профилированными основаниями и каменными капителями коринфского ордера³. Колонны поддерживали плоскую деревянную кровлю, представлявшую, вероятно, основной вид перекрытия, наиболее обычный для Бактрии той эпохи. Поверхности стен покрывались белой штукатуркой, а иногда и монументальной живописью, как орнаментальной, так и сюжетной, в том числе с изображением местных и буддийских персонажей. Остатки такой многоцветной живописи открыты в буддийских постройках и других культовых зданиях.

Стены зданий часто украшались пилястрами, верхние части которых украшались каменными капителями со скульптурными изображениями. Интересные образцы капителей колонн и приставных пилястров с релье-

---

1 Салтовская Е.Д. Раскопки Дунгча-тепе в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып.18 (1978). – С.314-323;

2 Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К., Абдурасулов М.А. О работе Куркатского отряда // АО. 1977. – М., 1978. – С.559-560; Мирбабаев А.К. Новые скальные склепы Курката // АО. 1978. – М., 1979. – С.579; Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985. – С.120-125.

3 См.: Ставиский Б.Я. Капители древней Бактрии // СА. – 1972. – №2. – С.41-50.

ефными изображениями найдены в Таджикистане на Шахринауском городище¹.

Для культуры Тохаристана этого периода характерно широкое распространение мелких глиняных скульптур, изображающих местные, как правило, женские божества и различных животных. Глиняные фигурки, изготовленные при помощи штампов, сближаются и по тематике, и по стилю с их согдийскими аналогами.

Характеристика культуры Бактрии-Тохаристана будет недостаточно полной, если не остановиться хотя бы вкратце на наиболее массовом археологическом материале – глиняной посуде, являющейся самым показательным маркером любой эпохи. Как уже отмечалось выше, керамическое производство во всей Средней Азии в кушанское время стояло на очень высоком уровне. Значительная часть посуды изготовлялась на гончарном круге и отличалась исключительной тонкостью черепка, изяществом и разнообразием форм и тщательным полосчатым лощением по ангобу. Посуда была либо красноглиняной с красным или коричневым ангобом, либо сероглиняной с серым или черным ангобом. Наиболее характерными типами красноглиняной керамики были высокие бокалы на фигурной ножке, небольшие корчаги с двумя ручками и, позднее, крупные, с одной или двумя ручками, кувшины и широкие тарелки с двумя вертикальными ручками. Для сероглиняной керамики были типичны открытые чаши – тарелки с отогнутым бортом. Орнаментация сосудов в начале периода почти совсем отсутствовала, однако позднее, наряду с исчезновением лощения, начинает широко применяться вырезанный орнамент волнистыми горизонтальными линиями, кружковый орнамент и мелкие штампы с различными рисунками, преимущественно растительного характера и налепы.² Налепы были преимущественно антропоморфные, они помещались на ручках или в верхней части стенок сосудов. На фрагменте столового сосуда, найденного на Яванском городище, сохранился отпечаток с изображением сасанидо-кушанского правителя Хормузда (381-384 гг.). Под ручкой изящного сосуда для вина с городища Актепа II в Кабадиане сделан отпечаток крупной геммой с изображением головы мужчины с узким вытянутым лицом, обрам-

---

1 Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан) // Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. - 1968. - №3. - С.37-40 (то же в сб.: Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1975. - С.374-377); ср.: Ставиский Б.Я. Капители древней Бактрии. -С.46-47.

2 Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – С. 255-257.

ленным густой бородой с завитушками, усами. На его голову надета круглая меховая шапка. Судя по облику, портрет принадлежит знатному иранцу¹. Антропоморфные налепы имеются и на согдийской керамике.² Особо следует отметить появление в керамике Тохаристана при кушанах ряда форм, характерных для северных районов Средней Азии – высоких крышек с одной ручкой и ручек в виде фигурки животного.

В целом керамическое производство Бактрии-Тохаристана отличается известным своеобразием, хотя применение красного ангоба, полосчатого лощения и отдельных форм красноглиняной керамики (в первую очередь, бокалы на фигурной ножке) встречаются и в других среднеазиатских областях, а сероглиняная керамика находит себе параллели и в Афганистане.

Археологические источники в виде амулетов, печаток, бус указывают на хорошо развитую обработку камня. Целая серия амулетов, вырезанных из черного камня, найдена при раскопках Яванского городища. На них часто встречаются изображения козлов, а на сердоликовой вставке медного перстня вырезано изображение птицы. При раскопках могильника Змутк в Бадахшане найден костяной амулет. На одной его стороне изображен в «летащем галопе» олень, на оборотной стороне изображены две человеческие фигурки, сидящие у жертвенника с горящим огнем³.

Многочисленные находки в ферганских курганах дают представление не только о погребальном ритуале и керамике, но также и о вооружении и одежде скотоводческих племен. Так, в курганах найдены костные накладки от сложных луков, прямые железные мечи и кинжалы, различные железные наконечники стрел, крючья от колчанов. Из деталей одежды и из украшений до нас дошли куски шелковых и хлопчатобумажных тканей, многочисленные железные пряжки с подвижным язычком, серьги, бусы, всевозможные подвески, китайские монеты ушу. Интересны зеркала, привезенные из Китая или изготовленные в подражание китайским, и местные, в виде простых кружков с петелькой посередине или отверстием для подвешивания, похожие на зеркала сарматских племен, населявших

---

1 Седов А.В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М., 1979. – С.68-70. – Рис.24-26.

2 Книпович Т.Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода // КСИИМК. – М.; Л., 1949. – Вып.28. – С.75. – Рис.16; Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. – М.; Л., 1964. – №124. – С.265-298.

3 Бабаев А.Д. Костяной талисман // УСА. – Л., 1979. – Вып.4. – С.63-64; – Рис.18.

степи Западного Казахстана и Восточной Европы. Одно из зеркал имело ручку в виде женской фигуры, трактованной в индийской манере.¹ Кушаны перестали быть одной из народностей, проживающей в числе прочих на древней бактрийской земле. История кушанской империи, написанная совместно с населением данной территории, стала историей одной из крупнейших держав древнего мира.

В VI-VIII вв. в степях Северной Средней Азии и некоторых регионах бассейна Сырдарьи начинается еще один исторический процесс – внедрение и оседание группы тюркских племен и родов, формирование на этой территории тюркских племенных объединений, положивших начало образованию древнетюркского субстрата населения – начальных этнических компонентов будущих тюркских народов Средней Азии². В середине VI в. на политической арене Центральной Азии появляется новое государственное объединение – Тюркский каганат (551-744). Период владычества Тюркского каганата несомненно сыграл большую роль в этнической истории Средней Азии и Казахстана, обусловив приход, сюда больших групп тюркских этнических элементов, их сближение и частичное слияние с местным оседлым ирано-язычным населением. К тому же, согласно последним исследованиям официальной письменностью и государственным языком в первом Тюркском каганате являлись согдийское письмо и согдийский язык.³

Переходный период в развитии истории центральноазиатского региона от античности (IV в. до н.э. – III–IV вв. н.э.) до раннего средневековья (первая половина V-VIII вв. н.э.), примечателен своеобразными историческими процессами. Так, к III – IV вв. приходят в упадок кушанское государство и Кангюй. На их месте формируются политически самостоятельные и обладающие своеобразной системой административного управления государства (Афригидов, Чача, Ферганы) и государственные объединения (конфедерации Согда и Тохаристана), в образовании которых важную роль сыграли происходившие в регионе социально-политические и этнокультурные процессы.

Единственным археологическим источником, указывающим на присутствие тюрок в таджикских материалах, является находка архива Диваштича в

---

1 ИТН-2.– С. 468-470.

2 Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии.– Уфа:Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.

3 Кызласов Л.Р. Историко-культурное взаимодействие иранских и тюркских народов в средние века (язык, письменность, религия)//Вестник МГУ. Сер.8. История. 2004. К.3. –С. 57.

Замке на горе Муг и монеты с именами правителей или тюркскими тамгами¹.

Несмотря на подробную изученность документов из архива горы Муг как в лингвистическом, так и в историческом плане, они практически не являлись объектом изучения тюркологов. Хотя при этом согдоязычные памятники, созданные собственно на территории Тюркского каганата, как Бугутская (Монголия) и Илийская (Восточный Туркестан) стелы, активно привлекались для тюркологических исследований. Следует отметить, что согдийцы, составлявшие значительную часть населения Тюркского каганата и активно участвовавшие в его экономической и политической жизни, по сравнению с другими этносами были более осведомленными о древних тюрках. Из семидесяти согдийских документов архива горы Муг в десяти имеются сведения, непосредственно или косвенно связанные с Тюркским каганатом, в частности, это десятки древнетюркских терминов. Большинство терминов, занявших место в согдийских документах с горы Муг, представляют собой титулы, эпитеты и имена собственные. При этом немаловажен тот факт, что данные термины встречаются в текстах, представляющих собой письма, юридические и хозяйственные документы, которые содержат ряд ценных сведений, касающихся политической и социально-экономической истории региона эпохи раннего средневековья. Кроме того, они позволяют внести ясность в ряд вопросов, связанных с употреблением в системе управления вассальными владениями титулов, присущих Тюркскому каганату, определением их места и положения в иерархии как каганата, так и его вассалов. Другим источником информации о тюрках в древности являются многочисленные нумизматические материалы² и топонимика самих археологических памятников³ и живопись.⁴

Новые завоеватели, как уже это было не раз в истории Бактрии-Тохаристана, постепенно растворились в массе местных жителей и во многом переняли их образ жизни. Вплоть до арабского завоевания здесь

---

1 Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981; Исхаков М., Камолиддин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей. – Ташкент, 2009.

2 Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949—1956 гг.). М., 1963; Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. – М., 1981.

3 Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии.: Автореф. дисс.... канд. филол. наук. – СПб., 2004. – 20 с.

4 Яценко С.А. Древние тюрки: Костюм на разноцветных изображениях // Museum, Интернет-конференция. «Древности в музейных коллекциях». – Харьков, 2007. URL:<http://www.formuseum.info/2007/11/25>

существовал и развивался «среднеазиатско-тюркский «синтез»».¹

В IV – V вв. н. э. на территорию Средней Азии, в том числе Согдианы и Тохаристана, проникает с севера много новых этнических элементов – это так называемые «белые гунны» – хиониты, кидариты и эфталиты. Часто сведения о названных выше племенах, сохранившиеся в письменных источниках, очень кратки, иногда путанны и противоречивы².

Таким образом, географическая ситуация и исторические судьбы региона способствовали созданию здесь обществ и государственных образований с высокоразвитой цивилизацией. Исторические, культурные и этнические связи и взаимодействия соединили их со странами и народами Древнего Востока, Восточной и Южной Азии, евразийского пояса степей, Средиземноморья.

Резкое увеличение удельного веса монголоидности в антропологическом облике среднеазиатских народов приходится на конец IX – XII вв., когда Мавераннахр, будучи в составе караханидского государства, подвергается массовой экспансии монголоидных племен. Заключительным этапом этого процесса, связанным с приходом даштикипчакских узбеков, считается XVI в., когда монголоидность населения резко увеличивается во многих областях. Таким образом, тюркский этнический пласт, как предмет исследования, присутствует больше в материалах лингвистических источников. По археологическим материалам он фиксируется только в отдельных находках и на более ранних этапах истории.

С глубокой древности до раннего средневековья на территорию Центральной Азии приходили многие племена и народы, как среднеазиатские, родственные местному населению, так и завоеватели из дальних стран. Однако, судя по археологическим данным, в течение этого длительного периода здесь не произошло полной смены населения; менялись религии (зороастризм, буддизм, ислам), подвергался некоторым изменениям язык, но неизменно тянулась нить культурной традиции и столь же устойчивым оказался основной массив населения. Бактрийцев, также, как и согдийцев, можно с полным основанием отнести к числу прямых предков таджикской народности; тем и другим принадлежит основная роль в

---

1 Литвинский Б.Л., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. – М.: Наука, 1985. – 266 с.

2 Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. – 1959. – №1. – С.134; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М., 1962. – С.200; Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 205.

формировании таджиков. Деление территории, на которой происходило сложение таджикского народа в древности, на северные культурные области (Согд, Фергана) и южную (Бактрию-Тохаристан), сохранялось весьма стойко и впоследствии.

Существовали большие отрезки времени – иногда целые столетия, когда наступала мирная жизнь и тогда расцветали искусство, ремесла, духовная жизнь талантливого народа, впитавшего наряду со своими собственными традициями лучшие достижения других народов, пришедших к ним издалека, или передавших мирным путем свои культурные достижения.

Как теперь принято говорить, восточно-иранский этнос, зародившийся, вероятно, еще на последних этапах каменного века, но уже, безусловно, сформировавшийся в эпоху бронзы, был основным компонентом в этом кипящем котле этнических контактов и сохранил свои, исторически менявшиеся особенности, вплоть до настоящего времени¹. Современным выражением этого этноса и является сформировавшийся в X в. н. э. таджикский народ.

2. Отражение древних этнических процессов в «Авесте»

«Авеста» – важнейший письменный памятник по древнейшей истории Центральной Азии, дошедший до нас как собрание священных текстов зороастризма, религии, которую исповедовали древние иранские народы. Этот памятник сохранил сведения не только об истории, но и культуре, мифологии иранских народов, по исторической географии региона, а также первые и очень важные сведения по этнической истории Центральной Азии середины и конца эпохи бронзы.

Вопросы этнической истории Центральной Азии тесно связаны с проблемой происхождения индоиранцев, т.е. так называемой арийской проблемой, которая является объектом дискуссий среди ученых уже не одно столетие. Как отмечал Б.А. Литвинский, начиная с эпохи бронзы, Средняя Азия была ареной сложных этнических процессов и передвижений племен, и, очевидно, именно с этим временем связывается зарождение этнических образований, названия которых известны из древнейших письменных источников².

---

¹ Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе – город древний. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.

² Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). - Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. - С.

Арии (*airīia*, *arī*, *arya*, *aryman*, *ārya*) – это общее название индоиранцев. Основатель сравнительного исторического языкознания английский лингвист второй половины XVIII Виллем Джонс, изучая древнеиндийские тексты, впервые обратил внимание на слово *ārya* – («арий»). Ученый предположил, что *ārya* – это самоназвание всех индоиранцев и означает «человек этого народа», «хозяин», «благородный»¹. Следует отметить, что с середины XIX в. вплоть до нашего времени подавляющее большинство специалистов усматривали в термине «арья» более специальный, нежели чисто этнический, смысл, соответственно чему он переводился как «хозяин», «полноправный», «благородный», «свободный»². Известно, что слово *ārya*, *ārya* неоднократно упоминается в древнеиндийских ведических источниках особенно, в «Ригведе» (2.35.3; 4.30.17; 7.18; 7.86.7; 10.34.13; 10.38.3; 10.86.2; 10.102.3)³. Источник описывает пять «арийских кланов», которые пришли в Индию с северо-запада, и что арийцы (*ārya*-), в отличие от местного населения, имеют светлую кожу и голубые глаза (1.100.18; 7.33.1; 7.83.8)⁴. В «Авесте» это слово пишется как *airīia*-, в древнеперсидских надписях – как *ariya*-⁵. Ахеменидские цари (VI-IV вв. до н. э.) также называли себя арийцами. Так, в своих надписях Дарий I называл себя: «Я, Дарий, царь великий, царь царей,... сын Виштаспы... Ахеменид, перс, сын перса, ариец, арийского рода (происхождения)» (NRu 2)⁶. Ксеркс I называл себя царем арийцев и неарийцев⁷. Следует отметить, что от родительного падежа множественного числа этого слова образовалось современное название Иран (*Īrān*). В соответствии с этим употреблением термин «арийский»

---

295. (Тр. АН Тадж. ССР, Т. 33).

¹ Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной. Редакция и коммент. Т. Я. Елизаренковой. - М.: Прогресс, 1976. - С. 7, 19.

² Лелеков Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя индия. Историко-культурные связи. - М.: «Наука», 1982. - С. 149.

³ Ригведа. Мандалы I-IV / Изд. Подготовлено Т. Я. Елизаренковой. - М.: Наука, 1989. - С.13-16.

⁴ Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India. *Studia Orientalia*, 1988. № 64. P. 208-210, 215.

⁵ Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg,:Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. Sp. 198.

⁶ В работе используется издание *Corpus Inscriptionum Iranicum. Part I. Inscription of Ancient Iran. Vol. I. The Old Persian Inscriptions. Portfolio II: Plates XXV- XLVIII. The Inscriptions of Naqš-i Rostam* / Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Phries, 1957.

⁷ Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / Коллектив авторов. - М.: Наука, 1979. - С. 10.

используется как общее название этих народов и языков, в результате чего появилось словосочетание индоиранцы¹.

«Авеста» («Видевдат» 1.1; «Михр-яшт» 10. 12-14; «Фравардин-яшт» 13.143-144)² свидетельствует, что уже в начале I тысячелетия до н. э. на территории Центральной Азии обитали ираноязычные племена и народности, которые проживали в Согде, Бактрии, Маргиане, Хорезме, Харойве (греч. Ариана – район совр. Герата в Афганистане), Нисе, столице Парфии и т.д.

Что касается этнонима ариец, то о нем еще в V в. до н. э. упоминал Геродот (484-425 гг. до н. э.). В своей истории он употребляет слово Ἀριζαντοί-*arya zantu (букв. «арийское племя») – название одного из шести мидийских племен (Геродот, I, 101)³. Арриан (ок. 89-175 гг. н. э.) говорит об Ἀγίαςραι-*arya asra – (букв. «обладающий арийскими конями») – название племени по нижнему течению реки Хильменд (Арриан, III, 27, 4)⁴. У Птолемея (ок. 87-165 гг. н. э.) встречается этноним Ἀγιάκαι-*arya-ka – («арийцы») – название оседлого племени в низовьях Сырдарьи (Ptolomaeus, VI, 14)⁵.

Итак, упомянутые нами отрывки из «Авесты» («Видевдат» 1.1; «Михр-яшт» 10. 12-14; «Фравардин-яшт» 13.143-144) указывают на то, что ее географический фон охватывает Центральную Азию. Теперь следует рассмотреть какие этнические процессы проходили на ее территории. В данном случае немаловажным является отрывок из «Фарвардин-яшта» (13.143-144). Известный советский исследователь Л.А. Лелеков обратил внимание на некоторое противоречие в известном пассаже с перечислением стран, где надлежит почитать «фравашаи» (души умерших)

---

¹ Барроу Т. Ук. соч. - С. 7.

² Используются английский и русский переводы «Авесты». См.: The Zend-Avesta. Part I: The Vendidad / transl. by J. Darmesteter. Oxford, University Press, 1880, 240 p. (SBE, vol. IV); Part II: The Yasna, Visperad, Sirôzahs, Yasts, Nyâyis / transl. by J. Darmesteter. Oxford, University Press, 1882, 384 p. (SBE, vol. 23); Авеста в русских переводах (1861-1996) / сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И. В. Рака. Спб.: «Журнал «Летний Сад», 1998. 480 с.

³ Геродот. История в девяти книгах/ Пер. и примеч. Г. А. Стратановского. - Л.: Наука, 1972. - 600 с.

⁴ Арриан Ф. Поход Александра/Пер. М. Е Сергеевко, вступ. ст. О. О. Крюгера.- СПб.: Алетейя, 1993. - 386 с.

⁵ Используется английский перевод текста. См.: Ptolomaeus C. Geography. Book 6: Middle East, Central and North Asia, China / text, Engl. and Germ. transl. by H. Humbach and Zeigler S. Wiesbaden: Reichert, 1998. 260 p.

праведников, и где скифские и сакские племена не относятся к арийским. Первая из пяти стран списка названа *airuana-*, то есть «Арийская», вторая – *Tūga-*, третья – *Sairima-*, пятая – *Dāha*. Ученый пишет: «Как видим, из четырех названий, относимых современной наукой к иранскому миру, к числу собственно «арья» имеет касательство лишь одно, как бы противопоставленное остальным. Стало быть, компиляторы авестийского свода и ахеменидские придворные историографы, расходясь почти во всех аспектах легендарной этногонии и священной истории, единодушно отказывали «туранцам», сарматам и дахам, то есть североиранским племенам в принадлежности к числу «арья»... По крайней мере, для составителей «Авесты» двойственность их позиций в оценке *Tūga* – (с точки зрения Яшта, 5.54, это, безусловно, враги, а с точки зрения Фарвардин-яшта, 143-144, не «арья», но племя с теми же, что у «арья», религиозными воззрениями) означает некоторую осведомленность о каких-то членениях внутри иранского племенного массива. *Airya* – относилось только к избранной его части, сакрально и, по всей видимости, социально противопоставленной прочим. История этого противостояния, то есть войн Ирана и Турана, составила центральную тему иранского национального эпоса».¹

Почему наблюдается такое противоречие в источнике? В середине II – начале I тыс. до н.э. – период сложения «Авесты»², на территории Центральной Азии более отчетливо проявляется неравномерность исторического развития двух ее историко-культурных областей. В пояс южных земледельческих цивилизаций с высокоразвитой ирригацией, ремесленным металлургическим и гончарным производством, социальной и имущественной дифференциацией общества, а также зарождающейся и развивающейся протогородской культурой входит территория современных Южного Туркменистана, Южного Узбекистана и Северного Афганистана. Северная степная периферия, где производящая экономика в целом развивалась преимущественно по скотоводческому пути, включает в себя Южное Приаралье, Ферганскую долину, в которые входят просторы пу-

---

¹ Лелеков. Термин «арья»... С. 151.

² Skjærvø P. O. The Avesta as source for the early history of the Iranians // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity / Ed. by G. Erdosy. Berlin – New-York: Walter de Gruyter, 1995. P. 166 (Indiaqn Philology and South Asian Study. Vol. I); Skjærvø P. O. The Achaemenids and the Avesta // Birth of the Persian Empire. Vol. I. /Ed. by V. S. Curtis, S. Stewart. London – New-York: TAURIS, 2005. P. 80.

стынь Каракумов и Кызылкумов, прорезанные речными долинами с дельтовыми равнинами больших и малых рек, в числе которых Амударья, Сырдарья и Зарафшон. В степную зону также входили территории современного Северного Таджикистана и горные районы Центральной Азии. Сама Центральная Азия являлась ареной постоянных межплеменных контактов и миграций, сопровождавшихся взаимными культурными влияниями и ассимиляцией различных культурных традиций¹.

В эпоху средней и поздней бронзы на территории Центральной Азии в основном выделяются следующие археологические культуры: на юге расположенные в подгорной полосе Копетдага культура Намазга VI (XVI-XI вв. до н. э.)² и могильники Сумбар I-II и Пархай I-II (XIV-X вв. до н. э.), выделенные в Сумбарскую культуру³; памятники так называемого Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК)⁴ (конец

---

¹ См.: Пьянкова Л. Т. Энеолит и бронзовый век // История таджикского народа. Т. I: Древнейшая и древняя история. - Душанбе: Суруш, 1998. - С. 130.

² См.: Пьянкова Л. Т. Энеолит и бронзовый век // История таджикского народа. Т. I: Древнейшая и древняя история. - Душанбе: Суруш, 1998. - С. 127; Кирчо Л. Б., Попов С. Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии // *Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций.* - СПб., Кишинев – Одесса, 1999. - № 2. - С. 350.

³ Хлопин И. Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). - Л.: Наука, 1983. - 241 с.; Он же. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. 1989. - С. 113-130; Он же. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский Дом, 1997. - 301 с.

⁴ Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент: Фан, 1977. - 230 с.; Сариниди В. И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия (Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1973 гг.). - М.: Наука, 1976. С. 21-86; Он же. Древние земледельцы Афганистана // Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. - М.: Наука, 1977. - 171 с.; Он же. Древности страны Маргуш. Ашхабад: Ылым, 1990. - 316 с.; Он же. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашгабат: Turkmenowlethabalarlary, 2002. - 360 с.; Он же. Гонур-депе. Город царей и богов. - Ашгабат: Метбугат, 2006. - 327 с.; Sarianidi V. I. Margiana in the Ancient Orient // *Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia.* - М., 1993. Issue 19. P. 5-28; Массон В. М. Древние цивилизации востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций.* - СПб., Кишинев, Одесса, 1999. - № 2. - С. 278-283; Он же. Культурогенез древней Центральной Азии. - СПб., Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. - С. 61-85; Hiebert F. T., Lamberg-Karlovsky C. C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands // *IRAN*, 1990. XXVIII. P. 1-15; Hiebert F. T. Production evidence for the origins of the Oxus Civilization // *Antiquity*. June 1994. Vol. 68, № 259. P. 372-387; Он же. South Asia from Central Asia perspective // *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity* / Ed by. G. Erdosy. Berlin-New-York, De Grayter, 1995. P. 192-205; Lamberg-Karlovsky C. C. Reflections on the Central Asian Bronze Age // *Information Bulletin*

III – середина II тыс. до н. э.), имеющие целый ряд общих черт и характеризующиеся высоким уровнем местных культур урбанистического облика¹. В Маргиане БМАК представлен комплексом Келели, Гонур и Тоголок, в Бактрии на севере – культурой Сапалли, которая широко распространена в Сурхандарьинской области Республики Узбекистан и комплексом Джаркутан, а на юге – группой памятников эпохи бронзы Дашлынского оазиса в Северном Афганистане. Перечисленные земледельческие культуры обладают рядом отличительных признаков. Это характерный комплекс керамики, изготовленной на гончарном круге. Среди них серо-черная керамическая посуда определенного облика Сумбарской культуры и изящная столовая посуда с широким ассортиментом мисок, чаш, кубков, чайников и ваз на стройных ножках БМАК. Характерны культовые сосуды с фигурками на бортиках и курильницы для священного напитка и ритуала возжигания огня, печати и амулеты с изображением сюжета борьбы добра и зла, а также культовые предметы в виде миниатюрных колонок, гирь, каменных скипетров и т.д. Для БМАК характерны мощные крепости с квадратными или полукруглыми башнями культового характера (Гонур, Тоголок 21, Джаркутан и Дашлы 3). Что касается погребального обряда, то И.Н. Хлопин считает, что эволюция захоронений в склепах с дерево-земляной кровлей могильника Пархай II привела к возникновению катакомбы, ставшей в эпоху развитой и поздней бронзы характерным погребальным сооружением, как в древнеземледельческих районах Средней Азии, так и в степях к востоку от Волги². Так, для БМАК характерны захоронения подбойно-катакомбного типа в Бактрии и в ямах и миниатюрных гробницах, обложенных кирпичом, – в Маргиане.

Говоря об археологических культурах в земледельческой зоне Цен-

---

tin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. M., 1993. Issue 19. P. 29-40; Он же. The Indo-Iranians // Current Anthropology. 2002. Vol. 43. No 1. P. 63-88; Francfort A-P. Observations sur la Bactriane meridionale a l'age du bronze // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. M., 1996. Issue 19. P. 67-76; Щетенко А. Я. Проблемы хронологии цивилизации эпохи бронзы Средней Азии // Археологические Вести, 2001. - № 8. - С. 268-274; Он же. О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (К 100-летию экспедиции Р. Помпелли) // ЗВО РАО. - СПб., 2006. - Т. II (XXVII). - С. 317-345.

Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratium от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. СПб., Кишинев, Одесса, 1999. № 2. - С. 278.

² Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. - СПб.: Европейский Дом, 1997. - С. 118-120.

тральной Азии в эпоху бронзы, В.М. Массон еще в середине прошлого столетия высказал предположение об этническом родстве степных андроновских племен и оседлых земледельцев периода Намазга V-VI, тем самым, намекая на индоиранскую принадлежность БМАК¹. И.М. Дьяконов также высказал мнение о том, что в этническом отношении носители оседлых культур, особенно, типа Намазга VI, «почти, наверное, были индоираноязычными»². С мнением В.М. Массона и И.М. Дьяконова об индоиранской природе Намазга V-VI согласился В.И. Сарияниди.³

Если земледельческие цивилизации занимали только узкую полосу вдоль Амударьи, то остальная часть Центральной Азии принадлежала к иному миру – миру степняков. Так, большинство памятников второй половины II тыс. до н. э. связано с последовательными волнами расселения степных племен из северных областей, с основной территории обитания. В это время в обширной зоне евразийских степей, лежащих к северу от Центральной Азии, обитали племена срубной (на западе) и андроновской (на востоке) историко-культурных общностей. Носители андроновской культуры постепенно продвигались в Среднеазиатское Междуречье и за его пределы. Следы их обитания обнаружены на юге Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Северного Афганистана. Определенные черты сходства с Андроновской культурой имеет распространенная в низовьях Амударьи Тазабагьябская культура (XV-XI вв. до н.э.). Археологические комплексы тазабагьябского типа были распространены в Южном Приаралье⁴, в низовьях Зарафшана⁵. Исследования показали, что наибольшее чис-

---

¹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М., –Л.: АН СССР, 1959. С. 121. (МИА. № 73); Массон В. М. Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии // ЗВОР АО. Новая серия. - Спб., 2006. Т. II (XXVII). - С. 14-34.

² Дьяконов И. М. Рецензия на книгу: Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы (Материалы и исследования по археологии СССР, № 73. - М.;Л., 1959 // ВДИ. 1960. № 3. - С. 199-200; Он же. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Иранского государства. - М.: Вост. лит., 1971. - С. 131.

³ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. - М.: Наука, 1977. - 171 с.; Он же. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). - М.: Наука, 1981. - С. 180-191; Sarianidi V. I. New Finds in Bactrian and Indo-Iranian Connections // South Asian Archaeology 1977/ Papers from the Forth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Instituto Universitario Orientale, Naples, 1979. P. 643-659.

⁴ Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт-историко археологического исследования. - М.: Изд-во МГУ, 1948. - 352 с.

⁵ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение

ло находок тазабагыябской керамики концентрируется на территории Юго-Восточного Туркменистана в земледельческих оазисах дельты Мургаба времени Намазга VI¹. Проведя сравнительный анализ памятников андроновской культуры с памятником Кокча 3, Ю. Кутимов приходит к заключению, что появление Тазабагыябской культуры на территории Южного Приаралья следует отнести к позднеалакульскому – раннефедоровскому периоду развития андроновской культурной общности, то есть к концу XVI-XV вв. до н. э. и, что для тазабагыябских племен территория Южного Приаралья являлась промежуточным пунктом на пути их миграционного движения из степей во внутренние районы Средней Азии, в основном к земледельческим оазисам дельты Мургаба периода Намазга VI².

Результаты археологических исследований подтверждают данные антропологии³.

Племена срубной культуры обитали на западе Туркменистана⁴. Степная керамика срубного типа наблюдается также на поселении Тоголок 1⁵ периода XVIII-XIV вв. до н. э. в дельте Мургаба.

Основным видом хозяйственной деятельности степняков было скотоводство. Именно в этой среде и появился термин «арья» (arí, arya, aruaman, ārya). Обратим внимание на то, что древнейшие части «Авесты» – «Яшты» и «Гаты» показывают общество, описываемое в «Авесте» как оседлых скотоводов и земледельцев с имущественным и социальным расслоением и выделением военной аристократии и жречества. Общество делится на жрецов, воинов-колесничих, крестьян-скотоводов и ремесленников («Ясна»

орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. -Ташкент: Фан, 1966. - С. 187-207, 224.

¹ Кутимов Ю. Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // *Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций.* – СПб, Кишинев, Одесса, 1999. 2. - С. 321.

² Кутимов Ю. Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки Тазабагыябской культуры Южного Приаралья // *Археологические Вести.* - 2002. - № 9. - С. 197-198.

³ Ходжайов Т. К., Ходжайова Г. К. К антропологии населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // *Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях / сб-ик памяти Елены Ефимовны Кузьминой.* Отв. ред. В. И. Молодин, А. В. Епимахов. - Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. - С. 525-529.

⁴ Мандельштам А. М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // *КСИА.* – 1966. Вып. 108. – С. 106-108; Он же. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении. 1967. Вып. 112. - С. 61-65; Он же. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07. 575. – М, Л., 1972. - 52 с.

⁵ P'iankova L. Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age // *Информационный бюллетень МАИКЦА.* 1993. - С. 115-116.

19.17). Некоторые исследователи считают, что данная классификация авестийского общества отражает историческую реальность¹, которая отображает общество Центральной Азии середины и конца эпохи бронзы. В таком случае для «Авесты» уместна этимология термина «арий» как «хозяин», «полноправный», «благородный», «свободный», то есть термин «арий» имеет социальный характер.

В «Авесте», скот рассматривается как основное богатство. Так, в «Михр-яште» неоднократно говорится о «просторных пастбищах», где пасется «скот привольно» (10. 3-4, 6-7, 9, 14, 38-43, 46, 48, 52, 78., 87, 91, 93-94, 98, 120, 122, 128-132, 135, 139, 145-146), а в «Ардвисур-яште» или «Абам-яште» упоминаются многочисленные жертвы «сотней жеребцов, тысячей коров и мириадами овец» (5. 21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 57, 68, 72, 81, 108, 112, 116). Это указывает на преобладание в хозяйстве арийских племен, описанных в «Авесте», скотоводства. Известно, что в этом типе хозяйства происходит интенсивный процесс имущественной дифференциации. Поэтому основной задачей для скотоводов становится охрана стад и выпас скота. Для нужд интенсивно растущего кочевого скотоводства постоянно требовалось расширение и завоевание новых пастбищ. На наш взгляд, известный французский исследователь Ж.Фуссман был прав в своей оценке авестийского общества, характеризуя его как «цивилизацию скотоводов с элементами земледелия..., не имеющую следов городской цивилизации, в котором для ведения боя используются лошадь и колесница и практикуются грабительские набеги... и, что вероятнее всего, это относится ко II тыс. до н. э.²».

По описанию «Ригведы», арии ворвались в Индию с севера-запада, гоня стада скота, свое главное богатство. Это был народ больше пастушеский, чем земледельческий, не знавший городов и железа («Ригведа» 1.100. 18 и сл.). Финский индолог А. Парпола проанализировав «Ригведу», «Авесту» и археологический материал с территории евразийских степей и Индостана³ пришел к выводу, что в «Ригведе» арийские племена показаны именно как

---

¹ Herzfeld E. Zoroaster and His World. Vol. II. Princeton: Princeton Univ. Press, 1947. P. 788 ff.; Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. - С. 154; Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, [№] 123. Москва. 9-16 августа 1960 г. - М.: Изд-во вост. лит., 1960. - С. 1-2, 10-13.

² Fussman G. Entre fantasmes, science et politique // Āryas, aryens et Iraniens en Asie Central. Paris: de Boccard, 2005. P. 221.

³ Parpola A. The coming of the Aryans to Iran and India. P. 195-302.

завоеватели. Это означает, что в «Ригведе» значение слова «арья» (во мн. ч. «арьи») следует понимать как «чужак», «пришелец», «иноземец» «завоеватель». Возникает вопрос – «Почему арийцы мигрировали на юг?». Именно интенсивно растущее кочевое скотоводство послужило причиной движения арийских племен с евразийских степей в Центральную Азию в поисках новых пастбищ. Г. Чайлд считает, что установленный ныне факт периодических засух во внутренних районах Азии мог послужить причиной массовых миграций...¹. Ученые установили, что во второй половине III тыс. до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке наступает засушливый (ксеротермический) период, послуживший причиной массового племенного переселения². В XV-XIV вв. до н. э. в степях Евразии наблюдается значительное ухудшение экологической ситуации и около 1000 л. до н. э. климат становится более благоприятным³. Вероятнее всего, изменение климата, а именно засуха, послужившая сокращению пастбищ, явилась причиной миграций индоиранцев из Центральной Азии в Иран и в Индию.

Исследователи считают, что по содержанию и хронологии «Фарвардин-яшт» близок к самым древним частям «Авесты» – «Гатам»⁴, датированных 1000 г. до н. э.⁵. Сопоставив стихи 143-144 «Фарвардин-яшта» с теми пассажами «Авесты», где упоминаются «арийские страны», автор предположил, что, вероятнее всего, этот «Яшт» был сложен раньше, чем те части «Авесты», где упоминается «Арианам-Вайджа».

Не менее интересный результат получился при проведении сравнительного анализа «Авесты», «Ригведы», античных источников и эпиграфических памятников. Вполне возможно, что термин «арья» по мере сложения «Авесты» имел разное значение. Сначала он означал социальную принадлежность, потом этническую и, наконец, в сочетании со словом «Вайджа» приобретает географический смысл.

---

¹ Чайлд Г. Арийцы Арийцы. Основатели европейской цивилизации. Пер. с англ. И. А. Емеца. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. - С. 122.

² Сариниди В. И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М.: Старый сад, 2010. - С. 16.

³ См.: Boroffka N. G. O. Archaeology and Its Relevance to climate and Water Level Changes: A Review // The Aral Sea Environment. Series: The Handbook of Environmental Chemistry. Vol. 7. Ed. by A. C. Kostiany, A. N. Kosarev Heidelberg-Berlin: Springer –Verlag, 2010 P. 283-303.

⁴ Дьяконов И. М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М. –Л.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 46, примеч. 2.

⁵ Kellens J. The Gathas // Encyclopaedia Iranica /Ed. by E. Yarsharter. London-New-York: Routledge, Keagan Paul PLC, 1989. P. 35.

Следует также вспомнить о понятии союза племен «конфедерации», которое было сформулировано Л.К. Морганом, известным американским ученым второй половины XIX века. Работая над теорией социальной эволюции, о науке о родстве и семье, исследователь на примере конфедерации у ацтеков Центральной Америки приходит к следующему выводу: «Традиция включала один многозначительный факт такого рода, который исключает возможность его изобретения, а именно то, что семь племен имели непосредственное общее происхождение. Исследование показывает, что они первоначально были одним народом, который распался на семь, если не больше, племен благодаря естественному процессу расчленения, более того, именно этот факт и был тем, что сделало ацтекскую конфедерацию вероятной, так как общий язык является существенной основой такой организации»¹. В «Авесте» упоминаются страны, народы которых говорили на древнеиранских языках. Заметим, что Страбон относил к арийцам (Ἀριαντοί) персов и мидийцев, бактрийцев и согдийцев, говоривших почти на одном и том же языке (Страбон, XV, 724), что подтверждает точку зрения Л. Г. Моргана о том, что перечисленные народы имеют общее происхождение. Предположим, что когда-то они говорили на одном «авестийском» языке. С исторической точки зрения «авестийский» язык или язык «Авесты» является одним из диалектов древнеиранского языка. По своему языковому составу и грамматическому строю язык самых ее древних частей «Гат» («Песнопения»), авторство которых приписывается самому пророку Заратуштре, представляет наиболее архаичную из всех существующих иранских наречий². Существует мнение, что уже в первой половине I тыс. н. э. этот язык становится мертвым и используется иранскими народами исключительно для богослужений, т. е. он становится религиозным. Как в наше время католическое духовенство использует для богослужений латынь, так и зороастрийские священнослужители использовали «авестийский» язык. «Авестийский» же алфавит был придуман специально для записи священных текстов не ранее IV и не позднее VI в. н. э.³. Здесь нельзя не согласиться с важным выводом

---

¹ Morgan L. H. *Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to civilization*. London: MacMillan, 1877. P. 195.

² Основы иранского языкознания. Кн. 1: Древнеиранские языки / Коллектив авторов. – М.: Наука, 1979. – С. 10; Kellens J. *Avestique // Linguarum Iranicarum*. / Ed. R. Schmitt. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 1989. P. 35.

³ Рак И. В. *Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана*. - Спб., Москва: «Журнал

Х. Хумбаха, который отмечает, что авестийский не был родным языком, как для Заратуштры, так и для Виштаспы, а, скорее всего, был языком, который использовали во время религиозных и культовых церемоний, а Заратуштра его заимствовал¹. Если мы предположим, что он возник на территории евразийских степей, то вполне вероятно, что в перечисленных в «Авесте» странах его могли использовать исключительно для богослужений. Употребление «авестийского» языка для богослужений народностями, проживающими в странах, упомянутые в «Авесте», говорит об их конфедерации. Таким образом, общность языка также указывает на существование конфедерации арийских народностей, что подтверждается стихами «Тиштр-яшта» (8.36, 56, 61), «Михр-яшта» (10. 12-14, 145), «Фравардин-яшта» (13.10), «Бахрам-яшта» (14.48, 50, 53), «Ард-яшта» (17.41) и «Замйад-яшта» (19.56-57, 59-60, 62-64). Здесь также следует отметить тот факт, что все перечисленные в «Авесте» народности почитали одно общее для всех их божество – это Митра, которому посвящен десятый гимн «Авесты» («Митр-яшт»). Данный факт указывает на то, что носители праязыка представляли собой единый народ.

Выше мы уже отмечали, что в эпоху бронзы территория Центральной Азии являлась ареной постоянных межплеменных контактов и миграций, что в принципе и отразила «Авеста». Заметим, что если в начале эпохи бронзы (БМАК) эти контакты носили маргинальный характер, то в период развитой бронзы они начинают усиливаться и достигают своего апогея на ее финальном этапе. Контакты эти отмечены многочисленными фрагментами «Авесты», описывающими борьбу арийцев и туров («Яшт» 5. 21-22, 25-26, 33-34, 41-42, 49-50, 53-56, 57-58, 72-73, 81, 108-118; «Яшт» 17. 24-34, 38, 41-43, 49-51, 55-56; «Яшт» 19. 55-64 и т.д.). В своих мольбах богине Ардвисуре («Арвисур-яшт») и Аши («Ард-яшт») и те, и другие просят о победе.

Историю этнокультурных контактов народов Центральной Азии второй половины II – начала I тыс. до н. э. возможно реконструировать с помощью археологических данных. Изучая остатки жизнедеятельности людей, археология представляет для изучения этногенеза данные, характеризующие культуру тех или иных древних человеческих сообществ. Однако проблема

«Нева» – Летний Сад, 1998. - С. 55.

¹ Humbach H., Elfenbein J. H., Skaerov P. O. The Gāthās of Zarathushtra and Other Old Avestan Texts. Part I.: Introduction, Text and Translation. Heidelberg: Carl Winter-Universitätsverlag, 1991. P. 30.

критериев для выделения этнических общностей на археологическом материале еще не может считаться решенной в полном объеме¹. Именно поэтому следует обратиться к письменным источникам. Так, чтобы определиться с территорией, являвшейся ареной борьбы арийцев и туров следует сопоставить «Авесту» и другие письменные источники с археологическими культурами, что пытались сделать многие исследователи².

Вернемся вновь к «Фарвардин-яшту», где упоминаются страны арьев, туров, сайрима, саэна и дахов («Яшт» 13. 143-144). Согласно зороастрийской традиции, у Тразтаоны было три сына: старшие – Сайрима и Тура и младший – Арья («Бундахишн» 31.9). Тразтаона известен как победитель чудовища Ажи Дахаки («Яшт» 14.40; 19.37; «Ясна» 9.8), сохранив тем самым Хванирату (центральный Каршвар) для трех своих сыновей («Ден-

---

¹ Смирнов А. П. К вопросу об археологической культуре // СА. 1964. № 4. - С. 3-10; Каменецкий И. С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2. - С. 18-36; Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. - С. 37-51.

² Дьяконов И. М. Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса) // История Иранского государства и культуры. - С. 122-154; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков // Скифы и сарматы. Киев: Наукова думка. С. 82; Грантовский Э. А. «Серая керамика, «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). - Душанбе, 17-22 октября 1977 г. - М.: Наука, 1981. - С. 245-273; Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). - Душанбе, 17-22 октября 1977 г. - М.: Наука, 1981. - С. 101-125; Kuzmina E. E. The Origin of the Indo-Iranians // Ed. by J. P. Mallory. Leiden-Boston: Brill, 2007. 762 p.; Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. – М. –Спб.: Летний Сад, 2008. - 558 с.; Гиршман Р. Иран и миграции индоариев и иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). - Душанбе, 17-22 октября 1977 г. –М.: Наука, 1981. - С. 140-144; Francfort A-P. Fouilles de Shortugai, recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I. Paris: Duffusion de Boccard, 1989. P. 446-447 (Memoires de la mission archaeologique. T. 2); Он же. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and the problems their relations with the north-eastern steppe zone (late 2nd – early 1st millennium BC) // Migration and Kulturtransfer. Acten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 1999. – Bonn, 2001. P. 221-235; Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия-Тохаристан. - Ташкент: «ФАН», 1990. - С. 13-25; Grenet F. Bāmiyān and the Mihr Yašt // Bulletin of the Asia Institute. 1993. Vol. 7. P. 87-94; Он же. An Archaeologist's Approach to Avesta Geography // Birth of the Persian Empire. Vol. I. / Ed. by V. S. Curtis and S. Stewart. London, New-York: I. B. Tauris, 2005. P. 29-51; Пьянков И. В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. - С. 27-46; Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. М.: Наука, 1999. 359 с.; Fussman G., Kellens J., Francfort H-P., Сверчков Л. М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. - Ташкент: SMI – ASIA. 2012. - 240 с.; и т. д.

карт» VII. I.26)¹. Скорее всего, упомянутые страны в стихах 143-144 «Фарвардин-яшта» названы в честь сыновей Траэаоны: области арья, турья, сайрима. Об этом свидетельствует также «Шах-наме» Фирдауси, написанное на основе авестийской традиции. Так, в поэме говорится, что Фаридун (авест. Траэаона) разделил свое царство между тремя сыновьями: Запад достался Сельму (авест. Сайрима), Чин (Китай) и Туран – Туру, и Иран – Иреджу (авест. Арья). Старшие братья затаили злобу на младшего, так как ему достались самые лучшие земли, а им – далекие окраинные. Сельм и Тур решили пойти с войной на Иреджа, Узнав о намерении братьев, Иредж сам пришел в воинский стан братьев с готовностью отдать им свой трон. Тур, терзаемый ненавистью и злобой к Иреджу, обезглавил его. Это убийство и стало причиной многовековой вражды Ирана и Турана².

О «битве войск вражбх двух враждебных стран» (арийских и туранских), свидетельствует отрывки из «Михр-яшта» («Яшт» 10.8,47-48; 14.53). В «Авесте» отмечаются также многочисленные упоминания о географических названиях (гидронимы и оронимы), с которыми связаны исторические события, отражающие борьбу арийцев и туранцев (Яшт» 5.17, 21, 25, 29, 33, 37, 45, 49, 53-54, 57, 72-73, 81, 104, 108, 112, 116; 8.37; 17.37-38, 41, 49-51, 61; 19.56-62). События эти описываются в контексте молитв и жертвоприношений. Их локализация играет важную роль в определении территории контактов арийцев и туранцев. Так, тур Йойшишта приносит в жертву богине Ардвисуре на острове в стремнине реки широкой Ранхи сто жеребцов, и тысячу коров, и тысячу овец» («Яшт» 5.81). Другой «воин туранский» Вазсака приносит жертвоприношение в проходе Хшатросука, что в Канхе пресвятой», а Вандарманиш, брат вождя туранского племени хьяона (хионитов) Арэджатаспы («Яшт» 17.50) – у моря Ворукаша. Другой предводитель туров Франхрасьян пытается достать Хварно из моря Ворукаша. В противовес туранцам Хаосрава, герой, сплотивший арийские страны приносит жертвоприношение у озера Чай-часта» («Яшт» 5.49), молясь о победе над туранцами Нэрэмана («Яшт» 5.50) и Франхрасьяна («Яшт» 17. 41-42). Ардвисуре также молится и от-

---

¹ В статье используется английский перевод «Денкарда». См.: Pahlavi texts. Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Dinkard. Books V, VII; Selections of Zâd-Sparam / Translated by E. W. West Oxf.: Clarendon Press, 1897. – P. 3-130 (SBE, vol. XLVII).

² Фирдауси А. Шахнаме. Том 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе / изд. подг. Ц. Б. Бану, А. Лахути, А. А. Стариков. М.: АН СССР, 1957. С. 99-115; Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана. СПб. М.: «Журнал «Нева» – «Летний Сад», 1998. С. 199-200.

важный воин Туса с просьбой об удаче в борьбе с туром Ваэсаки в проходе Хшатросука, что в Канхе пресвятой («Яшт» 5.53-54). Виштаспа, покровитель Зороастра, приносит жертвоприношение у вод Фразданы, молясь о победе над Пэшаной, поддерживающего хьяна Арэджатаспу («Яшт» 5.108-109) и у реки Датии молится Аши, прося помочь одолеть Аштаарванта и сына Виспатарвы, хьяонского злодея Арэджатаспу, Даршнику, Тантрияванта, Спинджаурушку и вернуть Хумаю и Варидкану из хьяонийских стран («Яшт» 17. 49-51). Заривари, брат Виштаспы приносит жертвоприношение «перед Датии водою», чтобы одолеть Хумаяку и Арэджатаспу («Яшт» 5.112-113). В «Ард-яште» золотоглазый Хаома просит Аши помочь Хосраву отомстить туранцу Франхрасьяну за убийство отца Сьяваршана («Яшт» 17.37-38).

Сначала определимся с владениями арийцев. Имена арийцев упоминаются в контексте с реками Датия, отождествляемой с Амударьей¹ и Фраздану – с одной из рек Систана (Афганистан)². Что касается месторасположения царства Виштаспы, то в «Авесте» о нем не говорится. Но в источнике содержится весьма интересная для нас информация о том, что «...по вере Заратуштры, по вере Кави-Виштаспы, по вере Фрашаоштры и Джамаспы..., - по этой Вере и Учению: Я - молящийся Мазде» («Ясна» 12.7). Из этого отрывка следует, что Заратуштра уже находится во владениях

---

¹ Yule H. The geography and history of the upper waters of the Oxus // Wood J. A Journey to the source of the river Oxus. London: John Murey, 1872. P. XXIII; Markwart J. Wehrot und Arang. Untersuchungen zur mythischen un geschichtlichen Landeskunde von Ostiran. Leiden: E. J. BRILL, 1938. S. 35; Benveniste E. L'Éran-vez et l'origine légendaire des Iraniens // BSO(A)S, 1933-1935. VII. P. 271; Christensen A. La chapitре du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniennes. København: E. Munksgaard: Bianco Lunos Bogtryk, 1943. P. 25; Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran Ancien. Paris: Presses Universitaires de France, 1962. P. 143; Бартольд В. В. Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама» // Сочинения. Т. III. М.: Наука, 1965. - С. 39; Nyberg H. S. Biographie de Zarathustra dans le denkart // Acta Iranica 7. Leiden: E. J. BRILL, 1975. Vol. IV. P. 510-518; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden-Köln: E. J. BRILL, 1975. Vol. I. P. 144; Абаев В. И. Два зороастризма в Иране // ВДИ. 1990. № 4. - С. 202; Boundahiš-i Hindī /Tashih va tarjoma-ye Ruqiyah Bihzādī. Tehrān: Mu' assah-i Mutālī'at va tahqīqāt-i Farhangī, 1989. - С. 35; Пьянков И. В. Зороастр в истории места и времени // ВДИ. 1996. № 3. - С. 14; Стеблин-Каменский И. М. Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии. М.:Наука, 1978. - С. 72-73; Он же. Этимологический словарь ваханского языка. - Спб.: Петербург. Востоковедение, 1999. - С. 6; Ходжаева Н.Дж. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. - Душанбе; Дониш, 2003. - С. 67-79; Она же. Храм Окса и локализация авестийской Вахви-Датии //Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. - № 1(53). - С. 114-120

² Абаев В. И. Два зороастризма в Иране // ВДИ. 1990. - № 4. - С. 202.

Виштаспы, который принял его религию. Заратуштра молится на «Арианам-Вайджа» у Дати благой («Яшт» 5.104). У вод Датии молится и Виштаспа («Яшт» 17.49-51,61). Отсюда следует, что царство Виштаспы омывается водами Датии, то есть Амударьей. Поздняя зороастрийская традиция и «Шах-наме» помещают царство Виштаспы в Балх (Бактрия)¹. По современному географическому расположению Систана часть Бактрии находится на его территории. Этой частью был Балхский оазис с центром в Балхе (район Мазари-Шарифа, Северный Афганистан). Для нас интересно предание, отраженное в «Шах-наме», по которому основателем Балха был Лухрасп (Арватаспа), отец Виштаспы. Балх был также его резиденцией. Кроме того, в поэме говорится о родстве Лухраспа с неким Зараспом². Зарасп (древнегреч. Зариасп) является собственным именем бактрийцев, о чем сообщают античные авторы³. Известно, что Балх был столицей Бактрии и одним из крупнейших городов Ахеменидской державы. Археологические раскопки на городище древнего Балха подтверждают, что в середине I тыс. до н. э. там действительно существовал город⁴.

Если мы предположим, что царствование Кави Виштаспы было частью «Арианам-Вайджа», где текут реки Вахви-Датия и Фраздана, то вполне вероятно, что Бактрия и есть его царство⁵.

Таким образом, из отождествления некоторых авестийских топонимов и гидронимов следует, что территорией обитания арийцев является южный земледельческий пояс Центральной Азии.

Теперь определимся с территорией обитания туров-tūra. Согласно «Авесте», в местности Канха («Ямшт» 5.53-54, 57) находятся горы с одноименным названием. По географическому фону «Авесты», Канха находится на востоке. Об этом говорится в «Гимне Хварно» («Яшт» 19.4). В «Ардвисур-

---

¹ Фирдауси А. Шахнаме. Том 4: От царствования Лохраспа до царствования Искандера /пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лохути; коммент. В. Г. Луконина / под ред. А. Азера. М.: Наука, 1969. С. 9; Jackson A. V. W. Zoroaster, Prophet of Ancient Iran. N-Y-L: MACMILLAN, 1899. P. 57-60.

² Фирдауси А. Шахнаме. Т.1. От начала поэмы до сказания о Сухрабе/Пер.с фарси Ц. Б. Бану; Под ред. А. Лахути/ Отв. Ред. чл.-корр. АН СССР Е. Э. Бертельс. - М., 1957. - С. 166.

³ См.: Пьянков И. В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Мат-лы Междунар. научной конф., посвященной 75-летию Б. А. Литвинского. - Москва, 14-16 окт. 1998 г. - М.: Изд-ая фирма «Вост. Лит-ра», 2001. - С. 342, сн. 33.

⁴ Массон М. Древнеземледельческая культура Маргианы.-М.-Л:АН СССР, 1959.-С. 127, 134.

⁵ Ходжаева Н.Дж. Авестийские географические названия в преданиях об авестийских царях // Вестник Таджикского Национального университета. 2010. - № 4 (60). - С. 8-9.

яште» отмечен «проход Хшатросука» в «Канхе пресвятой» («Яшт» 5.54, 57), где молится Кави Хаосрава, прося о помощи в борьбе с туранцами. В проходе Хшатросука ему предстоит сражение с Ваэсакой, предводителем туранцев, которые в «Авесте» характеризуются как «туры с быстрыми конями» («Яшт» 17. 55-56). Такое же значение туров встречается и в «Ясне», где говорится, что турецкий род Фраяны-Фрауāна является приверженцем религиозного учения Заратуштры («Ясна» 46.12). Следует заметить, что в «Авесте» отмечено словосочетание «данайские туры»-*dānava tūra* («Яшт-5.73»). В авестийском языке слово *dan* – означает «течь», «быстро двигаться», «бежать»¹. В форме *danu* – это слово является презентной основой слов *danavatiu*, *danutaiu* – «течет», когда говорят о реке². Следовательно, «туранцы-дану» – это туранцы, живущие у реки, что подтверждается «Авестой» («Яшт» 5.81).

В «Авесте» под термином *tūra* употребляется название одного из сакских племен. Это убедительно доказали В. Гейгер, И. Маркварт, Х. Ньюберг и В.И. Абаев³. И.В. Пьянков, осуществив сопоставительный анализ «Авесты» и античных источников, предположил, что Сырдарья и Дон назывались скифским словом *Danu-*, которое в нарицательном смысле означает «река». В греческой транскрипции оно передавалось как *Tanaiç*. Как и В.И. Абаев, и В. Гейгер, он считает, что авестийская *Danus* соответствует Танаису как Сырдарье. Данайские туры – *danavō tūra*⁴, с которыми сражаются авестийские герои («Яшт» 5.73; 13.37-38), соответствуют в таком случае данайским скифам⁵, то есть одному из племен авестийских туров.

Рассуждая об этнической принадлежности туров, В.И. Абаев так же, как и В. Гейгер, приходит к заключению, что имена туров, встречающие-

---

¹ Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. Sp. 683.

² Там же; Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. - М.: Наука, 1979. - С. 285; Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. *Этимологический словарь иранских языков*. Т. 2. b-d / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. - М.: Вост. лит., 2003. - С. 326-327.

³ Geiger W. *Ostīrānische Kultur im Altertum*. Erlangen: Neudr. D. Ausg., 1882. S. 196; Gershevitch I. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1959. P. 176-216; Marqaurt J. *Erānšāhr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci*. Berlin: Weidmann, 1901. S. 155-157; Nyberg H. S. *Die Religionen des alten Iran*. Lpz.: Hinrichs Verl., 1938. P. 250 ff.; Абаев В. И. Скифский быт и реформы Зороастра. *Archiv Orientalni*. Praha, 1956. Vol. 24, № 1. P. 44-45.

⁴ Geiger W. *Ostīrānische Kultur im Altertum*. S. 196; Gershevitch I. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1959. P. 189.

⁵ Абаев В. И. Скифский быт и реформы Зороастра. - П. 44-45; Пьянков И. В. Бактрия в античной традиции. - Душанбе: Дониш, 1982. - С. 34.

ся в «Авесте», «носят бесспорно иранский характер»¹. Х. Ньюберг отмечает, что в «Авесте нет никаких следов неиранских туров»².

По вопросу отождествления реки Ранха большинство исследователей сходится во мнении, что это река Сырдарья³. В «Шах-наме» она упоминается как река Гулзарриен⁴ и река Канг'а⁵. По данному вопросу интересно суждение Г.В. Птицына, который анализируя текст поэмы, где жители Турана восхваляют мудрое управление Хосрова Ануширвана, исследователь говорит: «Контекст, в котором название реки Гульзарриен, не оставляет сомнений в том, что оно прилагается к Сыр-Дарье... Применение к Сыр-Дарье имени Гульзарриен в «Шах-наме» показывает, что оно было одним из древних названий реки, забытое после арабского завоевания, а именно – у Казвини в «Нузхат ал-Кулуб»... В «Шах-наме» дважды встречается и другое название Сыр-Дарьи – река Канг'а, образованное по типу известных названий «река Шаша», «река Худжанда» для той же Сыр-Дарьи»⁶. Следовательно, о реке Канга здесь уместно говорить как о реке, находящейся в местности Канга, неоднократно упоминаемое в «Шах-наме», анализ которого показал, что Канг расположен по ту сторону Гульзарриена, за Шашем и Исфиджабом. Из этого следует, что территория расселения авестийских туров простиралась от Сырдарьи на восток.

Глубокий анализ источников и археологического материала дает нам основание поддержать точку зрения исследователей, локализирующих Канху на северо-восточном берегу среднего течения Сырдарьи⁷. Так, комплекс-

---

¹ Абаев В. И. Ук. соч., с. 45; Geiger W. Ostirānische Kultur im Altertum. S. 194, 196.

² Nyberg. H. S. Die Religionen des alten Iran. S. 252.

³ Nyberg. H. S. Ук. соч., с. 251-252, 323; Benveniste. E. L'Ērān-vēž et l'origine legendaire des Iraniens. P. 100-101, 144; Гафуров. Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Т. 1. - Душанбе: Ирфон, 1989. - С. 72; Бушков В. И. К проблеме топонимов Авестийских гимнов // ЭО. 1998. - № 1. - С. 61; Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности VII в. до н. э. – VIII в. н. э. М.: «Восточная литература» РАН, 1999. - С. 202-204; Ходжаева Н.Дж. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. - С. 79-89.

⁴ Фирдауси А. Шах-наме. - Т. 2: От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина /Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути; Под ред. А. Азера / Комментар. А. А. Старикова / Отв. Ред. А. А. Стариков. - М., 1960. - С. 292, 318; Ук. соч., Т. 3: От сказания о битве Ростема с Хаканом Чина до царствования Лохраспа /Пер. с фарси Ц. Б. Бану-Лахути; Под ред. А. Азера / Комментар. А. А. Старикова / Отв. Ред. А. А. Стариков. - М., 1965.- С. 399, 402, 403, 434, 435.

⁵ Птицын Г. В. К вопросу о географии Шах-наме // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. -Т. IV. - Л., 1947. - С. 303.

⁶ Там же.

⁷ Бертельс И. Э. История таджикско-персидской литературы. Отв. ред. И. С. Брагинский.

ное исследование Б.А. Байтанаева, основанное на археологических изысканиях в Южном Казахстане, сравнительном анализе письменных источников и топонимии региона, дали основание ученому утверждать, что Канха расположена в долине реки Арысь – притока Сырдарьи¹, т. е. в районе ее среднего течения. Скорее всего, возникновение Кангюя, как и строительство Канки, увязывается с расселением поздних ираноязычных групп.

Что касается прохода Хшатросука, то, основываясь на локализации Канхи в районе впадения Ахангарана в Сырдарью, можно его отождествить с местом, образованным с запада руслом Сырдарьи, а с востока – хребтом Каратау. Тот же самый географический фон отражен и в «Шах-наме».

Анализ археологического материала с данной территории подтверждает нашу точку зрения. Так, в «Ардвисур-яште» говорится о жертвоприношениях «на острове в стремнине реки широкой Ранхи» («Яшт» 5.81). В данном случае мы можем говорить о жертвоприношениях, которые описываются в этих стихах, как и о жертвоприношениях богине Ардвисуре Анахите, олицетворяемой рекой Ранха, как и всеми реками вообще. Имеется несколько памятников, приблизительно одного периода, где обнаружены кости жертвенных животных. К ним относятся следующие памятники:

1. Могильник Тагискен (IX-VIII вв. до н.э.), расположенный в сухом русле Инкар-Дарьи (древнее русло Сырдарьи), в том месте, где она подходит к Жаны-Дарье. Здесь при раскопках некоторых мавзолеев, обнаружены ямы с костями коровы. Они сопровождают погребения в оградах, а во многих случаях располагаются внутри погребального сооружения².

2. Могильник Уйгарак (VII-VI вв. до н.э.) расположен на границе дельтовой области Сырдарьи и пустыни Кызылкум. Он занимает южный край бугра, обращенного к одному из древних русел Сырдарьи – Инкар-Дарье. Здесь в трех курганах (16, 36, 57) обнаружены кости баранов³. Причем О.А.Вишневская предполагает, что головы животных – это жертвоприношение⁴;

- М.: Изд-во Восточная литература, 1960. - Т. 1. - С. 205; Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники. - М.: Наука, 1964. - С. 155-179; Байтанаев Б. А. Древний и средневековый Испиджаб: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07. 00. 06. - Алматы, 2008. - С. 30-32; Он же. История Шымкента: 2200 лет по археологическим материалам. - Алматы, 2012. - С. 57-59.

¹ Байтанаев Б. А. Древний и средневековый Испиджаб: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Алматы, 2008. С. 31-32; Он же. История Шымкента: 2200 лет по археологическим материалам. - Алматы, 2012. - С. 59-60.

² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта М.: Изд-во Вост. лит., 1962. С. 83.

³ Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э.. По материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. - Т. 8. - М.: Наука, 1973. - С. 18, 32, 44.

⁴ Там же. - С. 66.

3. Могильник Томпаксар (V в. до н. э.), расположен в бассейне древних русел Сырдарьи – Кувандарьи и Пракувандарьи. Здесь также обнаружено захоронение лошади и костей барана (курган 62)¹ и коровы (могильник 266)².

4. Могильник Косасар 2 (IV-II вв. до н. э.), находится там же, где и могильник Томпаксар. В 25-ти погребениях сохранились кости баранов, в одном – кости лошади вместе с костями барана (курган 12, погребение 1), в двух – кости барана вместе с костями крупного рогатого животного (быка) (курганы 29, 69). В кургане 29, помимо костей ног и таза барана и быка, находилась и голова быка³. Особо следует обратить внимание на то, что могильник Косасар 2 расположен на зажатом между двумя сливающимися на западе протоками, вытянутом в широтном направлении небольшом полуостровке. На наш взгляд, данный факт можно соотнести с приведенными стихами «и приносил ей в жертву на острове в стремнине реки широкой Ранхи...».

Все эти памятники расположены в районе древних русел Сырдарьи. Одно из них – Инкар-Дарья, существовало в античную эпоху (V-IV вв. до н.э.). С.П.Толстов еще в середине 50-х годов пришел к выводу, что на рубеже VII в. до н.э. произошло спрямление извилистого русла Инкар-Дарьи. Очевидно, в древности и в раннем средневековье основное русло Сырдарьи на участке примерно района нынешней Кзыл-Орды шло не там, где сейчас: в эпоху первобытности исток шел по Инкар-Дарье, а в ранней античности – по Жаны-Дарье и Пра-Кувандарье, которая была обводнена дольше Жаны-Дарьи, вплоть до раннего средневековья⁴.

Об обитании авестийских туров в районе Сырдарьи подтверждают также сообщения античных авторов. Геродот о верованиях массагетов, которые жили в районе Аральского моря говорит: «Из богов чтут только солнце, которому приносят в жертву лошадей. Смысл жертвы этой таков, что быстрейшему из всех богов они посвящают быстрейшее животное» (I, 216). В научной литературе это сообщение рассматривалось обычно изо-

---

¹ Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар//Низовье Сыр-Дарьи в древности.-Вып.3.Джетыасарская культура. -Ч. 2.- М.:Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, 1993.- С. 78, 81, 85-86, рис. 72.

² Левина Л. М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – С. 62.

³ Левина Л. М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар. - С. 55.

⁴ Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта. - С. 78-79.

лированно, без привлечения сведений «Авесты» и данных лингвистики, археологии и этнографии. В «Авесте» не один раз упоминается о «солнце с быстрыми конями» («Вендидат» 21. 20; «Яшт» 10.47, 52, 68, 102, 125, 136). До настоящего времени на территории Центральной Азии не обнаружено памятников с ритуальными конскими захоронениями. По поводу приведенных слов Геродота Ю.А. Рапопорт пишет: «Почти в тех же выражениях говорится об этом в «Авесте»... Явно объединенным представляется образ коня и солнца на чертомлыцкой вазе. В сложном образе Сиявуша также отчетливо проступают черты солнечного божества»¹.

Принцип сочетания квадрата и круга, креста и круга в строительстве характерен для населения степей. Так, планировка мавзолеев Тагискен 1и 2 (IX/VIII-V вв. до н. э.)², Бабиш-мулла (IV-II вв. до н.э.)³ и мавзолеев на городище Чирик-рабат (IV в. до н. э.), расположенных в дельте Сырдарьи,⁴ имеет крестообразную схему. Связь этих мавзолеев с культом солнца несомненна. Крестообразную планировку сакских мавзолеев в районе Сырдарьи подтверждают вышесказанные наблюдения Геродота. Почитание саками-турами солнца и крестообразная планировка их мавзолеев свидетельствуют в пользу отождествления их владений в районе Сырдарьи.

М.А. Итина и Л.Т. Яблонский, исследуя материалы с мавзолеев Северного Тагискена, пришли к выводу о том, что типологически и хронологически он представляет эпоху, переходную от поздней бронзы к раннему железу, то есть ко времени, когда на территории Восточного и Южного Приаралья начинается процесс формирования культур сакского типа, которые имеют андроновскую основу⁵, что отражено в их планировке и погребальном обряде⁶. Именно планировка погребальных сооружений и погребальный обряд тагискенцев свидетельствуют об их принадлежности к иранскому миру⁷. Андроновская и срубная культуры как основа генезиса саков, а также скифов и савроматов была определена ретроспективным ме-

---

¹ Rapoport V. A. Some aspects of the evolution of Zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds) // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва 9-16 августа 1960 г. - М.: Изд-во вост. лит., 1963. - Т. III. - С. 130-131.

² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М.: АН СССР, 1948. - С. 203.

³ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - С. 165-168.

⁴ Там же, с. 144-149.

⁵ Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний Бронзовый век Нижней Сырдарьи. - М.: Издат. Фирма Вост. Лит. РАН, 2001. - С. 107.

⁶ Там же, с. 102.

⁷ Там же, с. 102-103.

тодом Б.А. Литвинским¹, К.Ф. Смирновым², К.А. Акишевым³ и другими исследователями. Вывод ученых подтверждается данными антропологии.⁴

Согласно локализации, предложенной автором ранее, озеро Чайчаста, у которого Кави-Хаосрава сражается с туранцами (Яшт 9.21-23; 17.38-43; 19.77), должно быть отождествлено с озером Чушка-куль, расположенном несколько севернее развалин Отрара, где сейчас находится Бугуньское водохранилище (Южный Казахстан)⁵.

Таким образом, отождествление авестийских оронимов и гидронимов еще раз подтверждает точку зрения о том, что в «Авесте» отражена этно-географическая ситуация, когда район среднего течения Сырдарьи и район гор к востоку от нее⁶ был зоной контактов степных кочевых племен с севера (туры) и оседлоземледельческого населения (арийцы под предводительством кеянидских царей) оазисов к югу.

Если владения туров находились к востоку от Аральского моря, то племена Сайрима были аргументированно отождествлены Й. Марквартом с сарматами – ираноязычными племенами, обитавшими в Южном Приуралье, Поволжье, Северном Кавказе и в степях Северного Причерноморья⁷. По «Шах-наме», как говорилось выше, Запад достался именно Сельму (авест. Сайрима).

Территорией обитания племен дахи располагалась в дельтовой области Сырдарьи, в Восточном и Северном Приаралье⁸, что подтверждается античными источниками, описывающими завоевательные походы Алек-

---

¹ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа // Древности Кайракумов Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе: АН Тадж. ССР, 1962. 403 с. (Тр. АН Тадж. ССР, Т. 33); Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - М.: Наука, 1972. - С. 156-194.

² Смирнов К. Ф. Савроматы. - М.: Наука, 1964. - 381 с.

³ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: АН КазССР, 1963. - 320 с.

⁴ Алексеев В. П. Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). - М.: Наука, 1981. С. 199-206; - Алексеев В. П., Т. П. Кияткина, Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. - Ташкент: Фан, 1986. - С. 100-131; Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолей Северного Тагискена. Поздний Бронзовый век Нижней Сырдарьи. - С. 101-113.

⁵ Ходжаева Н.Дж. Авестийские географические названия в преданиях об авестийских царях // Вестник Таджикского Национального университета. - 2010. - № 4 (60). - С. 6-7.

⁶ Herzfeld E. Zoroaster and His World. P. 907 ff.

⁷ Marquart J. Ērānšāhr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. S. 155.

⁸ Вайнберг Б. И. Этногеографи Турана в древности. VII в. до н. э. – VIII в. н. э. - С. 207.

сандра Македонского в Центральную Азию. Они отмечают два объединения племен под названием массагеты или дахи. Западные дахи жили в Юго-Восточном Прикаспии, по соседству с хорезмийцами, на границах Гиркании, Парфии и Арии. Восточные дахи – даи с Танаиса или скифы из-за Танаиса, которых называют также европейскими скифами¹.

Что касается племени саэна, то вероятнее всего, ареал его расселения находился к востоку от земель туров.

Итак, на основе сравнительного анализа письменных источников мы определились с территорией обитания народностей, отмеченных в стихах 143-144 «Фарвардин-яшта». В нее входили земли степных кочевников от Северо-Восточного Прикаспия, Приаралья до среднего течения Сырдарьи, а владения земледельцев по обе стороны Амударьи – территория Бактрии.

О тесных контактах земледельческого и степного населения в эпоху поздней бронзы свидетельствуют некоторые элементы, характерные для степных культур. Так, степная керамика, особенно андроновская традиция, присутствует в могилах и быту древних земледельцев Юго-Западного Таджикистана. Присутствие андроновской керамики наблюдается на поселениях, Кангурттут, Тегузак, Дахана и в могильниках Тандырйул и Ранний Тулхар (Бешкентская культура), а также в могильнике Тигровая Балка (Вахшская культура), на древней стоянке близ совхоза им. Кирова недалеко от Курган-Тюбе и могильнике Кумсай в Гиссарской долине. Андроновский материал собран также в верхних слоях неолитических поселений Туткаул и Сайёд в районе Нурекского моря, на античном поселении Саксанахур около районного центра Пархар, а также на некрополе Ксеров около районного центра Дангара и на могильнике Туюн в Ховалинском районе.

Все эти памятники относятся к эпохе поздней бронзы. Для них характерен новый тип погребения – кремация, что является влиянием андроновских племен. Отличительной чертой андроновской культуры является классическое андроновское украшение – серьга с растробом. Такая серьга обнаружена в могильнике Тандырйул.

Влияние андроновской культуры прослеживается и в металлических изделиях и литейных формах на поселениях Кангурттут и Тегузак.

Антропологические исследования черепа с могильника Кангурттут также показали его северное, степное происхождение².

---

¹ Щеглов Д. А. Кочевые народы по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО. Т. II. (XXVII). - Спб., 2006. - С. 310-311.

² См.: Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. - С. 72-77; Виноградова Н. М., В. А. Ранов, Т. Г.

Исследование перечисленных памятников Юго-Западного Таджикистана показало, что их культура отражает синтез земледельческого и скотоводческого населения, что нашло отражение в заимствовании пришельцами-скотоводами многих черт материальной культуры местных земледельцев.

Среди отмеченных памятников следует выделить поселение недалеко от р. Вахш у совхоза им. Кирова¹. Верхний слой поселения датируется по керамике, особенно посуде, концом II-началом I тыс. до н. э. Аналогичная посуда обнаружена на севере Таджикистана – в Кайракумах². Нижний слой датируется третьей четвертью II тыс. до н. э. Он содержит типичную для Таджикистана федоровскую посуду, причем один сосуд подобен посуде на поселении Кокча 15 Тазабагьябской культуры³, что подтверждает дату нижнего слоя. Заметим, что датировка памятника соответствует периоду сложения старейших частей «Авесты».

Особо следует выделить Бешкентскую⁴ и Вахшскую⁵ культуры конца эпохи бронзы, которые являются одним из составляющих компонентов формирования бактрийской народности⁶. В погребальном обряде памятники этих культур имеют черты характерные для андроновцев: курганы, каменные ограды, ящики, поза погребенных, круглая и прямоугольная форма жертвенников и наличие культа огня. Смешанный тип керамики: гончарная (БМАК) и лепная свидетельствуют о симбиозе земледельческой и степной культур. Важно также отметить результат антропологического исследования. Так, по определению Т.П. Кияткиной, череп из Тулхарского могильника – это массивный протоевропеоидный тип степной полосы Евразии с высоким широким лицом⁷, что еще раз указывает на факт влияния пришлого степного населения на формирование местной культуры.

Филимонова Памятники Кангуртгута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. -С. 213-217.

¹ Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане // УСА. 1972. - Вып. I. - С. 41-47.

² Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. - С. 255.

³ Итина М.А.История степных племен Южного Приаралья.-М.:Наука, 1977. Рис. 20: 2, 3; 65.

⁴ Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145. - 182 с.

⁵ Литвинский Б. А. Таджикистан и Индия: (Примеры древних связей и контактов) // Индия в древности. - М.: Наука, 1964. – С. 157-158; Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана: (По материалам могильника эпохи Бронзы «Тигровая Балка»). - Душанбе: Дониш, 1989. - 252 с.

⁶ Бактрийцы – один из этнических компонентов этнонима таджик.

⁷ Мандельштам А. М. Ук. соч., с. 173, 182.

На севере Таджикистана самым известным памятником, где прослеживается синтез двух культур является могильник Зардча Халифа XVII-XV вв. до н.э.) в верховье Зарафшана¹. Большая часть находок относится к БМАК. Среди них булава с навершием в виде фигуры лошади, изображение которой указывает на связь со степным севером. Это подтверждается находкой шести костяных псалий, идентичных аналогичным изделиям из Синташтинских памятников (Южный Урал). Не менее интересным представляется могильник Дашти-Кози², где наряду с андроновской посудой федоровского типа выявлена также гончарная посуда БМАК³. О появлении в верховьях Зарафшана пришлого андроновского населения и его сосуществовании с местным населением свидетельствуют результаты антропологических исследований⁴.

На берегах Сырдарьи, на территории Западной Ферганы в конце эпохи бронзы и раннего железа существовала Кайраккумская культура⁵, насчитывающая 70 поселений и металлургических комплексов. Большой дом, захоронения в каменных ящиках, западная ориентировка, технология изготовления керамики на матерчатом шаблоне, серьги с раструбом являются характерными признаками этой культуры, что позволяет выделить кайраккумские памятники в особый тип андроновской культуры⁶. Основным занятием кайраккумовцев было скотоводство. Они также занимались земледелием и металлургическим производством.

Следы андроновской культуры также наблюдаются на востоке Таджикистана – на территории Горно-Бадахшанской автономной области. Так, следы пастушеских племен прослеживаются в скальном навесе Куртеке, где В.А. Рановым обнаружены каменные стрелы, два бронзовых наконечника и керамика позднеандроновского типа⁷. Исследованы также могиль-

---

¹ Бобомуллоев. С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зарафшане // *Stratum* от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. СПб. – Кишинев – Одесса, 1999. С. 307-313.

² Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в таджикистане // *СА*. 1989. № 1. С. 145-166; Бостонгухар С. Верховья Зарафшана во II тысячелетии до н. э. – Душанбе, 1998. – С. 66-87.

³ Бостонгухар. Ук. соч. Рис. 27:1; 28:10.

⁴ Джуракулов М. Д., Ходжойов Т. К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины. - Самарканд, 1987. - С. 15.

⁵ Литвинский Б. А. Древности Кайрак-Кумов. С. 157; Салтовская Е. Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной фергане // *КСИА*. 1978. - Вып. 154. - С. 95-99.

⁶ Горбунова Н. Г. О культуре степной бронзы Ферганы // *АСГЭ*. 1995. № 32. - С. 23.

⁷ Ранов В. А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире // *Тр. ИИАЭ АН ТаджССР*. - 1962. - Вып. XXXIV. - С. 78.

ники Карадимур, Кокуйбельсу и погребения в сакских могильниках Кзыл рабат, Жартыгумбез, Тегермансу и др.¹ на Восточном Памире, а также могильники Южбок, Баландкиик, Кальтатур, Дараибхарв² на Западном Памире. Анализ керамики и погребального обряда позволил Б.А. Литвинскому датировать эти памятники концом эпохи бронзы³.

Большинство сакских курганов Восточного Памира имеют вокруг насыпи одно или два концентрических кольца, выложенных камнем⁴. Следует заметить, что погребальные сооружения могильников Северного и Южного Тагискена – ареал обитания саков Приаралья, также имеют насыпь в виде курганов и кольцевые ограды. И те, и другие аналогичны погребениям андроновской культуры.

А.Н. Бернштам связывает кольца насыпей с культом солнца⁵. Существует и другая гипотеза, по которой «кольца – ограды» – это одновременно отражение космогонических представлений элементов табу (замкнутый круг)⁶. На наш взгляд, связь колец круга с культом солнца более оправдана, что подтверждается археологическим материалом – стрелой, выложенной из камня (длина 27 м), обнаруженной в районе могильника Кокуйбель⁷. Аналогичная выкладка имеется и на противоположном берегу реки, а также в районе могильника Кызылкырчи, в долине реки Памир (устное сообщение автора раскопок М.А.Бубновой, материал 1989 г.). Заметим, что в «Авесте», в «Михр-яште» бог Митра сопровождается стрелами (10.101-102, 129). Культ стрелы известен у многих народов Центральной Азии и связан он с культом солнца и плодородия в целом⁸. Выкладки из камней в виде кольца и стрелы расположены рядом. Возможно, их связь и указывает на культ солнца, что нашло отражение в конструкции наземных погребальных сооружений.

---

¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - М.: Наука, 1972, все памятники указаны на с. 7-28; Бубнова М. А. Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и на оз. Яшилькуль (работы 1984 г.) // АРТ. -1993. - Вып. 24 (1984 г.). - С. 312-326.

² Бабаев А. Д. Южбок II – памятник эпохи Бронзы на Западном Памире. АРТ. - 1980. - Вып. 15. - С. 75-87.

³ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - С. 29.

⁴ Литвинский Б. А. Там же, все памятники указаны на с. 7-28.

⁵ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - 1952. - № 26. - С. 213, 315.

⁶ Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. - Алма-Ата: Изд-во Кад. наук КазССР, 1963. - С. 250.

⁷ Литвинский Б. А. Там же, с. 19-38

⁸ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - С. 138.

В «Ардвисур-Яште» неоднократно говорится о жертвоприношениях богине плодородия Ардвисуре (5.21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 57, 68, 72, 81, 108, 112, 116). Обычно этой богине приносили в жертву жеребцов, коров и овец. Причем жертвоприношения производились как на пике Хукарья (5.25), так и под «Харою горою» (5.21), а также у рек Вахви Датия (5.12) и Ранха (5.81), у моря Ворукаша (5.116) и во многих других местах. Если мы обратимся к археологическому материалу, то обнаружим факты, которые являются для нас весьма значимыми. Так, имеется археологический материал, связанный с ритуальными погребениями овец (баранов), обнаруженный в переходной зоне между Западным и Восточным Памиром, а также на Восточном Памире, могильники которого были основательно исследованы¹ и относятся ко второй половине I тыс. до н. э. В погребениях не часто, но все же находили «кости барана» (наиболее употребляемое название – остатки от мясной пищи, которую клали с покойниками, считая, что она необходима ему на пути в загробный мир).

Следует заметить, что кроме костей, оставшихся от пищи, положенной рядом с покойным, было обнаружено два специальных жертвенных погребения с костями баранов. Одно, среди холмов, стоящих у слияния рек Гушбаздыкол и Пшарт, где раскопана кольцевая выкладка, сложенная из крупных камней. Вместе с камнями баранов здесь обнаружено и зольное пятно². Второе погребение обнаружено в долине реки Пшарт на левом берегу реки Караджилга, где было раскопано два сооружения из очень больших каменных глыб – «дольменообразного» типа. В одном из них оказались только кости барана³.

К памятникам указанной территории относятся:

1. Отдельные захоронения костей овец (баранов) с памятника Шоролу IV (V-III вв. до н.) в долине реки Шоролу, которая расположена в северо-западной части Восточного Памира в районе перевала Акджар⁴.

---

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. С. 52.

² Там же, с. 300-302.

³ Грушанская Ж. Я. Археологические памятники ранних кочевников на Памире. Рукопись. Архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ. С. 13.

⁴ Бубнова М. А. Культ овцы и цветовая символика в верованиях древних памирцев (по археологическим источникам) // Research in Ancient Iran and Avesta. – Amers foort–Paris: Rudaki, Payvand and Ancient culture Society, 1997. Vol. 2. С. 611-621. (The Second International Congress in Indo-Iranian Civilisation. Amers foort, October 1997) (на персидском).

2. Погребения костей овец (баранов) с памятника Шоролю III (V-III вв. до н.э.), расположенного вдоль левого берега реки Шоролю¹. Причем, одно погребение именно овцы.

3. Несколько захоронений костей баранов (овец) с памятника Карадимур (комплексы 3 и 4), который находится в долине одноименной реки (левая составляющая реки Большой Марджаной Южный, впадающая в озеро Яшилькуль². Следует также отметить, что раскопки на поселении дали значительный культурный слой, в котором преобладали мощные зольники. Датировка памятника – ориентировочно конец II тыс. до н. э.

4. Наконец, особый интерес представляет памятник Гунт, расположенный по левому берегу реки Гунт, ниже того места, где она вытекает с озера Яшилькуль³. В одном из комплексов памятника (Гунт III) обнаружено целое кладбище овец (баранов), а в комплексе Гунт II обнаружены зольники с обгоревшими кусочками костей овец (баранов). М.А. Бубнова связывает жертвоприношения овцами (баранами) с представлениями древних памирцев о сопутствии удачи и благополучия выпасу скота на пастбищах и увеличении поголовья скота⁴. Действительно, в «Авесте» говорится о молитве богине вод и плодородия Ардвисуре («Яшт» 5):

«Ахура-Мазда молвил
Спитама-Заратуштре:
Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной...
Молись растящей жито,
Молись кормящей стадо
Ей, множащей богатства...
(«Яшт» 5.1)

---

¹ Она же. Ритуальные кладбища овец на Восточном Памире (по археологическим материалам) // Research in Ancient Iran and Avesta. Hamburg-Paris, 1998. Vol. 1. - С. 275-290. (The Third International Congress in Indo-Iranian Civilisation. Hamburgt, October) (на персидском).

² Там же.

³ Бубнова М.А. Ритуальные кладбища овец на Восточном Памире (по археологическим материалам) // Research in Ancient Iran and Avesta. - Hamburg-Paris, 1998. Vol. 1. - С. 275-290. (The Third International Congress in Indo-Iranian Civilisation. Hamburgt, October) (на персидском).

⁴ Там же.

Из приведенного стиха мы видим, что богиня Ардвисура еще была и покровительницей стад («молись кормящей стадо» и «множащей богатство»). А для саков Памира, как известно, основным богатством был скот. Там же в «Авесте» говорится и о «благопристойной жертве», которой почитают богиню Ардвисуру («Яшт» 5.9). Выше отмечалось, что в жертву богине приносили коров, овец и лошадей. В источнике также указаны и места жертвоприношений. Одним из таких мест и была Хукарья, один из пиков гор Хара Бэрэзаити:

«И приносил ей в жертву
Великолепный Йима,
Владелец добрых стад,
На высоте Хукарьи
Сто жеребцов и тысячу
Коров и мириад овец».
(«Яшт» 5.25)

Что касается коров и лошадей, то их захоронения как жертвоприношения на Памире пока не обнаружены. Захоронения же овец (баранов) на Памире явно подтверждают сказанное в «Авесте». Это еще один аргумент в пользу локализации гор Хара Бэрэзаити в горной системе Тянь-Шань – Памир – Гиндукуш.

Как мы уже отмечали, согласно «Авесте», обитель одного из самого почитаемых божеств древних иранцев – Митры находится на одной из вершин гор Хара Березаити («Михр-яшт» 12-14), которые отождествляются нами с Тянь-Шань-Памиро-Гиндукушской горной системой¹. А это значит, что они являются естественной восточной границей «арийских стран», упомянутых неоднократно в «Авесте» («13.10; 19.56-57, 59-60, 62-64). Это подтверждается «Задспрамом»², где говорится, что Албурз является границей земли (Zs. 7.1). О Хара Березаити как о восточной границе иранского мира в древности впервые еще в конце XIX века высказался В. Гейгер³. В данном случае трак-

---

¹ Ходжаева Н.Дж. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. - С. 66-77; Она же. Памир в географических представлениях древних иранцев // Вопросы Памироведения. 2013. - С. 188-212; Она же. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. - Душанбе: Дониш, 2017. - С. 70-105.

² Автор использует английский перевод «Задспрама». См.: *Marvels of Zoroastrianism. Selections of Zâd-Sparam*. – Oxf.: The Clarendon Press, 1897. P. 133-171. (SBE, Vol. XLVII).

³ Geiger W. *Civilization of the Eastern Irānians in Ancient Times with Introduction of the Avesta Religion. Part. 2: The Old Iranian Polity and the Age of the Avesta* / Transl. from the

товка термина Памир Д.И. Эдельман как «граница», «пограничная область»¹ действительно соответствует реальному географическому расположению авестийских гор Хара Березаити. Обозначение солнца в некоторых памирских языках – «мехр» (мунджи – *miro*, йидга – *mira*, ормури – *mes, mers*)², а также топонимы, оронимы и гидронимы региона свидетельствуют о том, что современные памирские языки принадлежат к индоиранской группе и сохраняют многие архаичные черты³. В мифологии памирских народов сохранились представления и образы, восходящие к индоиранскому прошлому. Е.Е. Кузьмина считает, что все это дает основание предполагать индоиранскую атрибуцию андроновцев Памира⁴.

Синтез двух культур – кочевников севера и земледельцев юга прослеживается и в духовной жизни. Так, гипотеза В.И. Сарияниди⁵ о сложении некоторых ритуалов «Авесты», особенно культа огня на памятниках БМАК, отмечена в Джаркутане (XV-XIII вв. до н. э., Южный Узбекистан). Этот памятник – наглядный пример ассимиляции БМАК с андроновцами⁶, проявившейся в дальнейшем в обрядовой практике зороастрийцев. Следы

German by Dārāb Dastur Peshotan Sanjānā. London: Henry Frowde Amen Corner, 1886. P. 101-102.

¹ Эдельман Д. И. Географические названия Памира // Страны и народы Востока. - М., 1975. Вып. XVI. С. 43. Стеблин-Каменский И. М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. - М.: Наука, 1981. - С. 239; Он же. Этимологический словарь Ваханского языка. - Спб.: Петербургское Востоковедение, 1999. - С. 426.

¹ Sarianidi V. I. Margiana and Protozoroastrianism. Athens: Kapon, 1998. - P. 42.

¹ Аванесова Н. А., Ташбулатова Н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры // ИМКУ. 1999. № 30. С. 27-36; Ширинов Т. Алтари огня из храма Джаркутана – памятника развитой бронзы юга Узбекистана // ИМКУ. - 1990. - № 23. - С. 69-79; Он же. Средняя Азия во II. до н. э. // ИМКУ. - 2000. - № 31. - С. 35-49.

² Стеблин-Каменский И. М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. - М.: Наука, 1981. - С. 239; Он же. Этимологический словарь Ваханского языка. - Спб.: Петербургское Востоковедение, 1999. - С. 426.

³ Пахалина Т. Н. Памирские языки. М.: Наука, 1969. 163 с.; Она же. О происхождении топонимов «Ишкашим», «Язгулем» и «Вахан» // Иранское языкознание: история, этимология, типология. К 75-летию профессора В. И. Абаева. - М.: Наука, 1976. - С. 43-49; Morgenstierne G. Indo-Iranian Languages. Part II: Iranian Pamir Languages (Yidgha-Munjī, Sanglichi-Ishkashimi and Wakhi). Oslo: Aschehoug, 1938. 564 p.

⁴ Кузьмина Е. Е. Арии – путь на юг. - С. 131.

⁵ Sarianidi V. I. Margiana and Protozoroastrianism. Athens: Kapon, 1998. P. 42.

⁶ Аванесова Н. А., Ташбулатова Н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры. - С. 27-36; Ширинов Т. Алтари огня из храма Джаркутана – памятника развитой бронзы юга Узбекистана. - С. 69-79; Он же. Средняя Азия во II. до н. э. - С. 35-49.

культы огня прослеживаются практически на всех перечисленных нами памятниках. Так, следы костров и охра имеются в сооружениях Дашти-Кози¹, могильниках Бешкентской² и Вахшской культур³, а также на поселении Тегузак⁴. Зольники были также обнаружены и на Памире.

Итак, исследования памятников доахеменидского периода показали их генетическую связь с комплексами эпохи бронзы и самое главное – их существенное отличие от керамических комплексов Ирана того же времени. Это послужило подтверждением точки зрения В. Гейгера, которую поддержали М.М. Дьяконов, Ж. Ньюли, Р.Фрай, В.А. Лившиц, И.В. Пьянков, Е.Е. Кузьмина и другие⁵.

Таким образом, сопоставительный анализ «Авесты» и других источников с археологическим материалом позволяет заключить следующее: к начальному этапу формирования таджикского этноса относится вторая половина II – начало I тыс. до н. э. и происходит оно на территории Центральной Азии. Определяющей составной этого процесса является синтез культур степного севера и земледельческого юга. Все племена и народности, упоминаемые в «Авесте», следует определить как этнические компоненты этнонима «таджик».

3. Авестийская «Арианам-Вайджа»: проблема локализации

Известно, что проблема происхождения индоиранских народов тесно связана с темой локализации авестийской «Арианам-Вайджа» (airiianəm vaējō – или vaējah-) / авест. «Арийский простор»; среднеперс. «Эранвеж» (Ērān-vēž) – «Иранский простор» / – прародины иранцев. «Арианам-Вайджа» неоднократно упоминается в «Авесте» («Видевдат» 1.1-2; 2.20-21. «Ясна» 9.14. «Яшт» 1.21; 5.17, 104; 15.2; 17.45)⁶ и позднесороастрийских источниках, написанных

---

¹ Бостонгухар С. Верховья Зарафшана во II тысячелетие до н. э. - С. 111-112.

² Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане. - С. 125.

³ Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана: (По материалам могильника эпохи Бронзы «тигровая Балка»). - С. 119-120.

⁴ Пьянкова Л. Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 году // АРТ. 1988. Вып. 21 (1981).- С. 247-263.

⁵ См.: Кузьмина. Арии – путь на юг. - С. 342-343.

⁶ В статье используется английский и русский перевод «Авесты». См.: The Zend-Avesta. Part I. The Vendidad. Transl. by J. Darmesteter. Oxf.: Oxford University Press, 1880. 240 p. (SBE. Vol. IV); Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis. Oxf.: Clarendon Press, 1883. 384 p. (SBE. Vol. XXIII); электронный ресурс: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm>; Авеста в русских переводах (1861-1996). Ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. - Спб., 1998. - 480 с.

на пехлевийском (среднеперсидском) языке («Бундахишн» 12. 43; 14. 49; 20. 11, 13; 22. 71, «Дадестан-и меног-и храд»: 39. 48, 71; 62. 12-15.)¹.

Проведя этимологический разбор словосочетания «Арианам-Вайджа» Э. Бенвенист приходит к заключению, что в выражении *airiianəm vaējah* – первое означает *ariien (iranien)*², т.е. арийский. Что касается второго, то морфологически *vaījah* – заимствовано из *vaig* – «размахивать», «бросать». Среди ученых признана форма *vaēuəm vaējō* – «бряцать оружием» («Яшт» 19.92), *vaēya* – «пустить стрелу» («Яшт» 10.69, 98)³. Для того, чтобы правильно определить значение термина *vaējah-*, ученый справедливо замечает необходимость обращения к другому выражению, имеющегося в «Авесте». В данном случае это *airiianəm vaējō vaṇhuiiā dāitiiaiiā*– «арийский вайджа благой Датии» («Вендидад» 1.2; 2.20; «Яшт» 5.17, 104; 15.2). В интерпретации этого выражения Э. Бенвенист видит разгадку значения термина *vaējah-*. Так, определение названия реки Датия, ср. род *vaējah-*, жен. род *vaignā* – продолжает развиваться в идее «воды текут». В связи с этим указанное в «Авесте» выражение *airiianəm vaējō vaṇhuiiā dāitiiaiiā*– означает «иранский простор благой Датии», которая, следует заметить, его омывает. Кратко данное выражение будет выглядеть так: *airiianam vaējah-*, *Ērān-vēž*⁴.

Название Ариана-Αριαντ,ς или истинный Иран⁵ стало широко употребляться античными авторами после вторжения Александра Македонского в Центральную Азию в IV в. до н.э. Впервые оно встречается у Эратосфена (276-194 г. до н.э.), о чем свидетельствует Страбон (ок. 64 / 63 до н.э. – ок. 23 / 24 в. н.э.) (Страбон, I, 13)⁶. Так, западную границу Арианы Эратосфен помещает от Каспийских ворот до Персидского залива, а во-

---

¹ В статье используется английский и русский перевод пехлевийских текстов. См.: The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. Oxford, University Press, 1880, 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. P. 1–151. (SBE, vol. 5); Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и Меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. - М., 1997. - С. 155-312. (Памятники письменности Востока. CXIV).

² Benveniste E. L'Ērān-vēž et l'origine legendire des Iraniens // BSOS. 1933-1935. VII. P. 266.

³ Там же, p. 267.

⁴ Benveniste E. L'Ērān-vēž et l'origine legendire des Iraniens. P. 267.

⁵ Риттер К. Иранъ. Ч. 1. Перевод и дополнения Н. В. Ханькова. - СПб.: Изд. Импер. Русского Геогр. Общ-ва, 1874. - С. 24.

⁶ Страбон. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. - М.: Наука, 1964. - 940 с.

сточную – вдоль реки Инд (Страбон, XV, II, 8). Сам Страбон расширяет границы Арианы, включая в нее на западе персов и мидян, а на севере бактрийцев и согдийцев (Страбон, XV, 724).

Одним из первых, кто обратился к вопросу о родине индоиранцев, был немецкий ученый-географ К. Риттер. В середине XIX в. в своей попытке научного толкования слова Иран (Ария) ученый приходит к выводу, что «грамматический анализ самого древнего текста Зенд – Авесты, равно как и уяснение истинного смысла того, что рассказано о древнейших миграциях народов, приводит нас к мысли поместить колыбель иранской расы в районе мощного горного узла Индийского Кавказа»¹. Под Индийским Кавказом следует понимать Памиро-Гиндукушскую горную систему. Свою точку зрения К. Риттер объясняет сообщением «Авесты» о холодной десятидневной зиме в «Арианам-Вайджа» и указывает только на центральную часть Верхней Азии, около источников Оксуса и Яксарта, на Памире, Белуре, Западном Тибете и на лежащие за ними плоские возвышенности, которые соответствуют описанию природы в «Авесте»² и «где надо искать первобытного родового отечества как древнейших иранских, так и индийских народов, как Арийцев, так и Айрийцев, т.е. страны, которая по зендски называлась Эериэне, а по- санскритски Айрия»³.

В связи с этим возникла теория английского ученого конца XIX в. М. Миллера, согласно которой прародиной ариев является Памир. По этой теории арийцы первоначально жили на плоскогорье Памира и переселились оттуда в XV в. до н.э. При переселении с Памира арийцы разделились на две группы: одна пошла к Индии, другая в Европу. После этого великого переселения в XIV в. до н.э. последовало переселение части арийцев в Иран⁴.

В наше время теорию М. Миллера поддерживает таджикский ученый А. Шохуморов, который в своих рассуждениях опирается не только на «Авесту», но и на сообщения античных и средневековых арабских и персидских источников, а также на сравнительный анализ топонимов региона. Ученый делает попытку проследить трансформацию авестийского языка в современные памирские языки. Проведя лингвистический анализ памирских языков, А. Шохуморов приходит к выводу, что

---

¹ Риттер К. Иранъ. - Ч. 1. - С. 24.

² Риттер К. Иранъ. - Ч. 1. - С. 44.

³ Там же. с. 45.

⁴ См.: Маковельский А.О. Авеста. Баку: Изд-во АН АзербСССР, 1960. - С. 14.

«наиболее вероятной является локализация прародины арийских племен на территории всего современного Памира (т.е. на территории ГБАО, провинции Бадахшан Афганистана, северных районов Пакистана и Индии, а также Сарыкольского района КНР)¹.

В конце XX в. западноевропейские ученые также пытаются расположить «Арианам-Вайджа» в районе Памиро-Гидукушской горной системы. Так, проведя сравнительный анализ «Авесты» и пехлевийских источников, известный итальянский ученый Г. Ньюли приходит к выводу, что «Арианам-Вайджа» находится в горной области, скорее всего в Гиндукуше². Точку зрения Ж. Ньюли поддерживает немецкий исследователь Х. Хумбах³. В данном случае оба ученых опираются на связь «Арианам-Вайджа» с рекой Вахви-Датия, которую идентифицируют с Амударьей.

К этому же региону обращается известный французский ученый Ф. Грене. Проведя исследование этимологии термина «Арианам-Вайджа», он приходит к выводу, что «Арианам-Вайджа» означает не «Арийский простор», как это считает большинство ученых, а «область, где течет пять рек». Анализ «Авесты» и пехлевийских источников, а также археологический и лингвистический материал позволили Ф. Грене сделать вывод, что «Арианам-Вайджа» находится в Афганском Бадахшане⁴. В своей статье «Археологический подход к авестийской географии» ученый вновь обратился к вопросу локализации «Арианам-Вайджа». Проведя анализ словосочетания *airyanəm vaējō vaŋhūiia dāitiāiās* ««Арианам-Вайджа» у Датии Благой», исследователь приходит к заключению, что оно должно интерпретироваться как «арийские потоки (речные пороги) реки Даити. Ф. Грене считает, что данная характеристика соответствует водной системе Памира и Припамирья⁵.

Обращаясь к этимологии словосочетания «Арианам-Вайджа» известный русский востоковед XIX в. К.А. Коссович приходит к заключению, что оно обозначает весь Иран, а не часть Ирана⁶.

---

¹ Шохуморов А. Памир – страна Ариев. - Душанбе, 1997. - С. 18, 27.

² Gnoli G. The Idea of Iran. Roma, 1989. P. 42.

³ Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. Part I. Heidelberg: Karl Winter-Universitätskerlag, 1991. P. 37.

⁴ Grenet F. Zoroastre au Badakhshan // Studia Iranica. 2002. Tome 31, fascicule 2. P.208.

⁵ Grenet F. An Archaeologist's Approach to Avesta Geography // Birth of the Persian Empire. Vol. I. / Ed. by V.S. Curtis and S. Stewart. London, New-York: I.B. Tauris, 2005. P. 35-36.

⁶ Коссович К.А. Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции русского и латинского переводов, объяснения, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. - Спб.: Типогр. Императорской Академии, 1861. - С. XXII.

Самой распространенной точкой зрения является отождествление «Арианам-Вайджа» с Хорезмом¹. В своих исследованиях ученые обращаются к сопоставлению стран, перечисленных в «Михр-яште» (10. 14) со списком областей «Ведивдата» (I). Впервые данное предположение было выдвинуто в начале XX в. немецким ученым Й. Марквартом². Ученый опирался на следующие аргументы. Во-первых, на сходство между названием Тур, одной из областей Хорезма, которая в «Авесте» армянским историком Моисеем Хоренским сопоставляется с Турами. Во-вторых, отмеченный арабскими географами Ибн ал Факри и Истахри, холодный климат Хорезма. Термин «Большой Хорезм» был определен именно этим ученым.

Несмотря на слабую обоснованность, идея Й. Маркварта была поддержана Ф. Андреасом, который обратился к первому Фрагарду «Ведивдата» «Авесты», где перечисляются страны. Он опирается на тот факт, что за «Арианам-Вайджа» следуют Согд, Маргиана, Бактрия и т.д., а это значит, что «Арианам-Вайджа» должна быть локализована в Хорезме³.

---

¹ Geiger W. Vaterland und Zeitalter des Awesta und Seiner Kultur // Sitzungsberichte der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1884. № 2. S. 334; Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i (Abhandlungen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, N.F., III, 2), Berlin. 1901. S. 118, 155; Andreas F. Congress of Orientalists. København, 1909. См.: Christensen A. Quelques notices sur les plus anciennes periodes du Zoroastrisme // Acta Orientalia. Copenhagen, 1926. № 4. P. 82; Benveniste E. L'Ērān-vēž et et l'origine lēgendaire des Iraniens // BSOS. 1933-1935. VII. P. 265-274; Nyberg H.S. Die Religionen des alten Iran / German edition transl. by H.H. Schaefer. Leipzig: J.C. Hinrichs Verlag, 1938. S. 326-327; Christensen A. La premier chapitre du Vendidad et l'istoire primitive des tribus iraniens. København, 1943. P. 71-75; Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948. - С. 20 и сл., 286 и сл.; Он же. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. - М., 1948. - С. 103 и сл.; Он же. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962. - С. 108; Henning W.B. Zoroaster. Politician or Witch-Doctor // Ratanbai Katrac lectures, 1949. London: Oxford Univ. Press, 1951. P.44-45; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mythra. Cambridge, 1959. P. 14, ff, 296-299; Herzfeld E. Zoroaster and His World. 2 Vols. Princeton: Princeton Univ. Press, 1947. Vol. 2. P. 702; Фрай Р. Наследие Ирана. - М: Наука, 1972. - С. 52, 62; Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. - М.,-Л.: АН СССР, 1959. - С. 127-134 (МИА, № 73); Monchi-Zadeh D. Topografisch-historische Studien zum Iranischen Nationalepos. Wiesbaden: Kommissionsverlag Franz Steiner GMBH, 1975. S. 115-116; Khlopin I.N. Zoroastrianism – Location and Time of Its Origin // Iranica Antiqua. 1993. XXVII. P.95-106; Pugachenkova G.A. The Antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan (1985-1990) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An International Journal of Comporative Studies History and Archaeology. 1995. Vol, II, № 1. P. 6.

² Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. S. 155.

³ Andreas F. Congress of Orientalists. København, 1909. См.: Christensen A. Quelques notices sur les plus anciennes periodes du Zoroastrisme // Acta Orientalia. Copenhagen, 1926. № 4. P. 82.

Развивая в своих работах идею Й. Маркварта, Х. Бейли сделал попытку решить проблему локализации «Арианам-Вайджа» вместе с локализацией Гопатстана. По его мнению, gwkptst'n (Гопатстан) может читаться как swkpst'n. Он предложил ее интерпретацию в виде *Subhdastan¹ или *Sudhastan². Далее ученый добавил отмеченное в Денкарде (89.4) название географической местности страны Гопатшаха. Гопатшах правит Гопатом (gorat bum), которая граничит с Эранвежом по реке Датии. Таким образом, отождествление gorat bum с subhdastan / sudhastan, т.е. с Согдианой / Согдом является аргументом для локализации «Арианам-Вайджа» с Хорезмом.

Вывод Х. Бейли о том, что страна Гопатшаха должна отождествляться с Согдом, а «Арианам-Вайджа» с Хорезмом был принят французским исследователем Э. Бенвенистом. Для обоснования своей точки зрения о том, что Гопатстан – это *Subhdastan (Согд), ученый использовал сведения из «Бундахишна»(Bd. 87) о том, что река Вахви-Датия течет из Эранвежа (по Х. Бейли – Хорезм) в Сугдастан, то есть Согд (по Х. Бейли – Гопатстан). Ученый также опирался на данные другого позднезороастрийского источника Дадестан-и Денаг (Dād. ī Dēn. 89), где говорится, что царь Гопатшах правит страной Гопата, которая граничит с Эранвежом по реке Датия. Ученый справедливо отмечает: «Оксус течет в Арал через Согдиану и Хоразмию (Хорезм)»³. В качестве дополнительного аргумента Э. Бенвенист использует уже ранее обсуждавшийся Ф. Андреасом сравнительный анализ списка стран «Вендидада» (1.1) с «Михр-яштом» (10.14), где говорится о том, что семь стран омываются судоходными реками Эранвежа. Взяв во внимание порядок перечисляемых стран «Видевдата» (1.1) и «Михр-яшта» (10.14) ученый устанавливает следующее соотношение двух списков:

«Видевдат» «Михр-яшт»

(6) Харайва (4) Харайва

(4) Бахди (3) Моуру

(3) Моуру (5) Гава

(2) Гава (6) Сугда

(1) Айрьянам-Вайджа (7) Хорезм

---

¹ Bailey H.W. Iranian Studies // BSOS, 1930/32. Vol. 6. Issue 4. P. 950.

² Bailey H.W. Iranian Studies VI // BSOS, 1933/35. Vol. 7. Issue 4. P. 768.

³ Benveniste E. L'Ērān-vēž et et l'origine légendaire des Iraniens //BSOS. 1933-1935. VII. P. 2. P. 266.

В данном случае исследователь так же, как и Й. Маркварт, опирается на сообщения арабских географов о холодном климате в Хорезме, который соответствует описанию климата Эранвежа¹. Но данное отождествление было опровергнуто Х. Хумбахом, который справедливо заметил, что Э. Бенвенист умышленно переставил порядок стран в «Ведивдате» (1.1) и вообще не включил некоторые страны в оба списка. Так, в «Михр-яште» (10.14) Харайва числится под номером три, а не четыре. В «Ведивдате» (1.1) восемь стран следуемых за Харайвой, и в «Михр-яште» (10.14) две страны, стоящие перед Моуру и Харавой вообще не были включены². Тем самым, ученый подчеркивает ненаучную уместность и слабую аргументацию Э. Бенвениста.

Локализацию авестийской «Арьянам-Вайджа» в Хорезме также поддерживает В. Хеннинг³. Ученый представляет на рассмотрение свои аргументы, связанные с сообщениями, как самой «Авесты», так и позднерозастрийских пехлевийских источников. Проведя их анализ, ученый приходит к выводу, что «Арианам-Вайджа» – это не Хорезм позднего времени, а территория в районе нижнего течения Окса в период жизни Виштаспы, а именно Мерв и Герат⁴. В качестве дополнительной аргументации своей точки зрения исследователь использует сообщения античных авторов. Так, греческий географ Гекатий (Hecataeus, конец VI в. до н.э. – начало V до н.э.) и Геродот (Herodotus) помещают страну Хоразмиев в районе реки Герируд / Теджен. Гекатий пишет, что «восточнее парфян земля заселена Хоразмиями, которые владеют равнинами и плоскогорьями». Так же о хоразмиях, живущих по течению реки Акес, сообщает Геродот: «...когда персы завоевали Парфию, то там с гор текла река Акес – Акēs, которая делилась на пять рукавов (3.117). Далее В. Хеннинг приходит к заключению, что Акес – это река Теджен с ее истоком Герируд-Нагī-rūd. Омываемая ее территория входит в горный район Восточной Парфии, которая в то время входила в состав Хорезма⁵.

В своих исследованиях В. Хеннинг также использует и лингвистический материал. Он сравнивает так называемый хорезмийский язык с од-

---

¹ Benveniste E. Ук. соч., P. 270-271.

² Humbach H. A Western approach to Zarathushtra //Journal of the Cama Oriental Institute. Bombay, 1984. Vol. 51. P. 22.

³ Henning W. V. Zoroaster, Politican or Witch-Doctor? (Ratanbai Katrak Lectures, 1949). Oxford, 1951. P.42 f.

⁴ Там же.

⁵ Henning W. V. Zoroaster, Politican or Witch-Doctor? (Ratanbai Katrak Lectures, 1949). Oxford, 1951. P.42 f.

ним из диалектов среднеперсидского языка, который унаследовал авестийский язык. Данный сопоставительный анализ был сделан и другими учеными (Х. Хумбах), которые пришли к заключению, что Авестийский и протохорезмийский языки развивались в разных направлениях и в период до жизни Заратуштры¹.

В своем отождествлении «Арианам-Вайджа» с Хорезмом французские ученые А. Кристенсен, М. Моле и Ж. Дюшен-Гийемен прежде всего опираются на точку зрения Й. Маркварта, а также руководствуются жизнедеятельностью Заратуштры². А Ж. Дюшен-Гийемен, опираясь также на выражение «Благая Датия арийского простора», уточняет локализацию «Арианам-Вайджа» в районе Хивы и ее прилегающих окрестностей³.

Советский ученый И.Н. Хлопин связывает решение локализации «Арианам-Вайджа» с решением вопроса локализации Родины зороастризма⁴. Проанализировав археологический материал с территории Центральной Азии, и сопоставив его с сообщениями «Авесты», ученый также приходит к заключению, что «Арианам-Вайджа» – это Хорезм⁵.

Следует отметить, что хорезмская теория опровергается сообщениями письменных источников. Например, когда Кир пошел в поход против массагетов, восточная граница Мидии и Персии была далеко на западе от реки Теджен⁶.

Также существует точка зрения, по которой «Арианам-Вайджа» отождествляется с отдельной областью Хорезма, а именно с долиной реки Теджен и предгорьями Копетдага⁷. Данное отождествление базируется на археологическом материале (культура Яз). В основном исследователи обращаются к царствованию Кави Виштаспы на этой земле. Время царствования этого царя совпадает со временем деятельности пророка Заратуштры.

---

¹ Henning W. V. Zoroaster, Politician or Witch-Doctor? 1951; Humbach H. A Western approach to Zarathushtra. 1984. P. 26.

² Christensen A. La premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraniens. København, 1943. P. 71-75; Mole M. Culte, mythe et cosmologie dans l'Iran ancien. La problematique zoroastrienne et la tradition mazdéenne (Annale du Musée Guimet. Bibliothèque d'Études. LXIX). Paris, 1963.

³ Duchesne-Guillemin J. La Religion de l'Iran Ancien. Paris, 1962. P. 142-143.

⁴ Khlopin I. N. Zoroastrianism – Location and Time of Its Origin. 1993. P. 95-115.

⁵ Там же, с. 106.

⁶ Henning W. V. Там же, с. 40.

⁷ Филиппко В.И. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркестана: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. - М., 1989. - С. 24.

Отождествление «Арианам-Вайджа» с Хорезмом подверглось резкой критике русских, западных и советских ученых¹. Так, еще в начале XX в., русский востоковед К.А. Инostrанцев отметил, что географическая характеристика «Бундахишна» позволяет включить Хорезм в состав «Арианам-Вайджа». Обращаясь к списку рек в «Бундахишне», исследователь приходит к заключению, что все реки, упоминаемые в этом списке, находятся на территории Восточного Ирана. Ученый пишет: «... «Арианам-Вайджа» можно рассматривать в соответствии с парсийской традицией как обширную территорию скифов-саков за всю эпоху миграции от крайних северо-восточных пределов Ирана, приаральских и прикаспийских степей, до юго-восточных границ его до Индии»². Советский востоковед И.М. Дьяконов, также считает, что термин «Арианам-Вайджа» не может просто отождествляться с Хорезмом; в «Авесте» это понятие имеет более широкое значение, обнимающее не одну какую-то область. Так, «Арийским простором» называется место, где обитал как Заратуштра («Яшт» 9. 25), так и Кави Виштаспа («Яшт» 9. 29); однако, по легенде Заратуштра не был уроженцем царства Кави Виштаспы, а Кави Виштаспа, во всяком случае, не жил в Хорезме. Скорее всего, этот термин может означать вообще равнины Средней Азии и Ирана, заселенные оседлыми ираноязычными племенами. Опираясь на сообщение Геродота (III, 117) об объединении Арьяшайана, т.е. объединение, к которому относилось царство Кави Виштаспы, и, сопоставив три списка стран, перечисленных в «Авесте», исследователь приходит к заключению, что Хорезм – это периферийная область, а Арьяшайана и есть «Арианам-Вайджа»³. Археологический материал также указывает на тот факт, что Хорезм – одна из областей Центральной Азии, которая позже других прошла стадию «городской революции» и дошла до ступени цивилизации. Точку зрения И.М. Дьяконова поддерживает и немецкий ученый Р. Шмитт⁴.

---

¹ Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира // История Иранского государства и культуры. М., 1971. С. 137-138; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. Naples, 1980. P. 84, 88-89, 94-95; Humbach H. A Western approach to Zarathushtra. P. 14-28.

² Инostrанцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса // ЖМНП. - 1911. - Ч. XXXI (новая серия). - С. 315-316; Он же. Река Ёран-Вэджа в парсидской традиции. ИРАН. - 1917. Сер.VI. - № 12. - С. 891.

³ Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира. - С. 137-138.

⁴ Schmitt R. Die Altiranischen Sprachen im Überblick. // Compendium Lingaurum Iranicarum.

К Средней Азии, как к родине индоиранцев, обращались ученые иранисты и индологи еще во второй половине XIX века. Данная точка зрения поддерживалась крупнейшими специалистами и в XX веке.¹

Известный итальянский специалист по географии «Авесты» Г. Ньюли также подверг критике отождествление «Арианам-Вайджа» с Хорезмом. В своих исследованиях ученый проводит сравнительный анализ не только «Вендидада» (1.1), «Михр-яшта» (10.14), но и «Замйад-яшта» (19. 1-6, 66-67), где идет перечисление гор, рек и озер «Арийского простора». Исследователь делает основной упор на отождествление географических названий «Авесты» в районе озера Хамун и реки Хильменд, т.е. в Систане (Афганистан).² Он первым обратил внимание на то, что в «Авесте» и пехлевийской литературе авторы помещают «Арианам-Вайджа» не в устье Вахви-Датии, а скорее всего, в районе ее истока или среднего течения. Исследователь считает, что «Арианам-Вайджа» до Кира находилась в центрально-южной части Восточного Ирана³.

Существует еще одна точка зрения, по которой «Арианам-Вайджа» отождествляется с Согдом. Так, западноевропейский ученый второй половины XIX в. В. Гейгер обращается к пехлевийскому источнику «Меног-и Храд», где Эранвеж упоминается в связи со страной Гопатшаха⁴. Эранвеж в иранском предании – обетованная земля, где-то на северо-востоке («Меног-и Храд 62,12-15). В списке стран в «Ведивдаде» (I) на первом месте стоит Эранвеж, т.е. «новый Иран». Ученый, основываясь на сообщении «Меног-и Храда» и «Бундахишна», полагал, что под этим названием имеются в виду горные области верховьев Зарафшана, т.е. современный Кухиستان⁵. Мнение В. Гейгера поддерживает другой западноевропейский ученый первой половины XX в. Х. Бейли, который указывает,

---

Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. S. 25.

¹ См.: Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). - Душанбе, Изд-во АН Тадж.ССР, 1962. – С. 293. Сн. 1. (Тр. Ин-та Истории им. А.Дониша. Т. XXXIII).

² Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. 1980. P. 84-90.

³ Там же, с. 159.

⁴ Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882. S. 32; Он же. Civilization of the Eastern Irānians in ancient times: with introduction on the Avesta Religion. Vol. 2: The Old Iranian Polity and the Age of the Avesta. London, 1886. P. 104.

⁵ Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882. S. 32; Он же. Civilization of the Eastern Irānians in ancient times: with introduction on the Avesta Religion. Vol. 2: The Old Iranian Polity and the Age of the Avesta. London, 1886. P. 104.

что по «Меню-и Храду» в Эранвеже пребывает Гопатшах, владыка страны Гава, самой богатой и плодородной области в Согде¹. Рассуждая о Гопатшахе, советский ученый К. Тревер пишет «не следует ли в слове «Эранвеж» предполагать название страны, в древности носившей название «Гава»; в обоих случаях имеется в виду богатая обетованная земля, в одном случае конкретная, а: в другом, так сказать, условно подразумеваемая; а засекретить ее могли, вероятно, только в жреческой среде, занимавшейся утонченными домыслами, для которых в это время понятие «бык» в связи со сказочной «прародиной» иранцев могло показаться неуместным. И тогда понятным становится, что «правду» об Эранвеж мог сохранить только один из текстов, в котором, как известно, сохранилось не одно запретное упоминание, и, действительно, только в нем сообщается, что Гопатшах правит в Эранвеже. Если же допустить, что в «сердце Согдианы» находилась обетованная страна «Авесты», то, само собою возникает вопрос, не следует ли возникновение самой «Авесты» поставить в связь именно с Эранвежем – Гавой или Согдом, со Средней Азией вообще. Принимая во внимание, что и чисто лингвистические соображения приводят в последнее время исследователей «Авесты» к решению вопроса в пользу восточного ее происхождения, то фрагмент из доахеменидских слоев Тали-Барзу со своим бегло нацарапанным Гопатом является первым в цепи целой серии доводов в пользу подтверждения именно этого решения вопроса. И тогда еще более понятным становится, что зороастрийские маги отвергли для своей «обетованной земли», родины Заратуштры, ее древнейшее, с быком связанное название, и что новое название они связали именно с Ираном, назвав некогда богатую скотом, лежащую в самом сердце Согда Гаву «новым Ираном» – Eranvež, Eran-vēh»².

В настоящее время данную точку зрения поддерживает В. Вогельсанг (Нидерланды). Опираясь на легенду о Гопатшахе и, проанализировав «Географическую поэму» и «Михр-яшт», ученый помещает «Арианам-Вайджа» на территории по течению и к северу от Сырдарьи, то есть в Северном Согде.³ Исследователь отмечает, что «ссылки на «Арианам-

---

¹ Bailey H.W. *Iranian Studies VI // BSOS. 1932/33. P. 45-55 ; Он же. Iranian Studies IV // BSOS. 1933/35. P. 79-80.*

² Тревер К.В. Гопатшах – пастух-царь // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока. - Л., 1940. - Т. II. - С. 79-80.

³ Vogelsang W. *The sixteen lands of Videvdāt 1 A'ryān'm Vaêjah and the homeland of the Iranians // Persica, 2000. No. XVI. P. 60, 63.*

Вайджа» встречаются в «Хом-яште» (IX. 4), «Ормузд-яште» (I. 21), «Ардвисур-яште» (V. 17, 104), «Ром-яште» (XV. 2) и «Видевдате» (2. 20 сл.). В указанных пассажах видно, что «Арианам-Вайджа» была землей, где Заратуштра решил проповедовать и откуда происходит большинство ранних легенд. В то же время многие иранские народы считают земли древнего северного Согда и к северу от Сырдарьи своей родиной и родиной Заратуштры»¹.

Одной из распространенных точек зрения является отождествление «Арианам-Вайджа» с Бактрией. Одним из первых в конце XIX в. к данному отождествлению обратился А. Джексон². В своем отождествлении исследователь в основном опирается на связь «Арианам-Вайджа» с рекой Вахви-Датия и родиной Заратуштры, а также царством Виштаспы. Точку зрения А. Джексона поддерживают известные советские ученые М.М. Дьяконов³, И.В. Пьянков⁴, а также немецкий исследователь Ф. Альтхейм⁵. При этом И.В. Пьянков признает в «Арианам-Вайджа» большую область, примерно соответствующую поздней Бактрии, занимающую бассейн Верхней Амударьи по обе ее стороны⁶. Это отождествление связывается с древней традицией, представлявшей Бактрию как страну Кави Виштаспы.

Известный археолог В. И. Сариниди связывает родину индоиранцев с культурой белой лощеной керамики Бактрии и Маргианы, происходящей из Восточного Ирана⁷. Результаты раскопок последних тридцати лет на

---

¹ Там же, с. 60.

² Jackson A.V.W. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. L. – N.Y., 1899. P. 64, 209.

³ Дьяконов М.М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. - М., 1954. - С. 138-140; Он же. Очерк истории древнего Ирана. - М.: Восточная Лит-ра, 1961. - С. 59-63, 75, 77, 361, 366.

⁴ Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III: История и филология стран Древнего Востока. - М: Наука, 1979. - С. 203; Он же. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции). // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, академика РАЕН, доктора исторических наук, профессора Б.А. Литвинского (Москва, 14-16 октября 1998 г.). - М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. - С.335-336.

⁵ Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum. Berlin: de Grayter, 1970. S. 40-60.

⁶ Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию. - С. 203; Он же. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции). - С. 335-336; Он же. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. - М., 1983. - С. 66-67.

⁷ Сариниди В. И. Древние земледельцы Афганистана / Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. - М.: Наука, 1977. - 171 с.; Он же. Древности страны Маргуш. - Ашхабад: Ылым, 1990. - 313 с.

городищах Тоголок и Гонур привели ученого к выводу о том, что изменение климата резко сократило количество дождей и многие подгорные реки пересохли. В результате местное население покинуло эту территорию в поисках новых плодородных земель¹.

Проведя сравнительный анализ «Авесты» и «Ригведы», используя лингвистические данные, привлекая при этом археологический материал, известный американский исследователь Р. Фрай заключает, что прародина арийцев, т.е. «Арианам-Вайджа», могла располагаться в Средней Азии или даже южнее, в районе Герата². К такому выводу ученый приходит в результате решения вопроса родины Зороастра и самой «Авесты». Так, он отмечает, «исторически оправдано, что «Авеста» с ее мифологией и чертами героического эпоса, примешивающимися к общим восточноиранским сказаниям, оказалась составленной на языке, который был близок к языку первоначальной территории обитания арийцев... Я полагаю, что персы, мидяне и другие иранские племена, двигаясь к областям их позднейшего обитания, пели гимны богам, сходные не только по содержанию, но и по языку, являвшемуся языком их древней прародины – страны *Airyānəm Vaējah*. Племена, пришедшие в Западный Иран, распространили свои наречия среди местного населения – эламитов, хурритов и др. Возвращаясь к двум языкам или, точнее, диалектам – гатскому и авестийскому (диалект Гат и диалект «Младшей Авесты»), можно полагать, что они лучше всего привязываются к области, расположенной между центральными пустынями и горами Афганистана. Поскольку «Младшая Авеста» связана с восточноиранской эпической традицией, мы вправе утверждать, что и с точки зрения содержания, и по языку обе части «Авесты» указывают на Восточный Иран³. Позднее ученый вновь возвращается к данной проблеме и проводит критический обзор существующих гипотез⁴.

На основе анализа «Географической поэмы», «Авесты» и фрагмента «Бундахишна» о климате в Эранвеж, а также анализа топонима Масдоран – *Masdoran / Mozdūrān* Х. Хумбах помещает «Арианам-Вайджа» между

---

¹ Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). - М.: Старый сад, 2010. - С.16.

² Фрай Р. Наследие Ирана. - С. 54.

³ Фрай Р. Наследие Ирана. - С. 54-55.

⁴ Fray R. New Views on the Homeland of the Indo-Europeans // Journal of the K.R. Cama Oriental Institute. Bombay, 1992. № 58. P. 1-5; Он же. Zoroastrians in Central Asia // Journal of the K.R. Cama Oriental Institute. Bombay, 1992. P. 6-10.

Ираном и Туркменистаном в районе реки Кашафруд¹, одного из притоков Теджена. Исследователь обратил внимание на тот факт, что в «Авесте» говорится о десяти месяцах зимы в «Арианам-Вайджа», а в одном из текстов «Бундахишна» – о пяти месяцах². Ученый также провел этимологический анализ словосочетания «Арианам-Вайджа», и приходит к заключению, что авестийское vaējah связано с ведическим vij «двигаться быстро, стремительно», которое является корнем слов vaēja – и vōpa – «поток», что соответствует ландшафту территории, по которой течет река Кашаруд³. К такому же выводу приходят и К. Хоффман и Дж. Нартен⁴, которые считают, что vaēja – можно перевести как «стремительное течение воды». Именно такое описание дается бассейну реки Хильменд в «Авесте» («Видевдат» II, 24, «Яшт» XIX, 67).

Исследуя «Авесту», профессор Гарвардского университета М. Витцель приходит к заключению, что «Арианам-Вайджа» – это реальная географическая область, которая находится рядом с родиной Заратуштры⁵. Ученый провел этимологический анализ словосочетания «Арианам-Вайджа» и считает, что оно должно быть переведено как «страна арийского разлива» или «арийских речных порогов». Далее он отмечает, что на это указывают быстро текущие потоки рек горных пастбищ в Центральном Афганистане. Сюда входят юг Среднеафганских гор (Хазаратджат) в бассейне рек Герируд и Фарахруд; северная часть горного хребта Касса Мург (система Гиндукуша); горный хребет Кохи-Баба (система Гиндукуша), в котором зарождаются истоки рек Герируд, Хильменда, Сурхоб (левый приток Амударьи) и Кабул (правый приток Инда) и горная цепь Банд-е Баян в Западном Афганистане, откуда берет начало Фарахруд⁶.

Существует еще одна точка зрения, по которой «Арианам-Вайджа» локализуется в нижнем течении реки Теджен на северо-западе Афганистана.⁷

---

¹ Humbach H. A Western Approach to Zarathustra // Journal of the K. R. Cama Oriental Institute, 1984. № 51. P. 18, 25.

² Там же.

³ Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathustra and other Old Avestan Texts. Heidelberg: Winter, 1991. Part 1: Introduction, Text and Translation. P. 33.

⁴ Hoffmann K, Narten J. Der Sasanidische Archetypus. Untersuchungen zur Schreibung und Lautgestalt des Avestischen. Wiesbaden: Reichert, 1989. S.85, n. 32.

⁵ Witzel M. The Home of the Aryans // Anusantatyaī. Festschrift für Jahanna Narten zum 70. Geburtstag / Hrsg.: A.: Hintze, E. Tichy. Dettelbach Röhl, 2000. P. 326 (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft; Bd.19)

⁶ Там же, с. 330-331.

⁷ Oettinger N. Untersuchungen Zur Avestischen Sprache am Beispiel des Ardvīsūr-Yašt. Erlangen: Habilitationsschrift, 1985. S. 374.

Зороастризм продолжают исповедовать до настоящего времени. Самые большие зороастрийские общины находятся в Иране и Индии. Среди зороастрийцев также есть ученые, которые занимаются вопросами локализации «Арианам-Вайджа». Так, еще в начале XIX в. Р.Е. Санджана, проанализировав список стран в «Вендидаде» и «Михр-яште», приходит к выводу, что «Арианам-Вайджа» находится в Восточном Иране в районе 65 градусов западной долготы и 40 градусов северной широты¹. М.Н. Дхала, опираясь на сравнительный анализ зороастрийских источников, помещает «Арианам-Вайджа» в прикаспийских степях, откуда в начале II тыс. до н.э. арийские племена двинулись на запад и на юг.²

Идея локализации родины индоариев в южнорусских степях принадлежит британскому исследователю Г. Чайлду³. Ученый пишет: «Арийские народы сначала появляются из мрака предыстории, от которой сохранились имена и слова, которые дошли до нас, зафиксированные на клинописных табличках из Вавилонии, Египта и Каппадокии»⁴. Данную локализацию исследователь связывает с погребениями с охрой в степях от Каспийского моря до Днепра.

Точка зрения о том, что родину индоиранцев надо искать в степях северной Центральной Азии и прилегающих к ним районах, принадлежит также и советским ученым. В III-II тыс. до н.э. родиной индоиранцев были степи Евразии, откуда они постепенно мигрировали в Индию и Митанни. Эту точку зрения разделяют И.М. Дьяконов⁵ К.Ф. Смирнов⁶ и Б.Г. Гафуров⁷. Помещая родину индоиранцев в евразийских степях, Б.Г.Гафуров обосновывает свое предположение историческим и лингвистическим материалом. Ученый прослеживает тесную связь между арийским, позднееиранским и современными финно-угорскими языками⁸.

---

¹ Sanjana R. Zarathushtra and Zarathushtrianism in the Avesta. Leipzig: Harrosowitz, 1906. P. 12.

² Dhalla M.N. History of Zoroastrianism. New York, Oxford Univ. Press, 1938. P. 8-10.

³ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. И.А. Емеца. - М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. - С. 230-249.

⁴ Чайлд Г. Там же.

⁵ Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в.до н.э.. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 486 с.; Он же. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. - № 3. - С. 3-30; № 4. - С. 11-25; Diakonov I.M. Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins // JAOS, 1995. № 115. P. 473-477.

⁶ Смирнов К.Ф. Сарматы. Ранняя история и культура сарматов. - М.: Наука, 1964. - С. 191.

⁷ Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. - М.: Наука, 1972. - С. 37-38.

⁸ Gafurov B.G. The study of Aryan problems in USSR // Proc. 29th Inter. Cong. of Orientalists (Ancient Iran Sec.). 1975. P. 15.

Точку зрения И.М. Дьяконова и Б.Г. Гафурова поддерживают и другие ученые¹. Так, археологический материал Андроновской культуры является основанием для локализации «Арианам-Вайджа» в Азиатских степях к востоку от Волги². Здесь исследователи опираются на распространение керамики с южных регионов России на Запад и Восток, а также в Центральную Азию. В 1994 году вышел фундаментальный труд Е.Е. Кузьминой «Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев»³. В данной работе используется комплексный подход в исследовании проблемы, основанный на анализе материальной культуры племен андроновской общности, рассмотренной на широком синхронном и диахронном фоне археологических культур с привлечением письменных источников, лингвистических, антропологических и этнографических данных по культуре индоиранских народов.

Известная английская исследовательница истории зороастризма М. Бойс неоднократно обращалась к проблеме локализации «Арианам-Вайджа». Обращаясь к археологическому материалу с южных степей России (Абаевская, Срубная и Андроновская культуры), а также проведя

---

¹ Кузьмина Е.Е. Древние скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. Фрунзе, 1986; Она же. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индо-иранцев // Переднеазиатский сборник. - 1986. - № 4. - С. 169-232; Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. - М.: Наука, 1977. - 82 с.; Kuzmina E. Les stepes de l'Asie Centrale á l'époque de Bronze – La Culture d'Andronovo // Les Dossiers Archaeologie. 1993. 3. 185. P.82-89; Gimbutas M. The Kurgan Wave Migration // JNES, 1980. № 10; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. II. Leiden-Köln, 1982. P.1-3; Она же. Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour (Columbia Lectures on Iranian Studies: № 7). Costa Mesa, California, 1992. 204 p; Eduljee H. The Date of Zoroaster // Journal of K. R. Cama Oriental Institute. Bombay, 1980. № 48. P. 110-147; Malandra W. See: Introduction to ancient Iranian religion: Reedings from the Avesta and Achaemenid inscriptions / Transl. and Ed. by W. Malandra. Minneapolis: Univ. of Minnesota Pr., 1983. P. 6.

² Генинг В.Ф. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен // Советская археология. - 1977. - № 4. - С. 53-73; Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во, 1992. - Ч.1. - 408 с.; Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990: сб. материалов конф. - М., 1992. - Ч. 1. - С. 79-84. Рис.: с. 242-243; Зданович Г.Б. Аркаим: Арии на Урале // Фантастика и наука. - М., 1992. - Вып. 25. - С. 256-271; Григорьев С.Д. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции – Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во, 1999. - 443 с.; Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований) Челябинск: Изд-во Крокус; Юж. – Урал. кн. изд-во, 2007. 260 с.

³ Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - М.: Восточная литература, 1994. - 463 с.

сопоставительный анализ «Авесты», «Ригведы» с сообщениями античных авторов и обращаясь к вопросу о родине Заратуштры, ученая пришла к выводу, что «Арийский простор» охватывает степи Южного Урала и Северного Казахстана¹.

Э.А. Грантовский, знаток древних иранских и индийских письменных источников неоднократно обращался к «арийской проблеме»². Проведя историко-лингвистический анализ и сравнительный анализ иранских, финно-угорских и индоевропейских языков, а также древнеиранских и древнеиндийских письменных источников и археологического материала с территории Средней Азии, Афганистана, Ирана и Пакистана, ученый приходит к выводу о том, что прародиной арийских племен следует признать северные евразийские степи. Исследователь также связывает автохтонность арийских племен со степным населением эпохи бронзы³.

Крупнейший специалист в области истории и археологии Центральной Азии Б.А. Литвинский изучив памятники Кайракумской культуры⁴, пришел к выводу, что «историческая роль племен среднеазиатской степной бронзы состоит именно в том, что они являлись одним из главных посредствующих звеньев между южными земледельческими и евразийскими степными культурами. Средняя Азия в это время как раз и являлась зоной контакта, где осуществлялось взаимодействие и культурный обмен между этими группами культур»⁵.

Проведя анализ археологического материала Средней Азии, археолог из Узбекистана М.И. Филанович приходит также к заключению о том, что структура и хозяйство племен бронзового века степных районов Евразии соответствует структуре и хозяйству арийских племен⁶. Другой узбекский

---

¹ Boyce M. A History of Zoroastrianism. 1982. P.1-3; Она же. Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour. 1992. P. 33-40.

² Грантовский Э.А. О распространении иранских племен на территории Ирана. // История Иранского государства и культуры. - М.: Наука, 1971. - С. 286-328; Он же. «Серая керамика», расписная керамика» и индоиранцы. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). - М.: Наука, 1981. - С. 245-274; Он же. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. -М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. - 343 с.

³ Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. - С. 82, 118.

⁴ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. - С. 288.

⁵ Там же. - С. 295.

⁶ Филанович М.И. К вопросу о расселении ариев по данным археологии Средней Азии // Индия и Центральная Азия (доисламский период). - Ташкент, 2000. - С. 121-125.

ученый А. Аскарлов, проведя анализ «Авесты», «Ригведы», лингвистического и археологического материала с территории Волжско-Уральского региона и Центральной Азии, пришел к выводу о том, что «Арианам-Вайджа» простирается по степям от северных и северо-восточных берегов Черного моря до озера Байкал¹.

Еще один известный узбекский ученый – академик Э.В. Ртвеладзе провел анализ археологических культур II-I тыс. до н.э и сопоставил его с сообщением «Михр-яшта» «Авесты», привлекая при этом данные античных авторов пришел к выводу, что Арьёшайана, т.е. «страна ариев» сопоставляется с территорией распространения культуры Яз I, географический ареал которой ограничен с запада Прикопетдагской равниной, а на востоке отрогами Памира, северная ее граница проходит в низовьях Мургаба, Средней Амударьи, Зарафшанскому хребту с захватом Кашкадарьи, а южная граница Гиндукушем и Памиром².

С появлением нового источниковедческого материала данная гипотеза поддерживается учеными и в настоящее время. Так, в своем исследовании Х. Берней использует сообщение «Ригведы», древнеиндийского письменного источника, в котором говорится, что арии пришли на территорию Индийского субконтинента с севера³. Ученый также останавливается на вопросе значения культа огня, как для арийцев, так и для народов, заселяющих территорию Казахстана и Центральной Азии в древности⁴.

Примечательно, что по мере поступления нового материала меняется точка зрения на исследуемые проблемы. Например, если в начале 70-х гг. XX в. известный американский исследователь Р. Фрай помещал, как мы уже отмечали выше, «Арианам-Вайджа» в Средней Азии и в Герате, то уже сейчас он согласен с М. Бойс, Е.Е. Кузьминой и считает, что «родину индоиранцев, как ранее индоевропейцев, надо искать на юге России и Казахстана»⁵. Упомянутый нами не один раз Г. Ньоли в результате многолетних исследований пришел к выводу о том, что «Арианам-Вайджа» – это земля, вы-

---

¹ Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. - Ташкент, 2005. - С. 81-86.

² Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. - Ташкент, 1990. - С. 18-25.

³ Burney Ch. Beyond the frontiers of empire: Iranians and their ancestors // Iranica Antiqua. 1999. XXXIV. P. 6-7.

⁴ Там же. - С. 1-20.

⁵ Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. - Душанбе, 2000. - С. 40-49.

думанная зороастрийскими священниками, которые хотели, чтобы «земля их пророка была центром мира»¹.

Известный шведский исследователь А. Парпола провел анализ текстов «Ригведы», археологического и лингвистического материала с территории Южнорусских степей, Центральной Азии, Пакистана и Индии, в результате чего пришел к выводу о том, что арийцы, описываемые в «Ригведе», пришли в Индию с территории, где существовали культуры эпохи бронзы Маргианы и Бактрии (БМАК)². Ученый также обращается к культу Хаомы / Саомы, описываемому в «Авесте» и в «Ригведе», пытаясь связать сообщения источников об этом культе с лингвистическим и археологическим материалом³.

К Центральной Азии и прилегающим к ней северным степным районам, как к прародине индоиранцев, обращаются и американские археологи Ф. Хиберт и К. Ламберг-Карловский⁴. Ученые широко привлекают археологический материал последних лет эпохи бронзы Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК), охватывающего территорию Центральной Азии и сравнивают памятники БМАК с Андроновской культурой, обращаясь к лингвистическому материалу. К. Ламберг-Карловский также считает, что в решении проблемы родины индоиранцев вопрос взаимодействия археологического и лингвистического материала не может быть решен без данных генетики, особенно по Волжско-Уральскому региону России⁵.

В последние годы к решению «арийской проблемы» подключились также и иранские ученые. Так, Дж. Аштиани проведя анализ источников и всех точек зрения, приходит к заключению, что «Арианам-Вайджа», скорее всего, находилась где-то между Черным и Аральским морями⁶.

---

¹ Gnoli G. The Idea of Iran. An Essay on its Origin. 1989. P. 38-5.

² Parpola A. The coming of the aryaans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dāsas // *Studia Orientalia*. 1988. 64. P. 195-302.

³ Parpola A. The Problem of the Aryans and the Soma. Textual-linguistic and archaeological evidence // *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*. Berlin – N., -Y., 1995. P. 353-372.

⁴ Hiebert F.T., Lamberg-Karlovsky C.C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands // *IRAN*, 1990. XXVIII. P. 1-15; Hiebert F.T. South Asia from Central Asia perspective // *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*. Berlin-New-York, 1995. P. 192-205; Lamberg-Karlovsky C.C. The Indo-Iranians // *Current Anthropology*. 2002. 43. 1.

⁵ Lamberg-Karlovsky C.C. Там же, с. 75.

⁶ Ashtiani J. Zarathushtra; transl. by M. Nourbakhsh. Teheran: Enteshar Publication Co., 1380 (=2002). P. 28.

Таджикские ученые тоже обращаются к вопросу локализации «Арианам-Вайджа». Среди них археолог Ю. Якубов. Анализ авестийских источников и топонимии горных районов Куляба, Дарваза и ГБАО (Таджикистан) и Афганистана, а также диалектов таджикского языка населения, проживающего в этих районах и изучение вопроса о родине Зороастра позволили ученому сделать заключение о том, что больше всего «Арианам-Вайджа» соответствует районам Вахшской долины, Кундуза, Тохара, Термеза, Куляба и Дарваза и, что эти районы соответствуют БМАК¹. Другой таджикский ученый Н.Н. Негматов представил первичную родину арийцев с историко-культурным ядром в Маргиане, Согдиане и Бактрии в виде арийской «золотой подковы» Центральной Азии. К этому выводу ученый пришел в результате анализа «Авесты» и археологических памятников на территории Центральной Азии начиная с эпохи неолита до конца I тыс. до н.э.²

Существует также гипотеза, согласно которой родина индоиранцев не связана ни с Центральной Азией, ни с евразийскими степями. Так, известные советские лингвисты Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов помещают ее на Ближнем Востоке, откуда индоарии мигрировали в Индию, иранцы позднее в Иран, а скифы и саки через Иран и Центральную Азию ок. VIII в. до н.э. перебрались в евразийские степи³. Данная гипотеза может быть опровергнута лингвистическим свидетельством контактов индоиранцев и финно-угров в древности.

Оригинальна точка зрения одного из авестологов, шведского ученого П. Шерво, который считает, что «Авеста» является источником по изучению ранней истории иранских народов. Проведя анализ археологического и лингвистического материала, ученый пришел к выводу, что проблема

---

¹ Якубов Ю. Где находится авестийский ориенвич (ōrionvij)? // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2006. 3. С. 96-102.

² Негматов Н.Н. Степи Азии и Арианвэджа // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. конф. Ч. 1. Кемерово: КЕМГУ, 1987. С. 17-20; Он же. Арийская «золотая подкова» Евразии (попытка культурно-антропологической концепции // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы Международной научной конф. Кн. 1. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. С. 62-64; Он же. Прародина Ариев. Душанбе, 2005. 55 с.; Он же. Прародина Ариев. Душанбе, 2005. 55 с.; Негматов Н.Н., Мукимов Р.С., Хакимов Н.Г., Воднев В.В., Мандельштам А.М. Ариана и Арианвэджа (история и цивилизация). Худжанд, 2006. С. 13-14, 180-230.

³ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейские языки и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та. 1984. Т. I-II. 1328 с.

локализации «Арианам-Вайджа» неразрешима, потому что это мифическая Родина иранцев, которая меняла свое месторасположение по мере их передвижения с одной территории на другую¹.

Известный французский археолог А.-П. Франкфор считает, что невозможно доказать местонахождение родины индоиранцев².

Несмотря на разнообразие гипотез, вопрос о локализации Арьянам-Вайджа до сих пор остается нерешенным. Мы уже обращались к данному вопросу и предлагали свое видение проблемы³. Еще раз вернемся к текстам «Авесты» и вновь процитируем стихи 12-14 из «Михр-яшта»:

«Мы почитаем Митру....,
Который самым первым
Из всех небес небесных
Над Харою восходит
Перед бессмертным Солнцем,
Чьи лошади быстры,
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийцев край,
Где храбрые владыки
Сбираются на битвы;
Где на горах высоких,
Пасется скот привольно;
Где на озерах волны
Вздымаются глубоких
И где рек судоходных
Широкие потоки
Стремят свое теченье

---

¹ Skárvø P. The Avesta as source for the early history of the Iranians // *Indian Philology and South Asian Studies. The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity*. Berlin-New-York: de Gruyter, 1995. I. P.166.

² Francfort A.-P. Fouilles de Shortugai, recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I. Paris: Duffusion de Boccard, 1989. P. 446-447. 517 p. (Memoires de la mission archaéologique. T.2).

³ Ходжаева Н. Индоарийцы и локализация Арианам-Вайджа // *История горно-бадахшанской области*. - Том. I. - Душанбе, 2004. - С. 124-143; Она же. Авестийская «Арианам-Вайджа» по данным «Видевдата» и «Михр-яшта» (к вопросу локализации) // *Вестник Таджикского национального университета* (научный журнал). 2009. - № 6 (54). - С. 30-37; Она же. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. - Душанбе: Дониш, 2017. - С. 199-281.

И к Ишкате Парутской,
И к Мерву, что в Харойве,
И к Гаве в Согдиане,
Или текут в Хорезм».

(«Яшт» 10. 12-14)

Итак, Митра, один из главных богов авестийского пантеона, древних иранцев обитает на горах Хара Бэрэзаити. Это единственные горы, которые неоднократно упоминаются в «Авесте», и с которыми связано много исторических событий, описываемых в источнике. О локализации этих гор существует много точек зрения¹ и более объективным является их отождествление с Тянь-Шань–Памирско–Гиндукушской горной системой². У древних иранцев Митра отождествляется с Солнцем, которое, как правило, восходит на востоке. Если Митра обитает на горах Хара Бэрэзаити и с востока обозревает арийцев край, то из приведенных стихов ясно, что автор источника описывает один обширный регион, где находятся горы Хара Бэрэзаити, откуда Митра взирает на все стороны света.

В приведенном отрывке также перечисляются страны, которые локализируются исследователями на современной территории Центральной Азии³, а именно в Афганистане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане.

---

¹ Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. - Душанбе, 2003. - С. 46-49.

² Там же, с. 49-67.

³ О локализации перечисленных стран см. подробно: Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Vol. 2. Leipzig: Dietrich, 1905. S. 73-74; Sanjana R.E. Zarathushtra and Zarathushtranism in the Avesta P.10-12; Christensen A. Études sur le Zoroastrisme de la Perse antique. København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928. P. 6 (Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selsab. Historisk-filosofiske meddelelser, XV, 2); Он же. Quelques notices sur les plus anciennes périodes du Zoroastrisme. P. 106 sqq; Benveniste E. L'Ērān-vēž et l'origine légendaire des Iraniens. P. 265-274 ; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. P. 107-176; Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland. P.84-87; Он же. Zoroastre à mani. Quatre leçon au college de France P. 20; Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира. - С. 136-137; История таджикского народа. - Т. 1: С древнейших времен до V в. н.э. - Душанбе, 1998. - С. 621, прим. 147; Массон В.М. Еще раз о геродотовской реке Акес // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. - М., 1967. С. 172-176; Bernard P., Francfort A-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aikhoum (Afghanistan). Paris: CNRS, 1978. P. 19-20; Malandra W.W. См.: An introduction to Ancient Iranian Religion. Readings from the Avesta and the Achaemenid Inscriptions. P. 184, note 22-25; Humbach H. A Western approach to Zarathushtra //Journal of the Cama Oriental Institute. Bombay, 1984. Vol. 51. P. 15-31; Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtra and the Other Old Avestan Texts. Part I: Introduction, Text and Translation. P. 32; Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия и Тохаристан. - С. 18-20.; Vogelsang W.R. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence. Leiden, New-York, Brill, 1992. P. 51; - Он же. The sixteen lands of Videvdat 1 A'ryān'm Vaējah and the homeland of the Iranians. P. 60-61; Grenet F. Bāmiyān and the Mihr Yašt // Bulletin of the Asia Institute. 1993. Vol. 7. P. 87-94.

В этом же стихе говорится и о «каршваре прекрасном, зовущемся Хванирата, на который взирает Митра. Предположим, что все перечисленные страны являются составной частью Хванираты, то этой территорией должна быть Центральная Азия, на это указывает еще один фрагмент из «Авесты»:

«Мы почитаем Митру...
Он правит колесницей
С высокими колесами
Небесной, пролетая
Со стороны восточной
Над каршваром прекрасным
И светлым – Хванирата...».

(«Яшт» 10.67)

Действительно, эти стихи описывают восточную, по отношению к Хванирате обитель Митры.

В «Видевдате» (1.1) или так называемой «Географической поэме» дается список стран авестийского мира. По сравнению с «Михр-яштом», в этом списке количество стран увеличивается в четыре раза и территория их размещения расширяется. Если в «Михр-яште» они расположены к западу и северо-западу от гор Хара Березаити, то «Видевдат» описывает земли к западу, северо-западу и югу-западу и югу от этих гор. К отождествлению этих стран исследователи также обращались много раз¹ и до

---

¹ Риттер К. Иранъ. Ч. 1. С. 41-42, 59-78, 168-173; Geiger. W. Die Pehleviversion des Ersten Capitels des Vendidad. Erlangen: Reichert, 1877. 32 s; Он же. Ostirānische Kultur im Altertum. P. 31, note 1; Darmesteter J. See: The Zend-Avesta. Part I. The Vendidad. Transl. by J. Darmesteter. Oxf.: Oxford University Press, 1880. P. 1-2 (SBE. Vol. IV); Geiger W. Civilization of the Eastern Irāniāns in ancient times: With introduction on the Avesta Religion. Vol. 2: The Old Iranian Polyty and the Age of the Avesta. London: Henry Frowde Amen Corner, 1886. P. 95; Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i (Abhandlungen der Kgl. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, N.F., III, 2), Berlin: Weidmann, 1901, S. 22 ff, 118, 155; Benveniste E. L'Ērān-vēz et l'origine legendaire des Irāniens // BSOS. 1933-1935. VII. P. 269 ff; Nyberg H.S. Die Religionen des alten Iran. Lpz., Hinrichs Verl., 1938. S. 314 ff; Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iranines. Cobenhavn: I kommission hos E. Munksgaard, 1943. 92 p.; Herzfeld E. Zoroaster and his World. Princeton: Princeton Univ. Press, 1947. Vol. II. 738-770; Molé M. La structure de premier chapitre du Videvdāt // JA. 1951. № 229. P. 283-298; Benveniste E.E. Coutumes funéraires de l'Arachosie ancienne // A Locust's Leg: Studies in Honour of S.H. Taqizadeh. London: Persy Lund Humphreys, 1962. P. 39-43; Gershevitch I. Zoroaster's own contribution // JNES. 1964. Vol. XXIII, № 1. P. 36 ff.; Gnoli G. Ricerche storiche sul Sīstān antico // IsmeoRepMem, X. 1967. P. 69-71; Он же.

сих пор ученые не пришли к единому мнению. Несмотря на разногласия, страны из списка «Географической поэмы» помещаются на территории современной Центральной Азии. При этом локализация семи из шестнадцати перечисленных стран не подлежит сомнению. Указанные в отрывке страны, локализуются на территории постсоветских центральноазиатских республик, а также в Афганистане, северо-восточном Иране и в Пенджабе (Северная Индия).

Обратим внимание на тот факт, что и «Михр-яшт» и «Видевдат» описывают земли, относящиеся к Восточному Ирану. Причем «Видевдат» в основном описывает территорию современного Афганистана. Западный Иран не фигурирует в обоих списках стран. Это говорит о том, что составители «Михр-яшта» и «Географической поэмы» не имели контактов с Западным Ираном. Отсюда следует вывод, что оба отрывка были составлены до создания Ахеменидской империи, то есть до середины VI в. до н.э.

Вернемся к «Авесте», где в «Михр-яште» есть строки:

«Кем будет он доволен,
Тому поможет Митра,
Чьи пастбища просторны,
А кем рассержен будет,
У тех разрушит Митра,
Чьи пастбища просторны,
И дома, и селенья.

More on the Sistanic hypothesis // *East and West*. 1977. № 2. P. 309-320; Он же. Zoroaster's time and Homeland. P. 23-57, 64-66, см. карту; Он же. *De Zoroastre à mani. Quatre leçons au college de France*. Paris, 1985. P. 23-29; Monchi-Zadeh D. *Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos*. Wiesbaden, 1975. 115 ff; Humbach H. *Die Awestische ländlerliste* // *Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd – und Ostasiens*. 1960'. № 4. P. 283-298; Он же. *The Gathās of Zarathushtra and Other Old Avestan Texts*. P.I: Introduction, Text and Translation. Heidelberg, 1991. Vol. I. P. 33-36; Christensen P. *The Decline of Iranshahr. Irrigation and Environments in the History of the Middle and East, 500 B.C. to A.D. 1500*. Copenhagen: Museum Tuscu, Ianum Press, University of Copenhagen, 1993. 351 p.; Kellens J. *Le Pantheon de l'Avesta Ancien*. Wiesbaden: Dr. Ludvig Reichert Verlag, 1994. 159 p.; Pugachenkova G.A. *The Antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan (1985-1990)* // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies History and Archaeology*. 1995. Vol, II, № 1. P.6; Vogelsang W.R. *The sixteen lands of Videvdāt 1 A'ryānām Vaējah and the homeland of the Iranians* // *Persica*, 2000. № XVI. P. 49-66; P. 49-66; Witzel M. *The Home of the Aryans* // *Anusantatyai. Festschrift für Jahanna Narten zum 70. Geburtstag / heraus gegeben von Hrsg.: A. Hintze, E. Tichy*. Dettelbach: Röhl, 2000. P. 304-321; Grenet F. *An Archaeologist's Approach to Avesta Geography* // *Birth of the Persian Empire*. Vol. I. Ed. by V.S. Curtis and S. Stewart. London, New-York: I.B. Tauris, 2005. P. 29-51 др.

И область, и страну,
И совокупность стран».

(10.87)

Обратим внимание на последние слова «и область, и страну, и совокупность стран». Известно, что страна состоит из областей, а какой-либо союз состоит из стран. Выражение из этого стиха является наглядным примером такой схемы. Предположим, что «совокупностью стран» являются области, указанные в «Видевдате» и «Михр-Яште», тогда совокупностью стран должна быть «Арианам-Вайджа».

Что касается времени сложения «Михр-яшта», который считается одним из древнейших в «Авесте», то исследователи относят его к периоду между IX и VII вв. до н.э. На это указывает факт отсутствия упоминания Ахеменидов¹. Время сложения «Видевдата» – первые века до н.э. – начало нашей эры². Несмотря на разницу в несколько сот лет, в обоих отрывках упоминаются одни и те же страны. Исследователи утверждают, что в «Михр-яште» не упоминается «Арьянам-Вайджа». Если мы внимательно прочитаем стихи 12-13, где говорится:

«Мы почитаем Митру...
Который самым первым
Из всех божеств небесных
Над Харою восходит...
И первым достигает
Прекрасных золотистых
Вершин, откуда видит
Он весь арийский край».

То мы видим, что здесь говорится «весь арийский край», то есть автор имеет виду обширную территорию, а перечисление стран идет не сразу, а в конце стиха 14:

«... И где рек судоходных
Широкие потоки
Стремят свое течение

---

¹ Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity / Ed. by G. Erdosy. Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. P. 166. (Indian Philology and South Asian Studies. Vol. I); Gnoli G. The Idea of Iran. An Essay on its Origin // Serie Orientale Roma, LVII. Rome: Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1989. P. 65-67.

² Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - М, 1956. - С. 193.

И к Ишкате Парутской,
И к Мерву, что в Харойве,
И к Гаве в Согдиане,
Или текут в Хорезм».

Напрашивается вывод о том, что и в «Михр-яште» «Арьянам-Вайджа», то есть «арийский край» в списке стран стоит под номером один. Особо следует подчеркнуть сочетание «весь арийцев край», где помещаются все перечисленные страны, о которых мы говорили выше. В «Фарвардин-яште» есть выражение «...Для защиты стран арийских» («Яшт» 13.10), а в «Замйад-яште» неоднократно повторяется выражение «...Грядущие и бывшие цари арийских стран...» («Яшт» 19. 56-57, 59-60, 62-64), что говорит о наличии конгломерата арийских стран.

Таким образом, мы видим, что перечисленные страны «Географической поэмы», так же как и страны в стихах «Михр-Яшта», находятся на территории Центральной Азии.

Вновь вернемся к стихам из «Михр-яшта», где говорится о «судоходных реках, стремящих свое течение» к странам, которые локализируются на территории Центральной Азии.

Согласно орогидрографической схеме горы – реки – море, которая, в принципе, и была применена в «Авесте», реки Ранха и Вахви-Датия берут начало в горах Хара Бэрэзаити и впадают в море Ворукаша. Именно в такой последовательности данная схема может накладываться только на географическую карту современной Центральной Азии: горная система Тянь-Шань – Памир – Гиндукуш – реки Амударья и Сырдарья – Аральское море¹. Это значит, что упомянутые в стихах «судоходные реки» текут по «арийскому краю», т.е. по Центральной Азии.

Что касается выражения *airiianəm vaējō vanhuiiā dāitaiiās* «Арианам-Вайджа у Датии Благой», которое упоминается в «Авесте» несколько раз («Видевдат» 1.2; 2.20; «Яшт» 5.17, 104; 15.2), то здесь тоже говорится о земле «арийцев», омываемой рекой Вахви-Датия, которая бесспорно отождествляется с Амударьей². Это еще один факт в пользу отождествле-

---

¹ Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным «Авесты» и пехлевийских источников: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. - Душанбе, 2000. - С. 88, 92; Она же. Географические номиналы в «Авесте» и в орогидрографической схеме // Узбекстанский гуманитарный журнал. Общественное мнение. Права человека. - 2001. - № 1(13). - С. 109-116.

² Yule H. The geography and history of the upper waters of the Oxus // Wood. J. A journey to

ния авестийской «Арианам-Вайджа» с территорией современной Центральной Азии.

Мы уже отмечали, что «Авеста» является важным источником по изучению исторической географии Центральной Азии. Так, она упоминает оронимы и гидронимы «арийского простора». Среди них названия 54-х гор, 18-ти рек и 9-ти морей и озер. Анализ исследований по отождествлению авестийских географических названий, а также осуществление классификации оронимов и гидронимов «Авесты» показали, что авестийские горы расположены в Афганистане, Таджикистане и частично в Восточном Узбекистане, Южном Кыргызстане и Восточном Иране. Территория, по которой текут реки, принимает более четкие границы, и конкретизируются Западном Афганистане (Систан), а две главные авестийские реки протекают по территории Таджикистана, Кыргызстана, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана. Что касается морей и озер, то они находятся в Афганистане и в районе Аральского моря. Отсюда следует, что географическая среда обитания, описываемая в «Авесте», также охватывает территорию Центральной Азии¹.

Мы упоминали что, по мнению П. Шэрво, «Арианам-Вайджа» – это мифическая родина иранцев, которая меняла свое месторасположение по мере их передвижения с одной территории на другую². Вопреки точке зрения П. Шэрво автор считает, что «Арианам-Вайджа» не мифическая родина арийцев, а реально существующая территория их обитания.

---

the source of the river Oxus. London: John Murray, 1872. P. XXIII ; Bailey H.W Iranian Studies I. BSOS, 1932. Vol. 6, № 4. P. 952; Markwart J. Vehrot und Arang. Leiden, 1938. S. 35; Doosthah J. См.: Awistā. Kuhantarīn sūrūdā wa matnā-i Īrānī guzārš wa pažuhiš-i Ġālīl Dūsthwāh. Tihrān: Intišārāt-i Murwārīd, 1375 (1997). С. 1, сн. 952; Benveniste É. L'Ērān-vēž et l'origine légendaire des Iraniens // BSOS. 1933-35. Vol. VII. P. 271; Bihzādī R. См.: Boundahiš-i hindī. Tashīh va tajoma-ye Ruqīya Bihzādī. Tehran, 1368 (=1990). С. 35; Christensen A. Le premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iraninnes. Copenhavn, 1943. P. 25.; Duchesne-Guillemin J. La religion de l'Iran ancien. Paris: Presses Univer. de France, 1962. P. 143; Бартольд В.В. Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама». - М.: Наука, 1965. - Т. III. - С. 319; Nyberg H.S. Biographie de Zaratuštra dans le Denkart // Acta Iranica 7. 1975. Vol. IV. P. 510-518; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Leiden-Köln, 1975. Vol. I. P. 144; Абаев В.И. Два зороастризма в Иране. - С. 202; Пьянков И.В. Зороастр в истории места и времени // ВДИ. - 1996. - № 3. - С. 14; Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины // Ономостика Средней Азии. - М.: Наука, 1978. - С. 72-73; Он же. Этимологический словарь ваханского языка. - С. 6.

¹ Ходжаева Н. Историческая география Центральной Азии по данным Авесты и пехлевийских источников. - С. 45-49; 76-78; 88-89; 90-92.

²Skærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians. P.166.

Само понятие «Арианам-Вайджа», то есть арийский простор уже говорит о том, что это не могут быть только горы, как это считают К. Риттер¹, М. Миллер², А. Шохуморов³, Х. Хумбах,⁴ М. Витцель⁵ и др. Большинство исследователей считают «Арьянам-Вайджа» родиной индоиранцев. На наш взгляд, по мере расселения индоиранцев, «Арьянам-Вайджа» нужно рассматривать не как родину, а как место их обитания на определенном отрезке времени. Вот почему существует разница между первоначальной «Арианам-Вайджа», то есть действительной родиной арийских племен и той, которая упоминается в «Авесте»⁶.

В конце прошлого столетия исследователь И.В. Пьянков сделал попытку отделить авестийских арьев от древнейших предков – протоиранских арьев⁷. Ученый считал, что «Арьянам-Вайджа» – прародина только авестийских арьев, а Хванирата – прародина общеиранская или протоиранских арьев, располагавшаяся в степных просторах между Волгой и Амударьей⁸. В данном случае необходимо уточнить название слова «арья». «Арья» (arí, arya, aryaman, ārya) – это общее название иранских племен. К этимологическому значению этого слова ученые обращались не один раз. Мы уже отметили, что большинство ученых в переводе значения слова видят не этнический смысл и переводят его как «человек этого народа», «хозяин», «благородный», «свободный». Существует другая точка зрения. Так, известный лингвист П. Тиме, проанализировав ведийское слово arí, приходит к выводу, что термины arya, aryaman и ārya являются его производными и имеют одно общее значение «чужак», «пришелец», «иноземец» «завоеватель»⁹. Эту точку зрения поддерживает и М. Майрхофер¹. В.И. Абаев ,

---

¹ Риттер К. Иран. - С.24.

² Маковельский А.О. Авеста. - Баку: Изд-во АН АзербССР, 1960. - С.14.

³ Шохуморов А. Памир – страна Ариев. - Душанбе, 1997. - С. 18, 27.

⁴ Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. P.33; Он же. Western approach to Zarathustra. P. 18, 25

⁵ Witzel M. The Home of the Aryans. P. 330-331

⁶ Ходжаева Н. Авестийская «Арианам-Вайджа» по данным «Видевдата» и «Михр-яшта» (к вопросу локализации) // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). - 2009. - № 6 (54). - С. 30-37; Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. - Душанбе: Дониш, 2017. - С. 231.

⁷ Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии. - С. 34-35.

⁸ Там же.

⁹ Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte arí, arya, aryaman und ārya. Leipzig: Brockhaus, 1938. S. 102-103, 148. (VIII, 178)

проанализировав осетинское слово *ælon (в æsægælon «чужой»), приходит к такому же заключению².

Известный французский авестолог Ж. Келлен поддерживает П. Тиме, считая и авестийских и ведических арийцев иранскими племенами³.

Против этимологии П. Тиме выступили многие ученые, которые справедливо отмечают, что ни в одном подлинном контексте данная этимология не работает. Так, известный французский ученый Ж. Дюмезиль, размышляя об интерпретации П. Тиме терминов *arí*, *aryaman*, *arya*, *ārya* *aryā*, вновь проводит лингвистический анализ «Ригведы». Он приходит к выводу, что эти слова связаны с родовым понятием. Каждое из этих слов имеет свое значение внутри арийской общины. Так, исследователь пишет: «Лингвистических колебаний нет: каково бы ни было значение второго производного *ārya*, именно *arya*, первое производное от *arí*, должно означать собственно «принадлежащий к арийскому миру», и действительно, в «Авесте» это значение передается словом *arīya*, эквивалентом не *ārya*, но *arya*, и это та же форма с кратким гласным, которая дала *Ir*, *Iron*, этническое название части кавказцев – осетин...»⁴.

Л. Палмер считает, что этимология слов «благородный» и «свободный» возводится к основе *ar* – «владеть (наделом, собственностью)», то есть «арья» означает обладателя земельной собственности и подразумевает существование иных социальных градаций⁵.

Обратим внимание на то, что в «Авесте» показано общество оседлых скотоводов и земледельцев с имущественным и социальным расслоением, а также военной аристократии и жречества («Яшт» 19.8; 13.4; «Видевдат» 3. 4-6, 23). Общество делится на жрецов, воинов-колесничих, крестьян-скотоводов и ремесленников. Некоторые исследователи считают, что

---

¹ Mayerhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 2. Heidelberg, 1963. S. 49, 52, 79.

² Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. - Том I. - М.,-Л: Изд-во Академии СССР, 1949. - С. 246; Он же. Из истории слов // Вопросы языкознания. - 1958. - № 2. - С. 114-115.

³ Kellenz J. Les airiia – ne sont des āryas: ce sont déjà iraniens // Fussman G., Kellenz J., Francfort H-P., Tremblay X. Āryas, aryens et iraniens en Asie Centrale. Paris: Edition-Diffusion de Boccard, 2005. P.243-246.

⁴ Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев /Пер. с фран. Т.В. Цивьян. - М.: Наука, 1986. - С. 184.

⁵ Palmer L.R. Arya-. A Homological Sketch. // Antiquitates Indogermanicae / Hrsg. von M. Mayerhofer. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck, 1974. S. 17-18.

данная классификация авестийского общества отражает историческую реальность¹, которая отображает общество Центральной Азии середины и конца эпохи бронзы. В таком случае для «Авесты» уместна этимология термина «арий» как «хозяин», «полноправный», «благородный», «свободный».

Неравномерность экономического развития севера и юга Центральной Азии отразилась и на идеологии ее населения. Так, проведя сравнительный анализ быта степняков - кочевников и земледельцев, известный американский востоковед Р. Фрай приходит к следующему заключению: «Объективной характеристикой власти был и остается бюрократический аппарат. Сакрализация традиций в оседлых государствах давала импульс дальнейшему развитию не только бюрократии, но и другим составляющим власти. Как правило, конечным результатом кодификации традиции обязательно становится вера в государственную религию. В Сасанидском Иране иерархия, закреплённая в зороастрийской религии, превратилась в партнера власти и администрации, наряду с гражданскими чиновниками. Изучая быт степняков, нам очень редко удается обнаружить «государственную религию». Даже если подобное и имело место, то выражалось скорее в выборе бытовавших верований. Контраст между степью и долиной в этом отношении проявляется со всей очевидностью»². Известно, что религия (от лат. *religio* – набожность, святыня, предмет культа) – это мировоззрение и мироощущение, а также соответствующее поведение и специфические действия (культы), основанные на вере в существование Бога или богов, сверхъестественного³. Вера – это уверенность, убеждение, твердое сознание, понятие о чем-либо, особенно, о предметах высших, невещественных и духовных⁴. Вера или верование – одно из важнейших явлений духовной жизни общества. Во всех мировых религиях имеются элементы

---

¹ Herzfeld E. *Zoroaster and His World/ Vol. II*. Princeton: Pinceton Univ. Press, 1947. P. 788 ff. (VIII, 412-851); Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. С. 154; Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. - № 123. - М., 1960. - С. 1-2, 10-13.

² Фрай Р.Н. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия. Душанбе, 2000. - С. 51-52.

³ Большой Рос. энциклоп. словарь, 2003. // Большой Российский энциклопедический словарь. - М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003. - С. 1313.

⁴ Толковый словарь русского языка. - Том. I: А – Кюрины / Сост. Г.О. Винокур и др. / Под ред. Д.Н. Ушакова. - М.: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. Стр. 248-249, 253.

древних верований и культов. В древности верования проникали во все сферы общественной жизни и определяли поведение людей.

Религиозные взгляды и соответствующие им учреждения, являясь надстройкой над экономическим базисом, изменяются в зависимости от изменений условий жизни общества и его экономического устройства. В связи с этим выделены исторические формы развития религии: племенные, национально-государственные (этнические) и мировые (буддизм, христианство, ислам). Следовательно, согласно исторической периодизации следует выделить такие понятия как верования и религия. Религия – это продукт классового общества, и о ней можно говорить лишь в том случае, когда она является канонизированной и становится государственной, а в остальных случаях следует говорить о верованиях. Сказанное Р. Фраем, еще раз подчеркивает мнение о том, что религия является обязательным атрибутом государственной власти, и она должна быть канонизирована. Зороастризм, как религия, был канонизирован лишь только в Сасанидском Иране¹ (224-651). В хронологическом порядке – это первая половина I тыс. н.э. Следовательно, до этого времени на территории Центральной Азии господствовали верования, которые послужили основой для зороастризма – государственной религии Сасанидского Ирана.

Из сказанного следует, что «Авеста» отразила верования и культы народов Центральной Азии, практиковавшиеся ими не одно столетие. И все это время народы земледельческого юга и степного севера поклонялись одним и тем же богам. Отметим также, что «Авеста» была переписана при Сасанидах и поэтому естественно, что в источнике многое могло быть переписано зороастрийскими священниками под влиянием Сасанидской идеологии, то есть все главные события должны происходить именно на территории Сасанидского Ирана. Скорее всего, «Фарвардин-яшт» был переписан под влиянием идеологии Сасанидского государства, в результате чего при Сасанидах арийцы были отделены от скифо-сакского мира.

Обратим вновь внимание на надпись Дария I в Накш-и Рустаме: «Я, Дарий, ...Ахеменид, перс, сын, перса, арья, арийского семени» (NRu 2). Г. Бейли считает, что если «Ахеменид» указывает на родовую принадлежность, а «перс» – на этническую, то «арья», скорее всего, должно симво-

---

¹ В состав Сасанидского Ирана входила Парфия (территория Юго-Западного Туркменистана).

лизировать принадлежность к нобилитету¹. Вполне возможно, что земледельцы Ахемениды под воздействием степняков и переняли социальную идеологию: «если ты ариец, то значит благородных кровей». Отсюда следует, что в «Авесте» арийцы показаны именно как социальная прослойка.

Лингвистические исследования также показали, что общеиранский язык-основа, общеиранское языковое состояние представляется как некая совокупность близкородственных диалектов, распространенных примерно с середины II тыс. до н.э. до середины I тыс. до н. э на территории Центральной Азии. Совокупность историко-лингвистических и историко-культурных данных позволяет исследователям определить, что во II-I тыс. до н.э., эта территория была центром иррадиального распространения иранских племен на запад (скифо-сарматские племена Причерноморья и Приазовья), на восток (саки Восточного Туркестана) и на юго-запад (Западный и Юго-Западный Иран)².

Лингвистические исследования подтверждаются и географическим фоном «Авесты». Выше говорилось об отождествлении оронимов и гидронимов, которые находятся на территории Центральной Азии и локализации стран, перечисленных в «Видевдате» и «Михр-яште», которые находятся на той же территории. Мы определили, что все эти страны являются арийскими, а это значит, что «Арианам-Вайджа» является составной частью Хванираты. Обратимся к «Авесте», где в «Михр-яште» говорится о Хванирате (10. 15, 67, 133). Автор говорит, что «... Перелетает Митра через Восток на Запад, две стороны на Севере, Две стороны на юге, через каршвар прекрасный и светлый Хванирата» («Яшт» 10. 133). По сути, в этом отрывке речь идет о семи климатических поясах, центральным из которых является блестящая Хванирата. Скорее всего, автор пассажа сам проживает там. Если в «Авесте» идет только перечисление климатических поясов, то в «Бундахишне» дается их характеристика. Арзах-Arzah является восточной частью, Савах-Savah – западной. Две части – это Фрадафш-Fradafš и Видафш-Vidafš – находятся на юге. Две другие части Ваурубаришн-Vaurubarišn и Вауруджаришн-Vaurujarišn – на севере, и среди них, в центре, находится самый большой климатический пояс – Хванирата-Xwanirata («Бундахишн» 8. 3-5). Там же сказано, что между Арзахом, Савахом и Хваниратой есть море и, что Хванирата частично

---

¹ Bailey H.W. Arya II //BSOAS. 1960. Vol. 23, № 1. P. 18.

² Основы иранского языкознания. -С. 27-37.

омывается морем Фрахвкард-Frāxvkard (ав. Ворукаша-Vourukaša). Между Фрадафшем и Видафшем находится лес, а между Ваурубаришном и Вауруджаришном поднимаются высокие горы. Выше отмечалось, что автор этого текста сам находится в Хванирате. Следует отметить, что автор «Задспрама» также продолжает Сасанидскую традицию, помещая Хванирату в центр мира (Zd. 7.10). Х. Хумбах считает, что Хванирата не может отождествляться с самим Ираном, а перечисленные в «Михр-яште» страны («Яшт» 10. 14) являются ее составной частью¹. Предположим, что если эта территория, включающая в себя бывшие советские центральноазиатские республики, Казахстан и степи Южного Урала, то, скорее всего, автор текста перепутал части света. Так, если поместить северные климатические пояса на юг, то на севере Казахстана и в степях Южного Урала есть леса, а на юге имеется несколько крупных горных систем, среди которых Копетдаг на северо-востоке Ирана и юго-востоке Туркменистана, Среднеафганские горы и, конечно же, Гиндукуш. Ранее автор уже высказывал свою точку зрения на локализацию моря Ворукаша и считает, что это Аральское море, которое по своим размерам во II-I тыс. до н.э. намного превосходило его нынешние размеры². Указанная нами территория включает несколько климатических поясов, что соответствует описанию «Бундахишна». Следовательно, Хванирата не может быть общеиранской родиной, так как она находится тоже на территории Центральной Азии.

Обратим внимание на тот факт, что в «Авесте» «Арианам-Вайджа» не упоминается в ее архаических частях – «Гатах». Ее название встречается в «Видевдате» («Видевдат» 1.1-2; 2.20-21), в «Ясне» («Ясна» 9.14) и в «Яштах» («Яшт» 1.21; 5.17, 104; 15.2; 17.45), то есть в тех частях, которые были составлены в более позднее время. Заметим, что «Ригведа» также не упоминает «Арианам-Вайджа». Этому есть объяснение. Устное сложение и «Ригведы», и «Гат» происходило еще во второй половине II тыс. до н.э., то есть в эпоху средней бронзы, для которой не характерны государственные образования. Что касается «Яшт» и «Видевдата», то здесь отображена историко-географическая характеристика Центральной Азии конца эпохи бронзы – раннего железного века, то есть мы видим наличие государств (Бактрия, Хорезм, Согд и т.д.). Именно в «Яштах» термин *airya* – уже имеет другое значе-

---

¹ Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. P. 31.

² Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Бэрэзаити, рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. - Душанбе, 2003. - С. 90-98.

ние. В словосочетании *airiianəm vaējah* – он уже приобретает географический смысл как место обитания «арья».

Вернемся к источникам. В «Видевдате» Арианам-Вайджа описывается как «наилучшей из всех стран и мест обитания» (Вд. 1.2). В «Меног-и Храде» говорится то же самое («Меног-и Храд» 44.24). Здесь Арианам-Вайджа описывается как часть рая: «...Ормазд сотворил Эранвеж лучше, чем все остальные места и области, и достоинства (Эранвежа) в том, что жизнь людей (там) 300 лет, а коров и овец – 150 лет. Боли и болезней у них мало, они не лгут, не плачут и не стонут, и власть дэва Аз над ними мала. И если они вдесятером едят один хлеб, они насыщаются, и каждые 40 лет у мужчины и женщины рождается ребенок. Закон их – Добро, а вера – главное учение маздаяспийское. И когда они умирают, они праведны...» (44. 24-35). С.П. Виноградова считает, что этот фрагмент сложился в результате отождествления Эранвежа с блаженной обителью Йимы внутри Вары, описываемой в «Видевдате» (2.41), а также с эпохой царствования Йимы вообще («Ясна» 9. 4-5)¹. Заметим, что Эранвеж не может отождествляться только с Варой, потому что Вара находится под землей. Об этом свидетельствует «Меног-и Храд»: «Убежище Йимкард, то есть Вара, построено в Эранвеже под землей...» (62.15-19).

Обратим внимание на описание в «Видевдате» сооружения, именуемое Вар (2.25-26, 30, 38). По уточненному переводу И.М. Стеблин-Каменского, Вар, построенный Йимой, состоял из трех концентрических кругов стен, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем – шесть и во внутреннем – три². Вар, по мнению ученого, напоминает по планировке жилища-поселения древних Ариев, включавших круговые концентрические стены, открытые археологами на севере Афганистана и в Южном Приуралье³. Храм на городище Дашлы III в Северном Афганистане входит в группу памятников эпохи бронзы (середина II тыс. до н.э.) Дашлинского оазиса (левобережная часть Амударьи). Реконструкция памятника показала, что его планировка соответствует сооружению Вар в «Авесте»⁴. В последние десятилетия особое внимание стали уделять

---

¹ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2 / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. - М.: Высшая школа, 1980. - С. 71, сн. 2.

² См.: Авеста в русских переводах (1861-1996). -С. 79, прим. 1.

³ Там же.

⁴ Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. - М.: Наука, 1977. - С. 35; Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centers» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы Центральной Азии в древности. - М.: Наука, 1981. - С. 226-227.

группе памятников, касающихся культуры Аркаима-Синташты¹, которая охватывают территорию Южного Приуралья и Северо-Западного Казахстана. Памятники этой культуры датируются концом III – первой третью II тыс. до н.э.². Структура протогородов Аркаима-Синташты показала, что их планировка также напоминает авестийский вар³. Заметим, что памятники Дашлы III и культуры Аркаима-Синташты находятся на далеком расстоянии друг от друга, но планировка их строений одинакова. Вполне возможно, что древние иранцы при переселении переносили с собой и свою строительную культуру. Разница в датировке памятников обеих культур указывает на миграционные процессы в Центральной Азии, которые двигались с севера на юг.

И.М. Стеблин-Каменский также заметил, что в русском языке встречается слово вар, варок, означающее «скотный двор», родственное древнерусскому воръ – «забор» и связанное с авестийским вара⁴.

Таким образом, наличие памятников с одинаковой планировкой в Южном Приуралье и Северном Афганистане говорит о том, что «Арианам-Вайджа» охватывала огромную территорию, что еще раз подтверждает значение vaējō – или vaējah – как «простор».

Необходимо отметить, что перенос реальных и мифических объектов довольно часто встречается в текстах «Авесты», связанных с географической номенклатурой. Как отмечает М. Бойс, у древнеиранских племен существовала тенденция переносить географические названия по мере передвижения их с одного места на другое⁵. Возможно, что при переселении иранских племен на территорию Центральной Азии они перенесли названия многих реальных географических объектов, особенно, игравших

---

¹ Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во, 1992. Ч.1. 408 с.; Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркаим // Маргулановские чтения. 1990: сб. материалов конф. - М., 1992. - Ч. 1. - С. 79-84 Рис.: с. 242-243; Григорьев С.Д. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. - Челябинск: Юж. – Урал. кн. изд-во, 1999. - 443 с; Зданович Г.Б., Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). - Челябинск: Изд-во Крокос; Юж. – Урал. кн. изд-во, 2007. - 260 с.

² Зданович Г.Б., Батанина И.М. – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). - С. 12.

³ Steblin-Kamensky I.M. Avestan kəmāčīṭ paiti čaprušanam // East and West, 1995. № 45 (1-4). P. 307-310; Jettmar K. Bemerkungen zu Arkaim // Eurasia Antiqua. 1997. Bd. 3. S. 249-254; Зданович Г.Б., Батанина И.М. Ук. соч. - С. 7.

⁴ См.: Авеста в русских переводах... - С. 79, прим. 1.

⁵ Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P. 143.

большую роль в их жизни, в мифологические понятия и названия, которые сложились у них еще в период индоиранской общности, либо на ранних этапах собственного этногенеза. Скорее всего, это касается и «Арианам-Вайджа». Если учесть тот факт, что «Авеста» является многослойным памятником, отдельные части которого создавались в разное время, то разница во времени сложения старейших частей «Авесты» – «Гат» (между XV и VI вв. до н.э.) и более поздней – «Младшей Авестой» – «Яшты» (между VI в. до н.э. и IV в. н.э.)¹ составит несколько столетий. Здесь для нас важен тот факт, что «Авеста» отразила устную традицию древних иранцев, которая насчитывает несколько столетий, а может быть, и больше. Предположим, что древние иранцы уже в конце второго тысячелетия до н.э. заселили Центральную Азию, а значит и перенесли многие географические названия. Следовательно, в этот период истории иранских народов «Арианам-Вайджей» была территорией Центральной Азии.

В «Видевдате» дается описание климата «Арианам-Вайджи» «...там десять месяцев зимы, два – лето и даже летом вода замерзает, земля замерзает, растения замерзают, ...зима является причиной убытков» («Видевдат» 1.3). Х. Хумбах справедливо отмечает, что такое описание не соответствует раю². Ученый также предполагает, что такая путаница может быть объяснена тем, что в первоначальном варианте «Видевдата» 1.3 содержалось описание не одной, а нескольких климатических зон, по которым протекала Вахви-Датия. Доказательство этому пехлевийский перевод «Видевдата» 1.3. Так, автор «Бундахишна» добавляет цитату из «Авесты»: «...от месяца Фравардин-frawardīn (март)...до месяца Митры-Mihr (октябрь) семь месяцев длится лето, поэтому от месяца Абан-ābān (ноябрь) до месяца Спандармад-spandārmad (февраль) пять месяцев длится зима» (Vd. 25, 7), что является вполне реальной климатической нормой для Арианам-Вайджа. Это мог быть утерянный фрагмент из текста «Авесты»³. Из указанного отрывка из «Бундахишна» следует, что лето длится с марта по октябрь, а зима – с ноября по февраль. Данное климатическое описание соответствует территории Центральной Азии. Вероятнее всего, что именно этот фрагмент отражает реальную картину климата в Ариа-

---

¹ Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. - С.193.

² Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. P. 35.

³ Там же, с. 36.

нам-Вайджа, а не канонический текст «Видевдата».

Необходимо отметить еще один факт из «Авесты», где в «Михр-яште» говорится о судоходных реках («Яшт» 10. 12-14). При описанном климате в «Видевдате» реки не могут быть судоходными. В этом отрывке прослеживается второе противоречие.

Итак, мы определили очень важные факты, которые говорят нам о том, что авторы текста «Авесты» и «Бундахишна» при упоминании географических названий, описании климата, могли совершить ошибку.

Что касается географических границ авестийской «Арианам-Вайджа», то обратимся к естественным границам, выраженным горами и реками. Известно, что в древности моря, озера, реки и высокие горы были естественными границами различных государственных образований. Сведения о горах Хара Бэрэзаити или Тянь-Шань – Памир – Гиндукуше имеются во многих частях «Авесты», начиная от «Гат» и заканчивая «Яштами», т.е. между XI в. до н. э и IV в. н.э. В данном случае горы Хара Бэрэзаити являются наглядным примером естественной границы «Арианам-Вайджа» с востока. «О Хара Бэрэзаити как о восточной границе иранского мира в древности впервые высказался В.Гейгер.¹ Обратимся вновь к трактовке Д. И. Эдельман слова Памир: «Более перспективным является такой вариант, где вторая часть (Мехр) возводится к индоевропейскому Мор-и – тоги и трактуется как «граница», «пограничная область»². Если взять за основу данную точку зрения, то горы Хара Бэрэзаити, которые отождествлены нами с Тянь-Шань–Памиро–Гиндукушской горной системой, являются восточной границей «Арианам-Вайджа».

Таким образом, анализ «Авесты» показал, что в период ее устного сложения (вторая половина II тыс. до н.э. – начало I тыс. до н.э.), древние иранские племена уже заселили Центральную Азию, которая в этот период называлась «Арианам-Вайджа». Из «Авесты» также следует, что предки таджиков -бактрийцы, согдийцы, хорезмийцы, парфяне, сакские племена и др. жили на территории «Арианам-Вайджа» как конгломерат арийских племен.

---

¹ Geiger W. Civilization of the Eastern Irānian. P. 101-102.

² Эдельман Д.И. Географические названия Памира //Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. - М.: Изд-во «Наука», 1975. - С. 43.

4. Историческая основа арийской цивилизации и государственного образования таджиков

(на основе анализа гидронимики Памира-Гиндукуша и
данных древних источников)

На основе анализа существующей научной литературы, свидетельства древнеиранских источников («Авесты»), индийско-тибетских сообщений (зафиксированных в документах и исследованиях), подчеркивается важность признания горных систем Памира-Алая и Гиндукуша, как безусловных предпосылок возникновения и развития арийской цивилизации Центральной Азии в древности. Речь идет о регионе, который в прошлом назывался Хорасаном и Мавераннахром (Трансоксиана-*Вароруд*) или восточным Ираном, в настоящее время – это территория Таджикистана (с рядом территорий других сопредельных стран). Многие ученые не обращают должного внимания на роль горных и речных систем в истории формирования культуры и цивилизации в этом регионе, как в древности, так и в наши дни. Важно подчеркнуть необходимость знания местной центральноазиатской гидрографии и понять зависимость возникновения и развития арийской (т.е. таджикской древнеиранской) цивилизации от природных особенностей данного региона. Речь идет об основах арийской цивилизации, о первом государственном и культурном образовании таджиков в Бактрии при династии *Кеянидов* и роли горных систем в истории формирования данного государства. Важные сведения о взаимосвязи арийской культуры с естественными географическими условиями региона отражены в древнейшем письменном документе арийской цивилизации – «*Авесте*» («*Видевдате*», «*Ардвисур-Яште*», «*Михр-Яште*», «*Замйад-яште*» и др.). Вполне закономерно, что при определении роли горных систем, и изучении гидронимики появляется возможность локализации арийских стран и народов. К горной системе относятся зафиксированные в описаниях и названиях важные горы и реки (Река Хара, *Вахви-Датия*, или *Вех*, река Аму-Дарья, гора *Хара Брезаити*, *Мехр*, *Сумеру (Памир)*, а также арийские страны и города - *Моуру* (Мерв) *Гава-Сугда* (Согдиана), *Хваризм* (Хорезм) и *Харойва* (Герат).

Арийская, в том числе древнеиранская (восточная) цивилизация возникли на стыке тех же горных систем, реками и водами которых питались древнекитайские и протоарийские, индийские цивилизации. И именно здесь, по утверждению древних источников и исследований, т.е. на Па-

мире, на территории Таджикистана арийские племена разделились на два направления, одна пошла на Юг (в Индию), а другая – на запад (в совр. Иран и Европу), и на этой же территории они впервые создали согдийскую, бактрийскую, гератскую, маргианскую и хорезмийскую культуры. Однако следует отметить, что до появления арийцев в Индии, там существовала Индская или Харрапская (доарийская) цивилизация, третья по времени восточная цивилизация, после египетской и месопотамской, которая развивалась в долине реки Инд в 3300-1300 гг. до н. э., в то время самой обширной по территории. Центральная Азия и Индия испокон веков имеют тесные связи. Харрапская цивилизация имела культурные связи с Центральной Азией, Месопотамией до Шумера. Поэтому следы харрапской культуры ученые проследили на стыке слияния реки Пяндж и Кокча (Шортугай, 2020-2000 в.до н.э.), там же находится греко-бактрийский памятник (Ай-Ханум), на границе Хатлонской области современного Таджикистана и севера Афганистана. Следует помнить, что река Инд берет свои истоки тоже в горах Гиндукуша и на Гималаях.

Известный русский философ Н. Фёдоров писал, что на земле (по крайней мере в евразийском пространстве) существуют два священных места, которые имеют колоссальное влияние на нас: это Константинополь и Памир. «Константинополь и Памир будут фокусами столкновения континентальной (имеется в виду России) и океанической (т.е. Англия) сил... Но не надо забывать, что рубежи Индии, возвышенность Памира с ее окрестностями, есть место одинаково священное как для нас (русских), так и для англичан, и после Палестины и Византии нет места на земле более священного; здесь покоятся забытые предки всех арийских и неарийских племен».¹ Отметим, что значение гор и рек Памира для Таджикистана возрастает с каждым годом вдвойне. Нам известно, что в ходе истории арийские и неарийские племена не стояли на одном месте, не были замкнутыми, свободно двигались по земле. Но Памир является одним из важных их исторических и гео-этно-культурных стоянок. Согласно интерпретации некоторых историков, в авестийской традиции фиксирована история существования полумифической *реки Ранха*, которая течет с вершины *гор Хары*. Г.М. Бонгард-Левин, советский и российский историк

---

¹ Анарийские – т.е. кочевые иранские племена в отличие от оседлых иранцев. Федоров Н. Ф. Сочинение. Вступительная статья, примечание и составление С. Г. Семеновой. - М., 1982. - С.340; Шохуморов А. Резделение Памира и судьба исмаилизма. - М., 2008. - С. 15;

в книге «От Скифии до Индии» склонен увидеть здесь следы пребывания арийских племен на территории России (в Скифии) и соответственно идентифицирует реку *Ранха* с Волгой. Миграцию арийцев он относит к IV до II тыс. до н.э. Ученый считает, что в Центральной Азии они находились уже в III тыс. до н.э.¹ Ученые едины во мнении о том, что протоарийская культура формировалась на юге России и степях Казахстана, что отразилось в синташтинской и андроновской культурах.² И, безусловно, индоевропейцы, занимавшие значительную территорию Евразии, в ходе истории мигрировали на юго-восток, что было связано с изменением климата, войнами, хозяйственными нуждами и т.д. И скорее всего, данные миграции были не одновременным актом, а состояли из многих исторических этапов иммиграционных волн.

Большинство ученых настаивают на том, что передвижение арийских племен начинается во втором тысячелетии до нашей эры ((II-I тыс. до н.э.) с северо-востока Центральной Азии, а также из долин Хотана, Тарима, Ярканда (и Турфана) через горы Памира и Гиндукуша на юго-восток и западные части высокогорной Азии. Что из себя представляли арии? Это были народы, отколовшиеся от остального кочевого и полукочевого индо-арийского населения Евразии земледельцы, которые предпочли интенсивную форму хозяйствования (земледелие) взамен экстенсивного, кочевого скотоводства. Кроме земледельческой и скотоводческих форм хозяйствования и связанных с ними ремёсел, у индоарийцев были развиты колесный транспорт, они были знакомы с металлургией и имели значительный прогресс в социальных отношениях. Так, социальная структура их общества была следующей: военная знать, жречество и общинники и рабы. Наравне с этим, у них были наилучшие правовые нормы, хорошо развивались обмен и торговля. А. Буровский заявляет, что великий и загадочный народ ариев нес свет просвещения в Европу, Индию и Китай, заложив основы современной цивилизации.³ Такого же взгляда придержи-

---

¹ Г.М. Бокгард-Левин, Э.А. Грантовский. От Скифии до Индии. - М.: Мысль, 1983. - Ч. 206 с. Бонгард-Левин. Древние цивилизации. - М., 1989. http://www.sno.pro1.ru/lib/drevnie_civilizacii/drevnie_civilizacii.pdf

² Кузнецов П. Ф. Очерк к происхождению синташтинской культуры. // Аркаим – Синташта: древнее наследие Южного Урала, ч.2 (сбор. под ред. Г. Б. Здановича). - Челябинск. 2010 г.

³ Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда о «высшей расе». 6-е издание.-М., 2016.288 с.; Г.М.Бонград-Левин, Э.А.Грантовский. От Скифии до Индии. - М.: Мысль, 1983. См.: (Интернет).http://www.old-earth.narod.ru/lib/Ot_Skifii_do_Indii.htm (время обращения: 4.25.2018).

живаются другие европейские, русские, индийские и таджикские исследователи.¹

Этимологию «*airiia*» исследователь Э. Бенвенист поясняет как «проявляющий гостеприимство» к «*ари*» (друг, враг, чужестранец).² Древнеиндийское слово «*ari*» – друг (также и враг, чужак) имеет параллели в хеттском «*ara*»-товарищ и с арм. *Ari* (ари-мужественный), в шугнанском «*aro*» (друзья) и «*aro-dar*» (братья). Другие исследователи связывают это с «*ar-i-o*» из семитских языков (*horim* – знатные, свободнорожденные) (корень – h-r-g, что означает «освобождать»), однокорневое слово «*hurriyat*», вероятно заимствованное из иранских языков. Такой смысл совпадает с интерпретацией данного понятия как «*орй*» – «*озода*» (свободный), *озодатадж* (носящий корону свободы) у Фирдоуси, «*озодагон*», *озодазодагон* (люди свободы, рожденные свободными) у Насира Хусрава, поэты и философы средневековья.³ В санскритской литературе страна Ариев упоминается как *Арьяварта*, как сердце брахманистской цивилизации. Буддизм также считается арийской религией. В тибетской литературе часто упоминаются иранские племена саки, народы стран Бактрии и Согда. Наравне с этим иранские народы в этих источниках называются «таджиками» (в формах: *slag-gzig*, *rta-mjug*, *stag-bzhi*, *rtag-gzigs*, *ta-zig* и т.д.). В указанной форме впервые это слово упоминается в тибетских документах VIII в. по отношению как к иранским народам, так и к мусульманским завоевателям. Позднее, это слово ограничивалось обозначением Ирана и иранцев, а для мусульман было использовано слово «*турушка*», т.е. варвары. В древних тибетских книгах вместе слова «*таджик*» для обозначения Ирана и иранцев использовалось слово «*Ольмо*»,

¹ Mary Boyce, Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour (Columbia Lectures on Iranian Studies, No 7) (Costa Mesa, Mazda Pub, 1992, pp. 3 ff.); A. Christensen, Le premier chapitre du Vendidad (Copenhagen, 1943). AVESTA: VENDIDAD (English): Fargard 1. Translated by James Darmesteter (From Sacred Books of the East, American Edition, 1898.) By Josef Peterson. 1995.; Кузнецов Б.И. Бонимаздаизм. - СПб.: Евразия, 2001. – 224; Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. - СПб.: Евразия, 1998. – 352 с.; М. Хотам. Памир-исчезнувшая история. – Душанбе, 2016. - 591 с.

² Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995. – С.240-242.

³ Говоря о вознесении Гуштоспа на царский трон (после своего отца Лухроспа), Фирдоуси пишет как он (*озодатадж*) после своего отца принял царскую корону: ... Чу Гуштосп бар шуд ба тахти падар, ки Фарри падар буду бахти падар, Ба сар барниход он падарзода точ, ки зебанда бошад ба ОЗОДА-ТОЧ. Шахнаме. - Душанбе. 1989. - Том. 6. - С. 81. См.: также Э.Рахмон. Нигохе ба таърих ва тамаддуни ориёӣ. - Душанбе. 2016. - С.78.

как *высокое (лучшее) место*(*gnas-mchog*). Аналогично название Индии – *Арьядеша*, что буквально означало «Возвышенная страна» (*Арьядеша*, тиб. *'phags-pa'i yul*).¹ Слово «Олмо», видоизменённое от названия страны Элам, т.к. в 549 г. до н.э. Эламское государство было завоевано древними арийцами-персами и они до такой степени адаптировали культуру завоеванной страны к собственной, что в дальнейшем эламиты стали называть их предками персов, как это сделал Иосиф Флавий (37 до н.э. – 100 н.э.). Сохранившееся слово «*Альма*» в латинском «*alma-mater*» в смысле кормилица, любящая и питающая также даёт значение высокое и лучшее и в соединении с матерью даёт значение мать-кормилица. Это слово первоначально было использовано для выражения смысла физической и духовной зависимости арийцев от рек и водоёмов своей горной прародины. Возможно *алма* в смысле яблоко тоже является поздним заимствованием из согдийского для обозначения данного фруктового дерева (как *мыр* – *яблоко* в ваханском), т.к. абсолютное большинство лексики земледельческой культуры, торгово-обменных отношений и религиозных понятий языков ранних тюрков являются заимствованием из согдийского языка или древнеперсидского, среднеперсидского, а далее и новоперсидского языков. Например, согдийское слово *чихр* (колесо), авестийское *чахра* (и производное от этого – *чарх* в таджикском языке) был передан в тюркские языки как *чикрик*, *чигир* (татар.), *шигыр* (ног.), *чийрак* (кырг.). Такая же и история слов – *баг*-сад, *пализ*-огород, *тан* – тело и т.п., а также город, долг, рай, ад и т.д. Как пишет исследователь А.В. Дыбо, данное заимствование в современных тюркских языках произошло либо прямо из литературного караханидско-тюркского, находившегося в давней культурной связи с хотано-сакскими языками (ваханским, пуштунским и т.д.) восточноиранскими культурами Хотана, Ярканда, Турфана и др. (т.е. территория восточного Ирана), «либо из прогагаузского, находившегося в непосредственном контакте с *согдийской торговой империей*» (курсив наш – С.Д.).² Тема согдийской торговой империи – это отдельная тема, которая еще ждет своих исследователей.

---

¹ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. - СПб.: Евразия, 1998. - С.21

² Дыбо А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. – С. 792-793. Согдийцы в древние времена контролировали все основные ветви Шёлкового пути вплоть до Китая. См.: http://altaica.narod.ru/LIBRARY/xronal_tu.pdf; проверено 5/30/2018.

Согласно индийцам, Страна Ариев начинается от Гималаев до гор Виндхья, от восточного моря до западного. Эти племена являлись предшественниками народов древнего Ирана и Индии, а также современной Европы. На основании лингвистического анализа ученые пришли к выводу о том, что разделение индоарийцев от протоиранских племен произошло между 2000 и 1800 гг. до н.э. Наравне с лингвистическим анализом важно еще и проследить этнические и миграционные процессы на определенной территории (ландшафт гор, долин и рек) и определить этнокультурный фон племени и рода. В дальнейшем протоиранцы, согласно новейшим исследованиям, достигли Ассирии на западе и Пенджаба на востоке до 1500 г. до н.э. В Маргиану протоиранцы пришли не позднее 1700 г. до н.э. И куда бы не шли арийцы, они оставили свое название на карте местности своего проживания. В этом причина такого противоречия в определении прародины арийских народов и племен. В современных словарях и энциклопедиях Арианой называется страна, которой у древних греков считалась восточная часть Иранского плато (*Хират, Харри*, совр. Герат).¹ То есть это отражает фиксацию древней истории, сохранившейся до сих пор. Это случилось также с Албурзом. Данное название горной системы, первоначально фиксированное по отношению к Памиро-Гиндукушу (возможно и к Гималаям), по мере продвижения арийских народов на Запад сопровождало и во время пребывания их на территории современного Ирана.

В существующей литературе, например, как пишет К.Е.Эдуджи на сайте «Местонахождение родины Ариев», составители «Авесты» называют «ариев» и дают названия нескольких арийских племен, в том числе и страну «Арианам Вайджа» («Яшт», 13.143 и 144; Видевдат, 1,1-16; «Ясна», 10.13-14). Как пишут авторы данного материала, в этой книге приводятся также названия племен и народностей, с конкретными местами их обитания. Например, в «Мехр-яште» упоминаются Арьяшяна – обиталище ариев, где находится 6 стран: Ишката и Поурута (области в горах Гиндукуша), Моуру и Харойва (Мерв и Герат), Гава-Сугда и Хваризм (Согдиана и Хорезм) («Михр-яшт», 10. 12-14).² В «Видевдате» имеется список 16 «наилучших стран» Арианам-Вайджа, куда включаются не только совре-

---

¹ Большой энциклопедический словарь. - М., 1980. - С.74.

² Наследие зороастризма. Автор: К.Е.Эдуджи[ZoroastrianHeritage.Author:K.E.Edujee: См.: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

менные центральноазиатские и иранские области и страны, но также области западной Индии. Эти страны приводятся в следующем порядке:

Авестийское	Древнеперсидское	Греческое	Современное
Sughdha (2)	Suguda	Σουδιανη	Soghd (Samarkand)
Mouru (3)	Margu	Μαργιανη	Marv
Bakhdhi (4)	Bâkhtri	Βακτρα	Balkh
Naroyu (6)	Naraiva	ἌΡεια	Harê(rud)
Vehrkana (9)	Varkana	ἘΥρκανια	Gurgân, Jorgân
Narahvaiti (10)	Narauvati	ἌΡαχωσια	Av-rokhaj, Arghand-(âb)
Haetumant (11)		Ἐτυμανδος	Helmend
Ragha (12)	Raga	Ῥαγαί	Raî
Naptahindu (15)	Hindava	Ἰνδοί	Hind (Punjab) ¹

Такой список приводится в «Видевдате» в переводе Дж. Дарместетера с анализом М. Бойс и А. Кристенсена. В данном списке приведены многие страны, кроме центра Иран-Веджа. Все страны, отмеченные в указанном списке, с 2-по 7 Хр. Бартоломэ, локализует в Восточном Иране и только Рей (Рага) и Инд (Натахинду или Хиндава) остаются исключением из правил, так как Рей оказывается на западе Ирана, а Инд на юге. Первый переводчик Авесты по непонятому соображению переносит главную страну Ирана (Арианы), т.е. «Арианам-Вайджу» и главную реку Вахвидатию на запад, называя её Арас (Арак), т.е. происходит странная интерпретация текста, когда Иран-Ведж ошибочно переносится на Арран (совр. Карабах), немного далеко от прародины и их главных рек. В таком случае, где следует географически расположить арийскую провинцию Индии, названную в тексте как периферия центра, как и другие арийские страны?! Как отмечают Дж. Дарместетер и Дж. Перетсон, это и есть современная индийская провинция Пенджаб, находящаяся к югу от Балха. Автор относит Vehrkana-Varkanak, к совр. Гурган (Джурджан). Понятно, что горная ситема Табаристана и Гургана соединяет горную систему Албурз с Иранским Кавказом. Но это может быть и Фергана.

¹ Данная таблица заимствована из: AVESTA: VENDIDAD (English): Fargard 1. See: <http://www.avesta.org/vendidad/vd1sbe.htm>

В указанных документах, как пишут авторы, также отмечается Хваризм (Хорезм) как страна, близкая к Согду. Об историко-культурной близости Хорезма к Согду пишет Абдурехан. Бируни. В «Авесте» дается 5 арийских народов и 4 ираноязычных неарийцев (туранцев), т.е. *туры* (*tuiria*), *сауримов* (*sairima*), *саэна* (*saini*), *дахов* (*dagha*) (т.е. Иран и Туран). Страбон, автор знаменитой книги «География» пишет, что «название Ариана относится к Персии, Мидии, Бактрии и Согду на севере, т.к. они все говорят на одном и том же языке, с небольшими различиями».¹ В «Мехр-яште» (10.13-14) ведется речь об арийской земле, где было много гор, долин и пастбищ, которые поддерживают скот, что эта земля была богата водами, озерами, а горы имели альпийские луга и плодородные долины. Таким образом, главными странами арийского пространства, кроме центра страны – «Арианам-Вайджа», были: 1) *Согдиана*, долина на берегу реки Сырдарья, 2) *Маргиана* (древний Мерв, теперь Мары), оазис в дельте реки Маргаб (Мургаб), берущей свое начало в горах Афганистана, 3) *Бактрия* – страна, расположенная по обе стороны р. Амударья и в долине р. Балх 4) *Ариана (Герат)*, долина р. Харируд.²

Известно, что народы Маргианы и Согдианы создали развитую оседлую восточноиранскую культуру в Центральной Азии. Будучи создателями оседлой культуры, ремесел и искусства, согдийцы были и создателями мобильной торговой империи, простиравшейся от Кавказа до Китая. Но особенность Маргианы и Согда заключается в том, что они были построены по полисному типу «*города-государства*». Бактрия в этом отношении от них отличалась. Город Балх стал первой столицей индоевропейцев – арийцев. Балх и Бохтар – место рождения новой государственности, нового зороастрийского пророчества, и вознесения Заратуштры, а также место сложения основных частей «Авесты». Анализируя тибетские карты Б.И. Кузнецов полагает, что прародиной религии Шенраба является древний Иран, а его источником – дозороастрийский маздаизм.³ Он считает, что и зороастрийская религия была близка тибетской, добуддийской религии Тонп Шенраб, оба они (т.е. Зороастр и Шенраб) посвятили себя борьбе с силами зла, выступили против насилия и верили в победу сил

---

¹ Страбон. География. 15.8.

² Наследие зороастризма. Автор: К.Е.ЭдуджиСм.: ZoroastrianHeritage.Author: К.Е.Edujee: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

³ Кузнецов Б.И. Бон и маздаизм. - СПб.: Евразия, 2001. – 224; Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. - СПб.: Евразия, 1998. ISBN 5-8071-0002-6. - С.5; 39.

добра. В обеих религиях утверждается почитание основных стихий природы: воды, огня, ветра и земли. Местом похорон Шенраби была выбрана Согдиана (*Sang-ge-rgyab-bsnol*), самая прекрасная и светлая страна мира.¹ Примечательно, что в документах *религии бон* зафиксирована терминология, присущая политеистическому взгляду арийцев, где обожествляются географические места их обитания (горы и реки). Например, по интерпретации М. Хотам, таджикского ученого-писателя, они также обожествляют гору Меру (известный сегодня пик им. Исмаила Сомони), описывают легендарную страну Шамбалу, Джамбудвипа (страны в поймах рек Вахша и Пянджа), река Сита (Пяндж), Сирдан (река Сирдарья), река Ганг, один из притоков Пянджа, имеющих общие истоки, берущие начало в горах), которые отмечены также в арийской ведической литературе также, как в источниках религии бон.² Тибетцы считают, что Шенраб прибыл к ним из Ирана (Олмо-Элам). В основном, когда они говорят «Иран», то имеют в виду Восточный Иран (т.е. Центральную Азию), так как иранская культура всегда влияла на Индию посредством Центральной Азии. Согласно тибетской традиции, главные священные тексты книг *бонской* (добуддийской) традиции Тибета были переведены на тибетский язык с иранского языка. Б.И.Кузнецов многими фактами доказывает, что «в тибетских источниках можно найти немало имен иранских учителей, которые приезжали в Тибет для пропаганды своих идей и взглядов».³ По тибетским источникам другое название Ирана было Иран-Шанбала, т.е. держатели мира (добра). Шанбала происходит от тибетского (возможно индийское слово «шамб-ха») – мир, благо, свет, счастье, а «ла» – держать.⁴ Хварна – свет, добро, благодать, святость, высшая божественная награда, главная сила и центральное понятие арийской мифологии и мировоззрения, олицетворенная в божестве Ахуре, противостоящая силе темноты, дружд (ложь), и зла Анхра-Манья. Частица «ха», «хва», «хварна» т.е. свет (хур), добро содержится также в названиях многих современных топонимов, например, в названии *Ходжента* (*ху-канти*-доброе место, город), *Шуджанд* (село в Рушане, на востоке Таджикистана), *Хуканд* (совр. Коканд), возможно даже *Хваразм* (Харезм) добрая или светлая земля),

---

¹ Кузнецов Б.И. Там же. - С.47.

² Хотам М. Памир-исчезнувшая история.-Душанбе,2016.- С.95 (на таджикском языке).

³ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон.- СПб.: Евразия, 1998. - С.5.

⁴ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон. - СПб.: Евразия, 1998.- С.22

Каишгар (хваш-благое, гар-гора), *Хараг* (Хвараг, из хва+раг) и др. Как мы видим, такой же смысл вложен в название главной реки Арианы.

Также уместно поговорить и об образовании элементов государственности арийцев как предшественника первой формой государственности таджиков. Лидер Нации, Президент Таджикистана Э. Рахмон в книге «*Взгляд на историю арийской цивилизации*» остро и справедливо критикует таджикских ученых в медлительности в изучении самого древнейшего пласта таджикской (древнеиранской) культуры, т.к. до сих пор не создана фундаментальная работа по истории и культуре Пешдадидов и Киянидов, фактически являющихся колыбелью таджикской государственности.¹ Исследуя сведения древних источников и исследовательской литературы он приходит к выводу, что истоки арийской культуры следует искать на территории Таджикистана и в современном Афганистане, т.к. здесь все факты налицо. Именно здесь, на стыке гор и рек, на перекрестке столкновений кочевой, скотоводческой культуры древних восточноиранских племен (в отличие от легендарной истории Пешдадидов) возникает уже реальная, устная и письменная история ираноязычных народов и их государство, с названием Кеянидов (Авеста). Первым царем Кеянидов был Кей-Кубад (авест. *Кави Кавата*-шах шахов), его имя дважды упоминается в «Авесте» (Замёд-яште и Фравардин-яште).² Согласно «Бундахишна» Кават был младенцем, когда его оставили в корзине в реке (напоминает повесть Ибн Сины об *Хай ибни Якзане*)-о путешествии Разума). Согласно «Динкарду» он был внуком царя Манучехра. В «Шахнаме» история Кей-Кубада дается следующим образом: После смерти Гаршоспа Ираншахр остается без царя. Используя этот момент, Афрасийаб вторгается в Иран. Заль и Рустам вступают в бой, но нужен был потомок царского рода (вопрос о легитимности власти). Рустам на горе Албурз встречает юношу, который называет себя Кей-Кубадом и потомком Фаридуна. Рустам берет его в свой отряд и показывает его иранским войскам, которые воодушевленные его появлением, побеждают туранского царя. У царя Кей-Кубада родились четыре сына: Кей-Кавус, Кей-Араш, Кей-Пашин, Кей-Армин. После него власть переходит к Кей-Хусраву. К сожалению, кроме отдельных надписей и табличек, чисто исторических документов по истории Бактрии до нас не дошли. Но из сообщений дру-

---

¹ Рахмон Э. Нигоҳе ба таърих ва тамаддуни ориёӣ. - Душанбе. 2006. - С.66.

² Замйад-яшт (Яшт XIX 71; Авеста в русских переводах. - СПб, 1997. С.396

гих авторов нам становится известно, что в этой стране бурно развивалась экономика, торговля, ремесленничество и т.д. Греческие историки, как Ктесий и Диодор описывают Бактрию как страну богатую золотом и серебром. В социальном отношении бактрийское общество разделялось на *варны*: земледельцы, жрецы, воины и ремесленники. Такое же сословное деление было образовано в древнеиндийском обществе.¹ Государственное управление осуществлялось царским советом при дворе, состоящем из знатных людей, ученых и выдающихся воинов. Мусульманские историки ас-Самъани и Абу-л-Фида сообщают об остатках великолепных древних дворцов царей Вахша. В 1877 г. на берегу Амударьи по дороге от Самарканда в Кундуз был найден знаменитый Амударьинский клад, состоящий из 177 золотых и серебрянных изделий и 1300 монет IV по II вв. до н.э. с изображением греко-бактрийских царей и всадников, очень похожих на причерноморских скифов и евразийских саков, с арийскими профилями.² Источники сообщают, что бактрийцы были искусными воинами-всадниками, выращивали собственную породу лошадей, мастерски владели верховой ездой, использовали военную колесницу. Как пишут историки «...Александр Македонский, совершив переход через горы Паропамисада в Бактрии, произвел здесь набор лошадей для своей армии». В составе упомянутого «амударьинского» клада (V в. до н. э.), имеются предметы с изображением хутталянской лошади, что свидетельствует о бурном развитии коневодства в Хатлоне провинции Бактрии. Эти лошади были, известны уже во II в. до н.э. как «небесные кони» – драконы богов, иногда они присылались в качестве дара китайскому императору.³ Многие исторические источники свидетельствуют, что Китай впервые увидел и получил культуру коневодства. Лошади использовались как средство передвижения и доставка грузов, а также как средство ведения войны именно в Согде и Бактрии. Здесь же данная культура была высоко развита: не случайно многие имена царей в древние времена оканчивается описанием их коней: Джамасп, Сийяваш, Арджосп, Афрасийаб и др. Традиция коне-

---

¹ Варна (от санск. варн, – качество, цвет, категория (брахманы-жрецы, ученые; кшатрии-воины, правители; вайшьи-земледельцы, ремесленники, торговцы и шудры – слуги, наёмные рабочие).

² Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда, о высшей расе. См.: <https://rutlib6.com/book/2100/p/20>.

³ Камалидинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX-начала XIII вв. http://www.kroraina.com/casia/kamalid/kamal2_9.html Там же.

водства и создания колесниц была продолжена хеттами и хурритами на Ближнем Востоке. Все это и многое другое было наследием бактрийской цивилизации. Государство Кеянидов в Балхе получает продолжение в кушанский период объединения четырех областей Балха, со столицей в Бакхаре.¹ О сильном, непобежденном духе бактрийцев можно узнать по тому факту, как долго сопротивлялись хуталлянцы арабам, как арабы каждый раз возвращались из Хуталляна побежденными. Таким образом, в упомянутой ранее легенде нам важно отметить два факта, первый, что будущего царя оставили в корзине в *реке* и второе – что Кей-Кубад был найден на *горе Албурз*. Действительно, бактрийская цивилизация мало изучена. К.Е.Эдуджи, автор материала «Прародина арийцев»,² а также многие другие авторы-исследователи зороастризма и Авесты, приходят к выводу о том, что горы, реки и водоемы Памира и Гиндукуша сыграли огромную роль в формировании арийской цивилизации на этом новом историческом этапе. Геостратегическая и цивилизационные значения Бактрии зависели от того, как плодотворно они пользовались плодами гор, рек и озёр, орошая новые земли, создавая новую интенсивную сельскохозяйственную и духовную культуру. Иначе говоря, география и гидрогеография имели и имеют большое культуротворческое значение, это знание полезно и для культурно-исторической реконструкции истории нашей культуры.

Древние народы искали первопричину и первоисточники мира и часто находили это в окружающей природе – в небе, в звездах и стали обожествлять их. Ф.Энгельс пишет, что если древние греки сводили все источники, колодцы, потоки, озера и моря к океану, к мировому потоку или мировому морю, то «древние персы считали, что все земные горы произошли от горы Альборди. Не то же ли самое выведение всех существ из одного совершенного существа? Такое выведение определяется тем же ходом мысли. Альборди – такая же гора, как и все возникшие из нее горы, так же точно и божественное существо как первоисточник существ производных – такое же существо, как и последние, не отличающееся от них по роду; гора Альборди выделяется среди других гор тем, что она обладает свойствами последних в высочайшей степени, иными словами, в степени, доведенной фантазией до высшей точки, до неба, выше солнца, лу-

---

¹ Там же. - С.187

²К.Е.Эдуджи См.: Arian homeland location, <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

ны и звезд; подобным же образом и божественное первосущество отличается от всех других существ тем, что оно обладает всеми их свойствами в наивысшей, безграничной, бесконечной степени».¹ Люди обожествляли природу потому, что от неё зависела их жизнь, а также обслуживающая эту жизнь – культура. Известный исследователь этнической культуры таджикского народа М.С.Андреев, автор книги «*Таджики долины Хуф*» писал, что «Высокогорные долины верховьев Аму-дарьи являются ключами к пониманию древнего быта оседлых народов Средней Азии».² А как мы знаем, первые оседлые народы в Центральной Азии входили в конгломерат арийских народов. Понятно, что оседлая цивилизация для эффективной жизнедеятельности зависела от природных условий, от избытка орошаемой земли, рек, гор и долин. Данная особенность арийской культуры наблюдается в ментальности таджиков до сих пор: в отличие от других этносов они и сегодня предпочитают для жизни места с избытком воды и возможностью орошения долин. Особое значение для истории данного периода арийской цивилизации и для нас имеют пространственные характеристики: горные *Хребты Хара* и гора *Меру*, которые по представлениям древних иранцев и индийцев простираются по всей земле с запада на восток. По представлениям древних таджиков (и вообще иранцев в Авесте) первым в процессе сотворения мира была создана гора *Хара Березаити*. Гора. Хара Березаити передается также в форме Хукарья. В индийской космогонии это совпадает с горой Меру или Сумеру (Прекрасная Меру, видоизмененная форма Митры, олицетворение божества Солнца индоиранцев, и доброжелательный к людям Бог, согласно индийской мифологии), гора, корни которой простираются вглубь земли.³ На этой горе совершались жертвы богам, самым мифическим и легендарным героям и царям (Джамшед, Джамасп и др.) Вот что написано в книге «Авеста» о жертвоприношении этой горе царём Джамшедом:

...И приносил ей в жертву
Великолепный Иима,

---

¹ Л. Фейербах. Сущность религии. См.: http://lib.ru/HRISTIAN/ATH/substanc.txt_with-big-pictures.html

² Архив М.С.Андреева. Этнографический архив Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Академии наук Республики Таджикистан (далее ИИАЭ АН РТ), Фонд М.С. Андреева. Опись №1, ед.хр. №№11-10. – С.88.

³ Г.М.Бонград-Левин, Э.А.Грантовский. От Скифии до Индии. - М.: Мысль, 1983.См.:http://www.old-earth.narod.ru/lib/Ot_Skifii_do_Indii.htm (время обращения: 4.25.2018).

Владелец добрых стад,
На высоте Хукарьи
Сто жеребцов, и тысячу
Коров, и мириад овец.¹

Здесь находится море, откуда берут истоки все реки (и основная из них-*Ардве Сура Анахита*), здесь находится мост (Чанвот), по которому проходят люди в рай. Все остальные горы выросли из горы *Хары Березаити*. Это гора ближе к Солнцу и дальше от людей, там живет легендарная птица *Саенамрига* («Симург» в «Шахнаме»). Это чистое и недоступное место для людей и именно туда отнесла птица Симург младенца Заля, там она его взрастила, потом вернула на землю. Большинство исследователей отождествляют гору *Хара-Березаити* с горной системой Памира, а название Памир – со значением «По-и Мехр» (подножие горы Митры или пика Митры) теперь уже пиком Исмаила Сомони. О священных реках и горе Сумеру пишут как индийские, так и китайские источники. В китайских источниках Памир называется «*По ми ло*» (Малый Бо-мир и Большой Бо-мир), по арабоязычным источникам – Бо-мир. Из гор Большого Памира вытекает река Памир, а из гор Малого – Вахандарья, которые сливаясь, образуют единую реку Пандж, т.е. верховье реки Вахш (в греческой интерпретации – Окс или Амударьи). По другой интерпретации «*Пам-ир*» и соседствующая ему страна «*Каиш-мир*» содержат в себе информацию об обитающих там народах «*Ир*», т.е. арийских народах. Такой же смысл прослеживается в самоназваниях современных осетин – иронцев и дигорцев, а также в их общем самоназвании «алан». По мнению лингвистов, оно восходит к древнеиранскому Ariana-арий.²

В «Бундахишн»-е («Сотворение основы мира»), в главе 12 «О сотворение гор», об Албурзе и возникших из этой великой горы гор написано: «...Он говорит в Авесте, что сначала выросли горы за восемнадцать лет, а (гора) *Албурз* росла на протяжении восьмисот лет: двести лет (она росла) до стоянки звезд, двести – до стоянки луны, двести – до стоянки солнца, двести – до (стоянки) бесконечного света, тогда как *другие горы, числом две тысячи двести сорок четыре, выросли из (горы) Албурз*. (Среди них)

---

¹Авесто. Гимн Ардвиг-Суре. (Яш т 5, «Ардвисур – яшт»). 25. (на русс.яз. в Интернете). <https://rutlib5.com/book/3331/p/2>; время обращения: – 01.06.2018

² Абаев В.И. Историко-этнографический словарь осетинского языка. - Т.1. Изд. АН СССР. - М. – Л., 1958. - С.56.

имеется высокая гора Хугар, Тирак, Албурз, Чикат-Даити, гряда Арезур, гора Хусандам, гора Апарсин, которую называют горой Парса, Заридаз, которая является горой Мануш, гора Агарз, гора Каф, гора Вадгис, гора Хошдастар, гора Арезурбум, гора Роишноманд, гора Падишхваргар, что самая большая в Хварис, гора, которую называют Чин, гора Реванд, гора Дарспед, гора Бакир, гора Васшекафт, гора Сиякоманд, гора Вафр(оманд), гора Спендияд и Кондрасп, гора Аснаванд, <Кондрасп> гора Диздах, гора среди тех, что в Кангдизе, о которых говорят, что они суть спокойствие и радость доброго творца, и (другие) малые горы. Я назову их второй раз: гора Албурз окружает эту землю и связана с небом. Что касается Тирака (горы) Албурз – это та (гора), через которую проходят звезды, луна и солнце, и через нее они возвращаются. Высокая (гора) Хугар – та, с которой, с высоты, (равной росту) тысячи человек, устремляются вниз воды Ардвисура. Гора Хусандом – та, что из блестящего металла – небесного вещества, – в середине моря Фрахвард, в которое вливается вода с (горы) Хугар. (Гора) Чикат-Даити – это та, что в центре мира, высотой, (равной росту) ста человек, на которой стоит мост Чинвар, и на том месте предьявляют счет душам. <Гора Албурз>. Вершина гряды Арезур (находится) у ворот ада, где всегда пристраиваются дэвы. И еще он говорит: «Не считая Албурз, Апарсин – гора наибольшая». Гору Апарсин называют горой Парса, и начало ее в Систане, а конец – в Хузистане. Гора Мануш – гора, на которой родился Манушчихр. Другие горы в большинстве выросли из этих (гор)».¹

Важной мыслью, зафиксированной в этом тексте, является для нас то, что Гора Албурз окружает землю и связана с небом (т.е. через неё происходит круговорот воды в мире) и, находясь в центре, от этой горы устремляется вниз (во все стороны мира) воды Ардвисура (т.е. воды гор Памира и Гиндукуша).

Поэтому здесь стоит отметить роль главных рек данного региона (в данном случае-*Ванхуры Дайтия* или *Вех (или Вехруд)*,² упомянутая в «Бундаихшне», Ардвисура, т.е. река Аму-Дарья (со своими основными

---

¹Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн). Подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1997. (Памятники письменности Востока.СХIV) (Интернет). <http://avesta.tripod.com/pehlev/Bundahishn04.htm>

²Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1997. <http://avesta.tripod.com/pehlev/Bundahishn04.htm>

притоками Пяндж (Памир и Вахан-дарьи) и Вахш (Сурхоб и Яхсу), а также связанные с ними притоки реки Сырдарьи в формировании нового государственного образования и культуры древних ариев, предков современных таджиков. Стоит иметь в виду, что Вахш в древние времена был названием не притока, а всей реки Амударьи и название «Окс» есть ни что иное, как греческий передачей (Oxus) названия «Вахи». Названия «Вахш» или «Амударья», «Окс» в китайских источниках упоминаются как *у-шу*, что вполне созвучно *Вахиу*. Видоизменённое название реки используется по сей день относительно рукава данной реки в форме *Аракс* в Афганском Шугнани, а название упомянутой мифической реки арийцев Ранха – в Ро-шорве (местность в Бартанге). Как название реки и области Вахш или Вахту упоминается также в священной книге зороастрийцев «Авесте»¹ и в древних санскритских текстах.² Бог Ахура-Мазда поручает Заратуштре отдать дань уважения «чистым водам» Ардве Суре, полноводной, целебной, кормящей стада и имения, дающей странам богатство и процветанье.³ Эта река, равная всем водам, текущим на земле «...от высоты *Хукарья*, до моря *Ворукаша*», одна протока которой «течет на семь каршваров» (стран). В честь данного снежно-водного бассейна на реке Сыр-дарьи, в начале долины Ферганы был воздвигнут согдийский город

---

¹ Авеста. ГИМН АХУРА-МАЗДЕ, (Яшт1, «Ормазд-яшт»)

Хвала да будет Хварно
Могучему, кавийскому!
Хвала Арианам-Вайжда
И благу, Маздой данному!
И водам Датъи слава
И чистым водам Ардви!
Хвала благому миру!

² Ш.С. Камалиддинов Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. http://www.kroraina.com/casia/kamalid/kamal2_9.html

³ Авеста. Гимн Ардве Суре. (Яшт т 5, «Ардвисур-яшт»)

Ахура-Мазда молвил
Спитама-Заратуштре:
«Молись ей, о Спитама,
Ей, Ардви полноводной,
Широкой и целебной;
... Молись кормящей стадо,
Ей, множащей богатства
И ширящей именья,
Ей, праведной, дающей
Всем странам процветанье,
Молись, о Заратуштра!

Уш (современный г. Ош). Возле слияния реки Вахш и Амударьи на городище Тахти-Сангин существовал Храм Огня, основанный в V в. до н.э. и функционировавший до III в.н.э.. Он был посвящен культуре Божества реки Окс или Вахш (символ плодородия), т.е. Амударьи.¹ Здесь же и был найден Амударьинский клад, который находится в Британском музее. Через эту полноводную реку силой воли переправлялся Мухаммад Абубакр Закария ар-Рази (865-925), врач, ученый-энциклопедист, будучи приглашенным в Бухару для лечения эмира.

Обратимся еще раз к источникам. В «Авесте» сообщается, что среди первых слушателей послания Заратуштры был царь «*кавийский*»-Виштасп («Яшт»13.99), который принял его новую религию. В «Авесте» дается информация о том, что Зороастр собрал вокруг себя маздаяснийцев и их царей, были даже те, которые просили богатства, и те, кто просил быстрых коней (власть) и Виштаспа был одним из тех людей, который, благодаря новой религии, достиг больших успехов.

«Вокруг маздаяснийцы
Собрались на моленье
С барсманами в руках,
Ей поклонялись Хвовы
И чтили Нотариды,
Одни прося богатства,
Те – быстроты коней.
И стали вскоре Хвовы
Сильны своим богатством,
А Нотарид Виштаспа
Стал быстрыми конями
Прославлен среди людей.»²

После плодотворной проповеди и приобретения всеобщего признания, а также пророческой славы, по истечении времени здесь же в Балхе Заратуштра был убит от рук туранца, так как туранцы (многие восточные иранцы за рекой, т.е. скифы, саки и массагеты) еще не перешли в зороастризм. В текстах написано, что река Амударья (Окс) образовала северовосточную границу между древними Бахди (Балх) и Согдом (Тураном). Балх стал столицей каянидских царей (Эйраном), государством-

---

¹ Камалиддинов Ш.С. Там же.

²«Авеста». Гимн Ардве Суре. (Яшт т 5, «Ардвисур – яшт»), 98.

преемником Арианам-Вайджа (легендарных царей Айран-ваджа, от Гавмардта до Джемшедова царства). Поэтому Зороастр, скорее всего, был из восточно-иранских кочевых племен (скифов, саков или же, по меньшей мере, согдийцев). И по всей вероятности, Заратуштра родился в отмеченных ранее районах (Балх, Согд, Маргиана, Герат или Хират), он родился в верховьях великих рек и гор (где его «новое» маздеянскийское пророчество не было принято) и, скорее всего, он отправился в эти арийские районы, так как они находились в пределах доступности от его Арианам-Вайджа. Б.И.Кузнецов приводит расшифровки свидетельства тибетских карт, где отмечаются места обитания иранских племен саков, бактрийцев и между ними согдийцев (по тибетским источникам Иран-Олмо). *«Между Страной саков и Бактрией (Абадара) находится область Сэнге-Гьяб-Нол(Seng-ge-rgyab-bsnol){39}. Исходя из того, что между саками и Бактрией находилась Согдиана (др.иран. Сугуда), я и отождествляю ее со страной Сэнге-Гьяб-Нол».*¹ Это подтверждается также К.Е. Эдуджи, автором материала «Прародина арийцев». Здесь, в «Малом Бундахишне», мы находим подтверждение нашим выводам о культурно-историческом значении гор, рек и водоемов Памира и Гиндукуша для арийской цивилизации. В «Малом Бундахишне» (24.14-16; 20.32) написано, что «Зартошт родился на берегу реки Дарья в Эранвейдже (*Иран Вей* на пехлеви), на этом берегу(*Daraja-river*) находился дом его отца. Вахви-Даити – это река, где раньше царь Джемшид приобщался к Ахуре Мазде, Богу» (Абан Яшт, 5.17). Говорится, что авестийское слово «*vanghuhi*» означает «благая», а Дайтя – это закон, т.е. Заратуштра получил закон от Ахура Мазды, Бога на берегу данной реки (*Daitya River*).*Vanguhi Daitya* в книге Авесты часто ассоциируется в среднеперсидских-пехлеви текстах как *Veh* (в совр. тадж. - «бех», в смысле добро, закон).² В «Бундахишне» часто отождествляют эту реку с рекой Амударья, но иногда и с рекой Инд. Несмотря на это, в Бундахишне Вех-река больше ассоциируется с Аму-дарьей, т.к. другие реки имеют там также другие имена. В «Малом Бундахишне» (20.22) говорится, что *«река Балх выходит из Паропамиса, который называется Алборз на некоторых современных картах»*, в восточной ча-

---

¹ Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет. История религии Бон.- СПб.: Евразия, 1998. - С.21

² Edujee К.Е.: Arianhomelandlocation, see: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

сти гор Гиндукуша, в Бамикане (скорее всего Бамияне) и течет в реку Вех. Автор приводит факт, что там же в Малом Бундахишне (20.22) отмечается, что «...река Теремет (Термез) течет в реку Вех».¹

Здесь не остается сомнения в том, что речь идет об Амударье, так как никакого города или реки с названием «Термез» не может находиться в Арране (совр. Азербайджане). Однако термины Паропамис и гора Албурз, упомянутые здесь, сегодня ассоциируются иногда также с г. Эльбрусом в Иране и на Кавказе. Но, как пишут авторы сайта «Местонахождение Родины Ариев», «в XIX в., в северном диапазоне в системе Гиндукуша, к югу от Балха, была записана гора Эльбурз на картах британской армии». Авестийское название Альборз происходит от Хара Березаити или Хара-Берез, т.е. гор Хара. Все легендарные реки Эйрианы имеют свой источник в Хара-Барезе («Яшт» 10.14), также Бундахишн приписывает источник главных рек Вех в Альборзе.² А Паропамис является латинизированным греческим словом «Паропамисада», используемой для идентификации народов земли, которые жили на Гиндукуше. Это слово образовано от старо-персидского «*Пара-упари-сена*» (т.е. за пределами Возвышенной Земли – «*Beyond the Raised Land*»), или Пурушапуру, соответствующее современному Пешавару (север совр. Пакистана), столица кушанского царя – Канишки. Эта страна включена в 9-ю карту Азии.³ Наконец, разве сравнимы горы Кавказа с горной системой Памиро-Гиндукуша (с Гималаями), возникшей в Азии в результате столкновения континентов и о космической святости и величине которой повествуется в Авесте и где их называют центром мира, также как в индийских источниках? С другой стороны, если обратить внимание на физическую карту мира, высокогорье Памира, а также Гиндукуш и Гималаи органически связаны с иранскими горами Алборз (и кавказским Эльбрусом), имевшими в прошлом аналогичное происхождение и названными так в ходе миграции индоарийских племен с востока Азии на запад.

Таким образом, река **Амударья**, берущая своё начало на Памире (из вод Хара Березаити, Хара-Барез или Алборза), где её называют Пяндж, продолжается до Аральского моря. Эта река, стекающая с гор высотой «вершины в тысячи мужей» имеет много (тысяч) протоков:

---

¹ Edujee K.E.: Arianhomelandlocation, see: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

² Эдуджи К.Е. Arian homeland location, see: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

³ Short, Charles; et al. (1879); Страбон. Вк.XV, p.689

«...Благая Ардвиг-Сура
С вершины высотой
В рост тысячи мужей.
Она стремится мощно
И столько счастья носит,
Сколько все эти воды,
Что по земле текут.
...Протоков Ардвиг-тысяча
И тысяча озер,
Любое из которых
За сорок дней объехать».¹

По мнению К.Е.Эдуджи в «Прародине Ариев», она образовала границу между древним Балхом (Бахди) и другими городами арийских народов и была границей между **Ираном и Тураном**. Исследователи, наравне с этим отмечают, что в Авесте часто сознательно или неосознанно река Вех (Амударья) отождествляется с Индом. По мнению исследователей, проблема идентификации Окса с Индом можно решить таким образом, что в «Великом Бундахишне» (в пункте 11.А.2 в пер.В.Т.Анклесария), написано, что «они называют этой рекой Митран (еще называют это Индус) («The river Veh passes on in the east, goes to the land of Sind and pours into the sea in India. There they call it the river Mitran (and also call it the river Indus)». Авторы указанного материала отмечают, что в «Малом Бундахишне» в переводе Э. Вест (20.7) написано, что «The Mehrva River they call the Hendva River...», т.е. «Река Махрва, которую они называют рекой Хендва».²

Как мы видим, здесь идет речь о реке Хендва, Мехрава, Мехра, Митран (слова, производные от значения Митра и Мехр), что означает, что эти реки текут с горы Альборза, что они имеют один источник. Именем Гора «Меру» обозначали в древности ту же высокую гору Хара Барезе. Историк Масъуди по этому поводу пишет, что «зороастрийцы (гебры) думали, что Джейхун (Окс) был связан с Индом, образуя одну реку, Вех». Связь горы Хара (Албурза) с циклическим характером природных стихий на земле и в космосе у арийских народов подтверждают также другие ученые (например, Бонград-Левин). По нашему мнению, это возможно в результате динамичного продвижения арийских племен с востока на За-

---

¹ Авеста. Гимн Ардвиг-Суре. (Яш т 5, «Ардвисур – яшт»), 101.

² Edujee K.E.: Arian homeland location. Там же.

пад и юг. Но ясно одно, что истоки рек-Амударья в Бактрии и Сырдарья в Согдиане расположены в Сафед-кух и Сиях-кух, то есть. находятся на плоскости горных систем Памиро-Гиндукуша (частично связанные с горами Алая, Тянь-Шаня и Гималаев), но в основном они, находясь в современном Таджикистане (частично в Кыргызстане), граничат с сегодняшней северной частью Афганистана. Историк Страбон назвал Хара Березайти горы *Таурус*, череду гор, которые тянувшихся от Византии до границ Китая.¹ В «Малом Бундахишне» Альбурз (Хара Березайти) «считается одной из мифических гор, окружающих Землю, из которых возникли другие горные хребты, где две большие реки на востоке и западе арийских земель имели свой источник (как источник дополнительных «великих 18 рек» («Задспрам», б.21). Одним словом, это еще одно подтверждение, того, что Высокий Хугар – это и есть высочайший пик (пик Сумеру, центр Земли, теперь пик Исмаили Сомони), из которого вода Ардвесура низвергается с высоты в тысячу человек. Как было указано ранее, в Авесте («Яшт»29-31) упоминается о том, что Кей-Гуштасп (Гуштасп) совершил молитву и жертвоприношение на берегу священной реки Дойтия (Пяндж, Хар-об, т.е. реки Хара²), прося себе победу над хиянитами (армия туранского царя Арджаспа).³

В существующих исследованиях по «Авесте» ни разу не говорится о том, что в этой книге упоминаются династии Мидян и Ахеменидов. Это служит еще одним свидетельством того, что «Авеста» была написана в восточном Иране (нынешней Центральной Азии) и, конкретно, в Балхе (территория совр. Афганистана и южного Таджикистана). Как было указано ранее, название «*восхитительного Бохтара*» (Бактрии) приводится в первом фаргарде Вендидата как четвертая страна, созданная Ахура-Маздой. Бохтар, столица государства Кеянидов и центр новой арийской цивилизации был орошен водами Ардвисуры, на этой основе здесь были созданы ирригационные сети и были освоены новые орошаемые земли. В «Бундахишне» об этом написано: *«Из-за тепла и свежести воды Ард-*

---

¹ Страбон. См.: Arian homeland location, see: <http://www.heritageinstitute.com/zoroastrianism/aryans/location.htm>

² Ардвисура Харахвати. Некоторые предполагают, что к названию этой реки и восходит название совр. города Хорог (Хараг) – админцентра ГБАО.

³ Э.Рахмон. Нигохе ба таърих ва тамаддуни ориёи. Душанбе. - 2006. - С.82. Значение Арджоспа в Авесте объясняется как Ареджат-аспа, т.е. всадник дорогого коня, противник Зороастризма, сторонник Друга (Лжы).

висура, очищающей больше, чем другие воды, ибо они постоянно вытекает из источника Ардвисур. На юге горы Албурз построено сто тысяч золотых каналов, и эта вода, теплая и свежая, поступает через канал на высокую (гору) Хугар. На вершине этой горы есть озеро и в это озеро (вода) впадает, очищается (в нем) и по другому золотому каналу течет и вытекает. На высоте, (равной росту) тысячи человек, от этого канала отходит открытый золотой рукав к горе Хусандом, что в середине моря Фрахвард. Оттуда часть (воды) для очищения моря (течет) в море, а часть разбрызгивается влагой по всей земле, и все создания Ормазда от нее получают исцеление, и она уничтожает (сухость) (воздуха)».¹

Данный текст описывает не только состояние рек и земель в прошлом, но показывает какое важное значение имеют эти реки для земледельческой и городской культуры Центральной Азии (т.е. земли и люди получают исцеление). Древний Бохтар занимал всю территорию современного Северного Афганистана, Южного и Восточного Таджикистана, Юго-Западного Узбекистана. Археолог Ю. Якубов выдвигает гипотезу, согласно которой столица нового кайянидского Иранведжа находилась в Кубадияне. Эту гипотезу можно принимать как вполне реалистическую, рабочую, так как предложенные факты и многочисленные свидетельства говорят о том, что именно здесь, в Бактрии, т.е. на юге и востоке Таджикистана и севере современного Афганистана возникает и получает политическую поддержку новая монотеистическая религия «зороастризм» с культом единого Бога Ахура-Мазды,² призывающая мир к гармонии человека с природой, религия, для которой природные стихии, например, вода и реки были священными. В Бундахишне, пехлевийских священных текстах Авесты говорится, что «...из семи кешваров больше всего всякого блага сотворено в Хванирасе (Восточный Иран), и Злой дух наделал больше всего (вреда) для Хванираса из-за опасности, которую он видел в нем, потому что Каяниды и герои были созданы в Хванирасе и добрая вера маздаяснийцев была создана в Хванирасе, а потом она была перенесена в другие кешвары».³ Хванирас и есть сердце Евразии, где мы находимся в настоящее время. Русский историк А. Буровский в своей работе пишет, что создание

---

¹ Дадестан-и меног-и храд. Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Изд. «Восточная литература» РАН, 1997 (версия в интернете).

² Э.Рахмон. Там же. - С.65

³ <http://avesta.tripod.com/pehlev/Bundahishn03.htm>

Единобожия за два-три века до Моисея принадлежит пророку Заратуштре.¹ В данном случае нас интересует не узко религиозный аспект вопроса, ибо речь здесь идет о планетарном, общечеловеческом единстве в современном глобальном мире. Все планетарное, космическое единство, по Зороастру, достигается бережным отношением к природным ресурсам, особенно к воде, что отражено в идее, ярко зафиксированной в «*Обон-Яште*».

Сегодня приходит осознание того, что страны и народы Центральной Азии не могут жить изолированно, они нуждаются в интеграции и сотрудничестве, так как будучи все искусными земледельцами, они продвигают новые большие агропромышленные, индустриальные, технологические проекты и должны помнить об исторических общностях. Когда-то вся Евразия исповедывала зороастризм и сегодня симбиоз персидско-тюркской культуры существует в регионе не только в таджикоязычных городах Центральной Азии (Самарканд и Бухара). В «*Авесте*», т.е. в «*Хурд Авесте*» (Малой Авесте) в пятой части «*Ардвисур-яшт*» приводится гимн воде. Заратуштра Спитама (сын Пурушаспа) обращается к Ардвиге Сура Анахите (Аму-дарье), которая дает людям здоровье, очищает наши зерна, дает женщинам возможность родить и кормить своих детей молоком и ненавидит Девов. Эта река, *которая течет с гор Хукайрия и орошает семь арийских кишваров, и её нужно восхвалять мудрыми мыслями, добрыми священными словами и делами*.² Авестийская культура призывает нас к бережному использованию водных ресурсов.

По этой причине считаем, что тема взаимосвязи арийской культуры с естественными географическими условиями региона является важной. Сведения, отраженные в древнейшем документе – «*Авесте*», ценны и что дальнейшее, более глубокое изучение гидронимики Памира и Гиндукуша даст ключ к локализации арийских стран и народов.

---

¹ Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда о высшей расе. <https://rutlib6.com/book/2100/p/20>

² Avesta: Khorda Avesta. 5. AbanYasht («Hymn to the Water»). Translated by James Darmesber. (From Sacred Books of the East, American Edition, 1898). Digital edition, 1995 by H.Peterson.

Глава III

ЭТНОГЕНЕЗ ТАДЖИКОВ В СОЧИНЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ АВТОРОВ

1. Таджики в средневековых письменных памятниках

Согласно историческим письменным источникам, предки таджиков – согдийцы, бактрийцы, тохары, хорезмийцы, саки и массагеты с древнейших времен жили на территории Мавераннахра и Хорасана.

В средневековых письменных источниках термин «таджик» приводится в разных вариантах как «гаджик», «тозик», «тожик», «тозак». В более древних арабоязычных письменных источниках использовался также термин «дехкан» и «озода», которые в целом означали персоязычные народы, в частности и «таджики».

Известный таджикский писатель и ученый С. Айни пишет, что причины искажения некоторых букв в написании слово «таджик» в средневековых письменных источниках состоит в том, что монголы и древние тюрки не могли произносить, букву «ч» (дж) и во время разговора вместо буквы «ч» использовали букву «з». Поэтому когда они начали общаться с таджиками, то при употреблении слово «гаджик», они говорили «газик» или «тозак». Средневековые авторы, которые описывали в своих трудах исторические события той эпохи, также со слов тюрко-монголов писали «газик» или «тозак». В сочинении одного и того же автора можно встретить варианты и «гаджика» и «тозика». Так, Мирхонд Мухаммад ибн Ховандшах (1433-1498 гг.) описывая в своем сочинении «Равзат ас-сафа фи сират ал-анбия ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты в жизнеописаниях пророков, царей и халифов») положение монголов и древних тюрков и их отношение с народами Мавераннахра и Хорасана, то использует термин «тозик». В другом месте этого же сочинения, Мирхонд, упоминая народы Мавераннахра и Хорасана, использует различные варианты произношения термина «точик» («таджик»). При описании положения Хорезмшахов использует термин «точик», а при описании захвата монголами Мавераннахра и Хорасана употребляет термин «тозик». Он же, излагая историю правления Тимуридов, опять использует термин «точик». Что касается, термина «тожик», то он встречается только в толковых словарях.¹

---

¹ Точик, точдор, точвар. Составитель Мирзо Шукурзода. Душанбе: Адиб, 1990. – С. 5-6.

В толковом словаре «Гияс ул-лугот» при толковании термина «таджик» отмечается, что таджик это араб, выросший в Аджаме¹ и большинство из них занимается торговлей, поэтому когда говорится о таджике, то иногда подразумевается купец.² В тюркских словарях приводится, что они персы.³

В толковом словаре «Бурхан- и кате'» о термине «таджик» говорится, что таджик это не араб и не тюрк, а человек из рода арабов, выросший в Аджаме.⁴

Анализируя высказывания авторов этих двух словарей относительно термина «таджик» С.Айни⁵ отмечал, что толкование этих авторов далеко от истины и логики. Причина названия этими авторами таджиков торговцами кроется в том, что таджики, имея богатейшую культуру ещё с древних времен, наряду с другими занятиями вели активную торговлю на протяжении всего Великого Шелкового Пути.

В те времена таджикские купцы бывали в Китае, Монголии и окраинах Сибири, совершали торговые операции с кочевниками, и когда те спросили их «Кто вы такие?», то они отвечали, что «мы, - таджикские купцы». Кочевники, не знавшие торговых дел и терминов, видели, что какие-то неизвестные люди занимаются торговлей. Из-за незнания значения этнонима «таджик» они думали, что значение этого этнонима связано с куплей и продажей товаров. Выражаясь иначе, кочевники приняли значение этнонима «таджик» не как определение этноса, а по их занятию, т.е., как купцы.

Имеются сведения, согласно которым таджиков называли арабами, что конечно же, не соответствовало историческим данным. Арабские завоеватели хотели распространить среди местного населения исламскую веру, обучить арабскому языку, чтобы те могли читать молитвы, Изучать Коран и хадисы и т.д. Автор X века Наршахи, повествует, что когда арабский военачальник Кутайба ибн Муслим был назначен правителем Хорасана, «он покорил его, перешёл через Джейхун (Амударья) и в 707 г

---

¹ Арабы стран находившиеся за пределами арабских стран называют Аджам. Здесь имеется в виду Иран.

² Мухаммад Гиясуддин Мустафаабади. Гияс ул-лугот. Индия, 1292 г. х. – С. 159.

³ Там же.

⁴ Бурхон ибн Халиф Табреси. Бурхони коте' Лакнау (Индия), 1887. – Т. 1. – С. 255.

⁵ Айни С. Собрание сочинений. Т.6. М., Художественная литература, 1975, с. 314; Мънни калимаи тоҷик (Намунаи адабиёти тоҷик), Техрон, 1385.

направился в Байкенд»,¹ жители которого были таджики. Арабы в течение 50 дней осаждали крепость города. Затем город был разрушен арабами.² Также этот автор пишет, что арабы для распространения ислама четыре раза входили в Бухару и получали серьезный отпор. По приказу Кутайбы ибн Муслима в 713 г. в Бухаре была построена соборная мечеть. По его приказу, жители города каждую пятницу должны были собираться там для совершения пятничной молитвы. За это каждому, кто приходил на молитву, награждали по два дирхама. Население Бухары не знало арабского языка и не могло читать суры из Корана на арабском языке. Поэтому суры Корана для них были переведены на таджикский язык и они читали молитвы на своем родном таджикском языке.³ Это всё свидетельствует о том, что таджики никогда не были связаны с арабами, а толкование авторов вышеназванных словарей, где связывают таджиков с арабами является неверным, и не соответствует историческим данным.

В письменных источниках слово «точик», как название одного из персоязычных народов, обычно используется в противовес терминам «тюрок», «араб» и «монгол».

Слова «таджик» и «газик» встречается в труде автора начало XI в. Ходжа Абу-л-Фазла Байхаки «История Мас'уда»,⁴ где излагается история правления Газневидского султана Мас'уда I. При описании событий 421 г.х. / 1030 г. автор отмечает, что когда султану Мас'уду сообщили, что из Хорезма против него выступило большое войско, то он позвал его (автора этого сочинения) к себе и сказал: «Ступай к ходже и передай ему: поскольку ты оказал враждебность, какая [только] возможна, воздержался от доброго совета, не предусмотрел такого положения, то, хотя и ясно, что одного моего отряда войска достаточно на этих мятежников, я клянусь душой и головой, взыщу с тебя за все, что со мной случилось в этом походе, когда возвращусь обратно. А ежели мое войско постигнет неудача, я с тебя шкуру сдеру». Он был очень разгневан, и на меня от страха напала дрожь. «Сыщите Абу-л-Хусайна 'Укайли⁵, – крикнул [государь], – пусть он будет мушрифом, потому что эти

---

¹ В древности назывался Шахристан или Шахристани руин, т. е. «медный город», вследствие прочности.

² Абубакр Мухаммад бинни Джа'фар Наршахи. Та'рихи Бухоро. Душанбе: Дониш, 1979. – С. 40.

³ Та'рихи Бухоро. – С. 43.

⁴ Ходжа Абулфазл Мухаммад ибн Хусайн Байхаки. Та'рихи Байхаки. – Тегеран, 1386. 2-е изд. – С. 7.; Абу-л-Фазл Байхаки. История Мас'уда (1030-1041). Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. – Москва, 1969. – С. 77.

⁵ Абу-л-Хусайна 'Укайли – войсковая судья.

таджики все заодно и смягчают устные сообщения, которые я им поручаю [сделать]. Им друг от друга честь надобна». Я не проронил ни слова, ибо возражать было бы не к месту.¹

В описании событий 424 г.х. / 1032-1033 г. пишет, что в честь восшествия на престол султана Мас'уда факих Бу Ханифа Искафи² сочинил касыду, где было написано следующее:

Для начала ты мощь покажи, потом избери себе кротость;

Когда кротость не от мощи исходит, человек не кроток.

Кто из тазиков и турок этой великой столицы

Тебя не любил бы сильнее серебра и злата?³

Автор излагая события 426 г.х. / 1034-1035 г. отмечает, что теперь, когда событие совершилось, нужно постараться, чтобы оно не тянулось долго». – «Что же делать?» – спросил эмир. Везир ответил: «Ежели позволит высочайшее мнение, то следует позвать хаджибов⁴ Бектугды и Бун-Насра, потому что сипахсалара здесь нет. Хаджиб Субаши, который самый дальновидный, пусть тоже явится вместе с людьми, коих сочтет нужными государь, из числа воинства и тазиков, дабы на сей счет поговорить и посоветоваться». – «Согласен», – промолвил эмир.⁵

О событиях 427 г.х. / 1035-1035 г. он пишет, что первое, что охладило сердца всех к сему государю, было то, что Бу Сахл Заузани и прочие втихомолку придумали и расписали в приятном для сердца государя виде мероприятие, что, дескать, деньги присягнувшим на верность и награжденные, которые брат твой, эмир Мухаммад, раздал, надобно отобрать обратно, ибо жалко и обидно оставлять за непрошенное дело туркам, тазикам и войскам разных разрядов свыше семидесяти-восьмидесяти раз тысяча тысяч диремов.⁶

В другом месте Байхаки пишет, что Кази Са'ид⁷ с сыновьями, внуками и учениками отправился на поклон султану Тогрулу, который сидел на престоле государя и сказал ему: «Да будет долгой жизнь господина! Это престол султана Мас'уда, на коем ты восседаешь; в божественном про-

---

¹ История Мас'уда. – С. 915-916.

² Бу Ханифа Искафи – факих и поэт XI века

³ История Мас'уда. – С. 479.

⁴ Хаджиб – придворный чин, лицо, ведавшее допуском к носителю власти, церемоний-мейстер.

⁵ Та'рихи Байхаки. – С. 695; История Мас'уда. – С. 578.

⁶ Та'рихи Байхаки. – С. 407; История Мас'уда. – С. 345.

⁷ Кази Са'ид – влиятельный шейх и правовед.

мысле подобное бывает, и нельзя знать, что еще станется. Будь благоразумен и бойся Бога, да славится имя Его, твори правосудие и прислушайся к словам угнетенных и несчастных, не допускай, чтобы войско чинило насилие, ибо несправедливость предрекает беду. Я этим приходом [своим] воздал тебе должное и больше не приду, ибо предаюсь изучению богословия и ничем другим не занимаюсь. Ежели ты обратишься к разуму, то наставление, кое я дал, достаточно». Тогрул ответил: «Я больше не хочу затруднять Кази приводом; все, что нужно, будет передаваться через устные сообщения. Я согласен поступать так, как ты сказал. Мы люди новые и чужие, с обычаями тазиков незнакомы, пусть Кази не откажет подавать нам советы, сообщая их устно!» – «Я буду так делать», – промолвил Кази и удалился, и именитые люди, пришедшие вместе с ним, [тоже] все удалились.¹

При изложении событий 430 г.х. / 1038-1039 г. этот автор отмечает: «Покончив с этими делами, эмир погнал слона, и вся рать тронулась с места. Весь мир будто зашевелился, и потемнело небо от крика людей и боя литавр, от рева труб и барабанов. Пройдя фарсанг², завидели очень сильную вражескую рать, хорошо вооруженную и готовую к бою. Она была приведена в боевой порядок по обычаю царей. На всех подступах начался жестокий бой. Я и подобные мне тазики, мы сами не понимали, где в мире находимся и что происходит».³

В другом месте (при освещении событий 431 г.х. / 1039-1040 г.) Байхаки отмечает: «Начали доставлять то, что было затребовано из Газны, прибывали добавочные войска. Бу-л-Хасан Абд ал-Джалил тайно совещался с эмиром, да будет им доволен Аллах, и сказал: «У нас, у тазиков, лошадей и верблюдов добавочных много. Эмир пришел с ратью и нуждается в пополнении, а мы всё сделали по милости и благодаря могуществу его».⁴

При описании событий 431 г.х. / 1039-1040 г. слово «тазик» неоднократно использовано этим автором. Так, в одном месте он пишет, что великий ходжа дал прекрасный совет, но в сердцах наших большое опасение, как бы, не дай бог, не случилось несчастья от нашей же рати, ибо хаджиб Бектугды тишком сообщил эмиру, что сегодня гулямы говорили:

---

¹ Та'рихи Байхаки. – С. 885; История Мас'уда. – С. 577.

² Фарсанг – единица измерения пути, равная 6 км.

³ Та'рихи Байхаки. – С. 904; История Мас'уда. – С. 700.

⁴ Та'рихи Байхаки. – С. 926; История Мас'уда. – С. 723.

мы-де на верблюдах, ясно, сколько нас может быть завтра, ежели будет бой, мы отберем коней у тазиков, потому что на верблюдах сражаться нельзя. Эмир ничего не ответил, однако очень вышел из себя.¹ В другом месте пишет, что Тогрул собрал вокруг себя вельмож и пошел большой всякого рода разговор. В конце концов, они сказали Тогрулу: «Ты-де наш главенствующий, как признаешь за благо, так мы и будем действовать». Тогрул ответил: «Нам кажется правильно пустить обозы вперед и отправиться в Дихистан и Гурган и захватить те области, ибо тазики маломощны и безоружны. Ежели мы там не сумеем остаться, то пойдем в Рей, ибо Рей, Джибал и Исфаган – для нас.»²

Таким образом, использование слово «таджик» и «тазик» встречается в труде автора XI в. Ходжа Абу-л-Фазла Байхаки «История Мас'уда», где таджики противопоставляли себя тюркским правителям.

В сочинении автора конца X – начало XI в. Абу насра Утби «Та'рихи Ямини», написанном на арабском языке и посвященном сельджукидскому султану Махмуду Яминуддавла, использовано слово «тазик». Данное сочинение по велению визиря Атабека Абулкасима ибн Хасана ибн Мухаммада ибн Абуханифы в 1207 г. было переведено на персидский язык ученым Абушарафом Носехом ибн Зафари Джарфадкони. Последний отмечает, что визир атобеков Абулкасим просил его перевести эту книгу на персидский язык, чтобы она была понятна и тюркам и таджикам.³

Термин «тажик» приводится в сочинение автора XI века Махмуда ибн ал-Хусайна ал-Кошгари «Диван лугат ат-турк». Там приводится, что тажик относится к Персии и фарси.⁴

Слово «таджик» употреблено в сочинении автора XI в. Юсуфа Баласагунского «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»), написанного на древнетюркском языке. В частности, там приводится, что «книг у арабов, таджиков великое множество».⁵

По утверждению академика В.В.Бартольда, в конце X века, когда в Мавераннахре политическое преобладание перешло к тюркам, то для

---

¹ Та'рихи Байхаки. – С. 949; История Мас'уда. – С. 751-752.

² Та'рихи Байхаки. – С. 954-955; История Мас'уда. – С. 752.

³ Абушараф Носех ибн Зафари Джурфодикони. Тарджумаи Та'рихи Ямини. Введение, подготовка к печати, комментарий. Словарь и указатели И. И. Гиясова.- Худжанд:Ношир, 2013.-С. 9.

⁴ Махмуд ибн ал-Хусайн ал-Кошгари. Девон лугот ат-турк. Перевод доктора Хусейна Мухаммадзода Сиддика. – Тегеран, 1389. – С. 239.

⁵ Юсуф Баласагунский. Кутадгу билиг (Благодатное знание).-М.: Наука, 1983. – С. 50-51.

обозначения покоренного иранского населения, кроме слово «таджик» употреблялось также слово «тат», не вполне ясное по своему происхождению. В этом случае имелись в виду не столько люди нетюркского происхождения, сколько люди оседлой культуры.¹

Авторы письменных источников XIII-XIV вв. (эпохи монгольского нашествия) в своих трудах широко используют термин «таджик». Следует отметить, что когда монголы покорили Мавераннахр и Хорасан, то их культурный уровень был намного ниже чем культурный уровень местного оседлого населения, т.е. таджиков и для управления таким большим государством они использовали представителей таджикского народа, которые помогли им в управлении государством. Административное управление Мавераннахром монголы, поручили Махмуду Ялавачу, а в дальнейшем его сыновьям.

Так, по сведениям автора «Мулхакат ас-Сурах» Джамалия Карши (нач. XIV в.) в 1251 г. Мункэ-каан сын Тулуя отдал Северный Китай, отстраненному от должности бывшему управляющему Мавераннахром Махмуду Ялавачу, а города и земли Туркестана, Мавераннахра – Фергану, Хорезм, и города уйгуров отдал на откуп купцу-правителю Мас’уд-беку, сыну Махмуда Ялавача.² При правлении Угэдэя, Мавераннахром управлял Махмуд Ялавач. Далее в качестве наместника монголов в Мавераннахре правили сын Махмуда Ялавача Мас’уд-бек (ум. в 1289 г.), после него правили сыновья Мас’уд-бека – Абубакр (ум. в 1298 г.), Сатимиш-бек (ум. в 1303 г.) и Суйунч.³

Многие авторы IX-X вв. в своих трудах также применяют термин «дехан» в значении термина «таджик» или «аристократ». Фирдоуси пишет:

*Был храбрец из рода дехкана,
Отважный, великий, мудрый и щедрый.*⁴

Другое:

*Со слов дехкана повесть напишу я,
Одну из древних былей изложу я.*⁵

---

1 Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк // Соч. Т. II. ч. 1. – Москва, 1963. – С. 459.

2 Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-Сурах. Перевод с араб., примеч. и комм. А. Саидова. – Душанбе: Ирфон, 2006. – С. 54.

3 Там же. – С. 59.

4 Абулкосим Фирдавси. Шохнома. Пятое издание. Тегеран, 1386 г.ш. -С. 5.

5 Там же. -С. 99.

Другое:

*Иранцы, тюрки, арабы – три народа,
Смешаются, будет новая порода.
И ни дехканами тот новый род,
Ни тюрками никто не назовет.¹*

В труде автора IX века ал-Балозури приводится, что однажды Раби² напал на крепость города Золик и взял там в плен дехкан. Затем дехкане выкупили свою жизнь золотом и драгоценностями. Между ними был подписан договор, согласно которому арабы не должны больше нападать на их город, как это они совершили на города Фарс и Кирман.³

В другом месте этот автор сообщает, что когда Кутайба⁴ отправился в г. Ахарун, то дехкане Балха в Таликане стали им служить.⁵

По сведениям другого автора IX века Ахмада ибн Абу Я'куба, известного под прозвищем Я'куби, расстояние от города Кум до Исфахана составляет шестьдесят фарсангов⁶... В Исфахане есть два города – Джай и Яхудия. Население Яхудии является смещенным народом из которого меньшую часть составляют арабы, а большую часть аджамы (неарабы) из числа дехкан. В местности Ордастан проживают знатные дехкане. Говорят, что дети Хусрава Анушервана⁷ из этой местности.⁸

По сведениям этого же автора в 176 г.х. / 792-793 г. халиф Харун ар-Рашид⁹ назначил Фазла ибн Яхья ибн Холида Бармака правителем Хорасана и последний под командованием Ибрахима Джабра отправил в Кабулшах войско, в составе которых были цари Тохаристана и дехкане.¹⁰ Далее Ахмад ибн Абу Я'куб сообщает, что когда Кутайба в период правления Валида ибн Абдулмалика завоевал Самарканд, то он с царями и дехканами этого города подписал соглашение о мире.¹¹

---

¹ Абулкосим Фирдавси. Шохнома. Т.9. Душанбе: Адиб, 1991. -С. 5.. -С. 424.

² Имеется ввиду Раби' ибн Хайсам один из известных «табиинов» пророка Мухаммада, активно участвовавших в газавате против персов.

³ Ахмад ибн Яхья Балозури. Футух-ул-булдан. – Тегеран, 1371. – С. 269.

⁴ Кутейба ибн Муслим (668-715), наместник Хорасана в эпоху правления арабских халифов из династии Омейядов 704-715..

⁵ Ахмад ибн Яхья Балозури. Футух-ул-булдан. – С. 306.

⁶ Фарсанг – единица измерения пути, равная 6 км.

⁷ Хусрав Первый Анушерван (531-579) – сасанидский правитель.

⁸ Ахмад ибн Умар Я'куби. ал-Булдон. – Тегеран, 1387. – С. 40.

⁹ Харун ар-Рашид – Аббасидский халиф (786-809).

¹⁰ Ахмад ибн Умар Я'куби. ал-Булдон. – С. 55.

¹¹ Ахмад ибн Умар Я'куби. ал-Булдон. – С. 57.

Автор X в. Ибн Хаукал пишет, что жители Мавераннахра защищают мусульманские страны от нападения тюрков. На границах Мавераннахра находятся тюрки, которые в любую минуту готовы напасть на них и грабить местное население.... По этой причине Аббасидские халифы избрали из населения Мавераннахра военачальников из числа дехкан. Войска, набранные из мавераннахрцев, по смелости и мужеству превосходили всехостальных воинов,и дехкан.... Правители этой страны и всех окрестностей Хорасана являются выходцами из дома Саманидов, родословная которых восходит к Бахраму Чубина.¹

В письменных источниках приводятся сведения о некоторых обрядах таджиков. Так, известный ученый XI века Абурайхан Бируни по-новому празднования Навруза пишет, что согласно обычаям, царь Сасанидов в первый день праздника приказывал, чтобы население делало друг другу добрые дела. Второй день царь организовывал приём дехканам, статус которых было выше других подданных, и члены их семей также участвовали в этой церемонии. На третий день царь организовывал приём военным и духовным предводителям зороастрийцев. Четвертый день посвящался близким членам семьи царя и его избранным лицам. Пятый день царь посвящал своей семье и придворным,удостаивал наградами или званиямизаслуживающих из них. На шестой день он уединялся и праздновал Навруз в своих покоях. в покое праздновал Навруз. В этот день он кроме самых близких никого не принимал.²

В исторических источниках и литературных произведениях средневековья слово «озодагон» (народ благородного происхождения) во многом отождествлялось с «таджиком». По сообщениям автора сочинения «ал-Булдан» Ибн Факиха (869 – 941-42) страна Фарс в прошлом была одной из величайших стран и арабы называли ее жителей «озодагон».³ Фирдоуси в «Шахнаме» часто употребляет слова «озодагон»:

*Век наступает гибельный, проклятый,
Погибнут благородные азаты.*⁴

В письменных источниках IX-X вв. имеется много ценных сведений, касающихся таджикского языка. Автор IX-X вв. Абу Исхак Ибрахим ибн

---

¹ Ибн Хаукал. Сурату-л-арз. Тегеран, 1345. – С. 197.

² Абу Райхан Бируни. Осор-ул-бокия. Пер. А. Саршата. 5-е изд. -Тегеран, 1386. -С. 332.

³ Ибн Факех. ал-Булдан. – Тегеран, 1369. – С. 165.

⁴ Абулкосим Фирдавси. Шохнома. Т.9. Душанбе: Адиб, 1991. -С. 5.. -С. 424.

Мухаммад ал-Фариси известный под прозвищем Истахри пишет, что жители Персии используют три языка: 1. персидский, на котором они общаются между собой, хотя в некоторых окрестностях имелись различия, но они хорошо понимали друг друга; 2. пехлеви, на котором персы вели переписки и оно требовало некоторых комментариев; 3. тази (арабский), которого использовавшийся в диванах правителей для переписки и делопроизводства.¹

В переводе сочинения «Комментарий Табари» говорится, что персидский язык известен ещё с древнейших времён. Начиная от Адама, все пророки до Исмаила и все цари говорили на персидском языке.² Очевидно, здесь преувеличено значение персидского языка, однако это говорит о том, что этот язык имел в те времена большое влияние и значение.

Жители Бухары говорят на искаженном согдийском и языке дари... Большинство жителей Бухары, подобно жителям Вароруда³, носят кабо и кулох.⁴

По словам арабского географа и путешественника X века Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Ахмада Мукаддаси, объездившего всю подвластную Саманидам территорию. «Саманиды имеют много достоинств, в культуре этой династии (есть такой обычай, что) они не заставляют ученых кланяться и целовать землю перед шахом. Эмиры этой династии вечером и по пятницам месяца рамазан, организуют встречи и чобрания. Шах открывает собрание вопросами. Потом другие начинают отвечать и вступать в беседу. Всегда одного из среды знаменитых и ученнейших факихов выбирают в президиум, исполняют его нужды, выносят фетву, согласно его мнению и выполняют все работы по его усмотрению».⁵ Далее этот автор говорит, что язык их называется дари и причиной этого является то, что переписка правителей осуществляется на этом языке, который и исходит из корня дар (дверь) и этот язык является дворцовым языком.⁶

Другой автор, современник Саманидов – Са'алиби, со слов своего от-

---

¹ Истахри. Масалик ва мамалик. – Тегеран, 1360. – С. 1210.

² Перевод «Комментарий Табари». Группа ученых Мавераннахра. 4-е изд. Тегеран, 1387. – С. 1.

³ Вароруд – после завоевания арабами стали называть Мавераннахром.

⁴ Ибн Хаукал. Сурату-л-арз. – С. 217. Кабо – просторная мужская одежда с длинными рукавами; кулох – головной убор.

⁵ Абуабдуллах Мухаммад ибн Ахмад Мукаддаси. Ахсану-т-такосим фи маърифати-ла-аколим. Перевод А. Назави. – Тегеран, 1361 г. ш.. – С. 492.

⁶ Там же. – С. 491.

ца, рассказывает, что тот присутствовал в одном из собраний мудрецов Бухары и сказал своему сыну: «Этот день является весьма славным ..., этот день как один из праздников в твоей жизни, храни в памяти; не представляю, что по истечении времени встреча с таким обществом для тебя вряд ли окажется возможной».¹

Согласно сведениям автора X века Мухаммада ибн Исхака ибн Нади-ма со слов Абдаллаха ибн Мукаффа;² персидский язык образовался из пехлеви, дари, фарси, хузи и сурияни. Пехлеви относится к Пахла, объединяющей названия пяти таких городов – Исфahan, Рей, Хамадан, Махнахаванд и Азербайджан. Что касается дари, то он являлся языком правителей и придворные разговаривали на этом языке. Среди народов Хорасана и Машрика (Востока) большинство жителей Балха говорят на этом языке. Фарси – это язык зороастрийцев и ученых, на котором разговаривали жители Персии. Язык хузи использовался шахами и эмирами при отдельных встречах и играх со своими приближенными. Язык сурияни являлся общим и принадлежал к группе фарси.³

Согласно сведениям письменных источников, большинство жителей Мавераннахра и Хорасана составляли таджики. По сообщению Атамалика Джувейни в период монгольского нашествия в Мерве проживало более 700 тыс. человек, примерно 70 тысяч были туркменами, а большинство – таджиками.⁴ Рашид ад-дин пишет, что в 1273 г. хан хулагуидов Абака-хан отправил правителя Хорасана Иесудер-огула для захвата Бухары. Ему было предписано не трогать жителей, если они будут согласны переселиться в Хорасан. Население Бухары оказало сопротивление, в результате монголы устроили поголовную резню. Было убито около 50 тысяч жителей Бухары, большинство которых составляли таджики. Было уничтожено великое множество рукописных книг, хранившихся в медресе Мас'уд-бека.⁵

По сведениям автора «Табакат-и Насири» Джузджани, Мухаммад Хорезмшах для защиты Самарканда выделил 110 тысяч воинов, из них 60

---

¹ Са'алиби Абумансур. Йатимату-д-дахран фи махосини ахл ал-аср. Под. к печати Мухаммад Мухийиддин Абдулхамид. – Каир, 1947. – Т. 4. – С. 101.

² Абу Мухаммад Абдаллах, более известный как Ибн аль-Мукаффа (724–759 гг.) – арабоязычный, персидско-таджикский писатель и переводчик, родоначальник арабской художественной прозы. Родился в Иране в персидской зороастрийской семье.

³ Мухаммад ибн Исхак ибн Надим. Ал-Фехрист. Пер. М. Таджадудуд-Тегеран, 1381. – С. 22.

⁴ Атамалик Джувейни. Та'рихи Джахангуша. – Т. 1. – С. 258..

⁵ Рашид ад-дин. Сборник летописей. – Т. III. Перевод с персидского А. К. Арендса, под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. – М., – Л., 1946. – С. 87.

тысяч тюрков, 50 тысяч – таджиков. Этому войску было придано также 20 боевых слонов. Число войск Мухаммада Хорезмшаха, выделенных для защиты Самарканда составляло 60 тысяч, большее число которых составляли таджики.¹

По словам Сайфи Хирави, Чингиз-хан при отправке в Хорасан своего сына Тулуя во главе с 80 тысячами монгольских войск, напутствовал его, что для покорения Хорасана он должен быть всегда начеку и особо не доверять таджикам, и не причинять им зла, особенно хорасанцам, ибо они очень храбрые люди и отомстят за все. Жителей тех городов, которые окажут сопротивление, убивать поголовно, начиная с младенцев вплоть до столетних стариков.²

В XIV-XV вв. произошло массовое отторжение оседлого сельского и городского населения Мавераннахра. В письменных источниках это оседлое население часто фигурирует под названием «сарты». По утверждению академика В.В. Бартольда слово «сарт» первоначально в древнетюркском языке означало купец. Тюркоязычные авторы XI в. Махмуд Кашгарский и Юсуф Баласагунский в смысле «купец» употребляли слово «сарт», слово, как теперь доказано, индийского происхождения.³ Когда иранцы Средней Азии прибрали к своим рукам почти всю торговлю с кочевыми народами, слово «сарт» стало употребляться тюрками и монголами как название народа, в том же значении, что и таджик.⁴ По сведениям Рашид ад-дина когда правитель принявших ислам карлуков Арслан-хан подчинился монголам, он был назван ими «сартактай, т.е. таджик».⁵ Плано Карпини, бывший в Монголии в 1246 г., также сообщает о покорении монголами «сартов».⁶ Здесь имя народа выступает в форме «сартак»; окончание тай, присоединялось монголами к названию для обозначения мужского представителя соответствующего народа. Как показывает этот пример, сартактай были для монголов людьми не столько опреде-

---

¹ Джузджани. Табакат-и Насири. *Tabaqat-i Nasiri*. Transl. from Persian by H. G. Raverty. Vol. 2. – Calcutta, 1881. – С. 079-980.

² Сайф ибни Мухаммад ибни Я'куб ал-Хирави. *Та'рихномаи Хирот*. – Тегеран, 1352. – С., 52.

³ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. – Т. I-IV. СПб., 1893-1911. – Т. IV. – С. 3-35; Махмуд Кашгарский. *Диван лугот ат-турк*. – Т. I. Стамбул, 1915. – С. 286; Бартольд В. В. *Сарт* // Соч. Т. II, ч. 2. Москва: Наука, 1964. – С. 527.

⁴ Бартольд В. В. *Сарт*. – С. 527.

⁵ Рашид ад-дин. *Сборник летописей*. Пер. с персидского. С введением и примечаниями И. Н. Березина. СПб., 1868. (Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества, ч. V). – С. 171.

⁶ Бартольд В. В. *Таджики*. Исторический очерк. – С. 461.

ленной национальности и языка (карлуки были, как известно, тюркским народом), сколько принадлежащими к определенному культурному типу – персидско-мусульманскому. Сартактай, по-видимому, пришел к монголам не только как торговец, но и вообще как носитель культуры.¹ В надписи времен Чингиз-хана говорится о его возвращении из похода на страну сартаулов, т.е. государство Мухаммада Хорезмшаха и его сына Джелал ад-дина.² В сочинении анонимного арабского автора XIV в. о монгольском языке слово «сартоул» переводится словом «мусульмане», но чаще слова «сарт» и «сартаул» употреблялись в государствах, образованных монголами в Средней Азии и Персии и в конце XIV в. объединенных под властью Тимура, как синоним слова таджик. При потомках Тимура говорится уже о языке и литературе «сартов» в противоположность языку и литературе турок, т.е. под сартами понимаются вообще ираноязычные народы.³

В своем трактате «Мухака мату-л-лугатайн» («Суждение о двух языках»), написанном в 1499 г. (семь лет спустя после смерти великого Абдуррахмана Джами) Навои отмечает, что «все тюрки – дети и старики, слуги и беки – понимают сартский (таджикско-персидский) язык. Они его знают настолько, что в затруднительном положении могут объясниться по-сартски, а некоторые из них даже могут говорить на этом языке красноречиво и изящно. Тюркские поэты на языке фарси пишут красочные стихи и замечательные речи. Но среди сартского народа ни благородные и ученые мужи, ни простые и невежественные люди – никто не понимает языка турок и не может говорить на нем. Если из сотни или даже из тысячи сартов один изучит тюркский язык и будет говорить на нем, то каждый тюрк, который услышит его, поймет, что это – сарт».⁴

О таджиках и происхождении и значении слово «таджик» приведены подробные сведения в трудах европейских ученых и путешественников. Так, немецкий географ Карл Риттер (1779-1859) пишет, что во времена Тимура именем «таджик» означали всех иранцев, поскольку они не были арабами или монголами. Узбеки называют их сарт.⁵

---

¹ Бартольд. В. В. Сарт. – С. 527.

² Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. – С. 461.

³ Бартольд В. В. Таджики. Исторический очерк. – С. 461.

⁴ Алишер Навои. Суждение о двух языках. (Мухокимату-л-лугатайн), сочинения в десяти томах. – Т.Х. – Ташкент, 1970. – С.110.

⁵ Карл Риттер. О таджиках // Таджики в источниках и трудах исследователей. Составитель: Бобомуллоев С. Душанбе: Истеъдод, 2013. – С. 28..

2. Этнографические сведения о таджиках в IX-XVIII вв.

В истории среднеазиатских народов IX – X вв. были заметным этапом. После ослабления халифата в Мавераннахре и Хорасане образовались новые государства, что привело к стабилизации обстановки, развитию сельского хозяйства, ирригационной системы, укреплению городов, ремесленного производства и торговли. Расцвет хозяйственной жизни при Саманидах создал благоприятную почву для развития науки и культуры.

Одним из известных местных авторов был историк Абубакр Мухаммад Наршахи. Его сочинение «Таърихи Бухоро»¹ («История Бухары») было написано для государей Саманидской династии. Автор приводит важные сведения о развитии ремесла в средневековой Бухаре, о состоянии сельского хозяйства в Бухарском оазисе, особенно его интересовало бахчеводство, подробно останавливается на описании обычаев и обрядов, связанных с земледелием, ремеслом и традиционным праздником Навруз.

Немало интересных этнографических сюжетов содержит труд неизвестного автора «Худуд ал-Алам» («Границы мира»)². Книга состоит из 63 глав. Целью этого труда, как представлял его сам автор, было отражение в наиболее общих чертах картины известной ему населенной части мира. Самую ценную часть сочинения составляет описание населения Средней Азии, в частности, согдийцев, и их антропологический тип.

Знаменитый поэт, автор «Шахнаме» Абулькасим Фирдоуси донес до нас чрезвычайно важные сведения об иранских народностях.³ «Шахнаме» делится на три части: первая – мифологическая, вторая – богатырская и, наконец, третья – историческая. В каждой из этих частей мы находим сведения о населении Мавераннахра и Хорасана (о согдийцах, хорезмийцах, кушанах, ваханцах, персах, тюрках, арабах и др.), об их обычаях и обрядах (обряд осыпания, разжигания костра при входе невесты в дом жениха и др.), о народных праздниках (Сада, Навруз, Мехргон) и играх (шахматы, нарды, чавгон), домусульманских верованиях, музыкальных инструментах и т.д.

В IX – X вв. Среднюю Азию посетил ряд арабоязычных путешественников, в чьих сочинениях имеется важный материал о различных сторонах жизни среднеазиатских народов.

---

¹ Абубакр Мухаммад ибни Джафар Наршахи. Таърихи Бухоро. – Душанбе, 1979.

² Худуд-ул-олам. – Душанбе, 1980.

³ Абулкосими Фирдавси. Шохнома. – Душанбе, 1964-1966. – ТТ. 1-9.

Одним из таких авторов был арабский историк и географ Ал-Балазури. В своем сочинении «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран»)¹. Балазури дает ценный материал о жилище, категориях населения среднеазиатских городов.

Ценные этнографические материалы содержит и сочинение ал-Якуби «Китаб ал-булдан» («Книга стран»)². Сочинение сохранилось не полностью: до нас дошло лишь описание Ирака и Средней Азии, где автор дает важные сведения о согдийцах, хорезмийцах и других народах Мавераннахра, об их материальной и духовной культуре. Кроме того, он останавливается на описании сельского хозяйства, ремесленного производства, особенно на производстве бумаги, указывает расстояния между городами, отмечает развитие торговли и т.п. Источниками его сочинения являются сведения, добытые от путешественников, но значительная доля сведений принадлежит ему самому.³

Арабоязычный историк Ал-Истахри в своем труде «Китаб ал-масалик ва ал-мамалик» («Книга путей и стран»)⁴ изложил свои сведения, добытые о народностях Средней Азии, приводит названия городов, перечисляет сельхозпродукты, дает сведения о ремеслах, об орудиях труда и т.д..

Сочинение ал-Истахри, в свою очередь, переработал и основательно дополнил данными в 951 году. Абулькасим ибн Хаукаль, назвав его «Китаб ал-масалик ва-ал-мамалик» («Книга путей и стран»)⁵. Ибн Хаукаль побывал во многих городах Мавераннахра и Хорасана и собрал большое количество сведений о состоянии земледелия, системе орошения, о селениях, одежде и пище. В своем труде автор сообщает о материальной и духовной культуре народностей, населявших интересующий нас регион. Особенно ценны его данные о культовых сооружениях Согда.⁶

Этнографический материал мы находим у замечательного арабского географа и путешественника Абубдуллаха Мухаммада ибн Абубакра

---

¹ Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al Baladsori, quem e codice Leidensi et codisi Musei Britannici ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum. 1866.

² Якуби. Китаб ал-булдан // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М. –Л., 1939. – Т. 1.

³ Якуби. Китаб ал-булдан. – С. 19.

⁴ Viae regnorum Descriptio ditiois moslemica autore Abu Ishak al – Farisi al – Istakhri. Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1870.

⁵ Бетгер Е. Е. Извлечение из « Книги и путей и стран» Ибн Хаукаля// Тр. САГУ. – Ташкент, 1957. См. так же. Якуби. Китаб ал-булдан // Материалы по истории туркмен и Туркмении. – М. – Л., 1939. – Т. 1.

⁶ Там же. – С. 19.

ал-Мукаддаси. Свое сочинение «Ахсан ат-такасим фи маърифат ал-акалим» («Наилучшее распределение для познания мира») написал для Саманидов.¹ Оно является результатом многолетних путешествий и критического анализа трудов предшествующих путешественников. В нем мы находим важные сведения о городах и селах Мавераннахра и Хорасана. Автор детально описывает местонахождение городов, общественных зданий, мечетей, кварталов и рынков. Затем он переходит к характеристике религиозной принадлежности населения, перечисляет занятия, описывает систему водоснабжения. В работе уделяется значительное внимание этническому составу населения Мавераннахра, дается характеристика иранских наречий с их различными диалектами, описываются нравы и обычаи, одежда среднеазиатских народностей, в том числе восточноиранских.

Политические изменения, происходившие в конце X в., распад Саманидского государства, завоевание Караханидами Мавераннахра и переход Хорасана под власть Газневидов, а затем Сельджукидов, не могли не отразиться на культуре населения и развитии науки. Начавшийся подъем науки и культуры народов Центральной Азии, развитие языка дари и таджикско-персидской литературы, были несколько приостановлены войнами и междоусобицами.

С возникновением государства Газневидов во главе с Махмудом Газневидом и объединением всей территории Хорасана, Чаганиана, Хутталяна, Тохаристана, основной части нынешнего Ирана и Северной Индии вокруг одного центра вновь возникли некоторые условия для дальнейшего развития науки и культуры.²

Начавшийся еще в X в. в условиях государственной независимости подъем науки и культуры продолжался и в XI в, что позволили видным ученым того времени написать свои знаменитые труды. Некоторые из них представляют для нас непосредственный интерес.

Одним из выдающихся учёных той эпохи был Абуали ибн Сино (Авиценна).³ «Ибн Сино жил в трудное и смутное время. Государство Сама-

---

¹ Descriptio imperii moslemici auctore Shamsi d-din Abdollah Mohammad ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Mokaddasi. Ed. M. J. de Gjeje. Lugduni Batavorum, 1877; ed. 2, 1906.

² Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.-М., 1972.- С. 433.

³ Подробно о жизни и деятельности ученого см.: Болтаев М. Н. Абу Али ибн Сина – великий мыслитель, ученый-энциклопедист средневекового Востока. – Ташкент, 1980.; Завадовский Ю.Н...; Диноршоев М.Д. Компондиум Абуали ибн Сина...

нидов переживало период упадка, подвергалось внешним нападениям со стороны Караханидов и Газневидов. Он был вынужден оставить Бухару, объездил многие области и города, общался с их властителями и другими влиятельными лицами, общался с народом»¹. Эти странствия и общение обогатили его знания и личный опыт, расширили кругозор. Ибн Сино подвергся преследованию со стороны Султана Махмуда Газневида, за отказ служить при его дворе. Вольнодумные взгляды ученого возбудили против него ярость мусульманского духовенства. Он скрывался и искал убежища в Ургенче при дворе Хорезмшаха (1002-1012 гг.), в Абиварде, Гургане, Рее, Казвине, Хамадане и Исфохане.

Ибн Сино занимался врачебной практикой, чтением лекций, писал многочисленные труды, снискавшие ему позднее мировую известность. Он скончался в расцвете своего таланта 18 июня в 1037 г. и похоронен в Хамадане.

Его труды охватывали разные отрасли знаний – медицину, философию, логику, психологию, этику, математику, космографию, химию, ботанику, лингвистику, музыку и т. д. В настоящее время известны более 40 его работ по медицине, около 185 работ по философии, логике и богословию, около 30 работ по астрономии и естественным наукам, 3 – по музыке, известны и его стихотворения.² Свои трактаты Абу Али ибн Сино в основном писал на арабском языке и лишь частично на таджикском.

Известным ученым-энциклопедистом Востока конца X – начала XI вв. был Абу-райхан Мухаммад ибн Ахмад Бируни.³ Абурайхан Бируни родился в 973 году в городе Кяте. По преданиям он имел большую склонность к путешествиям, которые совершал с научной целью. Много лет Бируни жил и творил в Ургенче, Рее, Гургане и Газне. Во время его пребывания в Гургане правителем там был Кабус ибн Вушмгир (976-1012 гг.). В 999-1000 гг. по предложению этого правителя Бируни написал труд под названием «ал-Асар ал-бакия ан ал-курун ал-халия» («Памятники минувших поколений»)⁴. Книга написана на одну из самых злободневных тем той эпохи. В ее центре генеалогия и хронология иранских династий и династий, связывавших себя с иранским миром, – данная на широком

---

¹ Негматов Н. Н. Государство Саманидов.-Душанбе, 1977. – С. 186.

² Негматов Н. Н. Государство Саманидов. – С. 186..

³ Кедров Б. М., Розенфельд Б. А. Абу Райхан Бируни. – М., 1973.

⁴ Бируни Абурайхон. Осор-ул-бокия.-Душанбе, 1989; Он же. Памятники минувших поколений. /Перев. М. Салье // Избранные произв. – Ташкент, 1957. – Т. 1.

общеисторическом фоне всего Ближнего и Среднего Востока. В центре внимания автора стоит не история деятельности царей и героев, не история политических событий, а история культуры народов, их обычаи и нравы. Поэтому «Памятники минувших поколений» рассматриваются не как историческое, а как историко-этнографическое сочинение. Эта характеристика подкрепляется тем, что наряду с письменными источниками им широко привлекаются устная традиция и личные наблюдения.

Огромный интерес представляет детальное описание календаря, особенно календарных праздников и памятных дней, связанных с сельскохозяйственным циклом у различных народов. Это – своеобразная энциклопедия хозяйственной жизни, нравов, и верований народов Центральной Азии.

В этом заключается научная ценность исследований Бируни.¹

В свете формирования таджикской народности представляют большую ценность сообщения Бируни о народах Центральной Азии, и прежде всего, о народах и племенах, проживавших в эпоху средневековья на территории Средней Азии и по соседству с ней : хорезмийцах, согдийцах и др. Бируни широко пользовался устными народными преданиями, многие из которых запечатлел в своем труде. Он неоднократно говорил о сходстве традиций, обычаев и обрядов согдийцев и хорезмийцев, что свидетельствует об общности культуры этих народов. Они вместе с ферганцами, тохаристанцами, саками заложили этническую основу формирования таджикской народности, которое происходит в IX-X вв.

Бируни проводит четкое разграничение между происхождением и назначением народных или, как он называет мирских и религиозных праздников. Религиозные праздники, по словам ученого, «устанавливали законодатели из числа духовных предводителей, их законоведов и исповедующих веру. Цель их празднования только в будущей жизни»².

Бируни в «Памятниках минувших поколений» даёт также сведения о народах Мавераннахра и Хорасана, описывает календари и системы летоисчисления, а также праздники согдийцев, древних хорезмийцев, персов, греков, евреев, христиан и мусульман.

Отметим, что при этих описаниях Бируни не разделяет такие понятия, как например, хорезмиец и мусульманин, т.е. территориальный термин, и конфессиональную принадлежность. Важнейшей целью автора было со-

---

¹ Валиев А. Историческая этнология таджиков (XI-XV вв.). – Душанбе, 2009. – С. 16.

² Бируни А. Памятники минувших поколений. – С. 63.

здание свода сельскохозяйственных календарей этих народов, что имело важнейшее практическое значение. Бируни строго следует намеченному плану, но параллельно решает и другую задачу - огромного идейно-теоретического значения исследования «корней» и «ветвей» летоисчисления, проводимого на широком историческом фоне.

В «Памятниках минувших поколений» Бируни предстает перед нами как серьезнейший средневековый историк науки. Его интересовала и история отдельных наук всех народов.¹ Большое значение имеют его материалы по Индии, которую он посетил с султаном Махмудом. По возвращении из путешествия он написал книгу «Индия», в которой дал подробные сведения о народах этой страны.² Его интересовали все стороны жизни народов Индии, как в прошлом, так и в настоящем. Опираясь на санскритские источники и собственные наблюдения, он описывает обычаи индийцев, их обряды и праздники, законы каст, пищу, одежду, формы брака и семейные отношения, уголовное и наследственное право и др. При этом Бируни выступает как создатель сравнительной этнологии на средневековом Востоке. Он сопоставляет обряды, обычаи, брачные и иные отношения у индийцев с таковыми же у доисламских арабов, персов, и других народов.

Выдающимся историком газневидского периода был Абулфазл Байхаки (995-1077 гг.).³ Известия о жизни Абулфазла Байхаки очень скудны. Его живой ум, широкая эрудиция, литературные способности и умение выполнять возлагаемые на него поручения, вскоре сделали его близким человеком Абу Насра Мишкана, его правой рукой. В пору правления газневида Масьуда, сына Махмуда, он снискал покровительство этого султана, которому посвятил свой труд «Таърихи Масъуди» («История Масьуда»)⁴. Общий характер своего труда он определяет следующими словами: «Моя цель состоит в том, чтобы написать достойную летопись и возвести величественное здание так, чтобы воспоминание о нём сохранилось до скончания веков»⁵.

В книге имеются краткие сведения о жизни мужской половины дома

---

¹ Булгаков. П. Г. Гуманитарное наследие Беруни // Беруни и гуманитарные науки. – Ташкент, 1972. – С. 40.

² Бируни Абурайхан. Индия // Избранные произведения. – Ташкент, 1963. – Т. П.

³ Гафуров Б. Г. Таджики. – С. 435.

⁴ Байхаки Абулфазл. История Масьуда. / Перев. персидского, введ., коммен. и прилож. А. К. Арендса. – М., 1969.

⁵ Байхаки Абулфазл. История Масьуда. / Перев. персидского, введ., коммен. и прилож. А. К. Арендса. – М., 1969. – С. 81.

богатой служилой знати: роскошь, пьянство и извращенные нравы, о жизни царского двора он даёт более полное представление, описывая порядок простых и торжественных выходов султана, обряды мусульманских и зороастрийских праздников, сохранившихся как пережиток со времён культа Ахура Мазды. Автор также сообщает об обряде бракосочетания членов царствующей династии.¹

Важным этнографическим источником является и «Кабуснаме» Унсурмаали Кайкавуса.² Унсурмаали Кайкавус ибн Искандар ибн Кабус ибн Вушмгир родился около 1021 г. и жил до конца XI в. Он был последним представителем династии Зияридов, которая правила в X-XI вв. Кухистаном. «Кабуснаме» состоит из 44-х глав, каждая из которых посвящена различным вопросам этики, обычаям и обрядам, изучению ремесел, политики управления государствами т.д.. Главное место в книге занимает описание утех господствующего класса: винопитию, приему гостей, устройству игр и забав, и любовные утехы, отдых и охота. Картина быта правящего класса раскрыта в книге необычайно полно. Автор подробно сообщает о категориях населения, о хозяйстве, обычаях и обрядах, о семье и семейных отношениях. Здесь необходимо отметить, что «женитьбу Кайкавус тоже относит к рубрике умножения богатства. В монографии приводится его работа об этикете населения Мавероннахра, где он показывает все обычаи и обряды, социальный статус и роль воспитания молодого поколения. В монографии дается подробный анализ источника «Кабусноме».

Немаловажный интерес представляет и книга «Сиёсатнама» («Книга управления государством»),³ написанная сельджукидским везиром Низамулмульком. Низамулмульк Абу али Хасан ибн Али ибн Исхак Туси родился в 1017 г. в области Тус. Его сочинение состоит из 50-и глав, каждая из которых посвящена отдельному вопросу управления государством. Таковы, например, главы «О разборе государем обид, правосудии и упражнении в добром житии», «Об амилях, постоянном разузнавании и делах везира, гулямов» и др. Последние главы представляют нам богатый материал по религии и верованиям среднеазиатских народов. Сочинение

---

¹ Байхаки Абулфазл. История Масъуда. – С. 25.

² Кайковус Унсурмаоли. Кабуснома. - Душанбе, 1979; Его же. Кабуснамэ /Перев. и предис. Е. Э. Бертельса. – М., 1958.

³ Низамулмульк. Сиасет-наме. (Книга правл.)/Перев., введ. примеч. Б. Н. Заходера. – М.-Л., 1949.

Низамулмулька является не только важным источником по изучению политического строя, социально-экономической жизни восточномусульманских государств. В нем приводятся сведения и о жизни и быте таджиков в средневековье.¹

Видным тюркоязычным поэтом, учёным и мыслителем XI в. был Юсуф Хос Хожиб, известный под именем Юсуфа Баласагунского. Он родился около 1021 г., учился и творил в Кашгаре. В 1069 г. Юсуф написал свой знаменитый труд «Кутадгу билиг» («Благодатное знание»)² Это произведение – одно из древнейших литературных наследий тюркоязычных народов Центральной Азии. Оно является ценным источником по этнической истории Мавераннахра и Хорасана в XI в. В нем мы находим важные сведения о происхождении этнонима «таджик».³ Рассказывая о народах Центральной Азии, автор пишет о том, что таджики в основном жили в городах.

Среди таджикских ученых и поэтов XI в. особое место занимал Носир Хусрав (1004-ок.1080).⁴ Результатом путешествий Насира Хусрава стал трактат «Сафарнома» («Книга странствий»)⁵, в котором автор подробно описал различные населенные пункты, нравы и обычаи их жителей, рассказал о материальной культуре, в частности, о жилых и общественных зданиях многочисленных селений и городов Востока.

Известным тюркоязычным историком, географом и лингвистом XI в. был Махмуд Кашгари,⁶ живший и творивший в период господства Караханидов в Центральной Азии. Кашгари написал труд под названием «Диван лугат ит-турк» («Диван тюркского языка»)⁷, посвященный лексике тюркского языка, этимологии отдельных терминов. Кроме того, в этом диване даются важные сведения об отдельных народах Мавераннахра, в частности о происхождении термина «таджик». Этим термином Махмуд Кашгари обозначал местное население, т.е. им этот термин приме-

---

¹ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 71.

² Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг. – Ташкент, 1990; Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М., 1983.

³ Валитова А. А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. «Кутадгу билиг» // УП Международного конгресса антропологической и этнографической наук. – М., 1964.

⁴ Бертельс А. Е. Насири Хисрав и исмаилизм. – М., 1959.

⁵ Носири Хисрав. Сафарнома. – Душанбе, 1970.

⁶ Валиев А. Махмуди Кошгари. // ЭСТ. – Душанбе, 1983. – Т. 4. – С. 302.

⁷ Махмуд Кашгари. Туркий сузлар девони (Девону лугат ит-турк). В 3-х томах. – Ташкент, 1960-1963.

нялся уже как этноним. В «Диване тюркского словаря», также встречаются сведения о городах Самарканде, Худжанде, Маргинане, Кубе (Куве), Хаворазме (Хорезме) и др. Диван Махмуда Кашгари является важным историческим и этнографическим источником о жизни и быте таджиков в эпоху средневековья.

В исторической этнологии таджиков видное место занимает Омар Хайям. После смерти сельджукидского правителя Маликшаха Омар Хайям написал трактат «Наврузнаме» («Книга о Наврузе»)¹. Этот трактат был адресован правителям сельджукидской династии с целью заинтересовать их древним новогодним праздником фарсиязычных народов – Наврузом, связанным с солнечным календарем, и побудить их возобновить денежную помощь возглавляемой им обсерватории. В «Наврузнома» излагается история солнечного календаря и различных календарных реформ, рассказывается о традициях, празднования Навруза в доисламском Мавераннахре и Хорасане, приводятся многочисленные рассказы и предания о различных предметах и животных, связанных с церемонией этого праздника, – золоте, перстне, ячмене, мече, луке и стреле, коне, соколе, вине и др. В целом «Наврузнома» Омара Хайяма является важным этнологическим источником вообще, и особенно о новогоднем празднике иранских народов – Наврузе.

Большой и разнообразный этнологический материал содержит сочинение таджикского поэта и писателя Низами Арузи Самарканди «Чахар макала» («Собрание редкостей или четыре беседы»)², написанное на таджикском языке в конце 1156 – начале 1157 г. Оно состоит из четырёх глав и 42 рассказов, многие из которых дают важные сведения о различных сторонах жизни и быта таджиков и других народов Центральной Азии.

Много интересного материала содержит «Малая Кандия», представляющая собой краткую редакцию на персидском языке сочинения богослова Абу Хафса Наджметдина Умара Мухаммада ан-Насафи ас-Самарканди (1142-1143)³. Она была написана на арабском языке и называлась «Китаб-ал-Канд фи таърихи Самарканд» («Сахарная книга по истории Самарканда»). Большая часть сведений носит легендарный характер. Поэтому использовать материалы «Кандии» нужно весьма осторожно.

---

¹ Омар Хайям. Трактаты / Перев. Б. А. Розенфельд. – М., 1961.

² Низомии Арузии Самарканди. Чахор макола. – Душанбе, 1986; Его же. Собрание редкостей или четыре беседы / Перев. с перс. С. И. Баевского, З. Н. Ворожейкиной. – М., 1963.

³ Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая. / Перев. Н. Вяткина // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII.

Среди средневековых авторов были и такие, которые жили и творили в среде простого народа, в частности, среди ремесленников. Они оставили нам сведения о различных отраслях ремесел, взаимоотношениях между мастером и учеником и т.п. В этом отношении интересно творчество Сузани Самарканди, таджикского поэта, выходца из ремесленной среды, мастера по выделке иголок.

Хаким Шамсуддин Мухаммад ибн Масуд, известный под именем Сузани Самарканди, родился между 1091-93 гг. в Насафе, учился в Бухаре, где и познакомился с представителями науки и литературы и ремесленной средой. Впоследствии он переехал в Самарканд, и некоторое время служил при дворе Султана Санджара. Умер поэт в 1173 г. в Самарканде.¹

От Сузани остался диван стихов, в 12 тысяч бейтов. Некоторые из стихов Сузани посвящены различным видам ремёсел и ремесленникам. В своих стихах, наряду с описанием процесса труда, определённых видов ремёсел, он приводит многочисленные ремесленные термины. Например, среди стихов Сузани есть строки, посвященные портному, плотнику, мастеру по выделке шапок, сапожнику и др.

Таким образом, обзор этнологических источников IX-XII вв. показывает, что в этот период в исторических трудах самых различных авторов был накоплен определённый материал о хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре таджиков и других среднеазиатских народов. Конечно, не все эти источники равноценны по своей значимости, но в совокупности они представляют достаточно много сведений, по которым можно судить о том, как и в каких направлениях развивалась культура таджиков, что составляло основу их жизнедеятельности в быту, в работе, в свободное время.

Завоевание Мавераннахра и Хорасана монгольскими захватчиками нанесло экономике, науке и культуре этих регионов большой урон. В результате грабежей и пожаров города Центральной Азии превратились в груды развалин, трудовое население подверглось массовому истреблению. Пришло в упадок и сельское хозяйство.

Как отмечал академик Б.Г.Гафуров, «в еще худшем положении была торговля многих других больших и когда-то экономически очень развитых областей. Например, в Фергане, Шаше, Термезе, Чаганиане и других областях и городах чекан монет после монгольского завоевания вообще

---

¹Саъдиев С. Сузани ва мухити адабии Самарканди асри XII. – Душанбе, 1974.

не возобновился. Если там и была какая-то минимальная внутренняя торговля, то она опустилась до примитивного натурального обмена»¹. Как видим, застой и разруха в хозяйстве, упадок науки и культуры повергли Центральную Азию в настоящий хаос. Возродить нарушенное монгольскими ордами хозяйство было весьма трудно и, казалось, даже невозможно. И все же будущее показало, что в обществе, в народе сохранились и жили те силы, которые были способны восстановить разрушенные войнами и набегами хозяйства и культуру, пусть и не на таком высоком уровне, как при Саманидах.

В XIII – начале XIV вв. наука и культура развиваются, главным образом, на юге Ирана и в Индии, а Центральная Азия лишь к концу XIV – началу XV вв. в какой-то мере смогла восстановить свое хозяйство. Постепенно стали развиваться наука и культура.

Другим предприимчивым путешественником, посетившим Центральную Азию в середине XIII в., был знаменитый венецианский купец Марко Поло.²

Большой вклад в укрепление торговых связей между Западом и Китаем внесла купеческая семья Поло.

Большое значение имеют сведения Марко Поло о Центральной Азии, в которых подробно сообщается о среднеазиатских городах, жителях, одежде, пище, религиозных верованиях, обычаях и обрядах. Особое место в «Книге Марко Поло» занимает описание сельского хозяйства, в частности, земледелия и скотоводства. Автор подробно останавливается на различных видах сельскохозяйственной культуры.

В период монгольского владычества в управлении государством участвовали многие государственные деятели, вышедшие из среды местных аристократов. Некоторые из них отдали дань и писательскому ремеслу, воссоздавая историю народов Мавераннахра и Хорасана периода правления монгольских ханов. Одним из таких политических деятелей был Фазлуллах Рашидуддин (1247-1318 гг.).³ По поручению Газанхана приступил к написанию истории государства монголов – «Джаме-ат-таворих», которую закончил в 1310-1311 гг. Этот труд первоначально состоял из трех

---

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. – С. 455.

² Бюрок А. Путешествие венецианца Марко Поло/Перев. А. Шимякина. - М., 1893; Дьяконов М. А. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. – Л., 1932.

³ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 92.

томов: первый том был посвящен истории монголов, второй заключал в себе всеобщую историю и историю Улджейту, третий – географические прибавления.¹

В своем труде Рашидуддин приводит перечень многих народов Мавераннахра и Хорасана, правдиво показывает политику, которую вели монголы по отношению к таджикам, персам, тюркам и другим народам, ставшим жертвой нашествия войск Чингисхана.²

В «Истории» Рашидуддина содержится много сведений этнического, культурного и бытового порядка о различных народах. Кроме того, в ней приводятся ценные материалы, отражающие хозяйственную жизнь среднеазиатских народов при Хулагуидах. Ценность данной работы заключается в том, что автор приводит здесь различные и весьма интересные легенды о происхождении таджиков, персов и других народов, находившихся под властью монголов.³ Этот труд имеет огромное значение для этнологов, изучающих этническую историю народов Мавераннахра и Хорасана периода XIII – начала XIV вв. Как отмечал В.В. Бартольд, «сочинение Рашидуддина представляет собой огромную историческую энциклопедию, какой в средние века не было ни у одного народа, ни в Азии, ни в Европе»⁴.

В XIV в. по странам Востока странствовал видный арабский путешественник, географ и историк Ибн Баттута.⁵ Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ал-Лавоти ат-Танджи ибн Баттута родился в 1304 г. в г. Тандже и умер в 1377 г. в г. Фосе. Начиная с 1325 г., он провел в путешествиях двадцать семь лет, посетил арабские страны, Иран, Малую Азию, Крым, южные города Руси, Хорезм, Бухару, Самарканд, Афганистан, Китай, острова Суматры, Индонезии и Африку.

В 1355 г. о своих путешествиях он рассказал секретарю султана Марокко – ал-Калби. Ал-Калби собрал рассказы Ибн Баттуты и изложил в

---

¹ Рашидаддин. Сборник летописей /Перев. с персид. Л. А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А. А. Семенова. – М. –Л., 1952. – Т. 1. – Кн. 1; Т. 1. – Кн. 2 / Перев. с персид. О. И. Смирновой. – М.; Л., 1952; Т. II / Перев. с персид. Ю. И. Верховского. – М.; - Л., 1960; Т. III / Перев. с персид. – А. К. Арендса. – М.; –Л., 1946.

² Петрушевский И. П. Рашидаддин и его исторический труд «Сборник летописей» // Рашидаддин. Указ. раб. – Т. 1. – Кн. 1. – С. 32.

³ Бойматов Л. Д. Сочинение Рашидаддина как источник по истории народов Средней Азии в XIII в. – Душанбе, 1983. – С. 15.

⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – С. 93.

⁵ Ибрагимов Н. «Путешествие» Ибн Баттуты (1339) как источник по истории Средней Азии //Средняя Азия в древности и средневековья. – М., 1977; Его же. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М., 1988.

виде отдельной книги под названием «Тухфат-ан-нуззар фи гароиб-ал-амсор в аджчоиб ил-афсар» («Подарок путешественника об интересных приключениях, которые происходили в городах и во время путешествии»).¹ Позднее сам Ибн Баттута свои воспоминания изложил в виде отдельной книги под названием «Путешествия Ибн Баттуты». Эта работа переведена и издана на английском языке.²

В своих воспоминаниях Ибн Баттута сообщает о среднеазиатских городах, постройках, общественных зданиях и достопримечательностях этих городов; о населении, религии, обычаях и обрядах. Все эти сведения имеют огромное значение при изучении быта и жизни таджиков и других среднеазиатских народов в монгольский период.

Во второй половине XIV в. на политическую арену выходит Тимур (1370-1405), который создал огромную империю – государство Тимуридов, в котором основными культурными центрами стали города Самарканд и Герат. В них проживало много ученых различных профессий. Особенно крупных успехов было достигнуто в развитии исторических знаний.

Много интересных этнографических материалов содержат произведения замечательного таджикского поэта Абуисхака Ат'има, известного под именем Шайх Атима.³ Известен его сборник стихов под названием «Девони Ат'има» («Диван Ат'има»),⁴ в который вошли следующие поэмы: «Канз-улиштиха» («Клад аппетита»), «Музафар ва Бугро» («Плов и Лагман»), «Моджараи Бириндж ва Бугра» («Ссора между Пловом и Лагманом»).

Первым известным произведением Абуисхака стала поэма «Канз-улиштихо».⁵ В нем даются сведения о различных видах лепешек, блюд, напитков и сладостей.

Другое произведение Абуисхака Ат'има – «Музафар ва Бугро»⁶ состоит из 234 бейтов. В нем в шуточной форме описывается процесс приготовления плова и лагмана. В целом поэма Абуисхака Ат'има является первым специальным произведением, в котором даются ценнейшие сведения о пище, напитках, сладостях и способах их приготовления.

Во времена Тимура интенсивно развивались межгосударственные связи с государствами Европы, в том числе и с Испанией. Послы Испании, в том

---

¹ Минаев И. Сведения о странах... - С. 76.

² The travels of ibn Battuta (ad/ 1325-1354)/Vol/I/Naktuyt Society/Cambridge. – 1971.

³ Мирзоев А. Абуисхок. – Душанбе, 1971.

⁴ Там же. – С. 125-150.

⁵ Там же. – С. 140.

⁶ Там же. – С. 150.

числе магистр богословия Альфонзо Паес де Сан Манья, Руи Гонзалес де Клавихо и Гомес де Салазар по пути в 1403 г. посетили Константинополь, через Черное море добрались до Трапезунда, а затем через Армению прибыли в северную Персию и Хорасан, далее на берега Амударьи и оказались через некоторое время в Самарканде. Они потратили на дорогу от Испании до Самарканда больше года. Собрав большое число сведений о всех местностях и народах, которые они посетили, по возвращении подготовили отчет своему королю.¹

Во время путешествия Клавихо вел подробный дневник своего посольства.² В нем он собрал сведения о категориях населения, о среднеазиатских народах, особенно о жизни и быте ремесленников, их участии в городских празднествах; об обычаях и обрядах господствующего класса. Нужно отметить, что не все сведения, сообщаемые Клавихо, вполне верны в силу не очень хорошего знания предыдущей истории, географии Востока, незнания языка, обычаев и обрядов, религии народов Средней Азии. Сведения же записанные Клавихо по личным наблюдениям о положении ремесленников, о городах, народах, об особенностях их быта – более точны. Работа Клавихо может служить очень важным источником для изучения истории таджиков и других среднеазиатских народов в Тимуридскую эпоху.

С именем Тимура связано еще одно европейское сочинение той же эпохи – записки баварского солдата И. Шильдбергера на немецком языке.³

Интересны его сообщения о языках, обычаях и обрядах народов Центральной Азии. Как отмечает В.В.Бартольд, «в сочинении необразованного баварского солдата впервые применен способ характеристики языка, впоследствии получивший широкое распространение в ученой лингвистической литературе»⁴.

Известным историком и географом тимуридского периода был Хафизи Абру. Согласно словам академика В.В. Бартольда, его настоящее имя бы-

---

¹Дьяконов М. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. – Л., 1932. – С. 23; см также: Валиев А. Клавихо Рюи Гонзалес // ЭСТ. – Душанбе, 1981. – Т. 3. – С. 352.

²Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / Подлинный текст с перев. и примеч. И. И. Срезневского. – СПб., 1881; Его же. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / Перев. со староиспанского И. С. Мираковой. – М., 1990.

³Шильдбергер И. Путешествия... по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / Перевод немецкого. и примеч. Ф. Браун // Зап. имп. Новорос. ун-та. – Одесса, 1967. – Т. 1.

⁴Там же.

ло Шихаб ад-дин Абдуллах ибн Лутфуллах ибн Абдуррашид ал Хавафи. Он родился в Герате, воспитывался в Хамадане. Умер в 1430 г.¹ В 1423 г. Хафиз Аbru приступил к написанию всеобщей истории для сына Шахруха, царевича Байсункура, и изложение событий довел до 1427 г. Весь труд, получивший название «Зубдат ут-таворих» («Сливки истории») делится на четыре тома: первый том посвящен домусульманской истории, второй – истории Пророка Мухаммада и халифов, третий охватывает историю восточно-мусульманских и монгольских династий, четвертый – историю Тимура и Шахруха. Здесь автор подробно описывает категории населения, обычаев и обрядов, социально-экономическую жизнь среднеазиатских народов при Тимуре и его преемниках.²

Сочинение Хафиз Аbru было главным источником для Абдурраззак Самарканди, который написал книгу «Матлаъ-ус-саъдайн ва маджма ул-бахрайн» («Место восхода двух счастливых созвездий и место соединения двух морей»)³.

Абдурраззак Самарканди родился в Герате в 1413 г. и умер в 1482 г. В 1437-48 гг. находился на государственной службе. В качестве дипломата он побывал во многих странах Востока, в частности , в Индии и Аравии. Свой знаменитый труд Абдурраззак написал между 1467-1470 гг. В нем он продолжил работу Хафиз Аbru, дав описание событий до 1470 г. Сочинение состоит из двух частей. В первой автор подробно сообщает о чингизидах. Вторую часть он посвятил Тимуру и его сыну Шахруху. В работе мы находим ценный материал об исторических событиях, социальных отношениях, материальной и духовной культуре таджиков и других народов Мавераннахра и Хорасана.⁴

Видным историком и поэтом тимуридского времени был Шарафуддин Али Язди, который большую часть своей жизни провел при дворе Шахруха и его второго сына Мирза Абулфатха Ибрахима Султана. Ученый родился в городе Язде. Был учителем и воспитателем Улугбека и помогал последнему в научной работе. В 1419-1425 гг. он написал книгу под названием «Зафарнома» («Книга побед»), которая была посвящена Тимуру.⁵

---

¹ Бартольд В. В. Иран. Исторический очерк // Сочинения. – М., 1971. – Т. VII. – С. 298-299.

² Бартольд В. В. Иран. – С. 299.

³ Абдурраззак Самарканди. Матлаи саъдайн ва маджмаи бахрайн. / Форс-тожик тил. таржима А. Урунбоевники. – Ташкент, 1969.

⁴ Там же. – С. 20.

⁵ Бартольд В. В. Улугбек и его время // Сочинения. – М., 1964. – Т. II. – Ч. 2. – С. 65.

Знаменитый таджикский поэт Сайфи Бухораи в своих стихах отражает жизнь и быт таджиков и других народов Центральной Азии.¹ Согласно источникам, Сайфи родился в Бухаре, затем переехал в Герат. В 1487 г., покинув Герат, вернулся в Бухару. Сайфи кроме поэм, писал стихи, посвященные жизни и быту ремесленников. Стихи, посвященные ремесленникам, состоят из 48 газелей и одной китъа. В них сообщается более чем о пятидесяти видах ремесел культивировавшихся в средневековых городах Мавераннахра и Хорасана, таких как сапожное дело, гончарство, плотничество, кузнечное дело, кондитерское производство и др.² Сайфи дает конкретную картину жизни в средневековых цеховых организациях среднеазиатских городов.

Таким образом, вышеизложенный материал показывает, что в трудах местных историков и зарубежных путешественников монгольского и тимуридского периодов имеются очень ценные материалы, которые иллюстрируют жизнь и быт таджиков и других среднеазиатских народов.

Основными источниками для большинства исследователей служили личные наблюдения. В немалой степени ими использовались также литературные данные. Однако следует заметить, что собранный материал и глубина его научного исследования зависели как от служебного положения автора, так и от уровня его образованности. Кроме того, здесь надо учитывать мировоззрение, классовую принадлежность авторов и их информаторов.

В целом, вышеупомянутые источники показывают, что хотя в исследуемый нами период, за исключением трудов Абурайхана Бируни и Абуисхака Атьима, не было написано специальных книг, посвященных быту среднеазиатских народов, тем не менее, в исторических, географических трудах, литературных произведениях, воспоминаниях путешественников содержатся чрезвычайно важные сведения об этнической истории, хозяйственной деятельности, материальной и духовной культуре таджиков и других народов, живших по соседству с ними.

В XVI – XVIII вв. среднеазиатские авторы написали ценные работы, характеризующие жизнь и быт таджиков.

Одной из наиболее важных работ подобного рода являются мемуары «Бабурнаме» Захируддина Бабур (1483-1530).³ В них содержатся сведе-

---

¹ Мирзоев А. Сайфии Бухорои ва роли у дар адабиёти доираҳои хунараманди // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1957. – №7.

² Мирзоев А. Сайфии Бухори... - С. 13.

³ Бабур Захириддин. Бабурнаме. – Ташкент, 1958; Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. – Тошкент: Юлдузча, 1989.

ния по истории, этнографии и географии таджиков. Большую ценность имеют его сообщения об этническом составе Мавераннахра. Захируддин Бабур дает сведения о таджиках, местах их расселения, о состоянии сельского хозяйства, о продуктах земледелия. Кроме того, он подробно описывает жилища и различные виды одежды.

Замечательным писателем и историком Средней Азии XVI века был Зайнабдин Васифи (род. в 1485 г.).¹ Свои мемуары Васифи назвал «Бадаи ал-вакаи» («Удивительные события»).² Главное место в сочинении Васифи занимает описание жизни и быта средних слоев населения города: лавочников, ремесленников, поэтов и других категорий населения, автор описывает материальную культуру, в частности, жилище и одежду. Особый интерес представляют сведения Васифи о различных типах жилых домов в среднеазиатских городах. Дома строились двухэтажные, верхние этажи выполняли функцию гостиной. Васифи пишет: «Предоставили мне на несколько дней свою верхнюю комнату («болохона» – А.В.), а для гостей постелили паласы в помещении перед лавкой»³. Как отмечает А.Н.Болдырев, «мемуары Васифи являются единственным в своем роде памятником, дающим нам яркие картины повседневной жизни и быта городского народа в конце XV – начале XVI вв., как правило, отсутствующие в историографических и литературных произведениях эпохи...»⁴.

Значительный этнографический интерес представляет труд Хафиза Таниша Бухари «Абдулланаме».⁵ В нем описываются события, начиная с рождения Абдуллахана (1533-1534) до 1588 г. Хафиз Таниш дает подробный перечень орудий охотников. По его словам, на охоте пользовались луком, стрелой, копьем, огнестрельным оружием и др. Кроме того, Хафиз Таниш останавливается на различных видах общественного производства, одежды и пищи. Автор обращается к духовной культуре таджиков Бухары, особенно к религиозным обрядам. В частности, он пишет: «Каждый год около ворот Гуриян маги приносили в жертву петуха в честь Сиявуша, и этот обряд называется плач магов»⁶. Обряд является очень

---

¹ Болдырев А. Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). – Сталинабад, 1957.

² Зайнабдин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Критический текст, введ. и указ. А. Н. Болдырева. – 1961. – Т. 1-2.

³ Цит. по: Болдырев А. Н. Таджикский писатель XVI в. Зайнабдин Васифи и его произведение «Удивительные события». Автореф. ... д-р филол. наук. – Л., 1954. – С. 83.

⁴ Там же. – С. 15.

⁵ Хафиз Таниш Бухари. Абдулланаме. – Ташкент, 1966-1969. – Т. 1-2.

⁶ Там же. – Т. 1. – С. 274.

древним и еще при Саманидах имел широкое распространение. Особую ценность представляют сообщения автора о Бухаре, описание мечетей, мавзолеев и других культовых сооружений.

В XVI – XVII вв. Среднюю Азию посетили русские и западные путешественники, которые в своих записках дают важные сведения о таджиках и других народах Мавераннахра.

Среди многочисленных этнографических источников XVI века важное место занимает «Михман-наме-йи Бухара» («Записки бухарского гостя») Фазлуллаха ибн Рузбихана.¹ В работе автор дает сведения о материальной культуре, об обычаях и обрядах таджиков, описывает жилые дома простого народа Самарканда и Бухары.

Хивинский хан Абу-л-Гази приводит сведения о жизни и быте таджиков и других среднеазиатских народов. В своем труде «Родословное древо тюрков» он раскрывает значение таджикских собственных имен, приводит сведения о среднеазиатских народах, в частности о таджиках. Рассказывая о таджиках и их языке, он пишет: «Все тут (т.е. в селении Магаз, около Исфохана – А.В.) были таджики и говорили по-персидски».² Этот факт говорит о том, что большое количество таджиков жило и в Иране.

Знаменитый историк периода Аштарханидов – Мухаммад Юсуф Мунши в своем сочинении «Таърихи Мукумхони» («Мукумханова история») излагает наряду с историей Аштарханидской династии историю расселения таджиков и узбеков, сообщает об отдельных чертах бытовых и социальных отношений того времени.³ Рассказывая о городских празднествах и участии в них ремесленников, автор, в частности пишет: «Он (Абулмансурхан – А.В.) приказал установить в городе Балхе такое (правило), чтобы люди богатые и имущие из состоятельных купцов, ремесленников, базарных торговцев и искусных мастеров разного рода поставили бы напоказ разноцветные ткани, разного рода покрывала и (всякие) вещи разнообразного характера...»⁴.

«Убайдулла-наме» («Книга об Убайдулле») Мир Мухаммеда Амини Бухари⁵ является как бы продолжением «Мукумхановой истории». В этом сочи-

---

¹ Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара. – М., 1976.

² Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. /Перев. А. А. Семенова. – Ташкент, 1958. – С. 95.

³ Мухаммад Юсуф Мунши. Мукумханская история. /Перев. с тадж. с примеч. проф. А. А. Семенова. – Ташкент, 1957.

⁴ Там же. – С. 120.

⁵ Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме / Перев. с тадж. и примеч. А. А. Семенова. – Ташкент, 1957.

нении наряду с описанием политических событий мы встречаем описание быта, социального положения, обычаев и обрядов таджиков в период правления Убайдуллы-хана. Особенно интересны сведения о различных категориях ремесленников и роли цеховой организации в общественном производстве.

Историк-хронист Абдуррахман Тали в своем труде «История Абулфайз-хана»¹ приводит важные сведения о таджиках, их обычаях и обрядах. В частности, он отмечает, что в Бухаре в каждую пятницу месяца раджаба в семьях, где умерли люди, читали Коран, подавали людям кушанья (обу ош – А.В.). Этот обряд до недавнего времени имел место среди таджиков не только Бухары, но и Северного Таджикистана.

Крупнейший поэт и историк XVIII века Сайидо Насафи² учился и жил в Бухаре, был тесно связан с ремесленниками и другими категориями низших слоев общества. Сайидо отражал в своих стихах жизнь простого народа. В поэме «Шахрашуб» («Суматоха в городе») ³он в шуточной форме обращается к представителям 212 профессий. Сайидо описывает различные виды ремесел, существовавших в XVI – XVIII вв. В Бухаре были известны горшечники – кулолон, литейщики – рехтагарон, кузнецы – охангарон, ножовщики – кордгарон, красильщики – рангрезон, зодчие – меъмрон, гвоздари – мехчагарон, портные – дарзихо, ткачи – бофандахо, изготовители печати – мухрканон, сапожники – музадузон, чесальщики – наддофон, литейщики котлов – дегрезон. Описывая каждое ремесло, он использует специальные термины. Например, в стихах о ткаче поэт использует слова «краски», «ситец», «челнок», «мастерская» и др. Сведения Сайидо Насафи являются важным источником для изучения хозяйственного быта таджиков XVI – XVIII вв.

В первых числах ноября 1721 г. в Бухару прибыл Ф. Беневени. Обстановка там оказалась неблагоприятной и цель посольства не была достигнута. Во время своего путешествия Беневени вел дневник, в котором собрал ценные сведения о природных богатствах края, о Бухаре, об основных видах продукции, вывозимой из государства в другие страны. Он также сообщает о том, в каких товарах нуждаются бухарские рынки.⁴

В 40-х годах XVIII в. в Бухаре находился греческий купец Н. Григорь-

---

¹ Абдуррахман Тали. История Абулфайзхана. – Ташкент, 1959.

² Мирзоев А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1954.

³ Сайидо Насафи. Избранное. – Сталинабад, 1949.

⁴ Сайидо Насафи. Избранное. – Сталинабад, 1949. – С. 273.

ев. В своих воспоминаниях он сообщает о Бухаре, ее населении и о товарах, вывозимых в другие страны.¹

Источники XVI-XVIII вв. дают все же значительный конкретный материал о таджиках. Они показывают не только расселение таджиков, но и описывают их антропологический тип. Русские дореволюционные, советские и зарубежные ученые на основе исследований источников и других материалов пришли к выводу, что в XVIII веке таджики жили не только на территории Бухарского и Кокандского ханств, но и в Иране и Афганистане.

В отношении сельского хозяйства имеется очень скудный материал об ирригационной системе. Возможно, в результате грабительских набегов кочевников на территории Бухарского ханства, каналы и кяризы (подземные каналы) были разрушены, мало строилось плотин, слабо развивалась ирригационная сеть, поэтому авторы не останавливались подробно на этих вопросах. Сведения их о сельском хозяйстве характеризуются тем, что в них впервые подробно описаны сельскохозяйственные культуры и перечислены орудия труда. Согласно источникам, в ремесленном производстве Бухары наблюдалась разнообразная специализация. Так, Сайидо Насафи называет более двухсот ремесел.

Материальная культура, в частности, жилище, одежда и пища описаны местными авторами, русскими и европейскими путешественниками. Но в их сведениях отсутствует материал о сельском жилище. Авторы описывают различные виды мужской и женской одежды. По их словам, преобладала одежда из хлопчатобумажной ткани, имеются сведения о парандже и чимбете, отсутствуют сообщения об узорах.

Семья и семейные отношения не нашли достаточного отражения в исследуемых источниках. Имеются отдельные сведения о браке, свадьбе, обычаях и обрядах, связанных со свадьбой, рождением и воспитанием ребенка. Анализ источников показывает, что женщины в семье были равноправны с мужчинами.

Таким образом, сведения среднеазиатских авторов и иностранных путешественников, несмотря на отдельные неточности и недостатки являются важными источниками для изучения жизни и быта таджиков в IX-XVIII вв. Они послужили основой для дальнейшего всестороннего этнографического изучения таджиков и других народов.

---

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России с Средней Азией со времени кончины Абулхайра. – Уфа, 1853. – Т. 1.

Глава IV

ТАДЖИКИ В РУССКОЙ И ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1. Этнические особенности таджиков, как маркер идентичности

В силу традиции, сложившейся в историографии средневекового периода, несмотря на обилие исторических сочинений местных авторов,¹ в их работах фактически отсутствуют сведения, касающиеся этнических особенностей того или иного народа, составляющего население среднеазиатского региона. В этом отношении, по сути, впервые наиболее ясную картину этих особенностей дают русские представители официальных кругов, посетившие край еще до его завоевания и присоединения к России. Исходя из этого, их сведения являются крайне ценными для определения этнических особенностей племен и народностей составлявших основной контингент местного населения.

Пальма первенства в ознакомлении российских и европейских исследователей, читателей с таджиками все же принадлежит капитану Генерального штаба Российской армии, члену дипломатической миссии России в Бухарском ханстве А.Ф.Негри в Бухарском ханстве в 1820-1821 гг. Е.К. Мейендорфу .

Миссия была организована по велению императора Александра I в ответ на просьбу эмира «видеть русского посольства Бухарии».² При анализе действия посольства А.Ф.Негри следует особое внимание уделить работе Е.К.Мейендорфа «Путешествие из Оренбурга в Бухару» как на одно из первых обстоятельных исследований, отражающих различные стороны жизни Бухарского ханства конца XVIII – начала XIX вв.

---

¹См.: «Источники и историография» в кн.: История таджикского народа. Том IV. Позднее средневековье и новое время (XVI в. -1917 г.). -Душанбе: «Дониш», 2010.- С.8-29.

²Просьба эмира Хайдара передана через посланцев во главе с Азимджан Муминджаном, посетившем Санкт-Петербург в 1815-1816 г. и вторично в 1819-1820 гг.

Эта книга, по справедливой оценке советского востоковеда Н.А.Халфина, представляет собой «едва ли не первое обстоятельное описание Бухары, принадлежащее перу европейского путешественника». Хотя отдельные отрывки этой книги печатались на русском языке в журналах «Северный архив», «Московский телеграф», «Мануфактура и торговля», «Казанский вестник» и «Азиатский вестник» в 1825-1826 гг., но впервые она одновременно была издана в 1826 г. в Париже и Йене на французском и немецком языках. На русском же языке в переводе Е.К.Бетгера, она появилась лишь 150 лет спустя, т.е. в 1975 г.¹.

В ходе подготовки к этой поездке молодой офицер получив поверхностные инструкции, готовился к встрече с страной с тюркским населением. Действительно, Средняя Азия в то время для несведущих в истории края европейцев считалась страной Татарией или Трансоксанией. Но при непосредственной встрече он, к своему удивлению, узнал, что имеет дела с людьми с иным языком, иными этническими и антропологическими особенностями, т.е. таджиков. Именно это привело его к мысли назвать это пространство несколько иначе. «Итак, - пишет Е.К. Мейендорф, - мне кажется, что было бы лучше заменить название «Татария» именем «Средняя Азия», каковое я нахожу более точным и более правильным с географической точки зрения»².

При определении состава населения Хивинского ханства, он обращает особое внимание на таджиков³. Согласно его наблюдениям, в Бухаре, хотя и проживают представители многих народностей, таких как туркмены, арабы, калмыки, киргизы, каракалпаки, афганцы, лезгины, евреи цыгане и др., но самими многочисленными были узбеки и таджики. Указывая на это, он пишет, что таджики «рассматриваются как первоначальное население страны и происходят, вероятно, от древних согдийцев. Таджики отличаются коренастой фигурой, европейскими чертами лица, красивым цветом кожи. Они значительно менее смуглы, чем персы, и черноволосы»⁴.

Этот же автор, пытаясь определить преимущество таджиков в экономической и духовной среде бухарского общества, недвусмысленно указывает: «Лицо таджика всегда выражает самые совершенные кротость и

---

¹ См.: Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975. – 182 с.

² Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – С. 60.

³ Там же. – С.68.

⁴ Там же. – С. 103.

безмятежность... Таджики деятельны, трудолюбивы и имеют немалые способности к различным профессиям: они – купцы, ремесленники и земледельцы; кочевая жизнь не доставляет им никакой радости. Большинство умеет читать и писать, и, кроме духовенства, составляют наиболее цивилизованную часть бухарского населения»¹.

Е.К. Мейендорф, приблизительно определяя население Бухары, почти в 2,5 миллиона, из которых узбеки составляли 1.500 тыс., а таджики – 650 тыс.². В этом его подсчете не учтено население Восточной Бухары и других районов, тогда еще не входивших в состав эмирата. Что касается населения городов, то автор указывает на явное преимущество таджикского населения. Например, во время прогулки по городу Бухаре, ему «сообщили, что в нем около 8000 домов и до 70 000 жителей, три четверти которых таджики, в основном ремесленники»³.

Заметно большое количество таджиков Бухарского эмирата подтверждает свыше 40 лет спустя, венгерский путешественник-востоковед А. Вамбери, посетивший Среднюю Азию в первой половине 60-х годов XIX в. «Таджики, - пишет он, - первоначальные обитатели всех городов Средней Азии, встречаются здесь (в Бухаре – Х.П.) в самом большом числе и потому Бухара - единственное место, где таджик гордится своей национальностью». Далее, определяя обширное жизненное пространство таджиков, указывает, что они «держатся еще в границах своего прежнего отечества, древнего Хорасана; на востоке – Хотена (в Китае), на западе – Каспийского моря; на севере – Ходженда, на юге – Индии»⁴. Автор, также упоминая о таджиках Коканда, пишет, что таджики в этом ханстве, хотя и немногочисленнее, чем в Бухаре, но встречаются большими группами, и, чего нигде не найдешь, образуют даже целые деревни и города»⁵.

Среди посетивших край после Е.К.Мейендорфа особый интерес проявил к нему член посольства К.Ф.Бутенев. Посольство было организовано правительством по просьбе эмира Насрулла в 1840 г. для содействия России в поисках драгоценных металлов в Бухаре. Возглавляя его чиновник МИД, титулярный советник, «знаток племен» и участник хивинского похода (1839 г.) Николай Ханыков.⁶

---

¹ Там же. – С. 105.

² Там же. – С. 106.

³ Там же. – С. 95.

⁴ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – М., 1867. – С. 306.

⁵ Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. – С. 317.

⁶ Халфин Н.А. Рассадина Е.Ф. Н.В.Ханыков – востоковед и дипломат. – М.,1977. – С.19-20.

Хотя членами экспедиции был собран «обширный и разнообразный материал для характеристики как производительных сил Бухарского ханства, так и быта его населения», но среди них особое место принадлежит труду Н.В.Ханыкова «Описание Бухарского ханства и материалы, собранные А.Леманом по флоре и фауне ханства».¹ Труд Н.В.Ханыкова не потерял своего значения и по сей день благодаря общему содержанию материала, научной фундаментальности заключения и выводам автора по всем многообразным проблемам, вовлеченным в орбиту своего исследования.

Касательно этнографической характеристики таджиков Н.В. Ханыков указывает, что таджики являются коренными жителями края, они первые начали обрабатывать эту землю, возделывать поля и сады, они отличаются своим трудолюбием. Но нашествие арабов нарушили их размеренную жизнь. Затем автор упоминает об их самостоятельном управлении и развитии в период Саманидов. Их династия, отмечает Н.Ханыков, «окончательно низвергнута узбеками». Он также указывает на череду завоевательных войн со стороны татаро-монголов, от которых край окончательно избавил Тимур (видимо, он не причислял Тимура к узбекам). Говоря об упрочении власти узбеков, Н.Ханыков пишет, что «уки опять стали теснить наследников (Тимура) и в конце XV столетия снова завладели Мавераннахром, в котором они доныне господствуют»².

Следует заметить, что Н. Ханыков и в последующие годы, не переставая изучать таджиков, приводил немало ценных сведений об этническом происхождении таджиков, их месте в истории и культурной жизни Средней Азии. Это особенно заметно в его работах, посвященных изучению истории и этнографии персов³.

«Вообще таджики, - пишет он, - хорошо сложены, их отличают густые черные бороды; по характеру - это веселые, остроумные, деятельные люди, но общительны и гостеприимны, любят роскошь и торжественность обрядов». Некоторые относят персов к арийско-океанической расе, представителям которой, по их мнению, присущи следующие основные особенности:

---

¹ Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.

² Ханыков И. Описания Бухарского ханства. – СПб., 1843. – С. 53-55.

³ См.: Ханыков Н.В. Экспедиция в Хорасан (перев. с франц.). – М.: Наука, 1973. – С. 8, 12, 59, 94; Он же. Записки по этнографии Персии (пер. с франц.). – М.: Наука, 1976. – С. 30, 63, 59, 102 и др.; Он же. Примеч. ко 2-й главе кн. К.Риттера. Жители восточного рубежа Ирана, абorigены и переселенцы. Таджики. См.: Риттер К. Иран. Перевел и дополнил Н.В. Ханыков. – СПб., 1874. – С. 551-592.

«Овальной формы головы, открыты лоб, выступающий нос; скулы на щеках либо небольшие, либо едва заметны. Глаза продолговатого разреза, часто голубые, волосы светлые, каштановые и черные, бороды густые, кожа более или менее светлая, на щеках румянец»¹.

Указывая на ареал распространения таджиков, Н.Ханыков пишет: «Персы, или таджики (как они ими себя называют), - весьма распространенный в Азии народ. Они расселились на Иранском нагорье до реки Инд; их встречают даже в Туране и в Западной части Верхней Азии. Они основали поселения в России и в Сибири... Таджики, проживающие в современной Персии, среднего роста, светлокожи, с живым и острым умом»².

Все это свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. в русской историографии появляются более конкретные сведения о таджиках. Другими словами, к началу присоединения Средней Азии к России в востоковедческих кругах России уже появляется более четкое представление о таджиках. Немало сведений о таджиках проникало в науку через работы западноевропейских путешественников, представителей дипломатических и разведывательных кругов.

Присоединение Средней Азии к России не могло не повлиять на состояние тех этнических показателей, которые сложились в первой половине XIX в. В силу сложившихся реалий колониального периода, таджикскому народу суждено было пережить серьезный искусственный раскол после падения государства Тимуридов и образования среднеазиатских ханств. Такое же произошло и после присоединения края к России. Таджики северных районов Таджикистана (Нов, Худжанд, Ура-Тюбе (Истаравшан), верховьев Заравшона с Пенджикентом, Ашт, Исфара, Канибадам) оказались в составе Туркестанского генерал-губернаторства. Их большая часть осталась в составе Бухарского эмирата, а определенное количество в пределах хивинского ханства. Очередной раздел постиг таджиков в результате заключения англо-русского соглашения по разграничению Памира в 1895 г. Согласно этому договору, была ликвидирована независимость памирских владений – Вахан, Шугнан, Рушан и часть их территории, расположенная на левобережье Пянджа, а также левобережная территория Дарвазского бекства оказались в состав Афганистана. Таким образом, таджики в очередной раз были искусственно разделены. Все это не могло не повлиять

---

¹ Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977. – С.70.

² Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977. – С.82-83.

на характерные особенности этнокультурного процесса таджиков во второй половине XIX - начала XX вв.

Отсутствие местных специальных работ, содержащих достаточно четкие сведения, об этнических особенностях народов региона, на которые можно опираться, являются сведения русских дореволюционных авторов. Являясь представителями, различных направлений науки, дипломатических и военных кругов, они оставили в наследство огромное количество опубликованных работ, которые в своей совокупности детально раскрывают хозяйственно-бытовой образ жизни, обряды и другие стороны традиционной самобытной культуры и в целом общую этническую картину таджиков второй половины XIX - начала XX вв.

Одним из первых посетителей Средней Азии после ее присоединения к России являлся известный путешественник, естествоиспытатель А.П.Федченко. Свои первые впечатления, полученные от знакомства с таджиками, он передает следующими словами:

«Таджики, принадлежащие к иранской расе, составляют первобытных жителей страны и до сих пор еще хорошо сохранили свой тип... Жители долин, напротив, смешались с позднее пришедшими сюда узбеками, народом тюркского племени, резко отличающимся от таджиков своим внешним типом. Узбеки покорили таджиков и сделали господствующей, по значению, частью населения, хотя и приняли от таджиков религию и образ жизни»¹.

Один из известных знатоков края А.Д.Гребенкин с воодушевлением отзываясь о важности для науки присоединение Средней Азии к России, писал «С занятием города Туркестана (1864 г.) мы вступили в страну таджиков и чем далее с того времени продвигались на восток и на юг, тем таджикское население встречалось чаще; наконец, в западных отрогах Тянь-Шана, из которых берут свое начало Чирчик, Ангрен, Сыр, Аксу и Заравшан, оно обратилось в преобладающее над тюркским, а местами- в совершенно сплошное таджикское, без примеси другой народности. Итак, в течение шести лет мы, русские, уже имеем дело не с одним тюркским населением, но и с арийским; в течение шести лет мы имели полную возможность изучать остатки древних обитателей Средней Азии, исследовать ту форму, в которую изменилось это племя, некогда владевшее большею ча-

---

¹ Первый отчет Туркестанской ученой экспедиции Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – М., 1869. – С.39-40.

стью Азии, бывшее представителем цивилизации всего мира»¹. Далее, указывая на взаимоотношение таджиков с другими представителями населения края, он стремится реально описать внутренний мир таджиков. Согласно его наблюдениям, «город и таджик так тесно связаны в понятии среднеазиат, что узбеки, например, считают всех живущих в городах, не иначе как таджиками... Город есть настоящее местожительства таджиков и только в городе таджики в своей сфере. Это стремление таджиков к торговым и промышленным центрам вытекает из склада их характера..., что, в своей совокупности, дает жизнь и движение округу»².

Автор довольно ясно характеризует природную склонность таджика к хлебопашеству, садоводству, бахчеводству, скотоводству и других разновидностей сельскохозяйственной культуры³. Точно так же, отмечая примерное отношение таджика к ремесленному производству, он указывает, что «большая часть ремесел округа сосредоточивается в руках таджиков»⁴. Можно такие же лестные оценки автора привести в отношении коммерческих способностей таджика. Указывая на это, автор утверждал, что «таджик по своей натуре, весьма склонен к торговой деятельности»⁵.

С удивлением наблюдая за чрезмерной работоспособностью таджиков, А.Д. Гребенкин пишет: «Ткач-работник с 3-4 часов по полуночи и до вечернего намаза, нитка за ниткой выполняет свою работу. В день он отдыхает не более часу, и успевает при простом челноке на первобытном станке соткать 4 аршина канауса. С такой усидчивостью и неутомимостью он работает пять с половиной дней в неделю. С полдня же четверга до пятницы он свободен от работы, отдыхает»⁶.

Довольно интересные сведения о таджиках имеются в работе А.В.Буныковского «О пространстве и населении Туркестанского края»⁷. Согласно его наблюдениям, таджики, являясь коренными жителями

---

¹ Гребенкин А.Д. Таджики. Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. – Вып.2. Статьи по этнографии, технике, сельскому хозяйству и естественной истории. (Под редакцией В.Н.Троцкого). – М., 1872. (С.1-51). – С.1.

² Гребенкин А.Д. Таджики. Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. – Вып.2. – М., 1872. – С.4-5.

³ Там же. – С.18.

⁴ Там же.– С.21.

⁵ Там же. – С.25-26.

⁶ Там же. – С.31.

⁷ Буныковский А.В. О пространстве и населении Туркестанского края // Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. Вып. первый. География и статистика. Под редакцией Н.А.Маева. – М., 1872. – С.117-133.

Туркестана, в 70-х годов XIX в. главная их масса проживала в Худжанде, Ура-Тюбе, а также почти во всех горных долинах. По его мнению, выбор мест их обитания в горах Туркестана «объясняется двояко: часть этого племени или была оттеснена наплывом более воинственных узбекских племен в горы, где они и успели сохранить свою народность, или же напротив, живя в горах и защищаясь неприступностью места своего жительства, они сумели отбиться от нападений тюркских племен и отстоять, таким образом, свою самостоятельность. Остальная часть таджиков слилась и перемешалась с узбеками и другими тюркскими племенами; процесс этот совершается еще и теперь перед нашими глазами, представляя собой много фазисов слияния»¹.

Немало сведений о таджиках содержится в сборнике А.П.Хорошхина «Сборник статей, касающихся до Туркестанского края»². Но по степени реальной оценки их жизни и быта в его сведениях нетрудно заметить допущения предвзятости отношения автора к таджикам. Она выражается в его определении особенностей характера таджиков и узбеков Средней Азии. Согласно его заключению, население Туркестанского края (имеется ввиду Средняя Азия) «разделяется на две народности, а именно: 1) на *оседлую таджикскую*, замкнутую неподвижно в настоящей форме, которую дал ей ислам, и 2) совершенно самостоятельную кочевую или полукочевую народность, *узбекскую*, которая, в свою очередь, также имела сильное влияние на таджиков»³. В этом его суждении о том, что таджики «неподвижно» живут в тех рамках или формах, принятых ими в начале арабских завоеваний, насаждения ислама, не выдерживает никакой критики. Этим автор показывает лишь свою историческую неосведомленность. Исторические реалии всего средневековья показывают, что таджики всегда являлись локомотивами всех хозяйственных и культурных начинаний, которые происходили в этом региональном пространстве.

Далее, как бы развивая свои суждения, Н.П.Хорошкин, пишет: «И это влияние узбеков доселе так сильно, что хотя они и приняли от таджиков ислам, однако не нуждаются в их персидском языке». Но далее, продолжая свое суждение в этом русле, он пишет, что «здесь дипломатическим язы-

---

¹ Там же. – С.129.

² Хорошкин А.П. Сборник статей касающихся до Туркестанского края. – СПб.,1876. – 540 с.

³ Хорошкин А.П. Указ. Соч. – С.498-499.

ком считается язык таджиков, составляющий наречие персидского. Кабинеты коканский, бухарский и хивинский одинаково предпочитают наречие таджиков. Большинство книг написано или пишется на таджикском или персидском языках»¹. Как явствует из содержания его сведения, все же таджикский язык являлся фактически официальным и по-прежнему прочно занимал ведущее место в регионе.

Как видно, не находя веских аргументов в оправдания своего взгляда касательно ведущей роли узбеков, он как бы неосознанно все же подчеркивает определяющее влияние таджиков, как в языковой, так и хозяйственно-культурной жизни народов Средней Азии. Это, впрочем, прослеживается в его словах: «Правда, – пишет он, – что и узбек сильно «отаджичился», если можно так выразиться». Хотя чуть ниже опять заметно его стремление быть приверженцем мнения о перевесе влияния узбеков в регионе².

Автор, отождествляет монголов, татар и других тюркоязычных представителей местного населения с узбеками. Он также, повторяя высказывание предыдущего автора, указывает, что «таджики равнин, как истинные горожане здешнего края, зовут себя именами обитаемых их городов: тошканди, худжанди, самарканди, и т.д.; напротив, таджики гор известны в долинах по большей части под одним названием: гальча, хотя в пределах территории своей, т.е. в горах, тоже носят имена обитаемых ими рек, например, матча, или общин, как например; каратиген, или наконец, ущелий и деревень»³.

Что касается житейских обрядов, обычай таджиков и узбеков, то он характеризуя их, пишет, что «варианты житейских обрядов обитателей обеих берегов Сыра и Зеравшана, гор и равнин, таджиков и узбеков, стоят в таких же отношениях друг к другу, в каких находятся между собой житейские церемонии великой русской земли»⁴.

Ценные этнографические сведения о горных таджиках содержатся в работе востоковеда-индолога И.Минаева «Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи»⁵. В отличие от многих авторов, которые, посетив эту

---

¹ Там же. – С. 499.

² Хорошхин А.П.Сборник статей касающихся до Туркестанского края.-СПб.,1876.- С.500-501.

³ Там же. – С.503-504.

⁴ Там же. – С.503.

⁵ Минаев И. Сведения о странах по перховьям Аму-Дарьи. – СПб.,1879. – 270 с. (с картой).

горную местность, в основном опираются на свои наблюдения, Н.Минаев предпочитал основываться на сведениях предыдущих авторов. Описывая внешность бадахшанцев, он пишет: «Раса эта очень красива; большая часть таджиков если не все, говорят по-персидски и отличаются общительностью»¹. Автор на убедительных примерах показывает гостеприимность и общительности бадахшанцев. Касательно положения женщин он указывает, что они «довольно красивы, имеют светлый цвет лица и не закрывают его, за исключением женщин достаточных семей. Они скромны, приятные хорошие хозяйки»².

Известный историк обозреватель военных действий России в Средней Азии Л.Ф.Костенко в своей работе «Туркестанский край» приводит немало интересных сведений касательно жизни и быта таджиков. Недостаток в его информациях заключается в идентификации таджиков с сартами. Характеризуя сартов, он пишет: «Сартами называются: таджики – народ иранского племени – исконные обитатели Средней Азии, населяющие ныне по преимуществу пределы Заравшанского округа и частью Худжандский уезд; 2) осевшие узбеки, татары, киргизы и разные народности, произошедшие от взаимного их смешения и населяющие туземные города Сырдарьинской и Ферганской областей, Заравшанского округа, и живущие в качестве торговцев в городах Семиреченской области и наконец, 3) таранчи – оседлое мусульманское племя, составляющее население Кульджинского района.

Все эти народности, носящие общее имя сартов, сами себя не называют этим именем, а именуется по названиям городов, в которых проживают... Зато тип и говор сартов представляют чрезвычайное разнообразие, сообразно тому, какая кровь преобладает в том или другом населении. В этом отношении жители Самарканда и Худжанда имеют тип, близко подходящий к коренному иранскому или таджикскому типу»³. Согласно его мнению, население, «истинными представителями которого служат таджики гор или иначе гальча, аборигены страны, отнесенные завоевателями в труднодоступные ущелья и имевшие таким образом возможность сохраниться в своей первобытной чистоте». Что ка-

---

¹ Минаев И. Указ. соч. – С.190.

² Там же. – С.192.

³Костенко Л.Ф. Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа. Материалы для географии и статистики России. – Т.1. – СПб., 1880 – С. 352.

сается равнин Средней Азии, то явно они смешались. «Жители долин, – пишет автор, – всегда смешивались с различными пришлыми народностями, вследствие чего здесь и должен был выработаться и смешанный тип¹. Говоря о некоторой однообразности антропологических и языковых показателей, он недвусмысленно указывает, что у сартов «образ жизни, нравы и обычаи почти одинаковы»².

Один из авторов, пристально пытавшийся определить, при этом довольно удачно, присущие таджикам расово-этнические характеристики в конце XIX в., являлся известный востоковед, академик А.Ф.Миддендорф. Не останавливаясь на анатомо-физиологических особенностях его характеристик, ограничимся его оценкой духовных качеств этого народа. «При всем том, – пишет он, – что нам показал исторический обзор, таджики представляют твердое основание государственного уклада как в Фергане, так и вообще в Туркестане, а между тем, следовало бы ожидать, что они давно уже сметены с лица Божьей земли. Таджики и помеси их, сливающиеся с ними, не только обрабатывают землю в долине, но населяют также города, занимаясь там ремеслами, промыслами и торговлей всякого рода.

Таджики,на сколько мне известно, представляют единственный на нашей планете пример столь упорного существования, пробивающего себе путь, несмотря на враждебные, в течении столетий, воздействия против них. По своему устройству, голова таджика представляет образ высокого благородства и ума; то же должно сказать и об их врожденных духовных способностях; однако, как это ни странно, характер их совершенно лишен силы и способности к сопротивлению. Только потому, что таджики – народ совершенно не воинственный, покорный, они в течении тысячелетий постоянно переходили от одного ига к другому»³.

Среди авторов, оставивших довольно интересные сведения этнографического характера о горных таджиках второй половины XIX в., заметное место принадлежит Д.Л.Иванову. В своем довольно обширном докладе «Путешествие на Памир»⁴ читанном по частям в общем собрании Императорского Русского Географического общества 11, 20 апреля,

---

¹ Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – С.353.

² Костенко Л.Ф. Туркестанский край. – С.353.

³ Миддендорф А.Ф. Очерки Ферганской долины. – СПб., 1882. – С. 398-399.

⁴ Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С. 209-252.

2 мая 1884 г., наряду с географическими, орографическими и другими проблемами, ставшими целью поездки этого естествоиспытателя на Памир в 1884 году приводит немало подробностей этнографического характера, главным образом, о жителях Дарваза, Рушана, Шугнана и отчасти Каратегина. Свои впечатления от наблюдения за таджиками указанных местностей он свои впечатления передает следующим образом: «Взглянешь на таджика-горца, – и прежде всего, сказывается раса: вы сразу видите, что это другой человек – не киргиз, не монгол. Правильные черты лица, открытые, прямо поставленные глаза, густые брови и бороды (часто русые волосы), другой склад всего корпуса, уже сразу отличают арийское племя. Кроме того, в этом же самом таджике вы встречаетесь с необыкновенным стремлением к оседлости, к культуре... Если барантач-киргиз шел сам на клич беков и попадал к ним на службу, а потом и в подданство, то таджика-горца забирали, приходя к нему: ему некуда было уйти от своего селения и поля, которое он очистил с таким упорным трудом собственными руками от огромнейших завалов камней; чтобы таджик поднялся с своего места, бросил свое селение, для этого нужны были выходящие из ряда вон притеснения и насилия. Судьба загнала его в чрезвычайно тесные горы; долины его узки или же совсем превращены в теснины, везде камни, дороги непроходимы, земля с трудом родит, а главное ее почти нет. Между тем, притеснения и поборы огромные...»¹. Далее перечисляя разновидности налогов, крайне тяжелых для горца, пишет о сохранении культурно-бытовых традиций, выработанных столетиями.

Судя по содержанию сведений содержащихся в тексте обширного доклада Д.Л.Иванова, нетрудно обнаружить его особые симпатии к горным таджикам. Вместе с тем, они легко убеждают в том, что автор с чувством предельной ответственности передает объективное описание сложившейся своеобразной культурной и хозяйственно-бытовой жизни горных таджиков, многие из которых наблюдались у таджиков равнин. Это свидетельствует об их постоянной связи и бережном хранении сложившихся традиций и их развитии с учетом реалий второй половины XIX – начала XX вв.

Довольно интересные этнографические сведения о таджиках имеются в «Очерке экспедиции капитана Путяты на Памир в 1883 г.»² Выра-

---

¹ Иванов Д.Л. Путешествие на Памир // Известия Императорского Русского Географического общества (в дальнейшем: Изв. РГО). – Т. XX. – 1884. – С.240.

² Путята. Очерк экспедиции капитана Генерального штаба Путяты в Памире, Сариколе, Вахане и Шугнана 1883 г.// Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып.Х. – СПб.,1884. – С.1-88.

жая свои впечатления о жителях Вахана он подчеркивает, что «они красивы и имеют правильные черты лица. Мужчины росту выше среднего, отличные пешеходы, искусные стрелки... Женщины имеют нежные черты, смуглый цвет лица и красивы, но исполняя вместе с мужчинами все грубые домашние работы, рано стареют и в зрелом возрасте получают болезненный вид. Вопреки обычаям Востока, они ходят открыто и держат себя в мужском обществе совершенно свободно»¹.

Давая общую характеристику шугнанцев, капитан Путята, в частности, писал: «Народонаселение Шугнана суть таджики. Численность их простирается до 28 тысяч обоюга пола (свыше 4 тысяч домов)... По наружному виду шугнанцы, нам кажется, мало чем отличаются от жителей Вахана; они выше среднего роста, плотно сложены, волосы бреют, оставляя пучки на висках; женщины красивы и ходят открыто»².

Знающий таджиков и сартов не понаслышке, Н.П. Остроумов приводит подробности своих наблюдений о них и, в частности пишет: «Сарты или оседлый народ включают арийских таджиков, татарских узбеков и других. На протяжении Бухары и, я думаю до самой Сир-Дарьи (Яксарт), таджики составляют массу населения. Они – земледельцы, лавочники, купцы, писцы, иногда даже солдаты и правители»³.

В работе В.И.Кушелевского «Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области»⁴, хотя и не приводятся данные по отдельным этнографическим показателям местного населения, но в разбросанных его сведениях, касающихся занятий жителей области, нетрудно заметить, что предпочтение отдаётся созидательной роли таджиков. «Два народа, - пишет он, - населяющие Ферганскую область, или народы двух племен - иранского и тюрко-монгольского,- поселившиеся в долине и в горах, соперничают между собой относительно насаждения и уничтожения древесной растительности. Потомки древне-персов, поселившиеся в долине, перенесли с собой любовь к разведению деревьев вокруг своих жилищ»⁵.

Говоря об искусстве земледелия, В.И Кушелевский верно заметил, что местное оседлое население «путем вековых опытов и наблюдений,

---

¹ Путята. Очерк экспедиции. – С.63.

² Путята. Очерк экспедиции. – С. 73.

³ Остроумов Н.П. Сарты. Этнографические материалы. Вып. первый.-Ташкент,1990.-С. 14.

⁴ Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарное описания Ферганской области. – Т.1. – Г. Новый Маргелан, 1890. – 402 с.

⁵ Кушелевский В.И. Указ соч.– С.219-220.

достигли знаний относительно того, на какой почве произрастают известные сорта хлебных растений, на какой высоте они могут расти и какое количество орошения требуется для нормального произрастания»¹. Далее, перечисляя такие разновидности злаков и культур, как пшеница, рис, просо-джугара, кукуруза, просо, ячмень, маш, горох, нахуд, кунджут, лен, конопля, мак, табак, хлопчатник, дженушка (люцерна), автор дает для каждого их сорта характеристику².

Этнографические сведения горных таджиках Памира и Припамирья приводятся капитаном П.А. Кузнецовым, посетившим край 1892 году. Результаты своих наблюдений в Дарвазе и Каратегине он приводит в книге «Дарваз»³, где сообщая о подробностях географического расположения местности, о маршрутах, климатических условиях, вкратце упоминает об этнических особенностях горных таджиков. В частности, он указывает, что жители Западного Памира - таджики – народ арийского происхождения⁴.

Важные сведения приведены также капитаном Ванновским в его «Отчете о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г.»⁵. В частности, сравнительно подробно излагая историко-географический обзор о владении Рушан, он пытается определить все кишлаки и населенные пункты, количество жителей каждого из них и общую численность населения, а также этнические особенности таджиков этого горного района. «Рушан, - пишет он, - населяют таджики, потомки коренных обитателей всей Средней Азии»⁶.

В целом автор, не скрывая свою симпатию в отношении местного населения, пишет: «Таджик Рушана добродушен, справедлив, честен и трудолюбив. Женщины Рушана отличаются нравственностью. Почти они все небольшого роста, черты лица правильные, нос прямой, острый; глаза большие, черные; волосы распущены»⁷.

Довольно любопытные сведения о таджиках дает тогда еще молодой

---

¹ Кушелевский В.И. Материалы для медицинской географии и санитарноо описания Ферганской области. – Т.1. – Г. Новый Маргелан, 1890. – С.231.

² См. Там же.– С.232- 263

³ Кузнецов П.А. Дарваз (Рекогносцировка Ген. шт. капитана Кузнецова в 1892 г.). – Новый Маргелан, 1893; см. так же: Кузнецов П.А. Памиры//Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып.LVI. – СПб., 1894. – С.1-21.

⁴ Кузнецов. Памиры. – С.13.

⁵ Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып.LVI. – СПб., 1894. – С. 73-125.

⁶ Ванновский. Извлечение из отчета о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе. – С.87-88

⁷ Там же. – С.90-91.

этнограф и в будущем известный востоковед А.А.Семенов в своей статье «Из области религиозных верований горных таджиков»¹. Кратко описывая распространение мусульманства в этой горной местности, он указывает, что «горец довольно равнодушно относится к своей настоящей религией – мусульманству – и свято чтит свои старые исконные верования и обычаи, которые почти исчезли у его сородича – равнинного таджика»². Автор связывает доброту нравов горцев с присущими им традиционными верованиями и обычаями³.

Множество таких примеров можно привести из работ А.Г.Серебренникова⁴, П.С. Назарова⁵, С. Коржинского⁶, В.И. Липского⁷ и др., что в основном подтверждают мнения предыдущих авторов о таджиках.

В целом, вышеприведенные сведения русских очевидцев приводят к заключению, что таджики, несмотря на перемены, которые происходили в жизни общества, до конца XIX века сохраняли свои традиционные этнические, бытовые и хозяйственные традиции, выработанные ими за многие столетия.

Интерес к истории и культуре таджиков Средней Азии в русской историографии заметно возрос и в начале XX в. Свидетельством тому являются сведения, содержащиеся в многочисленных работах русских исследователей. Особую ценность представляет книга А. Шишова «Таджики»⁸, которая по праву считается первым обобщающим исследованием по этнографии таджиков. В ней автор по мере доступности материала,

---

¹ Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков // Этнографическое обозрение. Издание Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. Под редакцией Н.А.Янчука. (Год 11-й. Книга XLIII). – 1899. - № 4. – С. 81-88.

² Семенов А.А. Из области религиозных верований горных таджиков. – С.83.

³ Там же. – С.87.

⁴ Серебренников А.Г. Очерк строительных материалов Ферганской области и Памира // Инженерный журнал. – 1894. - № 9. – С. 1105-1138; его же. Очерки Шугнана // Военный сборник. – 1895. – Т. 226. - № 12. – С. 406-435; его же. Очерк Памира. – СПб, 1900; его же. Памир (Краткий очерк) // Ежегодник Ферганской области. – Новый Маргелан, 1902. – Т. 1. – С. 90-158.

⁵ Назаров П.С. Поездка на Памир // Землеведение. – 1996. – Т. III. – Кн. 1. – С. 129-140.

⁶ Коржинский Очерк Рошана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения // Сельское хозяйство и лесов. – 1898. – Т. 189. - № 4. – С. 62-69.

⁷ Липский В.И. Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий в Среднюю Азию в 1896, 1897, 1899 годах. – Ч. 1-3. – СПб., 1902-1905.

⁸ Шишов А. Таджики. (Этнографическое исследование). – Ташкент, 1810; новое издание: Алматы, 2006.

обрисовав историю этих древнейших, автохтонных аборигенов края, даёт подробное описание антропологических особенностей, традиционной культуры, обрядов, жизни и быта горных, равнинных, сельских и городских таджиков. Особое внимание автор уделяет хозяйственной деятельности и материальной культуре таджиков.

Интерес представляет мнение автора о происхождении таджиков. Для обоснования гипотезы о древнем происхождении таджиков автор, опираясь на сведения, имеющиеся в преданиях, пишет: «Древнейшими источниками сведений о Туркестане служат индийская и иранская религиозно-этические предания. На них основывается, между прочим, гипотеза, что Памирская высь, ограничивающая Туркестан с юго-востока, была колыбелью арийского племени, которое разошлось, отсюда в разные стороны.

Одна из ветвей арийцев, состоявшая из последователей Зороастра, заняла Согдиану (страну между реками Аму и Сыр), Маргиану (Мерв), Бактриану (Афганский Туркестан) Ариану (Иран) и все иранское плоскогорье, весь Иран, а также Ховарезм (Хиву).

Арийцы, сохранившиеся в Туркестанском крае до настоящего времени под именем таджиков, составляют коренное оседлое население бассейнов Аму и Сыр-Дарьи, так же как и Тарима в Восточном Туркестане»¹.

А.Шишов на основе доступных ему к концу 90-х годов XIX в. данных, приблизительно определил в пределах Туркестанского генерал-губернаторства, Бухары, Афганистане и Кашгарии – 1 890 000 таджикского населения². Разумеется, при реальном подсчете данная цифра могла быть гораздо больше.

Что касается определения физиономических особенностей таджиков, то автор, также поддерживая мнения исследователей посетивших край, подчеркивает: «Современные авторы относятся значительно благосклоннее к красоте таджиков. С первого взгляда легко отличить изящного и грациозного таджика от узбека, достаточно сравнить походку того и другого; однако скелет таджика остаётся более массивным, чем скелет персиянина в собственном смысле; на севере от горного узла Гиндукуш редко встретишь те тонкие и стройные талии, которые так обыкновенны на Иранском плоскогорий. Что касается типа лица, то он тот же самый»³.

---

¹ Шишов А. Указ. соч. – С. 88-89.

² Там же. – С. 99.

³ Там же. – С. 100.

Автор даёт подробные описания жилищ городских, равнинных и горных таджиков, строение которых традиционно приспособлено к насущным хозяйственно-бытовым нуждам оседлой жизни¹. В работе приводятся характерные для таджиков одежды, пища, тяга к земледелию, садоводству, огородничеству, скотоводству, их способности в ремесленном производстве, торговле, а также сложившиеся веками их традиционные обряды.

В «Таджиках» А. Шишова особый интерес представляет общая характеристика, данная им этому народу, который смог сохранить присущие ему традиционные духовно-нравственные, культурно-бытовые и другие качества, невзирая на длительный период подчинения тюрко-монгольским династическим государственным управлением. «Несмотря на различные перевороты, - пишет автор, - стойкие таджики все-таки удержали за собой духовное господство. Таджики по природе честные, правдивые, послушные и трудолюбивые»².

В работе изобилуют примеры, свидетельствующие о выдающихся способностях и трудолюбии таджиков. В частности, указывая на их отличительные качества, А.Шишов пишет: «Земледелие в высшей степени способствовало развитию в таджике превосходных физических и духовных способностей. Духовная и телесная выносливость, которые требуют величайшего терпения и внимательности (напр. выделка шелковых тканей, ювелирное дело и т. д.) и к таким, которые требуют большого физического труда (напр.земледелие, кузнечное ремесло, плотничье). Благодаря своему духовному превосходству, поработанные таджики всегда имели нравственный и умственный перевес над любыми своими поработителями , которые приняли даже религию побежденного народа. Из среды таджиков образовывалось не только высшее интеллигентное сословие страны – духовенство, ученые, учителя народных школ, судьи, законодатели, но по временам некоторые из них, стоя близко у кормила власти, захватывали верховную власть в свои руки и становились властителями.

В настоящее время в лице таджика соединяется: мудрый ученый – философи литератор, превосходный земледелец - работник, мелкий предприниматель - торговец и искусный ремесленник – кустарь»³.

---

¹ См. там же. – С. 108-124.

² Там же. – С. 253.

³ Шишов А. Таджики. – С. 253-254.

Такие лестные сведения о таджиках имеются в работах административного чиновника Туркестанского генерал-губернаторства Н.С.Лыкошина. Наблюдая за жизнью и бытом народов Средней Азии, в частности, таджиков, он приводит множество примеров относящихся к особенностям традиционной материальной и духовной культуры таджикского населения, их быту, жилищным условиям, одежде, пище, другим этническим и хозяйственным показателям, присущим этому народу¹.

Среди исследователей и путешественников, побывавших в Средней Азии в начале XX в. и внесших ценный вклад в изучение истории и культуры таджикского народа, заметное место занимает Д.Н.Логофет. В своих работах², на основании доступных ему источников и соответствующих материалов он излагает историю таджиков, а по результатам своих непосредственных наблюдений довольно обстоятельно и объективно традиции, жизнь и быт таджиков, неоднократно подчеркивал, что «таджики – чистейшие арийцы»³, что они являются представителями коренного населения и рассеяны по всему Бухарскому ханству⁴. Характеризуя их, в частности, он пишет: «Таджики по преимуществу земледельцы и скотоводством занимаются сравнительно мало, отчасти благодаря отсутствию хороших пастбищ на хвысокрье, где ими распахивается почти каждый удобный клочок земли под посевы и лишь в тех местах, где встречаются в долинах привольные пастбища, таджики оказываются хорошими скотоводами... В общей своей массе таджики отличаются выносливостью, сильной волей, привязанностью к своей родине и незлобивостью своего характера, в силу чего большинство имевших с ними случай встречаться, причисляют их к числу крайне симпатичных племен»⁵.

Касательно сохранения таджиками своих этнических особенностей, хозяйственно бытовых традиции в целом, в Восточной Бухары в частности, Д.Н. Логофет указывает: «Живя среди труднодоступных гор, таджики сохранили в чистом виде свой язык и древние обычаи... Женщины ходят с

---

¹ См.:Лыкошин Н.С. Результаты сближения русских с туземцами // Справочник по Туркестанскому краю на 1903 г. – Ташкент, 1903; его же. Чапулукская волость Ходжентского уезда // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII. – С.3-183; его же. Полжизни в Туркестане. - Пг., 1916. – 415 с.

² Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. - Тт. I-II. – СПб., 1911, 1911; его же. В горах и на равнинах Бухары (Очерки Средней Азии). – СПб., 1913 и др.

³ Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары. – С. 266.

⁴ Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом. - Т. I. – С. 157.

⁵ Там же. – С. 158, 161.

открытыми лицами и среди них встречается много красивых с правильными чертами лица»¹. Подчеркивая сохранения чистоту нравов, он указывает, что среди горных таджиков «не встречается воровства, скот пасется без присмотра, сакли не запираются и преступность среди них сравнительно ничтожна»². Подобных примеров, свидетельствующих о сохранении таджиками своих сложившихся веками традиции, в работах Д.Н. Логофета встречается довольно много.

В этом плане большой интерес представляют работы Е. Маркова³, И. Моисеева⁴, В.Л. Вяткина⁵, А.А. Бобринского⁶, К.К.Абазы⁷, М.Терентьева⁸, В.П.Наливкина⁹, В.И. Масальского¹⁰, В.В. Дынина¹¹, П.Е. Кузнецова¹² и др.

Сопоставительный анализ доступной информации имеющейся в сочинениях позднесредневековых таджикских историков с результатами наблюдений русских и европейских исследователей, посетивших Среднюю Азию до середине XIX в., а также результаты научных изысканий русских и европейских ученых-востоковедов после присоединения края к России, подвели их к тому выводу, что таджики, принадлежащие к иранской группе арийских народов, являлись самым древним (автохтонным) населением Центральной Азии.

---

¹ Там же. – С. 157-158.

² Там же. – С.160.

³ Марков Е. Россия в Средней Азии, Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самаркандской, Ташкентской и Ферганской областям, Каспийскому морю и Волге. – СПб., 1901. – Т. I – II.

⁴ Моисеев И. Самарканд и ее достопримечательности (очерк) // Природа и мода. – 1902. – С.180-310.

⁵ Вяткин В.Л. Материалы исторической топографии Самаркандского вилоята // СКСО. – Самарканд, 1902. – Вып. 7. – С. 1-83.

⁶ Бобринской А.А. Орнамент горных таджиков (Горная Бухара). – М., 1900; он же. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта по путевым заметкам. – М., 1908; он же. Секта исмаилия в русских и Бухарских пределах Средней Азии. – М., 1902.

⁷ Абаза К.К. Завоевание Туркестана. – СПб., 1903.

⁸ Терентьев М. История завоевания Средней Азии. – Тт. 1-3. – СПб., 1903.

⁹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. – Ташкент, 1913; Наливкин В. и Наливкина М. Очерки быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. – Казань, 1886.

¹⁰ Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное описание нашего отечества. – СПб., 1913. – Т. XIX.

¹¹ Дынин В.В. Очерк быта горцев верховьев Зеравшана // Известия Туркестанского отдела РГО. – Ташкент, 1914. – Т. X. – Вып.1.

¹² Кузнецов П.Е. О таджиках Наманганского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. – 1915. - Т. XI. – Вып. 2. – С. 1-25; его же. О таджиках Кокандского уезда // Известия Туркестанского отдела ИРГО. – 1916. - Т. XII. – Вып. 2;

2. Вопросы этногенеза и этнической истории таджикского народа в трудах зарубежных исследователей

Историография научной литературы на западноевропейских языках, посвященная таджикам и их предкам, обширна и многообразна.

Ее началу послужило издание в 1771 г. «Авесты»¹ французским ориенталистом А. Дюперроном, который провел шесть лет в Индии и привез рукопись в Европу. Это был первый перевод «Авесты» на европейский язык с комментариями самого ученого. Именно с этого издания начинается изучение истории, культуры, быта и происхождения иранских народов, в том числе и таджиков.

На русский язык «Авеста» переведена отдельными отрывками. В 1861 г. вышли «Четыре статьи из Зендавесты» К.А. Коссовича². К переводу «Авесты» в разное время обращались К.Г. Залеман, Е.Э. Бертельс, А.А. Фрейман, И.С. Брагинский, С.П. Виноградова, В.И. Абаев, И.М. Стеблин-Каменский, И.М. Оранский З.Ф. Харебати и В.Ю. Крюкова³. В 1998 г.

---

1 Ouvrage de Zoroastre contenant les idées théologiques, physiques & morales de ce législateur les ceremonies du culte religieux qu'il a établi, & plusieurs traits importants relatifs à l'ancienne histoire des Parses / Traduit en françois sur l'original zend (...) par M [Abraham-Hyacinthe] Anquetil Du Perron. Paris: N. M. Tilliard, 1771. 2 tomes en 3 vol. in 4o. 1784 pp. (Vol. IDXLII. 542 p., Vol. II. 432 p., Vol. III. 810 p.)

² Коссович К.А. Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснением, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. СПб.: Типогр. Императорской Академии, 1861. 159 с.

³ Залеман К.Г. Очерк истории древнеперсидской литературы // Всеобщая история литературы. Под ред. В.Ф. Корша. СПб.: Типогр. Карла Риккера, 1880. Т. I. Ч. 1. С. 157-190; Бертельс Е.Э. Отрывки из Авесты. Пер. с авест. // Восток: Журнал литературы, науки и искусства. Кн. 4. М.-Л.: Всемирная литература, 1924. С. 3-10; Он же. Избранные труды. История таджикско-персидской литературы. Отв. ред. И.С. Брагинский. М.: Изд-во Восточная литература, 1960. С. 53-58, 60-62; Фрейман А.А. Литература Ирана X-XV в. Под ред. А.А. Болотникова, А.Н. Тихонова, К.И. Чайкина. М.-Л.: АCADEMIA, 1935. С. 32. (Восток. Сборник второй); Он же. «Видевдат» 2. См.: Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. С. 84-85, 95; Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии: элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. Отв. ред. Б.Н. Заходер. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 35, 46, 48-49, 110-11, 126-127; Он же. Из истории таджикской и персидской литературы: избранные работы. Отв. ред. Б.Г. Гафуров. М.: Наука, 1972. С. 48, 50-52, 54, 57-80, 114, 121-122, 128-129; Он же. Древнеиранская литература // Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. С. 506-530, 707-710. (Библиотека всемирной литературы. Ред. В. Санович. Серия первая. Т. 1); См.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. Под ред. М.А. Коростовцева и др. М.: Высшая школа, 1980. Ч. 2. С. 64-67, 71-73, 141-142; Там же, с. 61-64; Авеста: избранные гимны / Пер. и ком. И.М. Стеблин-Каменского. Душанбе: Адиб, 1990. 176 с.; Авеста: избранные гимны. Из Видевдата. Пер. с авест. И.М. Стеблин-Каменского. М.: Дружба народов, 1993. 208 с.; Гаты Заратуштры.

вышел сборник «Авеста в русских переводах (1861-1996)»¹, в который вошли почти все русские переводы авестийских текстов. В 2008 г. вышел полный перевод «Видевдата»², снабженный вводной статьей и комментариями Э.В. Ртвеладзе, А.Х. Саидова и Е.В. Абдуллаева. В 2013 г. издана «Авеста»³, куда вошли избранные гимны в транскрипции с русским переводом В.С. Соколовой.

Среди изданий «Авесты» особое значение имеют публикации самих зороастрийцев⁴. К таковым относятся рукописи из личных библиотек парсов – зороастрийцев, проживающих в Бомбее в Индии, а также публикации К.Р. Сама Oriental Institute⁵.

В Иране и Таджикистане, народы которых являются потомками древних иранских народов, изучение «Авесты» всегда вызывало большой интерес. Так, в Иране были опубликованы практически все издания «Авесты», которые имеются в мире⁶. Самое известное из них – издание «Авесты» с комментариями Дж. Дустхо⁷, было опубликовано в Таджикистане на таджикском языке⁸. В 2014 г. Национальная библиотека Таджикистана издала «Авесту» с комментариями, куда вошли также переводы таджикского ученого Бобоназара Гафура⁹.

Ред. и перевод И.М. Стеблин-Каменского. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009. 210 с.; Гаты Зарагуштры. Вступление, стихотворный перевод с авестийского и комментарии И. М. Стеблин-Каменского // ВДИ. 2000. № 2. С. 290-300; Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1988. С. 64-66; «Яшт» 13. Пер. с авест. и примеч. З.Ф. Харебати; Авеста в русских переводах (1861-1996). Сост., общ. ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. СПб.: «Журнал “Нева”», «Летний Сад», 1998. С. 322-340.

¹ Авеста в русских переводах (1861-1996). Ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. СПб., 1998. 480 с.

² Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2008. 301 с.

³ Авеста. / Пер. В.С. Соколовой, подгот. к изд. и ред. И.А. Смирновой. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2013. 544 с.

⁴ The Pahlavi version of the Avesta Vendidad. Edited with an introduction, critical and philological notes, and appendices of the history of Avesta literature P.N. Sanjana. Bombay: Education Society's Steam Press, 1895. 229 p.; Vendidad. Avesta text with Pahlavi translation and commentaty, and Glossarial Index. Ed. by H. Jamaspaspa. Vol. I. The Texts. Bombay: Government Central Book Depôt, 1907. 693 p.; Vol. II. Glossarial Index. 271 p.; Pahlavi Vendidad. Transliteration and translation in English by B.T. Anklesaria. Bombay: Shahnamah Press, 1949. 404 p.; Vol. II. Glossarial Index. 271 p.; The Avesta Codex F1 (Niyāyišns and Yašts). By KaiKhusroo M. Jamaspasa. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1991. 277 p.

⁵ K.R. Cama Oriental Institute Publications. Bombay: The British India Press.

⁶ Автору данные издания не были доступны.

⁷ Awistā. Kuhantarīn sūrūdhā wa matnhā-i Irānī guzarš wa pažūhiš-i Ġalīl Dūsthwāh. Tīhrān: Intiṣārāt-i Murwārīd, 1375 (=1997). 1206 s. (2 vol. in Persian).

⁸ Авесто: Кухантарин сурудхо ва матнхои эрони. Гузориш ва пажухиши Ҷ. Дустхоҳ. Душанбе, 2001. 792 с.

⁹ Авесто. Китоби И. Душанбе: «Бухоро», 2014. 839 с.

Во второй половине XVIII в. В. Джонс впервые предположил, что *ārya* – это самоназвание всех индоиранцев.¹ В дальнейшем появились многочисленные публикации, посвященные проблемам ариев – об этимологии самого названия,² локализации родины индоиранских народов Арианам-Вайджа,³ значении культа огня для арийцев. К Центральной Азии и приле-

-
- 1 Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. Н. Лариной. Редакция и коммент. Т. Я. Елизаренковой. – М., 1976.
- 2 Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. Sp. 198; Thieme P. Der Fremdlingim Rgveda. Eine Studieüber die Bedeutung der Wortearí, arya, aryaman und ārya. – Leipzig: Brockhaus, 1938. – S. 102-103, 148; Mayrhofer M. Kurzgefaßtesetymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 2. Heidelberg, 1963. S. 49, 52, 79; Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. – М.;Л: Изд-во Академии СССР, 1949. – Т. 1. – С. 246; Он же. Из истории слов // Вопросы языкознания. – 1958. – № 2. – С. 114-115; Palmer L. R. Arya-. A Homological Sketch. // Antiquitates Indogermanicae / Hrsg. von M. Mayerhofer. – Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck, 1974. – S. 17-18; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс-Универ, 1995. – С. 240-243; Kellenz J. Les airiia – ne sont des āryas: ce sont deja iraniens // Fussman G., Kellenz J., Francfort H-P., Tremblay X. Aryas, aryens et iraniens en Asie Centrale. Paris: Edition-Diffusion de Boccard, 2005. – P. 243-256 и т.д.
- 3 Spiegel F. Ērān, das Landzwischen dem Indus und Tigris: Beiträge zur Kenntniss des Landes und seiner Geschichte. Berlin: F. Dümler, 1863. 384 s.; Leipzig: Nachdr. d. Ausg., 1864-1869. 2-е изд.: Commentarüber das Awesta. Amsterdam: Apa-Oriental Press, 1979. 742 s.; Windiscmann F., Spiegel F. Zoroastrische Studien: Abhandlungen zur Mythologie und Sagensgeschichte des alten Iran. Berlin: Dümler, 1863. 354 s.; Риттер К. Иранъ. Ч. 1 // Перевод и дополнения Н. В. Ханькова. – СПб.: Изд. Импер. Русского Геогр. Общ-ва, 1874; Geiger W. Die Pehleviversion des Ersten Capitels des Vendidad. Erlangen: Reichert, 1877. 32 s.; Он же. Ostīrānische Kultur im Altertum. Erlangen: Aelan: Neudr. d. Ausg., 1882. 520 s.; Tomaschek W. Zurhistorischen Topographie von Persian, I: Die Strassenzüge der Tabula Peutingeriana // SWAW. 1883. CII. S. 144-231. Bd. II. 1885. S. 583-682; Marquart J. Ērānšahr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i. Berlin: Weidmann, 1901. 358 S.; Markwart J. A Catalogue of the provincial Capitals of Ērānšahr. Pahlavi Text, Version and Commentary / Ed. by G. Messina. Roma: Pontificio Instituto Biblico, 1931. 120 s (Analecta Orientalia, 3); Он же. Vehrot und Arang. Leiden: Brill, 1938. 202 s.; Gnoli G. The Idea of Iran. Roma, 1989; Humbach H. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. Part I. Heidelberg: Karl Winter-Universitätskerlag, 1991; Andreas F. Congress of Orientalists. København, 1909. См.: Christensen A. Quelques notices sur les plus anciennes periodes du Zoroastrisme // Acta Orientalia. Copenhagen, 1926. – № 4.; Benveniste E. L'Ērān-vēž et et l'origine lāgendaire des Iraniens // BSOS. 1933-1935. VII.; Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran / German edition transl. by H. H. Schaeder. Leipzig: J. C. Hinrichs Verlag, 1938; Christensen A. La premier chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus iranienns. København, 1943; Molé M. La structure de premier chapitre du Videvdāt // JA. 1951. № 229. P. 283-298; Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mythra. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1959. 357 p.; Humbach H. Die Awestische lānderliste // Wiener Zeitschriftfür die Kunde Süd – und Ostasiens. 1960. № 4. P. 283-298; Фрай П. Наследие Ирана. – М.: Изд-во вост. лит., 1972. – 467 с.; Gnoli G. Zoroaster's time and Homeland: A study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. Naples: Instituto Universitario Ori-

гающим к ней странам, как к прародине индоиранцев, обратились американские археологи Ф. Хиберт и К. Ламберг-Карловский¹ и другие.²

В «Авесте» упоминаются оронимы и гидронимы «арийского простора», локализации и особенностям которых посвящен ряд зарубежных исследований,³ согласно которым авестийские горы и реки были расположены на территории современных Афганистана, Таджикистана, частично в Восточном Узбекистане, Южном Кыргызстане и Восточном Иране. В

---

entale, 1980. 279 pSchmitt R. Die Altiranischen Sprachenim Überblick. // Compendium Lingaurum Iranicarum. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989; Fray R. New Views on the Homeland of the Indo-Europeans //Journal of the K. R. Cama Oriental Institute. Bombay, 1992. № 58; Vogelsang W. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence. Leiden, New-York, Brill, 1992. 344 p.; Он же. The sixteen lands of Videvdāt 1 AiryānəmVaejah and the homeland of the Iranians // Persica, 2000. N. XVI P. 49-66; Burney Ch. Beyond the frontiers of empire: Iranians and their ancestors // Iranica Antiqua. 1999. XXXIV. P. 1-21; Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского нашествия / Пер. с англ. Л. Н. Додхудоевой; под общ. ред. В. А. Ранова. – Душанбе, 2000. – 292 с; Grenet F. An Archaeologist's Approach to Avesta Geography // Birth of the Persian Empire. Vol. I. / Ed. by V. S. Curtis and S. Stewart. London, New-York: I. B. Tauris, 2005. P. 29-51. Humbach H., Elfenbein J. H., Skaervø P. O. The Gāthās of Zarathustra and other Old Avestan Texts. – Heidelberg: Winter, 1991. Part 1: Introduction, Text and Translation. Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации/ Пер. с англ. И. А. Емеца. – М., 2008; Francfort A-P. Fouilles de Shortugai, recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I. Paris: Duffusion de Boccard, 1989; Witzel M. The Home of the Aryans // Anusantatyaī. Festschrift für Jahanna Nartenzum 70. Geburtstag /Hrsg.: A. Hintze, E. Tichy. Dettelbach: Röl, 2000. P. 283-338 (Münchener Studienzur Sprachniscwissenschaft; Bd. 19) др.

1 HiebertF. T., Lamberg-Karlovsky C. C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands //IRAN, 1990. XXVIII. P. 1-15; HiebertF. T. South Asia from Central Asia perspective//The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Berlin-New-York, 1995.P.192-205;Lamberg-Karlovsky C.C. The Indo-Iranians//Current Anthropology.2002. 43. 1.

2 Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Vol. 2. – Leipzig: Dietrich, 1905; Christensen A. Études sur le Zoroastreisme de la Perse antique. – København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928.; Bernard P, Francfort A-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aïkhoum (Afghanistan). – Paris: CNRS, 1978; Humbach H. A Western approach to Zarathushtra //Journal of the Cama Oriental Institute. – Bombay, 1984. – Vol. 51. – P. 15-31; Vogelsang W. R. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence. – Leiden, New-York, Brill, 1992и др.

3 Yule H. The geography and history of the upper waters of the Oxus. // Wood J. A journey to the source of the river Oxus. London, 1872; Benveniste E. L'Ērān-vēž et l'origine légénaire des Iraniens //BSOS, VII, 1933-1935. de Zaratuštra dans le Denkart // Acta Iranica 7. 1975. IV. P. 510-518; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. Leiden-Köln, 1975; Herzfeld E. Vishtāspa // Dr. Modi memorial Volume. Papers on Indo-Iranian and other subjects – Bombay:Fort Printing Press, 1930; Grenet F. Religions du monde iranién ancien II: Traditions Zoroastriennes sur le territoire actuel de l'Afghanistan // Ecole pratique des haute études, section des sciences religieuses, Annuaire. – 2002-2003. – № 111 и др.

целом географическая среда обитания, описываемая в Авесте, охватывает территорию всей Центральной Азии.

Известный французский ученый Ж. Дюмезиль считал, что термины *arī*, *aryaman*, *arya*, *āryaaryā* связаны с родовым понятием,¹ а Л. Палмер указывал, что этимология слов «благородный» и «свободный», то есть арья, означает обладателя земельной собственности и подразумевает существование социальных градаций.² Изучение древнейших частей Авесты – яштов и гат – позволило ученым представить арийский социум, как общество оседлых скотоводов и земледельцев с имущественным и социальным расслоением, выделением военной аристократии и жречества, в котором скот рассматривался, как основное богатство.³

Лингвистические исследования также подтверждают тот факт, что общеиранское языковое состояние – это некая совокупность близкородственных диалектов, распространенных примерно с середины II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н. э. на территории Центральной Азии. Л.Г. Морган, проанализировав данные «Авесты» о странах и народах (согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы, парфяне и сакские племена), которые говорили на древнеиранских языках, вслед за Страбоном отнес к арийцам (*Αριαυτς*) персов и мидийцев, бактрийцев и согдийцев, говоривших почти на одном и том же языке, поскольку они имели общее происхождение.⁴ Г. Бейли считает, что, если понятие ахеменид указывает на родовую принадлежность, а перс – на этническую, то арья скорее всего должно символизировать принадлежность к нобилитету⁵.

Важный вклад в изучение древней истории таджикского народа внес английский ученый Н. Симс-Вильямс. Он является автором перевода надписи из Рабатага в Северном Афганистане. В настоящее время этот эпиграфический памятник является единственным письменным свидетельством того, что таджики действительно являются потомками арийских народностей. Так, в надписи из Рабатага говорится об указе Канишки, согласно которому арийский (бактрийский) язык вновь становится государственным⁶.

---

1 Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Пер. с фран. Т. В. Цивьян. – М., 1986.

2 Herzfeld E. Zoroaster and His World/ Vol. II. Princeton, 1947.

3 Palmer L. R. Arya-. A. Homologikal Sketch // Antiquitates Indogermanicae / Hrsgs. Von M. Mayerhofer. – Innsbruck. 1974.

4 Morgan L. H. Ancient Society or Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to civilization. London: MacMillan, 1877.

5 Bailey H. W. Arya II //BSOAS. – 1960. – Vol. 23, № 1.

6 Sims-Williams N., Gribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 1995-1996. 4. P. 75-142.

О предках таджиков (согдийцах и бактрийцах) существуют многочисленные публикации, среди которых следует выделить насыщенные фактами и событиями работы отдельных европейских и американских исследователей.¹ В частности, Р. Фрай на основе анализа множества исторических сведений и артефактов (II тыс. до н.э. до сегодняшнего дня) утверждает, что таджики – потомки древних восточных иранцев. При этом он следует сложившемуся в западной науке положению, согласно которому иранский этнос подразделяется только на западную и восточную группы, но не указывает современные их названия – соответственно иранцы (персы) и таджики. Многие зарубежные исследователи склонны считать, что понятие таджик является новообразованием советской эпохи.²

Изучение цивилизации Центральной Азии подразумевает анализ двух аспектов, взаимообуславливающих друг друга. Один из них (более широкого характера) отражает общие закономерности развития региона, как особого этапа в истории и культуре человечества. В данном случае можно говорить о типологическом сходстве явлений. Другой аспект связан с проблематикой конкретной страны (Таджикистан, Казахстан, Туркменистан и др.). Работы Д. Вилкинсона, посвященные компаративистике цивилизаций мира, достаточно сложны по сопоставлениям, но в целом цивилизацию он рассматривает как политико-социальную сеть городов и их населения.³ Исследование представляет интерес, особенно с учётом того факта, что культура иранских народов в основном была городской.

Если согласиться с определением Дж. Флетчера, что Центральная Азия – это номадийно-оседлый континуум, где перманентно разворачивался конфликт-диалог двух существенно различающихся культур – мира оседлости и кочевого мира,⁴ то это поможет понять многие моменты в историческом развитии таджиков. Вся история смены здесь различных периодов

---

1 Frye R. N. *The heritage of Central Asia from antiquity to the Turkish expansion*. Princeton, 1996; de la Vassiere E. *Sogdian Traders*. Trans, J, Ward.-Leiden 2005.; Sims-Williams. *New Documents in Ancient Bactrian*/Newsletter of the International Institute for Asian Studies.- March 2002; Compareti M. *The Iranian: History, Iranian Culture In Central Asia* Foltz R. C. *Religions of Iran: From Prehistory to the Present*, London, 2013.; Он же: *The Role of Central Asian Peoples in the Spread of World Religions*: <http://www.iranian.com/History/2001/July/Sogdiana/>

2 См, например, Perry J., *Tajik i. The Ethnonym: origins and application* <http://www.iraniconline.org/articles/tajik-i-the-ethnonym-origins-and-application>.

3 Wilkinson D. *Cities, Civilizations and Oikumens*// *Comparative civilizations. Review.* – #27 1992. – #28, 1993.

4 Fletcher, J. F. *Studies on Chinese and Islamic Inner Asia.* – Harward. – P. 96.

дает нам редкий пример уплотненности исторических этапов. Возможно, именно поэтому для развития региона характерны скачкообразность, неравномерность движения, пересечение старого и нового, соединение разных столетий, нескольких этапов, которые и определили многоукладность локальной цивилизации. Исторические территории Бактрии и Согда, колыбели таджикской нации, не раз подвергались нашествию, колонизации, а их население в периоды экспансий находило убежище в горной местности, преданно сохраняя свою этническую культуру и языки.

О различных подходах к изучению истории Центральной Азии пишет в своем исследовании известный американский ученый Н. Ди Козмо.¹ Первый подход основывается на том, что традиционно мир и цивилизацию по отношению к Внутренней Азии историки представляют как естественную катастрофу или же среду, которая возникала здесь под воздействием завоеваний номадами оседлого населения. Некоторые считают, что с появлением пасторальных племен вплоть до XVII в. в этой части мира ничего не происходило помимо страшных катастрофических последствий. Второй подход, присущий историкам другого типа, основан на подчеркивании возможности номадов создавать флюидную среду, удобную для путешествий и торговли, что позволяло периферийным цивилизациям идти на контакт друг с другом. Образно говоря, номады как бы участвовали в химической реакции, которой они позволяли состояться, но сами никогда не являлись главными ее агентами (участниками), которыми, главным образом, выступало оседлое население. Вскоре после завоеваний номады, как правило, становились просто пассивными экстрактами под воздействием цивилизации оседлых народов², к которым, несомненно, относятся и таджики. Важную роль в процессе зависимости номадов от городского населения сыграли религии: христианство, буддизм, манихейство, ислам.

По мнению Б. Манц, среди номадов и оседлого населения существовали свои определительные маркеры: образ жизни, политическая организация и функционирование этнической группы внутри общества.³ Эта ис-

---

1 Di Cosmo N. State Formation and Per iodization in Inner Asian History//Journal of World History. – vol. 10, #1. 1999. – P. 3 – 4.

2 Mongols, Turks, and Others: Eurasian Nomads and the Sedentary World. Eds Amitai, Biran-Leiden-Boston, 2006.

3 Manz B. F. Multi-ethnic Empires and the Formulation of Identity // Ethnic and Racial studies. Vol. 26, # 1, 2003-P. 70-101; Она же Nomads and settled in the Timurid military // Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Eds Amitai, Biran-Leiden-Boston, 2006.. –P 425-455.

следовательница выступила с критикой утвердившегося формального разделения населения империи Тимура на тюрко-монгольскую военную сферу и иранскую (таджикскую. – Л.Д.) гражданственную, общественную.¹ Она опровергает это ложное утверждение и доказывает, что ираноязычное население (таджики. – Л.Д.) было вовлечено не только в гражданскую, но и в военную деятельность. Приведенные ею исторические свидетельства доказывают, что ремесленники, население городов вставали на их защиту во время завоеваний, а улама были не просто посредниками между обществом и управлением, но и помогали в организации защиты городов в дни осады. Таким образом, оседлое население, главным образом, иранское (таджики) играло важную роль в военных действиях, особенно в провинции, наряду с профессиональной армией.

Практика захвата, сбора человеческого капитала на завоеванных территориях была введена в демографический, экологический стиль номадизма и стала базовой моделью для его правителей. При дворах кочевников можно было встретить слуг, ремесленников, ювелиров из разных стран и регионов, что обеспечило космополитический характер всей культуры. Новый подход демонстрирует и Т. Аллсен в своих работах, посвященных человеческим ресурсам в Монгольской империи.² Автор демонстрирует более широкий взгляд на взаимодействие различных народов в процессе сотрудничества и трудовой деятельности, главным образом, при дворе и в королевских мастерских. По своему этническому и социальному происхождению, языку и принадлежности к конкретной конфессии все работники значительно различались между собой, а вместе составляли новый мультиэтнический, демографический и общественный капитал. Однако в государствах номадов «культура всегда имела опору на оседлое население, а потому без заимствований ее развитие было невозможно».³

К 80-м годам XX в. накопленный материал стал вступать в явное противоречие с новыми историческими материалами, изучение которых наглядно свидетельствовало об ином уровне этносоциокультурного развития обществ, составивших их субкультур, нежели допускала старая научная доктрина. В

---

1 Manz B. F. *Multi-ethnic Empires*. .... –P 445.

2 Allsen T. *Ever closer encounters: the appropriation of culture and the apportionment of peoples in the Mongol empire.* // *Journal of Early Modern History.* – Vol 1, #1, 1997. – PP. 1-23

3 Allsen Th. *Culture and Conquest in Mongol Eurasia* –Cambridge, 2001. – p. 34; Он же. *Commodity and Exchange in the Mongol Empire. A Cultural History of Islamic Textile.* – Cambridge, 1997-PP. 11, 16, 28.

этом смысле характерно заявление Ю. Брегеля, который писал: «Изучение Центральной Азии, особенно постмонгольского периода на Западе, несёт на себе сильный отпечаток холодной войны. Советологи и им подобные не были знатоками истории, ни тем более культуры ислама, истории и культуры кочевников Внутренней Азии. Они не знали «классических» языков ислама: арабского, персидского или чагатайского для того, чтобы изучать Центральную Азию».¹

Появлению нового спектра оценок исторических обществ, безусловно, способствовали достижения современной исторической политологии и постстарной этнографии в изучении общетеоретических проблем социогенеза, разработка понятийного аппарата. В этом контексте особый интерес представляет книга Э. Смита «Этнические истоки наций», в которой он отверг прежние взгляды на историю нации, как на изначальную историческую данность или же порождение капиталистического и индустриального развития. В изложении своей версии и новых подходов к изучению цивилизации он представляет возникновение наций, как результат генеалогического развития досовременных этнических образований,² что в принципе близко к теориям современных исследователей Центральной Азии.

Одной из важных составляющих национальной идентичности он считает историю, которая создает мифы о золотом веке своего народа со своими прародителями, мудрецами и героями. Нередко романтический национализм оказывается ни чем иным как «исторической драмой», а главной в этом случае становится идея линейного развития, характерная для средневековья. Этой же идее романтического национализма народов Центральной Азии посвящены работы известного американского ученого А. Халида,³ но уже в эпоху просвещения.

Огромная литература по истории Центральной Азии ныне чаще всего освещает не отдельные темы, а историю цивилизации в целом, ее общую характеристику, что само по себе показательно. Особого внимания заслуживает работа Ю. Брегеля, который составил «Исторический атлас Центральной Азии». Это одна из самых выдающихся работ в данной области, поскольку может служить краткой историей региона, отраженной в

---

1 Bregel Y. Notes on the Study of Central Asia // Papers on Inner Asia – №. 28. – Bloomington: Indiana University, 1998.. – P. 29.

2 Smith A. D. The Ethnic Oriigins of Nations. Oxford, 1999.

3 Khalid A. The politics of Muslim cultural rforms. Jaddism in Central Asia. – London, 1998.

картографических иллюстрациях.¹ Систематизация, проведенная исследователем, показывает совершенно новый подход к изучению цивилизации региона, поскольку работа основана на прекрасном знании материала, его обобщении, сравнительном анализе. Она представляется наиболее удачной работой, особенно в сравнении с многотомной историей цивилизации Центральной Азии, выпущенной ЮНЕСКО.²

По мнению отдельных ученых, с середины XVII в. два фактора стали основополагающими в развитии цивилизации региона: кризис во всех сферах государства и обретение статуса «пассивного региона» в международных отношениях и в торговле. Словом, впервые после монгольского нашествия она стала «реципиентом мировой истории».³

Предметом дискуссий в западной науке являются такие понятия, как «Туркестан» и «туркестанская нация», которые, по мнению отдельных ученых, никак не отражали и до настоящего времени не соответствуют реальной картине региона, а носят исключительно однобокий этнический характер.⁴ В исследованиях немецких ученых, посвященных современному состоянию Центральной Азии, непременно подчеркивается этническая особенность восточных иранцев (таджиков), отличающая их от других титульных наций в государствах региона.

Проблема языка фарси, дари и таджикского, памирских языков является одной из важных проблем в зарубежной литературе, так же, как и определение этнонима «таджик» и состояние таджикских общин за рубежом.⁵ Процесс изменения языковой политики в Таджикистане после об-

---

1 Bregel Yu. An Historical atlas of Central Asia. //Handbook of Oriental studies. Section eight. Ed. By Denis Sinor and N. Di Cosmo. Vol. 9. – Leiden; Boston, 2003.

2 History of Civilization of Central Asia. UNESCO. 6volumes. – Paris, 1992-2005.

3 Adsheed S. A. M. Central Asia in World Historyю1993-Р. 177.

4 Geiss P, G, Pre-tsarist and Tsarist Central Asia: Communal Commitment and Political Order in Change// Central Asian Studies, № 12, 2004; Pander K. Du Mont Kunst-Reiseführer Zentralasien. – Berlin, 2012.

5 Sims-Williams N, Eastern Iranian languages. // Encyclopaedia Iranica. – Leiden, 2010; Bosworth C. E., Fragner B. G. «TĀDJĪK». Encyclopaedia of Islam. – Leiden, – 1999.; Lorentz M.. Die direhte Rede im Tajikischen. //Monumentum G. Morgenstierme 11. – Leiden, 1982. Perry J., Tajik i. The Ethnonym: origins and application: <http://www.iranicaonline.org/articles/tajik-i-the-ethnonym-origins-and-applicatio> «Nordhoff S.; Hammarström H.; Forkel R. Shughni–Yazgulami/Glottolog. Leipzig, 2013; Они же. //Glottolog-. Leipzig, 2014; Они же. Wakhi. //Glottolog. – Leipzig, 2014; Wendtland A. The position of the Pamir languages within East Iranian// Orientalia Suecana – # LVIII, 2009; Perry J. R. From Persian to Tajik to Persian: Culture, politics and law reshape a Central Asian language, Linguistic Studies in the Non-Slavic Languages of the Commonwealth of Independent States and the

ретения им политической независимости и принятие закона о статусе таджикского языка породили достаточно много проблем, в частности, вопрос о его использовании в науке.¹ Исследование процесса смены языка, «деруссификация» в годы независимости показывают, что количество и накал дискуссий в области языковой реформы в настоящее время значительно сократились, больше внимания стало уделяться непосредственному экспериментированию в области языковой реформы.² Исследователи приходят к выводу, что выбор дальнейшего пути развития таджикского народа следует рассматривать, как дилемму, компромисс между национальной культурной традицией и модернизацией.

Особую группу составляют исследования, посвященные этнической истории Памира, его языкам и самосознанию, историография которой в краткой форме представлена в фундаментальной работе Ф. Блисса.³ Он начинает свой обзор с сообщений Птолемея, Марко Поло, рассматривает достижения О. Олуфсена, Дж. Вуда, сэра Ф.Э. Янгхасбенда, Т. Гордона и многих других европейских и российских путешественников XIX в., современных ученых, касающихся этногенеза населения и его индоиранского происхождения.⁴ Весьма важна публикация 2002 г., включающая в себя каталог памятников, собранных в период экспедиций, и «антропологические» фотографии жителей региона, сделанные О. Олуфсеном в период его пребывания на Памире.⁵

Особое место занимает диссертационное исследование С. Давлатшоева

Baltic Republics. / ed. H. I. Aronson. – #8. – Chicago, 1996, pp. 279-305; Beeman W. O. Persian, Dari and Tajik in Central Asia. – Washington, 2006; Келльнер Х. Б., Ландау Я. М. Языковая политика в современной Центральной Азии: национальная и этническая идентичность и советское наследие. Пер. с англ. О. Богдановой. – М., 2015; Foltz R. The Tajiks of Uzbekistan// Central Asian Survey. – #15(2)? 2006. P 213–216; Cordell K. Ethnicity and Democratisation in the New Europe. – Routledge, 1998; Jonson L. Tajikistan in the New Central Asia. I. B. Tauris, 1996.; Fragner B, G, Selected Writings. Eds. A. Panaino, V. Sadovski. – MI, 2015.

- 1 Rzehak L. Der Gesetz uber die sprache im Tajikistan, //Deutsche Welt. – #10, 2009. – P. 73.
- 2 Sundermann W. An early attestation of the name of the Tajiks// MedioIranica, ed. W. Skalmowski and A. van Tongerloo, Louvain, 1993, pp. 163-73; Bashiri I. Tajik Ethnicity in Historical Perspective? 1998; Culture Name Tajik; Tajikistani; Tajiki: [http://www. everyculture.com/Sa-Th/Tajikistan.Tajiki](http://www.everyculture.com/Sa-Th/Tajikistan.Tajiki). The ethnonym: Origins and application. <http://www. iranicaonline. org/articles/tajik-i-the-ethnonym-origins-and-application>.
- 3 Bliss F. Social and Economic Change in the Pamirs (GornoBadakhshan, Tajikistan). – London and New York, 2006.
- 4 Bliss F. Ук. соч. – P. 18
- 5 Fihl E. Exploring Central Asia. Collecting Objects and Writing Cultures from the Steppes to the High Pamirs 1896-1899/Ed. by I. Nicolaisen. 2 vols. – London, 2002.

«Формирование этнической идентичности и консолидация памирцев в Таджикистане» на английском языке¹, имеющее чисто теоретический характер и практически не основывающееся на исторических фактах. Выходец с Памира, он главной целью своей работы сделал анализ терминологии этничности, опираясь на фундаментальные исследования российских, таджикских и западных исследователей. При этом он предпочитает использовать больше термин история территории, нежели история этнических групп, поскольку последние, по его мнению, не имеют общей истории и воспринимают себя как отличные друг от друга общности в формате одного региона. Автор не признает их общую религию исмаилизм этнодифференцирующим и консолидирующим фактором. По его мнению, исмаилизм, являющийся определенным маркером этнической идентичности памирцев, не имеет большого воздействия на самосознание, так как светская часть населения Памира воспринимает его больше как этнополитический тренд, нежели чистую веру.

Перестроечным моментам в истории Средней Азии, Таджикистана и Памира посвящен ряд публикаций, в которых наряду с политическими моментами затрагиваются и проблемы этничности, регионализма, этнического сознания таджикского народа в транзитный период.² Особое место

---

1 Davlatshoev S. «The formation and consolidation of Pamiri ethnic identity in Tajikistan. » Diploma thesis of Master of science. 2006.

2 Emadi H. Politics of Transformation and Ismailis in GornoBadakhshan, Tajikistan. // Internationales Asien forum. – Vol. 29 (1998), No. 1-2, p. 5-22; Zimmermann B. A Society in Transition: Ismailis in the Tajik Pamirs. Diploma thesis. University of Bern 2006; Karim H.: The Quest for Excellence: Towards a Cultural Renaissance? Revised and edited version of an article that originally appeared in The Ismaili United Kingdom, 2000; Kreutzmann H. Ethnic minorities and marginality in the Pamirian Knot: survival of Wakhi and Kirghiz in a harsh environment and global contexts// The Geographical Journal, Vol. 169, No. 3, September 2003, pp. 215-235; Atkin M. Tajikistan: reform, reaction, and civil war. / Eds. I. Bremmer and R. Taras, (eds.), New States, New Politics: Building the Post-Soviet Nations. – Cambridge, 1996; Lubin N. Islam and Ethnic Identity in Central Asia: A View from Below. /Ed. Ya. Ro'i. // Muslim Eurasia: Conflicting Legacies-Portland, 1995; Akiner Sh. Tajikistan: Disintegration or Reconciliation? // Central Asian and Caucasian Prospects. – 2001; Shahrani A. Why did nationalism fail in Tajikistan// Europe-Asia Studies. – Nov. 1996; http://www.findarticles.com/p/articles/mi_m3955/is_n7_v48/ai_19226485/pg_1; Foroughi P. Tajikistan: Nationalism, Ethnicity, Conflict, and Socio-economic Disparities-Sources and Solutions//Journal of Muslim Minority Affairs. – Vol. 22. No. 1, 2002: <http://taylorandfrancis.metapress.com/media/9/BGKWLWTMKWHA4K2UX4G/Contributions/0/0/W/T/0DWTMWGKNUGXGMJ3.pdf>; Tadjbakhsh Sh. Economic Regionalism in Tajikistan. The Royal Institute of International Affairs, – March, 1996.: Online: www.ciaonet.org/wps/tas02/; Beeman W. O. The Struggle For Identity in Post-Soviet Tajikistan//Meria – Vol. 3, No. 4, 1999: <http://meria.idc.ac.il/journal/1999/issue4/jv3n4a7>.

занимают публикации, посвященные различным видам культуры таджиков (архитектуре, ремеслу, музыке, литературе и т.п.).¹ В зарубежных исследованиях нашли отражение специфические проблемы равноправия женщин в историческом аспекте, теоретические и методологические аспекты женского вопроса, гендерный баланс в Таджикистане.² Другие аспекты этнической истории таджиков отражены в ряде диссертационных исследований.³

В последние годы был проведен ряд медицинских, антропологических и генетических исследований населения Центральной Азии.⁴ Одним из них является анализ, сделанный группой генетиков, в состав которой входили европейские и таджикские ученые. Их заключение свидетельствует о том, что «генетический ландшафт Центральной Азии есть результат вторжения восточных тюркоязычных групп в регион, в котором издревле проживало оседлое население, в настоящее время представленное таджиками».⁵

---

html:Bergne P. The birth of Tajikistan. National Identity and the origins of the Republic-London, 2007; Laruelle M. The Return of the Aryan Myth: Tajikistan in Search of a Secularized National Ideology// Nationalities Papers. – Vol. 35, No. 1, 2007.

- 1 Bliss F. Social and Economic Changes in the Pamirs (Gorno-Badakhshan, Tajikistan)-London – New York, Middleton R. Roof of the World». A short history of discovery and exploration of the Pamirs/ –Dushanbe, 2005; Он же The Pamirs-History, Archaeology and Culture-Dushanbe. University of Central Asia. – 2010; Он же: Opening the»Roof of the World». A Short History of the Discovery and Exploration of the Pamirs. Mountain Research and Development. Vol 25, #2. May 2005; Middleton R., Thomas H. Tajikistan and High Pamirs. A Companion and Guide – New York, 2007; WolfR. K. Music and the emotions: perspectives from 30 years in South and Central Asia //Серия открытых лекций Междисциплинарный дискурса в контексте взаимоотношения гуманитарных и естественно – научных исследований. – Душанбе, 2015. – С. 46-61; Benjamin K. D. Beyond the Roof of the World: Music, Prayer, and Healing in the Pamir Mountains. – Oxford-New York, 2011.
- 2 Falkingham J. Women and Gender Relations in Tajikistan. <http://www.adb.org/>; Niyozov S. Realities of Being a Woman-Teacher in the Mountains of Tajikistan: Les Montagnards d'Asie centrale, Cahiers d'Asie centrale – #11-12, 2004. – P. 1 – 68., Corcoran –Nantes V. Lost Voices. Central Asian Women confronting transition-London-New York, 2005; Fathi H. Femmes d'autorite dans l'Asie Centrale contemporaine. Quete des anctres et recompositions identitaires dans l'Islam postsovietique-Paris, 2003.
- 3 Tajikistan Research Resources: tajikistanresearch.org/dissertations.
- 4 Keshvjee S. Bleeding babies in Badakhshan. Symbolism, Materialism and Political economy of Traditional Medicine in Post Soviet Tajikistan. //Medical Antropogy Quaterly. – vol. 20, #1, 2008. – P. 72-93.
- 5 In the heartland of Eurasia: the multilocus genetic landscape of Central Asian populations. European Journal of Human Genetics. 2011. – № 19. – P 216–223: www.nature.com/ejhg

Раздел II
ИСТОРИЯ СЛОЖЕНИЯ
ТАДЖИКСКОГО ЭТНОСА

Глава I
ДРЕВНЕЙШИЕ ПРЕДКИ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА.
ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ИСТОКИ СЛОЖЕНИЯ
ИНДОИРАНСКОЙ ОБЩНОСТИ В
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
(Неолит. Бронза)

1. Пути заселения Центральной Азии в каменном веке

Этот раздел не претендует на попытки найти истоки таджикского народа в столь отдаленные тысячелетия, а лишь пытается воссоздать картину первоначального заселения обширных территорий Средней Азии и Казахстана. Необходимость заглянуть в те времена определяется тем, что каменный век не только самый длительный, но и самый важный период в истории человечества. В его пределах произошли глобальные перемены физического облика гоминид от первого известного вида *Homo – Homo habilis* (человека умелого) до *Homo sapiens* (человека разумного) – человека современного вида. В технологии обработки орудий пройден путь от примитивных орудий в виде оббитых галек до эффективных вкладышей-микролитов и шлифовальной техники. В хозяйственной сфере – от «инстинктивного» труда к социально-общественному: от использования остатков «трапез» хищников и мяса естественно погибших животных к коллективной охоте; от простого собирательства к переработке полученных продуктов. На заключительной стадии каменного века «неолитическая революция» осуществила скачок от присваивающего хозяйства к производящему. В социальной сфере пройден путь преобразования небольшого бродячего первобытного стада в позднеродовую общину. Ду-

ховная сфера отмечена возникновением языка, искусства, религии. Бытовая – освоением и добычей огня, устройством жилищ, началом использования одежды, возникновением гончарства. В общем, каменный век ознаменовался появлением и совершенствованием как самого человека, так и всего того, что определяет бытие человеческого общества.

Трудовая деятельность, является одним из главных компонентов этногенеза, так как именно она составляет базу жизнеобеспечения народа, уровень которого в определенной мере накладывает отпечаток на его внешний облик. Этот процесс включает множество аспектов, один из них заключается в определении первоосновы, на которой в течение тысячелетий проходило постепенное сложение глубокой и многосторонней культурной общности, охватившей всю территорию Средней Азии. В период неолита в результате эволюционного развития складываются три основных культурно-хозяйственных образования – джейтунское, кельтеминарское и гиссарское объединившие, разрозненные ранее племена в единые социумы. Гиссарская общность стала одной из важных и, пожалуй, основополагающих предпосылок в сложении таджикского народа.

Если трудовая теория является основой в построении этногенеза человечества в целом, то на сложение отдельных народов оказывали влияние и другие факторы. Все современные народы сложились из разнородных племенных групп, и они есть результат миграционных перемещений и популяционных контактов, включая физическое и культурное смешивание, протекавшее в течение всей истории человечества.¹ Эти процессы, начавшиеся еще в период палеолита, продолжают и в настоящее время.

Л.Н. Гумилев в своей работе «География этноса в ее исторический период» приводит высказывание великого ученого древнего Китая Сыма Цянь, по мнению которого историческое время – это цепочка событий, связанных причинностью.

Они конечны: начавшись с какого-то, иногда даже незаметного факта, события текут как лавина, до тех пор, пока не иссякает инерция, а остатки «материала», вовлеченного в этот процесс, не улягутся в покое. Тогда начнутся новые процессы, неповторимые в деталях, но сходные в общих чертах.²

---

¹ Тишков В.А. Пространство, граница и культура в советской и постсоветской этнологии // Человек: его биологическая и социальная история.-Москва-Одинцово, 2010. – Т.1. – С.49.

² Гумилев Л.Н. География этноса в ее исторический период. – Л., 1990. – С.7.

Рассматривая историю ранних периодов, ученые на первый план выдвигают две проблемы. Первая – это расселение палеоантропов, когда они появились в том или ином регионе, откуда и какими путями они пришли. Вторая – влияние миграционных процессов на создание гибридных локальных культур, сливавшихся в общее развитие каменных индустрий и отражавших потенциальные возможности общества в определенные исторические эпохи.

Остановимся сначала на первой. Существовало несколько точек зрения на возможные географические центры появления человека. Такими считались Центральная Азия, Юго-Восточная Азия и Африка. Несмотря на отчаянное сопротивление сторонников азиатского происхождения человека, в результате исследований археологов, антропологов, генетиков и ученых других специальностей окончательно установлено, что родиной человека является Африка.¹ Констатируя данный факт, В.А.Ранов отмечал, что «...люди выделились из животного мира в Восточной Африке... и постепенно расселились по Старому Свету. Это не единственная гипотеза, и как все научные гипотезы, она имеет свои сильные и слабые стороны. Однако она наиболее логична согласно фактическому материалу, который дают раскопки самых ранних стоянок человека каменного века».²

Согласно выводам генетиков, именно в Африке около 6,6-7 млн. лет, произошло разделение эволюционной ветви гоминидов на австралопитеков и человекообразных обезьян. Но прошло еще несколько миллионов лет пока ископаемые люди стали осознанно использовать палки, камни для добывания пищи, нападения и защиты, а затем и целенаправленно изготавливать первые орудия. Человек, умеющий делать орудия, возник 2,6-2,4 млн. лет назад во время жесточайшего экологического кризиса в Восточной Африке, однако первые люди смогли выжить.³

Наиболее древние и известные на данное время стоянки гоминидов дислоцируются в северо-восточной части Восточно-Африканского рифта. Были выделены два очага, характеризующиеся различными принципами расщепления камня. Универсальными инструментами, созданными *Homo habilis* на стоянках бассейна р.Када Гона и ущелья Олдувай, были галеч-

---

¹ Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас.–М., 1985.– С.42-48.

² Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. – М., 1988. – С.5.

³ Зубов А.А. Трудные эпизоды в ходе расселение древнейшего человечества // Российский археологический ежегодник. – 2012, № 2. – С.13.

ные орудия.¹ Край речной гальки заострялся путем оббивки, противоположная ей сторона оставалась нетронутой, удобной для держания в руке. Такие орудия – чоперы (односторонняя оббивка) и чоппинги (двухсторонняя оббивка), несмотря на свой примитивизм, обеспечивали все необходимые для того времени несложные трудовые процессы: расчленение туш животных, разбивание костей, рубку ветвей (рис.1.1). Индустрия второй группы стоянок бассейна р.Омо и Западного Туркана базировалась на технике мелких отщепов (длиной 1-3 см) и орудий на них.²

Как ни были примитивны эти первые орудия, но даже для их изготовления необходимы абстрактное мышление и способность к последовательным действиям, приводившим к ожидаемым результатам. По мнению А.П. Деревянко, уже первые архантропы демонстрируют умение отбирать сырье, применять устоявшиеся приемы расщепления камня и способность планировать этот процесс, а точность удара, наносимого для скалывания отщепа, указывает на контроль за движением руки и особенно ее кисти при производимых работах.³

Следующий, исключительно важный эпизод в истории древнейшего человечества, был связан с началом «Великой миграции». В период 1,8-2 млн. лет назад *Homo erectus* (человек прямоходящий) шагнул в будущее. Покинув пределы своей родной Африки, он отправился в долгий и трудный путь освоения Евро-Азиатского континента, осуществлявшийся многими поколениями в течение многих тысячелетий, различными группами эректусов и завершившийся на территории Китая, Юго-Восточной Азии и Австралии (рис.2).⁴ Процесс заселения архантропами Евразии был медленным. Он вел как к успехам в освоении все новых территорий, так и к поражениям, когда под воздействием природных условий ойкумена значительно сужалась. Этот путь положил начало первому Великому переселению народов.⁵

---

¹ Leakey M. Olduvai Gorge. – Cambridge, 1971. – Vol. 3.

² Semaw S. The world's oldest stone artifacts from Gona Ethiopia: Their Implication for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution between 2,6-1,5 Million Years Age // Journal of Archaeologist Scientist. – 2000. N 27. – P 1197-1214.

³ Деревянко А.П. Проблема заселения древними популяциями человека Евразии. // Современные проблемы археологии. Материалы всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г. Новосибирск). – Новосибирск. 2006. – Т.1. – С.25-34.

⁴ Алексеев В.П. Расселение и численность древнейшего человечества // Человек заселяет плату Земля. Глобальное расселение гоминид. – М., 1997. – С. 247-254.

⁵ Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккумуляция в раннем палеолите Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. – М., 2006. – Книга 1. – С.25-34.

В изучении палеолита преобладает мнение, что из Африки было два миграционных потока, поскольку на стоянках, обустроенных в начале пути *Homo erectus* в Евразию, прослеживаются разные индустрии. Так, на стоянках Убейдия и Гешер-Бенот-Яков присутствуют орудия характерные для олдувайской культуры, а на стоянке Бизат Руханп (Израиль) – индустрии долины р.Омо. В Европе в диапазоне 1 млн. – 600 тыс. лет комплексы с олдувайскими традициями были распространены в Закарпатье (Королево), Чехословакии (Пржезлетицу), а подобные индустрии долины р.Омо – в Штудгарте (ФРГ), Вертешселлеш (Венгрия) и др.¹

С победой версии африканской родины человека решилась и вторая дискуссионная проблема – исходная точка заселения Азии. Расселение архантропов проходило через Суэцкий перешеек, по побережью Средиземного моря в сторону Ближнего Востока.² Пока там не найдено палеолитических местонахождений древнее 1,4 млн. лет, но, как считает Х.А.Амирханов, они обязательно найдутся, потому что именно оттуда должно было происходить первоначальное заселение человеком Кавказа, Ирана и Средней Азии.³ Это подтверждается находками архантропов на стоянке Дманиси в Грузии, возраст которой определяется в 1,5 млн. лет.⁴

В настоящее время определены два магистральных направления расселения древнейших популяций в сторону востока. Изначальный путь, осуществленный *Homo erectus*, мог начаться на Африканском роге, пересечь Баб-эль-Мандебский пролив, тянуться вдоль Аравийского моря и через Индо-Гангскую равнину достичь Китая и острова Ява (рис. 2). От этого маршрута, отметившегося в Пакистане на стоянках Риват и Пэбби-Хиллс,⁵ вероятно, отпочковалась небольшая ветвь, направившаяся на север осваивать районы Гиндукуша и Памиро-Алая. Горные системы того времени были намного ниже. Их поднятие пришлось на вторую половину среднего плейстоцена, поэтому они не представляли существенных преград, а климатиче-

---

¹ Гладылин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. – Киев, 1990. – С.124-129.

² Лаухин С.А., Поспелова Г.А., Ронен А., Ранов В.А., Шаронова З.В., Волгина В.А., Бурдукевич Я., Цацкин А. Древнейшие миграции палеолитических людей из Африки в Европу вдоль берега Средиземного моря: палеомагнитные свидетельства // Доклады АН. - Т. 309. - № 3. - 1999. – С. 393-396.

³ Амирханов Х.А. Палеолит юга Аравии. – М., 1991. – С.57-71.

⁴ Габуния М.К. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского нагорья. // Археологические Вести. – 2007. – Вып.14. – С.11-19.

⁵ Dennell R.W., Rendell H.M., Hailwood E.A. Early Tool-making in Asia. Tow-million-years old artifacts in Pakistan. // *Antiquity* – 1988. – Vol.62, N.234. – P.98-106.

ские условия были вполне благодатными,¹ что способствовало миграции в сторону современных районов Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и далее в Монголию и Северный Китай, ставших наиболее северными районами обитаемой ойкумены человечества в раннем плейстоцене. Следует отметить, что самые древние стоянки с галечной индустрией в Средней Азии пока найдены только в южных районах Таджикистана и Туркмении, а более поздние – севернее, в Киргизии и Казахстане. В последующий период с поднятием Гиндукуша, Гималаев, Каракорума, Тянь-Шаня и Памиро-Алая эти горные системы стали не только непреодолимым барьером для южных муссонов, но и полностью преобразовали ландшафт, предопределили, по видимому, мозаику в ареале палеолитических культур.²

В.П. Любин предложил рассмотреть еще один путь. Согласно его предположению, в период теплого лихвинского межледниковья синхронного с ранней и средней стадиями ашельской эпохи, *Homo erectus* приступил к расширению пределов ареала шелльско-ашельской провинций. Разделившись на Ближнем Востоке, поток мигрантов проник на Кавказ, затем по северному побережью Каспийского моря – в Казахстан и Среднюю Азию.³ Реальность этого пути через Кавказ сначала подтверждалось наличием стоянки Азых (Азербайджан), комплекс каменных орудий нижних слоев которой сравнивается с олдувайской индустрией, а верхних слоев со стоянки Убейдия (Западный берег р.Иордан).⁴ В последние годы возможность движения *Homo erectus* в этом направлении подтверждена новыми находками обоими типами индустрий. На севере Армении обнаружены доашельские и ашельские стоянки Даштадем 3, Курьян, Мурадово, Карахач.⁵ В Дагестане индустрия стоянок Айникаб 1,6, кроме чопперов и чоппингов, включает отщепы средних (3-7 см) и мелких (менее 3 см) размеров, составляющие 32% от всего количества находок.⁶ На стоян-

---

¹ Чедия О.К. Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986. – 314 с.

² Таймагамбетов К.Т. Геолого-геоморфологические условия Казахстана, проблемы палеогеографии и среда обитания древних гоминид в аридной полосе Евразии // Изв. НАН РК. Серия общест. Наук. – 1993. - № 5. – С.21.

³ Любин В.П. Проблема первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. – 1998. – № 5. – С.15-39.

⁴ Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1985. – С.63.

⁵ Любин В.П., Беляева Е.В., Ожерельев Д.В. Исследование раннего ашеля в северной Армении // АО 2010-2013 гг. – М., 2015. – С.483-486.

⁶ Тамазов А.И. Работы на стоянке Айникаб 1 и Айникаб 6 в Центральном Дагестане // АО 2010-2013 гг. – М., 2015. – С.424-426.

ке Мухкай III, среди орудий доминируют чопперы, имеющие определенное сходство с олдувайскими.¹ Материалы стоянки Мухкай I, служат надежным подтверждением концепции каспийского пути, как одного из направлений заселения Евразии.²

Естественно, путь на восток не был прямолинейным. В.А. Ранов предложил модель эстафетной миграции первобытного человека. Модель предполагает не быстрое и целенаправленное расселение мобильных групп в поисках лучших природно-хозяйственных угодий, а эстафету поколений, последовательно осваивающих новые территории и передающих импульс этого движения через тысячи лет. При этом, попадая в разные природные условия, первобытный человек приобретал разнообразный опыт, в результате чего, расходясь по планете, человек менял свой облик, свои навыки, исходные материалы для обработки артефактов, изменял производственные традиции.³

Первоначальное освоение Туркменистана палеолитическими людьми, согласно предположениям В.П. Любина и Л.Б.Вишняцкого, основанным на индустриях стоянок и местах их расположения, происходило из Восточной Азии через Таджикскую депрессию и предгорья Паропамира в сторону Копетдага, где найдены пункты, возраст которых определяется 1 млн. – 800 тыс. лет. Они были оставлены популяциями, принесшими с собой галечную технику обработки камня, с орудийным набором, включавшим чопперы, чоппинги и аморфные отщепы. Приход населения с запада не подтверждался соответствующими данными – вплоть до Ближнего Востока подобные культуры не фиксировались.⁴

Реальность движения из Восточной Азии подкрепляется выводами палеозоологов. По мнению Б.Х. Батырова, некоторые виды млекопитающих (архар, безоаровый и винторогий козел, леопард и др.) проникли на территорию Средней Азии по долинам древних рек с юга – из Афганистана, Ин-

---

¹ Ожерельев В.Д., Селезнев А.Б. Работы Северокавказкой палеолитической экспедиции на многослойных стоянках Мухай I, II в 2010-2013 гг. // АО 2010-2013 гг. – М., 2015. – С.409-412.

² Селезнев А.Б. Исследование раннепалеолитической стоянки Мухай I в 2011-2013 гг. – Л., 2014. – КИСИА. Вып.235. – С.98.

³ Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Авторф. дис.... д-ра ист.наук. – Новосибирск, 1988. – С.5.

⁴ Вишняцкий Л.Б., Любин В.П. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблема первоначального заселения // Археологический альманах.- Донецк, 1995. - № 4. – С.41-46.

дии.¹ Поскольку все эти виды относятся к основным объектам охоты древних людей, то вполне вероятно, они могли двигаться вслед за мигрирующими животными.

В последние годы найдены свидетельства, говорящие о возможном движении древнейших популяций в сторону Копетдага с запада. В провинции Ардебиль (северо-запад Ирана) открыта стоянка, которая по геоморфологическому положению отнесенная к доашельскому времени, а технико-типологическая характеристика соответствует галечно-отщеповой индустрии.²

Так что в настоящее время можно рассматривать возможный маршрут архантропов с доашельской галечной технологией вдоль южного побережья Каспия, затем по северным предгорьям Копетдага с выходом в Афгано-Таджикскую депрессию. Аргументами в пользу этого маршрута служат – доступность движения, а также его прямизна, по сравнению с круглым путем через южную Азию. Кроме того, именно по этому уже проложенному древними архантропами пути, продвигались и неандертальцы, и сменившие их носители верхнепалеолитических культур.

Если приход первой волны переселенцев на равнины Туркменистана пока точно не определен, то маршрут второй, принесшей ашельскую традицию ручных рубил (рис.1.2) – с северо-запада – через Закавказье и Северный Кавказ в Восточный Прикаспий, не вызывает сомнений. Подобное движение было возможно в период регрессий Каспия, когда его уровень опускался на 120 м ниже современного, и возникала сухопутная связь между Мангышлаком и Северным Кавказом. В состав инвентаря мастерской на Красноводском полуострове, Янгаджам-Каратегинского местонахождения, Джанака (окраина плато Устюрт) местонахождений Кызыл-Бурун, Га-Куш, Алам-Куль были найдены бифасы, типологически сопоставимые с ашельскими изделиями.³ Архаичность комплекса подтверждается находкой Х. Юсупова нескольких крупных ручных рубил, напоминающих, по оценке В.П. Люби-

---

¹ Батыров Б.Х. Фаунистические комплексы антропогена Узбекистана // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XIII Международному геологическому конгрессу (Вашингтон, 1989). – Кишинев, 1989. – С.5-8.

² Дервянко А.П. Три глобальных миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. – Новосибирск, 2015. – С. 106-111.

³ Любин В.П. Палеолит Туркмении // СА, 1984, № 1. – С.231-245; Вишняцкий Л.Б. О возрасте палеолита северо-западной Туркмении//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С.88-91.

на, таковые из кавказских пещерных стоянок Кударо, Азых и Цона, что не противоречит гипотезе движения через северное побережье Каспия. Проникновение этой индустрии с юга – непосредственно с территории Ирана, минуя Ирак, маловероятно, поскольку там находки ручных рубил, или единичны, или отсутствуют вовсе.¹

Выразительницей процесса первоначального заселения территории современного Южного Таджикистана стала каратауская культура, представленная последовательно сменявшимися во времени стоянками: Кульдара – 950 тыс. лет, Каратау-1, Оби-Мазар-6, Лахути – 600 тыс. лет, Оби-Мазар-4, Хонако-3 ПК 4 – 400 тыс. лет, Хонако-3 ПК 2 – 200 тыс. лет. Все стоянки обнаружены в палеопочвах, заключённые в лёссовые накопления, мощность которых на некоторых участках достигает 200 м (рис.3).² Хронология стоянок обеспечивается данными геологической стратиграфии, термолюминесцентного палеомагнитного анализов лёсса и почв, корреляцией лёссово-почвенных разрезов, как региональных, так и территориально удаленных.³ Галечная культура стала стержнем и для более поздних индустрий, пройдя через весь каменный век, она закончила свое существование в эпоху бронзы. Раскопки стоянок, проведенные в последние годы, доказали, что жизнь на лёссовых адырах Южного Таджикистана после Кульдары уже никогда не прерывалась.⁴

Технические индексы инвентаря стоянки Кульдара показывают, что до территории современного Таджикистана первыми дошли архантропы, принесшие с собой традиции изготовления мелких отщепов. Набор находок Кульдары состоит из артефактов, имеющих длину 2-4 см. Но, как отмечал В.А. Ранов, галечные технологии, зародившейся на первых африканских стоянках, на новых территориях обрели своеобразный облик, показавший особую фацию галечных индустрий и устойчивость ее развития в горных районах Средней Азии.

Таким образом, архантроп достаточно быстро преодолел огромные пространства и не позднее 1 млн. лет назад начал заселять обширные азиат-

---

¹ Любин В.П. Туркменистан в эпоху палеолита//Археологические вести.-СПб, № 8.-С.21, 25.

² Додонов Е.А., Ранов В.А. Геохронология памятников каменного века Южного Таджикистана // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгрессу ИНКВА (Канада, 1987 г). – М. – С.187-196.

³ Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе, 1973. – С.34-48.

⁴ Ранов В.А. Генезис и периодизации памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории и культуры таджикского народа. – Душанбе, 1992. – С. 36-37.

ские территории.¹ Были освоены равнинная часть, предгорья и среднегорная зона. В высокогорьях Памира и Тянь-Шаня их присутствие пока не отмечено. Из-за типологического однообразия галечной индустрии она не поддается временному расчленению. Поэтому на данный момент остается неясным, была ли эта миграция хронологически последовательной, этапы которой отделены друг от друга несколькими сотнями тысяч лет. Или она параллельно осуществлялась различными группами *Homo erectus*, разделившимися на Ближнем Востоке на два потока, двинувшихся по северному и южному побережьям Каспия вглубь Центральной Азии.²

Для всех стоянок Азиатского континента, основанных архантропами первой миграционной волны, технология сопоставима с олдувайской галечно-отщеповой индустрией. Основной чертой которых является присутствие четко выраженных типов. В результате длительного развития (несколько сотен тысяч лет) и в значительной изолированности популяций друг от друга, а также различных природных условий на огромной территории Центральной Азии наблюдаются некоторое своеобразие в индустриальных комплексах. Это был закономерный процесс, хотя вся история развития культуры человека происходила в одной популяционной среде – *Homo erectus*. При этом следует признать, что наличие двух технических традиций – крупных и мелких орудий, но галечных по своей сути, возможно, подразумевает и наличие в среде *Homo erectus* определенных подвидов, принесших на территорию Средней Азии две идеи обработки камня, зародившиеся на их прародине – в Африке. Конечно, это движение не было стремительным и архантроп, хотя и примитивный, но вполне человеческий, шаг за шагом, в течение многих тысячелетий осваивал новые пространства.

Со вторым крупным миграционным потоком, который начался примерно 600-500 тыс. лет назад связано распространение ашельской индустрии с леваллуазской системой первичного расщепления камня и с частичной или полной заменой чопперов и чоппингов на бифасы. Определяя эволюцию технических приемов этого периода, известный советский археолог Г.П.Григорьев утверждал: «Олдувайские индустрии однородны в пределах всей ойкумены: каких-либо подразделений внутри нее выделить не удастся. В ашеле картина уже иная. Все известные ашельские памятники укладываются в три разновидности: северный ашель (долины

---

¹ Любин В.П. *Homo Erectus* – первооткрыватель Евразии // Природа. - № 11. - 1997. – С.3-12.

² Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб, 1996. – С.254-267.

Соммы и Темзы); южный ашель, распространенный в Африке, и ашель с чопперами – Азия».¹ По существу в технике обработки камня произошло первое глобальное подразделение, которое определило все дальнейшее развитие индустрий на Евразийском континенте. Главная технологическая особенность заключалась в принципах вторичной обработки орудий. Для западной зоны основополагающей становится сплошная бифасиальная обработка поверхности орудий. Типичное орудие – рубило (рис.1.2). В среднем палеолите на его основе появляется его уменьшенная копия – листовидный остроконечник, а в мезолите – наконечник стрелы. Эти типы орудий не становятся доминирующими в среднеазиатских индустриях на всем протяжении каменного века. Так, кремневые наконечники стрел, обработанные струйчатой ретушью, на территорию Таджикистана были принесены андроновскими племенами в конце эпохи бронзы. В восточной зоне на всем протяжении каменного века сменялись различные культуры, но основополагающей оставалась краевая обработка рабочих лезвий, а в Таджикистане основным орудием остаются чопперы и чоппинги.

Вторая миграционная волна с носителями новой ашельской технологии обработки камня и новых видов орудий, ярким типом которых являлось ручное рубило с бифасальной обработкой поверхности, Таджикистан обошла стороной. Расселение древних популяций с ашельской индустрией охватило преимущественно северо-восточное побережье Каспия и Северный Казахстан.² Одним из факторов, затрудняющих продвижение переселенцев к югу, являлся географический. Крайней точкой находок ручных рубил, считая от вероятного северного миграционного пути, является древнее русло Узбоя. Пра-Амударья и Сырдарья, впадавшие в Каспийское море, отгораживали юг Средней Азии от ее северных территорий, чем создавали серьезные препятствия для передвижения.

При своем продвижении на восток новая популяция человека встретила население первой миграционной волны, в результате произошел синтез двух индустрий – предшествующей галечной и новой ашельской. Однако подобное смешение на территории Средней Азии проявлялось в разной степени: на одних территориях в индустриальных комплексах больше прослеживается ашельских элементов, на других – галечных.³

---

¹ Григорьев Г.П. Северный ашель, южный ашель, кавказский ашель // Всесоюз. археол. конф. Достижения советской археологии в XI пятилетке. – Баку, 1985. – С.19-20.

² Аникович М.В. О миграциях в палеолите // Stratum plus, 1999, № 1. – С.72-82.

³ Григорьев Г.П., Ранов В.А. О характере палеолита Средней Азии. – Тез. докл. сессии посвящ. Итогам полевых археолог. исслед. в 1972 г. в СССР.-Ташкент, 1973.- С. 195-197.

В этом отношении показательна мозаичная картина, сложившаяся на территории Казахстана. Ашельские памятники с рубилами распространены в районе Мугоджарских гор, на северном побережье Арала.¹ На севере Казахстана (Обалысай) и в центральных районах (Музбель) продолжали существовать памятники с галечной традицией.²

Местонахождения с бифасами, леваллуазскими и дисковидными нуклеусами известны на западе, на юге-западе мелкосопочника (Жаман-Айбат-4), в центральной (Вишневка-3) и северо-западной частях Казахстана (Ак-Кошкар, Курома – ранний этап и др.) (рис.4).³ На стоянке Кзылкиндик отмечено сосуществование чоппингов и ручных рубил.⁴

В горах Каратау на стоянках шель-ашельского времени Борыказган, Акколь и др. отмечается незначительное вливание в галечную индустрию только одного элемента ашельской – ручных рубил. Суть дела отражает количественное соотношение чоппингов и ручных рубил в соотношении 1 к 22-25, что указывает не на конвергенцию отдельных ашельских элементов в орудийном наборе, а появление самой ашельской индустрии в результате переселения на эту территорию популяций человека с запада.⁵

В ашель-мустьерский период картина почти не меняется. На стоянках и местонахождениях хребта Каратау прослеживаются два направления: 1) пункты Токалы 1-3 (32 чоппинга и 6 рубил), Сулейменсай 31-34 (47 и 3), Дарбаза, Кзылрысбек и др. соединяющих двухсторонние дисковидные нуклеусы и подобных леваллуазским – с чопперовидными ядрищами; 2) галечная техника – пункты Дегере, Сулейменсай 1 и 4, Дауренбек.⁶

По мнению А.Г. Медоева: «Непрерывность трансформации и традиционализма каменных индустрий в палеолите Сары-Арка напоминает уди-

---

¹ Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. и др. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). Новосибирск, 2001; Чеха А.М. Местонахождение с бифасами в северном Приаралье. Периодизация и корреляция // Новые материалы и методы археологических исследований. – М., 2013. – С.12-13.

² Клапчук М.Н. Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане. // СА – 1971. – № 1. – С.193-195.

³ Волошин В.С. Стратиграфия и периодизации палеолита Центрального Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. Докл. межд. симпоз. – Новосибирск, 1990. – С.99-106.

⁴ Алпысбаев Х.А. Индустрия палеолита Южного Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980. – С.54-64.

⁵ Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана.-Алма-Ата,1979.- С.27-92.

⁶ Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана... – С. 96-128.

вительное единство эволюции артефактов африканской предыстории, в которой новые виды техники пополняли предыдущие, не упраздняя их».¹

Продвигаясь далее на восток, архантропы оставили следы своего пребывания на пещерной стоянке Сельунгур (Ферганская долина). Хотя в целом комплекс Сельунгура указывает на большое сходство с материалами из древнейших памятников Южной и Юго-Восточной Азии, он также включает ручные рубила, поперечные и овальные скребла, что предполагает передвижение групп питекантропов с Ближнего Востока, которым по мере своего продвижения пришлось взаимодействовать с аборигенным населением и перенять у них некоторые приемы галечной техники.²

Безусловный интерес среди киргизских памятников представляет коллекция стоянки Саламат-Булак, состоящая из отщепов, чопперов и чоппингов, позволившая Т.Т.Чаргынову заключить, что «процесс заселения Южной Киргизии происходил в период раннего палеолита носителями галечной культуры. На следующем этапе произошло наложение новой привнесенной ашельской традиции на более древние галечные, что наблюдается в материалах пещерной стоянки Сельунгур».³

На территории Узбекистана не найдены памятники с шельскими традициями, но ашельские слои с единичными бифасами присутствуют в комплексах Кызылалмы, на местонахождениях в горах Букантау. Основополагающей является стоянка Кульбулак, на которой выделены слои, относящиеся к нижнему, среднему и верхнему палеолиту, отражающие все этапы расселения и освоения древним человеком северо-западных отрогов Тянь-Шаньского хребта. М.Р. Касымов отмечает стабильность индустрии во времени – ашельские и мустьерские слои в техническом плане демонстрируют одну и ту же медленно развивающуюся линию, в которой наряду с крупными формами встречаются мелкие, порой миниатюрные изделия аналогичные орудиям с казахстанских стоянок Кошкурган и Шоктас и таджикостанской стоянки Кульдара.⁴

---

¹ Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана, 2003. – Т.1. – С.17.

² Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // ВА. – 1988. – Вып.80. – С.42-48.

³ Чаргынов Т.Т. Многослойный стратифицированный палеолитический памятник Юлташ-Сай// Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.-Бишкек, 2007.- Вып.1.-С.13.

⁴ Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990.

В Таджикистане складывается иная ситуация.¹ Исследование лёссово-почвенных разрезов показало, что наиболее интенсивное освоение водораздельных пространств и низкогорий Южного Таджикистана имело место в период 600-500 тыс. лет (стоянки Каратау, Лахути).² Индустрия стоянок указывает, что этот район последовательно осваивали две группы палеоантропов. Сначала носителями микролитовидной индустрии долины р.Омо, а затем галечно-отщеповой района Олдувая. На основе микроиндустрии Кульдары и крупно-чоппинговой Хонако-2 и Лахути формируются культуры раннего палеолита Таджикистана. Хотя на поздних нижнепалеолитических местонахождениях микроорудия практически исчезают, но галечная основа первичного расщепления и вторичной краевой обработки каменных орудий сохраняется.³

Характеристика каратауской культуры определяется стойкой отщеповой техникой и типологией орудий, свойственной галечным культурам и отсутствием бифасально обработанных орудий, функционально замененных чопперами и чоппингами. Почти каждое индивидуально и здесь нет той стандартизации, которая свойственна среднему палеолиту. Эта техника продолжает фиксироваться на заключительном этапе каратауской культуры – в материалах стоянки Оби-Мазар. Но внутри нее происходит медленная эволюция приемов расщепления камня, что выразилось в наличии серии разнообразных по форме и размерам нуклеусов. Шагом вперед можно считать попытки предварительной обработки рабочих поверхностей нуклеусов. Последнее позволяет говорить о том, что на уровне рубежа нижнего и среднего палеолита уже фиксируются первые элементы новой среднепалеолитической культуры. В общих чертах каратауская культура представляет собой пре-мустьерскую индустрию на галечной основе с заметными элементами тайяжской традиции и без малейших признаков бифасов (рис.3, 4).⁴

---

¹ Додонов Е.А., Ранов В.А. Геохронология памятников каменного века... – С. 187-196.

² Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау I – древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // БКИЧП, 1977, № 47. – С.45-57; Schafer J., Ranov V.A., Sosin P.M. The «cultural evolution» of Man and the chronostratigraphical back-ground of changing environment in the loess pale soil sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tajikistan) // Anthropology. 1998. – V. 36. N 1-2. – P. 121-135.

³ Ранов В.А., Амосова А.Г. Завершение раскопок стоянки Каратау-1 // Древние цивилизации: История и культура. - М.: Восточная литература, 2001. – С.383-408.

⁴ Ранов В.А. Лёссово-почвенная формация Южного Таджикистана и лёссовый палеолит // АРТ. – Душанбе, 2000. – С.21-49.

Сходная ситуация наблюдается на стоянке Сельунгур.¹ По мнению В.А. Ранова, стоянки Южного Казахстана – Кошкурган и Шоктас вполне сопоставимы со стоянками Каратау и Лахути Таджикистана.²

Подобная феноменальная устойчивость каратауской культуры в течение многих тысячелетий тем более удивительна, что положение стоянок в погребенных почвах иллюстрирует прямую связь условий обитания древнего человека с цикличностью климатических изменений в аридной зоне. При всех тщательных исследованиях стоянки фиксировались только в палеопочвах и ни в одном случае в промежуточных лёссовых накоплениях. Даже больше – основная масса артефактов находилась в нижней части почвы климатического оптимума, формировавшейся в условиях наибольшего тепла и влажности.³ Это значит, что заселение лёссовых водоразделов и низкогорий в нижнепалеолитическую эпоху было тесно связано с изменением природных условий. В период активных фаз лёссообразования, сопоставимого с аридизацией климата, население покидало горные районы и уходило в подгорные равнины, более пригодные в этот период для жизнедеятельности и мигрировало назад во время климатических оптимумов. Во время плейстоценовых оледенений усиливались пыльные бури, и, очевидно, резко уменьшилось количество источников, и это приводило к тому, что водоразделы и адыры предгорной полосы становились трудными для жизни. Животные, служившие охотничьей добычей древних людей, покидали эти районы. Вслед за ними уходили люди.⁴

Галечно-отщеповая индустрия, с точки зрения производства и типологии каменных орудий, представляется достаточно однородной. Слабо развитая техника обработки камня не могла приводить к значительной вариабильности типов орудий, и практически всюду, где она была распространена, она представлена похожим набором орудий. Конечно, различный исходный материал, использовавшийся для этих орудий, вызвал и заметное разнообразие в локальных особенностях даже на столь ранней стадии развития палеолитических культур. Но, уже начиная с последующего – ашельского этапа положение заметно меняется – часть орудий становится обладателями устойчиво повторяющихся признаков. Для

---

¹ Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Палеолитическая стоянка Сельунгур.- С.42-48.

² Ранов В.А. Лёссово-почвенная формация... – С.36.

³ Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. – 1984. – № 4. – С.21-30.

⁴ Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии – М., 2002. – С.141.

ашельской эпохи мы сталкиваемся с явлением, которое вызывает непрекращающиеся споры.

Речь идет о существовании двух больших зон распространения ашельского человека, в которых развитие техники обработки камня шло по своим собственным, отличительным друг от друга путям: зона, в которую входят Африка, Средиземноморье, Азия и зона Центральной и Северной Европы. В первом случае – это зона галечных орудий, продолжавших традиции олдувайской культуры, во втором – это зона ручного рубила-бифаса. На данный момент существуют две точки зрения образования этих двух зон. Согласно первой – это результат неодинаковости темпов развития не связанных общностью происхождения групп населения, перешедших от использования твердого отбойника к мягкому и созданию на этой основе новых принципов вторичной обработки. Завершающей стадией этого процесса является бифас. Согласно второй – это результат раздвоения единой генетической подосновы на самостоятельные линии развития.

Наиболее четко эта гипотеза была сформулирована американским ученым Х. Мовиусом.¹ В настоящее время она не является уже столь всеобъемлющей: в зоне ашельских рубил нередко памятники, в которых галечные орудия – чопперы и чоппинги занимают весьма заметное место, и, наоборот, там, где в основном, распространены галечные орудия, нередко памятники, в которых в значительном количестве присутствуют ручные рубила. При этом нельзя исключать появление рубил на территории преимущественного распространения чопперов и чоппингов, как отражение миграционных волн движения с запада на восток. Что же касается обратного момента, то накопленные материалы четко показывают, что памятники с индустриями обоих типов не имели абсолютного распространения, а располагались чересполосно.

Наиболее показательны в этом плане памятники Средней Азии и Казахстана дающие исключительно интересный материал, в котором проявляются различия, как типологические, так и технические. За все время интенсивных исследований горной части не удалось найти ни одного ручного рубила и вообще какого-либо орудия с бесспорной бифасальной вторичной обработкой. В равнинной части орудия с двухсторонней обработкой, в том числе ручные рубила присутствуют, хотя ашельская техно-

---

¹ Movius H.L. Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia, Cambridge; Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, 1944.– 126 p.

логия в европейском понимании этого термина не доминирует. Следовательно, среднеазиатский регион является важной областью для решения сложной проблемы соотношения ручных рубил и галечных орудий, как отражение сосуществования различных популяций того времени.

Итак, распространение ашельской культуры в Средней Азии начинается 600-400 тыс. лет назад. С этого времени в нижнепалеолитических местонахождениях появляются бифасиальные орудия и леваллуазская техника первичного расщепления. В Азии, как и в Европе, с продвижением миграционной волны древних популяций человека происходит не замещение автохтонного населения, а процесс ассимиляции: в равной степени метисация населения и смешивание культур. Данные археологии подтверждают, что малочисленные ашельские группы пришельцев были поглощены более многочисленным местным населением. Влияние бифасальной техники в разных районах Средней Азии не одинаково, причем она нигде не доминировала, а только добавляла некоторое количество новшеств в уже сложившуюся галечную культуру. С запада на восток прослеживается следующая картина. Бифасы найдены на Красноводском полуострове и на Мангышлаке, а галечные орудия – в предгорьях Копетдага. Культура ручных рубил достаточно четко фиксируется в западной и центральной частях Казахстана. Стоянки казахстанского мелкосопочника (Сары-Арка) вообще не были затронуты этим процессом. В Южном Казахстане бифасы встречаются в комплексах с галечными орудиями, причем составляют незначительный процент.

На стоянках Кульбулак и Сельунгур они проявляются отдельными экземплярами. До горных районов Средней Азии миграционная волна с ашельской традицией не дошла. В Таджикистане признаки ашельской техники отсутствуют вовсе. Не пошла она и дальше в сторону Алтая, Китая и Юго-Восточной Азии. Крайним пунктом является группа местонахождений в горах Семизбуг (Северное Прибалхашье), в коллекциях которых сочетаются бифасы и чопперы.

А.П. Деревянко считает, что на территориях, через которые с Ближнего Востока двигался второй миграционный поток переселенцев, несших с собой леваллуазские приемы первичного расщепления камня, сохранилось население, представляющее первую волну мигрантов. Дальнейшее развитие палеолитических индустрий происходило путем наложения на древнюю галечную традицию пришедшей ашельской. Чересполосица и раз-

нообразии получившихся вариантов, вероятно, были следствием устойчивости старых традиций и восприимчивости новых, которые находились в прямой зависимости от количественного соотношения аборигенного населения и пришлого, а также степени их воздействия друг на друга и естественной ассимиляции между собой.¹

А.П. Окладников считал, что Средняя Азия входила в зону контактов двух провинций: а) обнаруживающих сходство с переднеазиатскими; б) с сибиро-монгольской и восточно-азиатской областями.² По мнению Л.Б. Вишняцкого, «...домустьерские и мустьерские материалы Средней Азии «работают» на концепцию А.П. Окладникова; их географическое распространение на сегодняшний день находится в соответствии с этой концепцией.³ На эту концепцию работает и антропология. Предполагается, что расселение австралопитековых из Африки началось задолго до основного первого установленного переселения, когда зоны пустынь на Синае и в Передней Азии еще не было. Подтверждением этому служат антропологические находки в Турции, указывающие на распространение на этой территории антропоидных обезьян. Существует гипотеза, что происхождение Номо, скорее всего, полифоническое. Вторая гипотеза предполагает возможность расовой дифференциации уже в период палеолита, согласно которой обособление монголоидной расы началось не позже 1 млн. лет.⁴ Эта гипотеза о двух очагах расообразования: западном и восточном, обоснованная крупнейшим советским антропологом В.П. Алексеевым,⁵ начинает подтверждаться новыми находками в Юго-Восточной Азии и Китае, на территории которых проходило параллельное совершенствование азиатского *Nomo erectus* и галечных культур.⁶

Согласно антропологическим находкам из пещеры Сельунгур, мы можем предположить, что до самого конца нижнего палеолита пространства

---

¹ Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. – № 2 (22). – С.22-36.

² Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // МИА, 1958. – № 66. – С.68-70.

³ Вишняцкий Л.Б. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методика, концепции) // СА, 1989. – №1. – С.15.

⁴ Зубаков В.А. Эволюция первобытного человечества и климат... – С. 182.

⁵ Алексеев В.П. География человеческих рас. – М., 1974. – С.125-126.

⁶ Деревянко А.П., Шуньков М.В. Сколько предков у современного человека // В защиту науки. – 2012. № 9. – С.59-65.

Средней Азии осваивал один вид первобытного человека – *Homo erectus*. Но второй индивид из этой пещеры относился к пренеандертальцу, что соответствует дате верхней части разреза 126.000 ± 5000 лет.¹ Эту находку можно связывать как с местным совершенствованием *Homo erectus*, так и с приходом новой популяции, вооруженной леваллуазскими приемами обработки камня.

Как считают ученые, уже на примере галечных орудий фиксируется довольно сложный внутренний механизм в динамичной по своей сути производственной деятельности людей периода нижнего палеолита. Произошло, прежде всего, возникновение, а затем и формирование творческого мышления, его технологических и конструктивных компонентов, реализация в каждой конкретной ситуации всей совокупности его знаний, опыта и навыков. Изобретение леваллуазских приемов было не просто техническим прогрессом в технологии обработки камня, а шагом вперед в умственном развитии человека.²

В исторической науке существует несколько эволюционных теорий. К одной из них относится теория скачкообразного прогресса. Если признать эту теорию, то один из таких «скачков» был совершен в переходный период от шелля к ашелю. К этому времени человек дошел до уровня первоначального абстрактного создания образа нужного ему орудия и последующего его воплощения в материальном виде. «Наличие в культуре древнейших людей орудий определенной закрепленной формы свидетельствует о выработке абстрактного представления как высшего этапа нервно-психических процессов. Ручное рубило можно рассматривать как документальное свидетельство наличия абстракций у людей шелльской эпохи».³ Еще дальше в своих предположениях идет Дж. Гоулетт, который на основе анализа технических признаков ручных рубил с памятников Восточной Африки, заключает, что хотя *Homo erectus* не занимался искусством, но основные интеллектуальные предпосылки для этого уже выражены в его деятельности. Симметрия,

---

¹ Величко А.А., Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Исламов У.И., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П., Чиколини Н.И. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур (Советская Средняя Азия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С.79.

² Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. – Ленинград, 1983. – С. 141.

³ Кочеткова В.И. Эволюция мозга в связи с прогрессом материальной культуры // У истоков человечества. – Л., 1964. – С.203.

хрупкость и совершенство отделки некоторых из ранних ручных рубил, безусловно, выходят за рамки основных утилитарных нужд и могут отражать первое эстетическое восприятие формы.¹

Но, как считает Н.К. Анисюткин, отсутствие бифасов не может являться показателем неравномерности развития. Постановка вопроса преимущества «носителей рубил» над «носителями чопперов» может считаться наивной. Сложность изготовления бифасов, требующая больших затрат сил, а хрупкость орудия за счет тонкого сечения, делает их не очень рациональными по сравнению с чопперами. Не является случайным и тот факт, что бифасы на Ближнем Востоке исчезают уже в конце ашеля, вытесняясь отщепами и орудиями на них.²

Экспериментальные опыты показали, что в раннем и среднем ашеле технология обработки бифасов оказывала влияние на формирование орудий из отщепов, так как первоначально многие бифасы, так же, как и чопперы, одновременно были и нуклеусами. На первых этапах прогрессивная роль бифасов над чопперами заключалась в специфике их изготовления, при котором количество сколов-заготовок резко увеличивалось. В дальнейшем совершенные по форме и технологии обработки бифасы позднего ашеля сами по себе уже не отражали прогресса производства, который надо искать в усложнении технологии раскалывания камня, наборе орудий на отщепах, увеличении коэффициента их использования.³

Значительные перемены произошли и в образе жизни палеоантропов. Общее развитие выразилось в усложнении структуры стоянок. Начали возникать более или менее постоянные места обитания, типа охотничьих лагерей. Эта эволюция хорошо прослеживается в каратауской культуре. На Кульдаре, Обимазаре, Каратау не было обнаружено никаких следов структурных образований. Только на стоянке Лахути, относящейся к заключительной фазе каратауской культуры, был определен горизонт, сохранивший мелкие раздробленные кости животных.⁴ Большое количество

---

¹ Вишняцкий Л.Б. На подступах к искусству (палеолит) // Стратум: структуры и катастрофы. – СПб, 1997. – С.9.

² Анисюткин Н.К. Находки ручных рубил на территории Вьетнама // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Доклады Международной экспедиции). – Новосибирск, 1992. – С.11.

³ Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. – Ленинград, 1983. – С. 163-165.

⁴ Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение. – 1984, №4. – С.21-30.

найденных артефактов может свидетельствовать в пользу предположения о сложении достаточно крупных групп людей, служивших гарантом для более успешного выживания. Но большинство стоянок по-прежнему представляло собой временные лагеря в местах обеспеченных необходимыми биоресурсами. Охота еще не становится главной формой деятельности при добыче мясной пищи, ее основным источником по-прежнему являлись падаль и сбор мелких грызунов, ящериц и т.д. Трудно представить, что плохо вооруженный питекантроп мог справиться с такими грозными хищниками, как пещерный медведь, снежный барс, крупный тур или носорог. А именно кости этих животных в числе других были определены в пещере Сельунгур.¹ Исследуя адаптационную ситуацию группы стоянок Кошкургана и Шоктас, археологи предположили, что участки вокруг источника являлись естественными ловушками для животных, проходящих на водопой и завязавших в болотистых берегах. Стратегия выживания населения стоянок сводилась к попеременному посещению этих мест, с целью нахождения погибших животных. Окружающее пространство становилось местом разделки добычи и обитания до тех пор, пока хватало пищевых ресурсов, затем осуществлялся переход к другому источнику с очередной добычей.² Аналогичная ситуация наблюдается и на других стоянках, расположенных вблизи родников. Сорок девять культурных слоев стоянки Кульбулак демонстрируют появление и исчезновение отдельных типов орудий, что свидетельствует или о неустойчивости технических навыков, или о попеременном приходе различных коллективов. Это может служить подтверждением модели периодичности возврата к известному источнику, как к месту добываемых пищевых ресурсов.³ Но даже такой подход был связан с риском для жизни, о чем свидетельствуют находки на стоянке Дманиси, расположенной на берегу водоема, куда на водопой приходили травоядные (слоны, носороги, быки, лошади), и где их поджидали хищники (саблезубые кошачьи, гиены, медведи). Мно-

---

¹ Исламов У. Первая палеолитическая стоянка в Ферганской долине // ОНУ, 1984. - № 8. - С. 59.

² Деревянко А., Петрин В., Таймагамбетов Ж. Раннепалеолитические комплексы в травертинах Южного Казахстана (Вариант адаптационной модели) // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – Алма-Ата, 1997. № 3 (19). – С.112.

³ Касымов М.Р., Годин М.Х., Худайбердыев Т.Н. Домустьерские культуры на территории Узбекистана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1992. – С.41-42.

гочисленные останки этих животных и человека являются яркой иллюстрацией происходившей жестокой борьбы за добычу.¹

Трудности охоты и, вероятнее всего, ее подчиненная роль в хозяйственной жизни архантропов по отношению к более доступному и безопасному собирательству подтверждают данные антропологии. Изучение останков сельунгурских индивидуумов показало сильную стертость зубов, что говорит о преобладании употребления грубой растительной пищи (коренья, листва, зерно).

Подводя итоги достижений конца нижнепалеолитического периода отметим следующие моменты. Существенным шагом вперед является создание ручного рубила, что рассматривается учеными, как начало генезиса творческого мышления, а наличие среди древних орудий типа чопперов и чоппингов, мелких инструментов – выемчатых орудий, ножей, свидетельствует о расширении производственной деятельности, как показателя усложнения хозяйственных потребностей.

Другим шагом на пути развития человечества стало овладением ашельским человеком огнем. Следы использования огня в виде древесного угля, остатками костей млекопитающих, каменных изделий со следами пребывания в огне были найдены на стоянке Кульбулак.² Эти находки являются яркими свидетельствами усложнения социальной структуры гоминоид. По мнению израильских ученых, занимавшихся изучением стоянки Гешер Бенот Йа'аков (790 тыс. лет) социальная модель поведения группы пралюдей, населявших ее, предполагает создание очагов, которые становятся местом, где происходят социальное взаимодействие, изготовление орудий, приготовление и прием пищи.³

С такими позитивными результатами закончился первый период жизни древнейших людей.

Как уже отмечалось, в Средней Азии и Казахстане ашельской индустрии в ее классическом варианте не существовало, поэтому пока трудно утверждать, что незначительные признаки леваллуазской техники, кото-

---

¹ Бозински Г. Бежал ли робкий Номо Georgicus? Размышления о контексте находок в Дманиси (Грузия)/Ранний палеолит Евразии: новые открытия.-Ростов-на-Дону, 2008.- С.40-41.

² Касымов М.Р., Годин М.Х., Худайбердыев Т.Н. Домустьерские культуры .... - С.62.

³ Альперсон-Афил Н. и Горен-Инбар Н. Археологические данные, свидетельствующие о контроле и использовании огня в период раннего и среднего плейстоцена на местонахождении Гешер Бенот Йа'аков (Израиль) // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск, 2005. – С.5-7.

рые прослеживаются на ряде памятников, могли привести к конвергентному появлению мустьерской культуры среднего палеолита.

Долгое время средний палеолит сопоставлялся исключительно с мустьерской культурой. В настоящее время считается, что термин «мустье» не эквивалентен термину средний палеолит, поскольку индустрия мустье, во-первых, является только его финальной частью, и во-вторых, прослеживается только там, где расселились неандертальцы. Суть проблемы хорошо отражает оригинальное высказывание Е. Тринкауса и В. Ховеллса: «Все неандертальцы делали мустьерские орудия, но не все создатели мустьерских орудий были неандертальцами».¹

Развивая эту гипотезу, В.А. Ранов только неандертальцев связывает с культурой мустье. Он считает, что в странах, где мустьерские памятники отсутствуют, неандертальской фазы эволюции человека не существовало. Имеются только синхронные культуры среднего палеолита, продолжающие ее развитие на базе *Homo erectus*. И наоборот, мустьерская культура является археологическим отражением существования человека определенного типа – неандертальца, и эта культура ограничена определенными географическими рамками. Кроме того, мустьерская культура – это сложный социально-орудийный континуум, существовавший как минимум 40 тыс. лет и отличавшийся характерными, присущими только ему особенностями материальной культуры.²

Интереснейшей проблемой связанной с этой эпохой, является распространение так называемой леваллуазской пластинчатой техники обработки камня в зоне укоренившегося палеолита «азиатского типа», т.е. галечных культур. В.П.Любин по этому поводу отмечал: «Перед нами самый поразительный по своим масштабам пример расселения древних людей или распространения важнейших технических достижений».³

Судя по количеству стоянок, местонахождений и отдельных пунктов, мустье наиболее распространенная в Средней Азии археологическая культура среднего палеолита. В результате долгих дискуссий и накопле-

---

¹ Irinkaus E. and Howells W.W. The Neanderthals.//Scientific American.-Desember,1979.- P.118.

² Ранов В.А. О восточной границе мустьерской культуры // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума) – Новосибирск, 1990. – С.263-264.

³ Любин В.П. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа // Первобытный человек и природная среда. – М., 1974. – С. 169-177.

ния материала большинство ученых приняло концепцию А.П. Окладникова о появлении мустьерской индустрии на территории Средней Азии в готовом виде. Ее связывают с третьей миграционной волной, осуществленной популяцией неандертальцев 70-50 тыс. лет. Они заселили большую часть современной ойкумены – Европу, Ближний и Средний Восток, Кавказ, Среднюю Азию, Казахстан, проникли далеко на север (до Урала), освоили Сибирь. В Таджикистане они поднялись высоко в горы вплоть до 2000 м над уровнем моря – стоянки Шугноу и Дусти в Таджикистане.¹ В этом глобальном перемещении древней популяции и ее технических достижений Средняя Азия стала своеобразным ретранслятором леваллуа-мустьерской техники между Ближним Востоком и Сибирью.²

Особенностью мустьерской культуры является стандартизация заготовок, что достигалось применением специализированных технических приемов с участием отбойников. Первобытные мастера добились удивительной повторяемости процессов отделения пластин и отщепов, что привело к появлению леваллуазской техники, отразившей движение вперед и заложившей тем самым основы технической мысли верхнего палеолита. Но главным достижением является открытие зависимости между функцией орудия и его формой, размером и весом, что указывает на усложнение аппарата мышления у палеоантропов.³

В отличие от однообразных культур ашельского времени и раннего среднего палеолита, в эпоху мустье образуется большое количество различных технических вариантов, отражающих существование устойчивых, возможно, этнических традиций обработки камня. В техническом плане хорошо выделяются четыре варианта: 1) леваллуа-мустьерский; 2) типичного мустье; 3) мустьеро-галечный; 4) зубчатое мустье. Эти четыре варианта не только уживаются на одной ограниченной территории, но и определяют ситуацию, сложившуюся в Средней Азии и Казахстане.⁴ Выделенные локальные группировки показывают, что внутри больших па-

---

¹ Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.) // АРТ. – Душанбе, 1973. – Вып. X (1970 г.). – С. 42-61; Жуков В.А. Результаты разведки на плато Сагыр-Ахун (Малое Даштако) // АРТ. – М.: Наука, 1973. – Вып (1970 г.). – № 10. – С.285-287.

² Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение грота Оби-Рахмат. – Ташкент, 1972. – С.83-87.

³ Филиппов А.К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1983. – С. 9-71.

⁴ Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира. Дис... докт. ист. наук в форме научного доклада. –Новосибирск, 1988. – С.22.

леолитических периодов существовали определенные человеческие объединения, передававшие из поколения в поколение свои технические навыки. Отражают ли они сложение уже этнических группировок, однозначно утверждать невозможно. Но различия в технических приемах все же показывают процесс консолидации определенных коллективов, объединенных одними хозяйственными задачами.

Немногочисленные памятники, известные для территории Туркменистана, показывают довольно пеструю картину сложения мустьерских культур. Некоторое представление дают небольшие скопления мустьерских острий на Красноводском полуострове (Каскыр-Булак, Джанурпа), а также на бывшем морском дне близ станции Кара-Тенгир, неподалеку от Узбоя.¹ Местонахождения Джанак, Бадхыз и Большая и Малая Балаханы не позволяют охарактеризовать специфику этих материалов. Мало того, что характерные мустьерские орудия единичны, индустрии этих местонахождений отличаются друг от друга: в Данаке нет остроконечников, а в Каскыр-Булаке есть. Комплекс с местонахождений Балахана вообще не имеет аналогий ни в Туркмении, ни в соседних областях Узбекистана и Таджикистана.² Отдельную группу составляют местонахождения в горах Копетдага, в которых проявляются древние галечные традиции.³

Средний палеолит Казахстана представлен значительным числом вариантов: леваллуа-ашельским (Мангышлак и северная часть Центрального Казахстана, оз. Кудайколь); мустье-леваллуазским (Канай, Актогай); типично мустьерским (Кошкурган); мустье-соанским (Музбель единичный памятник этого варианта); зубчатым мустье (Бурма); мустье-ашельским, к которому относится самая многочисленная, и видимо, изолированная группа памятников Сар-Арка, и зубчато-выемчатым мустье в комплексе с чоппингами (стоянка Валиханова).⁴

В Киргизии имеются стоянки открытого и пещерного типа, местонахождения с небольшими, а то и вовсе единичными артефактами, стоянки-

---

¹ Окладников А.П. Древнейшее прошлое Туркменистана // Труды института истории, археологии и этнографии. – Ахшбад, 1956. – Т.1. – С.190-192.

² Любин В.П., Вишняцкий Л.Б. Открытие палеолита Восточной Туркмении // СА, 1990. - №4. – С.14.

³ Любин В.П. Туркменистан в эпоху палеолита... – С.22.

⁴ Артюхова О.А. Мустье Казахстана // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1990. – С.35-39; Алпысбаев Х.А. Памятники палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата 1979. – С.152-176.

мастерские, которые демонстрируют широкий спектр различных типов технологий. Индустрия стоянки Георгиевский Бугор приближается к мустьеро-соанскому техническому варианту, со слабо проявляющимися элементами леваллуазской техники.¹ Инвентарь стоянок Тосор, Юташ-Сай, Ак-Олон позволяет рассматривать его в рамках мустьерской культуры, с незначительным присутствием леваллуазской техники. Индустрия стоянки Капчигай и группирующихся вокруг нее местонахождения Айырбаз 1-5, Калча и Карамкуль, состоит из двух компонентов, один из которых – мустьерский, имеет аналогии с технологиями Ходжикента, Обирахмата и мастерскими казахстанского Каратау.²

Как считают киргизские исследователи, формирование среднепалеолитической культуры происходило на основе сочетания типично мустьерских форм, при значительном влиянии автохтонной традиции, в первую очередь позднеашельской, что весьма характерно для среднеазиатских памятников.³ Завершающий этап этого варианта прослеживается в материалах стоянки Капчигай II, позволяющий рассматривать его как иллюстрацию постепенной эволюции мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую, что нашло отражение в равных индексах обоих типов орудий. Разнообразные палеолитические памятники Кыргызстана полностью вписываются в схему среднеазиатского мустье. Как и многим другим стоянкам Средней Азии им присуща «переходная» стадия от мустье к верхнему палеолиту, что позволяет проследить постепенную эволюцию орудий труда, качественное улучшение техники первичного расщепления камня, появление призматической техники.

Как считают киргизские исследователи, формирование среднепалеолитической культуры происходило на основе сочетания мустьерских форм, при значительном влиянии автохтонной традиции, в первую очередь позднеашельской, что весьма характерно для среднеазиатских памятников.³

---

¹ Юнусалиев М.Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине – Георгиевский Бугор // По следам памятников истории и культуры Кыргызстана. – Фрунзе, 1982. – С.6-11.

² Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор // Археологические памятники Прииссыкуля. – Фрунзе, 1975. – С.42-51; Рыбин Е.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А. Типология расщепления камня в среднем палеолите Кыргызстана (по материалам стоянки Тоссор). Возвращение к истокам // Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск, 2015. – С. 127; Чаргынов Т.Т. Многослойный стратифицированный памятник Юташ-Сай // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.- Бишкек,2007.- Вып.2.-С.3-13.

³ Султанов Э. Палеолитическое местонахождение Капчигай II (по результатам

В Средней Азии по версии Р.Х.Сулейманова, смена мустьеро-левалуазских культур в хронологической последовательности происходила от Тешик-Таша к стоянкам Южной Ферганы, в том числе в зоне Кайракумского водохранилища, далее к Ходжикенту.¹ Наиболее логическую последовательность развития технологий показывают культурные слои Кульбулака. Уже в мустьерских слоях появляются новые типы инструментов – концевые скребки, орудия тейжского типа, отсутствующие или малочисленные на других среднепалеолитических памятниках. А в позднемустьерских слоях имеются конусовидные и призматические нуклеусы и соответствующие им пластинки, характерные для следующего исторического этапа – верхнего палеолита.² Почему-то игнорируется третья линия развития, сочетающая в себе элементы местной галечной технологии с принесенной неандертальцами – мустьерской, которая достаточно четко проявляется на стоянках Кутурбулак и Зирабулак.³

Исключительное значение для понимания среднего палеолита имеет стоянка Обирахмат (Узбекистан).⁴ Поскольку на настоящий момент на территории Средней Азии не выявлено непосредственных предшественников обирахматской культуры, ее появление считают результатом миграции в регион иных популяций и дальнейшего их взаимодействия с аборигенным населением. В целом, обирахматская индустрия относится к «...так называемым симбиотическим комплексам, демонстрирующим постепенное вызревание верхнепалеолитических традиций на среднепалеолитическом пластинчатом субстрате. Как на уровне первичного расщепления, так и среди категорий орудийного набора. При этом формирование начальной стадии верхнепалеолитической технологии – получение мелких пластинчатых заготовок, фиксируется уже в наиболее ранних комплексах обирахматской индустрии».⁵ Как

исследований 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.– Бишкек, 2005. – Вып.1. – С.3-7.

¹ Сулейманов Р.Х. Грот Оби-Рахмат и проблемы палеолита Центральной Азии // Археология Узбекистана. – Самарканд, 2010. – Вып.1. – С.25-29.

² Касымов М.Р., Гречкина Т.Ю. Кульбулак и его значение для первобытной археологии Центральной Азии // Археологические Вести. – СПб, 1995. - №4. – С. 7-24.

³ Ташкенбаев Н.Х. О результатах научных исследований палеолитической эпохи на территории Самаркандской области // Археологические исследования в Узбекистане. 2000 год. – Самарканд, 2001. – С.143-144.

⁴ Сулейманов Х.Р. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – С.83-87.

⁵ Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии. Автореф. док.дисс. – Новосибирск, 2012. – С.45.

считают исследователи, обирахматская культура не имеет продолжения, что связано, скорее всего, со значительным ухудшением условий обитания в период последнего ледникового периода. После улучшения климата, с рубежа 25 тыс. лет начинают возникать стоянки развитого верхнего палеолита, не имеющего корней, ни в обирахматской, ни в каком-либо другом из местных предшествующих технокомплексов.¹

Классическим примером сосуществования различных культур могут быть стоянки Таджикистана, представленные во всем разнообразии указанных выше вариантов. Памятники Северного Таджикистана – Кайрак-Кумы и Джар-Кутан и часть стоянок Южного Таджикистана – Хонако, Худжи, Дусти определяются как леваллуа-мустьерские. Они схожи и в первичных заготовках, и в наборе орудий.² Симбиоз местных традиций с пришлыми, отраженный в мустьеро-соанском варианте, демонстрируют стоянки Кара-Бура и Ак-Джар. Причем в отличие от стоянок Средней Азии, в которых галечные орудия если и есть, то в малом количестве, в Кара-Буре они доминируют.³ Сочетание индустрий наблюдается в материалах многочисленных местонахождений и стоянок в зоне Нурекского водохранилища, наиболее крупная из них – Кумтепинская скала (рис.5).⁴

Отличительными чертами этой группы являются два момента. Во-первых, в нурекских материалах галечный элемент выражен не так ярко, а мустьерский комплекс представленный леваллуазскими типами, отсутствует в Кара-Буре.⁵ К ним относятся призматические макро пластины, крупные треугольные сколы и остроконечники, схожие до такой степени, что можно думать, что все они принадлежат одной и той же группе людей.

Каким же образом происходил обмен между двумя популяциями? Вероятно, процесс был мирным, поскольку для овладения новыми и не-

---

¹ Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Индустрия грота Оби-Рахмат (Узбекистан) в контексте появления современного поведенческого комплекса на территории Средней Азии // АР. – Ташкент, 2009. – Вып.6. – С.131-135.

² Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. - Душанбе, 1962. – С.7-88; Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // АРТ. Душанбе, 1984. – Вып.ХVIII (1978 г.). – С.11-47; Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Предварительное сообщение о работе на плато Харгушон (Южный Таджикистан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2001. – С.299-209.

³ Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена. – С.79-81.

⁴ Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Палеолитические местонахождения среднего течения реки Вахш // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: Тез.докл.конф. посвящ. 50-летию открытия Тешик-Таша. – Ташкент, 1988. – С.85-86.

⁵ Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. Палеолит. – Душанбе, 1965. – Вып.1. – С. 50-80.

обычными технология обеим группам населения – местным и пришлым – необходимы были, говоря современным языком, «курсы по обмену опытом и повышению квалификации». Представить себе виртуальную передачу навыков расщепления камня достаточно трудно. При этом поражает устойчивость галечной традиции обработки камня, которую не смогли заменить даже прогрессивные для того времени неандертальцы.

Фация мустье типичного с высоким уровнем леваллуазской техники представлена стоянками Огзи-Кичик (рис.6), Семиганч и Магмуруд, причем все три относятся к финальной стадии среднего палеолита, поскольку содержат значительный процент верхнепалеолитических орудий.¹ На южной окраине Афгано-Таджикской депрессии (Афганистан) происходил аналогичный процесс. Бассейны рек Балх, Кундуз, Хульма и Кокча были плотно заселены племенами, практиковавшими в своей производственной деятельности наряду с типичной мустьерской техникой некоторые приемы верхнепалеолитической.²

К настоящему времени утвердилось следующее положение, касающееся палеолитических культур среднеазиатского региона. Мустьерская культура – пришлая, истоки ее не могут быть выведены из галечных, по своей сути, памятников Средней Азии. И пришла она довольно поздно, в уже развитом виде. Хотя существует и другая интересная мысль, высказанная А.П. Окладниковым. Согласно ей, развитие леваллуазской техники происходило непосредственно из приемов, свойственных местным галечным культурам.³ В принципе, это не безосновательно. Появление если не всех, то двух мустьерских элементов прослеживается довольно четко. Например, точно так же, как чоппинг постепенно превращался в ашельское рубило, так и галечный нуклеус с горизонтальным круговым скалыванием на конечной стадии своей эксплуатации обретал вид дисковидного нуклеуса.⁴

---

¹ Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г.: (Раскопки площадки перед пещерой Огзи-Кичик) // АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып. XI (1971 г.). – С. 5-26.; Ранов В.А. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА, № 185 (Палеолит и неолит СССР, т. VII). – Л., 1972: – С.100-110; Филимонова Т.Г., Радилловский В.В., Лим С. Открытие палеолитической стоянки в южных предгорьях Гиссарского хребта // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С.121-131.

² Dupree L. Stone age archaeology in Afghanistan // Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. – М., 1970. – Т. 5. – С. 406-417.

³ Окладников А.П., 1972. – С.6.

⁴ Филимонова Т.Г. Изучение каменного века в Советском районе в 1983г.// АРТ. – Душанбе, 1991. – Вып. XXIII (1983 г.). – С.147.

В.А. Ранов подчеркивал, что иммигранты палеолитической эпохи приходили не на пустое место – они вступали во взаимоотношения с уже освоившими эту территорию человеческими объединениями, иногда ассимилируясь с ними, иногда продолжая жить изолированно. Появление новых объединений первобытных людей, пришедших в Среднюю Азию с уже сложившимися традициями, проявило себя двояким образом. В одном случае, когда они были близки к существовавшим на данной территории культурам – их приход оставался малозаметным. Во втором случае, когда это были носители несколько иной культуры, то и оставленные ими стоянки резко отличались от местных, уже хорошо известных памятников. Все это порождало довольно сложную картину палеолита Средней Азии, картину развития различных палеолитических культур, представляющих собой в конечном итоге лишь разное проявление общего поступательного движения человеческой культуры.¹ В технолого-социальном плане это развитие выразилось в следующих показателях. В конце среднего палеолита уже широко применялся не один, а по крайней мере четыре технических приема расщепления камня, что давало возможность получать различные типы заготовок, в том числе и леваллуазские сколы. К одному из таких приемов относится получение сколов заранее predeterminedенной треугольной формы с дисковидных нуклеусов. Усовершенствование коснулось не только появления нуклеуса стандартной формы, но и принципа скалывания с него заготовок. Мустьерский человек осознал, что качество заготовки напрямую зависит от точности удара, а он в свою очередь – от степени подготовки нуклеуса, т.е. постоянной подправки края, разрушающегося после каждого предыдущего снятия. Значительное улучшение свойств рабочих краев орудий стало достигаться изобретенной контрударной ретушью. Пластины или отщеп помещали на наковальню и ударяли по ним деревянной колотушкой, удар передавался через заготовку наковальне, а от нее возвращался к заготовке, отбивая у нее мельчайшие сколы. Таким образом, весь производственный процесс состоял уже из целого ряда логически связанных между собой технических операций.

Весь комплекс усовершенствований в технологии камня привел к типологическому разнообразию орудий. Помимо единообразных ашельских рубил, выделено 63 типа орудий, что в целом отвечало расширению сферы производственной деятельности. Например, к этой эпохе относятся первые досто-

---

¹ Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена... – С.24.

верные свидетельства обработки шкур, которые являлись весьма ценным поделочным материалом. В инвентаре стоянок присутствуют скребки и проколки, с помощью которых производились их выделка и сшивание. На основании этих находок можно предположить, что шкура и кожа стали применяться мустьерскими охотниками не только для утепления и перекрытия жилищ, но и для изготовления одежды, ремней, мешков, служивших для переноса припасов, воды и т.д. Одни орудия оказываются специализированными, другие – многофункциональными. Так, совмещение операций скобления и резания при обработке шкур, производимых разными краями орудий, было подтверждено соответствующими экспериментами. Подводя итог морфо-трасологическому анализу мустьерских орудий, В.Е. Щелинский суммировал: «Воспроизведение экспериментальным путем технологий с целью изготовления сколов леваллуазских типов позволяет говорить о ней как о высшей ступени в развитии раннепалеолитической техники расщепления камня. Эта техника по существу вобрала в себя все достижения раннего палеолита в области обработки камня».¹

От ашеля к среднему палеолиту был пройден путь от древней техники обтёсывания целой гальки или желвака кремня до ручных рубил. Однако ни галечные орудия, ни бифасы не превратились в абсолютно адаптивные формы изделий. Уже в ашеле, а особенно в начале среднего палеолита, появляются мелкие бифасы и их производные – полностью или частично обработанные остроконечники, с иными функциональными назначениями. Хотя остроконечники, как предполагается, использовались в качестве наконечников копий и дротиков, ими также можно было резать и скоблить. Прогрессивная роль галечных орудий и бифасов закончилась на ранних этапах среднего палеолита, когда они уступили место новым техническим приемам и новым типам орудий. Теперь главным становится отщеп. Эта техника, зародившаяся еще в ашеле, была усовершенствована приемами подправки краев нуклеуса, что позволяло получать заготовку более правильных пропорций, в том числе удлинённых сколов, обладавших длинным рабочим краем.²

---

¹ Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. -Ленинград, 1983.-С. 86-131.

² Матюхин А.Е. О специфике культурного процесса в раннем палеолите (на примере галечных орудий и бифасов)//Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Ленинград, 1981. – С. 44-45.

Возникновение различных вариантов культур среднего палеолита есть результат взаимосвязанных факторов – усложнение технических возможностей и расширение производственных задач первобытных коллективов. Кроме того, в каждую эпоху при решении сходных хозяйственных задач существует как бы поле технических принципов, связанных с определенным компонентом природных материалов, В пределах этого поля строится форма изделий труда, и сознательно применяются те или иные приемы.¹

Исходя из этого, можно сделать вывод, что среднепалеолитические культуры уже соответствовали территориально обособленным самостоятельным устойчивым производственным ячейкам, вырабатывающим у себя на основе своего предыдущего опыта отдельные специфические детали техники, которые затем превращались в устойчивую традицию, закрепляемую и передаваемую из поколения в поколение. Наряду с этим существовал и природный фактор, что накладывало отпечаток на хозяйственную деятельность, создавая предпосылки для своеобразного хозяйственного уклада, отличного от соседних областей.

При всех спорах о правомерности выделения тех или иных локальных вариантов внутри мустьерской культуры, в конечном счете, все они были оставлены одной популяцией – выделившимся в эволюционном подразделении около 400 тыс. лет назад *Homo sapiens neandertalensis*. В среднеазиатском регионе появление этой популяции подтверждается тешикташским мальчиком и первой для Таджикистана антропологической находкой на стоянке Худжи – зуба неандертальца, отнесенного к прогрессивному переднеазиатскому виду.² В.П. Алексеев выдвинул идею об объединении тешикташского ребенка с находками в пещерах Амуд и Шанидар в единую переднеазиатскую группу, занимающую самостоятельное место внутри неандертальского вида,³ что предполагает совпадение мустьерских комплексов с этим антропологическим типом. Но наличие стоянок с галечным инвентарем не исключает еще долгого сосуществования неандертальцев с поздними формами *Homo erectus*, которые смогли передать свои накопленные знания по обработке камня будущим поколениям.

---

¹ Филиппов А.К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите. – Автореф. канд. дис. – Ленинград, 1977.

² Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребение неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) – Тешик-Таш // Палеолитический человек. – М., 1949. – С. 81; Trinkaus E., Ranov V.A., Laukhin S. Middle Palaeolithic Human deciduous in Cisor from Khudji, Tadjikistan. // Journal of Human Evolution. -2000.N38.-P. 575.

³ Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М., 1984. – С.9.

Появление неандертальцев в среде аборигенных *Homo erectus* повлекло за собой расширение и совершенствование охоты. Как считают антропологи, для детского возраста палеоантропов характерны ускоренный рост и остеонизация костной ткани. Сокращение возраста уязвимого детства, с одной стороны, имело важное селективное преимущество; с другой – требовало обязательного поступления большого количества пластических веществ (белков, жиров, углеводов, минеральных соединений). Поэтому социумы неандертальцев должны были гораздо больше зависеть от успешной охоты.¹

Увеличение доли охоты в хозяйственной деятельности отражено в остеологическом материале памятников. В горных районах, при преобладании охоты на козлов отмечается большое разнообразие и отсутствие специализации на определенные виды животных. Весьма показательны в этом отношении данные, полученные на стоянке Огзи-Кичик, расположенной в среднегорной полосе (высота 1100 м над ур.м.). Состав фауны показывает, что деятельность первобытных охотников проходила в нескольких природных поясах. Ими эксплуатировался нижний пояс гор, где располагалась их стоянка (кости дикобразов, черепах), они совершали дальние походы в более высокие зоны для охоты на овец и козлов-кииков (составляли 43% добычи), а также в долины, где обитали лошадь, осел, благородный олень и шерстистый носорог.²

В фауне Тешик-Таша большинство останков (84%) принадлежит сибирскому горному козлу, а единичные – лошади, гиене, медведю. Охотились тешикташцы и на мелких животных – зайцев, пищух, сурков, полевок и на птиц. Аналогичный фаунистический комплекс, относящийся к среднегорной зоне, с преобладанием охоты на горного козла, выделен также в материалах Обирахмата и Аманкутана.³

Исследования, проведенные в районе стоянки Тешик-Таш, помогли определить приемы охоты. Вокруг стоянки было найдено несколько гротов, в которых культурные слои отсутствовали, а палеолитические наход-

---

¹ Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Взрослые» дети неандертальцев: гистологическое исследование ювенильных индивидов из пещеры Окладникова // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск, 2013. – С.535.

² Ранов В.А., Шарапов Ш., Никонов А.А. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи Кичик (Южный Таджикистан) // ДАН Тадж ССР, 1973. – Т.16. – №7. – С.60-63.

³ Сулейманов Х.Р. Статистическое изучения культуры грота... - С.23, табл.2.

ки имелись в единичных экземплярах. Скорее всего, гроты служили местом засады у водопоев, в основном на горных козлов – кииков. Эти гроты и в настоящее время используются в том же качестве. Для круглогодичного обитания они были не пригодны, поскольку находятся на высоте 1750 м над ур.м., что предполагает суровый и длительный зимний период. Места длительного проживания находились на более низких отметках – в долине р.Мачайдарьи, с ее более мягким климатом.¹

В древнейший период удача на охоте зависела не столько от совершенства оружия, сколько от случайного стечения обстоятельств. В мустьерский период охота становится не только ведущей формой хозяйства, но и более эффективным и менее зависимым от внешних факторов видом деятельности и стимулятором развития коллективных форм труда. Структура, сложившаяся из базового лагеря, охотничьих стойбищ и мест засад, дает основание считать, что охота в мустьерской общине имела высокий уровень организации. Так, в Огзи-Кичике, Худжи, Тешик-Таше и других стоянках уже сложилась радиальная система сезонной охоты, когда базовый лагерь оставался главным в течение всего года, куда охотники возвращались после удачной охоты.²

В среднепалеолитическую эпоху группы людей еще не являлись предшественниками будущих племен. Историко-культурные, а чаще технологические культуры не отвечали каким-либо, даже неустойчивым, этническим объединениям. Но есть все основания полагать, что в этот период возникли прочные коллективы с усложнившейся социальной и бытовой организацией общества внутри них. Шагом вперед от нижнего палеолита к среднему является переход от бродячих стад, останавливавшихся на одном месте лишь на несколько дней, к коллективам, жившим на сезонно-оседлых стоянках. Основной причиной перемещения охотников-собирателей на новые места было сокращение пищевых ресурсов. Но как показывает обширная серия стоянок и местонахождений на берегах р.Вахш, эти перемещения совершались в пределах определенной, уже освоенной территории. На стоянке Огзи-Кичик признаки долговременного обитания отразились в структуре культурного слоя с выделяющимися производственными участками и возможным, культовым местом.

---

¹ Анойкин А.А., Гладышев С.А. Памятники каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан). // Археология и палеоэкология Евразии.-Новосибирск, 2004. -С.33-42.

² Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. -Душанбе, 2005. -С.121.

Поэтому не вызывает сомнения, что перед нами неслучайная остановка людей, а настоящий базовый лагерь, в котором люди жили долго и основательно. Набор разнообразных и тщательно обработанных орудий, фаунистические остатки, дают представление о занятиях людей населявших ее: охота, собирательство, изготовления орудий, организация жилого пространства, словом, всего того, что и определяет палеолитическую стоянку. Кроме того, появление долговременных стоянок и временных охотничьих лагерей отразило разнохарактерную, но согласованную деятельность различных частей древних коллективов, крепко спаянных необходимостью совместной борьбы за существование. Длительные охотничьи походы, доставка добычи на стоянки ограничили участие женщин и детей в этом виде деятельности наравне с мужчинами и ускорили половозрастное разделение труда. Женщина получила свою сферу общественно-трудовой деятельности: охрану жилища, поддержание огня, заботу о стариках и детях, сбор растительной пищи. Подтверждением этого разделения труда служат каменные орудия. Есть мнение, что они были специализированными: остроконечники были орудиями охотников, скребла – женскими для переработки полученной добычи.¹

К этому времени в структуре первобытного социума появляются новые элементы. Генетики, этнографы пришли к выводу, что, хотя к периоду мустье первобытные люди и не могли осознавать вредных последствий кровосмешения, однако уже сложились неосознанные нормы к переходу к экзогамии. Ш. Ауэрбах считает, что в маленькой изолированной общине, где часты браки между родственниками, в результате мутации появляется рецессивный ген, который делает одни популяции более успешными в создании жизнеспособного потомства, чем другие. В результате небольшая популяция может попросту вымереть или прийти к физической деградации ее членов.² Продолжая эту мысль Ю.В. Бромлей указывал, что эндогамия необходима как важное условие сохранения этноса любого уровня.³

Другим, ранее не существовавшим элементом социальной жизни, стал обряд намеренного погребения своих умерших сородичей с некоторыми признаками сопроводительных обрядов. В пещере Тешик-Таш знамени-

---

¹ Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления. – Л., 1971. – С. 35-37.

² Ауэрбах Ш. Генетика. – М., 1969. – С.99-102.

³ Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – С.114.

тое погребение неандертальского мальчика было обложено четырьмя парами рогов горного козла, в чем А.П. Окладников усматривает особую роль, которое играло в ту пору это животное.¹ В Огзи-Кичике было найдено сооружение, которое предположительно было отнесено к сакральному. Оно состояло из двух колец, сложенных из крупных валунов. Во внутреннем кольце находилось несколько рогов козлов и одна пара с частью черепной крышки. В.А. Ранов предполагает, что внешний круг служил для рассаживания участников церемонии, связанной с осуществлением какого-то ритуала типа «медвежьего культа».² Это, конечно, предположительное высказывание, поскольку по поводу скопления костей на стоянках среднего палеолита Европы и России, определяемых «медвежьим культом», имеются разноречивые мнения. Например, «прагматики» считают, что это кухонные остатки, помещенные в хозяйственные ямы. «Романтики» пытаются доказать, что в отдельных случаях подобные сооружения могут иметь идеологическое обоснование, связанное с зарождением религиозных культов.

Антропологи сумели установить, что в ряде случаев на останках людей сохранились следы от каменных орудий, свидетельствующих о посмертных манипуляциях. Такие следы установлены в погребении в Карапина (Хорватия), Комб Грена (Франция) и в Тешик-Таше. Правда, отличить следы отделения мяса при каннибализме от ритуальных манипуляций практически невозможно. Согласно этнографии, в обществах охотников и собирателей распространены захоронения с расчлененными останками промысловых животных, которых таким образом пытались вернуть к жизни, восстанавливая нарушенное равновесие в природе. В теоретическом плане можно предположить, что мустьерские охотники пытались вернуть к жизни человека таким же способом. Вполне вероятно, погребальный обряд мог возникнуть как магическое средство противостоящее смерти и позволяющее сохранить стабильность в коллективе.³

Но поскольку в том и другом случае присутствуют рога горных козлов,

---

¹ Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш // Тешик-Таш. – М., 1949. – С. 33-34.

² Ранов В.А. Скопление костей в пещере Огзикичик и его возможное культовое значение. Тез.докл. на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974-1975 гг. – Душанбе, 1976. – С.210-212.

³ Алексин В.А. Символика мустьерского погребального обряда // Локальные различия в каменном веке. – СПб. 1999. – С.103.

являвшихся, как показывают фаунистические материалы мустьерских стоянок, основным объектом охоты, а, следовательно, и благополучия общественной группы людей, то этот обряд, скорее всего, был направлен на обеспечение результатов охоты. Вероятно, к этому времени следует относить зарождение зоолатрии – культа животных, а первым почитаемым среди них считать козла. Его роль была настолько велика, что на тысячелетия закрепились в сознании людей. Рога козлов на шестах и в настоящее время часто можно увидеть на мазарах Южного Таджикистана. По этнографическим данным, мясо горного козла считалось священным и его поедали в особых случаях.¹ Изображению козла, придавали особое значение, и по этой причине он занимает первое место среди бесчисленных наскальных изображений почти всех исторических эпох не только Таджикистана, но и всей Центральной Азии.²

Других свидетельств духовной жизни неандертальцев не найдено. Пока нет никаких данных о проявления чувства прекрасного. Вероятно, они обладали лишь чувством симметрии и соразмерности частей в изготавливаемых ими орудиях. Но как считает Л.Б. Вишняцкий, отсутствие в культурах неандертальцев элементов искусства не говорит об их неспособности это делать. Они могли это делать, но не имели к этому стимула, чтобы эту способность реализовать.³

Последние исследования в области генезиса человеческого языка показывают, что неандертальцы также не доросли до использования членораздельной речи, их способности ограничивались возможностью продуцировать только грубые гортанные звуки. Древнейшей формой была кинетическая речь, т.е. язык телодвижений, жестов и мимики, которая развивалась в направлении звуковой.⁴

Значительно вперед продвинулись умственные способности неандертальцев, показателем чего является созданная ими совершенная леваллуазская технология обработки камня. Основная идея этой техники, заключающаяся в получении великолепных, пропорционально выдержанных пластин, не могла носить случайного характера, а была результатом целой суммы

---

¹ Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана // Учен. записки Тадж. Гос. Универ. – Сталинабад, 1956. – Т. XIV. – С. 100.

² Ранов В.А. Бегущая по скалам. – Душанбе, 2016; Petroglyphs of Central Asia / Tashbayewa K., Khujanazarov M., Ranov V.A., Samashev Z. – Bishkek, 2001.

³ Вишняцкий Л.Б. На подступах к искусству... – С.8-9.

⁴ Борисковский П.И. Начальный этап первобытного общества. – Л., 1950. – С.108.

приемов, воплощением конкретно поставленной и тщательно подготовленной в процессе скальвания задачи. Многие исследователи считают, что в деятельности неандертальцев уже просматриваются умственные способности очень близкие к современным людям. По мнению антропологов, занимающихся изучением эволюции мозга, он был вполне человеческим, без каких-либо отличий в своей организации от нашего собственного мозга.¹ Развитие мозга повлекло за собой повышение свода черепа и уменьшение лба, округление затылка. Эти признаки еще более связали облик неандертальцев с современными людьми. Здесь особенно четко прослеживается цепочка взаимосвязанных преобразований. Усовершенствованная трудовая деятельность стимулировала развитие мозга, что, в свою очередь, повлияло на процесс изменения внешнего облика человека.

Примерно 100-75 тыс. лет назад на базе всего накопленного предшествующего опыта начинается кардинальная смена технологических процессов первичного расщепления камня, вторичной обработки и расширения ассортимента орудий. Параллельно шел процесс физического развития палеоантропов. Согласно сторонникам моноцентрической гипотезы, в Африке 200–150 тыс. лет назад сформировался человек современного вида и 80–60 тыс. лет назад началось его распространение в Евразии. Примерно 40-35 тыс. лет назад очередной виток истории завершился. Неандертальцы, просуществовавшие около 100 тыс. лет и выжившие в суровых условиях самого жестокого ледникового периода, замещаются *Homo sapiens*, или, как его еще называют, кроманьонцем. Можно сказать, что если нижний палеолит был миром хомо еректусов, а средний – неандертальцев, то верхний палеолит – миром кроманьонцев. Так была завершена длительная эволюция, начавшаяся, когда-то среди стада обезьян. Отношение к тезису о завершении эволюции современного человека среди ученых двойственно. Одни из них считают, что на этом биологическое развитие человека, сформировавшееся под воздействием труда, сознания, речи, общества, закончилось и началось стремительное движение вперед материальной и духовной культуры.² По мнению других нельзя отрицать продолжения биологической эволюции у современного человека, но все сходятся на том, что скорость социальной эволюции пошла неизмеримо быстрее.³

---

¹ Holloway R.L. The poor brain of *Homo sapiens neanderthalensis*: see what you please... // *Ancestors: The Human Evidence*. – New York, 1985.. – P.319-324.

² Зубов А.А. Человек заселяет свою планету. – М., 1963. – С.32.

³ Штейнбек М. Социальная наследственность и завтрашний день // *Будущее науки*. – Вып.7. – М., 1974.

Появление человека современного вида сопровождалось перемещениями популяций, повлекшими за собой глубокие изменения в технике производства, а в конечном итоге и в общественных отношениях. Данные археологии, антропологии и генетики позволяют полагать, что представители новой расы в течение 10-5 тысяч лет соперничали или сосуществовали с неандертальцами. Для центрально-азиатского региона это подтверждается находками, сделанными на стоянке Дараи Кур. В слое, датированным в 30.000 лет, совмещавшем типичную мустьерскую технологию с верхнепалеолитической, найден фрагмент теменной кости человеческого черепа, определенный как останки *Homo sapiens*.¹

Вопрос о взаимоотношениях неандертальцев и кроманьонцев пока остается открытым, но, скорее всего, они были достаточно сложными. Например, на стоянке Сунгирь была найдена берцовая кость неандертальца, которая использовалась как емкость, заполненная порошком охры, что косвенно свидетельствует о фактах физического уничтожения друг друга. Но для архаичных этапов сунгирской культуры археологи отмечают сочетание мустьерских компонентов с верхнепалеолитическими, что дает возможность предположить наличие мирных контактов в результате которых передавались трудовые навыки.² Мирное соседство также подтверждается фактами метисации и гибридизации – наличием прогрессивных черт у поздних неандертальцев и архаических у сапиенсов.³ Как считает П.М. Долуханов, длительное сосуществование на одних территориях двух различных популяций, по-видимому, не сопровождалось значительными «межвидовыми» конфликтами: плотность населения была невелика, а пищевых ресурсов было достаточно для нормального их воспроизведения.⁴ Но в любом случае в условиях последнего ледникового периода несколько тысяч лет сосуществования были временем конкуренции. Пока спор о судьбе неандертальцев продолжается. Особое значение антропологических сунгирских находок М.В. Аникович видит в сохране-

---

¹ Dupree L. The Prehistoric Period of Afganistan... P. 18; Ranov V.A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asia Paleolithic // *Current Archaeology*, 1979. V.20, N 2. - P. 249-262.

² Аникович М.В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – Новосибирск, 2005. № 2 (22). – С. 37-47.

³ Козинцев А.Г. Сунгирь: старый спор и новые аргументы // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – 2004. – № 1 (17). – С.19-27.

⁴ Додуханов П.М. Региональные различия и групповое самосознание в каменном веке Европы // *Локальные различия в каменном веке*. – СПб, 1999. – С. 69-71.

нии морфологических признаков, указывающих на неандертальскую прарасу.¹ Вероятно, в пограничных районах обитания неандертальцев и людей современного типа происходили процессы не только диффузии культур, но и ассимиляции. Предполагается, что они не исчезли бесследно, а «растворились» в более многочисленной и жизнестойкой новой расе. Хотя эту привлекательную теорию разделяют не все антропологи. Так, часть генетиков отрицает возможность скрещивания неандертальцев и кроманьонцев. Но последние исследования показали, что до 4% генома у неафриканских людей заимствовано от неандертальцев.²

По утвердившемуся положению, 40.000-30.000 лет тому назад из общего обитаемого мира произошло выделение двух больших областей. Первая – это Передняя Азия и Европа, где успешно развивалась верхнепалеолитическая ориньякская технология. Вторая – Африка, Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия, где продолжали существовать индустрии с орудиями мустьерского типа, и лишь в последние три-четыре тысячелетия этого периода появляются верхнепалеолитические технологии.³ Это подтверждается и генетическими исследованиями, показавшими, что европейцы несут меньше генов неандертальцев, чем азиаты, т.е. их пути разошлись еще в месте метисации древних популяций – в Передней Азии.

Обратимся к верхнепалеолитическим культурам, развивавшимся на территории Таджикистана, Киргизии, Узбекистана и Казахстана, как параллельно между собой, так и аналогично с процессами, происходившими в европейской части континента. Хронологический период, именуемый верхним палеолитом, можно подразделить на два этапа. Четкая граница между средним и верхним палеолитом не устанавливается. Среднеазиатские материалы однозначно указывают на постепенное вызревание соответствующих технологий в местных культурах, тенденция которого проявляется уже на этапах финального мустье, протекавшее на разных территориях с разным ускорением в течение нескольких тысяч лет и закончившееся в интервале 40-38 тыс. лет.

На рубеже верхнего палеолита происходят существенные изменения в приемах обработки камня, коренным образом расширившие возмож-

---

¹ Аникевич М.В. Сунгирь в культурно-историческом контексте... – С.46.

² Деревянко А.П., Шуньков В.М., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Европе в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск, 2014. – С.56.

³ Григорьев В.Г. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С.62.

ности изготовления каменных орудий, открывшие совершенно новые перспективы для их изготовления и расширения их функционального назначения. Скалывание заготовок при помощи каменного или деревянного отбойника было заменено новым способом – отжимом тонких кремневых пластин правильной призматической формы. Отжим позволял лучше контролировать процесс получения пластин, чем удар, даже целенаправленный. В результате стандартизация пластин еще более выросла. Конечно, описываемая техника не возникла как нечто новое, совершенно отличное от предыдущей техники. Она, безусловно, была неким итогом логического совершенствования леваллуазской техники и была подготовлена длительным существованием площадочного нуклеуса и приемами призматической техники. Значительное расширение и усовершенствование вторичной обработки пластин и отщепов, в том числе и ретуши, формирующей рабочий край, повлекло за собой увеличение типов орудий, число которых по сравнению с мустьерским периодом (63) возрастает до 92, и это без побочных локальных вариантов.

Верхнепалеолитическая технология, не в широком понимании этого термина как пластинчатая, а как индустрия со специфическими орудиями – каренатными скребками, пластинами с затупленной спинкой и т.д. соответствует только второму этапу этого периода. Причем и в европейской и в среднеазиатской части континента она появляется извне и в очень развитом виде. Ее распространение связывают с новым видом человека – с кроманьонцем. Пришлая культура оказала стимулирующее влияние на культуры местные, внутри которых начался процесс изживания мустьерских элементов и замены их на верхнепалеолитические. Хотя упрочение новых традиций не носило абсолютного характера, точно так же, как это имело место и в нижнем и среднем палеолите.

Связующим звеном между культурами Ближнего Востока и Центральной Азии можно считать памятники Туркмении. Орудия мастерской Янгаджа II на Красноводском полуострове – скребки высокой формы, тонкие острия, по своей характеристике очень близки изделиям, обнаруженным в пещерах Ирана (Хоту).¹ Мастерскую Янгаджа можно рассматривать как начальную точку, указывающую на восточное направление распространения каренатных скребков из Палестино-Сирийской области. А

---

¹ Окладников А.П. Древнейшее прошлое Туркменистана // Тр. Ин-та истор., арх. и этног.. Ашхабад, 1956. – Т. 1. – С.196-200.

конечным пунктом и достоверным свидетелем миграции племен с запада, принесших верхнепалеолитические приемы обработки камня является стоянка Ходжа Гор, найденная далеко от равнин Туркмении – на границе Таджикистана и Киргизии.¹ Микропластинчатая индустрия стоянки, основанная на призматических и торцовых нуклеусах и производстве концевых и округлых скребков небольших размеров, микропластин со скошенным краем, позволила А.П. Окладникову утверждать, что она была оставлена потомками носителей так называемой «капсийской культуры», но без геометрических микролитов. Но самым главным в данном случае является наличие острий на узких пластинках, по своей форме и назначению напоминающих пластины, распространенные в верхнем палеолите Европы и Ближнего Востока – острия типа «гравет» или «перочинного ножа». Зародившись в северной Африке «капийская традиция» широко распространилась в Передней Азии, Ближнем Востоке, Кавказе, Крыму, дотянулась до Индии и Средней Азии – самого восточного ее форпоста.²

Что касается Узбекистана, то на основе изучения ключевых объектов – Обирахмата, Кульбулака, Бозсу, Ходжакента было сформулировано положение о распространении здесь единой технологической традиции, основанной на постепенном формировании верхнепалеолитической культуры происходившем в рамках леваллу-мустьерских комплексов, которая на технологическом и типологическом уровнях имела прямые аналогии с индустриями раннего верхнего палеолита Ближнего Востока.³ Наиболее четко последовательное замещение среднепалеолитических приемов первичного расщепления камня – дисковидных нуклеусов и треугольных сколов на верхнепалеолитические призматические и конусовидные нуклеусы с соответствующими им пластинами, прослежены в материалах стоянок Кульбулак и Обирахмат. В переходный период концевые скребки и резцы хотя и представлены незначительно, но они уже имеют ярко выраженный типологический облик. Для индустрий обирахматского круга характерны кареноидные скребки классического ориньякского типа и мелкие ретушированные остроконечники.⁴

---

¹ Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана // Труды ТАЭ. – М. – Л., 1958. – Т.3. – МИА СССР, № 66. – С.64-67

² Окладников А.П. Исследование памятников каменного юга Таджикистана. – С.65-66.

³ Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода... – С.45.

⁴ Деревянко А.П., Кривошапкин А.П., Анойкин А.А., Кулькова И.В., Кулик И.А., Рини П.Дж., Виола В.Т., Гланц М., Исламов У.И. Грот-Обирахмат – опорный памятник

Если подобный комплекс орудий мог сложиться в результате продвижения человеческих популяций с запада на восток, то наличие микропластин, отсутствующих в одновременных технологиях Ближнего Востока и в загросском мустье, предполагает их локальное происхождение. Подобное положение также можно отметить для ак-купрукской индустрии Афганистана, в которой прослеживается тенденция к развитию орудий высокого сечения в сочетании с микролитической техникой.¹

Полученные данные свидетельствуют о том, что на первом этапе в формировании верхнепалеолитической культуры происходило вызревание соответствующих предпосылок не только в материальной, но и в духовной сфере. В последние годы исследователи, изучающие верхний палеолит стали широко использовать такое понятие, как «современный поведенческий комплекс». Для обитателей стоянки Обирахмат было установлено, что степень проявления различных верхнепалеолитических поведенческих характеристик хотя и не выражается «типичностью», но уже имеются элементы «присутствия» этого комплекса, что также отражает переходную ситуацию, в которой только закладывались будущие перемены.²

Двойственность материальной и духовной составляющей подтверждается антропологией. На стоянке Обирахмат в слое, имеющем возраст около 70 тыс. до н.э., были обнаружены костные останки древнего человека, позволяющие ассоциировать переходную индустрию с конкретным физическим типом человека. Как материальная культура, так и обирахматский индивид демонстрируют смешанные характеристики неандертальца и людей современного вида.³ К возможному варианту относится наличие определенного генетического обмена между популяцией, к которой принадлежал обирахматский индивидуум, как с неандертальцами, так и с людьми современного вида.⁴

финального среднего-палеолита и начального этапа перехода к верхнему палеолиту на территории Средней Азии // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск, 2005. – С.63-65.

¹ Ранов В.А. Палеолит Переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л., 1978. – С. 238.

² Исламов У.И., Кривошапки А.И. Результаты работ археологического палеолитического отряда за 2000 г. Обирахмат // Археологические исследования в Узбекистане. – 2000 год. - Самарканд, 2001. – С.86.

³ Сулейманов Р.Х. Грот Оби-Рахмат и проблемы палеолита Центральной Азии // Археология Узбекистана. – Самарканд, 2010. – Вып.1. – С.25-29.

⁴ Деревянко А.П., Кривошапки А.П. и др. Грот-Обирахмат – опорный памятник... - С.66.

Казахстан отличается несколькими моделями развития, обусловленными как сохранением предыдущих местных технологий, так и восприятием новых импульсов пришедших, как с юга, так и с запада. Отражением этой эволюции демонстрируют материалы стоянки Майбулак, исследованной в Юго-Восточном Казахстане. Нижний III горизонт (34970±665 лет назад), является показателем поступательного развития технологий на базе леваллуазских приемов и зарождения микропластинчатого расщепления камня, а II горизонт – пришлых ориньякских приемов, выразившиеся в появление скребков высокой формы.¹

Стоянки начального верхнего палеолита в районе Туранга, гор Тюлькули, Семизбуга, Батка 7, Карабах 3 и др. характеризуются переходным набором инструментов – треугольными пластинами, массивными скреблами, листовидными наконечниками. В этом наборе также присутствуют галечные орудия – следы сохранения древней культуры. В материалах стоянок Ачисай, Шульбинка и др. появляются инструменты верхнепалеолитического типа – призматические и конусовидные нуклеусы, единичные микропластинки и концевые скребки на пластинах.² В этих материалах также встречаются двухсторонне обработанные наконечники дротиков, отражающих связи с европейскими технологиями. На основе этих данных А.П.Окладников заключил, что в отличие от своих южных соседей, которые уже с конца мустьерского времени, а может быть и раньше, находились в связи с населением Передней и Малой Азии, Кавказа и Южной Европы, обитатели Восточного и Северного Казахстана входили в центрально-азиатскую группу верхнего палеолита, территория которой простиралась от Урала далеко на восток.³

Стоянкам Южной Киргизии, как и многим другим палеолитическим памятникам Средней Азии, также присуща своеобразная «переходная» стадия от мустье к верхнему палеолиту. Анализ материалов стоянки Капчигай 2 позволил не только установить постепенное перерастание мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую, с равным индексом орудий, типичных для обеих технологий, но также проследить постепенную эволюцию орудий труда.⁴

---

¹ Таймагамбетов Ж.К. Еще раз о стратифицированной стоянке эпохе палеолита Майбулак // Казахстан и Евразия сквозь века. – Алматы, 2010. – С. 99-105.

² Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алмата, 2006. – С.64-66.

³ Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М. – Л., 1966. – С.59.

⁴ Султанов Э. Палеолитическое местонахождение Капчигай II (результаты исследований

В Таджикистане начальная пора верхнего палеолита отмечена горизонтом 2 Шугноу и серией стоянок и местонахождений по берегам р.Вахш (Чилондара и Кулисуфиен). Хотя индустрия этих памятников базировалась на местных мустьерских традициях, среди которых заметное место еще занимали треугольные сколы, являющиеся подлинными и псевдоостриями, но в этих комплексах появляются призматические пластины, а аборигенным населением перенимаются идеи изготовления каренатных и концевых скребков (рис.7,8).¹

Наиболее древние даты были получены для горизонта 4 стоянки Шугноу – 35-30 тыс. лет и для североафганской стоянки Дараи Калон – 34000±300 лет. К этому же времени относится и появление человека современного типа – *Homo sapiens*, подтвержденное, как мы уже писали, антропологическими находками на стоянке Дари Калон.

В связи с приходом в регион *Homo sapiens* сразу возникла проблема установления баланса между местной, автохтонной линией развития и инновациями, т.е. новыми технологическими и социальными явлениями, которые появились на данной территории с инородной популяцией. В настоящее время большинство исследователей пришло к выводу, что переход от среднего к верхнему палеолиту предполагает комбинацию трех основных моделей: локальная эволюция на местной основе; замещение сложившихся культур пришлой; окультуривание.

А.И.Кривошапкин считает, что теория локального развития среднеазиатских культур пока трудно доказуема, больше данных в пользу варианта окультуривания. Пока не найдены памятники, напрямую свидетельствующие о постепенной трансформации обирахматской индустрии в локальный верхний палеолит возрастом менее 40-25 тыс. лет назад. Тем не менее, верхние слои Кульбулака, стоянка Додекатым-2 и другие демонстрируют развитие большинства технологических решений, появившихся в рамках обирахматской традиции, что позволяет, по крайней мере, говорить о ней как об одном из источников формирования верхнего палеолита региона.²

2002 г.)//Материалы и исследования по археологии Кыргызстана.- Бишкек, 2005.-Вып. I. – С.3-7.

¹ Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р.Яхсу: (раскопки 1969-1970 гг.) // Археологические работы в Таджикистане. – М., 1973. – Вып. X (1970 г.). – С. 42-61; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Периодизация стоянок каменного века среднего течения р.Вахш / Изв. АН РТ. Серия: востоковедение, история, филология – 1992. – № 3. – С. 34-36; Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии // Автореф. дисс. к.и.н. – Душанбе, 2006.

² Кривошапкин А.И. Оби-Рахматский вариант... – С.49.

Трудность, прежде всего, связана с малым количеством памятников этого времени. Расселение кроманьонцев с их ориньякской индустрией пришлось на финал последнего ледникового периода, рамки которого определяются в границах 20-15 тыс. лет. Р.Дэвис, указывая на этот период, как на лакуну в верхнепалеолитических памятниках Ближнего и Среднего Востока, считает, что основной причиной отсутствия расширенной системы стоянок по сравнению с мустьерским периодом, является ухудшение природных условий, повлекших за собой миграцию племен с горных территорий. Реконструкция климата показывает, что он отличался повышенной аридностью. В южной части Афгано-Таджикской депрессии по сравнению с современным климатом было холоднее на 6-8 градусов и, что более важно, значительно засушливее, что предполагало эксплуатацию ресурсов горно-пустынных и горно-степных ландшафтов бедных флорой и фауной.¹ В фазе ледникового максимума, с максимальным пиком 22 тыс. лет назад, вообще устанавливается гипераридный климат.²

Природная зависимость от определенных территорий, пригодных к заселению, и изменение социальной составляющей древних обществ хорошо демонстрируются историческим развитием культур на равнинах Казахстана. Начало верхнего палеолита пришлось на ледниковый период, когда на обширных просторах Евразийского континента сложился так называемый мамонтовый комплекс. Его основными видами были мамонт, шерстистый носорог, бык-тур, пещерный медведь, тигро-лев. Во второй половине верхнего палеолита происходят серьезные изменения – климат становится засушливее крупные животные вымирают. Изменение природной обстановки повлекло и изменение условий жизни. Если в период похолодания стоянки представляли собой хорошо оборудованные поселения на вершинах холмов, о чем свидетельствуют ямы от многочисленных опорных столбов жилищ и следы мощных костров, то стоянки бродячих групп охотников на мелких животных становятся временные стойбища с легкими шалашами и кострами под открытым небом.³

Исследования последних лет показали, что территория Средней Азии стала активно осваиваться *Homo sapiens* в середине позднего палеолита.

---

¹ Дэвис Р. Археология плейстоцена на юге Афгано-Таджикской депрессии // Граница неогена и четвертичной системы: Сборник докладов. – М., 1980. – С.50.

² Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии... – С.23-25.

³ Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана... – С.58-60.

Он обитал и строил свою жизнь в тесной зависимости от местной экосистемы, которая оказывала значительное влияние на развитие его культуры. Так, расположение стоянки Кульбулак показывает, что первобытные люди в эпоху палеолита селились не рядом с водным источником, а на некотором расстоянии от него, на сухих склонах ближайших холмов. Такое расположение стоянок было стратегически удобным. Это, с одной стороны, обеспечивало безопасность людей от природных явлений и хищных животных, приходящих на водопой, с другой стороны способствовало удачной охоте на промысловых животных у того же водопоя.

Наряду с совершенствованием позднепалеолитической техники микрорасщепления, продолжается, хотя и редко, незначительно применяться техника леваллуа. Не была она чуждой и для мастеров стоянки Кульбулак, на которой образцы этой техники составляют 2-3%. Некоторое отставание в развитии проявляется в навыках расщепления камня. Для позднего палеолита техника скалывания заготовок продолжает осуществляться через твердый отбойник и костяной посредник. Отжимная техника, появившаяся в Европе в позднем палеолите, здесь распространяется только в эпоху мезолита.¹

В Таджикистане предгорья и равнинные пространства с обилием животных и дикорастущих съедобных растений быстро осваиваются кроманьонцами – охотничьим народом, хорошо приспособленным к адаптации, благодаря их физической организации. Но и они не создают здесь долговременных стоянок, а посещают эти места эпизодически – только в летнее время. К примеру, целью прихода древних людей в горы Дарваза и возникновение стоянок была охота на лошадей, быков и овец, табуны и стада которых паслись неподалеку – на плато Даштако и Малое Даштако. Окруженные крутыми обрывами плато, представляли идеальное место для успешной загонной охоты.²

Исследование стоянок Средней Азии показало, что на ее территории полного замещения местных культур на верхнепалеолитическую не произошло. Наряду со стоянками, оставленными кроманьонцами с их пластинчато-

---

¹ Хушваков Н.О. Поздний палеолит Ташкентского оазиса(техничко-типологическое исследование по материалам верхних (I-III) слоев Кульбулака): Дисс. к.и.н. – Ташкент, – С.194-198.

² Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру (Палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди окружающих памятников) // *Acta Archaeologica*. – 1976. – Т.XVI. – С.14.

микролитовидной технологией, параллельно существовали и стоянки, обитатели которых продолжали использовать в той или иной мере древние галечные традиции. В индустрии Самаркандской стоянки с верхнепалеолитическими нуклеусами для снятия микропластинок, округлыми и концевыми скребками, техникой затупливания, присутствуют галечные орудия.¹ Аналогичная индустрия присуща стоянке Ходжамазгиль, оставленной тем же племенем, обитавшем в предгорьях Туркестанского хребта.²

Но наиболее ярким памятником с доминированием галечной техники над пластинчатой, с единичными орудиями типичными для верхнего палеолита, при полном отсутствии каренатных и концевых скребков, является стоянка Сай-Сайёд (3-й горизонт).³ В Сай-Сайёде тенденция сложения будущих культур проявилась в другом показателе. Если в нижнем, среднем и начале верхнего палеолита сырьем для орудий были исключительно гальки эффузивных пород и соответствующая технология, то в 3 горизонте Сай-Сайёда соотношение между галечным элементом и кремневым составляет уже 70% к 30%. Такая пропорция продолжает сохраняться в мезолите и неолите.⁴

Первый этап верхнего палеолита на территории Таджикистана соответствовал тенденции присущей всем среднеазиатским культурам. Как считает В.А. Ранов, «в рассматриваемом регионе появление верхнепалеолитических индустрий представляется как непосредственное развитие из местного мустье».⁵ Исчерпав все возможности мустьерской индустрии и, в соответствии с задачами совершенствования охоты, как основы производственной деятельности древних коллективов, начался поиск создания более совершенных орудий. Накопление новых приемов, в частности формирование протопризматических нуклеусов и призматических пла-

---

¹ Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. Ташкент, 1987. – 171 с.; Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // *Stratumplus*. – 2000. – Вып.1. – С.385-362; Колобова К.А., Шнайдер В.А., Кривошапкин А.И. Новая интерпретация комплекса самаркандской стоянки // *Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова*. – Новосибирск, 2005. – С. 129.

² Ташкенбаев Н.Х. О результатах исследования Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки // *ИМКУ*, 1986. – Вып.20. – С.3-9.

³ Юсупов А.Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // *СА*. – 1975. – № 2. – С. 138-147.

⁴ Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит... - С.11-12.

⁵ Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира... – С.31.

стин, шло по возрастающей линии. На стоянке Худжи верхнепалеолитический элемент составляет незначительный пласт. В верхнем слое Огзи-Кичика его уже 1,8%. В слое 3 Шугноу (28-25 тыс. лет), 2 слое Оджука (21900±800 лет), на стоянке Магмуруд, серии стоянок на р.Вахш (Кулисуфиен 4 и Челондара 4) орудия верхнепалеолитического (ножевидные пластины, каренатные и концевые скребки) и мустьерского типа (призматические макропластины и остроконечники) составляют примерно равное количество. Причем орудия мустьерского типа продолжают изготавливать из эффузивов, а новые верхнепалеолитические – из кремня. К инвентарю второго горизонта Шугноу и серии стоянок в районе Кулисуфияна, состоящему из мустьерских форм, добавляются острия с затупленной спинкой, концевые и округлые скребки (рис.7).

Самую позднюю стадию верхнего палеолита характеризуют материалы стоянок Шугноу (горизонт 1) и по р.Ширкент¹ (рис.8,9). Основными орудиями становятся каренатные и концевые скребки на пластинах и отщепках. Появляются еще несовершенные микролитовидные призматические и торцовые нуклеусы и редкие микропластинки, изогнутые в профиле. Хотя в целом технология первичного расщепления камня определяется не как пластинчатая, а как отщеповая. Мустьерские пластины (но уже не макро), скребла и остроконечники с краевой обработкой продолжают существовать, но в очень ограниченном количестве. Основные показатели индустрии свидетельствуют о её связях с равнинными культурами р.Амударьи – с Ак-Купруком, Кара Камаром, Дарай Калонем, которые являлись передаточным звеном между ближневосточными и восточными областями Средней Азии.² И чем ближе расположены стоянки к равнинным территориям, тем эта связь прослеживается четче, примером чему служат местонахождения в Бешкентской долине, демонстрирующие великолепную микропластинчатую технику.³ Прежде всего в их основе лежит одна сы-

---

¹ Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И., Филимонова Т.Г., Худжагельдиев Т.У. Новая интерпретация каменной индустрии нулевого слоя стоянки Шугноу (Припамирье). // Археология. – Барнаул, 2016. – С.259-257; Филимонова Т.Г. Стоянка каменного века Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – С. 40-60; Филимонова Т.Г. Отчет о работе Ширкентской группы Колхозабадского археологического отряда за 1986 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. 26 (1986 г.). – С. 323-336.

² Davis Richard. The Paleolithic // The Archaeology of Afghanistan (from earliest times to the Timurid period). – London, New York, Sanfrancisco, 1978. – P. 37-70.

³ Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А. История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины (Южный Таджикистан). – Душанбе, 1991.

рьевая база – кремень, что совершенно не характерно для горных стоянок и показательны для равнинных. Смена исходного материала – эффузивных пород на кремень, можно было бы объяснить отсутствием первых. Но все ширкентские стоянки, в том числе Харкуш, а также Оджук располагались на террасах, в основании которых лежат толщи аллювиальных галечников, в то время как кремень и горный хрусталь доставлялись на стоянки из мастерских, расположенных за много километров от них.¹ В данном случае приверженность к определенному виду исходного материала для изготовления орудий можно рассматривать как культурный признак, присущий определенной социальной общности, т.е. можно говорить об устойчивых традициях в использовании сырья и умении с ним обращаться. Эти стоянки объединяет комплексная технология производства – сочетание пластин с отщепами при преобладании последних, с одним и тем же процентным соотношением. Схожи даже морфологические показатели основных параметров, например, размеры отщепов в пределах 3-4 см. Эти комплексы отличаются наличием ярко выраженных верхнепалеолитических элементов (разнообразными концевыми скребками), первыми микропластинками. Наличие местных корней подтверждается технически сопоставимыми мустьерскими пластинами из культурных слоев Харкуша и подъемного материала, собранного в округе стоянки с находками недалеко расположенной стоянки Худжи. Что еще более существенно – это наличие специфических скребел на краевых сколах, распространенных в галечной культуре, существовавшей в горных районах. Но главное заключается в том, что, не говоря уже о ближневосточных культурах, в слое Ак-Купрук II, датированном 16615±215 лет, имеется комплекс призматических нуклеусов и микропластин. Это на несколько тысячелетий раньше, чем они стали изготавливаться в северной части Афгано-Таджикской депрессии – на стоянках Харкуш 14–12 тыс. лет; 1-й горизонт Шугноу – 10.700 лет. Аналогичное запаздывание мы видим и в распространении концевых скребков. На стоянке Дарай Калон, которая сопоставляется по возрасту с Аккупруком II, концевые скребки на крупных призматических пластинах занимают доминирующее положение. На стоянках Южного Таджикистана небольшой серией они впервые появляются в горизонте 2 Шугноу.

Г.А. Григорьев и В.А. Ранов выдвинули идею, что в Средней Азии переход от мустье к технике призматического ядрища, длился долго и что

---

¹ Радилловский В.В., Новиков В.П. Стоянки и сырьевые источники каменного века в долине р.Ширкент // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1993. – С.34-36.

«чистого верхнего палеолита» в Средней Азии не было.¹ На всех верхнепалеолитических стоянках (Шугноу горизонты 3,4, Обирахмат) начального этапа встречаются мустьерские и леваллуазские элементы и только на среднем этапе отмечается заметное усиление новых приемов раскалывания камня, но мустьероидные формы не исчезают совсем, что подтверждается раскопками стоянок Магмуруд, Оджук, Харкуш. Их переживание является особенностью «азиатского» палеолита и главным отличием от памятников Ближнего Востока и Европы, где безраздельно господствовала правильная ножевидная пластина. Но все они имеют связующее звено в виде тех или иных элементов ориньякской культуры, проявившей себя в Центральной Азии во второй половине верхнего палеолита. Они столь же характерны для верхнепалеолитической Палестины, Ирака (особенно Южного Курдистана), для Малой Азии, в том числе для Сирии. Указанные формы прослеживаются в пещерах Гари-Камарбанд и Хоту в Иране и в пещере Кара-Камар в Афганистане. Последние исследования каменного инвентаря стоянки Шугноу позволяют объяснить значительные изменения в культуре человеческих сообществ не столько в рамках противопоставления миграционно-замещающих и автохтонных моделей, сколько в контексте повторяющихся межпопуляционных взаимодействий на границах заселения регионов, выражающихся в обмене инновационными техническими решениями с последующим их применением в региональном культурном субстрате.²

Таким образом, опираясь на рассмотренные материалы можно констатировать, что в Средней Азии в начале и на среднем этапе верхнего палеолита сложился ряд локальных культур, в целом развивавшихся на единой основе мелкопластинчатой индустрии, содержащей схожие технико-типологические элементы с присутствием кареноидных технологий. Наблюдаемые технологии могут означать либо функционально-адаптивные особенности, либо свидетельствовать о более дробных этапах в развитии верхнего палеолита.³

---

¹ Григорьев Г.П., Ранов В.А. О характере палеолита Средней Азии... – С.195-197.

² Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Рудая Н.А., Худжагелдиев Т.У., Филимонова Т.Г., Шуньков М.В. Шугноу – верхний палеолит на подступах к Памиру. – Новосибирск, 2017. – С. 97.

³ Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Филимонова Т.Г. Шугноу – уникальный памятник верхнего палеолита в Центральной Азии // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск, 2005. – С.174-175.

В настоящее время подтвердилось мнение З.А. Абрамовой, В.А. Ранова, Ю.П. Холушкина о значительном сходстве Кульбулака, Самаркандской стоянки (верхнепалеолитический комплекс), Шугноу с верхним палеолитом Леванта и Загросса. Но это сходство свидетельствует не о конвергентной линии развития или одноразовой крупной миграции, вызвавшей смену культур, а о регулярно повторяющихся контактах различных популяций на границах своего расселения. В число этих контактов входил обмен техническими инновациями и их дальнейшее применение в региональной среде. Хотя это не исключает непосредственного проникновения каких-либо отдельных племен на территорию Средней Азии, свидетельством чего можно считать стоянку Ходжа Гор. Схожесть ближневосточной и среднеазиатской индустрий объясняется конвергентным развитием технокомплексов, имеющих общую основу, появившуюся на данной территории в результате мигрировавшего сюда архаичного *Homo sapiens*. Дополнительным фактором послужили и общие экологические условия. Левантийские и среднеазиатские популяции обитали в горах и предгорьях с разнообразным природным ландшафтом, что позволяло им выбирать удобные для них места обитания. Но само внедрение пришельцев в местную среду, требовало значительных способностей не просто для поиска привычной для себя природной ниши, но прежде всего, ее свободой от аборигенного населения.¹

Сильнейшая экспансия пластинчатых верхнепалеолитических культур, как и ранее мустьерская, не смогла полностью заменить позиции галечной, ставшей в дальнейшем стержнем в мезолитической, а в последствие и неолитической многолинейного развития. Один был связан с медленной эволюцией местных культур. Можно предположить, что в Средней Азии происходил процесс культур – как мустьерских, так и галечных. Второй – с диффузией идей, передаваемых посредством контактов. Третий – со столь же медленным проникновением новых популяций и внедрением их в аборигенные сообщества. Но следует учитывать, что пришлое население едва ли вносило свою культуру во всех ее проявлениях в сложившееся местное общество, скорее наоборот, по логике вещей придя на новое место, пришельцы должны были воспринять ту систему производства, которая существовала здесь до них и была наиболее приспособлена к условиям жизнедеятельности в данном ареале. Поэтому нельзя ожидать точного повторения археологического материала во времени и простран-

---

¹ Деревянко А.П. и др. Динамика палеолитических индустрий ... – С.56.

стве. Контакты могли растянуться на столетия, в результате чего должно наблюдаться сосуществование различных типов стоянок и инвентаря и проявляться свидетельства заимствований, что ведет к синкретизму и конвергенции.¹

Свое отношение к существующим сегодня двум теориям происхождения и распространения человека современного физического типа А.П. Деревянко сформулировал следующим образом: «Если принять за основу «Африканскую теорию», то современный человек с характерной культурой верхнего палеолита расселился по всей территории Земного шара. Но если бы древнее население везде бы замещалось им, то и культура везде должна была быть гомогенной. Но исследования в Средней Азии, Казахстане, Южной Сибири убедительно демонстрируют перерастание среднепалеолитической культуры в верхнепалеолитическую, что является неоспоримым доказательством мульти региональной эволюции человека, и нет никаких аргументов в пользу замещения на этих территориях автохтонного населения пришлым, которое должно было принести новые технические навыки».²

Подводя итог проведенному анализу, следует сказать, что одним из факторов, препятствующим развитию устойчивой верхнепалеолитической культуры на центральноазиатской территории, являлись неблагоприятные экологические условия, что и определяет разрозненность памятников. Отмеченное развитие индустрий ясно указывает на то, что мы имеем дело не с чисто местной эволюцией отдельного народа, а скорее с общей работой многочисленных групп, воздействовавших друг на друга и распространявших свои идеи, изобретения и открытия. Хотя, как указывают все факты, верхнепалеолитическая культура Средней Азии выросла на местной мустьерско-леваллуазской основе, однако было бы неправильным суживать географический диапазон, от верхнепалеолитических культур южных областей Европы и Азии.

Показателем непрерывного обогащения производственного опыта в верхнем палеолите является качественное улучшение техники. Уходят в прошлое ударная техника и эпоха орудий из крупных отщепов и пластин,

---

¹ Соффер О.А. Динамика ландшафтов и социальная география позднего плейстоцена. Сравнение Кловиса и Костенок // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М., 1997. – С.115-126.

² Деревянко А.А. Проблемы антропогенеза и заселения человеком Восточной части Евразии // Современные проблемы науки. – Новосибирск, 2006. – С. 64-66.

использовавшихся как самостоятельный инструмент. Новая техника основывается на отжиге тонких ножевидных пластин и превращении их с помощью ретуши в разнообразные и четко дифференцированные типы орудий. В то отдаленное время было изобретено несколько приемов, которыми человечество пользуется до настоящего времени. Мелкие пластины-лезвия (две, три, четыре и т.д., в зависимости от необходимой длины) вставлялись в деревянные или костяные оправы, создавая тем самым сложносоставные вкладышевые орудия, которые могли быть приспособлены к различным видам работ. Такая технология позволяла заменять испорченные лезвия другими, не выбрасывая всего орудия. Это ноу-хау кроманьонцев продолжает успешно использоваться в настоящее время, например, в бритвенных приборах, в заменяемых насадках слесарных резцов, отверток, автомобильных ключей. Возникает сверление, открывшее принцип ротационного, вращательного движения, лежащий в основе ворота, блока и колеса. Человек обнаружил, что при сверлении дерева выделяется тепло, которое стало использоваться для получения огня. Появляется техника пиления камня и кости.

Внедрение новых технологий шло в тесной связи с физическими изменениями некоторых частей тела *Homo sapiens*. Чтобы производить кремневые микропластинки, необходимо было обладать совершенным строем руки, способной выполнять сложные и тонкие трудовые действия. Технический прием отжима тончайших микропластин-лезвий достаточно сложен, и скорее всего, мог выполняться не каждым членом коллектива. Поэтому можно предположить, что в общественном коллективе сложились предпосылки для очередного разделения труда. Если для мустьерской эпохи было отмечено разделение мужского и женского труда, то усложнение технологий потребовало выделения «специалистов» по изготовлению орудий, прежде всего для охоты и переработки ее результатов.

Дальнейшее развитие труда отражалось не только в материальном и физическом показателях, но и в духовной и социальной сферах. Прослеживаемый в позднем палеолите переход от недифференцированных форм орудий к специализированным является показателем не только постоянного усложнения трудовой деятельности и усовершенствования производительных сил, но и развития ассоциативного мышления человека. Чтобы получить готовое орудие, надо было конкретно представлять первичные и конечные задачи. В первую задачу входили правильная подборка сырья и

знание его свойств, во вторую – подготовка заготовки и окончательное оформление орудия. Очередность этих действий требовала определенных форм логического мышления. Во многом здесь играла роль и социальная сущность производственного процесса, заключавшегося в том, что техническая информация не закодирована в генах, так как наследуются не сами свойства, а предрасположения к свойствам, передающиеся потомству только через воспитание и обучение, основанное на предыдущем опыте. Всякое новое не возникает сразу в готовом виде. Ему предшествует появление первых, генетически исходных элементов, которые увеличиваются в своем развитии количественно и обогащаются содержательно. Сначала определенный тип орудия возникает как частное явление в совокупности средств деятельности человека, затем, по мере кристаллизации функций этих орудий, увеличивается их количество и через расширение масштабов их применения происходит превращение их в необходимый компонент средств деятельности.¹

Появление человека современного вида ознаменовалось не только сменой техники изготовления орудий, но и изменениями общественной структуры. К этой эпохе ученые относят возникновение первой сложной организации общества – материнского рода, обусловившего уже подлинные человеческие отношения внутри родовой общины. К этому времени относится и возникновение первобытного искусства, к сожалению, почти не представленного в центрально-азиатских материалах, и взаимосвязанной с ним религии. Таким образом, эпоха верхнего палеолита существенным образом отличается от предыдущих эпох и отражает огромный скачок в развитии человеческого мозга.

На этом историческом этапе развитие мышления нельзя рассматривать независимо от развития речи, поскольку слова формируют и выражают отвлеченное мышление. Труд усложнял понятийное мышление, а с ним вместе развивал и речь. *Homo sapiens*, в отличие от неандертальца, уже, несомненно, обладал членораздельной речью. Как считают антропологи, формирование областей мозга, связанных с высшими психическими функциями человека и членораздельной речью, начинается у поздних архантропов и заканчивается у неантропов позднего палеолита.² Это стало возможно с выпрям-

---

¹ Проблемная ситуация в современной археологии / Под ред. Генинга В.Ф., Смирнова С.В., Захарчука Ю.В. – Киев, 1988. – С.162-163.

² Кочеткова В.И. Основные этапы эволюции мозга и материальной культуры древних людей // ВА. – 1967. – Вып.26. – С.22-40.

лением посадки головы, что привело к изменению голосовой щели. Язык, как коммуникационная система, внес существенные изменения в человеческий коллектив, так как давал возможность обмениваться мыслями, информацией, передавать свои знания. Это, в свою очередь способствовало накоплению опыта, что в конечном итоге приводило к появлению инноваций, т.е. к прогрессу технологий. Язык, выражающий мысли, превратился в одну из главных составляющих человеческой культуры – стал неотъемлемой принадлежностью человеческого общества, поскольку выступал как инструмент групповой стереотипизации поведения, как система координирования и передачи культурно-семантической информации.¹

Период верхнего палеолита был переломным, подготовленным всей эволюцией древнейших популяций. Синантроп мог то, что не мог питекантроп, неандерталец мог то, чего не мог синантроп. Каждая последующая ступень усовершенствования физического строения была одновременно ступенью развития мозга, интеллекта, языка, которая завершилась формированием человека современного вида – *Хомо сапиенса*.²

Подчеркнем, что немаловажное воздействие на становление человека современного типа оказал ход трудовой деятельности. Это превращение было закономерным развитием существа с меньшей способностью к членораздельной речи, с менее совершенным мозгом в новое существо, организм которого был лучше приспособлен для более усложненного производства и для более сложной общественной жизни.³

С этого времени стал все быстрее и быстрее нарастать темп развития всех сфер жизни первобытного человека. Биологическая эволюция человечества закончилась, началась социальная.

Эпоха мезолита является, пожалуй, самой важной в истории человечества. Предыдущие периоды отмечены двумя крутыми переменами в истории. Первая связана с координатными изменениями технологии обработки камня в среднем палеолите – возникновением стандартных заготовок и специализированных орудий труда. Вторая – с завершением биологической эволюции в верхнем палеолите. Третья отличается формированием новой общественно-экономической формации. На заключительной фазе этого периода осуществилось знаменательное событие в

---

¹ Леонтьев А.В. Проблемы развития психики. – М., 1981. – С. 284-292.

² Алексеев, 1969. – С.136.

³ Всемирная история. Каменный век. - Минск-Хорвест-Москва, 2002. – С.70.

истории человечества – переход от присваивающего типа хозяйства к производящему. Сложение этих трех факторов позволяет считать период мезолита точкой отсчета подлинной человеческой истории. Кроме того, если на всех этапах палеолита уровень производственного потенциала и хозяйства племен, населявших просторы Африки, Европы и Азии, был примерно одинаков, то в мезолите начинается процесс многолинейного развития. В северных районах Евразии, в лесной зоне основной хозяйственной деятельности еще долгое время оставались традиционным охота и рыболовство. В Северной Африке, Переднем Востоке, на севере Иранского нагорья – в лесостепной зоне с высокопродуктивным собирательством население сначала приступило к доместикации растений и затем к одомашниванию животных. В результате этот регион на долгое время становится генератором идей как в сфере усовершенствования техники обработки камня, так и в сфере хозяйственной деятельности. Отсюда увеличившееся население мигрировало на соседние территории, неся новые традиции, которые эстафетно передавались соседям.

Временные рамки мезолита в Европе и Азии варьируются. Для Средней Азии и Казахстана они определяются X-VII тыс. до н.э. Начальный период мезолита совпал с завершением последнего ледникового периода и установлением современного климата на всем земном шаре. Благоприятные условия способствовали расселению мезолитических племен во всех разнообразных среднеазиатских природно-климатических зонах. Следы их пребывания отмечены в ныне безводных зонах Большого Балхана, Красноводского плато и Устюрта, древнего русла Узбоя, Кызылкумской и Каракумской пустынях, в межгорных долинах Памиро-Алая и на высокогорьях Восточного Памира.

Сложение технологий в мезолите шло в русле усовершенствования вкладышевой техники – по пути широкого внедрения мелких пластин и микропластин – тонких с очень острыми краями, не уступающих лезвиям современных бритв, но, в отличие от них, не тупящихся. Ширина этих пластин в большинстве случаев 0,5-1,5 см, а некоторых – 0,2-0,3 см. Путем дополнительной обработки ретуши из микропластин получались прямоугольники, сегменты, треугольники, трапеции. За свою форму эти орудия получили название геометрических микролитов, которые составили не только самую заметную черту этого периода, но и стали критерием при определении и выделении мезолитических культур. Прогрессивность

этих орудий заключалась в их практичности – они легче стыковались между собой в оправках и проще заменялись при поломке. Как считают исследователи, причина повсеместного распространения этих орудий кроется в жизненно важном изобретении древнего населения – лука со стрелами, на первых этапах, оснащавшихся наконечниками из разнообразных микролитов. Это было самое грозное и эффективное оружие древних охотников. Не меньшее значение эти микролиты имели и в другой сфере хозяйственной деятельности – ими оснащали жатвенные ножи. В любом случае геометрические микролиты органично вписались во все производственные сферы.

Нуклеарной зоной, откуда началось распространение или самих геометрических микролитов, или идеи их производства, была Передняя Азия. Самые древние прямоугольники, треугольники и сегменты зафиксированы в комплексе геометрического Кебариена А, датированных по С¹⁴ 12.500-10.000 лет до н.э. Затем область культур с геометрическими микролитами охватила огромную территорию – Северную Африку, Европу, Ближний Восток, Среднюю Азию, Центральную и Южную Индию, Океанию и Австралию. Но их нет в Северной, Восточной и Юго-Восточной Азии. К настоящему времени пока не решен вопрос о том, как происходило их распространение. Была ли это очередная крупная миграция мезолитических племен или диффузия самой идеи геометрических микролитов? Большинство ученых склоняется к миграционному варианту. В.А. Ранов определил следующую последовательность появления геометрических микролитов в Средней Азии: 10-9 тыс. до н.э. – прямоугольники, 8-7 тыс. до н.э. – сегменты, 6-5 тыс. до н.э. – трапеции.¹ Конечно, это не была волна племен двинувшихся со Средиземноморья вглубь Средней Азии, а медленное, и скорее, стихийное просачивание отдельных групп населения, несших на новые территории передовые технологии.

Переходя к обзору ситуации, сложившейся в эпоху мезолита на территории Средней Азии и Казахстана, отметим, что, как и в предыдущие эпохи, Туркмения осталась тем же перекрестком, откуда мезолитические культуры начала свое движение в сторону исследуемых нами территорий. Первооткрыватель стоянок вдоль побережья Каспийского моря А.П.

---

¹ Ранов В.А. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии // Древность. Труды Российского археологического общества. – 1996. – Вып. 19. – С. 25-27.

Окладников отмечал несомненное сходство прикаспийских комплексов с памятниками средиземноморского круга. Он считал, что это сходство настолько значительно, что мезолит Прикаспия можно принять за один из вариантов средиземноморской культуры.¹ Эту связь подчеркивают подвески из раковин денталий, имеющих вид суженных к одному концу трубочек, найденные в пещере Дам-Дам-Чешме I. Точно такие же бусы имели обыкновение носить обитатели Средиземноморья, поскольку подобные украшения были найдены в пещерных палеолитических погребениях, расположенных по берегам Средиземного моря.²

А.П. Окладников также предположил, что от этих прикаспийских племен черты техники и культуры распространялись к соседним с ними племенам, жившим вверх по Узбою, в низовьях Амударьи и еще далее на север по направлению к Уралу и на восток – к Алтаю. Через степи Казахстана и Западной Сибири они достигли мира лесных охотников и рыболовов Северной Азии, с культурой, генетически восходящей к совершенно иной местной палеолитической основе, к верхнему палеолиту Сибири и Монголии. Только здесь, на грани, за которой лежат культуры далекого Севера и Востока Азии, окончательно затухают последние отзвуки капсийского мезолита, столь отчетливо выраженные в культуре обитателей Джебелской пещеры. Причем, это было прямое распространение племен с микролитической культурой с юга на север.³

Накопленные материалы позволили В.М. Массону конкретизировать культурную принадлежность прикаспийских стоянок и установить их близость не вообще со средиземноморьем, а конкретно с североиранскими памятниками типа Гари-Камарбанда. По его мнению, материалы, происходящие из южной части Прикаспия, следует объединить в понятие прикаспийского мезолита.⁴

Г.Ф. Коробкова выделила два пути становление прикаспийского мезолита. Первый – это комплексы IV «низ»-VII слоев Дам-Дам-Чешме II, 8-7 слои Джебела, стоянки по Узбою и окрестностей Балханских гор. Пла-

---

¹ Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова (отчет о полевых исследованиях 1947 г.) // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1951. –Т. 2. – С.73-104; Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древнейшей культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1956. – Т.7. - С.109-198.

² Окладников А.П. Пещера Джебел... - С.195-207.

³ Окладников А.П. Древнейшие археологические памятники... - С.213-216.

⁴ Массон В.М. К вопросу о мезолите Передней Азии. У истоков древних культур (эпоха мезолита) // МИА – М. – Л.,1966. – № 126. – С.169.

стинчатая техника этой группы с незначительными элементами микролитидности – местная, базирующаяся на позднепалеолитической основе IX слоя Дам-Дам-Чешме II, сходной с инвентарем североиранских комплексов. Второй вариант – это стоянки Кайлю, Дам-Дам-Чешме I, IV слоя «верх» Дам-Дам-Чешме II, Ходжа-Су I, появился под сильным влиянием иракской (зарзийской) традиции (Зарзи слой В, Палегавра, Шанидар, Па Сангара). Общим для обеих групп является наличие крупных ассиметричных трапеций с вогнутыми сторонами и небольших неравносторонних треугольников (1 вариант). И узких длинных сегментов, микропластин с затупленной спинкой и со скошенным концом, острый типа перочинного ножа (2 вариант). Но в целом – эти локальные различия второго порядка не меняют общую генеральную линию совершенствования технологий и формирования типов орудий.¹

К аналогичной мысли склоняется и Г.Е. Марков, утверждающий, что, несмотря на некоторые различия в индустриях Дам-Дам-Чешме I и II, обитатели этих гротов принадлежали не только к одной этнической общности, но и входили в одно племя или одну локальную группу. Не исключает он существования этнокультурной «Каспийской археологической провинции», объединявшей Восточный и Южный Прикаспий, Центральный Иран, Северный Ирак, и населенной, возможно, родственными племенами.²

Интересную мысль о территории распространения геометрических микролитов высказал Г.Н. Матюшин. Он предположил, что их ареал совпадает с расселением народов индоевропейской семьи, и вполне вероятно, что это совпадение не случайно.³ Правда, в таком случае непонятно, что делать с Океанией и Австралией. Но в комплексе с другими данными подобная постановка вопроса вполне уместна. А.П. Окладников отмечал общие черты в микролитидном инвентаре Джебела и донных стоянок Поволжья. Он не исключал, что наследием керамики Джебела могут оказаться остродонные и круглодонные сосуды ямной культуры Причерноморья и Афанаевской культуры Ми-

---

¹ Коробкова Г.Ф. Туркмения в эпоху мезолита // Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976. – С.6-13.

² Марков Г.Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии // СА, 1966. - № 2. – С.104-125; Марков Г.Е., Дурдыев М.Б. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии // Каракумские древности. – Ашхабад, 1977. – Вып.V. – С.9-17.

³ Матюшин Г.Н. О корреляции культур Юго-Запада Сибири, Прикаспия и Ближнего Востока в эпоху мезолита // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975. – С.66-75.

нусинской котловины.¹ А именно в этой лесостепной зоне Южной России предположительно формировалась индоевропейская общность.

Как мы уже писали, ранний этап мезолита отмечен перемещением племен, принесших в Среднюю Азию кремневую индустрию с характерными орудиями в виде прямоугольников. Памятники с подобной индустрией сконцентрированы в две группы, сосредоточенные на севере и юге Средней Азии. На данное время предполагается, что территория между ними не была охвачена этим процессом, но возможно, это только результат отсутствия соответствующих исследований. Можно отметить только одну стоянку Ак-Танга, находящуюся на западном склоне Туркестанского хребта, в инвентаре которой встречаются прямоугольники. К северной группе относятся стоянка Каир-Шак 5, инструментальный набор, которой включал составные наконечники стрел – параллелограммы на сечениях пластинок, датированные 11тыс. лет² и стоянки в районе Лявляканских озер, Дарьясяя и Эчкилинсяя в инвентаре которых встречаются параллелограммы – слегка измененные формы прямоугольников.³

Южная группа сосредоточилась в районе Афгано-Таджикской депрессии. Здесь по обоим берегам р. Амударьи зафиксированы однокультурные памятники (Зодиан 1,3,6, пункты 424 а, 424б, Ташкурган – левый берег, и Чили-Чор-Чашма, Туткаул 3 горизонт – правый берег).⁴ Весь облик кремневой микролитоидной индустрии со значительным количеством прямоугольников носит явно пришлый характер (рис.10. 20-30). Единственным слабым звеном с предшествующей местной верхнепалеолитической культурой служат скребки высокой формы 3-го горизонта Туткаула. Поскольку на стоянках вдоль восточного побережья Каспия и в иранских пещерах прямоугольники отсутствуют, остается только предполагать пути проникновения этих групп на территорию Средней Азии.

---

¹ Окладников А.П. Пещера Джебел... – С. 215.

² Комаров А.М. Новая мезолитическая стоянка Каир-Шах V в Северном Прикаспии // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998. – С.12-13.

³ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. – М., 1981. – Вып. 19. – С.59-69.

⁴ Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия: Материалы Сов.-Афган. археол. экспедиции. – М., 1979. – Вып. 2. – С. 7-62; Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана: Предварительное сообщение о работах 1948, 1952-1954 гг. // МИА СССР. – М., 1958. – № 66. – С.45, 48; Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – № 2. – С. 133-147.

Вероятно, пришельцев было немного. Местное население продолжало использовать свои технологии. Так, североафганская аккумулянская культура, генетически связанная с верхним палеолитом, характеризуется абсолютным отсутствием геометрических форм и техникой затупливания спинки.¹ Стоянки, найденные на противоположном правом берегу р.Амударья – в Бешкентской долине, которые, как считает их исследовательница А.Г.Амосова, генетически связанные с аккумулянской культурой, так же лишены показательных орудий мезолитической технологии.² В последние годы на берегах одного из протоков Пра-Амударьи обнаружены стоянки Чорбактинской группы, где, в отличие от рядом расположенных местонахождений Дарьяся, наблюдается та же картина – отсутствие прямоугольников и доминирование скребков высокой формы.³

На развитом этапе ареал мезолитической культуры с геометрическими микролитами в виде сегментов, треугольников и трапеций значительно расширяется. Первооткрыватель мезолитических стоянок на Устюртском плато отмечал, что здесь бытовала смешанная культура местного происхождения, формировавшаяся под воздействием традиций Прикаспия и Южного Урала.⁴ На соседней территории в районе Лявляканских озер, Дарьяся и Эчкилинся с учетом локальных различий (наличие сегментов у первых и их отсутствие у вторых), индустрии стоянок в целом единообразны, что выражается в изготовлении низких трапеций, ассиметричных треугольников, острий типа шателль-перрон.⁵

Ярким свидетельством существования мезолитической культуры с геометрическими орудиями в верхнем течении р.Сырдарья является стоянка Кушилиш. Среди типичного для этого времени инвентаря имеются треугольники, по своему виду близкие изделиям Дам-Дам-Чешме II и нижним горизонтам Гари-Камарбанада, а острия типа перочинного ножа

---

¹ Davis Richard. The Paleolithic // The Archaeology of Afghanistan (from earliest times to the Timurid period). – London, New York, Sanfrancisco, 1978. – P. 37-70.

² Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А. История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины. – Душанбе, 1991. – С. 126.

³ Хужаназаров М., Сайфуллаев Б. Кук-Аяз – новый палеолитический памятник в Кызылкумах // ИМКУ. – Самарканд, 2000. – Вып.31. – С. 9.

⁴ Бижанов Е.Б. Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устюрта // Археология Приаралья. – Ташкент, 1982. – Вып.2. – С.14-39.

⁵ Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан: этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. – М., 1975; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы ... – С.67-69.

и массивные скребки с широким краем напоминают подобные орудия из Натуфийской стоянки Эль-Амар.¹

В Ферганской долине территориально и в историко-культурном плане прослеживаются два типа индустрии, из которых первый представлен пещерными стоянками Обишир I и V, и Ташкумыр, условно названный обиширским; второй – равнинными местонахождениями Центральной Ферганы и назван ферганским. Для ферганского комплекса (пункты Аччик-куль, Шоркуль 1,2 и др.) характерна пластинчатая микролитическая техника, трапеции и сегменты миниатюрных размеров, острия шатель-перрон. В обрамляющих Ферганскую долину предгорьях сформировался комплекс, сочетающий микропластинчатую и галечную технику (чопперы, скребла на первичных отщепях). Геометрические орудия в виде крупных сегментов присутствуют только на стоянке Ташкумыр. Первоосновой для обиширской культуры послужили местные памятники типа Самаркандской стоянки и Ходжа Гор, которая в свою очередь на финальном этапе своего существования дала начало неолитическим культурам Ферганы.²

Для восточных районов Средней Азии выделяется еще и третий вариант, основанный на индустрии, совмещающей микропластины с мелкими отщепами и не имеющей геометрических орудий и острий типа граветт. Галечный элемент хотя и присутствует, но не играет существенной роли. Этот вариант, определенный исследователями как позднемезолитический, распространен в предгорной зоне – в долине Среднего Зарафшана (сазаганская культура)³ и в долине р.Сурхандарья (пещера Мачай).⁴

В 8-7 тыс. на всей территории Южного Таджикистана, отмечается проникновение второй миграционной волны, принесшей идею изготовления определяющих орудий этой эпохи – сегментов и треугольников. Предполагается, что маршрут пролегал через промежуточные пункты Ближнего Востока типа Али-Тапех (Восточный Иран) и Северный Афганистан (стоянки Тагана 5-8, Задан 1, Абдан 1-4). И это как мы уже указывали было не одноразовое крупное переселение, а медленная фильтрация восточно-средиземноморских

---

¹ Исламов У. К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана // ИМКУ. – Вып. 12. – С.15.

² Исламов У. Обиширская культура. – Ташкент, 1980; Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Мезолит СССР. – М., 1989. – С.164.

³ Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1981.

⁴ Исламов У.И. Пещера Мачай. – Ташкент, 1975.

народов с параллельно идущей диффузией идей, кардинально не меняющая ни технологический процесс изготовления каменных орудий, ни хозяйственную жизнь аборигенного населения в целом. К примеру, сегменты появляются сначала в единичных экземплярах на ранних стоянках Кулисуфиена и Чилондары (рис.11.7-10), и только на стоянках развитого мезолита Дараи Шур и Туткаул 2а они составили значительную группу (рис. 10.1-19;12).¹ Подобное постепенное появление орудий по выражению В.А. Ранова, говорит скорее о передаче идей по эстафетному принципу.

В предгорных районах Средней Азии и Таджикистана, в отличие от памятников равнинных территорий, для которых отмечается полный переход к кремневой мелкопластинчатой технологии, местные традиции продолжали занимать значительное место. Если, по мнению А.В. Виноградова, для равнинных североафганских памятников «речь может идти не о местных корнях как таковых, а о степени их участия в сложении мезолитической культуры».² То для памятников Таджикистана эту фразу следует рассматривать в обратном порядке – о степени участия мезолитических элементов в сложении культуры аборигенного населения. Так, в инвентаре стоянки Оби-Киик пластинчатый компонент составляет 20%, а геометрические микролиты и острия с затупленной спинкой – всего 8%.³ На стоянке Истык (крайняя восточная точка распространения мезолитической культуры – Восточный Памир) пластины и отщепы составляют примерно равное количество, а мезолитический компонент – около 12%.⁴

В Южном Таджикистане на основании оригинальных технологий, выделенных на стоянках Туткаул 2а, Дараи Шур и комплекса местонахождений по р.Вахш, был выделен локальный вариант, получивший название вахшского.⁵ Он сложился из компонентов местных верхнепалеолитических и раннемезолитических культур. С одной стороны, это стоянка Сай-Сайёд, у которой древняя галечная техника составляет 70%, с незначительным налетом кремневой индустрии. С другой, присутствие таких орудий как

---

¹ Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит... - С.24.

² Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века... – С.57.

³ Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии. – Первобытная археология. Поиски и находки. – Киев, 1980. – С.82-90.

⁴ Жуков В.А. Раскопки пещеры «Истыкская» (1978-1979 гг.) // АРТ. - Душанбе, 1986. – Вып. XIX. – С.51-65.

⁵ Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дараи Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана: (от мезолита до бронзы) – Душанбе, 1982. – С.19.

концевые и округлые скребки, призматические пластины и острия, широко применяемые на верхнепалеолитических стоянках Кулисуфиена. С третьей – влияние ближневосточных культур. Поскольку основу вахшского варианта составляют местные корни, это свидетельствует о том, что население, создававшее его, оставалось аборигенным и о тесных и неоднократных контактах с племенами-носителями ближневосточных традиций, а не о миграционной волне, кардинально меняющей весь технологический процесс изготовления каменных орудий, свидетельствуют материалы стоянок Кулисуфиена и Чилондары. Они показывают, как при сохранении некоторых элементов мустьерской и верхнепалеолитической техники, происходило последовательное наращивание отдельных видов орудий – сначала единичных экземпляров прямоугольников, острий с затупленной спинкой, сегментов затем выемчатых орудий, боковых скребков, которые становятся ведущими в период развитого мезолита.¹ Из чего следует, что оригинальный комплекс вахшской культуры сложился на местной основе под воздействием индустрий Ближнего Востока.

Миграционные процессы не только не привели к смене и даже существенному сдвигу аборигенного населения Средней Азии, но вероятное диффузионное влияние и непосредственные контакты не оказали существенного воздействия и на хозяйственную жизнь. Даже на ближайших к Передней Азии территориях следы перехода к производящей экономике отсутствуют. Судя по многочисленным костям диких животных, найденным на стоянках Прикаспия, основным и первостепенным занятием племен продолжала оставаться охота. Сегменты, различные острия служили у них наконечниками стрел, а разнообразные скребки и пластины с выемками служили для изготовления охотничьего оружия.² Распространенным видом хозяйственной деятельности среди племен, селившихся на берегах моря, тогда еще полноводного Узбоя, р. Амударья и вблизи других водных источников, оставалось рыболовство. Об этом красноречиво говорят кости крупных рыб осетра, стерляди, найденные на стоянках. Материалы из Кызылкумов хотя и свидетельствуют о существенных различиях в соотношении охоты и рыболовства в обеспечение пищей и вызванных этим различиях в материальной культуре, но признаки оседания на землю тут также отсутствуют.³

---

¹ Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI. – С.240-243.

² Окладников А.П. Древнейшее прошлое Туркменистана... - С.205.

³ Окладников А.П. Средняя Азия... - С.64.

Ярким штрихом к хозяйственной жизни позднемезолитических племен Прикаспия является замечательный памятник – мастерская возле мыса Куба-Сенгир, специализировавшаяся на производстве бусин из раковин. Бусы из этой мастерской находили за тысячи километров от нее – на стоянках вдоль древнего русла Узбоя, в нижнем течении р. Амударьи. Это является показателем зарождающихся далеких межплеменных обменных связей, выходящих за пределы какой-либо одной родовой общины.¹

Не обнаружено следов доместикации в сазаганских фаунистических остатках, судя по которым, в хозяйственной жизни преобладала охота на джейранов и птиц. Занимались сазаганцы рыбной ловлей, а наличие большого количества зерноотерок, терочников свидетельствует только об интенсивном собирательстве.²

Чем занимались мезолитические жители территории современного Таджикистана? Хотя достигнутый технический уровень обработки камня мало чем отличался от такого же уровня индустрии Натуфа, первой культуры, связанной с земледелием, жители по-прежнему сохраняли уклад охотников-собирателей, даже без предпосылок перехода к более прогрессивной экономике. Что же касается внутреннего приоритета одного промысла над другим, то он не был стабилен и колебался в ту или иную сторону в зависимости от времени года и конкретного животного и растительного мира, в пределах обитания определенного человеческого коллектива. Немаловажное значение для древних жителей имели черепахи, как весьма доступный объект добычи. На мустьерской стоянке Огзи-Кичик фрагменты черепаховых панцирей исчислялись сотнями, в большом количестве они обнаружены и на мезолитической стоянке Кулису-фиен, и в неолитических слоях поселения Кангурттут.³ Промысловое значение могли иметь и птицы, в частности, кеклики, большими сообществами населявшие горные склоны.

Конкретных свидетельств о собирательстве мы не имеем, но в сбор могли входить яблоки, боярышник, ревень, вишня, дикая розь, горох, грибы, дикий лук. По-видимому, в осенний период основной упор делался на сбор таких высококалорийных продуктов, как грецкие орехи, мин-

---

¹ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – С.136.

² Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1981. – С.106.

³ Филимонова. Верхний палеолит и мезолит... - С.24.

даль и фисташка – ее обожженные зерна найдены на стоянке Туткаул.¹ Всего на территории Таджикистана в настоящее время произрастает 109 видов дикорастущих пищевых растений.² Исходя из того, что в конце верхнего плейстоцена – начале голоцена устанавливается современный состав видов флоры и фауны, то можно предположить, что население обладало широкими возможностями в собирательстве, обеспечивающего его значительными пищевыми ресурсами.

Если хозяйство мезолитических племен оставалось прежним, то в культурной сфере они шагнули вперед. Наскальное искусство, известное на европейской части континента с верхнего палеолита, на территории Средней Азии проявилось только в мезолите. Красочные монохромные росписи были открыты в двух гротах – Зараут-Камаре и Шахты.³ Хотя гроты расположены на значительном расстоянии друг от друга, первый недалеко от амударьинской долины на южных отрогах Гиссарского хребта, второй – на высокогорном плато Восточного Памира, их объединяют не только сюжет, но и манера исполнения росписей. В рисунках Зараут-Камара выделяются три композиции. В первой изображена коллективная охота на диких быков, во второй – на винторогих козлов, в третьей – джейраны, убегающие от лучников. На фресках Шахты изображены два кабана и один дикий як, в сторону которых летят стрелы, количество которых свидетельствует об облавной охоте. Фрески обоих гротов позволяют судить не только о степени развитости искусства, но и о характере религиозных верований далекого прошлого. Эти дошедшие до нас рисунки отражают культовые охотничьи сцены, воссоздающие церемонии облавной охоты в целях ее успешного завершения, без которых первобытный человек не мыслил благополучия своей общины.

Заканчивая раздел мезолита, отметим, что миграция переднеазиатских племен существенно не повлияла на состав аборигенного населения, которое по своей сути осталось прежним. Это выразилось, прежде всего, в том, что на равнинных территориях и в предгорьях не наблюдается абсо-

---

¹ Ранов В.А. Каменный век // История таджикского народа.-Душанбе,1998.Т.1.-Гл. 2.-С.93.

² Таджикистан: (Природа и природные ресурсы). Отв. ред. Х.М. Саидмуродов, К.В. Станюкович: АН ТаджССР. – Душанбе: Дониш, 1982.

³ Формозов А.А. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараут-Сай // СА, 1966, № 4. – С.14-26; Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. – 1961. – № 6. – С.70-71.

лютного перехода к новым мезолитическим технологиям обработки камня. Среднеазиатское междуречье, в отличие от Прикаспия, продолжало оставаться зоной контактов западных восточно-средиземноморских и восточных, местных культурных традиций. Прежде всего, среднеазиатские культуры не соответствуют основному критерию по определению этой эпохи, выработанному на основе культур Кебары и Натуфа. Главным, в которых являлся расцвет собирательства и зачатки скотоводства, которые создали основу для возникновения производящих форм хозяйства в конце мезолита – начале неолита. Начальный этап скотоводства (разведение коз и овец) известен только для слоя 6 тыс. до н.э. стоянки Дам-Дам-Чешме 2 и 4 слоя пещеры Джебел, что соответствует этапу позднего мезолита – раннему неолиту.¹ Никаких иных признаков производящего хозяйства в мезолитических культурах Средней Азии не имеется.

Основополагающим для этого периода является проявляющаяся тенденция к концентрации разрозненных племен с локальными вариантами культуры в крупные объединения. Этот процесс происходил под влиянием географического фактора и хозяйственного уклада, что объясняется единством происхождения индустрий, идентичностью производственной деятельности, основанной на конкретной природной среде обитания. В Прикаспии формируется общность близкая по своей материальной культуре к Передней Азии и Ближнему Востоку. Среднеазиатское междуречье, испытывающее определенное влияние со стороны Урала, консолидирует вокруг себя племена охотников-рыболовов. Общее сходство имеют индустрии горных районов Средней Азии. На основании этого в настоящее время утвердилось мнение, о начальном этапе оформления племен на этих территориях в этнические общности.

В конце VII – начале VI тыс. до н.э. население Средней Азии вступает в заключительный этап каменного века – неолит, период, принципиально отличавшийся от сотен тысячелетий предшествующей эволюции. Неолит – один из важнейших периодов в истории человечества, в котором произошло окончательное становление производящего хозяйства. Если в предыдущие периоды Средняя Азия и Ближний Восток развивались в

---

¹ Цалкин В.И. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А.П. Окладниковым. // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1956. – С.220-221; Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии.-С. 123.

рамках общих закономерностей, и в IX-V тыс. до н.э. между различными районами и областями еще не наблюдалось сколько-нибудь существенных различий, то резкий скачок в неолите привел к неравномерности развития. Отдельные группы племен и в первую очередь племена, осваивающие плодородные долины крупных рек – Тигра, Евфрата, Нила, Инда, резко вырываются вперед. Видный английский археолог Г. Чайлд, подчеркивая историческое значение перехода от присваивающей экономики к производящей, дал ему наименование «неолитической революции», которая трансформировала экономику, позволила человеку контролировать его собственный запас пищи.¹ Человек стал производить необходимый для жизни продукт, постоянно совершенствовать это производство, расширять его масштабы. Знания явлений природы, циклов жизни растений, их роста и созревания, попытки объяснить эти циклы обусловили новый этап в развитии мышления. Н.Мерперт замечал, что «по своим последствиям переход от присваивающей экономики к производящей сравним лишь с самим феноменом антропогенеза – выделения человека из прочего органического мира. Он вызвал коренные изменения во всех аспектах человеческого существования – от производственной деятельности до мировоззрения и духовного мира. Эти изменения в большей мере, чем любые другие трансформировали не только окружающую человека среду и его биологию, но и в какой-то степени и всю нашу планету».²

Неолитическая революция вызвала существенные перемены не только в экономической деятельности, но и материальной культуре, социальном устройстве, образе жизни, идеологических представлениях и в различных областях культуры. В этот период происходит первая консолидация племен в культурно-хозяйственные или даже этнокультурные общности, ставшие краеугольным камнем в будущее сложение современных народов. Поэтому раскрытие этногенетических процессов, протекавших в неолитическую эпоху представляет особый интерес. В отличие от предыдущих периодов, крупные миграционные потоки с других территорий в Среднюю Азию прекратились. Происходили только внутренние перемещения племен, обусловленные конкретными хозяйственными задачами, что в целом не меняло общий состав населения, сложившегося еще в ме-

---

¹ Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956. – С. 286.

² Мерперт Н. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. – М., 2011. – С.194.

золитическую эпоху, и относившегося к различным вариантам восточно-средиземноморской расы.

Ключевым моментом в данном случае играет феномен «неолитической революции», обусловившей заметную многолинейность развития определенных районов ойкумены. В Средней Азии значительную часть ее обширных пространств заняли три образования, основанные на различных моделях хозяйственной деятельности и соответственно со своими этносоциальными и этнокультурными чертами – Гиссарская, Джейтунская и Кельтеминарская.¹ Но это не значит, что на не охваченных этими образованиями областях развитие местных культур приостановилось. К примеру, у племен Прикаспия и Больших Балхан, отличавшихся пестротой этнического состава, процесс неолитизации происходил на базе интенсификации и специализации присваивающих форм хозяйства. Это привело к формированию культурно-хозяйственного типа охотников, рыболовов и собирателей с дальнейшим переходом к скотоводческому пути становления производящего хозяйства. Однако это был сложный и длительный процесс, который не давал столь ощутимых результатов, как комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство.²

Население Ферганской долины также продолжало вести присваивающий тип хозяйства и технологию обработки орудий, базирующуюся на предшествующей мезолитической индустрии. На берегах среднего течения р. Зарафшан продолжали проживать племена, создавшие сазаганскую культуру, которая в настоящее время в рамках «горного» неолита, рассматривается как самостоятельное, историко-культурное образование. Своеобразие и центрально-ферганской, и сазаганской культур определяется их географическим положением. Сохраняя и развивая многие культурные признаки, свойственные горному мезолиту, они, располагаясь на стыке гор и равнин, испытывали постоянное воздействие равнинных культур. В частности, влияние кельтеминарской культуры в Сазагане проявляется в наличие небольшого количества типичной для нее керами-

---

¹ Ранов В.А. Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика // Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе, 1982. – С.19-21; Массон В.М. Поселение Джейтун (Проблема становления производящей экономики) // МИА, 1971. – № 180. – Л., – С.76,77; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – С.64-134.

² Кольцов П.М. Неолитические культурные образования Северо-Каспийской области // Казахское ханство в потоке истории. – Алматы, 2015. – С.307; Массон В.М. Неолит Средней Азии // Каменный век на территории СССР. – М., 1970. – С.111-112.

ки и характерных кремневых наконечников стрел. Имеющиеся на сегодняшний день источники свидетельствуют, что сколько-нибудь заслуживающих внимание данных о начальных формах земледелия пока не найдены. Наличие скотоводческого уклада в хозяйстве неолитического населения Сазагана так же проблематично, хотя исключать такую возможность не следует.¹

Логику развития этносоциальных и этнокультурных систем с присущими каждой из них специфическими чертами показывают три основные среднеазиатские образования. К VI тыс. до н.э. относится становление земледельческой джейтунской культуры, являвшейся северным форпостом древнейших культур Ближнего Востока. Как считает В.М. Массон, местных корней у этой культуры нет и, по всей очевидности ее носители появились в Южном Туркменистане в результате переселения с соседней территории Северо-Восточного Ирана, принеся с собой знакомые им навыки скотоводства и выращивания злаков. Переселенцы обосновались на узкой полоске между отрогами хребта Копет-Дага и песчаными грядами Каракумов, в дельтовых участках небольших рек. Это переселение племен не распространилось восточнее Мургабского оазиса, что определялось ограниченными природными условиями, в результате чего в других районах Средней Азии еще долго сохранялись архаические формы ведения хозяйства.²

Второй путь развития показывает кельтеминарская этнокультурная общность, сложившаяся из близкородственных культур. Кельтеминарцы освоили междуречье великих рек Сырдарья и Амударья, лесостепи Западного Казахстана. Определенная нечеткость ее границ показывает, что в Средней Азии и на соседних территориях Юга Казахстана и Приуралья, в неолитическое время жили племена, близкие кельтеминарцам по культуре, а, возможно, в равной степени и этнически. В условиях обширных дельтовых районов формируется своеобразный хозяйственно-культурный тип оседлых или полuosедлых рыболовов и охотников, в среде которых пока не обнаружено каких-либо бесспорных свидетельств производящего хозяйства.³ Некоторые отрывочные данные имеются о собирательстве. На многих кельтеминарских стоянках найдены терочки для перемалывания зерен дикорастущих злаков, вкладыши жатвенных орудий аналогичные джейтунским, а на стоянке

---

¹ Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит... – С.102-110.

² Массон В. Неолит Средней Азии//Каменный век на территории СССР.-М.,1970.- С.105-111.

³ Виноградов А., Мамедов Э.Д. Исследования в юго-западных Кизилкумах.-М.,1970.-С. 163.

Толстова – костяная основа жатвенного ножа, близкого по типу серпам раннеземледельческих культур Передней Азии.¹

Как показали раскопки могильника Тумек-Кичиджика, а также Прикаспийского могильника Кайлю, погребальная практика кельтеминарцев и родственного им неолитического населения Средней Азии в главных чертах сходна с обрядом, зафиксированным для племен лесостепной части Евразии. Умерших хоронили в грунтовых могилах, уложив на спину, в вытянутом положении. В отличие от юга Средней Азии с однородным расовым типом грацильных средиземноморцев, в сложении кельтеминарцев приняли участие и представители проевропейской расы.²

Особо следует отметить южные истоки кельтеминарской культуры: типологическое сходство кремневого инвентаря на раннем этапе, аналогии в некоторых орнаментальных композициях керамики формы самих керамических сосудов, указывающих на общность происхождения, общий исходный пласт. Это сходство особенно заметно по стоянкам дарьясайской группы, кремневый инвентарь которых по ряду существенных типологических признаков очень близок раннему этапу джейтунской индустрии. Родственный вариант раннеолитической культуры открыт на приамударьинской равнине Северного Афганистана.³

И джейтунская и кельтеминарская культуры одинаково практиковали изготовление орудий из кремня с абсолютным преобладанием техники изготовления ножевидных пластин, хотя типологический набор орудий и их функциональное применение заметно отличались между собой, поскольку отвечали за разные производственные нужды.

В горной части Средней Азии, но главным образом в Афгано-Таджикской депрессии и в предгорных зонах Узбекистана и Киргизии, обращенных в сторону среднеазиатских равнин, эволюция неолитических племен происходила самостоятельно, без внешних влияний. Здесь продолжала развиваться специфическая галечная культура горного неолита, памятники которой на территории Таджикистана объединены в гиссар-

---

¹ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – С.167.

² Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. – М., 1986. – С. 111.

³ Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. – СЭ, 1957. - № 1. – С.44-45; Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – С.64-134.

скую общность. Материальная культура гиссарцев хорошо изучена по данным с более 400 памятников, хронология которых построена на основе стратиграфии опорных поселений Туткаул, Сай-Сайёд, Кангурттут.¹ Нерешенной остается проблема экономического уклада гиссарцев, по которой выдвигались разные предположения: 1) это первые земледельцы и скотоводы Таджикистана; 2) охотники и собиратели; 3) скотоводы.² К настоящему времени основной остается версия об охоте и собирательстве, базирующихся на богатых горных природных ресурсах и отсутствии соответствующих условий для ведения первичного лиманного земледелия, которые и послужили причиной столь длительного переживания присваивающих форм хозяйства. В образцах почвы, взятых из неолитических слоев стоянок Туткаул и Кангурттут, отмечаются увлажнение и потепление климата, т.е. наступление климатического оптимума, из чего можно заключить, что гиссарцы жили в более благоприятных климатических условиях, чем живут в этом регионе их далекие потомки.³

Н.В. Вавилов, изучавший флору Таджикистана, отмечая необычайное разнообразие диких видов гороха, чины, нута, бобов, овса, безлигульной ржи, абрикоса, миндаля, грецкого ореха, винограда, произраставших на огромных территориях, писал, что «на юге Таджикистана мы имеем большие пространства в 200 тыс. гектаров дикой фисташки».⁴ Такое изобилие, без сомнения, стимулировало существование высокоразвитого собирательства. Ясно, что здесь переход к земледелию не давал древним жителям явных преимуществ перед охотой и собирательством. В.А. Шнирельман, посвятивший себя изучению проблем «неолитической революции» пришел к выводу, что этнографические и археологические факты показывают, что

---

¹ Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных районов Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985. – С.10-35; Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). – М., 2008. – С.5-159.

² Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы // Всесоюз. Совец. арх. и этногр. Средней Азии. – М., 1959; Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. – М. – Л., 1964; Коробкова Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973. – С. 207-210.

³ Симакова А. Н. Результаты палинологического анализа разреза Кангурттут // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 117-118; Пахомов М.М., Ранов В.А., Никонов А.А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул // СА, 1974. – № 4. – С.248.

⁴ Вавилов Н.И. Культурная флора Таджикистана в её прошлом и будущем / Избр. произв. – М. – Л., 1965. – Т. 5. – С.564.

охота и высокоразвитое собирательство, развивавшиеся в нормальной обстановке, могли существовать бесконечно долго. Охотники и собиратели, обитавшие во многих районах мира по соседству с земледельцами и скотоводами, не выказывали большого желания переходить к производящему хозяйству, хотя и знали о его существовании, тем более, что на первых этапах результаты земледельческой деятельности явно уступали в получении продуктов собирателей и охотников.¹ Исключение составляли только долины крупных рек, таких как Тигр, Евфрат, Нил, Инд, где их разливы, плодородие почв и субтропический климат давали возможность получать большие урожаи.² Если принять во внимание выводы Н.В. Вавилова и точку зрения В.А. Шнирельмана, то отрицательных причин перехода к земледелию в Таджикистане было две: 1) горный рельеф местности. Первоначальная форма земледелия – это мотыжная обработка земли с лиманным орошением. Именно разливы вышеперечисленных рек способствовали продуктивности этого вида хозяйства. На лиманном земледелии базировалась и соседняя с Таджикистаном джейтунская культура. В Таджикистане с ее глубоким врезом русел рек в горном рельефе подобные условия отсутствовали. 2) Богатство флоры и фауны.

Похожая ситуация сложилась на соседних горных территориях Узбекистана и Киргизии. Никаких данных перехода к земледелию у племен, создавших сазаганскую культуру не найдено. На севере Афганистана продолжали бытовать племена охотников, собирателей, рыболовов, заселившие Бактрийскую равнину. В.И. Сарианиди, изучавший поселения земледельцев в дельтах рек (Дашлы-1, Гирдан), утверждал, что у них нет местных корней. Земледельческая культура появляется в готовом виде, непосредственно сменив охотников и собирателей во II тыс. до н.э.³ И только далеко на юге хозяйственное единообразие было нарушено появлением первых земледельцев и скотоводов, основавших в VI–V тыс. до н.э. поселение Мергар.⁴ Для неолитического этапа культур Афгано-Таджикской депрессии фиксируется только этап первичного устойчивого проживания на одном месте.

На основе изучения сирийских памятников, исследователи предло-

---

¹ Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989.

² Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. – М. – Л., 1964. – С.82-133.

³ Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977.

⁴ Shaffer J.G. The Later Prehistoric Period // Archaeology of Afghanistan / ed. by Allchin R., Hammond N. – London, New York, San Francisco, 1978. – P.71-186.

жили три варианта моделей соотношения различных типов стоянок. Первый представляет циркулярную систему постоянного движения и временных остановок, второй предусматривает сезонные чередования базовых и временных стоянок, третий – наличие основной постоянной базы и радиально расположенных временных стоянок, появившихся на охотничьих угодьях или в сезонный период собирательства.¹ Те данные, которыми мы располагаем сегодня, позволяют считать, что система памятников гиссарской культуры соответствует третьей модели. Площадь гиссарских поселений Туткаул, Сайёд и Кангурттут равная 2-3 га, с мощными культурными слоями (до 2 м), содержащими огромное количество обработанного камня (до 30-40 тыс. экз.), четкой структурой и наличием жилых площадок в виде каменных выкладок (площадью до 40 кв.м), окруженных системой очагов и «ящичков» для хранения пищи, позволяет рассматривать их как базовые, круглогодичные поселения.²

Вокруг них складывалась развернутая система различных по своему значению крупных стоянок, небольших местонахождений и мелких пунктов.³ Особенно четко это проявилось при картографировании памятников среднего течения р.Вахш, где два базовых поселения – Туткаул и Сай-Сайёд находились в долине, на берегу р.Вахш, а многочисленные местонахождения кратковременного пребывания занимали все экологические ниши по вертикали. Их можно встретить на всех уровнях имеющихся речных террас, в адырной полосе, вплоть до водоразделов, где они располагались по берегам ручьев, в глубине небольших ущелий, определяя зону регулярных посещений охотничьих угодий и участков, благоприятных для собирательства в пределах освоенной ими территории природопользования.⁴

---

¹ Cauvin J. Les premiers villades de Syrie – Palestine du IX-eme an VII – eme millénaire avant J.C. Lyon, 1978. – P.15-16.

² Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Неолит горных районов Средней Азии // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968. – С.18-21; Юсупов А. Неолитическое поселение Сай-Сайёд на юго-западе Таджикистана. – СА, № 2, 1975. – С. 138-147; Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. – АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С 64-116.

³ Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Периодизация стоянок каменного века.. – С. 34-36.

⁴ Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Археологические исследования стоянок каменного века на юге Таджикистана в 1985 г. // АРТ. – Душанбе, 1994. – Вып. XXV (1985 г.). – С.140-144; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования в зоне Нурекского водохранилища в 1986 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. XXVI (1986 г.). – С. 311-322; Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш: (Работы 1978 г.) // АРТ. – 1984. – Вып. I (1978 г.). – С. 48-58.

Следует отметить, что подобный третий вариант: базовый лагерь с радиальным расположением стоянок в дальнейшем оформляется в оазисную систему поселений эпохи бронзы, ставшей пробразом взаимоотношений – столичный город и сельская округа в государственных образованиях.

На основе последних археологических исследований можно утверждать, что базисной основой для гиссарской культуры послужила предшествующая ей территориально и технически – локальная вахшская мезолитическая культура, которая сложилась из серии компактно расположенных памятников, распространенных в среднем течении р.Вахш. Наиболее ярко черты будущей гиссарской культуры проявились в результате раскопок стоянок Туткаул (горизонт 2А) и Дараи Шур.¹ В индустрии стоянок присутствуют четко различающиеся между собой две группы изделий. Первая группа соответствует «галечному элементу», представленному крупными отщепами, чоппинговидными нуклеусами, чопперами и т.д., выполненному из эффузивных пород камня (рис.13). Истоки этой техники, как мы не однократно писали, находятся в нижнепалеолитической каратауской культуре, основные принципы обработки камня которой аналогичны ведущим элементам как мезолитической, так и гиссарской индустрий. Вероятно, немаловажен и тот факт, что и палеолитическая и гиссарская культуры не выходят за пределы лёссового района, занимая на протяжении многих тысячелетий одну и ту же экологическую нишу. В этой закономерности также просматривается их генетическая преемственность. Там, где лёссовый покров сменяется песчано-галечными равнинами низовий рек Сурхоб, Вахш, Кафирниган, процветала иная культура, с микролитойдно-кремневыми технологиями – это местонахождения Бешкентской долины, стоянка Макони Мор. Эти районы, еще с конца верхнего палеолита, традиционно связывают с северо-афганскими памятниками, находящимися под влиянием ближневосточных пластинчатых кремневых технологий.²

---

¹ Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА, 1971. – № 2. – С. 133-147; Ранов В.А., Юсупов А., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дараи Шур. – С. 5-21.

² Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А. История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины. – Душанбе, 1991; Амосова А.Г., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х. Мезолит и неолит Южного Таджикистана // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвящ. десятилетию Южно-Тадж. археол. экспедиции. – М., 1983. – С. 4-5; Ранов В.А., Юркевич Э.А. Стоянка с кремневым инвентарем в долине Пянджа // КСИА. – М., 1973. – Вып. 136. – С. 56-59.

Вторую группу изделий так же, как и на мезолитических стоянках, составляют пластинчатые изделия из кремня. Если исключить чисто мезолитические типы предметов, такие, как геометрические микролиты (хотя они присутствуют в единичных экземплярах), острия с затупленными спинками, концевые скребки (рис.14.1-13), то в остатке будет стандартный гиссарский набор, состоящий из боковых скребков, выемчатых орудий, проколов на отщепях и пластинах. Процентное соотношение между «галечным элементом» и кремниевым в обеих культурах также примерно одинаковое – соответственно 70-80% к 20-30%.¹

На наш взгляд, соединение двух технических приемов обработки камня в единую сложносоставную культуру, в основе которой лежит синтез всего предшествующего опыта, накопленного в течение тысячелетий, выводит гиссарскую индустрию на качественно новую ступень, исключительную по своему положению.

Проведенный анализ каменного инвентаря показал, что вне зависимости от социального статуса памятника (поселение, стоянка, местонахождение) и занимаемого им места во времени (начальный, развитый, финальный этап гиссарской культуры), основные технологические приемы обработки камня и типологический состав орудий не претерпевают кардинальных изменений. Небольшие изменения происходят на поздних этапах, когда увеличивается микролитовидный элемент, но он даже на половину не замещает галечный.²

Подобное стабильное существование технологий в течение всего неолита указывает на отсутствие каких-либо контактов с джейтунской или с кельтеминарской культурами. Отсутствие у гиссарцев керамической посуды, являющейся одним из критериев неолита, отличающего его от предшествующего ему мезолита, еще более подчеркивает отсутствие взаимосвязей между ними. Данные, накопленные в последние годы, позволяют утверждать, что так же как в Северном Афганистане, неолитическое гиссарское население доживает до прихода племен эпохи бронзы. Хотя на севере Таджикистана расширение ареала земледельческой культуры происходит еще раньше – в период энеолита, когда на берегу р.Зарафшан возникает поселение Саразм. Но судя по тому, что оно так и осталось единственным, существенного влияния на историческую судьбу

---

¹ Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангуртгута... - С.29.

² Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Периодизация стоянок каменного века... - С. 34-36.

района этот процесс не принес.¹ Вероятно, потому что изначально его назначение было связано преимущественно с освоением горнорудных богатств этого района. На юге проникновение первых, вероятнее всего, еще небольших разрозненных групп, выделившихся из племен скотоводов и земледельцев, населявших бассейн р.Амударья, началось в середине III – начале II тыс. до н.э., что фиксируется в материалах могильников Гелот, Фархор и Кангурттут-2.² Но в середине II тыс. до н.э. климатический кризис, вызвавший иссушение оазисов, привел к упадку Южно-Туркменские земледельческие центры – Намазга, Алтын-депе, Гонур. Этот природный катаклизм вынудил население искать новые места для своей жизнедеятельности, что привело уже к массовому перемещению племен из равнин в горы. Обеднение природных ресурсов Южно-Русских степей и Казахстана, простимулировало и андроновское население двинуться в поисках лучших условий для обитания.³ Обе эти группы нашли их в горах, где природные изменения были не столь катастрофическими. Интересно, что из более, чем четырех сотен изученных гиссарских стоянок и поселений только семь имеют культурный слой – Актанги, Туткаул, Сай-Сайёд, Тегузак, Кангурттут, Люлякутал, Учкун и именно они были не просто перекрыты слоями, конца эпохи бронзы, но и содержали каменные орудия, выполненные в гиссарской (галечной) традиции обработки камня. Простота изготовления и отличные рабочие свойства некоторых типов орудий были оценены не только гиссарцами, но и пришедшими им на смену носителями культуры эпохи бронзы. Показательным примером могут служить специфические скребла на первичных отщепах, создающие значительные серии на стоянках мезолита и неолита. Так, на поселении конца бронзового века Тошгузар среди найденных артефактов 44 орудия были отнесены к скреблам и только 33 экземпляра к орудиям других типов.⁴

---

¹ Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления земледельческой культуры Зарафшанской долины / раскопки 1977-1983 гг). – Душанбе, 1991.

² Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Новые исследования Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 2010 году (могильники эпохи бронзы Гелот и Дарнайчи) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. – М., 2013. – С. 162-184; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятники эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия АН РТ. Отдел. общ. наук. - 2014 (235), № 3. – С. 39-47.

³ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). – М., 2018. – С.89-108.

⁴ Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь с поселения бронзового века Тошгузар // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002. – С. 204-206.

Скребла этого типа присутствовали даже среди погребального инвентаря в Бешкентских могильниках (рис.13.8,9).¹ О том, что гиссарцы не только встретились с племенами эпохи бронзы, но и сосуществовали какое-то время если не совместно, то параллельно, обогащая друг друга в производственном плане, свидетельствуют такие факты: Гиссарская культура существовала на большой территории и, естественно, не представляла собой единый монолит. Отдельные племена, занимавшие определенные районы, выработали свои локальные приемы по изготовлению орудий. И именно такие конкретные приемы перенимало пришедшее население. Так, на поселении Кангурттут основным типом нуклеусов неолитического слоя был чопперовидный. Этот же тип присутствует и в слоях эпохи бронзы. Для неолитических стоянок Дангаринско-Кулябской группы (Чармгарон, Учкун, Люлякутал) характерен иной тип нуклеуса, основой для него служила галька сильно вытянутой формы, от которой по типу нарезки колбасы отсекались отщепы сегментарной формы.² Нуклеусы именно этого типа, а не чопперовидные продолжали использоваться на поселении бронзового века Тошгузар.³ Естественно подобная передача навыков невозможна без непосредственных контактов. Интересно, что морфологическая характеристика каменных орудий не просто указывает на применение в эпоху бронзы галечной техники, лежащей в основе гиссарской индустрии, но и на полное отсутствие равнинных технологий, которыми пользовались, и которые не только должны были принести с собой мигрировавшие сюда племена из туркменских центров, но и продолжить их применение. Или другой пример. На памятнике Тегузак имеются два слоя – неолитический и эпохи бронзы, разделенные между собой стерильной прослойкой, что подразумевает их раздельное существование во времени. Но при этом для обоих слоев было определено единство, как в первичной технологии, так и типовом наборе каменных орудий. Можно предположить, что общение племен проходило в рамках культурного взаимодействия во время параллельного сосуществования.⁴

---

¹ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане/МИА-Л.,1968.- № 145.

² Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Археологические раскопки в г. Кулябе и прилегающих территориях в 2001-2003 гг.-АРТ. Душанбе, 2004.- Вып. XXIX – С.264-274.

³ Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь с поселения... - С.205.

⁴ Юсупов А. Неолитическая стоянка Тегузак//Материалы по археологии и истории Таджикистана. – Душанбе, 1977; Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет о раскопках Дангаринского археологического отряда в 2007-2008 годах // АРТ. – Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV. – С.15-45.

Гипотеза о механическом попадании неолитических орудий в слои эпохи бронзы, также не подтверждается данными поселения Тошгузар, на котором имеется только слой эпохи бронзы, а каменные орудия типичные для гиссарской культуры все же присутствуют.

Гипотеза не только о доживании и сосуществовании населения, создавшими гиссарскую культуру и эпохи бронзы, но и взаимной их ассимиляции, нашла подтверждение у антропологов. Т.К.Ходжайов, проанализировав серии черепов из могильников эпохи бронзы Маконимор, Ранний Тулхар, Тигровая Балка, отметил, что мужское население Раннего Тулхара самое длинноголовое из сравниваемых популяций и с очень широкими орбитами. Достоверность этих различий подтверждает мнение археологов о том, что это население не принадлежит к носителям андроновской культуры. Скорее всего, такое длинноголовое население, появившееся на данной территории, имеет южное происхождение, в частности может быть потомками представителей неолитической гиссарской культуры.²

Другой факт подтверждающий сосуществование гиссарцев и пришельцев из погибших земледельческих оазисов, и засыхающих степных просторов был выявлен в идеологической сфере. На неолитической стоянке Люлякутал и в слое эпохи бронзы поселения Тегузак были найдены «алтари», представлявшие собой однотипные прямоугольные постаменты, сложенными на стоянке Люлякутал из рыхлой земли вперемешку с золой, а в Тегузаке – из плотной глины. Под обоими постаментами находились следы мощных костров (диаметры соответственно 3 и 7 м) с 20-сантиметровыми слоями золы и углей. Наличие в зольных слоях множества мелких обожжённых косточек животных (Люлякутал) и разбитых сосудов с маслянистой жидкостью (Тегузак) может свидетельствовать о проведенных каких-либо действиях типа жертвоприношений.¹ Вероятно, население обоих исторических периодов поклонялось огню и с большой долей уверенности можно утверждать, что истоки культа огня имели местные корни, а не были принесены андроновскими племенами, как предполагалось ранее. Именно квадратный постамент под открытым небом, становится главной святыней огнепоклонников – зороастрийцев. Подобный ритуал

---

² Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И., Ходжайова Г.К. Палеоантропология юга Средней Азии эпохи энеолита и бронзы. – М., 2011. – С.108.

¹ Якубов Ю.Я., Довутов Д.Д., Филимонова Т.Г. Археологические раскопки в г. Кулябе – С.270-272; Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // АРТ – Душанбе. 1988. – Вып. XXI (1981 г.). – С.248-250.

зороастрийцев описывает Страбон: «У персов есть пирефии – обширные огороженные священные участки. Посредине участков находится жертвенник с большим количеством пепла, на жертвеннике маги поддерживают неугасимый огонь... Жертвоприношения огню совершают так: прибавляют сухие, очищенные от коры поленья дров и сверху кладут жир; затем поливают оливковым маслом и поджигают снизу».¹

У западных земледельцев, уже осмысливавших природу как систему взаимосвязанных явлений, складывается другой сложный комплекс первобытно-космических представлений о небесных божествах, для поклонения которым строили закрытые святилища с обрядовым убранством, как в Чатал-Гуюке или Анау.²

Для гиссарцев отмечены и элементы других мировоззрений. На стоянке Кангурттут в неолитическом слое, на поверхности каменной выкладки были найдены уникальные предметы – изготовленные из кости имитации семечек различных плодов, с соблюдением их формы, размера и цвета. В качестве предположения эти имитации семечек были отнесены к сакральным предметам, связанным с поклонением силам плодородия (рис.15).³ К этому же культу можно отнести имитации раковин каури, изготовленных из камня, найденные на алтаре стоянки Люлякутал (рис.16).⁴ Весьма интересно, что натуральные раковины каури, происходящие из Индийского океана, найденные на поселении Джейтун, по мнению В.М. Массона, скорее играли роль амулетов, чем украшений.⁵ Во все последующие исторические периоды, вплоть до современности у населения Средней Азии раковины-каури из-за своего внешнего вида были эмблемой плодородия и процветания.

К отличительным признакам гиссарской общности от джейтунской и кельтеминарской относятся также антропология и погребальный обряд, известный по нескольким захоронениям, найденным на стоянках Туткаул и Сай-Сайёд (рис.14). Захоронения производились в жилых горизонтах, в которых выкапывались неглубокие (15-20 см) ямы. Погребенные находились

---

¹ Страбон. География в 17-ти книгах. – М., 1964. – Кн. XV. – Гл. III. – § 13-16. – С. 680.

² Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего востока. – М., 1972. – С.89-91; Массон В.М. Первые цивилизации. – Л., 1980. – С.171.

³ Ранов В.А, Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. // АРТ. – Душанбе, 2001. – Вып. XXVIII. – С.99.

⁴ Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006.

⁵ Массон В.М. Поселение Джейтун... – С.40.

в сильно скорченном положении, ноги согнуты и подтянуты к груди.¹

Захоронения на территории поселений были характерны и для начального этапа джейтунской культуры. Для второго этапа этой культуры устанавливается традиция совмещения поселения и некрополя.² У кельтеминарцев сразу устанавливается ритуал захоронения вне стоянок – на некрополях, в вытянутом положении на спине.³ По определению антрополога Т.П. Кияткиной, неолитическое население Таджикистана принадлежало к европеоидной длинноголовой расе. Сочетание кроманьонских и экваториальных черт свидетельствует о принадлежности гиссарцев к еще недифференцированному протоевропеоидному расовому типу, представляющих обособленную группу, отличающуюся, как от людей джейтунской, так и кельтеминарской неолитических культур.⁴ В этом отношении неолитические жители Таджикистана ближе к мезолитическому населению Ирана, чем к своим ближайшим соседям из энеолита Западной Туркмении.⁵

По мнению Н.А. Дубовой и Т.Г. Филимоновой, данные выводы антропологов можно рассматривать в таком контексте. Гиссарцы являются потомками давних мигрантов с Ближнего Востока, принесших верхнепалеолитическую индустрию и мезолитическую культуру на территорию Средней Азии. Затем, в мезолите-неолите, имели место естественные биологические процессы. При сохранении общего облика для всех древних среднеазиатских народов, на западе (в Туркмении), в силу экологических факторов и периодически повторяющихся миграционных волн с Ближнего Востока, сохранялись грацильные долихокефалы. На востоке (в Таджикистане) в более изолированной среде (о чем свидетельствует вся культура гиссарцев) группы вынуждены были приспособляться к предгорной и горной среде. В результате их рост становился ниже, длина головы – короче и чуть шире, а лицо также ниже и немного шире. Подобные адаптивные процессы в популяциях привели к тому, что на террито-

---

¹ Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей... – С.28.

² Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан. Археология // Неолит Северной Евразии. – М., 1996. – С. 89, 93.

³ Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. – М., 1986. – С.111-112.

⁴ Кияткина Т.П., Ранов В.А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула) // ВА, 1971. – № 37. – С. 134-139.

⁵ Трофимова Т.А. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным краниологии) // Современная антропология. – М., 1964. – С. 289-301.

рии Таджикистана стал образовываться новый, своеобразный антропологический вариант, в котором продолжал присутствовать антропологический компонент, пришедший сюда еще в верхнем палеолите.

Взаимодействие перечисленных факторов, характеризующих специфику гиссарской культуры убедительно свидетельствуют не только о том, что она обладала всеми чертами этнокультурной общности, но и своими отличными антропологическими признаками.

В заключении можно сказать, что этногенез любого народа начинается с далекого прошлого. Порой истоки его сложения приходится искать в начальном этапе истории человечества, в частности в каменном веке, поскольку именно в неолите, когда возникают первые земледельческие цивилизации, происходит объединение разрозненных ранее племен в единые социумы и начинают формироваться праобразы будущих народов. Сложившиеся в неолите хозяйственно-производственные комплексы в пределах джейтунской, кельтеминарской и гиссарской культур, позволяют нам говорить на уровне предположения о реальных предпосылках того, что, выделившись из общего массива достаточно однородных мезолитических племен, они представляли собой не только историко-культурные общности, но и в большей мере этнические образования. Согласно выводам исследователей, к этому времени относится фактическое сложение антропологической основы населения Средней Азии, представленного южными древними средиземноморскими формами. По мнению Н.А. Дубовой территориальные различия в особенностях внешнего облика неолитического населения, в значительной степени совпадают с границами рассмотренных больших культурно-исторических общностей.

Отметим, что хотя развитие автохтонных культур, протекавшее в сложных условиях горной страны, проходило под воздействием неоднократных переселений древних племен с запада, но не они, а твердо существовавшие местные традиции обработки камня в конечном итоге определяли их облик от нижнего палеолита до эпохи бронзы.

Феноменальная устойчивость и преемственность в развитии культур каменного века отмечаемые для горных районов современного Таджикистана, логически завершилась гиссарской культурой. Оставаясь долгое время на местах своего обитания и не испытывая ни миграционного давления, меняющего часто состав местных популяций, ни инокультурных импульсов, гиссарцы стали хранителями определенного генотипа, отличного от остального населения Средней Азии.

Р. Масов и В. Ранов рассматривая роль гиссарской культуры в сложении таджикского народа подчеркивали, что неолитические племена являются древнейшим компонентом в этногенезе таджиков и этот статус должен учитываться при рассмотрении данного вопроса.¹ Приход племен эпохи бронзы не означал ассимиляции ими аборигенного населения, которого, естественно, было значительно больше, чем мигрантов. Причем их фильтрация на новые места была растянута во времени (середина III – конец II тыс. до н.э.) и территориально (от севера до юга Таджикистана), а не носила массового прямолинейного характера. Синтез этих двух групп населения, генезис которых восходит к одному антропологическому корню, создал ту базу, которая положила начало формированию генотипа бактрийцев и согдийцев, непосредственных предков таджикского народа.

---

¹ Масов Р., Ранов В.А. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа // Мероси Ниёгон – 2003 / 6. – С.59.

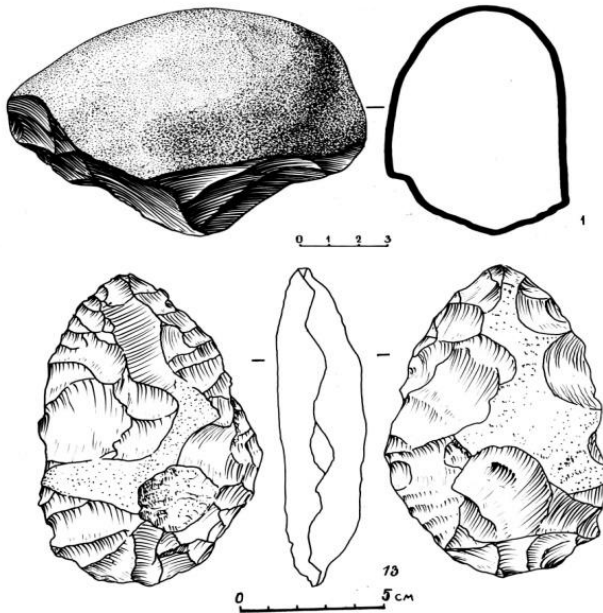

Рис.1.1 – Галечное орудие – чоппер; 2 – ручное рубило.

Рис.2. Карта миграции первобытных людей из центра происхождения в Африке

Рис.3. Правый берег р.Оби-Мазар.
Почвенный разрез в районе стоянки Лахути.

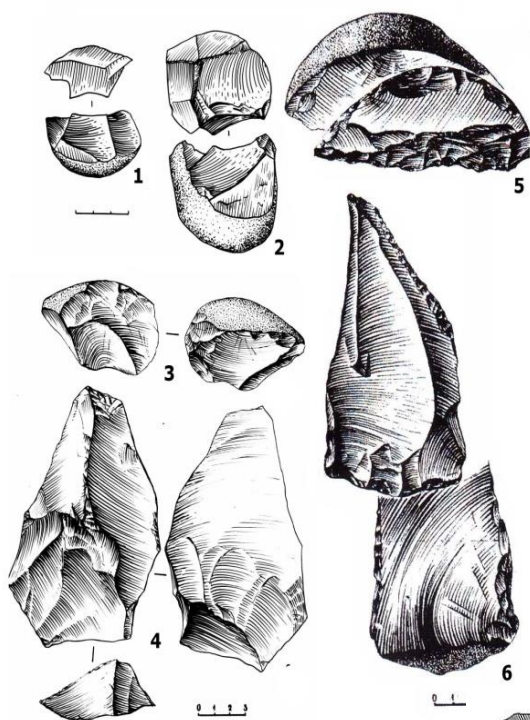
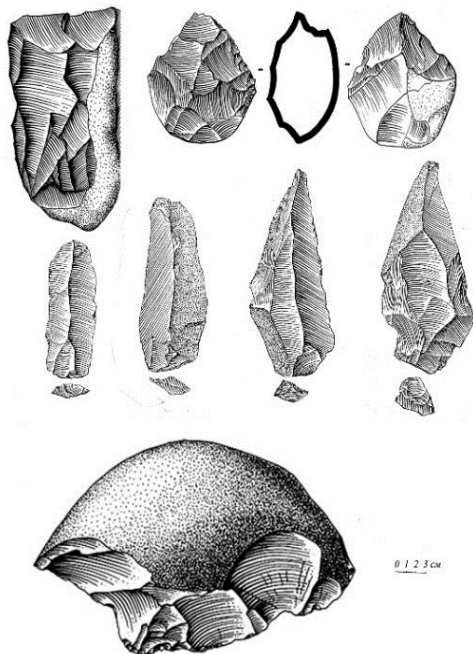

Рис.4. Стоянка Оби-Мазар. Каменные орудия: 1,2 – галечные нуклеусы; 3 – отщеп; 4 – пластинчатый треугольный скол; 5 – скребло; 6 – ретушированная треугольная пластина.

Рис.5. Кумтепинская скала. Каменные орудия: 1 – нуклеус призматического типа; 2,3 – призматические пластины; 4,5 – треугольные сколы; 6 – рубящее орудие; 7 – чоппер.

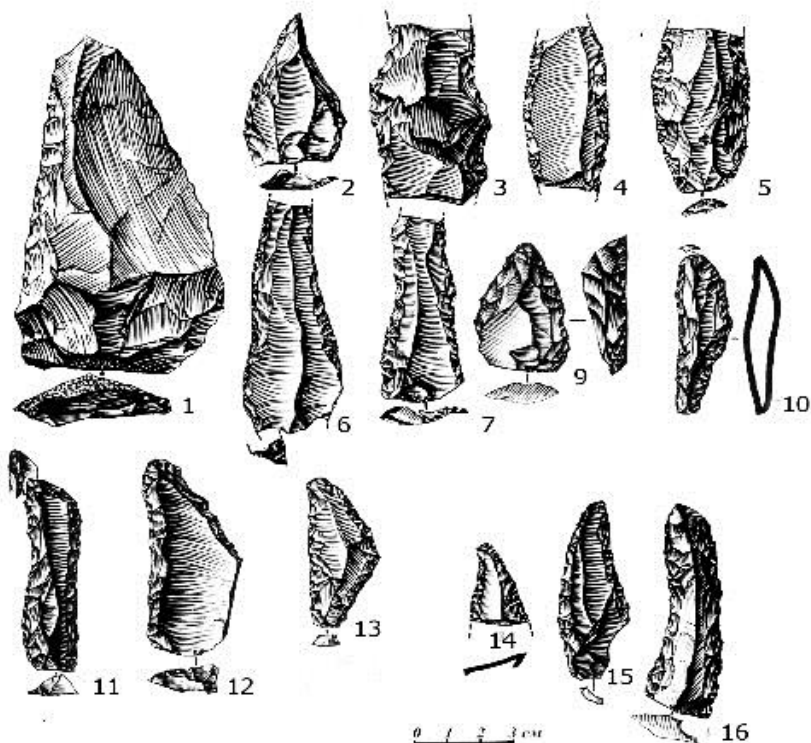

Рис.6. Стоянка Огзи-Кичик. Общий вид раскопок.
 Каменные орудия: 1-9 – ретушированные орудия мустьерского типа;
 10-15 – орудия верхнепалеолитического типа.

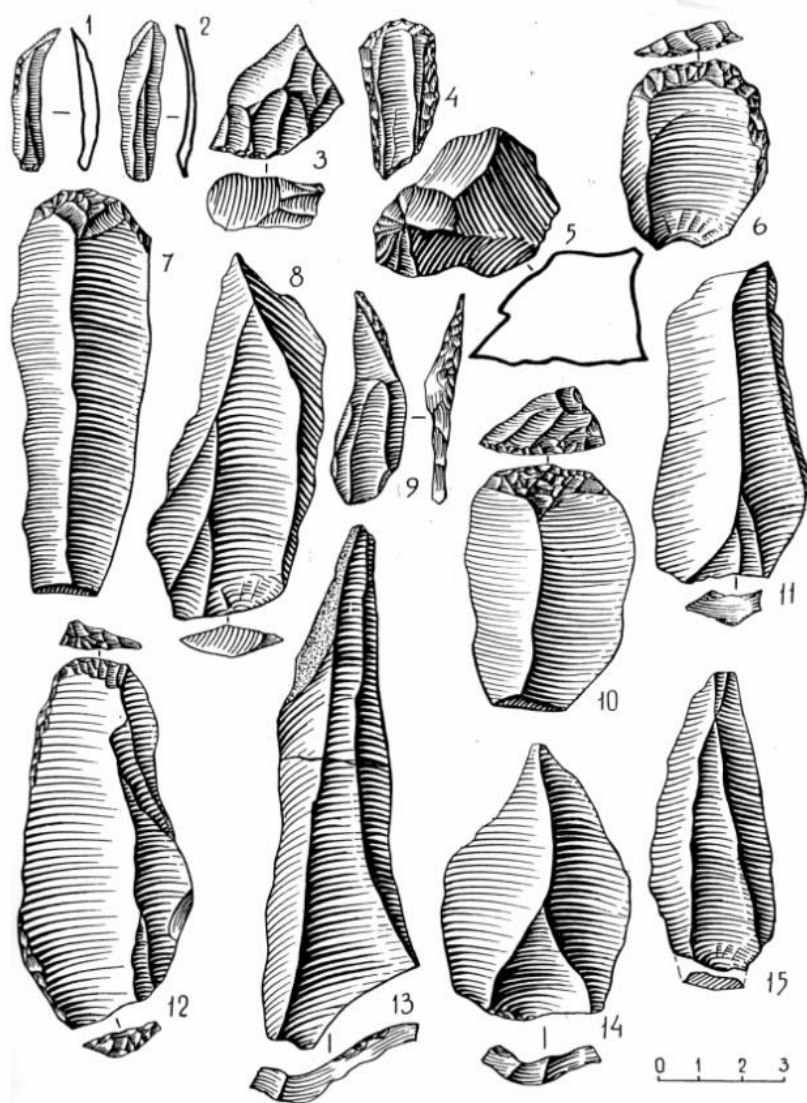

Рис.7. Стоянка Челондара.

Каменные орудия: 1, 2 – микропластины; 3, 5 – каренатные скребки;
4, 6, 7, 10, 12 – концевые скребки; микропластинки

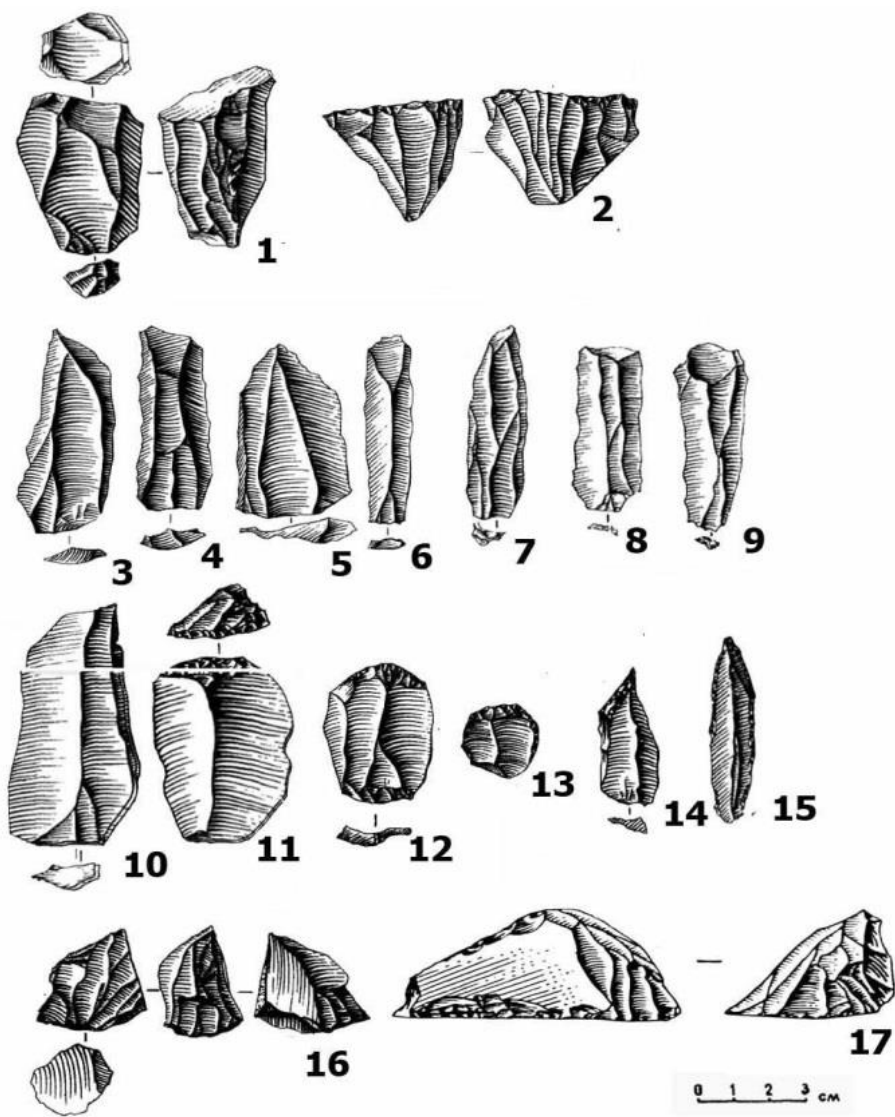

Рис.8. Стоянка Шугноу. Каменные орудия.

Горизонт 1: 1,2 – нуклеусы; 3,4 – мелкие пластинки, 5 – отщеп;
 6-9– микропластинки; 10 – пластинка с краевой ретушью;
 11-13 – концевые скребки; 14-15 – проколки;
 16,17 – каренатные скребки.

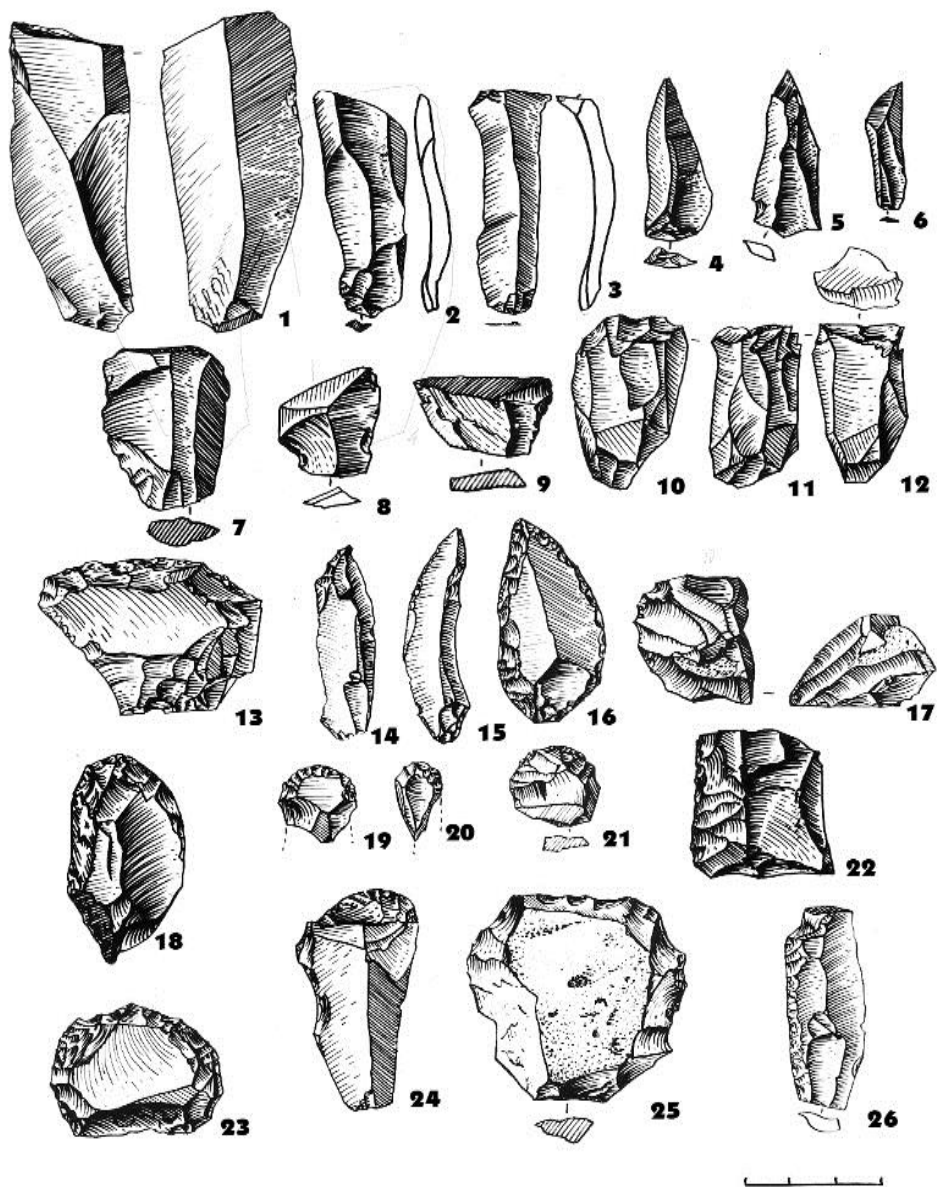

Рис.9. Стоянка Харкуш. Каменные орудия:
 1 – пластина мустьерского типа; 2,3,12,13 – призматические пластинки;
 4-6 – микропластинки; 7-8 – отщепы; 10 – призматический нуклеус;
 11,20 – скребла с ретушью мустьерского типа; 14 – остроконечник;
 15 – карнатный скребок; 16-19,21-23 – концевые скребки;
 24 – пластина с краевой ретушью.

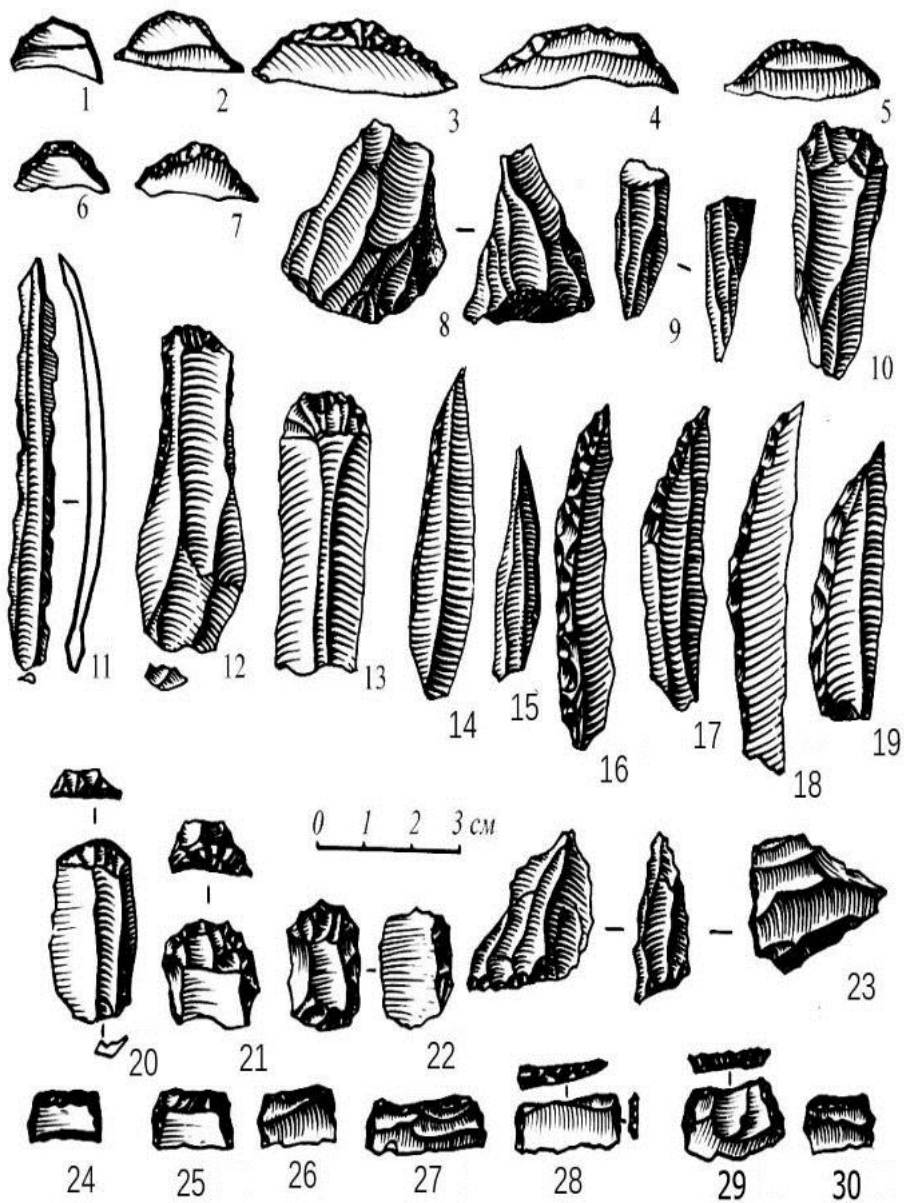

Рис.10. Стоянка Туткаул. Каменные орудия.

Горизонт 2а: 1-7 сегменты; 8,9 – нуклеусы; 10,13 – концевые скребки; 11,12 – ретушированные пластинки; 14,15 – пластинки с заостренным концом; 16-19 – острия с затупленной спинкой типа шательперрон.

Горизонт 3: 20-22 – концевые скребки; 23 – каренатный скребок; 24-30 – прямоугольники

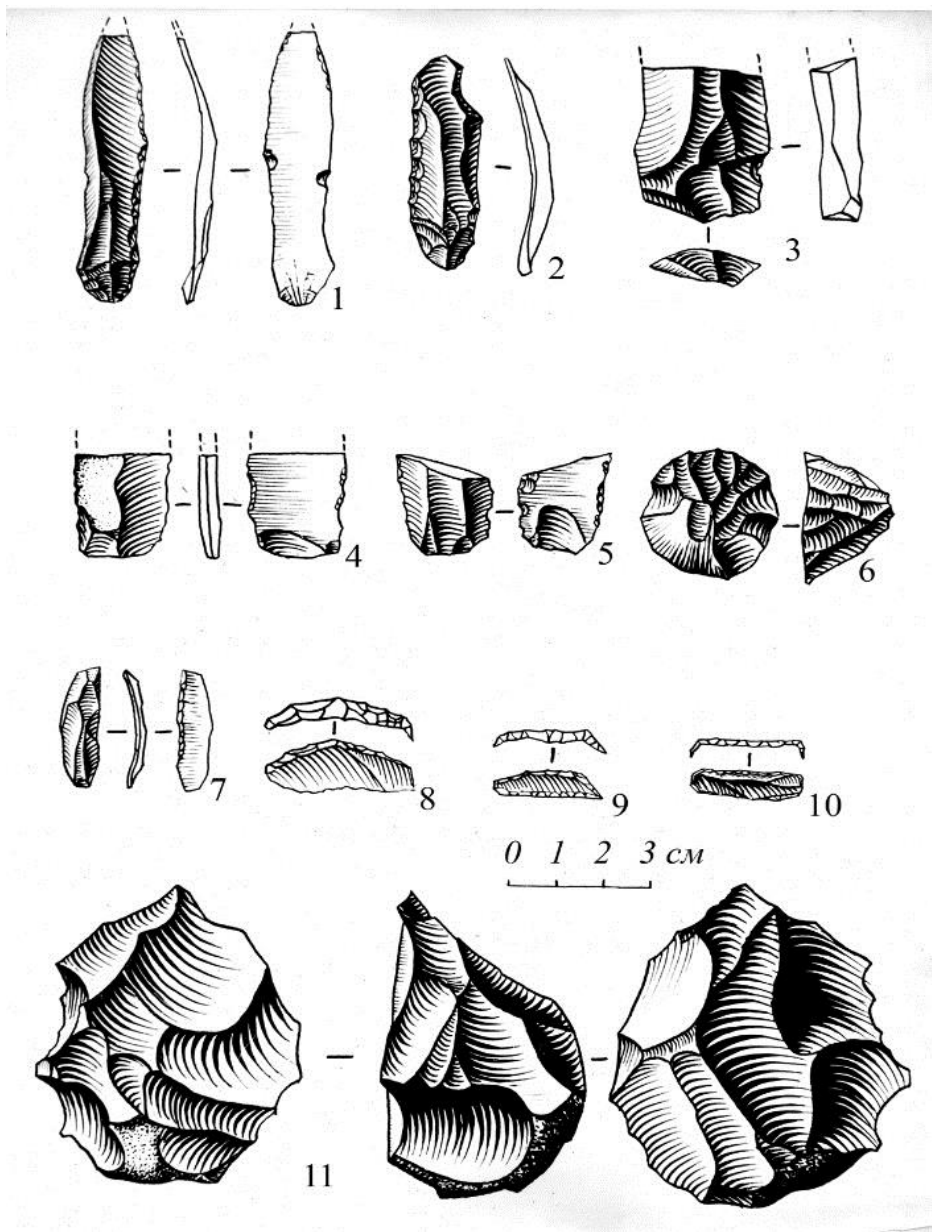

Рис.11. Стоянка Кулисуфтен.

Каменные орудия: 1,2 – мелкие пластинки;
 3,4 – обломки призматических пластинок; 6 – каренатный скребок;
 7 – ретушированная микропластинка; 8,9 – сегменты;
 10 – прямоугольник; 11 – двухсторонний дисковидный нуклеус.

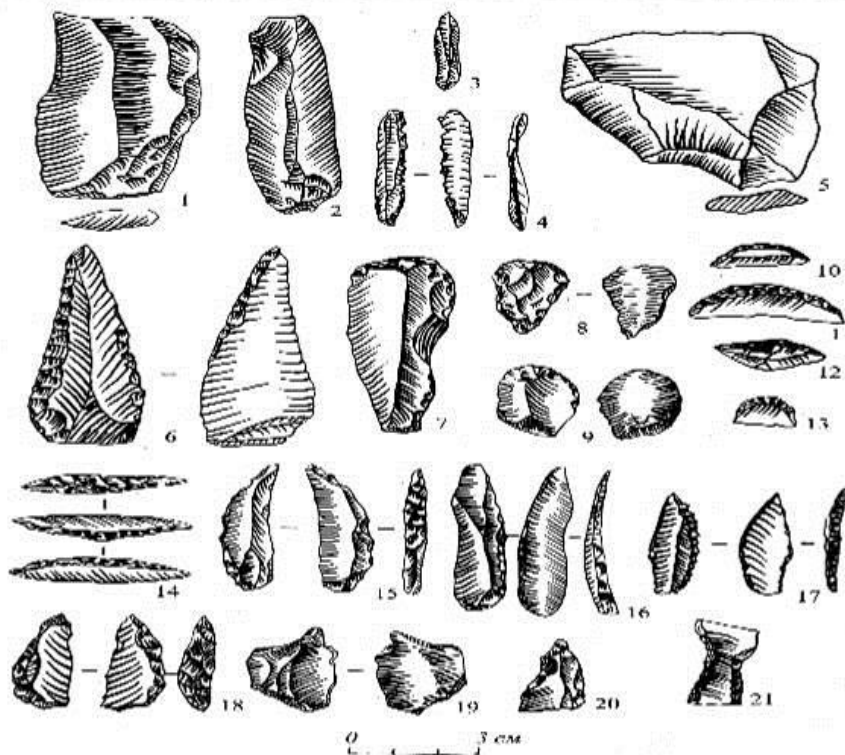
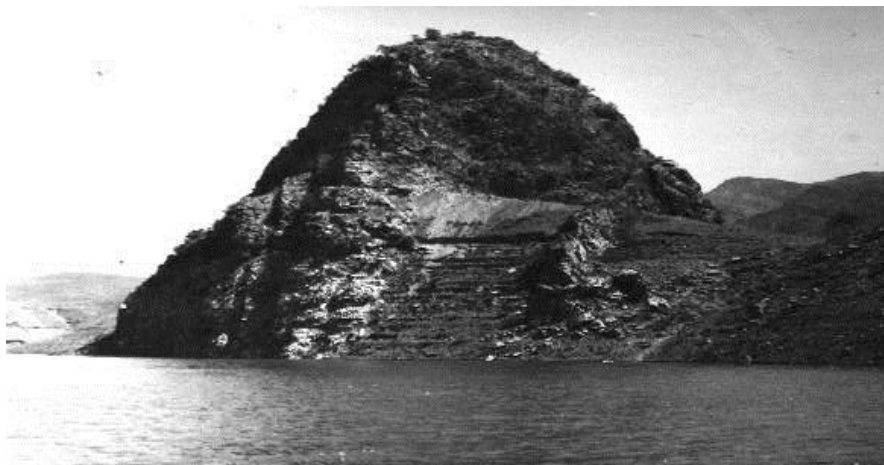

Рис.12. Стоянка Дараи Шур. Общий вид.

Каменные орудия: 1,2 – призматические пластины мустьерского типа;
 3,4 – ретушированные микропластинки; 5 – галечный отщеп;
 6 – остроконечник; 7-9 – концевые скребки; 10-13 – сегменты;
 14,15,17,18 – острия с затупленной спинкой; 16 – ретушированная
 пластина; 19 – проколка; 20 сверло; 21 – выемчатое орудие

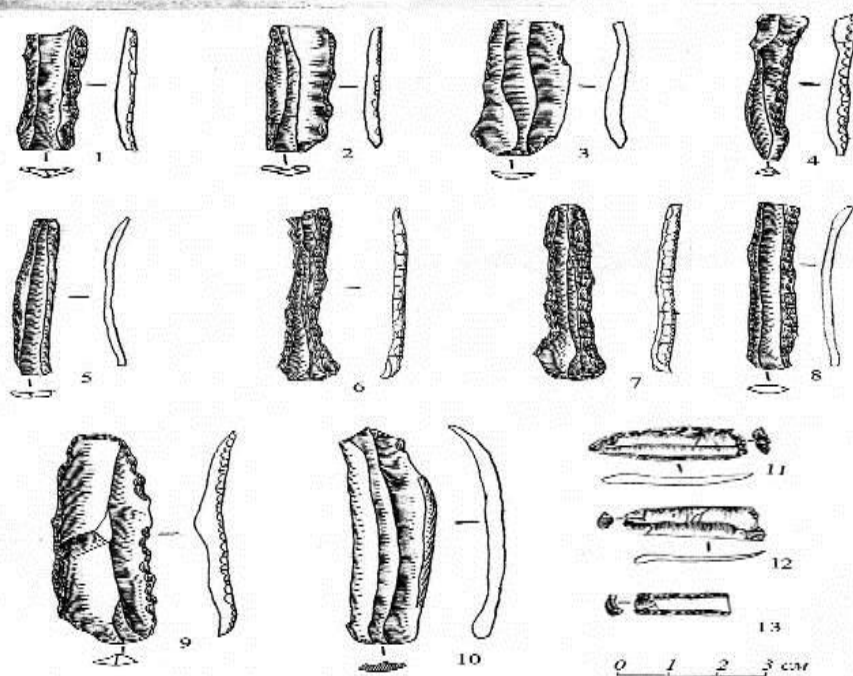
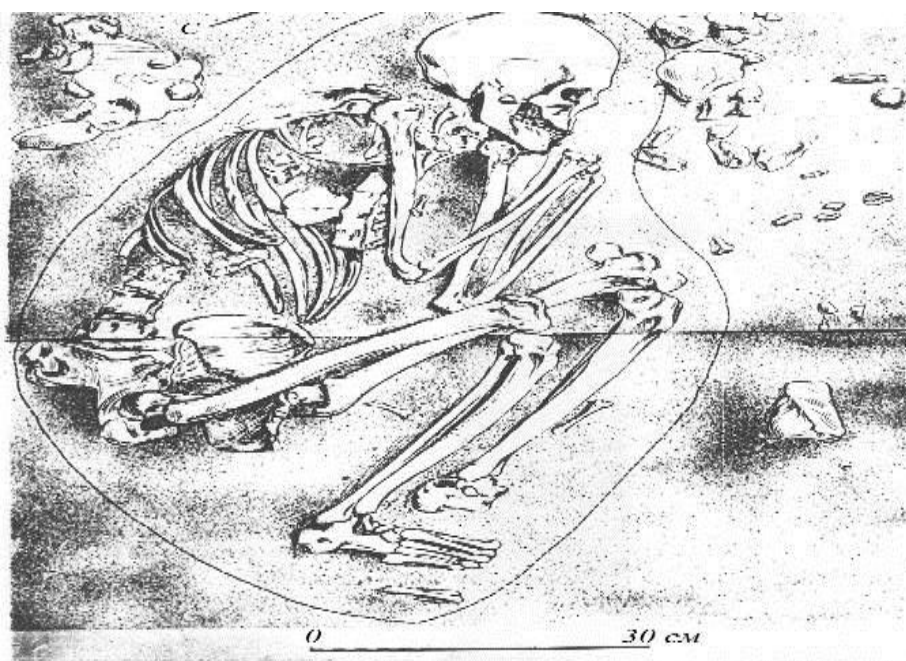

Рис.14. Стоянка Туткаул. Погребение. Общий вид.
 Каменные орудия: 1-10 – кремневые ретушированные пластинки;
 11 – орудие типа стрелки; 12,13 – обломки ретушированных микропластин.

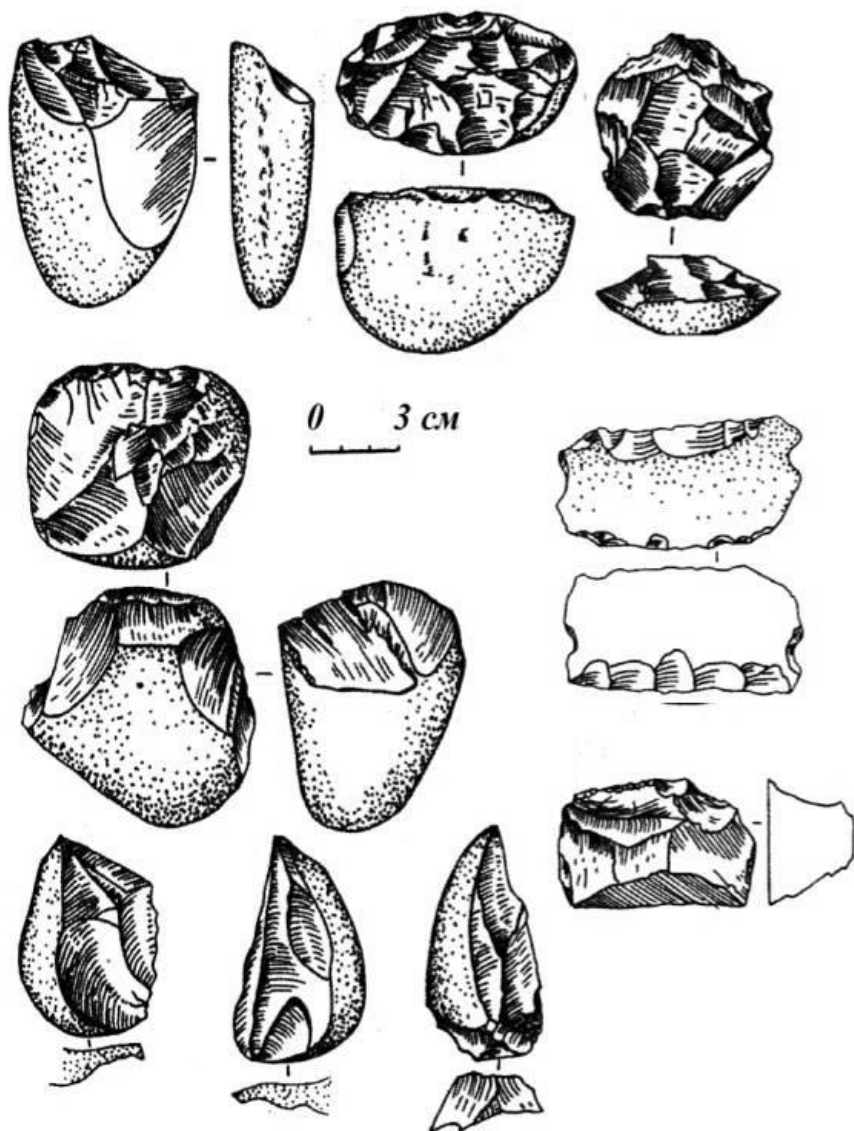

Рис.13. Стоянка Сай-Сайёд.

Каменные орудия: 1-3 – галечные нуклеусы; 4-6 галечные отщепы; 6, 7 – скребла на первичных отщепах.

15. Стоянка Кангуртут. Изделия из кости в виде косточек плодов.

Рис.16. Стоянка Люлякутал. Изделия из камня:
1, 3 в виде раковин каури; 2 – бусина.

2. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа

О неолитической гиссарской культуре, существовавшей на территории современного Таджикистана в шестом – втором тысячелетиях до н.э., написано немало работ.¹ Но вопрос о роли гиссарской культуры на ранних этапах этногенеза таджиков подробно не рассматривался, хотя об этом вскользь уже говорилось. Трудность привлечения гиссарской культуры к этногенезу таджиков состоит, прежде всего, в том, что археологические данные, полученные в результате полувекового изучения памятников этого времени, не дают многих компонентов, которые определяют понятие этноса, т.е. специфической общности людей, сложившейся на определенной территории, имеющей социально-экономическое единство. Важнейшим признаком этноса является язык, на базе которого возникает общее этническое самосознание и как результат самоназвание народа, включающее и представление об общем происхождении.

Поэтому считается, что этногенез таджиков можно начинать с появления на территории Центральной Азии племен степной бронзы (второе тысячелетие до н.э.), которые принесли протоиранский язык в его ранней форме. Но ведь племена эпохи бронзы не пришли на пустое место – здесь уже несколько тысячелетий существовало исторически сложившееся единство неолитических племен, отражающих культурное и, по всей вероятности, уже этническое единство.

Действительно, в конце каменного века, в неолите, на территории Средней Азии очень четко вырисовываются три историко-культурных общности, отличающихся, кроме территории распространения, антропологическими и, возможно, языковыми особенностями, и различием экономической основы существования.

Вдоль предгорий Копет-Дага на плодородных конусах выноса расположились поселения джейтунской культуры. Это уже настоящие раннеземледельческие родовые поселки – деревни переднеазиатского типа с достаточно развитой структурой (вместе с жилыми домами существовали и общественные здания – «родовые дома» или святилища). Возраст джейтунской культуры, которая подразделяется на ранние, средние и поздние

---

¹ Ранов В., Амосова А., Филимонова Т. Загадки гиссарской культуры. Мероси ниёгон (Наследие предков), вып.1, Душанбе, 1992, с.17-20.

этапы, определяется на основе радиоуглеродного анализа концом седьмого – четвертым тысячелетиями до н.э., когда на территории современной Туркмении появляются первые поселения раннего металла – энеолита. Джейтунская культура – первая раннеземледельческая культура на территории Средней Азии, плавно переходящая в энеолитические культуры, в свою очередь, сменяющиеся эпохой бронзы, когда появляются протогорода. Территория расселения джейтунцев четко очерчена южной частью Туркмении и не распространяется на восток далее Теджена (Гадымиде). Материальная культура джейтунцев определяется крашеной керамикой, развитым кремневым и костяным инвентарем, среди которого заметное место занимают вкладыши для серпов. Есть следы существования определенных религиозных представлений, отраженных в находках святилищ, стены которых частично расписывались, частично покрывались краской и мелкой пластикой, в частности, вылепленных из глины женских фигурок.

Таким образом, джейтунская культура это, бесспорно, земледельческая цивилизация (при еще большой роли скотоводства и охоты), являющаяся восточным форпостом известных ближневосточных раннеземледельческих культур, с которыми и связан ее генезис. По причине своей относительной малочисленности и достаточности материальных ресурсов джейтунцы не проникли восточнее реки Теджен, и миграция на восток земледельческих культур произошла позже, в эпоху энеолита, свидетельством которой является хорошо нам известный Саразм, хотя это был результат не массивного захода иноплеменных мигрантов, а отдельный случай.

Известно, что джейтунцы хоронили своих мертвых прямо на поселении, под полами жилищ, чаще – в скорченном положении. Все погребенные принадлежали к средиземноморскому долихоцефальному антропологическому типу, что еще раз подтверждает их связи с Западной Азией. Трудно сказать, на каком языке говорило население джейтунских деревень. Это очень сложный вопрос, находящийся в области гипотез. Но, судя по отдельным находкам, население предгорий Копет-Дага в неолитическую эпоху говорило на языке дравидской группы, в настоящее время сильно сузившей свой прежний ареал.¹

Второй историко-культурной общностью является кельтеминарская

---

¹ Harmatta J. The emergence of the Indo-Iranians: the Indo-Iranian languages. In: History of civilizations of Central Asia, vol. 1, Paris, 1992, p. 371.

культура, занимавшая громадное пространство среднеазиатских пустынь в междуречье рек Сыр-Дарья и Аму-Дарья, северное побережье бывшего Аральского моря и зону пустынь Кара-Кум и Кызыл-Кум. В своей основе кельтеминарцы были охотниками и рыболовами, селившимися вдоль ныне сухих русел, которые были наполнены водой в эпоху голоценового климатического похолодания – «лявляканского плювиала», имевшего место в пятом и четвертом тысячелетиях до н.э. В отличие от джейтунской культуры, люди здесь не строили домов из кирпича-сырца, а жили в полуземлянках или в больших хижинах-шалашах, на деревянный каркас которых накладывали ветки или камыш. Форма хижин была овальной и реже прямоугольной. Внутри хижины зажигались костры, на которых в холодное время года готовилась пища. По всей очевидности, каждый костер принадлежал одной семье. Такие хижины легко разбирались и переносились на другое место, если истощались запасы рыбы и дичи. Материальная культура кельтеминарцев также была кремневая, пластинчатая, имелись и орудия из кости. Во многих элементах она была похожа на джейтунскую, но здесь не было основ для костяных серпов и вкладышей к ним, имеющих специфическую заполировку по краю. В то же время в кельтеминарских ассамбляжах имелись острия кельтеминарского типа, совершенно чуждые для своих южных соседей. И в том, и в другом случае в небольшом количестве находились шлифованные топоры. Совершенно отличалась керамика, в которой не было крашенных образцов, а орнамент наносился палочкой или костью и имел вид насечек, прочерченных узоров и иногда состоял из мелких треугольников или параллельных линий или оттисков гребенки.

В отличие от джейтунской культуры, дальнейшую эволюцию кельтеминара проследить трудно, и мы плохо знаем, какая судьба ожидала жителей среднеазиатских пустынь после третьего тысячелетия до нашей эры, вплоть до прихода носителей более развитой культуры бронзового века – андроновцев.

Заметно иным был и погребальный обряд кельтеминарцев, которые хоронили своих усопших вне границы своих поселений, в специально для этого отведенных местах – могильниках. Такой могильник был раскопан в местности Тумек-Кичиджик. Погребения производились в глубоких узких ямах, в вытянутом положении. Покойного наряжали в одежды, иногда богато обшитые украшениями из раковин и кости. Часто покойника посыпали крас-

ной охрой. В могилу клали осколки сосудов и куски мяса. Такие погребения свидетельствуют, что древние верования здесь получили достаточно высокое развитие.

Сложными представляются антропологические определения черепов из могильника. Дело в том, что женские черепа демонстрируют заметное сходство со средиземноморской длинноголовой расой, а мужские заметно близки к протоевропеоидной брахицефальной расе. Эти особенности указывают на пограничное положение кельтеминарской культуры между ареалами средиземноморской и протоевропеоидной рас. Представляется, что кельтеминарская культура имеет южное происхождение, но в процессе ее контактов с культурами, расположенными севернее, в ее материальной культуре появились инородные черты, сближавшие ее с неолитом Поволжья, Урала, Северного Казахстана и даже более северных регионов.

Многочисленные памятники кельтеминарской культуры, открытые и исследованные в дельте великих среднеазиатских рек, в пустыне Кызыл-Кум и низовьях Заравшана, принадлежали людям, жившим в условиях присвояющей экономики (охота, рыболовство). И только в самое последнее время Польско-Узбекская экспедиция в районе впадины Караката, расположенной севернее г. Навои, в Аякагитминской дельте, обнаружила стоянку, среди археологического материала которой, наряду с известной для кельтеминара кремневой и костяной индустрией и типичной керамикой, как в нижнем (седьмое-шестое тыс. до н.э.), так и в верхнем (пятое-четвертое тыс. до н.э.) культурных слоях, зафиксированы кости домашних животных. Эти находки не меняют общего фона потребляющей экономики кельтеминарцев, но указывают на возможность самостоятельного появления в отдельных регионах производящего хозяйства.

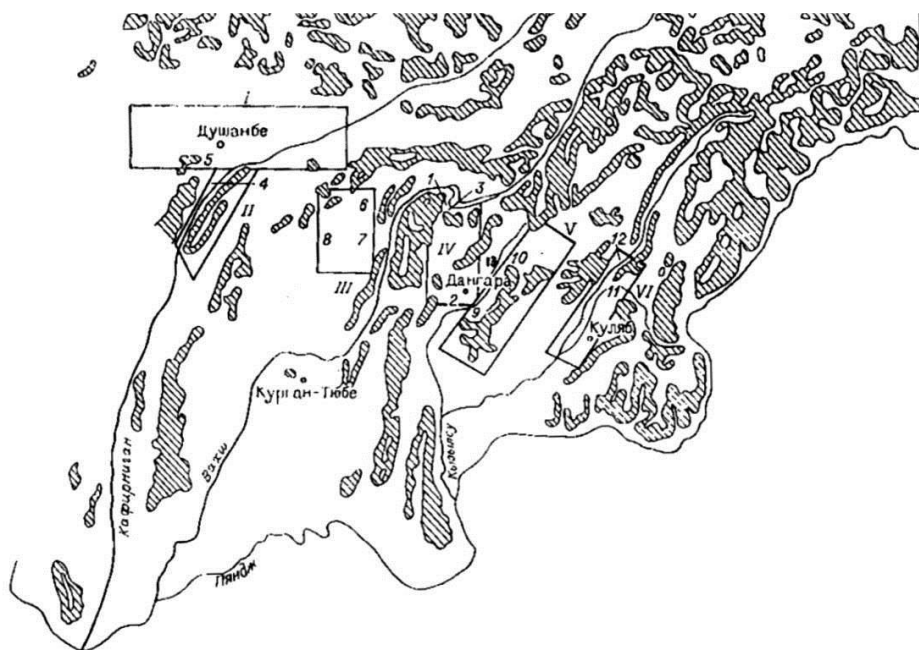
Обращаясь к работе венгерского лингвиста Я. Харматты, мы можем принять его предположение, что носители кельтеминарской культуры не входили в зону распространения дравидского языка, а, по всей вероятности, употребляли другой язык, отражением которого было само название кельтеминарцев – касва.

Гиссарская культура – эта неолитическая культура, охватывающая шестое-третье (возможно, второе) тысячелетия, получила название по первым находкам неолитических каменных орудий, сделанных в 1948 году замечательным ленинградским археологом А.П.Окладниковым. Всего несколько каменных орудий были у истоков одного из интереснейших фе-

номенов завершающего этапа каменного века Средней Азии. Они были найдены на поверхности отдельного холма под названием Тепеи-Газион, который расположен на восточной окраине Гиссара, сразу за рекой Хонакинкой. А.П.Окладников с 1953 года обследовал гиссарские стоянки, вместе с ним принимали участие В.А. Ранов, позже работала на стоянке А.Г. Амосова. Тепеи Газион посещали многие гости Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша. Среди них можно назвать известного американского исследователя Ближнего Востока Р. Брейдвуда, одного из пионеров решения проблемы перехода к производящему хозяйству, исследователя неолита Индии Тхапара, пакистанского ученого А. Дани. Таким образом, жители Гиссара могут гордиться тем, что рядом с их городом был открыт неолит Таджикистана и именно Гиссар дал название неолитической культуре, вошедшей во все учебники археологии и книги о древней истории Средней Азии.

Основным регионом распространения гиссарской культуры является Южный Таджикистан. Здесь отмечаются 6 зон основной концентрации гиссарских стоянок (рис. 1).

Всего зафиксировано более 300 пунктов со сборами каменного материала на поверхности (открытые стоянки) и четыре крупных стоянки с сохранившимся культурным слоем. Первая из них – Бульёни Поен, которая раскапывалась в 1957-1959гг. А.П.Окладниковым, а в 1986 – Т.Г. Филимоновой, Туткаул (1963 – 1969гг. – В.А.Рановым), Сайед (1966-1972гг. – А.Х. Юсуповым и Т.Г.Филимоновой), Кангурттут (1987-1990гг. – В.А.Рановым и Т.Г.Филимоновой). На стоянках собрано огромное количество каменных орудий, насчитывающее десятки тысяч изделий (например, Туткаул – 40 тысяч экз.). В основных чертах можно представить и генезис гиссарской культуры, который, с одной стороны, был связан с предшествующим мезолитическим пластом (седьмое-восьмое тыс.), распространенным на юге Таджикистана и особенно на стоянках Туткаул, Сайед и Дарай-Шур, где наблюдается необычное для мезолита Европы и Ближнего Востока сочетание кремневых орудий (в том числе микролитов геометрической формы) и орудий, изготовленных из галек, выполненных в очень древней и специфической «галечной» технике.

Рис. 1. Основные памятники гиссарской культуры и главные районы распространения в Южном Таджикистане: 1. Туткаул, Сайёд. 2. Бульени Поён. 3. Камышлы. 4. Кухна Бай. 5. Тепаи Газион (Гиссар). 6. Гулакандоз. 7. Мирзои Боло. 8. Кози Берды. 9. Советский. 10. Бальджуан. 11. Дагана. 12. Сангузур. 13. Кангурттут. Локальные зоны гиссарских стоянок: I – Гиссарская, II – Кафирниганская, III – Яванская, IV – Дангаринская, V – Кызылсуйская, VI – Кулябская.

С другой стороны, возникновение гиссарской каменной индустрии, об особенностях которой будет сказано немного ниже, могло определяться, как полагал А.П.Окладников, той экономической базой, которая потребовала иной каменной индустрии, соответствовавшей новым производственным задачам. Таким образом, нет сомнений в том, что гиссарская культура является автохтонной и возникла на месте.

Достаточно хорошо определен и возраст гиссарской культуры, что показано на таблице.

Следовательно по времени своего существования гиссарская культура совпадает и с джейтунской и кельтеминарской культурами – это шестое (или конец седьмого) – третье (или середина второго) тысячелетия до н.э. В связи с последней датой стоит коснуться интересной проблемы, связанной с завершением развития и существования гиссарской культуры в Южном Таджикистане. Классической схемой эволюции, которую можно

найти в любом учебнике по археологии и проверенной во многих регионах Ближнего Востока и Туркмении, является следующая: после неолита наступает эпоха – энеолита, т.е. первых металлов (меди), за которой следует эпоха бронзы. Прекрасным примером высокоразвитой энеолитической цивилизации, характеризующейся строительством больших поселений, с богатыми захоронениями, техникой изготовления прекрасной посуды, украшенной замысловатым орнаментом, нанесенным красками, производством оружия и предметов труда из меди, является Саразм. Однако этот памятник – единственный в Таджикистане и хотя исследования по археологии Южного Таджикистана продолжаются уже более половины века, никаких следов энеолитических культур здесь не обнаружено. Очень возможно, что населявшие Южный Таджикистан гиссарцы, последняя абсолютная дата их существования здесь, которой мы располагаем на сегодняшний день, относится к середине третьего тысячелетия до н.э., продолжали жить еще в условиях каменного века, вплоть до второй трети второго тысячелетия, когда в районы их расселения пришли люди, имевшие уже бронзовые изделия.

Периодизация гиссарской культуры

Стадии развития	Памятники	Относительные и абсолютные (C^{14}) даты до н.э.
Поздняя 3-2 (?) тысячелетия до н.э.	Тепай Гоziён	3 тысячелетие до н.э.
	Кангуртгут	2710±120
	Янги-Чойра	3-2(?) тысячелетие до н.э.
Средняя 5-4 тысячелетия до н.э.	Бульони Поён	4 тысячелетие до н.э.
	Сайёд 1 горизонт	3020±180
	Мулло-Ниёз	4 тысячелетие до н.э.
Ранняя 6 тысячелетие до н.э.	Туткаул 1 горизонт	5150±140
	Сайёд 2 горизонт	6-5(?) тысячелетие до н.э.
	Туткаул 2 горизонт	6070±170

Положение гиссарских стоянок и открытых местонахождений в ландшафтах Южного Таджикистана определяется достаточно четко:

1. Вдоль больших рек они связаны с поверхностью верхнеплейстоценовой (душанбинской) террасой, точнее с верхней, покровной ее частью.

Высота террас этого комплекса – 25-30 м над уровнем рек. На более низких, амударьинских голоценовых террасах, и в пойме следов гиссарской культуры не встречено. Следует подчеркнуть, что гиссарские стоянки и местонахождения всегда и везде в Южном Таджикистане связаны с поверхностями, покрытыми лёссовым покровом. Там, где кончается лёсс (районы, примыкающие к Пянджу-Амударье), там и кончаются гиссарские стоянки, хотя большие реки несут с собой немало годной для изготовления орудий речной, хорошо окатанной гальки. Типичными пунктами этой группы являются Кончи, Кухна-Бай на Кафирнигане, стрелка Лучоба и Душанбинки, местонахождения находок у г. Нурека, Сангиугур и Дагана на реке Яхсу, Кангурттут.

2. Вдоль больших рек стоянки приурочены к крупным конусам выноса боковых ущелий и саев. Основание последних образовано раннеголоценовым аллювием и селевыми потоками, а верхняя часть, в которой обнаружены культурные остатки, – лёссовидными суглинками различного генезиса. Высота подобных конусов выноса над рекой бывает значительной – 20-30 м. Наиболее характерные памятники – Туткаул, Сайёд.

3. Большая группа местонахождений и отдельные стоянки встречены не в долинах крупных рек, а в боковых долинах и отмечены на различных уровнях предгорных холмистых увалов (адыров). Причем отдельные пункты находятся здесь очень высоко по отношению к главным долинам, уже у подножья хребтов. Примером этой группы могут быть Сангимия у Шахринау, места сборов в Харангоне, Бульени Поён, стоянки, расположенные по берегам Нурекского водохранилища.

4. В отдельных случаях гиссарские изделия обнаружены в скальных навесах (Маликшах, Пехо).

Подчеркнем еще раз, что все гиссарские стоянки и местонахождения неизменно приурочены к лёссовым покровам различного типа, а их инвентарь отличается большим постоянством в плане первичного материала, одинакового по всей Таджикской депрессии. Нет сомнения в том, что этот момент отражает хозяйственные, экономические черты.

Раскопки Туткаула и Сайёда фиксируют структуру гиссарских поселений на раннем этапе, Бульони Поён и Кангурттут – на среднем и позднем. Площади гиссарского поселения Туткаул – 7000 м², Сайёда – 3500 м², Бульёни Поён и Кангуртута полностью не определены, но они значительны. Так, в последнем памятнике следы гиссарского культурного слоя тянутся

вдоль реки не менее, чем на 0,7 км. Судя по распространению подъемного материала, площадь некоторых местонахождений занимает несколько гектаров. Очень часто культурный слой стоянок связан с современной почвой, возраст которой охватывает 7000 лет.

Основной структурной единицей культурного слоя, мощность которого достигает иногда 2,5 м, является полусферический многослойный очаг овальной, круглой или подквадратной формы, сложенный из обломков известняка и расколотых речных галек. Очажные ямы после очистки имеют глубину 15-30 см и диаметр около метра. Поскольку в процессе жизни поселения подобные очаги быстро разрушались и заменялись новыми (при этом часть камней старых очагов использовалась для строительства новых), их расположение беспорядочно. Создается впечатление, что очаги «мигрировали» по площади поселения. Во всяком случае, они не образуют достаточно четких скоплений, по которым уверенно можно было бы оконтурить жилище.

Вторым структурным элементом являются каменные выкладки. Это горизонтальные площадки из плотно уложенных в несколько слоев обломков известняка, расколотых и целых галек. Внутри таких выкладок отмечаются угольные пятна – очаги. В Туткауле наиболее крупная из сохранившихся площадок имеет площадь 40 кв.м, в Сайёде – 25 кв.м. Такие площадки могли быть основанием (полом?) легкого каркасного жилища (Рис. 2). Возможно, на поселениях гиссарской культуры существовали и полуземлянки.

Раскопки А.П. Окладникова вскрыли в Бульёне Поен остатки обмазки полов в виде пятен гипсово-золистой массы. Здесь же прослежены скопления битого камня, образующие разделенные пустым пространством полосы камней, возможно, основания стен жилищ.

Как видим, структура и общий характер стоянок и поселений гиссарской культуры существенно отличаются от протодеревень джейтунской культуры и открытых стоянок – кельтеминарской. Но еще более отличается каменный инвентарь гиссарцев, где только небольшой процент изделий находит аналогии в индустриях джейтуна и кельтеминара. Именно каменный инвентарь, более чем что-нибудь другое, отделяет гиссарскую культуру от всего неолита равнинной части Центральной Азии.

Раскопки упомянутых гиссарских поселений показали, что индустрии гиссарской культуры свойственен сложный комплекс технических приемов. Сочетание «галечного элемента» (инвентаря) со специфическими

орудиями, выполненными в галечной технике и «кремневого элемента», обычного для неолита пластинчатого характера, – вот главная особенность инвентаря гиссарской культуры. При этом изделия из галек, на примере Туткаула, составляют 70% всех находок, тогда как «кремневый элемент» – лишь 30%. Что касается подъемного материала, то в нем видно явное преобладание орудий, сделанных из гальки, но это, скорее всего, связано с тем, что мелкие пластинки обычно смываются с поверхности весенними дождями и реальное соотношение между галечным и пластинчатым элементом проследить трудно.

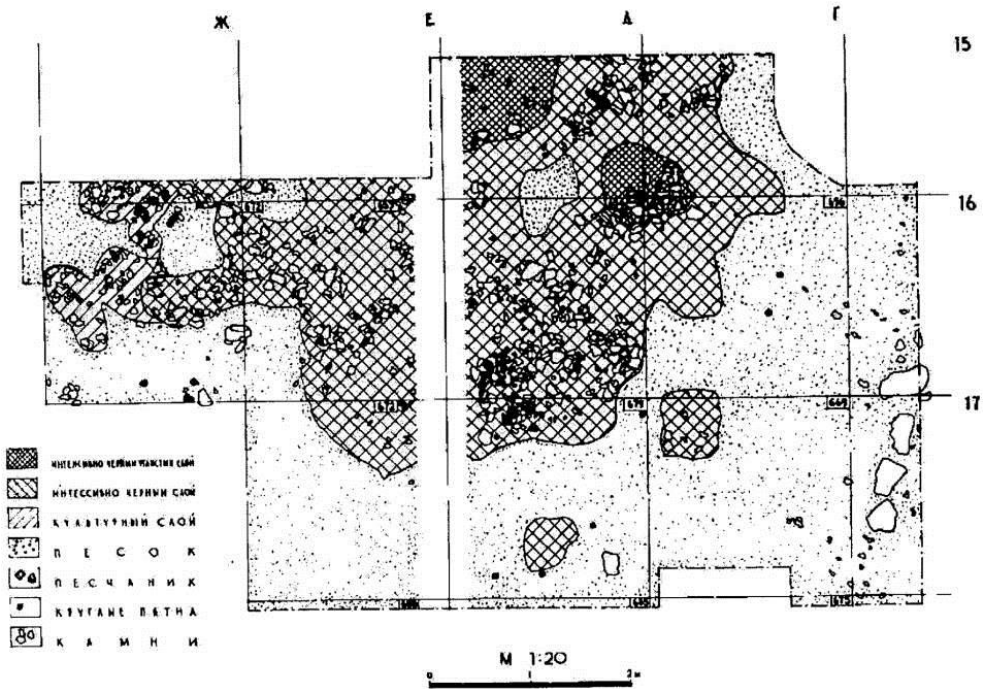

Рис. 2. Фрагмент культурного слоя. 15 горизонт. Туткаул.

Для изготовления орудий гиссарцы использовали разнообразный материал: магматические породы, кремневые известняки, кварцит, роговик, реже – серпентин и яшмовидные породы. Гальки собирались по берегам рек, на галечных косах или в насыпках древних террас. Это речные, хорошо окатанные, гальки средних размеров. Что касается кремня, то в распоряжении неолитических мастеров был только серый, плохого качества плитчатый кремль, очень ломкий. Размеры плиток позволяли производить только мелкие пластинки. И лишь небольшое количество орудий сделано из коричневого кремня хорошего качества, который явно принесен с левого берега Амударьи.

Изделия «галечного элемента», бесспорно, продолжают очень древние палеолитические традиции, хорошо известные в каменном веке Южного-Таджикистана.¹ Галечная техника, прежде всего, определялась существованием так называемых галечных нуклеусов (ядрищ), заготовки орудий с которых (отщепы) скалывались без всякой предварительной подготовки с поверхности гальки. Поэтому многие отщепы сохраняют на спинке галечную корку и не имеют правильных очертаний. Они, по существу, ничем не отличаются от заготовок палеолитического времени, тогда как различие между орудиями палеолитического и неолитического времени, сделанными из кремня видны, что говорится, невооруженным глазом. Эти «гиссарские отщепы» в большинстве случаев использовались в работе без дополнительной поправки – ретуши. Их острые края быстро изнашивались и затупливались. Но новые отщепы произвести было нетрудно, благо огромное количество нужных галек всегда было под рукой. Этим и объясняется, что на любой гиссарской стоянке подобные заготовки встречаются во многих сотнях, а то и тысячах экземплярах.

Основным орудием здесь является чоппер. Это галька, поперечный или продольный край которой затесан крутыми, иногда почти вертикальными сколами, создающими скребущий край. Рабочий край такого орудия мог быть прямым, выпуклым, слегка вогнутым, хотя предпочтение явно отдавалась первому варианту. Среди других орудий этой группы имеются скребла, а также более мелкие по размерам скребки, орудия типа долота, ножи в виде продолговатых заготовок с естественной (галечной) поверхностью с одной, длинной, стороны, что создавало удобный обушок, который часто получался при специальном продольном сколе, рассекающем заготовку на две неравные части (рис. 3). К этой группе можно отнести и шлифованные топоры, иногда изготовленные из сланца, но чаще из степентина (жадеита). Отдельные экземпляры подобных топоров столь великолепно сделаны и отшлифованы по всей поверхности, что создается впечатление, что эти орудия не использовались в работе, а имели какие-то эстетические или сакральные функции. Встречаются и ножи с пришлифованным лезвием, изготовлявшиеся из подходящего материала. По мнению трассолога Г.Ф. Коробковой, большая часть орудий «галечного элемента» служила для обработки дерева.

---

¹ Ранов В.А. Древнепалеолитические находки в лёссах Южного Таджикистана. Граница неогена и четвертичной системы. – М., 1980, с. 201.

3. Саразм – колыбель древнеземледельческой цивилизации в Центральной Азии

Изучение этнокультурных процессов в различных регионах мира уже не раз приводило исследователей к выводу о том, что развитие древней этнической истории следует по схеме – автохтонные традиции – миграции – этнокультурный синтез – обновление, вновь традиции и проявление этнокультурных инноваций. Древнейшая история Центральной Азии также характеризуется наличием миграций, процессами ассимиляции и длительными культурными взаимодействиями между различными племенами.

Современные теории о прямолинейном развитии этногенеза не могут опровергнуть общепринятую точку зрения о синтезе автохтонности и миграционности как движущей силы этнокультурного процесса. Насколько этот процесс показателен и можно ли его увидеть в археологических материалах древних культур?

Центральная Азия – один из интереснейших для исторической науки регион Евразии. Его географическое положение на стыке Юго-Восточной Европы и Малой Азии способствовало формированию самобытной древней культуры таджиков. Здесь, как свидетельствуют археологические данные, проходили древние пути миграций народов Восточной Европы, Малой и Средней Азии, происходили контакты европейских, ближневосточных и среднеазиатских культур. Эти исторические процессы, оседание определенной части миграционных потоков и сформировали сегодняшний полиэтнический облик Таджикистана, который справедливо называют «колыбелью цивилизаций». Изучение этих миграционных волн, выявление их этнического содержания поможет приоткрыть многие страницы древней истории таджиков.

Несмотря на довольно скрупулезную фиксацию и описание археологических материалов, историческая наука до сих пор не дала окончательного ответа на основной вопрос о создателях той или иной археологической культуры – их этнической принадлежности, хотя бы в рамках языковой семьи.

Археологические исследования второй половины XX века на территории Средней Азии помогли определить время появления и распространения древнеземледельческих культур в эпоху неолита и палеометалла. В энеолите (V–IV тыс. до н.э.), на базе неолитической джейтунской культуры, возникает

и развивается анауская культура¹, которая послужила основой развития культур и крупных городских центров бронзового века III–II тыс. до н.э.²

Ареал расселения древнейших земледельцев Средней Азии – племен джейтунской неолитической культуры, охватывал, в основном, предгорные районы Копетдага³. Именно здесь зарождается и сырцовое домостроительство региона⁴. Джейтунская культура, в свою очередь, послужила фундаментом культурных комплексов эпохи энеолита – бронзы Южной Туркмении. Археологическая периодизация оседлоземледельческих памятников юга Средней Азии этого времени (V–II тыс. до н.э.) базируется на стратиграфии эталонных многослойных поселений – Северного и Южного холмов Анау и Намазга-депе, где выделены последовательно сменявшие друг друга культурные комплексы⁵.

Для периода позднего энеолита также выделяются два локальных варианта анауской культуры времени Намазга III – западный, карадепинский⁶ и восточный, геоксюрский⁷ (Южный Туркменистан)¹. В период позднего Намазга II – раннего Намазга III племена анауской культуры достигают древней дельты Мургаба⁸ (Туркменистан), а какая-то группа населения продвигается далее к северо-востоку и, поднявшись по долине Зарафшана, оседает на границе ее верхней и средней частей.

---

¹ Массон В.М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. – М. – 1982. – С. 58–67.

² Массон В.М. Культурогенез древней и Центральной Азии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. – 2006. – С. 61

³ Массон В.М. Джейтунская культура // ТЮТАКЭ. – 1960а. – Т. 10. – С. 37–109; ил. Массон В.М. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии // ИАН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. – 1960б. – № 1. – С. 69–77; Он же. Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) / АН СССР. ИА. – Л.: Наука. – 1971. – 208 с.: ил. – (МИА; № 180).

⁴ Массон В.М. Традиции и инновации в процессе культурогенеза: (В свете данных археологии) // Преимущество и инновации в развитии древних культур.- Л.-1981.-С. 38–42. (С. 37); Он же. Первые цивилизации / АН СССР. ЛОИА.- Л.: Наука.-1989.-С. 44.

⁵ Массон В.М. Культурогенез Древней и центральной Азии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. – 2006. – С.42–85.

⁶ Массон В.М. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур: (В свете работ ЮТАКЭ 1955–1958 гг.) // ТЮТАКЭ. – 1960. – Т. 10. – С. 11–35; ил.; Он же. Энеолит СССР. – М.: Наука. – 1982а. – 360 с.: ил., карт.– (Археология СССР. [Т. 4]). – С. 35–44.

⁷ Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении / Отв. ред. М.Е. Массон. - М., Наука. – 1965. – 81 с., XXVII табл. (Археология СССР. Свод археологич. источников, БЗ-8, 4.IV).

⁸ Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА. – 1979. – № 1. – С. 111-131.

В низовье и верховье Зарафшана были выявлены памятники трех локальных неолитических культур: кельтеминарской, сазаганской и гиссарской (Таджикистан).

До открытия в 1976 г. поселения Саразм в Северо-Западном Таджикистане и начала его исследования А.И. Исаковым, в науке доминировало представление о том, что территория верховьев Зарафшана в IV–III тыс. до н.э. была занята племенами охотников и рыболовов сазаганской неолитической культуры¹. Однако археологические исследования Саразма показали, что уже во второй половине IV тыс. до н.э. – в эпоху энеолита – здесь располагался древнеземледельческий центр, развитие которого продолжалось и в эпоху бронзы.

Поселение Саразм расположено на второй надпойменной террасе левого берега р. Зарафшан, судя по подъемному материалу, оно занимало вытянутую с запада на восток возвышенность длиной около 2 км, шириной от 400 до 600 м². Большая часть этой площади находится под современной застройкой. Территория с остатками культурных слоев составляет около 48 га, однако только на площади 17 га культурные слои имеют значительную мощность и представлены остатками трех или четырех, а в отдельных местах и пяти строительных горизонтов. На этом участке поселения имеется примерно десять всхолмлений, возвышающихся на 1,5 и 2 м. Судя по данным топографической съемки, максимальные высотные отметки имеет восточная половина участка. Далее к западу следует относительное понижение поверхности поселения³.

Каменные орудия Саразма неоднократно становились исследованием ученых⁴. Изучаемый каменный комплекс охватывает все периоды обжива-

---

¹ Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан. – 1991. – С. 11–18, 100.

² Исаков А.И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г.// АРТ, Душанбе.–1983 – Вып.17. – С. 214.

³ Раззоков А.Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально – трасологическим данным). - Душанбе, 2008., фото 8

⁴ Эшонкулов У. История земледельческой культуры Горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе, 2007. – С. 70–71; Раззоков А.Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально – трасологическим данным). - Душанбе, 2008; Брюнэ Ф., Раззоков А. О новом понимании Энеолита в Центральной Азии. Каменная индустрия Саразма (Таджикистан): первые результаты технологического анализа. // Муаррих. – Душанбе, 2016. – № 2.6. – С. 30-39; Brunet F, Razzokov A. Towards a New Characterisation of the Chalcolithic in Central Asia. The Lithic Industry of Sarazm (Tajikistan): the First Results of the Technological Analysis. // Lefevre V., Didier A. and Mutin B.

ния, составивший более 5000 предметов. Исходным сырьем для изготовления орудий служили пятнадцать типов местных пород – кремний, халцедон коричневого цвета хорошего качества и минералами. Из кремня и халцедона, изготовлены отщепы, пластины и пластинки. Из мелкозернистых метаморфозных пород и горного хрусталя изготовлены листовидные наконечники стрел. Из сланца и кремния, изготовлены ножи. Из кварцевого песчаника – скребла и т.д.

Были выявлены выходы на поверхность жил горного хрусталя и халцедона, находящиеся в нескольких сотнях километров от Саразма, характерных для нагорий и горных районов Таджикистана¹.

Технологический анализ каменной индустрии Саразма уже позволяет идентифицировать несколько местных производств. Прежде всего это производство отщепов – пластинок, полученных с небольших призматических нуклеусов снятых с одной платформы. Важно также иметь в виду, что в Центральной Азии эти виды продукции характерны для неолита, еще более древних культур, и, как правило, полностью отсутствует или их очень мало на памятниках энеолита и раннего бронзового века в Центральной Азии. Саразм представляет собой явно другой случай, так как производство пластин и микропластин путем отжима свидетельствует о высоком уровне технического мастерства в энеолите. Саразм, таким образом, иллюстрирует продолжение или выживание древних технологических традиций в каменной индустрии.

Мастерство представлено в производстве небольших наконечников стрел (длина от 45 до 75 мм), сделанных из разного сырья (кремень, халцедон, метаморфозные породы, кварцевый песчаник, горный хрусталь); длинные и широкие кремневые ножи (не менее 160 мм), иногда квадратной формы, с закругленными концами, произведенные по той же методике. При формировании наконечников стрел листовидной, иволистной, подромбовидной, миндалевидной и реже подтреугольной формы применялись два-три техниче-

---

(eds). South Asian Archaeology and Art 2012, volume 1 (Man and environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New Perspectives). – Vrepols, 2015. – P. 49-62; Брюнэ Ф., Франкфор А. – П., Раззоков А., Мути Б. Результаты археологических исследований Саразма в 2012 году (Труды таджикско-французской совместной экспедиции МАФАК). // АРТ. – Душанбе, 2016. – Вып. 38. – С. 15-38; Ранов, Каримова: Отчет исследования коллекции каменных орудий Саразма Пенджикентской археологической базы за 1989 г. (рукопись)

¹ Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально – трасологическим данным). – Илл. 15-17, карта 2

ских приема ретуширования. Нередко такая ретушь напоминала струйчатую. Производство предметов такого размера, некоторые из них очень тонкие, изготавливались из сырья иногда очень зернистого и хрупкого, например, кварцевого песчаника, требовало высокого мастерства, а это, как правило, указывает на местное изготовление этих предметов. Подобного типа обработка каменных орудий появляется в материалах Южного Туркменистана, но уже в бронзовом веке¹, возможно, как результат обмена мастерством или предметами торговли из Саразма.

Кроме того, пять уникальных предметов, изготовленных из того же сырья, что и некоторые листовидные наконечники стрел (черная метаморфозная мелкозернистая порода) и, описанные учеными как «рога»², имея в виду форму каменного предмета в виде рога архара, четко демонстрируют саразмское нововведение. Метод, использованный для производства этих предметов – то есть покрывающая ретушь, сделанная с помощью отжимной техники, для того чтобы создать двояковыпуклую поверхность, а также короткая зубчатая ретушь, очень правильная по краям, как бы намеренно применена для получения особенно реалистичной морфологии предмета, если это действительно изображение рога архара. Если это так то, как считает Ф. Брюне, можно говорить о кремневой скульптуре. На наш взгляд, – это совершенно уникальный древнейший тип ножа для перерезания ворсовой нити ковра, виртуозно исполненный саразмским мастером и почти точно повторившийся в металлических аналогиях более позднего периода³.

Технологическое и типологическое исследование каменной индустрии Саразма позволило выделить два важных элемента. Это существование связей с удалёнными территориями: с Кельтеминарской и Сазаганской культурами (Узбекистан), а также со степными культурами эпох энеолита и бронзового века (Казахстан и Сибирь). В то же время, идентификация производства микролитических пластинок подтверждается наличием соответствующих нуклеусов и отходами производства в виде мелких отще-

---

¹ Коробкова Г.Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – СПб. – 2001. – Вып. 5. – С.148.

² Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным) – С. 74.

³ Аналогии типу см.: Хлопин И.Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы //КСИА. – М. – 1980. – Вып. 161. – С. 31-36.

пов и чешуек, доказывает таким образом, что эти производственные операции осуществлялись на месте¹ саразмскими мастерами и из материала местных пород.

Согласно архео-ботаническому анализу, проведённому Робертом Н. Спенглером и Джорджем Уилкоксом по образцам из раскопа VII и археозоологическому исследованию фауны С. Лёпцем, радиоуглеродная датировка указывает на вторую половину IV тыс. до н. э. Первые результаты палеоботанического и остеологического анализов свидетельствуют о том, что населению Саразма уже давно было известно искусственное орошение. Кроме того, здесь были обнаружены остатки растений, которые произрастают только при искусственном орошении². Обнаруженные кости животных принадлежали исключительно прирученным особям. Благодаря археозоологическим исследованиям С. Лёпеца, в Саразме было определено присутствие представителей семейства одомашненных свиней, а также происхождение одомашненных барана и быка в этом регионе³.

В Саразме были выявлены четыре типа строений, которые отличаются друг от друга по назначению – жилые дома, хранилища (хозяйственные постройки), культовые и дворцовые сооружения⁴. Последовательно описав, систематизировав находки (керамику, металлические и каменные изделия) и сопоставив их с материалами синхронных памятников Средней Азии, Ирана и Белуджистана, А. И. Исаков выделил четыре этапа (периода) развития культуры Саразма – Саразм I–IV (далее – СЗМ I–IV)⁵. С учетом данных радиоуглеродных анализов

---

¹ Brunet F., The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion // Desrosiers P. M. (ed.), The Emergence of Pressure Blade Knapping: From Origin to Modern Experimentation: Springer-Verlag, Heidelberg. 2012. – P. 307-328.

² Spengler R.N., Wilcox G. 2013. Archaeobotanical results from Sarazm, Tajikistan, an Early Bronze Settlement on the edge: Agriculture and exchange. *Journal of Environmental Archaeology* 18(3): 211-221.

³ Брюне Ф., Раззоков А., Мутан Б. Археологическое исследование Саразма в 2013 г. Таджикско-Французской совместной экспедицией (МАФАК) // АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 20-39.

⁴ Isakov A, Excavations in the Bronze Age Settlement in Sarazm. // The Bronze Age Civilization/ Central Asia, Recent Soviet Discoveries/ Kohl P.L. (ed.) Armonk, New York: I.Å. Sharpe, 1981. – P. 273; Исаков А. Саразм – огози тамаддуни халки тоҷик. – Хучанд, 2005, с. 97-101; Каримова Г. Р. Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А. И. Исакова в 1978–1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ. – 2009. – Вып. 33. – С. 262; Раззоков Ф. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. – СПб: НКТ, 2016. – 248 с.

⁵ Исаков А. Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зарафшанской долины). - Душанбе: Дониш, – Л, 1991. – С.76–100.

были предложены абсолютные даты этих этапов: период СЗМ I – 3400–3200 гг. до н.э.; СЗМ II – 3200–2900 гг. до н.э.; СЗМ III – 2900–2700 гг. до н.э.; СЗМ IV – 2700–2000 гг. до н.э.¹

Для установления истоков саразмской культуры необходимо иметь четкое представление о характерных признаках присущих, только данному памятнику. Здесь намечаются несколько блоков по которым мы можем составить представление о процессах культурогенеза и этногенеза Зарафшанского региона.

Многочисленные аналогии материалам Саразма в культурных комплексах памятников Центральной Азии IV–III тыс. до н.э. обусловили также мнение А. И. Исакова о том, что культура Саразма возникла под сильным влиянием геоксюрского культурного комплекса, а позднее развивались культурные и торгово-обменные взаимодействия с древними центрами Ирана, Белуджистана и Индии². При этом А. И. Исаков считал, что Саразм был не только оседло-земледельческим поселением, но и крупным центром металлургии и металлообработки, и что именно эта производственная специализация обусловила широкие контакты его населения в эпоху энеолита и бронзы³.

У. Эшонкулов, также изучавший поселение Саразм, уже на начальном этапе его исследований, особое внимание уделял вопросам происхождения культуры и источников водоснабжения поселения. На основе обнаружения в районе Саразма материалов неолитических гиссарской и кельтеминарской культур этот ученый высказал предположение об участии их носителей в возникновении поселения⁴.

Л. Т. Пьянкова в качестве местной основы Саразма рассматривала памятники сазаганского типа, как культуру, которая сформировалась в результате контактов кельтеминарской и гиссарской культур горных районов Средней Азии⁵. Однако при этом она подчеркнула, что «общий облик культуры поселения (архитектура, характерные очаги, керамика нижних слоев) имеет наибольшее сходство с поздним энеолитом геоксюрского

---

¹ Исаков А. И. Верховья Зарафшана в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. Л.: ИИМК РАН, 1991а. 37 с. (С. 22).

² Исаков А. И. Саразм. – 1991 – С.103 и табл. 11.

³ Там же. - С. 132–133.

⁴ Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). - Душанбе: Деваштич. – 2007. – С. 70–71.

⁵ Пьянкова Л. Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. - Душанбе: Гиссарский историко-культурный заповедник, 1992. – С. 49.

варианта анауской культуры, и высказанная А. И. Исаковым гипотеза о возникновении Саразма в результате переселения в долину Зарафшана группы общин Южной Туркмении не вызывает возражений»¹.

В настоящее время сложилась иная точка зрения относительно происхождения саразмской культуры. Б. Лионне считает, что «Саразм не был только коммерческим центром»². Отмечая параллели с керамикой Геоксюра, она указывает на наличие местных корней в керамическом производстве. Это своеобразие выразительно проявилось, в первую очередь в полированной керамике Саразма, чаще всего на красном фоне, с черными или бежевыми пятнами³.

Таким образом, по вопросу возникновения древнеземледельческого поселения Саразм были высказаны три гипотезы. Согласно первой из них, сравнительно слабо документированной археологическими материалами, ведущую роль в основании поселения Саразм сыграли жители близлежащих районов – носители гиссарской и кельтеминарской культур, занимавшиеся охотой и рыболовством. Подмечено, что группа этого неолитического населения на территории будущего поселения Саразм у берегов р. Дарвозаком перешла к земледелию⁴. Вторая гипотеза отводит решающую роль в появлении поселения приходу жителей земледельческих оазисов юго-запада Средней Азии, прежде всего из восточной части ареала анауской культуры⁵. И третья, наиболее вероятная, существование исконно местного энеолитического поселения, население которое способствовало созданию ещё одного очага древнеземледельческой цивилизации.

Исследования древностей эпохи палеометалла в Зарафшанском бассейне позволяют рассматривать его как поликультурный регион. Особенность этой

---

¹ Там же. - С. 50.

² Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).

³ Там же. - С.127.

⁴ Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). - Душанбе: Деваштич, 2007. – С. 62–85.

⁵ Исаков А. И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. - Л.: ИИМК РАН, 1991а. - 37 с.; Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).; Пьянкова Л. Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. - Душанбе: Гиссарский историко-культурный заповедник, 1992. - С. 49–66.

историко-культурной области обусловлена сложными процессами интеграционного характера, в которых принимали единовременное участие несколько разных культур, что объясняется как природно-географическими факторами, так и особенностями культурно-исторического развития буферной зоны. С проблемой своеобразия древних памятников связан вопрос об этнокультурных контактах древнего населения Зарафшана с соседними областями и более отдаленными регионами Евразии. Показательны в этом плане Саразмский (Таджикистан), Тугайный, Жуковский, Сазаганский (Узбекистан) комплексы¹. Важными факторами, способствовавшими сложению Зарафшанской культурно-географической области и определившими ее историческую роль в древности, стало наличие здесь минерально-сырьевой базы и расположение её в центре Евразийского континента. Это в значительной мере определило облик и пути развития палеометаллических культур. Начиная с раннего палеолита, в регионе сохранялась преемственность культур каменного века, но экспансия сюда в IV тыс. до н.э. из Геоксюрского оазиса (Юго-Восточный Туркменистан), пастушеских групп ямно-афанасьевского типа внесла существенные изменения в процессы культурогенеза и этногенеза Зарафшанского региона.

История Зарафшанского края в IV–II тыс. до н.э. предстает как непрерывная смена родственных, но генетически не связанных культур. Здесь мирно сосуществовали местные жители и пришлые группы населения с различным хозяйством. Своеобразие археологических памятников указывает на динамику культурно-исторических процессов.

В орографическом и гипсометрическом отношении в бассейне Зарафшана различаются три природные области: Горный Зарафшан, Самаркандско-Пенджикентская котловина или Зарафшанская впадина и Низовье Зарафшана – континентальная дельта. Размещение природно-хозяйственных зон с глубокой древности носит оазисный характер, причем плотность освоения людьми бассейна Зарафшана неодинакова. Последняя зависела от биологических (почва, флора, фауна), минеральных

---

¹ Исаков А. И. Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины). - Душанбе: Дониш, 1991. 244 с.; Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция бактрийско-маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. - СПб.: Алетей, 2010. - С. 334–364 (Тр. Маргианской археологической экспедиции. Т. 3); Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М. Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. - Самарканд: МИЦАИ, 2008. - С. 13–33.

(полезные ископаемые) и климатических (высотные гипсометрические отметки) ресурсов¹.

Многолетние исследования поселения эпохи энеолита и бронзы Саразма показали, что здесь в эпоху средней бронзы (период Намазга V [далее – НМЗ], конец III – начало II тыс. до н.э.) находился крупный центр протогородского типа (площадью более 100 га) с развитой коммуникационной сетью (транспортные и пешеходные улицы и проходы), дифференцированной застройкой, монументальным культовым центром (табл. 1). Экономическую основу поселения, помимо земледелия и скотоводства, составляли высокоразвитые специализированные ремесла (гончарство, металлургия и металлообработка, камнеобработка и др.). Кроме экономического блока, высокий уровень развития и начало социальной дифференциации общества нашли свое отражение в сложных идеологических представлениях (астральные культы в образе быка, культ Богини-Матери – покровительницы домашнего очага, заупокойный культ и др.) и зарождающейся знаковой системы².

В это время Саразм входит в систему целого ряда «цивилизаций второго порядка» на периферии древневосточного мира – между Месопотамией, Эламом и цивилизацией долины Инда³. Об этом свидетельствуют как уровень развития культуры, так и яркие аналогии в выделяющейся элитарной субкультуре (предметы из золота, лазурита, стеатита, кости и др.).

Для изучения генезиса культурного комплекса древнего протогорода были проведены целенаправленные стратиграфические исследования, в результате которых в Саразме получены новые, принципиально важные массовые материалы периода позднего энеолита – ранней бронзы.

Поселение основано, как минимум, на позднем этапе энеолита (середина IV тыс. до н.э.). Наиболее плотно застроенный и более широко раскопанный для периода энеолита является раскоп 2 западный и восточный (Табл. 1). На наш взгляд, это самая архаичная часть Саразма по типологии построек. Слои энеолитического времени также выявлены в раскопах IV, V, VI, XII, XIII.

---

¹ Аванесова Н.А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – С. 273.

² Каримова Г.Р. Таджикистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том I. Традиционные верования и шаманизм. - Самарканд: МИЦАИ. – 2016. – С.138-199.

³ Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии // СА. – 1967. – № 3. – С. 165–190.

Установлено, что в Саразме в энеолитическом периоде стены возводились из битой глины-пахсы. Кроме того, в юго-западной и северо-западной частях раскопа II обнаружены отрезки двух наиболее ранних оград, появившихся в периоде СЗМ I. Первая сохранилась на длину более 7 метров и высоту от 60 см до 1 м. В основании ограда достигает толщины 80 см. По внешнему фасаду она пирамидальная, сужающаяся кверху. Сохранился единственный округлый контрфорс ограды диаметром 70 см. Он пристроен к стене по всей ее высоте. Стена и контрфорс возведены также из битой глины-пахсы. Как и многие внешние стены памятников этого периода, она не была оштукатурена. Вторая стена, сделанная из пахсы, раскопана на длину более 20 метров.

К числу особенностей техники и технологии строительства ранних комплексов СЗМ I и СЗМ II отнесено возведение стен домов из пахсы, (пахсовые криволинейные ограды участков поселения и каменная ограда могильника), которые практически неизвестны на памятниках Южного Туркменистана. Следовательно, эта особенность присуща только строительной технологии коренного населения Саразма, и это очень важно. Исследователями отмечено, что характерный для строений периода среднего и позднего энеолита Юго-Восточного Туркменистана короткий (длиной 35–44 см) кирпич встречен в Саразме только один раз (раскоп VII, горизонт 1/3, начало периода Саразм II)¹. Примечательно, что прием, отмеченный в ранних слоях строений, продолжает бытовать и на более позднем этапе строительных сооружений.

Стратиграфические наблюдения отразили чёткость планировки основной массы зданий Саразма, которые свидетельствуют, с одной стороны, о предварительной разбивке плана на местности и наличии удобных для строительства свободных участков и, с другой, видимо, о своеобразном характере условий существования и организации общественных коллективов (децентрализация? рассредоточенная система расселения? или разнородность семейных или племенных групп), возводивших эти здания.

Итак, обратимся к анализу самых ранних археологических памятников. В Саразме ко времени энеолита отнесены жилые комплексы, выявленные в слое СЗМ I, и некрополь, заключенный в каменную ограду на раскопе IV.

---

¹ Besenval R., Isakov A. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarcand // Arts Asiatiques. Paris: l'École française d'Extrême-Orient 1989. Т. 44. Р. 5–20; Кирчо Л.Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК РАН. – СПб: «Дмитрий Буланин», 2007. – №2. – С. 193–209.

Слою, отнесенному к позднеэнеолитическому времени СЗМ – АІ, принадлежит культовый комплекс, состоящий из одиннадцати помещений на раскопе IV. Комплекс не раскопан до конца. Особенностью комплекса является наличие алтаря в культовом здании с пилястрами¹. Самый большой алтарь диаметром 1,29 см, отличающийся от других тем, что не имеет бортика по краю и представляет собой монолитную конструкцию высотой 15-16 см, в центре которой имеется лунка (диам. 30 см, глубина 25 см), размещён в помещении, южная часть западной стены которого по верх штукатурки выкрашена в красный цвет. Это позволило А.И. Исакову определить здание, включавшее помещения 7,8,9, как главное культовое сооружение², и констатировать приверженность к огнепоклонничеству населения Саразма на ранних этапах жизнедеятельности.

В этом же раскопе IV С – АІ открыт некрополь с девятью захоронениями заключенными в каменную ограду, и с размещенным в центре захоронением³-«принцессы Саразма», названной А.И. Исаковым⁴.

Раскоп VI (определен как квартал гончаров). Здесь найдены два типа гончарных печей. В слое СЗМ I – круглая печь с круглым столбиком внутри⁵. По вышеизложенным материалам мы можем судить о конструкции жилищ, разновидности ремесленной деятельности (гончарство, металлургия и металлолите), структуре общества, погребальной культуре.

Таким образом, основные характеристики строительного комплекса Саразма – материал, технология строительства, размеры и особенности местоположения зданий – определялись в первую очередь местными условиями и традициями сырцово-глиняной архитектуры. К тому же архитектурные формы строений, исследованных на раскопах III и V в Саразме (здание на платформе зернохранилище и круглое сооружение из двух колец кирпичей), уникальны для Средней Азии IV–III тыс. до н.э. и скорее всего также имеют местное происхождение, так как их прототипы не найдены за ее пределами⁶.

---

¹ Исаков А. И. Саразм. – 1991. – С.352-353.

² Исаков А. И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: с. 47; Исаков А. И. Саразм ...1991. – С. 353 – 354; Исаков А. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. 1994. - Вып. 25. - С. 85–99. (С. 87-88).

³ Каримова Г.Р. Таджикистан. – 2016. – С.138-199.

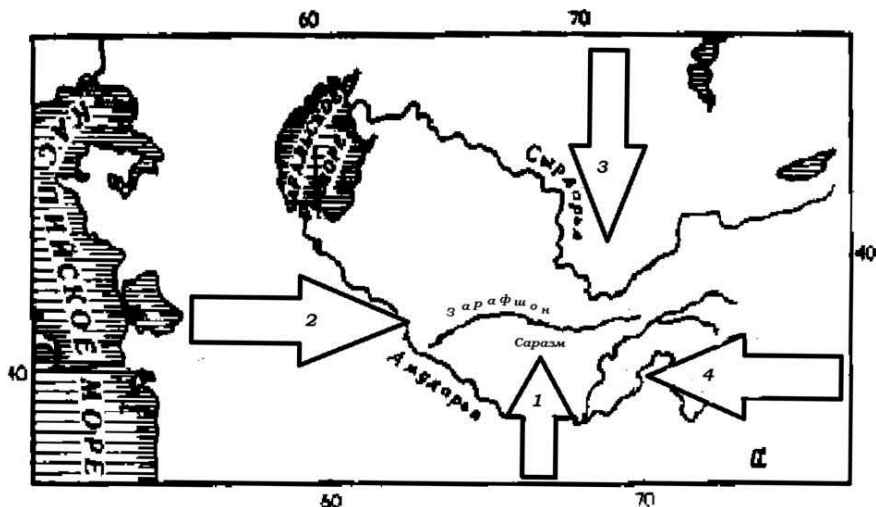
⁴ Исаков А. Саразм озози тамаддуни халки тоҷик. – 2005. – 69-84.

⁵ Исаков А. И., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С. Раскопки Саразмского археологического отряда в 1988 г. // АРТ. 2000. - Вып. 27. - С. 174-175.

⁶ Каримова Г. Р. Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А. И. Исакова в 1978–1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ. - 2009. - Вып. 33. - С. 262–282 (С. 262); Кирчо Л.Б.

Таким образом, среди отличительных черт этого периода, имеющих местные корни, необходимо выделить: строительство ограждающих поселения стен; застройку отдельными домохозяйствами, состоявшими из однокомнатных домов (с внутренним членением пространства) и прилегающих дворов (хозяйственных и парадных); отведение сакрального места под погребения; наличие культовых помещений или святилищ (которые впоследствии трансформируются в храмы и дворцово-храмовые комплексы).

Первым из культурных компонентов, отмеченных в материалах неолитического времени Саразма, можно условно назвать «восточный», и он связан с сазаганской культурой, её каменными орудиями. Вторым компонент можно условно назвать «южный», и он также связан с каменными орудиями, но гиссарской неолитической культуры. Третье культурное образование – «западный». Этот компонент связан с комплексами, на которых представлена расписная керамика. Это комплексы геоксюрского типа. Четвертое культурное образование – это слабо вырисовывающиеся компоненты афанасьевской культурной общности (илл. 1). Все они были ассимилированы позитивным восприятием инокультурных влияний автохтонным населением.

Илл. 1. Компоненты Саразмской культуры: 1 – Гиссарская культура; 2 – Геоксюрская культура; 3 – Сазаганская культура; 4 – Афанасьевская культура

Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV-III тыс. до н.э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития (Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда). – Ташкент, – Самарканд: Фан. – 2007. – С. 97.

Эпоху неолита отражают два антропологических комплекса: протоевропейский и средиземноморский. Первый преобладал в составе населения северных областей, в частности у племен кельтеминарской культуры в Присарыкамышье, к западу от Хорезмского оазиса, второй – у населения джейтунской культуры прикопетдагской полосы Туркменистана и гиссарской неолитической культуры Южного Таджикистана.

В саразмском некрополе в одном сакральном пространстве локализованы различные по культурной принадлежности погребения. Здесь определено четыре типа захоронения (коллективное, парное, одиночное и расчленённое). Захоронения локализуются, по всей видимости, на краю поселения энеолитического времени и сконцентрированы на специальном участке закреплённом в кольцо каменной ограды. Погребальный инвентарь сопровождал индивидуально почти все захоронения, кроме расчленённого.

Погребальное сооружение – некрополь Саразма (раскоп IV) демонстрирует наибольшую культурную близость (проявления афанасьевской культуры), практически полное устойчивое единство с погребальной обрядностью афанасьевцев¹. Речь идет не о сходстве отдельных вещей, а о комплексе культуuroобразующих признаков: 1) погребения окружены кольцевой оградой (диаметр 15 м) из речных валунов; 2) планиграфическое размещение разновременных погребений в ограде (в центре и у стены сооружения), их конструкция (грунтовые ямы) и ориентировка (по направлению с ЮЗ на С; СЗ на ЮВ); 3) расположение в центре ограды большой основной погребальной камеры (диаметр 3 м) с коллективным разнополовым захоронением; 4) положение погребенных – скорченное на левом боку (в том числе вторичное захоронение?), их ориентация (головой на юг, юго-запад, но лицом на запад); 5) центральный костяк окрашен красной охрой (илл.9)

Другой примечательный факт центрального захоронения – это расположение скелетов по отношению друг к другу. Если скелеты женщины и подростка расположены очень близко друг к другу (подросток расположен

---

¹ Исаков А.И. Некрополь Саразма и развитие раннеземледельческой культуры на верхнем Зеравшане // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху/ тез. Д-дов Республиканского совещания. – Ашхабат, 1987. - С. 55; Он же. Саразм. – 1991. - С. 45; Он же. Богатое женское захоронение из Саразма (Таджикистан) // АВ. - 1992. - № 1. - С. 64–75; Он же. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. - 1994. - Вып. 25. - С. 85–99. (С. 89–93).

у стоп женщины), то скелет мужчины лежит на расстоянии 1,20 м от женского. Лишь стопы ног касаются бедер подростка. Представляет ли это какой – либо интерес для интерпретации погребальной культуры, сказать сложно. Но лишь в одном случае в захоронениях Каракола (Алтай) зафиксировано погребение, где погребенные лежат на правом боку и ребенок похоронен в ногах женщины. Оно признано необычным и нетипичным для афанасьевской культуры,¹ и вполне может отражать проникновение обряда саразмской погребальной культуры в афанасьевские племена.

Что касается предметов сопровождения саразмского захоронения, то все они принадлежат женщине (илл. 9). На расстоянии около полуметра к востоку от головы лежало лопатовидное массивное бронзовое зеркало, рядом с ним находились костяное шило и каменное наверхие. Здесь же лежала терракотовая женская статуэтка. Такой сопровождающий инвентарь также не характерен для афанасьевской культуры. Другая терракотка – амулет – была найдена после флотации, т. к. из-за маленького размера была не замечена при расчистке. В районе головы обнаружены три каменных наверхия булавы и две массивные ромбовидные бусины. Над головой, на полу могилы лежали в цепочках различные бусы из сердолика, лазурита, бирюзы, серебра и золота. Огромное количество бус из таких же камней и известняка было собрано среди костей и непосредственно между костяками. Они лежали так же, как в цепочке, так и разбросанные по всему периметру могилы на скелете от головы до кистей рук и ступней ног и являлись, по всей видимости, бисерным украшением расшитого одеяния. Небольшая группа сердоликовых бусин была обнаружена на северо-западе от ступней ног. Они лежали треугольной цепочкой. Вероятно, эти бусы были нашиты на покрывало или плащ.

Огромное значение имеют золотые бусы (49 штук), найденные в основном за затылком в виде цепочек. Из них около 10 бусин было найдено несколько дальше от основной части. Они были собраны на черепе и внутри него, а также в промежутках между позвонками и ребрами. По типологии все они биконические, с выпуклым валиком посередине. И представляют один тип. Не исключено, что они были литыми, о чем свидетельствуют их одинаковые размеры. Собрана была также 41 серебряная пронизка, найденная только над головой, т.е. эти бусы составляли часть вышитого

---

¹ Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры: монография / под ред. В.И. Молодина. – Барнаул: Азбука, 2014. – С. 323.

украшения головного убора. Золотые и серебряные бусы, найденные за затылком и над головой, бесспорно, подтверждают тот факт, что ими была украшена прическа или нижняя часть головного убора¹.

Для уточнения типологии погребальной культуры обратимся к известным материалам памятников единовременных Саразму. Наиболее показательной чертой, ранжированной для выделения категорий могильников, является – каменная ограда. Предварительные исследования показали, что могильник с каменной оградой является характерной чертой культур скотоводческо-кочевнических племен Средней Азии и племен афанасьевской культуры Сибири в бронзовом веке.

Сравнение с афанасьевской культурой выявило ряд черт, имеющих место в культуре погребения Саразма. Это: округлая форма оградки-стенки надмогильного сооружения и грунтовая могильная яма, использование охры, расположение скелетов по отношению друг к другу, определение сакральности места погребения в виде оградки. Но также имеет место ряд отличий, которые указывают на местные и контактные особенности характеристики саразмской культуры погребения. Сопровождающий инвентарь – зеркало, наперстки, скульптурки, костяное шило, два браслета из океанических раковин, присутствие еще двух неокрашенных костяков, тризна, многочисленные различные бусы из сердолика, лазурита, бирюзы, серебра и золота, составляющие украшение головного убора и прически женского захоронения. Общеизвестно, что население Саразма вело оседлый образ жизни и занималось земледелием и различного вида ремеслами. Следовательно, под определение скотоводческо-кочевнических племен оно не подпадает. Что касается существования аналогичной практики сооружения колец над могильниками афанасьевской культуры, то здесь вступает в силу правило хронологических схем. Саразмский могильник датирован временем позднего энеолита по стратиграфическому положению, т.е. середина IV тыс. до н.э. Исследователями афанасьевской культуры установлено, что только в конце III тыс. до н.э. отмечается продвижение на восток с территории Понто-Каспийских степей племен поздней культуры, которые приносят в Сибирь навыки земледелия и ското-

---

¹ Каримова Г.Р. Головной убор саразмской жрицы //Археология и история Таджикистана. К 80 летию со дня рождения академика Академии наук Республики Таджикистан Юсуфа Якубовича Якубова. – Сб. статей /Отв. редактор Г.Р. Каримова. – Душанбе: «Дониш». – 2017. – С.66-74.

водства, злаки и domesticiрованных животных, металлургию и колесный транспорт – создают культуру Афанасьев¹. Активизация ямно-афанасьевского населения была порождена поиском и освоением естественных ресурсов (металлоносные месторождения и самоцветы Зарафшана). Регион в это время уже имел навыки металлургии и обработки ювелирных камней². Характеристики же присущие саразмской культуре погребения отмечены в афанасьевских захоронениях в одном случае и названы пришлыми и даже случайными.

На сложение этногенетической общности указывает и анауская культура энеолитических племен Юга Туркмении. Для этой культуры характерен обычай погребения умерших в пределах поселения под полами и во дворах. В Саразме этот обычай не прослеживается. Захоронений не найдено ни под полами домов, ни в черте строительных комплексов. Примечательно то, что племена юга Туркмении в эпоху раннего и среднего энеолита практиковали одиночные захоронения, а на поздних этапах наряду с одиночными появились коллективные погребения – усыпальницы или погребальные камеры (так называемые толосы). Толосы сооружались из сырцового кирпича с купольным покрытием и считаются специальным погребальным комплексом³. Саразмский могильник всех вышеперечисленных признаков не имеет.

Таким образом, предварительные исследования показали, что уже в эпоху энеолита в Саразме был сооружен могильник с каменной оградой, следовательно, такие сооружения были известны населению занимающему земледельческо-скотоводческим хозяйством. Уникальность этого могильника заключается в том, что в Среднеазиатском междуречье до сегодняшнего дня аналогичных ему погребений не найдено.

---

¹ Цыб С.В. Ранняя группа Афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. – Барнаул. – 1984. Цыб С.В. 1984а. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. канд дисс. – Новосибирск, 1984.; Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986.; Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Археологический вестник. – СПб. – 1993. – Вып. 4. – С. 25-31; Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб. – 1999.

² Раззоков, А.Р. Саразм – ранний город Арианы. // Арийская цивилизация в контексте Евразийских культур. – Душанбе: Дониш, 2006. – С. 201-204.

³ Сарияниди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. – Ашхабад, 1960. – С. 284-299; Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении // САИ. – М., 1965. – Вып. Б 3-8. – ч. IV. – С. 14-19; Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001. – 244 с.

Как уже говорилось ранее, не найдено аналогий и саразмскому зеркалу. Его наличие в погребении позволяет нам говорить о совершенно новом типе захоронения. Этот тип находит отражение в материалах более позднего времени (Тулхарский могильник, Таджикистан), что позволяет проследить дальнейшее продвижение погребальной культуры с зеркалом, открытой в Саразме¹.

А.И. Исаков после открытия могильника в Саразме предложил рассматривать его как особый вариант погребального типа, который является локальной особенностью культуры Саразма². На материале центрального захоронения некрополя нами выделен – саразмский тип погребальной культуры эпохи энеолита³.

Примечательно также то, что костяк женщины в саразмском захоронении по цвету имеет несколько красновато-розовый оттенок, в то время как два других костяка абсолютно белые. Известны случаи, когда покойника обсыпали красной охрой. Например, погребенный из Костенок 14 был захоронен в одеждах и головном уборе с многочисленными головными украшениями и покрыт плащом, обсыпанным охрой⁴. Необычный цвет костяка можно объяснить растворением охры при разложении одежды, но это может также отражать отличающуюся практику захоронения, распространяющуюся на одного человека, погребенного в одном погребении с сопровождающими его людьми.

Слегка гумусированный грунт и следы темных пятен под скелетами позволяют предположить, что, возможно, двое из погребенных – женщина и девочка, были уложены на плетеные подстилки типа бурьи. Этот прием был обнаружен В.М. Массоном в одной из могильных ям в слое

---

¹ Каримова Г.Р. Саразмское зеркало в контексте обряда (проблема типологии погребальной культуры) // Наследие предков. – Душанбе, 2011, № 14, с. 99-106; Она же. Дозороастрийские верования древнего Саразма // Наследие предков. – Душанбе, 2012, № 15, с. 119-130; Она же. Зеркало в связи с погребальными обрядами в эпоху энеолита и бронзы (по материалам древних могильников Таджикистана). // Последний энциклопедист: к 90 летнему юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. – М. – 2013. – С. 200-221.

² Исаков А.И. 1998. Тайна захоронения «богини» // Наследие предков. – Душанбе, 1998. – № 36: 35-39.

³ Каримова Г.Р. Зеркало в связи с погребальными обрядами в эпоху энеолита и бронзы (по материалам древних могильников Таджикистана). – 2013. – С. 200-221.

⁴ Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР / Палеолит СССР. – М., 1984., с. 233

Кара-8 на поселении Кара-депе (Южный Туркменистан)¹. В захоронениях афанасьевской культуры Горного Алтая иногда отмечается органический тлен или гумусированная прослойка.²

Это связано с тем, что территория Верхнего Зарафшана входила в зону контактов различных культурных образований эпохи энеолита. Материальная культура и антропологические особенности населения эпохи энеолита наиболее ярко представлены в предгорной полосе Южного Туркменистана (Карадепе и Геоксюр). Антропологический тип населения Саразма относится к тому же средиземноморскому типу, который выявлен как в Южном Туркменистане³, так и на памятниках гиссарской культуры Таджикистана. Это подтверждается и общностью материальной культуры на указанных территориях⁴. Исследователями был сделан вывод о том, что в эпоху энеолита часть населения Южного Туркменистана добравшись до земель среднего течения Зарафшана, где уже существовало поселение и где позднее сформировался центр энеолитической культуры, было ассимилировано местным населением. Это скорее так же свидетельствует о наличии интенсивных культурных, этнических и расогенетических связей энеолитического населения долины Зарафшана в древности.

Горный край Зарафшана богат полезными ископаемыми. В его недрах находятся значительные запасы цветных и редких металлов (золото, серебро, олово, свинец, цинк, вольфрам), нерудных и строительных материалов (полевой шпат, графит, каолиновые глины, мрамор, гранит), поделочных камней – (бирюза, лазурит, халцедон, оникс)⁵. Рассматриваемый микрорайон занимал ключевую позицию в бассейне Зарафшана. Здесь следы взаимопроникновения различных культурных групп прослеживаются особенно хорошо. Удобная для обитания, эта часть долины на рубеже IV–III тыс.

---

¹ Массон В.М. Кара-депе у Артыка // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1961. – Т. X. – с. 338.

² Степанова Н. Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. ТД и сообщений к Всесоюз. науч. конф. Барнаул, 1991. С. 50–53.

³ Ходжайов Т.К. Новые антропологические материалы эпох неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестн. антропологии. – 2004. – Вып. 11. – С. 87–101.

⁴ Исаков А. И. Отчет о работе на Саразме в 1980 г. // АРТ. – 1987а. – Вып. 20. – С. 269–278; Исаков А. И. Саразм (к вопросу становления древнеземледельческой культуры Зеравшанской долины). - Душанбе: Дониш, 1991.

⁵ Щербиков Д. И. Полезные ископаемые // Средняя Азия. - М., 1968. - С. 30–38.; Раззоков А. Р. Древние рудники верховьев долины Зеравшана // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: ТД науч. конф. 15–20 августа 1997 г. Пенджикент, 1997. - С. 44–46.

до н.э. была природным убежищем как для ранних земледельцев (Саразм, Таджикистан), так и скотоводов (Жуков, Узбекистан). Необходимо указать, что различия в занимаемых экологических нишах отразились на моделях экономики. Она носила комплексный характер, свидетельством чего являются: саразмский культурный комплекс, который развивался на основе земледельческо-скотоводческого хозяйства в сочетании с металлургией; пастушеские сообщества срубно-андроновского типа, также специализировавшиеся на горно-металлургическом производстве, направленном на освоение и переработку местных сырьевых ресурсов (горные выработки Карнаб, Тым, Лапас, Чангалли, Кочкарли и др.; поселения Тугайный, Чакка в Узбекистане и др.); памятники Зарафшанской культурной провинции БМАК (сазаганское староречье, Зарча Халифа (Таджикистан), Джам, Аксай (Узбекистан) и др.), свидетельствующие об использовании минерального ресурсного потенциала в торгово-обменных операциях¹.

Геологические и археологические работы свидетельствуют о том, что в юго-западной части Зарафшанского хребта, на высоте ок. 3000 м в эпоху бронзы велись разработки оловянно-медного месторождения Мушистон (Таджикистан). Древние выработки эксплуатировали андроновцы². В целом горная часть Зарафшана представляла вполне пригодную для жизни людей территорию. Свидетельств о более раннем проникновении людей в пределы описываемого микрорайона пока нет³. Следует отметить, что обследованные древние выработки, шлаковые отвалы, остатки плавильных печей и рудничных поселений в большинстве своем функционировали с эпохи бронзы и эксплуатировались катакомбно-срубно-андроновскими рудознатцами и металлургами⁴ (могильник Дашти-Кози, погребение Чорбог (Таджикистан) и отдельные находки).

---

¹ Аванесова Н. А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – С.272-278.

² Бороффка Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Луц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерны Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. - 2000. - Вып. XXVII. - С. 81.

³ Исаков А.И., Потёмкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. - 1989. - № 1. - С. 145–167; Якубов Ю.Я. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г. // АРТ. - 1980. - Вып. XV. - С.168–170.

⁴ Аванесова Н. А. Древние горняки Зеравшана // Археология Узбекистана. - 2012. - № 1 (4). - С. 3–35.; Аванесова Н. А., Шайдулаев Ш. Б., Еркулов А. К вопросу о культурной принадлежности древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. - Самарканд; Бишкек, 2005. - С. 12–33.

Благодаря работам таджикско-французской (в 1993 г.) и таджикско-немецкой (в 2000 г.) экспедициям были обобщены результаты многолетних разведывательно-поисковых изысканий в верховьях Зарафшана, богатого месторождениями серебра, золота, меди, цинка, свинца, олова, мышьяка. Выявлено большое количество древних разработок со скоплениями разнообразных шлаков¹. В Зирабулак-зияэтдин-каратюбинском горном массиве обнаружено более 30 пунктов значительных скоплений олова, в том числе рассыпного. Установлено, что на всей территории верховьев Зарафшана в древности производили промывку золота. Были локализованы районы источников полудрагоценных камней (например, лазурита из Бадахшана, бирюзы из Ферганы) и обоснован факт того, что добыча других поделочных камней (халцедона, кварца, мрамора, содалита), минеральных красок и кремневых галек, использовавшихся для изготовления разнообразных украшений и других предметов, найденных на памятнике, производилась в ближайшей округе поселения². И таким памятником являлся Саразм. Здесь выделяются те же две составляющие, что и на памятниках Северо-Восточного Ирана и Южного Туркменистана³, т.е. как в материалах Саразма присутствуют находки, относящиеся к вышеназванным культурам, соответственно и саразмский материал отмечен в их комплексах.

Важным элементом культурных комплексов эпохи энеолита является керамическое производство со всеми его составляющими: гончарные печи, керамическая посуда, терракоты и др.

В юго-западном углу помещения 48 обнаружена двухкамерная гончарная печь с топкой в виде углубления шириной 40 см и длиной 1,25 м, вытянутой вдоль западной стены. Обжигательная камера расположена восточнее топочной, которая изолирована стенкой толщиной 20 см от обжигательной камеры. Ширина ее около 80 см. Пол обжигательной камеры вымощен плоскими мелкими камнями. Отметим, что эта гончарная печь

---

¹ Бороффка Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Луц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерны Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. 2000. Вып. XXVII. - С. 71–119; Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). - Душанбе, 2008. – С. 10–18.

² Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). - Душанбе, 2008. – С.14.

³ Алёшкин В. А. К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с.(С.278-284)

является самой древней на поселении, что свидетельствует о том, что керамика изготовлялась и обжигалась на территории жилого массива на самом раннем этапе жизнедеятельности саразмийцев¹.

В Саразме гончарные печи представлены тремя типами круглыми и квадратными по форме: одноярусные однокамерные, одноярусные двухкамерные и двухъярусные двухкамерные печи².

Тип I – одноярусные однокамерные печи округлой или овальной формы обнаружены в горизонте 3 раскопа II и в горизонте IV.2 раскопа VII (табл. 3). Эти печи были достаточно значительных размеров – диаметр округлой печи составлял около 2 м, а внешние размеры овальной печи по длинной оси достигали 3 м. Поды обеих печей были вымощены галькой. Это древнейший тип гончарных печей³.

Тип II – одноярусные двухкамерные печи, обжигательная камера которых находится на 10–20 см выше топочной и отделена от топочной камеры невысокой стенкой, исследованы в горизонте 2 раскопа II (табл. 3), в горизонте 3 раскопа VI, в горизонтах 4 раскопов III и IV (табл.3), в горизонте 3 раскопа VII (две печи)⁴, а также на раскопе VIII. В плане печи почти квадратные. Представлены сооружения размерами 1,2×1,2–1,25 м, 1,75×1,75 м и, примерно, 2×2,5 м. Полы обжигательных камер всегда были вымощены галькой для увеличения теплоемкости камер. Такие печи в Саразме наиболее многочисленны.

Тип III – двухъярусные двухкамерные печи: вариант 1 исследован во дворе горизонта 3 раскопа VI. Овальная топочная камера (2,4 ×1,93 м), в центре которой находился круглый опорный столб обжигательной камеры, была заглублена в землю на 0,5 м (табл.3).

Двухъярусная гончарная печь (вариант 2) обнаружена в юго-восточной части раскопа IX.⁵ Печь сохранилась хорошо (табл.3). Топочная камера,

---

¹ Исаков А. И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. - Л.: ИИМК РАН, 1991а. - 37 с., -С. 16.

² Раззоков Ф. Керамические горны древнеземледельческого поселения Саразм (IV–III тыс. до н.э.) // Мероси ниёгон (Наследие предков). - Душанбе: Национальный музей древностей Таджикистана. – 2012. № 15. – С. 31–37.

³ Раззоков Ф. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. – СПб: НКТ, 2016. – 248 с., ил., рис. 34–35.

⁴ Исаков А. И., Безенваль Р. М., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С. Г. Работы советско-французской экспедиции в 1990 г. // АРТ. – 2001. – Вып. 28. – С. 139–140.

⁵ Раззоков А. Р. Работа Саразмского отряда в 2002 г. // АРТ. – 2005. – Вып. 30. – С. 77–78, рис. 1; Раззоков Ф., Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. – СПб: НКТ, 2016. – 248 с., ил., рис. 34–35.

углубленная в землю на 130 см, представляла собой округлое пространство с устьем-входом, размерами 45×35 см и длиной 75 см. При сооружении печи сначала была вырыта расширяющаяся вверх яма с ровным дном (диаметром 105 см). Затем из пахсы были возведены полуколонны-ребра топочной камеры, на которые опирался под обжигательной камеры. Полуколонны начинаются с поверхности пода топочной камеры, а с высоты 10 см постепенно смыкаются и принимают дугообразную форму, в результате чего образуется свод. Между полуколоннами проходят семь жаропроводящих каналов длиной 60–80 см и шириной 20–25 см. Эти каналы, сужаясь кверху, в обжигательной камере заканчиваются вертикальными, округлыми в сечении продухами диаметром 10–12 см. Диаметр округлой обжигательной камера снаружи составляет 3,32 м, а внутри – 2,25–2,65 м. Стенки топочной камеры сооружены из квадратных кирпичей размерами 35×35×12–18 см. Толщина стенок составляет 40 см.

Конструктивно и по размерам кирпича печь относится к античному времени, однако на основании находок расписной керамики геоксюрского и белуджистанского типов внутри печи, автор раскопок датирует ее эпохой энеолита¹.

Систематизацией и анализом многочисленной керамики Саразма занималась Б. Лионне. Она подробно исследовала соотношение саразмской керамики с керамическими материалами основных центров эпохи энеолита и бронзы Средней Азии, Южного Афганистана (Мундига) и Северо-Западного Пакистана, Северного Белуджистана (Мергар), а также степных культур афанасьевского и андроновского круга². Абсолютная хронология Саразма, предложенная в ее работе, несколько отличается от точек зрения других исследователей. Б. Лионне поддерживает мнение Н. А. Аванесовой о том, что могильник периода А раскопа IV по своему характеру – группа погребений, окруженная кольцевидной каменной оградой, близко напоминает погребальные сооружения афанасьевской культуры³. Изучение керамики показало, что типы и формы керамических сосудов периода СЗМ I находят аналогии в материалах ялангачского (среднеэнеолитического) пе-

---

¹ Раззоков А. Р. Работа Саразмского отряда в 2002 г. // АРТ, 2005. Вып. 30. – С. 77–78, рис. 2.

² Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) Céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).

³ Аванесова Н. А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с. (С.272-278).

риода развития памятников Геоксюрского оазиса¹. В керамике Саразма, определены компоненты керамических комплексов: 1) южно-туркменистанский; 2) белуджистанской посуды типа Мергар III,5; 3) тазабагьябский; 4) степной; 5) серая (горганская) посуда Ирана (илл. 5 – 6). Отмечено применение орнаментации вышеназванных типов на местной керамике, что явно указывает на синтез керамических культур в местном эквиваленте и существование местной школы керамического производства², которая представлена четкими типами и формами. Основная масса этой керамики нерасписная. Она отличается не только по технологии и расцветке поверхности, но и широким разнообразием форм. Среди них наряду с хумами можно видеть различные кухонные, столовые и даже миниатюрные сосуды. Они изготовлены из светлой, красной, серой глины. В ряде случаев в тесте кухонной посуды добавлен шамот, известковые обкатанные гальки. Столовая керамика изготовлялась из хорошо отмоченной глины или песчаного лесса без примеси других органических веществ. Почти вся кухонная и столовая посуда была покрыта лощением. Добрая половина сероглиняных чаш имеет двустороннее лощение. Отдельные экземпляры красноглиняных сосудов снаружи покрывались краснокремневой краской, напоминающей густой лак.

На основании этих данных, формирование поселения Саразма, как памятника земледельческого типа в периоды СЗМ I и II было отнесено к 3500–3100 гг. до н. э.³. Процесс формирования был обусловлен как сильным влиянием раннеземледельческой культуры Южной Туркмении и контактами населения Саразма с населением Северного Белуджистана, о чем свидетельствуют импорт керамических изделий, браслеты из крупных океанических раковин Индийского океана, так и взаимодействием с представителями степных культур, предположительным свидетельством которого служит каменная ограда могильника периода СЗМ I. Кроме того, приводя целый ряд аналогий керамике Саразма периодов СЗМ III–IV в

---

¹ Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7). tabl. 9.

² Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7)., p. 56–57.

³ Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7)., tabl. 9.

комплексах памятников III тыс. до н.э., Б. Лионне пришла к выводу, что конец обживания поселения приходится на 2600–2500 гг. до н.э.¹

Л.Б. Кирчо было предпринято специальное бинарное изучение керамических комплексов южнотуркменистанских памятников и саразмских коллекций. Ею отмечено, что в Саразме найдены только два-три фрагмента сосудов типа Намазга III и полностью отсутствует расписная керамика периода конца позднего энеолита – начала ранней бронзы Юго-Восточной Туркмении (сосуды с измельченной геометрической монохромной росписью «коврового» стиля). Аналогии же в формах нерасписной посуды комплексов СЗМ III и IV и эпохи бронзы Южного Туркменистана носят общетехнологический характер и имеют соответствия в формах сосудов Намазга-депе и Алтын-депе поздних этапов периода ранней бронзы².

Археологический комплекс Саразма включает два выраженных компонента: доминирующие признаки анауской культуры расписной керамики периода Намазга II–III³ и существенный вклад культуры серой (или чернолощеной) керамики Северо-Восточного Ирана⁴. Но, помимо этого, в Саразме имеются ещё два компонента, указывающие на высокую степень контактов с кельтеминарской и афанасьевской культурами. В слоях поселения Саразм периода II найден фрагмент типичного кельтеминарского сосуда с орнаментом по венчику, напоминающим отпечаток шнура⁵. Фрагменты кельтеминарской керамики найдены также в слоях поселения периодов III и IV⁶, а в некрополе Саразма, в могиле 4 обнаружен сосуд конической формы, аналогичный как кельтеминарскому⁷, так и афанасьевскому типу. Форма этой посуды и ее орнаментация (полосы коротких косых насечек или отпечатков зубчатого штампа) более всего напоминают керамику третьего этапа кельтеминарского неолита Лявляканских стоянок во Внутренних Кызылкумах, датируемого IV–первой половиной III тыс.

---

¹ Там же. Р. 60, tabl. 9.

² Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Заравшана во второй половине IV–III тыс. до н.э.) – 2007. – С.99.

³ Кирчо Л. Б. Север и Юг – встреча на Зеравшане. – 2012. – С.284–287.

⁴ Сверчков Л. М. К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. - Кн. 2. - С. 288.

⁵ Исаков А. И. Саразм.- Д., 1991. - С.24, 81, рис. 26, 20; Lyonnet B. Sarazm 1996. pl. V, 4.

⁶ Исаков А. И. Саразм. – 1991. – С. 90–91, рис. 4, 9–10; Lyonnet B. Sarazm 1996: pl. V, 5–6.

⁷ Исаков А. И. Богатое женское захоронение из Саразма (Таджикистан). – 1992. – С. 67.

до н.э.¹ Найденная в ограде некрополя скульптурка фигурки верблюда, вырезанная из кости, почти полностью повторяет фигурку лошадки вырезанной из когтя медведя Могильника Ело-2, ограда 2 афанасьевского круга погребений².

Сосуды из мраморовидных пород камня (табл. 4,7), найденные в Саразме, среди которых абсолютно преобладают открытые конические и полусферические чаши с простым приострѣнным или закруглѣнным венчиком, имеют широкие аналогии в комплексах памятников Белуджистана (Мергар), Афганистана (Мундигак I–IV), Юго-Восточного (Шахри-Сохте I–III) и Северного Ирана (Гиссар III), древних Элама (Сузы) и Месопотамии (Ур, Киш, Тепа Гавра) IV–II тыс. до н.э. Одна такая коническая чаша найдена и на Геоксюр 1³(Туркменистан).

Кроме того, В.Д. Рузанов провѣл химико-металлургическое исследование изделий культур с лепной расписной керамикой и сравнительный анализ с металлом других памятников Средней Азии эпохи бронзы. Это позволило сделать вывод о генетической связи производства земледельцев Ташкентского оазиса и Ферганской долины (Узбекистан) с саразмским металлургическим очагом. Эти связи исследователь объясняет миграцией групп племен саразмской культуры из верхнего бассейна р. Зарафшан в Северный Узбекистан и Южную Киргизию в начале II тыс. до н.э. Он предполагает провести химический анализ металлического инвентаря из могильника Шагым близ Узгена⁴(Кыргызстан), который находит типологические аналогии с металлом Саразма и который, возможно, подтвердит эту версию⁵.

На основе трасологического анализа 3651 орудия труда, проведенного

---

¹ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции. - Вып. 10. - М., 1975. - С. 223–224.

² Степанова Н.Ф. Погребение эпохи бронзы на могильнике Ело-2 в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. – Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010а. –№3 (15) – 176 с. (Рис. 2,7, с. 13).

³ Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии. – 2007. – С. 99.

⁴ Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Узбекистан) // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 годы. - Вып. 5. - Ташкент: Фан, 2005. - С. 256–265.

⁵ Рузанов В.Д. Кратко об основных итогах изучения металла культур с лепной расписной керамикой эпохи бронзы Ташкентско-Ферганского региона // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею города Ташкента. - Ташкент, издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2009. - 390 с.

А.Р. Раззоковым под руководством Г.Ф. Коробковой, был сделан вывод, что хозяйство жителей Саразма, имело комплексный характер¹. Главным занятием населения были земледелие и скотоводство, а охота и рыболовство играли вспомогательную роль. Помимо этого, важное значение в экономике Саразма, имели добыча и обработка минеральных ресурсов (полиметаллических руд и каменного сырья). При обработке руды и металла использовались разнообразные орудия труда, количество которых сопоставимо с количеством орудий земледельческого комплекса (17,47% и 15,79% соответственно). Учитывая массовость орудий труда, металлических изделий и рудные ресурсы района, А.Р. Раззоков вслед за А.И. Исаковым пришел к заключению, что Саразм был одним из основных центров металлургии и металлообработки в Средней и Южной Азии². Материалы, полученные на памятниках второй половины IV тыс. до н.э. Юго-Восточного Туркменистана, – это большое количество крупных медных предметов (топоры, ножи, зеркала, стержни и т.д.), было обнаружено также много орудий труда для изготовления и обработки металлических изделий, что позволяет утверждать, что верховья Зарафшана в это время были основным источником меди (и медной руды?), а возможно, и других видов минерального сырья для юго-запада Средней Азии³.

Исследователи, основываясь на археологических материалах свидетельствующих о непосредственных контактах населения Саразма и Южного Туркменистана, считают, что скорее всего эти систематические торгово-обменные связи продолжались не менее 300 лет. Обследование окружающей Саразм территории показало, что в этом районе, начиная с неолита – раннего энеолита (V тыс. до н.э.), основным источником воды, на котором базировалось земледельческое хозяйство, была река Зарафшан. С учётом большой обводненности региона в IV тыс. до н.э., можно сказать, что передвижение сырья и изделий осуществлялось с помощью тягловой силы быков⁴. О времени появления здесь домашнего

---

¹ Раззоков А. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). – Душанбе, 2008.

² Раззоков А. Р. Костяные орудия Саразма (по следам работы). – 1992. – С. 37–42; Он же. 2008. – С. 102.

³ Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии. – 2007. – С. 100.

⁴ Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. - 2007а. - № 2. – С. 101; Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы / отв. ред. Н.А. Дубова – М.: Старый сад, 2016. – С.75-80.

крупного рогатого скота (*Bos taurus*) и исчезновения с этой территории дикого быка – тура (*Bos primigenius*) среди специалистов нет единого мнения. Между тем об использовании последнего в различных сферах деятельности свидетельствуют круглая цилиндрическая печать с изображением быка – тура, найденная в слое СЗМ II Саразма. налест головы быка на стене помещения названного культовым и захоронение частей разновозрастных особей быка тура под полом храмового комплекса (илл.2).

Прямые аналогии в материалах конца периода среднего энеолита Южного Туркменистана находят и четыре категории металлических изделий Саразма – втульчатые топоры-тесла, ножи или наконечники копий с длинным, изогнутым на конце черенком, косметические стержни с утолщением на одном конце и навершием – на другом (в виде лопаточки, конуса, ступенчатого креста или из двух повернутых перпендикулярно друг к другу плоскостей) и крупное круглое зеркало без ручки (диаметром 17 см). Стержни с навершием-лопаточкой или конусом и зеркало широко известны по раскопкам некрополя Геоксюр 1, стержни с навершием-лопаточкой и из двух перпендикулярных плоскостей найдены на Карадепе, а втульчатый топор-тесло, двулезвийные ножи-копья с крючком на конце насада и зеркало диаметром 13 см – в позднеялангачских раннегеоксюрских комплексах Илгынлы-депе. На Алтын-депе в погребениях конца позднего энеолита – начала ранней бронзы тоже были обнаружены стержни с навершием-лопаточкой и в виде ступенчатого креста¹.

Таким образом, все указанные выше источники моделируют многоотраслевую систему экономики Саразма с производственной специализацией, направленной на развитие внутрорегиональных и трансрегиональных культурных связей.

Число находок, связанных с жизнедеятельностью и контактами саразмского населения в различных сферах, постепенно увеличивается, но что касается ранних этапов развития письменности Центральной Азии то здесь в наших знаниях имеются пробелы.

Анализ большого числа археологических публикаций показал, что случайных знаков на керамике нет, любой из них имеет значение и может быть отнесён к той или иной типологической группе. В первую очередь нас интересуют знаки письменности.

---

¹ Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана 2007а. – С. 199.

Итак, первым крупным центром формирования ранней письменности Центральной Азии, согласно современным представлениям, является территория древнего Согда, в которую в бронзовом веке входили различные районы долин Сырдарьи, Верхнего и Нижнего Зарафшана. Именно в этих историко-культурных зонах достаточно рано возникли сложные социальные образования, на основе которых во второй половине III тыс. до н.э. возникла ранняя государственность. Население этих трёх историко-культурных зон, объединённых общими этническими корнями (аустрические народы), генотипом, элементами верований и материальной культуры, поддерживало между собой различные контакты.

Показательным видом контроля, маркировки собственности и символами власти являются печати, которые находят как в административных, культово-дворцовых помещениях, так и в захоронениях. В Саразме печатей найдено не так много – 9 (табл. 4,9), но самой показательной и ранней является круглая свинцовая печать, найденная в культовом комплексе бронзового века.

Печать круглая, размер в диаметре 3,5 см, из свинца, изготовлена литым способом, имеет два сквозных отверстия найдена в культурном слое Саразм III раскопа VII¹. Изображение представляет несколько повторяющихся углообразных знаков со всех четырех сторон печати называемые в литературе меандрами², которые оставили в центре пространство составившее изображение простого прямого креста. Углоподобные знаки иногда отождествляют с изображением сохи-плуга³.

Проанализировав семантику печати, мы пришли к выводам изложенным в иллюстрации 8. Подобное изображение на печатях и оттисках выявлено на памятниках Туркменистана (Алтын – депе), Афганистана (Мундигак, Нади Али), Ирана (Гиссар, Шахри Сохте, Сузы, Джафаробод, Марлик) и Пакистана (Мергар). Примечательно то, что большая масса находок с интересующим нас изображением найдена на территории Ирана. Но печатями Саразма и Алтын –депе начали пользоваться раньше – в эпоху энеолита.

---

¹ Исаков А., Раззоков А. Отчет о работах саразмского отряда в 1986 г. // АРТ. – Душанбе – Худжанд, 2005. - С. 218

² Кононенко Е.И. Месопотамская глиптика 3-го тысячелетия до н.э.-М.:Либроком, 2009.- 256 с.

³ Шайдуллаев Ш. Жаркутанская пиктография родоначальник письменности. – информационный портал 12uz.com

Обратим внимание на один из триподов изображения на печати (илл. 9) – крест, по четырем сторонам которого нанесены геометрические линии (углы), вероятно, образующие фразу из четырех лениарных знаков. Вряд ли это сложный «семантически значимый орнамент», поскольку признаком последнего являются симметричность и повторяемость элементов. Здесь же есть основание говорить о том, что это, может быть, или фраза или простой «семантически – значимый знак». В данном случае композиционный центр образован двумя графически близкими знаками – «углообразными дугами с крестом в центре», но различающимися по размерам: сначала – большего размера, не пересекающиеся, затем – меньшего размера, не пересекающиеся, располагающиеся по четырем сторонам креста. Далее: сама форма печати – это круг, в который заключены все остальные вышеперечисленные знаки. На наш взгляд, расписав в определенной последовательности знаки, можно получить целую информативную фразу. В иллюстрации 9 мы предлагаем схему разложения изображения печати Саразма на пиктографические знаки. Возникнув в столь далекое время, она претерпела множество трансформаций, изначально неся информацию, заложенную позднее в знаковую письменность.

Объем публикации не позволяет описать и рассмотреть каждую печать в отдельности, но уже сейчас заметно тяготение к стилю геометризма (печать 1-3) и художественного кубизма. Необходимо отметить, что письменность символами особенно широкое распространение получила задолго до нашей эры в Китае, что обусловило возникновение в этих краях иероглифов.

Печати Саразма свидетельствуют, что пиктография получила свое развитие в культуре народов Центральной Азии и что данный регион является одним из центров зарождения письменности. Здесь при полном отсутствии прямых письменных данных приходится обращаться к косвенным свидетельствам, в первую очередь к сложным сюжетным композициям на печатях и амулетах.

Располагавшаяся на самом краю древнеземледельческого мира и, казалось бы, совершенно отрезанная от передовых центров Древнего Востока, саразмская культура тем не менее была известна далеко за своими пределами. Ее обширные международные (большой частью торговые) отношения приводят нас в Месопотамию, Сирию, Анатолию, а также в долину реки Инд¹.

---

¹ Baghestani Susanne. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China.: Verlag mari leidorf Jmbh. Rahden/Westf. – 1997. – 427 p.

Интересно наблюдение иранской исследовательницы, которая обратила внимание на то, что из всех знаков на 607 керамических сосудах 333 знака были созданы методом процарапывания и 274 – методом штамповки. Некоторые найденные в могилах плоские каменные и бронзовые печати, имели те же знаки, что и на керамике¹. Поэтому мы допускаем, что часть из этих знаков и надписей – это начальное линейное письмо, а не декоративные элементы, или характерные знаки, или логотип керамистов. Мы допускаем существование простых и сложных протописьменных знаков, используемых для коммуникативных целей. В дальнейшем, по мере продолжения археологических исследований и новых находок, возможно, сложится более четкая картина. На сегодняшний день на примере печатей мы пока можем говорить об образцах знаков протописьменного ряда древнейшего периода истории. Об этом так же может свидетельствовать знак, найденный на керамике в раскопе IX СЗМ I и два фрагмента серой керамики, имеющие несколько процарапанных знаков на венчике и на тулове сосудов² (илл. 3).

Характерный позднеэнеолитический набор артефактов представлен как в инвентаре погребений, так и в культурном слое СЗМ I. Это в первую очередь немногочисленные терракотовые антропоморфные статуэтки Саразма которые также, видимо, имели как местное, так и южнотуркменистанское происхождение. Фрагментированная женская фигурка из заполнения некрополя периода СЗМ I по статуарной позе, общим пропорциям и моделировке головы близка раннегеоксюрским статуэткам из Илгынлы-депе. Сидящие фигурки с раздвинутыми ногами, идентичные саразмской статуэтке из раскопа 2, найдены в слоях геоксюрского времени на Алтын-депе³. Миниатюрные же фигурки без рук (из погребения женщины в могиле 5 некрополя) периода СЗМ I (илл.2) в передаче формы головы (причёски?), носа и шеи имеют своеобразный облик. В погребальной практике населения обряд помещения одной или двух антропоморфных фигурок в могильное сооружение зафиксирован

¹ Эликай Дехно Сорайя Алиашраф. К проблеме связей Ирана и Средней Азии в бронзовом веке (на примере изображений на печатях и их оттисков на керамике).- Диссертация.- Душанбе.- 2016.

² Раззоков Ф. А. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV – III тыс. до н.э. – СПб: НКТ, 2016, рис.46,5,8. - С. 215.

³ Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV-III тыс. до н.э. – 2007. – С.98

как в индивидуальных, так и в коллективных погребениях эпохи позднего энеолита в материалах различных культур Центральной Азии.

Единственный уникальный антропоморфный сосуд из Саразма содержит изображение лица человека (илл. 4), сходное с синташтинско-петровскими и шан-иньскими статуэтками. Сосуд отнесен к эпохе энеолита. Аналогичное изображение лица человека отмечено в степных каменных скульптурах случайных находок: фигура сидящего человека из Костанайской области в Костанайском музее; фигура сидящего антропоморфа из Акмолинской области в Эрмитаже¹. Приведенная аналогия мелкой пластики подтверждает наличие северных взаимосвязей населения Саразма.

Каменные овальные гири с оформленной ручкой периода СЗМ II также имеют широкий круг аналогий. Такие изделия представлены в комплексах времени Намазга II на Северном холме Анау, Кара-депе и Илгынлы-депе, в Сиалке III-4, Гиссаре IC и Мундигаке I, т.е. на памятниках второй половины IV тыс. до н.э., а также в слоях периода позднего энеолита и ранней и средней бронзы Алтын-депе².

Металлическая, терракотовая и костяная печати-пуговицы из Саразма также близки печатям начала ранней бронзы Алтын-депе, а золотая овальная бусина с цилиндрической пронизкой в центре из раскопа 5 (комплекс СЗМ III) идентична бусинам, широко представленным на поселениях харапской цивилизации (Мохенджо-Даро, Харappa, Лотхал (Индия), Шортугай II (Афганистан), в Гиссаре IIIB и найденным также в «гробнице жрецов» Алтын-депе начала периода средней бронзы и могильнике Сумбар I (Южная Туркмения) эпохи поздней бронзы³. О культурных связях с Месопотамией и Эламом свидетельствует находка цилиндрической печати⁴.

Однако широкие аналогии единичных престижных предметов (печати, украшения из поделочных камней и драгоценных металлов) свидетельствуют скорее о хронологической принадлежности, чем о культурной.

---

¹ Шкода В.Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез.конф. к 90-летию М.П. Грязнова. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 57-59; Новоженев В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012. – Рис. 40. – С. 454.

² Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана во второй половине IV-III тыс. до н.э.). – 2007. – С.99.

³ Там же. – С.99.

⁴ Каримова Г.Р. Таджикистан. – 2016. – С.138-199.

Синхронизация культурных отложений поселения Саразм по данным керамических комплексов, типам артефактов и стратиграфии строительных остатков периода позднего энеолита показывает, что формирование позднеэнеолитического комплекса на территории Саразма происходило на базе: 1) местных энеолитических традиций; 2) усиления культурных контактов, которые прослеживаются в прямом (инокультурная полихромная керамика) или опосредованном (мотивы росписи, стиль антропоморфных терракотовых изображений) видах. Появление раннегеоксурской керамики времени позднего НМЗ II, видимо, была наиболее ранним проявлением таких контактов.

Дальнейшее развитие яркого и своеобразного культурного комплекса периода позднего энеолита происходит в эпоху ранней бронзы.

В культурном комплексе продолжают развиваться позднеэнеолитические традиции. Почти все основные компоненты культуры времени СЗМ III–IV: типы жилищ, очагов, алтарей (табл.1), формы и орнаментация глиняных сосудов, статуэтки, печати-пуговицы, косметические сосуды косметические стержни, – находят свои прототипы в позднеэнеолитических материалах. В то же время в начале периода ранней бронзы появляются печати-штампы и распространяются косметические сосуды из мраморовидной породы

Традиционны во второй четверти III тыс. до н.э. и направления культурных взаимодействий – алтари на подквадратном сырцовом основании и характерные предметы этого времени (косметические сосуды, металлические изделия, печати) представлены также на Шахри-Сохте¹ (Иран), Мундигаке² (Афганистан), в Туркмении³. Алтари Саразма и круглые, и подквадратные, встреченные в зданиях периодов СЗМ II–III, по своим параметрам (размеры и небольшая по диаметру лунка) и особенностям устройства сходны с очагами верхнего горизонта поселения Геоксюр 1 (раннее Намазга III), Кара-депе (раскоп 4). На Алтын-депе

---

¹ Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September-December 1968 // East and West. 1969. Vol. 19. № 3–4. Fig. 40, 41, 42, c; 125; Sajjadi S. M. S. (With contributions by F. Foruzanfar, R. Shirazi and S. Baghestani). Op. cit. Fig. 33, c, e–h; 35, l; 36, a, c, type 4; 40, d, types 1, 2b, 3.

² Casal J. – M. Op. cit. P. 229. 233, 234, 236, 249, 257. Vol. II. Fig. 131, 16; 134, 4, 9, 10, 15; 135, 11, 11a–d, 12; 139, 17; 140, 19, 20; Pl. XLVA, 9.

³ Кирчо Л. Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // Российская археология. - 1999. - № 2. - С. 61–65.

широко представлены подквадратные очаги-алтари с бортиком по краю и рогообразными возвышениями на углах. Однако все эти очаги относятся уже к периоду ранней бронзы¹.

Алтари с бортиком, но без платформы, представленные в святилище раскопа 4 периода СЗМ III, не имеют аналогий.

Аналогии же комплексам эпохи ранней и средней бронзы Южной Туркмении в Саразме (появление гончарной керамики, некоторые детали форм сосудов – носик, слив, каменные флаконы, бусы, ряд типов металлических и каменных орудий труда) носят скорее хронологический характер. Фактически для III тыс. до н.э. можно говорить только об общем для культур верховьев Зарафшана и Южного Туркменистана направлении развития культурных комплексов².

Племена же являются уже потестарными образованиями с элементами принудительной власти и зачастую состоят уже из этнически и культурно не однородных коллективов. В результате такой перегруппировки населения внутри вновь образовавшихся обществ, состоявших из частей старых, разноэтничных и разнокультурных обществ, происходило сложение системы политических, экономических, социальных, брачных, культурных и иных связей, превращение этих связей в стабильно действующие системы, т.е. превращались эти общества в новые этнокультурные общности. При «переплавке» старых культурных традиций в новых этнокультурных объединениях какие-то элементы прежних культур сохранялись, какие-то исчезали, не оставив следа в культуре новых обществ, а сохранившиеся видоизменялись в процессе выработки относительного культурного единства новых этнополитических ассоциаций. Выработка такого относительного культурного единства во вновь сложившихся обществах археологически и выражается в появлении новых культур³.

Таким образом, Саразм в бронзовом веке состоял из агломераций отдельных архитектурно-строительных комплексов, включающих в себя как монументальные, так и рядовые строения, ремесленные кварталы и

---

¹ Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии. – 2007. – С.98.

² Масимов И. С. Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Материалы международной научной конференции посвященной 9-ой годовщине Независимого Туркменистана. – Ашгабат-Санкт-Петербург: Европейский дом, 2000. – С. 25; Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии. – 2007. – С.99.

³ Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. - 2000. - № 4. - С. 11–25. (С.19).

т.д. Историческая топография города имеет усложнённый характер, резко отличающийся от малых памятников изучаемой эпохи. При раскопках слоёв эпохи бронзы обнаружено, что поселение Саразм было важным центром среднеазиатской цивилизации с архитектурными комплексами, ремеслом, искусством, сходными с единовременными поселениями эпохи бронзы Центральной Азии. Массивная архитектура, предметы с символами письменности, ритуальные и престижные предметы, связанные с властью, найденные в Саразме, подтверждают давно предполагаемое определение «цивилизации Саразма», широко представленной предметами производства, ремесла и промысла

Особое место занимало производство украшений – бус и различных подвесок. Разнообразен набор орудий, связанных с этим промыслом: пилки, свёрла для обработки камня и раковин (табл.2).

О существовании ткачества свидетельствуют керамические диско-видные пряслица с отверстием в центре, выточенные из камня и фрагментов керамики, также округлых гиреподобных грузил (табл. 1,3).

Большое применение в экономике находят изделия из кости шилья, развёртки, изготовленные из трубчатых костей животных, шпатели для керамики, лощила для обработки кожи, которые в более позднее время, наряду с металлическими орудиями, полностью вытесняют каменные. Каменная индустрия раннего энеолита испытывает качественно новый подъём в своём развитии. Расширяется ассортимент сырья, совершенствуется техника расщепления камня, разнообразится обработка. В составе орудий по-прежнему самой представительной группой являются вкладыши жатвенных ножей, типичными орудиями являются также свёрла, скребки, скобели, строгальные ножи, долота, пилки, вкладыши мясных ножей Многие орудия имеют полифункциональное назначение. Намечился дальнейший прогресс керамического производства: разнообразятся формы и мотивы росписи, появляются неорганические отощители, совершенствуются формовка и обжиг. Появляется большое количество тонкостенной керамики, изготовленной на высоком техническом уровне.

Таким образом, в истории развития производства переход от присваивающего хозяйства к производящим формам оказал большое влияние на производство предметов потребления. Техника и технология производств свидетельствуют о заметных прогрессивных изменениях, происшедших в обществе раннеземледельческих племён поры энеолита и бронзы.

В периоде СЗМ II – СЗМ III периода ранней – начала средней бронзы завершается формирование производственной базы специализированного ремесла – экономической основы раннегородской цивилизации. Происходит прорыв в области теплотехники (высокотемпературный обжиг изделий из камня, двухъярусные гончарные печи, литье). Усложнение планировки жилых комплексов и погребальных обрядов отражает начало процесса изменения социальной структуры общества

В период средней бронзы саразмское общество выходит на новый уровень развития – уже в начале периода СЗМ III превращается в крупный центр раннегородского типа с развитой коммуникационной сетью, дифференцированной в разных частях застройкой, специализированным кварталом гончаров и монументальным культовым центром.

Святынища или дворцово-храмовые комплексы, подобные саразмским, были не просто местами совершения жертвоприношений и обрядов, а своеобразными центрами, организующими жизнь общества в соответствии с окружающей природной средой и уровнем социально-экономического развития, выполняя определенные управленческие, религиозные хозяйственные и сплачивающие функции. Данные принципы функционирования святынищ с астрономической ориентацией получили свое дальнейшее развитие в последующие эпохи. Одновременно эти центры способствовали консолидации родовых организаций, выделению и укреплению не только административной и военной, но и жреческой знати.

Исследованиями доказано, что основы крупных археологических культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ всегда разнокомпонентны по составу. Следовательно, и полицентричны по исходной территории происхождения. Это позволяет сформулировать следующие методические положения по закономерностям культурогенеза периода разложения первобытных отношений: во-первых, формирование крупных культур, а тем более культурных систем эпохи предклассовых обществ всегда были результатом масштабных миграций; во-вторых, формировавшиеся этнокультурные ассоциации всегда включали в свои основы большое количество элементов пришлого происхождения, обычно разнородных; в-третьих, при этом такие ассоциации всегда формировались на месте.

Необходимо констатировать, что маргианское и бактрийское население

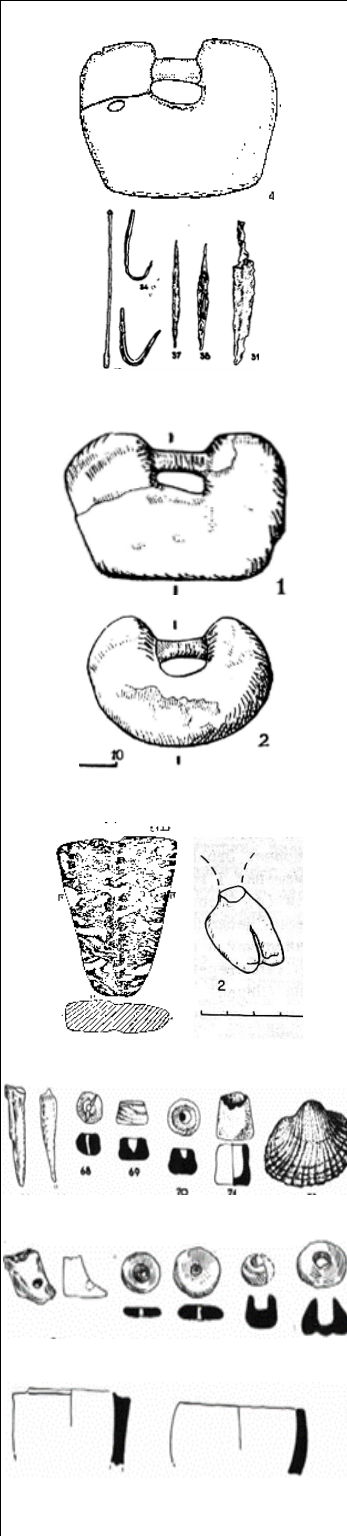
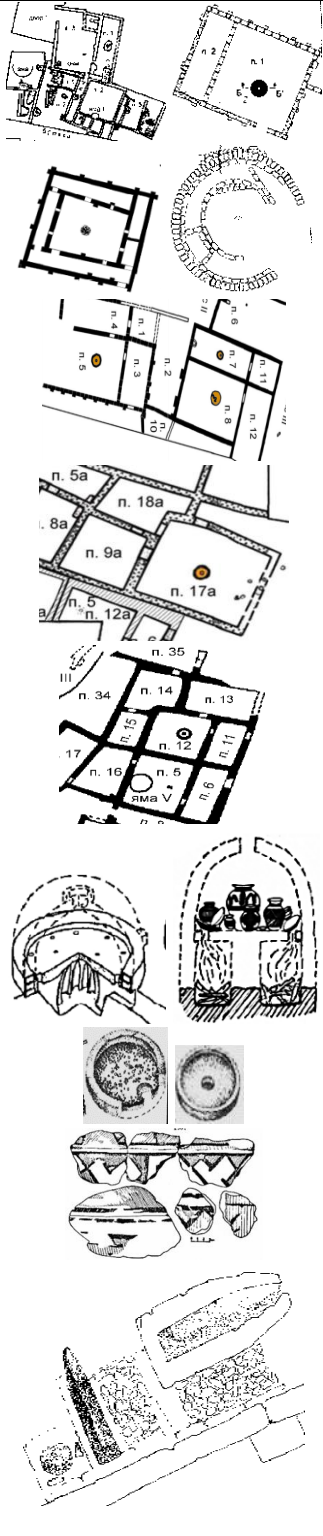
ние, переселившись на территорию Согда, ассимилировалось здесь местными племенами и вошло в состав этноса, известного в письменных источниках как согдийцы.

Из всего вышеизложенного, следует, что Саразм обладал признаками развитой цивилизации (укрепленные поселения и храмовые комплексы, прекрасного качества гончарное производство и металлургия, искусство и торговля) Будучи, по сути, периферийным по месту расположения, этот памятник был создан народом, осуществлявшим активные торговые и посреднические связи между регионами обширной территории. По существу, Саразм является той колыбелью, с которой началась и сложилась древнейшая согдийская цивилизация.

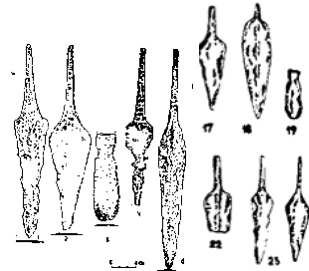
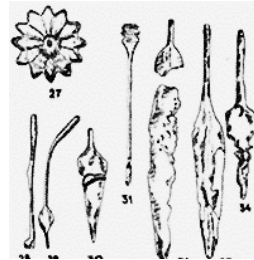
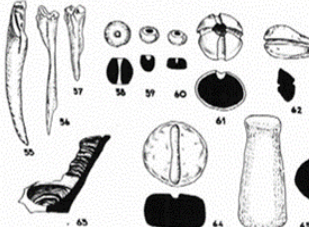
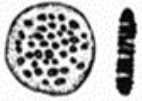
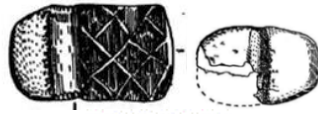
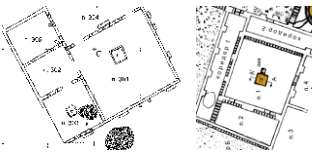
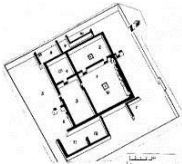
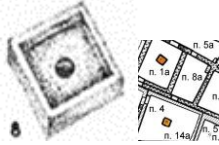
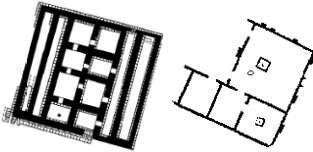
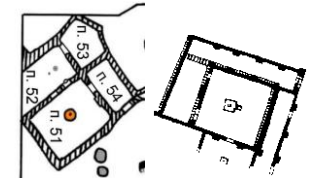
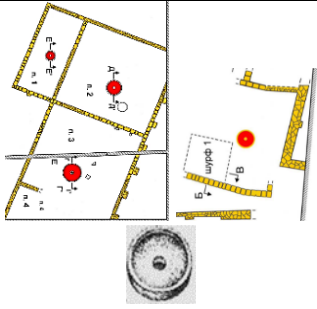
Табл. 1.

гори- зонты	архитектура	находки	керамика
СЗМ I			расписная светлофонная Серая и черная

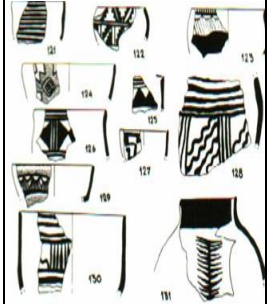

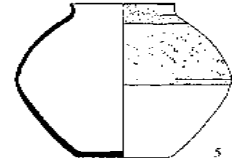
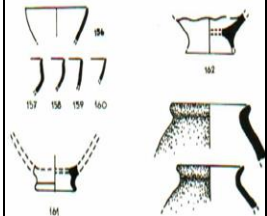
СЗМ
III

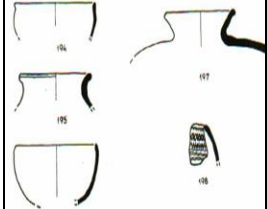
Расписная

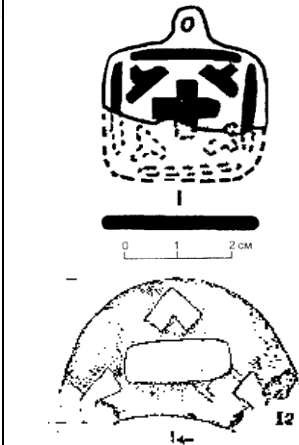
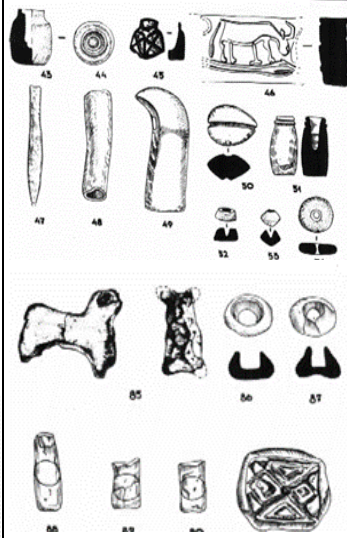
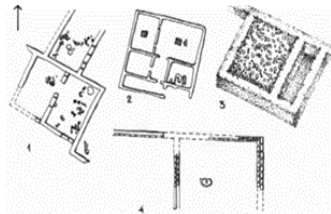
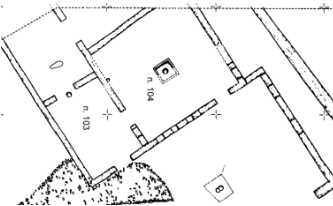
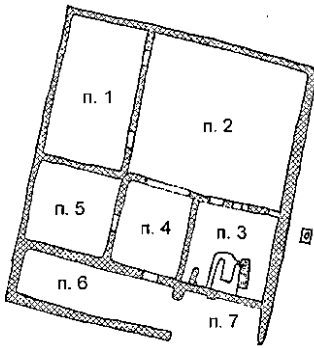
Светлофонная

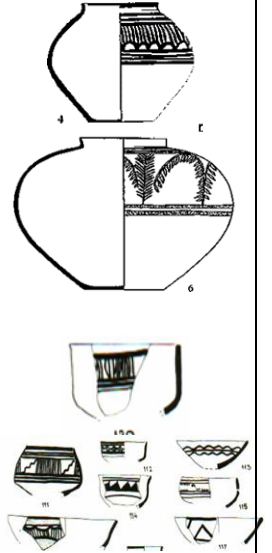
Серая и черная

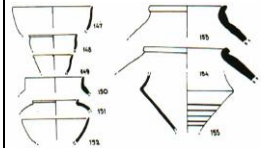
СЗМ
IV

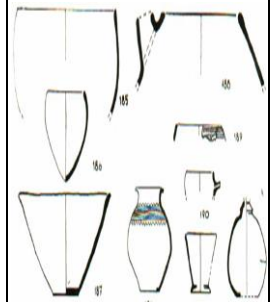
Расписная

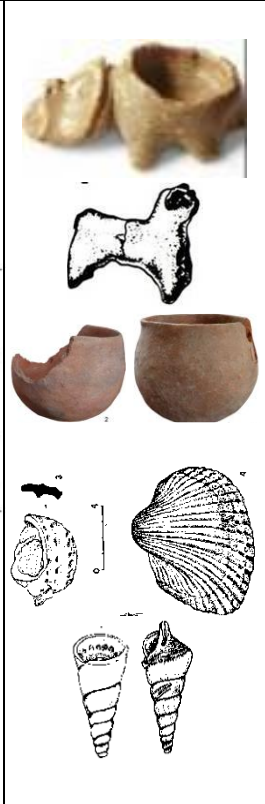
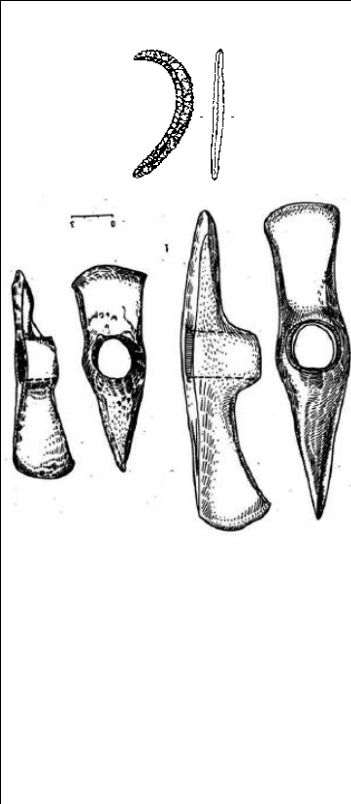
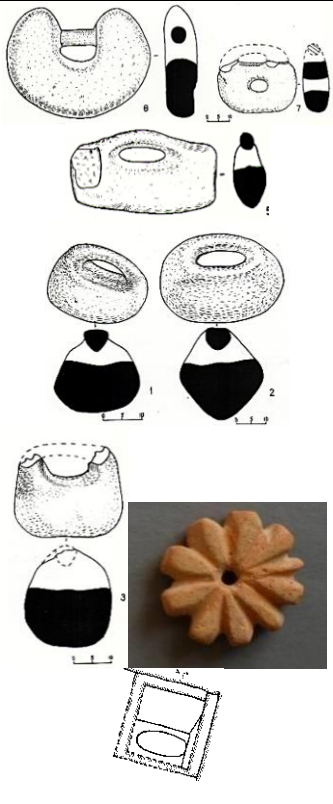
Светлофонная

Серая и черная

СЗМ V
(подъёмный материал с дневной поверхности)

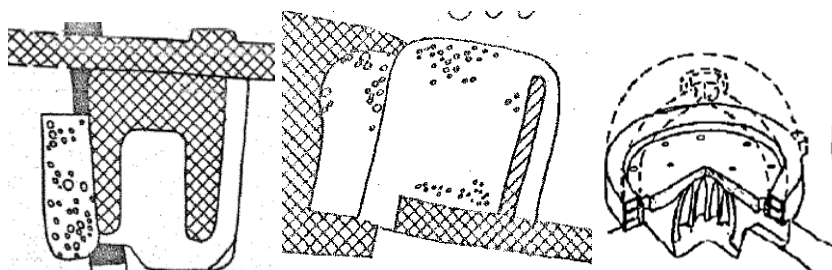

*Табл. 2. Каменные орудия Саразма. Типы каменных индустрий
(фото Ф. Брюне)*

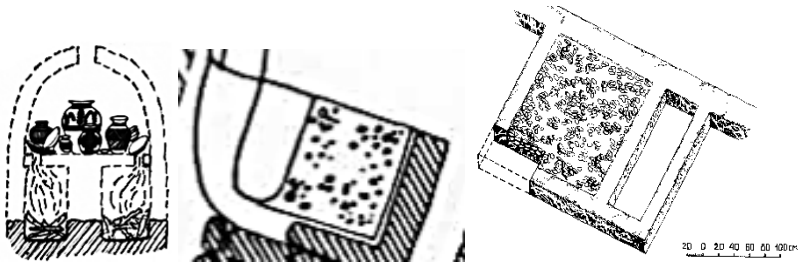

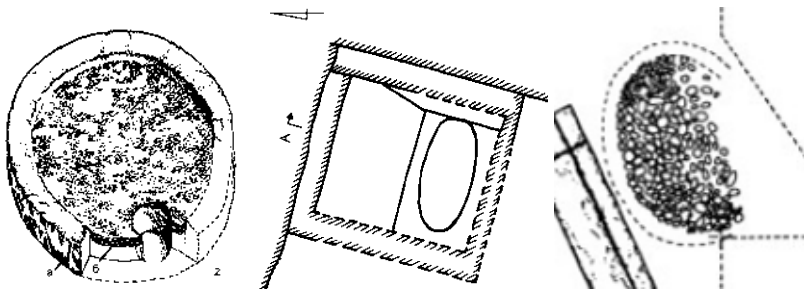
Табл.3. Типы гончарных печей.

Илл.1. Раскоп IV СЗМ Б Раскоп IX, СЗМ 2 Раскоп VI, СЗМ 2

Илл. 1 Раскоп VI СЗМ 3 Раскоп II, горизонт 3 Раскоп IV, горизонт 4

Илл. 1 Раскоп III, горизонт 4 Раскоп VII, горизонт IV.1-2

Илл. 2. Кости быка-тура (фото Г.Р. Каримовой)

Илл. 3. Захоронение жрицы (фото Г.Р. Каримовой, А.Р. Раззокова)

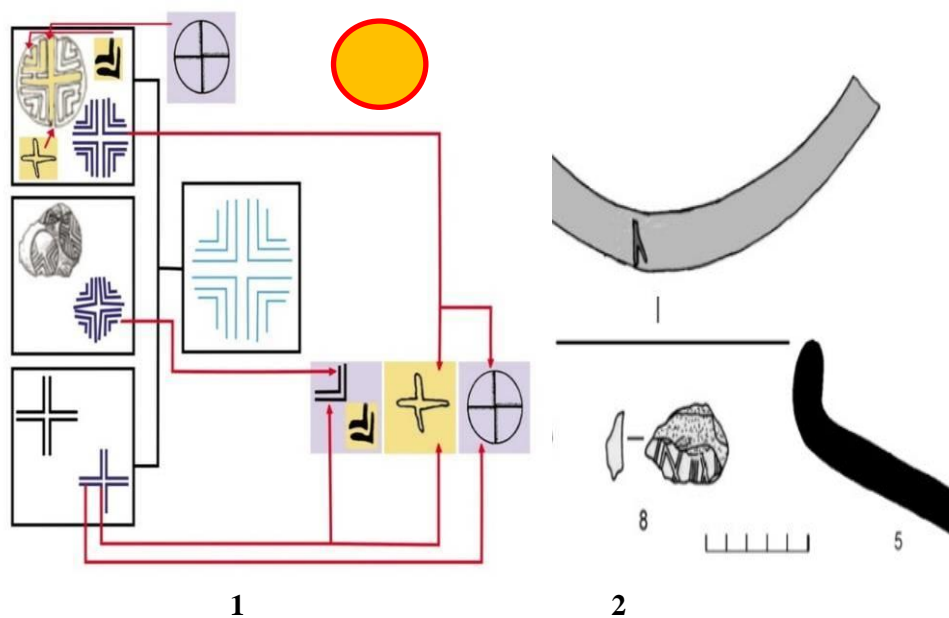

Илл. 4. Расписная керамика (фото Г.Р. Каримовой, А.Р. Раззокова)

Илл.5. Каменная ограда некрополя (фото Г.Р. Каримовой)

Илл. 6. Знаки протописьменности

1 – Схема разложения знаков на печати на пиктограммы

2 – Раскоп IX, горизонт 1 – процарапанные знаки на керамике Саразма

Илл. 7. Антропо-зооморфный сосуд Саразма

4. Памятники бронзового века древнего Согда

Согдиана, по определению известного востоковеда Ричарда Фрая, – это «сердце Центральной Азии». Начиная с походов Александра Македонского, наряду с Бактрией и Хорезмом, она прочно вошла в ряд известных историко-культурных регионов формирования самобытной центрально-азиатской цивилизации. Многочисленные, хотя и разрозненные, сведения в греческих, римских, таджикско-персидских и китайских источниках о Согде и согдийцах отражают важную и зачастую ключевую роль этой области в процессах этногенеза и культурогенеза всего региона.

Что же касается археологического изучения древней истории Согдианы, то, как это ни парадоксально, оно оставляет желать лучшего. Её культура, особенности развития исследованы очень слабо, по сравнению с соседними древними оазисами, такими, как Бактрия, Маргиана и Хорезм, хотя многочисленные первобытные стоянки и поселения, а также блестящие достижения средневековой культуры в долинах Зарафшана и Кашкадарьи косвенно свидетельствуют о мощном культурном потенциале древней Согдианы.

В значительной степени это было обусловлено и тем, что основные города древнего Согда – Самарканд и Бухара, продолжали интенсивно обживаться и в средневековье, что приводило к систематическому уничтожению более древних сооружений и культурных ценностей более раннего времени. Однако в процессе исследований археологических памятников древности на территории Таджикистана и Узбекистана в конце XX – начале XXI вв. становится очевидным, что такое положение соответствовало не реальным историческим особенностям, а отражало недостаточность изучения начальных этапов становления древних земледельческих и скотоводческих культур в регионе. Создалось парадоксальное впечатление, что Анатолия, Иран, Туркмения, Индийский субконтинент входили в орбиту становления и развития ранних земледельческих культур, а территория бассейнов Амударьи, Зарафшана, Сырдарьи и западных склонов Тянь-Шаня оставались вне зоны этих исторических процессов. Поэтому, несмотря на широкие разведочные и раскопочные работы, проведенные в советское время на памятниках Согдианы, многие вопросы историко-культурного развития этой важнейшей в Центральной Азии области остались неосвещенными или дискуссионными. Накопленный объем историко-археологической информации по этой теме и необходимость воссоздания общей картины культурогенеза Центральной Азии требуют специального исследования материальной культуры древнего Согда.

Из дошедших до нашего времени письменных источников о территориях арийских народов, древнейшим считается Авеста, особенно один из ее разделов – «Видевдад». Первая глава «Видевдада» привлекала внимание многих ученых, как важный историко-географический источник об арио-иранских территориях. Среди 16 наименований земель и стран второй названа «Гава Сугда шайанам» – Согд (в пехлевийском переводе – «Сугдиг-монишн», т.е. «Согдийское жилище (селение)»). Эти сведения содержатся в «Яштах», одной из ранних частей «Авесты». Трактовка термина «Гава Сугда» как «Согдийское селение», является спорным, поскольку понятие «гав» на авестийском и согдийском языках дословно означает «бык»¹. Вплоть до XIX–XX вв. в долинах Кашкадарьи и Зарафшана слово «гав» в значении «сила», «мощь» «бесстрашие» использовалось примени-

---

¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). - Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – С. 519; Юсуфшохи Ёкубшох. Давлати Каёниён. [Государство Каянидов]. – Душанбе: Эр-граф, 2012. – 544 с. - С. 384.

тельно к имени народных борцов, *богатырей-пахлаванов*. В народной лексике слово «*гавдакалон*» используется в отношении людей крупнокостных или исполинов. Не исключено, что первоначально понятие «Гава Сугда» имело именно значение «мощная», «сильная», или «могущественная» область, т.е. отражало значение могучий или сильный Согд¹.

Многих исследователей занимал вопрос, почему именно Согд оказался в авестийском списке на первом месте после Арьяна-Вайджи. Одни исследователи объясняют этот факт тем, что берега реки Дарджи-Даргома считались родиной пророка Зороастра и откуда начались его странствия².

В литературе имеется и другое мнение относительно того, почему, при перечислении в «Авесте» сотворенных Ахура-Маздой и испорченных духом зла Ангра-Манью стран, в священной книге зороастрийцев Согд называется вторым. Исследователи считают, что это перечисление соответствует карте движения иранских племен с севера на юг, из приуральских степей к Иранскому нагорью через Среднюю Азию. «Авеста» сообщает о Согде следующее: «Второй из добрых местностей и стран, которые я, Ахура-Мазда, создал, была Гава (буквально – «страна богатая скотом» или «обжитая область»), населённая сугдами. Собственно из описания странствий пророка в списке имен, применительно к Согду говорится, что «Гав - страна, где обитают согдийцы» (§ 4), названная после Арьяна-Вайджи.

«Гава сугдов» упоминается ещё раз в «Михр-яште», гимне древнеарийскому богу Митре. Здесь она названа рядом с Хорезмом и другими северо-восточными землями как одна из стран, в которую текут великие реки. В данном случае это указание на Амударью, среднее течение которой в древности принадлежало Согду, а устье – Хорезму.

Именно в Согде зародился известный ныне на всем Среднем и Ближнем Востоке цикл сказаний о богатыре Ротастахме, сражающемся с демонами и кочевниками. Мы не знаем, имеют ли эти сказания какую-то историческую основу. Имя героя, которое позже стало звучать как «Рустам», собственно, и значило поначалу «богатырь – исполин». К рубежу нашей эры эпос о нём уже был широко известен.

В десятом яште, посвященном Митре, имеются и географические данные о древней Согдиане, где «высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте [народу], где простираются глубокие озера с

---

¹ Юсуфшохи Ёкубшох. Давлати Каёниён. – 2012. – С. 382.

² Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени (Опыт исторической реконструкции) // Вестник древней истории. – 1996. - № 3. – С. 3-23.

вздымающимся волнами, где несутся, вскипая, глубокие широкие реки Согдийской Гавы»¹.

На основании многочисленных лингвистических, историко-археологических и географических фактов исследователи определяют территорию проживания ариев и распространения арийских языков с середины I тыс. до н.э. следующим образом: южные степи России, побережье Черного моря, Приазовье до севера Кавказа – скифы и сарматы, Средняя Азия, прибрежные регионы Сырдарьи, восточная часть – до восточного Туркестана – сакские народы, долины и оазисы в бассейне Зарафшана, Кашкадарьи и прилегающие регионы – согдийцы, низовья Амударьи – хоразмийцы, верховья и средние части побережья справа и слева по течению Амударьи – бактрийцы, часть Хорасана до юга Туркменистана – парфяне, северо-запад Ирана – мидийцы, юго-запад Ирана – персы².

Согдиана – одна из крупнейших областей древней Средней Азии. Спор о ее границах, особенно южных, продолжается до настоящего времени. Согдом называлась страна, расположенная в бассейне реки Зарафшан. Античные авторы пишут о том, что Согд граничил с Бактрией по Амударье, однако в Согд иногда включали всю территорию, расположенную между средним течением Сырдарьи и Амударьи³. В VII в. Согд был конфедеративным государством. Он состоял из четырех частей: Северного Согда (на левобережье Сырдарьи до Ферганы), Самаркандского Согда (в среднем и верхнем течении р. Зарафшан), Бухарского Согда (в низовьях р. Зарафшан) и Южного Согда (в бассейне Кашкадарьи). Средневековые арабоязычные авторы Согдом обычно считали долину р. Зарафшана в ее среднем течении. Однако некоторые источники относят к Согду всю долину Зарафшана с Бухарой и Самаркандом, а также и долину Кашкадарьи с городами Кеш и Несеф⁴.

После арабского завоевания, Согдом стала называться лишь восточная часть долины Зарафшана, примерно от города Дабусии⁵. В Туркестане это

---

¹ Лившиц В.А. Общество Авесты // История таджикского народа. Т. I: с древнейших времен до V в. н.э. - М., 1963. – С. 148.

² Фаршид Х. Эхо Хорасана сквозь века и тысячелетия. – М., 2005. - 142с.; Баринаева Е.Б. Археологические исследования влияния материальной культуры Китая в Парфии, Бактрии, Маргиане, Согдиане и Уструшане в домонгольский период // Л.Н. Гумилев и современное евразийство. – сборник статей, посвященных 100-летию ученого / под ред. А.Г. Коваленко, В. А. Цвыка. – М.: РУДН, 2013. – С. 171-189.

³ Страбон. География, перевод Мищенко. - М., 1879, книга 11, глава 8.

⁴ Бартольд В.В. Согд // Соч. – Т. III. – М., 1965. – С. 487–488.

⁵ Tomaschek W. Centralasiatische Studien I. Sogdiana.–Wien. 1877. – С.62-63

название носили лишь два тумана, расположенные к северо-западу от города Самарканда, по среднему течению Зарафшана¹. Иными словами, в самый ранний период сложения пограничных пространств, т.е. до авестийского периода согдийская конфедерация племен, а позднее первое государство Согд располагалось в междуречье Сырдарьи и Амударьи с протекающей вдоль них рекой Зарафшан.

Согласно современным представлениям, Согд охватывал долины этих рек, западная граница проходила по пескам, ограничивающим Бухарский оазис, восточная – по предгорьям. Согд делился на три района: Самаркандский, Бухарский и Кашкадарьинский. Население всех этих трех районов было этнически однородным и чрезвычайно близким по уровню и характеру культуры. Два района Согда (Самаркандский и Бухарский) располагались в долине р. Зарафшан. Границей между Самаркандским и Бухарским Согдом является Хазаринская теснина. После ее пересечения Зарафшан течет к юго-западу и образует конусообразный Бухарский оазис. Долина Кашкадарьи расположена между двумя западными отрогами Памиро-Алайской горной системы – Зарафшанским и Гиссарским хребтами. В верхней ее части, охваченной с востока горами, находится обширный Шахриябзский оазис, а в нижней, вне горного обрамления, среди степной равнины, сливающейся на западе с пустыней Кызылкумы, – Каршинский оазис. Между этими двумя крупными массивами орошаемых земель раскинулись степные пространства, в которые вкраплены небольшие участки освоенных еще в древности земель.

Древняя река Зарафшан (тадж. – «золотоносная»), неоднократно упоминаемая и описываемая в античных и персидских источниках как *Намик*, *Политимет*, не получила отождествления ни с одной авестийской рекой. Исследователи как бы упускают из поля зрения существование этой реки. Подробно рассматривая и обсуждая локализацию и происхождение искусственного канала Даргом², совершенно не рассматривают су-

---

¹ Вяткин В.Л., Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайята. - Самарканд, выпуск 7, 1902. – С.57.

² Пьянков И.В. Зороастр в истории и времени // ВДИ – 1996. – № 3. – С. 10-11; Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. – С.62-63; Эшонкулов У. История земледельческой культуры Горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе, 2007. – С.30-31; Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дис... канд. ист. наук. – СПб, 2004. – С.126-127. Ходжаева Н. Д. Авестийские реки в «Бундахишне» // Вестник Таджикского национального университета, 2013. – 3/5(118). – С. 16-29.

ществование реки Зарафшан протяженностью в 877 км. Примечательно, что длина канала составляет около 100 км, а сам канал отходит от реки Зарафшан у кишлака Раватходжа близ границы Узбекистана с Таджикистаном. Оканчивается, впадая в рукав Зарафшана (р. Карадарья) в районе населенного пункта Кумарык (Узбекистан).

Река Зарафшан у греков была известна под названием Политимет¹, что означало «драгоценная», «досточтимая», «заслуживающая почета»², причем, римский автор Квинт Курций Руф дает точное описание некоторых участков течения реки в Фанских горах, в частности, Ягнобского завала: «Он сначала течет в узком русле, потом попадает в пещеру и исчезает под землей. Но журчание воды обнаруживает его подземное течение, и почва, под которой он проходит, всегда очень влажная»³. Китайские хроники называют его Na-mi, и это дало повод В. Томашеку высказать предположение, что прежнее наименование реки было Намик, происходящее от древнеарийского корня «нам» – почитать, поклоняться⁴.

Некоторыми исследователями очень осторожно приводятся авестийские названия реки Зишманд – Zīšmand-rōd, которая течет к реке Хвеганд – Khvegand в сторону Согда – Soghd. Существует версия, что это и есть река Зарафшан. Река Хвеганд течет через центр Самарканда и Парганы (Фергана), ее также называют (рекой) Ашард (Vd. XX. 7, 20). Скорее всего, это река Хуганд, один из притоков Сырдарьи, считает Н.Д. Ходжаева⁵. Показательно, что эпитет «золотоносная» в Авесте определяет одну реку, расположенную в местности, отнесенную к истокам озера Хамун. Основываясь на данных Менок-е-храта и Бундахишна, Гейгер, к мнению которого склоняется К. В. Тревер, полагал, что «новый Иран» соответствует горным областям верховьев Зарафшана (при этом сама река отождествлялась с рекой *Дайтик*, названной в Бундахишне)⁶, то есть региону, непосредственно примыкающему к реке Фан-Дарье (Фан-Ягнобу) и носящему название Фанских гор⁷.

---

¹ Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского. VII, 10, 1-13 // Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). – С. 69; Юль Генри. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи. – СПб., 1873. – С. 15.

² Миддендорф А. Ф. Очерк Ферганской долины. – СПб., 1882. – С. 370-372.

³ Квинт Курций Руф. О деяниях Александра Македонского. VII, 10, 1-13 // Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. – III в. н.э.). – С. 15.

⁴ Массон М. Е. Из истории горной промышленности Таджикистана. Былая разработка полезных ископаемых // Труды ТПЭ. – Л. – Вып. XX. – С. 47; Tomashek W. (88), 19-20.

⁵ Ходжаева. Авестийские реки ... 2013. – С. 21.

⁶ Тревер К. В. Гопатшах – пастух-царь // Тр. Отд. Вост. Эрм. – Л., 1940. – Т. 2 – С. 78-79.

⁷ Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана. – Ташкент-Самарканд,

Больше никаких определений и описаний, касающихся местности, орографии или гидрографии Согда в древности на сегодняшний день не рассматривается.

Однако это не единственная тема, преданная забвению на данной территории. Уникальное открытие древнеземледельческого городского памятника эпохи энеолита – бронзового века Саразма, расположенного на левом берегу этой же легендарной р. Зарафшан, также игнорируется научным сообществом. Саразмская энеолитическая культура не принимается во внимание ни с позиций достижений человеческого развития, ни с позиции существования ещё одного центра культуры или цивилизации в Центральной Азии, а эта культура, возможно, представляет самую раннюю форму *согдийской культуры или цивилизации*. При этом в науке широко обсуждаются единовременные памятники Бактрийско-Маргианской культуры (БМАК), цивилизации Окса, Намазгинской историко-культурной общности (НИКО).

С географическим понятием Согдиана античные авторы соотносят Уструшану¹. Действительно, население этой области было согдийским, однако это отдельная область Средней Азии, расположенная между Самаркандом и Худжандом, которая служила связующим звеном между Ферганой, Согдом, Чачем и Бактрией. Исторические источники, освещающие историю Уструшаны в древности, очень немногочисленны. Почти все свидетельства античных авторов связываются с именем Александра Македонского и его военными походами в данном районе. Китайские письменные источники по истории Уструшаны освещают только ранне-средневековый период. Уструшана занимала обширную территорию к северу от Туркестанского хребта: от Джизака до Худжанда и горные районы к югу от Туркестанского хребта, между ним и Гиссарским хребтом². Уструшана играла важную роль в международном обмене. Через нее, в частности, проходил один из отрезков Великого шелкового пути. Доказательством тому являются находки на территории Уструшаны иноземных монет и других предметов.

Для рассмотрения истоков согдийской культуры нами привлечены археологические материалы, имеющие отношение, в первую очередь, к

1919. – С.20; Смирнов Ю. М. Священный огонь Митры и Фан-Ягнобский угольный Пожар // Между мифом и реальностью: избранные статьи. – Владимир, 2014. – С. 265-309.

¹ Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (сер. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.): автореф. дисс. докт. ист. наук. – М., 1968. – С. 15.

² Смирнова О.И. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // МИА, 1953, №37. – С. 189.

культурогенетическим аспектам возможных этногенетических заключений. Таких блоков тематических вопросов-направлений намечается три. Первый – это культурологическая и историческая значимость археологических открытий в древнесогдийском регионе. Второй блок связан со свидетельствами распространения комплексов степного типа в Средней Азии, теперь довольно многочисленных, выявленных на памятниках бронзового века согдийской цивилизаций. И, наконец, третий блок – это компоненты пришлых традиций, наблюдаемые в археологических комплексах Согда.

Согд – Согдиана на протяжении многих веков являлась одной из важнейших областей древней Средней Азии. Это была удивительная страна – яркая, самобытная, цветущая. В ее состав входили плодородные долины рек Зарафшана и Кашкадарьи. Прекрасные природно-климатические условия долины Зарафшана и Кашкадарьи способствовали заселению этой местности уже с эпохи палеолита¹.

Для рассмотрения проблем истории заселения и развития материальной культуры каменного века долина Зарафшана имеет весьма перспективное значение. Зарафшан (третья по величине река Средней Азии), берет начало в горах Тянь-Шаня (площадь бассейна 41880 км², протяженность 781 км). Длина реки – 877 км, но только 316 км ее верхнего и среднего течения находятся на территории Таджикистана, остальная часть – в соседнем Узбекистане. Зарафшан, в свою очередь, принимает три притока в Таджикистане: Фандарью, Кштутдарью и Магиандарью. По ряду существенных признаков долина Зарафшана четко делится на три части: Верхний Зарафшан; Средний Зарафшан (Зарафшанская (или Самаркандская) впадина); Нижний Зарафшан (континентальная дельта с многочисленными староречьями). Зарафшанская впадина вытянута в субмеридиональном направлении между отрогами Туркестанского и Зарафшанского хребтов, южная часть её ограничена западной оконечностью Зарафшанского хребта (горы Чакылкалян, Каратюбе и Зиадин-Зирабулак).

---

¹ Исламов У. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. – 1963. – Ташкент. – вып.4. – С. 31-45; Лев Д. Н. Самаркандская палеолитическая стоянка. Предварительная сообщение // ИМКУ. Вып. 6. – Ташкент, 1965; Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. – Ташкент: Фан 1980. – 147с.; Джуракулов М. Д., Холматов Н. У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1991.

В низовьях и средней части Зарафшана открыт ряд развешенных мезолитических стоянок сазаганской культуры – Чорбакты, Аякагитма, Дарясай, Эчкиликсай и др.¹

Все стоянки сазаганской культуры расположены в полосе высот 900-1000 м. Эти высоты соответствуют нижней границе распространения памятников гиссарской культуры в Южном Таджикистане. В свое время В.А. Ранов отметил, что «к северной окраине распространения или влияния гиссарской культуры можно отнести поселения Сазаган 2, Джангал 1, расположенные на Среднем Зарафшане. С гиссарскими памятниками их сближают некоторые приёмы в индустрии, выразившиеся в наличии элементов галечной техники, а также каменные выкладки, имеющие, как в Туткауле, угольно-зольные пятна»². В начале исследования памятников Сазаганской культуры (Узбекистан) были выявлены стоянки Сазаган 1, 2 и Джангал. Сегодня изучены новые стоянки – Агалык, Замичатош, Тепакул 3, Тепакул 4, расположенные в разных долинах северных предгорий горного массива Каратюбе³. Кроме того, обнаружено еще свыше 20-ти стоянок открытого типа, изучение которых еще не начато, более 10-ти стоянок пещерного типа, в некоторых из которых обнаружены следы культур первобытного времени (Лолаб, Каракамар, Очилгор и др.)

На этих стоянках были обнаружены новые археологические материалы, поставившие перед исследователями актуальные проблемы, касающиеся мезолита и неолита Зарафшанской долины, культурных связей, культурогенеза, зарождения здесь производящего хозяйства. Исследования показали, что сазаганцы жили не изолированно, а имели культурные контакты с неолитическими племенами соседних территорий (Кельтеминар, Гиссар, Центральноферганская культура).

Материалы из Сазагана дают возможность говорить о культурных контактах населения гор и равнин. В Нижнем Зарафшане также открыта культура Кельтеминарских общин.

---

¹ Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М.: Наука, 1981; Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – С. 59.

² Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века). - М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. – С.19

³ Худойбердиев Р.А. Гречкина Т.Ю. Замичатош – Новый памятник каменного века // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Тезис докладов конференции, Самарканд, 1992. С. 122-125

Проведенные типологические сравнения коллекций находок из Сазагана и Нижнего Зарафшана (Джамбас 4), подтвердили факт взаимопроникновения ряда изделий из камня этих культур. В частности, это небольшая группа изделий из ножевидных пластин с крутой укрепляющей ретушью с брюшка по обеим сторонам (реже – по одной). Эти орудия присущи только кельтеминарским коллекциям низовьев Зарафшана и ряда других районов Кызылкумов¹.

Установлено, что с V тыс. до н.э. Средняя Азия делится на две историко-культурные области: южную – область древнейших земледельческих культур, и северную, степную – область неолитических охотников и рыболовов, а позднее скотоводов и земледельцев бронзового века.

Однако до открытия Заманбабинского поселения (Узбекистан) не только территория древнего Согда, а весь регион между Южной Туркменией и Ферганской долиной считался территорией, не имеющей памятников оседлоземледельческой культуры².

Развитие культур в низовьях Амударьи, бассейнах Зарафшана и Кашкадарьи оставалось на уровне кельтеминарской и сазаганской культур низовьев долины Зарафшана и Гиссарской культуры предгорий Южного Таджикистана до момента открытия Саразма в Пенджикентском районе Таджикистана.

В период существования комплексов Анау-1б и даже, скорее всего, с его последнего этапа, в верхнем течении реки Зарафшана происходят существенные изменения. Удобное географическое положение долины Зарафшана создавало предпосылки для развития земледелия и животноводства. Наличие здесь полезных ископаемых привлекло внимание этнической группы и стало основным фундаментом в зарождении в верховье долины Зарафшан древнеземледельческой саразмской культуры³, самого раннего свидетельства существования согдийской цивилизации.

В долине Зарафшана не выявлено комплексов земледельческой культуры эпохи неолита, подобных джейтунской культуре, поэтому исследователи склонны были считать, что первые земледельческие племена пришли в долину Зарафшана с юга Туркмении. Вопрос о прямом участии населения анауской культуры Туркмении в формировании Саразма рассматривался в многочислен-

---

¹ Холматов Н.У. Неолит Каратюбе Среднего Зарафшана Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. - Самарканд-Ташкент, 2010. - С. 90-98.

² Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966. – 266 с.

³ Исаков А.И. Саразм: К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины, раскопки 1977-1983г. – Душанбе, 1991.

ных отечественных и зарубежных исследованиях¹, но оставался спорным.

Помимо этого, установлено, что в освоении долины Зарафшана, наряду с местными племенами, важную роль играли племена западной группы культуры Анау 1а, которые также производили краснофоновую керамику². Важную роль также сыграли как местные племена, так и племена горных районов Гиссара, Ферганской долины и особенно степные племена, в частности, из поселения Тугайное³ (Узбекистан). В кишлаке Саразм во дворе одного из жителей, на площади в 100 м² была обнаружена керамика Хараппской культуры Инда, аналогичная найденным на поселении Шортугай (Афганистан), которая, хотя и указывает на контакты, но также отражает определенный вклад в сложение Саразмской культуры.

Примечательно, что, несмотря на небольшие еще серии найденных черепов памятников раннего периода, исследователи с определенной долей уверенности заключили, что все три главные историко-культурные общности Средней Азии – джейтунская, кельтеминарская и гиссарская различались между собой по расовым признакам и имели неодинаковую антропологическую основу, что вместе с гипотетическим различием их языка позволяет предполагать и этнические различия этих культур⁴.

---

¹ Исаков А.И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху) // Автореф. дис... д.и.н. - Л., 1991в.; Бобомуллоев С.Г. Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. - Душанбе, 1998. - 210 с.; Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). - Душанбе: Деваштич, 2007. - 849 с.; Раззоков А. Р. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). - Душанбе: Эчод, 2008. - 136 с.; Алёшкин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата: «Наука» Казахской ССР, 1989. - С. 150–157; Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. - 384 с.; Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зеравшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. - № 2. - С. 193–208; Besenval R., Isakov A.I. Sarazm et les débuts du peuplement agricole dans la région de Samarkand // Arts asiatiques Année 1989 Volume 44 Numéro 1 pp. 5-20.

² Кирчо Л. Б. Технология производства и типология изделий из глины на Алыт-депе в эпоху энеолита // Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алыт-депе как основа становления раннегородской цивилизации. - СПб.: Европейский дом, 2008. - С. 72–134 (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).

³ Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. - Санкт-Петербург, 1995.

⁴ Harmatta J. The emergence of the Indo-Iranians: the Indo-Iranian languages. – History of

Изучение палеоантропологических и краниологических материалов с привлечением всех ранее опубликованных исследований позволяют выделить следующие основные этапы становления антропологического облика населения Средней Азии и связанные с ним этногенетические процессы в этом регионе.

В эпоху неолита в Средней Азии были представлены два антропологических комплекса: протоевропейский и средиземноморский. Протоевропейский комплекс выявлен у населения северных областей, в частности у племен кельтеминарской культуры, распространенной на западе Хорезмского оазиса в районе Присарыкамышья (Тумек-Кичиджик)¹. Черты средиземноморского комплекса преобладают у населения джейтунской культуры прикопетдагской полосы Южного Туркменистана (Каушут, Овадандепе, Чопандепе)² и гиссарской неолитической культуры Южного Таджикистана (Туткаул)³. Население среднего течения Зарафшана, судя по материалам из Сазаганской стоянки, Замечаташа под Самаркандом, по своему антропологическому составу принадлежало к средиземноморским формам, генетически близким к неолитическому населению юга Средней Азии⁴.

Долгое время основным источником, по которому судили об антропологическом облике населения эпохи энеолита Средней Азии, были материалы, полученные из поселений Карадепе и Геоксюр в Южном Туркменистане. В последние десятилетия в долине Зарафшана было обнаружено и всесторонне изучено энеолитическое поселение Саразм, расположенное между городами Пенджикент и Самарканд. Население Саразма оказалось

Civilization of Central Asia. Paris, 1992, с. 371; Масов Р. М., Ранов В. А. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа. – Наследие предков. - Душанбе, 2003. - № 6.

¹ Трофимова Т.А. Неолитические черепа из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. - М., 1982. - С. 14; Яблонский Л. Древнейшее население Южного Приаралья // Древнейшее население низовий Амударьи. Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. -Т. XV. - М., 1986. - С. 118.

² Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М.: Наука, 1972. - 371 с. (С. 32-40).

³ Кияткина Т.П. Палеоантропология Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). - Душанбе: Дониш, 1982; Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. - Душанбе: Дониш, 1987. - 123 с; Кияткина Т.П., Ранов В.А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула) // Вопр. антропологии. 1971. - Вып. 37. - С. 112-113.

⁴ Ходжайов Т.К. Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии и этнографии. - Самарканд, 1984. - С. 67-70.

наиболее близким к энеолитическому населению Южного Туркменистана¹. Это позволило Т.К. Ходжайову сделать заключение, что близость материальной культуры и антропологического типа обоих энеолитических центров указывает на единые процессы культуро- и расогенеза, которые в долине Зарафшана целиком находились под влиянием юга и связаны с переселением сюда части племен из Южного Туркменистана².

В эпоху бронзы на территории Средней Азии также преобладали два комплекса европеоидной расы: протоевропейский (андроновский) и средиземноморский. Представители первого комплекса занимали обширную область, включавшую Казахстан и северную степную полосу Средней Азии, и являлись носителями андроновской, тазабагьябской и срубной культур. Представители второго населяли преимущественно южные и центральные земледельческие оазисы (намазгинская, сапаллинская и заманбабинская культуры). В средиземноморском комплексе, в свою очередь, выделяются несколько вариантов, условно названных средиземноморскими типами I, II, III. Представители I типа довольно матуризованные, длинноголовые, узко- и высоколицые; II типа – так же длинноголовые, однако от предыдущих отличаются значительной грацильностью, невысоким узким лицом и низким сводом черепа; III типа длинноголовые, матуризованные, с исключительно высоким и широким лицом³.

Средиземноморский I тип представлен у энеолитического населения Южного Туркменистана (Карадепе, Геоксюр), Северного Таджикистана (Саразм) и Центрального Ирана (Сиалк).

Средиземноморский II тип присущ населению намазгинской, сапаллинской, заманбабинской и чустской культур Средней Азии и тюринго-гиссарской культуры Северо-Восточного Ирана (Тепе-Гиссар II, III).

Чертами средиземноморского III типа характеризуется население бишкентской скотоводческой культуры Южного Таджикистана, а в виде примеси он присутствует у земледельческого населения сапаллинской и намазгинской культур Средней Азии.

Демаркационная линия между протоевропейским и средиземноморскими комплексами обозначена по низовьям Амударьи, среднему и ниж-

---

¹ Ходжайов Т.К., Ходжайова Т.К. Антропология и этническая история узбекского народа. - Ташкент, 1995. - С. 25.

² Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис... д-ра ист. наук. - М., 1981.

³ Там же.

нему течению Зарафшана и верховьям Сырдарьи. Исследователями отмечен примечательный факт – в долине Зарафшана, в зоне соприкосновения двух антропологических комплексов, население по своей материальной культуре полностью тяготело к скотоводческим племенам андроновской культуры, тогда как по антропологическим особенностям – к южным европеоидным популяциям (могильники Дашти Кози, Чака, Заманбаба)¹.

Многочисленными археологическими исследованиями доказано, что в эпоху бронзы представители степной культуры продвинулись в южные земледельческие оазисы. Это продвижение неоднократно подтверждалось и антропологическими исследованиями². В настоящее время накоплен огромный палеоантропологический материал, относящийся к эпохе бронзы. Изучение его показало, что представители протоевропейской (андроновской) расы зафиксированы лишь среди населения среднего течения Зарафшана (Дашти Кози), и то в небольшом числе. Что касается земледельческих оазисов юга Средней Азии, то на этой территории вовсе не было выявлено племен андроновского типа.

Антропологическое исследование населения Зарафшанской долины эпохи неолита и бронзы выявило различные и разнонаправленные генетические связи. Сложение саразмской культуры, по всей видимости связано с продвижением неолитических племен из прикопетдагской полосы Южного Туркменистана на север. Антропологический облик племен сазаганской и заманбабинской культур Зарафшана близок с южными земледельческими племенами Древней Бактрии и Маргианы. Что касается населения верховьев Зарафшана, то оно сформировалось в результате смешения местных земледельческих и пришлых групп степных скотоводов (Афанасьевской культуры), которые позднее обосновались в предгорных районах верховьев и степной части низовьев Зарафшана (могильник Дашти Кози в Пенджикентском районе)³.

Таким образом, территория верхнего течения реки Зарафшан с древнейших времен становится местом проникновения различного по своему происхождению населения, как раннеземледельческих племен культуры Анау

---

¹ Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И. Формирование антропологических особенностей населения Согда // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: А.В. Громов, В.И. Хартанович]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – 293, [2] с.: ил.

² Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М, 1972. - С. 32-40.

³ Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зеравшана // Вестник антропологии. - 2004. - Вып. 11.

1а и Геоксюр¹ (Туркменистан), Хараппы (Пакистан) и Шортугая² (Афганистан), Гиссара, Шахдада и Шахри Сухта (Иран), так и принуратинских, петровских, или абашевских племен степной культуры Казахстана³. Исследование этого блока вопросов является первостепенным для культурогенеза и этногенеза не только Таджикистана, но и всей Центральной Азии.

Можно утверждать, что территория древнего Согда, была колыбелью возникновения древнеземледельческой культуры на территории Центральной Азии.

Второй блок вопросов связан с распространением комплексов степного типа в Центральной Азии. На территории Согда этому есть многочисленные свидетельства. Им уделяли особое внимание многие исследователи, особенно Е.Е. Кузьмина⁴ и В.М. Массон⁵.

Памятники эпохи бронзы обнаружены также в трех областях долины Зарафшана. В низовьях Зарафшана исследованы могильник и поселения скотоводческо-земледельческой культуры Заманбаба⁶ (Узбекистан), а также могильник и остатки стоянок тазабагъябской культуры эпохи поздней бронзы⁷.

Целая серия погребальных памятников эпохи поздней бронзы обнаружена в предгорной части долины и верховьях р. Зарафшан (Таджикистан). В Пенджикентском районе, в левобережной зоне р. Зебон – Дашти Хамиртеппа были обнаружены следы поселения эпохи бронзы, где среди подъемного материала представлены орудия, аналогичные каменным

---

¹Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. - СПб: Издательство филологического факультета СПбГУ, 2006. (Серия: Азиатика). – 344 с.; Хлопин И. Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть 1. Памятники раннего энеолита южной Туркмении // САИ. БЗ-8. -М. – Л.: Наука.

² Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия / Пер. с англ. 2-е изд.– М.: Восточная литература. – 2000. – 614 с. Francfort H. – P. The Late Periods of Shor\ugai and the Problem of the Bishkent Culture. South Asian Archaeology. В., 1979.

³ Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. - Санкт-Петербург, 1995.

⁴ Кузьмина Е.Е. Откуда пришли ипдоарии? (Материальная культура племён андроновской общности и происхождение индоиранцев). – М., 1994. – 464 с.

⁵ Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum Plus. – № 2. – 1999. – С. 265-285.

⁶ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. - Ташкент: Фан, 1966. – С.117–186.

⁷ Там же. – С.187–195.

орудиям поселения Саразм¹. В 1975 г. при раскопках могильника Дашти Урдакон, расположенного в 500 м. к юго-востоку от городища древнего Пенджикента, среди раннесредневековых погребений было обнаружено захоронение эпохи бронзы с единственным горшком андроновского типа. В 13 км к востоку от поселения Саразм в 1986 г. А. Р. Раззоковым было исследовано погребение Зардча-Халифа.

В предгорной полосе левобережья Зарафшана в середине 1960-х годов Д. Н. Лев открыл могильник эпохи поздней бронзы Муминабад² (Муминабад), который относится к памятникам тазабагьябского типа середины II тыс. до н.э. Еще одно женское захоронение, полностью аналогичное захоронениям могильника Муминабад, было найдено Ю. Якубовым в верховьях Зарафшана в селе Чорбог³ (Таджикистан). К этому же времени относится могильник Дашти-Козы (Таджикистан), исследованный А. И. Исаковым, Т. М. Потемкиной и С. Бобомуллоевым. Могильник состоял из 27 погребальных сооружений, где были захоронены 39 человек⁴.

Кроме того, на территории Пенджикентского района обнаружены случайные находки предметов эпохи бронзы⁵, среди которых особый интерес представляют бронзовые топоры. Двулезвийный топор найден в селе Ёри, в селении Сохибназар найден топор-тесло, топор из селения Урметан Айнинского района⁶, которые, как и другие подобные топоры Таджикистана, датированы концом III или началом II тыс. до н.э.⁷ В местности Бедак было найдено два бронзовых кельта и втульчатый кельт, из красной меди из по-

---

¹ Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). - Душанбе: Деваштич, 2007. - С.74-76.

² Лев Д. Н. Погребение бронзовой эпохи близ Самарканда // КСИА. - 1966. - Вып. 108. - С. 101-104; Аскарлов А. А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУз. 1969. - Вып. 8. - С. 56-62.

³ Якубов Ю. Работы Зеравшанского отряда в 1975 г. // АРТ. - 1980. - Вып. 15. - С. 167-178. (С. 169-171).

⁴ Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. - 1989. - № 1. - С. 145-166 (с. 145-149); Бобомуллоев С. Г. Земледельческо-скотоводческая культура верховьев Зарафшана во II тыс. до н.э. - Душанбе: Дониш, 1996. - С. 65-114.

⁵ Бобомуллоев С. Г. Земледельческо-скотоводческая культура верховьев Зарафшана во II тыс. до н.э. - Душанбе: Дониш, 1996. с.12, рис. 50, I.

⁶ Курбанов Ш.Ф., Каримова Г.Р. Случайная находка - «ладьевидный» топор из селения Урметан // АРТ. - Душанбе, 2012. - Вып. 35. - С. 176-181.

⁷ Тереножкин А.И. Археологические находки в Таджикистане //КСИИМК. - М., 1948. - Вып. 20. - С. 74-77. рис. 36-37; Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. ООН Тадж. ССР. - Сталинабад: изд. АН Тадж. ССР, 1961. - Вып. 1 (24). - С. 62, рис. 2, 1

сёлка Колхозчиён Пенджикентского района также относящиеся к бронзовому веку¹.

Таким образом, в результате полувековых археологических исследований в бассейне р. Зарафшан были обнаружены и изучены многочисленные памятники эпохи неолита и палеометалла. Благоприятные условия для жизни на этой территории, а также богатые минеральные ресурсы привлекали сюда различные группы древнего населения, что позволяет рассматривать эту территорию как своеобразный поликультурный регион².

Следует особо подчеркнуть, что выявленные комплексы степного облика в пределах не только Таджикистана, но и всего среднеазиатского региона, отражают местное своеобразие, отличающее памятники от привычных комплексов, открытых в нуклеарной зоне евразийских степей.

Наиболее ранним памятником степных культур для Согда Таджикистана является гробница Зардчахаалифа в верховье Зарафшана³. Она была обнаружена в ходе хозяйственных работ. Это была крупная могильная яма, возможно, имевшая частичную каменную обкладку. Рядом со скорченным костяком усопшего располагался скелет барана. В состав погребального инвентаря, располагавшегося в стороне от погребенного, входили 32 предмета, в том числе три сосуда, сделанных на гончарном круге, золотые и бронзовые украшения, включая булавку с навершием в виде фигуры лошади. Последний тип изделий достаточно типичен для ареала высокоразвитых культур юга, но изображение именно лошади является уникальным и указывает на степные связи. Это полностью подтверждается находкой шести костяных псалий, идентичных аналогичным изделиям из комплекса круга Синташты (Россия). Они указывают на сравнительно раннюю датировку могильника в пределах XX–XVIII вв. до н.э. Керамические сосуды, принадлежат к сапаллинской культуре, к ее джаркутанскому этапу⁴ (Узбекистан). Это одно из свидетельств самых ранних контактов со степным миром.

---

¹ Каримова Г.Р. Случайные находки топора – тесла и кельтов в Пенджикентском районе // АРТ. – Душанбе. – 2013. – Вып. 36. – С. 127-142.

² Аванесова Н. А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зеравшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. - СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. - Кн. 2. - С. 272–278., (с. 272).

³ Бобомуллоев С.Г. Погребение Зардча-Халифа // Изв. РТ. Сер. общ. наук. – Душанбе. – 1993. – № 3. – С. 56-63; Бобомуллоев С.Г. 1998. Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. // Душанбе, 1998. 210 с.; Бобомуллоев С. Г. 1999. Раскопки гробницы Зардчахаалифа на Верхнем Зеравшане // Sratum. – СПб. – 1999. – № 2. – С. 307-313.

⁴ Массон В.М. Исторический процесс и ритмы культуригенеза // Северо – Западное Причерноморье: ритмы культуригенеза: Тез. докл. Одесса.1992 - С. 3–5.

В Саразме, находящемся в том же районе, что и Зардчхалифа, найден фрагмент керамики петровского типа с шагающей гребенкой¹.

Н.А. Аванесовой было открыто и частично раскопано поселение Тугай (Узбекистан), расположенное на первой террасе р. Зарафшана, в 18 км к востоку от Самарканда². Здесь, помимо остатков двух углубленных в землю жилищ прямоугольного плана, были отмечены и следы металлургического производства. Суммируя сказанное выше, можно отметить, что керамический комплекс поселения Тугай представляет собой соединение двух различных по генезису культурных элементов. Одна группа аналогична нерасписной гончарной керамике Саразма³, другая – близка (но не идентична) петровским комплексам Северного и Центрального Казахстана, Притоболья, Южного Приуралья и Зауралья⁴. Поселение относится к кругу специализированных производственных комплексов горняков-металлургов, материалы которого содержат синтез нескольких культурных традиций⁵.

На основе этого, Н.А. Аванесова поставила вопрос о выделении особого, Зарафшанского варианта степной бронзы⁶, а позднее и Зарафшанского варианта андроновской историко-культурной общности – ЗВАЙКО⁷. В территориальном отношении это достаточно логично, но в культурном плане несколько поспешно, т.к. сами памятники пока единичны, достаточно разнообразны и отличаются от типичных степняков. Так, несколько погребений Муминабада дают степной обряд, керамику степного круга,

---

¹ Аванесова Н.А. Степи севера и оазисы юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов. Алма-Ата. – 1987. – С.55.

² Avanessova N. A. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'âge du bronze: Relations et influences mutuelles // Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. P. 117–131 (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. 7).

³ Исаков А.И. Саразм. - Душанбе, 1991а, табл.1; рис. 4,5-8 и др.

⁴ Аванесова Н.А. Керамика поселения горняков-металлургов Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд, – 2015. – Вып. 39. – С. 47-62.

⁵ Там же.

⁶ Аванесова Н.А. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. – Баку. – 1985.

⁷ Аванесова Н.А. Зеравшанский вариант андроновской историко-культурной общности // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию Независимости Республики Узбекистан. –Самарканд, 2016. – 208 с. (С. 34-37).

зеркала и украшения, в том числе височные кольца, обтянутые золотой пластиной¹. Для нас важно, что, как и в нашем случае, степная керамика (по А.И. Исакову) обнаружена в слое вместе с гончарной нерасписной светлофоновой и сероглиняной посудой Саразма. В данном случае мы, вслед за Н.А. Аванесовой², можем констатировать, что они выступают и как вещественные свидетельства совместного обитания и обеспечивают возможность синхронизации поселения Тугай (Узбекистан) с заключительным этапом Саразма (Таджикистан).

Население Зарафшана было издревле втянуто в систему обмена, что вкупе с богатыми природными ресурсами способствовало возникновению металлопроизводства уже в IV тыс. до н.э. Последнее развивалось на собственной меднорудной базе³. Материалы погребений Сиаб, Зардча Халифа, Сазаганское староречье, поселения Тугай и отдельные сборы в Кызылкумах позволяют утверждать, что Зарафшанский бассейн входил в зону синташтинско-петровской экспансии, испытывавшей огромную потребность в металле⁴. Картина становится еще более убедительной, если учесть, что носители петровской культуры доходили до крайнего юга Средней Азии вплоть до Амударьи, о чем свидетельствуют материальные остатки раннего этапа сапаллинской культуры⁵. Зарафшанский край, как одна из территорий зарождения древнейшей согдийской цивилизации Центральной Азии (на примере саразмской культуры), играл ключевую роль в истории начальных этапов металлургии и металлообработки.

---

¹ Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // История материальной культуры Узбекистана. - Ташкент: «Фан» Узб. ССР, 1969. - Вып. 8. - С. 57-62; Аскарлов А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА М., 1970. - Вып. 122. - С. 64-66.

² Аванесова Н.А. Степи севера и оазисы юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов. - Алма-Ата. - 1987. - С. 55.

³ Исаков А.И. Саразм. - Душанбе, 1991а.; Исаков А.И. Верховья Зеравшана в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху) // Автореф. дис... д.и.н. - Л., 1991в.

⁴ Аванесова Н.А. У истоков урбанистического Афрасиаба // ИМКУ, вып. 32. - Ташкент, 2001; Аванесова Н. А. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско-Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сб. статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. - СПб., 2010; Бобомуллов С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // *Stratum plus*. № 2. - СПб.; Кишинев; Одесса, 1999.

⁵ Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы международной конференции. - Самарканд-Ташкент, 2010 в., рис. 1:1; 7:4-9; 11:2,5-9.

На Верхнем Зарафшане в районе Пенджикента, полностью раскопан целый могильник Дашты-Кози, где представлена лепная керамика степного круга, относимая исследователями ко времени Тазабагьяба, и украшения степного круга, в том числе золотые серьги с раструбом.

Несколько отличаются от Дашты-Кози и Муминабада погребения и развешенные стоянки степного круга, обнаруженные в низовьях Зарафшана¹. Орнаментированная лепная керамика здесь близка тазабагьябской посуде, и так же, как и в Кокче 3, здесь представлены бронзовые височные подвески, близкие материалам из могильников Поволжья². Возможно, низовья Зарафшана, так же как и низовья соседнего Мургаба, осваивались тазабагьябскими племенами, расселявшимися из районов древней дельты Амударьи, где, перейдя к ирригационному земледелию, они обеспечили заметный рост численности населения.

Если суммировать обзор свидетельств распространения степных культур и их компонентов в Средней Азии, то прежде всего обращает на себя внимание их пришлый характер. Повсюду они не имеют местных истоков, а как бы перекрывают зоны, освоенные неолитическими охотниками и рыболовами – кельтеминарской культурной общности и племенами Центральной Ферганы, образующими специфическую в культурном отношении локальную группировку. Какие-либо генетические связи с предшественниками, чьи территории были заняты носителями культуры степного круга, практически не обнаруживаются. Показательна концентрация памятников степного круга в Южном Таджикистане, где, как справедливо это подчеркивает Л.Т. Пьянкова, природные условия благоприятствовали круглогодичному выпасу скота³.

Особое значение именно горных пастбищ подчеркивает и авестийская традиция. В гимне Михр-Яшт описывается, как Митра, достигнув вершин гор, откуда берут начало и стремятся многочисленные реки к основным оседлым областям от Согда до Маргианы, взирает на «весь арийский край». Показательна и следующая характеристика района местопребывания этого божества, «где на горах высоких, укромных, полных пастбищ пасется скот привольно»⁴.

---

¹ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. - Ташкент: Фан, 1966. - 268 с. (с.187).

² Там же. (табл. XXIII, I).

³ Пьянкова Л. Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. – Душанбе: Гиссарский историко-культурный заповедник. – 1992. – С. 49–66.

⁴ Авеста. Избранные гимны. Пер. с авестийского и комментарии И.М. Стеблин-Каменского. Предисловие В.А. Лившица. - Душанбе: «Адиб», 1990. - 174 с. (с.67).

Формируются оригинальные двухкомпонентные культурные комплексы. Их характеристика и составляет третий блок вопросов, связанных с рассмотрением процесса культуругенеза на этнической основе. Позднее в том же Верхнезарафшанском районе мы видим дальнейшее взаимопроникающее сочетание традиций, дающих новое и достаточно устойчивое культурное явление. Это могильник Дашти-Кози расположенный в 50 км к востоку от Пенджикента, тщательно исследованный Т.М. Потемкиной¹. Погребения совершены по обряду ингумации, но сам обряд весьма отличен от степных традиций. Здесь вскрыто 27 захоронений, совершённых на склоне в погребальных сооружениях, реконструированных как катакомбы с неглубокими входными ямами. Погребения преимущественно одиночные, встречено несколько парных, одно тройное, а в одной из могил одновременно захоронено семь человек (это погребение без инвентаря; возможно, оно носит ритуальный характер или связано с особым случаем смерти этих людей). Имеются случаи захоронения расчлененных костяков, в одном случае погребен лишь череп ребенка. Сопровождающий инвентарь состоит из сосудов, имеющих черты позднеандроновской и тазабагьябской керамики, и бронзовых украшений: браслетов, бус, височных колец, найдены также украшения из пасты. Здесь были распространены подбойно-катакомбные захоронения, типичные для оседлой культуры Сапалли (Узбекистан). Вместе с тем, налицо и культ огня, который совершенно не характерен для культовой практики оседлых культур юга. Во всех могилах есть следы кострищ, а на площади некрополя выявлены большие ямы со следами неоднократного разведения огня. Костер горел до того, как умерших помещали в могилу, так как на скелетах следов воздействия огня нет. Кроме таких кострищ, на территории некрополя выявлены большие ямы со следами многократного разжигания огня, что также являлось составной частью погребального обряда и было связано с похоронами или поминальными действиями. В некоторых случаях обнаружены следы возлияний в огонь каких-то жирных веществ. Это указывает на практику, обычную для евразийских степей.

В погребальном инвентаре Дашти-Кози сочетаются гончарные сосуды южной традиции и лепная керамика, в орнаментации которой исследователи усматривают воздействие позднеалакульских и алексеевских тради-

---

¹ Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. – 1989. – № 1. – С.145-167.

ций. Смешанным оказалось и население, оставившее этот могильник – здесь налицо особи средиземноморского типа, к которому принадлежали все южные племена, и особи андроновского антропологического типа¹. Могильник датируется временем в пределах XIII–XI вв. до н.э.

Таким образом, установлено, что на территории древнего Согда мирно сосуществовали племена пастушеских племен сазаганской культуры, охотников и рыболовов кельтеминарской культуры, раннеземледельческих племен анауской культуры, племен охотников, скотоводов и отчасти земледельцев гиссарской культуры и местных земледельцев, скотоводов, металлургов и ремесленников саразмской культуры. Союз этих пяти племен составил основу будущей согдийской цивилизации.

Но важно также отметить существование особой культуры памятников Кайракумского типа, которые приходятся на самую северную окраину согдийских просторов.

Изучение данной темы неоднократно привлекало внимание археологов. Окладников А.П., Литвинский Б.А., Ранов В.А., Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е.² вложили огромный вклад в изучение проблем эпохи бронзы на территории Таджикистана. Именно в эпоху бронзы производящая экономика степных племен достигает наибольшего расцвета. Одним из очагов среднеазиатской степной бронзы и железа определена особая кайракумская культура, выявленная Б.А. Литвинским на берегу реки Сыр-

---

¹ Бобомуллоев С.Г. 1998. Верховья Зеравшана во II тыс. до н.э. - Душанбе, 1998. - 210 с. Бобомуллоев С. Г. Раскопки гробницы Зардчахалифа на Верхнем Зеравшане // *Sratum*. – СПб. – 1999. – № 2. – С. 307-313.

² Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – С.237; Литвинский Б.А. Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов // *История таджикского народа*. – М., 1963. – Т.1. – С.115-124; Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // *СА*. – 1971. – №2. – С.146; Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // *История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии*. – Новосибирск. – С. 29-31; Виноградова Н.М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // *ЮТАЭ* (1978). 1984; Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы. – М., 1982. – С. 127; Виноградова Н.М. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья. – М., 1981. – С.124, 125; Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен и др. народов старого света. (Средняя Азия в древности и средневековье) – М., 1977. – 41 с.; Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М., 1871. – С.10; Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // *Скифо – сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии*. – М., 1976. – С.53-55.

дарьи, на территории западной части Ферганской долины¹. Основным занятием населения кайракумской культуры было скотоводство (о котором свидетельствуют найденные кости мелкого и крупного рогатого скота и лошади) и земледелие. На поселениях были найдены каменные зернотерки и терочники. Население также знало прядение, ткачество и горное дело – занималось бронзолитейным производством. Кайракумская культура охватывает период II-I тыс. до н.э.²

В середине II тысячелетия до н.э. на всем протяжении Сырдарьи имели распространение скотоводческие племена андроновской культурно-исторической общности. Исследованные археологические памятники (некрополи: Арпа³, Чек, Япаги, Вуадиль⁴, Дахана⁵, Ходжа Ягона⁶, Дашти-Ашт⁷ – в Фергане; Шербай – в Чимкентской области⁸ позволяют говорить о распространении на территории верхнего и среднего течения Сырдарьи племен федоровской культуры. На финальном этапе существования андроновских племен на всей территории Сырдарьинского бассейна, наряду с позднефедоровскими племенами, доминирующее положение занимают племена носители культуры «валиковой керамики» – некрополь Кашкарчи⁹, разветвленные поселения в Кайракумах¹⁰ – в Фергане, Бурчмуллинский клад¹¹, некрополь северного Тагискена – в низовьях Сырдарьи¹².

---

¹ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов // История таджикского народа. – М., – 1963. – Т.1. – С.115 – 124.

² История таджикского народа. Древнейшая и древняя история. – 1998. – Т.1. – С.127.

³ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая // МИА №26. М. – Л.: 1952. 348 с.+ вклейки. (С. 19–22).

⁴ Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // Археологический сборник. – СПб: Государственный Эрмитаж. – 1995. – № 32. – 136 с. (С. 13-30).

⁵ Литвинский Б.А. Даханский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК. - Вып. 80. - М., 1960. – С. 47-53.

⁶ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов. Древнейшая история Северного Таджикистана. Труды АН Таджикистана.- Душанбе, 1962.-Т. 33.

⁷ Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИИМК. - Вып. 154. - М., 1978. - С. 95–99.

⁸ Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай //Отан Тарихы. - Алматы, 2004. – № 3–4. – С. 75–88.

⁹ Иванов Г.П. Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи бронзы в Фергане // ОНУ. - Ташкент, 1988. - № 10. - С. 44–47.

¹⁰ Литвинский Б.А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа // Древности Кайракумов./ Тр.ИИ АН Тадж.ССР – 1962 – Т.XXXIII.

¹¹ Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлургическим изделиям). – Ташкент: Фан. – 1991. – 202 с. (С. 43)

¹² Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы некрополей андроновских племен бассейна Сырдарьи позволяют утверждать о существовавших у них интенсивных культурных контактах с оседло-земледельческими оазисами северной Бактрии, имевших место на протяжении молалинского и бустанского периодов культуры Сапалли. Результатом таких контактов явилось распространение катакомбной конструкции погребальных сооружений среди андроновского населения Ферганской долины (некрополи Чек, Япаги, Кашкарчи) и Чимкентской области (могильник Шербай), использование в строительстве сырцового кирпича (Северный Тагискен, Шербай) и появление гончарной посуды и подражания их формам в лепном исполнении.

Характер и расположение памятников эпохи бронзы на рассматриваемой нами территории позволяют сделать вывод о том, что широкое расселение племен здесь было связано с усилением роли скотоводческой отрасли в экономике конца бронзового века, а также с появлением подвижных форм скотоводства. Этот процесс в хронологическом отношении совпал с активной волной продвижения степных племен в южные районы Средней Азии¹.

В результате сложных этнополитических процессов в регионе складывается культура, представляющая собой симбиоз нескольких крупных этнических групп, который стал началом формирования энеолитической культуры Саразма, а в дальнейшем и всей согдийской цивилизации. Сложившаяся культура на ранних этапах истории – это сплав исходно разнородных этнокультурных формаций, имевших различное территориальное и генетическое происхождение.

Необходимость исторической интерпретации всей совокупности археологических данных по древнему Согду с изучением и выделением отдельных её элементов, на основе которых сложилась древнесогдийская цивилизация, – одна из важнейших задач исторической науки.

Самая ранняя практика земледелия была зафиксирована в бассейнах Амударьи, Сырдарьи, Зарафшана, в дельтовых зонах больших и малых рек и их притоков Мургаба, Теджена, Герируда, Хильменда, Сурхандарьи, Вахша, Кафирнигана, целого ряда южных притоков Пянджа, рек, стекающих со склонов Кабутака (Копетдаг), Гиндукуша, Припамирья и других гор.

Нижней Сырдарьи. - М.: Восточная литература РАН, 2001. - 186 с.

¹ Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад. – 2008. – 560 с.

Оазисная система расселения юга Средней Азии характеризуется освоением гидроресурсов небольших рек и ручьев, их дельтовых разветвлений, саев. По существу, воды крупных рек Средней Азии – Амударьи и Сырдарьи – в эпоху бронзы не использовались из-за низкого уровня. Такая система расселения характерна также для всей Центральной Азии, что объясняется общностью экологического оптимума и культурных традиций. Расположение памятников по отдельным ирригационным оазисам, наличие в каждом оазисе своих центров, однотипность структуры поселений, единство типов керамических комплексов – это общие для Согда и Бактрии тенденции, которые не позволяют в целом говорить об отставании Согда.

В развитии на территории Согда достаточно ранних урбанистических процессов играл и такой важный фактор, как наличие богатой рудной базы в долинах Зарафшана, Кашкадарьи, Северной Ферганы и Чача¹. До сложения трасс Великого шелкового пути основные торговые караваны шли именно по этим древним рудникам в поисках меди, золота, драгоценных камней². Вдоль этих дорог и выявлены ранние населенные пункты и города.

Исследование палеоботанических и палеозоологических материалов Саразма показало, что население верховий Зарафшана имело очень большой опыт как в области земледелия, так и в развитии домашнего скотоводства. Анализ материалов керамики свидетельствует о влиянии геоксюрской культуры и наличии своеобразного местного пласта, выраженного в полированной, краснофонной керамике с черными или бежевыми пятнами³. Эта культура в дальнейшем стала базой формирования земледельческих культур на территории Согда.

В среднеазиатской археологии сформировались специальные научные направления по изучению древнейшей ирригации, экологии, географии и

---

¹ Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака: V – начало XIII в. – Москва: Наука, 1974. – 140 с.; Бубнова М.А. Горно-металлургическая область Шелджи в IX–XII вв. н.э. – Автореф. канд. дисс. – Л. – 1963. – 19 с.; Пругер Е. Горный промысел Южного Согда – Кеша. – Ташкент, 1986.

² Рузанов В. Д. К вопросу о металлообработке у племен чувстской культуры //СА. – 1980. – № 4. Рузанов В.Д. О химическом составе металла Северной Бактрии // Материалы советско – французского коллоквиума: «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда». Тезисы докладов. – Ташкент. – 1986. – С. 127.

³ Isakov A.I., Lyonnet B. Céramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): problèmes d'échanges et de peuplement à la fin du chalcolithique et au début de l'âge du bronze // *Paleorient*. – 1988. – vol. 14, num. 1, pp. 31-47; Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan). Ceramiques (Chalcolithique et Bronze Ancient). The chronology of Early Agricultural Cultures in the Central Asia Interfluvial Area during the early Metal Period, *Mémoires de la mission archéologiques française en Asie Centrale*, ed. De Boccard, Paris. – 1996.

геофизики со своими специальными методологическими исследованиями не только водных сооружений, но и самых нежнейших артефактов (остатков) растительности. В последнем особенные успехи достигнуты французскими специалистами на объектах Саразма и южно-панджской зоны верхнеамударьинских земель древнего орошения.

Важным признаком этой культуры является роспись на сосудах. В Согде процент находок расписных сосудов превосходит все регионы в Средней Азии. В настоящее время мы достаточно хорошо знакомы с материалами древнеземледельческой культуры Саразма, где очень хорошо прослежен древний пласт согдийской культуры, который показывает что древние земледельческие племена хорошо освоили технологию производства лепной расписной керамики. Скорее всего они являются носителями более древних традиций, так как их керамика с небольшими изменениями доходит до периода раннежелезного века (РЖВ).

Семантика орнамента на керамике – треугольники, ромбы, схематические изображения животных – несли в себе одинаковую смысловую нагрузку как в эпоху бронзы¹, так и в период РЖВ.

Исследователи Ю. А. Заднепровский, А. А. Аскарлов и Б. Лионне выделяют среди материалов Саразма характерные для раннего периода фрагменты лепной расписной керамики, которые вероятно являются ранними прототипами для керамики РЖВ Согда.

Позднее, на территории Афрасиаба при раскопках оборонительного вала были обнаружены такие же фрагменты лепной расписной керамики. Подобные же материалы были выявлены и на поверхности памятников с территории Сазаганских гор². Ряд памятников этого времени известен и на территории Южного Согда³ (Узбекистан). Наличие таких крупных населенных пунктов, как Коктепа, Афрасиаб, Еркурган и Узункыр с Сангыртепа на территории Согда, указывают на то, что согдийская куль-

---

¹ В.М. Массон, В.И. Сарияниди. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации. // М.: ГРВЛ. 1973. 208 с.; Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. - Ташкент, 1993. - 252 с.

² Джуракулов М. Д., Аванесова Н. А. Новые исследования по Сазаганскому поселению // ИМКУ.–Ташкент, 1984. – Вып. 19.. – С. 32-39.

³ Дукс Х. Чиракчинское поселение // ИМКУ. - Т.: Фан, 1982. - Вып. - 17с. 19-29; Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р.Х., Еркурган (стратиграфия и периодизация). – Т., Фан, 1984. - 159 с.; Сагдуллаев, А.С. Лушпенко О. Н. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // Общественные науки в Узбекистане. – 1989. – № 12. – С.40-42.

тура являлась одним из ведущих центров формирования земледельческой культуры. Исходя из этого, можно заключить, что на территории долины Зарафшана и Кашкадарьи выделяется особый согдийский очаг культуры лепной расписной керамики РЖВ.

Количество находок и культовая семантика изображений позволяют предположить, что население Согда было одним из «самых верующих» среди соседних областей, где был распространен ранний зороастризм. В самой «Авесте» упоминается, что она была создана индоарийскими племенами. Думается, факт участия племен территорий Согда, а также Хорезма, Чача или Ферганы в создании «Авесты» можно считать вполне доказанным. Согдийцы, вероятно, были самыми активными участниками процесса формирования этого духовного потенциала, так как в самой «Авесте» Согда упоминается сразу после Эранведжа. Этот момент также указывает на начало движения арийцев по арийским просторам. И, это очевидно. Это движение началось с Согда.

Подводя некоторые итоги, отметим, что памятники Зарафшанского бассейна эпохи палеометалла – самостоятельный культурный феномен, обладающий внутренней динамикой. Наблюдаемая картина жизнедеятельности, отражающая процесс специфического синтеза, отличается от процессов культуругенеза как в степном, так и земледельческом мире. Отметим, что материалы первых скотоводов Зарафшанского бассейна ставят перед исследователями задачу углубленных поисков памятников эпохи палеометалла – эпохи которая начинает выявляться как период сложных взаимоотношений разных по происхождению групп населения, с различными культурными традициями. Этнокультурная история этого региона оказалась более динамичной, чем она представлялась ранее.

Самым важным хозяйственно-культурным направлением Зарафшанцев было освоение местных рудных залежей. В эпоху бронзы Зарафшанский край был одним из наиболее культурно интегрированных макрорайонов Средней Азии, где пересекались различные традиции и формировались несколько локальных образований типа БМАК и культур андроновского круга¹. Где на основе местной древнеземледельческой Саразмской культуры зародились истоки Согдийской цивилизации.

---

¹ Аванесова Н. А.. Своеобразие культурно-исторических процессов Зарафшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. - Кн. 2. – 584.

5. Этнокультурные процессы на территории Юго- Западного Таджикистана в эпоху бронзы и раннего железа

Юг Средней Азии в ахеменидских и античных письменных источниках делится на ряд историко-культурных областей. Это Парфия, Маргиана на территории современной Южной Туркмении и Бактрия, включавшая в себя Северный Афганистан и южные районы Узбекистана и Таджикистана. Археологические памятники Юго-Западного Таджикистана – часть бактрийской культурно-исторической области и ее северо-восточный регион. Южные области Средней Азии в конце III – начале II тыс. до н.э. исторически входили в зону оседло-земледельческих культур и городских цивилизаций древнего Востока. Земледельческое население приграничных областей юга Таджикистана было генетически связано с земледельческими племенами Южной Бактрии (Северный Афганистан) и Ирана. Территория Южного Таджикистана всегда рассматривалась исследователями в качестве окраины по отношению к основным центрам существования цивилизации древневосточного типа. В настоящее время открытие памятников раннего и среднего бронзового века на юге Таджикистана позволяют по-новому подойти к вопросу о формировании культур этого времени в конце III тыс. – начале II тыс. до н.э.

В настоящее время на юге Таджикистана удастся проследить общую картину последовательности археологических культур от неолита до раннего железного века. Неолитические памятники представлены здесь гиссарской культурой, открытой А.П. Окладниковым в 1948 г.¹ Огромный вклад в изучение гиссарской неолитической культуры сделан В.А. Рановым и его сотрудниками². Найдено более 300 памятников этой горной неолитической культуры. Границы их распространения культуры имеют четкие границы – между Дарвазом на востоке и Сурхандарьей на западе; Гиссарским хребтом – на севере и Северным Афганистаном на юге в районе распространения лессов.

К контактной зоне распространения гиссарской культуры можно отнести в Узбекистане поселения Сазаган 2 и Джангал 1 на Среднем Зарафшане (сазаганская культура). Сазаганская культура относится к горному неолиту,

---

¹ Окладников А.П. Исследования памятников каменного века Таджикистана//МИА.- 1958.- № 6.

² Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангуртута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). – М., 2008. – С. 14-117.

в ней прослеживаются многие элементы, характерные для гиссарской культуры: галечная техника, каменные выкладки как в Туткауле, угольно-зольные пятна¹. На нескольких стоянках сазаганской культуры (Сазаган 2, Джангал 1, Тепакуль 3) найдена керамика – тонкостенная, рыхлая, плохо обожженная с вдавленным орнаментом: «отступающая палочка», насечки, елочка. Эти мотивы типичны для кельтеминарской культуры².

Для гиссарской неолитической культуры Таджикистана характерно отсутствие керамики. Памятники находятся на высоте от 500 до 1500 м над уровнем моря на лессовых почвах. В.А. Ранов и Т.Г. Филимонова различают два типа памятников: 1) мощные долговременные поселения, площадью от 0,5 до 1 га. Толщина культурных слоев, окрашенных почти в черный цвет, достигает двух метров (Туткаул, Сайед, Бульёни Поён, Кангурттут); 2) стоянки, которые не имеют культурного слоя, но насчитывают до несколько тысяч артефактов (Тепеи Газиён, Гуликандос, Дахана). По мнению В.М. Ранова и Т.Г. Филимоновой гиссарская культура в горных районах Таджикистана доживает до прихода племен эпохи бронзы во второй половине II тысячелетия до н.э.³ В исследовании В.М. Ранова и Т.Г. Филимоновой⁴ приводятся главные тезисы этой гипотезы:

1) hiatus (разрыв) между неолитическим слоем гиссарской культуры и перекрывающим его строительным горизонтом бронзового века на поселении Кангурттут не прослеживается, что свидетельствует о доживании гиссарцев до эпохи бронзы;

2) стратиграфически доказывается нахождение каменных заготовок и орудий труда гиссарцев в строительных слоях эпохи бронзы;

3) сходство каменных выкладок в гиссарской культуре и на памятниках эпохи бронзы;

4) находки гиссарских орудий в слоях бронзового века поселений Ташгузора и Тегузак;

5) «культура эпохи бронзы впитала большое количество черт, доставшихся ей в наследство от предшествующего периода, т.е. гиссарской культуры; «гиссарцы» ассимилировали пришельцев эпохи бронзы, приняв их язык.

---

¹ Там же. – С.7.

² Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Горы и равнины: культурные контакты (неолит Среднего и Нижнего Зарафшана). Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. - Самарканд; Бишкек, 2005. – С. 77–78.

³ Ранов В.А. Каменный век // История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – С.107.

⁴ Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Указ. раб. – С.67-73.

Археологические исследования Т.Г. Филимоновой на раскопе III поселения Кангурттут показали, что «вдоль южной части раскопа проходила четкая ровная граница между светлым суглинком, эпохи бронзы и темным неолитическим слоем. В кв. А/2 и АБ/5 она была разорвана кладкой стен эпохи бронзы»¹.

Объективно можно сказать, что пласт гиссарской культуры был нарушен более поздними остатками строительной деятельности земледельцев бронзового века и этим объясняются находки гиссарских орудий в слое бронзы. Геолог А.Е. Додонов, посетивший раскопки в Кангурттуте, считает, что перерыв в осадконакоплениях в такой, с геологической точки зрения, мизерный промежуток времени вполне возможен и наложение слоев бронзы на неолитические необязательно свидетельствуют об их непосредственном контакте². Этот факт подтверждается и другими обстоятельствами. Культурные слои гиссарской неолитической культуры встречаются только в северо-восточной части поселения Кангурттут (раскопа I, Ia, III, VI, VIII, IX, XI). На раскопах II, IV, V в северной части поселения эти слои отсутствуют и здесь не найдено гиссарских галечных орудий. Та же самая картина прослеживается и на других памятниках эпохи бронзы, где нет подстилающих горизонтов гиссарской неолитической культуры (поселение Дахана, Ташгузор). На поселении Тегузак слой гиссарской неолитической культуры отделен от культурного слоя эпохи поздней бронзы лессовыми отложениями толщиной около одного метра³.

В настоящее время в Южном Таджикистане уже открыты памятники конца III тыс. до н.э. эпохи ранней бронзы⁴. Хронологическая лакуна между неолитом и бронзовым веком постепенно сокращается.

До настоящего времени памятники эпохи энеолита на территории Южного Таджикистана не найдены. Но в будущем вполне возможно ожидать здесь открытие этих памятников. Раскопки таких памятников, как Заман-баба⁵ (Узбекистан) древнеземледельческого поселения Саразм⁶ свидетельствуют о древних

---

¹ Там же. – С. 45.

² Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Указ. раб. – С. 65.

³ Комментарий Н.М. Виноградовой на пункты (3 и 4) доказательств В.А.Ранова и Т.Г.Филимоновой подробно содержится в книге (Виноградова, Ранов, Филимонова. Указ. раб. – С. 229-232).

⁴ См. ниже.

⁵ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. – Ташкент: ФАН, 1966. – 266 с. (Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. I).

⁶ Исаков А.И. Саразм. – Душанбе, 1991.

связях населения долины Зарафшана и Южного Туркменистана в эпоху энеолита и ранней бронзы. В ранних комплексах поселения Саразм в верховьях Зарафшана (Саразм I-II) была найдена типичная геоксюрская керамика с росписью, характерной для памятников времени Намазга II-III в Южной Туркмении. Исследователи¹ приходят к выводу, что это поселение было основано при непосредственном участии южнотуркменских общин, при этом наиболее тесные контакты этих двух регионов прослеживаются в эпоху позднего энеолита – начала ранней бронзы (около 3500 / 3400-3100 / 3000 лет до н.э.). Отдельные находки фрагментов геоксюрской керамики в дельте Мургаба² (Туркменистан) могут указывать на пути продвижения геоксюрских мигрантов³.

Через Маргиану торговые экспедиции могли двигаться как в северо-восточном, так и в восточном направлении до Амударьи и далее по долине Зарафшана. Но уже в начале III тыс. до н.э. эти контакты прерываются⁴. По мнению Л.Б. Кирчо существовал и южный путь через Серахское поселение вверх по Теджену-Герируду, затем он разветвлялся на восток в Северный Афганистан (Фуллолский клад) и на юг в Южный Афганистан (Мундигак) и Юго-Восточный Иран (Шахри-Сохте), представляя собой часть северного лазуритового пути⁵.

Суммируя приведенные выше примеры активного взаимодействия древних племен в конце IV – начале III тыс. до н.э. возможно предположить, что и в Южном Таджикистане в эпоху энеолита могли проходить торговые пути и передвижение отдельных групп населения.

Памятников раннего и среднего бронзового века на территории Южного Таджикистана, долгие годы не было обнаружено. Хронологически они соотносятся с периодами Намазга IV – Намазга V в Туркменистане. Отдельные случайные находки свидетельствовали, что эти памятники могут быть открыты. К таким материалам можно отнести медные топоры из Арак-

---

¹ Исаков А.И. Указ. раб.; Кирчо Л.Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. – 2007. – № 2. – С. 203-205; Он же: Кирчо Л.Б. К вопросу об экономической основе расцвета Маргианской цивилизации. // На пути открытия цивилизации. – С.39.

² Масимов И.С. К вопросу об освоении низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // Изв. АН Туркменской ССР. Серия общественных наук. Ашхабад, 1979. – №2. – С.72-77; Он же: Масимов И.С. Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы). Материалы к международной научной конференции. – Ашхабад, СПб., 2000. – С. 25-26.

³ Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – СПб., 2006. – С.57.

⁴ Кирчо Л.Б. К вопросу об экономической основе расцвета Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. – С.40.

⁵ Там же.

чина вблизи Варзоба и Шаршара около Душанбе¹. Орудия, близкие по типу к шаршарскому топору, найдены в Саразме², в Дашлы 3³ (Афганистан), в Сапалли-тепе⁴ (Узбекистан). Топор из Аракчина имеет широкий круг аналогий⁵. Е.Е. Кузьмина относит эти находки к концу III – началу II тысячелетия до н.э. Одними из самых ранних металлических изделий могут быть серебряные браслеты из могильника Пархар (на таджикском языке название этого могильника звучит, как Фархор)⁶. Чрезвычайно интересные находки были сделаны А. Юсуповым в 1983 г. в зоне Нурекского водохранилища⁷ (Таджикистан). На одной из террас, идущей от хребта Санглок в сторону водохранилища, было зафиксировано 15 погребений на могильнике Кругсай. На поверхности часть могил обозначена камнями в виде круга диаметром около 4 м. Другие погребения отмечены вертикально поставленными плитами из красного песчаника. Раскопано только одно ямное погребение № 3 с костяком барана и тремя лепными сосудами – кубок, миска и биконический сосуд. Аналогии этой керамике имеются на памятниках Южной Бактрии – Дашлы 3.⁸ Рядом с погребением был расчищен очаг с обгоревшими костями. В середине очага была найдена фигурка из плохо обожженной глины. Фигурка изображает человека в сидячей позе с вытянутыми ногами. На голове и теле фигурки сохранились следы черной краски. Автор раскопок А. Юсупов сравнивает ее со статуэтками Геоксюрского оазиса Южной Туркмении времени Намазга III.⁹

Все эти случайные находки поставили перед учеными вопросы о нахождении памятников, где эти предметы могли бы быть найдены in

---

¹ Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана, Изв. АН ТаджССР. Отдел. обществ. наук. – 1961. – №1. – С.59-66; Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии //САИ В4–9. – М., 1966. – С.8, 14.

² Исаков А.И. Саразм. – Душанбе, 1991. Рис. 78, 2.

³ Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг.). – С.71, рис.32-литейная форма.

⁴ Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1977. – С.196, табл. XXXII, 2).

⁵ Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии //САИ В4–9. – М., 1966. – С.8, 9.

⁶ Vinogradova N. Südtadžikistan in der Spätbronze und Früheisenzeit. – Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. – Bonn, 2001. – P.209. Abb. I. 1a, 3,4.

⁷ Юсупов А.Х. Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологического отрядов в 1983 г. //АРТ. – 1991. – Вып. XXIII (1983). – С.161.

⁸ Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.). – С.62, рис. 62.

⁹ Юсупов А.Х. Указ. раб. – С.163.

situ¹. Предположения ученых о существовании населения на юге Таджикистана уже в эпоху ранней и средней бронзы, а также ранних этапов поздней бронзы подтвердилось раскопками могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи (рис. 1). Исследования на этих памятниках во многом меняют наши представления о сложении земледельческих и степных культур на юге Таджикистана в конце III – начале II тыс. до н.э. и поэтому этим памятникам в данном разделе будет уделено особое внимание.

Могильник Фархор – самый ранний из всех известных погребальных комплексов на юге Таджикистана². Древний могильник находится на возвышенности Уртобоз в местности Чилтанбобо на окраине г. Пархар³. Это южная часть лессового массива Уртабоз на стрелке двух рек – Пянджа и Кызылсу. Все холмы в местности Чилтанбобо сплошь покрыты современными могилами. При устройстве могил были обнаружены многочисленные предметы, датируемые эпохой ранней и средней бронзы. Это изделия из камня: мраморные гири, «жезлы, сосуды из оникса, глиняная модель «дома», серебряные браслеты и керамические сосуды⁴.

---

¹ Vinogradova N. Will the Monuments of the Middle Bronze Age be discovered on the Territory of Southern Tadjikistan? // SAA. – 2007. Vol.1. – Ravenna. – P. 281-283.

² Весной 2016 года С.Бобомуллоевым недалеко от поселка Шулюпту напротив поселения эпохи поздней бронзы Кангурттут был открыт еще один могильник эпохи средней бронзы Кангурттут 2 (Кангурттут 2017: 38-53).

³ Это административный центр Пархарского района Хатлонской области Таджикистана, расположенный в долине р. Пяндж, в 2 км от афганской границы. В работах экспедиции Института истории, археологии и этнографии Академии Наук Таджикистана под руководством С. Бобомуллоева в разные годы (2013-2016 гг.) принимали участие сотрудники Института востоковедения РАН – Н.М.Виноградова, Немецкого археологического Института – М.Тойфер, музея восточного искусства в Риме – Дж. Ломбардо.

⁴ Виноградова Н.М. Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // Вестник древней истории. – 2011. – № 4. – С. 84-98; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных наук. 2014. – №3 (235). – С. 39-47; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. – 2015. – №5. С. 47-66; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года. // Муаррих (Историк). – 2015. – №4. – С. 73-98; Vinogradova N.M. Preliminary results of the excavations at the Necropolis of Farkhor, a middle Bronze Age in Southern Tadjikistan // Routes del’Orient. Revue d’archéologie de l’orient ancient. – 2015. N 2. Paris. – P. 21-27; Bobomulloev S., Vinogradova N., Bobomulloev B. (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan // Материалы Фархорской экспедиции. – 2017. Вып. I. – С. 78-127.

Всего на могильнике на склонах лессовых холмов, в местах, свободных от современных могил, было заложено семь раскопов и открыто 50 погребений. Захоронения ничем не отмечены на древней поверхности холма. Могилы не перекрывают друг друга и находятся на расстоянии от 1 до 4 м друг от друга. Глубина залегания захоронений до 2–2,5 м от современной дневной поверхности. Для обряда погребальных сооружений характерна подбойно-катакомбная конструкция или захоронения в ямах¹. Для детских захоронений типично погребение в яме на небольшой глубине. Скелеты находятся в скорченном положении. Мужчины лежат на правом боку (рис. 2), женщины – на левом (рис. 3), но в некоторых случаях – на правом. Устойчивой ориентировки скелетов в погребении не наблюдается, доминирует СЗ направление. В некоторых могилах обнаружены парные захоронения (рис. 6). В детских могилах расчищены только двойные захоронения, причем погребенные лежат лицом друг к другу в сопровождении бус, подвесок-амулетов, керамических и каменных наверший. Глиняная посуда в этих могилах встречается очень редко.

Погребальный инвентарь располагается около головы, шейных позвонков, рук, таза, ног и за спиной. В могилу помещали керамику (от одного до четырех сосудов), металлические изделия из бронзы и серебра – ножи, косметические лопаточки, булавки, зеркала. Кроме того, среди погребального инвентаря имеются и предметы из камня – светильники, «жезлы», навершия, прясла, наконечники стрел, гальки. Почти в каждом погребении встречаются многочисленные бусины, пронизки, подвески из лазурита, агата, бирюзы, сердолика, золота (одна бусина), известняка, песчаника и алебаstra. В некоторых случаях в могилах найдены кости животного – барана и часто вместе с ножом.

В инвентаре земледельческих погребальных комплексов имеется как гончарная, так и лепная посуда. Внешняя поверхность сосудов покрыта белым или красным ангобом. Особый интерес представляют три гончарных сосуда из погребений 32 и 33. Первый сосуд – гончарный, баночной формы, довольно больших размеров. Венчик необычной формы, он отогнут и по краю

---

¹ Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года. // Муарих историк. – 2015. – №4. – С. 40-41; Bobomulloev S., Vinogradova N., Bobomulloev B. (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan // Материалы Фархорской экспедиции. – 2017. Вып. I. – С.78, 20, fig. 22A.

проколото 18 сквозных отверстий. Между венчиком и туловом сосуда имеется небольшая внутренняя перегородка (рис. 4,1). Другой сосуд (рис. 4,2) – горшковидной формы с раструбообразным горлом. Очень близкие аналогии этой форме имеются в Шахдаде на некрополе А из погребения 104¹ (Иран). В Алтын-депе (Туркменистан) в погребениях 295-296 встречается очень сходная форма сосуда, но из гипса в слое Намазга III². Для датировки памятника большой интерес представляет также находка сосуда из погребения 33 (рис. 5,1). Он биконической формы со срезанным верхом и расписан черной краской – горизонтальные полосы по горлу и ребру сосуда в центральной части тулова. По форме близких параллелей этому сосуд не встречается, но по орнаментальному мотиву имеются аналогии в Алтын-депе времени Намазга IV³ и в Гиссаре III В⁴ (Иран). +

В нескольких погребениях были найдены керамические подпрямоугольные коробочки с внутренней перегородкой (рис. 5,2,2а). Некоторые параллели этому предмету имеются в заманбабинской культуре (низовья р. Зарафшан). Исследователи, основываясь на изучении статуэтки, бус, металлических предметов и расписного сосуда, привезенных с юга Средней Азии, датируют заманбабинскую культуру временем Намазга IV–V⁵. Сходные изделия и наиболее близкие аналогии известны из разграбленных могил Северной и Южной Бактрии⁶. П.Амье видел в этих поделках модели домов⁷.

---

¹ Nakemi 1997 – Nakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p. (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).

² Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын Деде). – СПб: ИИ РАН, Нестор-История, 2005. – Ч. II. – Гл. 3. Табл. 59,2 (Труды ИИМК РАН. Т. XVI).

³ Там же. – С.350-351, рис. 4,34, 5.21.

⁴ Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. Pl.XXXIX, H 2212. – 478 p. (Publications of the Iranian Section of the University Museum).

⁵ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент: ФАН, 1966. 266 с. (Труды Махандарьинского отряда Узбекстанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. I).

⁶ Сариниди В.И. К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография, археология Средней Азии. – М.: Наука, 1979. – С. 26–27.

⁷ Некоторые параллели данным артефактам можно найти в Иране – Гиссар III (Schmidt 1937: Pl. XLIV, H2940), Шахдад, некрополь А, погребения № 120, 168 (Nakemi 1997: 280, Obj. No. 1065, 326, Obj. No. 1871, 612, Fk. 5, 6) и в Туркменистане – Алтын-депе (Кирчо 2005: рис. 18, 13).

Среди погребального инвентаря встречаются два сосуда из серебра баночной формы. Один из них с тремя широкими каннелюрами (рис. 4,3). Абсолютные аналогии этим сосудам имеются среди разграбленных могил в Северном Афганистане¹.

На могильнике в погребении 32 было найдено два каменных сосуда из оникса в форме подцилиндрического стакана (рис. 4,5). Такие сосуды разной высоты и пропорций, по заключению Л.Б.Кирчо, становятся ведущей формой каменных сосудов времени Намазга IV². В этом же погребении был открыт еще один каменный сосуд крестовидной формы³. Сосуды из мраморовидных пород камня имеют широкий круг аналогий в раннем и среднем бронзовом веке Афганистана, Белуджистана, Северного Ирана и Месопотамии⁴.

Среди случайных предметов, найденных при рытье современных могил, имеются каменные «гири»⁵. «Гиря» представляет собой плоский округлый предмет из мраморовидного сланца. В центре диска выпилено крестообразное отверстие. Плоские гири характерны для второй половины III тыс. до н.э.⁶

В результате археологических исследований на могильнике Фархор впервые *in situ* были найдены каменные «жезлы». Они сделаны из песчаника и представляют удлинённый, плавно суживающийся к обоим концам предмет. Они довольно значительных размеров длиной от 60 до 90 см и

---

¹ Salvatory S. Early Bactrian objects in private collections. G. Ligabue, S. Salvatori (изд.) *An ancient oasis civilization from the Sands of Afghanistan*. – Roma, 1989. – P.210, fig.74.

² Кирчо Л.Б. Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по данным Алтын-депе, Южный Туркменистан) // *Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения*. – Спб., 2014. – С.67.

³ Bobomulloev S., Vinogradova N., Bobomulloev B. (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan // *Материалы Фархорской экспедиции*. – 2017. Вып. I. – P.123, fig.24B,10.

⁴ Casanova M. *La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires avant J. – C.* Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. 112 p. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. IV).

⁵ Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // *ЗИИМК*. – 2015. – №5. – С. 48, рис. 1,2.

⁶ Кирчо Л.Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // *ЗИИМК*. – 2007. – № 2. – С.201; «Гири» с прорезью в виде креста или других фигур встречены в разграбленных могилах в Афганистане (Winkelmann 1997: 207, fig. 12; Pottier 1984: 175, fig. 41, 291; Sarianidi 1998: fig. 7, 7) и в культурном слое поселений Улуг-депе (Сарианиди 2001: 69, fig. 36).

весом около 6000 г (рис. 2,1). Близкие аналогии нашим «жезлам» имеются в Таджикистане на могильнике Гелот¹ и в долине р. Кызылсу². Все эти находки обнаружены вне погребального контекста³.

В богатых захоронениях 18 и 19 были еще найдены каменные светильники с крышечкой (рис. 2,6; 3,5). На стенках со всех четырех сторон имеются изображения трех прорезанных кружков. Наиболее близкие аналогии нашему светильнику можно найти в Шахри-Сохте⁴ (Иран), на Алтын-депе – погребение 828 времени раннего Намазга IV⁵. По заключению Л.Б. Кирчо светильники на Алтын-депе представлены почти исключительно в погребениях и культурных слоях ранней бронзы (на раннем этапе средней бронзы найден единственный экземпляр в погребении 893) и являются типичным признаком комплекса времени Намазга IV⁶.

Особое внимание привлекают металлические косметические стержни с навершиями в виде лопаточки различной формы (рис. 2,5; 3,4)⁷. Они имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческого круга Южного Туркменистана, Афганистана, Ирана и существуют в широком хронологическом диапазоне с конца IV тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э.⁸ Среди этих

---

¹ Виноградова Н.М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII. – С.41.

² Виноградова Н.М., Гётцельт Т., Пьянкова Л. Т. Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // Российская археология. – 2003. – № 1. – С.108, рис. 5, 3; На поселении Алтын-депе «жезлы» выявлены в «святилище» и в погребении № 362 – «посох» (Кирчо 2005: 415). Эти предметы встречаются также в слоях Гиссара ШВ (Schmidt 1937: 222, Pl. LXIV, Н 2894) и в погребальных комплексах Белуджистана.

³ На поселении Алтын-депе «жезлы» выявлены в «святилище» и в погребении № 362-«посох» (Кирчо 2005: 415). Эти предметы встречаются также в слоях Гиссара ШВ (Schmidt 1937: 222, Pl. LXIV, Н 2894) и в погребальных комплексах Белуджистана (Кирчо 2005: 415).

⁴ Sajjadi S.M.S. Excavations at Shahr-i-Sokhta. First Preliminary Report of the Excavations of Graveyard 1997-2000 // Iran. – 2003. – Vol.XLI. – P. 83, fig. 40, typ 1.

⁵ Кирчо Л.Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын Депа). – СПб: ИИ РАН, Нестор-История, 2005. – Ч. II. – Гл. 3. – С.350, fig. 4,23 (Труды ИИМК РАН. Т. XVI).

⁶ Там же. – С. 45.

⁷ По заключению сотрудника Отдела реставрации и консервации Эрмитажа К.Б.Калининой основа металла – медь, примеси не были определены. Бронзовые вещи из Фархора были также исследованы сотрудником Немецкого Археологического Института (Берлин) Д.Штайнигерем. Анализы показали, что все объекты изготовлены из мышьяковистой бронзы (примесь мышьяка составляет от 1 до 5 процентов).

⁸ Алексин В.А. О функциональном назначении терракотовых «реликвариев» Алтын-депе // ЗИИМК. – 2010. – № 5. – С. 34-43.

предметов следует упомянуть стержень с округлым навершием, края которого вырезаны в виде ступенчатых ромбов¹. Особый интерес вызывает находка стержня с крестовидным навершием из серебра (рис. 4,4).

Для определения культурно-хронологического аспекта могильника большое значение имеют некоторые формы каменных бус. Особый интерес представляют находки крестовидных бус (квадратные со ступенчато вырезанными краями) из лазурита или алебастра (рис. 3,3а)².

Приводимые выше аналогии предметам погребального инвентаря захоронений в Фархоре позволяют сделать вывод о связях древнего населения Фархора с земледельческими племенами юга Средней Азии - Туркменистана (Алтын-депе, Гонур), Ирана (Гиссар III, Шахдад) и Афганистана (Дашлы 1,3). Все эти памятники относятся к средней бронзе (периоды Намазга IV–V) в соответствии с хронологическим членением эпохи палеометалла Южного Туркменистана.

Керамический материал некоторых захоронений (погр. 2, 4, 12,14, 22) имеет другой круг аналогий среди памятников степных культур (рис. 6,7). В этих могилах обнаружены лепные круглодонные или плоскодонные сосуды, иногда с подправкой на круге. Они украшены елочным орнаментом, выполненным в технике лощения. Вся поверхность сосудов покрыта белым или красным ангобом, встречается сероглиняная, чернополированная керамика (рис. 6,2,3). Лепные круглодонные или плоскодонные сосуды с узором в виде елочки хорошо известны на вахшских памятниках долины р. Кызылсу. Самые близкие аналогии представлены в погребальном инвентаре могильника Дарнайчи³. Орнамент елочкой, выполненный в технике лощения, характерен для астрабадской культуры северо-

---

¹ Очень близкие параллели этому изделию имеют место в инвентаре Алтын-депе – погребение 828 времени раннего Намазга IV (Кирчо 2005: 350, рис. 4,5), на поселении Саразм (Исаков 1991, рис. 23,2), в Мундигаке периода IV,1 (Casal 1961, fig. 140,19).

² Аналогии крестовидным бусам имеются прежде всего в материалах южных земледельческих памятников: Туркмении – Алтын-депе (Кирчо 2005: 391, рис. 22), Пархай II (Хлопин 2002: 63, табл. 94,4); Северного Афганистана – разграбленные могильники (Сарианиди 1979: 25, fig. 1; Amiet 1977:102, fig. 12). Как импорт из южных областей встречается в могильнике Заманбаба (Гулямов и др. 1966: 154, рис. 48; табл. VIII, XX) и сакральном комплексе Жуков (Аванесова 2008:26, рис. 4,2,4) в низовьях р. Зарафшан в Таджикистане.

³ Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 37, рис. 24 (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг.).

восточного Ирана –Тюренг Тепе III, Шах Тепе II, Гиссар III¹. Сероглиняная керамика с елочным лощением известна также на поселении Дашлы I в Северном Афганистане.²

В заключение отметим, что керамический материал из этих погребений, тяготеющий в большей степени к степным культурам, может быть датирован также эпохой ранней и средней бронзы. Это подтверждается и радиоуглеродной датой костных останков из могильника Дарнайчи (Таджикистан). По костям из погребения 2 получена радиоуглеродная дата: 3814±36 BP (MAMS-15072)³ OxCal v4.1.7 – 2333–2153 (1 sigma calBC), 2456–2140 (2 sigma calBC).

В погребальном инвентаре могильника Фархор впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о древнейшем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры⁴. Материалы погребений Фархора позволяют проследить контакты с населением культур степной бронзы Таджикистана – могильник Заман-баба, Ранний Тулхарский могильник (ямы со спуском), некрополи Гелот и Дарнайчи.

По антропологическим данным все костные останки индивидуумов из погребений Фархора, за исключением погребения 12, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика средиземноморского типа⁵.

Для земледельческих памятников Бактрии и Маргианы этого времени исследователи предлагают различные названия: культура Намазга⁶, культура Окса⁷, сапаллинская культура⁸, Бактрийско-Маргианский археологический комплекс – БМАК⁹. В последствии Ф.Л. Кол изменил свою точку зрения и называет эти памятники как БМАК, при этом он придает большое значение

---

¹ Станкевич И.Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке // Древность и средневековье народов Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С.24.

² Сарияниди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 37, рис. 24 (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг.).

³ Анализ проведен в лаборатории Университета г. Тюбнгена в Германии.

⁴ Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. – 2015. – №5. – С.61.

⁵ См. статью Н.А.Дубовой в настоящем сборнике.

⁶ The Bronze Age Civilization of Central Asia: Recent Soviet Discoveries. Armonk, N.Y: M.E. Sharpe. 1981.

⁷ Salvatory S. Oxus civilization cultural variability in the light of its relations with surrounding regions: the middle bronze age. – У истоков цивилизации. –М., 2004. –Р. 92.

⁸ Аскарлов А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1977. – 232

⁹ Сарияниди В.И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад, 1990. – С. 77.

мирной инфильтрации северных скотоводов в местную традиционную культуру земледельцев¹. В. М. Массон допускает возможность существования целой группы локальных цивилизаций, объединенных понятием «протобактрийский центр»². А. Аскарлов, Т. Ширинов предлагают объединить археологические оседлоземледельческие комплексы юга Средней Азии, северо-восточного Ирана, и северного Афганистана в культурное понятие, которое может быть названо намазгинской историко-культурной общностью – НИ-КО³. На территории Южного Таджикистана к этому времени (поздняя фаза Намазга V – ранняя Намазга VI) можно отнести погребальные комплексы могильников Гелот и Дарнайчи.

Кишлаки Гелот и Дарнайчи находятся в 6 км к СЗ от г. Куляб и расположены на второй пойменной террасе реки Яхсу, вдоль линии лёссовых холмов, примыкающих к долине реки с северо-запада. На адырных лёссовых холмах было выявлено несколько могильников, существовавших здесь в эпоху бронзы⁴. На протяжении значительного периода времени они использовались как земледельческими племенами, так и населением вахшской культуры, которая традиционно относится исследователями к культуре степных скотоводческих племен.

В Гелоте земледельческие захоронения расположены на значительном расстоянии друг от друга. Глубина залегания могил более двух метров. Для погребения в подбое или в катакомбе⁵ с древнего горизонта холма вертикально или под углом прокапывалась входная яма и затем в стенке дромоса в сторону склона делался подбой, так что погребальная камера оказывалась на довольно большой глубине. Вход в погребальную камеру закладывался комками глины или кирпичами (рис. 8, 9). В могиле погребенные лежат в скорченной позе на левом (женские) или правом боку мужские захороне-

---

¹ Кол Ф.Л. Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. – №2. – 2005. – С. 66-68.

² Masson V.M. The proto-Bactrian group of the civilization in the Ancient East. – *Antiquity* 63, 1988. – P.536-541.

³ Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. – Самарканд, 1993. – С.42.

⁴ Виноградова Н.М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII. – С. 35-72; Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С.389.

⁵ Отличие катакомбной конструкции от подбойной состоит только в том, что в катакомбе погребальная камера находится на 20-30 см ниже входной ямы.

ния). Определенной ориентировки тела умершего в погребении не наблюдается. В погребение кладутся кости жертвенных животных (барана). Кроме того, встречаются два захоронения баранов в скорченной позе на правом и левом боку, головой на запад.

Сопровождающий инвентарь включает посуду от 5 до 11 сосудов. В богатом погребении № 2 (раскоп б) в могилу положены еще предметы из бронзы – зеркало, булавка, лопаточка и камня – печать, бусы, статуэтка (рис. 8;11). Одна бусина из золота. В погребении 3 (раскоп 4) вместе с сосудами встречается каменное прясло.

Все сосуды из этих захоронений, за исключением одного фрагмента стенки сосуда из погребения 3, представлены столовой посудой. Керамика изготовлена на гончарном круге. Почти вся посуда по всей поверхности с внешней и внутренней стороны (чаши) покрыта темно-красным ангобом. Несколько сосудов – с белым ангобом. Поверхность большинства сосудов – нелощенная. Выделяются следующие формы сосудов (рис. 10): чаши на ножке – вазы; чаши цилиндрической формы на сплошной низкой ножке с дисковидным основанием; кубки и кубковидные сосуды¹; кувшины и графины; глубокие чаши биконической формы и миски, сосуды со сливом, горшковидные сосуды.

Анализ керамики из земледельческих погребений могильника Гелот позволяет отнести эти материалы к сапалли-джаркутанскому этапу сапаллинской культуры. При этом некоторые сосуды могут быть сопоставимы с посудой из могильников Сапаллитепа, Дашлы 1, Алтын-Депе (слои Намазга V); другие керамические формы обнаруживают более близкие параллели со второй фазой сапаллинской культуры (Джаркутан I, Узбекистан) и Дашлы 3.² Основываясь на проведенном анализе можно предположить, что земледельческие захоронения могильника Гелот существовали на протяжении двух хронологических периодов сапаллинской культуры – Сапалли и Джаркутан I (поздняя фаза Намазга V – ранняя Намазга VI).

Кроме керамики среди сопровождающего инвентаря встречаются бронзовые предметы (булавка, зеркало), бусы лазуритовые и одна золотая, фрагмент каменной печати, мраморная антропоморфная фигурка –

---

¹ Название условное, так как у формы нет ножки. Отличается небольшими размерами и тонкими стенками сосуда.

² Франкфор А. считает материалы Дашлы 1 более ранними по сравнению с Дашлы 3 и синхронизирует Дашлы 1 с сапаллинским этапом, а Дашлы 3 с Джаркутан I (Francfort 1989: 368).

все эти предметы из погребения № 2 раскопа 6. Зеркало округлой плоской формы без ручки¹ по классификации К. Каниута относится к варианту А-2-2². Зеркала этой формы встречаются в широком территориальном, хронологическом и культурном диапазоне, в женских погребениях – в Сапаллитепа, Джаркутан, Намазга-Депе, Алтын-Депе, Гонур, Дашлы 3, Саразм, Тигровая Балка (Таджикистан) и т.д.³ Булавка с крюковидной головкой по классификации К. Каниута относится к типу F5. Результаты эмиссионного спектрального анализа позволяют определить химический состав булавки. Основной металл, из которого изготовлена булавка, – медь с незначительной примесью свинца (1,4%). Еще один фрагмент бронзового предмета был исследован с помощью эмиссионного спектрального анализа. В отличие от первого анализа в сплав меди кроме свинца (1%) добавлен мышьяк (0,8%)⁴.

Из каменных предметов был найден фрагмент каменной печати или амулета из розового мрамора. На печати сохранилось рельефное орнаментальное изображение розетки, скорее всего четырехлепестковой⁵.

Самая замечательная находка (рис. 11) была сделана в богатом захоронении 2 раскопа 6, где под пяточной костью правой ноги умершей была расчищена каменная фигурка человека⁶. Фигурка лежала на спине, лицом

---

¹ Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С.406, рис. 19,6.

² Kaniuth Kai. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien. – Archäologie in Iran und Turan, В. 6. – Mainz, 2006. – P.72.

³ Там же. – P. 73.

⁴ Сплавы меди с мышьяком и свинцом хорошо известны в сапаллинской культуре – Сапаллитепа, Джаркутан (Kaniuth 2006: 107), в Северном Афганистане на дашлинских памятниках (Сарианиди 1977: 71), в Маргиане (Терехова 1990: 184) и в Южной Туркмении – Алтын-Депе (Кирчо 2005: 383).

⁵ Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С.406, рис. 19,5. Аналогии таким розеткам имеются среди металлических печатей в Алтын-Депе (Массон, 1981, табл. XVI, 8) Шахри-Сохта (Salvatori, 2000: 115, fig. 11, 10 – typ 8) и на амулетах из серпантина в Маргиане (Sari-anidi, 1986: 222).

⁶ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте // Проблемы культурогенеза и культурного наследия. –Спб., 2009. – С.102-116; Спектральный анализ Центральной лаборатории Управления геологии г. Душанбе показал, что статуэтка изготовлена из мягкого белого камня – ангидрита (разновидность гипса). Этот камень встречается в неогеновых породах Афгано-Таджикской депрессии. Вес фигурки – 555 г.

вверх. Статуэтка, скорее всего, изображает фигуру мужчины¹. Высота – 13,2 см; нижняя часть статуэтки вырезана в форме усеченного конуса. Голова фигуры округлой формы с выделенным прямым носом, подбородком и «улыбающимися» губами. Глаза большие, миндалевидной формы. Руки сложены на поясе, большие пальцы рук слегка подняты вверх и соприкасаются между собой. Другие пальцы сжаты в кулак. Волосы прямые, прочерчены тонкими углубленными линиями. На концах они собраны в косу и свернуты валиком на затылке в пучок. Судя по изображению рук, фигурка изображает человека в молитвенной позе.

Находка статуэтки из погребения № 2 раскопа 6 в Гелоте, в отличие от керамического материала, не находит прямых аналогий в бактрийско-маргианских комплексах. По стилю исполнения эту фигуру можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастического времени – широкие плечи, широко расставленные руки, изображение лица с «улыбающимися губами» и большими глазами миндалевидной формы. Статуэтка из Гелота по общей манере исполнения лица, рук может быть сравнима со скульптурой из Мари².

Каменная фигурка из Гелота, кроме выше приведенных параллелей с месопотамской скульптурой, имеет определенное сходство в бактрийской и маргианской пластике. Это тонкая моделировка глаз, ушной раковины и прически. В Гонуре, было найдено серебряное навершие булавки³. Оно изображает женщину, сидящую в кресле и одетую в каунакес. Лицо ее отлично от гелотской фигурки, но большое сходство в изображении больших миндалевидных глаз, ушных раковин эллипсовидной формы и прически. Волосы прочерчены тонкими углубленными линиями, уложены валиком на затылке. Эта прическа характерна для бактрийских составных статуэток⁴.

Другая линия параллелей статуэтки из Гелота может быть проведена с Восточным Ираном, где в Шахдаде на Некрополе А были найдены глиняные статуи в молитвенной позе. Они довольно больших размеров от 45 до 97 см⁵ и имеют

---

¹ По мнению Винкельман статуэтка изображает женскую фигуру (Vinogradova, Winkelmann 2016: 361-377).

² Braun-Holzinger E.A. Frühdynastische Beterstatuetten. – Berlin, 1977. Taf. 24 a, d; 30, a, b.

³ Сарианиди В.И. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы //ВДИ. – М., 1995. – С.78, рис.3.

⁴ Pottier M. – H. Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze. Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1984. Pl. XVI, – P.303 (Mémoire n° 36).

⁵ Nakemi A., Sajjadi S. Shahdad excavations in the context of the oases civilization Bactria. – G. Ligabue, S.Salvatori (изд.) An ancient oasis civilization from the Sands of Afghanistan. – Venedig, 1990. – P.147.

портретное сходство с умершими. Некоторые скульптуры вылеплены под влиянием месопотамской пластики – широкие плечи, широко расставленные руки. Они сложены на груди или на поясе. Именно эти элементы в изображении торса статуй сближает гелотскую статуэтку с Шахдадом¹. С. Винкельман датирует цилиндрические печати Некрополя А Шахдада раннединастическим периодом до начала Аккадского времени. Подводя итоги описанию статуэтки из Гелота мы склоняемся к мнению, что она была изготовлена в Бактрии мастерами из местного камня (ангидрат) под влиянием месопотамских эталонов.

В 2010-2012 гг. в окрестностях кишлака Дарнайчи на лессовых холмах вдоль шоссе-ной дороги Восе-Ховалинг были заложено пять раскопов. Из захоронений земледельческой культуры было открыто только два погребения. Кроме того, здесь было найдено несколько земледельческих сосудов из разрушенных погребений. Конструкция могилы прослеживается только для захоронения 5 раскопа 2. Это катакомба с входной ямой и ступенькой (рис. 15). Скелет лежит в скорченной позе на правом боку головой на северо-запад. Погребальный инвентарь находится около рук умершего. Здесь было найдено четыре сосуда с темно-красным ангобом: гончарный кувшин с орнаментом креста, гончарная глубокая чаша, гончарный кубок на ножке (ножка отломана), лепная круглодонная миска (рис. 15,1-4). Все формы, за исключением круглодонной миски, имеют прямые аналогии с керамическим материалом погребения №2 раскопа б в Гелоте. Изображение креста на керамических сосудах характерно для памятников времени поздней Намазга V – ранней Намазга VI: Алтын-депе, слои 0-2², Сапаллитепа³, Дашлы 1,3⁴. В целом немногочисленный керамический материал из земледельческих погребений могильника Дарнайчи обнаруживает близкие параллели с посудой из могильников Сапаллитепа, Джаркутан, Дашлы 1,3, Алтын-Депе (слои Намазга V).

---

¹ Nakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. – Rome: IsMEO, 1997. – 721 p. N 1479, 3432, 3520 (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).

² Удеумурадов Б.Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. – Ашхабад, 1993. – С.52, рис. 19,7-13.

³ Аскарлов А.А. Сапаллитепа. – Ташкент: Фан, 1973. – С. 169, табл. 31,16-19..

⁴ Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 77, рис. 48. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1973 гг.); Francfort P. – H. Fouilles de Sjhorthughай. Recherches sur l'Asie Centrale proto-historique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. Vol. I. Texte. 517 p.; Vol. II. Illustrations (105) et Planches (XLII). (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. II). P-359, type XIV рис. 41, 42.

Археологические материалы Гелота и Дарнайчи из земледельческих захоронений раннесапаллинского периода позволяют датировать их временем поздней Намазга V – ранней Намазга VI и соотнести с культурами аккадской эпохи и III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром IIIc в Северо-Восточном Иране и Шахдад (III период) в Юго-Восточном Иране.

Исследования вахшских захоронений на могильниках Гелота и Дарнайчи позволяют сделать некоторые выводы о конструкции погребальных сооружений и обряде захоронения. Могилы располагаются на лессовых склонах холмов рядом с погребениями земледельческой культуры. На древней поверхности захоронения никак не отмечены. Они не перекрывают друг друга и находятся на значительном расстоянии друг от друга, от двух до шести метров. Конструкция погребальных ям, такая же, как в земледельческих комплексах: простая яма и яма с подбоем или катакомбой (рис. 16). Вход в камеру в некоторых случаях закрывался кусками глины (рис. 9,1,2).

Обряд захоронения – труположение, следов кремации не обнаружено. Погребенный находится в могиле в сильно скорченном положении (пятки ног касаются таза). Определенной ориентировки скелета в могиле не наблюдается, часто он обращен головой в сторону повышения склона – на север и северо-запад. В мужских захоронениях скелет лежит на правом боку, в женских – на левом. Руки находятся перед лицом, на груди или на поясе. В Гелоте встречаются парные захоронения и могилы с расчлененными скелетами: в погребение кладется череп, длинные кости рук и ног. По определениям антропологов возраст погребенных от 5-6 лет до 59 лет. В могилах встречаются кости барана или диких животных – оленя. Погребальный инвентарь довольно стандартный. В погребении находилось от одного до четырех сосудов, каменные жезлы¹, бусы из пасты, сердолика и лазурита, гальки-краскотерки; в редких случаях ножи и изделия из кости.

Посуда из захоронений вахшской культуры представлена лепными и гончарными сосудами². Гончарные сосуды изготовлены на кругу быстрого вращения. Представлены следующие формы и типы (рис. 12;17А,1-4): «кубки» тюльпановидной формы на дисковидном сплошном поддоне или с биконической формой тулова; миски на кольцевом поддоне или глубо-

---

¹ Последние происходят из разрушенных погребений.

² В погребениях вахшской культуры Гелота гончарная керамика составляет около 40%.

кие миски конической нижней частью; блюдо с широким устьем; горшковидные сосуды шаровидной формы или с дисковидным поддоном.

Лепные сосуды иногда подправлены на кругу. В тесте лепной керамики прослеживаются примеси шамота, дресвы и ракушки (для кухонной посуды)¹. На некоторых сосудах имеются следы красного и белого ангоба, внешняя поверхность орнаментирована с помощью лощения узором «елочки». Различаются следующие формы лепной столовой посуды (рис. 13; 17Б): «кубки»² тюльпановидной формы на кольцевом поддоне или шаровидной формы на низком сплошном поддоне; кувшины с высоким выделенным горлом и сферическим туловым; миски глубокие с конической нижней частью или глубокие миски круглодонной формы; горшковидные сосуды шаровидной формы и слегка выделенном дном. Встречается еще грушевидная форма сосуда. Для могильника Дарнайчи характерны горшковидные круглодонные сосуды шаровидной (рис.17Б,1-5,7) или грушевидной формы (рис.17Б,8). Аналогии круговой и лепной керамике Гелота имеются на памятниках вахшской и бешкентской культур. «Кубки» тюльпановидной или яйцевидной формы – одна из основных форм керамики этих культур. Для гончарных сосудов характерен поддон дисковидный сплошной, для лепных – кольцевой. Ближайшие аналогии гончарным сосудам из Гелота мы находим на памятниках вахшской культуры в бассейне р. Кызылсу – могильник Обкух³ (Таджикистан). Два гончарных сосуда яйцевидной формы известны в Северном Афганистане из земледельческих погребений в Дашлы 17 и Дашлы 18⁴.

Лепные горшки шаровидной формы на сплошном низком поддоне или без поддона имеют аналогии в Обкухе⁵, в Раннем Тулхарском могильнике⁶ (Таджикистан). Круглодонные кухонные горшки также часто встречаются в могильниках вахшской и бешкентской культур: Ранний Тулхар-

---

¹ Лепная керамика в Дарнайчи представлена в основном круглодонными формами посуды.

² Эта форма сосудов отсутствует в Дарнайчи.

³ Пьянкова Л.Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (Московский район) в 2002 г. // АРТ-2003. – Вып. XXVIII. – С. 230, рис. 48,1-4,7,8.

⁴ Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.). – С. 69, рис.31,8,9.

⁵ Пьянкова Л.Т. Указ. раб. – С. 227, рис.15,7.

⁶ Kaniuth K., Teufer M. Zur Sequenz des Gräberfelds von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien, AMIT, B. 33. Berlin, 2011.-P. 95, fig. 4,15.

ский могильник¹, в Маконимор², в Тигровой Балке³. Интересно отметить, что в погребальном инвентаре могильников Гелота и Дарнайчи не встречаются банки, столь характерной формы для посуды вахшской и бешкентской культур поздней бронзы.

Особый интерес представляют лепные горшковидные круглодонные сосуды шаровидной формы с узором в виде елочки по всей поверхности посуды из могильника Дарнайчи⁴. Такие сосуды впервые появляются в керамике могильника Фархор (рис. 6,2,3).

Из бронзовых предметов в погребениях Гелота найдены булавка – шило⁵ и двулезвийный нож с лопатковидным лезвием⁶. Кроме того, имеются два предмета из кости – стрела и полая трубочка. Стрела имеет конусовидно вытянутую форму со срезанным на клин черешком. Подобные четыре стрелы имеются в погребальном инвентаре кургана № 24 могильника Маконимор⁷. Костяная трубочка срезана с двух концов ножом и заполирована.

Особый интерес представляют многочисленные находки бус из золота, агата, сердолика, лазурита, бирюзы и пасты. Бусы из агата варьируются по окраске; они могут быть светло-коричневые, желтые, голубые, черные.

---

¹ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л.: Наука, 1968. – 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 145). Табл. XI,1 – погребение со спуском.

² P'jankova L.T., Litvinskij V.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadžikistan, AMIT, B. 41. – Berlin, 2009. –P. 109, fig.15,3.

³ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. – Душанбе, 1989. – С. 230, рис. 48,1-4,7,8.

⁴ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С. 115, рис. 14,1,2.

⁵ Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. – М.: Наука, 1977. – 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.). – С. 69, рис.31,8,9. Подобные металлические предметы часто встречаются на сельскохозяйственных памятниках (Kaniuth 2006: 103-105), но довольно редко на поселениях и могильниках вахшской культуры. Единичные находки такого типа известны в Раннем Тулхарском могильнике (Мандельштам 1968: 149, табл.VIII,6), на поселении Ташгузор (Виноградова 2004:177, рис.53,12).

⁶ Наш нож относится к типу Па по классификации Е.Е. Кузьминой. В качестве аналогий этому типу она приводит нож из культурного слоя эпохи бронзы Большого Чуйского канала в Киргизии (Кузьмина 1966: табл. VII, 17) и сходный экземпляр из афанасьевского погребения могильника Тас-Хаса в Сибири (Кузьмина 1966: 38). Нож с лопатковидным лезвием найден при строительных работах около Нурека, но отличается от гелотского наличием продольного ребра (Пьянкова 1989: 250, рис. 81).

⁷ P'jankova L.T., Litvinskij V.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M. Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadžikistan, AMIT, B. 41. – Berlin, 2009. –P. 109, fig.15,3.

В погребениях находят также бисер из камня или смолы ярко красного цвета. В большинстве случаев бусины находят у шейных позвонков погребенного. Бусы составлены из бусин различной формы: цилиндрические, бочковидные, каплевидные, шестигранные. Каплевидные и шестигранные бусины встречаются только в погребальном инвентаре могильника Дарнайчи. Крупные бусины прямоугольной формы могли быть разделителями и находится в центре ожерелья.

Бусы из агата или бирюзы имеют широкий круг аналогий на памятниках земледельческих и степных культур Средней Азии. Особый интерес представляют бусины из лазурита в виде шестигранника и каплевидной формы в могильнике Дарнайчи. Аналогии бусине в форме многогранника имеются в Шахдаде¹ (Иран) и в Саразме, но они изготовлены из сердолика². Для бусин каплевидной формы ближайшие параллели имеются на иранских памятниках в Гиссаре III³ и в Шахдаде⁴. Большое количество бус и бисера в погребальном инвентаре вахшских могил Гелота и Дарнайчи косвенно свидетельствует об изготовлении их местным населением и о тесных культурно-торговых контактах с земледельческим населением этого региона.

Подводя итоги раскопкам на могильниках Гелот и Дарнайчи можно предположительно сделать следующие выводы. Конструкция погребальных сооружений, обряд захоронения носителей вахшской и земледельческой культур едины и ничем не отличается. В настоящее время в Гелоте для трех погребений: №2 и №13 (раскоп б) и №3 (раскоп 4) имеются радиоуглеродные даты, полученные на костном материале в лаборатории Тюбинского Университета (Германия)⁵. По радиоуглеродным датировкам эти погребальные комплексы относятся к концу III тыс. до н.э. – началу II

---

¹ Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. – Rome: IsMEO, 1997. (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27). –P. 656, Hb2.

² Раззоков А. Саразм (Орудия труда и хозяйство по экспериментально-трасологическим данным). Душанбе. 2008. Рис. 33, 1-4.

³ Schmidt E.F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. – 478 p. (Publications of the Iranian Section of the University Museum). Pl. LXIX, H3546.

⁴ Hakemi A. Указ. раб. –P. 656, Hb13.

⁵ Земледельческие погребения: №2 2128-1981 гг. до н.э. (калибровка по сигме 1), 2135-1965 гг. до н.э. (калибровка по сигме 2); №3 2126-1982 гг. до н.э. (калибровка по сигме 1), 2134-1966 гг. до н.э. (калибровка по сигме 2). Вахшское погребение №13 2197-2049 гг. до н.э. (калибровка по сигме 1), 2203-2036 гг. до н.э. (калибровка по сигме 2).

тыс. до н.э.¹ Новые радиоуглеродные даты заметно удревняют относительную хронологию погребений Гелота, построенную на типологических связях керамического материала с культурами соседних регионов².

Вахшская посуда из погребений в Дарнайчи (круглодонные сосуды с орнаментом елочкой), редкие формы бус (многогранные и каплевидные бусины), аналогии материалам могильников Фархора (Таджикистан), Гиссара III и Шахдада (Иран) позволяют говорить о большей древности вахшских захоронений в Дарнайчи по сравнению с Гелотом. Это подтверждается и радиоуглеродной датировкой погребения 2 (раскоп 2) в Дарнайчи, полученной на костном материале в лаборатории Тюбинского Университета (Германия): 2333-2153 г.г. до н.э. (калибровка по сигме 1); 2456-2140 гг. до н.э. (калибровка по сигме 2).

Археологические исследования на могильниках Фархора, Гелота, Дарнайчи позволяют по-новому оценить этнокультурные процессы, происходившие на юге Таджикистана в конце III – начале II тыс. до н.э. Новые материалы из Фархора, Кангуртгута 2 свидетельствуют о появлении здесь во второй половине III тыс. до н.э. предпосылок для формирования культуры Окса или БМАК и дальнейшем существовании этой культурной общности на территории Юго-Западного Таджикистана (могильники Гелота и Дарнайчи). В это время территория Юго-Западного Таджикистана входит в зону «Внешнего Ирана». По мнению Амье, в результате воздействия со стороны Нижней Месопотамии и Юго-Западного Ирана во второй половине III тыс. до н.э. возникла культурная общность Внешнего Ирана. Она простиралась от юга Персидского залива, юго-востока Кермана до долины Гильменда, юга Туркмении, Афганистана и северо-восточного Ирана³.

Эта общность сохраняется до начала II тыс. до н.э. и объединяется на территориях Бактрии и Маргианы в БМАК или цивилизацию Окса. В по-

---

¹ Тойфер М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. – 2014. – Вып. XXXVII. – С.110-119.

² Виноградова Н.М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // АРТ. – 2012. – Вып. XXXV. – С.139-145; Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ, 2013.-Вып. XXXVI. – С.94-96.

³ Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer. Iran in the Louvre Collection. – G.Ligabue, S.Salvatori (изд). Bactria – an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. – Venedig, 1990. P-135.

следнем своем исследовании П. Франкфорт предлагает выделить материал этого времени из Восточной Бактрии в культуру Пянджа¹.

Анализ предметов погребального инвентаря могильников Фархор, Гелот и Дарнайчи позволяет сделать вывод о связях древнего населения этих могильников с южными земледельческими племенами юга Средней Азии (Алтын-депе, Гонур, Сапалли, Джаркутан), Ирана (Гиссар ШС, Шахдад – некрополь А) и Афганистана (Дашлы 1,3) и хронологически соотнести с культурами аккадской эпохи и III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром Ш с в Северо-Восточном Иране и Шахдад (III период) в Юго-Восточном Иране. По радиоуглеродным датировкам это время с 2300 до 1600 г. до н.э. Материальная культура памятников Юго-Западного Таджикистана синтезирует в своей культуре месопотоамо-эламские эталоны с местными бактрийскими традициями. Связи с Эламом и Месопотамией могли осуществляться через Северный Афганистан и Восточный Иран. Художественные изделия Древней Бактрии особенно в области торевтики и глиптики испытывали сильное влияние западных месопотамских эталонов, которые могли отвечать культурным запросам местного бактрийского общества. находка каменной статуэтки в Гелоте еще раз подтверждает мнение П. Амье об определенном воздействии Элама («второго Шумера») на сложение бактрийской цивилизации. «Граница сферы влияния Элама, сначала находившаяся в Восточном Иране, продвинулась до Бактрии»².

Точка зрения П. Амье об определенном воздействии Элама на сложение бактрийского археологического комплекса проливает свет на этническую принадлежность доиндоиранского населения Бактрии. Анализируя гипотезу В.М. Массона о распространении эламского языка в III тыс. до н.э. вплоть до Сеистана и дравидского от Туркмении до Инда, А. – П. Франкфор³ допускает эламоязычность бактрийского населения.

---

¹ Francfort P. – H. How the twins met: Indus Oxus Bronze Age Civilisations in Eastern Bactria. Shortugai revisited forty years later. // Маргианская экспедиция. Труды, т.6. М. 2016. – С. 471.

² Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer. Iran in the Louvre Collection. – G.Ligabue, S.Salvatori (изд). Bactria – an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. – Venedig, 1990. – P.135.

³ Francfort P. – H. Fouilles de Shortughai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. Vol. I. Texte. 517 p.; Vol. II. Illustrations (105) et Planches (XLII). (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. II). – P. 412.

Археологические материалы некрополей Фархора, Гелота и Дарнайчи позволяют несколько по-новому подойти и к вопросу генезиса бешкентской и вахшской культуры. Тот факт, что самые ранние могилы с кремацией (могильник Ранний Тулхар) относятся к степным культурам (найдена лепная керамика) позволяет заключить, что изначальный компонент в сложении бешкентской культуры был «степной». Этот же компонент прослеживается в некоторых погребальных комплексах могильника Фархор. Особый интерес представляет находка лепного горшка вместе с обломком бронзового ножа и костями барана в погребении 12 могильника Фархор (рис. 7,2). Наиболее близкие аналогии этому сосуду по форме, составу примесей в тесте имеются среди посуды группы VI могильника Заманбаба и в какой-то степени некоторые параллели можно привести с лепной керамикой Раннего Тулхарского могильника. По заключению Н.А. Дубовой костные останки индивидуумов, происходящие из погребений Фархора, характеризует общая грацильность и бесспорная европеоидность облика средиземноморского типа. На общем фоне выделяется скелет 1 из погребения 12. По ее мнению, обращает на себя внимание небольшая уплощенность верхней части лица, т.е. общий облик черепа сближается с расовым типом населения среднеазиатского междуречья.

В погребальном инвентаре могильника Фархор (погребения 2,4 раскопа 1) впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о древнейшем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры. Самые близкие аналогии этой посуде имеются в погребальном инвентаре Раннего Тулхарского могильника (бешкентская культура) и некрополя Дарнайчи – погребения 1,2 раскопа 2 (круглодонные сосуды с орнаментом елочкой). Лепные круглодонные или плоскодонные сосуды с узором в виде елочки хорошо известны на вахшских памятниках долины р. Кызылсу¹. Орнамент елочкой, выполненный в технике лощения, характерен для астрабадской культуры северовосточного Ирана – Тюренг Тепе III, Шах Тепе II, Гиссар III.

Археологические материалы Фархора свидетельствуют о тесных контактах местных земледельцев с носителями степных культур и, возможно, формировании в этой контактной зоне этнокультурных групп со смешанным населением – исконно оседлыми жителями культурных оазисов и полукочевыми племенами.

---

¹ Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. – 2013. - Вып. XXXVI. - С. 91–118.

Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы становится зоной контакта трех крупных культурно-исторических общностей, различных по происхождению. Это древние земледельцы – носители сапаллинской культуры (северо-бактрийский вариант культуры Намазга VI)¹ и степные племена бешкентско-вахшской и андроновской культур².

В эпоху поздней бронзы, как об этом свидетельствуют археологические материалы, происходит переориентация культурных связей. Если в конце III тыс. – начале II тыс. земледельческое население Юго-Западного Таджикистана находилось в тесном контакте с земледельческими племенами Южного Туркменистана (Алтын-депе, Гонур), Ирана (Гиссар ШС, Шахдад – некрополь А) и Афганистана (Дашлы 1,3), то в период поздней бронзы эти связи заметно ослабевают. На юго-запад Таджикистана из юго-восточных районов Южного Узбекистана проникают племена сапаллинской культуры. Массовое переселение могло быть вызвано экологическими изменениями, демографическими или экономическими причинами (рост населения, освоение новых земельных оазисов, торговля).

Археологические исследования на поселении и могильнике Кангурттут, а также привлечение других земледельческих памятников Юго-Западного Таджикистана (поселения Дахана, Тегузак, некрополи Тандырайул, Кызлар-Кала, Нурекские могильники и другие) позволяют сделать некоторые выводы для их общей характеристики. Для своих поселений древние земледельцы выбирали участки в предгорной зоне, одинаково пригодной для земледелия и скотоводства. Местами в предгорьях встречаются могильники или отдельные погребения андроновской или бешкентско-вахшской культуры. Их носители в отличие от земледельцев селились в широких речных долинах и степях.

Земледельческая традиция населения Юго-Западного Таджикистана в эпоху поздней бронзы несколько отличается от классических памятников западных районов Северной Бактрии, что объясняется, прежде всего, условиями жизни в горной местности. Это проявляется в строительстве

---

¹ Сапаллинский керамический комплекс соотносится с материалами поздней Намазга V и ранней Намазга VI (Удеумурадов 1993: 107–111), а молалинский и бустанский соответствуют материалам Намазга VI (например, могильник Тахирбай 3) в Маргиане (P'iankova 1993: 1).

² Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004; Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). – М., 2008.

террасных домов на каменном фундаменте с пахсовыми стенами. Открыты отдельно стоящие «усадыбы». Земледелие было богарным. Основные сельскохозяйственные культуры древних земледельцев – ячмень, пшеница, лен, просо. На поселении Кангурттут обнаружены практически все разновидности культурных ячменей¹. Пшеница представлена двумя разновидностями – мягкая и двузернянка. Кроме того, выращивали лен, просо и разводился скот: быки, коровы, овцы, козы и лошади.

Большое место имели домашние промыслы – гончарное дело, металлообработка, ткачество. При раскопках поселения Кангурттут открыто несколько гончарных печей. Температура обжига посуды достигала 800–950° (Карделлини и др. 2004: 238). Среди домашних промыслов следует назвать металлообработку для изготовления орудий труда и украшений. Находки литейных форм, а также полуфабрикатов дают основание предполагать, что в земледельческих поселениях практиковалась обработка металла. Металл был привозным. В. Д. Рузанов сравнивает металл памятников Тандырйул и Кангурттут по химическому составу и микропримесям с бронзой андроновских памятников (могильники Чака, Искандер) и чувстской культуры Ферганы. Рудная база, по его мнению, локализовалась в Чаткало-Кураминских горах на северо-востоке Узбекистана (Аскарлов, Рузанов, 1990: 10).

В устройстве погребальных сооружений использовался рельеф. На земледельческих могильниках Юго-Западного Таджикистана выделяется четыре типа в конструкции погребений: яма, яма со спуском, подбой, катакомба. Обычно на могильниках встречаются два основных типа захоронения: трупоположение или кенотаф с сопровождающим инвентарем и глиняными антропоморфными или зооморфными фигурками из необожженной глины. Следов кремации не наблюдается. Вход в погребальную камеру закладывался камнем (Тандырйул) или комьями глины (Кангурттут). При трупоположении покойник кладется в скорченной позе, на левом или правом боку. Судя по сопровождающему инвентарю (серьги, подвески) и анатомическим признакам, можно сделать заключение, что мужчины хоронились на правом боку, женщины – на левом. Погребальный инвентарь довольно стандартный. На поздних этапах сапаллинской

---

¹ Лебедева Е.Ю. Изучение отпечатков растительного происхождения на глиняной печной обмазке с поселения Кангурттут // Н.М. Виноградова. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М., 2004. – С. 248-253.

культуры бросается в глаза «бедность» предметов в захоронениях – в могилы кладутся сосуды, модели бронзовых вещей, нет печатей и каких-либо художественных изделий, за исключением скульптурных изображений из необожженной глины.

В погребальной практике появляется множество кенотафов. На некрополях Южного Узбекистана они составляют около 40%, на могильнике Кангурттут их число достигает уже 90%. В конце бронзового века в Северной Бактрии на поздних этапах сапаллинской культуры происходят изменения в религиозно-ритуальной концепции погребения умерших. Об этом свидетельствует значительный процент кенотафных захоронений, наличие в некоторых захоронениях только отдельных костей скелета (кости рук, ног или черепа). В качестве гипотезы возможно предположить, что кроме основного обряда погребения – ингумации, имело место «выставление» трупов на воздухе и затем частичного захоронения костей в могилу или устройства специальных ритуальных погребений – кенотафов, иногда с глиняными фигурками умерших. На земледельческих памятниках Юго-Западного Таджикистана погребения с кремацией пока не открыты.

На юге Таджикистана в эпоху поздней бронзы очень важны были постоянные экономические, культурные и этнические контакты между земледельческим населением и племенами андроновской культуры. Археологические исследования памятников этой культуры свидетельствуют о ее довольно обширном ареале распространения – от Гиссарской долины до Восточного Памира. В Юго-Западный Таджикистан эти племена проникали предположительно из долины Зарафшана. По заключению Н. А. Аванесовой, географическое расположение Зарафшанской долины играет роль связующего звена между севером и югом Средней Азии¹. К андроновской культуре принадлежит древнее поселение – стоянка у совхоза им. Кирова, жители которого занимались металлообработкой и подсобным земледелием (находки литейных форм и зернотерок). В зонах контактов степного населения с земледельцами на могильниках андроновской культуры (Кумсай, Туюн) в конструкции погребальных сооружений, типе захоронений и инвентаре прослеживаются две тесно переплетающиеся между собой традиции: северная андроновского круга памятников, прежде всего долины Зарафшана (Чака, Муминабад, Дашти-Кози) и местная южная, земледельческая.

---

¹ Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане. – Ташкент, 2002. – С.19.

Судя по археологическим материалам Южного Таджикистана, процесс инфильтрации или «просачивания»¹ андроновских племен на юг был относительно медленным и никаких следов гибели земледельческих поселений не наблюдается. Имеются и свидетельства обратного влияния – земледельческих племен на северных соседей. У древних жителей Казахстана и Семиречья иногда можно встретить изделия круговой земледельческой керамики и характерные предметы женских украшений². Контакты степных и земледельческих племен носили мирный характер, что обуславливалось обменом продуктов земледелия и ремесла с юга на медь и олово из северных областей. При этом могло происходить оседание и «растворение» степняков среди населения земледельческих оазисов. Примеры этого существуют в этнографии Южного Таджикистана³.

Нижнюю хронологическую границу существования андроновской культуры на юго-западе Таджикистана позволяют установить находки «земледельческой» керамики на могильнике Кумсай. Эта посуда характерна для молалинского этапа памятников земледельческой культуры и датируется первой половиной II тысячелетия до н.э. Верхняя хронологическая граница присутствия андроновской культуры определяется находками, типичной для нее керамики вместе с посудой Яз I (верхний горизонт раскопа стоянки у совхоза им. Кирова). Судя по результатам раскопок андроновские памятники доживают в Юго-Западном Таджикистане до начала раннего железного века: середина – конец II тысячелетия до н.э.

На юге Таджикистана земледельческие племена тесно связаны с носителями бешкентской и вахшской культур, которые селились на довольно протяженной территории – от долины Бешкента на юге до верховьев Вахша на севере и от Гиссарской долины на западе до Западного Памира на востоке. Бешкентские и вахшские памятники очень близки между собой и, по мнению некоторых исследователей, могут быть отнесены к единой бешкентско-вахшской культуре⁴.

---

¹ Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum*. От Балкан до Гималаев. Время цивилизаций. – 1999. – № 2. – СПб., Кишинев, Одесса. – С.277.

² Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? – М., 1994. –С.243.

³ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы.-М., 2004. – С.11.

⁴ В археологической литературе традиционно выделяется две культуры – вахшская (Пьянкова 1989) и бешкентская (Мандельштам 1968). Ведется непрекращающаяся дискуссия о происхождении скотоводческих комплексов древней Бактрии, сходстве и различии бешкентской и вахшской культурной традиции. Например, Е. Е. Кузьмина

Вахшские и бешкентские памятники по обряду погребения (подбой или катакомба) и инвентарю очень близки между собою и могут быть отнесены к единой культурно-исторической общности. Внутри этой общности выделяются две культуры вахшская и бешкентская с несколькими хронологическими фазами.

На памятниках Бешкентской долины различаются три хронологические группы¹: 1) погребения с кремацией на Раннем Тулхарском могильнике – самые древние; 2) погребения со спуском Раннего Тулхарского могильника, некоторые захоронения Аруктауского некрополя, Бешкент II по находкам гончарной керамики соотносятся с молалинским этапом сапаллинской культуры; 3) поздние катакомбные погребения Раннего Тулхарского могильника. В эту же группу входят погребальные сооружения четвертого типа по А. М. Мандельштаму – каменная ограда с ямой внутри.

На некрополях вахшской культуры большинство захоронений – катакомбного типа с различными вариантами. В погребальном инвентаре могильника Фархор (погребения 2,4 раскопа 1) впервые встречаются керамические формы, свидетельствующие о древнейшем появлении на юге Таджикистана вахшской культуры. Самые близкие аналогии этой посуде имеются в погребальном инвентаре Раннего Тулхарского могильника (бешкентская культура) и некрополя Дарнайчи – погребения 1,2 раскопа 2 (круглодонные сосуды с орнаментом елочкой). Лепные круглодонные или плоскодонные сосуды с узором в виде елочки хорошо известны на вахшских памятниках долины р. Кызылсу².

Следующая хронологическая группа – могильники Гелот, Дарнайчи, Гулистон, Обкух, Маконимор. Здесь еще не встречается керамика с валиком.

(Кузьмина 1972: 138–139) предлагает относить их к единой культуре – бешкентской, по месту первооткрытых памятников, А.А. Аскарлов (Аскарлов 1977: 115) – к единой культуре скотоводческих племен. В. И. Сарияниди (Сарияниди 1977: 148), напротив, не только не считает бешкентскую и вахшскую вариантами одной общей культуры, но и допускает возможность их принадлежности разным этническим группам. По мнению А.-П. Франкфорта (Francfort 1981: 202), бешкентская и вахшская культуры различны, но первая – более ранняя. Л.Т. Пьянкова считает, что скотоводческие комплексы Бактрии возникли синхронно, но в формировании бешкентской и вахшской культур участвовало население разных бактрийских регионов, а в Раннем Тулхаре к вахшской культуре следует относить лишь погребения в катакомбах (Пьянкова, 1981; 1982; P'jankova 1985: 147-152; Пьянкова, 1989: 98–100).

¹ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М., 2004. – С.86.

² Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. – 2013. – Вып. XXXVI. – С.115, рис. 14,1,2.

По керамическому инвентарю они более всего сближаются с материалами второй и третьей хронологической группы бешкентских памятников. Могильники вахшской культуры в бассейне р.Кызылсу (Сурхоб) выделяются в особую локально-хронологическую группу. В погребальном инвентаре этих памятников керамика, изготовленная на кругу, не только присутствует, но иногда и преобладает над лепной. Например, в могильнике Обкух (соответственно 82% и 18%), при этом лепные сосуды часто изготавливались в подражание гончарным «стандартам»¹.

Поздняя группа катакомбных захоронений включает такие памятники как Тигровая Балка и поселение Ташгузор (присутствует посуда, орнаментированная валиком; гончарные сосуды встречаются уже очень редко; параллели с керамикой раннего железного века Яз I). Наши представления о бешкентско-вахшской культуре на позднем этапе ее развития обогатило открытие первого поселения Ташгузор. Раскопаны жилища типа полуземлянок. Важную роль в хозяйстве жителей поселения играло земледелие (найлены зернотерки и песты; обнаружены отпечатки зерен ячменя на обожженной глине стенок гончарной печи), разводился крупный рогатый скот.

Многие авторы приходят к выводу, что сильное влияние на формирование бешкентской и вахшской культуры оказали земледельческие племена², что подтверждается данными антропологии. Так, Т.П. Кияткина выделяет на Раннем Тулхарском могильнике как черепа протоевропеоидного типа населения степной полосы Евразии, так и серию черепов, относящихся к южному протосредиземноморскому расовому типу. Также у черепов из Макони-Мор исследовательница усматривает признаки, свойственные средиземноморскому типу³.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы: бешкентская и вахшская культуры очень близки между собой. По подсчетам Л.Т. Пьянковой 70,9% лепной керамики могильника Тигровая Балка сходны с бешкентской посудой. Отличия носят хронологический и локальный характер. Памятники бешкентской и вахшской культуры доживают до раннего

---

¹ Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ, 2013. Вып. XXXVI. – С.115, рис. 14,1,2.

² Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (III тысячелетие до н.э.). – М., 1981. – С.157-158; Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004. – С.101.

³ Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С.24, 26.

железного века. Находки керамики древних земледельцев при раскопках памятников степных племен и «степной посуды» – на земледельческих поселениях и могильниках позволяет синхронизировать эти культуры.

О тесных контактах земледельцев с носителями бешкентской и вахшской культуры свидетельствует инвентарь некоторых погребений и керамика, найденная на поселениях земледельческой культуры. Так на могильнике Тандырйул в погребениях вместе с земледельческой керамикой встречается лепная посуда – круглодонные горшковидные сосуды¹, параллели которым были найдены в Раннетулхарском могильнике² и в Обкухе³. На могильнике Кангурттут среди земледельческих могил имеется погребение (№ 69) с тремя лепными сосудами, характерными для бешкентско-вахшской культуры⁴.

Гончарную земледельческую посуду часто находят в погребениях бешкентско-вахшской культуры – керамика сапалинской культуры молалинского и бустанского типов в Раннем Тулхарском могильнике⁵ и в Макони-Мор⁶.

Общая тенденция к более ранней датировке памятников эпохи бронзы Средней Азии привела к разногласиям во мнениях исследователей. Как правило, это связано с использованием радиоуглеродных дат с различными корректировочными поправками⁷. Для памятников эпохи поздней бронзы в Северной Бактрии мы имеем следующие даты: Тигровая Балка – 1500±60 гг. до н.э., три даты с поселения Кангурттут. Последние находятся в хронологическом интервале между 1976 / 1756 и 1594 / 1291 гг. до н.э.⁸. Немецкими учеными были опубликованы радиоуглеродные даты для Узбекистана с поселения Джаркутан⁹. Всего

---

¹ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004. – С. 131, рис. 9, 18-24.

² Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – Л.: Наука, 1968. – 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 145). Т. XI, с. 1–3; XII, с. 1.

³ Пьянкова Л. Древние скотоводы Южного Таджикистана. – Душанбе, 1989. – С. 228, рис. 16, 3, 4.

⁴ Виноградова Н.М. Указ. раб. – С. 158.

⁵ Мандельштам А.М. Указ. раб. – С. 154, табл. XIII, XIV.

⁶ Виноградова Н.М. Указ. раб. – С. 172, рис. 48, I, 1.

⁷ Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н.э. // Хронология эпохи позднего неолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Дөпе). – СПб, 2005. – С. 528.

⁸ Виноградова Н.М. Указ. раб. – С. 290-291.

⁹ Görsdorf, Huff, 2001. – Görsdorf J., Huff D. ¹⁴C-Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan. – AMIT, B. 33. Berlin, 2001. – С. 75.

было обработано 23 образца холма IV, цитадели и холма VI (т.н. храм). Самые ранние слои холма VI (период Джаркутан I) дали калиброванные даты от 2100 до 1510 гг. до н.э. и храма (период Джаркутан II) – от 1840 до 1450 гг. до н.э. Еще две радиоуглеродные даты имеются с поселения Джаркутан (храм): 1950–1740 гг. до н.э.¹ и с могильника Бустан 6: 1670–1530 гг. до н.э.². Большое значение имеют исследования поселения Сариджар 2, расположенного в местности Сариджар Ховалинского района Таджикистана, на высокой террасе р. Яхсу³. Здесь были открыты жилые помещения и производственные мастерские. Вместе с посудой, характерной для позднебронзового века, была найдена расписная керамика времени Яз I. По заключению М. Тойфера поселение Сариджа 2 доживает до раннежелезного века. Пробы на анализ по C14 дают датировку памятника с XVII по XIV вв. до н.э.⁴

Таким образом, по радиоуглеродному анализу C14 почти все даты памятников эпохи поздней бронзы относятся к первой половине II тыс. до н.э. Учитывая, что для памятников Юго-Западного Таджикистана возможен «эффект» запаздывания⁵ мы можем отнести их к середине II тыс. до н.э. или к началу второй половины II тыс. до н.э.

Археологические материалы свидетельствуют о частичном сосуществовании археологических комплексов поздней бронзы (Намазга VI) и Яз I – культуры раннего железного века⁶. Время начала раннего железного века в Средней Азии продолжает быть предметом дискуссии. В этом связи особый интерес представляет находка Ш.Б. Шайдуллаева на цитадели Джаркутан – фрагмент рукоятки бронзового ножа с железными заклепками, датируемого по керамическому материалу джаркутанским пе-

¹ Hiebert F.T. *Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Central Asia*. Cambridge, 1994. – С. 79, табл. 5.1.

² Lyonnet B. *Sarazm (Tadjikistan) Céramiques*. – *Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale* 7. – P.67.

³ Тойфер М. Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане // АРТ. – 2014. – Вып. XXXVII. – С.120.

⁴ Тойфер М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. – 2014. – Вып. XXXVII. – С. 121,122,125.

⁵ Массон, 1982. – С. 13.

⁶ Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного века. Цивилизация Турана – Мавераннахра, т. IV. - Ташкент, 2000. – С.98; Francfort P. – H. *The cultures with painted ceramics of the south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2-nd – early 1-st millennium B.C.)*. – *Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums*. Berlin, 23. bis 26. November 1999. – Bonn, 2001. –P.228.

риодом (Джаркутан I) культуры Сапалли. Ш. Шайдуллаев датирует нож XIII в. до н.э.¹ В.Д. Рузанов, исследуя эту находку, констатирует, что из-за полной коррозии железной заклепки невозможно говорить о способе добычи железа, т.е. было ли оно метеоритным или выплавлено из руды².

На юге Таджикистана керамика типа Яз I открыта в верхних слоях поселений Кангуртут и Тегузак. В бассейне р. Кызылсу Воссейского района найдено земледельческое поселение этой культуры – Карим Берды³. Поселение Карим Берды и еще один памятник этого времени – поселение Кудук в настоящее время исследуются археологами⁴. Материалы этих поселений хорошо сопоставимы с другими северо-бактрийскими поселениями раннего железного века в Сурхандарьинской области. Здесь имеется целый ряд стратиграфических памятников, где слои позднебронзового века сапаллинской культуры перекрываются или частично нарушены культурным горизонтом с лепной расписной керамикой типа Яз I: поселения Джаркутан (цитадель), Бандихантепа I, Буйрача I. Среди всех комплексов времени Яз I керамический материал Карим-Берды ближайšie аналогии находит на памятниках Северной Бактрии – в Кучуктепе – Кучук IA и IB⁵. Интерес представляет то, что на первой фазе (Кучук IA) гончарная посуда составляет 28%, а на второй (Кучук IB) расписные сосуды исчезают. Но значительно возрастает процент станковой посуды – 70%. Ко времени Кучук IA представляется возможным отнести и поселение бешкентско-вахшской культуры – Тошгузар, где сосуды с прорисованным волнистым орнаментом находят полные соответствия в нижних слоях поселения Кучуктепа⁶.

Для памятников раннежелезного века (Яз I) имеется несколько радиоуглеродных дат. М. Каттани датирует памятники типа Яз I в Маргиане

---

¹ Шайдуллаев Ш.Б. Находка раннего железного изделия на юге Узбекистана // Древний Окс в среднеазиатском контексте. - Ош, 1998. - С. 39-41.

² Рузанов 2005. - С. 149.

³ Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г. // АРТ. - 1986. - Вып. XIX. - С.80-86; Ryankova L. The Settlement of Karimberdy. Information Bulletin, IASCCA. - 1996. - Вып. 20. - P.195.

⁴ Тойфер М., Худжагелдиев. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. - 2010. - Вып. XXXIV. - С.150-167; Тойфер М. Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане // АРТ. - 2014. - Вып. XXXVII. - С.131-135.

⁵ Шайдуллаев 2000: 80-87.

⁶ Шайдуллаев 2000: 81, рис. 59, III.

между 1550 и 1350 гг. до н.э.¹. Эти даты частично соотносятся с радиоуглеродными данными по С14, полученными на поселении Карим Берды. Все они дают датировку XIII-XII вв. до н.э.² (Хронология раннежелезного века в Северной Бактрии, Маргиане, судя по приведенным выше датам, колеблется от XV вв. до н.э. до XII вв. до н.э.

Датировка памятников типа Яз I в Южном Таджикистане связана с периодизацией памятников эпохи поздней бронзы, которые, как мы видим, доживают и какое-то время сосуществуют с поселениями культуры Яз I. Период перехода от поздней бронзы к раннему железному веку мог продолжаться несколько столетий до конца II тысячелетия до н.э. и справедлива точка зрения Г. Парцингера, который относит памятники культур Яз I, Чуст и Бургулюк еще к позднебронзовому веку³.

Приведенные выше археологические материалы Северной Бактрии от эпохи ранней бронзы до раннего железного века являются важнейшим источником для реконструкции этнической истории Южного Таджикистана и Средней Азии в целом.

---

¹ Cattani. – P. 312.

² Тойфер М. Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане // АРТ. – 2014. – Вып. XXXVII. – С.133, 135.

³ Parzinger H. Granzüge der vor- und Frühgeschichte Sogdiens. – Archäologie in Iran und Turan. – Berlin, 2003. – P.275.

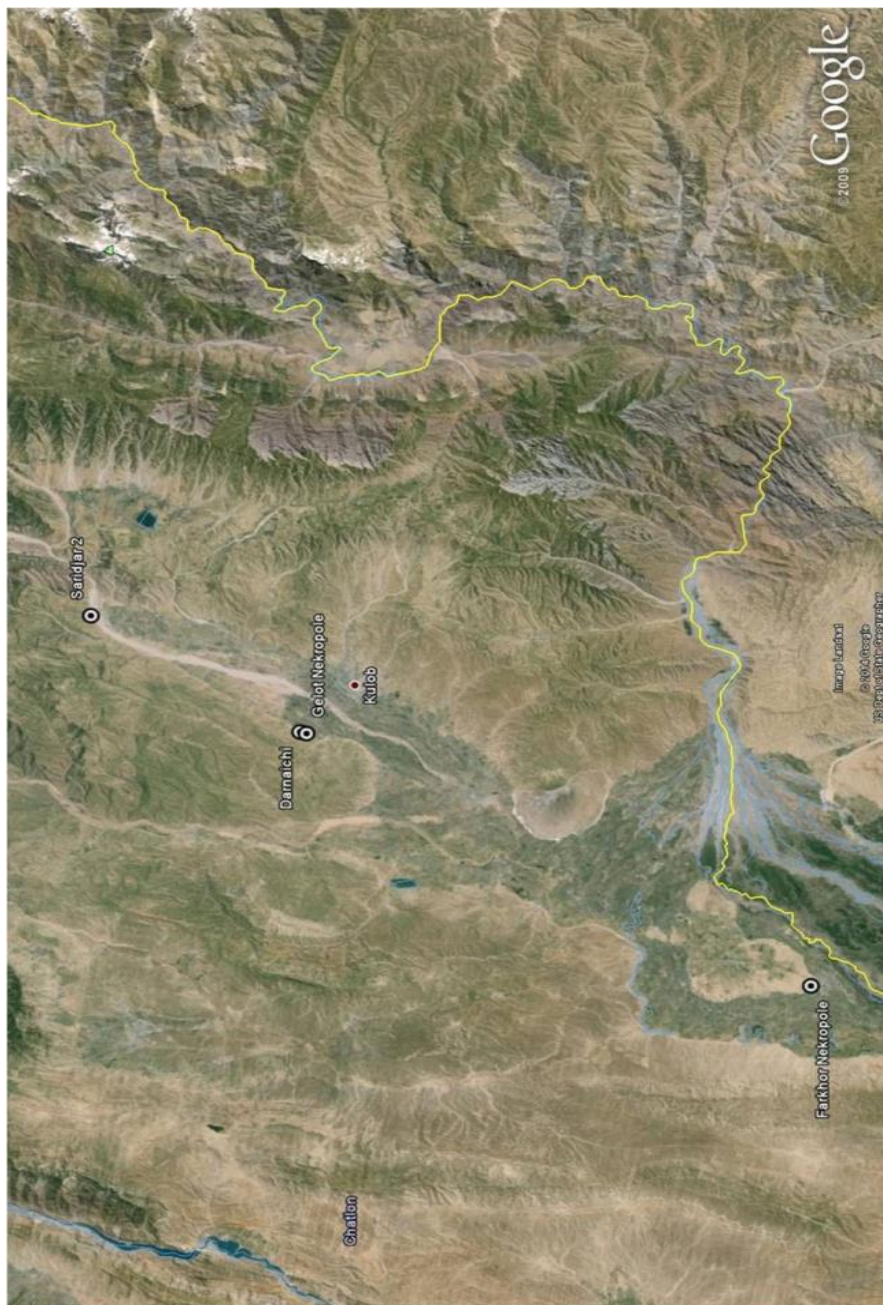

Рис. 1. Карта новых памятников эпохи бронзы в бассейне р. Кызылсу: могильники Фархор, Гелог, Дарнайчи; поселение Сариджар.

**ФАРХОР
НЕКРОПОЛЬ**

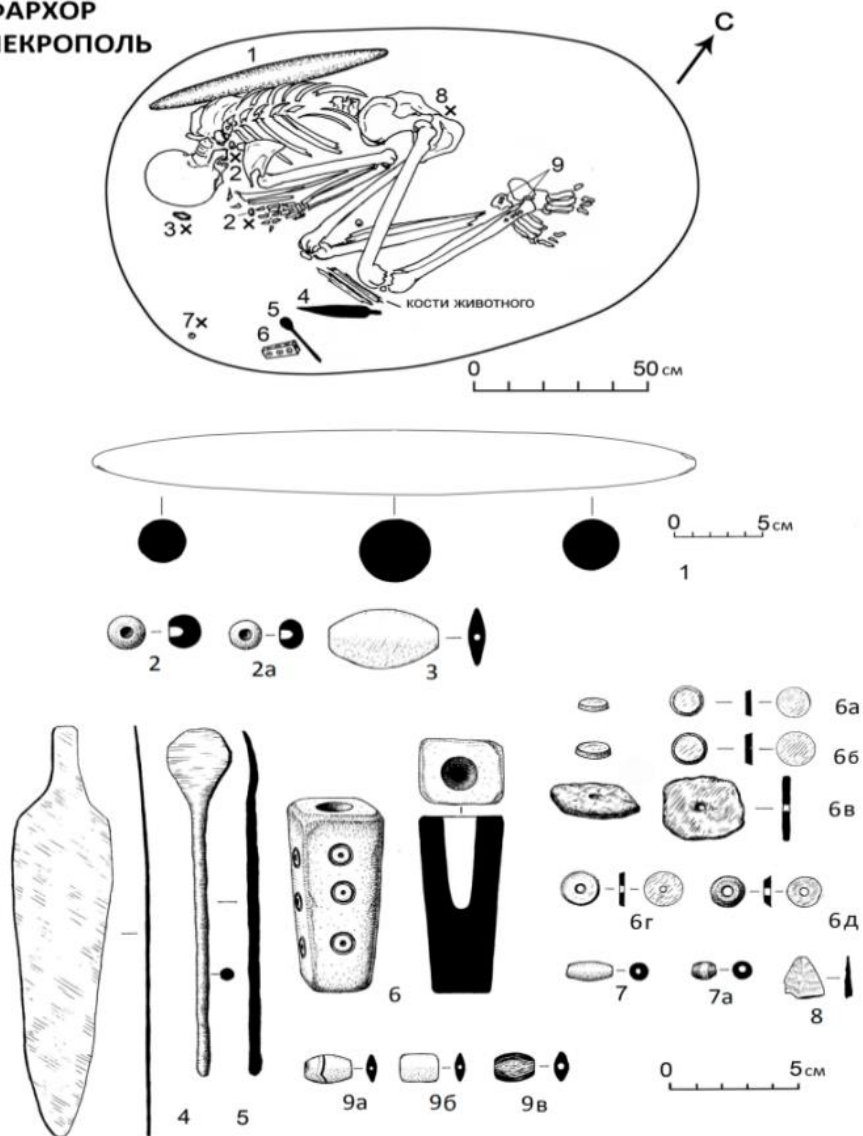

Рис. 2. Могильник Фархор, раскоп 6А, погребение № 18.
План захоронения и погребальный инвентарь.

ФАРХОР
НЕКРОПОЛЬ

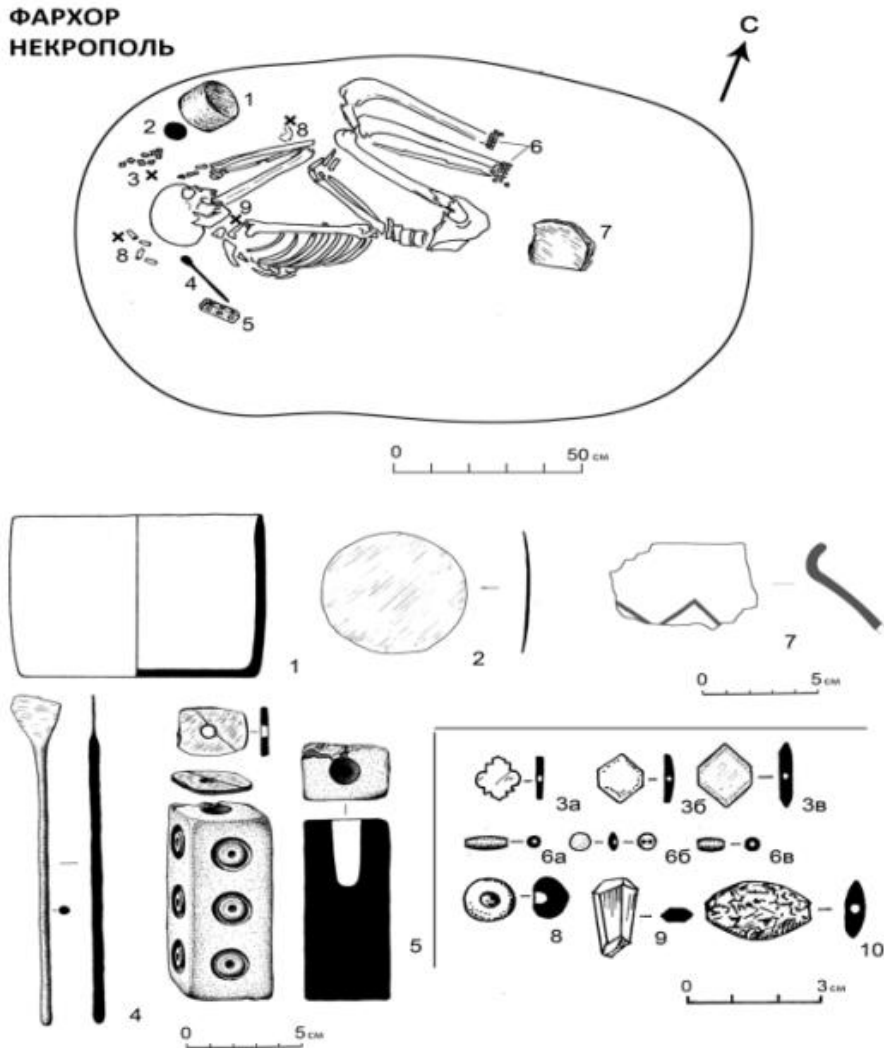

Рис. 3. Могильник Фархор, раскоп 6А, погребение № 19.
План захоронения и погребальный инвентарь.

ФАРХОР НЕКРОПОЛЬ

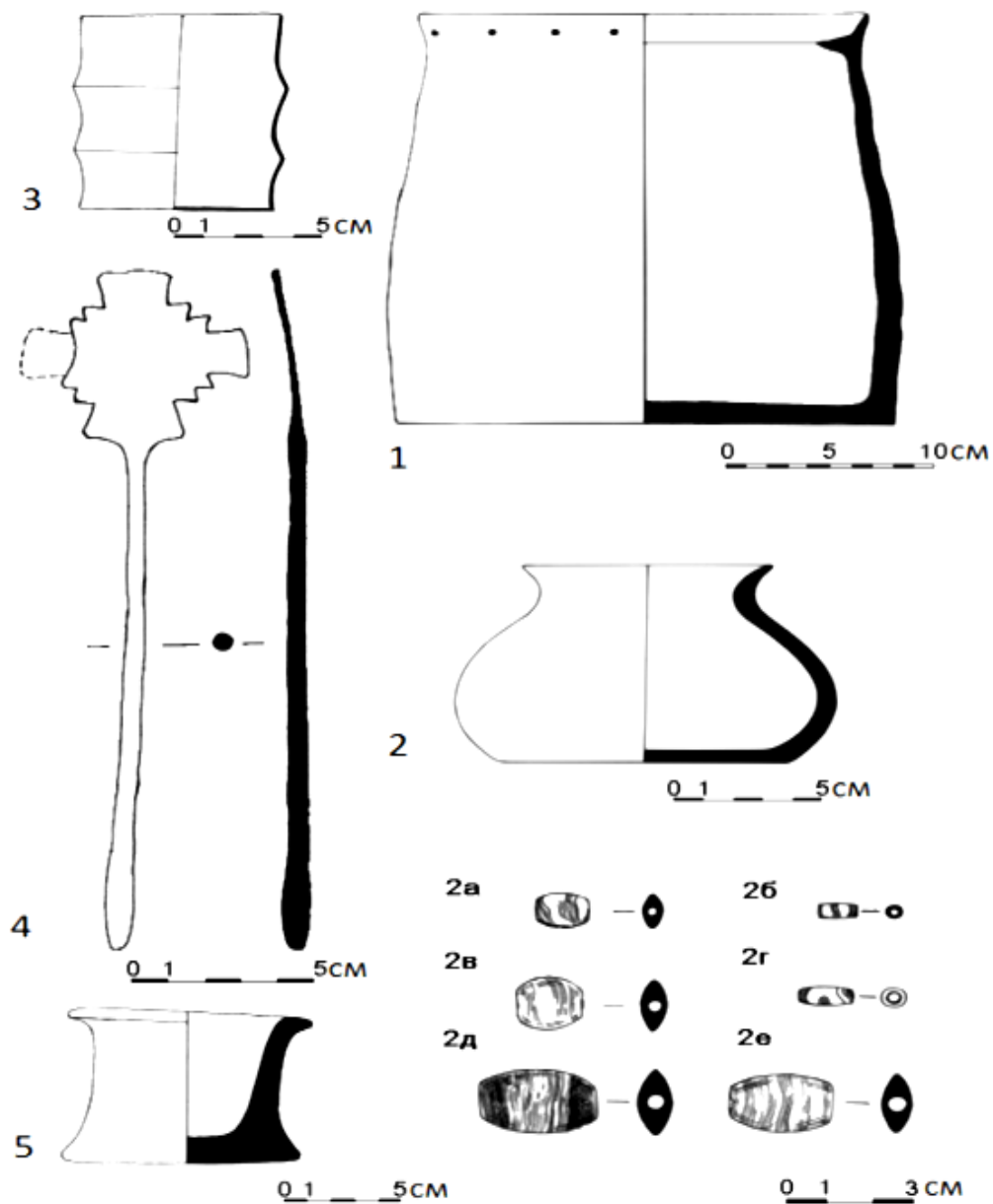

Рис. 4. Могильник Фархор, раскоп 6А, погребение № 32.
Погребальный инвентарь.

**ФАРХОР
НЕКРОПОЛЬ**

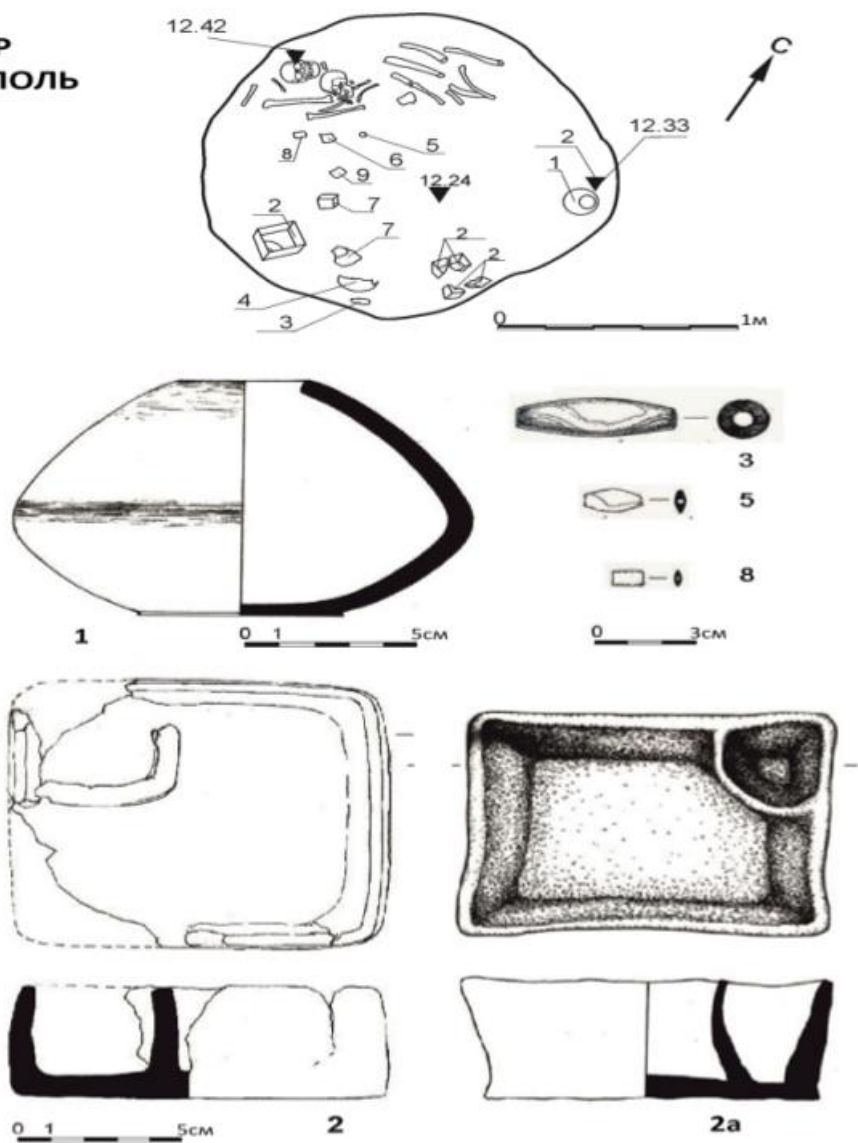

Рис. 5. Могильник Фархор, раскоп 6, погр. № 33.
План захоронения и погребальный инвентарь.

**ФАРХОР
НЕКРОПОЛЬ**

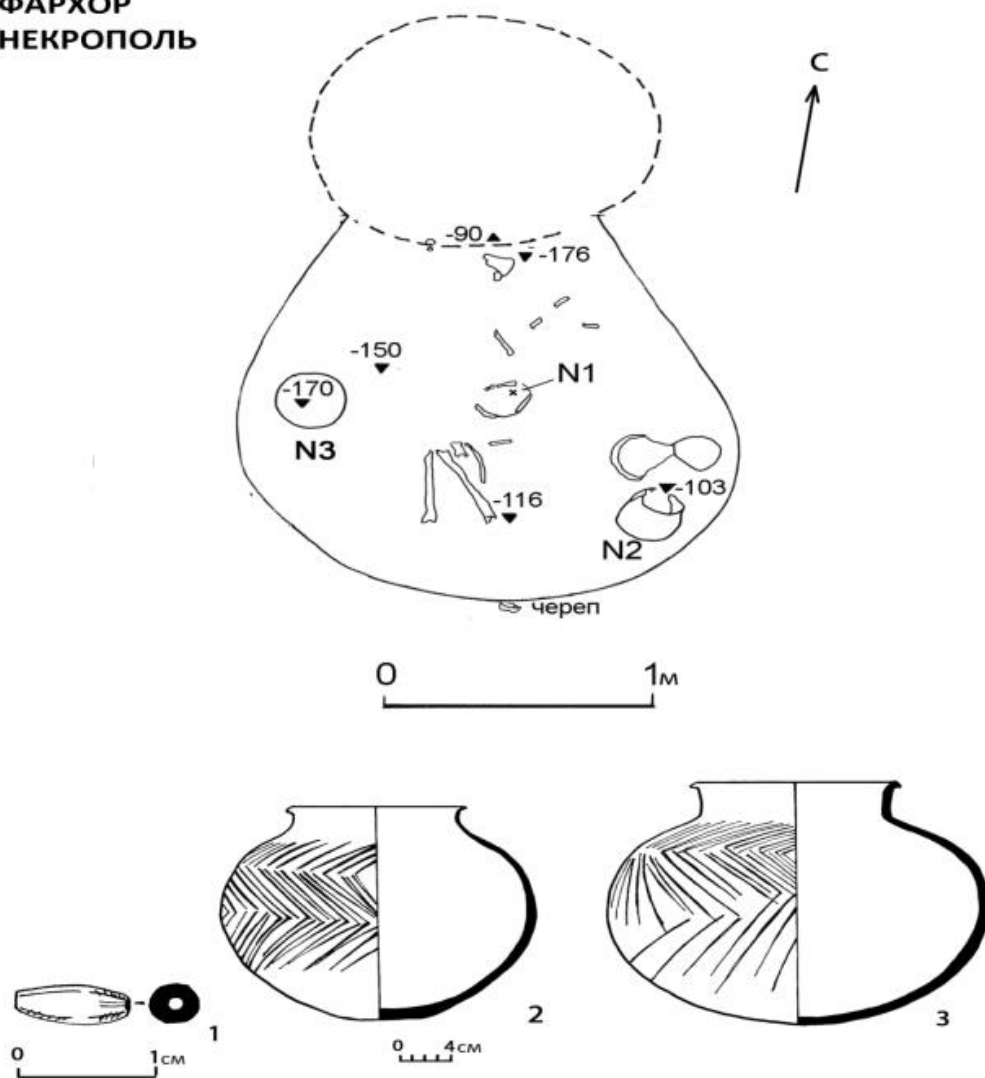

Рис. 6. Могильник Фархор, раскоп 1, погр. № 4.
План захоронения и погребальный инвентарь.

**ФАРХОР
НЕКРОПОЛЬ**

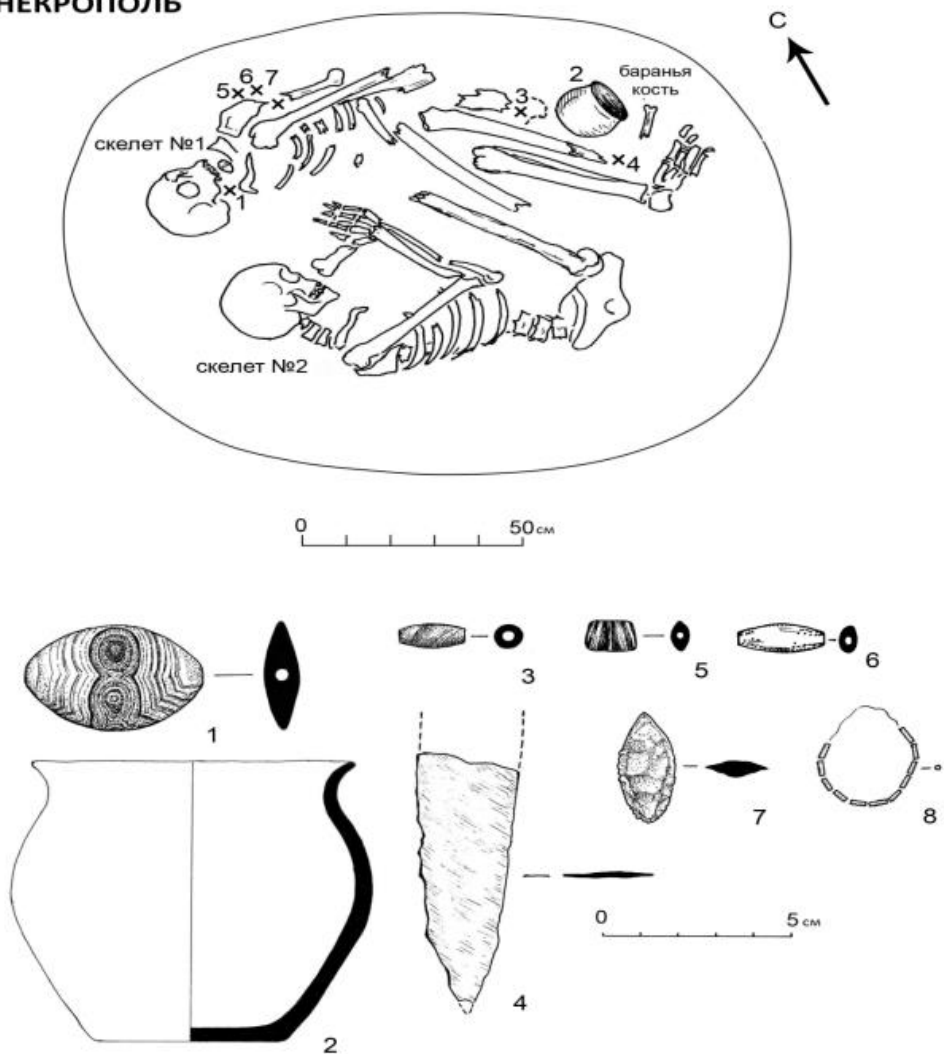

Рис. 7. Могильник Фархор, раскоп 5, погр. № 12.
План захоронения и погребальный инвентарь.

**ГЕЛОТ
НЕКРОПОЛЬ**

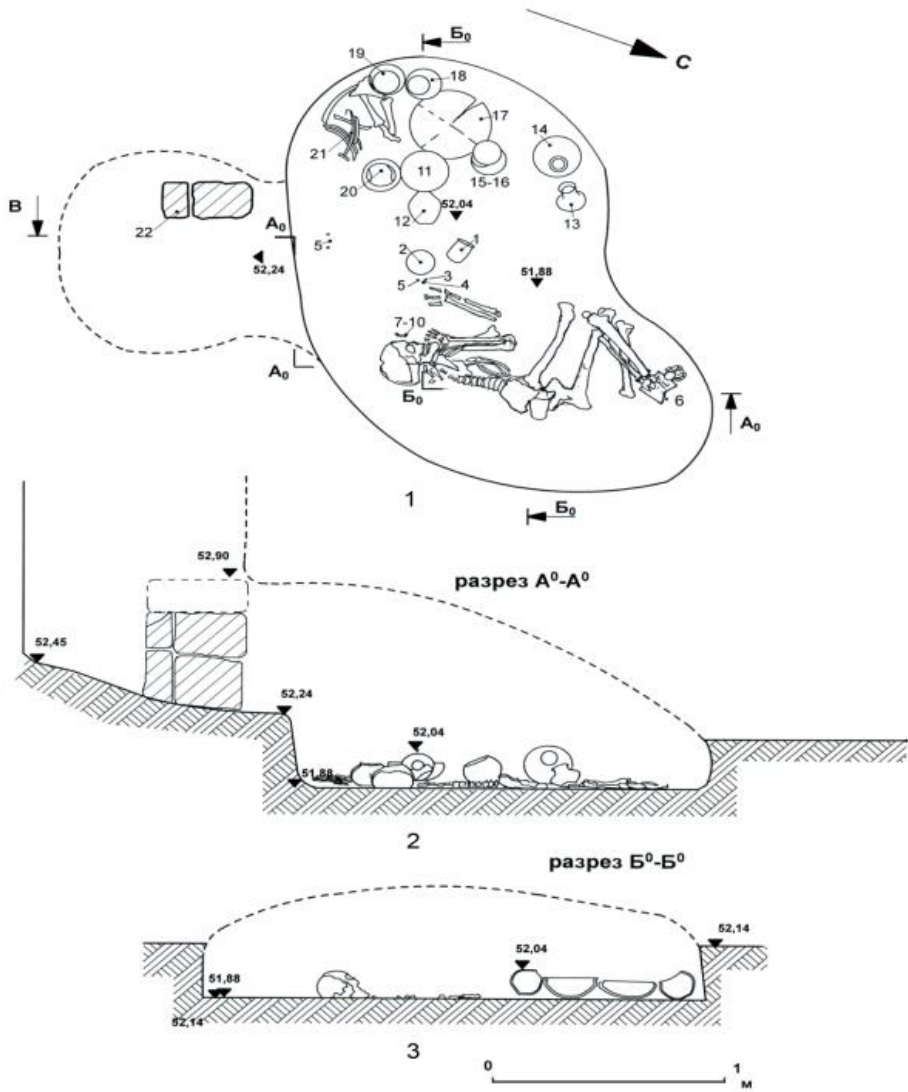
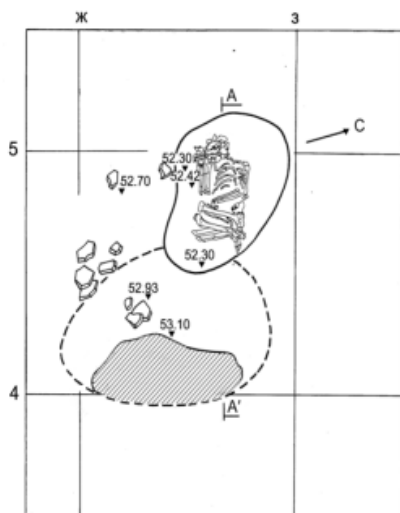
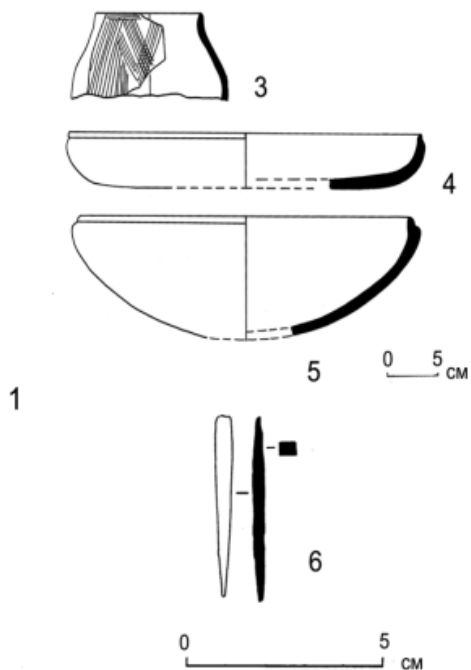
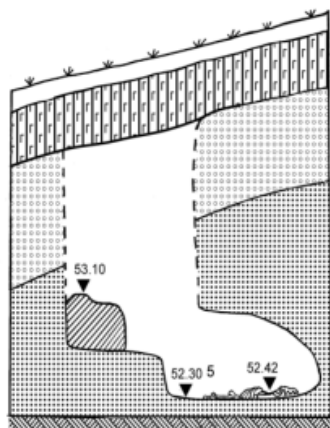

Рис. 8. Могильник Гелот, раскоп 6, погр. № 2.
План и разрезы захоронения, погребальный инвентарь.

ГЕЛОТ НЕКРОПОЛЬ

Разрез A-A'

Условные обозначения:

- - уровень современной дневной поверхности
- - уровень древней дневной поверхности
- - лёсс с журавчиками
- - лёсс чистый
- - глина

Рис. 9. Могильник Гелот, раскоп 4, погребение № 6.
План и разрез захоронения, погребальный инвентарь.

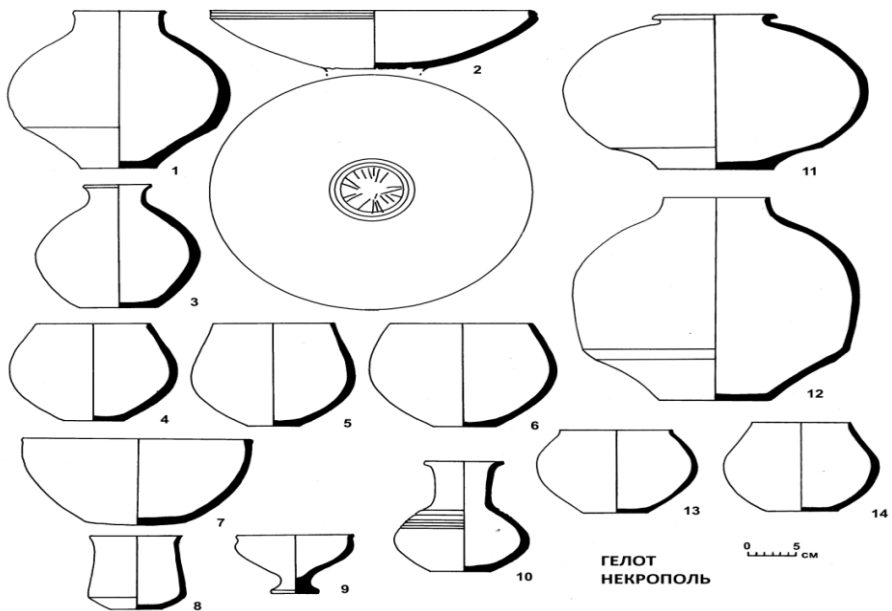

Рис. 10. Могильник Гелот. Формы земледельческой керамики из раскопа 4 (погр. 2,3), раскопа 5 (погр. 1), раскопа 6 (погр. 2).

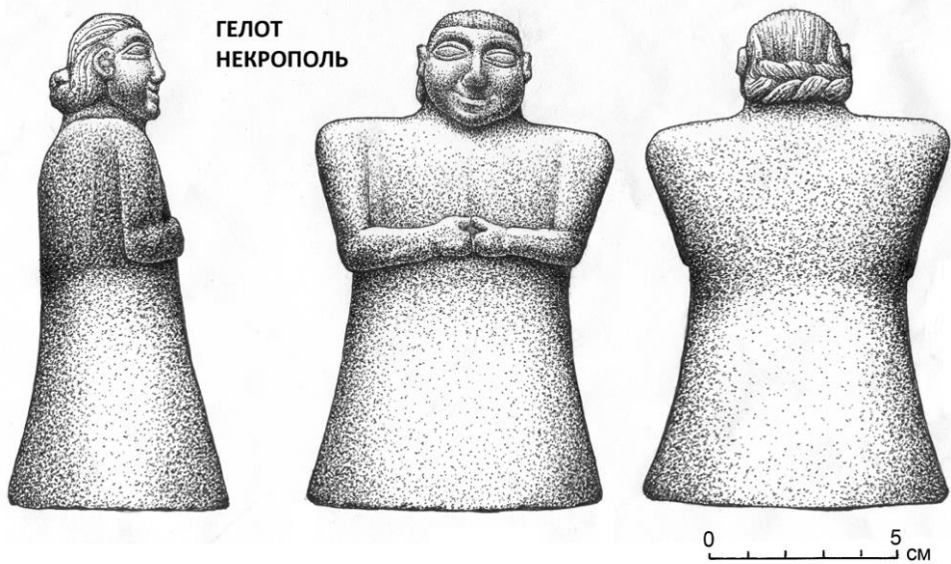

Рис. 11. Могильник Гелот. Каменная фигурка (раскоп 6, погр. № 2).

**ГЕЛОТ
НЕКРОПОЛЬ**

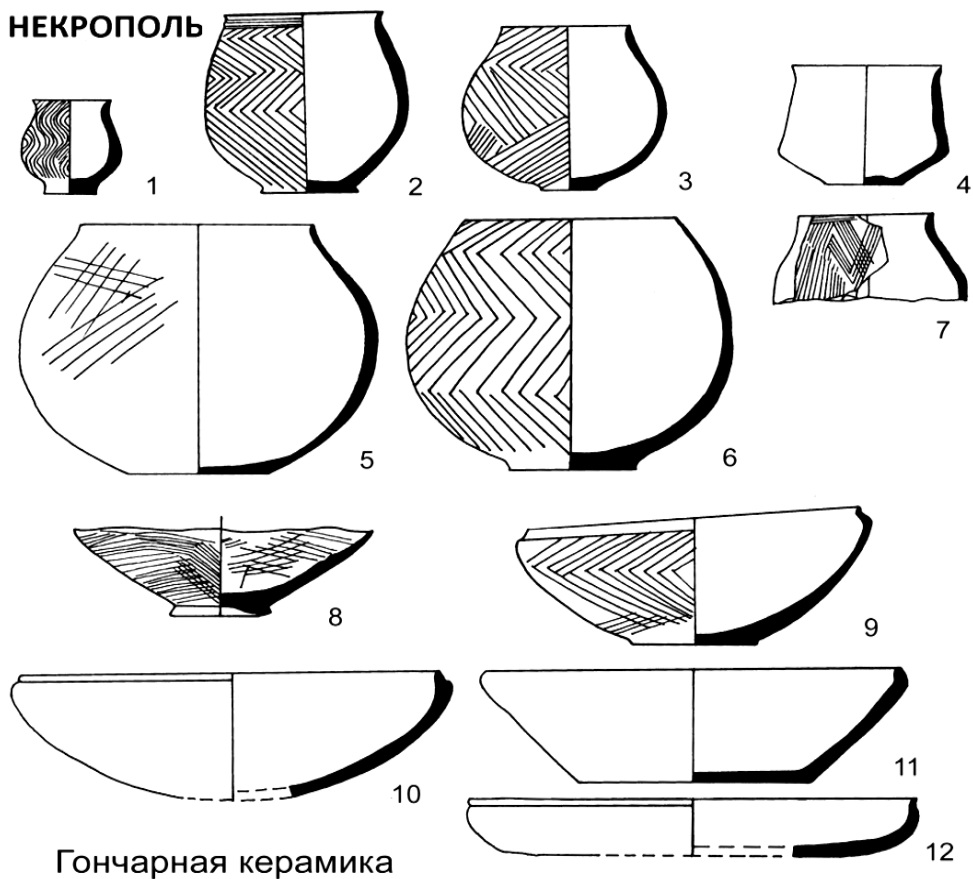

Рис. 12. Могильник Гелот. Гончарная керамика вахшской культуры.

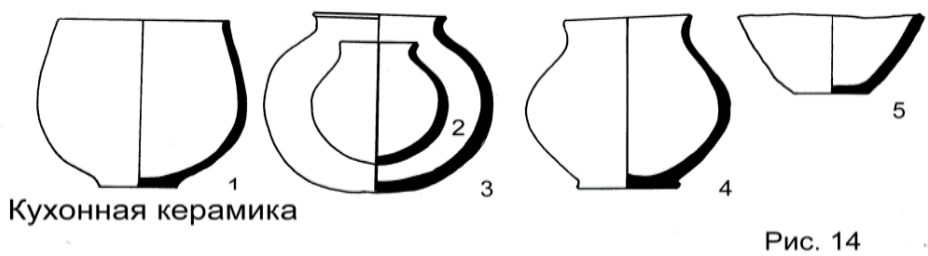
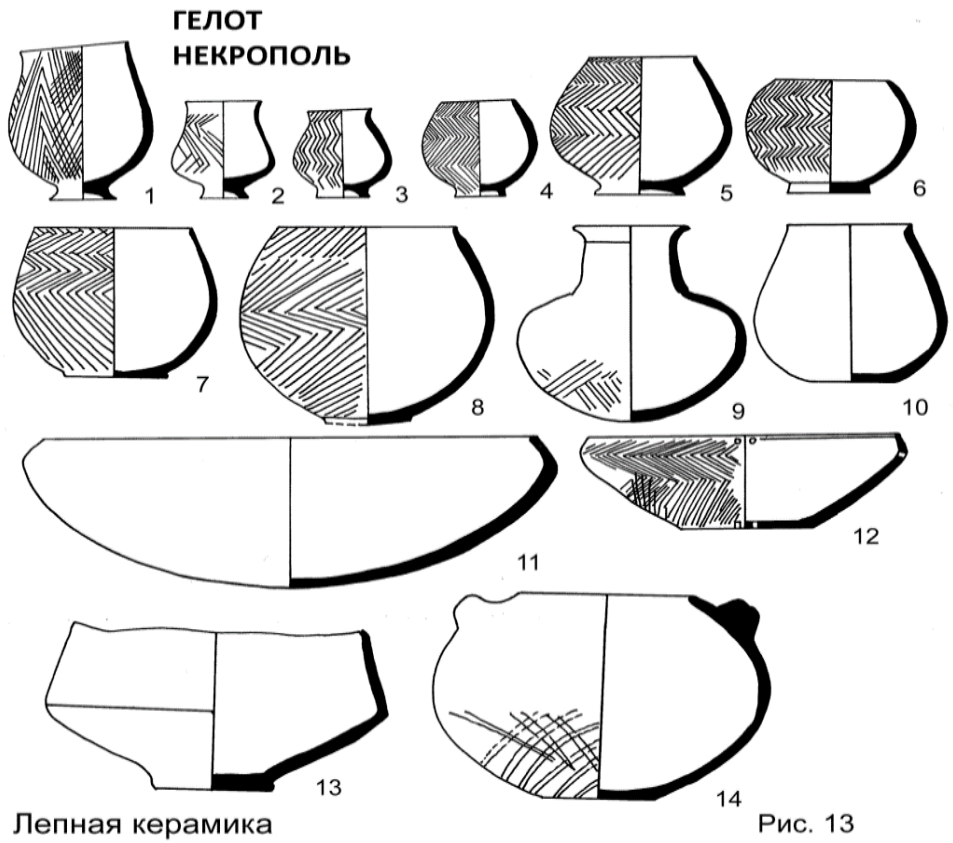

Рис. 13. Могильник Гелот. Лепная керамика вахшской культуры.
 Рис. 14. Могильник Гелот. Кухонная керамика вахшской культуры.

**ДАРНАЙЧИ
НЕКРОПОЛЬ**

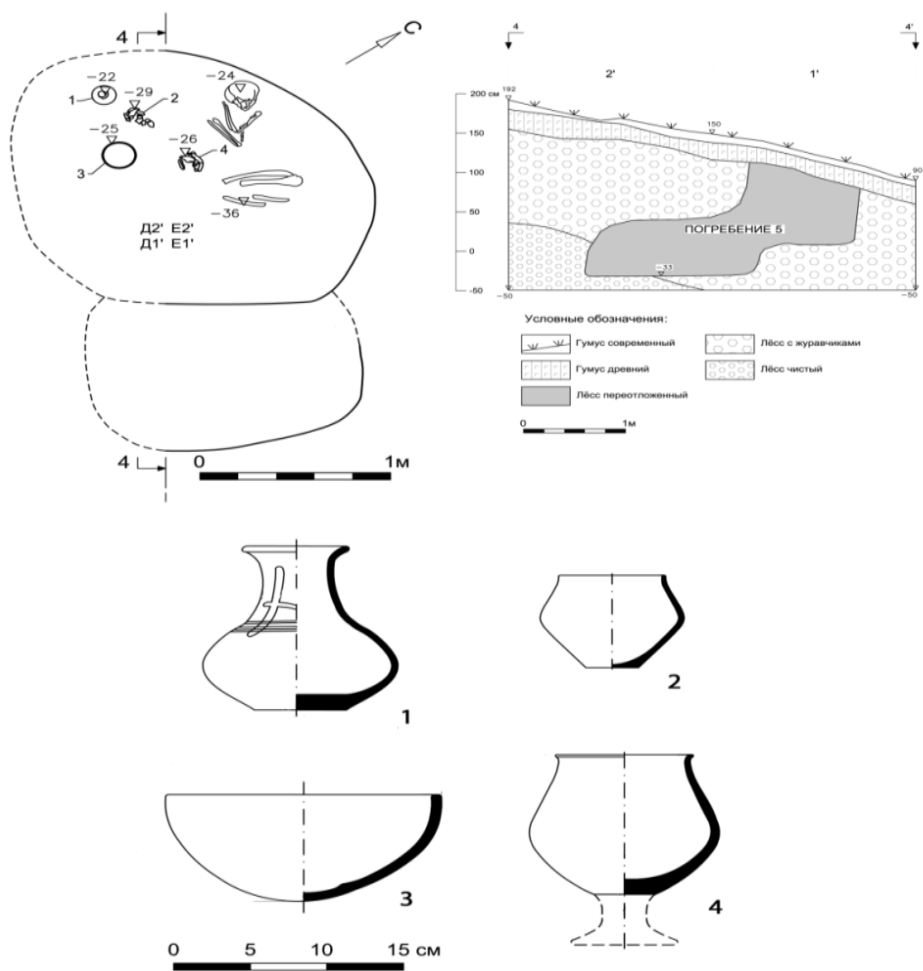
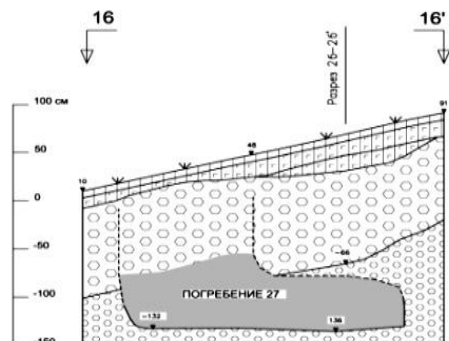
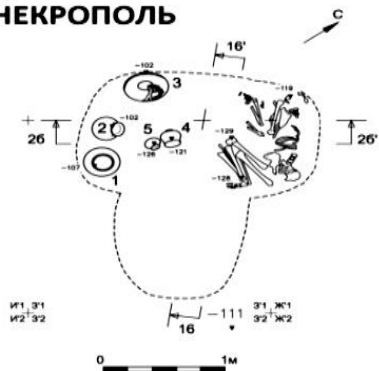

Рис. 15. Могильник Дарнайчи, раскоп 2, погребение № 5.
План и разрез захоронения, инвентарь.

ДАРНАЙЧИ НЕКРОПОЛЬ

Условные обозначения:

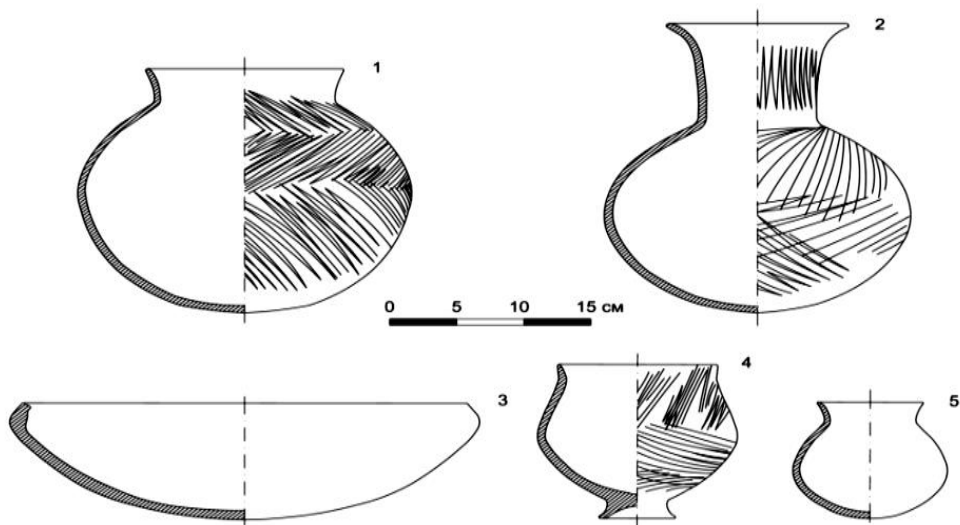
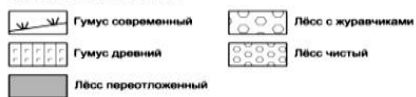

Рис. 16. Могильник Дарнайчи, раскоп 2, погребение № 27.
План и разрез захоронения, погребальный инвентарь.

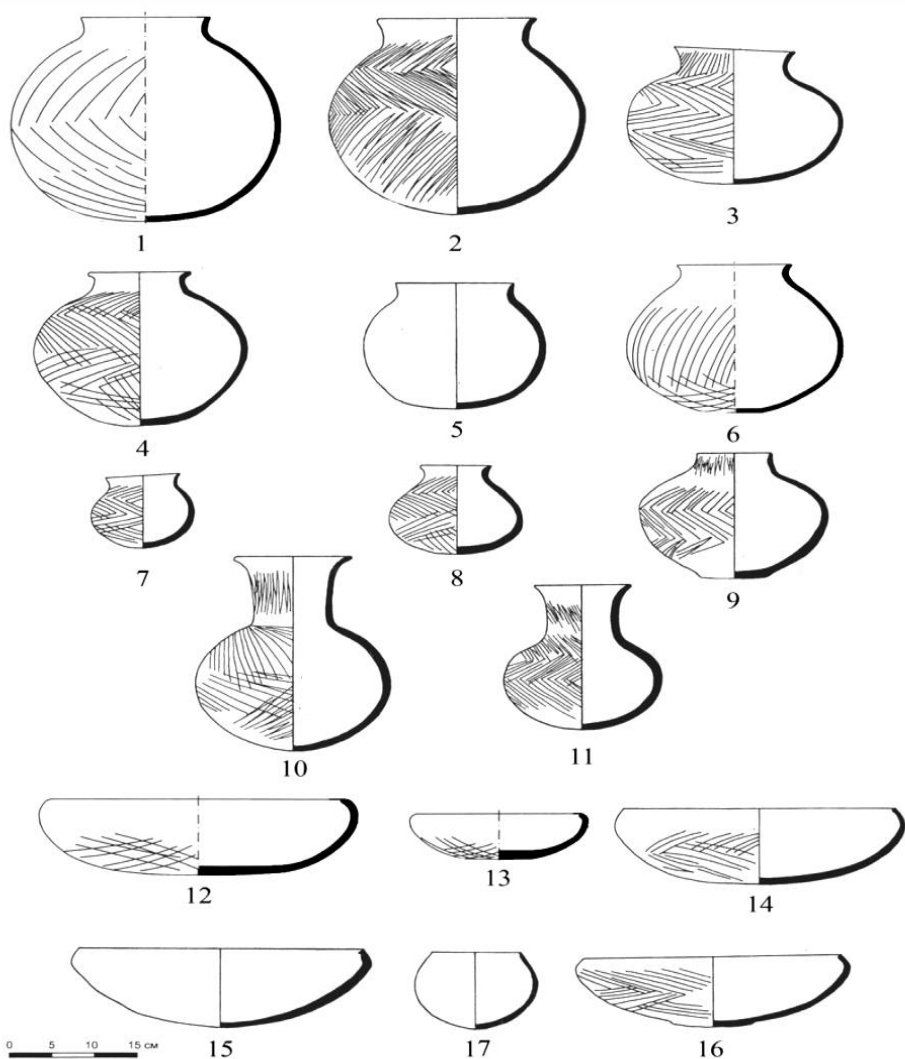
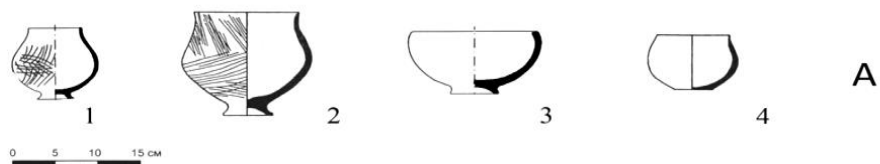

Рис. 17 А. Могильник Дарнайчи. Гончарная керамика вахшской культуры.

Рис. 17 Б. Могильник Дарнайчи. Лепная керамика вахшской культуры.

6. Миграционные и этнические процессы на Памире

Исторически и географически Памир делится на две области – Западный и Восточный Памир. Несмотря на то, что Западный Памир, является одним из самых труднодоступных районов мира, он привлекал внимание многих европейских, русских, советских и таджикских исследователей. Начиная с XIX в. его посетили многочисленные экспедиции, изучавшие топографию, географию, природные богатства, исторические памятники, этнографию и лингвистику этого высокогорного района Центральной Азии. Только перечень имен ученых занял бы не один десяток страниц. В отличие от него Восточный Памир долгое время оставался в стороне от взоров исследователей. Первый шаг в раскрытие тайн его древней истории сделан только в 1946 г. археологом, востоковедом, этнографом, блестящим ученым А.Н. Бернштамом. Поскольку подробный анализ геологических, археологических, этнографических и антропологических работ, проведенных на Памире, уже выполнен М.А.Бубновой и А.Д.Бабаевым, мы сосредоточимся на историографии археологического изучения Памира.¹ Отметим, что начало этому направлению в науке было положено А.Н.Бернштамом, выделившего в нем три периода.²

I. Первый период, охватывающий первую половину XIX в., отмечается активными исследованиями, совершенными преимущественно английскими экспедициями Д. Вуда, Т.Д. Форсайта, Т.Г. Монтгомери, А. Гумбольта, Ю. Клапрота, К. Рихтера, Г. Юля, Ж. Панье и др. Кроме картографирования и рекогносцировок они собирали материалы по языку, религии и быту местного населения, но все это делалось не с научными, а главным образом, с военно-разведывательными целями. Но попутно участники экспедиции все же отмечали встречавшиеся им развалины, главным образом, крепостей, а иногда даже пытались установить их древность по внешним признакам.

II. Второй период охватывает время второй половины XIX в. В это время изучение Памира переходит к русской науке.³ Но начало научного

---

¹ Обзор историографии района см.: Бабаев А.Д. Крепости древнего Вахана. – Душанбе, 1973.-С.13-45; Бубнова М.А. Археологическая карта Таджикистана. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе, 1997.-С.14-31; Она же. Археологическая карта Таджикистана. Горно-Бадахшанская автономная область. Восточный Памир. – Душанбе, 2015. – С.17-33.

² Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – М. – Л., 1952 – МИА, № 26.

³ Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент,

этапа в изучении Средней и Центральной Азии в России было положено немного раньше и связано с именем выдающегося ученого Никиты Яковлевича Бичурина. В 1848 г. Академия наук поручает Н.Я. Бичурину написать труд по истории народов Средней Азии. В результате он создает фундаментальное сочинение в трех томах «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», основанное на переводах китайских источников, таких как «Исторические записки» («Ши цзи») Сыма Цяня, материалов официальных историй династий («Вэй шу», «Бэй ши» и др.). В них приводятся ценные сведения, в частности, о дорогах через Луковые горы (Памир) во II в. до н.э., о кочевьях саков и др.¹

С середины XIX в. Центральная Азия представляла собой важнейший объект военно-политических интересов России. В этот период на обширных просторах Евразии разыгралось соперничество двух империй – Российской и Британской, которые стремились к установлению контроля над обширными рынками сбыта и источниками сырья. В связи с этим правительство России и Главный штаб регулярно организуют экспедиции с разведывательной целью.

6 (18) августа 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское Географическое общество (РГО). Первые результаты изучения региона поставили на повестку дня вопрос об организации экспедиций не только с географическими, но и с этнографическими и историческими целями. Для их решения было организовано «Археологическое общество», один из отделов которого занимался восточными древностями.²

В русской науке той поры остро ощущалась необходимость создания специальной обобщающей историко-географической работы о верховьях Окса. Составление этого труда 1 марта 1877 г. было поручено И.П.Минаеву – активному деятелю Географического общества. В своей книге И.П.Минаев не только осветил географию стран, лежащих в верховьях Аму-Дарьи, но и дал детальный обзор сведений античных и арабских географов, путешествий Сюань-Цзяня, Марко Поло, Клавихо. Т.Д.Форсайта, Гордона и Троттера. Об интересующем нас вопросе

1962.-Часть III (1869-1880 гг.); Она же. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент, 1971. – Часть IV (1881-1886 гг.).

¹ Бичурин Н.Я. [О. Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – СПб, 1851. – Т. 1-3.

² Попова Н.Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX-XX вв. // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. – С.-Петербург, 2008. – С.11-40.

И.П.Минаев пишет, что население Рушана, Шугнана, Вахана и Бадахшана – иранского происхождения.¹

Другой значительной экспедицией стала «Ученая экспедиция Туркестанского отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии» под руководством В.Ф. Ошанина, которая действовала в составе более крупной военной экспедиции генерала М.Д.Скобелева. За ней последовали экспедиции А.Э.Регеля, Г.А.Арандаренко, Г.Е. Грум-Гржимайло, Н.Н. Покотило, Б.Л.Громчевского, П.С.Назарова, П.Е.Костикова, А.М.Кярхгова и многих других. В опубликованных ими отчетах приводятся как географические, так и исторические свидетельства. Публикуются результаты работ и военных картографов и инженеров, например А.Г.Серебренникова, Б.Н.Литвинова.²

III. Третий период начинается с рубежа XX в. В 1903 г. был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии (РКСА). Этим Комитетом и Обществом естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете организуются несколько экспедиций на Памир под руководством этнографа А.А. Бобринского. В ее составе работали А. А. Семенов и Н. П. Богоявленский. Этот период характеризуется выходом капитальных работ с историко-географической тематикой таких авторитетных ученых, как Н.И. Веселовский, В.В.Бартольд, А.А.Семенов и др. В сводной работе «Зарафшанские горы, Каратегин, Дарваз» А.А. Семенов о народах населявших припамирские земли, писал, что кроме аборигенов, которых по некоторым данным можно связать с древнейшими племенами саков и тохаров, в горах селились беглецы, спасавшиеся то от нашествия «туранцев», то от неудержимого потока арабских завоевателей, то от меча монголов, и многие просто исстрадавшиеся и измученные от бесконечных войн Тимуридов, Шейбанидов и прочих беспокойных владетелей Мавераннахра. Особо он отмечал, что все население горных областей верховий Амударьи, также как и иранское население равнинной Бухары, называют себя таджиками.³

Начало XX в. ознаменовалось появлением капитального исследования по истории Памира, написанного Н.А.Аристовым. В 1900-1904 гг. на

---

¹ Минаев И.П.. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879.

² Хайтун Д.Е., Шибаяева Ю.А. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира. // Тр. истор.-филолог. фак-та ТГУ. / Уч.зап. – Сталинабад, 1955. – Т.7. – С.47-66.

³ Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903. – С.5.

страницах «Русского антропологического журнала» печаталась его работа «Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям». Он сыграл выдающуюся роль, как в локализации многих исторических мест Памира, так и в области изучения происхождения народов, обитавших на его территории. Основываясь на природных условиях, которые благоприятствовали существованию здесь людей в древности, он утверждал, что тут жил первобытный человек. Н.А.Аристов подчеркивал, что горные условия местности облегчали населению защиту от чужеземных захватчиков и «обеспечивали древнейшим обитателям этих стран, аборигенам, особую возможность или, по крайней мере, этническую обособленность». Исходя из этого положения, он пришел к выводу, что племена ийешкунов, живущих в Кафиристане, являются потомками древних аборигенов и что, несмотря на смешение этих племен с другими, властвовавшими над ними, они сохранили и антропологические отличия и особые языки, существенно отличающиеся от языков других местных народностей».¹

IV период. С 1946 г. изучение древних памятников пошло в ином направлении. В его основе лежало научное профессиональное археологическое исследование.² Пионером этих исследований на Памире становится А.Н. Бернштам. В 1946-1947 г. Ленинградским отделением института истории материальной культуры АН СССР и Ленинградским государственным университетом организуются экспедиции по изучению Памира под его руководством. В 1946 г. А.Н. Бернштам провел первые археологические исследования памятников в Алайской долине, граничащей с Мургабским районом. Богатые погребения кочевников-саков и пути движения этих племен заинтересовали А.Н. Бернштама. Вопрос был решен им следующим образом: «Я пошел за саками и пришел на Памир», чем положил начало неизвестной истории района. Экспедициями 1947, 1948, 1952, 1956 гг., на Восточном Памире были обследованы долины рек Аксу, Мургаба, Аличура, Истыка, берега озера Зоркуль. Удалось выявить огромный археологический материал по курганам и могильникам VI–V до н.э. (Тегермансу, Харкуш, Памирская, Акбеит и др.), позволивший ему дать характеристику древнейших обитателей Восточного Пами-

---

¹ Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям. – М., РАЖ, 1900-1904.

² Ранов В.А. Археологическое изучение Памира // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе, 1981. – С.349-352.

ра... одной группы памятников – сакской». На Западном Памире им были проведены исследования крепостей и укрепленных поселений в долине рек Гунт, Шахдара и Вахан. Итог проведенным археологическим изысканиям А.Н. Бернштам подвел в монументальной работе «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая».¹ Предварительные результаты экспедиций А.Н. Бернштам охарактеризовал так:

1. Заселение Восточного Памира в I тыс. до н.э. произошло в результате проникновения на его территорию сакских племен. Движение шло в трех направлениях: с северо-востока (семиреченско-тяньшаньское) и с юго-востока (восточно-туркестанское) и с Тибета.²

2. Это были те, кто при помощи вьючного скота (лошадь, як?) осмелился осваивать это суровый и пустынный край.

3. Материалы могильников Памирская I (Тамды) и Акбеит. VI-I вв. до н.э. свидетельствуют о том, что имели место связи с Передним Востоком, во всяком случае в той его части, откуда расовый тип попал, с одной стороны в Анау, с другой (позднее?) на Памир.³

В своей итоговой работе А.Н. Бернштам, определяя дальнейшие исследования Мургабского района, выделил три основные задачи: 1) определение территории, освоенной человеком в древний период; 2) заселение ее кочевниками; 3) этническая принадлежность саков.

Долгое время как советские, так и европейские ученые считали, что в таком суровом климате, которым отличается Восточный Памир, первобытные люди, вооруженные каменными орудиями, промышлявшие охотой и собирательством, существовать вряд ли могли. Даже после того, как были найдены первые стоянки на Тибете, они ставили вопрос таким образом: «Являлись ли люди, делавшие палеолитические орудия, особой человеческой расой, приспособившейся для жизни на больших высотах, или палеолитические местонахождения были подняты после палеолитической эпохи на высоту, где сейчас жить чрезвычайно трудно».⁴ Первым, кто усомнился в

---

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня ....

² Бернштам А. Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – № 1. – С.121-134.

³ Бернштам А.Н. Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г. // Вест.ЛГУ. – 1949. – № 11. – С. 175-176; Бернштам А.Н. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. / Полевые наблюдения // Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе, 1997. – С. 279-283.

⁴ Chiu-Chung-Lang. Discovery of Paleoliths on the Tibet-Tsinghai plateau // Verterbrata Palasiatica. – 1958. – Vol. 2, № 2-3. – P. 162-163.

этом, был А.Н. Бернштам. В 1956 г. в состав своего отряда он включает специалиста по каменному веку В.А. Ранова. Основываясь на предположениях А.Н. Бернштама и первых успешных результатах В.А. Ранова, Б.А. Литвинский поставил перед ним задачу открыть и исследовать памятники каменного века. С этой целью был создан специальный отряд, которым в течение 1958-1961 гг. было обнаружено 40 местонахождений и стоянка Ошхана, самая высокогорная в мире (4200 м над ур.м.). Комплекс этих памятников получил название «маркансуйской культуры», время существования которой определилось мезолитом-ранним неолитом (8-5 тыс. до н.э.). Основываясь на сопоставлении полученных материалов с данными из сопредельных территорий, В.А. Ранов выдвинул предположение, что заселение Памира происходило за счет медленного проникновения отдельных групп племен, как с северо-востока из Ферганы, так и с запада – из Афганистана и Юга Таджикистана.¹

С 1957 г. археологическое изучение Памира сосредоточивается в Институте истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Таджикской ССР. Создается Таджикская археологическая экспедиция, в составе которой начинает действовать Памирский археологический отряд, целью которого была работа над археологической картой Восточного Памира и исторической периодизацией. С 1958 г. Б.А. Литвинский продолжая дело, начатое А.Н. Бернштамом, исследует могильники в районе озер Ранкуль и Зоркуль, на берегах рек Пшарт, Аксу, Кокуйбель, Джаушангаз и др. По результатам работ публикует монографию о кочевниках на «Крыше мира». На основании тщательного анализа археологических, антропологических и письменных материалов Б.А. Литвинский рассмотрел вопросы генезиса и расселения сакских племен на Восточном Памире во взаимосвязи с соседними территориями. В отличие от А.Н. Бернштама, который связывал происхождение памирских саков с кругом племен Семиречья, Тянь-Шаня и Алая, Б.А. Литвинский высказал мнение о том, что они в большей мере смыкаются с населением Северного Индостана.²

На основании данных полученных в результате многолетних археологических работ, проведенных во второй половине XX в., В.А. Рановым и В.А. Жуковым было установлено, что Памир был заселен с глубокой древ-

---

¹ Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. – Душанбе, 1985. – Вып. 2. – С. 89.

² Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши Мира. – М., 1972.

ности – с эпохи каменного века. В.А. Рановым была разработана схема сменяемости культур каменного века на Восточном Памире, что соответствует этапам древнейшего заселения этого района определенными общностями. Схема включала четыре исторических этапа: 40-20 тыс. лет назад – мустьерская эпоха, отраженная лишь отдельными находками (Чештепе, террасы Мургаба); 20-12 тыс. лет до н.э. – верхний палеолит, представленный стоянками в Аличурской долине; 12-6 тыс. до н.э. – эпоха мезолита и раннего неолита с основными памятниками Ошхона и Истык; 3-2-е тыс. до н.э. – неолитические стоянки у оз. Яшилькуль, в гроте Шахты и навесе Куртеке. Но надо отметить, что сам В.А. Ранов оговаривал, что первые два этапа из-за слабой документированности – малым количеством и изолированностью находок, не имеющих сколько-нибудь точной привязки, выделяются чисто предположительно.¹

По материалам исследований стоянок В.А. Ранов отмечал, что особенно интенсивно первобытные люди посещали Восточный Памир в 8-5 тыс. до н.э. и значительно меньше следов их пребывания найдено для периода 4-2 тыс. до н.э.² Подобная цикличность заселения Восточного Памира вполне соответствует данным, полученным палеоботаниками. Было установлено, что в период 7-5 тыс. до н.э. произошло смягчение и увлажнение континентального климата, что привело к увеличению древесной растительности и соответствующей фауны. Это вполне соответствует выделенному в соседних областях Средней Азии климатическому оптимуму, отмеченному в мезолитических слоях стоянок Туткаул 2а и Дарай Шур, расположенных в Афгано-Таджикской депрессии.³

Что же касается определения заселения Западного Памира, то здесь возникает много трудностей. Западный и Восточный Памир представляли разные условия для обитания древних людей. Теоретически заселение района в древности предсказал А.Н. Бернштам: «Отличающиеся велико-

---

¹ Ранов В.А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии) // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977. – С.11.

² История Горно-Бадахшанской автономной области / С древнейших времен до новейшего периода. – Глава II. Каменный век. – Душанбе, 2005. – Т. 1. – С.50-108.

³ Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека. – Страны и народы Востока. – М., 1965. – Вып. 4. – С. 121-123; Пахомов М.М., Ранов В.А., Никонов А.А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул. – СА, 197. – № 4. – С.240-248; Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и неолит Афгано-Таджикской депрессии // Автореф. канд. дис. – Душанбе, 2006. – С.24.

лепным климатом и богатейшей растительностью долины Западного Памира... не могли не привлечь издавна внимание человека. Но Западный Памир поставил преграды для его деятельности: камнепады, завалы меняли рельеф долин и отбирали у человека клочки земли, годные для эксплуатации. Таким образом, площадь земли, удобная для обработки, здесь весьма ограничена. Этим вызывалось то положение, что человек, испокон веков заселявший эти территории, максимально использовал поселения своих предшественников».¹ Небольшие разведки, проведенные В.А. Жуковым с целью выявления памятников каменного века в этом районе, не увенчались успехом. Кроме отдельных находок в долине р. Памир, выше кишлака Лянгар, других не обнаружено. Отрицательный результат, позволил ему сделать вывод, что рельеф Западного Памира в отличие от Восточного, не благоприятствует сохранности стоянок каменного века.² Как видим, точки зрения А.Н. Бернштама и В.А. Жукова практически совпадают. Однако специалисты не теряют надежды и не сомневаются, что памятники каменного века здесь будут найдены. В.А. Ранов писал, что хотя А.Н. Бернштам и Б.А. Литвинский и связывают генезис населения Западного Памира с приходом сакских племен, неправильно было бы думать, что эти племена и даже не племена степной бронзы, первыми освоили эту территорию. Исходя из общей ситуации, более логично думать, что весь Памир был освоен еще в постпалеолитическое время, и это хорошо демонстрируют многочисленные стоянки Восточного Памира.³ Эти надежды подкрепляются находками каменных орудий в устье р.Джаушангоз, датированные IV-III тыс. до н.э.⁴

Другие возможности предоставлял Восточный Памир. Суровый климат верхнего палеолита с окончанием ледникового периода сменяется относительно влажным и более теплым, чем современный, климатом. По данным, полученным для Алайской стоянки в поймах рек росли тугаи, по склонам арчевники, широкое распространение имели степи и луга. Полупустынная растительность, напротив, не играла существенной роли в растительном по-

---

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. – МИА СССР. – М.; Л., 1952. – № 26. – С.176.

² Жуков В.А. Перспективы изучения каменного века Памира // Палеоэкология древнего человека. – М. – 1977. – С. 234.

³ Ранов В.А. Памир и проблемы заселения высокогорной Азии человеком каменного века. // Страны и народы Востока. – М., 1985. – Вып.ХVI. – С.148-149.

⁴ Ломов С.П., Кошкина А.А., Сусликов В.Н. О почвообразовании на Памире в голоцене // Почвоведение. – 1990. – № 9. – С. 119.

крове.¹ Палинологические данные стоянки Ошхона показывают, что, хотя в ее районе господствовала пустынная растительность, но найденные в очагах угли арчи и березы говорят о вероятности существования тугайных лесов в поймах рек.² Большую роль в жизни древнего человека играли реки и пресноводные озера, к которым приурочены многие пункты каменного века Восточного Памира, поскольку кроме рыбных запасов вокруг водных артерий простиралась луга – основная кормовая база для диких животных. Учитывая суровый климат высокогорья, где зимние температуры достигают – 50°, можно предположить, что люди приходили в эти места сезонно, лишь весной и летом, когда горы и долины расцветали пышной зеленью.

Но так или иначе, Восточный Памир предоставлял в распоряжение первобытного человека подходящий сырьевой материал (кварцит и кремнь) для изготовления каменных орудий и хорошие охотничьи угодья в широких плоских долинах. В то время как рельеф Западного Памира, который определяется узкими ущельями с неразвитыми террасами, неудобными для заселения, а также некачественные гранитные породы, не позволявшие производить орудия с хорошими рабочими свойствами, был не особенно привлекателен для человека этого периода.

Отдельных находок палеолитического времени на Восточном Памире, обнаруженных только в трех местах, недостаточно для выяснения путей первых людей, проникнувших в этот район. Но они дают возможность установить отправную точку со стороны запада, из хорошо заселенных окраин Афгано-Таджикской депрессии, что прослеживается по стоянкам Дарраикур (Афганистан), Огзи-Кичик и Шугноу (Таджикистан) – вдоль Пянджа от Калайхумба до Хорога, Ишкашима и Лянгара.³

В мезолитическую эпоху передвижение племен в этом направлении происходило по трем маршрутам и, что интересно, они полностью совпа-

---

¹ Алешинская З.В., Никонов А.А., Шумова Г.М. Природные особенности Северного Памира и Алайской долины в конце позднего плейстоцена и в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа). // Изв. АН СССР, сер. география, – 1985, № 2. – С.87-94.

² Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. Палеогеографические условия Северного Памира в раннем голоцене по результатам изучения мезолитической стоянки Ошхона // ДАН Тадж. ССР. – 1977. – Т.20, № 5. – С.62-63.

³ Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. – 1985. – Вып. 2. – С. 88-102; Davis R. Palaeolithic of Afghanistan / ed. By Allchin R., Hammond N. – London, 1968. – P.37-70; Ранов В.А. Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру // Acta Archaeologica Carpathica. – 1976. – Vol.16. – С. 5-20.

дают с тремя ветками Великого Шелкового Пути именуемых ныне Каратегинским, Ваханским и Шугнанским. Индустрия стоянок также однозначно указывает на западные связи, и полное отсутствие восточных, в частности – из Ферганы и более северных областей. Первый путь – это дальнейшее проникновение племен вглубь Памира из амударьинской группы ближневосточного мезолита Средней Азии, с охватом южной зоны района. Они продолжали двигаться вдоль долины Пянджа или по рекам Кокча и Вардудж на Зебак и Ишкашим.

Второй удобный путь шел по берегу оз. Яшилькуль – долине р. Гунт. Подтверждением этого направления служат находки каменных орудий в долинах рек Ванч (левый приток р. Пяндж) и Шахдара (левый приток р. Гунт) и далее через переходную зону между Восточным и Западным Памиром. Оба пути замыкались на Аличурской долине, природные условия которой делали ее очень привлекательной для древних людей. Основанием для такого предположения послужило открытие стоянки Истык, в двух нижних горизонтах которой присутствуют орудия геометрических форм – сегменты и острия с затупленной спинкой.¹ Во-первых, основным фактором распространения этих орудий считается миграция. Во-вторых, соответственно эти особенности в Средней Азии определяют принадлежность мезолитических культур к «ближневосточному кругу». Ближайшими переходными пунктами на подступах к Памиру являются стоянки Туткаул и Дарай Шур и пункты на приамударьинских равнинах Афганистана.²

Охотники мезолитического времени (9-7 тыс. до н.э.) проложили самую короткую дорогу из равнин Средней Азии на Восточный Памир, пролежавшую по достаточно доступным долинам реки Вахш-Сурхоб-Кызыл-су, что засвидетельствовано стоянкой в Алайской долине (северная сторона одноименного хребта).³ Продвигаясь по притокам р.Сурхоба – Муксу-Баландкиик и Сауксай, первобытные охотники прошли в район южных

---

¹ Жуков В.А. Раскопки пещеры Истыкская (1978-1979 гг.) // АРТ. – Душанбе. – Вып.19. – 1986. – С.51-64.

² Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – № 2. – С. 133-147; Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дарай-Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. – С.5-21; Виноградов В.А. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. – М., 1979. – Вып. 2. – С.7-63.

³ Ранов В.А., Филимонова Т.Г., Никонов А.А. Алайская стоянка // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающегося археолога Вадима Адександровича Ранова. – Новосибирск, 2015. – С.196-206.

предгорий Алайского хребта и Центральную часть Восточного Памира. Их посещение отмечено серией временных охотничьих лагерей и стоянкой Ошхона, которая продолжала существовать и позже, вероятно, в неолите (5-4 тыс. до н.э.).¹ Неоднократность заселения стоянок свидетельствует об уже устоявшемся к этому времени пути со стороны Афгано-Таджикской депрессии на Восточный Памир. Основные приемы расщепления камня, которые применялись на стоянке Ошхона, идентичны индустрии галечной культуре, существовавшей на территории Южного Таджикистана в течение нескольких тысячелетий.²

Этим же максимально коротким путем из основного очага распространения гиссарской культуры, сосредоточенной в среднем течение р. Вахш, ходили и неолитические охотники и собиратели. Судя по составу каменного инвентаря, найденного на восточнопамирских стоянках, именно этот блок неолитического населения и осваивал безбрежные просторы высокогорного плато. Сходство технико-типологических параметров позволяет сделать вывод, что маркансуйская культура связанная своим происхождением с гиссарской культурой, получила свой окончательный облик на Восточном Памире. Суровые условия Восточного Памира не давали возможности развития местной в своей основе культуры, а только связанной с сезонными перемещениями первобытных людей из более благоприятных в зимнее время мест через Дарваз, являющимся связывающим звеном между заселенными равнинами и предгорьями Афгано-Таджикской депрессии и Памиром.

А.П. Окладников и В.А. Ранов выдвинули гипотезу о существовании двух путей развития пред- и раннеголоценовых индустрий. К первому пути развития (мезолит) относятся комплексы, приуроченные к равнинным и предгорным ландшафтам, для которых характерны пластинчатые технологии с ведущими орудиями в виде геометрических микролитов (Туткаул, Ак-Танги, Оби-Киик). Ко второму пути, определенному как эпипалеолит, относятся стоянки, расположенные в горных районах. Для них, при наличии микролитовидной техники в целом, характерно отсутствие геометрических микролитов (Ошхона, Бешкентские стоянки).³ По-

---

¹ Ранов В.А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // АРТ – Душанбе, 1962. – Вып. 8 (1960 г.). – С.16-24.

² Ранов В.А. Лёссово-почвенная формация Южного Таджикистана и лёссовый палеолит // АРТ. – Душанбе, 2000. – Вып.27 – С.21-49.

³ Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите Азиатской части СССР // МИА СССР. – М., 1966. – № 126. – С. 213-223; Davis R., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // Evolutionary Anthropology. – 1999. Vol. 8. – P. 186-193.

добная историческая ситуация фиксируется, как для Южных районов Таджикистана (с одной стороны это стоянки Дараи Шур и Туткаул, с другой Бешкентские местонахождения), так и для Восточного Памира (с одной стороны это Истык, с другой Ошхона). Подобная параллельность развития неоднозначно указывает на заселение Памира с Запада. Миграция с севера и востока – с территории Ферганской долины и из Синдзяна не подтверждается археологическими данными, поскольку они не содержат элементы соответствующих технологий, что еще раз подтверждает вывод о том, что заселение Памира в каменном веке осуществлялось в первую очередь из среднеазиатских областей.¹

Также можно определенно сказать, что именно на заключительном этапе каменного века, как это можно судить по гиссарской культуре, закладывались первые кирпичики генезиса таджикского народа, сохранившего свой этнос и культурную особенность в трудной борьбе с завоевателями, не раз захлестывавшей узкие долины и ущелья Бадахшана.²

Как и для каменного века, памятники эпохи бронзы распространены неравномерно. Они малочисленны и ограничены могильниками и наскальными рисунками, поселения неизвестны, что затрудняет реконструкцию движения племен эпохи бронзы по этой территории. На Западном Памире их два-три могильника в районе Джаушангоза (Южбок I-III) и Дараи-Абхарв, на Восточном Памире их больше: Кызылкырчи, Каридимур, Акджилга, Джартыгумбез, Кызылрабат, Машале, Куртеке.³ Все памятники датированы концом эпохи бронзы, что, как и на юге Таджикистана, долгие годы указывало на существование значительной временной лакуны между неолитом и бронзой. На территории Афгано-Таджикской депрессии в последние годы найдены могильники Гелот, Кангурттут-2 и Фархор, которые значительно сократили разрыв между этими двумя эпохами.⁴ Возможно, для Памира эта ситуация так же изменится. Но пока в

---

¹ Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира. – С.96.

² Ранов В.А. Там же.

³ Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир. – Душанбе, 1997.-С. 132, 133, 135, 172; Бубнова М.А. Археологическая карта Горно -Бадахшанской автономной области. Восточный Памир.-Душанбе, 2015.-С.63, 64, 65,77, 83, 89.

⁴ Тойфер М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. – Душанбе, 2014. – Вып.37. – С.110-119; Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Изв. АН РТ. Отд. общественных наук, 2014, N 3 (235). – С.39-47; Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б.

нашем исследовании мы будем опираться на данные имеющиеся в настоящее время.

Сведения, полученные в результате археологических исследований, показывают, что на Памир проникли две группы племен. Из четырех могильников известных для Западного Памира для нас наибольший интерес представляет могильник Южбок I (Джаушангоз IV) и даже не он сам, а бронзовый наконечник копья, найденный в кургане № 6.¹ Проведенный спектральный анализ металла, из которого он был изготовлен, показал, что это мышьяковистый сплав на медной основе. Очевидно, что копье не местного производства. Откуда копье могло попасть на Западный Памир? С большей долей вероятности можно говорить о юго-западном направлении. В отличие от северных районов на юге в могильниках поздней бронзы наряду с изделиями, изготовленными из сплава медь–олово, зарегистрированы сплавы медь–олово–мышьяк, медь–олово–свинец–мышьяк, медь–свинец–мышьяк.² Высказано мнение, что со второй половины II тыс. до н.э. сырьевой базой этого региона могла быть Ирано-Туркменская провинция. Не исключен и более вероятный Северный Афганистан. В Дашлинском оазисе (Дашли 3) был найден тигль, обожженный медно-мышьяковистая рудой, с содержанием мышьяка от 0,3 до 1,0%.³ Афганистан, Северо-Восточный Иран и Южные области Средней Азии в эпоху бронзы составляли общую металлургическую зону.⁴

Связь с западным по отношению к Памиру населением подтверждается и свидетельствами, полученными при раскопках могильника Южбок II (Джаушангоз V), кургана 2. Погребальный инвентарь состоял из острокопечника, нуклеуса и каменного скребла, весьма схожего с его аналогами

Кангурттут-2 – новый памятник эпохи средней бронзы на юге Таджикистана // Муаррих N 1-2, 2017. – С. 29-41.

¹ Бабаев А.Д. Могильник Южбок на Западном Памире // УСА. – Вып. 3. – С. 39-42; Бабаев А.Д. Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок (Западный Памир) // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып. 1. – С. 104-106.

² Виноградова Н. М. Отчет о раскопках могильника Таидырйул в 1975 г. // АРТ. – 1980. – Вып. XV (1975 г.). – С. 63-74.

³ Рузанов В. Д. К вопросу о связях между севером и югом Средней Азии в эпоху бронзы (по данным спектро-аналитического исследования меди бронзы) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути (Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата: 15-16 июня 1991 г.). – Алма-Ата, 1991. – С. 112–114; Аскарлов А. А., Рузанов В. Д. Некоторые данные о металлических сплавах с поселения Саппалитепе // ОНУ. –1977, N 6. – С. 56–59.

⁴ Сариянид В.И. Древние земледельцы Афганистана (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.). – М. 1977. – С.71.

из набора орудий гиссарской культуры и двух глиняных лепных сосудов, один из которых баночного типа. В погребение найден очажок, сложенный из мелких камней, рядом с которым лежали кости барана.¹ А.Д.Бабаев, исследовавший могильник Южбок, аналогии его керамики видел в могильнике Ранний Аруктау, оставленном племенами степной бронзы и Дальверзинском городище.² С ним согласна Н.М.Виноградова, считающая, что по обрядовым признакам и типам керамики захоронение находит аналогии среди памятников бешкентско-вахшской культуры³, происхождение которой пока остается дискуссионным. Л.Т.Пьянкова ее истоки видит в земледельческих культурах Северного Афганистана, хотя не исключает влияния степных племен, что подтверждается появлением курганных насыпей.⁴ По мнению Н.М. Виноградовой, самые ранние могилы с кремацией и характерными лепными сосудами позволяют заключить, что ее изначальный компонент был степной и только на втором этапе земледельческие племена оказывают заметное влияние на ее формирование.⁵ А.М. Мандельштам и Е.Е. Кузьмина усматривают возможность участия в сложении этой культуры еще и андроновского компонента.⁶ Все это засвидетельствовано не только керамическим материалом земледельческого и степного круга, но и антропологическими данными. Т.П. Кияткина выделяет на Раннем Тулхарском могильнике как черепа прото-европейского типа населения Евразийских степей, так и серию относящуюся к протосредиземноморскому расовому типу.⁷

Вероятнее всего, эта группа племен, сформировавшаяся в южных районах Таджикистана, двигалась в сторону Памира по тому же пути, что и их неолитические предшественники по долине р. Вахш-Сурхоб с широкими террасами, покрытыми хорошим травостоем. Промежуточный

---

¹ Бабаев А. Д. Могильник Южбок II – памятник эпохи бронзы на Западном Памире. – АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып XV (1975 г.). – С.75-80; Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир – С. 178.

² Бабаев А. Д. Историко-археологический очерк Западного Памира. Автореф... дисс... докт. ист. наук. – Новосибирск, 1989. – С.16.

³ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2004. – С.99.

⁴ Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. – Душанбе, 1989.

⁵ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан... – С.99-100.

⁶ Мандельштам А.Н. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. – МИА, № 145. – Л., 1968. – С.72; Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии. «Бактрийский мираж» и археологическая действительность. – ВДИ, № 1, 1972. – С.121.

⁷ Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С.24.

пункт этого маршрута отмечен могильником у селения Юст, в месте слияния рек Сурхоб и Обихингоу.¹

Суммируя все известные сведения Н.М. Виноградова сделала вывод, что земледельческие племена юга Таджикистана тесно контактировали с носителями бешкентско-вахшской культуры, которые селились на довольно большой территории – от долины Бешкента на юге до верховьев Вахша на севере и от Гиссарской долины на западе до Западного Памира на востоке.²

Материальная культура части племен, осваивавших просторы Восточного Памира во II – начале I тыс. до н.э, свидетельствует о принадлежности их к андроновской культуре. Это погребения с андроновской керамикой могильников Баяндкиик, Джартыгумбез, Кызылрабат, кремневые наконечники стрел в верхних слоях стоянок Ошхона, Истык, Машале, Куртексай, Джанги Диван и наскальные рисунки Акджилги.³ Наиболее ярко черты андроновской культуры проявились в погребальном комплексе Карадимур (XIV-XIII вв. до н.э.), состоящем из двух сооружений, обнесенных каменной оградой. В первом помещении, со следами большого костра, совершался поминальный обряд до погребения. Во втором помещении, находилась могильная яма, возле которой тоже жгли поминальный костер. У южной стены положена голова жеребенка. С наружной стороны ограды по обе стороны от входа находились еще очаги, сложенные из камней в предварительно выкопанных ямках. Среди погребального инвентаря лепной горшок с грушевидным туловом, покрытым лощением и характерным орнаментом типа меандра по плечикам, выполненный гребенчатым штампом. Весь характер комплекса – строения с традиционными для андроновцев кострами (культ огня), жертвоприношением коня (почитание коня), керамика с гребенчатым штампом являются реальным фактом прихода андроновских племен на Памир.⁴

¹ Филимонова Т.Г., Дубова Н.А., В.В.Куфтерин и др. Антропологический облик населения селения Сичарог (результаты первого сезона работ антропологической группы Рогунской археологической экспедиции в июле-августе 2017 г.). – Душанбе, 2018. – С.21.

² Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – С. 99-101.

³ Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область... – С. 77,83,89; Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1980 г. // АРТ – Душанбе, 1987. – Вып. XX (1980 г.). – С. 105-116; Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М., 1972; Ранов В.А., Гурский А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // СЭ. - № 2, 1966. – С. 110-119.

⁴ Бубнова М.А. Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджана и оз. Яшилкуль // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV (1984 г.). – С. 312-315.

Территориально близкий памятник – могильник Туюн, оставленный андроновцами, находится в верховьях р.Яхсу – на границе с Дарвазом. Его можно принять за метку на пути андроновских племен на Памир, по тому же маршруту, по которому двигалось предыдущее население из Афгано-Таджикской депрессии, где они хорошо известны, и по могильникам (Кумсай), и по стоянкам (Кирова), и по присутствию керамики, бронзовых хвостатых ножей и серег на земледельческих поселениях Кангурттут, Тегузак.¹

Заселение Памира с запада из среднеазиатских центров прослеживается и по наскальным рисункам. В двух пунктах – Утид / Намадгут и Даршай (долина р. Хуфдара (правый приток р. Пяндж) зафиксированы изображения козлов, выполненных в так называемом «битреугольном» стиле.² Это стиль, когда тело животного изображено в виде двух треугольников, соединенных вершинами. На этот стиль обратил внимание еще А.Н. Бернштам, а Я.Ф.Шер связал его с рисунками на передневожосточной и среднеазиатской расписной керамике 4-3 тыс. до н.э.³

Сюжет наскальных рисунков, найденных на берегах реки Акджилга, притока р.Мургаб, состоял из четырех колесниц и возничего. Изображения боевых колесниц, которые встречаются в наскальных рисунках от Памира до Монголии, исследователи центрально-азиатских петроглифов единодушно относят к памятникам искусства индоариев. По мнению В.А. Ранова, рисунки Акджилги отражают историческую память, так как в трудные горные условия Памира никакие, даже самые мощные для своего времени колесницы, проникнуть в этот район не могли.⁴ Подобные колесницы были эффективны только в степных и равнинных областях. Как известно, этим видом транспорта не только широко пользовались арийские племена, но они также занимают большое место в верованиях индоиранских народов, что является еще одним подтверждением появления боевых колесниц именно в этой этнической среде.

Об этом свидетельствуют и многочисленные упоминания о колесницах в Ригведе и Авесте.

Т.П. Кияткина, проводившая исследования антропологического материала, определила, во-первых, большое сходство между антропологиче-

---

¹ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы.

² Ранов В.А. Бегущая по скалам.

³ Шер Я.Ф. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980. – С. 208-211.

⁴ Жуков В.А., Ранов В.А. Древние колесницы на Памире // Памир. – 1974. – № 11. – С.62-68. Ранов В.А. Колесницы ариев по данным петроглифов Акджилги (Восточный Памир) // Арийская культура. – 2006.

ским типом людей ,хоронивших своих покойников в могильниках Юж-бок, Дарай-Абхарв (Западный Памир) и Кызылработ (Восточный Памир); во-вторых, что все они принадлежат к европеоидному средиземноморскому (восточный вариант) расовому типу, широко известному по краниологическим материалам из памятников древних земледельцев в Иране и южных районов Туркмении, Узбекистана и Таджикистана.¹

Таким образом, археологические и антропологические сведения указывают, что происхождение и процесс сложения населения Памира шел параллельно с южными районами Таджикистана и другими прилегающими областями, находящимися к западу от него и составившими впоследствии древнюю Бактрию. В нем участвовали два компонента. Один, это основная группа земледельческого среднеазиатского населения эпохи бронзы и второй – это степные андроновские племена.

Выводы, сделанные археологами и антропологами, однозначно указывающие на заселение Памира с запада – населением, относимым к средиземноморскому расовому типу, подтверждаются и данными исторической лингвистики. Огромная работа, проделанная Д.И. Эдельманом по изучению истории языков Памира, также может пролить некоторый свет на историю его населения.² Известно, что памирские языки восходят к древним диалектам восточно-иранской группы (в отличие от таджикского, принадлежащего к западноиранской группе). Исследования их исторической фонетики и морфологии показали, что они продолжают не единые, а разные восточноиранские диалекты, а их структурное сходство объясняется процессами вторичной конвергенции и единообразному воздействию на них со стороны других языков.

Памирские языки делятся на три генетические группы: 1) так называемая севернопамирская группа (языки и диалекты шугнано-рушанской группы, язгулямский язык и вымерший к началу XX века старованчский); 2) ишкашимский язык (и родственные ему сангличи и вымерший зебаки); 3) ваханский язык (родственный вымершему сакскому). Каждая из этих групп восходит к одному из древних диалектов. Носители этих диалектов

---

¹ Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып. I. – С. 133-144; Она же. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С.27-28.

² Эдельман Д.И. Языковые данные о заселении Памира // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т 1: С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе, 2005. - С.122-124. Полностью приводится выдержка из книги со страниц 122-124.

могли прийти на Памир из разных мест (во всяком случае, не обязательно из одного). Распространение ваханского языка, как полагают исследователи, происходило с востока на запад по долине Вахана. А материалы Язгуляма определяют обратный путь движения через Дарвозский хребет». Время расселения по Памиру племен, говоривших на восточноиранских диалектах, относят к периоду не ранее II тыс. до н.э.

Некоторые косвенные данные о более раннем времени заселения Памира до прихода сюда древних ираноязычных племен дает изучение свидетельства древних контактов памирских языков с другими языками. Обращает на себя внимание наличие в памирских языках, например, язгулямском, следов влияния на них со стороны субстрата, то есть языков, на которых говорило население, жившее здесь до прихода ираноязычных племен, и с которыми эти племена смешались, осев на Памире. Это субстратное влияние наблюдается не только в памирских, но и в других языках центральноазиатского ареала.

Установлено, что в Южном Таджикистане бешкентско-вахшская и земледельческая культуры доживают до раннего железного века. Керамика типа Яз-1 найдена в верхних слоях поселений Кангурттут, Тегузак, Карим Берды, Тошгузар.¹ Вероятно, тот же процесс проходил на Восточном и Западном Памире. Хотя памятники переходного периода не найдены, но проведенные исследования указывают на то, что антропологический тип людей эпохи бронзы обнаруживает морфологическое тождество с типом людей, оставивших многочисленные могильники, которые исследователи связывают с сакскими племенами. Есть основание думать, что морфологическая близость означает и общность происхождения всего населения Памира его автохтонность.²

Для начала определим содержание самого понятия «саки» в исторической науке. И.В.Пьянков учитывая все доступные науке данные о саках и разбирая толкование этих данных, предложенных современными учеными, пришел к следующему выводу: «Слово «саки» в древности употреблялось в двух значениях – узком и широком. «Саки» в первом значении – это племена, обитавшие на территории от Семиречья на севере до Гиндукуша на юге. Одним из таких племен были амиргии, занимавшие восток Средней Азии, в том числе, по мнению многих ученых, и Памир. Этот

---

¹ Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – С.102-107.

² Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира. – С.136-137.

круг племен можно назвать «собственно саками», ибо для них слово «саки» было самоназванием.¹

Во время археологических экспедиций были получены материалы, сопоставление которых с письменными материалами, позволило также утверждать, что в VII-II вв. до н.э. на Восточном Памире обитали саки, ираноязычный народ, живший в то время в степях и горах Средней Азии и родственный европейским савроматам и скифам. Памирские саки входили в состав конфедерации саков-хаомаварга. По авторитетному мнению В.И. Абаева «... тот факт, что сакский язык не разделяет некоторых фонетических процессов, которые в европейско-скифском определялись очень рано, говорит в пользу большой давности разрыва между прасакским и остальными сакскими наречиями. Это отделение должно было произойти не позднее V в. до н.э. Можно предположить, что именно в процессе распространения иранских племен в Средней Азии в конце II – начале I тыс. до н.э., предки будущих носителей сакско-хотанского языка отделились от остальных «праскифов». Прослеживая дальнейшее развитие языков, было установлено, что ваханский, как и другие памирские языки, происходят от сакских диалектов. Поэтому, хотя культура памирских саков и имеет общие генетические корни с европейскими саками, но обладает рядом специфических особенностей, а они сами отличались своеобразным антропологическим типом.»²

Как считает А.Н. Бернштам, топоним Восточного Памира – Мургаб обязан своим появлением сакским племенам, проживавшим на этой территории в VIII-II вв. Мургаб – это древнее имя саков, смененное в более позднее время на хюсюнь, но оставшееся в истории за местом их постоянных кочевок.³

В результате исследований могильников был получен не только археологический, но и палеоантропологический материал. На основании имеющихся в его распоряжении материалов А.Н. Бернштам пришел к выводу, что в «происхождении культуры племен древнего Памира решающую роль играли племена южносибирского и семиреченско-тяньшаньского этнического круга». Он подчеркивал, что, в первую очередь «своим про-

---

¹ Пьянков И.В. К вопросу о саках на Памире // Памироведение, 1985. – Вып. II. – С. 122-124.

² Литвинский Б.А. Арчал древнепамирской культуры//Памироведение, 1985.- Вып. II.-С. 102-105.

³ Бернштам А.Н. Археологическая экспедиция на Памир // Вест. ЛГУ, 1947.- № 12. – С. 135-136.

исхождении они были связаны с Тянь-Шанем, но не с Восточным Туркестаном, где нет аналогий с материальной культурой Восточного Памира. Но он не отрицал и присутствие других групп населения в регионе.¹

Антропологический материал, полученный при раскопках А.Н. Бернштама, исследовал антрополог В.В. Гинзбург (32 черепа). По скелетным останкам был восстановлен рост – у мужчин в среднем 168,9 см и у женщин – 157,6 см. Расовый тип погребенных определен как восточно-средиземноморский.²

Б.А. Литвинский также разделил точку зрения А.Н. Бернштама о принадлежности могильников сакам, дав исчерпывающий обзор всех точек зрения на проблему «саки – происхождение и этноним».³

Весь палеоантропологический материал из раскопанных им могильников исследовала Т.П. Кияткина (муж. – 34, жен. – 27). По ее данным, мужские и женские черепа характеризуются признаками восточно-средиземноморского типа, показывающие однородность и единообразие серий. Сочетание высокого лица с комплексом европеоидных признаков зафиксировано в Передней Азии, в Закаспийских областях, в Бухарском оазисе. И далее она пишет: «Все же северные и северо-западные связи с племенами евразийских степей не находят себе подтверждения в краниологических материалах. В исследованных мною материалах с Памира также не удалось уловить следов северных влияний».

Самое придиричивое сопоставление материалов не давало иных аналогий, кроме юго-западных».⁴

Позже Г.Г. Бабанская и Ю.А. Заднепровский, подведя итог результатам палеоантропологических исследований, пришли к выводу, что население Южного Памира в сакский период относилось к европеоидному средиземноморскому типу, распространенному в Передней Азии, Северной Индии и Средней Азии по Амударье. Это население резко отличалось от сакских племен Тянь-Шаня и Северного Припамирья.⁵

---

¹ Бернштам А.Н. Историко-археологический очерк... - С. 324.

² Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии // КСИА. – 1950. – Вып. 11. – С. 83-96; Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика саков Памира // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80. – С. 26-39.

³ Литвинский Б.А. Древние кочевники... – С. 28-29, 156-174.

⁴ Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С. 27, 29, 81-82.

⁵ Бабанская Г.Г., Заднепровский Ю. А. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. // АРТ. – Сталинабад, 1959. – Вып. IV (1956 г.). – С. 60.

Следующий материал, подтвердивший предвидение А.Н. Бернштама о различных этнических группах племен на Восточном Памире были получены при раскопках могильников Караарт II, III в районе оз. Каракуль (северо-восточный участок Восточного Памира).¹ Три черепа исследовал антрополог Т.К. Ходжайов. По его заключению: они характеризуются чертами восточно-средиземноморской расы (Караарт II женский череп), и близок населению земледельческих областей Бактрии и Маргианы. Мужской череп (Караарт III) ближе к серии из Тянь-Шаня и Алая.²

Также Т.К. Ходжайов повторно проанализировал данные опубликованные В.В. Гинзбургом и Т.П. Кияткиной. Вот что он пишет: «Население, оставившее могильники в эпоху бронзы и в I тыс. до н.э. (сакское время), наиболее близко к оседло-земледельческому населению эпохи энеолита и бронзы Северо-Восточного Ирана, Южной Туркмении, Северного Пакистана и древней Бактрии, включая сходство с населением намазгинской, сапаллинской и вахшской культурами. На Восточном Памире встречаются отдельные индивиды, у которых наблюдаются такие признаки, как широкое и уплощенное лицо, либо небольшой угол выступающего носа. Однако эти признаки не встречаются в комплексе у одних и тех же индивидов. Видимо Восточный Памир не был полностью изолирован от влияния сакских племен, хотя масштабы этих воздействий были незначительны. Палеоантропологические материалы сакского времени исследовались и в других районах Средней Азии и Казахстана

Все вышесказанное дает основание предположить, что древнее население Памира формировалось в результате трех основных миграционных волн, и все они шли со стороны запада. Антропологические материалы, относящиеся как к эпохе бронзы, так и к сакскому периоду, принадлежат к одному антропологическому типу, который имел распространение с эпохи энеолита в Южном Таджикистане, Афганстане, Южной Туркмении и далее в Передней Азии. Т.П. Кияткина пишет: «В эпоху бронзы на Западном Памире бытовал европеоидный средиземноморский (восточный вариант) расовый тип. Население, оставившее могильник Южбок, было в антропологическом отношении тем же, что и группа, оставившая свои

---

¹ Бубнова М.А. Археологические исследования на Восточном Памире в 2003 и 2008 гг. // АРТ. – Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV. – С. 171-173.

² Ходжайов Т.К. Результаты изучения новых антропологических материалов сакских погребений Восточного Памира // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX. – С. 258-263.

могильники в I тыс. до н.э. на плато Восточного Памира. Есть основание полагать, что эта морфологическая близость означает и общность происхождения всего населения Памира (т.е. Памира и Горного Бадахшана), его автохтонность».¹

Антропологический тип населения сакского времени характеризуется так: «Это европеоидный долихокранный узко и высоколицый антропологический тип, сочетание высокого лица с комплексом европеоидных признаков зафиксировано в Передней Азии и прилегающих к ней области. Племена, оставившие могильники на Восточном Памире, были, видимо, восточной ветвью этого массива, имевшего большую древность... Краниологический материал с Восточного Памира в антропологическом смысле обнаруживает юго-западные связи».²

При этом установлено, что население Памира сакского времени антропологически резко отличается от саков, обитавших на северо-востоке от Памира – на Алае и Тянь-Шане.³ Г.Л. Хить, проводившая дерматоглифтическое исследование таджиков и сопоставившая полученные данные с горнобадахшанцами пришла к заключению о их максимальной генетической близости.⁴ Поэтому есть основание считать, что население Горного Бадахшана имеет общее происхождение с населением древней Бактрии.

В последующие исторические эпохи переселения на территорию Памира больших групп населения не фиксировались. Из чего следует, что население Памира полностью сформировалось к концу первого тысячелетия до н.э. из конгломерата индоиранских народов, мигрировавших сюда со стороны Афганистана и Южного Таджикистана и равнин Центральной Азии.

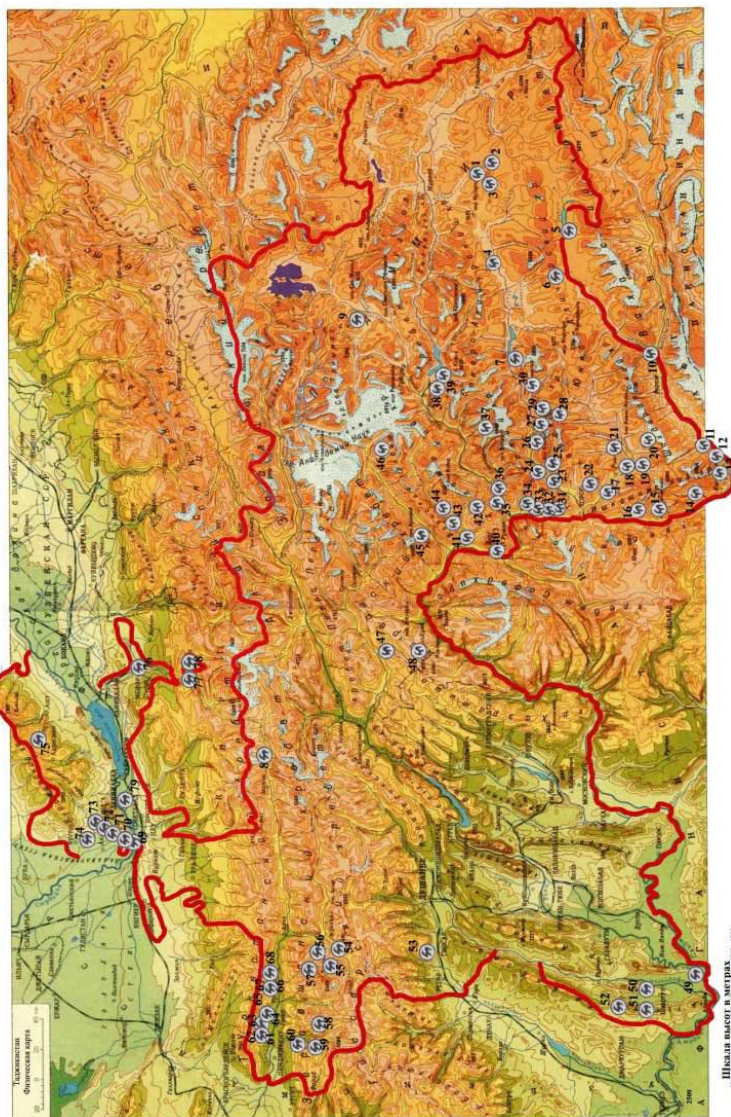
¹ Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира. – С.140.

² Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – С.81.

³ Алексеев А.П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л., 1972. – С. 11-12; Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – С.82.

⁴ Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР – М., – С. 117, 128,185.

Памятники наскального искусства Таджикистана

- Восточный Памир**
1. Грош Шахда
  2. Найтаган
  3. Ханак Куртеке
  4. Аскияна
  5. Зор-Куль
  6. Боронов Паида
  7. Диниль-Куль

- Западный Памир (Балухшан)**
10. Лашир-Кинг
  11. Даршай
  12. Санг
  13. Намтуг
  14. Аблар
  15. Вогушара
  16. Умат
  17. Рождас
  18. Ронгкала
  19. Серр
  20. Пиндилара
  21. Чиндылара
  22. Вогушара
  23. Сабста
  24. Вогушара
  25. Вуж
  26. Вар
  27. Мюншар
  28. Чаргям
  29. Випала
  30. Вачор
  31. Бачор
  32. Сохара
  33. Баджу
  34. Хуф
  35. Еш
  36. Багу
  37. Баспа
  38. Муншур
  39. Баранда
  40. Валух
  41. Миграун
  42. Камосара
  43. Алтербак
  44. Дованк
  45. Даршай
  46. Абдулатор
  47. Рабат
  48. Йонг

- Зональная Фергана (Таджикистан)**
69. Ковсейское шоссе
  70. Батгитские
  71. Мотел-Тай
  72. Балабак
  73. Обрестности Ховкента
  74. Касе-Малк
  75. Касе-Малк
  76. Ифрита
  77. Исфаирам-Сай
  78. Клешичи
  79. горы Мотал-Тай (мелкока)

- Гиссаро-Алай**
8. Сай-Сабар (Тоубун)
  9. Сулбура
  40. Сай-Бу
  50. Матали-Зарья
  60. Матали-Дарья II
  61. Авалии Холва Рушиной
  62. Сай Гурбик
  63. Китут-Дарья
  64. Китут-Дарья II
  65. Китут-Дарья III

- Чини**
66. Чини
  67. Сай Валиштон
  68. Мозир

- Алзоб**
56. Алзоб
  57. Фран-Дарья
  58. Фран-Дарья
  59. Матали-Зарья
  60. Матали-Дарья II
  61. Авалии Холва Рушиной
  62. Сай Гурбик
  63. Китут-Дарья
  64. Китут-Дарья II
  65. Китут-Дарья III

Курта составлена Бобомулловым Б. 2009 г.

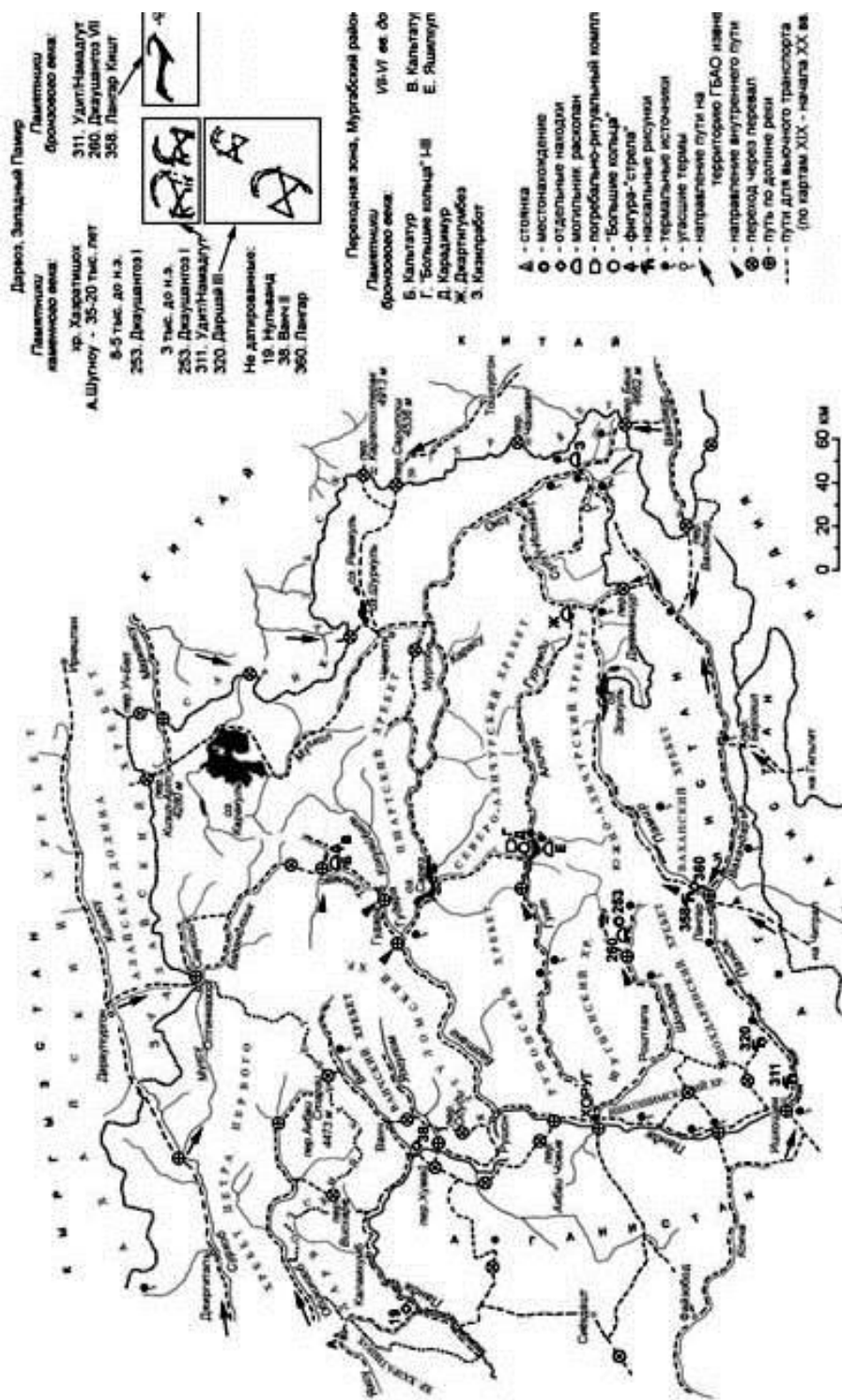
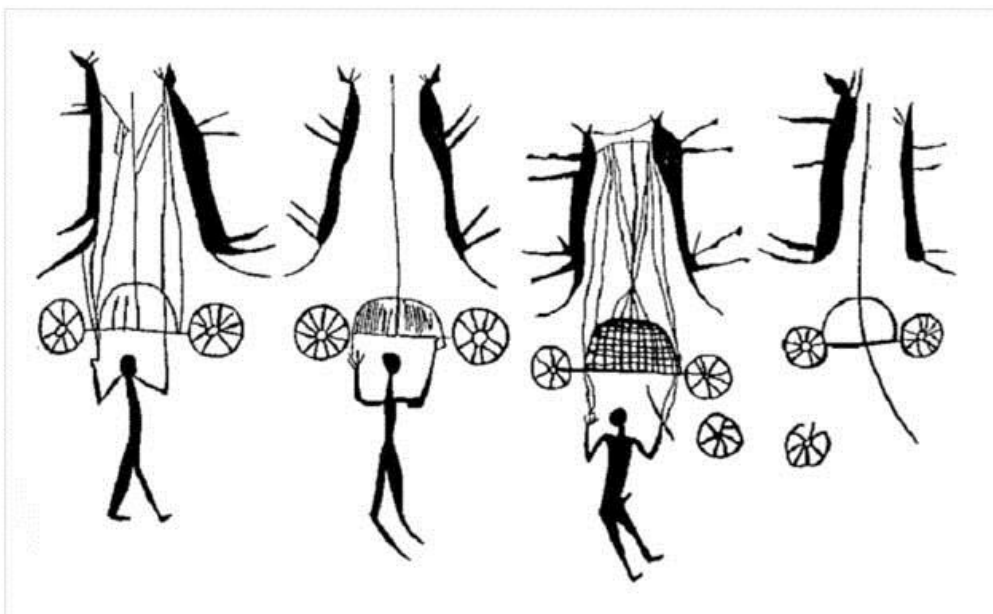
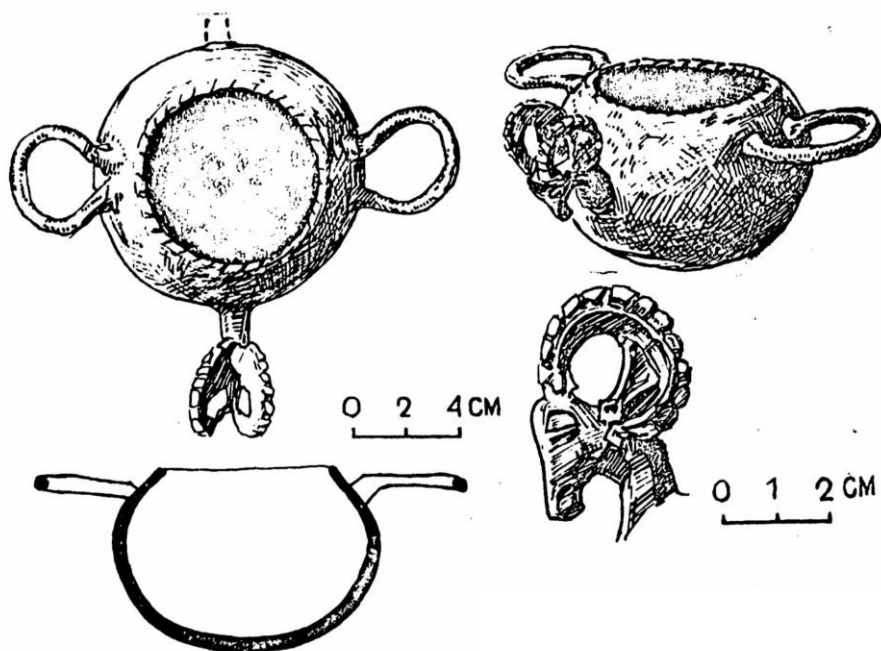

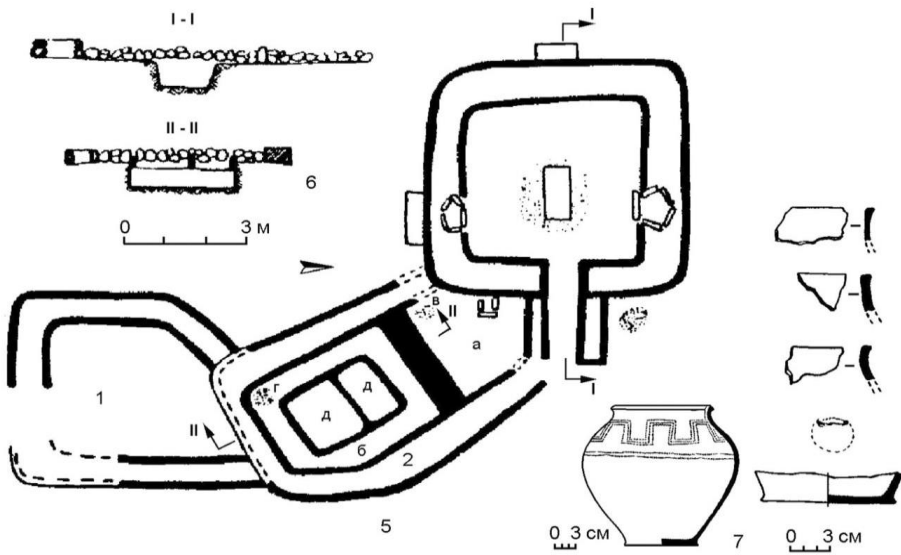
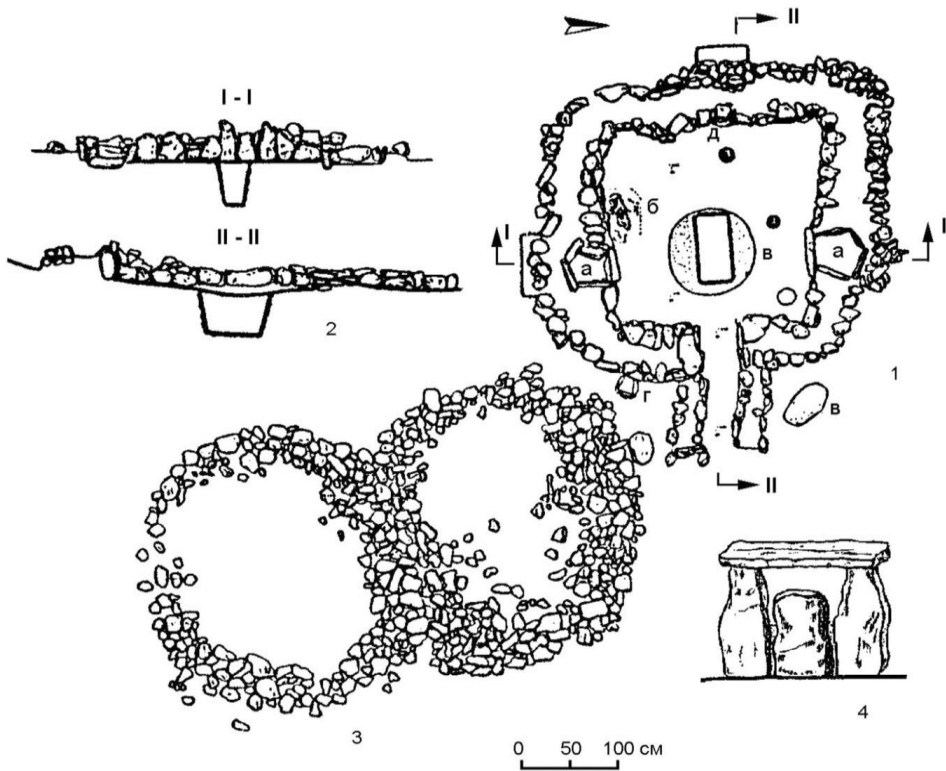
Рис. 9. Карта Горно-Бадахшанской автономной области.

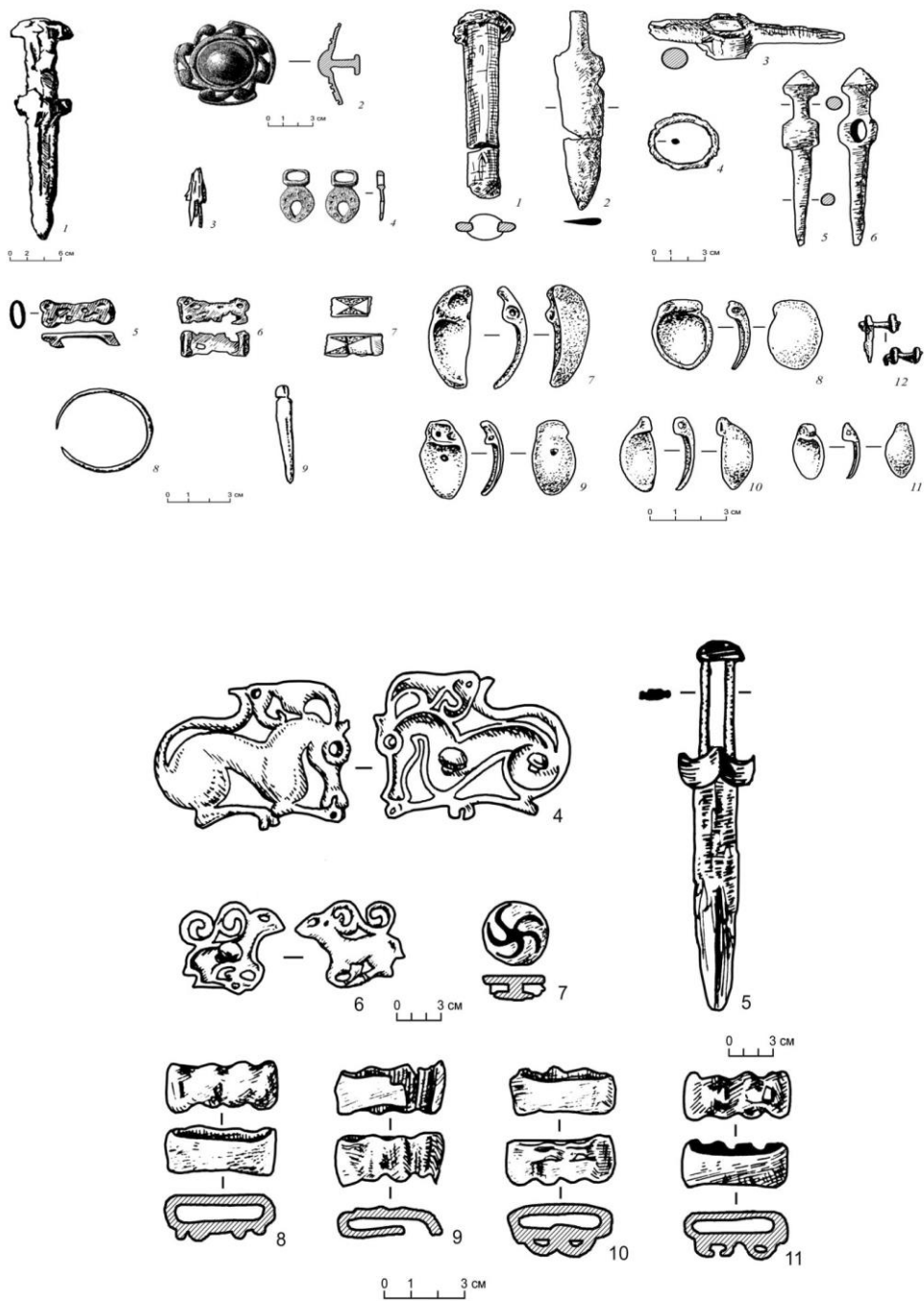
Петроглифы Акджилги. Колесницы

Медный котелок из Пошнева

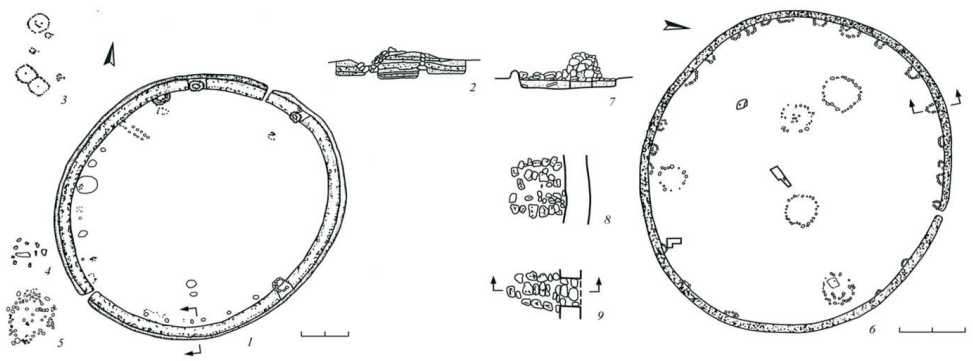
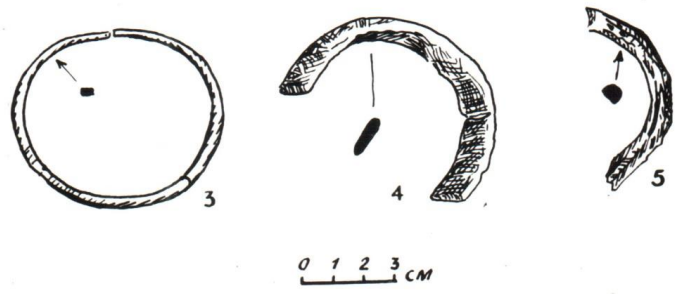
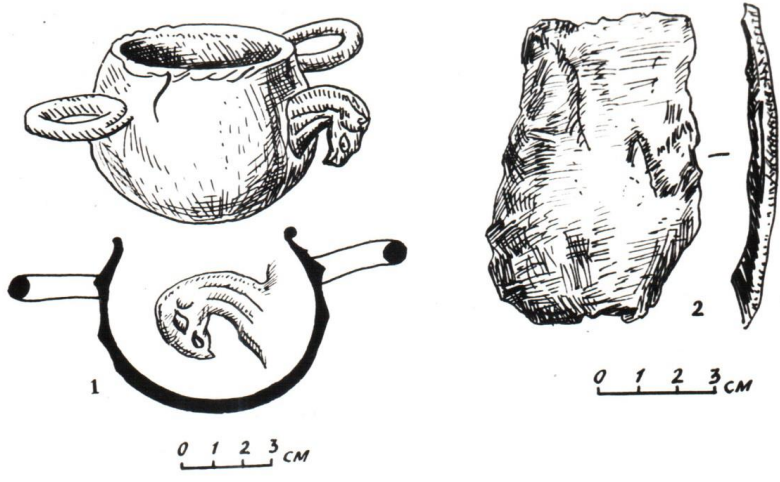

Погребальный комплекс Карадимур

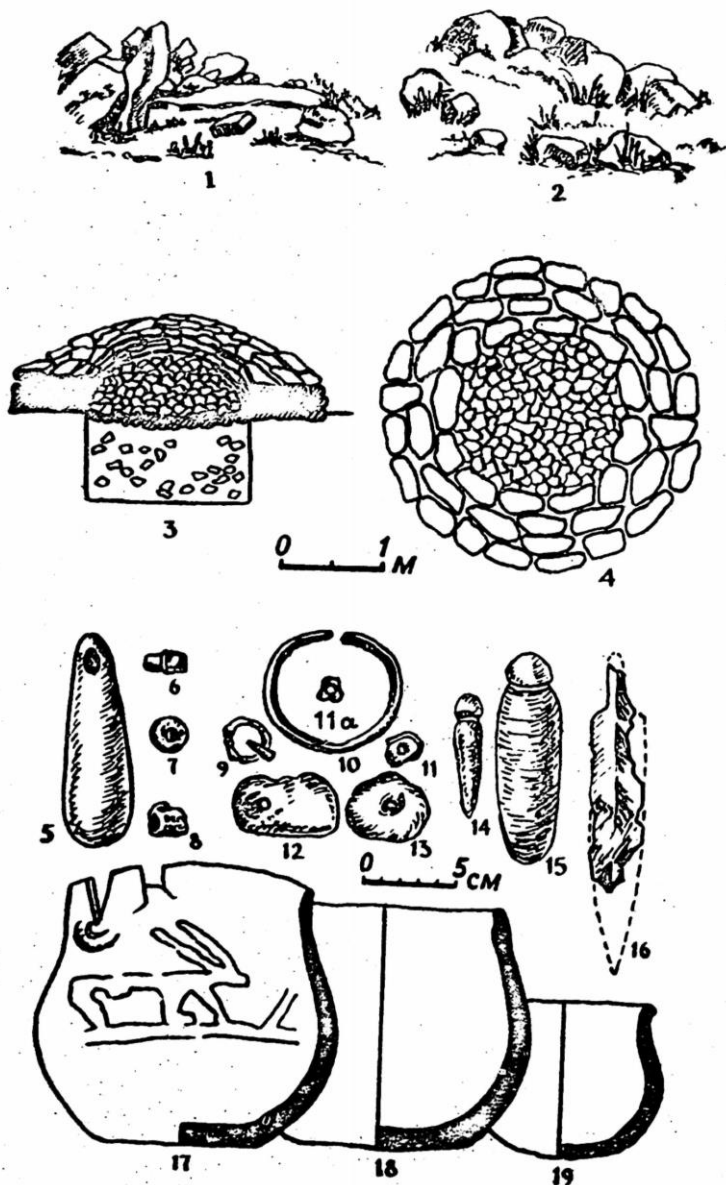

Материальная культура сакских племен. Могильник Тегермансу 1.

Могильник Большой Марджанай

Могильник Дараи Абхарв V: 1 – мегалитический памятник; 2 – кромлехообразный памятник; 3,4 – разрез с перспективным рисунком и план круглого погребельного сооружения; 5 – каменный оселок; 6 – пастовая пронизка; 7 – бронзовая седельная подвеска; 8 – стеклянная бусинка; 9 – железная пряжка; 10 – бронзовый браслет; II, Па – фрагменты бронзовых подвесок; 12,13 – каменные изделия; 14 – косметическая каменная палочка; 15 – каменный оселок; 16 – фрагмент железного кинжала; 17 – глиняный лепное сосуд с росписью (горный баран); 18, 19 – глиняные лепные сосуды (по материалам А.Н.Зелинского)

7. Антропологические данные к проблеме этногенеза таджиков

Прежде всего, имеет смысл напомнить о том, что антропологические данные не могут ни подтвердить, ни опровергнуть принадлежность человека (или группы людей) к тому или иному этносу. Но их анализ в ряде случаев лучше, чем другие источники, в том числе письменные и даже генетические, может показать наличие или отсутствие в составе ныне живущих народов древнейших, древних и более современных пластов. Напомним также, что социально-культурные, историко-культурные общности древности и тем более те сообщества, которые обитали в верхнепалеолитическую эпоху, ни в коей мере не могут быть увязаны с современными этно-культурными образованиями, с современными нациями и народами. Тем не менее расчеты генетиков показывают, что некоторые гены вполне могут сохраняться на какой-либо территории с очень древних эпох. Приводимая далее цитата касается русского генофонда, но она в полной мере может быть отнесена и к любому другому, в том числе таджикскому. «Можно ли по гену определить, к какому народу относится человек? Ответ однозначен: *нельзя*. В принципе *нельзя* потому, что только сам человек может определить, к какому народу он себя относит. Это дело его выбора, не имеющего никакого отношения к биологии и к генетике. *По гену нельзя* потому, что таких генов («русских», «украинских», «французских») нет. *По генофонду нельзя* оттого, что каждый генофонд многослоен, непостоянен и состоит в той или иной степени родства со всеми другими генофондами человечества...»¹.

Ни один современный народ не живет абсолютно изолированно от своих соседей. Поэтому наиболее ценную информацию для понимания путей сложения таджиков мы можем получить, проанализировав имеющиеся антропологические данные по периодам истории всего Среднеазиатского региона. Тем более что современные государственные границы здесь имеют мало общего с панорамой антропологического покрова, разнообразие которого в большей степени связано с географическими особенностями местности.

В 1990 г. при повторном разборе фаунистического материала из Сельунгура был найден еще один зуб ископаемого гоминида – правый

---

¹ Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. - М.: Луч, 2007. – С.214.

латеральный нижний резец¹. Все зубы довольно хорошей сохранности, но сильно стертые, что затруднило их детальный морфологический анализ. По мнению исследователей, зубы принадлежат трем или четырем индивидуам: мужской особи 35-40 лет; женской – около 40 лет; еще одному индивиду, неясной возрастной и половой принадлежности. Эти зубы, как указывает А.А. Зубов, по своим морфологическим особенностям занимают промежуточное положение между неандерталоидными и эректоидными² формами, сближаясь с последними, но в то же время уклоняясь при этом от общего направления эволюционной линии. По всей видимости, сельунгурцы являются специализированным локальным вариантом эректоидной формы.

Нижняя половина диафиза и нижний эпифиз плечевой кости ископаемого человека из Сельунгура принадлежали ребенку десятилетнего возраста. По сравнению с более ранней и соответственно более известной находкой из пещеры Тешик-Таш, она более массивна и архаична. Поэтому обитателей Сельунгура можно отнести к ископаемому человеку круга эректоидных форм, пришедших с юго-запада Каспия как основного вектора первоначальной миграции³.

Наблюдаемые на сельунгурских зубах отклонения от форм, известных по современному человеку, находят аналоги в материалах по ископаемым группам гоминид и не могут служить основой для отрицания принадлежности исследованной серии к роду *Homo*⁴.

Антропологические данные по эпохе мустье ненамного более многочисленны, чем в предыдущий исторический период. Это, прежде всего костные останки ребенка в горах Байсунтау – отрогах Гиссарского хребта к югу от г. Самарканда – стоянка Тешик-Таш. Археологи отмечают последовательное преобразование каменной индустрии в домустьерскую и собственно мустьерскую эпохи, что свидетельствует о продолжительности существования популяций рода *Homo* в среднеазиатском регионе. Поэтому вполне возможно, что детский скелет, открытый в 1938 г. А.П.

---

¹ Зубов А.А., Ходжайов Т.К. Палеолитическая стоянка Сельунгур: (Антропологическое исследование) // Вестн. антропологии. - М., 2004. - Вып. 11. – С. 21-27.

² Эректоидными называются формы, принадлежащие к виду *Homo erectus*, членов которого называют также питекантропами.

³ Васильев С.В., Ходжайов Т.К. Антропология Средней Азии в палеолите // Вестник антропологии. - Вып. 13. - М., 2006. – С. 31-35.

⁴ Зубов А.А. Еще раз о зубах из пещеры Сельунгур // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2009. - №2 (38).

Окладниковым¹ в гроте Тешик-Таш, является частицей популяции, возникшей в результате эволюционного развития форм, подобных сельунгурским. Рентгенологическое изучение скелета позволило определить его возраст – приблизительно 9 лет². Пол был определен как мужской. Поскольку останки принадлежат ребенку, а не взрослому индивиду, возникла дискуссия по поводу их систематического положения, продолжающаяся до наших дней. Первоначальный вывод Г.Ф. Дебеца, описавшего череп, сводился к тому, что индивид принадлежал к классическому типу европейских неандертальцев³, который он не изменил даже после критики со стороны Ф. Вайденрайха, с большим сомнением отнесшего к возможности сопоставления тешик-ташского черепа с французскими классическими неандертальцами, отметив ряд прогрессивных особенностей в его морфологии⁴. М.А. Гремяцкий⁵ занял нейтральную позицию в оценке таксономического положения находки, не поддержав Г.Ф. Дебеца, но и не возражая против него. Однако В.В. Бунак, изучивший эндокран (поверхность внутренней части мозгового черепа) этого ребенка, также выявил наличие многих прогрессивных признаков⁶. М.М. Герасимов⁷, выполнивший реконструкцию внешнего облика мальчика, опираясь на самостоятельные морфологические изыскания, а также В.П. Якимов поддержали взгляд на него как на прогрессивную форму. Поэтому подавляющее большинство исследователей относит эти останки не к классическим, а прогрессивным формам в составе неандертальцев. В.П. Алексеев обосновал

---

¹ Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш // СА. - 1940. - № 6; Он же. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М.: Изд. МГУ, 1949.

² Рохлин Д.Г. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М.: Изд. МГУ, 1949.

³ Дебеч Г.Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // Труды Узбекского филиала АН СССР. Сер. История и археология. - Вып. 1. - Ташкент, 1940; Он же. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. - М., 1947.

⁴ Weidenreich F. The Paleolithic Child from the Teshik-Tash cave in Southern Uzbekistan (Central Asia) // Am. J. of Phys. Anthropology (n.s.). Vol. 3. N 2. 1945.

⁵ Гремяцкий М.А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш. Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М., 1949.

⁶ Бунак В. В. Антропометрия. - М., 1941.

⁷ Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. - М., 1949.

вал существование значительных отличий тешик-ташского мальчика от классических неандертальцев Франции и объединил с ним амудские и шанидарские формы в единую переднеазиатскую группу, имеющую самостоятельное место внутри неандертальского вида¹, что получило дополнительные доказательства в геометрии черепа².

Прогрессивный характер тешик-ташской находки дает возможность говорить о том, что южные районы Средней Азии входили в обширный восточно-средиземноморский очаг сапиентации, который мог также включать крымские и кавказские находки мустьерского и ашельского времени, включал, по видимому, Кавказ и южные районы европейской части бывшего СССР³.

Полученная в 2007 г. информация о ДНК тешик-ташской находки, ввиду крайне фрагментарной сохранности белков, не позволила авторам однозначно интерпретировать ее систематическое положение⁴. Но, по мнению некоторых исследователей, в комплексе с морфологическими критериями (форма затылочной кости и лопатообразность резцов) это не противоречит тому, что данная находка входит в круг неандертальских форм⁵. Все чаще высказывается мнение, что тешик-ташский гоминид близок к метисным неандерталоидно-сапиентным формам и не относится к виду *Homo neanderthalensis*.

В 2003 г. в среднепалеолитическом слое (около 50 тыс. лет по результатам радиоуглеродного метода анализа и старше 80 тыс. лет по урановому) грота Оби-Рахмат (на высоте 1250 м над у/м в 10 км к северо-востоку от Ташкента) были найдены шесть постоянных зубов верхней челюсти и 150 мелких фрагментов черепа еще одного ребёнка 9-12 лет (OR-1). Проведенный антропологический анализ фрагментов не дал возможности четко опре-

---

¹ Алексеев В.П. Очаги расообразования. Антропология и история // Природа. 1973. № 3; Он же. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. - М.: Наука, 1978; Он же. Человек, эволюция и таксономия. - М., 1985.

² Пинчукова И.М. Систематическое положение ребенка из пещеры Тешик-Таш // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. - М.: Наука, 1986.

³ Васильев С.В., Ходжайов Т.К. Антропология Средней Азии в палеолите // Вестник антропологии. - Вып. 13. - М., 2006. - С. 31-35.

⁴ Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J. – J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // Nature. 449. P. 902-904 (18 October 2007) (10.1038/nature06193; Received 15 March 2007; Accepted 23 August 2007; Published online 30 September 2007).

⁵ Gunz P., Bulygina E. The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: A geometric morphometric study of the frontal bone // Am. J. Phys. Anthropol. 2012. Sep. 14 (10.1002/ajpa.22133. [Epub ahead of print]) <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22976750>

делить, относится ли эта форма к неандертальцам или анатомически современному человеку, сходному с переднеазиатскими гоминидами из Кафзех и Схул¹. Более углубленные исследования OR-1 (компьютерная томография височных костей) позволили специалистам говорить, что этот индивид ближе к неандертальцам, нежели к современным людям или хронологически ранним людям современного антропологического облика с Ближнего Востока. Также можно говорить и о смешении этих двух форм².

В 1997 г. были продолжены работы на стоянке Худжи (одноименный кишлак в 40 км к западу от Душанбе), которая была открыта в 1977 г. геологом А.А. Никоновым. В процессе работ был вскрыт слой, лежащий примерно на 1 м выше изученного ранее и датированного 38.900 ± 700 лет. В этом-то слое и был найден зуб ребенка (сильно стертый резец с разрушенным корнем)³. По тем минимальным признакам, которые можно было определить, А.А. Зубов сделал вывод, что размеры зуба не выходят за пределы вариации ископаемых архаичных форм *Homo sapiens*⁴.

Таким образом, костные останки гоминидов как из Тешик-Таша, Оби-Рахмата, так и из Худжи указывают на то, что территорию Средней Азии уже не стоит рассматривать, как это делалось ранее, в качестве восточной границы распространения неандертальцев (тем более, что ныне уже на Алтае имеются и более восточные формы), но даже и как территорию, населенную в период среднего палеолита только неандертальцами. В этом регионе могло происходить динамичное и разнонаправленное заселение в период верхнего плейстоцена. По всей видимости, в этом процессе принимали участие и представители эректоидно-сапиентных форм из Передней Азии.

Верхнепалеолитические культуры региона пока изучены слабо, в том числе и в силу их малочисленности. Как и в предыдущий период, антро-

---

¹ Гланц М., Виола Б., Чикишева Т. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. - Новосибирск, 2004.

² Виола В., Зайдлер Х., Дитер цур Нэдден. Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии//Грот Оби-Рахмат. - Новосибирск, 2004.

³ Ранов В.А., Лаухин С.А. Результаты раскопок мустьерской стоянки Худжи в Гиссарском районе Таджикистана // Всероссийское совещание «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI в.» - СПб., 1998. – С. 271-272.; Они же. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. - 2000. - № 9. – С. 52-60.

⁴ Ранов В.А., Лаухин С.А., Зубов А.А. Новости. Кратко // Природа. - 1998. - №7. ([http://vivovoco.astronet.ru/vv/news/prioda/pr_07_98.htm](http://vivovoco.astronet.ru/vv/news/priroda/pr_07_98.htm))

пологический материал происходит только из Самарканда. Стоянка, обнаруженная М.В. Воеводским и Г.В. Харламовым еще в 1939 г., а затем долгие годы исследовавшаяся Д.Н. Львом, а затем М.Дж. Джуракуловым, находится в черте города и датируется началом верхнего палеолита. Здесь были обнаружены половина нижней челюсти с зубами и одна целая нижняя челюсть человека. Одна, по-видимому, принадлежала женщине, вторая – мужчине. Исследовавшие их В.В. Гинзбург и И.И. Гохман¹ полагают, что эти индивиды принадлежали к европеоидной расе, возможно, к ее южному стволу. Проведенный позже анализ зубной системы однозначно подтвердил принадлежность их к виду *Homo sapiens* с характерными чертами южных европеоидов. Приведенные данные показывают, что в верхнем палеолите на юге Средней Азии человек современного типа уже существовал.² Но крайняя малочисленность находок не позволяет делать каких-либо более подробных выводов.

Несмотря на то, что неолитическая эпоха на территории Средней Азии, по сравнению с предыдущими, представлена значительно большим числом памятников, но до середины XX в. единственной антропологической находкой, относящейся к этому периоду, были несколько фрагментированных, в большинстве своем детских, черепов, найденных экспедицией, финансировавшейся Р. Пампелли, на туркменском памятнике Анау. Они были осмотрены Дж. Серджи, который отметил их принадлежность к одной из ветвей средиземноморцев³. Проводившиеся в XX в. широкомасштабные археологические исследования во всех областях Средней Азии дали значительно более существенные материалы.

Для эпохи мезолита известны находки костей человека в Мачайской пещере (долина Сурхандарьи), найденные в 1941 г. Г.В. Парфеновым. Каменные орудия, которые там были найдены, В.А. Ранов рассматривал как орудия гиссарской неолитической культуры. Их радиоуглеродная дата (5600 лет до н.э.) в сочетании с типом орудий дает, по его мнению, право считать этот памятник не мезолитическим, но значительно более

---

¹ Гинзбург В.В., Гохман И.И. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - Л.: Наука, 1974.

² Зубов А.А. Гохман И.И. Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных останков человека с палеолитической стоянки Самарканд // Вестник антропологии. Научный альманах. - Вып 10. - М., 2003.

³ Sergi G. Description of some skulls from North Kurgan Anau // Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1908a. P. 445-446.

поздним¹. Антропологический материал из верхних слоев Мачайской пещеры был очень небольшой: плохо сохранившиеся части двух черепных крышек, куски лицевого скелета, нижней челюсти и зубы. Г.В. Парфенов сделал краткое сообщение об этих находках в 1942 г. в Ташкенте на сессии Академии наук СССР, посвященной этногенезу народов Средней Азии, но опубликовал предварительные данные лишь в местной периодической печати. Черепа эти, точнее фрагменты скелетов трех человек – мужчины, женщины и ребенка – сохранились без лицевой части. В. В. Гинзбург и М. М. Герасимов, имевшие тогда возможность познакомиться с ними, отмечают (по записи своих визуальных наблюдений), что они относятся к ясно выраженному долихокранному европеоидному типу².

В 1994 г. археологом Т.Ю. Гречкиной в Самаркандской области было раскопано погребение эпохи мезолита³, давшее мужской череп зрелого возраста. К сожалению, он был посмертно деформирован и требует серьезной реставрации. Визуальный осмотр находки был осуществлен Т.К. Ходжайовым. Череп европеоидный, имеет крупные размеры, он долихокранный с максимально сильно развитым наружным рельефом. Лоб средней ширины, сильно наклонный. Лицо имеет резкую горизонтальную профилировку, широкое и низкое. Орбиты очень широкие и низкие. Переносье высокое, нос выступает сильно. Он существенно отличается от мезолитических черепов из пещеры Мачай в долине Сурхандарьи⁴.

Несколько менее древнее, неолитическое население лучше всего представлено черепами с памятников из предгорной полосы Копетдага на территории современного Туркменистана, относящихся к джейтунской культуре (V тыс. до н.э.). Самый ранний из известных на территории Средней Азии черепов принадлежит мальчику 8 лет из Чопан-Депе, который характеризуется европеоидным обликом с относительно высоким и узким лицом и слабо выступающим носом. Также к V тыс. до н.э. относятся костные останки из Каушута, а к IV тыс. до н.э. – из Овадан Депе Ашхабадской области. Все черепа грацильные, долихокранные, высоко- и уз-

---

¹ Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. - Новосибирск, 1985.

² Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М., Наука, 1972.

³ Гречкина Т.Ю. Отчет о работах Зарафшанского палеолитического отряда в 1994 г. Самарканд. Арх.ИА АН РУз. Ф.4,0,1. Д. 236.- 1995. – Цит по: Ходжайов, 2004.

⁴ Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. - Вып. 11. - 2004. – С. 87-101.

колицы, по описанию исследовавшей их Т.А. Трофимовой, могут быть отнесены к высоко- и узколицему долихокранному типу, что и черепа из Чопан-Депе – т.е. к древней форме восточно-средиземноморского типа¹ Кроме этих находок с юго-запада Туркменистана, имеются еще черепа из более восточных районов – два из Чагыллы-Депе (левобережье р. Теджен, датировка по С¹⁴ 5036 ± 100 до н.э.), один из Чакмаклы-Депе и четыре из погребений в Монжуклы-Депе. Все перечисленные находки, кроме последнего памятника, расположенного около с. Меана, Каакхинского района Туркменистана (конец V тыс. до н.э.), отличаются те же особенности, что и юго-западные туркменские черепа.

Как пишет Т.А. Трофимова, мужской и женский черепа из Монжуклы по своим морфологическим параметрам резко отличаются от таковых, найденных в Центральном Копетдаге и Чагыллы-Депе. Женскому черепу свойственны большие размеры головы и мезокrania, низкое и широкое лицо, очень резко выраженный прогнатизм и слабое выступание носовых костей, что, несомненно, указывает на принадлежность его к экваториальным формам². Они также имеют сходство с «протоавстралоидным» типом из Мохенджо-Даро харappской культуры IV–III тыс. до н.э. (Sewell, Guha, 1931) или (по другим авторам) протодравидийским (или веддоидным) формам. По выраженности экваториальных особенностей этот вариант может быть сопоставлен с антропологическими типами современного населения Южной Индии, распространенного среди дравидоязычных групп и ведда.

Европеоидный мужской череп из Монжуклы-Депе характеризуется мезокранией и мезогнатией, имеет очень низкий и широкий, уплощенный в горизонтальной плоскости лицевой скелет, а также сильное выступание носовых костей. Эти особенности сближают данный индивид с представителями мазандаранской культуры из пещеры Хоту (Северо-Восточный Иран), а также с другими кроманьоноподобными формами мезолита и верхнего палеолита Палестины и Северной Африки.

В Припамирье, в долинах рек Кафирниган и Вахш в VII–II тыс. до н.э. была распространена гиссарская неолитическая культура,³ крупнейшими памятниками которой являются Туткаул и Сай-Сайёд возле Нурекского во-

---

¹ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М.: Наука, 1972. - С.37-43.

² Там же. - С.44.

³ Окладников А. П., Исследования памятников каменного века Таджикистана // Труды Таджикской археологической экспедиции. - Т. 3. - М.-Л., 1958; Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. - Душанбе, 1965: 145 с.; Коробкова Г.Ф., Ранов В.А. Неолит горных районов Средней Азии // Проблемы археологии Средней Азии. - Л., 1968.

дохранилища, в 45 км к юго-востоку от г. Душанбе, и Куй-Бульен (в районе Дангары). Второй культурный горизонт Туткаула, где были найдены погребения, охватывает VI тыс. до н.э. Среди них имеется одно ненарушенное погребение женщины. Судя по черепу и костям, этой женщине было 30-40 лет, однако на верхней челюсти не было ни одного зуба, которые, видимо, выпали еще при жизни. Череп узкий, длинный, массивный, с наклонным лбом, лицо немного сплющено с боков, узкое, средней высоты, орбиты низкие. Это описание позволило Т.П. Кияткиной квалифицировать тип как, безусловно, европеоидный. Однако ряд признаков говорит о грубости, некоторой протоморфности облика погребенной и заставляет видеть здесь недифференцированный протосредиземноморский древний европеоидный тип, где сочетались признаки экваториального и европейского типов. Нам представляется, что использование в данном случае термина «протосредиземноморский» не очень удачно. Первая часть термина, («прото») подразумевает, что этот вариант существовал до какого-то другого, собственно средиземноморского типа. Судя по всему, Т.П. Кияткина подчеркивала этим его большую древность и архаичность.

Второе погребение в Туткауле было разрушено, но все-таки оказалось возможным установить, что и там была погребена женщина. В нижней части второго горизонта нашли два детских черепа. Внешние признаки черепов напоминают описанные выше. Это еще одно подтверждение сложившегося представления о типе погребенных – европеоидном, долихокранном малодифференцированном типе, так как в нем сочетаются черты кроманьоноподобного евроэкваториального (средиземноморского) типа. Такой тип несколько напоминает раннеэнеолитические черепа из Монжуклы-Депе в Южной Туркмении и черепа мазандаранской культуры из Северо-Восточного Ирана¹.

Недалеко от Туткаула, на поселении Сай-Сайёд, в 1972 г. под мощной нависающей скалой было обнаружено погребение мужчины старше 60 лет. Для такого древнего периода, когда, как известно по находкам в других областях, люди умирали достаточно рано, это был очень старый человек. На его верхней челюсти не было ни одного зуба. На нижней челюсти были все зубы, правда очень сильно стертые, почти до корня (ту же самую картину демонстрировал и череп женщины в Туткауле); кариеса

---

¹ Кияткина Т.П., Ранов В.А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане // ВА. - 1971. - Вып. 37. - С. 149-157.

зубов, как и в Туткауле, нет. Череп очень длинный, узкий, с покатым лбом, лицо узкое, невысокое, уплощенное в верхней части, с низкими орбитами. Расовый тип этого погребенного – европеоидный, и относится, как и туткаульский, к кругу южных древних средиземноморских форм¹.

В бассейне среднего течения р. Зарафшан была выделена самостоятельная сазаганская неолитическая культура². В 1981 г. недалеко от одноименного селения в Самаркандской области было вскрыто неолитическое погребение³. Череп принадлежал мужчине 35-45 лет. Он – грацильный, долихокраний со среднешироким, средненаклонным лбом, среднепрофилированный в горизонтальной плоскости. Довольно значительно развиты надпереносье и надбровные дуги. Лицевая часть узкая, визуальнo ортогнатная, низкая. Орбиты низкие и среднеширокие (хамеконхные). Все выявленные особенности дают основание отнести этот череп к южным формам европеоидной расы. Невысокое лицо присуще, как пишет его исследователь Т.К. Ходжайов, главным образом, представителям протоевропейской расы. Однако в Средней, Передней и Южной Азии широко представлены средиземноморские формы, для которых также характерно низкое лицо⁴.

В 1975 г. на южных склонах Каратау (Бухарская область), около шахт Учтута, относящихся к эпохе неолита, были вскрыты две могилы, и в той, и в другой были погребены мужчины 30-40 лет. Один из костяков имел крайне плохую сохранность, второй удалось изучить. Его мезокраний череп имеет среднеширокий, умеренно наклонный лоб с выше среднего развитыми надпереносьем и надбровными дугами. Европеоидное лицо – ортогнатное, средней ширины и высоты (мезопрозопия), сильно профилированное в горизонтальной плоскости. Орбиты средней ширины и высоты (мезоконхия). Нос сильно выступает, переносье – высокое⁵.

---

¹ Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. - Душанбе, 1987.

² Джуракулов М. Дж., Холматов Н. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1991.

³ Джуракулов М. Дж., Ходжайов Т.К. Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии, древней истории и этнографии (Сб. науч. трудов). - Самарканд, 1984.

⁴ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М., Наука, 1972; Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореферат докт. дис... - М., 1981; Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976; Она же. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. - Душанбе, 1987.

⁵ Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. - Вып. 11. - 2004. – С. 87-101.

С конца IV до начала II тыс. до н.э. в северных районах Средней Азии, прежде всего в древней Акчадарьинской дельте Амударьи, на Верхнем Узбое, в бассейне Махандарьи, а также на северо-востоке Приаралья, была распространена кельтеминарская археологическая культура, открытая в 1939 г. экспедицией под руководством С.П. Толстова в Хорезме¹. Значительный антропологический материал этой культуры происходит из могильника Тумеккичиджик, обнаруженного в 1972 г. на территории крупного одноименного курганного могильника VII в. до н.э. – I в. н.э.² Костные материалы датируются концом V-началом IV тыс. до н.э. Элементы погребального обряда связывают его как с миром южных цивилизаций, так и евразийских степей. Умерших укладывали в очень узкие (около 30 см) длинные могилы в вытянутом положении, на спину, головой на северо-восток. Сопровождающий инвентарь – бусы из раковин, изделия и украшения из зубов, позвонков, костей птиц, рыб и млекопитающих, присутствует и керамика³, что существенно отлично от обряда в Туткауле и может говорить не только о временных, но и этнических различиях. Антропологический облик населения, захороненного в Тумеккичиджик, также заметно отличается от такового южных неолитических поселений, как в предгорьях Памира, так и в Прикаспии. Впервые костный материал был изучен Т.А. Трофимовой⁴, а затем Л.Т. Яблонским⁵. Полученные результаты позволили исследователям допустить мысль о том, что «физический облик кельтеминарского населения мог сложиться на средиземноморской основе», но в целом, отмечается, что «в основе физического облика кельтеминарского населения севера Средней Азии лежал протоевропеоидный антропологический комплекс...», связанный с позднемезолитическими племенами, переселившимися из переднеазиатского и ближневосточного регионов на европейский континент.

Таким образом, в *мезолитическую, неолитическую и раннеэнеолитиче-*

---

¹ Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. - М., 1962.

² Виноградов А.В. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО 1973. - М., 1974.

³ Яблонский Л.Т. Древнейшее население южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. - М., 1986. – С. 79-122.

⁴ Трофимова Т.А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумеккичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. - М.: Наука, 1979. – С. 10–15.

⁵ Яблонский Л.Т. Древнейшее население южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. – С. 79-122.

скую эпохи у населения среднеазиатского региона можно различить три подразделения европеоидной расы:

1) на юго-западе (прежде всего в южных областях современного Туркменистана) распространен грацильный долихокраний узко-высоколицый средиземноморский тип. По общим характеристикам, этот тип близок суммарным данным черепов энеолита и бронзы с территории Индии и Ирана и наиболее – к серии черепов Ирана III–II тыс. до н.э. из раскопок в Тепе Гиссар II¹, отличаясь большей грацильностью черепов и рядом других особенностей. Благодаря близости этого варианта с юга к области расселения протоавстралоидных или веддоидных популяций (Индийский субконтинент), а также, по всей видимости, распространения между населением не только обменных, но и брачных контактов, в ряде групп (Монжуклы-Депе) прослеживается присутствие примеси этого антропологического варианта;

2) на юго-востоке (в южных областях современных Таджикистана и Узбекистана вплоть до долины Зарафшана) присутствует также долихокраний, узко-высоколицый антропологический вариант, но с явно выраженной протоморфностью облика (в том числе несколько большей массивностью, матуризованностью, а также немного более низким лицом и чуть более низкими орбитами, по сравнению с районами расположенными восточнее), что может говорить о давности проживания этого типа в зоне предгорий Памиро-Алая. Поскольку мезолитические находки человеческих останков пока остаются единичными, делать какие-либо обобщения пока, наверное, преждевременно. В то же время, присутствие среди материалов, происходящих с территории современного Туркменистана, отдельных черепов сходного облика (также в Монжуклы Депе), можно сделать осторожное предположение, что оба эти варианта (и первый и второй) являются результатом развития более древнего населения южных областей Средней Азии;

3) в северных, преимущественно степных областях Средней Азии, население характеризуется значительно большей массивностью, значительно более низким, чем в южных земледельческих районах, лицом с невысокими орбитами и несколько более слабой (но все же бесспорно резкой, т.е. свойственной европеоидам), чем в южных районах, горизонтальной профили-

---

¹ Krogman W.M. The Peoples of Early Iran and Their Ethnic Affiliations // Am. J. of Phys. Anthropol. Vol. 26. 1940. P. 69-308.

ровкой. Исследователи материала отмечают, что этот тип сочетает в себе особенности протоевропейского и средиземноморского типов.

Здесь же нельзя не подчеркнуть, что такие области, как степные районы севернее Туркестанского хребта и междуречья Амударьи и Сырдарьи, уже в неолите являлись зонами контактов нескольких вышеперечисленных антропологических вариантов. О том, что такие контакты имели место, свидетельствуют описанные выше материалы из бассейна Зарафшана.

Территориальные различия в особенностях внешнего облика населения Средней Азии в неолите в значительной степени сопрягаются и с границами больших культурно-исторических общностей. Так, еще в 1966 г. А.П. Окладников в книге «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы» писал: «Таким образом, в пору мезолита в Прикаспии и в бассейне Аму-Дарьи развивается микролитическая культура, составлявшая часть огромной области микролитических культур с орудиями геометрических форм, охватывающих в своем распространении юг Азии, Европы, Африку и даже далекую Австралию. Корни этой культуры уходят в южный «капсийский» палеолит. С другой стороны, на востоке Средней Азии длительно существует культура горцев Тянь-Шаня и Памира, генетически связанная с культурой чопперов Центральной, Северной и Восточной Азии. Уже с самого начала, с нижнего и среднего палеолита, культуры эти не только соприкасались, но и смешивались, оказывали друг на друга влияние и переслаивались. Вероятно, возникали промежуточные или «гибридные» культуры».¹ Обобщая данные, ставшие достоянием науки в последние десятилетия, другой крупнейший исследователь археологии Средней Азии В.М. Массон отмечал, что, кроме уже упомянутых культур, необходимо отметить своеобразие Ферганской долины, где выделяется центрально-ферганская неолитическая культура. Она представлена целым рядом разветвленных стойбищ, оставленных, скорее всего, бродячими охотниками и собирателями².

Энеолит и эпоха бронзы. Памятники этого времени (III–II тыс. до н.э.) распространены на территории Средней Азии достаточно широко. На некоторых территориях, преимущественно в предгорьях Копетдага на многослойных поселениях, они представлены внушительными слоями. Соответственно и антропологический материал нередко имеет уже и серийный характер.

---

¹ Окладников А.П. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. 1966. - С. 74.

² Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – 384 с.

Хорошо, по сравнению с предшествующими эпохами, представлено позднеэнеолитическое население Туркмено-хорасанских гор. Так, в долине р. Сумбар раскопан крупный могильник Пархай II, в котором были вскрыты погребения нескольких периодов – позднего энеолита, ранней и развитой бронзы¹. Умерших хоронили в камерах, которые, очевидно, использовались в течение многих лет. В каждой из них лежали кости большого числа людей (70-100 человек). Антропологический тип населения, известный по материалам этого могильника, Т.П. Кияткина² характеризует как европеоидный, с мезогнатным лицевым скелетом, что, как она полагает, говорит о южном происхождении этого морфологического комплекса. В Восточном Туркменистане в пустынной ныне местности (западнее Теджена), расположен большой протогородской многослойный центр Алтын-Депе³ Расцвет жизни здесь приходится на эпоху Намазга V (время развитой бронзы). В энеолитических слоях Алтын-Депе (V–III тыс. до н.э.) обнаружены погребальные сооружения типа толосов, а также отдельные погребения в земляных ямах. Антропологический материал количественно небольшой, но он поразил исследователя своей грацильностью, своим изяществом, что отличает жителей Алтын-Депе от пархайцев. Черепа европеоидные, долихокранные, узко- и высоколицыце, средиземноморского облика⁴. Близкие антропологические черты⁵ свойственны населению еще одного крупного туркменистанского памятника – Геоксюр, расположенного в дельте р. Теджен⁶. Отмечаются некоторые различия в особенностях внешнего облика погребенных в коллективных усыпальницах-толосах и в ямных могилах⁷. Несколько иной вариант юж-

---

¹ Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. По материалам Сумбарских могильников. - Л., 1983.

² Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. - С. 403.

³ Массон В.М. Раскопки на Алтын Депе // АО 1965. 1966. - С. 66–70.

⁴ Кияткина Т.П. Краниологический материал из Алтындепе (1971) // Каракумские древности. - Вып. 5. - Ашхабад, 1977.

⁵ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита и бронзы (по материалам раскопок Кара-Депе и Геоксюра) // Труды ЮТАКЭ. Т. X. - Ашхабад, 1961. - С. 478–528; Трофимова Т.А. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // КСИЭ. - Вып. 36. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С. 83–94.

⁶ Сарияниди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т. X. - Ашхабад, 1961. - С. 225-318; Он же. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. (Археология СССР. САИ. БЗ-8. 4.IV). - М., 1965.

⁷ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М., Наука, 1972. -С. 61-62.

ных европеоидов имеет население еще одного крупного неолитического поселения ранних земледельцев Карадепе, расположенного в подгорной полосе Копетдага. Это тот самый древний вариант средиземноморского типа, о котором речь шла выше и который может быть отнесен к евроафриканскому типу Серджи¹.

Третий известный памятник на правом берегу р. Теджен на территории Туркменистана, давший антропологический материал – Хапуз-Депе². Черепа из Хапуз-Депе (особенно мужские), наиболее резко отличающиеся от первых двух описанных типов малой высотой и большой шириной лицевого скелета, сближаются с протоевропейскими формами³. Такой тип отмечен и в населении вахшской скотоводческой культуры в низовьях Вахша во II тыс. до н.э.

Наличие локальных вариантов у неолитического населения Южного Туркменистана исследователи связывают как с действием генетико-автоматических процессов в результате расселения племен джейтунской культуры вдоль предгорий Копетдага и относительной изоляцией их в различных оазисах, так и с движением населения из других областей, в первую очередь, из таких как район Сиалка в Иране, из Южной Месопотамии и Элама. Это последнее положение получило более весомые подтверждения по материалам следующей археологической эпохи – эпохи бронзы⁴.

В долине Зарафшана, начиная с 1970-х годов, раскапывается многослойный памятник древних земледельцев Саразм площадью около 100 га, расположенный в Пенджикентском районе Таджикистана⁵, где в 1975 г. было найдено два богатых погребения неолитического времени⁶. Оба они принадлежали женщинам 20-25 лет. Исследовавший материал Т.К. Ходжайов отмечает их резкую долихокранию, узкое и высокое лицо, узкий и выше среднего выступающий нос. Имея высокий свод черепа и

---

¹ Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. Душанбе, 1987а. – С.15.

² Сарияниди В.И. Памятники позднего неолита Юго-Восточной Туркмении. (Археология СССР. САИ. БЗ-8. 4.IV). - М., 1965.

³ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С. 63.

⁴ Там же. – С.64-66.

⁵ Исаков А.И., Эшонкулов У. Работы Косатарошского отряда // Археологические открытия 1977 г. М., 1978; Исаков А.И. Раскопки в Саразме // АО 1978 г. - М., 1979; Он же. Раскопки на поселении Саразм // АО 1979 г. - М., 1980.

⁶ Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977 – 1983 гг.). - Душанбе, 1991.

очень широкий лоб, они больше всего похожи на синхронные черепа средиземноморского облика из упомянутых туркменских Геоксюра и Карадепе¹. Это обстоятельство подтверждается и общностью материальной культуры на указанных территориях².

Эпоха бронзы – один из важнейших периодов как истории Средней Азии, так и человеческой цивилизации в целом. Так, в частности, с периодом поздней бронзы (конец II тыс. до н.э.) обычно связывается время появления в Средней Азии индоиранских языков. В это время во всем обширном регионе четко выделяются два культурно-исторических региона: южный оседло-земледельческий, где основой хозяйства является орошаемое земледелие, близкое к ареалу переднеазиатских культур так называемой расписной керамики, и северный степной, включающий и степи Казахстана, где основным занятием было пастушеское скотоводство, входящий в ареал евразийских культур степной бронзы. Постоянные контакты между населением этих двух больших областей постепенно приводили к некоторому стиранию различий в их хозяйственном и социальном развитии, чему способствовал рост роли обмена и торговли. В итоге к концу II тыс. до н.э. Средняя Азия в целом представляла собой историко-культурную область с развитой цивилизацией, являющуюся также перекрестком торговых и культурных путей обмена между ближневосточным, южно– и восточноазиатским центрами и с народами степного пояса Евразии.

Эта эпоха представлена значительным числом памятников в различных областях Средней Азии, давших богатый антропологический материал, который обобщался неоднократно В.В.Гинзбургом и Т.А.Трофимовой³. Оба автора, создавшие подробную сводку данных по всем эпохам, писали, что на севере Средней Азии, в ее степных районах и в Казахстане рас-

---

¹ Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. - Вып. 11. - 2004. – С. 87-101.

² Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977 – 1983 гг.).

³ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С.48-89; Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. - Душанбе, 1987а; Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. - Ташкент, 1980; Он же: Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореферат докт. дис... - М., 1981; Он же: Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Сер. «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2 / Ред. Рыкушина Г. В., Дубова Н. А. - М., 2000а. - С. 22-45.

пространенный там ранее проевропейский тип (массивный, с относительно низким и широким лицом, с низкими глазницами, значительно развитым надпереносьем и средненаклонным лбом) в эпоху бронзы преобразуется в андроновский, характеризующийся массивностью черепа, но уже мезокранией и более прямым лбом. Сохраняются хорошо развитый костный рельеф в области надпереносья, очень низкое и широкое лицо с низкими глазницами и резко выступающим носом¹. Уже к тому времени накопленный палеоантропологический материал, хотя все еще недостаточно обширный, позволял уверенно говорить о том, что население андроновской культуры Казахстана и Средней Азии не являлось в эпоху бронзы единым в антропологическом отношении, хотя «классический» андроновский тип местами в нем заметно преобладает, что сказывается и на средних статистических параметрах. В целом население андроновской культурной общности Казахстана в антропологическом отношении приближается к типу населения андроновской культуры Минусинского края, срубной культуры Поволжья и тазабагьябской культуры Южного Приаралья. Население Акча-дарьинской дельты Приаралья, относящееся к тазабагьябской культуре, датируемой последней третью II тыс. до н.э.,² представлено солидными краниологическими материалами могильника Кокча III. Они (14 мужских, 10 женских черепов, 7 детских и юношеских черепов) были изучены Т.А. Трофимовой³. В целом это долихокранные европеоиды с относительно низким лицом и мезогнатным строением лицевого скелета. Однако серия характеризуется исключительной смешанностью. Как считала Т.А. Трофимова, здесь присутствовал еще один тип, резко отличный от степных антропологических комплексов, который характеризуется менее крупным черепом с более прямым лбом, более узким, прогнатным лицом, слабее выступающим носом и более высокими орбитами. Средние показатели черепов из Кокчи III были отличны от всех известных на тот момент кранио-серий эпохи энеолита и бронзы со смежных территорий и близки как по абсолютным размерам, так и по лицевому указателю к наиболее древним черепам из Хараппы с территории Северной Индии, среди которых⁴ отмечен веддоид-

---

¹ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С. 294-295.

² Итина М.А. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материал Хорезмской экспедиции. - Вып. 5. - М., 1961.

³ Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. - Вып. 5. - М., 1961а.

⁴ Gupta P., Dutta P. C, Basu A. Human skeletal remains from Harappa. Anthropological Survey of India. Memoir N 9. Calcutta, 1962.

ный тип, смешанный с средиземноморским. Этот антропологический тип, обладающий некоторыми экваториальными особенностями, выделен и среди погребенных в Кокча III.

Изучивший в сравнительном плане эту серию Л.Т. Яблонский не увидел в ней экваториальных особенностей. Он полагает, что данная серия (ввиду ее мезокранности и заметной уплощенности в горизонтальной плоскости как в верхней, так и в средней части лица) сближается с андроновскими популяциями Южной Сибири. Но умеренная гиперморфия тазабагьябцев помещает их между синхронными южносибирскими и средиземноморскими формами¹, что может быть свидетельством смешения степных и южных земледельческих племен².

На юге Туркмении и в районах Среднеазиатского междуречья в эпоху бронзы продолжает бытовать южноевропейский, гиперморфный вариант средиземноморского типа, который являлся основным у земледельческих племен культур расписной керамики и в могильниках андроновской культуры Западного Казахстана. Материал с памятников Южной Туркмении, относящийся ко II тыс. до н.э., позволяет говорить о значительном преобладании на этой территории грацильного средиземноморского расового типа при некоторой смешанности в пределах европеоидной расы. В качестве единичных находок, как полагают исследователи, этот же вариант представлен и в тазабагьябской культуре Южного Приаралья и в могильниках поздней бронзы Юго-Восточного Приаралья (Тагискен)³.

Первые два фрагментированные черепа с территории Таджикистана, относящиеся ко II тыс. до н.э., были получены в 1947-1948 гг. во время работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции Академии наук СССР, возглавлявшейся А.Ю. Якубовским, затем М.М. Дьяконовым, в урочище Туп-Хона Гиссарского района (среднее течение Кафирнигана). Оба черепа европеоидные по типу. Один – мужской (?) долихокранный, другой – неясной половой принадлежности, старческий, сохранившийся лишь в обломках, мезо– или брахиокранный. Эти черепа были отнесены к восточноевропейскому типу⁴. Благодаря специальным археологическим исследованиям

---

¹ Яблонский Л.Т. Древнейшее население южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. - М., 1986. – С. 79-122.

² Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. Археология и антропология могильников. - М., 1996. – С.58.

³ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С.296.

⁴ Гинзбург В.В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА. - №15. - 1950а.

Института истории АН Таджикистана был собран значительный материал, относящийся к эпохе бронзы, датируемый этим же временем. Краниологический материал происходит из могильников Южного Таджикистана, в низовьях Кафирнигана и Вахша – ранний Тулхар, Тигровая Балка, Макони-Мор, а также из могильников Восточного Памира. Эта обобщенная серия (37 черепов), изученная Т.П. Кияткиной¹, характеризуется долихокранией при средних и выше средних размерах черепной коробки, хорошо развитым рельефом в области надпереносья, среднешироким, резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, по высоте стоящим на границе средних и высоких у мужчин и высокому у женщин, с сильно выступающим узким носом. Это дало основание исследовательнице отнести их к восточносредиземноморской расе.

Несмотря на незначительные расстояния между могильниками и их в целом близкую датировку, нельзя не обратить внимания на отчетливые морфологические различия между сериями мужских черепов из различных могильников, которые не могут быть объяснены только недостаточным числом случаев. В то же время отличия между теми же сериями женских черепов менее отчетливы. Серия черепов из раннего Тулхара с очень крупными размерами мозговой и лицевой частей должна быть отнесена к особому гиперморфному (южнотаджикскому) варианту восточносредиземноморской расы, тогда как черепа из Макони-Мор не имеют резких отличий от южнотуркменского варианта восточносредиземноморского типа. Черепа же из могильника Тигровая Балка I, характеризующиеся узким и низким лицом, сближаются с другим вариантом средиземноморского типа, представленного и в синхронных слоях туркменского Алтын-Депе².

Раннеземледельческое население долины Зарафшана (Заман-Баба)³ и Ферганской долины (Ургутский район; Чустское и Дальверзинское поселения; Вуадильский могильник)⁴, по мнению исследователей, относилось

---

¹ Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Дисс. канд. истор. наук. - Душанбе, 1965.

² Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Дисс. канд. истор. наук.; Она же. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М.: Наука, 1972. – С. 70-71.

³ Зезенкова В. Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста // Советская антропология. - 1958. - № 3; Трофимова Т. А. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы. Труды Таш. гос. университета. - Т. 235. - Ташкент, 1964а.

⁴ Зезенкова В. Я. К этногенезу расового типа Среднеазиатского междуречья // Проблема

к восточносредиземноморскому европеоидному типу, распространенному в эпоху энеолита и бронзы и в южных и юго-западных районах Туркмении и на юге Таджикистана и, можно думать, было генетически связано с населением Передней Азии. На такие связи указывают не только антропологические, но и археологические данные.

На отдельных черепах из Вуадильского могильника и в Южном Таджикистане (Тигровая Балка I), как и в восточных группах Южной Туркмении (Хапуз-Депе), отмечается другой европеоидный тип – долихокранный, с низким и широким лицевым скелетом. Происхождение этих локальных низкошироколицевых групп может быть различным. Черепа из Хапуз-Депе, датируемые III тыс. до н.э., как отмечалось выше, могут быть генетически связаны с местным древним населением, известным по материалам из Монжуклы-Депе. Появление низколицевых европеоидов в Ферганской долине и Южном Таджикистане В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова¹ связывают с движением на юг тазабагъябских и андроновских племен во II тыс. до н.э.² Этот тип, морфологически близкий к кроманьонскому, сближается с черепами населения мазандаранской культуры Северо-Восточного Ирана (пещера Хоту), а также с черепами эпохи мезолита и верхнего палеолита из Палестины и Северной Африки. Можно высказать предположение, что кроманьоноподобный тип Средней и Передней Азии был свойствен древнему населению этих областей, антропологические типы которого сложились в эпоху мезолита или даже верхнего палеолита. Еще один антропологический тип, отличающийся ярко выраженными экваториальными особенностями, может быть сопоставлен с экваториальными типами (протоавстралоидными, веддоидными, дравидоидными) с территории Индостана, особенно с черепами эпохи энеолита и бронзы из Ланганжа и Латгала.³

Т.К. Ходжайов, собравший воедино и проанализировавший известные к концу 1970-х годов палеоантропологические материалы разных эпох с территории всей Средней Азии, отмечает, что в эпоху бронзы здесь преобладали два комплекса признаков, относящиеся к европеоидам: протоев-

---

археологии Средней Азии. Тезисы докладов. - Л., 1968; Она же. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста // Советская антропология; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С. 78; Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильника // КСИИМК. - Вып. 69. - 1957.

¹ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С.80.

² Толстов С.П., Итина М.А. Проблема суярганской культуры//СА,1960. - № 1.

³ Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – С.80.

ропейский (андроновский) и средиземноморский. Представители первого занимали обширную область, включавшую Казахстан и северную степную полосу Средней Азии, и являлись носителями андроновской, тазабагыбской и срубной культур. Представители второго населяли преимущественно южные и центральные земледельческие оазисы (намазгинская, сапаллинская и заман-бабинская культуры). Он также делает вывод о том, что в средиземноморском комплексе, в свою очередь, можно выделить несколько долихокефальных вариантов, условно названных автором I, II и III средиземноморскими типами. Представители I средиземноморского типа – массивные, узко- и высоколицыце; II средиземноморский тип отличается от первого варианта значительной грацильностью, менее высоким узким лицом и низким сводом черепа. Носители III средиземноморского типа – массивные и имеют исключительно высокое и широкое лицо. Последний тип характерен для населения бешкентской скотоводческой культуры Южного Таджикистана, а в виде примеси он присутствует у земледельческого населения сапаллинской и намазгинской культур Средней Азии. I средиземноморский тип представлен у энеолитического населения Южного Туркменистана (Карадепе, Геоксюр), в долине Зарафшана (Саразм) и Центрального Ирана (Сиалк). II средиземноморский тип, как полагает автор, присущ населению намазгинской, сапаллинской, заманбабинской и чустской земледельческим культурам Средней Азии и тюринго-гиссарской культуре Северо-Восточного Ирана (Тепе-Гиссар II, III)¹.

Т.К. Ходжайов отмечает, что демаркационная линия между протоевропейским и средиземноморским комплексами проходила по низовьям Амударьи, среднему и нижнему течению Зарафшана и верховьям Сырдарьи. Он подчеркивает также, что в долине Зарафшана, в зоне соприкосновения двух антропологических комплексов, население по своей материальной культуре полностью тяготело к скотоводческим племенам андроновской культуры, а по антропологическим особенностям – к южным европеоидным популяциям (могильники Дашти Казы, Чака, Заманбаба). Многочисленными археологическими исследованиями доказано, что в эпоху бронзы представители степной культуры продвинулись в южные земледельческие

---

¹ Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. - Ташкент, 1980; Он же. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы. Автореферат докт. дис... - М., 1981; Он же. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // ЭО. - 2000. - № 2. - С. 148-155.

оазисы. Это продвижение неоднократно подтверждалось и антропологическими исследованиями. Но все имевшиеся к началу 1980-х годов антропологические данные по эпохе бронзы показывают, что представители прото-европейского варианта зафиксированы лишь среди населения среднего течения Зарафшана (Дашти Казы), и то в небольшом числе. На территории земледельческих оазисов юга Средней Азии такая примесь не выявляется¹.

В своей работе, обобщающей многолетние исследования, Т.П. Кияткина проанализировала изменчивость краниологических параметров населения эпох не только бронзы, но более раннего и более позднего населения с обширной территории Евразии, включая Кавказ, Ближний Восток и Индийский субконтинент. Она не полностью разделяет выводы, полученные Т.К. Ходжайовым. Ее углубленный анализ каждой из краниосерий с территории Средней Азии показал, что в эпоху развитой и поздней бронзы вся громадная территория, заселенная земледельческими племенами, в антропологическом отношении представляла мощный европеоидный пласт, связанный морфологически с южной, очевидно темнопигментированной, грацильной ветвью европеоидов, со средневысоким или высоким, очень резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, с резко выступающим носом. Этот пласт связан с населением Передней Азии, где издавна фиксировалось подобного рода сочетание, а хронологически он восходит к древним, возможно еще мезолитическим, формам. Наличие в ряде серий крайне высоколицных вариантов, где отмечается гиперморфность строения, не вносит дисгармонии в это положение, ибо матуризованность строения не изменяет общей конфигурации черепа, соотношения отдельных его частей, являющихся определяющими при диагностике типа, а высоколицность, как доказывает Т.П. Кияткина, говорит о большой древности этой особенности, восходящей, возможно, к мезолиту, или даже к верхнему палеолиту².

Среди всех известных на тот момент антропологических материалов, по мнению этой исследовательницы, нигде не был зафиксирован прото-европеоидный вариант, или тип, который можно было бы связать со «степным». Единственный череп, обладателя которого считают представителем протоевропеоидов, был найден в Мургабском оазисе (Туркмени-

---

¹ Ходжайов Т.К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // ЭО. - 2000. - № 2. - С. 149.

² Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. - Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. - С. 403.

стан) на поселении Тахирбай 3¹. Анализируя женский череп из погребения 2 этого памятника, В.В. Гинзбург пишет, что он имеет эллипсоидную, резко-долихокранную форму, покаты́й лоб, сильно развитый рельеф в области надпереносья, широкое, средневысокое, резко профилированное ортогнатное лицо с высокими орбитами и сильно выступающим носом. Автор осторожно замечает, что «широкое, средневысокое лицо и особенности строения лобной части придают черепу черты протоевропеоидного типа, несмотря на высокие глазницы»². Т.П. Кияткина отмечает, что череп из Тахирбая 3 похож на раннетулхарский череп мужчины из катакомбы 55, который она определяла как просто «европеоидный», не рискуя отнести его к определенной ветви большой европеоидной расы³.

На земледельческих поселениях всей Средней Азии, считает автор, фиксируется европеоидный восточномедиземноморский расовый тип, близкие аналогии которому находятся в Иране. Намечается отдельный морфологический вариант, отличный от этого, основного. Он, принадлежа в целом к южным европеоидам, включает низколицие формы с более низкими орбитами, чуть более широким носом, что несколько выводит его из общего массива популяций. Этот морфологический вариант связан с племенами скотоводческой вахшской культуры. Проведенный специально анализ показал, что ни о каком влиянии протоевропеоидного типа здесь речь не идет. Т.П. Кияткина также отмечает, что серьезных различий у населения, погребенного в отдельных могильниках Южного Таджикистана (Тигровая Балка I, II, III, IV), не прослеживается. Если таковые и были, то в имеющемся материале они не определяются. В то же время она обращает внимание на многозначность употребления термина «средиземноморский тип», когда под ним скрывается большое морфологическое разнообразие, далекое от того конкретного комплекса, который, собственно, и был положен в основу при его выделении⁴.

За время, прошедшее с момента выхода в свет перечисленных фундаментальных обобщающих работ, накопился новый значительный матери-

---

¹ Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА, №73.-М.-Л., 1959. – С. 16.

² Гинзбург В.В. Материалы к антропологии Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы // Труды ЮТАКЭ. - Т. IX. - Ашхабад, 1959. – С. 103.

³ Кияткина Т.П. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана // Манделъштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР. - № 145. - Л., 1968. – С. 169.

⁴ Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. - Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. – С. 52.

ал по эпохе бронзы как по степям Евразии¹, так и по сельскохозяйственному югу². До сих пор дискутируется проблема участия южных европеоидов (средиземноморцев) в сложении степных племен³, но территориальная вариабельность их антропологического типа уже не подвергается сомнению, и от предполагавшегося некогда протоевропеоидного облика всего населения степей в эпоху бронзы отказались уже все исследователи⁴. По-

---

¹ Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. - Самара: Центр «Интеграция», 2000. – С. 309-332; Он же. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита – бронзы. Автореф. доктор. дисс... - М.: ИЭА РАН, 2013; Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 142-176; Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово-XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень: «Изд-во ИПОС СО РАН», 2005. - №6. – С. 127-147; Он же. Связи населения казахстанских степей и Алтайского региона в эпоху бронзы по данным палеоантропологии // Изучение историко-культурного наследия Центральной Европы: Маргулановские чтения-2008. - Караганда, 2009. – С. 158-164; Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы. Автореф. дисс. канд. истор. наук. - М.: ИЭА РАН, 2011; Китов Е.П., Хохлов А.А. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестник антропологии. Научный альманах. - Вып. 16. - М.: Проект-Ф, 2008. – С. 71-83.

² Bernhard W. *Ethnische Anthropologie von Afganistan, Pakistan und Kashmir*. Stuttgart, New York, 1991; Громов А.В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. - Вып. 1. - СПб., 1995. – С. 151-160; Он же. Древнее население долины р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. - СПб., 2004. – С. 8-20; Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М., 2001. – С. 105–132; Dubova N.A., Rykushina G.V. *Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data* // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Сарияниди / Ред.: Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. - М., 2004. – С. 317-336; Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. - Вып. 11. - 2004. – С. 87-101; Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. - Новосибирск. - Вып. 1(41), 2010. – С. 118-137; Куфтерин В.В. Антропология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии. Автореферат дисс. канд. биол. наук. - Тольятти, 2012.

³ Например: Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2008. - № 4(36). – С. 140-144.

⁴ Одна из недавних сравнительных сводок: Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). - СПб: Наука, 2012.

скольку в распоряжении современного исследователя имеется весьма значительное число краниосерий, по-видимому, нет необходимости описывать все их в подробностях. Тем более, что основная задача данной работы – рассмотреть пути сложения антропологических особенностей только одного народа. Постараемся отметить лишь то существенно новое, что внесли эти материалы в описанные выше представления о дифференциации антропологического покрова в эпоху бронзы. Фактически, несмотря на значительно большие, чем ранее, размеры коллекций, круг вопросов остался прежним:

- каково было население земледельческих оазисов в эпоху бронзы?
- различалось ли население разных, удаленных друг от друга территорий?
- прослеживается ли на антропологическом материале известное по археологическим данным продвижение скотоводческих племен из более северных степных областей в южные?
- имеются ли антропологические свидетельства миграций населения из юго-западных по отношению к Средней Азии областей в восточном и северо-восточном направлении?

Ответы на эти, поставленные несколько десятилетий назад вопросы, стали более уверенными, а некоторые их аспекты заиграли новыми гранями. Прежде всего, все имеющиеся данные подтверждают, что наметившаяся еще в энеолите¹ дифференциация единого древнего пласта грацильного средиземноморского населения, продолжается. Как об этом писали еще в начале 1970-х годов В.В. Гинзбург и Т.А. Трофимова, население юго-западных областей региона, в Южном Прикаспии в большинстве своем сохраняет грацильность общего строения, резкую долихокранию, высокое и узкое, резко профилированное лицо с высокими орбитами и сильно выступающим носом. Этот же вариант отмечается и на таких памятниках как Алтын-Депе (слои эпохи бронзы), Намазга, Гонур-Депе в Южном Туркменистане и Сапаллитепа в Южном Узбекистане. Такого же типа черепа отмечаются, по определению Т.П. Кияткиной, и в Тигровой балке. Но основная серия из могильников этого памятника отличается от данного крайне лепоморфного типа несколько более широким и низким,

---

¹ Вполне вероятно, что это имело место и в более раннее время. Но, учитывая крайне малое число материалов, характеризующих мезолитическое и неолитическое население, судить об этом пока невозможно.

т.е. мезоморфным лицом. До сих пор не появилось новых материалов из Южной Бактрии (т.е. современного Северного Афганистана). Поэтому отмеченная Т.А. Трофимовой характеристика черепа из поселения Дашлы 3, который «отличается некоторыми специфическими особенностями в ряде признаков, которые позволяют его сближать в большей степени с черепами из Тигровой Балки 1, чем с южно-туркменистанскими черепами из Алтын-Депе»¹, до наших дней является единственным описанием антропологического типа населения, жившего там во II тыс. до н.э. Как подчеркивает Т.П. Кияткина, это мнение Т.А. Трофимовой является показателем того, что как для населения Дашлы 3, так и для Тигровой Балки был характерен не типичный восточно-средиземноморский тип, а его своеобразный, более мезоморфный вариант.

Характерные результаты дает анализ динамики изменения антропологических параметров на таких памятниках как Гонур-Депе и Пархай II в Туркменистане, Джаркутан и Бустон VI в Узбекистане, а также Тепе Гиссар в Иране. Каждый из этих могильников, благодаря большому объему изученного материала и наличию достаточно достоверной хронологической его привязки, дает возможность сопоставить краниологические параметры более раннего и более позднего населения на каждом из них. Во всех указанных случаях нет речи о наличии внешней миграции населения. Но на каждом из перечисленных памятников более позднее население также имеет несколько более брахикефальную голову, несколько более широкое и низкое лицо при сохранении в целом лептопрозопии². Т.е. и здесь можем наблюдать тенденцию к мезоморфизации внешнего облика населения. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что в силу разнообразных (и в первую очередь географических, а не исторических) причин процессы дифференциации древнего неолитического пласта населения шли разными путями на западе и востоке его ареала: на западе дольше сохранялся более узколицый и грацильный вариант, а на востоке (в Припамирье) быстрее шли незначительно выраженное увеличение ширины лица и снижение его высоты, кото-

---

¹ Сарияниди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. д-ра ист. наук. - М.: Ин-т археологии АН СССР, 1975. -С.47.

² См., например: Дубова Н.А. Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. - Барнаул, 2008. - С. 201-205; Она же. Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы // Записки ИИМК РАН. - № 6. - СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011а. - С. 143-156.

рое в ряде случаев сопровождалось увеличением толщины костей черепа и усилением рельефа (т.е. матуризацией).

В этом смысле очень показателен могильник Ранний Тулхар, материалы из которого подробно проанализированы Т.П. Кияткиной¹. Как она указывает, несмотря на своеобразный комплекс признаков, там явно присутствуют черты, «не только позволяющие, но и заставляющие видеть в носителях бешкентской культуры представителей южного европеоидного долихоморфного типа, генетические корни которого должны быть связаны с древнейшим населением Передней Азии»². Она полагает также, что эта группа в большей мере может быть связана с западными по отношению к Бактрии регионами, чем с населением срубной культуры, прослеженные А.М. Мандельштамом³ на археологическом материале.

Продвижение каких-то племен из районов Малой Азии на восток⁴, на которое еще в конце 1960-х годов обратил внимание В.И. Сарияниди⁵ в настоящее время получает все больше подтверждений. Это и яркие изображения лошади в погребениях Гонур-Депе⁶, затем подтверждение специалистами наличия костных остатков этого животного на том же памятнике⁷; четырехколесные повозки в элитарных погребениях с конструкцией колес, полностью совпадающей с таковой, известной в Эламе⁸; бле-

---

¹ Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976. - С.14-18; Она же. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. - С.38-41.

² Она же. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. - С. 40.

³ Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР. - Л., 1968. -С.145.

⁴ Правильнее, видимо, было бы в этом случае говорить не только о восточном векторе перемещений, а расселении из одного довольно обширного центра в районе современной Северной Сирии в разных направлениях, в том числе на запад, юго-восток и восток, а, принимая во внимание материалы Майкопской культуры Кавказа (см., например, Кореневский, 2004; Проблемы майкопской..., 2013 и др.), и на север.

⁵ Сарияниди В.И. Терракотовая головка с Улуг-депе и ее месопотамские прототипы // СА. - 1969.- № 3. - С.243-246; Он же: Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. д-ра ист. наук. - М.: Ин-т археологии АН СССР, 1975. - 55 с.: Он же: Древние земледельцы Афганистана. - М.: Наука, 1977.

⁶ Например: Сарияниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М., 2001. Табл.10, 2; Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Karon Editions, 2007. P.127.

⁷ Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т.2. - М., 2008. - С. 138-142.

⁸ Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. - М., 2004. - С. 254-281; Сарияниди В.И. Гонур. Город царей и богов. - Ашхабад, 2005. - 328 с.; Он же. Царский некрополь на Северном Гонуре //

стоящие, во многом сходные по стилю изображений с Месопотамией гонурские мозаики¹. Об этом же свидетельствуют установленные факты «проникновения» предметов, характерных для БМАК, на Индийский субконтинент, в том числе на памятники цивилизации долины р. Инд. Американский специалист Г. Поссель первым допустил «присутствие бактрийцев в Индии» Он опирался в том числе и на исследования А. Арделенау-Янсена, которая обратила внимание на сходство одеяния известной каменной статуэтки «царя-жреца» в виде плаща, переброшенного через левое плечо, с характерными одеяниями бактрийцев, изображенных на известном сосуде, происходящем из разграбленных могил Бактрии. И хотя общепризнано местное, хараппское происхождение таких статуэток, А. Арделенау-Янсена выдвинула смелую гипотезу об ее бактрийском происхождении. Кроме того, анализируя тот же бактрийский серебряный сосуд, Г. Поссель подметил, что там в сцене пахоты изображены не горбатые животные индийской породы, а *Boss Taurus*, что лишней раз подтверждает общее западное происхождение этого сюжета.

Во многих своих работах В.И. Сарияниди приводил значительное число свидетельств движения из районов Элама и Месопотамии в восточном направлении, причем не только северным (через Копетдаг), но и южным (через Южный Иран) путями. Эта его мысль и систематизированные факты поддерживают лингвистическую концепцию Т. Гамкрелидзе и Вяч. Иванова² о прародине индоевропейцев в Малой Азии и о расселении их из этого региона с юга в более северные степные области. Правда, даже уточненная Вяч. Ивановым³ гипотеза о двух путях (южном–юго-восточном через Среднюю Азию, и северном – через Кавказ вдоль побережья Черного и Каспийского морей) расселения из этого центра носителей индоевропейских языков до сих пор не имеет большого числа сторонников. Так же, как и лингвистические построения в рамках нострати-

---

Вестник древней истории (ВДИ). - № 2 (257). – С. 155-192.; Он же. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. - 2007. - № 1. – С. 49-63.

¹ См., например: Сарияниди В.И., Дубова Н.А. Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур Депе (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. - М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – С. 379-413.

² Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. - Тбилиси, 1984. - Т. 1, 2.

³ Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. - М., 2004. – С. 41-67.

ческой теории С.А. Старостина о прародине индоевропейцев (индохеттов) к северу от Полумесяца плодородия, откуда они начали свое расселение в начале V тыс. до н.э.¹ Большинство все же отдает предпочтение «степной гипотезе»².

Но вне зависимости от лингвистической принадлежности населения II тыс. до н.э. разных регионов с каждым годом накапливается все больше свидетельств миграций из южных земледельческих районов в более северные, степные. Это – типичные предметы БМАК в долине Зарафшана, в Зардча-Халифа³, в могильниках Синьцзяна⁴, на тазабагъябских памятниках Хорезма и др.⁵ На могильнике Гелот в Южном Таджикистане впервые были открыты земледельческие захоронения раннесапаллинского периода, которые можно датировать временем поздней Намазга V – ранней Намазга VI и соотнести их с культурами аккадской эпохи, III династии Ура в Месопотамии, с культурами эламской эпохи в Западном Иране, с Гиссаром IIIС в Северо-Восточном Иране и Шахдадом (III период) в Юго-Восточном Иране. Материалы раскопок в Гелоте, особенно найденная в комплексе погребения раннесапаллинского времени каменная статуэтка, «свидетельствуют о формировании здесь цивилизации, которая синтезирует в своей культуре месопотамо-эламские эталоны с местными бактрийскими традициями»⁶. Эти же связи демонстрируют новейшие находки 2013-2014 гг. каменных «гирь» в Фархоре С. Бобумуллоевым. Многие декоративные сюжеты на самусьской культовой посуде находят поразительные соответствия в глиптике древней

---

¹ Старостин С.А. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships // Труды по языкознанию. 2007а. – С. 819-820; Он же. Indo-European glottochronology and homeland // Труды по языкознанию. - 2007б. – С. 825-826.

² См., например, краткий обзор: Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев и генезис индоевропейцев: современная борьба гипотез в лингвистике и археологии // Проблемы истории и культуры древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. 15 декабря 2010 г. / Ред. Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, А.В. Сафронов. - М.: ИВ РАН, 2010. – С. 10-13.

³ Бобумуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зарафшане // *Stratum plus*. 1999. № 2. – С. 312-313.

⁴ Mallory J.P., Mair V.H. The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery of the Earliest Peoples from the West. London: Thames & Hudson, 2000.

⁵ Виноградова Н. М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока / Б. Литвинский, ред. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. – С. 127.

⁶ Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. - 2010. - Вып. XXXIV. – С. 121.

Месопотамии, на что исследователи не раз обращали внимание¹. Отдельные свидетельства южных связей демонстрирует и бегазы-дандыбаевская культура, (последняя распространенная также и в Казахстане²). И хотя вопрос о том, является ли «вторжение южных элементов» в культуру эпохи бронзы Западной Сибири (добавим также Алтая и Казахстана), непосредственно связанных с какими-то выходцами из Средней Азии и Древнего Востока, или же этот компонент попал туда каким-либо другим путем³, все еще стоит, но полностью игнорировать эти факты не имеет смысла.

Антропологическим подтверждением реальной миграции племен, а не только культурного и товарного обмена из юго-западных по отношению к Средней Азии областей, являются такие факты. Жители упоминавшегося Гонур-Депе в Туркменистане, где удалось изучить останки нескольких сотен индивидов, имеют в среднем очень длинную и узкую мозговую коробку (долихокефальный), высокое и неширокое лицо с сильно (в некоторых случаях – крайне сильно) выступающим носом. Черепной указатель у мужчин, похороненных на большом некрополе Гонур-Депе⁴, равен 71,0, а у женщин – 71,6. В то же время в серии отмечены брахикранные и мезокранные мужские и женские черепа (всего пять, или 2,1% от изученных). Эта первая столь ранняя находка брахикефалов на территории Средней Азии была отмечена уже при первой публикации данных⁵. Имеет смысл напомнить, что уже в конце IV – начале III тыс. до н.э. в различных районах Передней Азии и Индии фиксируются брахикранные черепа⁶. Одни-

---

¹ Пелих Г. И. Происхождение селькупов. - Томск, 1972; Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейминской эпохи лесостепного Прииртышья. Автореф. дисс. канд. историч. наук. - Новосибирск, 1986.

² Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. - Алма-Ата, 1979.

³ Матющенко В.И. Западная Сибирь в системе древних культур Евразии // Вестник Омского университета. - 1997. - Вып. 2. – С. 46.

⁴ На Гонур Депе выявлено несколько компактных могильников. Один из них, расположенный примерно в 300 м к западу от центрального дворцово-храмового комплекса, где было открыто почти 3 тыс. погребений, получил название большого, или главного, некрополя.

⁵ Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М., 2001. – С. 105–132.

⁶ Pittard E. Les relations anthropologiques entre d'Asie mineure et l'Europe a la periode neolithique // Türk Tarih Kurumu Belleten. T. 2. № 56. 1938; Vallois H. Les ossements humains de Sialk // Girshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. 2. Paris, 1939; Angel J.L. Skeletal material from Attica // Hesperia. V. 14, 1945.

ми из самых ранних центров (III тыс. до н.э.), откуда они известны, являются такие памятники, как Тепе Сиалк¹ и Тепе Гиссар в Иране². Это дает основания говорить о переднеазиатском центре брахицефализации, как одном из самых древних³. Обычно в человеческих популяциях женщины имеют больший головной указатель, чем мужчины, т.е. они более брахицефальны. В то же время в указанной гонурской группе все брахицефальные черепа – мужские (мезоцефальные отмечены и в женской, и в мужской частях). Это является явным свидетельством того, что один из антропологических компонентов гонурской палеопопуляции явно пришлый (среди мигрантов в подавляющем большинстве случаев преобладают мужчины). Место его выхода можно связать именно с переднеазиатским центром брахицефализации⁴. О том же в целом свидетельствует и антропоморфная пластика Гонура⁵.

Гонурские археологические⁶ материалы подтвердили и тесные контакты, а также сходство антропологического типа населения⁷ с Индийским субконтинентом. В связи с этим нельзя не вспомнить уже упоминавшееся присутствие веддоидной (или протоавстралоидной) примеси в населении Кокчи 3 в Приаралье, а также аналогичные выводы В. Бернхардта, проанализировавшего материалы из пакистанских, правда несколько более поздних могильников Ти-

---

¹ Vallois H. Les ossements humains de Sialk // Girshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. 2. Paris, 1939.

² Krogman W.M. The Peoples of Early Iran and Their Ethnic Affiliations // Am. J. of Phys. Anthropol. Vol. 26. 1940. – P. 69-308.

³ Устное сообщение Г.В. Рыкушиной, которая проанализировала панорамную сводку литературных данных разных эпох. Приносим ей самую искреннюю благодарность за оказанную большую помощь.

⁴ Дубова Н.А. Миграции и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения ИА РАН. - Вып. 223. - М.: Наука, 2009а. – С. 224-243.

⁵ Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. - М., 2006. - Т. 1. – С. 301-306; Dubova N.A. Qui vivait a Gonur Depe? // Dossier de l'archeologie et sciences des origines. N 317. Octobre 2006. – S. 40-45.

⁶ Сарияниди В.И. Задолго до Заратустры. - М.: Старый сад, 2010. – 200 с.

⁷ Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М., 2001. – С. 105–132; Dubova N.A., Rykushina G.V. Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data // У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Сарияниди / Ред.: Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. - М., 2004. – С. 317-336; Dubova N.A., Rykushina G.V. New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe // Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007. – P. 322-327.

маргахра и Буткара в долине р. Сват¹. Т.П. Кияткина весьма осторожно намечает связь морфологического комплекса (а может быть, лишь отдельных его элементов), фиксируемого в могильниках вахшской культуры с таковым в Тимаргархе². Помимо веддоидного и австралоидного типов, в Тимаргархе есть лептодолихоморфный, как пишет В. Бернхардт, «хорасанский» тип, который Т.П. Кияткина считает возможным сопоставлять с высоколицым комплексом, также отмеченным в Тигровой Балке. Кстати сказать, по сумме антропологических характеристик (иными словами, по степени изменчивости разных краниометрических параметров) гонурская палеопопуляция в наибольшей степени сближается именно с группами из долины р. Сват³.

Обнаруженные в последние годы погребения в Хатлонской области (могильники Гелот и Дарнайчи)⁴, в виду крайне плохой сохранности костей, добавляют мало существенного к уже имеющейся картине, но и не противоречат вышеотмеченному выводу. Исследовавший костяки А.И. Нечвалода только по отношению к черепу женщины из богатого погребения в Гелоте смог сделать вывод о том, что он относится к гипоморфным долихокранным европеоидам, сходным с таковыми юга Средней Азии (Гонур-Депе, Сапаллитепа, ранний Джаркутан)⁵.

Отмеченное разнообразие взглядов археологов и лингвистов на процессы взаимодействия земледельцев и скотоводов, местного и пришлого населения на территории Средней Азии во II тыс. до н.э. прослеживается

---

¹ Bernhard W. Human skeletal remains from the cemetery of Timargarha // *Pakistan Archaeology*. 1967. N 3. – P.291–407; Bernhard W. *Ethnische Anthropologie von Afganistan, Pakistan und Kashmir*. Stuttgart, New York, 1991.

² Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // *АРТ*. - Вып. 20 (1980 г.). - Душанбе, 1987. – С. 49.

³ Дубова Н.А. Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // *Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция*. - Барнаул, 2008. – С. 201-205; Она же. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // *На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции*. - Т. 3. - СПб.: Алетей, 2010. – С. 484-503.

⁴ Нечвалода А.И. Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте // *АРТ*. - Вып. 34. - Душанбе, 2010. – С. 144-149; Он же. Палеоантропологические материалы из раскопок могильника Гелот в 2009 году // *Археологические работы в Таджикистане*. Вып. 35. - Душанбе, 2012. – С. 167-176; Он же. Палеоантропологические материалы из некрополей Гелот и Дарнайчи // *Археологические работы в Таджикистане*. - Вып. 36. - Душанбе, 2013. – С.119-126.

⁵ Он же. Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте // *АРТ*. - Вып.34. - Душанбе, 2010. – С. 145.

и среди антропологов. Так, Л.Т. Яблонский, основываясь на результатах суммарных сопоставлений разных краниосерий, в отличие от Т.П. Кияткиной, видит в морфологическом облике земледельческого населения Джаркутана, Тигровой Балки, Кангуртутта влияние носителей срубной культуры¹. А.В. Громов, сравнивая материалы из могильников долины Сумбара, также по сумме признаков с синхронными данными по Евразии, говорит о том, что полученные результаты не позволяют «однозначно решить вопрос о контактах населения юго-запада Туркменистана с населением степной полосы в эпохи энеолита и бронзы, но дают основания считать эти контакты вероятными»². Данные по позднебронзовому могильнику Кумсай (Турсунзадевский район, Таджикистан), где у головы погребенной юной женщины стоял лепной сосуд со штампованным орнаментом федоровского типа, по определению Т.П. Кияткиной, говорят, что расовый тип погребенной был характерным для культуры бактрийского земледельческого населения – европеоидный средиземноморский³.

Выводы антропологов, касающиеся населения Зарафшанской и Ферганской долин, более однозначные. Например, такие могильники как Вуадиль, Чуст и Дальверзин в Ферганской долине, по мнению В.В. Гинзбурга⁴ и В.Я. Зезенковой⁵, свидетельствуют о том, что населению был характерен восточносредиземноморский тип. В то же время В.В. Гинзбург отмечает, что женский череп из Вуадильского могильника, так же, как и мужской череп из Дальверзина, напоминает женские черепа андроновской культуры Южной Сибири и Казахстана. Последний, кроме того, несет черты выраженного прогнатизма, что говорит о присутствии веддо-

---

¹ Яблонский Л.Т. Череп человека из Кангуртутта // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М.: ИВ РАН, 2004. – С. 282-283; Кияткина Т.П. Определение антропологического материала с земледельческого памятника Кангуртутта в Южном Таджикистане // Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангуртутта в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века) / отв. ред. Литвинский Б.А. - М.: ИВ РАН, 2008. – С. 465-466.

² Громов А.В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. - Вып. 1. - СПб., 1995. – С. 159-160.

³ История таджикского народа / Под ред. Литвинского Б.А. и Ранова В.А. - Т. 1. Душанбе, 1998. – С. 532.

⁴ Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 1. - М., 1956; Он же. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильника/КСИИМК. - Вып. 69. - 1957.

⁵ Зезенкова В. Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста // Советская антропология. - 1958. - № 3.

идной примеси. Заметим при этом, что, по археологическим данным, наблюдаются отчетливые связи кайракумской и чустской культур между собой¹, а также с более южными и западными племенами. Исследование материалов из могильника Дашти Казы, представляющего комплекс степной бронзы (XII-XI вв. до н.э., 60 км к востоку от г. Пенджикент, раскопки А.И. Исакова и Т.М. Потемкиной – 1989), дали возможность Т.К. Ходжайову сделать вывод о том, что антропологический облик жителей этого района, с одной стороны, близок населению намазгинской, сапаллинской, чустской и заманбабинской культур, с другой – населению тазабагъябской, кайракумской и вахшской культур Средней Азии. Просуммировав все имеющиеся в его распоряжении данные, этот автор делает заключение, что есть возможность «высказать мнение о том, что Зарафшанская долина с древнейших времен, по крайней мере с эпохи мезолита-неолита, была зоной контакта двух европеоидных пластов – южного средиземноморского и северного протоевропейского, о чем можно судить по материалам Замичаташ и Сазаган в среднем, учтутских неолитических шахт в нижнем течении Зарафшана. В эпоху энеолита в формировании антропологического облика и саразмской культуры основную роль сыграли энеолитические племена юга Туркменистана. В эпоху бронзы намеченные ранее культурные и этнические связи севера и юга, несомненно, усилились, что привело к формированию оседлой земледельческо-скотоводческой культуры и дальнейшему смешению населения»².

Прежде чем подвести итог антропологической характеристике населения Средней Азии эпохи бронзы, обратим внимание еще на одно обстоятельство, подробно не один раз рассмотренное Т.П. Кияткиной, но, увы, никак не комментировавшееся другими специалистами. Это вопрос о гиперморфных, массивных черепках, которые были встречены на разных памятниках юга – от Западной Туркмении до Южного Таджикистана. Как отмечала эта исследовательница, выраженность рельефа не изменяет общей конфигурации черепа, соотношения отдельных его частей и не вносит дисгармонии в их общий европеоидный облик, характеризующийся средневысоким или высоким лицом, очень резко профилированным в го-

---

¹ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). - Душанбе, 1962.

² Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зарафшана // Вестник антропологии. - Вып. 11. - 2004. – С. 101.

ризонгальной плоскости, с резко выступающим носом и с высокими округлыми орбитами. Высоколицесть, как она показала, говорит о большой древности этой особенности, восходящей, возможно, еще к мезолитическому времени. Некоторые материалы эпохи неолита и энеолита, известные в этом регионе, показывают существование данного типа в период, предшествовавший появлению металла. Проведенный значительно позднее дисперсионный анализ большего числа эпипалеолитических серий из Афалу-бу-Румель в Алжире, Тафорал в Марокко и черепов натуфийской культуры из Израиля, показал метрическое сходство североафриканского материала и отличие Леванта по широтным размерам черепа, лица и развитию глабеллярной области. Авторы исследования считают, что у населения Леванта процесс грацилизации как черепа, так и посткраниума начался ранее, чем в Северной Африке, где жители дольше остаются матуризованными¹. Для нас в данном случае важен тот факт, что там, как и в регионах Средней Азии, происходит грацилизация, но не изменение формы и пропорций черепа.

К этому необходимо добавить результаты наших оригинальных исследований современных бахтияр Загросских гор в Иране² и сравнительного анализа популяций белуджей³. Особенно в первом, но и во втором случае, в популяциях отмечается значительное число массивных (как по широтным, по длиннотным размерам головы и лица, так и по развитию рельефа) индивидуумов. Это, как представляется, опровергает распространенное мнение о крайней грацильности и узколицести (абсолютной и относительной) всех средиземноморцев. Работы, которые только что цитировались, касаются современного населения. Поэтому представление о том, что и в эпоху бронзы могли существовать достаточно матуризованные группы, имеющие отношение к средиземноморскому кругу популяций без какой либо примеси степного населения, вполне обоснованно.

Таким образом, имеющиеся в настоящее время палеоантропологические материалы позволяют дать практически однозначные ответы на все три вопроса, поставленные в данном разделе. Дифференциация антропо-

---

¹Arensburg B., Lahr M.M. Skeletal robusticity in the Epipaleolithic of North Africa and the Levant // *Paléorient*. 1995, Vol. 21 N°2. pp. 87-96.

² Дубова Н.А. К антропологии современных бахтияр // *Вестник антропологии*. Вып. 20. М.: ИЭА РАН, 2011б. – С. 15-22.

³ Дубова Н.А. Неразрывная связь. Биология человека и его история. - Саарбрюкен: Lap Lambert Academic Publishing, 2011. – С. 151-172.

логического покрова продолжается. Кроме выделения северных (для Средней Азии) степных групп, обозначаются группы популяций, имеющих общие черты: на юго-востоке (более мезокранное население, имеющее несколько более низкое и широкое лицо, чем на юго-западе), на юго-западе (крайне долихоморфное лептопрозопное население), в междуречье Амударьи и Сырдарьи, в Ферганской долине и долине Зарафшана (население, несущее смешанные черты как лептопрозопных, так и более мезоморфных форм, в том числе, возможно, и протоевропейских).

Как показывает проведенный нами анализ нескольких десятков краниосерий с территории Средней Азии, Казахстана и близлежащих регионов¹, большую часть межгруппового разнообразия (51%) определяют основные размеры головы и лица, характеризующие его рост в поперечном (поперечный диаметр черепа, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр) и в продольном направлении (верхняя высота лица, продольный диаметр), а также соотношение высоты и ширины орбит, т.е. те признаки, которые дифференцируют, как это было много раз показано для территории Средней Азии, южные земледельческие и степные скотоводческие группы. Однако следует обратить внимание, что во всех сериях, происходящих из южных районов, где археологически, безусловно, фиксируется присутствие скотоводов (Джаркутан, Бустон, могильники вахшской и бешкентской культур) основным антропологическим компонентом все же является восточно-средиземноморский. Совершенно логично, что степень выраженности антропологических признаков, говорящих о наличии антропологического типа, который можно связать со скотоводами (далее для простоты изложения – «степные» признаки), усиливается в тех группах, где и археология свидетельствует об их присутствии (например, сравнение гонурской серии с бустонской; бустонской с сапаллинской и джаркутанской; выраженность пары редких признаков на сиабском черепе в сравнении с гонурцами и др.). В то же время степень проявления «степных» признаков далека от таковой, которая была бы в случае смешения «чисто» земледельческих групп с «чистыми» степными скотоводами. Южно-европеоидные особенности, свойственные земледельческим группам, явно доминируют (в том числе во всех сериях и единичных черепках, о которых речь шла выше), несмотря даже на отмеченные выше эпохальные тенденции, которые (прежде всего, касательно увеличения со

---

¹ Там же. – С.153-154.

временем широтных размеров) совпадают с направлением изменения признаков земледельцев при примеси степных скотоводов.

Такая ситуация может быть объяснена прежде всего тем, что скотоводческие группы, постепенно распространявшиеся в южные районы Средней Азии, уже не являлись яркими представителями «чистых» протоевропеоидов (массивного населения, имеющего относительно более низкое, широкое, несколько уплощенное в горизонтальной плоскости лицо, но хорошо выступающий с высоким переносом нос и относительно узкие и широкие, т.е. прямоугольные орбиты), а несли в себе весомую долю средиземноморской примеси, которая могла быть получена ими в значительно более раннее, чем эпоха бронзы, время. Ныне уже многократно засвидетельствовано присутствие антропологического компонента, сходного со средиземноморским, среди срубных (и даже более ранних) групп Поволжья¹ Южного Приуралья², Западной Сибири³ и носителей алакульской культуры⁴. Одной из последних работ, где вопрос об участии ближневосточных и закавказских групп в сложении степного населения затрагивался специально, является исследование А.А. Казарницкого.⁵ Автор убедительно показал, что постепенная диффузия южных групп в Азово-Каспийские степи имела место начиная с ямной культуры, и продолжалась во времена катакомбной и срубной культур. В таком случае проникновение степных племен в южные земледельческие районы Средней Азии приводит к смешению групп, в которых присутствуют близкие гены, и потому фенотипическое их проявление оказывается напоминающим предковую для обеих смешивающихся частей форму. В нашем случае – средиземноморские черты. Этот же процесс, по всей видимости, усили-

---

¹ Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. - Л.: Наука, 1984.

² Юсупов Р.М. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. IV. Антропология. - М., 1991.

³ Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. - Самара: Центр «Интеграция», 2000. - С. 309-332; Он же. Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестник антропологии. Научный альманах. - Вып. 16. - М.: Проект-Ф., 2008. - С. 71-83.

⁴ Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ.- 962.- № 3.

⁵ Казарницкий А.А. Население азово-каспийских степей в эпоху бронзы (антропологический очерк). - СПб: Наука, 2012. - С.180-184.

вался притоком в южные же районы Средней Азии и населения с юго-запада. Кстати сказать, этот факт сильно затрудняет (если не делает бесперспективным) поиски антропологического подтверждения / опровержения истока движения индоариев в Среднюю Азию. Правда, он находится в полном соответствии с гипотезой о прародине индоевропейцев и миграции племен из нее, высказанной Вяч.Вс. Ивановым не так давно¹.

Подчеркнем также, что все имеющиеся данные, в первую очередь, подобные приведенным выше, говорят о появлении степных племен в южных земледельческих районах не ранее середины II тыс. до н.э. До этого времени антропологических свидетельств присутствия степных групп рядом с городскими или сельскими, но земледельческими центрами, не имеется. Отметим, что это не означает отсутствия местных скотоводческих сообществ вокруг оседлых поселений. Речь идет именно об отсутствии притока скотоводов из евразийских степей. Также отсутствуют какие-либо данные о полной замене мигрантами местного населения.

Железный век. В этот период времени, начавшийся в середине I тыс. до н.э., продолжается развитие ранних государственных образований. Они начали складываться еще в предыдущую эпоху бронзы. Происходит укрупнение городов, возникают отдельные, недолго существовавшие самостоятельно государственные образования (Парфия, Согдиана, Бактрия, Маргиана); создаются первые империи, охватывавшие многие прежде независимые территории и постоянно боровшиеся между собой за подчинение и владение все более обширными пространствами; укрупняются и становятся все более активными объединения кочевников в степных регионах. Как и в предыдущие исторические периоды, на обширных пространствах региона существует два основных типа хозяйства: кочевое и оседлое, земледельческое. Кочевой мир распространился в обширных степных и полупустынных, преимущественно северных областях Средней Азии; земледельцы занимали оазисы, предгорные и горные части. Реальная картина, конечно, была намного более мозаична, чем эта общая схема.

Имеющиеся антропологические данные говорят о том, что физический облик и скотоводческого, и земледельческого, и городского населения в середине I тыс. до н.э. всех областей Средней Азии был евро-

---

¹ Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. - М., 2004. - С. 41-67.

пеоидным. На отдельных территориях отмечаются разные комплексы признаков: у саков на севере (как в Южном Приаралье, на Устюрте, так и в Ферганской долине) более схожие с массивным населением – носителями древнеямной, срубной, карасукской культур Поволжья, Приуралья, Южной Сибири, но имеющие некоторую примесь и грацильного высоколицевого типа, свойственного населению Южного Туркменистана. В то же время Л.Т. Яблонский отмечает, что кочевое население Нижней Сырдарьи отличалось по антропологическим параметрам от кочевников Присарыкамышья¹. Исследователем было установлено, что на первых этапах развития культуры сакского типа в Присарыкамышье сосуществовали две локальные популяции скотоводов, различающиеся между собой антропологически на уровне рас второго порядка. Одна из них характеризовалась исключительной долихокранией и гипоморфией в сочетании с относительной высоколицестью и полным отсутствием монголоидной примеси. Этот краниологический вариант ближе всего к населению приуральских степей эпохи поздней бронзы². Второй вариант – относительно грацильный, как считает изучивший эти черепа тот же автор, с умеренно выраженной монголоидной примесью³. Он связан своим происхождением с территорией к востоку от Амударьи⁴. На Сырдарье, при общей антропологической неоднородности носителей сакской куль-

---

¹ Яблонский Л.Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. IV. Антропология. - М., 1991.

² Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. - Л.: Наука, 1984; Юсупов Р.М. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. IV. Антропология. - М., 1991.

³ Представление о присутствии монголоидной примеси на упоминаемых здесь черепах, несколько сильнее выраженной на женских черепах, базируется прежде всего на ослаблении горизонтальной профилировки верхней части лицевого скелета, его некоторой уплощенности. Однако однозначность интерпретации отмеченного комплекса признаков именно как «монголоидность» вызывает сильные сомнения. Авторы отмечают, что в более поздних сакских погребениях IV-II вв. до н.э. монголоидная примесь выражена значительно слабее (в Чирикрабате, например, она вообще очень мала) (Яблонский, 1999а. С. 95-97; Кияткина, 1998. С. 536; Ходжайов. Ходжайова. 2001. – С. 37).

⁴ Яблонский Л.Т. Саки Приаралья: общее и особенное // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан. - Караганды, 2011. - С. 88-91.

туры, монголоидность населения выражена гораздо отчетливее, особенно у женщин¹. Саки Памира и горных районов Ферганы значительно отличались от кочевников Приаралья и являлись представителями восточносредиземноморского антропологического типа², в то время как оседлое население Бактрии этого времени (I тыс. н.э.) представлено брахикранным, низко-узколицым вариантом со значительным выступанием носа³. На Западном Памире в последние века до н.э. жило население, о котором можно судить по материалам из могильника Чильхона (III–I вв. до н.э.), расположенного в Ишкашимском районе. Он оставлен восточнопамирскими сакскими группами, которые продвинулись в долину Вахана. Антропологический тип погребенных – европеоидный долихокранный, тот же, что и в сакских погребениях Восточного Памира⁴. К середине I тыс. н.э. относятся погребения в Новабаде и Ичкидике, которые показали, что, наряду с известным по сакским памятникам, средиземноморским расовым типом, здесь появляется брахикранный антропологический тип, отличный от более древнего, но также европеоидный⁵.

В предгорьях Копетдага (данные уже упоминавшихся выше могильников в долине р. Сумбар) фактически продолжают те же процессы, что начались в эпоху бронзы – грацильные долихокранные лепротозопные формы доминируют⁶, но постепенно, намного медленнее, чем в более восточных регионах (юг современного Узбекистана), происходит инфильтрация европеоидного массивного населения, имевшего несколько более широкое и низкое лицо. Население Музрабадской степи (к северо-западу от Термеза),

---

¹ Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М., 1997.

² Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М.: Наука, 1972.

³ Гинзбург В.В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА. - №15. - 1950а.

⁴ Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. - 1984. - Вып.1. – С. 140-143.

⁵ Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998. – С. 524-543.

⁶ Громов А.В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. - Вып. 1. - СПб., 1995. – С. 151-160; Он же. Древнее население долины р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. - СПб., 2004. – С. 8-20; Бабаков О., Громов А.В. Краниологические материалы из могильника Пархай II в фондах Института истории при Совете Министров Туркменистана // Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. – С. 177-194.

представленное материалами из погребений IX-VII вв. до н.э. в культовом помещении, также сходно с более ранними (II тыс. до н.э.) жителями этого региона своими долихоморфными лептопрозопными пропорциями лица и головы¹. Горожане Афрасиаба, датированные серединой I тыс. до н.э., также были европеоидами восточносредиземноморского облика, без каких-либо следов монголоидности. Уже в древнебухарском оазисе VI-III вв. до н.э., судя по известным материалам, контактировали и смешивались антропологические типы, имевшие различное происхождение: это потомки местного земледельческого населения, для которого характерен средиземноморский тип и пришлый, связанный с появлением кочевников, смешанный тип, где фиксируются сакская основа и наличие монголоидности².

Период античности. В 334 г. до н.э. Греко-Македонское государство начинает войну с государством Ахеменидов, а в 329 г. Александр Македонский со своими войсками доходит до северных границ Согда и завоевывает Уструшану. К сожалению, краниологические материалы этого времени практически отсутствуют. Поэтому в целом невозможно сказать, какое влияние оказало греко-македонское завоевание на антропологический тип населения. Однако, учитывая краниологические материалы того времени с территории самой Македонии, которые демонстрируют антропологические характеристики, близкие к среднеазиатским³, можно предполагать, что греко-македонское завоевание не произвело значительных изменений в антропологическом составе населения Средней Азии. Вспомним здесь еще раз об усилении выраженности общих для обеих смешивающихся групп признаков, как македоняне, так и древнее население Средней Азии в целом относятся к лептоморфному долихокранному средиземноморскому типу.

Рубеж нашей эры. Конец I тыс. до н.э. ознаменован появлением на исторической арене гуннов, усилением тюркского этногенеза и передвижением кочевников Семиречья, Тянь-Шаня и Сырдарьи вглубь Среднеазиатского междуречья⁴. Как пишет А.Н. Бернштам, не без влияния гуннов

---

¹ Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. - Ташкент, 1980. - С.104.

² Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998. - С. 524-543.

³ Boev P. Rassentypen der Balkaninsel und der Ostägaichen Inselwelt und der Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. - Sofia, 1972.

⁴ Бернштам А. Кенкольский могильник. Л., 1940; Он же. Из истории гуннов I в. до н.э. // Советское востоковедение. Вып. I. 1940а; Он же. Очерк истории гуннов. -Л.: ЛГУ, 1951. - С. 192-193.

«укрепляется созревшее именно в эти столетия кушанское государство, в эмблемах которого всадник играл не последнюю роль, как бы отражая значение конной армии...»¹. Антропологический материал с территории Средней Азии этого времени еще более разнообразен, чем в предыдущие эпохи. Если в городище Айртам в Сурхандарьинской области (II-I вв. до н.э.) фиксируются как мужской европеоидный череп в целом средиземноморского облика, так и женский, несущий монголоидные особенности², то в могильнике Тупхона (Гиссарская долина, у кишлака Гиссар в 20 км к западу от г. Душанбе; III в. до н.э. – I в. н.э.) все захороненные относятся к брахикранному европеоидному типу с относительно низким и среднешироким лицом. Только на одном женском черепе отмечен легкий налет монголоидных черт, несколько смягчающих европеоидность³. В дальверзинском наусе (недалеко от античного городища Дальверзинтепа в Сурхандарьинской области; I в. до н.э. – III в. н.э.) фиксируются два антропологических типа – восточносредиземноморский и более матуризованный мезобрахикранный, связанный с типом пришлого кочевнического населения. Особо следует отметить присутствие обычая кольцевой и лобнозатылочной деформации⁴. Такие же два типа деформации отмечены на черепаках из науса Тепаишах (Шаартузский район). Антропологический состав группы из Тепаишах – смешанный. Здесь представлены и европеоидный брахикранный тип (основная часть черепов), и черепа, несущие явную монголоидную примесь⁵.

Могильники Тулхар, Аруктау и Коккум (Бешкентская долина, низовья правого притока Амударьи, Кафирнигана) оставлены пришлым кочевым

---

¹ Он же. Очерк истории гуннов. – С. 193.

² Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976; Она же. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998. – С. 538.

³ Гинзбург В.В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА. - №15.- 1950а.

⁴ Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998. - С. 539; Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Дальверзинский наус: к антропологии кушанской Бактрии. Ч. 1 // Вестник антропологии. - Вып. 17. - М., 2009; Они же. Дальверзинский наус: к антропологии кушанской Бактрии. Ч. 2 // Вестник антропологии. - Вып. 18. - М., 2010. - С. 88-108.

⁵ Кияткина Т.П. Новые палеоантропологические материалы из раскопок в Южной Туркмении (Алтын-депе) и Южном Таджикистане (Шах-тепе) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. - Ташкент, 1973. – С. 192-193.

населением, которые датируются последними веками до н.э. – первыми веками н.э. Группа из Аруктау обладает долихокранией, имеет среднеширокое и средневысокое лицо и резко выраженный европеоидный комплекс признаков. На некоторых черепахах фиксируются следы уплощения затылка. Один женский череп несет черты монголоидной примеси¹. В могильнике Тулхар представлен необычный и новый для данного региона антропологический тип, ближайшие аналогии которому находятся в синхронном населении Алайской долины и в памятниках саков Тянь-Шаня, где обнаружен вариант, переходный от палеоевропейского (массивное, долихокранное, низколицее и среднешироколицее население) варианта к типу, который получил название тип Среднеазиатского междуречья. Населению, оставившему Тулхарский могильник, была свойственна мезокrania, широкое, средневысокое и среднепрофилированное лицо с сильно выступающим носом и низкими орбитами. Среди черепов имеются и грацильные восточномедиземноморского облика типы, что связывает эту группу с древним местным земледельческим населением. Т.е. в Тулхаре фиксируется более яркая выраженность европеоидных черт и большая массивность строения черепа по сравнению с алайскими и тяньшаньскими сериями².

Нельзя не обратить внимания на то, что имеющиеся антропологические материалы с территории Таджикистана, согласуются с выводами археологов о том, что в облике создателей кушанского государства, с одной стороны, «отчетливо прослеживаются черты, близкие к культуре сарматского круга», а с другой, что «формирование государства шло в условиях постоянного контакта пришельцев с коренным населением среднеазиатских областей»³.

На материалах из Тулхара были отмечены лобно-затылочная искусственная деформация и уплощение затылка. Последний из упомянутых вид деформации считается преднамеренной прижизненной деформацией и связывается с пребыванием младенца длительное время в колыбели типа «бешик», «говора». Лобно-затылочная же деформация является этническим признаком. Она отмечается в Юго-Западном Приаралье в среде

---

¹ Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана.- Душанбе,1976.- С.88-89.

² Там же. – С. 89-125.

³ Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. - Л., 1975. – С. 195.

кочевников еще в середине I тыс. до н.э.¹ Этот тип деформации иногда называют еще «гуннским», т.к. он был описан и в Кенкольском могильнике II-IV вв. н.э. в Киргизии². Подобного же типа изменения черепа имеются на, к сожалению, до сих пор не нашедшем своей публикации черепе «Афганской принцессы» из Тиллятепе (в 3 км к востоку от г. Шибрган, Северный Афганистан): на лбу и затылке еще молодой женщины были закреплены, по всей видимости, какие-то пластины, которые она носила продолжительное время, что придавало голове специфическую форму. Этот пример весьма показателен, т.к. установлено, что в некрополе I в. до н.э.³ – I в. н.э. Тиллятепе были захоронены члены элиты кушанского общества, т.е. такого типа изменение головы применялось именно правящей верхушкой того времени. В связи с этим нельзя не отметить, что на имеющихся и в настоящее время изучаемых черепах из могильников также кушанского времени из Дангаринского района группы Ксиров имеется такого же типа деформация. Морфологически и по массивности, и по общим пропорциям лицевого скелета эта группа близка тиллятепинскому черепу. Ввиду плохой сохранности черепов, говорить о наличии или отсутствии монголоидной примеси на данных черепах пока сложно. Представляется, однако, что имеющееся уплощение верхней части лица, области переносья, а также значительная высота орбит могут быть следствием как раз искусственного воздействия на череп, как в случае с женским черепом из Тиллятепе, так и на черепах из Ксирова. Но данный вывод требует дополнительных исследований.

Все кратко охарактеризованные выше материалы говорят о том, что в конце I тыс. до н.э. на территории Бактрии появляется совершенно новый по комплексу антропологических признаков пласт населения, связанный своим происхождением с северными по отношению к южным районам Средней Азии областями, куда можно включить территорию Приаралья и Нижнего Поволжья. Характерными чертами этого населения были мас-

---

¹ Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестн. Каракалпакского фил. АН УзССР. - № 4. - Нукус, 1966; Он же. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Сер. «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2 / Ред. Г. В. Рыкушина, Н. А. Дубова. - М., 2000а. - С. 22-45; Тур С.С. К вопросу о происхождении и функциях обычной кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1998.

² Бернштам А. Кенкольский могильник. - Л., 1940.

³ Сарияниди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. - М.: Наука, 1989.

сивность скелета, низко– и широколицесть, а также в разной степени выраженная монголоидная примесь. Нельзя исключать, что этот антропологический вариант является результатом смешения местного пласта населения с группами, пришедшими в южные районы Средней Азии из северо-восточных областей в результате мощного перемещения племен, обусловленного экспансией гуннов.

В то же время антропологический облик оседлого населения рубежа эр в равнинной части Средней Азии, известный по материалам могильника Ширинсай (северная подгорная полоса Туркестанского хребта, II–IV вв. н.э.), говорит о сохранении его европеоидности и сходстве с таковым предыдущей исторической эпохи¹. Скотоводы Исфаринского района и других частей Ферганской долины, которые представлены материалами из курганов и курумов², как в раннее (II–IV вв. н.э.), так и в несколько более позднее время (V–VI вв.) характеризуются средними размерами черепной коробки, мезокранностью, средней шириной лба и средним его наклоном. Лицо, имеющее явно европеоидные параметры – средней ширины и высоты, резко профилировано в горизонтальной плоскости. Исследовавшая их Т.П. Кияткина отмечает небольшую монголоидную примесь среди женщин и присутствие евроафриканского массивного с крупными размерами типа³. В целом она отмечает сходство серии с таковой из выше упоминавшейся бактрийской Тупхоны.

В горной Согдиане, как показывают материалы Матчи (могильники Зосун у сел. Захматабад, кушанское время) и Пенджикента (Саурсай последних веков до н.э. и Суджина кушанского времени), население не имело никакой монголоидной примеси и сохраняло тот же грацильный антропологический тип, что и ранее⁴.

Добавим, что эпохе античности на рубеже нашей эры и кушанскому времени на территории правобережья Амударьи принадлежат самые разные типы захоронений (курганные, грунтовые, в наусах, в специально вырытых ямах), где фиксируются как трупоположение, так и погребения предварительно очищенных костей в оссуариях. Можно считать очевидным, что это связано с существованием многих групп, имевших различное происхождение и свои самобытные представления. Правда,

---

¹ Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. - М., 1949.

² Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. - М., 1972.

³ Кияткина Т.П. Материалы по палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976. - С.131-163.

⁴ Там же.

Б.А. Литвинский¹ считает, что различные обряды могут сосуществовать у одного народа в одно и то же время, что он подтверждает рядом примеров. Отмечается удивительное разнообразие и антропологических вариантов, представленных в этих захоронениях: это и недеформированный долихоморфный тип, свойственный древнему земледельческому населению, и мезокранный матуризованный, более всего сближающийся с типом срубников, и грацильный брахикранный тип со средними размерами головы и лица без следов искусственной деформации, и так называемый «кенкольский» с его характерной деформацией головы, и европеоидный тип с резкой лобно-затылочной деформацией.

Материалы показывают, что оседлое население как в сельской местности, так и в большинстве городов сохраняет антропологические характеристики, свойственные более раннему населению. Данные по горожанам этого периода крайне малочисленны, поэтому пока трудно говорить о его особенностях по сравнению с жителями кишлаков. В силу географической удаленности друг от друга, юго-западные районы Средней Азии (современный Южный Туркменистан) сохраняют отличия от юго-восточных областей (современный Южный Таджикистан). В первом регионе (не исключено, что в силу адаптивных особенностей) преобладает долихоморфность (более длинная и узкая мозговая коробка, более высокое и узкое лицо), а во втором – мезоморфность (более низкое и среднеширокое лицо при все чаще отмечаемой брахикрании). И в том, и в другом случаях, отмечаются как крайне грацильные (превалируют), так и массивные варианты (редко встречающиеся отдельные случаи). Несмотря на то, что в кушанскую эпоху отмечается большое влияние индийской культуры на население Средней Азии², на антропологическом материале эти контакты не прослеживаются. По всей видимости, имел место именно культурный обмен, но не миграции каких-либо значимых групп населения.

Среда скотоводческого населения оказывается намного более разнообразной по особенностям внешнего облика. В северных районах Средней Азии несколько более заметно, чем в южных, проявляется некоторая примесь монголоидности, хотя в целом, как представляется, она крайне

---

¹ Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы.

² Литвинский Б.А. Буддизм в Средней Азии (Проблемы изучения) // Вестник древней истории. – 2001. - № 4. – С. 188-199; Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. - М., 1968.

слаба и далеко не во всех случаях (как это отмечалось выше) является именно «монголоидностью». Дело в том, что то население, которое занималось степным скотоводством еще в эпоху энеолита, всегда имело несколько большую уплощенность лицевого скелета¹. Процессы брахикефализации и связанное с этим увеличение ширины лица неминуемо вели к усилению уплощенности лицевого скелета. Поэтому, данный вывод еще требует специальных научных разработок. В качестве основной рабочей гипотезы вполне можно принять, что к раннему средневековью среди населения Средней Азии были распространены разные варианты европеоидов: более массивные как с высоким, так и с низким лицом – среди скотоводов, и более грацильные, в не меньшей степени различающиеся по высоте лица – среди земледельцев.

В междуречье двух великих среднеазиатских рек – Сырдарьи и Амударьи – более интенсивно идет процесс смешения этих разных вариантов, и начинается складываться тип, получивший наименование «раса среднеазиатского междуречья», которому свойственны средние величины многих параметров.

Раннее средневековье – важнейший период в истории сложения таджикского народа. В это время усиливаются социальные, экономические и культурные контакты земледельцев оазисов и скотоводов степей Средней Азии, одновременно идет активное освоение земледельцами и горожанами северных степных и горных районов, особенно бассейна Сырдарьи, долин и предгорий Тянь-Шаня, Семиречья.

Совершенно новый элемент в этногенез народов Средней Азии и в сложение их антропологического облика привнесли появившиеся в регионе тюркоязычные народы. Как говорят специалисты, в V в. началось передвижение из Азии в Прикамье гурских племен (впоследствии – болгары), с V–VI вв. из Центральной Азии в Среднюю стали продвигаться такие тюркские племена, как огузы². А.Н. Бернштам³ относил начало этого процесса на территории Ферганы к VII в. н.э. Е.А. Давидович и Б.А. Литвинский⁴ – к несколько более раннему времени – VI–VII вв. Бурный процесс разделения

---

¹Попутно отметим, что не только в Средней Азии, но и на Северном Кавказе и в степях Украины.

² Гаджиева Н.З. Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки. - М., 1997. – С. 17-34.

³ Бернштам А. Н. Новые работы по тохарской проблеме // ВДИ. - 1947. - № 2. - С. 134–138.

⁴ Давидович Е.Н., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды АН Таджикской ССР. - Т. 35. - Сталинабад, 1956.

тюркских народов на более мелкие племенные группировки имел место в X–XV вв., но важно подчеркнуть, что первые представители этой языковой семьи появляются в регионе именно в раннее средневековье.

Антропологический тип тюрков, пришедших в Среднюю Азию и впоследствии осевших там, нельзя считать точно установленным. По мнению Л.Н. Гумилева¹, уже по своему происхождению тюрки были неоднородны. Кроме того, даже с сопредельных территорий имеются данные лишь не ранее, чем VII в. н.э.² Эти данные, а также материалы Г.Ф. Дебеца³, В.П. Алексеева⁴ и Н.Н. Миклашевской⁵ с других территорий (Прииртышье, Тянь-Шань, Павлодарская область, Нижнее Поволжье, Украина), характеризующие тюрков раннего и более поздних периодов, говорят о преобладании в этих группах европеоидных элементов, а также о наличии большой пестроты типов, вследствие разной степени выраженности монголоидных особенностей. Наиболее восточные группы тюрков конца I тыс. н.э. с реки Селенги в Забайкалье, изученные Г.Ф. Дебецом, – чисто монголоидные, без следов европеоидной примеси. Естественно, что на дол-

---

¹ Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. - М., 1960.

² Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алая по антропологическим данным (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.) // ТИЭ. - Т. 21. - М., 1954; Он же. Антропологические материалы к этногенезу таджиков // КСИИМК. - Вып. 61. - М., 1956а; Он же. Материалы к антропологии Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы // Труды ЮТАКЭ. - Т. IX. - Ашхабад, 1959. – С. 102-106; Он же. Антропология современного и древнего населения Средней Азии // Anthropos. - № 15 (n.s. 7). - Brno, 1963; Он же. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сборник Музея антропологии и этнографии. - Т. XXI. - М. – Л., 1963а; Он же. Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. - М., 1964; Исмагулов О. Краниологические материалы к антропологии ранних кочевников Среднего Прииртышья // Известия АН Казахской ССР. Сер. общ. наук. - Алма-Ата, 1967. - № 3; Он же. Проблема формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана. - Алма-Ата, 1970.

³ Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР. Труды ИЭ АН СССР. - Т. 4. - М. – Л., 1948.

⁴ Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. - 1958. № 1. – С.45-49; Он же. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. IV. - М., 1960. – С. 269-364; Он же. Палеоантропология Хакасии эпохи железа//Сборник МАЭ.- Т. XX.- 1961.-С. 238-327; Он же. Основные этапы истории антропологических типов Тувы//СЭ,1962. - № 3.

⁵ Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 2. - М., 1959; Она же. К вопросу об удельном весе центральноазиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 2. - М., 1959.

гом пути от Забайкалья через Казахстан в степи Восточной Европы и на юг Средней Азии тюрки смешивались с местным населением, в большинстве случаев чисто европеоидным.

Поэтому, несмотря на свидетельства письменных источников о сильной монголоидности тюрков¹, надо все же учесть антропологический тип первых племен, пришедших в Среднюю Азию и в северные ее районы, в частности, неоднородными, как это указывалось и для других территорий В.П. Алексеевым², С.И. Вайнштейном³ и М.В. Крюковым⁴. Материалы по современному населению Средней Азии также подтверждают эту точку зрения. Так, проведенное нами в 1970 г. исследование в Ура-тюбинском районе Таджикистана показало, что представители племени тюрк⁵ (тогда они еще сохраняли свое самоназвание) практически не имели монголоидной примеси, в отличие от соседних с ними таджиков, которые за прошедшие столетия все же впитали ее в небольшом количестве⁶.

Дополнительный свет на облик ранних тюрков, пришедших в Мавераннахр, проливают материалы из курганного могильника Байтудашт, который расположен в излучине Пянджа (в 12 км к востоку от пос. Пяндж; VII-VIII вв.). Обряд погребения не находит аналогий в памятниках этого времени на обширной территории Центральной Азии. Этнически памятник не атрибутирован. На байтудаштских черепах нет следов ударов, травм, ранений, что может свидетельствовать о погребении здесь мирного населения, хотя возраст погребенных молодой – от 25 до 45 лет, продолжительность жизни была очень небольшой. Изучившая их Т.П. Кияткина отмечает, что мужские черепа демонстрируют два антропологических типа: один европеоидный, долихокраний с узким резко профилированным в горизонтальной плоскости лицом, низкими орбитами и очень выступающим носом, а второй – брахикраний, с очень высоким, нерезко профилированным лицом, высокими орбитами, очевидно, с не-

---

¹ Свидетельства армянского историка Каганкатваца о монголоидности хазар (цит. по: Тревер, 1954; Гумилев, 1967) и арабского автора XI в. о поражении тюрков (явно монголоидной внешности) под Балхом от газневидского султана Махмуда (Дебец, 1948.-С. 284).

² Алексеев В.П.. Основные этапы истории антропологических типов Тувы//СЭ,1962. - № 3.

³ Вайнштейн С., Крюков М.Об облике древних тюрков.//ТС. -М. 1966.

⁴ Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. - М., 1966.

⁵ Этнографы полагают, что эта группа является осколком одной из самых ранних волн тюркских кочевников, пришедших на данную территорию.

⁶ Дубова Н.А. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // ВА. - Вып. 52. - М., 1976. – С.184.

резко выступающим носом. Остальные черепа не могут быть охарактеризованы однозначно, на них фиксируются признаки, не позволяющие относить этих погребенных либо к одному, либо к другому типу; они занимают неопределенное положение. Среди женских черепов также различаются несколько вариантов: один – европеоидный, связанный по своей морфологической характеристике со средиземноморским типом; несколько черепов несут на себе ярко выраженные черты высоко- и широколицевого центральноазиатского монголоидного типа (не южносибирского). Кроме того, выявляются черты, свойственные типу среднеазиатского междуречья. Таким образом, группа людей, оставившая могильник Байтудашт, не может быть охарактеризована в антропологическом отношении как единая. Она в полной мере демонстрирует явное смешение разных типов. Причем смешение, очевидно, было механическим; метисация, если она и была, очевидно, не имела давних и глубоких корней¹.

Нерешенным до конца остается и вопрос о происхождении эфталитов также как и хионитов². Их родина помещается разными исследователями на Алтае, в Восточном Туркестане и в других областях. А.Н. Бернштам³ высказал мысль, которую позднее развили независимым путем К. Еноки⁴ и Л.Н. Гумилев⁵ о происхождении эфталитов из двух центров: со Средней и Нижней Сырдарьи и Верхней Амударьи. Существует и вторая, диаметрально противоположная точка зрения (и ее придерживается большинство историков), что они – центральноазиатские кочевники, проникшие в Припамирье с северо-востока. В.М. Массон назвал предположение о местных среднеазиатских корнях эфталитов наиболее гипотетичным из всех возможных⁶. Фр. Альтгейм⁷ также высказывался за степное происхождение эфталитов. С этой точкой зрения солидарен и Б.И. Маршак⁸, а также М.М. Исоматов¹. Еще

---

¹ Кияткина Т.П. О тюрках в древнем Тохаристане (Материалы могильника Байтудашт) // материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. - Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – С. 119-134.

² Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Под общей ред. Б.А. Литвинского. - М.: Наука, 1972. – С.203-209.

³ Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л.: ЛГУ, 1951.

⁴ Enoki K. On the Nationality of the Ephtalites // Memoirs of the Reserch Department of the Toyo Buncu. N 18. – Токуо, 1959.

⁵ Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. - 1959. - № 1. – С. 129-140.

⁶ Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. - Т.1. - 1964. – С.200.

⁷ Altheim F., Stiel R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I-V. – Berlin, 1969.

⁸ Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СНА. - М., 1971. - Вып.10. – С. 65.

К.И. Иностранцев² обращал внимание на сходство могильных сооружений эфталитов, известных по письменным источникам, с мугхона. Изучая погребальные конструкции древнего населения предгорных районов Ферганы, Б.А. Литвинский³ пришел к выводу, что местные племена сыграли немаловажную роль в сложении эфталитов.

По имеющимся данным, эфталиты состояли из двух групп – белых и красных хионов. В связи с этим интересно, что в настенной росписи на Афрасиабе, где изображено прибытие посольства, имеются фигуры двух послов, отличающихся прежде всего цветом кожи («краснолицый» и «белолицый»). По мнению В.А. Лившица (1965), есть основания сопоставлять эти изображения именно с указанными двумя группами эфталитов.

Обнаруженный в 2012 г. и раскапывающийся в настоящее время Хатлонской археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН Таджикистана (начальник Т.Г. Филимонова) могильник Шахидон (Бальджуанский район), дал интереснейшие материалы, которые, по данным руководителя раскопок, могут быть датированы V–VI вв. н.э. («эфталитское время»). Они представляют значительный интерес для изучения неземледельческих культур Бактрии-Тохаристана. Первый полученный там антропологический материал показывает, что люди из Шахидона характеризовались довольно грацильным строением костяка (в первую очередь женщины) и в целом средней длиной тела (имеются вариации от малых до больших величин)⁴. Делать однозначные выводы ввиду неполноты изученности могильника пока не представляется возможным, но необходимо сказать, что никаких следов присутствия монголоидности здесь не обнаружено. Поэтому, скорее всего, можно говорить, что для этого населения был характерен тот же антропологический тип, что и для местного населения предыдущих эпох.

Проблема влияния арабов на антропологический состав населения Средней Азии не имеет пока однозначного решения. В связи с арабским завоеванием, необходимо вспомнить, что среди войск Арабского халифата, осуществлявших захват Мавераннахра, имелось значительное число лиц неарабского происхождения.

---

¹ Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. Автореф. доктор. дисс. - Душанбе, 2009.

² Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. - СПб, 1909.

³ Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. - М., 1972

⁴ Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология могильника Шахидон: предварительные результаты исследования материалов из раскопок 2012 – 2013 гг. // АРТ. – Душанбе, 2013.

Палеоантропологические материалы, относящиеся именно к эпохе арабского проникновения, т.е. к VIII-IX вв. н.э., фактически отсутствуют. Антропологическое обследование арабов Средней Азии, предпринятое Л.В. Ошаниным¹, показало, что у них представлен комплекс признаков со значительным преобладанием переднеазиатских особенностей. Л.В. Ошанин дал ему наименование хорасанского типа. Проведенное нами в 1980 г. изучение группы арабов Кашкадарьинской области (к. Пуляты Косанского района), показало их большое сходство как по морфологии головы и лица, так и по признакам зубной системы с таджиками Южного Таджикистана, в том числе с проживающими на Ягнобдарье². Это – свидетельство того, что полностью потерявшие свой язык арабы, к нашему времени практически полностью были ассимилированы местным населением. В то же время известное влияние переднеазиатского комплекса можно проследить, как в Южном Таджикистане по материалам А.П. Пестрякова³, так и по нашим данным в составе северо-таджикских групп (таджики Ругунда, Метка, Дахката, узбеки Яхтана и Тагояка)⁴. Пока остается неясным, можно ли связывать эти переднеазиатские черты с распространением арабов в Южном и Северном Таджикистане или отмеченную переднеазиатскую примесь следует рассматривать как результат каких-то более древних контактов с юго-западными по отношению к Средней Азии регионами, уходящими корнями в энеолит и бронзовый век, о которых уже говорилось выше.

В целом в раннее средневековье продолжают те же процессы сложения антропологических особенностей населения, которые имели место и в кушанское время. Так, материалы из могильника Актепе II (конец IV – сер. V в н.э.), расположенного в Бешкентской долине⁵ показывают, что группа по

---

¹ Ошанин Л. В. К сравнительной антропологии этнических групп пришлых из Передней Азии – евреев и арабов и этнических групп Узбекистана – узбеков и таджиков // Материалы по антропологии населения Узбекистана. - Вып. 1. – Ташкент, 1929.

² Дубов А.И., Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика групп ирони и арабов Средней Азии // Полевые исследования Института этнографии 1980-1981. - М., Наука, 1984. – С. 185-195.

³ Пестряков А.П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ. - 1975. - № 1; Он же. Антропология населения юго-востока Средней Азии. - М., 2000.

⁴ Дубова Н.А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. Ч.1,2. Деп. рук. ВИНТИ № 6944-В-85. - М., 1985; Она же. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. - М.: Старый сад, 1996.

⁵ Седов А.В., Керзум А.П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 г. // АРТ. Выпуск XVIII (1978 г.). - Душанбе: «Дониш», 1984. – С. 116-130.

своей морфологии связана с кругом сако-сарматских племен¹, также как это было отмечено в более раннюю эпоху в Тулхарском могильнике.

Сравнение материалов кушанского времени из Суджина под Пенджикентом с материалами более позднего времени с той же территории, характеризующими городское население Согда в VII–VIII вв. н.э. (черепки из пенджикентских наусов), в силу их малочисленности проводить очень трудно. Но все-таки сопоставляя данные, можно говорить о едином антропологическом типе населения античного Согда и Согда VII–VIII вв. н.э. Кроме того, дальнейший анализ показывает, что население, оставившее могильник Суджина, было европеоидным по типу и явилось, очевидно, субстратом более позднего населения, включая современное.

Население пригорода Пенджикента известно по семи черепкам из хума, найденного в доме № 4. Описание этой находки, которое сделал В.В. Гинзбург, показывает, что мужчины были европеоидными. Им характерна массивность строения, широкое лицо, резко выступающий нос, что говорит о большой близости этого типа к типу, свойственному древнему населению степей Евразии. В наусах Пенджикента найдены черепки, которые отличаются грацильным строением, долихокранией и общим средиземноморским обликом. В загородном доме также были найдены осколки хумов и оссуариев с обломками черепков, изучение которых показало, что все, захороненные там, были европеоидного типа. Неподалеку от Пенджикента был обнаружен могильник Дашти Урдакон с погребениями VII–VIII вв. В серии черепков было выделено три типа: 1) тип среднеазиатского междуречья; 2) восточносредиземноморский; 3) смешанный европеоидно-монголоидный. В целом эти материалы близки к полученным на городище Пенджикента, что позволило считать это место кладбищем либо горожан Пенджикента, либо населения города и его округа. Кроме того, в окрестностях Пенджикента были найдены брахикранные черепки, имеющие относительно невысокое и среднеширокое лицо, которые исследователи называют типом среднеазиатского междуречья. Но в целом и в пригороде, и в окрестностях Пенджикента жили люди, безусловно, европеоидного облика.

В Пайкенде Бухарской области Г.В. Шишкиной были вскрыты оссуарные погребения, датированные VII в. н.э. Изучавшая краниологический материал В.Я. Зезенкова отмечает европеоидный тип погребенных. В Са-

---

¹ Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998. – С. 540.

маркандской области, недалеко от раннесредневекового городища Кафыркала, были обнаружены оссуарии, датированные VI в. н.э. Антропологический тип людей, погребенных по зороастрийскому обычаю, – европеоидный, мезобрахикранный. Имеются основания говорить о наличии промежуточного типа между закаспийским типом и типом Среднеазиатского междуречья, что свидетельствует о незаконченном, текущем процессе формирования типа Среднеазиатского междуречья. В Ургутском районе Самаркандской области было раскопано поселение Коштепа, где открыты погребения с труположением, датированные V-VIII вв. Недалеко от города Иштихан Самаркандской области раскопаны погребения VI-VII вв. Расовый тип погребенных в обоих могильниках определен как восточномедиземноморский. Монголоидная примесь отмечается изредка (Кияткина, 1999).

На территории Уструшаны также известны погребения как горожан, так и сельских жителей второй половины I тыс. н.э. Это, в первую очередь, городище Калаи Кахкаха II в районе Шахристана, составной части столичного города Бунджиката (VII–VIII – начало IX вв.). Оно погибло в результате завоевания Уструшаны арабами в 822 г. При раскопках дворца в изгибе пандуса, соединяющего первый и второй этажи, была обнаружена масса сцементированных, заплывших лёссом человеческих скелетов, которые лежали плотно в полном беспорядке. Как оказалось, это были трупы убитых обитателей дворца, сложенные друг на друга: мужчины, женщины, старики и дети. Изучение костных останков показало, что все погребенные относились к одному европеоидному антропологическому типу. Лицо бунджикатцев было несколько ниже, чем у погребенных в наусах Пенджикента. Несколько ниже были орбиты, нос выступал резче, черепная коробка была несколько больших размеров. Все это позволяет думать о наличии у бунджикатцев антропологического типа, характерного для населения сако-сарматского круга¹. Тип сельского населения, жившего в окрестностях Бунджиката, о котором нам говорят материалы холма Тепаи Пирмухаммад², близок бунджикатцам.

---

¹ Кияткина Т.П. Краниологические материалы с городища Ках-Каха (Шахристан II) // Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. - Вып. 1(24). - Сталинабад, 1961.

² Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д., Кияткина Т.П. Изучение погребальных памятников на территории Уструшаны // Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. - Т. 27. - Душанбе, 1961.

Судя по приведенным материалам, население раннесредневековых Согда и Уструшаны было европеоидным по типу. Присутствие восточно-средиземноморского типа свидетельствует о том, что оно, безусловно, включало в себя в большой степени древний пласт, древнее, местное, автотонное земледельческое население. С другой стороны, мезобрахикрания, фиксируемая широко, и определенные пропорции в строении лицевого отдела свидетельствуют о смешении этого типа с каким-то иным, также европеоидным типом, но связанным, очевидно, в своих истоках с сакским кругом племен.

Как показал в одной из последних своих работ Т.К. Ходжайов¹ имеющиеся антропологические данные позволяют говорить о том, что именно в это раннесредневековое время происходит определенная гомогентизация населения, наиболее активно протекающая в земледельческих оазисах Согда, Хорезма, Тохаристана, Ферганы и Уструшаны. Автор полагает, что там преобладает мезобрахикранное население со средними размерами головы и лица, умеренно наклонным лбом и средне выступающим носом, имеющее среднюю высоту и ширину лица, т.е. тип среднеазиатского междуречья. В то же время вокруг городов, внутри которых фиксируется практически только европеоидное население, концентрируются племена с достаточно ярко выраженными монголоидными особенностями². Причем эта закономерность в значительно более сильной степени выражена в Хорезме и Фергане. В Уструшане и северной части Согда она просматривается слабее, а в Тохаристане еще менее.

В целом краниологический материал второй половины I тыс. н.э. дает возможность выделить два морфологических комплекса в следующих ареалах: 1) Зарафшанская и Кашкадарьинская долины, части Хорезма и Хорасана, где население характеризуется европеоидным грацильным типом, имеющим удлиненные пропорции резко профилированного лица и сильно выступающий нос. Он связан генетически с древним, распространенным в эпоху бронзы средиземноморским типом; 2) территории Хорасана, Хорезмского оазиса и восточной части Зарафшанской долины, население которых также европеоидно, но имеет несколько более низкие и широкие лица со средней горизонтальной профилировкой и средневы-

---

¹ Ходжайов Т.К. Раннесредневековое население Ферганской долины (по данным краниологии) // Человек в культурной и природной среде. - М.: Наука, 2008. - С.180-188.

² Там же.

ступающим носом, т.е. тип, промежуточный между средиземноморской расой и расой Среднеазиатского Междуречья; 3) на северо-востоке Средней Азии – в Таласской и Чуйской долинах и в Семиречье – краниологически фиксируется смешанный между европеоидами и монголоидами тип, именуемый южносибирским.

Все имеющиеся в настоящее время антропологические материалы позволяют утверждать, что в основе всего земледельческого и скотоводческого населения юга Средней Азии лежит один, так называемый восточно-средиземноморский антропологический тип, характеризующийся грацильностью, долихокранией, высоким и узким лицом, резкой горизонтальной профилировкой и сильно выступающим носом. В результате географической изоляции западных и восточных групп этого типа друг от друга, и, возможно, как следствие адаптивных процессов, на востоке (в Южных Таджикистане и Узбекистане) уже в эпоху бронзы происходит оформление несколько более низколицего, мезокефального, а впоследствии и брахикефального населения, а на западе (Южный Туркменистан) сохраняются долихокrania и лептопрозопные пропорции. На всем этом ареале, кроме крайне грацильных, отмечаются и более массивные, но характеризующиеся теми же пропорциями головы и лица, формы (так называемый евроафриканский тип Дж. Серджи). Восточный вариант этого средиземноморского подтипа до сих пор хорошо выражен у населения Западного Памира и в других высокогорных областях Таджикистана¹. Его антропологические характеристики хорошо укладываются в таковые, описанные для памиро-ферганского типа. В несколько сглаженном (не таком грацильном) виде он характерен как для раннесредневекового городского населения Мавераннахра, Хорасана и Согда, так и для части жителей современных городов этих областей.

Можно говорить о том, что уже в раннее средневековье население, живущее к северу и югу от Туркестанского хребта, имело небольшие различия. Так, в северных районах жители более массивны, у них чаще, чем в южных равнинных и предгорных районах, встречаются более светлые оттенки волос и глаз.

Как следствие постоянных контактов, имевших место, начиная уже с

---

¹ Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций. (Древние изоляты Памира). - М., 1969; Дубова Н.А. Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования Института этнографии 1978. - М., 1980. – С. 207-211.

раннего железного века, между земледельческим и скотоводческим населением, особо активно протекавших в сельской местности, на равнинах Мавераннахра и Хорасана начинает складываться европеоидный вариант, характеризующийся умеренной брахикранией, средними размерами головы и лица. Его более четкое оформление можно связать с эпохой раннего средневековья. В последующем в его состав, благодаря контактам с поздними кочевниками и завоевателями, включилась небольшая монголоидная примесь. Именно такой вариант можно назвать типом Среднеазиатского междуречья.

Развитое, позднее средневековье и современность. Основы описанной картины сложились, как отмечено, именно в раннее средневековье. Бурная политическая история, феодальные междоусобицы, неоднократные вторжения тюркских, затем монгольских кочевых племен, все усиливавшихся от рубежа X-XI вв. до XVI в., сводились к постепенному усилению тюркского компонента как в среде городского, так и сельского населения, что, бесспорно, вело и к усилению монголоидной примеси. Однако упомянутой для V-VII вв. гомогенизации населения уже не происходило. В результате определенных брачных связей и связанной с ними системы заключения браков, рядом могли находиться населенные пункты с населением-носителем разных антропологических особенностей. Достаточно яркий пример этого – такие города, как Хива, Бухара и Самарканд, где горожане отличались европеоидностью, а сельская округа имело намного более сильно выраженные монголоидные особенности. С XVI в. начинается новый этап тюркизации Средней Азии – из Дештикипчакских степей вторгается часть кочевников под предводительством Мухаммада Шейбани-хана. Область распространения памиро-ферганского антропологического типа сужается. Тип Среднеазиатского междуречья все больше впитывает монголоидную примесь, но мозаичность распространения антропологических типов сохраняется.

Кочевые группы разной языковой и культурной принадлежности оседали на равнинах, смещая более древнее население в предгорья и горы. Завоеватели приходили из Малой Азии, из Средиземноморья, из Центральной Азии. Иногда они приводили с собой значительное число представителей ранее подчиненных этносов. В XX в. население переселялось уже с учетом развития промышленности региона. Создавалась та пестрая этническая мозаика, которая характерна для настоящего времени.

Антропологический состав современных таджиков, как и других народов Средней Азии, изучен достаточно подробно, но не в полной мере. Поэтому и место, которое отводится ему разными исследователями в расовых классификациях человечества, сильно варьирует. Этот вопрос в исторической литературе XX в. освещался неоднократно¹. Полученные позже материалы не обобщались пока ни в одном исследовании. Все имеющиеся точки зрения: о древних местных корнях расы Среднеазиатского междуречья, к которой нередко относят как таджиков, так и узбеков², о метисном ее происхождении³ и о формировании ее в результате трансформации более древнего, андроновского расового варианта – имеют свои положительные и отрицательные стороны, однако считать проблему решенной однозначно до сих пор не представляется возможным.

Особость антропологического облика таджиков, в первую очередь, горных и памирских в частности, на фоне других народов, населяющих среднеазиатский регион, подчеркивается практически всеми исследователями. Но взгляды на их положение среди европеоидных антропологических типов мира различаются. Можно выделить три основные группы:

– таджикам свойственен антропологический тип, который входит в круг популяций Ирана, Афганистана и Северной Индии

---

¹ Рычков Ю.Г. Происхождение расы среднеазиатского междуречья // Труды Ташкентского Государственного университета. - Вып. 235. - Ташкент, 1964; Он же. Антропология и генетика изолированных популяций. (Древние изоляты Памира); Алексеев В.П. География человеческих рас. - М., 1974; Он же. Древнее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - М., 1974а; Дубова Н.А. Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования Института этнографии 1978.

² Ошанин Л.В. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии // Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. - Киев, 1931; Он же. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Т. I-III. Ереван, 1957-1959; Schwidetzki I. Turaniden Studien. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abh. der Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse. № 9. Weisbaden, 1950; Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций. (Древние изоляты Памира).

³ Дебец Г.Ф. Опыт графического изображения классификации человеческих рас // СЭ. - 1958. - № 4; Трофимова Т.А. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // КСИЭ. - Вып. 36, 1961; Она же. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Научные труды ТашГУ. - Вып. 235. - Ташкент, 1964; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии.

– «Таджики – крайняя восточная точка распространения альпийской расы», т.е. их антропологический тип близок населению Альп и Балкан;

– Таджики – это особый европеоидный антропологический тип (туранский, среднеазиатского междуречья, памиро-ферганский) Исследователи, кроме своеобразия, говорят об элементах сходства его с переднеазиатской (в некоторых вариантах и с арменоидным типом), а также с нордической, средиземноморской и индо-афганской расами¹.

Такие специалисты, как Р. Биасутти² и В.П. Алексеев³, обращают внимание на сходство горных таджиков с туркменами и включают их в одно расовое подразделение, хотя в большинстве классификаций туркмены выделяются в отдельную (восточносредиземноморскую) расу. Практически всеми специалистами признано противопоставление киргизов и казахов (которые характеризуются южно-сибирским или тунгидным антропологическим типом / расой, относящимся к монголоидам или имеющим смешанное европеоидно-монголоидное происхождение) остальным трем крупным среднеазиатским народам. Включение же таджиков, туркмен и узбеков в ту или иную расу всегда вызывает споры, также как и вопрос о формировании европеоидных рас региона. Во многих работах, особенно опирающихся не на умозрительные заключения, а базирующиеся на конкретных исследованиях, обращается внимание на неоднородность антропологического облика описываемых народов Средней Азии, в том числе таджиков и узбеков. Уже в самых первых классификациях⁴ указывается на своеобразии расового состава узбеков, среди которых встречаются как сильно монголоидные, так и достаточно европеоидные и одинаковые с таджиками популяции. Необходимо также напомнить и высказывание немецкой исследовательницы И. Швидецкой о том, что и разные специалисты, и один и тот же специалист в разные периоды своей творческой деятельности дают различные названия таксономическим единицам, имеющим совершенно одинаковую антропологическую характеристику. Например, Л.В. Ошанин в сво-

---

¹ Более подробно см.: Дубова Н.А. Неразрывная связь. - Саарбрюкен, 2011. – С. 68-95.

² Biasutti R. La razze e i popoli della Terra. Tt. 1-4. Torino, 1959.

³ Алексеев В.П. Очаги расообразования. Антропология и история // Природа. - 1973. - № 3; Он же. География человеческих рас. - М., 1974.

⁴ Деникер И. Человеческие расы. - СПб., 1902; Quatrefages A. de Histoire generale des races humaines. P. 2. Paris, 1889.

их первых работах пишет о присущем таджикам и узбекам антропологическом типе *Homo sapiens indoeuropaeus var. oxianojaxartensis*¹, в более поздних работах – о типе *Homo sapiens indoeuropaeus var. turcestanica* и еще позже – о расе Среднеазиатского междуречья. А.И. Ярхо² населению с такой же антропологической характеристикой присваивает название *Homo sapiens indoeuropaeus var. Pamiroferganica*, или памиро-ферганская раса.

Говоря о месте таджиков или всего населения Средней Азии в расовой систематике человечества, надо особо подчеркнуть, что очень многие исследователи не имеют четкого представления об историчности расовых категорий, о чем писал еще в 1938 г. В.В. Бунак³. Некоторые пытаются найти следы современных антропологических типов в далеком прошлом, в большинстве случаев «абстрагируясь» от биологических, а также миграционных процессов как древности, так и, особенно, последних столетий. Нередко сложно определить, на каком историческом отрезке рассматривается антропологический состав региона: в IV-III тыс. до н.э., на рубеже нашей эры, в средние века или в современную эпоху?

Эти моменты были учтены Н.А. Дубовой и А.П. Пестряковым, которые провели углубленное исследование разнообразия антропологических особенностей современных таджиков. Причем анализировались не только параметры головы и лица, но также данные о зубной системе (Н.А. Дубова) и генетике групп крови (А.П. Пестряков). Это позволило говорить о том, что таджиков разных регионов проживания можно относить к разным вариантам. Так, А.П. Пестряков⁴ доказал, что среди таджиков можно выделить северо-таджикский (более крупные размеры, более развитый рельеф, чаще встречающиеся светлые и смешанные оттенки цвета глаз и светлые волосы) и южно-таджикский (более грацильный, имеющий более

---

¹ Ошанин Л.В. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии//Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов.-Киев, 1931.

² Ярхо А.И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии // Антропологический журнал. - 1933. - № 3.

³ Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Ин-та антропологии МГУ. - Вып. IV. - М. – Л., 1938.

⁴ Пестряков А.П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ. - 1975. - № 1. Он же. Антропология населения юго-востока Средней Азии. - М., 2000.

мелкие размеры головы и лица и темную пигментацию) варианты. Н.А. Дубова¹ пишет о том, что, кроме этих двух вариантов население междуречья Аму – и Сырдарьи, а также большей части Ферганской долины, равнинных районов Узбекистана и Таджикистана можно отнести к расе Среднеазиатского междуречья, понимая под ней результат многовекового смешения различных вариантов европеоидных и по меньшей мере двух (центральноазиатского и северокитайского) вариантов монголоидной расы. Но наличие определенных антропологических вариантов внутри таджиков не говорит об отсутствии их единства. Среди всех народов Средней Азии таджики наименее изменчивы по особенностям строения головы и лица в отличие от туркмен и узбеков. Часть туркменских групп по морфологии лицевого скелета очень близка таджикам, но их отличает большая долихоцефалия². Многие узбекские выборки (значительная часть тех узбеков, которые не имели родоплеменного деления) попадают в область вариации признаков, свойственной таджикам. По всей видимости, это – потомки тех ираноязычных групп, которые перешли на тюркский язык, но не включили в свой состав большей части кочевников. В целом же анализ общего антропологического разнообразия современных народов Средней Азии с достаточной очевидностью показывает, что формирование границ антропологических образований на любой территории в большей степени согласуется с границами историко-культурных общностей, и совсем не совпадает с государственными³.

---

¹ Дубова Н.А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ. – 1978. - № 4; Она же. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. - М.: Старый сад, 1996.

² Алексеев В.П. Древнее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - М., 1974а; Дубова Н.А. Антропологические и этнические общности на территории Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. - М.: Старый сад, 2000. – С. 181-182.

³ Дубова Н.А. Неразрывная связь. Биология человека и его история. Саарбрюкен: Lap Lambert Academic Publishing, 2011.

Раздел III ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Глава I

ПРОЦЕСС СЛОЖЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО ЭТНОСА В I-VIII вв. н.э.

1. Синтез культур местного и пришлого населения в период античности и эллинизма

Консолидация этнических компонентов отдельного народа при его этногенезе может проходить, как известно, под влиянием общих религиозных представлений и верований. Система древних верований на территории современного Таджикистана включала в себя как дозороастрийские, зороастрийские, так и эллинистические религиозные представления, восходящие к индоиранским. Сложная картина этих религиозных представлений воссоздаётся сегодня не только по письменным античным и зороастрийским источникам («Авесте», пехлевийской литературе), но и по эпиграфическому, археологическому и этнографическому материалу.

Особую роль при этом играют исследования археологических памятников бактрийцев, согдийцев, парфян и других народов Центральной Азии, фактические данные о духовной жизни которых позволяют лучше понять современный духовный мир таджикского народа.

Одним из наиболее изученных археологических памятников второй половины I тыс. до н.э. и начала I тыс. н.э. на территории Таджикистана является городище Тахти Сангин с храмом Окса¹, обнаруженное на пра-

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. - М.: Восточная литература, 2000. - Т. 1. - С. 14-50; Litvinskij, B. A., Pičikjan, I. R.: Taxt-i Sangin. Der Oxus-Tempel. Grabungsbefund, Stratigraphie und Architektur // Archäologie in Iran und Turan. 4. - 2002. - С. 1-12; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. - М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2. - С. 5-24; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан).

вом берегу реки Амударья (древнегреческое название – Окс) в Кубадиенском районе Хатлонской области (рис. 1), которая входила в древности в состав Бактрии.

О функциональном назначении памятника, его религиозной принадлежности, а также о его датировке уже неоднократно говорилось в многочисленных публикациях¹. Новые археологические исследования последних двадцати лет, которые проводились отрядом Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикистана, позволили подробнее изучить различные объекты этого знаменитого памятника.²

Особое значение для исследования этого храма имеют посвятительные надписи, найденные в нём.

Впервые посвящение Оксу было прочитано в надписи на древнегреческом языке, вырезанной на миниатюрной модели каменного постамента. Этот постамент из белого мраморовидного известняка высотой 9,1 см был найден в храме в коридоре №2 при раскопках И. Р. Пичикяна в 1979 году. На этом постаменте была закреплена фигурка высотой всего 6,9 см, изображающая Силена Марсия³, который играет на диавлосе – двустольной флейте (рис. 2.1). Надпись на постаменте ниже фигуры Силена Марсия гласит: «По обету посвятил Атросок Оксу».

Проведя лингвистический анализ слова «Атросок», В.А. Лившиц пришёл к выводу о том, что это слово является греческой передачей иранского, точнее бактрийского имени *Ātrosōk* или *Ātrusōk*, и означает оно «обладающий пылающим огнем», «тот, у которого огонь пылающий» или же «...тот, у ко-

---

Искусство. Художественное ремесло. Музыкальные инструменты. - М.: Восточная литература, 2010. - Т. 3. - С. 9-58.

¹ Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистические периоды. - М.: Восточная литература, 1991; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т. 1. - С.135-183, 202-208; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus // The Archaeology and Art of Central Asia From the Former Soviet Union. Michigan: Ann Arbor, 1996. P. 47-66 (Bulletin of the Asia Institute. Vol. III); Bernard P. La temple du dieu Oxus a Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica, 1994. T. 23. P. 81-121; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. Vol. III. Leiden – New York-Kobenhavn-Köln, 1991. 596 p. и др.

² Дружинина А. П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. XXIX. - 2004. - С. 228-231. Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти Сангин в 2010 г. // АРТ. XXXVI. 2013. - С. 143-180.

³ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник Древней Истории. - 1985. - № 4. - С. 94; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 184-204.

торого огонь сильный»¹. Имя Атросок находит прямое соответствие в авестийском словарном фонде (*ātərə. saokā* – «жар», «зной»)². Первая часть имени продолжает древнеперсидское *ātr – «огонь», «бог огня». Известно, что в «Авесте» огонь называется *ātar-*, *ātərə-*, *āθr-*, *ātr-*³. Этот термин имеет и другие значения: «священный огонь», «жертвенный огонь» и «огонь как божество (язата)»⁴. Важно, что Атросок, как утверждал В.А. Лившиц, носил типично зороастрийское имя⁵, в котором прославляется божество огня. Б.А. Литвинский не исключал, что Атросок был жрецом огня и его имя фигурирует в связи с Оксом, божеством, которому делалось подношение»⁶.

Форма миниатюрного постамента повторяет форму большого каменного постамента (рис. 2.2) высотой до 1,10 м, обнаруженного у западной стены айванного помещения храма. На этом большом постаменте имеются следы от нескольких ремонтов и перестроек разного времени. После находки в 2002 году еще двух фрагментов от верхнего блока этого постамента удалось провести его реконструкцию и зафиксировать на нём два почти равных по размерам дюбельных ответстия, в которых могли крепиться две ноги статуи. Была ли это статуя греческого божества (например, Аполлона, Геракла, Силена Марсия и др.) или бактрийского (Вахша-Окса, Анахиты) выяснить пока не удалось. Только одна находка от разрушенной глиняной формы для отливки бронзовой руки (меньше среднего размера) говорит в пользу того, что в литейной мастерской, временно устроенной на южной половине площади самого храма, могли отливаться статуи или их отдельные части.⁷ Конечно, нельзя полностью исключить, что на постаменте в разное время стояли различные фигуры.

По древнегреческим мифологическим представлениям Силен Марсий, как особое божество, связан не только с водами рек и источниками, но и с

---

¹ Там же. - С. 102-104; Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 195-201.

² Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. Sp. 1548-1549.

³ Bartholomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. Sp. 312-316; Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. *Этимологический словарь иранских языков*. - Т. 1. - М.: Изд. фирма «Восточная литература». 2000. - С. 318-319.

⁴ Bartholomae Chr. Там же. Sp. 312-316.

⁵ Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии. - С. 104.

⁶ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 195.

⁷ Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади Храма Окса // АРТ. Вып. XXXVIII. - 2016. - С. 288. Рис. 7.

музыкой, а также с атрибутами коня, осла, пророчествами о будущем и многими другими элементами, которые нашли отражение в самых разных формах среди находок из храма Окса. Эти элементы и их проявление в бактрийской или центральноазиатской религиозной традиции будут рассмотрены ещё ниже.

Таким образом, только в одной этой находке – в миниатюрном постаменте с фигуркой Силена Марсия – проявляется интеграция древних представлений малоазийско-греческого мифологического круга (на примере фигурки Силена Марсия) с бактрийским зороастрийским кругом (на примере надписи на постаменте).

Надпись на каменном сосуде сохранилась только в виде двух слов, прочерченных на венчике каменной чаши, которая была обнаружена на участке входа на площадь храма Окса в 2000 году (рис. 3). Первое слово надписи – ΥΟΞΟΙ. Второе слово надписи – ΟΞ¹. Возможно, что первое слово имело впереди еще одну букву «омикрон», которая плохо сохранилась на чаше. Таким образом, в надписи прочитывается два раза имя Окса. В первом случае, как попытка передачи греческими буквами бактрийского имени Окс – Вахш (по-бактрийски ΟΑΧρΟ), а во втором – его греческого имени.² В храме были обнаружены и многие другие фрагменты таких чаш, которые обозначаются термином периррхантерион.³ Они обычно стояли в эллинистическое время перед входом в храм или рядом с алтарями. Эти чаши в храме Окса могли использоваться для ритуальных омовений или возлияний.

Надписи на литейных формах располагались на верхних частях глиняных форм для отливки больших бронзовых сосудов. Они были обнаружены на территории временной литейной мастерской на южной части пло-

---

¹ Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. // АРТ. Вып. XXVII. - 2000. - С. 243, 259. Drujinina A. Die Ausgrabungen in Tacht-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd Tadschikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999 // AMIT. 2001. 33. S. 263, 264 fig. 5; 265 fig. 6; Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012. P. 198-199.

² Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. - С. 137-139.

³ Drujinina A., Lindström G. Kultgefäße im Oxus-Tempel – zur Frage der Kultkontinuität im unruhigen 2. Jh. v. Chr. // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013. - С. 177-179.

щади храма. Три надписи на древнегреческом языке имели разную сохранность. Две из них были разрушены ещё в древности и от них были найдены только фрагменты.¹ Лишь одна надпись сохранилась полностью внутри литейной формы, оставленной после неудавшегося её изготовления в яме на участке мастерской в 40-е годы II в. до н.э. в виде подношения храму.

Первая надпись из 9 фрагментов могла быть только предположительно реконструирована и прочитана при исследовании. В начале стояло как кажется греческое имя посвятителю и имя его отца, а в середине надписи – название посвящаемого объекта, то есть котла или сосуда, а также часть имени Окса.²

От второй надписи сохранилось только три фрагмента. Два из них дают возможность прочитать слово в виде имени ΝΔΑΜΕΙΡΟΥ, второй элемент которого ΜΕΙΡΟ соответствует имени иранского божества Митры.³ Передача в бактрийском языке имени Митры как ΜΕΙΡΟ также была засвидетельствована наравне с другими формами при написании этого имени греческими буквами.⁴

Третья надпись сохранилась полностью на венчике литейной формы диаметром до 1,10 м⁵ (рис. 4). В надписи на древнегреческом языке стоит следующее: «Оксу по (божественному) указанию посвятил Сиромоис, [сын] Немискоса, ΜΟΛΡΠΑΛΡЭС (?), бронзовый сосуд (котел), [сделанный] из 7 талантов [бронзы]»⁶.

---

¹ Drujinina A. P., Boroffka N.&R. First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004. // Bulletin of Miho Museum. Vol. 6. 2006. P. 57–69. Дружинина А. П., Худжагельдиев Т. У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти Сангин в 2006 г. // АРТ. Вып. XXXII. - 2008. - С. 50–76. Дружинина А. П., Худжагельдиев Т. У., Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храм № 17 и № 18. // АРТ. Вып. XXXIII. - 2009. - С. 107–136. Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. - 2011. - №4. - С. 110-129.

² Иванчик А. И. Новые греческие надписи. - С. 120.

³ Иванчик А. И. Новые греческие надписи - С. 120.

⁴ Там же. - С. 120.

⁵ Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. - С. 114-119; Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie. P. 274-276.

⁶ Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда//АРТ, 2010. Вып. XXXIV.- С. 227.

Таким образом, три или, возможно четыре обнаруженные в храме почитательные надписи указывают на то, что жители древнего города на месте городища Тахти Сангин почитали в своём храме Окса. Это, несомненно, подтверждает существование в Бактрии в эллинистическое время культа Окса как культа самой реки, так и местного божества Окса, связанного с водой и с этой рекой.

Проведя лингвистический анализ зороастрийских, античных и древнеиндийских источников, сопоставив их с китайскими и армянскими источниками, Й. Маркварт пришёл к заключению, что греческое название Окс (древнегреческое *Oxos*) – передача гидронима «Вахш» (древнеиранское *Vaxšu) – является названием реки Амударья у ираноязычного населения Средней Азии. После VII-VIII вв. и до сегодняшнего дня название Вахш применяется только к одному из главных притоков Амударьи¹. И.В. Пьянков считал, что античный Окс – это Амударья вместе с её притоками, в том числе с рекой Вахш².

Находка из Амударьинского клада, который сегодня хранится в Британском Музее, – перстень с изображением шагающего влево крылатого быка с бородатой человеческой головой в короне и почитательной надписью: *WHŠW*=[Вахшу]³ – указывает на то, что этот культ был известен в Бактрии раньше, чем эллинистическое время, и существовал уже тогда, когда Амударья называлась местным бактрийским населением – Вахш.

Также Ф. Грене проследил следы легенды о названии иранского божества *OAXŠO* (**Wakhš(a)*), корень которого *Waxš* (Вахш) – «расти», «прыгать», известен также по надписям на кушанских монетах (I в. до н. э – I в. н.э.) и до сообщения Бируни (X в.), в котором упоминается праздник Окса у хорезмийцев. Праздник этот называется по зороастрийскому календарю *Wakhšangam* (Вахшангам). И Бируни подчеркивает, что Вахш – «имя ангела, поставленного (наблюдать) за водами, в частности, над рекой Джейхун»⁴.

В связи с этим интересно отметить, что в эллинистическое время в иранской, особенно в бактрийской, ономастике получили распространение имена на основе *Vakhšu*. Ф. Грене приводит имена *Oxyart* (**Waxšu-*

---

¹ Markwart J. Vehrot und Arang. Leiden: Brill, 1938. S. 31, 52.

² Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции (Общие данные о стране: название и территория). - Душанбе: Дониш, 1982. - С. 49-50, 53.

³ Зеймаль Е. Амударьинский клад. Каталог выставки. №105.- Л.: Искусство, 1979. - С. 61.

⁴ Бируни, Абу Рейхан. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Перев. и прим. М.А. Салье. - Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. - Т. I. - С. 258.

рта) – «созданный божевами Окса и праведности», Oxybaros (*Wakhš(u)) – Wazdah – «сильный» благодаря Оксу (Вахшу), и Oxudabes (*Miθra-*Wakhš(u)) – «созданный Митрой и Оксом (Вахшем)»¹. Последняя интерпретация особенно важна, так как она опять же указывает на традицию поклонения этой реке, связанную с более ранним доэллинистическим верованием зороастрийского круга.

Итак, как отмечалось выше, на надписях из храма Окса, упоминается греческая форма названия реки – Окс. Это не удивительно, если вспомнить географическое положение этого храма на территории центральной укрепленной части городища Тахти-Сангин, расположенного прямо на берегу реки (рис. 5, 6). Предположение о том, что вдоль всего Окса должны были существовать подобные храмы², посвященные этой реке, нашло подтверждение не только в Хорезме³, но и в Дарвазском районе Таджикистана рядом с рекой Пяндж.⁴

В заключении необходимо отметить, что для эллинизированного населения Бактрии образ Силен Марсий возможно больше всего подходил для сравнения с божеством реки Окс. Силен Марсий являлся мифологическим сверхъестественным существом или точнее духом, соединяющим в себе антропоморфные и зооморфные черты, являясь божеством с более низким положением по сравнению с греческими богами. Возможно представить, что именно эти его характеристики и более низкое его положение указывают на то, что Окс, также как и Силен Марсий воспринимался бактрийцами, как более низкое по рангу в отношении других богов божество.

На сегодняшний день в храме Окса имеются указания только на двух богов зороастрийского или дозороастрийского круга. Это находка фрагмента статуэтки из серебра с изображением Ардвисуры Анахиты⁵ (рис. 7), и имя бога Митры в надписи на глиняной литейной форме.

Как известно, Митра принадлежит к кругу дозороастрийских богов. Первоначально он был богом договора, а позднее солнечным божеством, сопровождающим Солнце в его небесном полете. У некоторых иранских народов

---

¹ Grenet F. L'onomastique iranienne á Ай-Khanoum //Bulletin de correspondance helléque. 1983. Т. 107. P. 377-378; Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. P. 179-180, note 18.

² Исследование Камола Абдуллаева, в печати.

³ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т. 1. - С. 355.

⁴ Якубов Ю.Я. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // АРТ. - 2016. Вып. XXXVIII. - С. 152-154.

⁵ Литвинский Б.А. Эллинистический храм Окса. - Т. 3. Рис. 48.

почитание Митры вообще ассоциировалось с культом Солнца, и слово «Михр» стало означать просто «Солнце»¹. Митра путешествует вместе с Солнцем по небосклону, причем везут их быстрые кони («Яшт» 6.1, 4, 6; 10.124, 136.). Митра правит землей («Яшт» 13.95) и защищает хварно от злых сил вместе с Апам-Напат (Arām-Narāt) – «внуком вод», который является хранителем священного моря Ворукаша («Яшт» 2.5; 7.72; 19.51-52). В «Авесте» он упоминается в паре с Атаром (Ātar) олицетворяющим огонь («Ясна» 15.12; «Яшт» 8.34). М. Бойс пишет о том, что это два равных бога (Апам-Напат и Митра), которые выполняют общие задачи и ассоциируются с двумя жизненными элементами – «огнём» и «водой»².

Как известно, предки таджиков и других центральноазиатских народов почитали культы воды и огня задолго до возникновения здесь зороастризма. По зороастрийским же канонам, вода считается третьим членом мироздания. Именно поэтому реки почитались древними иранцами в качестве божеств, о чем сообщают и античные авторы (Геродот, VII. 113-114; Страбон, XV.3.13-14, 3-16). Животворная стихия воды была для древних предков таджиков священна сама по себе. Они обожеествляли реки, озера, ручьи и вообще все источники и водоемы. Древний культ реки Вахша-Окса является одним из таких очень показательных примеров.

Первоначальное ядро «Авесты» было создано в эпоху Заратуштры и Виштаспа, и основные события, связанные с ними, происходили у берегов Вахви-Датии («Яшт» 5.104, 8.2; 17.45, 49, 61), которая, в свою очередь, отождествляется некоторыми исследователями с Амударьей³.

Культ речных потоков восходит к индоиранскому прошлому таджикского народа. Этот культ, также с жертвоприношениями был развит, например, и у греко-македонцев, у которых известны многочисленные храмы, связанные с реками. Эти храмы имели каменные алтари и ямы для жертвенных даров.⁴ Нельзя забывать, что особое значение вода имела для населения Бактрии еще и потому, что орошаемое земледелие здесь являлось экономической основой жизни как на протяжении последних трех тысячелетий, так и сегодня.

---

¹ Стеблин-Каменский И. М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности.-М.:Наука,1981.-С.239; Он же. Этимологический словарь ваханского языка.- СПб.: Востоковедение, 1999. - С. 426.

² Boyce M. A. History of Zoroastrianism. Vol. 1. P. 40-45.

³ Nyberg H.S. Biographie de Zaratuštra dans le Denkart//Acta Iranica.7.1974.Vol. IV. P. 510, 518.

⁴ Литвинский Б. А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 320.

В храме Окса было обнаружено большое количество объектов, связанных с культом воды. В айванном помещении храма была найдена, например, каменная ванна¹, состоящая из трех обработанных блоков, в которой могло помещаться не меньше 400 л воды (рис. 8). Наличие двух², или трех колодцев³ на площади храма обоснованно говорит о том, что использование воды из источников на территории храма, как и поклонение ей, являлось неотъемлемой частью культовых действий в храме Окса.

Колодец с лестничным спуском (рис. 9) на площади храма Окса⁴, после того как его перестали использовать, еще в древности, был закрыт особым образом. Сверху на нём была сооружена жертвенная площадка, на которой совершались культовые действия⁵. Об этом свидетельствует тот факт, что на этой площадке были обнаружены останки трех черепов: лошади, осла и кулана⁶ и двух вложенных друг в друга небольших чаш. В заполнении колодца среди многочисленных находок были найдены десятки разбитых амфор и кувшинообразных сосудов.

Чаши для обряда омовения, найденные в большом количестве в храме, упоминались уже выше. Они также связаны с культом воды⁷. Такие сосуды известны по находкам из многочисленных греческих святилищ Средиземноморья, где они использовались для ритуальных омовений. Культ воды продолжает играть большую роль в храме Окса и в постэллинистический период. Рядом с засыпанными колодцами на площади храма сооружается резервуар для воды⁸, который был обложен глиняными кирпичами и использовался по всей видимости и в кушанский период существования храма Окса.

Нельзя полностью исключить того, что в храме на постаментах в разное время могли стоять различные фигуры божеств, как греческих, так и зороастрийских. Так в «Авесте» отражен процесс того, что уже с середины I тыс. до н.э. различные элементы мироздания стали олицетворяться древними

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т.1. - С. 157-158.

² Там же. - С. 122.

³ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. - С. 149-155.

⁴ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. - С. 149-162; Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. - С. 280-316.

⁵ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 году. - С. 156-158.

⁶ Определение Проф. Док. Норберта Бенекке, Немецкий Археологический Институт.

⁷ Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин. - С. 161.

⁸ Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках. - С. 280-282.

иранцами в образе божеств. Среди божеств, покровительствующих вселенским водам здесь главная роль отводилась Ардвисуре Анахите – Arədvī Sūra Anahita, которая в индоиранскую эпоху почиталась как водное божество, связанное с плодородием, и олицетворяла мировые воды¹. Заметим, что в «Авесте» все жертвоприношения приносились именно богине плодородия Ардвисуре, «растящей жито», «кормящей стадо» и «множащей богатство». В связи с этими, уже длительное время существующими представлениями, нельзя полностью исключить возможность того, что именно статуя этой богини первоначально стояла на постаменте в храме Окса.

Как известно, зороастрийцами можно называть как почитателей воды, так и почитателей огня. Культы воды и огня не изолированы друг от друга.² Вода при этом выступает в женской роли, а огонь в мужской. Так, например, у современных иранских зороастрийцев в храме объектом поклонения является вода в священном колодце или водоем во дворе.³

У современных таджиков имеется целый ряд различных обрядов или суеверий, связанных с водой. Так женский демонический образ, называемый таджиками албасти, связан тесно с водой.⁴ Почитание рек и до сегодняшнего дня можно выразить словами Страбона о том, что персы избегают мочиться, не моются и не купаются в реках, они не бросают туда ничего, что считают нечистым.⁵

Характерно, что в храмах современных парсов обязательно имеется водный бассейн и деревья.⁶ Как показывают этнографические наблюдения, в больших таджикских кишлаках часто имеются мазары с небольшим озером или прудом и деревьями, или источник с деревьями, обнесенный оградой. Известны жертвы божеству ручья около мазаров, для того чтобы умиловить воду. У населения Памира перед пуском воды для полива в 50-е годы XX века приносили жертву духам – покровителям ручья. Таджики просят и сегодня о поддержке духа реки Пяндж для того, чтобы не утонуть в реке.⁷

---

¹ Lommel H. Anahita-Sarasvati // Asiatica. Leipzig: Festschrift F.Weller. Lpz., 1954. P. 405-413; Boyce M. A History of Zoroastrianism. Vol. I. P. 41, 52, 71-74, 100-102, 107, 151-152, 170, 173, 176, 267; Herzfeld E. Zoroaster and His World. Princeton: Princeton University Press, 1947. Vol. II. P. 516-542.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 325.

³ Там же. - С. 321.

⁴ Там же. - С. 318.

⁵ Там же. - С. 323.

⁶ Там же. - С. 328.

⁷ Там же. - С. 317.

В индоиранских верованиях почитание воды соединяется с почитанием огня. Неразрывная связь между двумя жизненными элементами – водой и огнем, также проявляется в различных находках из храма Окса.

Соединение в одном храме культов огня и воды вытекает из сущности основ древнеиранской религии¹ и имеет на территории Бактрии глубокие корни с середины II тыс. до н.э.

Структура Храма Окса, его план и обнаруженные при раскопках комнаты огня (атешгахи), отражают архитектурные традиции древних иранских храмов огня.² Кроме этого, в храме Окса в центральном зале и в айване были обнаружены ямы, заполненные золой. Эти факты, а также находки изображений зороастрийских жрецов (рис. 10, 11) указывают на то, что здесь функционировал храм с особым использованием огня при культовых действиях.

Новые исследования атешгахов показали, что в центральной части этих комнат первоначально были построены прямоугольные постаменты из необожженных кирпичей (рис 12), с реконструируемой высотой примерно до 1 м, которые использовались для выставления на них сосудов с огнём. Сосудами могли служить как металлические чаши, так и котлы, которые отливались в литейной мастерской при храме. Постаменты из кирпичей, сооруженные с особой тщательностью и чистотой, были расположены в помещении таким образом, что вокруг них могли ходить жрецы, совершающие очищение огня или «кормление огня». Ботаническое исследование материала промывки и отбора угольков из южного атешгаха храма Окса позволило установить, что основной древесиной, используемой здесь, являлся тамариск, который и по сегодняшний день в большом количестве растет на пустынных террасах Амударьи и Вахша рядом с храмом Окса.

Для «кормления» священного огня использовался также жир жертвенных животных (например, сальник овцы). По текстам источников, принесение в жертву огню жира жертвенного животного было известно уже в сасанидское время.³ При раскопках южного атешгаха храма на зольной свите полов №2, рядом с постаментом из кирпичей, были обнаружены темные жирные пятна, которые также могут указывать на использование жира для поддержания огня в атешгахе.

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 327.

² Рапен К. Святыни Средней Азии в эпоху эллинизма // ВДИ. –1994. – № 4. - С. 129.

³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 332.

Таким образом, почитание огня может рассматриваться как неотъемлемый и очень важный элемент древних верований предков таджиков¹. До сегодняшнего дня известно особое отношение жителей различных регионов Таджикистана как к огню, так и к золе.²

Теперь обратимся к культовым действиям в храме Окса, связанным с жертвоприношениями животных. Среди них было обнаружено 460 лошадиных костей, 924 фрагмента костей ослов, 11 фрагментов куланов или ослов, 9 костей верблюдов, 4304 кости овец или коз, 389 костей коров или быков, 42 фрагмента костей свиньи, 12 фрагментов костей газели и 36 – курицы.³

В «Авесте» имеются сведения о том, какие животные приносились древними иранцами в жертву. В Яштах, например, говорится о том, что наездник Заривари в жертву приносил «пред Датии водою сто жеребцов, и тысячу коров, и мириад овец» («Яшт» 5. 112). Эти сведения позволяют предположить возможность жертвоприношений подобных животных и в храме Окса, где, как показано выше, были найдены как кости лошадей, так быков и овец.

Однако находки костей лошадей, баранов и коз отражают вместе с найденными там же в храме Окса фрагментами костей курицы и свиньи спектр жертвенных животных, характерных также и для греческих жертвоприношений эллинистического времени, например при культе Диоскуров, широко распространенном в Бактрии.

Исследование состояния костей подтверждает однако отсутствие в храме Окса признаков того, что животные здесь жертвовались в характерном для греческого культа образе, то есть передние или задние конечности, а также другие отдельные части тела животных сжигались на специально подготовленном для этого алтаре. В храме Окса при раскопках с 1998 по 2010 гг. были обнаружены только две маленькие сожженные косточки (длиной до 2 см), остальные же кости животных не содержали никаких следов воздействия на них жара от огня или огня.

---

¹ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т.1. - С. 199.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 340.

³ Кости были тщательно отобраны и почищены во время раскопок 2008-2010 гг. в раскопе №18 на площади храма. Определение костей было проведено сотрудниками Лаборатории Естественных Наук Немецкого Археологического Института Пэги Моргэнштэрн и Михаэлем Хохмутом. Исследование костей проводит Проф. Др. Норберт Бенеке.

В 2006 году в слоях заполнения колодца, расчищенного на площади храма было найдено 12906 фрагментов костей животных¹. Причем состав и количество костей животных в слоях было различным. В нижних слоях заполнения² были обнаружены кости лошадей, в том числе их челюсти³, а в верхних слоях основную массу составляли кости мелкого рогатого скота. Присутствие большого количества костей лошадей в нижних слоях, чем в верхних, говорит об особом значении этих нижних слоев при засыпке колодца по сравнению с верхними, что удалось подтвердить после полной расчистки колодца в 2010 году. Нижние слои перекрывали культовые площадки в колодце, которые были устроены там как прощание с самим колодцем, в который больше не поступали грунтовые вода. Верхние же слои, которые соответствовали отвалам строительных ремонтов из помещений храма и литейной мастерской, содержали в основном кости баранов и коз, которые вместе с другими подношениями в храм (монетой Гелиокла, поломанными пластинами из золота и слоновой кости, золотыми листиками от венков, бусинами, пронизью, фрагментами керамических курильниц, а также разбитого храмового инвентаря в виде фрагментов каменных чаш и др.) являлись частью хранящихся в храме подношений или пришедшего в негодность храмового инвентаря.

Кости жертвенных животных были обнаружены не только в засыпанном на площади колодце, но и в помещениях храма Окса в заполнениях культовых ям, в так называемых «ботросах».⁴ Среди костей в некоторых ямах находились также и посвященные предметы: миниатюрные алтари, курильницы, фрагменты гипсовых статуй, изделия из слоновой кости, золотые и бронзовые пластины, обычное оружие или его миниатюрные копии⁵. Это позволяет рассматривать кости из ям в храме Окса, как часть

---

¹ Дружинина А.П., Худжагельдыев Т.У., Ротт Ф. Отчет о раскопках. - С.59.

² Там же. - С.59.

³ Дружинина А.П., Инагаки Х., Худжагельдыев Т.У. Результаты археологических исследований. - С. 192, 195, 197.

⁴ Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. - 1982. - Вып. XVI. - С. 81; Он же. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. - 1983. Вып. XVII (1977 г.). - С. 104; Он же. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. Вып. XVIII. - С. 109; Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса. - Т. 1. - С. 59-61, 69, 74.

⁵ Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. - 1977. - С. 571; Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство Древнего Хорезма. - М., 1981. - С. 206-210.

очень важных votивных подношений верующих в храм. Эта традиция существовала в Бактрии, как и у многих других народов Центральной Азии, в виде отражения более древних индоиранских традиций почитания коней, овец и ослов как тотемных животных.¹ В античных источниках имеются сведения о том, кому персы, т.е. древние иранцы, совершали свои жертвоприношения: «... они (персы) совершают жертвоприношения солнцу, луне, огню, воде и ветрам (Геродот, I. 131)... Если кто-нибудь пожелает принести жертву богам, то приводит жертвенное животное в «неоскверненное» место...» (Геродот I. 132). «Жертвы они (персы) приносят преимущественно огню и воде. Совершают они жертвы в очищенном по обряду месте после молитв, приведя жертвенное животное, обвитое венком» (Страбон, XV. 314).

Как известно, сама «Авеста» отразила устную традицию древних иранцев на протяжении долгого времени. «Ардвисур-яшт», в котором в основном говорится о жертвоприношениях животных, датируется временем с VI-IV вв. до н.э. – до II в. до н.э.², то есть временем, в котором существовал также и храм Окса. Таким образом, жертвоприношения животных, упомянутые как античными авторами, так и в авестийских Яштах, находят подтверждения в находках костей жертвенных животных и в храме Окса.

Теперь рассмотрим следующую группу жертвенных животных – верблюдов. Помимо находок 9 костей от верблюдов, упомянутых уже выше, в храме обнаружена маленькая золотая пластина с изображением верблюда, которого ведет бактриец (рис. 15). В «Авесте» говорится, что верующий приносит в жертву Ахура-Мазде десять кобыл с жеребцом и верблюда («Ясна» 44. 18). Это животное упоминается также в связи с обрядами очищения («Вендидад» 9. 2. 38). На этой пластине использована излюбленная в ахеменидском искусстве, особенно в Персеполе, иконографическая схема³. Она рассматривается как сцена принесения в дар храму (и верховному зороастрийскому божеству) верблюда как жертвы или, возможно, как участие

---

¹ Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня. - С. 28-52.

² Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. - М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 193; Он же. Из истории персидско-таджикской литературы. - М.: Наука, 1972. - С. 101; Kellens J. Avesta // Encyclopedia Iranica. Ed. by E. Yarshater. London: Routledge and Kegan Paul, 1988. Vol. III. P. 35-44; Абаев В.И. Два зороастризма в Иране // ВДИ. - 1990. - № 4. - С. 202.

³ Литвинский Б.А., Пичилян И.Р. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия)// ВДИ, 1992.- № 3. - С. 94-111. Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). - Т. 3. - С. 74-87.

его в очистительных церемониях. Эту интерпретацию подкрепляет и тот факт, что изображение на пластине из храма Окса похоже на амулет из храма Дашлы-3 эпохи бронзы: оба изображения можно трактовать как сцену принесения в жертву верблюда¹. Особая роль верблюда в Бактрии подчеркивается также наличием изображения этого животного на золотой пластине из Амударьинского клада.² Небольшое количество костей верблюда в храме Окса может говорить о том, что верблюд в конце эллинистического периода редко использовался в качестве только жертвенного животного.

Несмотря на то, что сегодня невозможно разделить традиции жертвоприношения животных современными таджиками в связи с праздниками или различными семейными событиями на домусульманские и мусульманские, необходимо только подчеркнуть то, что обряд жертвоприношения таких животных является безусловно отражением древних обрядов и уходит корнями в общую индоиранскую историческую традицию таджикского народа.

Среди подношений в храм, обнаруженных при раскопках, было найдено много фрагментов музыкальных инструментов. Особый интерес представляют 49 частей составных костяных флейт³, средняя часть двуствольной флейты, фрагмент ручки от «сетара», полосы корпуса от щипковидного инструмента небольших размеров, две трубки-держателя струн от инструмента подобного «лире».

Все эти находки указывают не только на использование их в храме в контексте культа, но и на особое значение музыкальных инструментов в жизни бактрийцев эллинистического времени. Такие находки в храме являются свидетельствами древней музыкальной традиции, дожившей у таджиков до современности в виде традиционных флейтовых духовых⁴ и разнообразных щипковых инструментов. Таким образом, использование музыкальных инструментов в храме могло быть, с одной стороны, отражением греческого влияния на развитие музыкальной культуры в Бактрии, а с другой стороны, местной древней музыкальной традицией, известной по отдельным находкам из Ирана и Афганистана.

Большое значение в духовной жизни населения Бактрии имела вера в природные божества, а также культы, связанные с силами природы. О почи-

---

¹ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 87.

² Зеймаль Е. Амударьинский Клад. - С. 56. - № 98.

³ Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. - Т. 3. - С. 424-452, рис 86-95.

⁴ Там же. - С. 453.

тании рек и водоёмов подробно говорилось уже выше. На примере многочисленных находок из храма Окса прослеживается связь с такими древними культурами, при которых через образы животных выражаются различные природные элементы, которые почитались древними предками таджиков.

Довольно часто среди находок из храма Окса встречается изображение оленя или косули, как на слоновой кости (рис. 16, 17), так и на керамике в виде налёпов с прочерченными рогами. Эти находки возможно сравнить с образом оленя на пластинке из Амударьинского клада.¹ Среди костей жертвенных животных в храме Окса в 2009 году были найдены кости газели и косули, а на ритуальной площадке в коридоре храма в 1978 году были найдены в большом количестве олени рога, использовавшиеся в качестве подношения.² Ритуальное отношение к внутренностям оленя, вера в их исцеляющую силу, в особенности в сердце оленя, сохранилась и до сегодняшнего дня у некоторых групп жителей горных районов республики.

Еще одним древним верованием предзороастрийского времени был культ змеи. Змея облаков Аши или Ахи по ведической традиции связана с легендами о борьбе за дождь во имя плодородия земли. Отражением такой легенды может быть и налест на сосуде из храма Окса в виде змеи (рис. 18). Голова змеи на налесте изображена в виде короны с тремя зубцами или в виде крепости, на которой стоят женщины в виде стилизованных фигурок. То есть изображение показывает особое значение змеи для этого места и людей, которые здесь жили. Отголосками этого культового представления о змеях могут быть и легенды, а также обычаи, связанные с уважительным и особым обращением со змеей у современных таджиков.

Только несколько упомянутых здесь представлений дают возможность бросить беглый взгляд на богатую палитру различных древних верований предков таджиков, которые имеют широкие параллели в общей индоиранской культурной традиции.

Таким образом, на примере исследований многих объектов и находок из храма Окса можно прийти к заключению о том, что древние дозорастрийские верования предков таджиков сильно повлияли на формирование духовного мировоззрения современного населения республики. Вера в силы природы и их духов, особое отношение к речным потокам и огню восходит к индоиранскому прошлому таджикского народа. Обряды жерт-

---

¹ Зеймаль Е. Амударьинский Клад. С.62.

² Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии. Т. 3. С. 363.

воприношений с их тесной связью с древними культурами, среди прочих и почитание предков, и до сегодняшнего дня является частью национального самобытного духовного мира населения Таджикистана.

Из археологических исследований известно, что предки таджикского народа на протяжении эллинистического периода их истории не только вобрали в себя многие прогрессивные элементы греческой культуры в виде использования архитектурных достижений, практических навыков как в ремесле, так и в искусстве, развитой технологии металлообработки и орошения, но и развили их дальше в рамках своих древних традиций, оставшись верными собственным духовным представлениям. Этот процесс повторялся еще не раз и в последующие исторические эпохи, вплоть до конца XX века, когда таджикский народ вновь показал свою внутреннюю стойкость к чужеродным влияниям, построенным на отсутствии какой-либо духовной ориентации на древние культурные традиции. Таджикский народ смог пройти эти исторические этапы не разрушив, а сохранив свои духовные традиции, которые являются на сегодняшний день уникальным наследием его древнего индоиранского прошлого.

Рис.1. Городище Тахти Сангин с храмом Окса на укрепленной цитадели. Вид с севера-запада. Фото 2004 года.

1

2

Рис. 2.1. Модель каменного постамента с фигурой Силена Марсия, играющего на двуствольной флейте. Бронза и мелкозернистый мраморовидный известняк. Коридор №2. Храм Окса.

Рис. 2.2. Постамент в айванном помещении храма Окса. Мергелистый известняк.

Рис. 3. Надпись на каменной чаше. Храм Окса. Мергелистый известняк.

1

2

Рис. 4. Надпись на литейной форме для отливки бронзового сосуда.
Южная часть площади храма Окса. Глина.

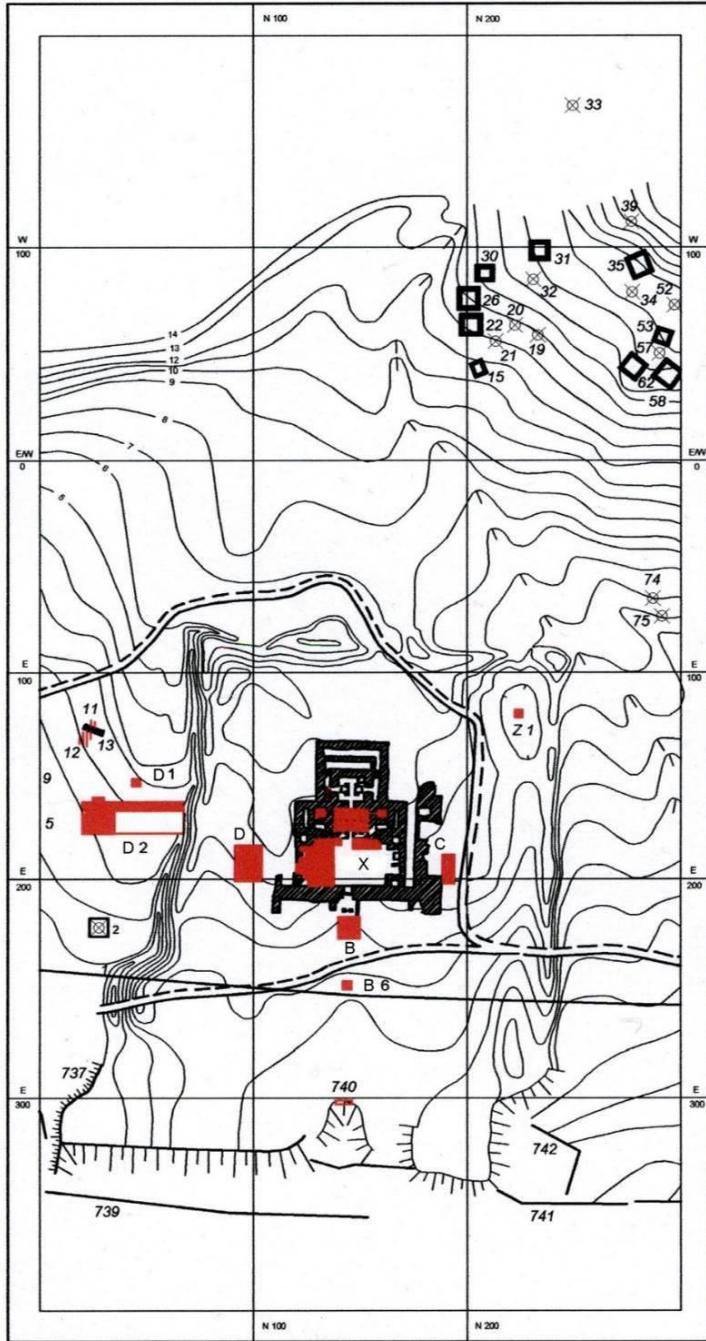

Рис. 5. План центральной части городища Тахти Сангин с храмом Окса.
 На переднем плане стена №730, которая идет вдоль
 древнего берега реки Амударья.

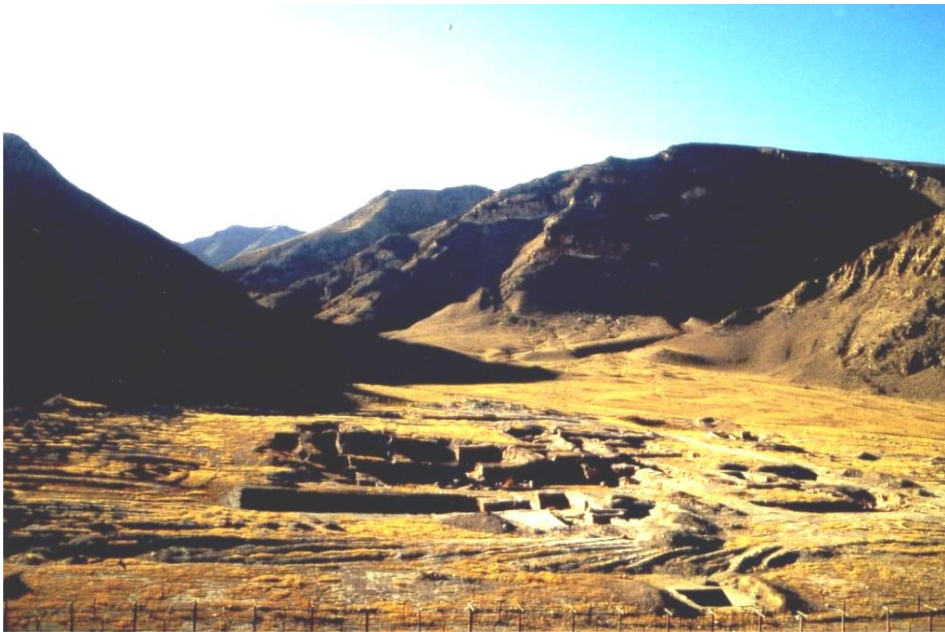

Рис. 6. Вид храма Окса на цитадели городища Тахти Сангин с востока.
Фото 2002 года.

Рис. 7. Фрагмент статуэтки богини Ардвисуры Анахиты в греческом хитоне и гиматии. Размеры: 7,5х4,6 см. Серебро. Коридор № 2. Храм Окса.

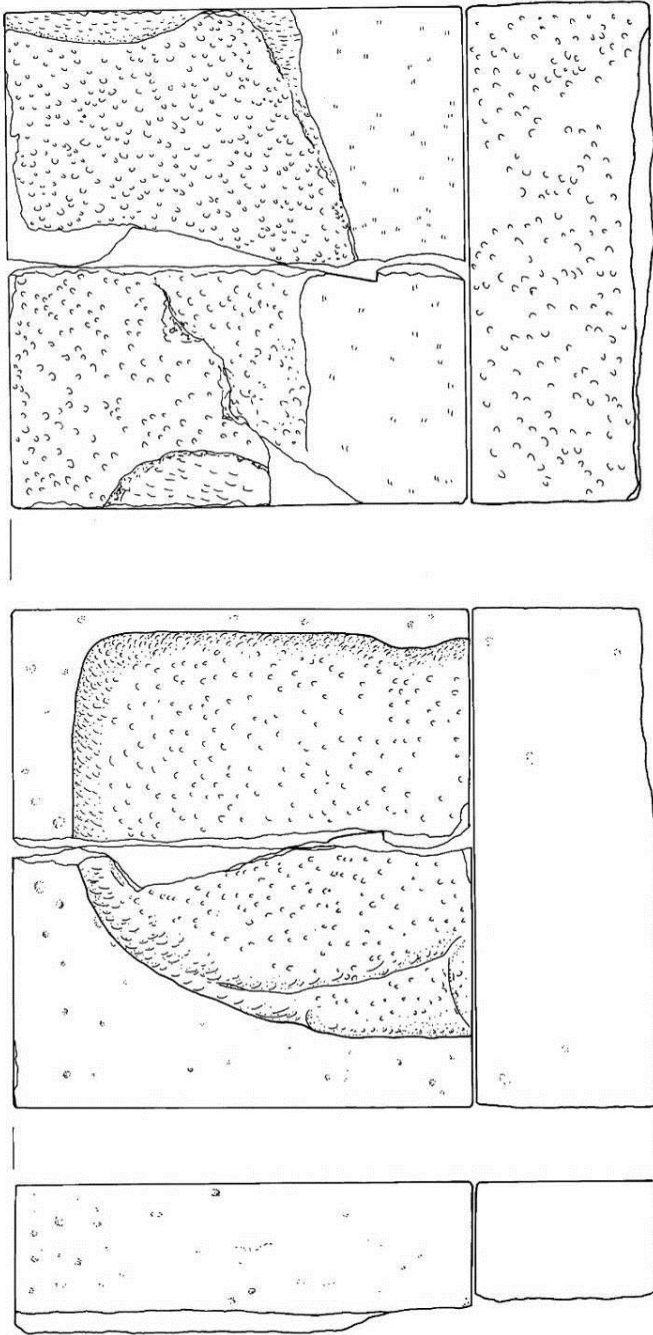

Рис. 8. Каменная ванна из трех блоков. Реконструкция.
Айванное помещение. Храм Окса.

Рис. 9. Колодец со ступенчатым спуском на площади храма Окса.
Вид с востока. Фото 2009 года.

Рис. 10. Терракотовая статуэтка сидящего жреца в тиаре конической формы. Размеры: 9,5x3,3 см. Обожженная глина. Храм Окса.

Рис. 11. Портрет зороастрийского жреца. Размеры: 12x7,4 см. Глина, алебастр и полихромные красители. Храм Окса.

Рис. 12. Южный атешгах – помещение 5'.
Вид с севера на постамент из кирпичей. Храм Окса.

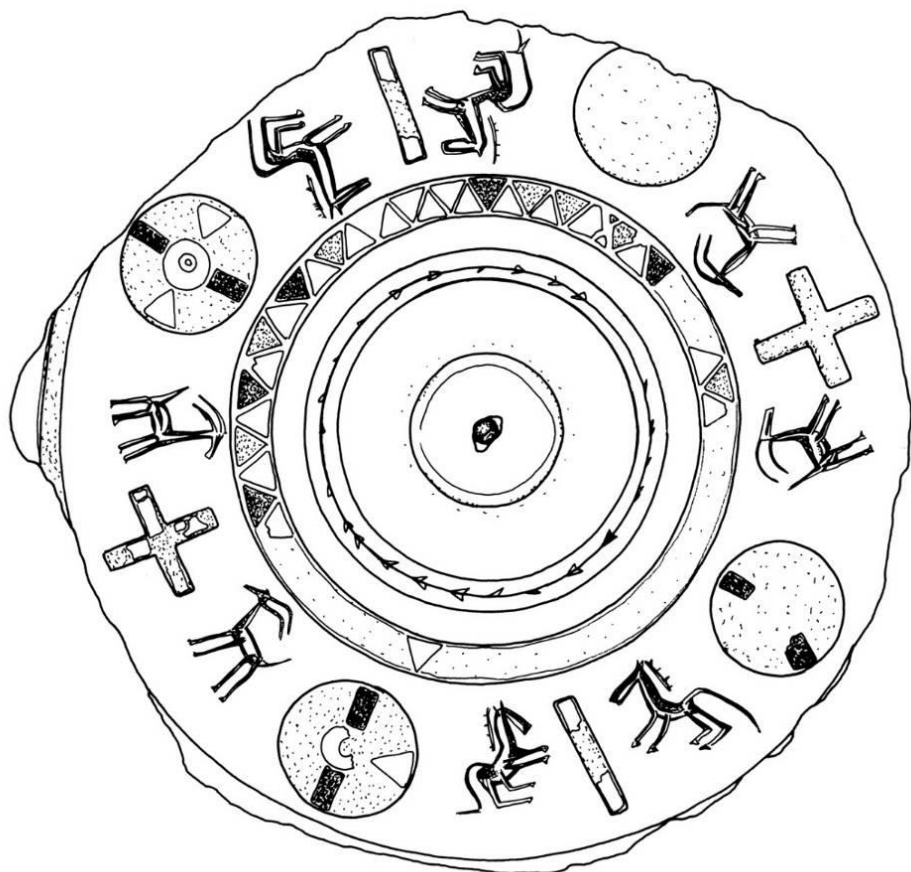

Рис. 13. Крышка каменной пиксиды. Сооружение №368.
Южная часть городища Тахти Сангин.

Рис. 14. Пластина с изображением бактрийца, выводящего коней.
Бронза. Храм Окса.

Рис. 15. Пластина с изображением бактрийца, ведущего одногорбного
верблюда. Размеры 5x1,9 см. Золото. Техника перегородчатой эмали.
Коридор №2. Храм Окса.

Рис. 16. Ножны кинжала-акинака.
Лев, держащий в лапах маленького оленя и внизу изображение хищника и головы козла. Размеры: 27,6х13 см.
Слоновая кость. Коридор № 2. Храм Окса.

Рис. 17. Пластина с изображением поминального банкета.
Слоновая кость. Размеры:
7,4x5,7 см. Храм Окса.

Рис. 18. Фрагмент верхней
части большого горшка с
изображением змеи в короне.
Керамика. Храм Окса.

2. Этнические процессы в I в. н.э. – III в. н.э.

Политическая ситуация в Средней Азии во II в. до н.э. была сложной. Она во многом определялась враждой между Парфией и Греко-Бактрией, а также внутренней нестабильностью в самой Греко-Бактрии, вызванной борьбой за власть. Непокойная обстановка была и на подступах к Средней Азии, где шла борьба за лидерство между кочевниками. Одними из участников этой борьбы были хунны и юэчжи. Последние под натиском хуннов около 165 г. до н.э. разделились на две ветви больших и малых юэчжей. Малые юэчжи откочевали в Южный Синцзянь, а большие юэчжи двинулись на запад – к границам Средней Азии.

Греко-бактрийским царям приходилось воевать не только с парфянами, но и с селевкидами, которые стремились вернуть Бактрию в состав своего государства. Учитывая складывающуюся ситуацию, бактрийский царь Эвтидем, ведя переговоры с селевкидским царём Антиохом III, аргументировал свои предложения о мире тем, что «на границе стоят огромные полчища кочевников, угрожающие нам обоим, и если только варвары перейдут границу, то страна, наверное, будет завоёвана ими»

Большие юэчжи во время своего движения на запад столкнулись с саками и усунями. Первых из них они победили, но в конечном итоге были разбиты усунями и, спасаясь от них, вторглись в пределы Средней Азии, атаковали Парфию и Бактрию. Несмотря на то, что в борьбе с кочевниками погибли парфянские цари Фраат III и Артабан II, Парфия отстояла свою независимость. «Бактрийцы же, ведя непрерывно то одну, то другую войну, потеряли не только царство, но и Свободу» По сообщению Страбона, в завоевании Бактрии участвовали пришедшие с правого берега Сырдарьи асии, пасианы, тохары и сакарауки Юстин сообщил о том, что Бактрию завоевали скифские племена сакарауков и асианов В китайских письменных источниках кочевники именуется юэчжами. В «Хоухань-шу» говорится о том, что, завоевав Бактрию, они разделились на пять княжеств, одним из которых было Гюйшуань. Исследователи считают, что эти важные для Бактрии события произошли около 136 г. до н.э. «По прошествию с небольшим ста лет гуйшунский князь Киоцзюкю (Куджула Кадфиз) покорил прочих четырёх князей и объявил себя государем под названием Гуйшунского (Кушанского)».¹ Если опираться на эти сведения, то образование Кушанского царства следует отнести к I в.

---

¹ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М. – Л., 1950. - Т. 2. – С. 184.

н.э. Период между крушением Бактрии и образованием Кушанского царства исследователи именуют юэчжийским, он характеризуется некоторым упадком экономической жизни и культуры в стране. Прекращается жизнь в таком мегаполисе, как Айханум.¹ Во время завоевания разграблению подвергся храм Окса, раскопанный на Тахти Сангине.²

Кушанские цари проводили активную внешнюю политику. При Куджуле Кадфизе были завоёваны Северная Индия и весь Афганистан. При его преемнике, Виме Такту, у парфян была отвоёвана северо-западная часть Бактрии, за что он получил титул «царь царей, великий спаситель».

Были также подчинены центральные районы Индии и Средней Азии. При Канишке I в начале II в. н.э. была завоёвана почти вся Индия. Чтобы контролировать завоёванные земли, царь перенёс столицу в Пешавар. Кушанские цари пытались, правда, безуспешно, подчинить Синьцзян. Но и без него Кушанское царство было одной из крупнейших держав того времени наряду с Римом и Китаем. Ядром его была Бактрия.

Во время археологических раскопок, ведущихся на территории Средней Азии, получен огромный материал, характеризующий культуру кушан. Процесс урбанизации, начавшийся ранее, продолжался в первые века нашей эры. Были возрождены эллинистические мегаполисы Бактры, Дильберджин в Южной Бактрии, Яванское и Душанбинское городища, Старый Термез, Дальверзинтепа в Северной Бактрии.³

Возникают и новые города – иногда на месте крепостей греко-бактрийского периода, расположенных в стратегически важных пунктах, в частности, у речных переправ. Это Калаи Кафирниган, Кампыртепа.⁴

Образование Кушанского царства привело к стабильности в его пределах, развитию экономики и культуры. Основой экономики было сельское хозяйство. Расширялась ирригационная сеть,⁵ возделывались целинные массивы земель, таких, например, как Яванская долина в Южном Таджи-

---

¹ Bernard P. Fouilles d'Aï Khanoum. T. I. – Paris, 1973 (MDAFA, t. 21).

² Литвинский Б. А., Пичилян И. Р. Эллинистический храм Окса. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М., 2000. – Т. 1.

³ Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М., 1977. – С.84-95.

⁴ Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1976 г.) // АРТ. – Душанбе, 1982. Вып. XVI (1976 г.). – С.106-135; Ртвеладзе Э. В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002-2006 гг. // МТЭ. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. – Ташкент, 2008. Вып. 5. – С. 3-12.

⁵ Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // СНВ. Вып.10.-М., 1971.-С. 37-57; Gentelle P. Irrigation antiques en Bactriane du nord, les inférences historiques // La Bactriane au Carrefour des routes et civilisations de Asie centrale.-Paris, 2001.-P. 163-183.

кистане. Перечень возделываемых культур был значительным. При раскопках на Шодмонкале в Бешкентской долине были найдены тарные сосуды с обгоревшими зёрнами риса, маша, пшеницы, гороха,¹ культивировались садовые и бахчевые культуры. Судя по находкам во время раскопок костей домашних животных, развивалось и животноводство, которое было стойловым и отгонным. На базе местных сырьевых источников развивалось металлургическое производство. Производилась разнообразная ремесленная продукция из железа, меди, бронзы, олова. Из железа изготавливались предметы вооружения, сельскохозяйственные орудия, из меди и бронзы – украшения и предметы туалета, чеканились монеты.

Развитым было керамическое производство. Керамика изготавливалась по стандартам своего времени и была отличного качества: тщательно формовалась на гончарном круге, покрывалась плотным ангобом, обжигалась в печах при высокой температуре. Прекрасные её образцы, в частности, найдены при раскопках Тупхоны в Гиссарской долине.² Её морфология и орнаментика хорошо узнаваемы, и она является важным компонентом материальной культуры кушанского времени.³ Судя по многочисленным находкам каменных и керамических пряслиц, было развито и ткачество. Об уровне ювелирного искусства дают представление украшения, найденные при раскопках царских захоронений в Афганистане,⁴ из клада, найденного на Дальверзинтепа.⁵

Подъём экономики способствовал развитию торговли, большую роль в которой сыграл Великий шёлковый путь. Кушанские купцы привозили из Египта украшения и амулеты из фаянса, значительное их количество найдено на Тупхане.⁶ При раскопках Каписы (современный Баграм) были найдены импортные стеклянные кубки с художественными цветными изображениями.⁷ Из Гандхары в Бактрию привозились каменные блюда

---

¹ Седов А. В. Кобадан на пороге раннего средневековья. - М., 1987. – С. 36-39.

² Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. – М., 1984. – С. 64-77; Табл. VI-VIII.

³ Болелов С. Б. Керамика эпохи Великих Кушан на территории Бактрии (конец I-первая половина II в. н. э.). Традиции и инновации // Культура, история и археология Евразии. – М., 2009. – С. 57-100; Пидаев Ш. Р. Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. – М., 1984. – С. 118-124.

⁴ Sarianidi, 1985.

⁵ Pougatchenkova G. Les Tresors de Dalverzine Tepe. – L., 1978; Лунева В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. – Ташкент, 2005.

⁶ Шеркова Т. А. Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). – М., 1991. – С. 62-103; Литвинский Б. А., Седов А. В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. - М., 1984. – С. 58-64; Табл. V.

⁷ Anboyer, 1968, Abb. 14-16.

с рельефными изображениями.¹ Судя по находкам в Средней Азии римских монет, Кушаншахр торговал с Римом.

Процветанию торговли способствовала развитая денежная система. К настоящему времени известны многочисленные находки кладов и одиночных монет не только в границах Кушанского царства, но и далеко за его пределами. На раннем этапе денежного обращения чеканились медные и серебряные монеты. При Виме Кадфизе в обращение была введена золотая монета.²

Высокого уровня развития в кушанский период достигли архитектура, фортификация и строительное дело. Города строились по заранее продуманному плану, их внутреннее пространство делилось на кварталы, коммуникации имели чёткую структуру. В городах имелись цитадели с резиденциями правителей. По мнению Б.А. Литвинского, кушанский город «выступает в единстве среднеазиатско-эллинистическо-римско-индийского синтеза».³ Для знати возводились роскошные дворцы с большим количеством различных помещений – они раскопаны в Саксанохуре и Дильберджине.⁴

Важной составляющей культуры кушанского периода была письменность. Открытие в 1957 г. большой надписи в Сурх Котале показало, что она написана бактрийским языком.⁵ О том, что бактрийский язык и письменность стали в Бактрии основными после реформы Канишки, свидетельствует рабатакская надпись, выбитая по его приказу. В ней царя величают Великим спасителем, Праведным, Справедливым, Автократором, Богом; он издал эдикт по-гречески и затем переложил его на арийский (бактрийский) язык. Речь в эдикте идёт о строительстве и украшении храма, посвящённого самому Канишке и его предшественникам – прадеду Куджуле Кадфизу, деду Виме Такту и отцу Виме Кадфизу.⁶

---

¹ Francfort H. P. *Les palettes du Gandhara*. – Paris, 1979.

² Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. – М., 1979; Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – С. 149-229.

³ Литвинский Б. А. Кушанский город. Индийско-среднеазиатские параллели // *Древний Восток и мировая культура*. – М., 1981. – С. 121-123.

⁴ Литвинский Б. А., Мухитдинов Х. Ю. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // *СА*. 1969. № 2. – С.160-178; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин (раскопки 1970 – 1973 гг.). – М., 1977. Ч. 2. – С. 5-48.

⁵ Лившиц В. А. Кушаны: письменность и язык // *Центральная Азия в кушанскую эпоху*. – М., 1974. – С. 313-321; Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. *Surkh Kotal en Bactriane*. Vol. I-II. – Paris, 1983.

⁶ Sims-Williams N., Cribb J. A. *New Bactrian Inscription of Kanishka the Great* // *Silk Road, Art and Archaeology*. IV. Kamakura, Japan, 1995/96. P. 75-142; Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // *ВДИ*. 1997. № 3. – С. 3-10.

До принятия Канишкой буддизма основной религией жителей Кушанского царства, был зороастризм. Об этом, в частности, свидетельствует перечень богов, изображения которых приказал поместить в храм Канишка. После принятия царём буддизма он широко распространялся в южных областях государства. В Северной Бактрии был основан крупный пещерный комплекс Каратеппа, недалеко от него возвели загородный монастырь Фаязтеппа. В Старом Термезе имелись и другие буддийские сооружения.¹ В Кубадиане раскопан монастырь Уштурмулло.² Из индийских религий исповедовался ещё индуизм, который имел локальное распространение. На государственном уровне поддерживался династийный культ, представление о котором дают династийные храмы Индии. В Северной Бактрии династийным храмом был Халчаян, открытый и раскопанный Г.А. Пугаченковой в Денауском районе. В храм были помещены скульптуры действующих правителей и их предшественников.³ По времени он, видимо, самый ранний из сооружений подобного рода.

В Южной Бактрии французскими археологами в местности Сурх Котал раскопан храм «Канишки Победителя». Он возведён на высокой кирпичной платформе, на которую вела трёхмаршевая лестница. На вершине платформы располагался главный храм, в середине его центрального помещения стоял каменный подиум с колоннами на углах. Храм окружала каменная стена с башнями. Как следует из надписи на каменной плите, найденной при раскопках, со временем он пришёл в упадок и по приказу кушанского царя отстроен заново наместником Ноконзоком. При этом была проведена вода, вырыт колодец с подъёмником для воды. И после этого «весь акрополь стал процветающим». В храмовых помещениях найден алтарь огня, украшенный фигурками птиц, остатки антропоморфных скульптур, среди которых есть статуя Канишки. Некоторые исследователи считают, что строительный комплекс Сурх Котала выполнял две функции – был династическим и храмом огня.⁴

Зороастризм был несколько потеснён пришлыми религиозными учениями, но продолжал исповедоваться. Об этом свидетельствуют многочисленные

---

¹ Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. Материалы и исследования по данным археологии. – М., 1998.

² Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Уштурмулло (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. XXII (1982 г.). – Душанбе, 1990. – С. 255-261.

³ Пугаченкова Г. А. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. – Ташкент, 1966.

⁴ Schlumberger D., Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. Vol. I-II. – Paris, 1983.

ные терракотовые статуэтки Наны-Анахиты, изображения зороастрийских божеств на монетах. Зороастрийским был погребальный обряд. Типичные зороастрийские наусы раскопаны в пригороде Яванского городища – они представляли собой глиняные круглые площадки, окружённые невысокими каменными стенами. Умерших оставляли в центре площадки, их кости затем собирались в хумы. Зороастрийские наусы открыты в окрестностях Тепаишаха в Кубадиане, Дальверзинтепа в Сурхандарье.¹ Часть кочевников, пришедших в Среднюю Азию во II в. до н.э., сохранила привычный образ жизни и хоронила умерших в курганах. В погребальном обряде сохранились традиции, принесённые греками, – это кирпичные и каменные склепы, открытые на Тупхоне и Душанбинском городище².

С религиями тесно было связано кушанское искусство – в это время художники разработали каноны в изображении божеств, сцен поклонения им мирянами. В искусстве тесно переплелись местные, греческие, римские и индийские традиции. В изображении людей художники добились замечательного реализма.

Раскопки М.М. Дьяконова, проведённые на Тупхоне в Гиссарской долине в 1947-1948 гг., дали первые материалы (захоронения типа Ш-А), относящиеся к кушанскому периоду.³ Обработывавший эти материалы В.В. Гинзбург сделал следующие выводы: «Основное население относилось к брахикранному европеоидному расовому типу (тип Среднеазиатского междуречья) и в расовом отношении было совершенно сходно с населением соседней Согдианы. По всей видимости, население обеих стран было в значительной степени родственным». ⁴ Обратившись позже вновь к антропологическим материалам из Тупхоны, исследователь отметил: «Эти черепа европеоидные, большей частью брахикранные. На одном лучше сохранившемся черепе можно было определить тип Среднеазиатского междуречья. На одном черепе женщины отмечена примесь монголоидных черт».⁵

---

¹ Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаи-шах. Культурные связи кушанской Бактрии.-М., 1983.

² Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии.-М.,1984.-С.7-47, 94-96.

³ Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // МИА. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. Т. 1. - № 15. 1950. – С. 154-178.

⁴ Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА. Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. – М.-Л., 1950. Т.1. № 15. – С. 241-250.

⁵ Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1974. – С. 209-223.

Изучая погребения из Душанбинского некрополя, В.В. Гинзбург отметил, что погребённый здесь мужчина относится к европеоидному брахикранным типу, а женщина – к грацильному средиземноморскому типу европеоидной расы.

Суммируя результаты исследований первых антропологических материалов с территории Бактрии, В.В. Гинзбург отнёс население страны в кушанский период к европеоидной расе со значительным преобладанием типа Среднеазиатского междуречья.¹

Антропологические материалы, полученные из раскопок наусов Дальверзинтепа и Ялангуштепа,² дают представление о населении Сурхандарьи в кушанский период. Оно относилось к смешанному типу, состоящему из восточносредиземноморского и матуризованного европеоидного типов.³ При этом шло дальнейшее внедрение скотоводческого населения в земледельческие оазисы. Во время раскопок, проведённых Б. Тургуновым в Айртамском могильнике, были найдены захоронения двух типов: 1) в кирпичных склепах; 2) в подбоях. Кирпичные склепы по своей конструкции аналогичны склепам Тупхоны и также принадлежат оседлому населению Бактрии. Погребения в подбоях, видимо, принадлежат кочевникам, завоевавшим во II в. до н.э. Бактрию.⁴

При раскопках наусов, расположенных у небольшого кушанского города Тепаишах в Кубадиане, был получен антропологический материал, который обрабатывала Т.П. Кияткина. Она отметила, что он «характеризуется признаками европеоидного расового типа, хотя отдельные черепа имеют явную примесь монголоидных черт».⁵

В пещерных кельях и дворовых помещениях буддийского комплекса Каратепа в Старом Термезе и на Чингизтепа были обнаружены массовые захоронения людей, возможно умерших во время эпидемии. Они относятся к позднекушанскому времени и отождествляются предположительно с эфталитами. На некоторых черепах отмечена кольцевая деформация. Большая часть серии характеризуется как европеоидная. Есть и черепа,

---

¹ Там же. - С. 219-223.

² Ртвеладзе Э. Цитадель Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент, 1978. – С. 97-114.

³ Мустафакулов С. И., Ходжайов Т. К. Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии – Тохаристана // ИМКУ. Вып. 26. – Самарканд, 1992. – С. 186-193.

⁴ Тургунов Б. А. Изучение Айртамского могильника // ИМКУ. – Ташкент, 2002. Вып. 33. – С. 113-125.

⁵ Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С. 85-86.

характерные для кочевников-скотоводов Средней Азии.¹

С.И. Мустафакулов, суммируя антропологические материалы, относящиеся к оседлому населению Бактрии кушанского периода, сделал вывод о том, что «основу городского населения составляют антропологические типы, присущие местному более древнему населению... Удельный вес монголоидных элементов у позднеантичного городского населения по сравнению с предыдущим периодом уменьшается. У населения Бактрии – Тохаристана рубежа античности и раннего средневековья превалирует вариант восточно-средиземноморской расы».²

В.Я. Зезенкова изучала антропологические материалы, полученные Л.И. Альбаумом под Термезом, клтлрые датированы II-III вв. Она установила, что эти материалы относятся к двум типам: 1) переходному от средиземноморского к типу Среднеазиатского междуречья; 2) европеоидному средиземноморского типа. В.Я. Зезенкова изучала антропологические материалы и из других памятников кушанского периода Средней Азии: могильника у станции Вревская, Туя-Бугуза, Джартепа под Самаркандом, Афрасиаба, Бухарской области, Северной Ферганы. Все погребённые жители этих регионов, по её мнению, относятся к европеоидной средиземноморской расе или к переходному типу от средиземноморской расы к расе Среднеазиатского междуречья. Материалы из могильника Ширинсай оказались смешанными.³

Кочевому населению Средней Азии принадлежат курганные могильники. Лучше всего они изучены в Северной Бактрии, в тех местах, где у кочевников были зимовки. Три кушанских могильника (Тулхарский, Аруктауский и Коккумский) находятся в Бешкентской долине, четвёртый могильник (Коккумский) изучался на юго-востоке Туркмении. В могильниках курганы делятся на отдельные группы, они имеют невысокую

---

¹ Мустафакулов С.И. Антропологические исследования на Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане, 2001 год. – Ташкент, 2002. – С. 112-117; Мустафакулов С.И. Новые антропологические материалы из Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане, 2002 год. – Ташкент, 2003. Вып. 3.– С. 113-115; Мустафакулов С.И. Антропологические исследования в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане, 2003 год. – Ташкент, 2004. – С. 129-131; Мустафакулов С.И., Ходжайов Т.К. Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии – Тохаристана // ИМКУ. – Самарканд, 1992. Вып. 26. – С. 186-193.

² Мустафакулов С.И. Население Бактрии – Тохаристана в эпоху античности // ИМКУ. – Самарканд, 1998. Вып. 29. – С. 47-53.

³ Зезенкова В. Я. Некоторые краниологические материалы кушанского времени в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1974. – С. 226-236.

насыпь диаметром 3 – 4 м, состоящую из лёсса и камней. В общей сложности А.М. Мандельштамом раскопано более 500 погребений. Большая часть людей похоронена в могилах с подбоем. Обряд погребения стандартный: погребённые лежат на спине в вытянутом положении, головой на север. Их сопровождает погребальный инвентарь, состоящий преимущественно из керамических сосудов, железных предметов вооружения, украшений и бытовых вещей.

В некоторых погребениях найдены монеты – серебряные оболы, чеканенные в подражание оболам Эвкратиды, есть один обол Герая. В большинстве погребений находились кости барана. Значительная часть погребений оказалась ограбленной. А.М. Мандельштам датировал могильники II в. до н.э. – II в. н.э. Исходя из ранних датировок, он относил могильники к тем кочевникам, которые завоевали в это же время и Индию. Эту идею он вынес на обложку одной из своих монографий, но детальное изучение материалов из могильников позволило датировать их до IV в. н.э., что исключает версию исследователя о том, что в могильниках похоронены будущие завоеватели Индии. Об этом говорит и количество погребений в могильниках: Аруктауский – 283 кургана, Бабашовский – 345 курганов, Тулхарский – 348 курганов, Коккумский – 120 курганов. Скорее всего, это были кочевники, участвовавшие в завоевании Бактрии, оставшиеся в ней и довольно долго ведшие привычный образ жизни. А.М. Мандельштам пытался идентифицировать погребённых в изучаемых им могильниках кочевников с конкретными племенами (в частности, с сарматами), но из-за некоторых различий в материальной культуре отказался от этой идеи, ограничившись выводом о том, что «кочевники, появившиеся в последней трети II в. до н.э. на территории Бактрии, были пришельцами из азиатской части евразийского степного пояса».¹

Т.П. Кияткина, изучавшая краниологические материалы Тулхарского могильника, в отличие от А.М. Мандельштама, не сомневалась в том, что тулхарцы относятся к «широкому сарматскому пласту населения, известного на территории от Южного Поволжья до Семиречья... Незначитель-

---

¹ Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. – М.-Л., 1966. Т. V. - № 15; Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1974. – С. 190-197; Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1975.

ные отличия, как нам кажется, указывают на большую европеоидность тулхарцев».¹ По её мнению, погребённые в Тулхарском могильнике кочевники принадлежат к европейскому типу, монголоидная примесь в них незначительная, они представляют собой значительную группу совершенно нового населения, связанного по своему происхождению со степью.² Она же уточнила, что в серии черепов Тулхара есть два антропологических типа: 1) европеоидный, сходный с типом, именуемым андроновским; 2) европеоидный, сходный со средиземноморским – это тип известен и у усуней. Среди женщин отмечается примесь монголоидных признаков к основному европеоидному типу.³

Другой известный антрополог, Т.К. Ходжайов, также обращался к краниологическим материалам из Северной Бактрии кушанского времени для своих исследований. По его мнению, в первой половине I тыс. н.э. «в регионе у оседлого земледельческого и городского населения по-прежнему превалировал восточносредиземноморский расовый тип. Однако в составе городского населения и в меньшей степени земледельческого с конца I тысячелетия встречался и другой европеоидный тип... Этим расовым типом характеризовалось в основном скотоводческое население Северной Бактрии рубежа нашей эры». Исследователь также установил, что «в период античности кочевые племена проникали в городскую среду, в эпоху средневековья – в сельскую».⁴ В первые века нашей эры у части населения региона начала формироваться раса Среднеазиатского междуречья.⁵

С.И. Мустафакулов посвятил специальное исследование антропологическому составу населения Бактрии кушанского периода. По его мнению, «состав городского населения в это время был неравномерный. Население Ялангуштепа (Сурхандарья) европеоидное с вариантами средиземномор-

---

¹ Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976. – С. 112-114.

² Кияткина Т. П. Краниологические материалы из курганных могильников Северной Бактрии // Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1975. – С. 202-212.

³ Кияткина Т. П. Погребения кочевников кушанского времени на правом берегу Амударьи (Антропологические материалы) // Центральная Азия в кушанскую эпоху. – М., 1974. – С. 237-243.

⁴ Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана.-Ташкент, 1980. -С. 149-152.

⁵ Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент, 1986. – С. 93-100.

ской расы, у него отсутствует затылочная деформация, характерная для скотоводов северных областей. Население, оставившее погребения в Тупхоне и Тепаишахе, смешанное – вариант расы Среднеазиатского междуречья. Появляется монголоидность, встречается лобно-затылочная деформация, характерная для скотоводческого населения...

Комплекс европеоидных черт кочевников отличает их от городского и сельского населения Северной Бактрии. Расовый субстрат антропологического типа земледельцев составляют различные варианты средиземноморской расы, которые были представлены у местного населения эпохи бронзы и раннего железа. Антропологический тип кочевников сближается с носителями андроновско-тазабагьябской культуры эпохи бронзы и степными племенами сако-усуньского периода... Но наибольшее сходство обнаруживается с населением низовьев Сырдарьи, относимым к приаральским сакам».¹

Масштабные раскопки курганных могильников предкушанского и кушанского периодов (Лявандакского, Шахривайронского, Кизилтепинского, Хазаринского, Куюмазарского) проводил О.В. Обельченко. Он разделил курганы на две группы: первая датируется II-I вв. до н.э., вторая датируется I-IV вв. н.э.

Большая часть погребений первой группы подбойного типа, меньшая – катакомбная. Захоронения одиночные, сопровождалась погребальным инвентарём; железными предметами вооружения, керамикой, украшениями. Во второй группе погребальные сооружения также подбойные и катакомбные; в отличие от захоронений первого типа в них отсутствует оружие, есть только керамика и украшения. О.В. Обельченко связал захоронения первого типа с племенами, вторгшимися в Среднюю Азию с севера – сарматами.²

Краниологический материал из Бухарского оазиса в целом небольшой, его обрабатывала В.Я. Зезенкова. По её мнению, все они европеоидного типа, разных вариантов расы Среднеазиатского междуречья.³

---

¹ Мустафакулов С.И. Население Бактрии – Тохаристана в эпоху античности // ИМКУ. - Самарканд, 1998. Вып. 29. – С. 47-57.

² Обельченко О.В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974. – С. 202-209.

³ Зезенкова В.Я. Некоторые краниологические материалы кушанского времени в Средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974. – С. 226-236.

В Приаралье в кушанскую эпоху местное население относилось «ближе к средиземноморскому расовому типу. Что же касается усуней Тянь-Шаня, Алая и Семиречья, то у них шёл переход от андроновского расового типа к типу Среднеазиатского междуречья с небольшим, большей частью диффузным, наслоением черт монголоидной расы». У усуней Семиречья, как и у уге, монголоидная примесь несколько больше, чем у усуней Тянь-Шаня. Для памирских саков был характерен европеоидный – средиземноморский расовый тип.¹ По мнению Б.А. Литвинского, они также участвовали в завоевании Бактрии.²

Таким образом, если суммировать приведённые выше материалы относительно этногенетических процессов, протекавших в регионах Средней Азии в кушанский период, можно сделать следующие выводы. В древности жители южных регионов, относящиеся к восточносредиземноморской расе, переселялись на север Средней Азии. В период юэчжийского завоевания носители другого европеоидного типа с небольшой монголоидной примесью начали проникать в среднеазиатские регионы с севера и северо-востока. Кочевники селились в основном в городах, часть из них вела привычный образ жизни, занимаясь отгонным скотоводством. В результате взаимосвязей оседлого и пришлого населения начала формироваться раса Среднеазиатского междуречья. Сельское население в этом процессе не играло активной роли и сохранило древний расовый тип.³

Что же касается Бактрии – ядра Кушанского царства, то её коснулись те же тенденции. Проникновение монголоидов в её пределы «решающего значения... не имело, и основной расовый тип оставался тем же – европеоидный, мезо-брахикранный со средними размерами и средними указателями мозгового и лицевого отдела, тип Среднеазиатского междуречья».⁴

---

¹ Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974. – С. 219-223.

² Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972. – С. 187-193.

³ Мустафакулов С.И., Ходжайов Т.К. Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии – Тохаристана // ИМКУ. - Самарканд, 1992. Вып. 26. – С. 186-193.

⁴ Кияткина Т. П. Формирование антропологического облика населения Таджикистана. - М., 1964. – С. 1-9.

3. Предки таджиков в раннем средневековье (IV–VIII вв.)

Бурные политические события, протекавшие на территории Средней Азии в III–IV вв., привели к крушению Кушанского царства. Со временем в его бывших пределах образовались независимые государства: Хорезм, Согд, Тохаристан, Фергана. Эти государства к раннему средневековью разделились на отдельные, фактически самостоятельные владения. Буддийский паломник Сюань Цзан, посетивший Среднюю Азию в 639–645 гг., отмечал, что Согд включал Самарканд, Кобудан, Иштихан и Маймург, в долине Кашкадарьи – Кеш, Нахшеб, Бухарский Согд, Бухару, Пайкенд и Вардану.¹ Тохаристан делился на 27 владений: Термез, Чаганиан, Шуман, Кубадиан, Вахш и другие расположенные в речных долинах.²

Политико-административные изменения, происходившие в Средней Азии, совпали с активными этническими передвижениями, вызванными великим переселением народов, повлиявшим на этногенетические процессы в регионе. Для их изучения есть необходимые материалы: данные письменных источников, археологии, антропологии и этнографии. Количество их неравноценно применительно к Тохаристану: в частности, мало антропологических, но много археологических материалов. В связи с этим, важно замечание Б.А. Литвинского о том, что «археологические источники, которые содержат богатый материал... в этническом плане разработаны лишь частично...».³

Представляется, что накопленный археологический материал может быть соотнесён как с коренным населением Среднеазиатского междуречья, так и с пришлым населением, к которому исследователи относят хионитов, кидаритов, эфталитов, тюрков.

Сведений о хионитах сохранилось мало. Известно, что они были вынуждены участвовать на стороне Шапура II в войне с Римом. В 359 г., по сообщению Аммиана Марцеллина, хиониты участвовали в сражении иранского войска, возглавляемого шаханшахом, у стен сирийского города

---

¹Маршак Б.К. вопросу о восточных противниках Ирана в V в.//СНВ.- М.,1971.Вып.Х-С.50-76.

² Beal S. Buddhist records the western World. – Dehli, 1981. – P. 40-41; 292-296.

³ Литвинский Б. А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект)//Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Общие проблемы. -М., 1990.- Вып. 1. – С. 21-41.

Амиды. Предводителем хионитов был их вождь Грумбат. «Новый царь хионитов, человек средних лет, уже покрытый морщинами, правитель выдающегося ума и прославленный множеством побед. Вместе с ним был его сын, красивый юноша, который пал в бою» В конце 60-х – середине 70-х годов IV в. Шапур II совершил поход на восток и воевал с кушанами, при этом он потерпел поражение. Исследователи полагают, что под названием «кушаны», видимо, скрываются хиониты, сумевшие освободиться от иранской зависимости.¹

Часть исследователей полагает, что первоначально хиониты обитали в северной части Приаралья.² В древности значительную часть этого региона населяли носители джетысарской культуры. Начиная с середины I тыс. до н.э., сюда начали мигрировать жители Южной Сибири, Алтая, Урала. По мнению Л.М. Левиной, наиболее значительные миграционные волны были в конце I – начале VI в., в конце VI–VII вв. и в VIII в.³ Во время раскопок, проводившихся в Приаралье, выяснилось, что в III–IV вв. значительная часть джетысарских памятников погибла в огне пожаров. Очевидно, эти события были связаны с вторжением в Приаралье новых волн кочевников-хионитов. Отсюда они ушли на юг Средней Азии, пройдя через Согд.⁴ В конечном итоге хиониты осели на территории Северного Афганистана и сделали своей столицей Бактры.

А.М. Мандельштам связывал с хионитами совершённые по обряду кремации захоронения, обнаруженные им в насыпях курганов кушанского времени в Бешкентской долине Кобадияна.⁵ С.Б. Болелов, изучавший среднеазиатские погребения, совершённые по обряду кремации, предположил, что захоронения могильника Лоилоган, расположенного в Юго-Западном Узбекистане, принадлежат населению, пришедшему из Минусинской котловины и с территории Тывы – хионитам.⁶ Семь каменных оградок этого времени раскопал Х. Дуке, обнаруживший внутри них, на

---

¹ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история.- М., 1972. – С. 196.

² Гумилёв, Л. Н. Эфталиты и их соседи // ВДИ. – 1959. – №1. – С. 129-140; Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.,1962. – С. 200.

³ Левина, 1996. – С. 374-375.

⁴ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – С. 195-198.

⁵ Мандельштам А. М., Некоторые данные о памятниках кочевого населения Южного Туркменистана в античную эпоху//Известия АН ТССР, СОН, 1963. – С. 89-92.

⁶ Болелов С.Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии//РА, 1994. №4.

глубине 35-50 см от поверхности, золу. Он датировал оградки VI–VII вв.¹ По мнению Н. В. Пигулевской, на связь хионитов с гуннами указывают данные ономастики.²

О кидаритах тоже сохранилось очень мало информации. Думается, что сведения, которые содержатся в «Бейши», являются достоверными. Согласно им, кидариты были потомками больших юэчжей, завоевавших во II в. до н.э. Бактрию. Жили они на территории Восточного Туркестана. «Владелец больших юэчжей имеет пребывание... по смежности с жу-жанцами на севере, отчасти терпел нападения от них, почему перенёс свой двор далее на запад на 2100 ли от Фудиши. После чего храбрый юэчжийский государь Цидоло напал на Северную Индию и покорил пять государств, лежащих от Гантало к северу».³ В данном случае речь идёт о вожде кидаритов князе Кидаре, который завоевал владения Кушан в Южной Бактрии, а затем покорил территорию, расположенную к северу от Гандхары.

Мнения исследователей о времени этих событий разделились. В частности, К. Еноки полагал, что они датируются V в., а правление Кидары в Пешаваре он отнёс ко времени до 451 г.⁴ А. Бисвас, основываясь на данных индийских письменных источников, датировал завоевание Гандхары Кидарой после 388г.⁵ Вероятно, большая часть кидаритов осела в Северо-Западной Индии. Как и хиониты, кидариты воевали с Сасанидами, дойдя до Гургана.⁶ Присутствие кидаритов в Средней Азии пока не выявлено, хотя К. Еноки считал, что они объединили под своей властью не только Гандхару, но и Тохаристан. С.К. Кабанов, занимавшийся локализацией столицы кидаритов, пришёл к выводу о том, что она располагалась на месте городища Еркурган в долине Кашкадарьи, а не Балха.⁷ Эту идею под-

---

¹Дуке Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.3. - Л.,1975.

²Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. - М.-Л., 1941. - С. 36.

³Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л., 1950. - Т. I, II. - С. 264; Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск, 1989. - С. 76.

⁴Enoki K. On the Date of the Kidarites // Memoires of the research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library). - Tokyo, 1969. - № 27. P.2.

⁵Biswas A. The political History of Huns in India. - Dehli, New Dehli, 1977. P.50.

⁶Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в.-С. 58-66.

⁷Кабанов С. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III- VII вв.).-Ташкент,1977.- С.144.

держал Л.Н. Гумилёв¹, но широкого признания она не получила.

Что же касается этнической принадлежности кидаритов, то нужно иметь в виду их идентичность с юэжками. Их этноним происходил от имени царя Кидары.

Наиболее важную роль в этногенезе таджикского народа сыграли эфталиты. Они были известны современникам лучше, чем хиониты и кидариты. В сирийских источниках их называли *абдел* и *эпталит*, в армянских – *хептал*, *идал*, *тетал*, в среднеперсидских – *ефтал* и *хайтал*, в китайских – *е-да*. Э. Шаванн полагал, что их родовое имя происходит от имени царя.² Прокопий Кессарийский, характеризуя эфталитов, писал: «Хотя эфталиты народ унского происхождения, но они не смешаны и не сносятся с известными нам уннами, ибо ни смежной области у них нет, ни вблизи от них не живут... Изо всех уннов они белы телом и небезобразны лицом, образом жизни они также не похожи на других уннов и не живут, как те, по-скотски, но состоят под управлением одного царя, составляют благоустроенное гражданство, наблюдая между собой и соседями справедливость не хуже римлян или кого другого».³

В хронике Захара Ритора сообщается о том, что эфталиты, как и другие кочевые народы, «живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием».⁴

Характеристика, данная эфталитам Прокопием Кессарийским, позволяет отнести их к европеоидам. Это подтверждают их изображения на резных, геммах, происходящих из Афганистана и Северо-Западной Индии,⁵ а также на монетах Гатфара (Гатифара), вождя эфталитов в период их войны с тюрками в VI в. Часть их найдена на территории Согда.⁶

Эфталиты стали реальной военной силой в борьбе с сасанидской оккупацией Средней Азии. Крупное поражение от них иранское войско по-

---

¹ Гумилев Л.Н., 1959. – С. 135.

² Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux. Recueilles et commentes par Ed. Chavannes. St-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6). Р.158.

³ Прокопий Кессарийский. История войн римлян с персами/ Пер. с греч. С. Дестуниса. – СПб., 1876. – С. 10.

⁴ Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.-Л., 1941. – С. 165.

⁵ Callieri P. Huns in Afghanistan and the North-West of the Indian Subcontinent: the gliptic evidence // Coins, Art and Chronology. – Vienna, 1999. – P.274-291.

⁶ Ртвеладзе Э. В. Монеты Катфара / Гатфара-предводителя эфталитов // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2004. Вып. VII. – С. 106-109.

терпело во время похода Йездигерда на восток в 453-454 гг. Преследуя иранцев, эфталиты вторглись в пределы сасанидской державы и произвели там опустошения. Эфталиты помогли Перозу во время его борьбы за иранский престол, затем они воевали с самим Перозом, поддерживали его преемника Кубада (484-533) в его борьбе за престол с братом Джамаспом. Следы завоеваний эфталитов в Средней Азии фиксируются во время археологических раскопок памятников. Тогда в Тохаристане оказались заброшенными города Зартепа, Гаравкала, Дильберджин, многие сельские поселения. В долине Сурхандарьи из 13 изученных поселений 8 были в явном упадке. В Бешкентской долине после походов эфталитов жизнь продолжалась в 1 из 6 поселений.

После завоевания Средней Азии эфталиты начали оседать в долинах, селиться в городах. Тюркские посланники на вопрос византийского императора: «Как жили эфталиты: в городах или селениях?» – ответили: «Это племя, государь, живёт в городах». Часть эфталитов осталась жить на своих исконных землях и вела привычный образ жизни, поэтому Сон Ю, посетивший в 519 г. Вахан, назвал его Страной эфталитов. В главе 97 «Бейши» говорится о том, что «столица государства Тухоло находится к западу от Памира на расстоянии 500 ли. Жители проживают вперемешку с еда (эфталитами). Столицей эфталитов были Бактры. Царь жил в ней в зимнее время, жаркое время года он проводил в коренных своих землях».¹

Имеется несколько гипотез о происхождении эфталитов. С.П. Толстов считал, что в низовьях Сырдарьи на основе местных и пришлых компонентов сложилось хионитско-эфталитское государство и сформировалась новая культура.² А.Н. Бернштам, с учётом этого, полагал, что «северная группа племён гуннов (к которым, быть может, следует отнести джунскую культуру Ташкентского оазиса, отчасти Кенкол) скрещивается с сарматами – иранским населением Сырдарьи». Исследователь выдвинул и свою идею о том, что «скрещение гуннов с кумедами на юге Чон-Алая и сармато-аланами на Сырдарье, создаёт два центра образования эфталитов».³

К.В. Тревер согласна с мнением С.П. Толстова о том, что «эфталиты,

---

¹ Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. - Новосибирск, 1989. -С. 68.

² Толстов С. П., 1959. – С. 200.

³ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. - 1952. - № 26. – С.144.

как и хиониты, на раннем этапе своего развития подверглись незначительному смешению с гуннами».¹ Н. Пигулевская связывала эфталитов с белыми гуннами, отдельные группы которых стали известны под названиями, «эфталиты, кидариты». А.М. Мандельштам, как и Р. Гиршман, отождествлял эфталитов с хионитами, полагая, что эфталиты во время существования их государства «в значительном количестве обосновались на территории Бадахшана, где продолжали вести кочевой образ жизни».² К. А. Иностранцев и Б. А. Литвинский полагали, что в сложении эфталитских племён существенную роль сыграло население предгорных районов Ферганы, хоронившее своих родственников в курумах и курганах³ Е.Е. Неразик пришла к выводу о том, что эфталиты представляли собой конгломерат племён, находившихся примерно на одинаковом уровне социально-экономического развития, но разнородных по происхождению, а также различных в этническом и языковом отношениях. Весь этот этнический конгломерат стал называться именем правящего рода.⁴ А. Ю. Якубовский считал эфталитов потомками геродотовых массагетов⁵, а Б.Г. Гафуров пришёл к выводу, что вопрос о месте сложения эфталитов не может быть решён окончательно. Что же касается этнической принадлежности, то здесь картина более ясная. Эфталиты сложились на базе каких-то среднеазиатских восточноиранских по языку племён с определённой примесью тюркских этнических элементов.⁶

К. Еноки, проанализировавший китайские источники, выдвинул бадахшанскую теорию происхождения эфталитов. Он помещал их в области Ги-мо-та-ло в Западном Бадахшане – основанием для этого послужил топоним «Яфталъ», «Ефталъ», сохранившийся до наших дней в провинции Бадахшан на берегах реки Пяндж.⁷ Сторонником бадахшанской теории происхождения эфталитов был и Л.Н. Гумилёв. Как и К. Еноки, для обос-

---

¹ Тревер К. В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV-VII вв. // СА. – 1954. – Вып. XX. – С.144.

² Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. – 1954. – Вып. XX. – С. 62.

³ Якубовский А. Ю., 1955. - С. 104.

⁴ Неразик Е.Е. Предки таджикского народа в IV-V вв. н. э.// ИТН.-М., 1963.-Т. 1.-С. 419-420.

⁵ Якубовский А. Ю., 1955. - С. 104.

⁶ Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – С.210.

⁷ Enoki K. On the Nationality of the Hephthalites. The Toyo Bunko (The Oriental Library). – Tokyo, 1959. – № 18. – P.23, 27.

нования своего мнения он привлёк топоним «Яфталъ», «Ефталъ». Он так же полагал, что одним из предков эфталитов было племя Байди, жившее в древности на границе с Китаем. «В кушанское время (I–II вв.) одна из ветвей этого племени Хуа поселилась в долине Ефталъ, получила новое имя йеда (китайское), эфталиты (греческое), хайталь (арабское) от названия долины или от имени первого вождя. В конце IV в. это уже организованное племя и в начале V в. государство с претензией на гегемонию во внутренней Азии и Индии. Такое расширение происходило за счёт объединения всех горных племён Памира и Гиндукуша, что связано с расширением понятия эфталит».¹

Специальное монографическое исследование посвятил эфталитам А. Курбанов, который собрал значительный по объёму материал и привёл мнения исследователей относительно происхождения эфталитов. При этом он пришёл к выводу о том, что «эфталитский период до сих пор остался одним из самых загадочных в истории Средней Азии». Связывает всё это он с малочисленностью археологических материалов и некоторой запутанностью информации в нарративных источниках.² Но в заключении монографии он связывает эфталитов с абдалами, жившими первоначально на северо-востоке Ирана, затем в Ширазе на берегу Каспийского моря. Их потомки, по его мнению, живут в Туркмении, Иране, Казахстане, России, Азербайджане, Турции. Таким образом, он примерно определил границы эфталитского государства.³

Мы также попытались разобраться с происхождением эфталитов. По нашему мнению, они были потомками памирских саков, живших не только в Бадахшане, но и в соседних с ним регионах, там, где прежде обитали саки, в частности в Ташкургане,⁴ в Каратегине.⁵ После поражения, нанесённого им юэзжами во II в. до н.э.,⁶ саки переселились в Бадахшан, поэтому не случайно Сон Ю называл его страной Эфталитов. То, что некоторые авторы связы-

---

¹ Гумилёв Л. Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. – 1967. – № 3. – С. 98.

² Курбанов А. Эфталиты. – СПб., 2006. – С. 30-31; Kurbanov A. The Archaeology and History of the Hephthalites. – Bonn, 2013.

³ Там же. – С. 116-118.

⁴ Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М., 1984. – С. 13.

⁵ Якубов Ю. Я., Муллокандов М. М. Работы Каратегинского отряда (1980 г.) // АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып. XX (1980 г.). – С. 199.

⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. I,II. – С. 151-152.

вали их с гуннами, находит объяснение в том, что гунны произвели своими завоеваниями такое сильное впечатление на современников, что они отождествили с ними некоторых других кочевников.

Время политического возвышения эфталитов – это 456–457 гг., когда они направили первое посольство к китайскому двору. Второе посольство было послано в 507 г., с этого времени до 531 г. в Китай было направлено 13 посольств. Укрепившись, эфталиты приступили к завоеванию обширных территорий в Средней Азии и Северной Индии. Между 473–567 гг. они покорили Согд, совершили в 477–520 гг. походы в Гандхару и подчинили её, между 490 и 509 гг. завоевали Восточный Туркестан. К началу VI в. под властью эфталитов оказалась огромная территория. Й. Маркварт считал ядром эфталитского государства Тохаристан.¹ Как считали исследователи, оно держалось на военной силе. Эфталиты ограничивались сбором податей, не оказывая глубокого воздействия на жизнь находившихся под их властью народов.²

Эфталитское общество было классовым. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что «умерших из богатых домов погребают в каменных склепах, а бедных зарывают в выкопанных могилах».³ Богатые эфталиты носили шёлковые одежды, бедные – шерстяные. Очень строго эфталиты наказывали тех, кто совершал кражу, их ждала смерть. У них была распространена полиандрия.

В середине VI в. образовался Тюркский каганат. При преемнике Бумына, кагане Мухане (553–572), тюрки совершили поход на запад, возглавлял его брат кагана Истеми. В надписи Кюль-Тегина сообщается о том, что Мухан и Истеми расселили свой народ до Темиркапыги (Железных ворот), расположенных на границе Согда и Тохаристана в Байсунских горах.⁴ Уже в 50-е годы между эфталитами и тюрками, чьи отряды подошли к северным границам Средней Азии, начались столкновения, которые переросли в 60-е годы в полномасштабную войну. В «Шахнаме» Фирдоуси говорится о том, что поводом для неё послужило убийство

---

¹ Marquart J. Eranšarch nach der Geographie des Ps Moses Xorenac'i. – Berlin, 1901 (AKGWG. N. F. Bd. 3, № 2). – S. 216.

² Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л., 1941. – С. 79.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. I, II. – С. 286.

⁴ Кляшторный С.Г. Древнетюркские памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964. – С. 143.

членов посольства тюрок, направлявшегося в Иран через территорию Согда. Царём эфталитов был в то время Гатфар (Гатифар). Для борьбы с эфталитами каган Силзибул (552–575) мобилизовал войско, которое встретилось с войсками противника, по мнению Л.Н. Гумилева, в горной местности у Несефа. Но, скорее всего, решающее сражение произошло под Бухарой между 560 и 563 гг. Продолжалось оно восемь дней и закончилось поражением эфталитов. Остатки их войска бежали на юг, вместо Гатфара вождём эфталитов был выбран Фаганиш, правитель Чаганиана.

Из-за дележа эфталитского наследства затем началась война между недавними союзниками – тюрками и иранцами, в результате которой значительная часть Тохаристана была освобождена от иранских войск. После похода Силзибула в Иран в 571 г. южная граница каганата стала проходить по Амударье.¹ Все эти события сопровождались перемещением тюркского населения в Среднюю Азию. Одним из тюркских племён были карлуки. По В.В. Бартольду, они достигли берегов Амударьи в начале VIII в.² В 766 г. тюрки заняли Суяб и сделали его своей столицей, их правители носили титул ябгу. По мнению К. Шаниязова, проникновение карлуков на территорию Тохаристана произошло в середине VII в. или в последней его четверти.³

Этнографические исследования Б.Х. Кармышевой показали, что карлуки широко расселились на территории нынешнего Таджикистана. Так, карлуки, живущие на южных склонах Хисарского хребта, именуют себя тюрк-карлуками. А карлуки Южного Таджикистана, именуют себя каллик-мардум – карлукским народом. Они делятся на многочисленные роды и семейно-родственные группы. В зависимости от региона проживания они называют себя *ромити*, *варзоби*, *бальджувани* и т.д.⁴

Другим тюркским племенем, переселившимся в Среднюю Азию, были халаджи. Они упоминаются в юридических документах из архива правителей владений Роба и Самангана, расположенных на территории Северного Афганистана.⁵ В наши дни халаджи живут в Кубадиане, Афгани-

---

¹ Там же. – С. 20.

² Бартольд В. В. Карлуки. Соч. – М., 1963. – Т. II, ч. I. – С. 35-40.

³ Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-географический очерк). – Ташкент, 1964. – С. 29.

⁴ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). – М., 1976. – С. 81.

⁵ Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ. – 1977. – № 3. – С. 3-10.

стане, Иране. Один из авлодов таджиков в кишлаке Моджурум на Нура-тинском хребте носит название *халач*. Присутствие халаджей в Средней Азии фиксируется в топонимах селений Халадж и Тутхаладжан, расположенных в средней части Зарафшанской долины.¹

Во время визита в Среднюю Азию буддийского паломника Сюань Цзана (639–645 гг.) правителями владений Шумана, Хутгала, Гарма были тюрки. Но это не означает, что население этих владений были тюрками. Таджики, как и прежде, сохраняли полностью свои этнические особенности. Центральный правитель Тохаристана носил титул ябгу, он и удельные правители чеканили бронзовую монету по танским образцам с круглым отверстием в центре. Тюркскому населению принадлежат каменные изваяния, найденные в районе Файзабада и в Обикиикской долине.² Это относится и к лепной керамике, найденной в кроющих слоях при раскопках Калаи Кафирниган.³ С тюркским этносом связывает Э.В. Ртвеладзе появление в долине Шерабад-дарьи лепной с примитивной росписью керамики.⁴

Интересными для характеристики пришлого населения на территорию Северного Тохаристана являются материалы из раскопок курганных могильников Байтудашт I–II в Пянджском районе, проведённых в 1977, 1981 – 1983 гг. А. Абдуллаевым. Могильники – курганные, их насыпь состоит из смоченного водой и утрамбованного лёсса. Диаметр курганов достигает 15-40 м, высота – 3-7 м. Под насыпью идёт камышовый настил. В центре кургана или с небольшим смещением на северо-запад располагается дромос глубиной 2-6,5 м, шириной 2 м. Вход в могильную яму закрывают деревянные жерди или кирпичная стенка. Захоронения были одиночными и коллективными, сопровождалась они богатым инвентарём: железными предметами вооружения, золотыми и серебряными украшениями, кожаными бурдюками с напитками, монетами. К сожалению, курганы были ограблены в древности, при этом силь-

---

¹ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). – М., 1976. – С. 195-196.

² Соловьёв В.С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. – 1985. 2. – С. 246-248; Жуков В. А. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // МКТ. – Душанбе; 1978. – Вып. 3. – С. 120-121.

³ Соловьёв В.С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. – Елец, 1996. – С. 64; рис. 31-35; табл. 2-3.

⁴ Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан в V-VIII вв. // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры, древность и средневековье. – Ташкент, 1990. – С. 134-135.

но пострадали костяки погребённых людей. Антропологические материалы свидетельствуют о том, что пришельцы были монголоидами, погребальный инвентарь позволяет определить их этническую принадлежность – они были гуннами. Датируются пянджские курганы VI–VII вв.¹

По своей конструкции байтудаштские курганы аналогичны гуннским курганам, раскопки которых в 40-е годы прошлого века производил в Тянь-Шане А.Н. Бернштам (могильники Кызарт, Джумгал, Аламышик и др.). В некоторых случаях дромосы здесь были забиты камнями, входы в катакомбы закрывались каменными плитами, жердями.²

Археологические раскопки, ведущиеся на территории раннесредневекового Тохаристана, дают представление о его материальной и духовной культуре и её особенностях. В формировании тохаристанской культуры большое значение имели традиции эллинистической Бактрии. Страна испытала две волны эллинизации, первая из них была связана с завоеваниями Александра Македонского и переселением греков в бактрийский регион. Численность их была довольно значительна. В III-II вв. до н.э. сформировалась эллинистическая культура Бактрии, в которой греческие компоненты играли значительную роль.³ Об этом свидетельствуют материалы раскопок Айханум, Тахти Сангина, Кампыртепа и других памятников.⁴ Влияние отразилось на архитектуре, изобразительном искусстве, верованиях. Большую роль в развитии бактрийской культуры играла письменность, основанная на греческом алфавите; в виде курсива она продолжала использоваться в Тохаристане вплоть до IX в.

Вторая волна эллинизации бактрийской культуры приходится на кушанский период благодаря тесным связям с Римом, культура которого, в

---

¹ Абдуллаев А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1974 г. // АРТ.- Душанбе, 1983.-Вып. XVII (1977 г.).-С. 69-79; Абдуллаев А.Л. Отчёт о работе Пянджского отряда за 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI (1981 г.). – С. 310-324; Абдуллаев А.Л. Работы Пянджского археологического отряда в 1982 г. // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып. XXII (1982 г.). – С. 267-282; Абдуллаев А.Л. Работы Пянджского археологического отряда в 1983 г. // АРТ. – Душанбе, 1991. – Вып. XXIII (1983 г.). – С. 201-213.

² Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. № 26. – С. 60-73.

³ Boardmann J., 1994

⁴ Bernard P. Fouilles d'Аi Khanoum. – Paris, 1973 (MDAFA, t. 21). Т. I-II; Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса. – М., 2000. – Т. 1; Пичикян И. Р. Культура Бактрии. – М., 1991; Ртвеладзе Э. В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыртепа в 2002-2008 гг. // МТЭ. Археологические исследования Кампыртепа и Шортепа. – Ташкент, 2006.

свою очередь, испытала влияние греческой цивилизации. В это же время отношения Бактрии с Индией способствовали распространению буддизма. Взаимодействие культуры Бактрии и Восточной Римской империи развивается в кушано-сасанидский период (IV–V вв.).

Включение Бактрии в состав Сасанидской державы обусловило формирование кушано-сасанидского археологического комплекса, характеризующего материальную и духовную культуру того времени. В повседневной жизни тохаристанцы использовали керамику, декорированную фигурным лощением по ангобу и штамповым орнаментом, костяные закладки с различными навершиями, выточенные на станке пряслица из алебаstra, бронзовую культовую посуду. В торговле использовалась характерная для этого периода монета. Была развита городская культура.¹ В сельской местности появляются небольшие поселения, жителями которых были бывшие горожане. Несколько таких поселений изучал в Кубадии А.В. Седов. По его мнению, «сопоставление синхронных керамических комплексов Согда, Хорезма и Парфии выявляет существенные отличия от тохаристанских».² Сасаниды на завоёванных территориях поддерживали зороастризм, поэтому он был в Бактрии господствующей религией; наряду с ним исповедовался буддизм.

Раннесредневековая культура Тохаристана восприняла традиции кушано-сасанидского периода. В VI в. в ней начинаются изменения, вызванные дроблением страны на отдельные владения и формированием локальных вариантов культуры. Важные изменения произошли в экономике Тохаристана: на смену крупному землевладению полисного типа пришли мелкие и средние владения. Появились замки-донжоны, в которых жили их владельцы – они изображены в сцене свадебного пира живописи Балалыктепа.³ Замки Куевкурган и Джумалактепа украшали скульптура и резное дерево.⁴

Появление замков знаменует собой и зарождение новых классов – землевладельцев-дихкан и зависимых от них крестьян, арендующих землю. Замки

---

¹ Завьялов В. А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). – СПб., 2008.

² Седов А.В. Кобадиян на пороге раннего средневековья. – М., 1987. – С. 115.

³ Альбаум Л.И. Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Правобережного Тохаристана. – Ташкент, 1960. – 228с.

⁴ Аннаев Т. Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. – Ташкент, 1988; Соловьёв В. С. Искусство раннесредневекового Тохаристана. – Елец, 2007.

имели вид двухэтажных донжонов, возведённых на высоких платформах. Это были престижные сооружения, парадные помещения в них были декорированы настенной живописью, резным деревом, глиняной лепниной. Замки в долинах располагались неравномерно: в Вахшской долине открыт один замок – Нижний Уртабоз, в долине Сурхандарьи концентрация замков была очень высокой.

Раннесредневековый город изучался на Кафыркале в Вахшской долине, площадь его равнялась 13 га. Город делился на три части – состоял из собственно города, цитадели с дворцом правителя и пригородных усадеб. В городе имелись крупное общественное здание, храм и бассейн для омовений. Жилые дома были двухэтажными. Раскопаны два дома, один из них принадлежал зажиточному ремесленнику, второй – рядовому горожанину. Находки большого числа медных монет свидетельствуют о развитой торговле.

Сельские поселения изучались в долине Сурхандарьи (Шуробкурган, Яхшибайтепа, Чаянтепа, Дабилькурган). Качество строительных работ в них было хуже, чем в городе; значительная доля экономики носила натуральный характер, монет при раскопках поселений найдено мало.

Изменения происходили и в духовной культуре тохаристанцев. Политика эфталитов в отношении буддизма была различной. В раннее средневековье он пережил новый расцвет. Сообщения паломников Сюань Цзана и Хуэй Чао о широком распространении в стране буддизма подтвердили результаты археологических раскопок – на сегодняшний день раскопаны монастыри Аджинатепа, Хишттепа, храм в Калаи Кафирниган, часовня во дворце правителей области Вахш на Кафыркале.¹ Они богато украшены настенной живописью, глиняной раскрашенной скульптурой. Зороастризм в Тохаристане отошёл на второй план, его следы фиксируются на бытовом уровне его жителей: в почитании огня, животных-фарнов и в погребальном обряде. В Тохаристане исповедовались также индуизм и христианство.

Погребальный обряд совершался по зороастрийским канонам – захоронения в наусах были обнаружены у поселений Шуробкурган и Дабиль-

---

¹ Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. 3-е изд., испр. и доп. - СПб., 2010; Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хишттепа в Ховалинском районе Таджикистана // МАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 17. – С. 12-30.

курган, они были двухкамерными – состояли из погребальной и поминальной камер.¹ Похороненные в наусах люди лежат в вытянутом положении, их сопровождает погребальный инвентарь. Так же похоронены люди в пещерных склепах могильника Биттепа.² Жители поселения на цитадели Дальверзинтепа похоронены в небольших склепах, вырубленных в толще оборонительных стен.³ Гораздо реже встречаются захоронения в оссуариях.

Соседнее государство Согд, также пережило все политические катаклизмы, связанные с великим переселением народов, походами иранских войск, хионитов, эфталитов, тюрок. Что же касается согдийской культуры, то она формировалась на местной почве. Причиной этого было то, что она не испытала сильного греческого влияния. Численность греческого населения здесь была незначительной. Тогда не коснулась вторая волна эллинизации в кушанский период. Всё это и стало причиной того, что к началу раннего средневековья культура Согда имела ярко выраженные особенности. В материальной культуре это наиболее ярко отражает керамика – чашевидные кубки, кувшины с раструбовидным сливом, покрытые красным ангобом. В Согде раньше, чем в Тохаристане, зародились феодальные отношения, соответственно раньше появились замки дихкан. Согдийские замки отличались от тохаристанских замков-донжонов наличием угловых башен для фланговой защиты.

Городская культура Согда изучалась главным образом на примере Пенджикента, равноценного по размерам Вахшской Кафыркале (13 га). Вдоль улиц города располагались различные мастерские с лавками для продажи. В структуру города входили два зороастрийских храма, один из которых был посвящён огню, другой – водной стихии.⁴ Дворец правителя располагался отдельно на естественной возвышенности. За городской стеной находились пригородные усадьбы и некрополь. Пенджикент был тесно связан с сельскохозяйственной округой, которая изучалась Ю. Яку-

---

¹ Ртвеладзе Э.В. Монеты Катфара / Гатфара-предводителя эфталитов // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2004. – Вып. VII. – С. 73-75; Ильясов Дж.Я. Раскопки на северном некрополе Дабилькургана // МТЭ. – Елец, 2011. – Вып. 8. – С. 122-152.

² Ртвеладзе Э.В. 1986. –С. 194-209.

³ Тургунов Б.А. Раннесредневековый могильник на городской стене Дальверзинтепа // Материалы полевых исследований Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). – Ташкент, 2000. – Вып. 3. – С. 30-42; рис. 37-46.

⁴ Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V- VIII вв.).- СПб., 2009.

бовым. Интересные результаты были получены при раскопках поселения Гардани Хисар.¹

Согдийцы использовали в быту письменность, основанную на арамейском алфавите; на согдийском языке написана большая часть документов архива, найденного на горе Муг.² В пределах Согда жители исповедовали разные религиозные верования,³ но большая их часть придерживалась зороастризма. Об этом свидетельствуют монументальные храмы, открытые археологами в разных регионах Согда. В Пенджикенте храмы были посвящены двум стихиям, почитаемым адептами зороастризма, – огню и воде.⁴ Храмы открыты в Кеше при раскопках Ёркургана,⁵ у дороги, ведущей из Самарканда в Пенджикент.⁶ В жилых домах согдийцев имелись капеллы с алтарями огня. Согдийский зороастризм отличался от канонического тем, что основным его ритуалом было возжигание огня перед изображениями богов. Преобладание в Согде зороастризма наложило отпечаток на тематику согдийского искусства, представленного многочисленными образцами настенной живописи Пенджикента со сценами поклонения огню, борьбы добра со злом; культовая скульптура была преимущественно деревянной. В Согде был распространён погребальный обряд, связанный с очищением костей умерших от мягких тканей и помещением их в керамические оссуарии; найдены и захоронения костей в наусах. Светское искусство Согда представлено в сценах, повествующих о подвигах героев, пиров.⁷

С Согдом была тесно связана Уструшана, располагавшаяся в левобережной части Средней Сырдарьи, между Согдом, Худжандом, Ферганой, Чачем и Илаком. В раннем средневековье она входила в состав эфталитского государства и Западнотюркского каганата. В то же время страна обладала некоторой самостоятельностью и управлялась своими царями, носившими титул афшинов. Столицей государства был Бунджикат (городище Калаи Кахкаха I). Вторым городским поселением была Калаи Ках-

---

¹ Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения горного Согда. – Душанбе, 1988.

² Лившиц В. А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб., 2008.

³ Беленицкий, 1954. - С. 27-82.

⁴ Шкода, 2000.

⁵ Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. - Ташкент, 2000.

⁶ Бердимуратов А.Э., Самибаев М.К. Храм Джартепа (к проблеме культурной жизни Согда в IV-VIII вв.). – Ташкент, 1999.

⁷ Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1973.

каха II. Раскопкам подверглась в основном резиденция афшинов, площадь её приёмного зала составляла около 200 м². Второй зал, меньших размеров, был богато украшен настенной живописью и резным деревом. Городская застройка изучена мало.¹

Замок Чилхуджра – двухэтажный донжон с четырьмя угловыми башнями. Помещения первого этажа сохранились хорошо, они имели в основном жилое и хозяйственное назначение. На втором этаже располагались парадные помещения, в декоре которых использовалась настенная живопись. Сухость климата способствовала хорошей сохранности деревянных изделий, в том числе резного дерева.² Замок Уртакурган, видимо, был двухэтажным без фланкирующих башен. Хорошо сохранились помещения первого этажа – зал и хозяйственные постройки. В художественном оформлении замка использовались резное дерево и глиняная лепнина.³ Керамика, найденная здесь, – согдийского типа.

Тирмизактепа входил в систему так называемых караултепа и был караульно-казарменного типа. Вероятно, он был двухэтажным. Узкие помещения первого этажа имели коридорно-гребенчатую структуру, они были хозяйственными. В средние века замок перестраивался.⁴

Уструшанцы были зороастрийцами, поклоняющимися огню и изображениям богов, чьи фигуры вырезаны из дерева. Большую художественную ценность имеет настенная живопись дворца афшинов на Калаи Кахкаха I, тематика которой посвящена борьбе добра со злом с участием богов и демонов. Великолепно по исполнению и резное дерево. О приверженности уструшанцев зороастризму свидетельствуют и захоронения в скальных склепах, вырубленных в толще склонов горы Ширин на высоте 50-60 м от её основания. Захоронения очищенных костей совершали в керамических сосудах и оссуариях, вылепленных из необожжённой глины. Они помещались в нишах и камерах. Входы в склепы закладывались сырцовым кирпичом. Захоронения сопровождалось богатым инвентарём; многие склепы были ограблены в древности.⁵

---

¹ Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. - Душанбе, 1973; Негматов Н.Н. Уструшана // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999. – С. 114-128.

² Пулатов У.П. Чилхуджра. – Душанбе, 1975.

³ Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. – Душанбе, 1973. - С. 7-101.

⁴ Там же. – С.105-134.

⁵ Мирбабаев А.К. О работе Уструшанского отряда в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. –

Обратимся теперь к антропологическим материалам, полученным к настоящему времени на территории Бактрии – Тохаристана, чтобы понять, как протекали здесь в раннем средневековье этногенетические процессы. «В период античности кочевые племена проникали в городскую среду, в эпоху средневековья – в сельскую.¹ В первые века нашей эры у части населения Северной Бактрии начала формироваться раса Среднеазиатского Междуречья».²

Несколько иной была ситуация в раннем средневековье в Тохаристане. С. Мустафакулов, изучавший антропологические материалы из археологических памятников Сурхандарьи: Дуньётепа, Шуробкурмана, Биттепа, пришёл к выводу, что «городское и сельское население Тохаристана характеризуется различными вариантами европеоидной расы... В то же время постепенно нарастает процесс становления расы Среднеазиатского Междуречья, которая формируется в Тохаристане очень сложно».³

Если же рассматривать этногенетическую ситуацию в Средней Азии в VI–VIII вв. в целом, то здесь следует обратиться к наблюдениям Т.К. Ходжайова: «Раннесредневековое население Средней Азии в антропологическом отношении сохраняет много черт преемственности с местным ираноязычным населением предшествующих эпох. Это прослеживается в Хорезме, Согде, Тохаристане и Маргиане, где сохраняются европеоидные черты. Земледельческое и городское население Средней Азии в основном характеризуется восточносредиземноморским и памиро-ферганским типами. Удельная доля монголоидного элемента в Согде, Тохаристане и Маргиане не существенна».⁴ К этому нужно добавить, что скотоводы в Тохаристане обитали в предгорьях, где были хорошие условия для выпаса скота, а земледельцы и горожане жили в основном в долинах.

Вып. XVI (1976 г.). С. 283-291; Мирбабаев А.К. О работе Куркатского отряда в 1977 г. // АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып. XVII (1977 г.). – С. 256-262; Мирбабаев А.К. О работах Куркатского отряда в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. XVIII (1978 г.). – С. 326-334.

¹ Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. – Ташкент, 1980. – С. 149-152.

² Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент, 1986. – С. 93-100.

³ Мустафакулов С. Население Тохаристана в эпоху раннего Средневековья // ИМКУ. – Ташкент, 2002. – Вып. 33. – С. 303-308.

⁴ Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения раннесредневековой Средней Азии // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы Всесоюзной научной конференции в г. Пенджикенте Таджикской ССР 26-31 августа 1977 г. - Душанбе, 1977. - С. 38-39.

В этой общей картине есть и свои нюансы -это, в частности, касается населения Пенджикента. Антропологические материалы, полученные при раскопках пенджикентского некрополя, оказались очень смешанными. Это касается не только всего населения города, но и отдельных семей, похороненных в одном и том же наусе.¹

По мнению А.К. Мирбабаева, уструшанцы, похороненные в куркатских склепах, были европеоидами.

Суммируя данные источников, можно заключить, что на территории Тохаристана, Согда и Уструшаны как в сельской местности, так и в городах жило преимущественно европеоидное население. В раннем средневековье на территорию Средней Азии пришло тюркоязычное население. Между коренным и пришлым населением существовала хозяйственная интеграция.

Что же касается культурных связей между государствами Средней Азии, то они особенно активно развивались между Тохаристаном и Согдом. Об этом свидетельствуют археологические материалы и слова чаганианского дапирпата Пукар-зате, обращённые к самаркандскому царю Вархуману, о том, что «о самаркандских богах и самаркандской письменности я хорошо осведомлён».

Таким образом, Тохаристан, Согд и Уструшана стали теми регионами, где формирование таджикского этноса в раннее средневековье шло особенно интенсивно, несмотря на войны, междоусобицы и разруху.

4. Этапы этногенеза и формирование этнической общности таджиков

Сложение общности территории таджикского народа – было сложным и противоречивым процессом. Происходило дробление и объединение государств, существовавших до X в. в пределах областей сложения таджиков, завершившихся в итоге образованием централизованного государства Саманидов.

В III-V вв. в период кризиса общинно-государственных отношений к востоку и северу от Сасанидского государства распадаются три крупней-

---

¹ Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. - М.-Л., 1953. – Т. II. МИА, № 37. – С. 64-95; Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда // Тр. Таджикской археологической экспедиции. – М.-Л., 1953. – Т. II. МИА, № 37. – С.157-167.

ших объединения древнего периода Центральной Азии – Кушанская империя, Кангюй и Давань, и на их месте возникает целый ряд небольших владений. На рубеже V–VI вв. большая часть этих владений была объединена в рамках Эфталитского государства, являвшегося сложным конгломератом оседлых и кочевых племен и народностей. Вхождение в Эфталитское государство способствовало усилению связей отдельных владений и сыграло роль в эволюции политического объединения последующих столетий. В 60-е годы VI в. н.э. Эфталитское государство пало под ударами Западнотюркского каганата, в результате чего основные области Средней Азии попали в сферу влияния последнего. В начале VII в. н.э. вновь появился ряд фактически независимых объединений на Зарафшане и Кашкадарье, в Хорезме, Тохаристане и в других районах.

Эфталитское государство и известная политическая консолидация первой половины VII в., вызванная к жизни наличием внешней угрозы, сыграли определенную роль в процессе создания общности территории. Но в конце VII – начале VIII в. эта политическая консолидация постепенно начала ослабевать. Политическая раздробленность весьма облегчила арабам завоевание этого региона.

Некоторую положительную роль в усилении тенденции к объединению Средней Азии и выходе ее на более широкую историческую арену сыграл факт включения Мавераннахра и Хорасана в состав Арабского халифата. Арабские завоеватели застали здесь высоко развитую экономику, богатые научные и литературные традиции и развитое искусство. Несмотря на сугубо отрицательные, разрушительные последствия этого завоевания на первом его этапе, оно позднее имело и ряд положительных последствий. Положительную роль сыграли демократические, уравнилельские тенденции раннего ислама, которые проявлялись в различных народно-еретических течениях. Объединение и взаимовлияние в рамках Халифата различных народов Ближнего и Среднего Востока способствовали расцвету знаний, науки и литературы, творцами которых были представители разных народов. В создании самого Арабского халифата проявилась известная тенденция к государственной феодальной централизации, что впоследствии было успешно использовано местными иранскими династиями¹.

Одним из важных последствий арабского завоевания стала также ликвидация политической раздробленности Хорасана и Мавераннахра. В то

---

¹ Гафуров Б.Г. О причинах возвышения и падения Саманидов. – СВ. – 1958. – № 1. – С. 53.

же время это завоевание и последующее подчинение власти Арабского халифата вызвали к жизни новые внутренние объединяющие силы, особенно ярко проявившиеся в широких народных восстаниях.

Процессу формирования таджикского народа и его государственности способствовало объединение сил в общесреднеазиатской борьбе сначала против арабского нашествия, а затем за освобождение от господства Халифата. Причем эта борьба охватила различные слои тогдашнего общества – от низов трудового народа до некоторой части аристократической верхушки господствующего класса.

В VIII-IX вв. Центральная Азия и ее отдельные области попытались несколько раз вырваться из-под власти Халифата. Эти попытки, сделанные поначалу отдельными династиями и представителями местной правящей аристократии – Бармакидами (вторая половина VIII в.) и Хайдаром – сыном Кавуса (афшин Уструшаны), были безуспешными. В некоторой степени они удались Тахиридам и Саффаридам, а при Саманидах Центральная Азия уже полностью освободилась из-под власти Халифата.

Борьба народных масс выражалась в многочисленных мощных выступлениях и восстаниях, таких как выступление согдийцев Зарафшана в 720-722 гг. и в 728-729 гг.¹; борьба хутталцев против арабского наместника в 725 г.; совместная борьба населения Согда, Хутталя и тюрков в 736-737 гг.; восстание жителей Бухары, возглавленное Шариком ибн Шейхом ал-Махри в 750-751 гг.; одновременное восстание Сумбада Мага в Хорасане и Исхака в Мавераннахре в 755 г.; восстание под руководством Устода Сиса в Гератской области. Халифату один из самых серьезных ударов нанесли известное в истории Средней Азии народное движение «белорубашечников» под руководством Муканны², восстание Рафи ибн Лайса в 806-810 гг.³, охватившее многие области Мавераннахра, и крестьянское движение в Систане и Хорасане рубежа VIII-IX вв.⁴ Эти

---

¹ Джалилов А. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в. // Тр. ИИАиЭ АН ТаджССР. – Сталинабад, 1961. – Т. XXX. – С. 134 и сл.

² Якубовский А.Ю. Восстание Муканны и движение людей в белых одеждах. – СВ. – 1948. – V; Айнй С. Исьёни Муканнаъ. Очерки таърихй-таджиқй. – Сталинобод, 1944.

³ Кадырова Т. Восстание крестьян и городской бедноты Мавераннахра в 806-810 гг. // Изв. АН УзССР. – 1954. – № 6. – С. 37-44.

⁴ Кадырова Т. Восстание крестьян во главе с Хамзой ал-Хариджи на грани VIII-IX вв. // Изв. АН УзССР. – 1953. – № 6.

мощные народные движения, прокатившиеся по всей Средней Азии¹, подрывали основы господства Аббасидского халифата и способствовали созданию местных относительно централизованных государств. Результатом всего этого процесса было выдвижение местных династий – сначала Тахиридов и Саффаридов, затем Саманидов. История их возвышения – это история объединения областей, населенных таджиками, сложение которых в народ происходило именно в это время. Центром этого объединения были Хорасан и Мавераннахр, ибо именно здесь созрели интеграционные силы, подготовленные ходом предшествующей истории.

Первое общетаджикское феодальное государство Саманидов возникло, окрепло и достигло своего процветания за период немногим меньше двух веков. Оно оставило большой след в экономике и культуре страны, в памяти многих поколений. Поэты и летописцы приравнивали государство Саманидов к державе Сасанидов, которую Ф.Энгельс считал упорядоченным персидским царством². Таким образом, к X в. была уже налицо территориальная общность таджикского народа.

Активизировавшиеся в 40-80 годах XX в. историко-археологические исследования и большой накопленный материал позволяют в общих чертах в порядке постановки вопроса наметить три историко-территориальных региона-ареала³, в которых шел процесс формирования таджикского народа. Первый из них, Южный, включал Тохаристан и Хорасан и прилегающие к ним более мелкие области. Второй, Центральный, включал Зарафшанский и Кашкадарьинский Согд. Третий, Северный – области бассейна Верхней и Средней Сырдарьи с главным центром – Уструшаной, Худжандской областью и Ферганой.

Вопрос о выделении таких регионов-ареалов пока находится на стадии разработки. Его всестороннее изучение, а тем более, окончательное решение – задача будущих исследований.

---

¹ Кадырова Т. Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII – начале IX в. – Ташкент, 1965.

² Маркс К., Энгельс Ф. Избранные письма. – М., 1947. – С. 75.

³ В предыдущих работах нами было принято определение “историко-территориальные регионы” (см.: Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – С. 214; *Он же*. О концепции и хронологии этногенеза таджикского народа... – С. 86 и др.) как определенная группа исторических районов области или географических зон. Вполне подходит также слово “ареал”. используемое Б.В.Андреановым при изучении истории орошаемого земледелия и С.П.Поляковым при исследовании частей территориального социума в этнографических исследованиях (см.: Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии...). Пожалуй, определение “историко-территориальный регион-ареал” многозначнее и больше подходит при исследовании этногенетических процессов.

Пока в этом плане сделаны некоторые обобщения только по Севернотаджикскому региону¹. Здесь отметим лишь некоторые его аспекты.

Северным регионом-ареалом образования таджикской историко-территориальной и этно-культурной общности объективно следует считать территорию раннесредневековых областей бассейна Верхней и Средней Сырдарьи, а его главным ядром – Уструшану, Худжандскую область и Фергану, где большинство населения и поныне является таджикским. Известно, что в области этого сырдарьинского региона, особенно в Чач и Северную Фергану, в период раннего и развитого средневековья проникали (оседая здесь) значительные группы тюркоязычного населения, что обуславливало процесс ассимиляции местного ираноязычного населения с тюрками и включение этих областей также в ареал образования тюркских народов.

В области политической истории раннее средневековье характеризуется раздробленностью рассматриваемых областей, однако уже намечались признаки внутреннего подъема и политической консолидации в каждой из них. Такая консолидация особенно успешно шла в Уструшане, где наличие сильной афшинской династии, многочисленной дихканской знати и общее антииноземное (антихалифатское) настроение народных масс позволили ей бороться с Аббасидским халифатом в течение около полутора столетий и превратиться в один из очагов антихалифатских выступлений. Примерно такое же было положение и в Худжандской области.

Общее стремление к сохранению политической самостоятельности в борьбе с внешними врагами, естественно, усиливало объединяющие силы, что облегчило Тахиридам и Саманидам создание общетаджикского государства. В составе Саманидского государства было осуществлено объединение всех северотаджикских земель.

В области экономической истории внутри региона-ареала сырдарьинских областей тоже намечаются некоторые объединяющие моменты. Это выразилось, например, в экономическом взаимодополнении Худжанда, Уструшаны и Ферганы. Одним из важных свидетельств этого является отмеченный в письменных источниках факт снабжения города Худжанда уструшанским и ферганским хлебом. Эти и другие данные позволяют говорить о появлении элементов экономического взаимодействия этих областей.

---

¹ Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье... – С.45-50.

Что касается этнически-языковой консолидации, то она, в первую очередь, выявляется яснее, чем остальные аспекты вопроса. Это зафиксированный в найденных в ряде пунктов письменных памятниках согдийский язык (и его уструшанский диалект), господствовавший в Согде, Уструшане, Худжандской области и широко распространенный вместе с сакским в Фергане, Чаче и Семиречье, и антропологически единый европеоидный тип «среднеазиатского междуречья» (по терминологии антропологов). Собственно таджикский язык в рассматриваемом Северном регионе вслед за Бухарой и Самаркандом распространился и заменил согдийский и сакский в других областях этой территории.

О согдийском и раннетаджикском языковом пласте не только в Уструшане и Худжанде, но и в Чаче, Илаке и Фергане можно судить по зафиксированной источниками раннего средневековья топонимической номенклатуре этих областей, по большинству наименований городов и населенных пунктов и по языковым процессам, происходившим в них.

Некоторые моменты намечавшейся общности духовной культуры можно проследить пока только в религиозных воззрениях и обрядах захоронения. Письменные источники и археологический материал указывают на преобладание в Уструшане и соседних областях местного варианта зороастризма, сочетающего в себе почитание огня и идолов. Это отчетливо отражено в сообщениях о судебном процессе уструшанского афшина Хайдара.

На рассматриваемой территории в раннее средневековье в основном были распространены три обряда погребения: а) захоронения в хумах и оссуариях; б) захоронения в ямах с каменной или деревянной обкладкой; в) захоронения в горных склепах.

Наиболее конкретно можно было бы проследить в северотаджикском регионе пути сложения общности материальной культуры. Для этого уже накоплен значительный материал. Такую общность удастся установить в архитектуре – строительных материалах, планировке, конструктивных элементах (таких как пандусы, своды, тамбуры-ширмы), в технологии керамического производства, в формах и орнаментике керамики, а также в художественно-прикладных изделиях ювелирного и бронзолитейного производства, в искусстве резьбы по дереву, глине и т.п. Особенно интересны здесь материалы раскопок Мунчактепа и прилегающих некрополей, Мугтепа – цитадели Курукады, комплекса городищ и замков Кахкахинской группы в районе Шахристана, четырех памятников в районе

Ашта (Тудаи Хурд, Тудаи Калон, Калаи Афрасиаб, Кухи Урда), Калаи Боло близ Исфары, материалы ряда других оседлых поселений, а также многих групп погребальных сооружений предгорных местностей Туркестанского хребта и Карамазарских гор. В настоящее время более или менее выяснены стратиграфия поселений, основные этапы жизни, частично также вопросы датировки, облик хозяйства и культуры жителей, а для некоторых поселений уже сделаны попытки дробной классификации строительных комплексов вместе с керамическим и иным материалом, прослежена эволюция основных керамических форм.

Говоря о формировании таджикского народа в пределах трех историко-культурных регионов-ареалов, особо отметим, что в каждом из этих регионов данный процесс шел не изолированно, а, наоборот, выявляется тесная их связь во многих аспектах развития. Общие социально-экономические и культурные предпосылки оказались здесь сильнее географического фактора, который, казалось бы, должен был воздействовать изолирующе и, в некоторой степени, задерживающе – ведь каждый регион располагался в бассейне определенной основной реки и каждый был отделен от другого горами – Туркестанским и Гиссарским хребтами (кроме Хорасана). К примеру, такую тесную многостороннюю связь между Центральным и Северным регионами можно проиллюстрировать на примере Согда и Уструшаны, включенных в оба эти региона – ареала.

Остановимся на этнической стороне вопроса. Уструшана в древности – это составная часть Согда в широком понимании. Ее население говорило на согдийском языке (обладавшем здесь, видимо, своими диалектическими особенностями). Уструшану эпохи древности трудно отделить от Согда и политически и экономически; да и само название «Уструшана», или какая-либо другая форма его написания в античных и древневосточных письменных источниках, насколько нам известно, к данной территории не приложимо.

Однако постепенно, с развитием производительных сил – многоотраслевого сельского хозяйства, роста городов, городского населения и ремесленного производства, в условиях определенной географической изолированности данной части Согда появились предпосылки к самостоятельному развитию этой территории. Как уже отмечалось выше, консолидация рассматриваемой части Согда, видимо, шла к завершению уже в конце кушанской эпохи, а с распадом Кушанской империи, куда входил и Согд, Уструшана выделилась в отдельное владение.

Поэтому в полном объеме вопрос об уструшано-согдийских взаимоотношениях может быть поставлен, конечно, применительно именно к периоду раннего средневековья.

В раннее средневековье на территории Уструшаны усилился процесс выделения и сложения родственной по происхождению и языку согдийцам Зарафшана уструшанской народности. Но в какой степени эта народность успела сложиться к моменту ее включения в состав таджикского народа, из-за скудности этногенетического материала пока судить трудно. Такому выводу не противоречат и последние научные обобщения по согдийскому языку и его диалектам, сделанные лингвистами-иранистами.

Уструшана и Согд имели самые близкие экономические взаимоотношения. В обеих областях производился почти весь цикл сельскохозяйственного, горнодобывающего и ремесленного производств, распространенных в раннем средневековье вообще. Все три указанных отрасли экономики в обеих областях в целом были развиты довольно высоко. Однако удельный вес отдельных отраслей производства был, пожалуй, несколько различен. Так, в Уструшане было более развито многоотраслевое горное производство. Среди разнообразных отраслей сельскохозяйственного производства Уструшана была больше профилирована на зерноводство и пастушеское горно-отгонное скотоводство, чему способствовали природно-географические условия края. В уструшанском ремесленном производстве особенно хорошо были развиты оружейное дело, обработка шерсти и прикладные ремесла. И в Согде были развиты почти те же отрасли ремесел и земледелия. Уструшана и Согд, следовательно, были хозяйственно взаимодополняющими партнерами в общесреднеазиатских экономических и торговых взаимоотношениях. Обе эти области стояли на достаточно высоком для раннего средневековья и одинаковом, по сравнению друг с другом, техническом уровне производств.

Согд и Уструшана имели также сходную политическую структуру. Фактически они представляли собой федерации мелких, во внутренних делах самостоятельных владений – рустаков (18 – в Уструшане и 12 – в Согде) со своими владельческими диканами (в Уструшане) и афшинами (в Согде) во главе с верховным общеуструшанским афшином и общесогдийским ихшидом. Уструшанский афшин и согдийский ихшид являлись одновременно и гражданскими властителями, и верховными жрецами. Этническая и экономическая близость Согда и Уструшаны в течение все-

го раннего средневековья дополнялась тесными контактами и в политической жизни. Если внимательно проследить политическую историю Средней Азии этого времени, то мы увидим, что в Согде и Уструшане она складывалась почти одинаково: они входили в состав одних и тех же государственных образований, подвергались нашествию общих врагов и часто совместно боролись против иноземцев; уструшанцы и согдийцы сыграли одинаково выдающуюся роль в политической жизни Аббасидского халифата. Тесны были и династические взаимоотношения Уструшаны и Согда. В годы наиболее острой борьбы с Халифатом согдийцы, недовольные соглашательской политикой своего ихшида Тархуна, низложили последнего, возвели на ихшидский трон активного антихалифатского деятеля Гурека, который, по ряду свидетельств, являлся до этого афшином Уструшаны. Как известно, Уструшана во главе со своими энергичными афшинами многие десятилетия вела упорную борьбу с Халифатом, и избрание уструшанского афшина ихшидом Согда – в высшей степени знаменательный факт тесных династийно-политических контактов в трудный для Согда период борьбы с иноземным нашествием.

Некоторые параллели можно наметить и в области духовной культуры, но пока в основном в религиозных верованиях. Видимо, согдийский зороастризм имел такой же характер, как и в Уструшане, – почитание огня и идолов. В пенджикентских храмах наличествуют одновременно и живописная сцена жертвоприношения огню, и идолы–скульптуры в нишах центрального зала. Письменные источники фиксируют наличие различных деревянных скульптурных идолов на самаркандской площади. И в Уструшане, и в Согде был широко распространен обряд захоронения в оссуариях и хумах.

Много параллелей имеется в материальной культуре, прежде всего в архитектуре раннесредневекового Согда и Уструшаны, где идентичны строительные материалы, во многом близки планировочная структура и конструктивные элементы. Не раз исследователями отмечались конкретные параллели в керамике согдийских и уструшанских памятников, близки мотивы и приемы в живописи, скульптуре и резном дереве согдийского Пенджикента и шахристанских памятников Уструшаны. В материальной культуре Согда и Уструшаны проявляется много общих традиционных элементов предшествующих эпох.

По своему политическому и государственному устройству, в области развития экономики, социальных отношений и различных проявлений

культуры, в этнической истории Согд и Уструшана обнаруживают большое сходство и одинаковый уровень развития. Они сыграли равную роль в исторических судьбах Средней Азии и Востока, что раньше подчеркивалось только по отношению к Согду.

Таким образом, как явствует из истории формирования государственной территории таджикского народа и его трех историко-территориальных регионов – ареалов этногенеза, историческое сложение таджикского народа проходило на значительной территории Центральной Азии и Среднего Востока. Этнически-территориальное ядро таджикского народа формировалось в пределах государства Саманидов и регионах проживания таджикского этноса прилегающих территорий. Историко-экологическая зона обитания таджикского народа, в первую очередь, – это природно-географические зоны Хорасано-Гиндукушских, Памиро-Алайских и Тяньшанских горных систем в восточной части, прилегающих степей и пустынь – в западной части, орографически и культурно-исторически объединенных бассейнами Сырдарьи, Зарафшана, Амударьи, Хорасанского Мургаба и Герируда. Вот в такой общей экономической ситуации вершились судьбы таджикского народа, создавшего свою богатую многогранную и воистину уникальную историю.

Сложение таджиков в единый этнос или, другими словами, в единый народ, формирование соответственно таджикского языка парси-дари представляли собой трехэтапный территориально-хронологический процесс.

Первый этап проходил в составе разносторонне развитого централизованного государства Сасанидов (226-651 гг.), в пределах его северо-восточной, традиционно обособленной, историко-географической и историко-культурной провинции Хорасан, включавшей при Сасанидах области к западу и югу от Амударьи с ведущими городскими центрами Мерв, Герат и Балх. Этнокультурное формирование Хорасана как единой страны началось в пределах северовосточных приамударьинских территорий (сатрапий) ирано-среднеазиатской державы Ахеменидов (VI-IV вв. до н.э.), и завершилось в составе первичного территориально-политического ядра Парфянского государства (сер. III в. до н.э. – 224 г. н.э.) со столицей Михрдаткирт (развалины городища Ниса близ современного Ашгабата).

Другая часть Сасанидского государства во главе с Фарсом и древнеперсидским населением включала Южный и Центральный Иран и прилегающие средневосточные области.

О консолидации хорасанских таджиков в эпоху парфян и Сасанидов свидетельствует формирование на базе «элементов иранских языков северо-западной группы, в частности парфянского», – основы хорасано-таджикского языка парси-дари¹. Зрелое состояние этого языка фиксируют дошедшие до нас надписи VII-VIII вв. н.э. из Мерва, свидетельство ал-Джахшьяри, согласно которому вплоть до 742 г. в Хорасане пользовались письменностью на фарси (вероятно, на основе пахлавийского алфавита), замененного в том году арабским языком и письменностью в делопроизводстве Хорасанского наместничества Арабского халифата. Вспомним также творчество таджикских поэтов VIII-IX вв. Таджикский язык парси-дари в первой половине VIII в. был распространен и в другом конце Хорасана, в Балхе. Об этом можно судить по сообщениям Ибн ал-Мукаффы и ал-Мукаддаси. До нас дошла также стихотворная песенка жителей Балха, сочиненная по случаю поражения арабского наместника Асада ибн Абдуллаха в Хуттале в 727 г. Это одно из первых стихотворных произведений на таджикском языке, сохраненных историком Табари:

*Аз Хутталон омадия,
Ба ру табох омадия,
Обор боз омадия,
Хушку низор омадия*

В русском переводе:

*Из Хутталона ты пришел,
Обесщещенным ты пришел,
Сокрушенным ты пришел,
Истощенным, растерянным ты пришел.²*

Таким образом, к VII-VIII вв. консолидация хорасанских таджиков и прочное положение таджикского языка в Хорасане были уже совершившимися историческими фактами.

Второй этап территориально-хронологического процесса развития таджикского этногенеза связан с последовательным включением в его орбиту областей Мавераннахра, заселенных с исторических времен родственными таджикам восточноиранскими народностями – согдийцами, тохарцами (бактрийцами), хорезмийцами, ферганцами, а также сакскими

¹ Гафуров Б.Г. Таджики. – С. 372.

² Табари. – II. – С. 1494, 1602-1603; История Табари. – Ташкент, 1987. – С.204.

племенами степей и гор. На этом этапе таджикский язык парси-дари из Хорасана постепенно распространился в Мавераннахр, вначале в Бухарский, Самаркандский и Кашкадарьинский Согд и Правобережный Тохаристан, затем в Хорезм, Фергану, Бадахшан, другие горные долины Тяньшаня, Памира. Местные восточноиранские языки и диалекты были заменены таджикским. Язык парси-дари стал одним из важных орудий в мусульманской пропаганде. Так, историк Наршахи (X в.) отмечал, что в бухарской мечети в 713 г. Коран читался на парси. Известно, что в 728 г. мусульманский миссионер отказывался от пропаганды ислама в Самарканде из-за нехорошего знания парси. Отметим, что принятие ислама и языка парси давало экономические выгоды (освобождение от некоторых специальных налогов, содействие торгово-ремесленным операциям, особенно согдийцев и пр.), активизировало политические, экономические и культурные связи Мавераннахра с Хорасаном в рамках единого Хорасанского наместничества Арабского халифата.

Однако процесс распространения таджикского языка в Мавераннахре и замены им согдийского, тохаристанского, хорезмийского, ферганского, сакского языков был долгим и неравномерным. Об этом говорят известные сообщения Сюань Цзана (630 г.), касающиеся территории распространения согдийского языка, письменности и культуры от Суяба (долина реки Чу) до Кеша (совр. Шахрисабз), согдийские документы с замка на горе Муг (Верхний Зарафшан) начала VIII в., свидетельствующие о продолжающемся делопроизводстве на согдийском языке, сообщение Наршахи о специальных переводчиках на согдийский в бухарской мечети (713 г.). Но, тем не менее, уже к IX-X вв. основная часть населения крупных городов Мавераннахра, особенно Бухары, Самарканда, Худжанда, Ахсиката, Хульбука и ряда других перешла на язык парси (фарси)-дари. Этому способствовали создание государства Саманидов с таджикским языком делопроизводства, возрождение иранских традиций культуры, развитие художественной литературы и науки на таджикском языке, чему содействовала меценатствующая верхушка государства, широкое культурно-возрожденческое движение шуубизм. На языке парси-дари в VIII-X вв. создается мощная персидско-таджикская классическая литература, прозаическая и поэтическая (Рудаки, Дакики, Фирдавси и др.), наука (Абуали ибн Сино и др.), на базе которых формируется таджикский (парси-дари) литературный язык.

Третий, завершающий этап территориально-хронологического процесса сложения таджикского народа полностью связан с государством Саманидов (819-999 гг.). Эпоха Саманидов характеризуется развитием производительных сил, существенными сдвигами в социальной структуре общества и в его этнокультурном развитии: в этот период полностью победили феодальные отношения, завершился процесс формирования таджикского народа, оформилась его государственность, развивались материальная и духовная культура таджикского народа. Это было время сложения среднеазиатского средневекового города с его довольно сложной социально-экономической и социально-культурной структурой.

В рассматриваемый период в пределах государства Саманидов созревали в основном все определяющие признаки народа: общность языка, территории и культуры, сочетающиеся с наличием определенных экономических связей. Наметившаяся еще раньше территориальная, языковая и культурная общность раннесредневековых народностей в новых условиях государственной независимости Саманидов резко усилила стремление общества к объединению. Этому способствовали также активная борьба народных масс, непрерывные восстания против иноземного ига и ассимиляторской политики господствовавшей арабской военно-теократической знати, политика Саманидов по возрождению местных культурных традиций, приведших к созданию новых культурных ценностей, в том числе и получивших мировое признание классической поэзии и таджикской науки.

Основными этническими компонентами таджикского народа стали ираноязычные согдийцы и уструшанцы (долина Зарафшана, Кашкадарьинский оазис, бассейн Средней Сырдарьи), бактрийцы и тохары (бассейн Верхней и Средней Амударьи), маргианцы и парфяне (бассейн Мургаба, Северное и Южное Прикопетдагье и Хорасанские горы), хорезмийцы (бассейн Нижней Амударьи), ферганцы (Ферганская долина), а также ряд сакских племен среднеазиатских степей и горных районов Тяньшаня, Алая и Памира. Все эти народы говорили на родственных с таджикским древнеиранских языках, вели оседлый, преимущественно земледельческий образ жизни (за исключением саков-скотоводов).

В разные периоды формирования таджикского народа в этом процессе, кроме названных народов, участвовали и другие этнические группы, в частности: хиониты-эфталиты и тюрки, проникавшие в IV-VIII вв. на

территорию сложения таджиков, а затем арабы, частично обосновавшиеся в Средней Азии.

В количественном и качественном отношении роль каждого из перечисленных основных и дополнительных компонентов в сложении таджикского народа была различной. Особенно трудно определить роль кочевников в этом процессе. Здесь, очевидно, следует иметь в виду одно: так как территория, где происходил процесс формирования таджикского народа, почти со всех сторон была окружена областями, населенными кочевниками, то отдельные их группы включались в состав населения окраинных и отчасти глубинных районов. Но объективные возможности, например, такие как отсутствие или наличие неосвоенных для земледелия и пригодных для кочевого скотоводства земель, для значительного проникновения кочевников на территорию формирования таджикского народа, были все же ограничены. Имеющиеся отдельные «островки» кочевников в областях земледельческого населения не могли играть значительную роль в этом процессе.

Первым по времени своего появления дополнительным этническим компонентом, включившимся в процессе формирования таджикского народа, были хиониты-эфталиты. Эта группа кочевых племен, как известно, появилась в Среднеазиатском Междуречье примерно в середине IV в. н.э., а к началу VI в. подчинила себе огромную территорию от Хотана до Ирана и от Семиречья до Индии. Большинство фактических данных свидетельствует об их ираноязычности и этнической близости к среднеазиатским народностям. Имеется ряд прямых и косвенных указаний у китайских, западных и арабских авторов об оседании хионитов-эфталитов на территории, где шло формирование таджикского народа; причем они оседали в сравнительно большом количестве и постепенно подвергались ассимиляции местным населением. Процесс их ассимиляции, очевидно, в основном уже закончился к VIII в. Хиониты-эфталиты количественно были существенным компонентом в формировании таджикского народа, но их качественная роль в этом процессе остается еще неясной. В процессе формирования таджикского народа хиониты-эфталиты сыграли и косвенную роль: они, хотя и на короткий период, объединили в рамках одного государства Среднеазиатское Междуречье с Южным Тохаристаном, что создало благоприятные условия для развития экономических и культурных связей между населением этих территорий.

Что же касается роли другого дополнительного компонента таджикского народа, а именно тюрков, то на основе всей совокупности А.М.Мандельштам пришел к следующему выводу. По его мнению, в VII-X вв. на территории Согда, Уструшаны, Южной Ферганы и Кеша – Нахшеба значительного по количеству тюркского населения и, отсюда, значительного по своим размерам, оседания тюрков не было. Вероятно, больше их имелось в Тохаристане и в ряде других окраинных областей Средней Азии. Следует также учитывать одно важное обстоятельство: этнографические наблюдения показывают, что оседание тюркоязычных кочевников, как правило, происходит компактными группами, которые устойчиво сохраняют свою изолированность от окружающего иноязычного населения. Это явление свидетельствует об ограниченности слияния оседавших тюрков с коренным ираноязычным населением¹. Поэтому роль тюркских племен в сложении таджикского народа, во всяком случае до X в., была невелика и существенного дополнительного компонента они не составили². В усилившейся в X в. ассимиляции с тюрками ираноязычного населения Нижней Сырдарьи, Нижней Амударьи и Хорасана (хорезмийцев, хорасанцев и групп ираноязычных кочевников в прилегающих степях) основную роль стали играть огузы и туркмены³.

Роль арабского элемента в этом процессе была также незначительна. Небольшое число арабов обосновалось в VII-VIII вв. в Хорасане и Мавераннахре. Следует заметить, что число обосновавшихся арабов в первом было больше, чем во втором. Они обитали, главным образом, в городах, где первоначально составляли гарнизоны, а также в сельских местностях. Арабский язык, хотя всячески насаждался правителями и наместниками, остался лишь канцелярским языком и массового распространения не получил. Однако он оказал влияние на лексику литературного таджикского

---

¹История таджикского народа. – Т.2.(Глава XII) – Душанбе, 1999.

²Мандельштам А.М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье. – С. 63-64. Ср.: Мандельштам А.М. Характеристика тюрков IX в. в “Послании Фатху б. Хакану” ал-Джахиза // Тр. ИИАиЭ Казахской ССР. - Алма-Ата, 1956.-Т.1.-С.227-250.Примером антинаучных часто доведенных до абсурда интерпретаций происхождения и сложения иранских и тюркских народностей и племен древней Средней Азии является книга М.Эрматова “Этногенез и формирование предков узбекского народа” (Ташкент,1968), неоднократно осужденная научной общественностью многих стран.

³Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв.- Ашхабад, 1969; Он же. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. (историко-этнографический очерк)//Страны и народы Востока.-М., 1971.-Вып. X.-С. 179-193.

языка, что засвидетельствовано наличием в нем арабизмов. Более результативным оказалось насаждение ислама. К X в. Хорасан и Мавераннахр рассматривались как территории, населенные правоверными мусульманами. Победа ислама внесла определенные изменения в культуру местного населения. С этим связан также постепенный упадок ряда отраслей изобразительного искусства, успешно развивавшихся ранее.

5. История происхождения этнонима «таджик»

Известно, что в «Авесте», древнейшем письменном памятнике таджикского народа, который датируется концом второго тысячелетия до н.э., не упоминаются Мидия и Ахеменидский Иран. Но в этом источнике встречаются названия таких историко-культурных областей, как Бактрия, Согд, Хорезм, Моуру, Рага («Яшт» 10. 14; «Видевдат» 1).¹ Там же упоминаются названия племен как арии, туры, саэна, даха («Яшт» 13. 143-144) и т.д., обитавших в центральноазиатском регионе. Перечисленные в «Авесте» страны с проживающими там этническими общностями и народностями, локализируются на территории современной Центральной Азии. Эти общности вошли как этнический компонент в процесс складывания и формирования таджикского народа.

По мнению некоторых ученых, «Авеста» была написана на территории Бактрии, которая была расположена в современном северном Афганистане, южных регионах Таджикистана и Узбекистана. Эту гипотезу можно принимать как вполне реальную т.к. предложенные факты и многочисленные свидетельства говорят о том, что именно здесь, в Бактрии, т.е. на юге Таджикистана и севере современного Афганистана, возникает и получает политическую поддержку новая религия Зороастризм с культом единого Бога Ахура-Мазды, призывающая мир к гармонии человека с природой, религией, для которой природные стихии, например, вода, огонь и земля были священными. Как пишет русский историк А. Буровский, «еще неизвестно кому приписывать заслугу создания Единобожия: за два-три века до Моисея персидский пророк Заратуштра-Зороастр учил вере в единого Бога Ахура Мазду».²

---

1 Авеста в русских переводах (1861-1996). Ред., прим., справочный раздел И.В. Рака. Сп.: «Журнал Нева», «Летний Сад», 1998. – 480 с.

2 Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда, о высшей расе. <https://rutlib.com/book/2100/p/20>

Как известно, древнейшие этнические общности согдийцы, бактрийцы, парфяне, хорезмийцы и другие на протяжении своей длительной истории прошли многоэтапный путь становления и развития.

Начальным этапом этого многоступенчатого пути становления, считают династию Пешдадидов (предысторию, основанную на предании и мифологии (3-е тысячелетие до н.э. то есть со времен Каюмарса до Кайкубада). Согласно «Шахнаме» Фирдоуси, пешдадиды правили 2441 год. Камар, Кайкубад, Тахмурас и Джамшед - мифологические герои и их жизнедеятельность подобна жизнедеятельности Прометея и Зевса. Следующий этап связан с миграцией степных ариев (II тыс. до н.э. - начало I тыс. до н.э.), в результате чего на огромной территории Центральной Азии и прилегающих к ней областях возник конгломерат арийских племен. Этот период охватил огромный промежуток времени, в течение которого шло развитие новой религии – зороастризма, а также торговли, земледелия, языка и обрядовой традиции. Все это способствовало консолидации этнических общин и созданию Согдийской цивилизации на севере и Бактрийской на юге. Согдийцы проявляли высокую активность в создании мобильной модели выживания на Великом Шелковом пути и являлись проводниками передовых тенденций не только в торговле, но и в развитии ремесел, (гончарное, ткачество, производства бумаги и т.д.) не только Центральной Азии, но и Европы и Китая. Этот период многие ученые называют периодом большой Арианы.

Третий этап в этой иерархии исторического бытия – это период правления династии Ахеменидов, существовавшей в юго-западном Иране, под предводительством перса Ахеменида. Представитель этого рода Кир Великий (558-530 гг. до н.э.), разбив войска мидийского царя Астиага в 550 году до н. э., овладел его столицей Экбатаном (Хамадан). Государство Ахеменидов прекратило свое существование в 331 г. до н. э. после завоевательных походов Александра Македонского. После этого до середины второй половины второго столетия до нашей эры (140-130 гг. до н.э.) правили различные греко-бактрийские династии. В Центральной Азии этот период называют эллинистическим или эпохой эллинизма, именно в это время наблюдается синтез двух культур, но археологические и эпиграфические памятники говорят о том, что местный акцент в культуре, языке и письменности все же был согдийско-бактрийский.

Четвертым этапом предыстории таджиков можно считать существование одного из сильнейших государственных образований древности –

Кушанского государства, основанного племенем ючжи (140-130 до н.э.). Кушанское государство достигло наивысшего подъема и расцвета при правлении Канишки (100-144 гг.) и его сыне Хувишке (131-166 гг.).

Другим важным этапом можно считать период правления Сасанидов (224-651 гг.), когда сформировался пехлевийский (среднеперсидский) язык, и огромное количество литературы, трактатов было написано на этом языке. Именно этот период считается началом этнической консолидации таджикоязычного населения Центральной Азии.

Пятым, несомненно, самым значительным этапом является становление государства Саманидов. Именно в этот период происходит дальнейшее развитие языка, литературы, культуры и в целом становление цивилизации индоевропейских народов, в том числе таджиков. Фарси-дари (таджикский) стал языком государства и литературы. На этом языке творили Дакики, Шахид Балхи, Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина, Саади, Хафиз и многие другие мыслители средневековья. Современные известные исторические факты позволяют утверждать, то, что именно в эпоху Саманидов происходило становление таджикского этноса как народа с особой, духовно единой ментальностью арийства (языком, письменной культурой, религией и традициями). Именно в эпоху Саманидов произошло утверждение этнонима «таджик» и, даже несмотря на политические, социально-культурные обстоятельства, этот этноним был сохранен самим народом и существует до настоящего времени. Как известно, самое раннее упоминание таджиков сохранилось в китайских исторических источниках. Известный таджикский культуролог Акбар Турсон, который искренне небезразличен к судьбе своего народа, по поводу различных интерпретациям понимания этнонима таджик пишет, что «в самом деле, в том же одиннадцатом столетии, в котором доминировало первое тюркское употребление слова «тазик», таджики четко произносили собственное имя, особо подчеркивая свое отличие от инородцев. Это вовсе не гипотеза, а факт, зафиксированный в известном историографическом труде Байхаки (XII в.) в котором автор, подчеркивая свою небезучастность к происходящим военно-политическим событиям своего времени, говорит: «Я и подобные мне таджики» (ману монанди ман тозикон)».¹ Вполне

---

1 Турсон А. Самандар и Зулкарнай: к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 22; Бартольд В.В. Сочинения. М.: Наука, 1964. Т.1. С. 419.

можно согласиться с А. Турсоном, который считает, что мнение о том, что собственным именем «таджик» их нарекли тюркоязычные народы живущие рядом, не соответствует действительности того времени.¹

Поэтому, обратившись к лингвистическим материалам, где само слово «таджик» имеет парфяно-согдийское происхождение, вполне вероятно, что первые тюркские поэты (Юсуф Баласагунский) использовали этноним «таджик» распространенный среди самих таджиков, в том числе и таджиков, живших с древних пор в Баласагуне и Кашгаре.²

Таким образом, эпоха Саманидов для таджикского народа не только эпоха, когда консолидировались основные компоненты для завершения процесса становления таджикского народа: единая территория, единый общегосударственный язык, единое экономическое пространство, единая культура, и наконец, единая религия, но и, в совокупности, они формировали единую таджикскую ментальность.

Согдийцы, бактрийцы, маргианцы, хорезмийцы, имея свои этнотерриториальные этнонимы, составляли большинство этнического (национального) состава государства, а при Сасанидах эти этно-сообщества идентифицировали себя уже как таджики от слова «Тој» – «тадж» т.е. коронованный. Исходя из этого, перед нами стоит задача выкристаллизовать доказательные факты по происхождению этнонима «таджик». Для того, чтобы объяснить, почему предметом исследования является этот этноним, необходимо показать все составляющие компоненты этнонима таджик, существующие точки зрения и современное понимание этого этнонима. С одной стороны, такой подход позволит поднять чувство патриотизма, гордости и любви к своему народу и его истории, с другой, полемика вокруг этого этнонима продолжает иметь место в науке³, и это вызывает интерес к решению данной проблемы.

---

1 Там же, с. 22, (А.Турсон цитирует по персидско-таджикскому оригиналу историографии Абуфазла Байхаки, переизданному в Иране 1945г. В исторической литературе на встречающееся там выражение мо, тозикон, как на факт этнокультурного и политического самоутверждения таджиков впервые обратил внимание академик В. Бартольд.)

2 Баласагунский Ю. Благодатное знание. Пер. С.Н. Иванова. М.:Наука, 1983. С. 50-51.

3 Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках / Под ред. А.А. Анарбаева. Ташкент: ФАН, 2005. С. 81-91 (см. электронную версию этого текста: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1138060920); Абашин С. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 7-8.; Сагдеев А., Ртвеладзе Э. Современные мифы народов Центральной Азии. Ташкент: Узбекистон, 2006.; Хидоятов Г. Крушение Саманидов. Ташкент; Москва, 2004. С. 17.

В научном мире существует несколько точек зрения касающиеся происхождения термина «таджик». Мы не будем на них подробно останавливаться. Скажем лишь то, что среди них выделяются три основные гипотезы.

Первая гипотеза сводится к тому, что с древних времен таджиками называли коренное оседлое земледельческое население Центральной Азии, говорившее на древнеиранском, пехлевийском, фарси-дари и таджикском языках. Само слово «таджик» происходит от термина «тодж» – «корона», «венец», т. е. «таджик» означает «венценосный», «коронованный», «человек носящий корону». Впервые об этом написал известный русский ученый Н.В. Ханыков.¹ Подробно эта гипотеза излагается С. Айни.²

Вторая гипотеза предложена в первой половине XIX в. французским востоковедом Катремером, поддерживаемая немецким ученым Т. Нёльдеке и подробно проанализированна В.В. Бартольдом.³ Согласно этой гипотезе, термин «таджик» происходит от названия одного из арабских племен «тай», от которого также происходят среднеперсидское и армянское «тачик» со значением «араб». В мусульманский период появляется более поздняя форма «тазик».

Третья гипотеза исходит из согдийского происхождения слова «таджик». Она основана на том, что ни в «Авесте», ни в Ахеменидских надписях, ни в пехлевийской литературе этот термин не упоминается. Лингвисты считают, что это слово могло возникнуть не ранее среднеиранского языкового периода. Оно возникло в эпоху Сасанидов и понималось в значении «араб».⁴

Мы хотим обратить внимание на гипотезу, выдвинутую А.Н. Бернштамом, который считал, что термин «таджик» употреблялся до прихода арабов в Центральную Азию. Он возник на основе древнетаджикского (бактрийского) языка у населения Тохаристана примерно в середине I тыс. до н.э. и восходит к древнеиранскому (сакскому) корню «тажи».⁵

---

1 Khanikoff N.V. Memoire sur l'ethnographie de la Perse. Paris, 1866. P. 87.

2 Айни С. Маънои калимаи «точик» // Садои Шарк. 1986. № 8. С. 66-86.

3 Бартольд В.В. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах // История Туркестана. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 121; Он же. Таджики. Исторический очерк // Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 456; Он же. Таджики (из "Энциклопедии ислама) // Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. Т. II. Ч. 1. С. 469-470.

4 Spiegel F. Eran. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. Betirage zur Kenntniss des Landes und seiner Geschichte. Berlin, 1863. S. 146.

5 Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) ВДИ. 1952. № 1(38). С. 191-192.

Л.Н. Гумилев пишет, что «в Средней Азии в VII в. жили согдийцы, а термин «таджик» еще в VIII в. означал «араб», т.е. воин халифа. Наср ибн Сейяр в 733 г., подавляя восстание согдийцев, был вынужден пополнять свои редевшие войска хорасанскими персами, уже принявшими ислам. Набрал он их много, и потому персидский язык стал господствовать в его арабской армии. После победы, когда мужчины – согдийцы были убиты, дети проданы в рабство, а красивые женщины и цветущие сады поделены между победителями, в Согдиане и Бухаре появилось персоязычное население, похожее на хорасанцев».¹

На наш взгляд, по вопросу происхождения и значения термина таджик многие ученые высказывают свои мнения несколько неточными и противоречивыми.

Одни исследователи логично подходят к решению данного вопроса на основе научных исследований. Другие заблудились в лабиринтах истории и все теории о происхождении этнонима «таджик» и этногенеза таджиков связывают с религией и арабами.

Как известно, в этнологии на основе теории примордиализма этносы рассматриваются с самых ранних этапов этнической истории и существования его длительное время вплоть до этапов становления нации. Примордиализм в этнографии является одним из научных направлений, где рассматривают этнос как изначальное и неизменное объединение людей «по крови». Вполне справедливо считать, что сторонники этой теории С.М. Широкогоров, В. Мюльман, а также Ю.В. Бромлей, которая получила более полное содержание и имела широкую поддержку в научном мире не только Советского Союза, но и за пределами страны Советов, признает объективной реальностью и высшим этапом развития этноса, когда существует этническая территория и объединения людей, говорящих на одном языке, имеющих общую культуру, традиции, психологию и самосознание.²

Если началом этногенеза, по определению этнологов, является формирование на определённой территории устойчивой и способной к расширению популяции с отличным от окружающих стереотипом поведения, то таджики могли сформироваться как этнос еще в кушано-согдийском (I в. до н.э. – VII в.н.э.) периоде, а не в персидском (IX-X в. до н.э.), тем более,

---

1 Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. Ленинград: Гидрометеиздат, 1990. С. 59.

2 Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973. 283 с.; Он же. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 414 с.

что о существовании этнонима «таджик» в эти исторические периоды указывают исторические памятники. Например, в письменных источниках империи ранних Хань несколько раз упоминается слово «Тяочжи»¹. Их период правления относится к 206 г. до н.э.-9 год н.э. Далее для нас весьма интересна информация армянских источников V в., где упоминаются слова «тачик» и «Тачикистан».² Г. Саркисян считает, что в армянских раннесредневековых источниках Тачик и Тачикистан – это арабы и их родина.³ А.К. Боровков аргументированно опровергает все гипотезы об арабском происхождении термина «таджик». Ученый считает, что предположение о возникновении в мусульманское время поздней формы «тази» и «тазик» из первоначального «тачик» является неверным. Он также считает, что нет оснований предполагать, что тюрки не отличали арабов от жителей Средней Азии, с которыми они давно имели прямые связи.

Здесь вполне уместно привести как пример слова тюркского поэта начала XI в. – Юсуфа Баласагунского: «...Да, книг у арабов и таджиков немало...», то есть он отделяет таджиков от арабов. Далее А.К. Боровков отмечает, что в одной тибетской летописи 732 г. упоминаются таджики – иранские жители Средней Азии, как ближайшие соседи китайцев на западе, что еще больше нас убеждает в различном происхождении слов «тази» и «таджик». Исследователь заключает, что наиболее вероятная этимология слова «таджик» – его народная этимология «венценосный» (по-видимому, по древнему головному убору, имевшему форму венца или гребня).⁴

Мы согласны с доводами А.К. Боровкова и хотим дополнить их следующим: во-первых, если слово «таджик» означает «араб», то тогда общепринятая концепция об арийском происхождении таджиков должна быть отвергнута? А как же эпиграфический памятник начала II в. до н.э. из Работака (Северный Афганистан), где говорится о реформе Канишки, согласно которой греческий язык упраздняется и возвращается арийский

---

1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. – Л. Т. II. С. 151-152.

2 Хоренаци Мовсес История Армении. Пер. с древнеарм. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990. С.140; Агвангелос История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. Статья и коммент. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. Ереван: Наири, 2004. С. 15, 55.

3 Хоренаци Мовсес. История Армении. С. 140.

4 Боровков А.К. Филологические заметки // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 60-летию со дня рождения А.А. Семенова. Сталинабад, 1953. С. 49-53.

язык¹, то есть бактрийский. Таким образом, впервые на территории, входящей в древности в Бактрию, появляется официальный документ, подтверждающий принадлежность бактрийцев (предков таджиков.) к арийским народам.² Возведение Канишкой зороастрийского святилища огня в Сурхкотале и содержание Работагской надписи относительно арийского языка доказывает, что этот правитель был крайне привязан и предан своим национальным традициям.

Приведенные нами китайские источники относятся к тому периоду, когда население Средней Азии и арабы не соприкасались друг с другом. Скорее всего, прав А.Н. Бернштам, что это слово произошло именно в Тохаристане, то есть в Бактрии, о чем свидетельствуют надписи из Работага и Яковланга.

Известно, что ряд этнических групп не только представляют себя как нация, но и указываются многими исследователями как базис формирования нации. Более того, большинство существующих наций, приобрели свое название на основе раннего этнонима титульной общности. Например, французская нация основана на этнониме «французы», польская – на этнониме «поляк», таджики на этнониме «таджик» и т.д. и таких наций в мире немало.

При этом название количественно преобладающего этнонима воспринимается со стороны населения страны как политическая общность. Вместе с тем, не всегда и не все политические общности принимают и могут быть согласны с подобной её интерпретацией.

Например, государство Саманидов, являлось государством, в котором у власти находились таджики и они считались этнополитической общностью. Эти факты говорят о том, что население государственных образований не только при Саманидах, но и на протяжении всей этнической истории, было в основном таджикским. В связи с этим встает очень важный фактор равенства национальной государственности с этнонимом этносов, живущих в этих государствах. Как известно, первыми древними государствами на территории Центральной Азии, а точнее, на территории современного Таджикистана были, – Саразм (протогород) с древнейшим насе-

---

1 Sims-Williams N., Cribb J. A new Bactrian inscription of Kanishka the Great // *Silk Road Art and Archaeology*. 1995-1996. 4. P. 78, 83.

2 Ходжаева Н.Д. Динамика развития географических представлений о Центральной Азии в древней и раннесредневековой иранской традиции: дис.... д-ра ист. наук: 07.00.09 Душанбе, 2016. – С. 210.

лением, Согдиана, Бактрия, Хорезм, Маргиана и т.д., где этноним соответствовал названию государства. В государстве Ахеменидов, куда вошли перечисленные территории с автохтонным населением, у власти стоял уже Ахеменид-перс, но население оставалось согдийским, бактрийским, маргианским, хорезмским и т.д. Далее, с приходом Александра Македонского, создается Греко-бактрийское государство и дальнейшие государственные образования показывают, что происходила чехарда властвующих элит неаборигенного происхождения, а население этих государств всегда оставалось местным, арийского происхождения и говорящим на согдийском, бактрийском, пехлевийском, дари-фарси языках. В историографии истории таджикского народа сложилось мнение, что государственность у таджиков была только при Саманидах. Разве это так? Надо признать тот факт, что в Центральной Азии не всегда этноним населения соответствовал названию государства. Видные историки писали о государственных образованиях с акцентом на властные структуры, например, монголо-тюркские образования. Далее они считают, что таджики не имели тысячу лет своей национальной государственности, но на протяжении этого времени многие крупнейшие империи и государства Центральной Азии избрали своим государственным языком фарси-дари. Язык является одним из главных маркеров этничности, и то, что язык фарси-дари всегда был государственным, играет большую и решающую роль в определении национальной государственности. Таким образом, объективное рассмотрение государственных образований заставляет подойти к этому вопросу следующим образом: во-первых, необходимо учитывать этничность основного населения – автохтонного, во-вторых, дать правильную интерпретацию государства с акцентом на его национальный компонент, например, – государственное образование таджиков, но у власти стояли не таджики, а тюрки – Караханиды, Газневиды и т.д. Поэтому, переходя к следующему – седьмому этапу исторического экскурса, необходимо сказать, что с приходом тюркских и монгольских завоевателей, возникли различные политические и государственные образования, между которыми долгие столетия не прекращались междоусобицы и трения. Все это негативно влияло на жизненный уклад местного населения, и вероятно, что именно с этого времени начинается сознательное умалчивание этнонима «таджик».

Эволюция таджикского этноса испытывала воздействие различных процессов. Таджики от Персии до Китая уже в средние века осознавали

себя как единый народ, разговаривали на одном языке – дари или таджикско-персидском. Несомненно, что этнический субстрат в значительной мере подготовил будущее разделение древнеиранских народностей не только по географическому расположению, но и по религиозному (сунниты, шииты). Любая национальная идея, связанная с символом «тадж» – короной и происхождение этнонима «таджик», состоит из признания того национального свойства, которое задает национальную миссию таджикскому народу и сплачивает его как этнос на основе культурно-бытовой идентичности. Рано или поздно, мы будем различать происхождение и генезис этнонима «таджик» и на информационном уровне.

Таким образом, в некоторых научных и литературных источниках, где упоминается данная этимология, понятие «таджик» истолковывается как «великодушный», «благородный», «коронованный», «венценосный», «отважный», «гордящийся короной и престолом».¹

По этому поводу исследователь А.Д. Гребенкин отмечает, что название «таджика» туземцы производят от «тадж» или «коронованный», следовательно, это название они получили ещё в ранние времена, когда их цари носили корону. Туркмены называют таджиков «тадж». Сами узбеки говорят: «таджика мы называем таджиком, когда едим с ним, а сартом – когда браним его».²

На наш взгляд, термин «тадж» изначально являлся олицетворением личности, которая отражает индивидуальность, знатность и высокое происхождение.

Во-первых, известно, что «тадж», как знак или символ, в Центральной Азии известен со времен правления Ахеменидских царей, как особый знак передовых частей армии и элиты, формировавшихся из регионов, подчиненных Ахеменидской империи. Как известно, греки корон не носили. «В этот период, – пишет профессор А. Самиев, формируется и историческое сознание арийцев, древних таджиков».³

Во-вторых, «тадж» в традициях и верованиях таджиков, являясь символом мужества, силы и культуры предков, постепенно, в течение веков, стал употребляться в значении рода, народа и нации.

---

1 Ханьков Н.В. О таджиках//Таджики в источниках и трудах исследователей.-Душанбе. 2013. – С.38

2 Гребёнкин А.Д. Таджики// Таджики в источниках и трудах исследователей. – Душанбе, 2013. – С.102.

3 Самиев А.Х. Историческое сознание как самопознание общества. – Душанбе, 2009, - С.85.

В этой связи А. Шишов в книге «Таджики», написанной в 1910 г., отмечает, что слово «таджик» образовано от персидского «тадж» – «корона», и интерпретирует его как «коронованный». Другой исследователь Н.В. Ханыков, определяя происхождение слова из персидского языка, также подчеркивает, что в персидском, как само слово «тадж»- венец, так и его производное – «таджик» означает «венец», «нимб» и «носящий венец». «Тадждор» – носящий венец, «Таджвар» – коронованный, без сомнения, очень стары. Так, в китайских летописях II века н.э., написанных полководцем Тан-Киао, неоднократно упоминается царство Тиаоджи, что не позволяет сомневаться в том, что тут речь идет действительно о таджиках. Кроме того «тадж» часто упоминается в армянских источниках начала I тыс. н.э. в форме «taj-x», корень которого является основой слова «таговур», то есть дословно – персидский таджвар – венценосный.¹

К сожалению, сегодня уже нет возможности объяснить первичное и основное значение *takī* – / *taj*/, но необходимо знать, что короны Сасанидских, так же как и Хорасанских правителей, были похожи на короны европейцев.

Весомым аргументом является открытие бактрийской надписи Тангии Сапедаки Яковланг в Бамиане (Северный Афганистан), которая пролила свет на решение многих спорных вопросов, касающихся этногенеза таджикского народа. Этот эпиграфический памятник имеет решающее историческое и языковое значение. Перевод этой надписи был осуществлен английским ученым Н. Симс-Вильямсом², датирующий ее 714 г. н.э. Но Г.Дж. Довари считает, что датировка надписи неправильно интерпретирована и в переводе текста также имеются существенные недоработки. Исследователь обоснованно аргументирует свою точку зрения и датирует надпись 624 годом и переводит её следующим образом: «Алхис, сын Хуроса, хадюя Газона в честь победы или избрания шахом турков и тазиго (таджик)-ов».³ Это важный аргумент, так как арабы пришли в Афганистан только во второй половине VII в.

Как мы уже отмечали, некоторые исследователи считают, что арабов именовали словом *tāžīk*. Известно, что сами арабы уже знали этот термин

---

1 Ханыков Н.В. О таджиках //Таджики в источниках и трудах исследователей. – Душанбе. 2013. – с.38

2 Lee J., Sims-Williams N. The Antiquities and inscription of Tang-i Safedak // SRAA. 2003. № 9. Pp. 159-184.

3 Доварӣ Ф.Ч. Тахлили забонӣ ва таърихи вожаи «тожик» бар мабной осори кашфшуда. Душанбе, 2016. С. 117.

и, что он использовался согдийцами задолго до принятия ими ислама¹. Г. Дж. Довари аргументированно обосновал свою точку зрения на этимологию и значение термина «таджик». Так, исследователь пишет: «Я думаю, слово Tazigo в надписи из Яковланга не может быть ничем иным кроме как этноним таджикского племени, проживающего в Бактрии и Вароруде».² Далее он отмечает, что следует остановиться на том моменте, почему господин Симс Вильямс допустил ошибку в переводе надписи из Яковланга. Он обращает внимание на существование двух похожих имен в форме «тазй» (в значении араб) и «тозиг» (в надписи из Яковланга в смысле «таджик»), а также, почему они смешались друг с другом в исторических и литературных источниках.³ Конечно, по этому поводу существует огромное количество публикаций, в которых приводятся разнообразные позиции. Сейчас нет необходимости ссылаться на них.

Анализ исследований письменных источников, эпиграфических, археологических, лингвистических памятников, а также всех мнений и теорий о происхождении и значении этнонима «таджик», приводит нас к некоторым выводам. Так, Г. Дж. Довари считает, что необходимо признать кардинальное различие этнонимов двух племён – «тозй» (в смысле «араб») и «тозиг» (в значении «таджик»). В то время, если этноним «тозй» (араб) видным немецким востоковедом Х. Х. Шайдером (Hans Heinrich Schaeder) считается производным от арабского племени Тай, – то корнем этнонима «tazigo» («тазиг»-точик) в надписи из Яковланга следует считать от среднеперсидского слова *taj* +тач.⁴

Нумизматический материал также свидетельствует о существовании термина «таджик». Свидетельством тому является чеканная монета с почетным званием «Римский император великий повелитель, шах тазиков».⁵ Н. Симс-Вильямс пишет, что это монеты Римского императора, чеканившиеся в период его правления (738-745 гг.) и переводит надпись следую-

---

1 Sundermann W. An early attestation of the name of the Tajiks // *MedioIranica*. Ed. By W. Skalmowski, A. Von Tongero. Louvain, 1993. P. 170.

2 Доварӣ Ғ.Ҷ. Тахлили забонӣ ва таърихи вожаи «тожик» бар мабной осори кашфшуда. Душанбе, 2016. С.104.

3 Там же.

4 См., например Мехрод Бахор. Вожаномаи Бундахишн (Вожаномаи пахлавии «1»), интишороти «Бунёди фарҳанги Эрон» номер 17, издание акционерного общества Иран, Тегеран, исфардмох 1345 (1967), с. 149.

5 Там же, с. 92.

щим образом: «Римский император победил тазииков-арабов»¹. Здесь очевидно противоречие в переводах. Следует отметить, что в данном случае речь идет о восточной Римской империи – Византии.

Сильно попорченный временем фрагмент текста манихейской рукописи из Турфана на парфянском языке, хранящейся в библиотеке Turfanforschung der Berlin Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (Германия) под номером М 339 начинается заглавием «Пар тожико на овок», то есть «на таджикском языке». Если учесть, что тексты датируются VII-X вв., то, вероятнее всего, в этот период население Мавераннахра и Хорасана говорило именно на таджикском.

Этот среднеперсидский этноним, в свою очередь, существует в своей старо-персидской форме *taka*, означающей «петотус» (*Petatos* -название специального головного убора), обозначенного в древнеперсидских клинописных памятниках в форме *'yauna takabara*, т. е. «один грек из племени иуней, который имеет шапку вида петотус на голове».²

Другими словами, этот головной убор, (указанный в петроглифах, в греческом языке называется «петотус» *Petatos*, однако в древнеперсидских надписях Дария и Ксеркса это название приведено не в греческой форме, а в древнеперсидском переводе есть то же самое слово *takabara*, в значении «тоджбар» = «тачвар» – венценосец, коронованный. Эти исторические источники указывают, что этноним «таджик» происходит от названия специального головного убора – короны, вследствие чего таджики в дальнейшем стали известны как «венценосцы» – тождаран. Г. Дж. Довари убежден, что лингвистический взгляд в данном случае, есть самое простое и в то же время ясное и открытое объяснение по сравнению с крайне запутанной интерпретацией господина Х. Х. Шайдера, которую в своей статье приводит также немецкий иранист, В. Сундерман (W. Sunderman), и которую теперь можно считать отвергнутой.³ С целью прояснения своей позиции он приводит лингвистическое объяснение: термин «тадж» (*taj*) происходит от древнеперсидского **taki* – в смысле «один из видов специального головного убора», в котором древнеперсид-

---

1 Sims-Williams N. The Arab-Sasanian and Arab Hephthalite coinage: a view from the East. // De la Vaissier (ed.) Islamization de l'Asie Centrale. Paris: DIFFUSION PEETERS PRESS, 2008. P. 115-130.

2 Kent R. G.: Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon (3th edition) New Haven 1953, 185.

3 Sunderman W.: An Early Attestation of the Name of Tajiks. In: Medioiranica. Proceedings of the International Colloquium Organized by the Kakholieke Universiteit Lauven from the 21st to the 23rd of May 1990 (Orientalia Lovaniensia Analectica 48). Lauven 1993, 163-171

ский корень *taka* – означает «один из видов войлочной шапки ушанки».¹

В-третьих, сегодня по нормам словообразования таджикского языка слова, как правило, заканчиваются согласными буквами. Например, в слове «таджи» открытый слог (-и-) заканчивающийся гласным, принимая согласное «к», становится закрытым слогом. Для сравнения приведем примеры: тор-и-(к) – (темнота), ост-и-(н) (рукав), гушт-и-(н) (борьба) – слова, которые согласно фонетическим правилам, для лучшего звучания приняли согласную букву. На этой основе, по нашему мнению, можно утверждать, что слово «таджик» состоит из трех частей: корня «тадж» (корона), суффикса «й» и согласного «к».

Необходимо отметить, что согласная буква «к» в конце этого слова выполняет функцию закрытого слога. Рассмотрим данное явление на следующем примере: «Теперь я могу быть наездником Кавусу, днем принести темноту (тори)». В этой связи, С. Айни называет согласную букву «к» словообразующим «к» (кафом).²

Следует отметить, что большинство таджикских слов образуется по правилу словообразования, т.е. одна гласная и одна согласная. Сочетание двух согласных или двух гласных подряд нарушает ритмичность языка. Поэтому в таджикском языке, как и в некоторых других языках, не встречаются слоги, состоящие из двух или более согласных. Эта закономерность языка стала распространенной и в совокупности сделала изящный таджикский язык приятным и сладостным.

Если обратить внимание на атрибутику власти, царя, властителя, воина в «Шахнаме», то следует отметить, что в «Шахнаме» имеются многочисленные одеяния и вещи, такие как, золотые башмаки (Тус – Золотобашмачник), стальная цепь (Сиявуша цепь), серебрянный щит, железный панцирь, твердая стрела или лук (лук Рустама) и другие, каждый из которых имеет свое место и свое особое значение. Однако никто из царей официально не вешал и не ставил все эти драгоценности и обмундирование около венца, кроме «таджа», являющегося высшим знаком рода и знатности, а также символом власти, составным элементом его атрибутики, как изображение на флаге, гербе и т.д.

Предполагают, что «Шахнаме» написана по заказу Саманидских царей. Учитывая обычаи и верования, а также язык и метод изложения «Шахна-

---

1 Довари Г. Дж. Тахлили забонӣ ва таърихи вожаи «тожик» бар мабноси осори кафшфшуда. Душанбе, 2016. С.105.

2 См.: Махмадов А.Н., Саъди Маҳди. Вожаи «Гочик» бешубҳа аз тоҷ аст.// Забон ва худшиносии миллӣ. Душанбе, 2008.С.15-16.

ме», его близость к говору современных таджиков, с уверенностью можно утверждать, что «Шахнаме» – это историческая летопись персидско-таджикских царей и арийских народностей. Заметим, что голова памятника Исмаила Сомони, расположенного в центре Душанбе, обрамлена короной, напоминающей «тадж» описанный Фирдавси.

В настоящее время появились вопросы по подобной интерпретации слова «таджик», ответы на которые привели в замешательство филологов и лингвистов. Вопрос первый, если историческая форма этнонима есть «таджик» т. е. «тогик», то почему в древних манускриптах нигде не встречается данное слово как род человеческий в смысле венценосец или коронованный.

Относительно того, что слово «тадж» воспринято арабами от представителей местных этнических общностей – согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев, сомнений нет, и представляется, что они впервые увидели царскую корону во времена Хурмузда IV (578-590). Хурмузд IV, из династии Сасанидов, преподнес своему вассалу Нуману III, арабскому правителю Хиры, возведенному на престол Сасанидами, корону, которая оценивалась в шесть тысяч дирхамов. Поэтому некоторые арабские писатели называли его «зуттадж».¹

С. Айни, хотя этимологически и не интерпретировал слово «таджик», тем не менее, его разъяснения верны. Следует, отметить, что слово «тозик» (араб, този, тойи) является аналогией слова «таджик», однако оно не является синонимом слова «таджик» (как отмечено в словарях). Если это так, то возникает вопрос, почему в двух известных и весьма популярных словарях «Бурхони котеъ» («Неоспоримый аргумент») и «Гиёсу-луғот» («Словарь Гиёса») таджиков стали называть «точик»? Это предположение зародилось из факта принятия ислама и соответственно большинства обычаев арабов, а также признания арабского языка языком науки и др. факторов, которые привели некоторых ученых к выводу о том, чтобы считать происхождение арабов и таджиков из одного рода. Так, Л.Н.Гумилев, следуя антропологической методике, по внешнему виду приписывает таджиков к арабам, что, несомненно, является ошибкой² и это доказывают антропологические исследования.

Между тем, хорошо объяснил ошибочность данного предположения Ханыков в своих примечаниях к работе К. Риттера «Иран», где он пишет, что «вопросы о таджиках и разъяснение их происхождения и значение этого

---

1 Махмадов А.Н. Муқаддимаи идеяи миллӣ. –Душанбе: «Эр-граф», 2013. -С. 91.

2 Гумилев Л.Н. Вспышки этногенеза. Социальная и этногенетическая история // Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. Москва: Ди Дик. 1997.

имени, по-видимому, сильно занимали ученого». Так, «В томе V стр. 717, изложив выписки из китайских летописей, где говорится о «теводжи», т. е. «таджиках», заметив весьма основательно, что китайцы не смешивали их с арабами, которых называли персидским именем «тази». К. Риттер говорит: «как не полны эти китайские сведения, все же они важны тем, что положительно свидетельствуют о том, что «теводжи» или «таджики» все персияне. Это, по-видимому, было их древнее название, которое и доселе сохранилось у всех народов, говорящих по-персидски и рассеянных вне Персии».¹

Заметим, что Л.Н. Гумилев не мог не знать о том, что в существовавших тюркских государствах XI-XII вв. государственным языком оставался таджикский и все государственные должности при дворе занимали таджики. Тем самым, таджики в течение нескольких столетий продолжали оставаться творцами науки и культуры региона. Иначе говоря, степные кочевники никогда бы не почувствовали и не познали бы прелестей обустроенного жилища и системы государственного обустройства.

Абумансур Са'алиби – современник Саманидов, пишет, что жители Бухары говорят на искаженном согдийском языке дари. Большинство жителей Бухары, подобно жителям Вароруда², носят кубо и кулох³. Возникает вопрос: существовали ли в практике прошлого примеры именованья народностей или наций короной или другим головным убором, или же это единичный случай в истории?

Следует отметить, что в древние времена под этнонимом и народностью подразумевалась высокая точка на теле человека, то есть голова – «головаст». Да, в исторической практике были случаи именовать народ самым главным органом человека – головой. Обратимся к эпохе древности. Так, в Бехистунской надписи ахеменидского царя Дария I (522–486 гг. до н.э.) говорится: «После этого я отправился в страну Сака, против саков, которые носят островерхие шапки». (V.74).⁴ Известно, что саки являются предками таджиков. Геродот, живший в V в. до н.э., писал о саках, носивших «высо-

---

1 Ханьков Н.В. О таджиках//Таджики в источниках и трудах исследователей. Душанбе, 2013. –С.?

2 Вароруд – после завоевания арабами стали называть Мавераннахром.

3 Ибни Хаукал. Сурат-ул-арз, с.217. Кабо – просторная мужская одежда с длинными рукавами: Кулох – шапка, головной убор.

4 The Bisutun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version // Corp. Inscr. Iran. Pt I. Inscription of Ancient Iran. Vol. II: Texts I. Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Prints, 1978 (Babilonian Text, including the Babylon fragments, Eng. transl. by E. Voigtlander).

кие островерхие тюрбаны, плотные так, что стояли прямо» (VII. 64).¹ О саках, носивших островерхие шапки, пишут также Арриан² (86-160 гг. н. э.) и Страбон, живший ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24 г. н.э.³

В X-XI в. слово «таджик» широко использовалось в трудах уйгурских и китайских ученых.⁴ В «Истории Байхаки» от имени Султан Махмуда Газнави приводится, что султан ссылается на единодушие таджиков и их почтительность: «И повелел предупредить Абулхасана Укайли быть деликатным, ибо таджики все едины и почтительны (внимательны) к поручениям, данным мною».⁵

Имеются также и другие примеры:

тадж+и= таджи (обладающий венцом) т.е. знаком мужественности и элитного рода происхождения, который представляет себя этим именем.

Куло+и=куловй (обладатель куло) – курды, собиравшие свою шевелюру как венец. «В степи встретилось мне племя курдов, сделавшие себе каждый из волос куло (из «Гухфату-л-ахбоб»).

Именование народностей и наций по изяществу какого-либо органа тела, например, головы, очень популярно у аборигенов Америки и Австралии, индусов и других.

Приведенные материалы, позволяют нам подчеркнуть общеизвестные факты: во-первых, головной убор является атрибутом одежды, у каждого народа своя форма покрытия «высокой точки тела человека – головы», к ним относятся термины, которые мы перечислили выше. Эти термины помогали, вероятно, определить этничность общности, поэтому «таджи» и «куло» являются терминами определяющими в какой-то степени этничность. Во-вторых, эти термины несут не только этнический фактор, но и социальный. Согласно этого, «тодж» – коронованный, человек носящий корону, имел определенный статус в обществе.

Таким образом, проведенный нами анализ письменных источников, эпиграфического материала, а также основных точек зрения на этимологию и значение термина «таджик» показал, что этноним «таджик» непосредственно имеет отношение к слову «тадж», и нес не только функцию определения этничности, но и его социального статуса для более раннего периода.

---

1 Геродот. История в девяти книгах. Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1972. 600. С.

2 Арриан. Поход Александра/Пер. с латинского М.Е. Сергеенко, предисловие О.О. Крюгера. М.: МИФ, 1993.

3 Страбон. География. В 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Л.: Наука, 1964. 943 с.

4 Таджики в источниках и трудах исследователей. Душанбе, 2018, с.

5 «Гочик – точдор, точвар». Душанбе, 1990. С.63.

Вместе с тем следует отметить, что на протяжении всего периода правления идеологии ислама слово или понятие «нация» в нынешнем его значении отсутствовало. Арабы для определения понятия народности или нации издревле использовали слово «шааб» или племя. В Коране слово «нация» встречается 17 раз.

Возможно, по причине влияния этого учения, наши мыслители вообще иначе относятся к доисламскому периоду нашей истории и пишут о нём весьма сдержанно. Но на территории, где господствует ислам, проживает множество племен, народностей и народов. Таджики, как и другие народы региона, вовлеченные в арабский мир, все же не отказались от своей идентичности, как это произошло у некоторых народов северной Африки (например-египтяне), что позволило таджикам в начале XX века возродиться как национальность.

Само существование таджикского народа – 9 млн. в Таджикистане, определенное количество таджиков в мире (от 15 до 20 млн.) в Афганистане, Пакистане, Индии, Узбекистане, Китае, Кыргызии, Казахстане и др. странах, которые во все времена и при всех обстоятельствах, от поколения к поколению, называли себя таджиками и, несмотря на свою разрозненность, их объединял и объединяет единый язык, культура, традиции, обряды, этнопсихологические особенности. Все это является реальными и обоснованными фактами, перед которыми все другие доводы превращаются в беспочвенные предположения. Например, международные праздники Сада, Навруз, Мехргон, свадебные, погребально-поминальные обряды, фольклор, мифология, музыкальная культура, изобразительное искусство, всё это выражает трепетное отношение к сохранению своей идентичности и происхождению, и несомненно, указывает на этническую общность таджиков. Более того, оберегаемая таджиками память о своем историческом прошлом указывает на существовавшие государства таджиков и на народ, который имел свою государственность, независимо, от того кто стоял у власти.

Таким образом, подчеркнем, что в истории человечества всегда существовали народности и нации, которые во имя укоренения и укрепления своих исторических корней, связывали своих предков с какими-то царями или положительными, или отрицательными личностями. Приведенные материалы показали, что таджики являются автохтонным населением Центральной Азии и прямыми потомками арийских народностей. Этноним «таджик» существовал до прихода арабов в регион. Термин «таджик» бесспорно означает – «коронованный», «венценосный», «благородный».

Глава II

ФОРМИРОВАНИЕ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

1. Древние и средневековые языки Центральной Азии

Очевидная важность языка как фактора этногенеза побуждает нас обратиться к языкам, которые были распространены на территории Таджикистана и в соседних странах в древние времена и в средневековье, точнее, к тем основным языкам или лингвистическим группам, которые оставили свой след в Средней Азии. Наиболее существенной из этих языковых групп являются иранские языки индоевропейской семьи, к которым относится и таджикский. Понимание той языковой ситуации, которая сложилась в Средней Азии в прошлом, является необходимым условием для обсуждения вопроса формирования таджикского языка.

Выяснение происхождения языка древнего населения, проживавшего на той или иной территории, – часто непростая, а иногда и невыполнимая задача. При отсутствии письменных памятников язык населения можно выяснить при помощи реконструкции более раннего состояния известных нам родственных языков, выявления их общего языка-предка. Метод лингвистической реконструкции в близкой и средней перспективе – примерно до двух тысяч лет ранее старейших письменных памятников – в данном случае вполне надежен для исследования. В то же время, соотношение реконструируемого таким образом праязыка с конкретным периодом, с конкретной местностью, с конкретной археологической общностью оказывается зачастую дискуссионным. Общеиндоевропейская языковая реконструкция, например, разработана до малых деталей, однако вопрос о происхождении индоевропейцев, времени и месте возникновения этой общности решается различными исследователями совершенно по-разному.

Языки населения территории можно попытаться установить и на основе анализа дошедших до более позднего времени слов, в первую очередь, географических названий, которые пережили язык, на основе которого

они и были составлены. Так, названия городов и селений, оканчивающихся на *канд*, *кент*, *кат*, указывают на согдийское прошлое этих территорий (согд. *kaⁿθ* – «город»). Помощь в установлении языка могут оказать и синхронные иноязычные фиксации имен и географических названий, так называемые *Nebenüberlieferung*. Вместе с тем объяснить эти «слова» достаточно сложно, и часто эти объяснения весьма противоречивы, ибо чаще всего мы имеем слова из чужого языка, лишенные перевода. Например, большой пласт личных имен, топонимов, терминов происходит из зоны контакта греков с варварами Северного Причерноморья. Однако эти слова толкуются на основании различных языков ареала: иранских (скифские, сарматские диалекты), фракийских, диалектных греческих, автохтонных кавказских, позднее – готского, иногда предлагаются и индоарийские объяснения. В итоге обосновать связь конкретных племен с конкретными языками достаточно трудно, и здесь вновь возникают споры.

Но даже при наличии местной письменной традиции (и при условии, что письменность удовлетворительно дешифрована) остается немало подводных камней. Нужно учитывать, что письменность далеко не всегда отражает реальный язык населения, а если и отражает – то, как правило, нивелирует разницу в диалектах, слабо отражает реальное звучание языка. Арабский язык, безусловно, доминирует в текстах и надписях из Средней Азии раннеисламского времени, однако он был родным лишь для абсолютного меньшинства населения. Во всей массе персотаджикской литературы классического периода мы видим единый, стандартизованный язык, распространённый на огромной территории от Кони до Дели. Очень редко, да и то, как правило, в самых незначительных, с художественной точки зрения текстах, можно увидеть диалектные особенности той или иной области.

Языковые семьи, которые надо учитывать при изучении истории и этногенеза таджикского народа, весьма разнообразны. Это, во-первых, индоевропейские языки (иранские, индоарийские, нуристанские, тохарские, греческий), алтайские (тюркские, монгольский, языки кочевников гуннского круга), семитские (диалекты арамейского, арабский), сино-тибетские, дравидские (брагуи), изолированный язык бурушаски в верхнем течении Инда. Разумеется, основное значение здесь имеют языки иранской группы индоевропейской семьи, к которым относится и сам таджикский.

Индоевропейские языки – это семья родственных языков, в которую входят большинство языков Европы (кроме финно-угорских, кавказских семей и баскского, а также некоторых вымерших языков, как, например, этрусский в частях античной Италии), и больших частей Азии, включая современную Армению, Иран и Индийский субконтинент. В настоящее время в Центральной Азии индоевропейские языки имеют официальный статус в Таджикистане и Афганистане (дари и пушту), стоит также учитывать, что и русский язык, широко распространенный на этих территориях уже более ста лет, также индоевропейский. В более отдаленном прошлом роль индоевропейских языков в Центральной Азии была намного выше.

Индоевропейская семья языков делится на ряд групп (с запада на восток): кельтские, романские, германские, албанский, греческий, балтийские, славянские, армянский, иранские, индоарийские, нуристанские. Имеются и вымершие группы: анатолийские (хеттский и др.) в древней Малой Азии, (ряд исследователей ныне не включает анатолийские в индоевропейские языки и предлагает более широкий термин индо-хеттская семья), италийские в Италии до распространения латыни, палеобалканские, тохарские в бассейне р. Тарима до его тюркизации.

Индоевропейские языки родственны и происходят из одного источника, родство слов иногда видно сразу: ср. английское *brother*, латинское *frater*, русское *брат*, таджикское *бародар*, но такие очевидные случаи редки, обычно фонемы праязыка изменялись с течением времени, следуя определенным фонетическим законам. Совершенно не кажется очевидным одинаковое происхождение английского *wheel*, русского *колесо* и таджикского *чарх*, однако все они закономерно восходят к общей индоевропейской праформе $*k^w ek^wl-$. Кроме того, поскольку постоянно происходили радикальные семантические сдвиги, постольку разнообразные заимствования часто изгоняли корневую лексику из языков. С течением времени сильно изменялась и грамматика (богатое словоизменение древних индоевропейских языков со временем упрощалось, в меньшей степени – в русском, в большей – в английском или персидско-таджикском).

Единство индоевропейских языков было открыто европейскими исследователями в конце XVIII – начале XIX вв. благодаря сопоставлению языков известных тогда древних текстов (санскрит, греческий, авестийский, латынь, готский) и архаичных языков (литовский, исландский). Общеиндоевропейский язык (или континуум близкородственных диалек-

тов) реконструируется весьма четко на основе историческом, или сравнительной лингвистики, когда более ранние стадии языка восстанавливаются на основе сопоставления более поздних записей. Однако, несмотря на более чем 200 лет научной традиции, время и место появления первых носителей индоевропейских языков остается нерешенной проблемой. Ученые чаще всего располагают родину индоевропейцев среди земледельцев бронзового века Центральной, Восточной Европы или Западной Азии, но не утихают дискуссии о более точном времени и месте и о соответствующих археологических культурах. Исследователи сошлись во мнении, что индоевропейские народы пришли в Среднюю Азию со своей первоначальной родины, расположенной где-то к северо-западу, и древнейшее (до развитого Бронзового века) население Средней Азии не говорило на языках индоевропейской семьи.

Наиболее яркая культура доиндоевропейского населения Центральной Азии – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс, центр которого приходился на север современного Афганистана и юг Туркмении, с выходами и на территорию Таджикистана. Комплекс характеризовался ирригационным земледелием, сильной фортификацией и достаточно развитой социальной структурой. Религиозная жизнь носителей бактрийско-маргианского комплекса включала в себя культы, позднее инкорпорированные в индоиранскую религию: алтари огня, приношения определенных растений, в которых усматриваются индийская *soma*, авестийская *haoma*. Население не оставило письменных памятников, однако, по археологическим наблюдениям, оно было родственным, в первую очередь, харапской цивилизации долины Инда и культурам Иранского плато, Белуджистана. К сожалению, и языки этих родственников носителей бактрийско-маргианской культуры, остаются неизвестными, однако делаются серьезные попытки выявить слой бактрийско-маргианских заимствований в словаре древнейших индоиранских языков: **(h)uštra* – «верблюд» (основное тягловое животное в этой культуре), **at(h)arvan* – «разряд жрецов», **išt(y)a* – «кирпич», бог **Indra* – и т.д.

Занимаясь доиндоевропейскими языками Средней Азии, стоит более пристальное внимание обратить на два рудиментарных языка, сохранившихся недалеко к югу от этого региона: брагуи и бурушаски.

Язык брагуи (*brahōi*) относится к дравидской семье, и на нем говорят преимущественно около Калата в Северо-Западном Пакистане, в 2-х тыс.

км от Деканского полуострова, где распространены другие дравидские языки. Количество носителей не ясно, разные оценки дают от 500 тыс. до 2-х млн. человек. Брагуи были кочевниками до недавнего прошлого и воспринимали себя как особую группу кочевников – белуджей (носителей одного из иранских языков). Брагуи достаточно далеки от всех остальных дравидских языков (тамильский, телугу и др.) и подвержены сильнейшему влиянию иранских, индоарийских, арабского языков. Лишь 15 процентов лексики брагуи восходит к корневому дравидскому словарю, остальное – заимствования. Письменность на брагуи (арабским письмом) возникла совсем недавно. У ученых есть две точки зрения на происхождение брагуи: согласно одной из них, они являются относительно недавними переселенцами с юго-востока; согласно второй – брагуи являются наследниками северных пределов огромного дравидского массива, который был в древности разделен и сужен нашествием индоариев. Первая точка зрения подтверждается отсутствием сведений о брагуи в письменных источниках старше позднего средневековья, отсутствием древне – и среднеиранских заимствований в брагуи; вторая точка зрения находит подтверждение в лексико-статических подсчетах и построении древа родства дравидийских языков. Фонетическая система брагуи близка к звуковому составу иранских и индоарийских языков-соседей (с потерей всех альвеолярных и части ретрофлексных согласных, типичных для дравидских языков), морфология языка агглютинативная, с преобладанием постфиксации над пре – или инфиксацией. Интересна глагольная парадигма с противопоставлением так называемого «негативного» и «аффирмативного» вида. Большинство слов корневого лексикона, как и морфологических частиц, дравидийского происхождения.

Язык бурушаски (*Burúšaski*, *Werchikwár*) используют от 50 до 100 тыс. носителей в горной долине Хунза на севере Пакистана. До самого недавнего времени язык был бесписьменным. Имеются исторические сведения о народе бурушаски в источниках последней тысячи лет, так что вопрос об их недавней миграции в науке не ставится. Язык делится на три диалекта: хунза, нагер (на двух берегах Хунзы, притока Инда) и ясин (на 100 км восточнее), первые два весьма близки друг другу. Бурушаски – языки-изолят, т.е. он не имеет родственников среди других языковых семей (имеются весьма неясного свойства теории о включении бурушаски в ту или иную макросемью Евразии). Фонологическая система бурушаски

сходна с фонологией соседних индоиранских языков гималайского региона со свободным смысловоразличительным ударением. С точки зрения формальной морфологии, язык бурушаски агглютинативен, с префиксацией и постфиксацией, имеет четыре класса существительных (мужской человеческий, женский человеческий, исчисляемый нечеловеческий и неисчисляемый нечеловеческий классы), четыре числа (единственное, множественное, двойное (групповое) множественное и сингулятив, используемый для имени в неопределенном числе). Имеется, кроме того, группа существительных, которые нельзя использовать без местоименного префикса (нельзя, например, сказать просто «глаз», только «мой глаз», «ее глаз» и т.д.). В глагольной парадигме имеется большое число временных и видовых форм, образуемых префиксами, постфиксами или комбинированным способом. Используется эргативная модель образования предложений с переходным предикатом: фраза «мужчина увидел женщин» формально строится как «на мужчину женщины они были увидены им» (сходная модель образования прошедшего времени переходных глаголов в ряде индоиранских языков иногда объясняется как влияние вымерших родственников бурушаски).

Говоря о неиндоевропейских языках гималайского региона, нельзя обойти молчанием и тибетские языки, в первую очередь, балти (*Beltiké*), распространенный в Балтистане. Антропологически и по языку народность балти относится к тибетской группе сино-тибетской языковой семьи, однако исповедует преимущественно не буддизм, а ислам исмаилитского толка. Время проникновения тибетцев – балти и ладакхи в Гиндукуш должно относиться ко времени не ранее тибетской империи VII в. Балти сохраняет ряд архаизмов фонетики классического тибетского, утраченных в других диалектах, но при этом почти потерял тоническое ударение, характерное для сино-тибетских языков.

Однако вернемся к носителям индоевропейских языков. У предков индоиранских народов было общее этническое самоназвание: **arya-*. Этимология этого термина не выяснена, однако известно, что он одинаково использовался древними индийцами и иранцами и не применялся представителями других индоевропейских групп. Таким образом, мы вправе называть индоиранские народы, включая сюда, разумеется, и таджиков, термином *арья*, *арии*, *арийцы*. В Индии этот этноним дал термин *árya* – «благородный», в то время как в древнем Иране выражение **airiānām*

xšaθra – «страна ариев» развилось в среднеперсидское *Ērān (šahr)*, откуда современное персидское *Irān*, таджикское *Эрон*.

Общеарийский язык (или континуум близких диалектов) существовал, по-видимому, в III или начале II тыс. до н.э. Во время расселения по Средней Азии, Северо-Западной Индии и Восточному Ирану, или немногим позже, арийские языки разделились на три группы: индоарийские, иранские, и нуристанские, или кафирские языки. Сейчас нам придется снова «перескочить» в настоящее время, поскольку последняя группа стала известна науке лишь в XIX в.

Нуристанские языки распространены в высокогорных долинах к северо-востоку от Кабула (современные данные указывают на 140.000 носителей). Эта горная, лесистая, труднодоступная страна была до конца XIX в. известна как Кафиристан – «земля неверных, многобожников», поскольку до того времени население исповедовало политеистическую религию индоиранского корня (главного бога именовали *Indr*). В 1896 г. афганский эмир Абдуррахман Хан завоевал Кафиристан, обратил население в ислам и переименовал область в Нуристан – «страну света (ислама)», однако ряд элементов доисламской религии нуристанцев все еще сохраняется. Существуют четыре основных нуристанских языка – кати (или башкали, *kāt'avari*), вайгали (*waigal-alā*), ашкун (*aškūni weri*) и прасун (*pārūnī, wasī-veri*), имеется ряд более мелких диалектов. Как доказал норвежский лингвист Георг Моргенстьерне около 75 лет назад, нуристанские языки – не подгруппа иранских или индоарийских, а самостоятельная группа арийских языков. Позиция их, впрочем, не вполне ясна: по мнению одних исследователей, нуристанские ближе индоарийским, чем иранским; другие считают наоборот, третьи же приходят к выводу, что нуристанские выделились ранее, чем произошло отделение индийских от иранских.

Особенности, выделяющие нуристанские языки, – это полная потеря придыхания (так, **d^h* дает *d*, а **t^h* – *t*), переход **k* в звук типа *ts* и **g* – в *dz*, исключение из правила *RUKI* (сохранение группы **us*). Особенность звукового состава нуристанских языков – это ряд церебральных (ретрофлексных) смычных, фонологическое смягчение и огубливание, богатство аффрикат (9 в кати) и шелевых (11 в кати). В морфологии господствует флексия, очень богато глагольное спряжение, имеются особые наклонения для пересказа и сомнительных (с точки зрения говорящего) фактов, в прошедших временах налицо эргативная конструкция (в пре-

зенсе – номинативная). Имеется (как часто в языках горных народов) развитая система ориентации в пространстве, включающая наречия, прилагательные и провербы (до 18 в языке кати).

Эти синхронные особенности нуристанских языков в фонетике, морфологии и лексике объединяют их с дардскими языками, расположенными к востоку и юго-востоку от Нуристана, преимущественно в Пакистане. Самый крупный из дардских языков – кашмири (*kāśur zabān*), с 4 миллионами носителей и полутысячелетней литературной традицией. Дардские народы упоминаются еще с I тыс. до н.э. (санскритское *darada-*, *piśaca*, вероятно, *dadikai* у Геродота), сообщается об их особом языке. Большинство нынешних дардских народов исповедует исмаилитский ислам, лишь калашаи (*kalāśa*) сохранили индоиранский политеизм. Дардские языки генетически далеки от нуристанских и относятся к индоарийской группе, однако общность географических условий, территории, подпитка тем же субстратом (родственным бурушаски?) стали причиной значительного схождения дардских и нуристанских. В течение долгого времени ученые принимали нуристанские языки за ответвление дардских, и слабо задокументированный диалект дамели относят то к дардским, то к нуристанским языкам. Эта вторичная близость языков Гиндукуша, Памира, Каракорума, западных Гималаев, объединяющая нуристанские, дардские, иранские, памирские языки, бурушаски, тибетские балти и ладакхи именуется «памиро-гиндукушским языковым союзом».

После разделения индоиранской общности ряд изменений произошел как в иранских, так и в индийских языках. В индоарийских – фонема $*j^h$ (индоевропейское $*g^h$) дала *h*, дифтонги $*ai$ и $*au$ развились в *e* и *o*, и т.д. В иранских было потеряно придыхание звонких согласных, а глухие придыхательные превратились в шелевые (напр. $*p^h$ дал $*f$), а $*s$ перешло в *h*, и т.д. Вместе с тем, разница между древнейшим индоарийским и иранским была не очень большой. Ученые в качестве эксперимента переводили древнеиранский текст на древнеиндийский, используя лишь набор ясных фонетических законов, и результат оказывался вполне понятным.

Древнейший индоарийский язык – это ведийский (ведический санскрит), на котором были сочинены Веда, священные тексты индийской религии. Наиболее древние гимны древнейшей Веда, Ригведа, были, вероятно, составлены в Пенджабе во второй половине II тыс. до н.э. В то время индоарийская экспансия еще не распространилась далеко за долину

Инда. Веды передавались изустно и учились наизусть и записаны были только через два тысячелетия после составления. Однако устная традиция передачи никоим образом не исказила священный текст, и ведический, как предполагается, очень близок реконструируемому общеиндоарийскому (хотя ряд дардских языков, возможно, отделился от индоарийского ствола до составления Вед).

Чрезвычайно стандартизованный наследник ведического, сформированный в середине I тыс. до н.э., именуется классическим санскритом (*samskṛta*, букв. «собранный, приготовленный»), это язык одной из богатейших литературных традиций древности и средневековья. Уже в поздневедийский период разговорные индоарийские языки начали отделяться друг от друга (и от полуискусственного санскрита) и скоро тоже стали носителями литературной традиции. Эти среднеиндийские языки различных регионов субконтинента именуется пракритами (*Prākṛta* – «естественный (язык)»), некоторые пракриты сыграли свою роль в среднеазиатском ареале.

Самый древний известный нам иранский язык – тот, на котором была составлена Авеста. Авеста, как и Веды, – сборник священных текстов, относящийся к той древнеиранской религии, которую реформировал Заратуштра. Авеста была составлена преимущественно в стихах, и как минимум в течение тысячелетия бытовала в устной передаче до появления первой записи. Для ее письменной фиксации была изобретена очень рациональная письменность, базирующаяся на среднеперсидском алфавите, с корректной передачей сложной фонетики авестийского. Авестийский язык делится на два варианта: староавестийский (или язык Гат, *gāthā*, гимнов, автором которых был сам Заратуштра, а также прозаической *Yasna Haptanhāiti* и некоторых фрагментов) и младоавестийский, на котором составлена большая часть Авесты. Два эти варианта достаточно близки друг другу, хотя язык Гат явно старше младоавестийского. Имеется, возможно, не только хронологическая, но и диалектная разница между старо – и младоавестийским, имеются части Авесты, составленные на смеси двух диалектов.

Авестийский ни в одной разновидности нельзя назвать общим древнеиранским, поскольку в его системе имеется ряд новаций относительно реконструируемого состояния. Более того, ни один из позднейших иранских языков нельзя признать непосредственным наследником авестийского. Авеста, осо-

бенно Гаты Заратуштры, с их философической глубиной и ограниченностью корпуса, считаются одним из сложнейших индоевропейских текстов, и переводы Гат разных исследователей, которые вкладывают в них часто диаметрально противоположные идеи, появляются едва ли не раз в 10 лет. Мы здесь не будем останавливаться на различных гипотезах по датировке Авесты и на ее географическом кругозоре, включавшем Среднюю Азию.

Авестийский – характерный ранний индоевропейский язык с богатой флексией. У имени восемь падежей, три рода, три числа (единственное, двойственное и множественное), различные склонения для основ тематических (заканчивающихся на гласный) и атематических (на согласный). Глагольная парадигма очень богата и включает в себя три лица, три числа, активный, медиальный и пассивный залог, основы презенса, аориста и перфекта, пять наклонений. Все эти формы образуются благодаря первичным и вторичным окончаниям, суффиксам основы, редупликации и ступени гласного корня, префиксы изменяют семантику глагола. Особенностью можно считать отсутствие аугмента *a*, который ставится перед основой глагола в прошедших временах и присутствует, например, в санскрите, древнеперсидском, согдийском, хорезмийском, ягнобском, а также греческом и армянском. Имеются и свои особенности в исторической фонологии: озвончение кластеров **xt* в *γd* и **ft* в *vd* (что типично для восточноиранских языков), особенный переход группы **rt* в *ṣ*, который зависел от ударения.

Древнеперсидский относился к другой ветви иранских языков, он известен почти исключительно по монументальным трехязычным (древнеперсидский, эламский и аккадский) надписям ранних Ахеменидов, крупнейшая и наиболее значимая из которых – надпись Дария Великого на Бехистунской скале в нынешнем иранском Курдистане (после 515 г.). Кроме того, важны многочисленные собственные имена персов и другие глоссы в эламской, арамейской, аккадской, греческой передаче. Древнеперсидские надписи выполнены письмом клинописного облика, которое было изобретено под влиянием аккадской и эламской клинописи, но использовало совсем другую систему записи, совмещавшую алфавитный и слоговой принципы. До сих пор не найдено ни одной древнеперсидской надписи на территории Средней Азии (имеются краткие надписи на артефактах из Степного пояса), но Средняя Азия входила в состав империи Ахеменидов, и, соответственно, часть элиты говорила на этой территории по-древнеперсидски.

Кроме означенных выше прямо задокументированных древнеиранских языков имелись и другие языки устного общения, которые известны нам по большим сериям собственных имен и другим заимствованиям в соседние языки (т.н. *Nebenüberlieferung*). Из этих разговорных языков наиболее примечательны мидийский – язык иранского государства, предшествовавшего Ахеменидам, и понтийские – скифский и сарматский. В то время как большинство иранских народов, заняв плодородные области Средней Азии и Ирана, перешло к оседлости, ряд иранских племен все еще продолжал заниматься кочевничеством в Степном поясе Евразии. Археологические культуры скифов, с их монументальными курганами, украшениями «звериного стиля», особым конским убором, достигали Дуная с одной стороны и Саян и Алтая – с другой. Конечно, языки большинства этих скифов остаются нам неизвестными, но то, что записано (особенно греками) и касается жителей Причерноморья, указывает на особый древнеиранский язык. Скифы из Черноморских степей были изгнаны сарматами, которые также носили иранские имена, но относившиеся к другому (и более позднему) диалекту. Позднее иранские кочевники Причерноморья были в значительной степени уничтожены или ассимилированы гуннами и тюрками, однако ираноязычные группы продолжали существовать, это средневековые аланы (цитаты в греческих сочинениях и краткая надпись с реки Зеленчук греческим письмом) и яссы (яско-венгерско-латинский глоссарий, серия заимствований в венгерском). Ныне их продолжает осетинский язык (*iron ævzag*) в Центральном Кавказе. Языки саков, кочевников скифского круга, живших в Средней Азии, известны нам много хуже, но и имеющиеся имена и этнонимы не оставляют сомнения в их иранской принадлежности.

Уже в этих древнеиранских языках мы видим разделение на восточно– и западноиранскую подгруппы, даже, более подробно, на северо– и юго-западную, возможно, северо– и юго-восточную (понятие последних двух подгрупп, впрочем, понимается исследователями по-разному). Это разделение не столько отражает реальное географическое распределение языков, сколько их генетические связи. Так, относящийся к северо-западным иранским, белуджский распространен на самом юго-востоке иранского массива, а позднесредневековый восточноиранский, ясский, был отмечен далеко на западе от остальных иранских языков, в Венгрии (заметим, что оба народа, и белуджи, и яссы, были кочевниками и потому с легкостью передвига-

лись, имеются и исторические факты переселения белуджей в нынешний Белуджистан и яссов на Дунай). Не все языки безоговорочно относят к западным или восточным иранским, например, малые языки ормури и парачи на территории Афганистана и Пакистана одни исследователи относят к северо-западно-иранским (в основном советская школа), другие – к восточноиранским (в Европе). Бактрийский, относящийся по формальным признакам к восточноиранским, демонстрирует наибольшую близость парфянскому, эталонному северо-западно-иранскому языку.

Самые ранние письменные памятники, достоверно происходящие из Центральной Азии, были найдены около двух десятилетий назад где-то в Северном Афганистане (ныне в коллекции Н.Д. Халили в Лондоне). Они состоят из 48 документов на коже, написанных на так называемом «имперском арамейском» и некогда хранившихся в архиве Багаванта, губернатора Хульма (Ташкурган в Северном Афганистане), датируются между 353 и 324 гг. до н.э., т.е. временем последних Ахеменидов и нашествия Александра. Имперский арамейский – ранняя разновидность близкородственных северо-западных семитских арамейских языков (наравне с библейским арамейским, сирийским и др.). Он служил основным канцелярским языком всей Ахеменидской империи. Для фиксации использовался вариант западно-семитского квазиалфавитного письма, в котором выписывались согласные, а гласные (которые формируют грамматические отношения согласных корней) обычно не выписывались, направление письма было справа налево. Позднее это письмо было заимствовано иранскими народами (а также в модернизированном виде как письмо кхарошхи в Северо-Западной Индии) и продолжало использоваться во многих местах Азии вплоть до современных маньчжуров и монголов Китая. Арамейская грамматика и стиль документов из Афганистана не отличаются от аналогичных текстов из других частей Ахеменидской империи (в первую очередь, Египта). На арамейском языке в Средней Азии едва ли говорил кто-то, кроме узкой прослойки писцов. Разумеется, тексты полны иранских собственных имен и терминов.

Нашествие Александра считается условной границей между древнеиранским историческим периодом и среднеиранским. Однако древнейшие среднеиранские тексты датируются более поздним временем – со II в. до н.э. Имеются некие черты, которые отделяют среднеиранские языки от древнеиранских. Это упрощение древних дифтонгов **ai* и **au* в долгие *ē* и

ō, соответственно, потеря конечных согласных или конечных безударных слогов, различного рода облегчение (лениция) согласных между гласными, упрощение склонения и спряжения, развитие сложных глагольных форм. Эти тенденции отмечены в различное время в различных иранских языках (различия между отдельными языками с течением времени усиливались), и ряд среднеиранских черт, по-видимому, проявился еще до времён до Александра. Эти черты задокументированы слабо, только в иноязычных передачах иранских слов и в повторяющихся грамматических ошибках в поздних древнеперсидских надписях.

Язык завоевателей, греческий, использовался в Средней Азии как официальный при наследниках Александра и как язык греков и эллинизированного населения в Греко-Бактрийском царстве (ок. 250 – 130 гг. до н.э., многочисленные греческие надписи из Ай-Ханум и из Тахти Сангин), а имперский арамейский все еще оставался языком канцелярии. Ашока, правитель Индии династии Маурья (273-232 гг. до н.э.), оставил большое количество наскальных эдиктов. На большей части Индии надписи начертаны письмом брахми, в Северо-Западной Индии – письмом кхароштки (реформированным арамейским), а на крайнем северо-западе, в теперешнем Афганистане – на арамейском и греческом. На больших территориях Средней Азии, особенно в Бактрии, был найден ряд надписей на неизвестной, но единообразной письменности, относящихся к кушанскому времени. Была попытка объяснить их как вариант письма кхароштки, приспособленного для нужд иранского языка, близкого хотано-сакскому (возможно, это был язык самих юэчжей – тохаров), но эта интерпретация не является общепринятой. Наибольшая сложность – в очень скромном объеме известных текстов.

Арамейский язык упомянутых надписей Ашоки, однако, нельзя признать чистым арамейским. Кажется, что переводчики его эдиктов не знали языка в совершенстве и переводили текст со своего родного индийского или иранского языка слово за словом, игнорируя арамейский синтаксис и порядок слов. Когда они встречали новое слово, арамейский эквивалент которого был неизвестен, они писали просто само индийское или иранское слово.

Эта практика со временем привела к гетерографии (идеографии, арамеографии), что составило особенность письменности таких среднеиранских языков, как среднеперсидский, парфянский, согдийский и хорезмийский.

Многие иранские слова записывались через их арамейские эквиваленты. Так, если согдийскому писцу надо было написать согдийское слово *γr̄w* – «тело, шея, сам», он вместо этого писал арамейское *šwrh* (*šw̄wāreh*) «сам, лицо». Когда по-среднеперсидски надо было начертать глагол *nibēsēd* – «он пишет», то, в действительности., он записывал *ykt̄ybwnyt̄*¹, где *ykt̄(y)bwn* – на арамейском значит «они пишут» (в среднеперсидском идиограммы использовались, как правило, в III лице множественного числа), а конечное *yt̄* передавало среднеперсидское окончание III лица единственного числа – *ēd* (¹ является значком окончания слова). В транслитерации (т.е. передаче иным, в данном случае латинским алфавитом букв текста, в отличие от транскрипции – передачи звуков) среднеиранских письменностей арамейские идеограммы даются заглавными буквами, а «открытые» иранским написания – строчными, так что правильно разобранный глагол транслитерировать как *YKT̄YBWNyt̄*¹. Количество идиограмм в разных иранских языках сильно отличалось. Они занимают практически весь текст в раннем парфянском, а в развитом согдийском оставалось лишь полдесятка замороженных форм для служебных слов.

Среднеиранский язык с наиболее богатой литературой – это среднеперсидский (*pārsīg*, позднее *pahlavīg*), относящийся к юго-западной подгруппе. Наиболее ранняя версия среднеперсидского – краткие монетные легенды правителей Парса парфянского времени, за ними следуют тексты раннесасанидского периода, в первую очередь – монументальные надписи первых Сасанидов, монетные легенды, надписи на печатях, различная эпиграфика (в том числе и найденная в Средней Азии). К сасанидскому времени относятся и христианская пехлевийская Псалтирь и многочисленные среднеперсидские манихейские тексты (они найдены в Турфанском оазисе в нынешнем Синьцзяне). К более позднему времени относятся зороастрийские среднеперсидские тексты (их язык именуется также «книжным пехлеви»). Богатая литература на книжном пехлеви была составлена уже зороастрийским религиозным меньшинством в раннеисламское время, более ранние зороастрийские пехлевийские тексты единичны. Все означенные тексты написаны идеографическим арамейским письмом, а манихейские – особым вариантом западносемитского письма, близкородственного палимирскому, эта письменность была, вероятно, составлена или реформирована самим пророком Мани (о котором часто упоминают как об искуснейшем художнике). Манихейское письмо достаточно четко передает фонети-

ческую систему иранских языков (лишь часть кратких гласных не выписывалась), в нем не использовались арамеограммы.

Основным новшеством среднеперсидского в сравнении с древнеперсидским является упрощение моделей склонения и спряжения (почти полная потеря падежных окончаний, развитие составных временных глагольных форм) и переход *j* в *z*, ослабление различных согласных после гласных и между гласными. Нельзя не упомянуть развитие особой модели отношения между определяемым и определением, так называемого *изафета*, когда за определяемым следует частица *ī*, а за ней – определение: *nām ī Yazdān* – «имя Бога», *draxt ī Āsūrīg* – «ассирийское дерево» и т.д.

Парфянский (*pahlavānag*) относится к северо-западной подгруппе иранских языков. Он записывался в двух вариантах письма: идеографическом арамейском и манихейском. На последнем начертаны фрагменты манускриптов, найденных в Турфане (некоторые из них были написаны, видимо, Мар Аммо, апостолом Мани, проповедовавшем на востоке сасанидского Ирана), в то время как парфянский в арамейской письменности использовался в деловых и прокламативных целях, во время парфянского, аршакидского царства и при ранних Сасанидах (наравне со среднеперсидским и греческим). Самый большой парфянский архив был найден на городище Старая Ниса в Туркмении (древний Михрдакерт, одна из столиц парфян). Почти 3 000 черепков (остраков) были исписаны ярлыками, приложенными к царскому винохранилищу конца II – начала I в. до н.э.

Историческое развитие парфянского во многих аспектах сходно со среднеперсидским: это и ослабление неначальных согласных, и упрощение флексии, однако эти процессы развивались не на базе древнеперсидского языка, а на основе реконструируемого «древнепарфянского» (вероятно, весьма близкого мидийскому, о котором мы знаем немного больше). Древнеиранское **j* давало *ž*, **xw* отражалось в виде *wx*, **dv* как *b*, в качестве «изафета» использовалась частица *čī*. В лексиконе манихейского парфянского имелись среднеперсидские заимствования, а в средне- и новоперсидском языке имеется большое число слов парфянского происхождения. Несмотря на близость двух языков, древние вполне понимали разницу между среднеперсидским и парфянским и разделяли два языка, переводили с одного на другой. Среди сочинений на книжном пехлеви есть несколько написанных первоначально на парфянском, но подверженных очень сильной среднеперсидской переработке.

Бактрийский язык (в ранней надписи названный *aria*, позднее – *tocharik*) до 1990-х годов был известен только по немногим манихейским и буддийским фрагментам из Синьцзяна и нескольким монументальным надписям, главная из которых – надпись кушанского царя Хувишки из Сурх Коталя, по надписям на твердом материале из раскопок в Средней Азии, многочисленным монетам. Ни один текст не был прочтен удовлетворительно. В течение последних 30 лет была открыта другая большая надпись (из Рабатака), надиктованная Канишкой Великим, и более сотни текстов на бактрийском появились в антикварных лавках Пакистана. Эти документы датированы IV–VIII вв. н.э. и представляют собой письма, хозяйственные и юридические документы, бóльшая их часть некогда принадлежала архиву царька Роба (современный Руй к северу от Бамиана), другие относятся к архиву Гузгана.

В отличие от большинства других среднеиранских языков, бактрийский (за исключением листа манихейским письмом из Турфана и, вероятно, арамейского острака из Ай-Ханума) был записан не арамейским, а греческим алфавитом с дополнительной буквой *β* для *š*, не имеющим идеограмм и достаточно точным в передаче гласных. Бактрийский относится к юго-восточно-иранским языкам, и развитие **d* в *l*, **č* в *c* (ц записывалось через греческую *сигму*), роднит его с современным пушту и мунджанским языком в Восточном Гиндукуше. В наиболее ранних текстах имеются два падежа существительных, в прошедших временах глагольный синтаксис строится по эргативной модели, присутствует *изафет i*.

Согдийский (*syudyāne*) был записан тремя видами письма: «наследным» арамейским (буддийские, секулярные, отчасти манихейские и христианские тексты), манихейским и несторианским (сирийским письмом), есть малые фрагменты на брахми. Только арамейское письмо для согдийского отмечено в самой Согдиане, остальные – только в областях согдийской колонизации: Дуньхуане (в основном буддийские тексты) и Турфанском оазисе (манихейские, христианские и буддийские тексты). Наиболее ранние крупные тексты датированы 312 г. (так называемые «Старые письма» согдийских колонистов, найденные в сторожевой башне около Дуньхуана; имеются и более ранние краткие надписи), самый поздний – 1025 г. У согдийцев лапидарный арамейский шрифт претерпел существенные изменения, превратился в беглый изящный курсив, направление письма изменилось на вертикальное (возможно, под китайским влияни-

ем). Это письмо позднее было заимствовано уйгурами, от них – монголами, от последних – маньчжурами, до сих пор это официальное письмо Внутренней Монголии.

Основные тексты на согдийском были найдены в процессе европейских экспедиций в Восточный Туркестан в начале XX в. (Стейн, Пельо, Грюнведель, Ле Кок, Ольденбург), существенным дополнением к корпусу текстов стало открытие согдийских документов в замке на горе Муг в Таджикистане в 1932 – 1933 гг.

Фонология согдийского языка достаточно архаична, глухие согласные не озвончались в поствокальной позиции (вплоть до последних стадий языка), звонкие взрывные переходили в соответствующие щелевые, т.е. $*d > \delta$, $*b > \nu$, $*g > \gamma$. Одна из наиболее нетривиальных особенностей в грамматике – сохранение *аугмента* в претерите (только после превербов) и различия во флексии «легких» основ (с краткими гласными) и «тяжелых» (содержащих долгие гласные или дифтонги). У имен с «легкой» основой было 7 падежей в единственном числе, а у «тяжелых» – лишь прямой и косвенный. Разница в письменной традиции национального, манихейского и христианского письма указывает более на различные периоды развития языка и литературные стили, чем на диалектные различия, по некоторым признакам можно объединять единичные тексты, написанные в разных письменных традициях, в один диалект. От диалекта, весьма близкого к литературному согдийскому, происходит современный ягнобский язык, распространенный в высокогорной долине притока Зарафшана, а последние полстолетия – и в низинном Зафарабаде к западу от Худжанда.

Хорезмийский язык (*xwārazm zəvāk*), язык населения земель в низовьях Амударьи, отмечен в двух вариантах: раннехорезмийский в записи арамейским письмом (от II в. до н.э. до VIII в. н.э.), состоящий из скромного корпуса надписей на твердом материале, не до конца прочтенных, и позднехорезмийский, представляющий собой глоссы и фразы в арабско-персидской письменности (с рядом дополнительных знаков), которые отмечены в словарях и юридических сочинениях XII–XIV вв. Притом, что хронологически эти записи относятся к новоиранскому времени, хорезмийский обычно относят к среднеиранским языкам.

Для позднего хорезмийского не находится единой историко-фонологической модели, и, вероятно, он сформировался на базе смешения родственных диалектов. Так, древнеиранское $*š$ могло отразиться в

хорезмийском как *š, s, x, f, h* или *ноль звука*. В целом, язык, безусловно, относится к восточноиранским, о чем говорит спирантизация *č в *s*, переход *xt и *ft в *γd* и *vd*. Интересно, что в арабографичной записи иногда передается хорезмийское ударение, в конце предложения конечный краткий гласный удлиняется. В значительной степени сохранена древнеиранская морфология, присутствует аугмент в претерите (в форме *ta*). Особенностью синтаксиса является «правило предвосхищения», получение глагольным предикатом энклитических местоимений и предлогов прямого и косвенных объектов, даже когда они позднее выражены именами, напр. *x'rn'f'd'byr* «(я) объявил-на-тебя». Имеется и *i*.

Хотанский (раннее *hvatanau*, позднее *hvaṇno*), или хотано-сакский был распространен в Хотанском оазисе на южной стороне пустыни Такламакан, тексты найдены в самом Хотане и его округе, а также в Дуньхуане к северо-востоку, датированы V–X вв. Все тексты записаны южнотуркестанским письмом брахми и, за небольшим числом светских документов, связаны с буддизмом Махаяны. В Тумшуке (*Gyāzdi*), около Маралбаши под Кашгаром, найдено несколько текстов на родственном диалекте, именуемом тумшукско-сакским. Они также буддийские (имеются и доктринальные, и секулярные фрагменты), записаны письмом брахми в его северном варианте, с рядом дополнительных знаков.

Хотано-сакский на протяжении своей истории от самых ранних до самых поздних текстов приобрел впечатляющий набор изменений, множество неначальных согласных выпало, многие гласные совпали. В целом, фонологическая система хотано-сакского (даже в самых ранних текстах) выглядит наиболее продвинутой из среднеиранских, однако грамматика языка достаточно архаична: шесть именных падежей, флективные глагольные формы, сохранение медиального залога. Фонетика тумшукского более архаична. Из современных языков наиболее близок «сакским» ваханский на Памире. Лексика была подвержена сильному влиянию индийских буддийских заимствований. Отметим тут же, что хотя термин «сакские» активно применяется по отношению к этим языкам, и у царей династии *Śaka* в Северо-Западной Индии имелись титулы, сходные с титулами царей Хотана, хотанский и тумшукский не имеют непосредственной связи со скифо-сарматскими диалектами Причерноморья и осетинским языком.

Тексты на индоарийских языках из Средней Азии более или менее непосредственно связаны с буддизмом. Во времена Канишки буддизм по-

лучил царскую поддержку на территории Кушанской империи, которая включала в себя не только Северную Индию, но и Бактрию, и части Восточного Туркестана. Царство Чадота, расположенное в юго-восточной части бассейна Тарима и на озере Лобнор, было под значительным влиянием кушан. Найденные там около 700 документов III-IV вв. написаны письмом кхароштли на северо-западном пракрите, ныне известном как гандхари. Эти документы характеризуют жизнь индианизированного, затронутого буддизмом царства под китайским протекторатом: налоги, категории податного населения и инородцев (в их числе упомянуты, по видимому, и согдийцы), хронология царей, вопросы войны и мира.

Другие документы на кхароштли полностью проникнуты буддизмом, в их числе большое количество недавно найденных сутр из Афганистана и северо-западного Пакистана, а также ряд надписей на твердом материале из Кара-тепе и других памятников. Тексты кхароштли чаще связаны со школами раннего буддизма, так называемой Хинаяны.

Кхароштли – индийский шрифт, который использовался в Северо-Западной Индии и в сопредельных территориях до IV в. н.э. Как и брахми – общеиндийский шрифт, мать всех позднейших индийских письменностей, он был организован по силлабическому принципу: буква, или *акшара* состоит из согласного + гласный *a*, остальные гласные выписываются дополнительными значками. Однако нет ничего общего в форме букв брахми и кхароштли, писали кхароштли справа налево, долгие и краткие гласные обычно не различались. Ученые предполагают, что кхароштли возник из арамейского письма.

Тексты на кхароштли написаны на языке гандхари, или северо-западном пракрите, который имеет много общего с описанными выше дардскими языками. Было характерно сохранение шипящих, облегчение интервокальных согласных, упрощение глагольных и именных парадигм.

Брахми появляется в Средней Азии позднее (не ранее первых веков н.э.) и доминирует с V в. Язык текстов написанных брахми, как ни странно, более архаичен, чем кхароштли. Это буддийский санскрит, «замороженный» язык индийской классической древности, приспособленный для нужд буддийского (в нашем случае чаще всего махаянского) учения. Находки текстов на брахми в Средней Азии и на сопредельных территориях весьма обширны: 150 листов из бересты было найдено около Мерва, большая группа текстов недавно открыта как будто в Бамиане, в 1930-е

годы большое количество текстов было обнаружено в Гильгите на Верхнем Инде, а также в процессе туркестанских экспедиций начала XX в. в Турфане, Куче и других местах, существует и эпиграфика с территории Бактрии. Почерки брахми различных областей и времен немного отличаются друг от друга.

При этом следует учитывать, что индоарийские языки не были распространены широко среди населения Средней Азии, это был язык учености, язык монашеских братств. В Бамиане языком местного населения был бактрийский, в Мерве – парфянский и среднеперсидский, в Хотане – хотанский, в Куче и Карашаре – тохарские языки, и др. Даже документы из Индии демонстрируют, что язык населения был совершенно другим, нежели канцелярский язык гандхари. Однако монахи из этих регионов демонстрировали прекрасное знание санскрита, и их переводы и сочинения сыграли огромную роль в распространении учения Будды на северо-восток (многие переводчики буддийского канона в Китае происходили из среднеазиатских областей).

Тохарские языки стали известны науке только в конце XIX в. когда появились документы из Синьцзяна на непонятном языке письмом брахми. Немецкие исследователи Э. Зиг и В. Зиглинг расшифровали тексты (в них отчетливо читались имена индийских буддийских персонажей) и пришли к выводу, что они написаны на языке отдельной группы индоевропейских языков. Интересно, что тохарские принадлежат к числу языков *centum* (тохарское A *känt* B *kante* «100»), расположенных в европейской части массива. Тохарские представлены двумя языками, или далеко разошедшимися диалектами: А и В. Тохарский А был распространен в Карашаре и засвидетельствован в 600 рукописных фрагментах, тохарский В – в Куче и окрестных территориях и от него сохранилось в 10 раз больше материала. На тохарском А все тексты – буддийские, датируются VIII–XI вв., на В – относятся к IV–XII вв., на нем, кроме обширной буддийской литературы, сохранились светские документы и два манихейских фрагмента.

Тохарские языки А и В близкородственные, но достаточно отличны друг от друга, чтобы считать их языками, а не диалектами: имелись переводы с одного на другой, заимствования из А в В (отношения между тохарскими языками часто сравнивают с нынешним различием между романскими языками), тохарский В более разделен на диалекты, но и более архаичен. Для записи обоих языков использовался северный вариант

брахми с дополнительными знаками. Историческая фонология тохарских (кроме упомянутого сохранения **ḳ* как *k*) характеризуется совпадением звонких, глухих и придыхательных фонем одного ряда (так, *p, *b и **b^h* реализовались как *p*, *k, *g и **g^h* как *k*), палатализациями, сложным развитием гласных с утерей различия по долготе.

Известно, что тохарские языки были ассимилированы тюркоязычными уйгурами в первые века II тыс., однако предыстория этих народов (как и их отношение к другим народам региона) остается весьма неясной ввиду недостатка данных. Начать с того, что термин «тохарские» есть продукт современной науки и не соответствует самоназванию: *k_iśiññe* – «кучинский», и *akeñe* или *ārśi* – «карашарский». Едва ли тохары, по греческим источникам захватившие Бактрию во II в. н.э., и со временем давшие кушанскую династию, а равно термин «Тохаристан», говорили на тохарских языках (наоборот, есть неясные указания, что язык тохаров-юэчжей относился к иранским). При этом уйгуры действительно использовали термин *Tuyrū* для тохарского А (с которого много переводили), и в одном месте санскритское *tokharikaḥ*, видимо, переводится как *as k_icaññe* – «кучинский», на тохарский В. Заимствования из языка, который иногда именуют «тохарский С», встречаются в документах на кхароштли из Чадоты, а некоторые имена из домусульманской Ферганы объясняются как тохарские. Имеется ряд ранних взаимных заимствований между древнекитайским и прототохарским, указывающих на их доисторические контакты, в разное время отмечались языковые контакты тохарских с индоарийскими, различными иранскими, более спорны связи с тибетскими, уральскими языками, языком сюнну, имеется множество заимствований из тохарских в корневую общетюркскую лексику. Можно предполагать, что прототохары некогда пришли в Центральную Азию из Европы, что они первоначально были скотоводами и позднее осели на землю (многие названия культурных растений и земледельческая терминология относятся к заимствованиям). Знаменитые «таримские мумии» с их европеоидными чертами часто толкуют как прототохаров, имеются гипотезы о связи тохаров с теми или иными археологическими культурами.

Начиная с VI в., в Центральной Азии мы слышим речь на тюркских языках, а с VIII в. появляются первые тексты на тюркском. Ряд имен и титулов, восходящих к тюркским языкам, впрочем, еще в более раннее время записали китайцы. Возможно, что и сюнну – гунны, создавшие мо-

гучие империи в первые века до н.э., относились к тюркским народам, однако ограниченный и неясный характер слов, дошедших до нас от языков сюнну и гуннов, не позволяют сделать окончательного вывода. Разные ученые трактуют язык сюнну то как тюркский, то как монгольский, то как енисейский, то даже как иранский.

Первый Тюркский каганат сформировался в 522 г., и вскоре молодая империя захватила огромные территории Евразии. Во времена Первого каганата тюркская письменность еще не сформировалась, в качестве литературного языка использовался согдийский – согдийцы выступали как советчики, «культуртрегеры» древних тюрков. Любопытно, что в надписях Первого каганата, начертанных согдийскими писцами на камнях, практически не встречается этимологически тюркских слов, в именах и терминах виден какой-то иной, неизвестный нам язык. Лишь после становления Второго каганата в конце VII – начале VIII вв. был изобретен тюркский рунический шрифт (возможно, под влиянием согдийского письма), и именно на нем начертаны самые ранние надписи тюрков.

Начиная с VII в. в Средней Азии появляются новые завоеватели – арабы, и новая религия – ислам. Арабский, один из семитских языков, стал единственным средством письменного общения мусульман на громадной территории халифата – от Испании до Синда. Древнейший арабский документ из Средней Азии – неотправленное письмо Деваштича эмиру Хорасана 722 г., найденное в архиве на горе Муг, имеется ряд недавних находок арабских документов с территории Афганистана, датированных второй половиной VIII в., арабское письмо на бумаге из раскопок Санджар-шаха под Пенджикентом (также VIII в). Использование арабского как единственного письменного языка означало, что на других языках в халифате не говорили, однако солидной письменной фиксации их не было, по крайней мере, до IX в. Многие среднеазиаты сыграли важнейшую роль в том, что культура исламского мира достигла больших высот. Стандартизированный письменный арабский язык огромной территории халифата не различался по диалектам, однако произношение на местах, видимо, разнилось. Так, стандартный арабский «эмфатический» *d* произносился как *z* в арабском диалекте Ирака, и как *z* – иранцами (а следом за ними, тюрками, индийцами и др.). Арабский язык как язык традиционной учености сохранялся в Средней Азии до XX в., как язык религии сохраняется до сих пор. Небольшие группы поселенцев – арабов в Средней Азии

поныне слабо берегают свой семитский язык с переходом на таджикский и узбекский языки.

С IX в. появляется персидско-таджикский язык, а с XI в. начинается запись мусульманских тюркских языков.

В горах Памира, Алая и Гиндукуша распространены иные восточноиранские языки, которые, впрочем, не имеют официального статуса и общепринятой письменности. Несмотря на малое число носителей, близкое географическое расположение и сходные методы ведения хозяйства, эти языки сильно отличаются друг от друга и имеют ряд архаичных особенностей.

Ваханский (*ǰik zik*) распространен в верхнем течении реки Пяндж, и на таджикской, и на афганской стороне (а также в Китае), общее число носителей около 25 000 человек. В нем наблюдается ряд особых признаков в фонологии. С одной стороны, этот язык считается в целом иранским, но с большим набором сходств с индоарийскими языками, с другой стороны, он достаточно близок хотанскому и тумшукскому сакскому (хотя по ряду примет оказывается более архаичным).

Мунджанский и йидга (*Məndži zəvíy, Yídəya*) – два близкородственных языка в афгано-пакистанском приграничье, имеют от 3-х до 5-ти тыс. носителей. Фонетический переход *d в *l* роднит их с раннесредневековым бактрийским и с пашто.

Ишкашимский и сангличский (*Šǰkošmi zəvũk, Sanglēči zəvũk*) распространены по обоим берегам р. Пяндж, непосредственно ниже Вахана, менее 2000 носителей. Эта подгруппа имеет ряд особенностей, например развитие древнеиранских *š и *rt в *l*, что сходно с фонетической историей авестийского языка.

Отдельную подгруппу образуют шугнанский (*Xuǰnũni ziv*) и близкородственные диалекты: орошорский, рушанский, бартангский, шахдаринский, хуфский, баджувский на территории Таджикистана на реке Пяндж и ее притоках, а также сарыкольский на крайнем юго-западе Китая. Количество носителей составляет, вероятно, до 100 000 человек, имелись попытки использовать для шугнанского модифицированный кириллический алфавит.

Язгулямский (*zǰamigáyi zəvéǰ*) распространен в Таджикистане к северу от Шугнана, от 3-х до 4-х тысяч носителей. Все эти языки, а также зебакский в Афганском Бадахшане и вымерший к началу XX в. старованчский, объединяют в памирские языки. Термин «памирские языки» относится не к генетической, а к региональной классификации. Только шугнанская

подгруппа и язгулямский демонстрируют известную близость друг другу, в то время как отделение диалекта – предка ваханского от массы иранских языков произошло, во всяком случае, до составления Авесты. Различие между памирскими языками видны уже по разнообразию рефлексов древнеиранского **hizvan-*, *hizvāka – «язык» в памирских. В синхронной фонологии, грамматических категориях и словарном запасе этих языков налицо большое количество сходств, которые позволяют относить их к памиро-гиндукушскому языковому союзу. Языковые сходства дополняются общностью культуры, в том числе – исмаилитским толком ислама, распространенным в горах Памира и Гиндукуша.

В горах Центрального Таджикистана сохранился другой архаичный иранский язык – ягнобский (*Ягно́би зиво́к*), на нем говорит около 2000 человек. В настоящее время бо́льшая часть ягнобцев была переселена на равнину к западу от Худжанда, однако и в новых условиях язык сохраняется. Ягнобский демонстрирует множество сходств с раннесредневековым согдийским, но вместе с тем ряд признаков противоречит распространенному утверждению, что ягнобский – потомок литературного согдийского, диалект – предок ягнобского и согдийский должны были разойтись еще в античное время, до самой ранней письменной фиксации согдийского языка. Яркой архаичной особенностью ягнобского является сохранение аугмента *a* – перед глаголами в прошедшем времени.

Язык так называемых парья, или чанггар, на юге Таджикистана (менее 2000 человек), относится к индоарийской семье, он особенно близок пенджаби. Парья часто путают со среднеазиатскими цыганами (*лулӣ, чугӣ, муғот*), но последние используют свой «секретный» язык, основанный на таджикской грамматике, с особенными, непонятными соседям словами.

Царская Россия захватила Среднюю Азию, или, как ее тогда называли, Туркестан, во второй половине XIX в., и с тех пор русский язык широко распространился на всей ее территории. Сначала это была речь казаков, затем – среднерусские и украинские говоры крестьян, переселенных в процессе реформ Столыпина. В конце XIX в. в Российскую империю бежали китайские мусульмане – дунгане, принесшие свою китайскую речь. В процессе сталинских переселений народов в Средней Азии появились волжские немцы, дальневосточные корейцы, крымские татары, меотийские греки, месхетинские турки, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, курды с Кавказа. Слышалась речь и других народов Советского Союза,

представители которых добровольно приезжали в города и на стройки Средней Азии. В городах еще до революции жило много татар, которые служили как бы посредниками между русскими и среднеазиатами, вдоль закаспийской железной дороги селились армяне. Во времена существования Советского Союза русский был весьма широко распространен во всей Средней Азии, до сих пор он остается языком науки.

2. История сложения и развития таджикского языка

Таджикский язык – государственный язык Республики Таджикистан входит в иранскую группу индоевропейских языков. Он распространён в Таджикистане, Узбекистане, Афганистане, Кыргызстане, Иране, Пакистане, Индии, Китае (Синьцзян Уйгурском автономном районе). Таджикский язык приобрел статус литературного языка, начиная с IX в. Уже в эпоху Саманидов (IX-X вв.) появляется научная и художественная литература на таджикском языке.

Таджикский (персидский, дари) язык – единственный язык иранской группы индоевропейских языков, историю которого можно периодизировать с древнейших времен до настоящего времени, хотя эта периодизация осложняется многими дополнительными трудностями, а именно: 1) длительностью письменной истории иранских языков, недостаточностью и неравномерностью документации по отдельным языкам и отдельным периодам их развития; 2) многочисленностью письменных систем, применявшихся в разное время для фиксации отдельных иранских языков, недостаточной их приспособленностью для передачи звукового состава иранских языков, а также несопоставимостью этих систем письма друг с другом; 3) консервативностью орфографии и литературной нормы. Историю таджикского языка, как и других иранских языков, разделяют на три этапа: древний период (с периода выделения иранских языков в самостоятельную группу языков по IV-III вв. до н. эры); предшественниками таджикского языка с этого периода развития иранских языков являются авестийские и древнеперсидские языки; средний период (с IV-III вв. до нашей эры по VIII-IX вв. н. эры); предшественниками таджикского языка среднеиранской языковой эпохи были парфянские, среднеперсидские, бактрийские, согдийские и хорезмийские языки, хотя некоторые из них (бактрийский,

хорезмийский и согдийский) представляли группы восточноиранских языков; новоиранская языковая эпоха (с VIII-IX вв. н. эры по настоящее время). Этот период развития иранских языков включает в себя более 40 языков и диалектов. Таджикский язык вместе с персидским, дари, курдским, белуджским и другими входит в состав западной группы иранских языков.

Таджикский язык (дари, персидский или новоперсидский) сформировался на базе в основном среднеперсидского, хотя по данным новых исследований некоторые языковые памятники среднего периода развития иранских языков, особенно манихейские тексты на парфянском языке, практически не отличаются (вплоть до лексических арабизмов!) от языка ранних памятников новоперсидской поэзии.¹ Таджикский язык раннего периода отличается от предшествующих языков по фонетическим, грамматическим и лексическим особенностям. По фонетике количественные особенности переходят в качественные. В классическом языке дари (раннетаджикский язык) сохраняется восьмифонемная система вокализма (три пары коротких и долгих гласных $i - \bar{i}$, $a - \bar{a}$, $u - \bar{u}$ и два долгих гласных, появившиеся от сложных фонем $ai > \bar{e}$ и $au > \bar{o}$), но позднее под влиянием качественных изменений вокализма современный таджикский язык переходит на шестифонемную систему вокализма, что до сих пор вызывает спор среди исследователей фонетического строя таджикского языка. В системе согласных таджикского языка серьезных изменений качественного и количественного характера не наблюдается, хотя в расположении согласных происходят некоторые качественные изменения. В системе грамматического строя языка (морфология и синтаксис) основные изменения наблюдаются в переходе частей речи от синтетического строя к аналитическому.

В раннем периоде развития таджикского языка (в письменных памятниках IX-X вв. дари, парсии дари или парси) прослеживаются диалектные, местные отличия, что привело к созданию различных толковых словарей, но вплоть до настоящего времени таджикский (дари, персидский) язык сохраняет единообразие грамматического строя языка.

Основные нормы литературного письменного языка, в основном, сложились уже в X в. Современный таджикский язык сохраняет основные черты фонетического, грамматического и лексического строя языка классической литературы, хотя в некоторых сочинениях X в. отмечаются различия между говорами на территориях Средней Азии и Хорасана. Гео-

---

¹ Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. - Москва, 1979. - С. 65.

граф Мукаддаси, перечисляя диалекты Бухары, Самарканда, Ферганы, Балха, Буста, Герата, Мерва, Нишапура, Туса, Абиверда и Серахса, отмечает их фонетические и морфологические особенности, которые прослеживаются и в современных таджикских говорах. Например, глагольная форма – ак, отмеченная в X в. в диалекте Самарканда (*бикардакам* – я сделал, *бигуфтакам* – я сказал) употребляется и в наши дни.

В течение 1000-1500 лет ареал распространения иранских языков остался неизменным. Так, ягнобский язык, начиная с VIII в., сохранил свой статус, лишь ареал его распространения намного ограничился. На примере ягнобского и памирских языков можно констатировать тот факт, что таджикский язык с древнейших времен был живым языком на территории своего распространения, а его продвижение в сторону Ирана в последующие века стало возможным только после того, как он в Средней Азии и Хорасане стал официальным литературным языком. Все данные подтверждают, что таджикский язык за несколько столетий до прихода арабов уже был вполне состоявшимся языком. Е.Э. Бертельс подчеркивает: «Несомненно, что в то время должно было существовать в Средней Азии много различных языков, но едва ли все эти языки были диалектами согдийского. На то обстоятельство, что язык Бухары не был согдийским, указывают два факта, впервые отмеченные О. И.Смирновой: чеканившиеся в Бухаре монеты не пользовались согдийским алфавитом; в то время как титулами правителей Согдианы были ихшид и афшин, эти титулы в Бухаре применения не имели, и правители ее называли себя бухархудатами, позднее саманхудатами. Все эти факты показывают, что на территории Средней Азии рядом с согдийским языком существовал и еще какой-то другой язык, еще до арабского нашествия уже в какой-то мере пользовавшийся письменностью».¹ Таким образом, по вопросу места и времени происхождения языка можно прийти к следующим выводам:

– таджикский (дари, персидский) язык является самостоятельным древним языком и местом его возникновения являются Хорасан и Мавераннахр – два берега Амударьи. В результате взаимовлияния с местными парфянским, бактрийским и согдийским языками и под влиянием среднеперсидского языка таджикский язык уже до прихода арабов стал общелитературным языком Средней Азии и Хорасана; – устойчивость грамматических норм, богатая исконная лексика, красота выражения мысли в первых поэти-

---

¹ Бертельс Е.Э. Персидский-дари-таджикский // Забоншиносӣ. - №2, 2010. – С.49-50.

ческих и прозаических произведениях на таджикском языке показывают, что этот язык не является непосредственным продолжением среднеперсидского языка, а, напротив, как самостоятельный язык существовал наряду с тем языком до прихода ислама. В начале VIII в. таджикский язык был разговорным языком Балха и литература на этом языке существовала и среди манихеев. К примеру, одним из древнейших памятников, дошедших до нас на этом языке, написанном арабской графикой, является четверостишие, приведенное в «Истории Табари» при описании событий 725 г., когда арабы потерпели поражение в Хатлоне (*Аз Хутталон омадих, Бо рух табох омадих...*); – основные грамматические нормы литературного языка сложились в IX-X вв. в период правления Саманидов (873-999). В последующие века таджикский (дари, персидский) становится международным языком огромного ареала от Передней Азии до Китая и Индии.

После падения государства Сасанидов и завоевания Ирана и Средней Азии арабами, через более чем 100 лет ираноязычные народы добились независимости от Арабского халифата. Идеологической опорой последних преобразований стали самосознание и древние традиции этих народов. Главную роль здесь играл таджикский язык, который к тому времени становится языком общения на всей территории Средней Азии и Ирана. К этому времени относится появление первых национальных династий Тахиридов (821-873) и Саффаридов (873-903). Если при дворе Тахиридов официальным языком был ещё арабский, то уже в эпоху Саффаридов таджикский язык постепенно становится официальным языком этой династии. Но расцвет этого языка приходится на эпоху Саманидов (873-999). Правители этой династии всячески поощряли писателей и ученых, писавших на таджикском языке.

Благодаря этой языковой и культурной политике в эпоху Саманидов такие величайшие писатели и учёные, как Абуабдулло Рудаки, Абулкасим Фирдоуси, Абуали ибн Сино, Абурайхон Беруни, их современники и последователи создали на таджикском языке множество бесценных литературных и научных трудов, навсегда доказав всему миру мощь и величие этого языка. По прошествии более чем одиннадцати веков язык наших предков по-прежнему доступен и понятен нам, что является уникальным примером в истории.

Известно, что первые поэтические произведения на таджикском языке были созданы на сто лет раньше прозаических. Начиная с XI в., при под-

готовке толковых словарей таджикского языка исследователи в первую очередь обращались к литературе различного характера:

– по истории, религии, политике, экономике, известным наукам того времени;

– словарям различного характера (толковые, двуязычные и др.), которые появились уже в XI в., в достаточно большом количестве. По разным источникам их насчитывается от 180 до 225 словарей; – произведениям, написанным на разговорных, диалектных, древних пластах языка. Таковыми являются «Искандарнама», «Калила и Димна» Абулмаоли (XII в.), «Самак- и ай-ёр» Фарамарза ибн Худадада (XIII в.), «Марзбаннаме» Саъдуддина Варавини (XIII в.), «Синдбаднаме» Мухаммеда Захири Самарканди (XII в.), «Дарабнаме» Абутахира Тарсуси и многие др.: письменным источникам по делопроизводству: письма, официальные документы, литература по канцеляроведению. Как известно, начиная с IX в., язык дари становится официальным и государственным языком некоторых государств Среднего Востока, а затем с XII в. – межнациональным языком обширной территории – от современной Турции до Индии. Поэтому на этом языке сохранилось огромное количество официальных бумаг, переписка государственного уровня (тексты приказов, договоров, юридических документов) и т.д. В этот период также появляются книги по составлению документов о делопроизводстве, писем различного характера, формируется такая самостоятельная отрасль филологической науки, как *-тарассул* или *номанигорӣ* – наука о составлении документов или документоведение.

Первые произведения научной и художественной литературы, дошедшие до нашего времени, датируются начальным периодом правления Саманидов. Иранский исследователь Ризо Содики упоминает 24 книги и научные трактаты, написанные по вопросам различных наук на начальном этапе становления и формирования языка дари. Так, первым образцом прозы на языке фарси было «Введение» к «Шахнаме» Абумансури, которые дошло до нас; остальная же часть этого произведения не сохранилась. Через шесть лет Абуджафаром Джариром Табари, таджиком по происхождению, писавшим на арабском, была написана «Таърих-и Табари». («История Табари».) Эта книга, а затем и «Тафсири Табари» («Коментарии к «Корану» Табари») были переведены по приказу Нуха ибн Самани (943-954). Первую перевел Абулфазл Бал‘ами с арабского на таджикский язык, а вторую – группа ученых Мавераннахра.

Необходимо отметить, что в эпоху формирования таджикского языка государственным, научным и литературным языком Арабского халифата был арабский. Многие таджикоязычные авторы писали свои произведения на этом языке, а впоследствии переводили их на родной таджикский язык.

Основными чертами начального периода развития таджикского языка являются:

– простота и насыщенность разговорными элементами различных диалектов языка дари.

Например, такие слова и термины, как *диндорон* – духовенство, *точдорон* – венценосцы, *деҳқонон* – феодалы, *фарзонагон*, *хушёрон* – просвещенцы, *корнома* – летопись, хроника, *шаҳриёр* – падишах, *достон* – повествование, *доварӣ* – обсуждение активно употреблялись в начале появления художественной и научной прозы того времени; – слова, словосочетания и термины этого времени, которые легли в основу терминов творчества языка и активно употреблялись в произведениях авторов других периодов; *шаҳр* – город, *шаҳрак* – городище, *шаҳристон* – в значении города с населением вокруг города или административный термин для обозначения определенной территории с центральным городом, *хоста* – богатство, *пахно* – ширина, *дарозо* – длина, долгота; – слова, словосочетания и термины, являвшиеся в основном исконно иранскими, и влияние иноязычных слов, особенно арабских, было незначительным.

Именно в эпоху правления Саманидов были планомерно приложены усилия к развитию таджикского языка. Появление научной и художественной прозы в этот период обусловило дальнейшее развитие языковых структур и формирование этого языка, как языка науки и литературы на последующих этапах развития общества. В этот период появляется блестящая плеяда представителей науки и литературы: Абуабдулло Рудаки, Абулкасим Фирдавси, Абуали ибн Сина, Абурайхан Беруни, Байхаки, Носир Хусрав. На основе языка их произведений были разработаны основные принципы формирования литературного языка.

В аспекте сказанного наиболее важными являются два произведения – «Донишнома» Абуали ибн Сино и «Ат-тафхим» Абурайхана Беруни. Долгое время исследователи лексики языка считали, что именно эти ученые являются основоположниками научной терминологии языка фарси-дари, хотя есть мнение, что путь Беруни и Сино в формировании принципов терминов творчества на языке дари не был новым, и что они являются последователями тех, кто уже раньше прошел этот путь.

Ибн Сино и Абурайхан Беруни создали множество терминов путем использования словосочетаний и словообразований. При этом они использовали как исконно таджикские слова, так и иноязычные, в основном ,арабского происхождения. Например, в сочинениях Ибн Сина можно встретить такие термины, как: *афкандани гумон – тавлиди шак* – сомневаться, *андар миён афтодан – алвоқеъ филвасат* – случившийся, *андарёбӣ – идрок* – познание, *чунбишдор* – муҳаррик – движущий, *илми ангории – риеъит* – математика, *ёддошт – хотира* – память.

Позднее слова и термины Ибн Сина и Беруни стали весьма популярны. Многие последователи использовали их при написании своих произведений, а далее, стали создавать свои термины. Абуубайд Джузджани при написании комментариев к трактату Абуали ибн Сина «Хай ибн Якзан» использует свои собственные новые термины: *омезии* – общение, *устувор доштан* – утвердить, *андарёфт* – нахождение, *пешинагон* – древние, *барно* – молодой, *пироя* – украшение, *дарзӣ* – портной, швея, *сиришт* – творение, *колбуд* – форма, тело, *меҳтарин* – старшие, высшие и др.

После Абуали ибн Сина и Абурайхана Беруни наиболее известными последователями и продолжателями их традиций по словообразованию и терминотворчеству стали такие видные деятели науки и литературы, как Насир Хусрав, Мухаммад Газзали, Афзалуддин Кашаёни, Унсуралмаоли Кайкавус, Низамулмульк, Абулфазл Байхаки и др. Так, в «Сиясатнаме» Низамулмулька лексика и терминология периода Саманидов представлена весьма широко, её можно охарактеризовать следующим образом: – исконно таджикские слова и термины, которые использованы в ранних произведениях на языке фарси: *барзигар* – крестьянин, *гозур* – мойщик, *руйгар* – медник, *бунгоҳ* – местоположение, *бозаргон* – купец, *сипаҳсолор* – командующий войсками, *сарҳанг* – военное звание, соответствующее полковнику, *кадхудо* – владелец дома, *зиндонбон* – тюремщик, *гулом* – раб, *доруфуруш* – аптекарь, *руфугар* – латальщик, штопальщик, *биҳишт* – рай, *дузах* – ад и др.

– некоторые слова употреблены в новых значениях: *пазиро* – приём, *пушидагон* – женщины, *дарпазируфттан* – принимать обязательство;

– административные термины: *пардадор* – привратник, *авон* – управляющий, *рӯзбон* – караул (дневальный), *деҳмеҳтар* – староста деревни, *силоҳдор* – оруженосец, *шаробдор* – виночерпий, *ҷомадор* – начальник вещевой службы, *парвона* – разрешение;

– арабские простые и сложные слова и словосочетания, которые стали универсальными и многоупотребительными в языке: *шахна* – надзиратель общественного порядка в городе, *воли* – губернатор, *хатиб* – хатиб мечети, *байтулмол* – казначейство, *идрор* – заработная плата, бухгалтер, *чарида* – список имен и т.д.;

– слова и термины тюркского происхождения: *вусоқ* – палатка, *ятоқ* – надзирательство, *қарочур* – кривой меч, *вушок* – раб, *вушокбоши* – надзиратель рабов.

Расцвет науки и литературы на таджикском языке и бурная деятельность по терминоворотчеству с приходом тюркских династий постепенно приходит в упадок. После нашествия монголов на территорию Средней Азии общественно-политическая жизнь замирает на долгие годы. В связи с этими событиями в политической, культурной и литературной жизни народов Средней Азии берут верх регрессивные элементы. Диктат реакционного духовенства при поддержке тюркских династий против свободомыслия, прогрессивных мировоззрений внутри ислама и других философских течений повлияли на процесс формирования и развития языка. В таджикский язык хлынул поток арабизмов, предпочтение при дворах отдавалось тем лицам, которые в основном писали на арабском языке. Терминоворотчество стало также развиваться под влиянием этих тенденций. Так, во введении к «Расоили фалсафии Умари Хайём» («Философские трактаты Омара Хайяма») отмечается, что начало этих тенденций было заложено при Сельджукидах, когда религиозный фанатизм, ограниченность мысли, ориентация на арабский язык стали преобладающими в жизни общества.

Самыми известными представителями этой эпохи являются Омар Хайям (1048-1131) и Насириддин Туси (1112-1244). В своих произведениях, используя слова и термины, эти два мыслителя отдавали предпочтение преимущественно арабским заимствованиям. Вместе с тем, необходимо особо отметить, что стиль Хайяма-поэта и стиль Хайяма-ученого сильно различаются. Так, если его рубаи-четверостишия написаны простым языком, доступным и понятным всем, то язык его научных произведений насыщен арабизмами, отчего становится достаточно сложным. Насириддин Туси своим творчеством как бы завершает эпоху активного развития терминоворотчества на таджикско-персидском языке. Этот учёный – энциклопедист писал преимущественно на арабском, из 100 приписываемых ему произведений более 30 научных трактатов были созданы на та-

джикском языке. Мухаммад Муин считает его произведения «одними из наилучших образцов научных произведений того времени». Но, если рассмотреть его творчество с точки зрения словообразования и терминов творчества, то видно, что стиль его произведений – таджикско-персидский, однако насыщен арабскими словосочетаниями, цитатами из Корана, хадисов, арабскими афоризмами.

В период монгольского нашествия в Средней Азии и Иране появилось много исторических произведений, такие как «Та‘рих-и Джаханкуша» Атомалика Джувайни, «Джамеъ-ут-таварих» Рашидуддина Фазлуллоха, «Та‘рих-и гузида» Хамдуллаха Казвини, «Та‘рих-и Вассоф» Фазлуллаха Ширази, посвящённые великим ханам монгольских династий. В этих произведениях приводилось множество примеров из Корана, хадисов и трактатов арабских религиозных идеологов. Язык этих произведений был трудным и порой непонятен читателям. Но в этот период создавались произведения и на таджикском языке, как правило, в тех регионах, где влияние монголов было слабым. К числу таких произведений можно отнести «Табакот-и Насири» Минхаджуддина Джузджани (XIII в.) и «Гулистон» Саади Ширази. В этих произведениях сохранились традиционные принципы терминов творчества таджикского языка.

Влияние арабского языка продолжало сохраняться и в эпоху Тимуридов. Как пишет Маликушшуари Бахар, «персоязычные писцы и секретари даже превосходили арабов в использовании арабских слов». И, тем не менее, именно в это время на прекрасном языке фарси-дари был написан «Бахаристан» Абдуррахмана Джами, где встречается множество исконно таджикских слов и терминов: *зиндон* – тюрьма, *базмгоҳ* – увеселительное место, *хирадманд* – мудрый, *сармоя* – капитал, *зердастон* – подчиненные, *шаробдор* – виночерпий, *бозаргон* – купец, *гумошта* – агент, *лашкар* – войско, *сардор* – начальник, *гунаҳкор* – обвиняемый, *тавонгар* – богатый, *донишманд* – ученый, *сардабирӣ* – редакторство, *кадхудо* – владелец.

В этот же период в лексический состав таджикского языка в большом количестве проникают слова из тюркского и монгольского языков. Эти заимствования отражали быт, обычаи и образ жизни тюркских и монгольских кочевников, и с течением времени часть из них вышла из употребления. Монгольские слова и термины: *оқо* – сын (старший сын хана), *тамга* – один из видов налогообложения, *урду* – войско, *улус* – племя, *улог* – четвероногой, *элчи* – посол, *иноқ* – вельможа, приближённые хана, *ёғӣ* –

опальный, *берлиг* – приказ, *савгот* – подарок, *курултой* – стан тюркских кочевников и т.д. Тюркские слова: *атобак* – вельможа, *утоқ* – комната, *бошӣ* – глава, *бег* – бек, господин, *бегим* – госпожа, *чорук* – вид обуви, *чақмоқ* – заряд, *хотун* – жена, женщина, *хоқон* – каган, *хон* – хан, *қаровул* – караул, *чирик* – партизан и т.д.

В конце XV в. Средняя Азия становится объектом нападения тюрко-узбекских кочевых племён под предводительством Шайбанидов, в результате чего появляется государство Шейбанидов (1500), а в Иране приходят к власти Сефевиды (1502). Междоусобные войны между предводителями племён привели к разрушению общественно-политической жизни в регионе.

В то же время в Индии создается Империя Великих Моголов, населённая выходцами из Средней Азии, и в течение трёх столетий официальным и государственным языком Империи становится таджикский язык. В результате основная часть представителей науки и культуры из Средней Азии и Ирана выезжает в Индию, и дальнейшее развитие языка происходит в основном в этой далекой стране. Особенности данного периода развития языка являются:

– таджикский язык получает еще одно название – форсии хиндӣ – индийский фарси, а в литературе появляются такие термины, как «фарсии *Моваруннахр*», «*фарсии Иран*» и т.д. Но со временем последнее слово в этих словосочетаниях отпадает, как отпадает и слово «дари». В итоге в научном обиходе, но не в поэзии, используется только термин «язык фарси»;

– язык фарси-дари становится официальным и государственным языком Империи Великих Моголов, в связи, с чем у туземного населения появляется потребность в его изучении. Это способствует появлению множества толковых словарей на таджикском языке. С этого времени вплоть до начала XX в. самими носителями языка и индусами в Индии было составлено большое количество разнотипных словарей;

– распространение таджикского языка в Индии, в свою очередь, обусловлено тем, что в его лексике появляются слова, заимствованные из языков народов Индии. Этот процесс имел двусторонний характер, поскольку языки Индии также переняли и заимствовали много слов и словосочетаний из таджикского языка. Отметим некоторые особенности данного периода развития языка:

- а) проникновение слов из языка хинди;
- б) фонетические изменения таджикско-персидских слов и словосочетаний;

- в) семантические изменения таджикских лексем;
- г) появление новых гибридных таджикско-индийских слов и терминов;
- д) употребление исконно таджикских слов в прозе и поэтических произведениях.

В результате огромного влияния таджикского языка в Индии впоследствии появляется язык урду – литературный и государственный язык современного Пакистана, характерной чертой которого является большое количество таджикских и арабских слов, и собственный грамматический строй.

В XVI-XVIII вв., несмотря на некоторые ограничения в использовании таджикско-персидского языка и возрастание влияния тюркских языков (особенно узбекского языка в Хивинском и Кокандском эмиратах и частично в Бухарском ханствах), таджикский язык имел огромное влияние в статусе официального языка в вышеназванных ханствах и государственного – в Индии. В Империи Великих Моголов в Индии в 1582 г. при Акбаре (1556-1605) таджикско-персидский язык был объявлен государственным языком.

Ослабление политических, экономических и культурно-религиозных связей между Средней Азией и Ираном (межрелигиозные распри между шиитами и суннитами в связи с приходом к власти Сефевидов в Иране и Шейбанидов в Средней Азии), начавшиеся в XVI в., способствовало обособлению таджикских и персидских диалектов, хотя основные нормы литературного языка оставались общими не только в Средней Азии и Иране, но и в остальной части таджикскоязычных ареалов, в том числе в Индии и части Турции. В Средней Азии при Шейбанидах появляется учебная грамматика для начинающих под названием «Чохор гулзор» (Четыре цветника) Ходжа Хасана Нисори. Эту книгу можно считать первым учебником таджикского языка для начинающих.

При Сефевидях таджикско-персидский язык оставался официальным языком и активно употреблялся в делопроизводстве, однако в обиходе поощрялось использование тюркского (азербайджанского) языка, хотя официальная документация и межгосударственные отношения производились на таджикско-персидском языке. Такие слова как *сипоҳ* – армия, *рӯзгор* – жизнь, *сарвар* – руководитель, *тахт* – трон, *подшоҳ* – царь, *дудмон* – династия, *салтанатпаноҳ* – оберегающий царство, *саодатпарвар* – приносящий счастье, *володудмон* – относящийся к благородной династии, были широко представлены в лексике делопроизводства.

Начиная с XVI-XVII вв., появляются немногочисленные письменные памятники, приближающиеся по языковым особенностям к разговорной речи таджиков Средней Азии. В сочинениях поэтов и прозаиков данного периода представлены некоторые лексические и диалектные особенности разговорного таджикского языка, впоследствии современного литературного языка. Так, в сочинении «Маджмаъ-ут-таворих» (середина XV в.) представлены основные лексические и грамматические особенности диалектов Средней Азии, например, формы определенных времен, образованные с вспомогательным глаголом *истодан* (настоящее «определенное» *мустаҳкам карда истодааст, тарошида истодааст*, прошедшее «определенное» *чанг карда истодааст*).

– сложноее причастные глаголы, во второй части которых используется глагол «мондан» (*бурда монд, гирифта монданд* и др.).

– сложноее причастные глаголы из трех компонентов (*гирифта рафта доданд*).

– лексические особенности (*гундоштан* – собирать, *ҳавлӣ* – двор, *калон* – большой и т.д.).

Появление лексических элементов народно-разговорной речи отражали идеологию городских жителей и свидетельствовали о широком распространении разговорной лексики среди горожан – таджиков Средней Азии и Хорасана. Особенно широко она была представлена в творчестве Сайидои Насафӣ, язык сочинений которого очень близок к разговорной речи таджиков Средней Азии. Его можно считать родоначальником использования разговорных элементов в литературном языке.

Необходимо констатировать, что в XVI-XVIII вв. развитие таджикского языка происходит на фоне серьезных изменений языковой карты Средней Азии в связи с распространением тюркских языков. После захвата Средней Азии Шейбанидами карта расселения народов региона меняется. Постепенно тюркская речь проникает в городские центры Средней Азии. Сильнее всего этот процесс происходил в Ферганской долине, он привел к частичной смене языков, к проникновению тюркских элементов в лексику таджикских диалектов, широкому развитию послесложных конструкций и калькированию ряда тюркских моделей (определитель конструкции с местоименными энклитиками, некоторые типы причастных, деепричастных и инфинитивных оборотов, сложно-деепричастных и инфинитивных оборотов, сложноее причастные глаголы).

И такое положение сохранялось вплоть до второй половины XIX в., когда таджикский язык в связи с изменениями политического, культурного и экономического характера и под влиянием западной культуры вновь не столкнулся с новой общественно-политической и научно-технической терминологией.

Экономические и культурные преобразования в обществе были тесно связаны с присоединением Средней Азии к Российской империи. Под влиянием российского просветительства это течение появляется и в Средней Азии. Идеи просветительства оказали огромное влияние на дальнейшее развитие таджикского языка.

В произведениях первого направления просветительства, основными представителями которого были Ахмад Дониш (1827-1897), Мирзо Абдулазим Сами (1838-1907) и др., в основном использовались те слова и термины, которые в течение последних столетий считались традиционными, а также немногие слова из новой терминологии, появившейся под влиянием веяний из России. Основные слова и термины были арабского происхождения, вошедшими в обиход и в словарный состав языка в течение последнего периода. Хотя в научных и философских произведениях Ахмада Дониша влияние арабских заимствований ощущается достаточно сильно, тем не менее, в его художественных произведениях наблюдаются новые тенденции в использовании языка. Он старается использовать именно таджикские слова, и его произведения насыщены словами и терминами, появившимися уже в современную ему эпоху: *тупхона* – артиллерия, *сарбозхона* – казарма, *танхо* – зарплата, *саркор* – предводитель, *муздур* – наёмник, *мардикор* – отходник и т.д. Постепенно в словарный состав таджикского языка входят новые общественно-политические понятия. Используя их, Ахмад Дониш обращается к истокам языка и берет те слова и термины, которые составлены на основе традиционных возможностей таджикского языка, *рузнома* – газета, *корхона* – предприятие, *корфармо* – работодатель, *аробаи оташӣ* – локомотив, поезд.

Вторая плеяда новых представителей просветительского движения появилась в конце XIX в. Её известными представителями были Мирза Си-роджиддин Хахим, Тошходжа Асири Бехбуди, Абдуррауф Фитрат, Садриддин Айни, Абдулвохид Мунзим и др. Основные особенности использования слов в их произведениях, кроме традиционных приемов и способов терминотворчества, заключаются в следующем:

– новые слова и термины русско-европейского происхождения переведены на таджикский язык, при этом используются персидские, арабские слова и словосочетания персидско-арабского и другого характера: *чароги барқ* – электрическая лампа, *ширкат* – компания, *тиҷоратхона* – торговый дом, *роҳи оҳан* – железная дорога, *истгоҳ* – станция (остановка), каторай *зеризаминӣ* – метро, *мусаъад* – лифт, *тамаддун* – цивилизация, *мағоза* – магазин, *акси мутаҳаррик* – кино, *сармоя* – капитал, *чаъбаи аккосӣ* – фотоаппарат, *гумрук* – таможня, *анҷуман* – съезд, *синф* – класс, *миллатпараст* – националист, *консулхона* – консульство, *кушодахат* – открытка, *бағоч* – багаж, *назмия* – милиция, *адлия* – юстиция, *ҷумҳури* – республика и др.;

– новые слова и термины приведены в заимствованном варианте с соблюдением фонетических особенностей таджикского языка: *парламон* – парламент, *румон* – роман, *плон* – план, *компонӣ* – компания, *тилифун* – телефон, *истонса* – станция, *пушида* – почта, *пруғром* – программа, *диплум* – диплом, *белот* – билет, *овонс* – аванс, *параход* – пароход, *воғзал* – вокзал, *пошпурт* – паспорт, *солдот* – солдат, *газит* – газета, *ичгут* – счет, *кантура* – контора, *пристуф* – пристав;

– слова и термины приводятся в виде перевода и комментариев на таджикском языке: *Ҳукумати кулл яъне Қинирол Губернатор* – Генеральное правительство, т.е. генерал-губернатор, *истгоҳ яъне воғзал* – станция, т.е. вокзал, *паспурт яъне тазкира* – паспорт, т.е. *тазкира* (паспорт в Бухарском эмирате), *Гранд ҳутел яъне меҳмонхонаи бузург* – Гранд отель, т.е. большая гостиница, *воински начальник яъне раиси қушун* – войсковой начальник, т.е. управляющий войсками и т.д.

В этот период с появлением новых школ европейского типа, переводов художественной и научной литературы и изданий первых газет и журналов, получает развитие и общественно-политическая терминология. С появлением газет и журналов формируется новый жанр – публицистика, возникает язык прессы, обогащенный новыми общественно-политическими терминами: *муҳаррир* – редактор, *муҳаррири (мудири) масъул* – ответственный редактор, главный редактор, *чопхона* – типография, *нашриёт* – издательство и др.

Таджикский язык в эпоху просветительства приобрел некоторые навыки и опыт в употреблении новых понятий. Таким образом, начало XX в. – переходный период в истории таджикского литературного языка, характеризующийся, с одной стороны, тенденцией к сближению с общенарод-

ным языком, обновлению лексических, грамматических и стилистических норм, с другой – сохранением основных черт морфологической структуры, свойственных позднесредневековому книжному языку.

Сложное переплетение традиционных и новых конструкций наблюдается и в синтаксисе. Введение пунктуационных знаков способствовало более четкому восприятию синтаксического членения письменной речи. Литературный язык начала XX в. лежит на границе двух основных этапов истории таджикского языка; многие черты, отличающие современный литературный язык, сформировались в этот переходный период.

Развитие таджикского языка в годы советской власти имеет свои особенности. Процесс его обновления на заре установления советской власти в Таджикистане в 1920-1930 гг. можно хронологически разделить на два этапа.

Первый этап – время после падения Бухарского эмирата до образования ТАССР в составе Узбекистана. На этом этапе руководители Бухарской республики под влиянием пантюркизма старались представить таджиков как выходцев из Ирана. В течение некоторого времени они смогли навязать эту мысль русским революционерам. В результате в Бухаре государственным языком был объявлен узбекский. Были закрыты таджикские газеты, а также школы с таджикским языком обучения.

Второй этап – время образования ТАССР, затем Таджикской ССР и вплоть до 1935г. В этот период в обсуждении вопроса обновления таджикского языка и его литературных норм принимали участие, кроме таджикских ученых, такие русские языковеды и востоковеды, как А. А. Семёнов, Е.Э. Бертельс, А.А. Фрейман, В.В. Виноградов и др.

Основными причинами важности политики строительства таджикского языка являются:

– уделение государством огромного внимания вопросам просвещения. После образования автономной, а затем суверенной республики в составе СССР, в Таджикистане были предприняты серьезные меры по развитию сети просвещения, созданию школ и научных учреждений. Соответственно политическому курсу Советского правительства в национальных республиках образование велось на родном языке. В короткие сроки в Таджикистане были организованы курсы по ликвидации безграмотности, начальные и средние школы, профессионально-технические училища, высшие учебные заведения, где обучение проводилось, в основном, на таджикском языке;

– развитие сети общеобразовательных систем, появление новых школ с принципиально новыми системами обучения и в целом новые явления в системе просвещения требовали составления новых учебных пособий и учебной литературы. Система просвещения Бухарского эмирата с учебными пособиями старых времен не отвечала требованиям нового времени с его сетью общеобразовательных учреждений;

– использование таджикского языка в сфере государственного официального делопроизводства. Как известно, таджикский язык и раньше в течение долгого времени был государственным, и даже межнациональным языком на огромной территории Средней Азии, Ирана, Афганистана, Индии, Турции. Но новый государственный строй, новые принципы делопроизводства и другие аспекты новой власти коренным образом отличались от прежних систем. Изменилась структура административных и общественно-политических терминов, используемых в государственном масштабе;

– появление обширной сети средств массовой информации, газет, журналов, радио и др.;

– повышение роли перевода. В Советском Союзе литература по общественно-политической науке, а также другим областям составлялась сначала на русском языке, а затем переводилась на национальные языки республик;

– появление новых отраслей науки. С появлением новых отраслей в системе терминологии появляются совершенно новые понятия, специальные термины;

– изменение общественно-политического строя способствовало появлению новых профессиональных отраслей, которые требовали и новых слов и терминов;

– появление новых литературных произведений на таджикском языке. Эти произведения были написаны в условиях нового советского времени и в них соответственно отражались элементы языкового характера.

Характерной чертой данного этапа развития таджикского языка стало то, что, во-первых, с установлением новых порядков, особенно идеологических и теоретических взглядов, общественно-политические термины марксизма-ленинизма и советского государства просто хлынули в таджикский язык. Вначале установление новых терминов проходило хаотично. Многие понятия еще не имели своих терминов в таджикском языке. Ощущалась необходимость в создании центрального органа по упоряд-

дочиванию терминологии. Во-вторых, остро встал вопрос об обеспечении кадрами. Нехватка специалистов, знающих русский язык и другие европейские языки, привела к тому, что новая терминология таджикского языка на этом этапе не была разработана и упорядочена.

Лексика и терминология таджикского языка на данном этапе классифицируется следующим образом:

а) термины и понятия идеологического характера. Эту терминологию советские языковеды впоследствии назвали «терминологией марксизма-ленинизма». С установлением советской власти такие термины вошли во многие языки народов СССР, в том числе и в таджикский язык. Основные термины и понятия идеологического характера были переведены на таджикский язык или находили эквиваленты среди ранних слов и терминов. Как показывает практика терминотворчества, таджикский язык, в силу своих грамматических и лексических особенностей, был одним из тех немногих национальных языков СССР, который в основном смог решить данную проблему. Такие термины, как пролетариат – *ранҷбар*, революция – *инқилоб*, коммунист – *иштирокӣ*, социалист – *иҷтимоӣ*, партия – *фирқа*, беспартийный – *бефирқагӣ*, авангард – *пешидор*, большевики – *аксариян*, меньшевики – *ақаллиён* были с успехом переведены на таджикский язык;

б) некоторые термины и понятия идеологического характера были приняты в первоначальном виде, на языке оригинала, так как для них не нашлось таджикских эквивалентов, но они претерпели фонетические изменения: коммуна – *кумун*, буржуазия – *буржуозӣ*, демократия – *демукротӣ*, диалектика – *диалектико*, материализм – *мотериёлизм*, марксизм – *морксизм*, социализм – *сусиёлизм*, курс – *курс* и т.д.;

в) другая часть терминов была переведена на таджикский язык путём калькирования: Красный Полумесяц – *Ҳилоли Аҳмар*, интернациональная – *байналмилал*, лига наций – *иттифоқи милал*, социал-демократы – *иҷтимоиюн-оммиюн*, контрреволюция – *аксулинқилоб* и т.д.;

г) для некоторых слов и терминов путем использования таджикских и арабских словосочетаний нашлись эквиваленты: *маромнома* – программа, *низомнома* – положение, *мууроҷиатнома* – обращение, *сулҳнома* – мирный договор, *гуноҳнома* – обвинение, *худидоракунӣ* – самоуправление, *миёнаҳол* – середняки, *хобгоҳ* – общежитие;

д) административные термины, которые, в свою очередь, подразделяются следующим образом:

– названия должностей: *садр* – председатель, *раис* – председатель, *раёсат* – президиум, *ноиб* – заместитель, *мудир* – заведующий, *арбоб*, *ходим* – деятель, *роҳбар*, *сардор* – начальник, *мухбир* – корреспондент, *муҳаррир* – редактор, *сармуҳаррир* – главный редактор, *саркотиб* – ученый секретарь, *котиб* – секретарь и т.д.;

– названия административных органов: *идора* – учреждение, *забтия* – милиция, *ичроия* – исполнительный, *адлия* – юстиция, *маҳкама* – суд, *дорул* – муаллимон – пединститут, педучилище, *матлубот* – потребсоюз и т.д.;

е) активизация словообразования путем аббревиации – такая форма терминообразования в таджикском языке прежде не существовала. Даже в русском языке дореволюционного периода аббревиатура встречается редко. Были сделаны попытки перевода таких терминов, как: Российская коммунистическая партия (большевиков) – РКП (б) – *Фиркаи куммунисти (болишевики) Русия* – ФК (б) Р, Ленинский Коммунистический Союз Молодежи – ЛКСМ – *Иттифоки чавонони иштирокигони ленинчӣ* – ИЧИЛ. Но все же чаще по политическим соображениям эта аббревиатура принималась только в русском варианте: ЛКСМ, РКП (б), НЭП, ГПУ, ВЧК и т.д.;

ё) появление сложных двух – и трехсоставных лексем. Эти термины создаются также путем словосочетания с использованием нескольких новых терминов двумя способами: такие сложные термины появляются в результате сочетания нескольких таджикских слов: *шӯрои ҳарбии инқилобӣ* – революционный военный совет (реввоенсовет), *идораи сиёсии давлатӣ* – главное политуправление (ГПУ), *нашириёти давлатии Тоҷикистон* – государственное издательство Таджикистана, *шӯрои нозирони халқ* – совет народных комиссаров; при образовании сложных терминов используются русские интернациональные и таджикские термины или только интернационально-русские термины: *комиссариёти инспексияи коргарон ва деҳқонон* – Комиссариат рабочих и дехканских инспекций, *Кумитаи иҷроияи марказии шӯроӣ* – Центральный исполком советов, *Кумиссори корҳои Миллӣ* – Комиссар по национальным вопросам, *Кумиссияи шарқии Кумитаи Байналмилали саввум* – Комиссия Комитета III Интернационала по восточным вопросам, *Маҷлиси олии Кумиҷроияи РСФСР* – Верховный Совет Исполкома РСФСР, *кулхузи булшевикӣ* – большевистский колхоз, *диктатурии пролетариет* – диктатура пролетариата.

Разработанные принципы таджикского языка затем повлияли на общий ход его развития в XX в. Если начальный этап разработки нормативных

моделей совпал с ожесточенной идеологической борьбой советской власти с традиционными подходами, то уже в 30-е годы представители старой интеллигенции и их подход к развитию языка были осуждены и запрещены как «пуризм» и «наследие буржуазно-феодалного образа жизни». Такие общественно-политические термины, как *худнар* – самолёт, *худрав* – автомобиль, *худҷӯш* – самовар, *торикистон* – кино, *оташароба* – поезд, *бузпар* – паровоз, *пешоҳанг* – пионер, *ранҷбар* – пролетарий, *усулдонӣ* – методология, *ҳаётшиносӣ* – биология, *сарнишин* – капитан, *моддият* – материализм и т.д., которые были созданы на основе языковых и научных норм терминотворчества с использованием разговорных элементов и словообразования лексического состава таджикского языка, были запрещены политизированными терминологическими органами Таджикистана.

На этом этапе, в зависимости от общественно-политической обстановки и приведения норм таджикского языка в соответствие с политическим курсом советского государства, в сфере реформы языка происходили важные события, которые сильно повлияли на перспективы его развития. Здесь можно назвать перевод арабизированного алфавита таджикского языка на латиницу и затем на кириллицу, попытки обновления таджикского языка под лозунгом создания таджикского литературного языка, влияние переводческой деятельности, средств массовой информации на лексический состав языка и повышение роли русского языка в терминотворчестве и лексической структуре таджикского языка.

По вопросу обновления таджикского языка высказывались различные мнения. Большая часть исследователей предлагала на основе книжного языка разработать новые принципы литературного языка, другие предлагали отбросить этот арабизированный старый язык и на основе одного из диалектов таджикского языка выработать новые принципы литературного языка. По вопросу выбора одного из диалектов таджикского языка также высказывались различные мнения. Предлагались диалекты горных районов Таджикистана, диалект города Душанбе и близлежащих районов, диалекты Бухары и Самарканда и т.п. Материалы дискуссий бурно обсуждались в средствах массовой информации. Вопрос обновления таджикского языка наряду с переводом письменности был обсужден на Первой конференции, посвященной таджикскому алфавиту (Ташкент, 28 ноября 1929 г.), на научной конференции (Кенгош) таджиков Узбекистана (Самарканд, 10-15 февраля 1930 г.), Конференции языковедов Таджикистана (Сталинабад,

август 1930 г.). В конце концов, для обновления таджикского литературного языка за основу был принят бухарский диалект с использованием возможностей других диалектов таджикского языка.

На этом этапе началась бурная полемика по вопросу создания литературных языков для национальных республик СССР, хотя таджикский язык уже имел вполне сложившиеся нормы употребления и в течение тысячелетия являлся литературным языком, а в Бухарском эмирате он был официальным государственным языком. Тем не менее, этот процесс коснулся и таджикского языка, что обуславливалось двумя факторами:

а) старый литературный язык или книжный язык не мог полностью реализовать новые потребности советского строя. В результате коренных изменений в жизни общества появились новые отрасли науки, а также новая коммунистическая идеология со своими понятиями. Она нуждалась в реализации этих понятий и язык должен был четко и сполна передавать их смысл. Поэтому он должен был преобразовываться в соответствии с новыми реалиями;

б) советское правительство ставило перед собой цель ликвидации безграмотности среди всех народов, населявших территорию Советского Союза. Поэтому основной целью преобразования языков было создание такого литературного языка, который был бы прост и понятен массам. Эти попытки сопровождались пропагандистской шумихой о «буржуазно-феодалном характере языков», отказом от «старых пережитков» и другими политическими лозунгами.

Движение за замену арабского алфавита латинским алфавитом началось в начале XX в. в странах Ближнего Востока и уже к 19-20-м годам Турция перешла на латиницу. После победы Октябрьской революции под влиянием пантюркизма в ряде тюркоязычных республик СССР движение по замене алфавита набирает темп, и в 1922 г. вначале Азербайджан, затем Татарстан, а также еще ряд республик Средней Азии перешли на латинскую графику. Переход на латинский алфавит со стороны вдохновителей этого процесса обосновывался трудностями освоения арабской письменности и в связи с этим поголовной безграмотностью населения и превосходством латинской письменности над арабской (фонетичность латинского алфавита) и т.д. Но замена арабской письменности имела идеологические причины, поскольку советские идеологи хотели отделить мусульманские народы Советского Союза от исламского мира с целью быстрого распространения идеологии марксизма-ленинизма.

Причина замены арабской письменности на латиницу в первый период установления советской власти, а не на кириллицу, что произошло позднее, кроется, видимо, во-первых, в сильном влиянии пантюркизма в тюркских республиках, и, во-вторых, в попытках интернационализации идей марксизма-ленинизма в агитации и пропаганде советского образа жизни на международной арене.

В конце 30-х годов XX в. были предприняты попытки к переходу на кириллицу, и уже в 1940 г. таджикский язык второй раз за короткое время сменил свой алфавит уже на кириллицу. Если для тюркских народов замена письменности не имела почти никаких последствий (литература на языке этих народов была очень немногочисленной), то для таджикского языка этот факт имел трагические последствия:

а) таджикский язык в течение длительного периода после арабского языка был официальным, государственным и религиозным языком исламского мира. На этом языке была создана богатейшая литература на основе арабской письменности. Таджики, принимая арабскую графику, сделали очень многое для развития арабской письменности, каллиграфии, они привели письменность в соответствие с фонетическими нормами таджикского языка. Поэтому перевод всех созданных памятников научной и художественной литературы на новый алфавит не представлялся возможным;

б) поколения, воспитанные на новом алфавите, оказывались оторванными от богатейшего культурного наследия;

в) те отдельные группы таджикской интеллигенции, которые были сторонниками замены таджикской письменности на основе арабской графики, были воспитаны или получили образование в Турции, и соответственно они попали под влияние пантюркизма. В период национально-территориального размежевания Средней Азии эта интеллигенция предала интересы таджикского народа, заняв в этом вопросе позицию пантюркистов. Существенной деталью в этом процессе было то, что многочисленная часть наиболее прогрессивной таджикской интеллигенции в результате гражданской войны и репрессивных мер Советского государства либо уехала за границу, либо была уничтожена. Остальная часть интеллигенции с основной массой безграмотного населения Таджикистана опасаясь преследований и гонений со стороны советских властей, стала безучастным наблюдателем процесса обновления таджикского языка на основе ненаучных экспериментов.

Перевод художественной, научной и политической литературы с русского и европейских языков на таджикский язык начинается с конца XIX в., и особенно активным этот процесс становится в начале XX в. Журнал «Шу‘лаи инкилоб» («Пламя революции»), как орган областного комитета РКП (б) в городе Самарканде, представляла переводы общественно-политических статей и книг коммунистического характера. В ранний период установления советской власти перевод общественно-политических терминов характеризуется хаотичностью, многообразием и вариантно-стью. Только известный коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» имел несколько вариантов перевода на таджикский язык: «*Ба ҳам бипайвандед, ранҷбарони ҷаҳонӣ!*», «*Ранҷбарони рӯи замин иттиҳод!*», «*Ҳамаи камбағалон як шавед!*», «*Ҳамаи пролетарҳои дунё як шавед!*» и «*Пролетарҳои ҳамаи мамлакатҳо як шавед!*»

Вопрос перевода, проблемы средств массовой информации и их роли в обновлении таджикского языка взаимосвязаны. После того, как началась активная деятельность по переводу фундаментальных сочинений основоположников марксизма-ленинизма, роль перевода и средств массовой информации в развитии словарного состава таджикского языка и терминологии особенно повысились. Появляется новый термин – «язык прессы», и от того, как преподносился тот или иной термин в средствах массовой информации, зависело принятие термина читателями. Средства массовой информации были главным рупором литературного и пропагандистского механизма государства и поэтому им отводилась особая роль в претворении в жизнь политики государства.

Роль русского языка в обновлении таджикского языка, и принятие новой советизированной терминологии была особенно значима. В начальный период своего установления советская власть всячески поощряла развитие национальных языков, и результатом этой политики стало появление литературных языков многих союзных и автономных республик бывшего СССР. Установка центральной власти была такова: если руководители центрального аппарата выезжали на работу в другие союзные и автономные республики, то они должны были в короткий срок выучить государственный язык той республики. Национальные языки на своих территориях объявлялись межнациональными языками. Так, по Конституции 1931 г., таджикский язык объявлялся межнациональным языком на территории Таджикистана, но не государственным, так как СССР был

единым федеральным государством, и государственным языком всей страны был русский язык.

Начиная с конца 30-х годов, в системе слов и терминов языка под влиянием русских элементов происходит активная унификация терминов. Особенно сильно возрастает роль русского языка, как государственного, в период Великой Отечественной войны.

Такие лозунги и теории, как «сближение народов и языков СССР» и теория билингвизма или двуязычия в СССР, и их внедрение в практику, означали постепенную русизацию общественно-политической жизни. Это привело к тому, что в некоторых языках, в том числе и таджикском, особенно в его лексическом составе, появилось большое количество русизмов и советизмов. Так, по данным 1980 г., использование русского языка преобладало в делопроизводстве организаций союзного подчинения, в устной речи на собраниях, пленумах, съездах центральных и местных организаций, существовало параллельное обучение на двух языках во всех учебных заведениях. В таких же сферах, как военные училища и воинские подразделения милиции, гражданская авиация, в сфере точных наук и т. п. использовался только русский язык.

Под влиянием русского языка происходили некоторые изменения в грамматическом и фонетическом строе таджикского языка:

– вместо *комунист* – коммунист, *сусиёлизм* – социализм, *фабрик* – фабрика, *империализм* – империализм, *кумун* – коммуна, *лукумутиф* – локомотив, *бошпурт* – паспорт и др.;

– принятие русских специальных букв типа «ц», «щ», «ы», «ь» – и их употребление: *цирк*, *цемент*, *выставка*, *Щорс*, *Хрущев*, *царизм*, *социализм* вместо – *сирк*, *семент*, *виставка*, *Шчорс*, *Хрущов*, *тсаризм* и т.д.;

– грамматическое и синтаксическое влияние русского языка: *ванна қабул кардан* вместо *ҳаммом кардан* – принять ванну, *дарс гирифтаи* – *дарс хондан* – получить урок, *у гуфт* – он сказал и такие словосочетания типа *дар иртибот*, *дар бораи*, *нуқтаи назар* и др.

Известно, что на современном этапе развития таджикского языка внедрение новых слов и терминов из европейских языков намного превосходит заимствования из русского языка. Сегодня таджикский язык имеет возможность напрямую заимствовать иноязычные слова и термины из английского, немецкого, французского и других европейских языков. В конце XIX в. в таджикский язык начали проникать слова и термины русского

языка и европейского происхождения. Они стали преобладать в научно-технической терминологии таджикского языка и на данном этапе его развития являются одним из важных способов пополнения словарного состава таджикского языка. Отношение лингвистов к иноязычным словам и терминам неоднозначно. Одни предлагают заменить иноязычные термины на таджикские эквиваленты, другие, напротив, считают, что их следует употреблять как есть и ратуют за интернационализацию системы терминологии. На вопрос в том, как эти слова будут приниматься в таджикском языке, сейчас трудно предположить, что таджики возвратятся к 20-30 г. XX в. и будут принимать и произносить социализм, – *сусиёлизм*, автобус – *утубус*, демократия – *демукросӣ* и т.д. Поэтому, вопрос правописания слов, заимствованных из европейских языков, требует тщательного анализа исследователей. И все же, языком-посредником заимствования европеизмов является русский язык. Именно он остается одним из основных источников обогащения лексического состава современного таджикского языка.

В 1930-е годы, когда велись дискуссии по вопросу становления новой терминологии таджикского языка, возникла необходимость в создании руководящего органа, который должен был контролировать процесс терминоведения. Все, кто даже высказывал различные, порой и противоположные мнения, были единомышленны. Создание терминологического органа в Таджикистане было тесно связано с созданием подобного учреждения и в других национальных республиках. Вплоть до 1935 г. терминологическая деятельность в Таджикистане осуществлялась под руководством Центрального Комитета нового алфавита (ЦКНА) под общим руководством Всесоюзного Центрального Комитета Нового алфавита (ВЦКНА) при ВЦИК СССР, так как до этого года о наличии центрального органа по осуществлению руководством терминологической деятельностью в Таджикистане информации не имеется. Такой орган был организован в 1935 г. на основе Центрального Комитета нового алфавита, который был реорганизован в Центральный Комитет нового алфавита и терминологии (ЦКНАТ), состоявший из четырех отделов: отдел алфавита; отдел правописания, языка и литературы; отдел слов и терминологии; отдел мелких наций.

Комитет имел в областях и районах республики свои отделения и был подотчетен Президиуму ЦИК Таджикистана и Всесоюзному Центральному Комитету нового алфавита (ВЦКНА) при ВЦИК СССР. Вскоре Комитет по терминологии выделяется как самостоятельная организация и в

1936 г. издает известную «Установку терминологии и таджикского языка». Впоследствии Комитет по терминологии вливается в состав Института языка и письменности АН Таджикистана.

В этот же период активизируется процесс перевода сочинений классиков марксизма-ленинизма на таджикский язык, что сильно повлияло на систему общественно-политической терминологии. Идеологи советского строя внимательно следили, чтобы при переводе таких сочинений не допускались разночтения терминов теории марксизма-ленинизма и проводили политику унификации терминов на основе беспрекословного принятия русских советских терминов. Таким образом, в конце 30-х годов XX в. с выходом «Установок терминологии таджикского языка» политика русизации системы терминологии таджикского языка стала официальной доктриной органов терминологии таджикского языка.

Составление различных словарей на таджикском языке имеет древнюю традицию. В современном же таджикском языке актуальность составления словарей возникла еще в 30-е годы XX в. На Первой конференции по изучению производительных сил Таджикской ССР (Ленинград, 1932 г.) были приняты некоторые предложения по этому вопросу. Так, в 4 пункте решений этой Конференции особо подчеркивалась необходимость составления полного словаря по терминологии таджикского языка, и предлагалось создать специальную комиссию по словарной работе. Вскоре был подготовлен «Полный русско-таджикский словарь», основным источником которого стал «Русский толковый словарь» И.И. Даля.

Процесс развития таджикской лексикографии включал создание двуязычных толковых словарей, в основном, русско-таджикских и таджикско-русских, орфографических, имеющих различные цели и в основном предназначенных для работников учебных заведений, печати и других специалистов, а также словарей отраслевой терминологии, предназначенных для отдельных сфер общественно-политических и технических наук.

С конца 50-х годов, исследователи таджикского языка постепенно приступили к осмыслению прошлых периодов развития языка и принципов терминотворчества, обращая внимание на традиционные национальные источники и замену некоторых неправильных, с точки зрения терминологических норм, терминов и, перенимая опыт соседних стран Ирана и Афганистана в развитии языка. Основными факторами таких перемен являлись:

– относительное потепление в общественно-политической жизни общества после XX съезда КПСС (1956 г);

- издание некоторых фундаментальных трудов классической литературы на основе новой письменности таджикского языка;
- повышение грамотности населения и более глубокое ознакомление со своей историей и культурой;
- открытие отдела востоковедения в Академии наук и арабско-персидского отделения в университете, начало изучения истории, литературы и экономики соседних близкородственных по языку стран (Иран, Афганистан);
- развитие научно-культурных отношений со странами Востока, особенно с Ираном и Афганистаном, обоюдные визиты различных деятелей по вопросам культуры и искусства, сотрудничество ученых по изданию культурного наследия, произведений литературы и т.д.

Таким образом, в результате в отдельных статьях газет и журналов постепенно появляются некоторые забытые и одновременно новые термины, которые заменились русскими и европейскими терминами, такие, как *анчуман* – съезд, *донишгоҳ* – университет, *донишҷӯ* – студент и др. Этот процесс не был официальным, следовательно, использование таких терминов стало инициативой отдельных граждан.

В 1951 г. после создания Академии наук Таджикской ССР встал вопрос об организации Комитета по терминологии, как самостоятельного органа, и в 1960 г. этот Комитет со своим печатным органом «Терминологический бюллетень» создается при Академии наук Таджикской ССР. В соответствии с «Положением о Комитете по терминологии таджикского языка при Академии наук Таджикской ССР», «Комитет является на территории республики центром по разработке и унификации научной и научно-технической терминологии на таджикском языке», а также «Издание терминологических словарей и других работ по терминологии в Республике производится только с санкции Комитета терминологии при АН Таджикской ССР». Комитет состоял из шестнадцати секций (филологической науки, исторической терминологии, педагогической науки, орфографии и др.). Деятельность данного Комитета по составлению отраслевых словарей вплоть до его ликвидации в 1979 г. была очень эффективной. В том же году был организован Отдел терминологии и культуры речи в составе Института языка и литературы им. Рудаки республиканской Академии наук, в задачу которого входила разработка теоретических вопросов таджикской терминологии, а составление терминологических словарей и их апробация велись в словарном секторе данного института.

На этом этапе активизировалось издание отраслевых словарей по различным областям науки и техники. С этой целью Комитет по терминологии издал работу, в качестве инструкции для отраслевых отделов этого Комитета, а также других учреждений, занимающихся вопросами терминологии современного таджикского языка.

При сопоставительном анализе этих двух нормативных документов «Установка терминологии таджикского языка» (1936) и «Основные принципы терминологии таджикского языка» (1971) по упорядочению общественно-политической и научно-технической терминологии таджикского языка были выявлены следующие характерные особенности:

– «Установка терминологии таджикского языка» по сути дела является нормативным документом запретительного характера. В нём конкретно подчеркнуто, что любые местные националистические цели (использование арабизмов и слов персидского происхождения) жёстко пресекаются. Против любых проявлений в терминологии веяний буржуазного кулацкого характера будет вестись беспощадная борьба. Так, слова типа *худчуш* – самовар, *пешоханг* – пионер включены в группу произвольных слов и запрещены к использованию в терминологии;

– «Установка» предлагает для формирования терминологии таджикского языка только два способа:

а) заимствование новых терминов социалистического характера типа «бригада, коллектив, театр»;

б) чистка терминологического состава таджикского языка посредством «бехтатозакуни» – чистки просеиванием. Слова типа *чаҳонгирӣ* – империализм, *сарнишин* – пассажир, *махви бесаводӣ* – ликбез решением этой «Установки» выводятся, вместо них будут употреблены только русско-советские варианты. Термины типа *инҳисор*, *махрона*, *сарборӣ* считаются неутвержденными и вместо них соответственно предлагаются советские и интернациональные термины – «монополия, компания, нагрузка». Термины *шоҳроҳ* – генеральная линия и *шайтонароба* – велосипед отнесены к терминам классового идеологического характера и их употребление также запрещается. Термины – «*шоҳ*» – царь, и *шайтон* – черт» отнесены к словам антисоветской идеологии.

В «Установке» чётко указывается, что советско-интернациональные термины в таджикском языке должны употребляться по правилам правописания русского языка. Например, помещик – помещик, Шчорс – Щорс и т.д. Фонетические особенности таджикского языка игнорируются.

Через 35 лет после издания «Установки» 1971 г. вышел новый нормативный документ «Основные принципы терминологии таджикского языка», в котором положения «Установки» считаются утвердившимися и делается попытка более подробного освещения вопросов терминологии таджикского языка. Основные положения данного документа можно классифицировать следующим образом:

- использование словарного фонда таджикского языка и его грамматических особенностей;
- изменение значения слов и их использование в другом значении, отличном от значения самого слова;
- обогащение фонда таджикской терминологии за счет европеизмов и заимствований из русского языка;
- калькирование (подстрочный перевод терминов);
- терминотворчество путем словосложений с использованием иноязычных слов (имеются в виду русские слова) и т.д.

«Основные принципы терминологии таджикского языка» зачастую дублируют главную мысль и идеологические установки первого нормативного документа, хотя в чём-то они были более или менее прогрессивными. Так, главным отличием между этими двумя документами стало то, что «Принципы...» придают большое внимание использованию словарного состава таджикского языка и по другим аспектам (астрономическая терминология).

Несмотря на все недоработки и влияние политической конъюнктуры советского периода, эти документы в течение многих лет определяли перспективы развития таджикской терминологии, и до настоящего времени принципы терминотворчества таджикского языка, заложенные в этих документах, влияют на развитие и формирование таджикской общественно-политической и научно-технической терминологии.

В 1957 г. вышел в свет «Русско-таджикский словарь» (составители: С. Д. Арзуманов, Х. Каримов), который охватывал уже 41000 слов. Он предназначался для учащихся средних школ с таджикским языком обучения. В дальнейшем появилось большое количество словарей различных типов: «Русско – таджикский терминологический словарь» (Коллектив, 1985), содержащий более 22000 слов и терминов. Этот словарь, как бы подытоживает работу таджикских лингвистов и лексикографов в течение полувека (1934-1985).

«Таджикско-русский словарь», издание которого было приостановлено в 1934 г., после новой редакции (редакторы Е. Н. Павловский, Б. Э. Бертельс, Дж. Икрами и Р. Джалил) и изменения русских источников вышел в свет в 1946 г. Этот словарь, несмотря на некоторые недостатки, в основном, содержит слова и словосочетания современного таджикского языка. На основе материалов данного словаря с обобщением и вводом некоторых слов – архаизмов таджикского языка и общественно-политических терминов времени, в 1954 г. был издан «Таджикско-русский словарь» (под редакцией М. Рахими и Л. В. Успенской, главный редактор Е. Э. Бертельс). Другой «Краткий таджикско-русский словарь» (составитель Я. И. Калантаров) был издан с дополнениями дважды: в 1955 г. (1700 слов) и в 1988 г. (20000 слов). В этом словаре содержится минимум слов и терминов общественно–политического характера и предназначен он для чтения общественно–политической и научно–публицистической литературы.

Толковых словарей таджикского языка было издано гораздо меньше, да и составлены они были позже. Первая попытка создания таджикского толкового словаря была предпринята Садриддином Айни еще в конце 30-х годов XX в. Но, вероятнее всего, Великая Отечественная война помешала изданию этого труда. Обнаруженный только в 1944 г. словарь, был составлен на латинском алфавите. После новой редакции его включили в состав полного собрания сочинений С. Айни. Отдельным томом словарь был издан только в 1978 г. в честь 100-летнего юбилея С. Айни.

Основной фундаментальной работой в этой области является «Фарҳанги забони тоҷики» («Словарь таджикского языка») в двух томах, изданный в 1969 г. Этот труд содержит основные слова и термины таджикского языка с X века до 60-годов XX в. При его составлении были использованы такие известные словари, как «Бурхони котеъ» и «Гиёс-ул-лугот», каждое слово объясняется примерами из произведений классической литературы. Другой словарь такого типа «Фарханги ибораҳои рехтаи забони тоҷики» («Фразеологический словарь таджикского языка», Фозилов М.) в двух томах, был издан в 1963 и 1964 гг., соответственно, состоит он из 8000 словосочетаний и фразеологических единиц.

Одним из важнейших вопросов таджикского языка были орфография и правила правописания таджикских слов, особенно правописание заимствованных слов и терминов. Как известно, для латинизированной пись-

менности таджикского языка не был составлен специальный орфографический словарь. В 1940 г. письменность таджикского языка была переведена на кириллицу, и встала необходимость создания орфографического словаря на основе новой письменности. Первый такой словарь (составители Я. И. Калантаров и Ш. Н. Ниёзи) был подготовлен в 1944 г. В нём приводились правила правописания более 8000 таджикских слов и терминов. Этот словарь был отредактирован заново и издан дважды – в 1952 г. и в 1959 г. Последнее издание содержало 17000 слов и терминов.

В 1972 г. были приняты новые правила правописания таджикских слов и терминов, и в том же году был издан новый орфографический словарь таджикского языка с более чем 40000 слов и терминов. Этот словарь был последним изданием в истории таджикской орфографии. В 1998 г. были приняты новые правила правописания таджикских слов, однако до сих пор орфографический словарь таджикского языка не составлен.

Значение составления отраслевых словарей таджикского языка и важность их разработки были подчёркнуты ещё в начале установления советской власти при обсуждении вопросов обновления литературных норм таджикского языка. Первым из советских исследователей, обратившим внимание на отраслевую терминологию таджикского языка, был известный языковед А.А. Семенов, который, изучая вопросы налогообложения и земельных отношений Бухарского эмирата, перевёл некоторые таджикские термины на русский язык. Затем в 1934 г. были изданы «Русско-таджикский словарь географических терминов» (составители Р. Неменова и А. Куцик) и «Русско-таджикский словарь терминов математики». Всего до 60-х годов XX в. были изданы 12 отраслевых словарей по химии, математике, физике, хлопководству, а после 1961 г. было издано уже 25 отраслевых словарей.

В 1970 г. при Академии наук республики была образована Таджикская Советская Энциклопедия, которая сыграла важную роль в составлении отраслевых словарей, особенно в области общественно-политической терминологии. Для характеристики деятельности этой Энциклопедии в развитии терминологии необходимо подчеркнуть два момента:

– все тома Таджикской Советской Энциклопедии являются важным источником, по словам и терминам таджикского языка через приведенные комментарии и выполняют роль толковых словарей:

– некоторые проекты словников по вопросам общественно-политической терминологии охватывают многие общественно-политические термины.

Так, в двух проектах – словниках по составлению отраслевых энциклопедических словарей в области исторических терминов, двух проектах словников в области юриспруденции в основном рассматривают вопросы общественно-политической терминологии. В каждом из этих словников содержится более 1500 терминов. Основная часть терминов была разработана на основании новых подходов к вопросу терминотворчества. Так, при переводе русских терминов «отмирание государства – заволи давлат» вместо «мурдани давлат (административное принудительное) «мачбуркунии маъмури» вместо «ичбори маъмури»; «соучастие – мушоракат» вместо «хамиштироки»; «пособие ёрдампули» вместо «иноат» и т.д.

С началом перестройки общественно-политической жизни в советском обществе те перемены, которые начались в эпоху оттепели 60-х годов, активизируются, и исследователи таджикского языка стали открыто высказываться по насущным проблемам языка и терминотворчества.

После принятия Закона о языке и объявления таджикского языка государственным языком Республики Таджикистан вновь поднимается вопрос об организации Комитета по терминологии при Академии наук Республики Таджикистан, который и был создан в 1990 г.

Тогда по распоряжению Совета Министров Таджикистана, «Решения и инструкции Республиканского Комитета по терминологии при Академии наук Таджикской ССР по всем вопросам, касающимся терминологии, правильности написания наименований предприятий, учреждений и общественных организаций, местностей и административных единиц на таджикском (фарси) языке стали обязательными для всех учреждений и организаций республики».

В годы независимости Республиканский Комитет по терминологии при Президиуме Академии наук Республики Таджикистан стал центром разработки и координации деятельности по составлению отраслевых терминологических словарей. Так, в течение последних лет после образования Комитета в области общественно-политической терминологии было составлено несколько отраслевых словарей: «Краткий русско-таджикский словарь по делопроизводству» (1993), «Краткий словарь терминов экономики» (1997), «Словарь употребительных слов и терминов» (1999) и др. Основные принципиальные различия этих словарей от предшествующих терминологических словарей заключаются в следующем:

– возвращение к истокам терминотворчества, использование традиционных методов терминообразования таджикского языка;

– попытка использования принципов и методов терминоведения путем отбора слов и терминов с использованием внутренних ресурсов словообразования таджикского языка;

– использование опыта терминоведения в близкородственных языках – персидского (Иран) и дари (Афганистан).

Государственная независимость заложила благоприятную основу для формирования и дальнейшего развития государственного языка и его литературных норм, устранив все ограничения и препятствия на пути формирования языка. В период независимости таджикский язык, обретя государственный статус, формируется на основе исторических и литературных норм и постепенно берёт на себя функции языка общения между представителями разных национальностей, проживающих в стране. Именно поэтому государственная независимость считается реальным фактором возрождения таджикского языка. Таджикский язык широко используется сегодня не только в делопроизводстве, но и в связях нашей страны с другими государствами мира.

После объявления независимости Таджикистана и снятия цензуры в таджикский язык хлынуло огромное количество новых слов и терминов из персидского языка Ирана и дари Афганистана. Отношение к этим новым терминам было неоднозначным. Одни старались оживить те термины и слова, которые были запрещены в 30-е годы, такие, как *анчуман* – съезд, *рузнома* – газета, *шуро* – советы, *инкилоб* – революция и воспроизводили новые термины типа *чархбол* – вертолёт, *сарқонун* – конституция, *чинта* – билет, *равонак* – бандероль, *гармотаишис* – термодиагностика, *вомбарг* – заём. Другие, более радикально настроенные ученые, принимали только новые общественно-политические термины, заимствованные из персидского языка Ирана. Именно их они считали нормой терминоведения. Третьи вообще были против этих новаций и придерживались мнения, что лучше ориентироваться на русский и европейские языки.

На основании предусмотренных Правительством Таджикистана мер по реализации Закона «О языке», к 2008 году последние правительственные структуры – финансовая и банковская отрасли страны – полностью перевели своё делопроизводство на государственный язык.

После этого шага в стране был завершён сложный этап, начатый принятием Закона «О языке», несмотря на то, что закон о языке был представлен и принят в советское время, он действовал в период независимости, на

протяжении 20 лет. Требования и нормы закона, в большинстве случаев не могли в полной мере отвечать потребностям общества в применении государственного языка.

В связи с необходимостью всестороннего развития государственного языка в обществе, назрела необходимость в принятии нового Закона «О государственном языке РТ». Этот закон регулирует и определяет правовое состояние, использование, защиту и перспективу развития государственного языка в нынешних условиях внутренних и внешних отношений страны.

Данный закон был подготовлен на основе принятых международных норм в связи с правовым состоянием государственного языка, в нём также урегулированы нормы использования других языков, в том числе, языков национальных меньшинств страны.

В целях реализации целенаправленной политики Правительства о государственном языке и действия данного закона была образована новая структура – Комитет по языку и терминологии при Правительстве РТ.

Комитет считается единственным республиканским органом, который помогает в реализации политики Правительства страны в вопросах, связанных с государственным языком. На Комитет возложена важная ответственность по регулированию, унификации терминологии, контролю исполнения закона и соблюдению норм литературного языка.

За годы независимости наступил новый этап развития национального языка со статусом государственного. Президентом Республики были поставлены следующие задачи, связанные с развитием государственного языка:

- упорядочение терминологии и норм государственного языка на основе использования рукописных произведений его исторических периодов;
- анализ, упорядочение и точное использование терминов современного языка и обеспечение развития литературного языка.
- исследование и издание научной грамматики литературного языка на основе новых норм;
- исследование и издание исторической грамматики таджикского языка;
- издание учебных материалов по литературному языку;
- разработка и издание толковых, двуязычных, нормативных и орфографических словарей литературного языка.

Особое значение для дальнейшего последовательного развития таджикского языка имеют сочинения и статьи Лидера нации, Основателя мира и национального единства Президента РТ Эмомали Рахмона. Его основопо-

лагающие принципы по развитию таджикского языка были освещены в таких книгах, как «Точикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён» (1999, 2002, 2006, 2009), «Нигоҳе ба таърих ва тамаддуни ориёӣ», «Ориёӣҳо ва шинохти тамаддуни ориёӣ» (2006). В частности, его книга «Забони миллат – ҳасти миллат» (2016) как бы подытоживает последние достижения в области таджикского языкознания и истории развития таджикского языка. При его непосредственном участии были проведены различные мероприятия по стабильному развитию таджикского языка. Появились фундаментальные исследования по истории таджикского языка, социальным аспектам развития таджикского языка, терминологии таджикского языка, фонетике, и другим направлениям развития таджикского языка.

В годы независимости активизировалась деятельность таджикских лексикографов. По проведённым подсчетам после 1991 г. в Таджикистане были созданы более 150 различных толковых, переводных и специальных словарей, в частности «Таджикско-русский словарь», «Толковый словарь таджикского языка» (в 2 томах, 80000 слов и выражений), «Полный толковый словарь таджикского языка (т. 1 буква А, 12 тысяч слов и выражений), «Словарь южных говоров». Толковые словари современного таджикского языка ввиду своей универсальности явились базой для создания других типов (переводных, специальных, фразеологических, синонимических) словарей. Вышли в свет такие крупные переводные словари как «Таджикско-английский словарь»(2008г., 60000 слов), «Англо-таджикский словарь» (2015г. 100,000 слов и выражений), «Таджикско-арабский словарь» (2010 г., 100000 слов) и т.д. Всего было издано более 110 терминологических словарей различного характера.

В годы независимости дважды (1998, 2011) были утверждены новые орфографические правила современного таджикского языка. В первом случае были внедрены значительные изменения в правила правописания современного таджикского языка (изменения в порядке размещения таджикских букв в алфавите, в произношении букв алфавита, сокращении количества букв с 39 до 35 с выводом специфических русских букв ц, щ, ы, ь и т.д.) В 2011 году в орфографию и правописание таджикского языка были внесены некоторые дополнительные изменения. В рассматриваемый период изданы орфографические словари (1991,2013 гг.). .

В настоящее время социальные задачи языка изменились и обрели этнополитическое значение. В результате распространения новых понятий

общественно-политического и научного характера в таджикском языке появляются различные новые слова из языков многих народов мира.

В процессе общественно-политического развития цивилизаций некоторые языки приобретают специфические особенности в зависимости от использования этих языков в различных сферах общества. Так, всем известно, что классический таджикско-персидский язык, образно говоря, является языком поэзии, греческий язык – языком философии, латинский язык – языком науки и т.д. Таким образом, развитие структурных словообразовательных функций языка в основном зависит от формы и способа его использования в отдельных областях науки и культуры. С этой точки зрения, специфика таджикского языка проявляется преимущественно в области поэтики. Исследователи и лексикографы при составлении словарей извлекают примеры обычно из диванов классиков-поэтов таджикско-персидской литературы, хотя и прозаических, и научных произведений на этом языке достаточно много. Причина этого обращения, как полагают, заключается в том, что благодаря исконно таджикско-персидским словам, вошедшим в язык поэтических произведений, сохранилась чистота языка. Язык прозы из-за принятия арабизмов, тюркизмов и других элементов постепенно засорялся.

Современный таджикский язык – государственный язык Республики Таджикистан, язык таджикской независимой нации. Он впитал в себя все богатство живой разговорной речи, включил в свою лексику и фразеологию всё лучшее, что содержат местные говоры, сохранив в то же время основы грамматического строя и словаря языка классической литературы, появившегося в раннем периоде развития языка в эпоху Саманидов. В политической истории таджикского народа невозможно найти другую династию, которая бы могла сравниться с Саманидами в ведении подобной, особой и одновременно уравновешенной и справедливой национальной политики, имела бы языковую и культурную политику мировой значимости. Благодаря политике и мудрости Саманидов мы сегодня являемся носителями одного из богатейших языков мира. Крупнейшие учёные средних веков, такие как Абурайхон Беруни, Ибн Сино (Авиценна), Закариё Рози (Разес), Носир Хусрав, Омар Хайям, их современники и последователи также создавали свои известные труды на этом языке и приобщали их к мировой цивилизации.

Сегодня в наследство мы получили язык, на который с начала зарождения ислама переведены тексты и толкования священной книги Коран.

Эти переводы и толкования считаются наилучшими образцами стилистики нашего языка. Один из древнейших переводов Корана (VIII в.), выполнен на классическом литературном таджикском языке.

Мощь и возможности нашего языка позволили нашим предкам в течение многих, не очень благоприятных, порой жестоких и кровавых столетий, создавать на этом языке одну из величайших цивилизаций, богатейшую литературу, красочную поэзию. Кроме того, в течение многих веков таджикский язык был средством межнационального общения, языком переписки для многих народностей и племен на огромной территории мировой цивилизации – от Восточной Азии и Гималаев до берегов Средиземного моря.

На основе Закона «О государственном языке Республики Таджикистан» и целого ряда других мер, принятых Правительством РТ, созданы условия и благоприятная социально-политическая атмосфера для дальнейшего развития государственного языка.

Важнейшим источником в распространении и познании нормативного литературного языка являются средства массовой информации, особенно, радио и телевидение. Их язык – это зеркало нормативного литературного языка, и оно должно представить массам лучший фонетический образец языка.

Современный литературный язык используется во всех областях политической, экономической и культурной жизни Таджикистана и оказывает воздействие на все стили и разновидности разговорной речи. На современном таджикском языке создана богатая художественная литература, издаётся большое число газет и журналов, составлены учебники и учебные пособия по всем отраслям знаний, ведётся преподавание в школах, техникумах, вузах. Литературный язык, помимо письменной формы, представлен также в устной разновидности как язык радио, телевидения, театра и кино.

Современный таджикский алфавит (введен в 1940). Состоит из 35 букв. Он основан на русской графике с добавлением 6 букв (*z, ȳ, q, y, x, c*). В литературном таджикском языке имеется 6 гласных и 23 согласных фонемы. По степени способности к сокращению гласные делятся на устойчивые (*e, o, y*) и неустойчивые (*u, y, a*), последние могут сильно сокращаться в открытом предударном слоге (ср.: *китоб, к'тоб* – книга и *сутун, с'тун* – столб и т. п.). Для согласных характерно наличие фарингального щелевого *x*, увулярного щелевого *ɣ*, увулярного смычного *q* и звонкой

аффрикаты *ч* (*ҳаво* – воздух, *ғор* – пещера, *қанд* – сахар и *ҷавон* – молодой, юноша). Буква *ъ* выступает в словах арабского происхождения (на месте арабских «*айна*» и «*хамзы*»), она может артикулироваться как фарингальный согласный в нарочито книжном стиле речи (например, при декламации), но обычно, либо указывает на границу слога, либо вообще не имеет фонетического значения [ср.: *қалъа* (*кала*) – крепость.

После обретения независимости таджикский язык, в качестве государственного, обрел законный статус в политических и социально-экономических сферах, стал широко использоваться в делопроизводстве, законотворчестве, науке и образовании, культуре, внутренних и внешних связях страны.

Глава III

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

1. Зороастризм в древней истории таджиков

Одной из самых древних мировых религий является зороастризм, который впервые в истории объединил разные племена и народы Центральной Азии. Возникнув и сложившись в среде индоарийских племён, эта религия отражает восприятие, мировоззрение и духовную культуру народов Центральной Азии. Священной книгой зороастризма является Авеста, сложение которой относится ко II тыс. до н.э.

По этому древнейшему письменному источнику исследователи поднимали и рассматривали различные вопросы истории, языка, религии, исторической географии и др. В настоящем исследовании на примере зороастрийской религии – основы, каноны и действие которой представлены в Авесте, предлагается рассмотреть вопросы этногенеза с привлечением археологических материалов.

Зороастризм, несмотря на реформаторский стиль формирования его основы, сложился в центре индоиранской религиозной системы, которая сформировала авестийскую этническую общность.

Авестийское общество арийских народов, соответственно «Прародину ариев», помещают в самые различные области – от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границы Индии. Особенно популярна в науке теория среднеазиатского происхождения ариев. Ее многочисленные сторонники считают, что именно Средняя Азия была местом сложения арийских племен, их цивилизации, духовной культуры, эпоса.¹

В Михр яште (10,12-13,) авестийский край арийцев связан с горой Хара, которую исследователи помещают в горах Памиро-Гиндукуша².

---

¹ Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. – Москва, 1983. – С.16.

² Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 72-74; Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Березаити,

Имеется также указание границ: «Так, на Восток и Запад, в две стороны на Север, в две стороны на Юг, и на каршвар прекрасный, обильным населением, обжитым – Хванирата». (10, 14-15). Данное определение отражает компактное проживание арийцев, на определённой территории, которая в первой главе Видевдата представлена как страна, которую сотворил Ахура Мазда из каршваров: – 1. Арийана Вейдж; 2. Гава Сугда; 3. Мерв; 4. Батхи (Бакрия); 5. Нусай; 6. Харайва (Герат); 7. Вейкарит; 8. Урва; 9. Гургон; 10. Харавайти; 11. Хирман; 12. Рага; 13. Чарха; 14. Варна; 15. Хафтхинд – Семь Хинд; 16. Земли вокруг истока реки Ранха. Важно то, что все сотворённые каршвары были расположены в Центральной Азии¹. Следовательно, родина создателя Авесты и религии зороастризма располагалась на этой земле.

Зороастр был священнослужителем и для того, чтобы понять суть его откровения, нужно знать все, о той старой религии, которая его воспитала² и которая была заложена в основу зороастризма.

По археологическим материалам очевидно, что зороастризму предшествовали тотемическое начало, зоолатрия, табуация анимализма, геометризмы и др. Геометрические знаки свидетельствуют о наличии астральных культов, в котором особое место отведено культу солнца. Сюжеты зооморфных изображений не противоречат этому, а дополняют существующий ряд пантеона верховных божеств, символизирующих устройство мира, культ огня, воды, плодородия, луны, цикла жизни и т.д.

Несомненно, у племен эпохи бронзы зарождалось формирование религиозных понятий, многие явления, животные и предметы обожествлялись, как в единстве, так и в антагонистическом противостоянии. Огонь и вода, добро и зло и т.д. сопоставлены с дуалистической концепцией, составляющей основное содержание мирового процесса в религиозной системе зороастризма.

Обожествление огня, воды, инновации в погребальном обряде, появление культа предков, животных, пьянящие напитки и др., повсеместно присутствуют в авестийских сказаниях и свидетельствуют о религиозных представлениях древнего общества, об историческом феномене сложения

рек Вахви-Датия, Ранха и моря Ворукаша. – Душанбе: Дониш, 2003. – С. 78-79.

¹ Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С.73; Grenet F. Zoroastre au Badakhshân// *Studia Iranica*. – 2002. – Tome 31, fascicule 2. – P.199-200.

² Бойс М. Зороастрийцы. - М., 1987. - С.9.

зороастризма, возникшего во второй половине II тыс. до н.э.

Установлено, что религиозная практика была значительно более разнообразной чем та, что нашла отражение в проповеди Заратуштры, т.е., в «Гатах» и в других авестийских сочинениях¹.

На основании всех этих данных сделано справедливое заключение о том, что в определенный период истории предки древних иранцев и древних индийцев составляли единое целое, жили на одной территории и говорили на одном и том же языке, составляя индоиранскую (или арийскую) этническую общность. По мнению большинства ученых, их разделение произошло на рубеже III-II или в первой половине II тыс. до н.э.²

Начиная с эпохи бронзы, Центральная Азия была ареной сложных этнических процессов и передвижений племен, и, очевидно, именно с этим временем связывается зарождение этнических образований, названия которых известны из древнейших письменных источников³.

Любая религия, выходя за пределы той общины, где она возникла, видоизменяется соответственно укоренившимся верованиям новых адептов. Так было с христианством в Европе, впоследствии с исламом в зороастрийском Иране, а также в Средней Азии. Так было и с учением Заратуштры среди иранских почитателей *дэвов*. Отвлеченные сущности – *Амэша Спэнты* – уже облакаются в плоть и кровь, переплетаясь с древними божествами и приобретая языческие функции: *Воху Манах (Бахман)* покровительствует животным, *Аша Вахишта (Урдубихишт)* – огню, *Хиштра Варья (Шахревар)* – металлам, *Спэнта Армати (Исфандармад)* – земле, *Харваткэт и Амэрэткэт (Хурдад и Мурдад)* – воде и растениям. Появляются и отвергнутые Заратуштрой боги – в том числе и *дайвы* (например, Митра). Для их обозначения придумывается новый неопределенный термин *йазата* (ср.тадж. *изад*, от формы мн.числа *йаздон*), что означает «тот, кого следует почитать, кому следует приносить жертвы». Возрождаются или, точнее, сохраняются и жертвоприношения и возлияния *хао-*

¹ Литвинский Б.А. Протоиранский храм в Маргиане? // ВДИ. – 1989. – № 1. – С.178-179.

² Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. – М., 1970. – С.358; Он же. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы. – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М., 1981. – С.256, 259; Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. – М., 1979. – С.51 и сл.

³ Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов. - С.295; Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). – Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. – С.161.

мы. Заратуштре, ставшему уже мифическим собеседником Ахура Мазды и богов, тому самому Заратуштре, который, как мы видели, так энергично и недвусмысленно высказывался по поводу *хаомы*, приписывается и беседа с обожествленным *Хаомой*.

Таким образом, после смерти Заратуштры в течение столетий складывается одна из важнейших религий древности – зороастризм. Наиболее обычным его названием среди самих зороастрийцев было *vaivx dayna mazdayasni* – «добрая вера почитателей Мазды». Кроме термина *маздаясна*, для обозначения последователей этой религии употреблялся и термин *заратуштр* (*зардушт*). Важно оговориться сразу же, что зороастризм не явился в среднеазиатской среде чем-то чуждым и не воспринимался как принудительное верование, как это происходило с исламом и другими религиями. Зороастризм консолидировал все имеющиеся верования и культы дозороастрийского толка. Для древнего населения он воспринимался как учение, отражающее все чаяния и мировоззрения.

Центральная Азия колыбель арийской цивилизации¹. Здесь в VI-V тыс. до н.э. развивалась земледельческая культура, появились города – государства (Джейтун, Намазга, Алтин-тепе, Гонур в Маргусе (Туркменистан), Гиссар, Сиалк в северном Иране, Шахдад, Шахри Сухта в юго-восточном Иране, Саразм в Согде (Таджикистан).

В.И. Сариниди в книге «Гонур-Депе» (Город царей и богов) пишет: «Если суммировать и свести воедино известные нам ныне сведения, то можно представить следующую картину. В глубокой древности на бескрайнем евразийском пространстве жили народы, говорившие на индоевропейских языках. Их прародина различными учеными помещается в разных частях Евразии, но, скорее всего, она находилась на Ближнем Востоке. В VI-V тыс. до н.э. восточную окраину (или восточную ветвь) индоевропейских народов составляли так называемые индоарийские племена с очень близкими языками. Специалисты разных научных направлений пришли сегодня к общему мнению: именно в среде ариев и возникла первая мировая религия – зороастризм. В зону их расселения входят древнеземледельческие области Центральной Азии, в первую очередь, Маргиана, Бактрия и Белуджистан»².

---

¹ Яькубов Ю. Устураи Чамшед - Легенда о Джамшеде // Мероси ниёгон (Наследие предков). - 2016. - № 18. - С. 62-68.

² Сариниди В.И. Гонур-Депе. Город царей и богов. – Ашгабад: Мирас, 2006. – С.291-292.

Во III –II тыс. до н.э. на этой территории сложилось первое политическое объединение – государство Каянидов в состав, которого вошли: Средняя Азия, Афганистан, Синьцзян, Северная Индия и Хорасан. Основателем этого государства был Кай Кубад из Кубадияна, расположенного на территории современного Таджикистана. Во время правления Виштаспа пришел к нему Заратуштра и заявил о том, что он является посланником Бога и призывает его уверовать в единственного бога Ахура Мазду. Арийана нуждалась в сильной власти. Заратуштра предложил единую религию и единое правление, единое государство и единого царя.¹

По данным Бируни Виштасп подверг Зороастра многочисленным испытаниям, последние из которых было испытание с расплавленной медью. Бируни пишет, что «он принес с собой книгу Авесту. Она была написана на языке, отличающемся от языков всех других народов, и построена особым образом: число букв (ее языка) превосходит число букв во всех других языках, чтобы люди, говорящие на каком-либо одном языке, не имели преимущества в знании этой книги перед другими. Заратуштра положил эту книгу перед Виштаспом, когда явились ученые из жителей его царства и собиралось их много народу и приказал расплавить медь. Медь расплавили, и тогда Заратуштра сказал: «Боже мой, если это твоя книга, с которой ты прислал меня к этому царю, то защити меня от вреда меди»². После этого он, его жена Хутаспа, главный визир Джамаспа и его родственники и придворные стали первыми, кто принял новую веру. Виштасп под командованием Исфандиёра послал армию, чтобы распространили новую веру в стране.

До зороастризма у арийцев был сильно развит тотемизм. В связи с этим особо необходимо отметить, что почти все имена собственные строго выдерживают строй тотемного возвеличивания анималистического толка. Имя основателя зороастризма Заратуштры, означает золотой верблюд. Его отец носил имя Порушаспа, что означает имеющий хороших коней. Имя царя Виштаспа означает имеющий не управляемого коня. Имя главного министра Арджаспа – быстроходный конь.

Общим тотемом для всех арийских племён считался священный бык – тур. Существование почитания этого тотема животного можно привести находку налепа головы быка, выкрашенного в красный цвет в Саразме в

---

¹ Бируни. Ал-Асар ал-Бакия. – Ташкент, 1957. – С.205.

² Бируни. Ал-Асар ал-Бакия. - Ташкент, 1957. – С. 105-106.

слоях раннего бронзового века в помещении 8а определённом как святилище¹. Об этой находке говорилось выше в материалах Саразма.

Десять поколений царя Фаридуна носили имена, связанные с быком в значении *тура*: Пиртура – Старый Тур, Филтура – Тур большой как слон и др. Происхождение слов турк – тюрк тоже связывают с именем сына Фаридуна Тураком. Для арийцев также священными были верблюд, конь, олень, горный баран, козел, волк, собака, барс, лев. Среди птиц почитались утка, павлин, орел и др².

Согд упоминаемый в самых древних частях Авесты в Михр-яште, на сегодняшний день не имеет археологических свидетельств масштабного обживания территории на время сложения Зороастризма. Однако раскопки в Саразме показали, что культовые сооружения, отражающие поклонение огню ещё в IV–III тыс. до н.э., выводят Согд в ряд мест сложения и, возможно создания зороастризма в Центральной Азии³. Так, например, на раскопе IV обнаружено два культовых здания с круглыми алтарями и стенами, окрашенными в красный цвет. Исследование показало, что красный цвет был символом священного огня.

Для энеолитического времени характерно выделение мест совершения культовых обрядов и церемоний, трактуемых как святилища. В Саразме в слое, отнесенном к энеолиту, расположено уникальное круглое в плане сооружение (рис. 2), которое названо местом поклонения солнцу (раскоп 5). Комплекс полностью не раскопан, в силу чего выявленные постройки не поддаются определению по функциональному назначению. Так, главным сооружением этого горизонта является круглая в плане постройка, от которой сохранились лишь ряды кирпичей. Она представляет собой геометрически правильный круг, состоящий из двух колец (диаметр внешнего кольца 7,7 м, внутреннего – 4,25 м).

По мнению А.И. Исакова, здание выполняло культовые функции и, вероятно, являло собой модель горизонта с солнцем посередине⁴. Позднее

---

¹ Исаков А.И., Безенваль Р.М., Раззоков А.Р., Курбанов Ш.Ф. Работы Саразмского отряда в 1989 г. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. 28. – С. 156.

² Юсуфшохи Ёкубшох. Давлати Каёниён. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012. – С.381-388.

³ Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зарафшанской долины (раскопки 1977-1983гг.). - Душанбе, 1991. – С.113; Исаков А. Саразм – оазис тамаддуни халқи тоҷик. - Хучанд, 2005. – Қисми 1; Каримова Г.Р. Культовые сооружения Саразма (по материалам раскопок А.И. Исакова в 1978-1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ. – Душанбе, 2009. – Вып. 33. – С. 262-282;

⁴ Исаков А.И. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 году // АРТ (1985 г.). – Душанбе, 1994. – Вып. 25. – С. 95-96.

этот же ученый в приверженности к круглым формам (круглая кирпичная выкладка на раскопе V, круглая форма алтаря) изначально увидел связь с куклами небесных святых – солнца и луны¹; он получил подтверждение своей гипотезе после раскопок 1989 года, когда в помещении 14а в раскопе VI был найден налест головы быка. На Востоке представление о небесном быке, как о лунном божестве, достаточно распространено.

Согласно радиоуглеродным датировкам СИ отнесен к концу III тыс. до н.э.² Концом III тыс. до н.э. – первой половиной II тыс. до н.э. датированы маргианские комплексы Гонур и Тоголок в Южном Туркменистане, на которых открыты храмы огня³. Такая широкая практика возведения и использования храмов огня говорит о том, что местное население уже осуществляло свои ритуальные служения в храмах, что поклонение огню имеет сугубо местное происхождение. Хорошо известно по времени более позднего периода высказывание Геродота, что «персы не воздвигают своим богам храмы...» (Геродот I.131)⁴. Следовательно, традиция возведения храмов огня огнепоклонниками Востока имеет среднеазиатские корни. Арийские племена смешались с местным населением, впоследствии переняли эту практику, которая позднее становится каноном религиозных служений зороастрийцев⁵.

В древней Средней Азии почитанием также пользовались первоэлементы природы (вода, ветер, земля, огонь). Геродот пишет: «...персы для солнца, луны, земли, воды, огня и ветра жертвовали подарки, это – боги, которым персы с древнейших времен подносили дары и поклонялись (Геродот I. 131-132)⁶. Неоднократные упоминания в Авесте свидетельствуют, что эти четыре природных элемента считаются священными. Некоторым из них посвящен отдельный Яшт.

---

¹ Исоков А. Саразм – оғози тамадуни халқи тоҷик. – Хучанд, 2005. – Қисми 1. – С. 37.

² Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе) // Труды Института истории материальной культуры РАН. – СПб, 2005. – Т. XVI. – С. 539, табл. 5.

³ Sarianidi V.I. Myths of Ancient Bactria and Margiana on seals and amulets. M. Pentagraphic Ltd.1998; Сарияниди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. – Ашгабат, 2006; Сарияниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – Москва, 2010.

⁴ Геродот. История в девяти книгах // Перевод, примечания Г.А. Стратановского. - Л., 1972. – Ч. I. – С. 132.

⁵ Каримова Г.Р. Таджикистан// Религии Центральной Азии и Азербайджана. Традиционные верования и шаманизм. – Самарканд: МИЦАИ. – 2016. – Том I. - С. 160.

⁶ Геродот. История в девяти книгах // Перевод, примечания Г.А. Стратановского. – Л., 1972;

В Средней Азии также можно проследить следы древнего поклонения огню, характерные индоиранской цивилизации. В Согде выявлены многочисленные статуэтки, которым поклонялись в храмах огня вплоть до арабского завоевания¹. Согласно верованиям арийцев, огонь является субстанцией, изгоняющей демонов и обладающей очистительной силой.

Поклонение огню проявлялось в разных формах, наиболее сложной из которых была идеологическая система, получившая отражение в «Авесте». В зороастризме огонь был канонизирован, считалось, что огонь является посредником между человеком и богами, между землей и небесами². Огонь применялся как в значении огня вообще, так и в специальном смысле: священный огонь, жертвенный огонь и, наконец, огонь считался сыном Ахура-Мазды³.

Культ огня – один из древнейших пластов духовной культуры Востока. В Таджикистане и сопредельных областях он возникает, по крайней мере, в неолите и раннем энеолите. Архаичной формой проявления культа огня на ранних этапах истории является почитание домашнего очага. В более позднее время при централизации культово-обрядовых служб и социальной власти появляются алтари и храмы, при проведении специальных шаманских обрядов – различные фитили с использованием растительных прутиков (хвойные, ивовые, полынь, барсман). Фитили возжигались в честь усопших предков и покровителей. В контексте развития культа огня среди многообразия явлений материальной и духовной культуры формируются и выделяются знаковые черты, имеющие определённую семиотическую природу.

Со временем жертвоприношения приобрели обрядовый характер и стали появляться алтари огня. Постепенно складывались ритуалы служения огню. Сначала его выполнял глава семьи, а к концу индоиранской эпохи (рубеж II тыс. до н.э.) доминировала идея о том, что в борьбе между Добром и Злом должен участвовать сам человек. Главная заповедь зороастрийской этики «благие помыслы, благие речи, благие деяния» была провозглашена еще древними племенными жрецами. Соблюдение этих заповедей выражалось в моральных предписаниях. Одно из них – жертвоприношение богам, которое должен осуществить вождь племени.

---

¹ Якубов Ю. Религия древнего Согда. - Душанбе, 1996.

² An introduction to Ancient Iranian religion. Readings from the Avesta and the Achaemenid Inscriptions. Minneapolis, 1983. С. 16, 159.

³ Ясна, 62. 1

Позднее роли первослужителя культа и жреца разделились. Главным жрецом у иранских арийцев стал заотар, а у индоариев – хотар. Во время богослужений жрец приносил жертву и совершал возлияния. Богослужения проходят уже в храмах огня.

Обращает на себя внимание множественность культовых сооружений, выявленных в Саразме. Их отличает разноплановость, габаритность, фундаментальность, а также минимум жилых построек, по которым можно было бы представить уклад жизни рядового населения. На наш взгляд, в энеолите (момент возникновения поселения в Саразме) на примере динамики культовых сооружений от домашних алтарей к святилищам и далее к храмовым комплексам хорошо просматривается не только эволюция культовых сооружений, но и жреческого сословия, выступающего как основная сила власти в более позднее время. Особенностью определения культовых сооружений является определение их назначения, по характерным признакам. В Саразме этим признаком были алтари огня. На ранних этапах они отмечены круглые, а в слоях бронзового века - квадратные. Соответственно отмечается вариабельность в количественном плане. Динамика культовых сооружений хорошо видна в раскопе XII, где в слое II сооружен компактный культовый храмик с пелястрами с одним круглым алтарем в центре большого помещения. Храмик ориентирован по сторонам света (Рис. 3,1), а уже в следующем слое на его месте возведен храмовый комплекс из трех помещений с круглыми алтарями в центре каждого (Рис. 3,2). Следующий этап представлен культовым сооружением расположенном в дворцово-храмовом комплексе в раскопе IV ориентированном по сторонам света (Рис. 4). Здесь из четырех помещений комплекса только в двух имеются квадратные алтари. Хотелось бы видеть в подобной практике сооружения нескольких алтарей, различных по размеру, прообраз различных по величине миджмаров используемых в зороастрийской практике, а ориентированность по сторонам света чертой, представляющей канонизированный признак, используемый в строительной практике Востока, истоки которой определяются в Саразмской культуре.

Бактрия признана родиной зороастризма, здесь найдены древнейшие храмы огня. Эталонный храм огня открыт в Джаркутане (рис.5). Храм ориентирован по сторонам света, в центре расположен главный алтарь. Возникает вопрос: не связана ли идея, заложенная в генеральный план построения храма, с культом солнца, так как единственное в храме круг-

лое помещение, возможно, символизирует солнце, а прямоугольное помещение – землю¹.

Следует отметить, что городище Джаркутан состоит из трёх частей: цитадель, шахристан и некрополь, площадью более 100 га, т.е. он является сложившимся городом бронзового века и датируется XV-XIV вв. до н.э. Храм построен по зороастрийским канонам. Такой храм на базе первичного языческого зороастризма не построишь. Его монументальность, грандиозность, хорошо обдуманная планировка, где присутствуют традиционный алтарь огня под чортаком, во дворе колодец с водой, здесь же три постаменты для установления переносных алтарей, где в ритуальные дни возжигали огонь для трёх социальных слоёв, круглая комната-сокровищница, являлась не только символом солнца, но и выполняла функции астрологического пункта. В хозяйственной части готовили хаому- священный напиток зороастрийцев. Все это свидетельствует об уже сложившейся канонизированной религии – зороастризме и государстве, которое охраняло эту веру и защищало этот храм.

В Бактрии помимо первых канонизированных храмов огня (храма огня в Джаркутане) открыты ещё два храма в виде башен огня. Один на городище Карон в Дарвазе (Таджикистан), другой в Самангане (Афганистан).

Городище Карон расположено на расстоянии 1км к востоку от сел. Рузвай в Дарвазском районе Горно-Бадахшанской автономной области на высоте 1700 м. над уровнем моря, на горе Зогик.

Башня огня - сооружение десятиметровой высоты, квадратное по форме 12,2 x12,2 м, по углам имеет четыре круглые башенки, диаметром – 2, 6 м. (рис. 6). Так как сооружение состоит из центральной и четырех угловых башен, названо «Панджманор»-«Пятибашенник» (рис. 7).

Башня монолитная, сложена из разных вулканических камней на глиняном растворе. Первоначально башня была высотой не менее 15-20 м. До перестройки конструкция Панджманора была легкой истройной, позднее из-за пристроек она приобрела более фундаментальный и массивный вид. До перестройки вокруг фасадов имелись суфы расположенные в форме полукреста, что в плане составляло полный крест. Крест является символом солнца и огня. Это позволило определить назначение памятника как башни огня, ко-

---

¹ Аскарлов А., Бурияков Ю. и др. Теоретические и методологические проблемы исследований в археологии. - Ташкент, 1988. – С.33-35, 39.

торая, по керамическим находкам, датирована ахеменидским периодом¹, а найденные монеты царя Канишки III, относящиеся к III в. н.э., и согдокитайского образца VII-VIII вв. н.э.,² отражают не одно столетие использования башни. Предварительный карбонный анализ керамики из могильника Карона, дал датировку 1300 лет до н.э.

Таким образом, установлено, что башня существовала во II тыс. до н.э. и являлась зороастрийской башней священного огня. По существу, она не имеет прямых аналогий среди подобных памятников – храмов зороастрийской религии. Верхняя часть башни не сохранилась. На наш взгляд, башня относится к раннему периоду зороастризма, ко времени когда огонь разводился на каменном алтаре под открытым небом. (рис.8)

Такие каменные алтари сохранились в горах Пасаргарды, которые высечены в скалах. Имеют по углам четыре имитации башни и между ними арки, но огонь разводился только в центре под открытым небом. Пасаргардские алтари относятся к 5-4 вв. до н.э. Возможно, на башне Карона в ритуальные дни огонь горел на всех пяти башнях, так как 1,5 метровый диаметр угловых башен позволяет разведение огня на алтарях.

Башню огня в Самангане в народе называют Тахти Рустам. «Исключительный образец монолитной ступы представляет собой ступа близ Айбака в долине р. Хульм. Она высечена в скале и достигает в поперечнике 10 м. По замыслу строителей, ступа, расположенная на вершине холма, должна была господствовать над местностью. Однако постройка осталась незавершенной. Детали ступы носят отпечаток индийского влияния»³. Следует отметить, что это описание, приведенное В.Л. Ворониной, не точное, так как фактически диаметры ступы 21-22 м и она расположена не на холме, а на вершине скалы. С первого взгляда видно, что это не буддийская ступа, а круглая монолитная каменная башня огня с алтарём по середине. (рис.9). По нашему мнению, огонь горел только на центральной башне, а на угловых размещались колонны арок чартака, сооружённого над центральной башней алтаря. В «Бундахишне» («Сотворение основы») говорится о свойствах огня и о создании пяти видов ог-

---

¹ Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006. – С. 149; Шайдуллаев Ш.Б. Северная Бактрия в эпоху раннего железного в. // Цивилизации Турана-Мавераннахра. IV. – Ташкент: АН РУ, 2000. – С.29.

² Смирнова О.И. Места домусульманских культов Средней Азии //СНВ. - М.,1971. - Вып. 10. – С. 316.

³ Воронина В.Л. Архитектура древнего Пенджикента // МИА. – М.,1964. – № 124, – С. 371.

ня: 1. Барзи Сунгах – огонь Варахрана (Огонь Царей); 2. Огонь Ваху Фаррионав (Огонь тела человека); 3. Огонь Урвазишта – Огонь растений; 4. Огонь Визишта – Огонь Молнии; 5. Огонь Спишишта – Огонь вечный перед Богом¹. Из этих огней составляют первый огонь – Огонь Варахрана.

Согласно данным Бундахишна, «...в правление Йимы каждое дело выполнялось особенно удачно с помощью всех трех огней. Огонь фаробак (фарнбаг.) был установлен в алтаре огня на горе Фарраманд и был дарован городу Хиве в Хорезме. Когда Йима уподобился богам и (из-за этого) был повержен, огонь фаробак спас фарр Йимы от руки Дахака. При правлении царя Виштаспа, как описано в Авесте, огонь Фарнбаг был установлен на горе Рашан в Кабулистане.

Виштасп и (его) потомки стали твердыми в вере богов. Виштасп установил этот огонь в алтаре на горе Реванд, которую называют «горная гряда Виштаспа» (Бундахишн, XVII. 55) ныне Фараманд и река Саманган отсюда берут своё начало.

Таким образом, в пехлевийской литературе говорится о том, что огонь установлен на алтаре в горах Реванд (ныне Фараманд) находящемся в Самангане и соответствует Саманганской башне огня. В Бундахишне речь идет об установлении алтаря огня в горах под открытым небом. Эти сведения соответствуют открытым башням огня Карона и Самангана.

Заметим, что в своей религиозно-мифологической системе древние индоевропейцы землю и небо представляли в виде круга и квадрата с общим для них центром. Поэтому рассматриваемые каронская и саманганская башни с алтарями огня соответствуют этой схеме. Круг – это столб, а квадрат – это его алтарь.

В Ригведе, в гимне, посвященном богу солнца, говорится, что он поддерживает небо и называется столбом неба². Таким образом, солнце, с одной стороны, символизирует столб неба. Круг является символом солнца, неба и вечности. Круглые в плане храмы, гробницы, курганы и др. связаны с этими представлениями. Следовательно, башни Карона и Самангана являются храмами алтарей огня, возведёнными по зороастрийским канонам. Саманганская и Каронская башни огня относятся к

---

¹ Бундахишн, с.288; 42. Муин Мухаммад. Маздиясно ва таъсири он дар адабиети форси. Техрон, 1326. – С.179 (на фарси).

² Ригведа. Мандалы I – IV / Издание подготовлено: Т.Я. Елизаренкова. – Москва, 1989. – В. IV, 13,5.

категории алтарей, в которых ритуальный огонь возжигали в почитаемые дни, особенно в дни Навруза. Кстати, жители Самангана и в наши дни празднуют Навруз вокруг этого памятника. Очевидно, традиция проведения Навруза вокруг этого алтаря сохранилась с древних времен и связана она с зороастризмом.

Учитывая то, что в основе зороастризма лежат астральные культы, особенно культ солнца, все древнейшие наземные сооружения арийцев имеют круглую или квадратную планировку. Как известно, Зардушт (Зороастр) в возрасте 30 лет отправился на многолюдный арийский праздник, который проходил в районе реки Даити в Арианам-Вайджа, где получил божественное откровение. В «Зардуштнаме» говорится, что Зардушт рано утром хотел набрать воду из средней части Даити. В это время с неба в кольцо огня, спускается Вахуман, первый помощник по наземным делам бога Ахура-Мазды, ангел доброй мысли и вручает ему знак пророка, приглашает на беседу с Ахура-Маздой. После этого он поднимается на гору Саблон и в течение 10 лет встречается с богом и Амэша-Спэнта, его шестью апостолами, собирает посланные богом речи-знамения – Гаты Авесты.

Архитектура пещерных помещений Тахти Рустама очень архаична. Помещения имеют неровные стены, пол и потолок, они похожи на естественные пещеры. Все это наводит на мысль, что сооружение Тахти Рустам относится к очень древнему периоду и, возможно, является первым культовым зороастрийским памятником самого Заратуштры, т.е. относится ко II тыс. до н.э.¹ Таким образом, в горах восточной Бактрии открыты два храма-башни огня, которые, возможно, относятся к древнейшему виду храмов огня.

На холме Тиллятепе в Афганистане была открыта шестиметровая платформа из сырцового кирпича, над которой был возведен храм, окружённый крепостной стеной и башнями. Внутри крепостной стены сооружен большой зал, который имеет три периода жизни. Раскопан только храм II-III периодов. Первый строительный период датируется 1300-1000, второй 1000-600 лет до н.э. Нам интересен его II строительный период. Этот период (рис.10) отмечен большими перестройками.² В большом зале для поддержки перекрытия сооружены 9 кирпичных колонн. Общая площадь зала составила 400 кв.м. На полу в середине зала прямо напротив

---

¹ Якубов Ю.Я. Храм – алтарь огня в Самангане // АРТ.-Душанбе, 2005.-Вып. XXX.-С. 107-109.

² Сариниди В.И. Храмы и некрополь Тиллятепе. - М.: Наука, 1989. – С.7-9.

входа на одинаковом расстоянии (5,6 м), сооружен крестообразный алтарь священного огня¹.

Ещё одним показательным типом культовых сооружений является храм огня на Тахтисангинском городище, который посвящен священной для всех арийцев реке – Оксу-Вахшу, т.е. Амударье.

Центральный зал охватывают два Г-образных коридора, с западной длиной стороны заходящие друг за друга. Стены и пол храма отштукатурены белым ганчем и поэтому он назван «белым храмом». В северо-западном углу сохранилось прямоугольное основание каменного алтаря из больших тщательно отшлифованных плит на ганчевом растворе. Алтарь имеет лунки для разжигания огня. Материалы храма датируются IV-I вв. до н.э. и I-IV вв. н.э. Храм существовал уже в ахеменидское время, но достиг расцвета в греко-бактрийский период. (рис.11) Второй зал (айван) в греко-бактрийском периоде был открытым. Имел восьмиколонный портик с двумя рядами по четыре колонны. С севера на юг ко второму залу примыкают квадратные алтарные помещения². В кушанском периоде внешний восточный ряд колонн айвана был разрушен³.

Храм был местом поклонения всех зороастрийцев Центральной Азии. Греки, которые завоевали Бактрию, не разрушили его а, наоборот, при них он стал более монументальным. На постаменте айвана стояла большая металлическая скульптура бога Вахша. От нее сохранилась только ступня ноги. Планировка храма р. Вахш была аналогична храмам огня, и в нем, как и в храмах огня, горел вечный огонь. Как показали находки из храма, многие предметы Амударьинского клада принадлежали именно этому храму⁴. Храм назывался Вахшазар, т.е. храм огня Вахша. (рис.11)

Храм огня кушанского периода раскопан в Сурхкотале (Красный холм). Он расположен в 15 км к югу от современного города Пули Хумри (Афганистан). Храм сооружен на высоком холме, куда ведет парадная 75 метровая трехмаршевая лестница. Здание храма возведено на кирпичном стилобате, укрепленном по сторонам каменными блоками с пилястрами. Его главный фасад, шириной 35 м, обращен к востоку. Храм прямоуголь-

---

¹ Там же. - С. 10.

² Пичикян И.Р. Результаты раскопок на Тахти-Сангине в 1983 г.// АРТ. – Душанбе, 1991. - Вып. 23. – С. 177-203.

³ Пичикян Н.Р. Раскопки Тахтисангина в 1982 г.// АРТ, -Душанбе,1990.-Вып. 22.-С.228-239.

⁴ Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – Т. 1. – С.29-36.

ный (35x27 м) со всех сторон окружен портиком-периптером. Квадратное помещение святилища с трех сторон обведено коридором, имеющим два самостоятельных входа. Оно имеет отдельный вход посередине восточной стены. Святилище имело плоское балочное перекрытие, опирающиеся на четыре колонны, от которых сохранились каменные базы. Посередине храмового зала поднимается мощная каменная платформа-алтарь священного огня. На его поверхности имеется углубление для разведения огня. Пространство вокруг храма было окружено крепостной стеной с бойницами и башнями. Позднее к югу от храма между крепостной стеной и внешней стенкой двора был сооружен малый зал храма, являющийся почти точной копией большого. Храм стоял на высоте 35 м и имел внушительный вид. Исследователь храма Сурхкотала Д. Шлюмберже правомерно считает, что это династический храм огня кушанских царей¹.

Храм в Сурхкотале является храмом огня царей, т.е. огнем Варахрана. Согласно зороастризму, цари имели свои династические храмы огня. В них происходили коронации царей. Сюда приходили в дни праздников Навруза, Михргана, перед походами и другими важными событиями. Так делали каёнидские, мидийские, ахеменидские, парфянские, сасанидские, кушанские и другие цари домусульманского времени (рис.12). Эта была национальная традиция.

Храм огня раскопан на холме Актепе в Спитаменском районе (ранее Науском районе) Таджикистана. У.П. Пулатов открыл здесь храм центрической планировки, аналогичный храмам огня типа чартака сасанидского периода². В его центре возведен кирпичный подиум для разведения огня. В северо-западной башне выявлен подземный ход, выложенный из кирпича-сырца в виде свода. Храм датируется IV-V вв. н.э. Вокруг центрального здания были другие помещения, которые обслуживали храм и составляли с ним одно целое (рис. 13). Храм был в виде замка с четырьмя угловыми башнями. К сожалению, прошло более 30 лет и до сих пор материалы этого единственно дошедшего до нас храма полностью не опубликованы.

Ещё один храм огня раскопан во дворце Кахкаха I афшинов Уструшаны в Истаравшане (Таджикистан). В центре помещения имеется ступен-

---

¹ Shulmberger D. The excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and India. – reprinted from: «Proceedings of the British Academy» Academy. – Vol. XLVII. - London. 1964. – P.77-88.

² Пулатов У. «Дом у огня» в Уструшане// Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана (тезисы). – Душанбе, 1977. – С.77-78.

чатое возвышение, где горел священный огонь. К сожалению материалы исследования памятника также не опубликованы.

Таким образом, установлено, что до ислама в Согде, Бактрии и других регионах Средней Азии существовали храмы трех огней (Саразм, Тиллятепа, Истаравшан), посвященные божествам рек Оксу-Вахшу (Тахти Сангин), династийные храмы (Сурхкотал), центрические храмы чортаки (Актепе). Определенно, такое распределение отражает ипостаси четырех священных стихий – огонь (храмы трех огней), вода (храм священных рек), воздух (династийные храмы), земля (центрические храмы-чортаки).

В Авесте для трех социальных слоев общества, определены три огня, требование характерное только для зороастризма. В Иране история этих трех огней хорошо изучена, но их историей в Средней Азии пока никто не занимался. Данные письменных источников и топонимика Согда позволяют осветить некоторые стороны этого вопроса. Известно по источникам, что первый огонь назывался Атар Гушнасп или Огонь Варахрана (позже огонь Бахрама) и принадлежал царям. Такой огонь был в Шизе – иранском Азербайджане¹.

По сообщению китайских источников, в Кеше был храм, в котором при каждом жертвоприношении закалывали до тысячи баранов. Перед каждым походом на войну совершались здесь моления². Возможно, этот храм раскопан Р. Сулеймановым на холме Ёркурган³. Согласно «Шахристан-хао-ие Иран» на Востоке Ираншахра Кавус сын Кавата основал Самарканд, а Сиявахш сын Кавуса закончил его строительство. Хосрав сын Сиявахша установил там чудотворный огонь Варахрана⁴. Несмотря на мифичность этого сообщения, приведенные ниже данные отражают возможность существования храма огня царей в Самарканде. По сообщению Фирдоуси, когда Кайхосров возвратился из похода против Афрасиаба, в Бухаре он зашел в храм огня и пожертвовал драгоценные камни, раздал золото и серебро мобедам⁵. По зороастрийским канонам цари посещали храмы, принадлежавшие только их сословию.

---

¹ Сами Али. Иран дар замони Сасаниен. - Тегран, 1968. (на фарси).

² Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950. – Т. 11. – С. 318.

³ Сулейманов Р. Древний Нехшеб. Самарканд – Ташкент, 2000.

⁴ Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954. – С.54.

⁵ Фирдавси. Шохнома. - Душанбе, 1965. – Ч. 4-5. – С. 321(на тадж. языке).

Таким образом, мы вправе предполагать, что в Нехшебе, Бухаре и Самарканде находились храмы огня бога-победителя Варахрана. Этому божеству посвящен двадцатый день месяца и третий день недели авестийского календаря. Варахран (ав. Вэртагна) является одним из древних и высших богов в Авесте. Ахура Мазда воплотил его в десяти образах: быка с золотыми рогами, сильного урагана, воина с ножом, белого коня с золотыми ушами, верблюда, кабана, пятнадцатилетнего юношу с красивым лицом и глазами, сокола, дикого барана и козла. Варахран является олицетворением десяти богов. Во всех своих ипостасях он является хранителем силы, победы. Ахура Мазда доверил ему охрану первого огня, чтобы он был победоносным, неугасимым огнем.¹

По сообщению Наршахи, в Ромитане Афрасиабом был построен храм огня. По мнению магов, он являлся главным храмом огня в Бухаре².

Второй огонь назывался Азарбарзин Михр (оташи Мехрибаланд) – огонь на вершинах. По пехлевийскому источнику, этот огонь находился в горах Рюнде ныне Фараманд в Бактрии, (в Хорасане) и являлся олицетворением и покровителем земледелия. К нему относятся Башни огня Карон, Саманган, Навбахар в Балхе, основанный каёнидским царем Лухраспом. Огонь Азарбарзин Михр был самым распространенным, и его храмы стояли в городах, селах и домах людей. Вероятно, храм в Кургантюбе под Самаркандом, Наврузшахе и святилища в сельских поселениях Горного Согда относятся к этому огню.

Третий священный огонь назывался Азар Фарнбаг или Хурбаг, или Хурнбаг, т.е. огонь бога Фаро, Фар, Хур, Хурна. Согласно пехлевийским религиозным текстам и «Малой Авесте», огонь Фарнбаг является покровителем магов (атурбан). По преданию легендарный Джамшед установил этот огонь в Хорезме. Но Заххак хотел овладеть им и Джамшед переместил его в Кабул³. Иногда вместо Фарнбаг употребляется название Хурбаг.

По сообщению Бируни, в день Рамуш-Агам, т.е. на празднике магов люди собирались в селении Рамуш у храма огня и отмечали этот праздник⁴. Возможно, здесь находился храм огня Фарнбага.

---

¹ Авеста, 201.

² Наршахи. Тахири Бухоро. – Техрон, 1938. – С. 19, 62. (на фарси).

³ Муин Мухаммад. Маздиясно ва таъсири он дар адабиети форси. - Техрон, 1326. – С.340 (на фарси).

⁴ Бируни. Ал-Асар ал-Бакия. – Ташкент, 1957. – С.61.

В связи с рассматриваемым вопросом интересна роспись одной из стен парадного зала Пенджикента. На ней изображена сцена сражения группы тяжеловооруженных всадников. В другой сцене изображены знамена, луки, кольчуги, щит и крупный сосуд (возможно, это арсенал), а рядом на постаменте, три миджмара (переносный светильник), над которыми поднимаются языки пламени. Перед миджмарами стоит божество и на коленях молящиеся мужчины. Один из них держит знамя. Не все детали этой сцены сохранились, поэтому полную картину восстановить сложно. Миджмары были золотыми и богато украшенными, но они тоже сильно пострадали, особенно первый из них, который был самым высоким и изящным. Верхняя его часть имела форму парапета. Второй чуть короче, но шире, а третий – еще короче и шире, чем второй. Изображение на стенках первого и второго миджмара не сохранилось, а на стенке третьего внутри арки нарисовано четырехрукое божество¹. А.М. Беленицкий и Б.И. Маршак отождествляют его с согдийским Вешпаркаром, соответствующим зороастрийскому Вайю. По их мнению, три алтаря были посвящены трем важнейшим божествам согдийского пантеона: Адбагу, Зрвану и Вешпаркару². Первый миджмар стоит на подставке с изображением крылатого барана. Изображение на других подставках не сохранилось. С чем же связано изображение одновременно трех миджмаров. Содержание этой картины разгадать нетрудно. Установка этих миджмаров в помещении с оружием связано с военной тематикой, где участвовали почитатели всех трех видов огня (цари, маги и земледельцы). На первом миджмаре горел огонь, и он стоял на подставке с изображением крылатого барана (образ Варахрана – бога победы). Очевидно, перед походом каждое сословие поклонялось своему огню или трем вместе.

Почему в служениях использовались три миджмара разных по высоте и ширине? Можно предположить следующее толкование: первый, самый высокий, изящный и парадный – означал, что царь в обществе стоит выше всех. Но диаметр этого миджмара меньше второго, это означало, что его храм был в стране только в столичных центрах. Второй миджмар короче первого, но шире – маги после царей в стране были вторым сословием.

---

¹ Беленицкий А.М. Новые памятники искусства древнего Пянджикента. Опыт иконографического истолкования // Скульптура и живопись древнего Пянджикента. – Москва, 1959; Он же: Монументальное искусство Пенджикента. – М, 1973. – С. 15-17.

² Belenitsky A.M., Marshak B.I. The Paintings of Sogdiana // Azarpay G. Sogdian Painting. – Berkeley, Los Angeles, London. – 1981. – P. 30-31.

Храмов огня магов было больше, чем храмов огня царей. Третий миджмар еще короче, чем второй, но диаметр еще шире. Третий огонь принадлежал земледельцам – третьему сословию и был распространен больше, чем остальные огни. Таким образом, высота означала положение каждого сословия в обществе, а ширина степень распространения огня в стране.

Мы можем предполагать, что до ислама в Согде, Бактрии и других регионах Средней Азии существовали храмы трех огней. Образы барана и коня на подставках миджмаров олицетворяли хранителя огня Варахрана. В книге «Персидский ривоят» о домашнем повседневном огне предписано: «огонь, который используется в доме, и который уже трижды использовался, следует собрать и перенести в другое место так, чтобы зола остыла, и если этого не сделать – это грех. Этот огонь нужно отнести к Аташи Адарану, и когда пройдет четыре месяца и десять дней (этот огонь Аташи Адарана) нужно собрать и отнести к Аташи Варахрану, и если невозможно это сделать за четыре месяца, его следует обязательно отнести к Аташи Варахрану в течение года...». «Об огне, который находится в доме, следует тщательно заботиться. Если его зажигают ночью, истребятся 1000 девов и друджев и в два раза больше колдунов»¹. Поэтому его следует обязательно сохранить. Если он собран и отнесен к Аташгах – это заслуга, а если допустить, чтобы он погас – это грех. Далее говорится, что огонь следует держать вдалеке от воды, от солнечного света и т.п.

«Аташи Адаран, т.е. огонь для простонародья должен быть установлен везде, где живут бехдины (зороастрийцы). Огонь должен быть сооружен коллегией бехдинов, там они должны установить Аташи Адаран. Следует нанять слугу за плату, чтобы он смотрел за огнем»².

В преданиях говорится, что, так как у каждого в доме есть огонь, то с ним надо уметь обращаться. Если на огне испекли лепешку, то на нем нельзя готовить пищу. Если на огне два раза приготовлена пища, то после этого его использовать – грех; его обязательно надо отнести к Аташи Адаран. Поэтому Аташи Адаран должен быть установлен в каждом квартале, где есть 10 домов бехдинов. Каждый год в дни фервардингана слугитель (Адаран) огня должен собрать его и отнести к огню Варахрана вместе с дарами.

Таким образом, очевидно, в святилищах, расположенных на поселениях, был огонь Адаран. Святилище этого огня были в каждом поселении; а во дворце правителя было святилище огня царей, т.е. огонь Варахрана.

---

¹ Persian Rivoyats. – Bombay, 1932. – Vol. 1. – P. 74.

² Там же. - С.60-62.

Изображения сцены приготовления ритуального огня на оссуариях
Согда свидетельствуют о том, что в домашних святилищах и храмах про-
водились аналогичные церемонии.

По Страбону, в Малой Азии в Каппадокии, где жили персидские по-
селенцы, имелось много «святилищ персидских богов, а также храмов ог-
ня. У них были примечательные помещения и в центре их находился ал-
тарь, в котором было очень много золы и где маги поддерживали вечный
огонь. Входя туда каждый день, они примерно в течение часа произноси-
ли молитвы, держа перед огнем пучок прутьев, одетые в высокие войлоч-
ные шапки, которые опускались до щек так низко, что закрывали им гу-
бы»¹. По мнению М. Бойс, этот обряд до сих пор сохранился у современ-
ных зороастрийцев. Сейчас, как и в древности, он совершается ежедневно
перед священным огнем всеми зороастрийцами².

В преданиях говорится, что там, где живут шахриери бехдины (цари -
зороастрийцы) «необходимо установить Аташи Варахран (огонь царей).
Ибо, как указано в религии, ни один бехдин (верующий) не мог жить в
мире, если бы не помощь и сила Аташи Варахрана»³.

О существовании храмов огня Варахрана в Бактрии-Тохаристане сви-
детельствует Сурхкотальский храм огня и большая Сурхкотальская
надпись, которая является указом Великого царя Канишки о ремонтных
работах в храме огня царей в Баглане. Указ гласит; «...это акрополь –
храм Канишки Победителя, в котором господин царь почитал Канишку.
И вот, когда первоначально было закончено (сооружение) акрополя, тогда
высохли внутри (акрополя) находящиеся (вместилища) воды, в результате
чего акрополь остался без воды. И когда от сильного летнего зноя насту-
пила засуха, тогда из храма были унесены (изображения и скульптуры
(богов). И храм пустовал до тех пор, пока на 31 году правления, в месяце
нисан непришел сюда к храму наместник (карал ранг) Нукунзук, люби-
мый царем, наиболее дружественный к царю, сиятельный (сын бога) и
отремонтировал храм и вернул богов»⁴.

---

¹ Страбон. География. /В 17-ти кн. Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. - Л.:
Наука, 1964. – С.680.

² Бойс М. Зороастрийцы (верования и обычаи). – М., 1987. – С. 106.

³ Persian Rivoiyats. – Bombay, 1932. – Vol. 1. – P.74.

⁴ Shulmberger D. The excavations at Surkh Kotal and the problem of Hellenism in Bactria and
India. – reprinted from: «Proceedings of the British Academy» Academy. – Vol. XLVII.
London. 1964. Sims – Williams N., Oijibb J.A. New Bactrian Inscription of Kanishka the
Great. – Slik Road and Archaeology. 4,1996. Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские
документы. – Вестник древнего мира. - № 3. - 1997.

Таким образом, данные письменных и археологических источников свидетельствуют о том, что в Согде, Бактрии-Тохаристане, Хорезме, Уструшане, Чаче, Фергане и Хафтруде (Семиречье) существовали храмы и святилища всех трех священных огней зороастризма.

Церемония поддержания огня происходила во всех храмах и святилищах. В храмах и святилищах огней имелись изображения богов, в том числе Варахрана, Атара, Аши и др. Не исключено, что святилища в поселениях играли роль аташгаха – места хранения священного огня. Современный храм огня (даргах-и Михр) зороастрийцев состоит из трех помещений: молельня (гаханбархана), место для разведения огня (аташдан) и кухни, где готовят ритуальные лепешки-порхум, хаому, хранят топливо и др. В аташгахе огонь хранится в специальном колоннообразном аташдане, изготовленном из глины, камней. Сейчас он изготавливается из металла и стоит на постаменте. Для церемоний огонь разводится в главном помещении. В него время от времени бросают куски жертвенного жира.

В книге «Дабистан-и мазахиб» говорится, что у иранцев было 7 храмов, посвященных семи планетам с изображениями богов. Эти храмы огня назывались «Кайван Азар, Бахром Азар, Хур Азар, Анахид Азар, Тир Азар и Махазар» и др. и храмы имели своеобразную планировку¹.

Многочисленные зарубежные авторы, исследовавшие эту проблему, ограничивались изучением зороастризма Ирана ахеменидского и сасанидского периодов и сведений Авесты. По существу, зороастризма Центральной Азии они не касались. Но русские исследователи, начиная с конца XIX и начала XX вв., активно занимались проблемами зороастризма Центральной Азии. Поводом для исследований стало открытие нескольких оссуарных захоронений на территории Самарканда. К. Иностранцев, сравнив сведения Наршахи и Табари с оссуарными находками из Самарканда, пришел к выводу, что в Согде в домусульманские времена существовал обычай отделения у покойников мышечной ткани от костей при помощи обученных собак. Затем кости хранили в оссуариях и наусах².

В 1909 г. в селении Биянайман были найдены оссуарии с рельефными изображениями, изучение которых позволило авторам связать их с зороастризмом³.

---

¹ Дабистони Мазохиб. - Хинд, 1880. – С. 14-21(на фарси).

² Иностранцев К. Туркестанские оссуарии и остоданы // ЗВОРАО.-СПб.,1907.Т.XVII.-С. 107.

³ Кастальский Б.П. Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год 13, приложения. - СПб,1909.

В.В. Бартольд первый обратил внимание на повествование Наршахи, «о замках мугов», в котором говорится, что на воротах каждого замка было изображение «идола» покровителя рода дома. Указав на спорность факта, принадлежности буддистам «домов идолов» упоминаемых в Туркестане, таких как храмы Самарканда и Бухары, впоследствии обращенные в мечети, предположил их принадлежность незороастрийцам¹.

Погребальные обряды согдийцев и хорезмийцев домусульманского периода являются наиболее изученной проблемой в среднеазиатской историографии.

Б.Я. Ставиский, изучая оссуарный погребальный обряд, сравнивая черты среднеазиатского и сасанидского канонизированного зороастризма, приходит к заключению что «...божествами, почитаемыми согдийцами-идолопоклонниками, как это явствует из характера их идолов и календаря, являлись божества маздаистского круга»².

А.М. Беленицкий, в совместной работе с Б.И. Маршаком и В.И. Распоповой, сделанный на основе большого археологического материала, прежде всего настенных изображений древнего Пенджикента, пришли к выводу, что «хотя в Пенджикенте жили и христиане, и, возможно, буддисты, все росписи составлены адептами местной религии. Нередко в помещении есть изображения нескольких богов, но на главном месте – напротив входа – изображали в большом масштабе одного или двух божественных патронов, которые, входя в общий согдийский пантеон, в то же время были своими у каждой семьи»³, т.е. зороастрийскими богами.

Летописцы и историки, описывавшие арабское завоевание Средней Азии, часто упоминают наряду с храмами огня и храмы богов или дома идолов. Например, Табари пишет, что «...в Самарканде был величественный дворец (каср) с идолами». Арабский полководец Кутейба ибн Муслим, завоевавши в 712 году этот город, приказал сжечь его, но согдийцы сказали ему, что среди идолов есть идол (главного божества) который убьет сжегшего. Кутейба ответил: «Я сожгу его». Гурек (правитель Согда) подошел к нему, и упав на колени, умолял, чтобы он этого не делал, но Кутейба не послушался его».

---

¹ Бартольд В.В. Собр. соч. – М., 1963. – Т.11. – Ч.1. – С. 214.

² Ставиский Б.Я. К вопросу об идеологии домусульманского Согда. // Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР.-Сталинабад, 1952. – Вып.1. – С. 54-55.

³ Беленицкий А.М., Маршак Б.А., Распопова, В.П. Согдийский город в начале средних веков // СА. – 1981. – №2. – С. 107.

Он сжег этого идола, а также других и арабы собрали с них золота и серебра весом 50 тыс. мискалей (1 мискал – 4,235 г.). Кроме того, Табари сообщает о пайкентских идолах и храмах богов в Тавависе. Халиф в одном из своих писем хорасанскому эмиру Насру ибн Сайяру просил, чтобы ему прислали танбур и чанг. Среди посланных подарков было много коса (чаши) и металлических скульптур людей, больших птиц, возможно, орлов, баранов и других редких вещей из серебра и золота.

Наршахи в «Та'рихи Бухоро» сообщает, что когда Кутейба взял г. Пайкенд, то среди множества золотых и серебряных кубков был серебряный идол весом 4 тыс. дирхемов и две жемчужины величиной с голубиное яйцо.¹

В «Истории Табари» в редакции Балами говорится, что Кутайба при взятии бухарского селения Сабускат вывез из местного храма золотого идола весом 50 тыс. мискалей. Идол имел глаза из очень больших жемчужин. Кутайба был очень удивлен и спросил: «Откуда они?» Местные жители ответили, что их принесли в своих клювах две неизвестные птицы с неба. Они принесли их и положили на крышу храма.²

В китайских источниках имеются сведения, что во владении Цао (Иштихане) есть дух Дэси, которому поклоняются во всех владениях, лежащих к востоку от западного моря. Он представлен в образе золотого истукана в 15 футов в объеме с соразмерной высотой. Ежедневно в жертву ему закалывают пять верблюдов, десять лошадей и сто баранов³. Есть данные о том, что идол стоял на высокой башне и был замечен издали и поклонение ему люди тоже начинали издали⁴.

Белазури пишет, что арабы во время завоевания Буттама (Верхнего Зарафшона) захватили много драгоценностей и золотых статуй божеств из местных храмов.⁵

Об «идолопоклонничестве» жителей Уструшаны мы узнаем из судебного процесса Афшина Хайдара. Табари сообщает, что по приказу Хайдара избили двух муэдзинов мечети. Когда на суде его спросили об этом, то он ответил, что «между мной и царями Согда имеется договор об усло-

---

¹ Наршахи, Та'рихи Бухара. – Техрон, 1983. – С. 29 (на фарси).

² Балами. Та'рихи Табари. – Хинд, 1903. – С. 683 (на фарси).

³ Бичурин И. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М., 1950. – Т. 11. – С.275.

⁴ Смирнова О.И. Места домусульманских культов Средней Азии // СНВ. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 105-106.

⁵ Белазури. Фугух ал-булдан. – Техрон, 1927. – С.314) (на фарси).

вии, что я оставляю общину (каум-племя) в их вере и в том, чего они (придерживаются), а эти два (мусульманина) совершили нападение на дом (храм), в котором находились идолы (асснамухум) жителей Уструшаны. И выбросили они идолов и превратили его (храм) в мечеть»¹. Хуталаншах Аходиш с дехканами этого края бежал от арабов в Фергану с множеством идолов, которые на обратном пути были установлены в Уструшанском храме². На базаре Мах два раза в год торговали идолами и сам Бухархудат – правитель Бухары участвовал в этом³.

Ибн-Надим говорит, что очевидец рассказал ему, будто в столице Мавераннахра (возможно, Самарканде) видел скульптуру из золота, сидящую на троне. Это был их главный бог. Говорили, что он называется «баг». Одной рукой он касается 30 узлов. На кресле была надпись и при этом ал-Надим дает схематическое изображение курсива, возможно, что это согдийское письмо⁴. Мы не знаем, кем был этот бог. Ал-Надим определил его как Будду. Однако, как будет сказано ниже, арабские авторы часто путали слова «бут» и «Будда». Вероятно, этот «бут» «идол» был главным божеством согдийцев.

Идолы изготовлялись из золота, серебра, бронзы, дерева, гипса, камня, глины и других материалов и были разнообразными по величине. По сообщениям источников, деревянные идолы были одеты, обуты, имели много украшений из драгоценных металлов и камней. Идолы антропоморфны и представляли различные божества.

Археологи неоднократно находили антропоморфные изваяния, которые называли идолами. Первое подтверждение существования идолов в виде налепов на стены было получено при раскопках горных селений Кум и Гардани Хисор в Айнинском районе. Идолы антропоморфного образа не отличаются виртуозностью подачи скульптуры (рис. 14) и дошли до нас в не очень хорошей сохранности.

В 1979 году ученики школы поселка Зарафшон в Айнинском районе Таджикистана в одной из скальных расщелин нашли деревянную скульптуру. При дополнительных исследованиях были найдены предметы, спрятанные вместе с деревянной скульптурой в расщелине скалы⁵.

---

¹ Негматов Н.Н. Уструшана в древности и раннем средневековье/ отв.ред. Б.А Литвинский. – Сталинабад, 1957. - С.74(Труды АН, Т. 55).

² Табари. Тарих-и ар-Русул ва ал-Мулук. – Техрон, 1974. -С.42-72 (на фарси).

³ Наршахи. Та'рихи Бухоро. – Техрон, 1938. – С. 29 (на фарси).

⁴ Ибн Надим. Китоб ал-Фехрист. – Техрон, 1973. - С.31 (на фарси).

⁵ Якубов Ю. Я. Находки в верховьях Зеравшана: Юноша с усами: Описание скульптуры

Скульптура имеет очень высокую, богатырскую, слегка сужающуюся снизу вверх шею. Вокруг шеи снизу и сверху, а также вокруг головы сохранились следы и остатки вбитых бронзовых гвоздей. С большим искусством скульптор изобразил волнообразные волосы. Они тщательно обработаны и хорошо отражают стиль причесок того времени. Тщательно проработано и лицо – прямой, слегка с горбинкой нос, длинные усы, большие глаза, устремленные в сторону неба, переданы с большим реализмом.

Кроме того, среди находок имеются два предмета, которые могли составить такой жезл. Это железный предмет с тремя головками горных козлов, у основания которого имеется отверстие для крепления гвоздя и остатки деревянной ручки, обтянутой серебряной пластинкой с вертикальным отверстием от гвоздя (рис. 16,7). Размеры в деревянной ручке и отверстия у основания железных головок горных козлов совпадают (0,5х0,5 см).

Среди находок есть еще один предмет – головной убор. Это венец в виде неполного круга, в центре которого расположен лучистый шар (рис.16, 6). Этот лучистый венец с обратной стороны имел следы крепления. Изготовлен он из тонкого листа латуни.

Вместе с деревянной скульптурой находились и другие предметы. Так, здесь были найдены остатки двух деревянных ножен от меча и от кинжала, а также фрагментированный панцирь из железных наборных пластинок, нашитых на толстую хлопчатобумажную ткань с узорами. Каждая пластинка панциря представляет собой выпуклую пуговицу с плоским черенком, в котором имелось отверстие для крепления. Пластинки были тщательно подогнаны друг к другу. К сожалению, этот уникальный образец среднеазиатского панциря очень сильно пострадал, когда школьники вытаскивали его из-под камней (при расчистке места находки мы нашли в щелях, между камнями много сломанных пластинок от панциря).

Среди других находок были десять зеркал различного размера: три бронзовых, остальные из тонкого листа латуни. Два зеркала имели петлевидные ручки сбоку шар (рис.16, 9), два – в центре с обратной стороны шар (рис.16, 10). На трех зеркалах имеются следы солярного орнамента, выполненного золотой фольгой шар (рис.16, 8). Среди находок были четыре железных колокольчика разной величины шар (рис.16, 1-3); три серебряных и несколько бронзовых колокольчиков; латунные серьги с гнез-

---

// Живопись и скульптура Таджикистана: Древность и средние века: Каталог выставки / АН Тадж. ССР, Гос.Эрмитаж. – Л., 1984. – С.41-42.

дами для вставок (скорее всего из камней); пять серебряных колечек; фрагменты цветной стеклянной чаши; каменная печать с изображением грызуна (мышонка); миниатюрная кожаная обувь шар (рис.16, 4); два больших куса янтаря.

Большинство мелких предметов хранилось, вероятно, в железном ажурном «ларчике», который был найден перевернутым вверх дном. Ларчик четырехугольный, со стенками, расширяющимися снизу вверх. Его размеры: по основанию 15x12,5 см, по верхней части 15x14см, высота 10,5 см. шар (рис.16, 5). Стенки изготовлены из четырех трапециевидных листов с ажурным орнаментом. На трех из них орнамент почти одинаков и на одной стороне изображены три креста.

На вопрос, кого изображала скульптура, ответить сейчас трудно, но можно высказать некоторые свои соображения.

Найденные вещи, положение левой руки, устремленные в сторону неба глаза, отсутствие пупка, как должно быть у новорожденного от женщины – все это говорит о том, что скульптура, скорее всего, является изображением божества. Это предположение подкрепляют сообщения, что согдийцы прятали во время арабского завоевания своих «идолов», так как арабы их уничтожали.

Что касается найденных вместе с идолом вещей, то они, вероятно, являются остатками украшений его одежды, а также сокровищницы его храма. Очень возможно, что люди, спрятавшие идола вместе с вещами, затем вновь приходили и постепенно забирали драгоценные вещи. Согласно Михр-яшту, люди, которые служили в храмах и молились Митре, могли пользоваться сокровищницей его храма. Там же говорится, что Заратуштра спросил у Ахурамазды, как благочестивому человеку пользоваться драгоценной сокровищницей бога, на которого он молится. Ахурамазда сказал: «Тот человек должен в течение трех дней и ночей совершать омовение грехов и принять на себя 30 ударов кнута, совершить намаз и принести жертву Митре. После этого он может взять драгоценные вещи из сокровищницы храма бога Митры (Михр-яшт 10.121-122). Можно предположить, что служители храмов и других богов юридически имели право, совершив соответствующий обряд, безбоязненно брать нужные им вещи из храма, а идол, которому они служили, является богом Митро-Ахура.

Если учесть то обстоятельство, что в этих районах распространился ислам и идолы не показали арабам своей сверхъестественной силы, то ве-

ра в них уменьшилась, и процесс пользования вещами бывшего бога развивался без особого страха. В таком случае посетители могли сорвать с тела бога его одежду и драгоценности. Если наши предположения верны, то с идолом остались не востребованные вещи¹.

Летом 2016 г. из того же района, где был найден деревянный идол, из домусульманской крепости Чубакв, ущелье Сарводы, учителем школы Зб К. Голибовым в Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша АН РТ была принесена бронзовая скульптура всадника на лошади.

Скульптура высотой 37 см, длиной – 20 см, весом 2,540 кг. Соответственно высота всадника – 35,5 см, высота коня – 20,5 см, длина – 20 см. Скульптура до головы отлита в форме, руки и голова вылиты отдельно и припаяны. Всадник имеет корону в виде трилистника, глаза и углублённые части короны были инкрустированы камнями. В ушах, очевидно, были серьги, из которых сохранилась только одна. На шее изображена массивная гривна, на руке широкий браслет с камнем. На голове трехчастная корона, на которой стоит птица. В клюве она держит кольцо, заметно, что к нему что-то подвешивалось. Птица является символом фарра, которая принесла всаднику божественное благословение. В правой руке всадник держит жезл, в форме бутона, левой рукой держит уздечку. Скульптура, вероятнее всего, была одета и обута. Судя по позе, скульптура имеет большое сходство с деревянным идолом из Сарводы, и возможно относится к тому же времени – V-VI вв. н.э. Эта скульптура также не имеет пупка, и очевидно является божеством. Корону в виде трилистника носили божества огня Атар и Варахран.

На гриве коня отмечен символ огня. Между ушами имеет факел. Конь в авестийской мифологии относится к ипостаси бога огня и победы Варахрана. Вероятнее всего, в скульптурном изображении всадника представлен Варахран, божество хранитель первого царского огня (рис.17).²

Идолопоклонничество наблюдалось у ираноязычных Нуристанцев, которые сохраняли языческие верования до конца XIX в. В их святилищах и храмах стояли скульптуры богов, которым они поклонялись. Особенно много было скульптур у главного бога Имры. В его храмах имелись многочисленные скульптуры, изготовленные из камня, дерева, глины и драгоценных

---

¹ Якубов Ю. Религия древнего Согда. – Душанбе, 1996. – С.39-45.

² Якубов Ю.Я., Каримова Г.Р. Случайные находки // АРТ.-Душанбе, 2017.-Вып. 39. -С. 261-265.

металлов. Скульптуры были разной величины – от нескольких сантиметров до двух с лишним метров. Им поклонялись жители всех районов Нуристана. Идолы Нуристана изображены в разных позах: сидящие на стульях, креслах, на оседланных конях. На коне сидит один, а иногда два божества. Идолы изображали различных богов, в том числе и злых духов.

Скульптура главного бога Имр-Джамшеда устанавливалась не только в его храмах, святилищах, но и под открытым небом на холмах, выше селений, в качестве их хранителя. Перед храмом или скульптурой под открытым небом находилась площадка для молитвы, жертвоприношения и религиозных ритуалов. На скульптуре бога Имры делали надпись: «Ты очень красивый, добрый, мы тебя знаем, у тебя золотое лицо...» и т.п. Люди верили, что в скульптуре помещался дух бога, и он все видит и все слышит.

Скульптуры богов Нуристана разнополые, их одевали в одежды из дорогой парчовой ткани, украшали ожерельями, парчовыми шарфами, колокольчиками, цепочками на талии, серебряной чашей на голове. Большое значение придавали головным уборам. Это различного рода чалмы, головные уборы с изображением фазана или пары павлинов. Все это имеет глубокое символическое значение. Боги вооружены кинжалом, топором, мечом, щитом, луком со стрелами и мотыгой¹. Вышеописанные сведения отражают большое сходство с идолопоклонничеством жителей домусульманского Согда, Бактрии и других районов Средней Азии.

Из сообщений Белазури, Табари и Наршахи следует, что храмы огня и идолы часто находились рядом и одни и те же люди ходили на молитву в тот или другой храм. Белазури сообщает, что согдийцы верили в идолов и думали, что среди идолов есть такие, которые могут наказать человека, который входит в храм с плохими намерениями. Но поскольку этого не случилось, когда арабы без особого страха снимали с деревянных идолов драгоценности и предавали их огню, то это сильно поколебало веру согдийцев и способствовало их переходу в ислам².

Но можно с уверенностью сказать, что серебряные и золотые идолы принадлежали главным богам согдийцев. Какие боги были у согдийцев, бактрийцев, хорезмийцев? Как их звали? Какой религии они принадлежали? Новый бактрийский документ, который является распоряжением царя царей Великого Канишки о создании храма богов в Баглане, проливает

---

¹ Palwol A. Histori of Former Kafiristan. – 1979. № 3-4. – P. 130-142.

² Белазури. Футух ал-булдан. – Техрон, 1927. – С.309 (на фарси).

свет на многие стороны истории, отвечает на многие спорные вопросы по кушанской проблеме, в том числе языка, этнической принадлежности и религии царей кушан. Документ найден в 1995 году в местности Работак в Афганистане переведен Н.Симс-Вильямсом и Джо Грибом¹.

«Великий спаситель Канишка Кушан, Праведный, Справедливый, Автократор, Бог, достойный поклонения, получивший царство от Наны и всех богов эдикт (по) гречески, (и) затем переложил его на арийский язык. В первый год было провозглашено в Индии, во всем царстве кшатриев.... Затем царь Канишка приказал Шафару Каралрангу в этом... создать святилище под названием Б...аб, на равнине Ка... для этих богов, из которых здесь... славная Умма занимает первое место: богиня Нана и богиня Умма, Аурмузд (бог) благотворящий, Срошад, Нарса, (и) Михр и Махасен (два имени не возможно прочесть, так как буквы плохо сохранились; в списке были имена 9-ти богов. И также он приказал сделать изображения этих царей: царя Куджулы Кадфиза (его) прадеда, царя Вими Такту, (его) деда; и царя Вими Кадфиза (его) отца; и также себя самого царя Канишку. Затем, как царь царей, девапутра... приказал это сделать (и) Шафар Каралранг создал это святилище. Затем... Шафар Каралранг и Нукунзук (установили) культ в соответствии с приказом (царя), а что касается этих богов, имена которых написаны выше – пусть помогут они (сохранить) царя царей Канишку Кушан, навечно в добром здравии, невредимого (и) победоносного»².

Как мы видим из указа царя царей Великого Канишки, он основал в Баглане храм богов, который так и назывался Багон и слово «багон» тоже берет свое начало от слова «багон», т.е. место богов. В этом храме стояли скульптуры богов, которые почитались во дворце, в том числе богинь Нана, Умма; богов Ахура Мазды, Рашана, Митры, Махиспанда и др. В храме вместе с изображениями богов стояли статуи обожествленных царей Кушан. В книге «Религия древнего Согда», указано, что скульптуры и портретные изображения авестийских богов стояли не только в храмах богов, но и в храмах огня. Сурхкутальский документ Канишки подтвердил наш вывод.

Таким образом, идолопоклонничество в зороастризме было связано с богами авестийского круга. М. Бойс считает, что с почитанием идолов,

---

¹ Документ приводится полностью.

² Sims – Williams N., Ojibb J.A. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great.//Slik Road and Archaeology. – 1996. – N. 4. – P. 10.

введенным в зороастризм при Ахеменидах Артаксерксом II, было покончено при сасанидах Ардаширом¹.

Сасаниды преследовали лишь употребление изваяний в качестве объектов культа, но сами изображали зороастрийские божества, включая Ормузда в антропоморфном виде, согласно традициям, установившимся в эпоху селевкидов. Нет сомнения, что проникновение греческих богов, индуизма, буддизма и других религий в Среднюю Азию обогатило иконографические образы местных божеств².

Вышеприведенные данные письменных и археологических источников показывают, что идолопоклонничество перешло в зороастризм из прото-зороастрийских культов и Зардушт не смог до конца очистить его от многобожества и идолопоклонничества, а также почитания злого духа, т.е. дуализм был характерной чертой зороастризма Средней Азии. Эти элементы были в Зурванизме до зороастризма, и остались в зороастризме Центральной Азии до прихода ислама. В зороастризме Центральной Азии рядом с храмами огня были храмы богов (идолов?). Однако храм богов при археологических объектах опознан только в Пенджикенте.

В.Г. Шкода, долгие годы занимавшийся раскопками пенджикентских храмов, сделал заключение, что «обилие изображений богов в храмах показывает, что они воспринимались согдийцами как «дом, обитель богов»³. Действительно, пенджикентские храмы имеют своеобразную планировку. В плане они отличаются от христианских, буддийских и зороастрийских храмов. Очевидно, что пенджикентские храмы являются домами богов, о которых писали Наршахи, Табари, Белазури и др. Для храма богов планировка пенджикентских зданий идеальна. На суфах полуоткрытых залов, айванов было удобно устанавливать идолов различного размера. В нишах могли стоять большие глиняные скульптуры богов. Как мы знаем из сообщений письменных источников, согдийцы создавали своих идолов из самых разнообразных материалов: золота, серебра, бронзы, дерева, камня, ганча и глины. Деревянные идолы украшались золотыми, серебряными листьями и драгоценными камнями. Эти идолы, созданные из разнообразного материала, могли украшать пенджикентские храмы. Во дворах храмов в базарные дни могли торговать идолами, как на базаре Мах в Бухаре.

---

¹ Бойс М. Зороастрийцы (верования и обычаи. – М., 1987. – Р. 130-131.

² Якубов Ю. Религия древнего Согда. – Душанбе, 1996. – С.63-64.

³ Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.), 2009. - С.124.

Храмовые сооружения Согда в настоящее время представляют пенджикентские храмы и храм Джартепа II (Узбекистан). Пенджикентские храмы представляют собой городской тип храмов. А храм Джартепа II – небольшое отдельно стоящее сооружение, небольшая укрепленная сельская усадьба, оформленная в виде четырехбашенного замка, перестроенная в V в. в отдельно стоящий храм. Основную композиционную планировку которого составляют помещения расположенные друг за другом на одной оси – целла, восьмиколонный зал и вестибюль (рис. 18).¹

Таким образом, при большой роли, отводимой в зороастрийской культовой практике огню, существовали храмы, посвященные отдельным богам зороастрийского пантеона: Анахите (Нане), Ахура Мазде (Дайвы), Митре, Дене. Некоторые зороастрийские боги, сливаясь с местными богами, приобретали местные имена, например, в Согде авестийский Вайю стал Вешпаркпаром, Ахура Мазда – Адбагом, Веретрагна почитался как Вашагн. Материалы археологических раскопок на территории Таджикистана помогают в целом раскрыть обычаи и ритуальную практику городского и сельского населения, отражающую зороастрийские представления (это не только предварительное выставление трупов, очищение костей в погребальной практике, но и особое отношение к огню). В эпоху раннего средневековья наблюдается определенная унификация в погребальной обрядности, расширении культа огня (проявлением которого стало появление домашних культовых комнат с капеллами), в мелкой пластике плакеток с зороастрийскими персонажами и символикой. Все это свидетельствует об усилении роли зороастризма в качестве одного из основных элементов культуры общества.

Бронзовый век является веком сложения этнического состава и религиозных обрядов арийских племен в Центральной Азии. Поэтому для бактрийско-маргианских племен был характерен обычай погребения умерших как в пределах поселений, так и в могильниках, устроенных обособленно. Преобладающим способом захоронения было скорченное положение костяка, лежащего на боку. Большинство погребений одиночные, но встречаются и парные, разновременные и одновременные. Умерших снабжали разнообразными вещами в виде сосудов и других предметов, которыми до смерти они пользовались в быту.

Жители Маргианы чаще всего хоронили своих умерших в групповых ямах или миниатюрных погребениях прямоугольной формы, стенки кото-

---

¹ Бердимуратов А.Э., Семибаев М.К. Храм Джартепа II (К проблеме культурной жизни Согда V-VIII вв.). - Ташкент, 1999. - С. 19-21.

рых обкладывались сырцовым кирпичом. В Гонуре богатых людей хоронили в многокомнатных гробницах с богатым имуществом и баранами, конями. Стены гробницы были украшены коврами, мозаикой. Гонурцы, как зороастрийцы, с почтением относились к зернам ячменя и пшеницы, о чем свидетельствуют статуэтки богини плодородия из белого мрамора, одежда, украшенная шестью серебряными колосьями ячменя и двумя золотыми колосьями пшеницы¹. На Дашлы 1 люди захоронены в развалинах старого поселения². Эта традиция разрешена в зороастризме. В Сапалли захоронения производились под полом у стен домов и крепостей в период их функционирования³.

В устройстве погребальных сооружений использовался рельеф. В отличие от родственных земледельческих могильников вход в погребальную камеру закладывали камнем (Тандырйул) или комьями глины (Кангуртут). В погребальной практике появляется множество кенотафов. В то время как на некрополях Южного Узбекистана они составляют около 40%, на могильнике Кангуртут их более 90%. Можно констатировать, что в конце эпохи бронзы в Северной Бактрии происходят изменения в религиозно-ритуальной концепции погребения умерших⁴, т.е. умерших выставляли в дахмы на съедение хищным птицам.

Шестая глава Видевдата посвящена похоронному обряду зороастрийцев. Зардушт спрашивает у Ахура Мазды, где хоронить покойников? Ахурамазда отвечает, что тело надо отнести на вершину горы, там, где всегда есть собаки и птицы-падальщики. На вопрос, где хоронить кости покойников, Ахура Мазда отвечает, что их надо держать в остадоне – костехранилище. Зороастрийцы должны создать остадоны и их должны держать там, где не будет дождя, воды, там, куда могут проникнуть собаки, лисицы и волки. Остадоны изготавливали из камней, извести и глины. Если невозможно изготовить остадоны, тогда голое тело умершего следовало оставить на его постели и вынести под открытое небо (Видевдат 8. 2, 4-10).

Остадоны, о которых говорится в Видевдате, отличаются от оссуариев. Остадон в Видевдате это, скорее всего, большое помещение или здание

---

¹ Сарияниди В.И. Гонур-Депе (Город царей и богов). – Ашгабад, 2006. – С. 234-249, рис. 79.

² Сарияниди В.Н. Древние земледельцы Афганистана. – М., 1977. – С. 50-60.

³ Аскарлов А. Сапаллитепа. – Ташкент, 1973. – С. 42-70.

⁴ Виноградова Т.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. – М., 2008. – С. 105.

типа склепа. Кроме того, разрешалось хоронить покойника в земле, но только не ближе чем 30 шагах от плодородных почв, огня, воды и в каменистых местах (Видевдат 8. 27).

Погребальные обряды раннесредневекового периода хорошо изучены по материалам Хорезма, Согда, Ферганы и Уструшаны.¹ Отметим, что в раннесредневековом периоде в Хорезме преобладал тип оссуарного захоронения. В Согде известны три вида захоронения: первое в оссуариях-фарвартиках (наосах), второе в земле в оссуариях, третье – в земле без оссуариев. В Истаравшане, в Куркате хоронили людей в классической дахме, т.е. в склепе, вырубленном в скале. В Фергане (Пабе) семейные склепы вырублены в песчаниковом слое холма, но покойники лежали в одежде в камышовых гробах². Несомненно, захоронения в хумах, оссуариях, каменных ящиках, деревянных или камышовых гробах, являются зороастрийскими, так как покойники были изолированы от земли.

В Дарвазской части Бадахшана на городище Карон сохранилась дахма. Здесь на высоте 1800 м сохранились три тахты – каменных стола, где выставляли умерших на съедение хищным зверям и птицам. Здесь же размещены, семейные каменные наосы-фарвартики, где хранили очищенные кости.

В Видевдате есть указание: хоронить только в беспочвенном каменистом месте, в развалинах, заброшенных людьми, вдали от воды, огня и мест обитания людей (Видевдат 8. 5,7).

Исследования антропоморфных изображений на оссуариях Согда показало, что на их стенках изображены боги загробного мира. Их было не менее 13, мужского и женского пола. Они перед мостом тщательно проверяли каждого умершего и согласно их земным деяниям отправляли в рай или ад. Люди верили в существование ада и рая, добрых и злых богов и при жизни приносили им жертвы. Каждый год в первые дни Навруза на кладбищах они устраивали оплакивание предков, царапали себе лица, исполняли траурные песни и танцы, ставили кушанья и напитки в наосах. Верили, что будет день, когда по воле бога воскреснут все покойники. Люди станут бессмертными и зло исчезнет навсегда.

Известно, что для разных районов Согда характерны разные формы оссуариев. Для Центрального Согда и долины Кашкадарьи – прямоугольные. В

---

¹ Ставиский, 1952, с.35-37; 1953, с. 64-98; Рапопорт, 1971.

² Магбабаев Б. К вопросу изучения подземных склепов и погребений в камышовых гробах Ферганы // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд, 1988. – №3.

Пенджикенте преобладают овальные оссуарии. В Самарканде встречаются и прямоугольные и овальные с наклепными рельефами. В северных районах Самаркандского Согда (Тусунсай, Кошрабад) основным типом были оссуарии с прямоугольным корпусом (иногда с заovalенными углами), с неотделенным от корпуса крупным куполообразным сводом и вырезанным в торцевой части люком¹.

Крайне редко встречается расписной орнамент. Например, в Пенджикенте он известен только на одном оссуарии из могильника Дашти Урдикон. Причем сам оссуарий был овальной формы с крупными ступенчатыми зубцами по верхнему краю резервуара на лицевой стороне. Роспись нанесена красной краской после обжига. На лицевой стороне она представляет собой 4 горизонтальных ряда с чередованием закрашенных и не закрашенных квадратов (шахматная орнаментация), возможно, передававших кладку стены. Задняя сторона украшена растительными побегами («елочками») – условной передачей деревьев хаума. Крышка оссуария алебастровая с росписью красной краской.²

Мотивы орнаментальной композиции оссуариев, истоки их происхождения и интерпретация – предмет длительной многолетней дискуссии, в которой отразились степень изученности вопроса на тот момент, разные подходы исследователей, их приоритеты и даже перевод его в политическую плоскость. Так, по одной из крайних точек зрения, весь декор согдийских оссуариев сводится к трем композиционным схемам (аркада, в центре которой дверь с приоткрытыми створками, гирлянды с помещенными в них головками, две-четыре многолепестковые розетки, занимающие всю стенку корпуса). Они имеют средиземноморское происхождение и непосредственно воспроизводят декор римских саркофагов и еврейских оссуариев эпохи поздней империи.

Одной из отличительных черт среднеазиатского зороастризма стало широкое распространение в погребальной обрядности местного населения склепов-наусов. Погребения в них сочетали трупоположения и захоронения костей в оссуариях. Как показывает анализ археологических исследований, единой выработанной типологии наусов не существовало. Так, в Пенджи-

---

¹ Богомолов Г.И., Бердимуродов А.Э. Узбекистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Зороастризм и верования маздеистского круга. – Самарканд: МИЦАИ, 2017. – Том II. – С. 167-279.

² Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1975 г. // АРТ. – Душанбе. – 1980. – Вып 15. – С. 244.

кенте открыты однокамерные склепы, чаще всего квадратные. Причем различные формы наусов сосуществовали на одном и том же некрополе (Пенджикент). Округлые наусы могли иметь внутри прямоугольную или квадратную камеру и сводчатое перекрытие. Часто в камерах наусов устраивались суфы (Пенджикент, Пайкенд, Кафиркала, Тепаи-Шах и др).

В Пенджикенте оссуарии размещались на суфах или на полу камер, а в некоторых случаях и в специально устроенной для этой цели нише.

Для сооружения наусов отводились специальные участки за пределами поселений. Интересен документ, найденный на горе Муг о покупке Махчем и Хшувандаком (сыновья Асманча) у Ширвагча и Сатафсарака (сыновья Фарнхунда) участка (асксака), а точнее, его половины, в местности Пэшхувад. Документ составлен ранее 708 года и в нем говорится, что Хшувандак, Махч и их потомки на половине купленного ими участка могут установить труп и устроить его оплакивания¹. Этот письменный документ отражает как практику зороастрийской традиции, так и свидетельство о контроле и законности совершённых действий.

Анализ этого договора (Б-8) привел О.И. Смирнову к выводу, что он является «купчей» на участок земли². Установлено, что мугский документ Б-8 является одним из самых ранних и относится к концу VII в.³ Отсюда следует, что в Согде, существовала практика юридического оформления права наследования семейно-родовой собственности на участки городских некрополей и устройства на них специальных погребальных построек.

Согласно анализу авестийских текстов, были также известны и применялись различные виды погребального обряда: ингумация, кремация и выставление трупов. Лишь в эпоху раннего средневековья предпочтительным становится обряд выставления. Обряд выставления трупов, очищение костей от мягких тканей, который традиционно считается классическим и единственным способом погребения у зороастрийцев, преследовал ту же цель – скорейшей реинкарнации. В этом плане показателен анализ погребальной прак-

---

¹ Лившиц В.А. Согдийский брачный контракт начала VIII в н.э. (документы № 3 и № 4 с горы Муг) // СЭ.1960. – № 5. – С. 45-46; он же. Согдийские документы с горы Муг / Юридические документы и письма. – М., 1962. – Вып. 2. – С.45-46.

² Смирнова О.И. Места домусульманских культов Средней Азии. // СНВ. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 108-109.

³ Лурье П.Б. Счастливый правитель Чегин Чур Бильгä // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. В. П. Никаноров. - СПб., 2005. - С. 127–131.

тики Месопотамии и Ирана с доахеменидской до парфянской эпох, проведенный Б.А. Литвинским. Суммируя археологические материалы, он приходит к следующему выводу, почти повсеместно, кроме среднеазиатской части Парфянского государства, были распространены погребения в виде трупоположения в керамических гробах. Часто встречаются захоронения в склепах или гробницах (подземных и наземных). В целом Б.И. Литвинский выделил 13 способов погребений. Причем основным в ахеменидское и парфянское время было трупоположение¹.

Достаточно хорошо изучен Пенджикентский некрополь, который расположен к югу от городских стен древнего Пенджикента. Его наусы датируются VII-VIII вв. н.э. Было выявлено почти 150 склепов. Это небольшие по размерам сооружения, как правило, однокамерные. Камеры наусов были прямоугольными или квадратными в плане. Только наос 23 охватывал площадь 10 м², в остальных случаях площадь в среднем составляла 4-5 м². Почти все наусы вмещали останки около 10 усопших. Вход в эти небольшие сводчатые постройки представлял собой низкий узкий лаз, который обычно закладывался кладкой из сырцового кирпича, разбивавшейся при последующих захоронениях.

Вместе с тем, видимо, были и исключения. Одним из них стал раскопанный в 1976 г. двухкамерный наус. Каждая из камер имела свой отдельный вход. Наус был ограблен в древности. В камере I расчищено трупоположение на суфе вдоль западной стены. На этом основании почему-то предполагается, что эта камера на последнем этапе могла использоваться как «ката». В то же время в обеих камерах найдены обломки оссуариев, глиняных сосудов и человеческие кости².

Население Согда также практиковало обряд захоронения предварительно очищенных костей в керамических сосудах, впервые отмеченный на поселении Хантепа близ кишлака Сават (Уструшана). Раскопано погребение собаки в хуме, которое датируется V-IV вв. до н.э. В зороастризме она приравнивалась к человеку. Как оказалось, кости ее несут следы предварительного выставления, где они некоторое время подвергались воздействию солнца и ветра, лишь затем собраны в сосуд и погребены в земле. На цитадели горо-

---

¹ Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии (К вопросу о парфяно-бактрийских соответствиях) // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. – М., 1983. – С. 108-109.

² Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И., Исаков А.И. Раскопки древнего Пенджикента в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. 16. – С. 216.

дища Нуртепа расчищена большая яма с обломками хумов и разрозненных человеческих костей, очищенных от мягких тканей. Предполагается, что это разрушенные погребения людей в сосудах. Датируются они также V-IV вв. до н.э.¹. Следовательно, оссуарный обряд в виде погребений в крупных сосудах мог появиться в нескольких регионах Центральной Азии в середине второй половины I-го тысячелетия до н.э.

Для Бактрии также отмечены моменты практики наосного погребения. В то же время Б.А. Литвинский указывал на ряд таких кардинальных моментов, как наличие постамента, крестообразной внутренней структуры с выделением круглого элемента в центре, которые сближают это сооружение с устройством позднезороастрийских дахм.²

Зороастрийский погребальный обряд прошел ряд этапов и отражал сложную мировоззренческую систему, где сохранялись следы ранних еще дозороастрийских представлений о подземном царстве мертвых – царстве Йимы, метемпсихозе, т.е. о переходе душ умерших во вновь рождающиеся существа. Последнее получило дальнейшее развитие в представлениях митраизма и манихейства, но еще раньше в новых догматических постулатах Заратуштры о возрождении праведников.

Таким образом, полученные археологические материалы во многом уточняют сведения письменных источников, отражают бытовавшие на территории Таджикистана древние религиозные представления и культовую обрядность. В археологическом материале Согда, Бактрии-Тохаристана, Ферганы отразился мощный пласт религиозных представлений древнего населения. Они свидетельствуют, что зороастризм в качестве одной из самых крупных религиозных систем среднеазиатского региона играл важную роль в общественной жизни, охватывал все сферы жизнедеятельности древнего населения. Спецификой среднеазиатского зороастризма стало его тесное переплетение с местными локальными верованиями, прежде всего с культом умирающих и воскресающих божеств природы (Сиявуша), урожая, растительности, воды. Яркой чертой среднеазиатского зороастризма был погребальный обряд. Он являлся важной частью религиозных представлений и определялся верой в загробное существование, особой ролью культа предков. Изменяясь вместе с обще-

---

¹ Грицина А.А. Об оссуарном обряде в Уструшане // Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент, 1998. №1. – С. 93.

² Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. – М., 1984. – С. 88-89.

ством под влиянием новых исторических, социальных, экономических условий, погребальный обряд отличался консервативностью, что делало его одним из устойчивых элементов традиционной культуры. Наличие же архаичных элементов, нередко восходящих к глубокой древности, придали обряду специфические черты. В распространении обряда выставления в Средней Азии к эпохе раннего средневековья существенное значение имела доминирующая роль зороастрийских верований.

От зороастризма Ирана зороастризм Центральной Азии отличался, прежде всего, отсутствием разветвленной официальной церковной организации, которая выполняла функции государственной религии, опиравшейся на разработанные религиозные нормы и мораль. Изучение археологических материалов отдельных историко-культурных регионов Средней Азии неизменно приводило исследователей к выводу о превалировании роли зороастрийских представлений, но со своей местной спецификой. Так, по мнению Б.И. Маршака, «в Согде преобладал зороастризм при значительном развитии культов богов, в том числе заимствованных у древнего Ближнего Востока (Нана) и Индии (Шива)»¹. Другими словами, есть все основания утверждения о существовании здесь зороастризма, но существенно отличавшегося от зороастризма сасанидского Ирана.

Поэтому здесь религиозная обрядность способствовала созданию единой религиозной системы. Обрядность больше опиралась на традиционные верования. Археологические материалы показывают, что в верованиях Согда и других регионов содержалось много архаических элементов, в том числе идолопоклонничество, культ предков, которым приносили жертвы в дни Навруза, устраивали оплакивания. Религиозные представления и практика тоже несли ряд отличий. Например, в погребальной обрядности широко бытовало использование наусов и оссуариев. Но наряду с распространением захоронений в оссуариях и наусах часть населения продолжала придерживаться традиции ингумации. Особое место среди оссуариев VI-VIII вв. занимают остадоны со штампованным орнаментом, стенки которых несут оттиски крупной матрицы. Сюжеты их достаточно разнообразны. Многие из них несут зороастрийскую символику или композиции на них служат иллюстрацией к зороастрийским представлениям

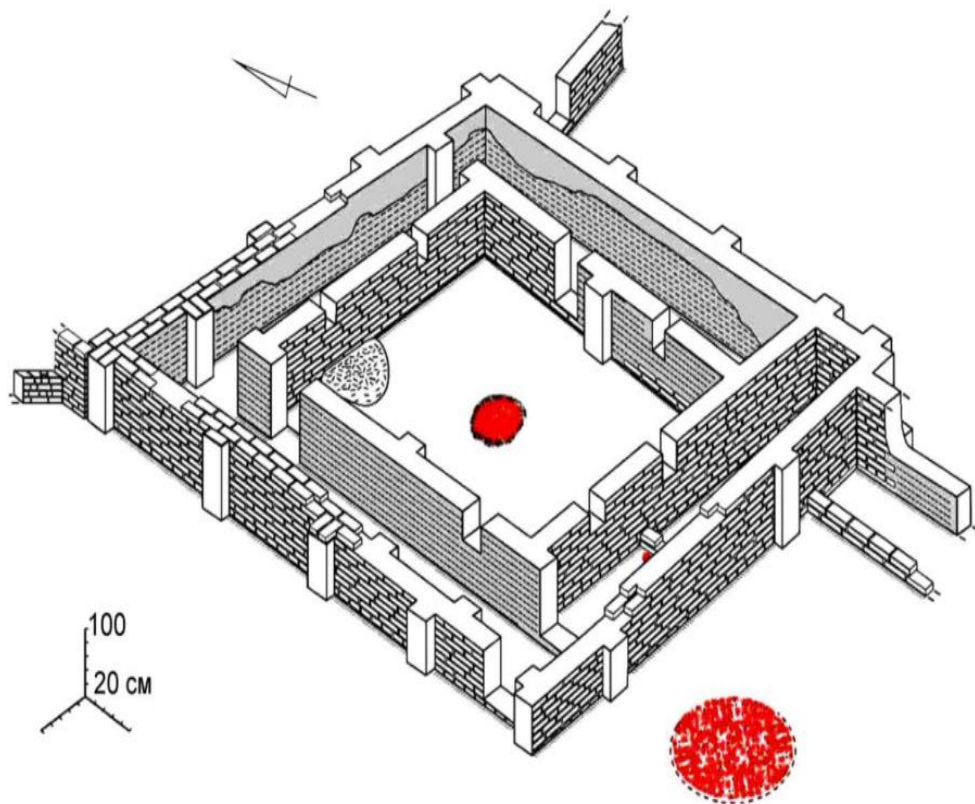
¹ Маршак Б.И., Распопова В.И. Раскопки в Пенджикенте и открытие согдийской культуры // 50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тезисы докладов научной конференции. – Пенджикент, 1997. – С. 11.

о судьбах души умершего.

В Центральной Азии впервые во II тыс. до н.э. появляются канонизированные храмы огня. Анализ археологического и письменного материалов показывает, что начиная со II тыс. до н.э. и до утверждения ислама (VIII-IX вв. н.э.), основной религией народов Центральной Азии был зороастризм с сочетанием идолопоклонничества, носившим этнический характер. До прихода и утверждения ислама во всех поселениях и городах были сооружены храмы и святилища всех трех священных огней. Планировка святилищ и алтарей, ориентация священного огня не была канонизирована в отличие от больших храмов огня. В святилищах и храмах происходили все церемонии приготовления и поддержания священного огня строго по авестийским канонам.

Открытие храмов огня типа чортака показывает, что они имели планировку аналогичную храмам огня древнего Ирана. Самый древний храм огня – *чортак* открыт в Джаркутане (Узбекистан). В основе плана чортака лежит крест солярного назначения. Крестообразный план зороастрийских культовых сооружений был заимствован при сооружении буддийских, христианских храмов и мусульманских мавзолеев. Башня огня в Кароне, Самангане символизируют столбы, колонны с факелом. Открытие на территории Бактрии древнейших храмов огня является доказательством того, что появление и сложение храмов огня имеет местное происхождение. Следовательно, здесь родился Заратуштра, здесь он написал Священную книгу зороастрийцев Авесту и основал первую мировую религию.

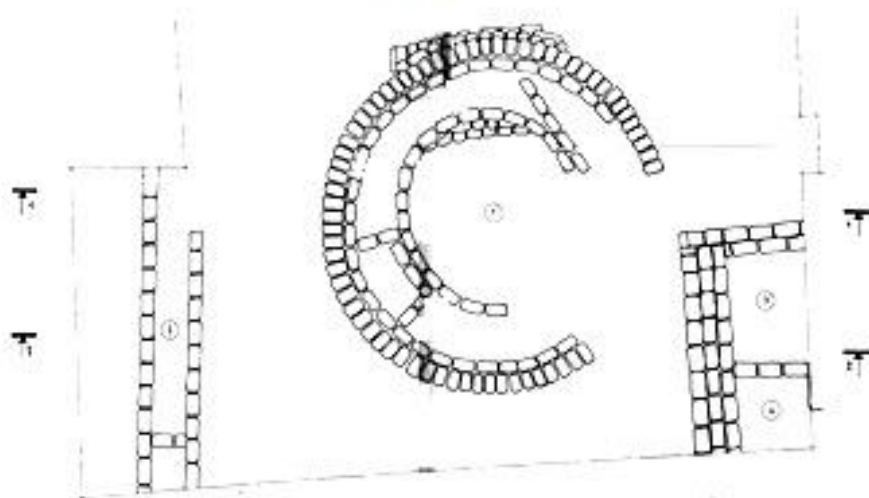
По данным письменных источников и топонимики, особенно Сурхкотальской и Рабатакской надписям, дом богов назывался «багистон-bagiston» то есть «место обитания богов». От слова «баган» появилось название современного города Баглон. В топонимике Согда сохранилось много названий со словом багон, в том числе селение Багистон (Вагаштон), где был раскопан храм огня (Наврузшах 2). Пенджикентские храмы являются эталонными домами богов- «багистан».

Рис.1. Саразм. Раскоп XI, горизонт 2, план «Храма огня» (Раззоков, Худжагелдиев, 2010)

1

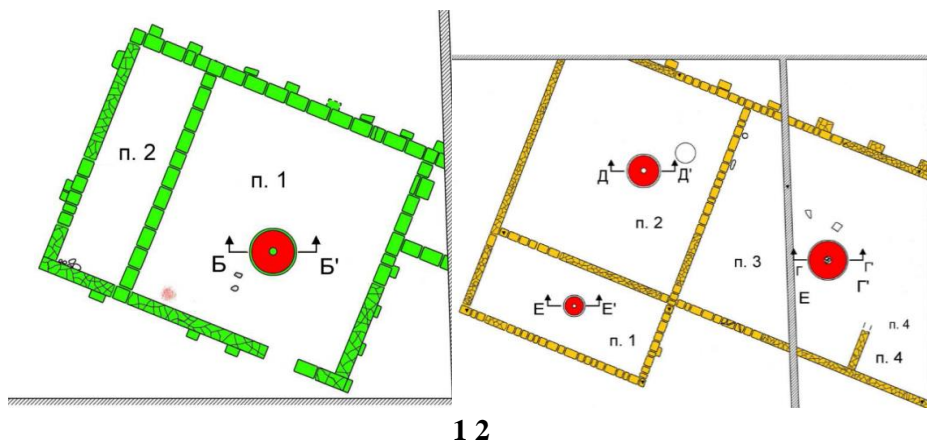
2

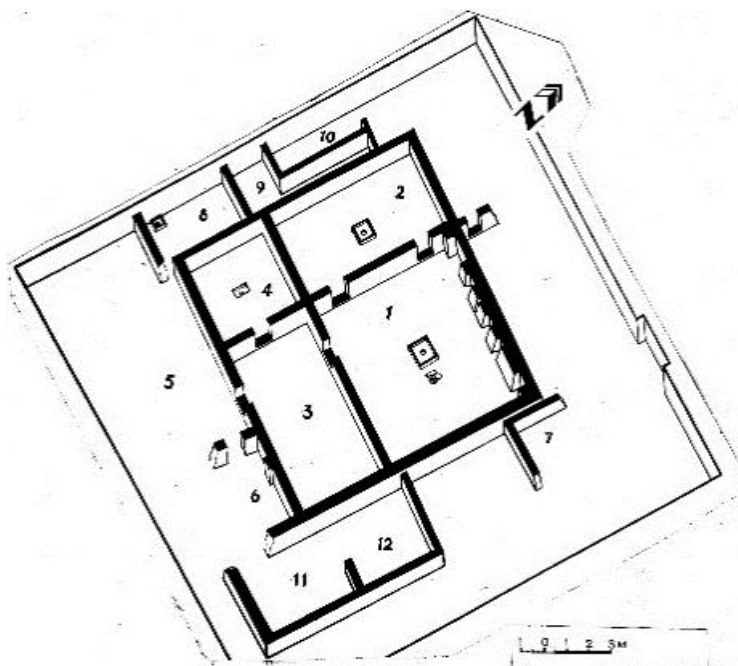
2

Рис. 2. Саразм. Раскоп 5. «храм Солнца» (Каримова, 2009)

Рис. 3. Саразм. Раскоп XII: 1 – план горизонта 2, культовое сооружение в центральной части комплекса, 2 – план храмового комплекса горизонта 3, (Раззоков, Худжагелдиев, 2010)

Рис. 4. Саразм. Раскоп IV_слой СIII – дворцово-храмовый комплекс (Исаков, 1991.)

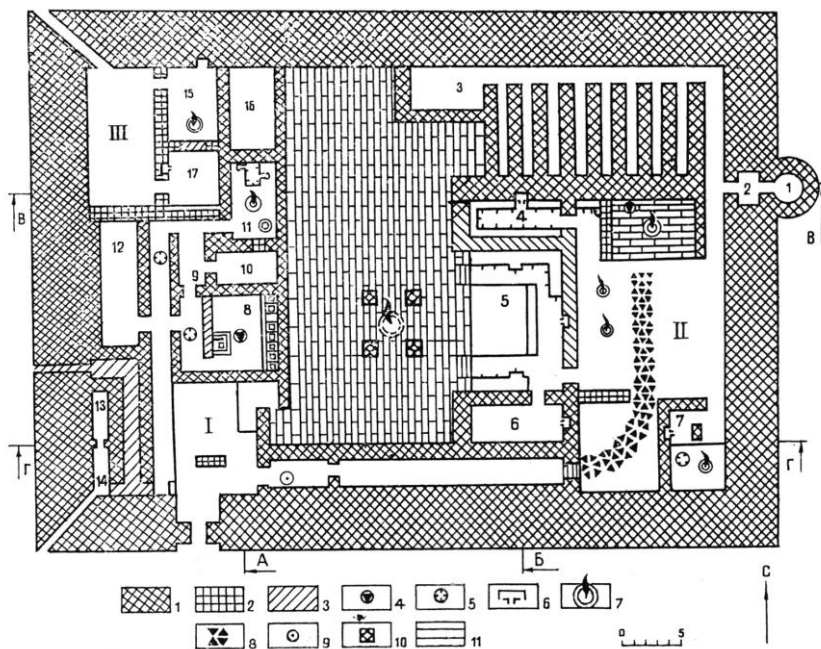

Рис. 5. План храма огня в Джаркутане. (по А. Аскаркову)

Рис.6. Восточный фасад башни огня в Кароне

Рис.7. Реконструкция башни огня в Кароне

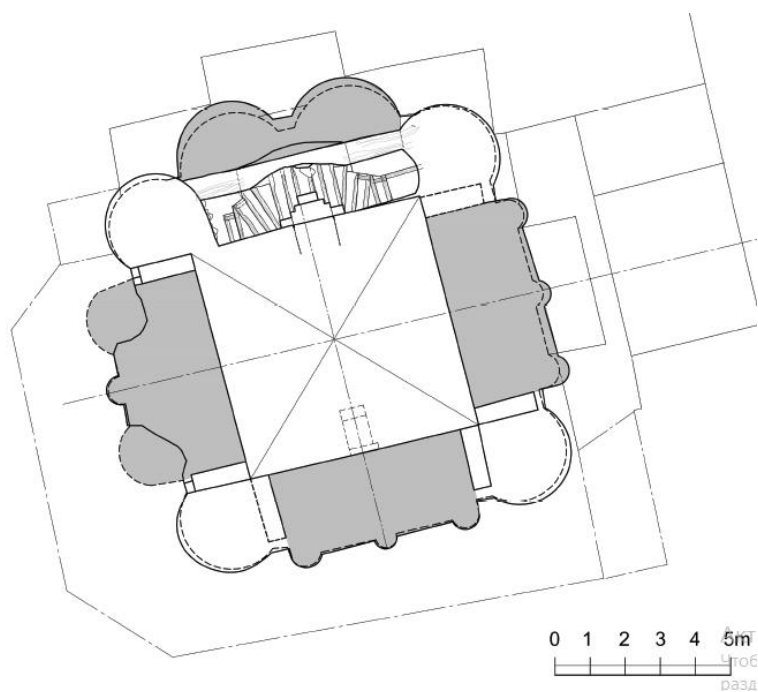

Рис.8. План башни огня в Кароне

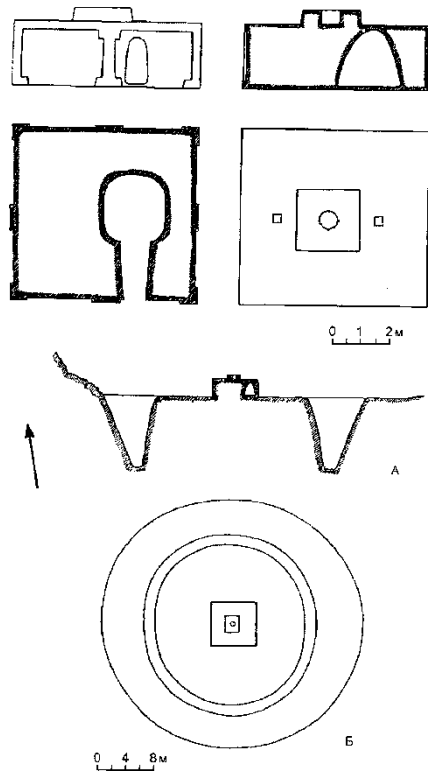

Рис.9. План башни огня в Самангане

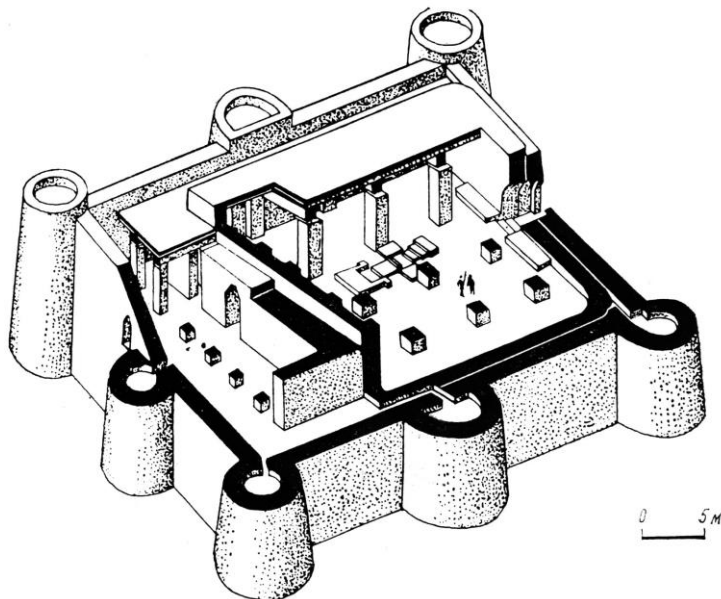

Рис.10. План храма огня в Тилия тепе.

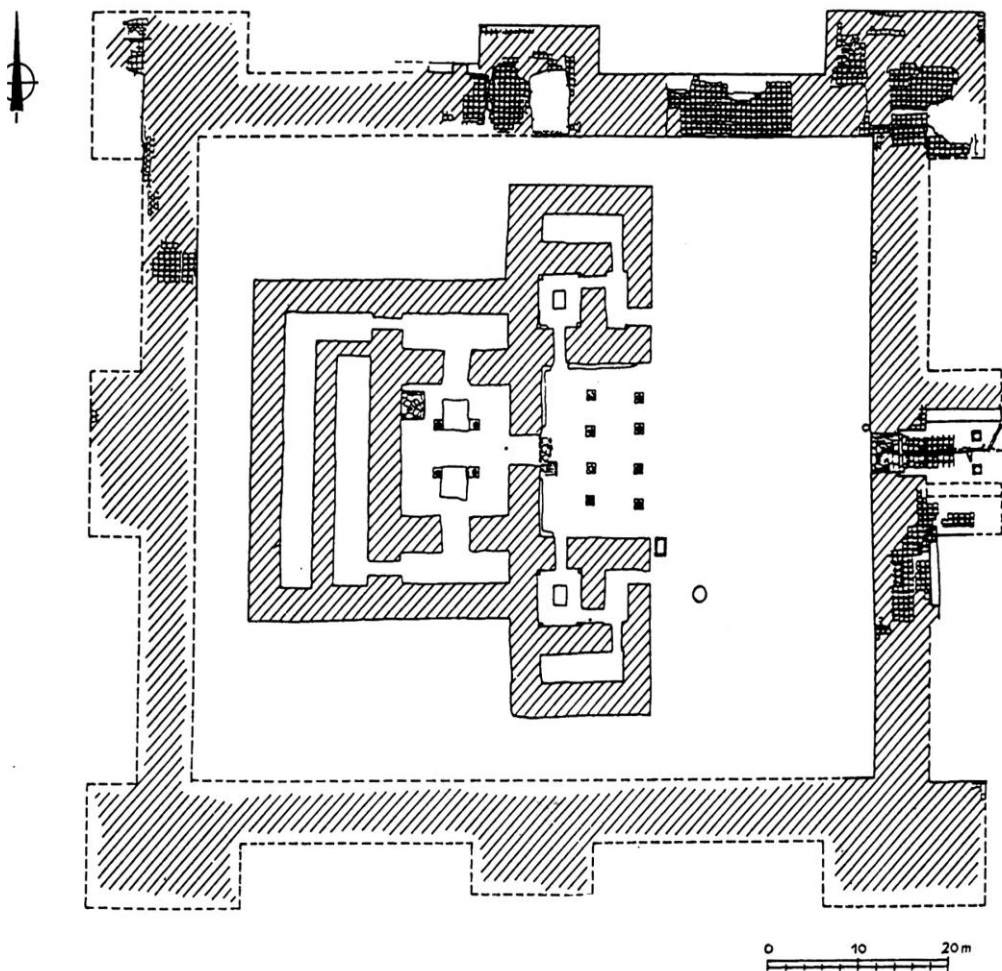

Рис. 11. Храм Вахшазар в Тахти Сангине

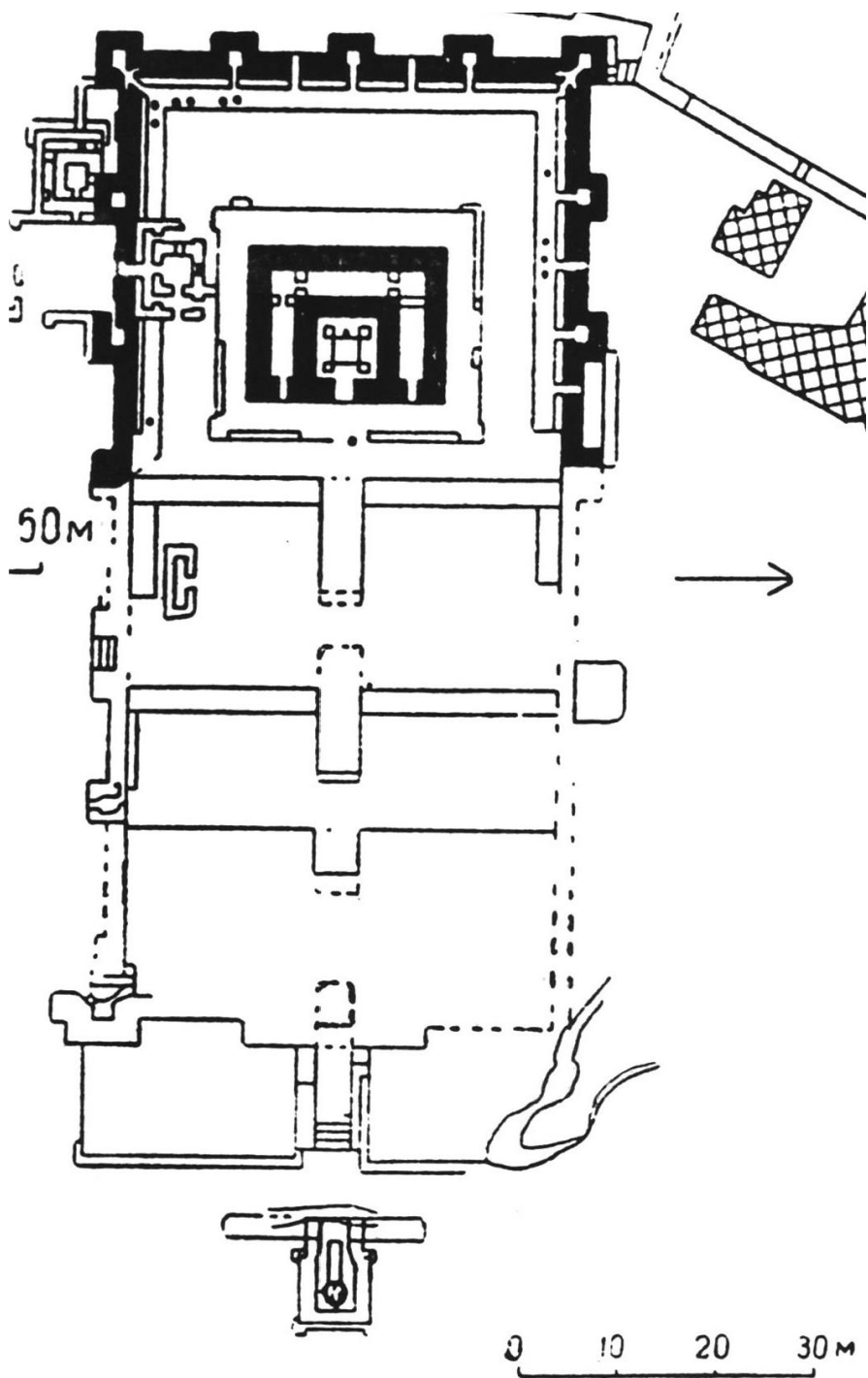

Рис.12. Династический храм огня Кушанских царей в Сурх Котале

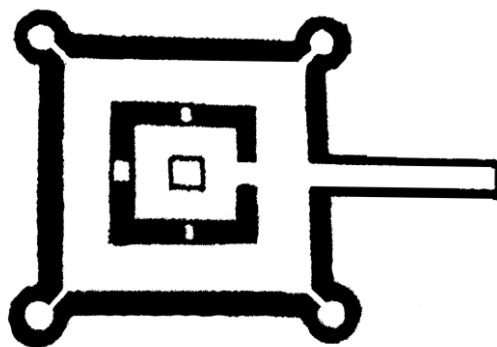
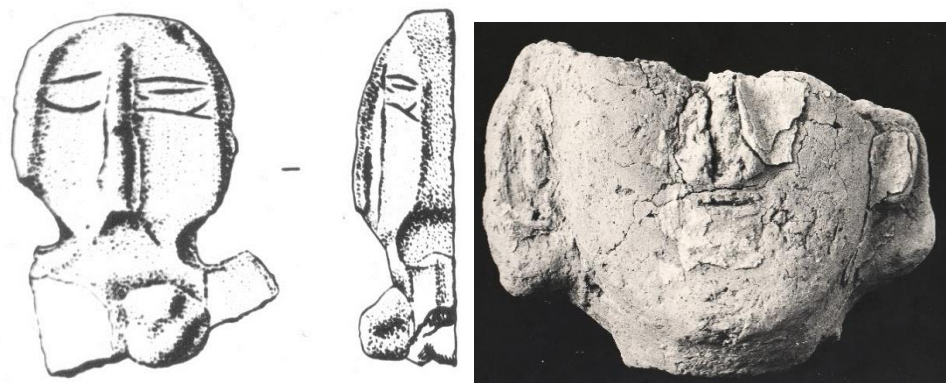

Рис.13. Храм огня в Актеппе

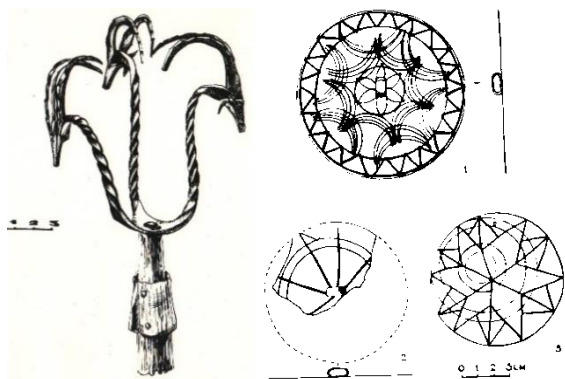
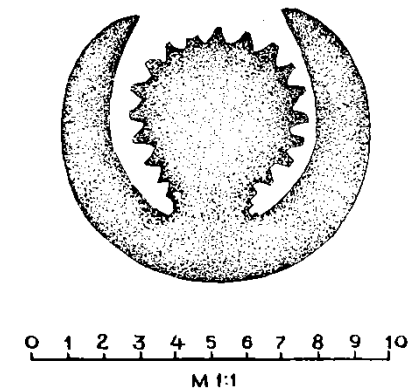
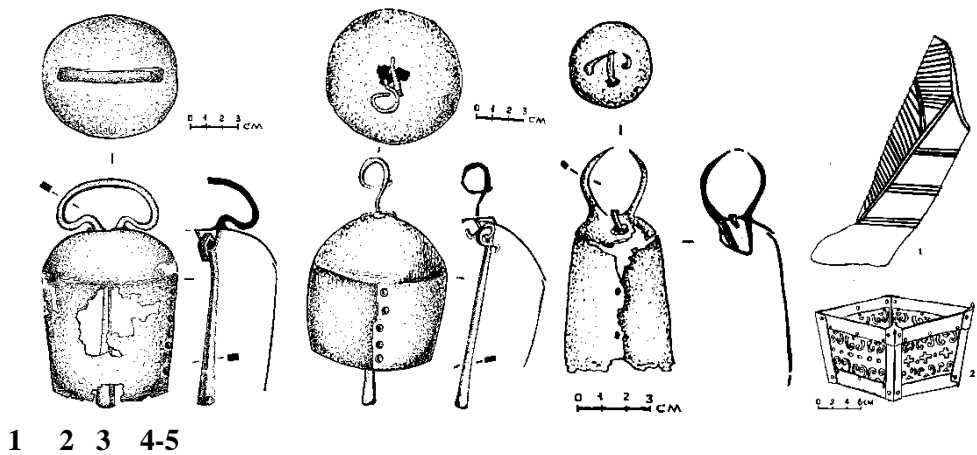

1 2

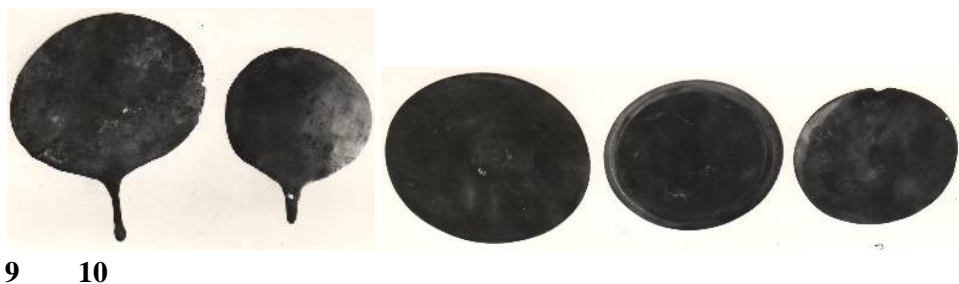
Рис. 14. Фрагмент глиняного идола : 1 – из Гардани Хисора; 2 – из Кума

Рис.15. Деревянный идол Сарводы

6 7 8

9 10

Рис. 16. Предметы идола из Сарводи. 1 – 3 – колокола, 4 – сапог, 5 – ларечик, 6 – украшение короны, 7 – навершие жезла – посоха, 8-10 – зеркала

Рис.17. Бронзовый идол из Верхнего Зарафшана

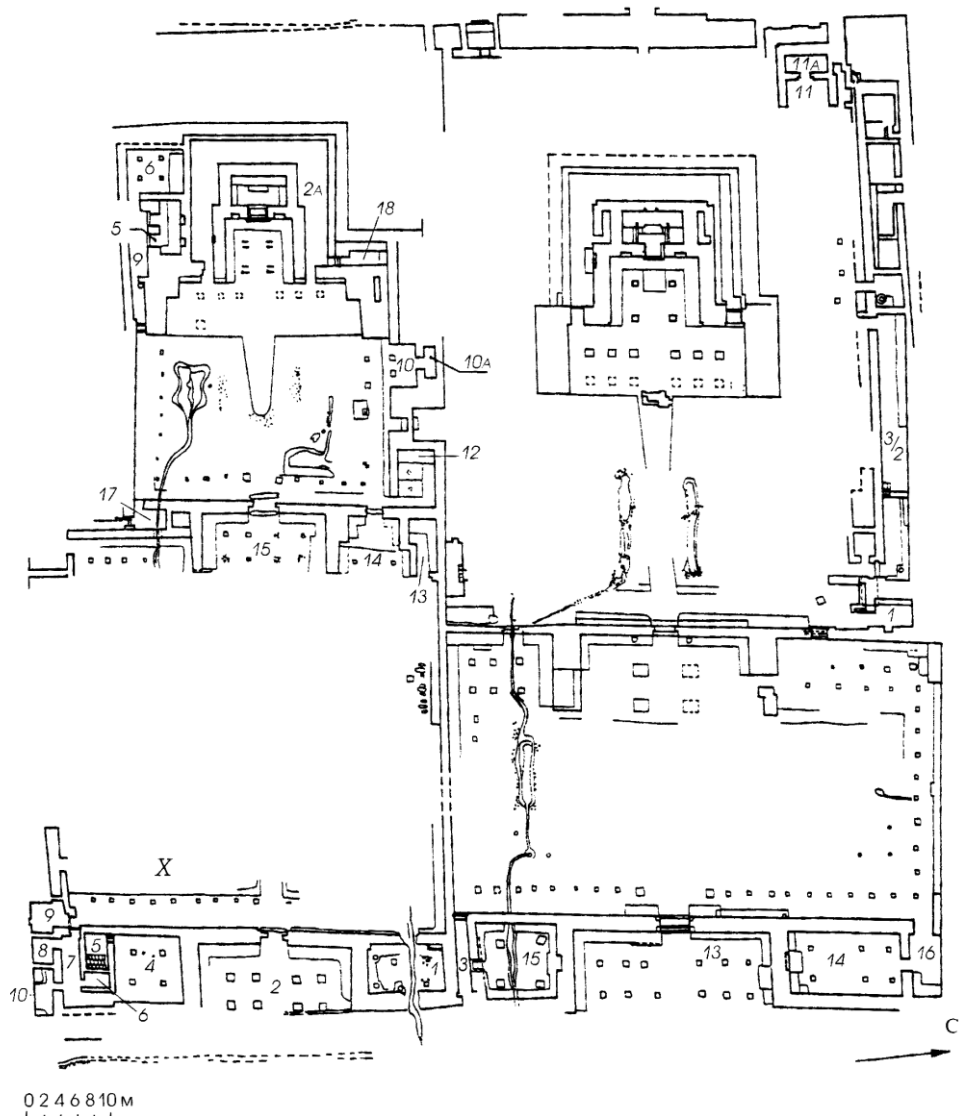

Рис.18 Храм богов Пенджикента

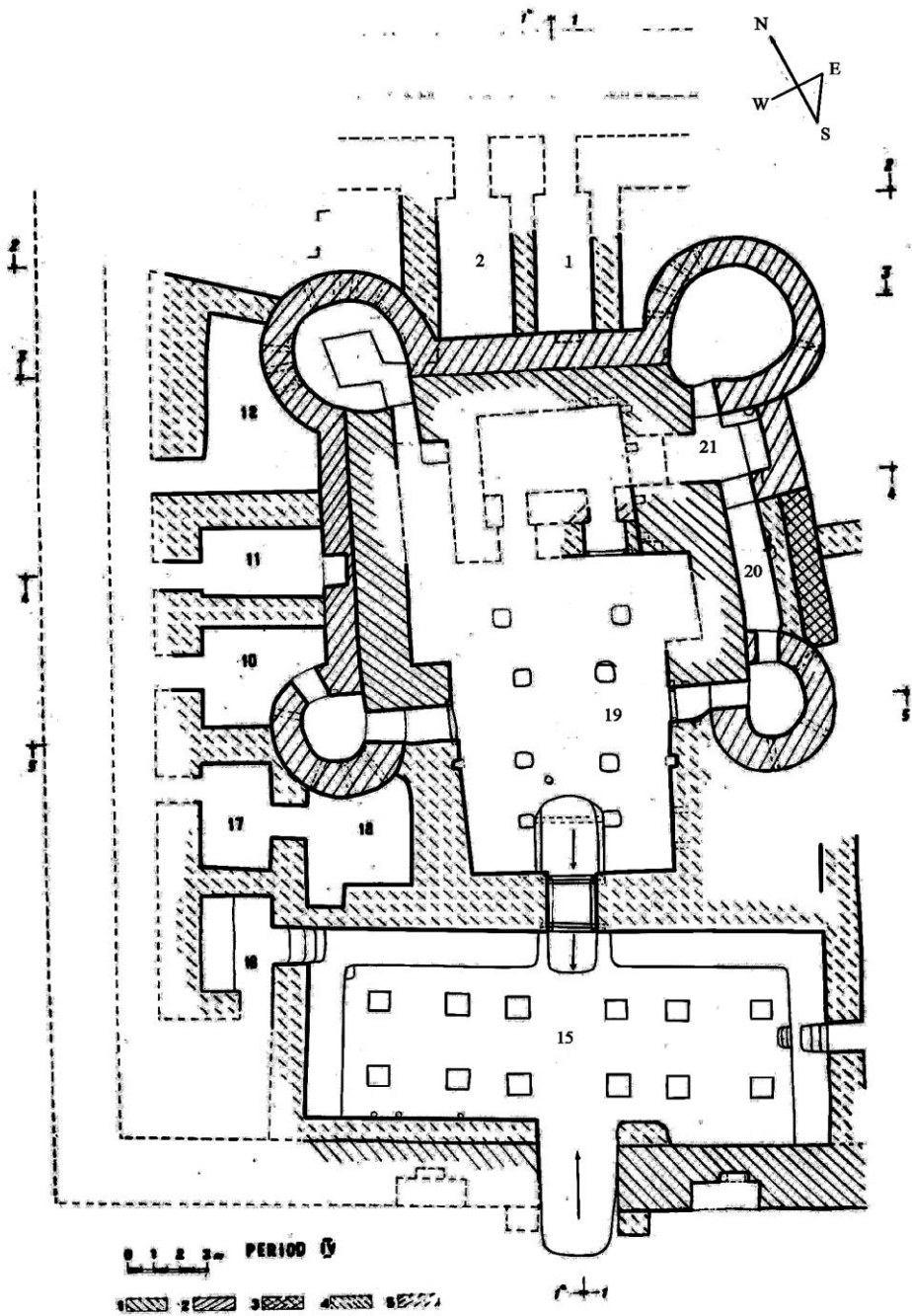

Рис. 19. Согд. Джартепа II. (храм)

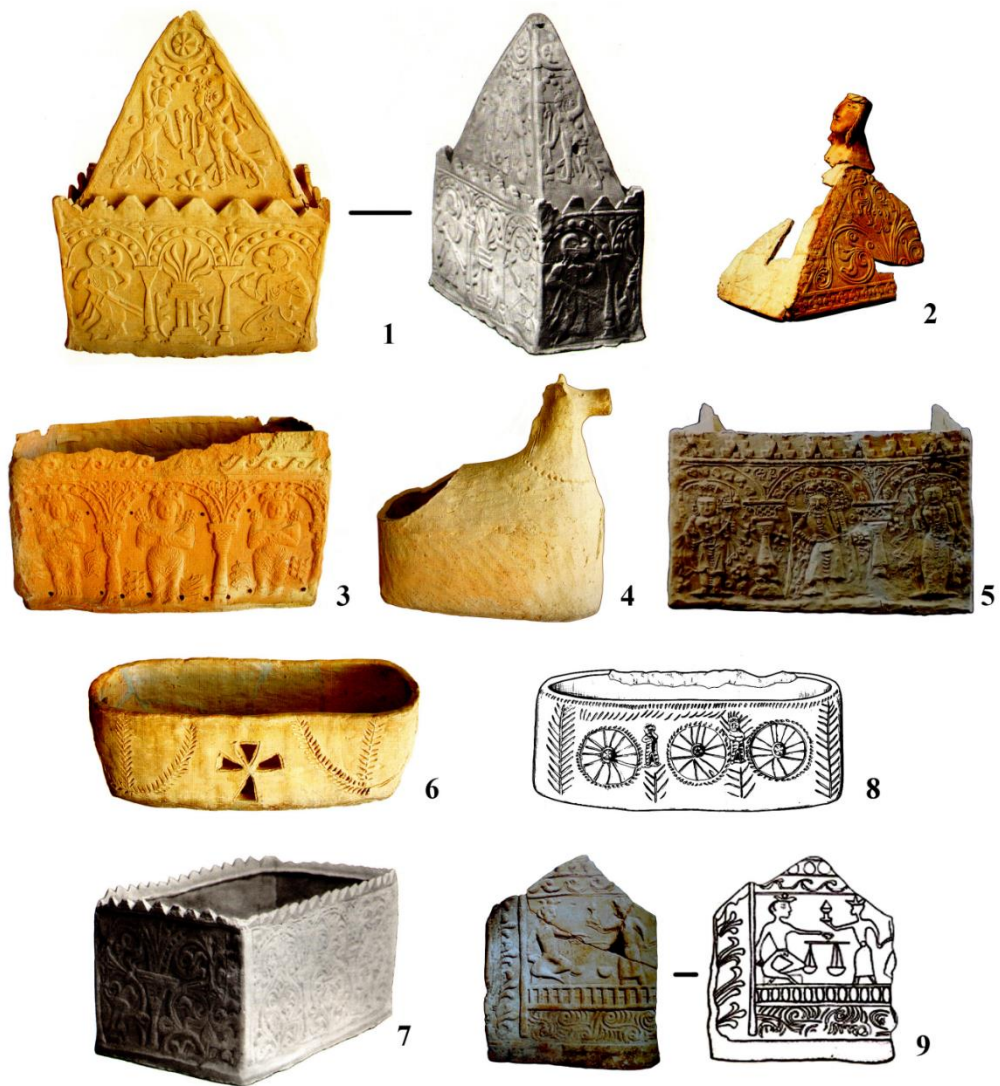

Рис. 20. Типы согдийских оссуариев

2. Зороастризм в контексте мировой цивилизации (сравнительный религиоведческий анализ)

Из всех ранних религий наибольшее влияние на мировую цивилизацию и особенно на индоарийские и семитские религии оказал зороастризм – одна из самых древних индоарийских религий откровения. По словам известной исследовательницы Мэри Бойс, зороастризм «оказал на человечество, прямо или косвенно, большее влияние, чем какая-либо другая вера»¹.

По поводу места рождения Зороастра – основателя этой религии, мнения ученых и сведения исторических источников расходятся: одни родиной пророка считают Северный Иран, нынешнюю территорию Иранского Азербайджана, другие – территорию Вавилона (Фарс) или Рей, или Хорезм, или Мерв и даже Палестину. При этом большинство исследователей утверждает, что где бы ни родился Зороастр, одно несомненно – свою проповедь и призывы к новой религии он начал в Бактрии.

На основе анамнеза имеющихся сведений, мы пришли к выводу, что зороастризм возник в северо-восточной части Ирана, в пограничной с Центральной Азией Бактрии, а затем он распространился на всей территории Центральной Азии. Зороастризм был государственной религией трех великих иранских империй, существовавших почти непрерывно с конца II тыс. до н.э. и по VII в. н.э. Эта религия, возникающая на стыке двух культур – индоарийской и семитской, стала непосредственно или опосредованно источником заимствований для трех известных монотеистических религий – иудаизма, христианства и ислама.

Влияние ирано-арийской религии на семитские религии происходило как в пространственно-временном измерении, так и в рамках социально-политических отношений. Мы знаем, какое огромное воздействие оказали позже иудаизм, христианство и ислам на мировую цивилизацию с учётом влияния на них зороастрийского учения, можно представить огромную косвенную роль зороастризма в формировании общечеловеческой цивилизации.

Исследования по проблемам религий позволяют нам провести периодизацию процесса взаимовлияния двух цивилизаций в ходе их исторического развития. Первый период – это время соприкосновения иранских и семитских народов. Его можно связать с началом переселенческой волны иранских народов с территории Центральной Азии в Иран и через Юго-

---

¹ Бойс Мэри. Зороастрийцы: верования и обычаи. – МЭ, 1988. – С.6.

Западный Иран на территории Сирии, Египта и Палестины (1500 – 1200 гг. до н.э.). Второй период – это время вавилонского пленения иудеев и вхождение Вавилона в Ахеменидскую империю (VI-V вв. до н.э.). Завоевание Ирана Александром Македонским положило начало третьему этапу взаимовлияния иранских и семитских религий, который продолжался до конца селевкидского и греко-бактрийского правления. Приход династии Сасанидов положил начало четвертому этапу.

С одной стороны, Иран на западе соприкасался с ассирийско-семитской культурой, естественно, здесь имел место процесс взаимовлияния культур. С другой стороны, Ахемениды, в течение многих веков противостоявшие греческой и римско-византийской империи и включавшие в свои подвластные территории всё пространство Малой Азии, тоже оказывали непосредственное влияние на политическую и культурно-религиозную жизнь народов этого региона, включая иудеев, ассирийцев, арабов и др. Более того, еще раньше переселенческая волна ираноязычных племен Центральной Азии и Ирана достигла территории Ближнего Востока, Средиземного моря и Египта. Отчасти это подтверждается тем, что в конце первой половины II тыс. до н.э. на территории Малой и Передней Азии встречаются языковые следы пребывания арийцев, т.е. ираноязычных народов, получившие условное название «митанийские арии» и ставшие правителями государств на территории современных Сирии и Палестины. Они появились здесь еще до 1500 г. до н.э. и исчезли через несколько веков.¹

Другое доказательство – это то, что рядом с иудеями жили куфейцы, которых, по словам Иосифа Флавия, царь ассирийский Салманасар вывел из Персии и Мидии и поселил в Самарии² (позже их назвали «самаритяне»).

С точки зрения временного измерения, сегодня, без сомнения, можно утверждать, что зороастризм – это самая древняя монотеистическая религия в истории человечества вообще и в истории древнего Востока, в частности. О времени происхождения зороастризма существуют различные теории и мнения. Оно колеблется в пределах от 3-х тысяч лет до 700 лет до н.э. Еще в трудах древнегреческих ученых, историков и философов, таких, как Пифагор, Хантус, Диоген Лаэртиец и др. упоминаются различные даты зарожде-

---

¹ См. Елизаренко Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры //Ригведии: Мандалы 1-1У. – М.: Наука, 1986. – С. 429-431.

² Бойс Мэри. Зороастрийцы. – С. 92-96; Лелеков Л.А. Сошаянт. В мифологическом словаре. Гл. Ред. Мелетинский – М: СЭ. 1991. – С. 482.

ния зороастризма. В древнегреческих источниках указываются самые отдаленные даты – это 6 тыс. лет до смерти Платона и 500 лет до Троянской (Троюе) войны. Согласно первому источнику, получается, что Зороастр родился 6347 лет до н.э.¹ Конечно, эта дата ошибочна. Однако немало ученых, которые дату рождения Зороастра определяют в пределах 1500-1200 гг. до н.э.² И эта дата соответствует времени написания Авесты.

Доводом этому отчасти может быть то, что Т.Я. Елизаренкова в послесловии «Ригведы» пишет: «Ригведа и Авеста чрезвычайно близки друг другу по языку, прежде всего в своих наиболее древних частях ... язык Ригведы ближе по своим особенностям к языку Авесты, чем к языку более поздних памятников индийской литературной традиции...»³. Если эти положения верны, то Авеста не могла появиться в более поздний период (как ныне считают в VII-VI вв. до н.э.), чем Ригведа. Время создания Ригведы определяется со второй половины до конца 2 тыс. до н.э., хотя наиболее поздние части ее могли быть созданы на рубеже 2-1 тыс. до н.э.⁴ Эта датировка вполне применима и к древним частям Авесты. Близость языка Ригведы и Авесты свидетельствует о близости времени создания двух шедевров индоарийской культуры.

Т.Я. Елизаренкова не была единственным учёным, высказавшим эту точку зрения. Она сама ссылается на оригинальную гипотезу Т. Барроу, согласно которой «история религии Ирана обнаруживает предшествующий протоарийский слой. Именем asura («владыка») Зартуштра назвал высшее божество своей новой религии, о чем говорит и этимология этого слова. Ряд протоарийских богов, осужденных Зороастрой ввиду их популярности среди населения, впоследствии были переосмыслены как демоны. Изменение же значения слова asura произошло только в Индии». Основываясь на лингвистических исследованиях, Т. Барроу, по словам Т.Я. Елизаренковой,

---

¹ О древнегреческих источниках, сообщающих об иранских религиях и дате рождения Зороастра см.: تاریخ مطالعات دینهای ایرانی/پژوهش و نویسنده. هاشم رضی/چاپ دوم-1371: Один из крупных знатоков истории религии и философии иранский ученый Мухандис Джалолиддин Оштиёни в своей книге «Зартушт, маздаясно ва хукумат» пишет, что в XIX в. на основе ошибочного представления о месте и времени появления Зороастра было выдвинуто необоснованное мнение о более древнем происхождении «Торь» и, соответственно, влияния вавилонских, иудейских верований на формирование зороастризма. Далее он обоснованно отрицает эти теории. См.: Мухандис Джалолиддин Оштиёни. Зартушт, маздаясно ва хукумат. – Техрон, 1369. – С. 285.

² Бойс Мэри. Зороастрийцы: верования и обычаи. – МЭ, 1988. – С.8.

³ Ригведии: Мандалы 1-1У. – М.: Наука, 1986. – С.437-440.

⁴ Там же.

заключает, что время жизни Зороастра, определяемой как 600 г. до н.э., не соответствует дате написания Авесты. «Поэтому автор, опираясь на перечень географических названий в Яштах, предлагает отодвинуть вглубь датировку Авесты, считая, что 1100 г., до н.э. является самой ранней из возможных дат основания зороастрийской религии, а завоевание иранцами Восточного Ирана должно было произойти не позднее XIV в. до н.э., что совпадает по времени с миграцией индоариев в Индии»¹.

Сравнительный религиоведческий анализ иудаизма, зороастризма, христианства и ислама, показывает наличие теологического, эсхатологического, ангелологического влияния иранских верований на семитские религии, и это влияние носит концептуальный характер. Исследование процесса формирования теологических концепций монотеизма, загробной жизни, мессианизма и других в иудаизме и доисламских верованиях арабов показывает, что эти представления первоначально, по своей природе, были совершенно чуждыми семитскому менталитету и являются поздним заимствованием из иранских религий. В этом можно убедиться на основе текстологического сравнительного анализа Пятикнижия Моисеева и книг поздних пророков после вавилонского плена, а также христианских и мусульманских источников.

В науке имело место такая точка зрения, согласно которой на формирование зороастризма существенное влияние оказали вавилонские и иудейские верования. Это ошибочное мнение было выдвинуто на основе предположения о более раннем происхождении «Торы» по сравнению с ранней частью Авесты. Сегодня на основе сравнительного исследования древней части Торы и Авесты можно уверенно констатировать, что в Авесте (особенно в ее ранней части – Гатах) нет ничего, что можно считать заимствованием из Ветхого Завета. Не могло быть заимствования хотя бы в силу того, что Авеста появилась не на юго-западе Ирана, а в восточной его части. Учеными высказывается мнение о том, что даже на ранних порах существования Ахеменидского государства зороастризм не был еще распространен в юго-западной части Ирана и не стал здесь господствующей религией.² Влияние иудаизма на Авесту на рубеже 2-1 тыс. было невозможным, и потому, что самая древняя часть Ветхого Завета – Тора – датируется X в. до н.э. и в ней отсутствуют какие-либо общие положения, сближающие с зороастризмом.

---

¹ Ригведии: Мандалы 1-1У. – М.: Наука, 1986. – С.437-440.

² Там же.

Сравнительный анализ Пятикнижия Моисея и Авесты показывает, что в генезисе иудаизма и зороастризма, а также в решении ими основных вопросов теологии нет ничего общего. Генетически это совершенно разные религии, представляющие две различные формы цивилизации. Общность же между ними появляется позднее, и она имеет вторичный характер. Иначе обстоит дело с христианством и исламом. Общность между зороастризмом, христианством и исламом, в отличие от иудаизма, является генетической, т.е. изначальной. Это общее положение, существующее между тремя упомянутыми религиями, первоначально появившееся в зороастризме, позднее в исламе как бы находит своё кульминационное логическое завершение и чистейшее проявление без примесей и пережитков политеистических религий. Примером тому могут быть учения о таухиде (единобожии), ангелологии и т.д., которые в исламе нашли дальнейшее свое развитие. Теперь более конкретно: с позиции историко-сравнительного религиоведения, независимо от различных выводов о времени возникновения зороастризма и его распространении, вполне очевидно, что религия Заратуштры и близкие ему иранские учения занимали важное место в истории религиозно-философских систем древнего мира. В тот период не было больше такой религии, сфера влияния которой была бы столь обширной. Зороастрийские идеи о монотеизме, о происхождении зла и его месте в мире, о назначении человека в мировых и вселенских процессах, посмертном воздаянии и т.д. оказали огромное влияние на историю культуры других народов и их верования, в том числе и на иудаизм, и на его секты, на христианство и гностицизм, буддизм (и его секты – Махаяна), на ряд воззрений античных философов, и уж тем более на религиозные течения, возникшие на общей идейной почве самого зороастризма – на манихейство и маздакизм. «Вообще древнеиранские верования сыграли большую роль в процессе развития религий древнего мира от племенных и местных культов к «национальным» религиям, общегосударственным культам и религиозно-философским учениям больших древневосточных и западных государств и империй, а затем к возникшим и распространившимся в поздней древности – раннем средневековье (мировым) религиям».¹

Прежде всего, иранская культура вообще, и религия Ирана в частности, распространились в ряде областей Ближнего и Среднего Востока – Египте, Сирии

---

¹ Грантовский Э.А. Послесловие в книге Мэри Бойс «Зороастрийцы: верования и обычаи». – Москва, 1988. – С. 286.

и др., особенно в Малой Азии. Зороастрийское воздействие на эволюцию иудаизма в период после вавилонского плена, со времени присоединения Вавилонского царства к империи Ахменидов при царе Кире, и позже, когда в результате этих событий произошло восстановление Иерусалимского храма, бесспорно.

Влияние зороастризма на монотеистические религии в первую очередь прослеживается в учениях о единобожии (монотеизме). О том, как решалась проблема отношения к Богу в зороастризме существует несколько мнений. Так, согласно одному из них, теологические представления зороастрийцев имеют дуалистическую основу. Другие исследователи пишут о многобожии (политеизме) зороастрийцев. Но в последнее время всё чаще европейские и центральноазиатские учёные говорят о единобожии (монотеистичности) зороастризма. Например, известный американский религиовед Джон Б. Нос пишет: «Религия, которой учит этот иранский пророк (Зороастр) основана на нравственности и единобожии ... Как явствует из последних стихов в гатах, Ахурамазда является творцом и света и тьмы»¹. Мэри Бойс также отмечает, что «Зороастр поклоняется Ахурамазде, как владыка аша (порядка, праведности и справедливости), это было в соответствии с традицией, поскольку Мазда с древности почитался как величайший из трех ахур, хранителей аша. Однако Зороастр пошел дальше и, резко порывая с принятыми верованиями, провозгласил Ахура-Мазду единственным несотворенным богом, существующим вечно, творцом всего благого, включая и всех других добрых и благих божеств».² Учение самого Зороастра изложено в Гатах, которые составлены как ответы Ахура-Мазды на вопросы Зороастра. Зороастр наделяется Ахура-Маздой следующей миссией – он должен был обновить религию и после этого порвать с древними верованиями. Зороастр проводит религиозную реформу, возвещает веру только в одного Ахура-Мазду, отвергая часть племенных божеств (духов), других же ставит ниже Ахура-Мазды, превратив их в атрибуты верховного бога.

Средневековый мусульманский религиовед Абдукарим Шахристани, приводит такие слова Зороастра: «Всевышний (Бог), творец света и тьмы, их создатель, он един, нет соучастника ему и нет противника и нет ему равного».³

---

¹ Mans Religins by Jonn B.Noss. New York, 1956. Персидский перевод: Таърихи джомеъи адён: аз оғоз то имрӯз. Пер. Алиагар Хикмат. Интишороти исломи –1354. – С. 305.

² Бойс Мэри. Зороастрийцы: верования и обычаи. – МЭ, 1988. – С.8.

³ Ал-милал ван-ниҳал, таълиф Абй-л-Фатҳ Мухаммад ибн Абдулкарим ибн Абй Бакр Аҳмад Аш-шахристонй. Ал-чузъ-ал-аввал. - Ал-Қаҳира, 1961. – С.237.

Таким образом, Ахура-Мазда, по учению Зороастра, является единственным, всемогущим и вездесущим богом, богом добра, который олицетворяет свет, жизнь и правду. Он существовал еще до сотворения мира, и именно он является его творцом. Доказательством монотеизма Зороастра может служить и то, что все гимны Авесты обращены только к Ахура-Мазде, среди них нет ни одного гимна, посвящённого Ахриману, или стихи, которые бы восхваляли его.

Во времена правления Сасанидов зороастризм претерпел значительные изменения. В него не только проникли дозороастрийские представления, более того, зороастризм стал синкретической религией, где широко было развито почитание дозороастрийских богов, идолов и различных зороастрийских божеств (эзадов и дидов). В этот период, помимо Ахурамазды, в зороастризме большое значение начинает придаваться духу зла – Ангхро-Манью (олицетворяет – мрак, смерть), который имеет своих помощников – дэвов, творящих зло. Ахурамазда пребывает в непрерывной борьбе с Ангхро-Манью. Что касается человека, то он хотя и создан Ахурамаздой, но свободен в своих поступках и мыслях, и поэтому доступен воздействию зла. Из этого следует, что всеми своими мыслями, делами и словами человек должен противостоять Ангхро-Манью и его помощникам – духам зла.

Влияние зороастризма на самую древнюю религию семитов – иудаизм – особенно явно прослеживается после вавилонского плена иудеев. Как известно из источников, персидский царь Кир II, завоевав в 538 году до н.э. Вавилон, освободил израильтян от вавилонского плена и разрешил им восстановить Иерусалим, разрушенный до пленения их Навуходоносором III. Ахемениды придерживались принципа терпимости к чужим религиям. Так, иерусалимская храмовая община освобождалась от царских налогов и повинностей. На строительство города и храма даже отводились средства из доходов сирийско-палестинской сатрапии. Кир II издал эдикт о восстановлении Иерусалимского храма, который сохранился в Библейской книге Ездры в двух версиях: на древнееврейском и арамейском языках (см.1 Езд. 1:2 и 6:3-5).

Для нас большой интерес представляет второй вариант, где говорится: «В первый год царь Кир дал повеление о доме Божиим в Иерусалиме: пусть строится дом на том месте, где приносят жертвы, и пусть будут положены прочные основания для него; высота его в шестьдесят локтей, ширина его в шестьдесят локтей... Да и сосуды дома божия золотые и се-

ребряные, которые Навуходоносор вынес из храма Иерусалимского и отнес в Вавилон, пусть возвратятся и пойдут в храм Иерусалимский, каждый на место свое, и помещены будут в доме Божиим» (Ездра 5:3-5).

В этом контексте отмечен только исторический факт, но в Ветхом Завете о Кире говорится и как о помазаннике бога: ... пастырь Мой, и он исполнит всю волю мою и скажет Иерусалиму: «ты будешь построен!» и храму: «ты будешь основан!» (Исаия, 44, 28). Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтобы отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись» (Исаия, 45, 1).

В восьми книгах Ветхого Завета упоминается или подробно рассказывается о событиях, так или иначе связанных с иранскими царями.

Более того, по словам Иосифа Флавия, все это было предсказано ещё за 210 лет до правления Кира. По поводу этого предсказания Исаии историк пишет: «Это Кир узнал при чтении книги, в которой за 210 лет до этого пророк Исаия оставил Свои предвещения. Последний тайно сообщает, что Предвечный сказал: «Сделав Кира царем над многими великими народами, Я желаю, чтобы он вернул народ Мой на его родину и построил Мой храм»¹. Но этот второй неизвестный пророк Исаия, жил во времена и после вавилонского пленения. Именно из книг этих пророков мы узнаем о заимствованиях иудеев из зороастризма.

Первое, что привлекает внимание при сравнении Пятикнижия Моисея, – это отсутствие четко выраженного монотеизма. В Пятикнижии Моисея нет последовательного монотеизма, здесь еще прослеживаются следы политеизма. А вообще ветхозаветное представление о боге – генотеистическое, или энотеистическое (от генотеизм или энотеизм), т.е. в нем признаётся реальное существование многих богов, но данная этническая группа, объединение племен, или государств, из всех этих богов выделяет одного и поклоняется одному из них. Вот, к примеру, несколько стихов: «Кто, как Ты, Господи, между богами?» (Исх. 15:11)

«Не заключай союза ни с ними, ни с богами их» (Исх.23:32).

«Ибо Господь, Бог ваш, есть «Бог богов и Владыка владык, Бог великий, сильный и страшный...» (Втор. 10:17).

А после грехопадения Адама и Евы Бог в Ветхом Завете говорит: «Адам стал как один из Нас, зная добро и зло» (Бытие 3:22).

---

¹ Флавий Иосиф. Иудейские древности. – Минск: «Беларусь», 1994. – С. 44.

Таким образом, из стихов Библии становится ясно, что существование других богов в Ветхом Завете не отрицается. Бог сам признаёт, что, кроме Него, существуют еще и другие божества, но он в этом пантеоне богов считается «Богом Богов» (Втор. 10:17).

В Ветхом Завете есть даже языческое антропоморфное и мифологическое представление о Боге. Например: «Тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал» (Бытие. 6:2).

Конечно, хорошо осознавая эти противоречия, комментаторы Библии в «Сынах Божиих» видели ангелов Божиих. Правда, в последней (пятой) книге Моисея – «Второзаконие» – имеются стихи, где достаточно четко отрицается существование других богов и говорится о единстве Бога: «Итак знай ныне и положи на сердце твое, что Господь есть Бог на небе вверху и на земле внизу, и нет еще *кроме Его*» (Втор. 4:39). «Тебе дано видеть *это*, чтобы ты знал, что *только* Господь есть бог, и нет еще кроме Его» (Втор. 4:35).

«Видите ныне, что это Я, Я – и нет Бога, кроме Меня: Я умерщвляю и оживляю. Я поражаю и Я исцеляю; и никто не избавит от руки Моей» (Втор.32:39).

Эта последняя книга Моисея в некоторых главах очень противоречива: в ней имеются стихи, которые не отвергают существование других богов (Втор.10:17; 7:16; 11:16; 28:30), и в то же время утверждается, что Бог един. Согласно современным исследованиям по библеистике «Второзаконие» является, судя по названию, более поздним повтором законов Моисея. Из этого можно заключить, что стихи, которые не соответствуют логике и стилю предыдущих четырех книг Моисея, «выпадают» из основного содержания относительно представления Бога, – это более позднее дополнение. В Пятикнижии и в самом «Второзаконии» в основном о Боге говорится так: «Господа Бога твоего», «Господа Бога нашего» (т.е. израильтян), «Я Господь Бог ваш».

Таким образом, можно утверждать, что в целом в Пятикнижии не отрицается существование других богов, по существу, представление древних иудеев было энотеистическим.

Известно, что даже с возникновением религии иудаизма языческое многобожие (политеизм) у евреев просуществовало еще несколько столетий, о чём свидетельствует указ царя Иосия (ок. 639-608 г. до н.э.) от 622 г. до н.э.

об отмене культа всех других богов, кроме культа Яхве. Но, по всей вероятности, политеизм еще долго сохранял свое влияние и после этого указа. Только в книгах пророков после вавилонского пленения, особенно в книге пророка Исаии Второго, наблюдается кардинальная эволюция воззрений иудеев от генотеизма к монотеизму. В книге этого неизвестного пророка, включенной в состав книги пророка Исаия примерно с 40-й главы уже четко произносится формула единобожия. «Я – Господь, и нет иного» (Ис.45:18); «Не Я ли Господь? и нет иного Бога кроме Меня» (Ис.45:21); «... ибо Я Бог, и нет иного Бога, и нет подобного Мне» (Ис.46:9).

До Исаии Второго звучали такие формулы: «Я Бог отца твоего, Бог Авраама, Бог Исаака и Бог Иакова» (Исход, 3:6). «Господу Богу твоему», «Я – Господь Бог твой», «Господь Бог твой», выражающие как бы личного Бога израильтян.

По словам Джона Носа, согласно очень глубокой философии Исаии, Яхве не был только особым Богом евреев, он считал Его абсолютным Богом всего мира, Господом всего сущего, где кроме него нет иного Бога. «Его место действия – весь существующий мир, и что бы Он не делал, делает на основе возвышенной мудрости и в интересах всего человечества»¹. Для подтверждения этих слов он ссылается на стихи из книги пророка Исаия (40:26-28).

В отличие от Торы, в Авесте Ахурамазда нигде и никогда не называется Богом собственно иранского или даже арийского народа. В ней нет стихов и словесных формул, соответствующих библейским «Я – Господь Бог, и нет иного Бога, кроме Меня». Несмотря на это, по теологическому содержанию Авесты, зороастризм можно определять как мировую религию, потому что призывы зороастризма обращены ко всему человечеству, а не к какому-нибудь этносу, или народу, или расе. Люди в зороастризме разделяются не по расе и народности, а по вере, т.е. на последователей «правдивой религии» («дини ростин») и лжепоклонников (дурӯгпарастон). Зороастр, как божий пророк, был послан для наставления всех людей, независимо от этноса и нации, на путь истинной веры. Зороастр призывает: «Эй вы, люди! Так как вы сами не способны отличить и выбрать путь истины, Маздаахура воодушевил и послал меня судьей для обеих групп (маздопоклонников и дьяволопоклонников), чтобы направ-

---

¹ Mans Religins by Jonn B.Noss. New York, 1956. Персидский перевод: Таърихи джомеъи адён: аз оғоз то имрӯз. Алиа-егар Хикмат. - Интишороти исломи, 1354. –С. 351-352.

вить вас на путь истины (букв. прямой путь) и чтобы все вместе жили на основе истинной религии» (Яс. Гат.31:2).

Это положение зороастризма своё дальнейшее развитие получило в христианстве и исламе. Исламская теология особенно много внимания уделила проблеме единого общечеловеческого Бога, который является Господом Богом всех людей без исключения. Космополитический, надэтнонациональный Бог ислама и Его пророк, посланный для наставления всех людей, – это дальнейшее развитие зороастрийской идеи Бога.

Еще один очень важный, с точки зрения религиоведения, момент, это то, что в зороастризме идея Бога пронизана абстракциями, в нем, можно сказать, впервые Бог очищен от антропоморфных представлений, это полная абстракция, как в исламе.

Скорее всего ,первоначальный зороастризм, как монотеистическая религия, просуществовал до VI-IV вв. до н.э. Его деформация начинается после столкновения с греко-римской культурой после нашествия Александра Македонского и особенно в период правления Сасанидской династии в Иране. Таким образом, с одной стороны, влияние языческих греко-римских верований, а с другой, возрождение старых дозороастрийских пережитков и обусловили деформацию зороастризма. Возвращаясь к иудаизму, отметим, что он претерпел влияние зороастрийского монотеизма еще до деформации последнего. Возможно, формула единобожия Зороастра не сохранилась в чистом виде, но одно безусловно и несомненно известно: в раннем зороастризме имеются все четыре основы таухида: единство по сущности (тавхиди зотй), единство в атрибутах(тавхиди сифотй), единство в действии (тавхид дар афьол) и единство в почитании (тавхид дар ибодат). Монотеизм раннего зороастризма требовал неуклонного соблюдения всех культовых обрядов почитания и поклонения и предназначались они единому богу – Ахурамазде. Все гимны Авесты в Гатах Зороастра он посвятил этому богу. Зороастр, как реформатор древнеиранской религии, отменил все поклонения и жертвоприношения злым духам и богам (дивам).

Что касается иудаизма и возможности влияния зороастризма на его теологию, то сам факт четкого формирования окончательного единобожия в последней после вавилонского плена свидетельствует об эволюции теологического представления иудеев за этот период.

О влиянии зороастризма на семитские религии говорят многие истори-

ки религии. Например, Роберт А. Юм пишет следующее: «Зороастризм является единственной среди других религий, который в священных книгах Торы и Евангелий не только не был предметами порицания и упреков, а, наоборот, в значительной мере был объектом признания, восхваления и одобрения. Яхве (Иогова) зороастрийского царя Кира вспоминает как «своего мессию» (Ис.45:1). Таким образом, ивритское слово «мессия» («масихо») до того, как в Новом Завете было использовано по отношению к Иисусу (Иоан Н,1:41), в книге Ветхого Завета использовалось для описания зороастрийского шаханшаха... Действительно, к Киру II зороастрийскому царю, Бог в Ветхом Завете обратился со словами «пастырь мой» (Ис.44:28)»¹.

Роберт Юм относительно зороастрийского влияния на «священные книги» иудеев и христиан пишет следующее: «С первых страниц Ветхого Завета до книги пророка Исаии источником происхождения всего сущего, в том числе и зла, представлялся Господь – Бог Яхве, но после вавилонского пленения Яхве претерпел конкретные изменения, появилось слово «сатана», и в сотворении зла он занял место Яхве. Отсутствие этого понятия в ранних текстах Ветхого Завета говорит о том, что оно вошло в иудаизм тоже через зороастризм»².

Один из крупнейших историков XX в. Арнольд Тойнби также пишет, что «у христианства были иудейские и зороастрийские корни». По его словам, «живительные воды зороастризма влились в поток иудаизма, чтобы оттуда уже впасть в реку христианства»³.

Зороастризм повлиял и на иудейскую ангелологию. Следует сказать, что в ранних книгах Ветхого Завета встречается понятие «ангел» (см. Бытие, 19:1, 12:13; 28:12-13; Исх.23:23), но классификация ангелов (серафимы, херувимы, архангелы и др.) в этом источнике отсутствует. Только после вавилонского пленения в книге пророка Даниила⁴ (8:16-26;9:21-27) мы встречаем архангела Гавриила – вестника Бога, еще позже в апокрифической книге Еноха (40:9) и в неканонической книге Левита появляются имена семи святых ангелов: Гавриила, Михаила, Рафаила, Уриила, Самоэла, Салафиила, Азаила. Представление о сатане, семи архангелах и

---

¹ Юм Роберт. Адёни зиндаи джахон. тарч. Дуктур Абдурахим Гувохи. - Дафтари нашри фарханги исломи, 1329. – С.268.

² Там же.

³ Тойнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1941. – С.233.

⁴ Ригведии: Мандалы 1-1У. – М.: Наука, 1986.

серафимах не могли появиться в иудаизме, христианстве и исламе без влияния или, скорее, наличия нечто общего между древнеиранской, до-зороастрийской религией и иудаизмом. Представления о семи архангелах во многом близки зороастрийским амши-спента, которые во главе с самим Ахур-Маздой образуют «семёрку единосущных». Сравнительные исследования показывают, что учения об ангелах в христианстве, исламе и в самом зороастризме занимают гораздо большее место в первоисточниках и неканонической литературе, чем в иудаизме. Можно предположить, что многие представления об ангелах вошли в христианство и ислам непосредственно из самого зороастризма, так как в иудейских первоисточниках им уделено незначительное внимание.

То же самое можно сказать о вере в загробную жизнь. Так, ранние библейские тексты говорят не о загробной, потусторонней жизни (жизнь человека в раннем иудаизме со смертью кончается), а о месте обитания, покоя всех умерших. Царство мертвых на языке ранних библейских текстов называется «шеол» – «нижний», или низший мир, противоположный небу. В самой Торе, если не считать три-четыре стиха (Бытие, 37:35), где упоминаются слова «шеол» – «преисподняя», почти ничего не говорится о загробном мире. Не встречаются в Пятикнижии и такие понятия, как «вознаграждение» и «наказание» в потусторонней жизни. В связи с этим интересно сравнить Авесту и третью книгу Моисея – Левит, где в главе 26 говорится об обещании, о вознаграждении и наказании человека за его деяния. Здесь нет ни слова о потусторонней жизни, воскресении, нет обещания рая или устрашения адом, все, что обещается о награждении или наказании связано с настоящей земной жизнью. Например, вот как наказывает Бог за непослушание ему: «21. Если же *после сего* пойдете против Меня и не захотите слушать Меня... 22. Пошлю на вас зверей полевых, которые лишат вас детей, истребят скот ваш, и вас уменьшат, так что опустеют дороги ваши» (Лев. 26:21-222). Таким образом, люди устрашаются многими реальными земными угрозами, но нет ни одного слова о наказании после смерти в аду и т.д. Эти понятия, как отмечают многие исследователи иудаизма, тоже были привнесены под влиянием зороастризма. В отличие от Библии, в самых ранних главах Авесты можно встретить достаточно стихов, содержащих очень ясные и конкретные представления о воскресении (растохез) и вечной потусторонней, загробной жизни (см.: Ясно. 32:1; 34:8, 11; 43:6, 9, 13, 44:3; 46:3, 10-13; 16, 19).

«Зороастр стал первым, кто учил о суде над каждым человеком (в загробном мире.) о рае и аде, о грядущем воскресении тел, о всеобщем последнем суде и о вечной жизни воссоединившихся души и тела»./2:40/ Под влиянием зороастризма в иудаизме развиваются и обогащаются воззрения о «шеоле», как месте заключения и наказания грешных душ, которые при жизни совершили тяжкие грехи (Пс.48,45). Заключенные в шеоле души нечестивых испытывают мучения: они «закованы скорбью и железом», пребывают в непроницаемой тьме, в хаотическом «неустройстве» (Пс. 17:6; 106:10; 10:21-22). Согласно пророческим книгам, преступных царей-тиранов в шеоле заживо поедают черви (Ис. 14:5-20; Иезек. 32:21-27).

В отличие от раннего иудаизма в зороастризме весь мир рассматривается как раздвоенный, разделенный на две сферы: на земной, реальный, телесный – «мир вещей», и на потусторонний, воображаемый, духовный – «мир души». Представление о таком раздвоенном мире содержится во многих гатах: «О помощи прошу и поддержке в обоих мирах - телесном и духовном», - часто повторяет Заратуштра.

Влияние эсхатологических (от др. – греч. ἔσχατον – «конечный», «последний» + λόγος – «слово», «знание» – система религиозных взглядов и представлений о конце света, искуплении и загробной жизни, о судьбе Вселенной и её переходе в качественно новое состояние) учений зороастризма особенно чётко прослеживается в христианстве и исламе. Проблемы эсхатологии в христианстве в основном рассматриваются в самой последней книге Нового Завета – в «Откровении святого Иоанна Богослова» («Апокалипсисе»).

Кроме эсхатологических учений зороастризма на семитские религии существенное влияние имело и его учение о добре и зле (свете и тьме), его дуализм в области духовно-нравственной жизни.

Майкл Фишбейн отмечал, что «дуалистическая теология зороастризма, включающая два высших начала – добро и зло, естественно, была отвергнута иудеями, однако в модифицированном виде эти и другие идеи были восприняты иудаизмом в ходе своего развития. Многие исследователи рассматривают эсхатологические и ангелологические теории, получившие тогда распространение в иудаизме, как результат персидского влияния»./16:177/ Далее он пишет даже о более позднем влиянии зороастризма. По его словам, «литература монашеских общин, живших вблизи Курана (II в. до н.э. – I в. н.э.), ясно демонстрирует это восточное влияние.

В кумранских текстах даётся детальное описание космических принципов добра и зла (света и тьмы), хотя и под главенством Всевышнего Бога, рисуется картина конечной космическо-исторической битвы, где добро (свет) должно оказаться победителем; получают развитие ангелология, понятие личной судьбы и рока»./16:177/

По нашему мнению, утверждение Майкла Фишбеина о дуалистической теологии зороастризма верно только по отношению к позднему зороастризму эпохи Сасанидов и дозороастрийскому периоду религии персов, в классическом же зороастризме дуализм сохраняется только в области нравственности, где добро и зло являются её категориями.

Зороастрийское учение о Боге Ахурамазде, как Свете истины, вошло в христианство. В Евангелии от Иоанна говорится: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его. Был человек, посланный от Бога; имя ему Иоанн. Он пришёл для свидетельства, чтобы свидетельствовать о Свете... Был Свет истинный. Который просвещает всякого человека, приходящего в мир» (Иоанн.1:5-9). В этих стихах Иисус Христос представляется как «Свет истинный». В этой же книге Бог говорит «Я свет миру; кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни» (Иоанн, 8,12).

Зороастрийское учение о свете и тьме, как символах добра и зла, знания и невежества, нашло свое дальнейшее развитие и в исламе. В Коране имеется специальная сура под названием «ан-Нур» – «Свет», где в известном 35 аяте говорится: «Аллах – Свет небес и земли. Его свет – точно ниша: в ней светильник; светильник в стекле; стекло – точно жемчужная звезда, зажигается она на дереве благословенном – маслине, ни восточной, ни западной. Масло его готово воспламениться, хотя бы его не коснулся огонь. Свет на свет! Ведет Аллах к Своему Свету, кого пожелает...» (24:35). О свете Божьем говорится и в других сурах (см.: 9:29; 2:257;4:174; 39:69).

В исламе свет Божий передается человечеству через пророков и божественные книги. «Писание ниспослали Мы тебе, чтобы ты вывел людей из мрака к свету с соизволения их Господа ,на путь великого, достохвального» (Коран, 14:1). Учение о свете было особенно разработано в исламской философии и суфизме. Влияние иранских религий и зороастризма, наличие в них и в семитских религиях общих моментов указанными проблемами не ограничивается. Ещё более интересны вопросы о мессии – спасителе, о непорочном зачатии и рождении пророка Зороастра от света Божьего и Иисуса Христа от Святого Духа и о ряде других культовых заимствований.

Зороастризм – одна из первых религий, где ясно сформулировано положение веры о спасителе мира – Саошйанта (Гот. Ясн. 26:9; 45:11; 48:9; 59: 28). Авестийский «Фарвардин-яшт» (129) разъясняет: «(Он называется) Саошйант потому, что ему предстоит воскресить весь телесный мир». Эта вера развивалась в ожидании трех спасителей, каждый из которых будет рожден девственницей от семени пророка. Согласно пехлевийскому сочинению «Датестан-и Диниг», «трое суть наилучших тех. Пребывает в начале, середине и конце творения» (2.9-12).

Еще мыслители древней Греции заинтересовались зороастрийской схемой мировой истории, в которой говорилось о трёх периодах (творении, смешении и разделении), как огромном «мировом» или «космическом годе», разделенном на отрезки в три тысячи лет каждый. Относительно того, сколько тысячелетий составляет зороастрийский мировой год, тексты расходятся. Одни указывают общее число в девять тысячелетий (т.е. три раза по три), другие – в двенадцать (разделенные на четыре периода; в первые три тысячелетия Ахурамазда и сотворил прообраз мира)./2:482/

В Библии первым мессией Бога назван персидский царь Кир. «Я воздвиг его от севера, и он придет; от восхода солнца будет призывать имя Моё и попирает владык, как грязь, и топтать как горшечник глину» (Ис. 41:25).

Интересно и то, что более подробное пророчество о рождении Иисуса Христа относится в поствавилонскому периоду (см.: Ис.53:5-7). Как бы то ни было, более полутора столетий непосредственного общения семитов с иранской культурой в составе Ахеменидской империи не прошло для израильтян без следа не только в социально-политической сфере, но и в религиозной. Не случайно отец Александр Мень, говоря о книгах пророков времени вавилонского плена (Иезекииля, Исаи Вавилонского, Иеремии и др.), подчеркивает, что « в этих книгах – высочайшая точка религии Ветхого Завета, горная вершина, над которой вздымается лишь белоснежный пик новозаветного откровения». /18:216/

Иранский исследователь Джамалуддин Аштиёни в своем солидном исследовании под названием «Заратушт, маздаясна и правительства», ссылаясь на множество высказываний западных ученых о влиянии зороастризма на иудаизм и христианство, высказал предположение о том, что иудейская религиозная секта фарисеев была названа этим именем потому, что их идеи были близки и заимствованы от иранских религий.¹

---

¹ Джамалуддин Оштиёни. Заратушт, маздаясна и правительства.

Действительно, как выяснилось, иудаизм существенно обогатился в результате общения и столкновения с зороастризмом и другими культурами и религиями, но более всего он подвергся влиянию иранской культуры и религии. В связи с этим, американский историк религии Джон Нос, сравнивая влияние эллинизма и зороастризма на иудаизм, приходит к выводу, что «по своему сохранению и продолжительности влияние эллинизма на иудаизм было меньше зороастрийской веры, это, возможно, потому, что первый появился в сфере чистых философских доказательств за пределами религиозных представлений, в то время как последний сам был религиозной школой».¹ Далее этот учёный перечисляет следующие принципы, проникшие в иудаизм, через зороастризм:

Во-первых, у древних иудеев вера в злую силу (сатану) находилась на уровне простой анимистической веры и не более того, они не придавали сатане (шайтану) силы и мощи, способных противостоять Яхве, но после вавилонского плена эта их простая вера претерпела существенную эволюцию. Была разработана даже определенная иерархия злой силы. Особенно подробно о сатане, как оппоненте ангелов, обманывающем и подталкивающем людей на путь греха, упоминается в Книге Пророка Захарии². Позднее составители Ветхого Завета внесли имена сатаны и в более древние книги и тексты, редакторы Пятикнижия заговорили о его присутствии в Рае Эдемском;

Во-вторых, ангелы в поверьях древних евреев были не более чем посланниками, приближенными Бога, но под влиянием зороастризма они приобрели иерархию и каждый из них приобрел определенный статус. Появились архангелы: Рафаил, Михаил (Микоил), Уриил, Рогил, Салафиил, Гавриил, Ярмаил, среди которых Михаил и Гавриил занимали более высокое иерархическое положение;

В-третьих, иудеи в период античности имели простую, незамысловатую веру в то, что мертвые после смерти попадают в подземную яму или пространство, окруженное мраком и с непонятной жизнью. Эту яму они называли шеол. Постепенно эти представления исчезли, их место заняли новые воззрения, заимствованные из зороастризма с его идеей о воскресении и т.п. Джон Нос пишет также об эволюции взглядов древних иудеев о мессии – спасителе, и формировании у них веры в его появление в

---

¹ Джон Нос. Таърихи чоми адён.

² Там же.

последний день и др. Все эти идеи были заимствованы у зороастрийцев. При этом следует отметить, что:

упомянутые идеи и учения не носят для семитских религий генетического характера;

влияние зороастризма на семитские религии касалось самых основных их доктрин (конца света, воскресения, судного дня и загробной жизни);

если в иудаизме и христианстве зороастрийское влияние наблюдается в основном не в ранних, а в поздних книгах пророков и апостолов, то в исламе общность идей с зороастризмом является изначальной, относящейся к генезису его формирования;

в священной книге христианства – Библии – зороастрийские элементы встречаются фрагментарно, а в Коране на них базируются основные идеи;

сравнительный текстологический анализ показывает, что изначально семитским народам и их изначальному религиозному сознанию были чужды представления о загробной жизни, судном дне, наказании. Это видно из Пятикнижия Моисея и других книг до вавилонского пленения. В Коране тоже есть такой пример – когда арабы, возражая Мухаммаду, отрицают существование иного мира и загробной жизни.

Наконец, одна из основных причин принятия ислама и активного участия иранских народов в его развитии заключалась в том, что основные положения теологических учений ислама не были чужды этим народам, они нашли в исламе возвышенные идеи и идеалы раннего зороастризма, но в более развитом и очищенном виде. То, что принес Мухаммад, было более знакомо иранским народам, чем арабам.

3. Ислам в контексте духовной культуры таджиков

Таджикский народ и их этнические предки, такие как согдийцы, бактрийцы, хорезмийцы, тохаристанцы, ферганцы и другие этнические группы в своей истории исповедовали различные религиозно-идейные верования. Но особую роль в формировании духовной культуры таджиков и их образе жизни сыграл ислам, поскольку формирование таджиков, как народности и исторической общности людей, происходило в процессе распространения и становления ислама как формы общественного сознания и мировоззрения. Каждая мировая религия, как система мировоззре-

ния и формы мышления, у разных народов мира имеет свою историю становления, особенности выражения и развития, что связано с предыдущими идейными представлениями, формой мышления, а также с социально-экономическим и политическим положением, в котором находятся эти народы. Характерным для начальных этапов исламской культуры у таджиков является то, что хотя ислам уже был доминирующей религией в их жизни, но долгое время в регионе их проживания еще шла конкуренция и взаимодействие местной домусульманской и мусульманской культур.¹ Таким образом, в процессе взаимодействия двух начал – местной домусульманской и мусульманской культур – образовалась и развивалась культура таджиков их духовная жизнь, в которой с самого начала были также сильны рациональные и светские элементы, складывались менталитет и самосознание таджикского народа.

Появление и распространение исламской религии не было последствием только внутриаравийского социально-экономического и духовного кризиса. В это время на территории Мавераннахра и Хорасана действовали представители различных религий и вероисповеданий. Зороастризм на этих территориях имел еще более политеистический характер, чем в Западном Иране. Характерным отличием зороастризма в Мавераннахре было то, что в нем сочетался культ огня с культом идолов.² Верование и обряды среднеазиатских зороастрийцев существенно отличались от обрядов западноперсидского зороастризма, хотя в основе персидского зороастризма и религии согдийцев, бактрийцев и хорезмийцев лежали какие-то общие представления и общие культы – дуалистические представления о борьбе между добром и злом. Академик Б.Г. Гафуров пишет, что в Иране зороастризм вырос в государственную религию со строго выработанной догматикой и сложной организацией жречества, которое имело серьезное влияние на дела государства и идеологию общества. В Средней Азии этого не происходило и зороастризм не выработал строгой догматики и не стал государственной религией, так как единого государства там не было. Жречество тоже как мощная организация в Иране не сложилось. Зороастризм был пронизан местными языческими культами, которые прекрасно уживались с культом огня.³ В научной литературе для обозначения согдийской религии

---

1 Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе: Дониш, 1977. – С. 138.

2 Якубов Ю. Религия древнего Согда. – Душанбе: Дониш, 1996. – С. 162.

3 Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга II. – Душанбе: Ирфон, 1989. – С. 363.

иногда используется термин «маздаизм». Наряду с зороастризмом в Мавераннахре свободно действовали и другие религии, например митраизм, манихейство, маздакизм, христианство и буддизм. Народы Средней Азии накануне арабского завоевания из-за смешения зороастризма с языческими элементами стояли перед возможностью принятия буддизма или, скорее всего, принятия христианства. Политическая раздробленность Мавераннахра диктовала необходимость единой объединяющей идеологии, которой и стал в результате арабского завоевания именно ислам.

Необходимо отметить, что процесс становления и формирования исламской религии у таджиков и их предков начинался с упорного кровавого сопротивления и продолжался до мирного и добровольного принятия ислама. Начальный этап исламизации Средней Азии сопровождался постоянными насилиями и грабежами со стороны арабских завоевателей, что привело к постоянным восстаниям народных масс. Насильственная исламизация, хотя многие исследователи считают её основным способом распространения этой религии среди народов Средней Азии, но по нашему мнению, она не является в этом регионе главным и особого успеха тоже не имела. Распространение ислама среди этих народностей приобрело массовый и естественный характер только после ухода арабских завоевателей, при представительстве местных династий Тахиридов и Саманидов, которые сами очень нуждались в централизованных функциях новой религии. Они сами раньше всех почувствовали интегрирующие возможности новой религии и начали их внедрять и использовать в своей социокультурной и государственной политике. Исходя из этого, мы считаем, что точка зрения о насильственной, «топорной» исламизации народов Центральной Азии и особенно таджиков, доминирующей до настоящего времени среди исследователей, хотя имеет место, но она не является основной, и поэтому по сей день ведутся научные дискуссии по этому вопросу. Исламские теоретики и особенно арабские исследователи факт завоевания этих территорий не признают, а считают его якобы «божественным велением во имя распространения новой религии». В то же время, исследования в этом направлении, также показывают, что арабы в этом периоде больше всего преследовали экономические и хозяйственные выгоды, нежели распространения новой религии. Другим обстоятельством, способствующим распространению ислама среди народностей Центральной Азии и Ирана, в том числе и таджиков, было то, что в исламе были какие-то об-

щие положения с ранним зороастризмом, и они в историческом сознании не были чужды народностям этого региона, поскольку, ряд этих положений ислам заимствовал посредством иудаизма у древнеарийских религий, особенно у зороастризма. Например, понятие единобожия, представления о мосте Сират (пули Сирот), понятие о конце мира, веру в Судный день, то есть в потустороннюю жизнь, отдельные этические нормы и т.д. К тому же для них не были в новинку и некоторые мусульманские обряды, такие как ежедневная пятикратная молитва, обязанность давать подаяние и др. Другими словами, в исламской религии они нашли много своих отчужденных и потерянных идеалов и символов. Возможно, эти моменты способствовали тому, что народности Центральной Азии в течение довольно короткого срока проникли в сущность ислама и внесли огромный вклад в развитие исламских наук и исламской культуры в целом. Таким образом, сочетая и взаимодействуя с местными идейными установками, религиозно-исламский элемент в последующие века стал играть активную роль во всех сферах общественной жизни и культуры таджиков.

Но, несмотря на то, что в этот период распространение ислама на территории Хорасана и Мавераннахра приняло широкий размах, представители других религиозных общин на этих территориях тоже продолжали свободно действовать и соблюдали свои религиозные обряды. Таджикский историк Н. Негматов со ссылкой на Бируни и Наршахи пишет, что «хотя ислам являлся общепризнанной государственной религией в Центральной Азии в IX-X вв., но и при этом все же продолжали функционировать общины зороастрийцев, идолопоклонников, манихеев и христиан. Так, общины зороастрийцев были в Бухаре и Самарканде, почитаемые храмы огнепоклонников имелись в селениях Рамитан и Рамуш Бухарской области, община манихеев, называвшихся сабиями и состоявшая из 500 человек, былав X веке в Самарканде; христиане и последователи буддизма жили в Бухаре, Мерве и Хarezме. В X веке в Мавераннахре и Хорасане было много еврейских (иудейских) общин (в Балхе, городе Яхудия в области Гузганак и др.)»¹.

Данные факты свидетельствуют о том, что для этого периода в религиозной сфере была характерна умеренность и взаимная толерантность разных конфессий и верований. Видимо, эта атмосфера являлась одним из факторов и предпосылкой процветания и развития науки и культуры в эпоху Саманидов, которая называется эпохой возрождения, Ренессанса

---

¹ Негматов Н.Н. Государство Саманидов. - С. 140.

таджикской культуры. Необходимо отметить, что именно представители разных религий и вероисповеданий внесли огромный вклад в развитие науки и культуры этой эпохи.

Последующие после X в. столетия и до конца средневековья относятся к последнему этапу распространения ислама в странах Средней Азии. Влияние ислама на общественную и духовную жизнь в этот период значительно усиливается. В этот период активизировалась исламизация и возросла нетерпимость к вышеперечисленным древним религиям Ирана и другим верованиям. Этот процесс набирает силу особенно с приходом к власти Газневидов, Караханидов, Сельджукидов и особенно монголов. Исламские мотивы и образы в литературе и искусстве начинают проявляться еще сильнее, чем в предыдущие периоды распространения ислама.

Исследования подтверждают, что хотя арабы одержали военно-политическую победу, они не смогли противостоять культурной экспансии народов Ирана, среднеазиатских народов и в том числе таджиков. Во многих отношениях, особенно в вопросах государственного управления, делопроизводства и т.п., они подверглись мощному влиянию этой древней цивилизации.

Но это влияние не было односторонним, оно было обоюдным. Если арабы переняли у иранских народов опыт государственного и административного управления, городской (оседлый) образ жизни, науку и культуру, то, в свою очередь, народы Мавераннахра и Согдианы продолжали обращаться в исламскую религию и после прихода к власти местных правителей уже без принуждения, и вот уже в течение 14 веков исповедуют ее. Язык фарси-дари наряду с арабским стал языком религии и на нем было создано огромное количество религиозной литературы, а также научной и художественной. Следует отметить, что этот процесс взаимовлияния происходил на уровне синтеза культур. В отличие от других древних цивилизаций, которые утонули в «волнах» арабской культуры, растворившись в ней, народы Средней Азии, Ирана, и в том числе таджики смогли сохранить свою самобытность, свой родной язык, национальный облик и характер. Многие другие народы, например египтяне, ассирийцы, шумеры, вавилоняне и другие после арабского завоевания и принятия ислама не смогли, как иранцы и среднеазиатские народы, сохранить свою идентичность и культурную самобытность внутри ислама и подняться на более высокую ступень развития. Наоборот, эти древние

народы очень скоро были ассимилированы арабами и совершенно забыли свою прежнюю культуру, язык, письменность, религию, обычаи и даже форму одеяния.

Таджикский народ внёс свою определённую лепту в развитии общемусульманской культуры в этом периоде, который с полным основанием называют периодом мусульманского Ренессанса. В эту эпоху большое развитие получают наука, искусство, литература. Появляется много мусульманских таджикских ученых, богословов, правоведов. Такие известные личности как Имам Мухаммад Исмаил ал-Бухари (810 – 870), Муслим ан-Нишапури (821 – 875), Абуиса ат-Тирмизи (ум. в 892 г.), Абуабдурахман ан-Нисаи (840 – 916), Абумансур ал Матуриди ас-Самарканди (ум. в 944 г.), Айш ас-Самарканди (жил в I в.), Джаруллах аз Замахшари (1075 – 1144), Абдуллах Махмуд Насафи (жил после Замахшари) и многие другие были представителями таджикского народа.

Значительное развитие в этот период получили не только богословские, но и светские науки, в том числе философия, медицина, астрономия, математика, химия и др., представленные такими известными именами, как Абунаср ал-Фараби (870 – 950), Ибн Сина (980 – 1037), Ибн Мискавейх, Абубакр ар-Рази (864 – 925), Абусахл ах-Масихи (ум. в 1003 г.), Абумансур Хирави, Абурейхан ал Бируни (973 – 1036), Мухаммад ал-Хорезми (780 – 850) многими другими.

Таким образом, в этом процессе образовался и развивался таджикский народ, складывался его менталитет, его самосознание.

Хотя светские элементы были сильны, однако стоит отметить, что даже самые рационалистические идеи в какой-то мере были ориентированы на исламскую религию. После прихода к власти Караханидов, Газневидов, Сельджукидов и, особенно, монголов религиозное сознание таджиков и других народов Средней Азии начинает терять свои рационалистические и светские элементы, их место занимают суфийские мистические воззрения. В нем начинают преобладать фаталистические идеи, которые направлены только на потусторонний мир.

Исламские критерии и ценности имеют влияние на формирование и развитие других видов духовной культуры. Таджикский учёный Мухаммаджон Шакури, анализируя место религии в структуре общественного мышления таджикского народа, приходит к правильному выводу, что исторически исламская религия влияла на формирование других видов со-

знания и духовной культуры таджиков. Особенно отчетливо это влияние нашло отражение в области морали и литературы. Он отмечает что, вопреки мнению многих ученых, таджикская классическая литература, в том числе поэзия, переплетена со светскими и религиозными формулировками. Религиозные мотивы, образы и идеалы впаяны в ткань произведений таджикских классиков, начиная от Рудаки и до Ахмада Дониша.¹

Представители восточной, таджикской философии, такие как Фараби, Абуали ибн Сина, Насир Хусрав, Насируддин Туси и другие, рассматривали мораль как неотъемлемую часть веры. Они считали ее формой совершенствования личности и средством обретения человеком счастья. Такой подход прослеживается и в творчестве других представителей таджикской классической литературы, разрабатывавших в своих произведениях нравственные принципы. Например, у Джалалидина Балхи в «Маснави ма’нави», у Унсур ал-Маали Кайкавуса в его известном этическом произведении «Кабуснаме», у Са’ди Ширази в «Бустане» и «Гулистане», у Низами Ганджави в «Хираднаме Искандари» («Мудрость Александра»), у Шамсиддина Шахина в «Тухфаи дустон» («Подарок друзьям»), у Ахмада Дониша в «Навадирулвакое» («Примечательные события») и др.

Что касается влияния религии на бытовом уровне, то исламский религиозный элемент играет определённую роль в формировании нравственных устоев таджикского общества, особенно в становлении и развитии семейных отношений. Религиозные установки стали частью обычаев и традиций, влияя на поведение членов семьи, форму отношений между ними. В таджикской семье и в быту наблюдался и наблюдается синтезирование современных правовых норм с положениями исламских ценностей. Данный момент признаётся и учитывается и нынешним руководством республики. Президент Таджикистана Эмомали Рахмон в своей статье «Имам А’зам и общечеловеческие моральные ценности», отмечая роль нравственных устоев ханафитского толка в укреплении таджикской семьи и их совместимости с современными правовыми актами, отмечал следующее: «Один из важных аспектов учения Имама А’зама Абуханифы – это признание семейных прав и обязанностей членов семьи. В современных семейных отношениях нашего народа наблюдается влияние учения Имама А’зама, и даже в некоторых случаях оно способствует внед-

---

¹ Шакурй М. Истиклол ва худшиносии ичтимоиву маънавй. – Душанбе, 1999. - С.99. Там же. - С. 97.

рению в жизнь Семейного кодекса Республики Таджикистан. Семейный кодекс Республики Таджикистан охватывает не только современные правовые нормативные акты, но и учитывает умонастроение и конфессиональную традицию нашего народа».¹ В этой статье указывается, что мораль играет определённую роль в деле воспитания молодежи и в развитии общества, а также в его безопасности общечеловеческие национальные, духовные, и религиозные принципы составляют основу моральных ценностей таджикского народа.

Общечеловеческие моральные понятия нравственные категории на уровне массового сознания таджиков иногда переплетаются с религиозными и понимаются как тождественные им. Например, такие понятия как «быть человеком» и «быть мусульманином», «справедливость» и «богобоязненность», «правдивость» и «верность» в лексиконе таджиков зачастую понимаются как аналогичные и заменяют друг друга. Эти примеры подтверждают, что религиозное мышление играло и продолжает играть существенную роль в формировании и развитии нравственного сознания таджиков.

Таким образом, прослеживая становление и трансформацию общественного сознания у таджиков, можно прийти к выводу, что исторический религиозный элемент сыграл определённую роль не только в формировании и развитии различных форм общественного сознания, но и в развитии материальной культуры таджиков, в том числе в градостроительстве, архитектуре, изобразительном искусстве и т.д. После распространения ислама в Средней Азии домусульманские художественные темы и стилистические направления в искусстве постепенно вытесняются, появляются новые формы декорации и композиционные ритмы. Поэтапно в архитектурной декорации исчезают изображения людей, животных и птиц, получают развитие разнообразные отвлеченные мотивы геометрического и стилизованно-растительного орнаментов, узоры, составленные из искусного переплетения арабской вязи коранических изречений. Поскольку в комментариях к Корану в целях соблюдения полного единобожия и предотвращения ширка (допущения соучастника у бога) запрещалось изображать человека и животных, чтобы избежать сотворения идолов и кумиров.

При анализе этих фактов, становится ясно, что если религиозное мышление играло положительную роль в формировании и развитии таких видов общественного сознания как мораль, литература, этика, эсте-

---

¹ Чумхурият. 2009, 7 июл (№86).

тика и др., то в отношении изобразительного искусства во всех его видах, этого не наблюдается. Оно в какой-то мере стало причиной отсталости, неполноценности и замкнутости этого элемента культуры. В результате во всей истории таджикского народа до нового времени, кроме Камолиддина Бехзода в области живописи, невозможно найти ни одного фигуранта, который внес бы серьезный вклад в развитие этого вида искусства.

Следует отметить, что ислам (точнее, так называемый народный ислам) в быту среди таджиков и других мусульман Центральной Азии в советский и постсоветский периоды имел больше церемониально-обрядовый характер, чем мировоззренческий. Этот характер ислама ограничивался именно рамками гражданско-религиозных обрядов, таких как брак, обрезание, похороны и послепохоронные обряды. Почитание памяти предков – один из древнейших обрядов у верующих не перестал быть необходимой основой религиозности и важным элементом религиозных представлений до сегодняшнего дня.

А в современных условиях не взирая на то что во всех республиках Центральной Азии исповедуют исламскую религию суннитского толка, все же религиозное сознание и его место в контексте национальной культуры у разных народов этого региона в чем-то различается и имеет свои особенности. Определение формы сосуществования светских и религиозных институтов, возможности адаптации религиозного сознания к новым социальным реалиям, специфики религиозного мышления населения, причин проявления религиозного фанатизма, радикализма и экстремизма и способов их предотвращения имеет серьезное теоретическое и практическое значение для стран этого региона, и Таджикистана в том числе.

Народ Таджикистана в сегодняшних социально-политических условиях, пройдя через многие сложности, пережив трагедию вооруженного противостояния, нашел в себе силы вынырнуть из омута военной смуты и выбрал путь построения правового, демократического гражданского общества. Эти факты подтверждают, насколько политизация ислама имеет чреватое и негативное последствие и для общества и для самой религии. Именно поэтому, будучи обществом с мусульманским населением и исламскими традициями, таджикское общество выбрало курс в направлении светского государства. Таким образом, необходимо правильное понимание понятия светского государства в реалиях современного таджикостанского общества. Здесь имеется в виду не то, что религия и государство отделены

друг от друга, а что религиозные институты и организации отделяются от государства. И речь идет не только об исламе, а о религии вообще. При этом конституционно закреплена свобода слова и совести, что же касается создания и деятельности объединений, пропагандирующих расовую, национальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя, то они не допускаются и караются в соответствии с существующим законодательством.

Уровень религиозности в таджикском обществе сегодня по сравнению с другими соседними республиками относительно высок. В настоящее время ислам в Таджикистане исповедуют около 97% населения республики.¹ Подавляющее большинство верующих относится к ханафитскому мазхабу суннитского направления, который еще со времен Саманидов стал официальным конфессиональным течением этого региона. Этот мазхаб отличается от других правовых школ суннизма относительно наибольшей рациональностью, гибкостью и вопреки некоторым религиозным радикалам, открывает широкие возможности для развития национальных элементов внутри мусульманской культуры. Помимо этого направления ислама в Таджикистане, в частности среди жителей Горно-Бадахшанской Автономной области, распространен также исмаилизм – одна из ветвей шиизма. Местный исмаилизм весьма эклектичен и гибок. Это учение отдает приоритет духовному совершенствованию человека перед богословской теологией и формальной обрядностью. Оно выделяется терпимостью и толерантностью. Следует отметить, что исторически в таджикском обществе между этими двумя основными течениями – суннитско-ханафитским, с одной стороны, и исмаилитским направлением шиизма, с другой, – царил атмосфера взаимопонимания и терпимости. Таджикский исследователь Ш. Абдуллоев, анализируя религиозную среду современного таджикского общества, справедливо отмечает, что «еще в прошлые времена благодаря серьезным усилиям авторитетных представителей этих двух течений в рамках общественных встреч были решены основные разногласия и противоречия между этими направлениями».²

---

1 Баротзода Ф., Нурулхаков Қ. Вазъи динӣ – сиёсӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: «Эр-граф», 2017. – С-15.

2 Абдуллоев Ш. Назари мо ба шинохти дин, мазхаб ва суннат бояд воқебинона бошад // Минбари халқ. – 2009. – 8 янв. (№ 1).

Как известно, исмаилизм является одной из основных ветвей шиитского ислама. Изучение истории исмаилизма показывает то, что на протяжении долгого времени он находился в забвении и даже существующие работы исмаилитских авторов были плохо изучены.¹

Многие исследователи признают, что в прошлом, конфессиональные различия играли «этно-разделительную роль», на современном же этапе они, скорее, являются «пережитком» нежели самостоятельным фактором социо-культурных процессов. Не стоит, конечно, забывать, что указанные тексты были написаны более, чем четверть века назад, и в настоящее время ситуация изменилась, о чем, в частности, свидетельствуют публикации в сборнике «Памирская экспедиция. Статьи и материалы полевых исследований», вышедшем в свет в 2006 г.²

Процесс исламизации Бадахшана, т.е. утверждения здесь ислама во многом стал результатом политических катаклизмов, происходивших в Иране – разгром исма’илитского государства с его центром в крепости Аламут и последовавшие вслед за этим преследования низаритов, из-за чего многие из адептов исма’илизма были вынуждены искать убежища в Центральной Азии, включая Бадахшан, а также в Индии.

Сведения, которыми мы в настоящее время располагаем относительно распространения ислама в Горном Бадахшане, нельзя, разумеется, считать исчерпывающими. Основные сложности, которые возникают у исследователей при изучении истории проникновения и утверждения ислама на Памире, связаны преимущественно с отсутствием серьезных нарративных источников – материалы неисма’илитских исторических хроник отличаются весьма кратким и поверхностным изложением фактов, касающихся истории Памира до ислама в целом и истории исма’илизма в этом регионе, в частности. Локальная историографическая традиция, осо-

---

1 Додихудоев Х.Д. Очерки философии исмаилизма.1976.; он же, Философия крестьянского бунта (о роли средневекового исмаилизма в развитии свободомыслия на мусульманском Востоке). - Душанбе, 1987.; Дафтари Ф. Краткая история исмаилизма: традиции мусульманской общины / Перевод с англ. - М., 2003.; Ivanov W/ Vazir – i Shusraw and Ismailizm. Ismaili Societi. Bombay: Lieden, 1952: Daftary F, The ismailism: Their Historu and Doctrines. -Cambridge, 1990 и др.

2 Памирская экспедиция. Статьи и материалы полевых исследований. – М., 2006. По поводу исма’илизма см. работы Каландарова Т. «Религия в жизни памирцев XX в.»; Ходжибекова Э. «Репрессии 30-х гг. XX века и исмаилиты Бадахшана»; Рощина М. «У памирских исмаилитов»; Емельяновой Н. «Бадахшанский дневник» и ее же «Культура и религия Дарваза (по материалам полевых исследований 2003 года)».

бенно в той ее части, где речь идет о раннем периоде исмаилитского да'ва, крайне непоследовательна, изобилует явными анахронизмами. По большей части, она фиксирует сведения, имеющие отношение более к памирскому фольклору, нежели к историческим сочинениям как к специальному жанру средневековой мусульманской научной литературы, хотя, разумеется, при отсутствии иных, более надежных источников, эти материалы могут, с известными оговорками, привлекаться для воссоздания истории принятия ислама горцами Бадахшана.

Обращение населения Западного Памира в ислам представляет собой растянувшийся на несколько веков процесс смены религиозных ценностей и религиозной идентичности, в котором существенную роль играли не только и не столько военные, но и экономические факторы, торговые отношения, деятельность многочисленных мусульманских проповедников и миссионеров. На характер центральноазиатской религиозности в целом и памирской в частности, большое влияние оказало то обстоятельство, что проповедь новой религии здесь велась в основном представителями различных «еретических» мусульманских сект, последователями тех или иных течений в рамках ислама.

Новый этап в истории исма'илитской общины Бадахшана и одновременно начало серьезного научного изучения этого направления ши'итского ислама на Западе, особенностей вероучения, ритуальных и обрядовых практик, были связаны с продвижением Российской и Британской империй в Центральную Азию в конце XIX в., борьбой за контроль над этим регионом, которая получила название «Большая Игра». Именно в этот период основные «игроки» стали проявлять значительный интерес к изучению социальных, культурных и религиозных традиций Центральной Азии в целом и Бадахшана в частности.

С политической точки зрения Памир вызывал интерес, прежде всего, своим стратегически важным географическим положением – как пограничная территория между Азией и Европой. Основопологающим международным юридическим актом, сыгравшим, без преувеличения, судьбоносную роль в современной истории Бадахшанской общины, стало заключение между Россией и Британией договора 1895 г. о разделении сфер политического и военного влияния, в соответствии с которым граница между Россией и Афганистаном была проведена по реке Пяндж. К негативным последствиям этого соглашения, безусловно, относится разделение некогда единой, хотя и изолированной исма'илитской общины, компакт-

но проживавшей в горных регионах Памира, Гиндукуша и Каракорума, на «русскую» и «английскую» ее части, что привело к утрате социокультурных и экономических связей.

В 1921 г. в Хорог прибыла военная экспедиция под руководством Т. Дьякова, специального представителя Советской Туркестанской республики. Вскоре советские административные структуры были учреждены во всех районах Бадахшана. С 1921 по 1924 гг. Таджикский Бадахшан входил в состав Советской Туркестанской Республики. В 1925 г. он стал частью только что образованной Таджикской автономной республики.

Изменения в религиозной сфере носили совершенно иной характер. Поначалу советская администрация довольно лояльно относилась к верованиям местного населения, сотрудничала с пирами и даже беспрепятственно позволяла отправлять им своих представителей. Однако в конце 20-х годов политика в отношении исма'илитской общины изменилась, усилилась антирелигиозная пропаганда.

Исма'илитская община, представляет собой необычную форму религиозного объединения, которая, оставаясь в рамках основополагающих положений ислама, с успехом использует современные экономические и политические институты, для того, чтобы сохранить свое единство и веру, с одной стороны, и модернизировать религиозные практики в условиях глобального мира, с другой.

Таким образом, исламский религиозный фактор в общественной жизни центральноазиатских стран, в том числе Таджикистана, играет определённую роль и государство не может стоять в стороне и быть пассивным наблюдателем в этих процессах. В последние годы Правительство Таджикистана сделало серьезные шаги в сторону возрождения религии и исламских ценностей. Главные исламские праздники приобрели статус государственных, развиваются институты исламской культуры, в обществе свободно функционирует принцип свободы совести и т.д. Объявляя 2009 год годом основателя ханафитского мазхаба Имама А'зама Абуханифы и проводя в связи с этим широкие культурно-религиозные мероприятия, Правительство Республики Таджикистан наглядно показало на практике, что ему небезразличны идущие в стране внутррелигиозные процессы. Таким образом, это означает, что на государственном уровне предпочтение отдается именно традиционному умеренному течению суннитского ислама, исторически сложившегося в духовной жизни таджикского народа.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АДД – Автореферат докторской диссертации.
АКД – Автореферат кандидатской диссертации.
АН Тадж.ССР – Академия наук Таджикской ССР.
АРТ – Археологические работы в Таджикистане, Душанбе.
БСЭ – Большая Советская Энциклопедия
БМАК – Бактрийско-маргианская археологическая культура.
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ИАН РТ- Известия Академии наук Республики Таджикистан.
ЗИИМК – Записки ИИМК РАН, СПб.
ИТН – История таджикского народа
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН, СПб.
ИМКУ – История материальной культуры Узбекистана, Ташкент
М – Москва.
МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии
МГИМО - Московский государственный Институт международных отношений.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР, Москва-Ленинград ОНУ-Общественные Науки Узбекистана.
РА – Российская археология, Москва
СА - Советская Археология
СПб – Санкт-Петербург
СЭ – Советская этнография
ЭСО -Этно-социальный организм
ЭО –Этнографическое обозрение.
АМІ – *Archaeologische Mitteilungen aus Iran. Berlin*
АМІТ – *Archaeologische Mitteilungen aus Iran and Turan. Berlin*
EW – *East and West. Roma*
SAAA – *South Asian Archaeology and Art.*

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Аристов Н.А. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским историческим известиям. – М., РАЖ, 1900-1904.
- Абаев В.И. Два зороастризма в Иране // Вестн. древней истории. – 1990. – № 4. – С. 198–207.
- Абаев В.И. Из истории слов // Вопросы языкознания. – 1958. – № 2.
- Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев. – М.-Л: Изд-во Академии СССР, 1949. Том I. – 608 с.
- Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // ArOr. – 1956. – XXIV. – С. 23-26.
- Абаев В.И., Боголюбов М.Н., Ефимов МВ.А., Расторгуева В.С., Эдельман Дж.И. (ред). (1979, 81, 82, 87, 91, 97, 2008) Основы иранского языкознания. В 7 томах. - Москва: Восточная литература.
- Абашин С.Н. Вопреки «здравому смыслу»? (К вопросу о «рациональности / иррациональности» ритуальных расходов в Средней Азии)//Вестник Евразии. 1999. -№ 1-2.
- Абашин С.Н. Социальные корни среднеазиатского исламизма (на примере одного селения) / Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. -М., 1997.
- Абашин С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии (проблема «сартов» в XIX-XXI вв.). - М., 2009.
- Абдулвахидов Р.М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства у таджиков в конце XIX-начале XX вв. – Душанбе: РТСУ, 2011. – 297 с.
- Абдуллаев А. Археологические разведки и раскопки в Пянджском районе в 1977 г. //АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып.17. – С.69-78.
- Абдуллаев А. Л. Отчет о работе Пянджского отряда за 1981г. // АРТ. – Душанбе, 1988. Вып. XXI (1981 г.).
- Абдуллаев А. Л. Отчет о работе Пянджского отряда за 1982 г. // АРТ. – Душанбе, 1990. Вып. XXII (1982 г.).
- Абдуллаев А. Л. Отчет о работе Пянджского отряда за 1983 г. // АРТ. – Душанбе, 1991. Вып. XXIII (1983 г.).
- Абдуллаев А. Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август-сентябрь 1971г.) // АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып.11. – С.49-58.

- Абдуллаев А. Работа Пянджского археологического отряда в 1981 г. // АРТ.– Душанбе, 1988.– Вып. 21.– С. 310-324.
- Абдуллаев А. Раскопки в Яванской долине в 1975 г. //АРТ.– Душанбе,1980.– Вып. 15.– С. 85-95.
- Абдуллаев А. Раскопки городища Тамошо-тепе в 1974 г. // АРТ.– 1979.– Вып. 14.– С.123-133.
- Абдуллаев А.Б., Бубнова М.А., Пьянкова Л.Т. Отчет о работах Яванского отряда в 1971 г. //АРТ.– Душанбе, 1975.– Вып.11. – С. 249-264.
- Абдуллозода Ш. Ташаккули тамаддуни исломии тоҷик дар аҳди Сомониён // «Фархангу фароғат» нашри 1. – Душанбе, 1999. – С. 12–30.
- Абдурраззок Самарканди. Матлаи саъдайн ва маджмаи баҳрайн. / Форстожик тил. таржима А.Урунбоевники. – Ташкент, 1969.
- Абдуррахман Тали. История Абулфайзхана. – Ташкент, 1959.
- Абдусаломов И.А. Птицы-aves // Таджикистан: Природа и природные ресурсы. – Душанбе, 1982.
- Абдуселишвили М.Г. Антропология древнего и современного населения Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1964.
- Абдушукурова Т.Р. Культура Советского Таджикистана и советология. - Душанбе: Дониш, 1988. - 47 с.
- Абубакр Мухаммад ибни Чаъфар Наршахи. Таърихи Бухоро. – Душанбе, 1979.
- Абу-л-Гази. Родословное древо тюрков. /Перев. А.А. Семенова. – Ташкент, 1958.
- Абулкосим Фирдавси. Шохнома. – Душанбе,1964-1966. – ТТ.1-9.
- Абулхаев Р.А. Развитие ирригации и освоение новых земель в Таджикистане. - Душанбе, 1988.
- Аванесова Н. А. Древние горняки Зарафшана // Археология Узбекистана. – 2012. – № 1 (4).
- Аванесова Н. А. Зарафшанская культурная провинция бактрийско-маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации: Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. СПб.: Алетейя, 2010. – С. 334–364 (Тр. Маргианской археологической экспедиции. Т. 3).
- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). – Ташкент: Фан. – 1991. – 202 с.

- Аванесова Н. А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зарафшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с.
- Аванесова Н. А., Джуракулова Д. М. Древнейшие номады Зарафшана // Культура номадов Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2008.
- Аванесова Н. А., Шайдулаев Ш. Б., Еркулов А. К вопросу о культурной принадлежности джамских древностей эпохи палеометалла // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии: Мат-лы Междунар. конф. Самарканд; Бишкек, 2005.
- Аванесова Н.А. Бустон VI – некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. – Самарканд, 2013.
- Аванесова Н.А. Зарафшанская культурная провинция Бактрийско-маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. – СПб.: Алетейя. – 2010а. – С. 334–364 (Тр. Маргианской археологической экспедиции. Т. 3).
- Аванесова Н.А. Зарафшанский вариант андроновской историко-культурной общности // Археология Узбекистана в годы независимости: достижения и перспективы. Материалы международной научной конференции, посвященной 25-летию Независимости Республики Узбекистан. – Самарканд, 2016. – 208с.
- Аванесова Н.А. Керамика поселения горняков-металлургов Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. – Самарканд, – 2015. – Вып. 39.
- Аванесова Н.А. Новое о проникновении пастушеских племен бронзового века в земледельческие оазисы на юге Узбекистана // Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. – Санкт-Петербург. – 1995.
- Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане – 2001. - Ташкент, 2002. - С.19-26.
- Аванесова Н.А. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Достижения советской археологии в XI пятилетке. Тезисы докладов. – Баку. – 1985.
- Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и

- многообразии. Материалы международной конференции. - Самарканд–Ташкент, 2010 в.
- Аванесова Н.А. Своеобразие культурно-исторических процессов Зарафшанского бассейна // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. – Кн. 2. – 584 с.
- Аванесова Н.А. Степи севера и оазисы юга: проблема культурных взаимодействий в эпоху бронзы // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов. – Алма-Ата. – 1987.
- Аванесова Н.А. У истоков урбанистического Афрасиаба // ИМКУ. - Вып. 32. - Ташкент, 2001.
- Аванесова Н.А., Джуракулова Д.М. Древние номады Зарафшана // Культура номадов Центральной Азии. - Самарканд, 2008. - С. 13-33.
- Аванесова Н.А., Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Палеоантропология некрополя сапаллинской культуры Бустон VI // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2010. - Вып. 1(41). - С. 118-137.
- Аванесова Н.А., Ташбулатова Н. Символика огня в погребальной практике сапаллинской культуры // ИМКУ. – 1999. – № 30. – С.27-36.
- Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., общ. ред., примеч., справочный раздел И.В. Рака. – СПб.: Летний Сад, 1998. – 480с.
- Авеста. «Закон против дэвов» (Видевдат). – СПб: Политех., 2008.
- Авеста: Избранные гимны /Пер. с авест. и коммент. проф. И. М. Стеблин-Каменского; Предисл. проф. В. А. Лившица. – Душанбе: Адиб, 1990. – 176 с.
- Агаев А.Г. К исследованию исторических тенденций социализма в национальном вопросе // Строительство коммунизма и проблемы сближения наций. - Киев, 1969.
- АИИ Архив М.С. Андреева, он. 15, л. 97-100.
- АИИ Архив М.С. Андреева, оп. 20-29, л. 116, 210.
- АИИ Записи Н.В. Русиновой в Бухаре в 1940 г., ОПЛ 111-120, л.45-50.
- Айни С. Масъалаҳои забони тоҷикӣ. Куллиёт, ҷ. 11. Китоби 2. – Душанбе, 1964.
- Айни С. Бухара. Воспоминания. - М., -Л., 1960.
- Айни С. Маънои калимаи «тоҷик» // Садои Шарқ – 1986. – № 8 – С. 66-86.
- Айни С. Маънои калимаи «тоҷик» // Тоҷик, тоҷдор, тоҷвар. – Сталинабад, 1943. – 38с.

- Айни С. Судьба одного народа //Новое время. – М., 1951, №45. – С.7.
- Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. – Алма-Ата: Изд-во Акад. наук КазССР, 1963. – 300 с.
- Акрамов Н.М. Вопросы истории, археологии и этнографии Памира и Припамирья в трудах Б.Л. Громбчевского. – Душанбе: Дониш, 1974. –131 с.
- Александрова Н.В. Путь и текст: китайские паломники в Индии. – М.: Вост.лит., 2008. – 366 с.
- Алексеев А.П. Древнейшее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л., 1972.
- Алексеев В.П. Антропологические аспекты индоиранской проблемы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н.э.). – М.: Наука, 1981. – С. 199-206.
- Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. – М., 1985.
- Алексеев В.П. География человеческих рас. – М., 1974.
- Алексеев В.П. Древнее европеоидное население Средней Азии и его потомки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - М., 1974а.
- Алексеев В.П. К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран) // ВА. - 1984. - Вып. 74.
- Алексеев В.П. Краниология хакасов в связи с вопросами их происхождения // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. IV. - М., 1960. - С. 269-364.
- Алексеев В.П. Основные этапы истории антропологических типов Тувы // СЭ. - 1962. - № 3.
- Алексеев В.П. Очаги расообразования. Антропология и история // Природа. - 1973. - № 3.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Алтая эпохи железа // Советская антропология. - 1958. - № 1. - С.45-49.
- Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. - М.: Наука, 1978.
- Алексеев В.П. Палеоантропология Хакасии эпохи железа // Сборник МАЭ. - Т. XX. - 1961. - С. 238-327.
- Алексеев В.П. Положение Тешик-Ташской находки в системе гоминид //

- Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. - М.: Наука, 1973а.
- Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа (Избранное. Т. 5).- М., 2009 (первое издание – М.: Наука, 1974б).
- Алексеев В.П. Расселение и численность древнейшего человечества. // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминоид. – М., 1997.
- Алексеев В.П. Человек, эволюция и таксономия. - М., 1985.
- Алексеев В.П. Этногенетические аспекты антропологического изучения Южной Азии // Истоки формирования современного населения Южной Азии. - М, 1990.
- Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М., 1984.
- Алексеев В.П., Кияткина Т.П., Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии эпохи неолита и бронзы // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. – Ташкент: Фан, 1986. – С. 100-131.
- Алексеев В.П., Кияткина Т.П., Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии в эпоху неолита и бронзы // Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II Советско-Американский симпозиум. Тез. докл. – Ташкент, 1983.
- Алексеева Т. И. Адаптация человека в различных экологических нишах земли. (Биол. аспекты). - М., 1998.
- Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. - М., 1977.
- Алёкшин В. А. К вопросу о времени окончания периода Намазга VI в подгорной полосе Копетдага. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с.
- Алёкшин В. А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит – эпоха бронзы) // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. - Алма-Ата: Наука. – 1989.
- Алекшин В.А. О функциональном назначении терракотовых «реликвари-ев» Алтын-депе // ЗИИМК. - 2010. - № 5. - С.105–116.
- Алекшин В.А. Символика мустьерского погребального обряда // Локальные различия в каменном веке. – СПб, 1999.
- Алешинская З.В., Никонов А.А., Шумова Г.М. Природные особенности Северного Памира и Алайской долины в конце позднего плей-

- стоцена и в голоцене (по данным спорово-пыльцевого анализа)
// Изв. АН СССР, сер. География. – 1985. - № 2.
- Алиев А.К. Народные традиции, обычаи и их роль в формировании нового человека. – Махачкала, 1968.
- Алиев Р., Османов М.Н. Омар Хайям. – М., 1959. – С.41.
- Алимӣ Қ. Ташаккул ва таҳаввули топонимияи минтақаи Кӯлоб. – Душанбе, 1998.
- Ал-милал ван-ниҳал, таълиф Абӣ-л-Фатҳ Муҳаммад ибн Абдулкарим ибн Абӣ Бакр Аҳмад Аш-Шаҳристонӣ. Ал-ҷузъ-ал-аввал. Ал-Қаҳира, 1961. – С.237.
- Алпатов В.М. Русский язык, языковая политика и общественное сознание в республиках Советского Востока // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. - Ч. 2. – М., 1993.
- Алпатов В.М., И.В., Пюрбеев Г.Ц. Романова О.И. (ред). Языки Мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. Москва: Индрик, 1997.
- Алпысбаев Х.А. Индустрия палеолита Южного Казахстана // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата, 1980.
- Алпысбаев Х.А. Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
- Альбаум Л.И. Балалык-Тепе. – Ташкент, 1960.
- Альперсон-Афил Н., Горен-Инбар Н. Археологические данные, свидетельствующие о контроле и использовании огня в период раннего и среднего плейстоцена на местонахождении Гешер Бенот Йа’аков (Израиль) // Актуальные вопросы Евразийского палеолитоведения. – Новосибирск, 2005.
- Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы (Узбекистан) // Археологические исследования в Узбекистане – 2004–2005 годы. - Вып. 5. - Ташкент: Фан, 2005.
- Амиров Р.А. Самодетельное художественное творчество в семье, быту и по месту жительства. - Душанбе: Ирфон, 1982. – 62 с.
- Амирханов Х.А. Исследование памятников олдована на Северо-Восточном Кавказе (предварительные результаты). – М., 2007.
- Амирханов Х.А. Палеолит юга Аравии. – М., 1991.

- Амосова А.Г., Ломов С.П., Несмеянов С.А. История формирования и древнейшего заселения Бешкентской долины. – Душанбе, 1991.
- Амосова А.Г., Филимонова Т.Г., Юсупов А.Х. Мезолит и неолит Южного Таджикистана // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвящ. десятилетию Южно-Тадж. археол. экспедиции. – М., 1983.
- Анварӣ С., Табаров Х. Ҳоҷӣ Ҳусайн ва арзиши сухан. – Душанбе: Адиб, 2013.
- Андреев М.С. Выработка железа в долине Ванча (Верховья Аму-Дарьи). – Ташкент, 1926.
- Андреев М.С. Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927-1928 гг.). – Душанбе, 1970. – 192 с.
- Андреев М.С. По этнографии таджиков. Некоторые сведения // Таджикистан (Общество по изучению Таджикистана и иранских народностей за его пределами). – Ташкент, 1925. – Кн.1. – С.151-178.
- Андреев М.С. По этнологии Афганистана. Долина Панджшир. – Ташкент, 1927. – 101 с.
- Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи). – Душанбе, 1953. – Вып. 1. – 251 с.
- Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Амударьи). - Сталинабад: АН ТССР, 1958.-524 с.
- Андреев М.С., Половцев А.А. Материалы по этнографии иранских племён Средней Азии: Ишкашим и Вахан // Сборник Музея антропологии и этнографии при Академии наук. - 1911. – Т. 1. – Вып. 9.
- Андреев М.С., Чехович О.Д. Арк (кремль) Бухары в конце XIX – начале XX в. – Душанбе, 1972. – 163 с., 52 илл.
- Аникович М.В. О миграциях в палеолите // Stratum plus. – 1999. - № 1.
- Аникович М.В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества. // Археологи, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. - № 2 (22).
- Анисимов А.Ф. Исторические особенности первобытного мышления. – Л., 1971.
- Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра I. – М., 1986.
- Анисюткин Н.К. Находки ручных рубил на территории Вьетнама // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной

- Азии и Америки (Доклады Международной экспедиции). – Новосибирск, 1992.
- Аннаев Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана – Ташкент, 1988.
- Аннанепесов М. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. – Ашхабад, 1981.
- Анойкин А.А., Гладышев С.А. Памятники каменного века в горах Байсун-Тау (Узбекистан) // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск, 2004.
- Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. – Горно-Алтайск, 1994.
- Антонова Е.А., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г. // АРТ. – Вып.14. – Душанбе, 1979. - С. 98-109.
- Антонова Е.В. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока - М.: Наука, 1990.
- Антонова Е.В., Виноградова Н.М. О летних и осенних разведках в Регарском и Гиссарском районах в 1974 г. // АРТ 14 (1974). - Душанбе: Дониш, 1979. - С. 93-109.
- Антропологическая выставка 1879 года. Описание предметов выставки. Вып.6. Отдел этнографический. Сост. Е.В.Барсовым. - М., 1879.
- Анучин Д.Н. Опыт новой антропологической классификации и диспут А.А. Ивановского // Землеведение. - М., 1913. - Кн. 1-2.
- Ардзинба В.Г. Заметки к текстам хеттских ритуалов // Вестник древней истории. – 1977. – № 3.
- Арнольдов И.А. Культура и современность. Диалектика процесса культурной консолидации социалистических наций. - М.: Мысль, 1973. -159 с.
- Арриан, Флавий. Поход Александра. Пер. М.Е. Сергеевко, вступ. ст. О.О. Крюгера. – СПб.: Алетей, 1993. – 386 с.
- Арриан. Поход Александра. Пер. с латинского М.Е. Сергеевко, предисловие О.О. Крюгера. – М.: МИФ, 1993. – 247 с.
- Артюхова О.А. Мустье Казахстана. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1990.
- Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. - М.: Наука. 1989.
- Арутюнов С.А. Адаптивное значение культурного полиморфизма // ЭО. – 1993, – № 4.

- Арутюнян Ю. В., Дробижеева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. – М.: Аспект-Пресс, 1999.
- Арутюнян Ю.В. Русские в бывших союзных республиках // Межнациональные отношения в России и СНГ. - М., 1995.
- Арутюнян Ю.В., Бромлей Ю.В. Социально-культурный облик советских наций. – М., 1986.
- Арутюнян Ю.В., Дробижеева Л.М. Многообразие культурной жизни народов СССР. - М.: Мысль, 1987. – 303 с.
- Архив государственной республиканской библиотеки Таджикской ССР им. Фирдоуси. Годовые отчеты за 1966-1970 гг.
- Архив Министерства культуры Таджикской ССР, оп.2,, д.246, св.30, л. 241.
- Архив Министерства культуры Таджикской ССР, оп.4, д.155,л.37.
- Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. – Ташкент, 1982.
- Асимов М.С. Историко-культурные аспекты этногенеза народов Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М.,1988. – С.66-73.
- Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. - Ташкент: Фан, 1977. - 232 с.
- Аскарлов А. А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУз. – Ташкент: «Фан» Узб. ССР, 1969. – Вып. 8.
- Аскарлов А. А. Сапаллитепа. - Ташкент: Фан, 1973. - 172 с.
- Аскарлов А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан. - Ташкент, 1983.
- Аскарлов А. А., Рузанов В. Д. Некоторые данные о металлических сплавах с поселения Сапаллитепа // ОНУ. – 1977. № 6.
- Аскарлов А. А., Ширинов Т. Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. - Самарканд, 1993.-252с.
- Аскарлов А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды / А. Аскарлов // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. - Ташкент ФАН, 2005. – С. 81-86.
- Аскарлов А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана / А. Аскарлов. – Ташкент: Фан, 1977. – 230 с.
- Аскарлов А. Раскопки могильника эпохи бронзы в Муминабаде // ИМКУ. - Вып. 8. - Ташкент, 1969.
- Аскарлов А.А. Автохтонность тюркского этноса в Центральной Азии на примере изучения археологических и антропологических мате-

- риалов в связи с интерпретацией древнекитайских письменных источников // Материалы форума гуманитарных наук «Великая степь». – Астана, 2016. – Ч.1. – С.56-76.
- Аскарлов А.А. Могильник эпохи бронзы в Муминабаде // КСИА. - М., 1970. – Вып. – 122.
- Аскарлов А.А., Рузанов В.Д. Результаты исследования химического состава металла из могильников Бустан 3, 4 и 5 // ИМКУ, вып. 23. - Ташкент, 1990.
- Аскарлов А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. - Ташкент, 1993. 252 с.
- Аслитдинова А.А. Восстановление мира на уровне первичных ячеек общества / Миротворческие процессы в Таджикистане. - Душанбе, 1998.
- Атаханов Т.М. Царский трон правителя Шумана // Мероси ниёгон. – 1992. – Душанбе. – № 1.
- Атаходжаев А. М. Тюрко-согдийские отношения в политических, социально-экономических и этнокультурных процессах в раннем средневековье.– АДД.– Ташкент, 2011
- Аубекеров В.Ж., Артюхова О.А. Общие аспекты изучения палеолита Казахстана. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990.
- Ауэрбах Ш. Генетика. – М., 1969. – С.99-102.
- Афрасиаб / Сб. ст. – Ташкент, 1973. – Вып. II.
- Ахадов Ҳ. «Фарҳанги Чаҳонگیرӣ» ҳамчун асари лексикографӣ. – Душанбе: Дониш, 1981.
- Аҳмади Дониш. Наводир-ул-вақоъ, қ.1. –Душанбе, 1988.
- Ахмедов Б. А. Путешествие в Среднюю Азию Антони Дженкинсона // Историко-географическая литература Средней Азии XVI–XVIII вв. (Письменные памятники). – Ташкент: ФАН, 1985.
- Ахмедов Б. А. Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии // Историко-географическая литература о Средней Азии XVI–XVIII вв. – Ташкент: «ФАН», 1985.
- Ахраров И.А., Ремпель Л.И. Резной шток Афрасиаба. – Ташкент, 1971.
- Бабаев А. Д. Историко-археологический очерк Западного Памира. Автореф. дисс. докт. ист. наук. – Новосибирск, 1989.
- Бабаев А. Д. Могильник Южбок II – памятник эпохи бронзы на Западном Памире. – АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып XV (1975 г.).

- Бабаев А. Могильники Западного Памира эпохи поздней бронзы и их связь с религиозными верованиями местных племен // ИБ МАИКЦА. – 1988. – Вып.15
- Бабаев А.Д. Бронзовый наконечник копья из могильника Южбок (Западный Памир) // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып. 1.
- Бабаев А.Д. Костяной талисман // УСА. – Л., 1979. – Вып.4. – С.63-64.
- Бабаев А.Д. Крепости древнего Вахана. – Душанбе, 1973.
- Бабаев А.Д. Могильник Южбок на Западном Памире / А.Д. Бабаев // УСА. 1975. – Вып. 3. – С. 39-42.
- Бабаев А.Д. Могильник Южбок на Западном Памире // УСА. – Вып. 3.
- Бабаева Н.С. Древние верования таджиков Южного Таджикистана в похоронно-поминальной обрядности (конец XIX – начало XX века) /. – Душанбе,1993. – 143 с.
- Бабаков О., Громов А.В. Краниологические материалы из могильника Пархай II в фондах Института истории при Совете Министров Туркменистана // Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. - СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. - С. 177-194.
- Бабаков О., Рыкушина Г. В., Дубова Н. А., Васильев С. В., Пестряков А. П., Ходжайов Т. К. Антропологическая характеристика некрополя Гонур-Депе // Сарияниди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М., 2001. - С. 105–132.
- Бабанская Г.Г., Заднепровский Ю. А. Археологические исследования А. Н. Бернштама на Памире в 1956 г. // АРТ. – Сталинабад, 1959. – Вып. IV (1956 г.).
- Бабаханов М.Б. История таджиков мира.–Душанбе, 2004. - 573 с.
- Бабур Захириддин. Бабурнаме. – Ташкент,1958; Бобур Захириддин Мухаммад. Бобурнома. – Тошкент: Юлдузча,1989.
- Багоутдинов А., Вишневский А. Роль русского рабочего класса в исторических судьбах таджикского народа. - Душанбе: Ирфон, 1967. – 156 с.
- Баграмов Э.А. Национальный вопрос в борьбе идей. - М., Политиздат, 1982.-336 с.
- Баданов Р. Судьбы этносов в ситуации «конца истории» //Культура и Этнос /Сб. статей, посвященный памяти Т.Н. Гумилева. - Баку, 1995.
- Байпаков К.М., Таймагамбетов Ж.К. Археология Казахстана. – Алмата, 2006.

- Байтанаев Б.А. Древний и средневековый Испиджаб: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.06 / Байтанаев Бауыржан Абишевич. – Алматы, 2008. – 53 с.
- Байтанаев Б.А. История Шымкента: 2200 лет по археологическим источникам / Б.А. Байтанаев. – Алматы, 2012. – 252 с.
- Байхаки Абулфазл. История Масъуда. / Перев. С персидского, введ., коммен. и прилож. А.К. Арендса. – М., 1969.
- Бакиев Р.У. Н.А.Кисляков этнограф-таджиковед. – Душанбе, 2016. – 211 с.
- Бакланова Т.П. Самодеятельное художественное творчество в СССР. - М., 1986. - 79 с.
- Бакозода Ҳ. ва Каримов Х. Забони тоҷикӣ. – Сталинобод, 1938 (на латин, графике).
- Балановская Е.В., Балановский О.П. Русский генофонд на Русской равнине. - М.: Луч, 2007.
- Баласагунский Ю. Благодатное знание. – М.: Наука, 1983. – 560 с.
- Баллер Э.А. Преимущество в развитии культуры. - М.: Наука, 1969. – 294 с.
- Баринаева Е.Б. Археологические исследования влияния материальной культуры Китая в Парфии, Бактрии, Маргиане, Согдиане и Уструшане в домонгольский период // Л. Н. Гумилев и современное евразийство - сборник статей, посвященных 100-летию ученого / под ред. А. Г. Коваленко, В. А. Цвыка. – М.: РУДН, 2013. – 266 с.
- Барроу Т. Санскрит / Т. Барроу; Пер. с англ. Н. Лариной. Редакция и коммент. Т.Я. Елизаренковой. – М.: Прогресс, 1976. – 414.
- Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России // Соч. – М.: Наука, 1977. - Т. IX. – С. 386.
- Бартольд В. В. Карлуки. Соч. – М., 1963. – Т. II, ч. I.
- Бартольд В. В. Таджики (из Энциклопедии ислама) // Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 469-472.
- Бартольд В. Таджики. Исторический очерк // Таджикистан. Сб. статей. – Ташкент, 1925. – С.93-110.
- Бартольд В.В. Иран. Исторический очерк // Сочинения. – М., 1971. – Т. VII.
- Бартольд В.В. Аму-Дарья // Статьи из «Энциклопедии ислама». – М.: Наука, 1965. – Т. III.
- Бартольд В.В. Арабское завоевание и Туркестан при Саманидах // История Туркестана. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 118-126.

- Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России.
- Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. В 9-ти т. - М.: Наука, 1966.-Т.П. - 4.1.
- Бартольд В.В. История Туркестана. – Ташкент, 1922.
- Бартольд В.В. Н.И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Записки Вост.Русск. Археолог. о-ва. - Т. XXV, 1921.
- Бартольд В.В. Согд // Соч. – Т. III. – М., 1965.
- Бартольд В.В. Таджики (Из «Энциклопедии ислама») // Соч., т. II. – Ч.1. – М., 1964.– С.46-48.
- Бартольд В.В. Таджики / Исторический очерк сб. «Таджикистан». - Ташкент, 1925.
- Бартольд В.В. Таджики // Сочинения. – М.,1963. -Т.П. – Ч.1. – С.451-468.
- Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Хлопководство в Средней Азии с исторических времен до прихода русских. – М.: Изд-во Вост. лит-ры, 1963. – Т. II. – Ч. 1. – С. 449-468.
- Бартольд В.В. Термез. Соч. – М., 1965. – Т. III.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия.
- Бартольд В.В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. [Djv– 1.4M] Научно-популярное издание. (Алматы: Жалын, 1993)
- Бартольд В.В. Улугбек и его времени // Сочинения. – М.,1964. – Т.П. – Ч.2. – С.65.
- Бартольд В.В. Этнографический состав мусульманского мира//Сочинения. В 9-ти т. М.: Наука, 1966.
- Батыров Б.Х. Фаунистические комплексы антропогена Узбекистана // Четвертичный период. Палеонтология и археология. К XIII Международному геологическому конгрессу (Вашингтон 1989). – Кишинев, 1989.
- Баҳор, Маликушшуаро. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввури насри форсӣ. – Душанбе: Бухоро, 2012.
- Баҳор, Муҳаммадтақӣ. Сабкшиносӣ (дар се чилд) – Техрон, 1341/1971.
- Бгажноков Б.Х. Коммуникативное поведение и культура (к определению предмета этнографии общения) //Советская этнография. – 1978. №5. – С.8.
- Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–1760 гг.). – Л., 1991.

- Беленицкий А. М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам пенджикентских храмов // Живопись древнего Пенджикента. – М., 1954, 1973.
- Беленицкий А.М. Историко-географический очерк Хутталя с древнейших времен до X в. н.э. // Труды Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. – Том I. (Материалы и исследования по археологии СССР. – № 15. – М. – Л., 1950. – С. 116-118.
- Беленицкий А.М. Монументальное искусство Пенджикента. – М., 1973.
- Беленицкий А.М. Отчет о работе Вахшского отряда в 1947 г. // МИА СССР, № 15 (Труды СТАЭ, т. 1). – М. – Л.: АН СССР, 1950. – С. 140-146, табл. 71-2.
- Беленицкий А.М., Маршак Б.И., Распопова В.И. Основные результаты раскопок древнего Пенджикента в 1970-1980 гг. // АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып. XX (1980).
- Белоусов Я.П. Праздники старые и новые. - Алмаата: Казахстан, 1974. - 200 с.
- Беляева Т.В. Архаический, античный и раннесредневековый Худжанд по данным письменных и археологических источников //Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986.
- Беляева Т.В. Исследования Нуртепа в 1982 г. // АРТ. – Вып.22 (1982 г.). – Душанбе, 1991б. – С.21-28;
- Беляева Т.В. Нуртепа – городище древней Уструшаны // АРТ. Вып.23. – Душанбе, 1991. — С.21-28;
- Беляева Т.В. О работах Нуртепинского отряда в 1984 г. // АРТ. Вып.23. – Душанбе, 1991а. –
- Беляева Т.В. О раскопках на Нуртепа и в Худжанде // АРТ. – Душанбе, 1994. – Вып.25 (1985 г.) – С.19-21
- Бентович И.Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII-VIII вв.) // МИА. – М.; Л., 1964. – №124. – С.265-298.
- Бердимуратов А. Э., Самибаев М. К. Храм Джартепа (к проблеме культурной жизни Согда в IV-VIII вв.). – Ташкент, 1999.
- Бернар П. Гимнасий в Айхануме // Городская культура в Бактрии-Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье. – Ташкент: Изд. «Фан», 1987.
- Бернар П. Проблемы греческой колониальной истории и урбанизма эллинистического города Центральной Азии // Проблемы античной культуры. – М.: Наука, 1986.

- Бернштам А. Из истории гуннов I в. до н.э. // Советское востоковедение. - Вып. I. - 1940а.
- Бернштам А. Кенкольский могильник. - Л., 1940.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – М.; Л., 1952. - № 26.
- Бернштам А. Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – № 1.
- Бернштам А.Н. Археологическая экспедиция на Памир // Вест. ЛГУ. – 1947– № 12.
- Бернштам А.Н. Археологические исследования на Памире и в Алае в 1948 г. // Вест. ЛГУ. – 1949. – № 11.
- Бернштам А.Н. Избранные труды по археологии и истории кыргызов и Кыргызстана. – Бишкек, 1997. – Т. 1.
- Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. – 1952. – №26
- Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. - Л.: ЛГУ, 1951.
- Бернштам А.Н. Памир и Алай в свете археологических работ 1947 г. / Полевые наблюдения // Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе, 1997.
- Бернштам А.Н. Саки Памира // ВДИ. – 1956. – №1. – С.121-134.
- Бернштам А.Н. Тюрки и Средняя Азия в описании Хой Чао (726) // ВДИ. – 1952. – № 1(38). – С. 191-192.
- Бертагаев Т.А. Билингвизм и его разновидности в системе употребления/В сб. Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. 1972.
- Бертельс А.Е. Насири Хисрав и исмаилизм. – М.,1959.
- Бертельс Е. Э. Персидский – дари – таджикский // Забоншиносӣ. – №2. – 2010.
- Бертельс Е.Э. История таджикско-персидской литературы / Е.Э. Бертельс; отв. ред. И.С. Брагинский. – М.: Изд-во Восточная литература, 1960. – Т.1. – 556 с.
- Беруни Абурайхон. Осор-ул-бокия. – Душанбе, 1989;
- Беруни Абурайхон. Памятники минувших поколений./Перев. М.Салье // Избранные произв. – Ташкент,1957. – Т.1.
- Бетгер Е.Е. Извлечение из «Книги и путей и стран» Ибн Хаукаля// Тр. САГУ. – Ташкент, 1957.
- Бижанов Е.Б. Мезолитические и неолитические памятники Северо-Западного Устюрта // Археология Приаралья. – Ташкент, 1982. – Вып.2.

- Бикжанова М.А., Задыхина К.Л., Сухарева О.А. Общественный и семейный быт // Серия Народы мира//Народы Средней Азии и Казахстана. -М., 1962. т. 1.
- Бируни Абу Рейхан. Избранные произведения. Памятники минувших поколений. Перев. и прим. М.А. Салье. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. – Т. 1. – 486 с.
- Бируни Абурайхан. Индия // Избранные произведения. – Ташкент, 1963. – Т.П.
- Биснек А.Г., Зельдевич Н.М. Этнография народов Памира // Советская этнография. – М.,Л., 1940. – № III.
- Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. -М.; Л., 1950. Т.2.
- Бичурин Н.Я. [О. Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – СПб, 1851. – Т. 1-3.
- Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. - М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР. – Т. II. – 335 с.
- Бободжанова Н.И., Хакимов Н.А. Традиционный костюм и покрой одежды Худжанда XIX – XX веков. – Худжанд, 2011. – 103 с.
- Бобомуллоев Б.С. Сой Сабаг – уникальное скопление петроглифов в верховье Зарафшана // Вестник Таджикского национального университета (серия гуманитарных наук).– Душанбе.– 2012.– 3/6(96).– С. 21-26
- Бобомуллоев С. Г. Раскопки гробницы Зардчахаалифа на Верхнем Зарафшане // Stratum plus. – СПб. – 1999. – № 2.
- Бобомуллоев С. История изучения археологических памятников Южного Таджикистана (XX-начало XXI вв.). – Душанбе: Изд. «Истеъдод», 2010.
- Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на Верхнем Зарафшане / С. Бобомуллоев // Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. – СПб., – Кишинев, – Одесса, 1999. – С. 307-313.
- Бобомуллоев С. Раскопки погребального сооружения из Зардчахаалифы// Изв. АН РТ. Серия востоковедение, история, философия.– Душанбе, 1993.– № 3 (27).– С. 56-63.
- Бобомуллоев С., Бобомуллоев Б. Кангурттут-2 – новый памятник эпохи средней бронзы на юге Таджикистана // Муаррих. - № 1-2. - 2017.

- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Отделение общественных Наук. - 2014. - №3 (235). - Душанбе. - С. 39-47.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана // ЗИИМК. -2015. - №5. - С. 47-66.
- Бобомуллоев С., Виноградова Н.М., Бобомуллоев Б. Результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи средней бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 года. // Муарих историк. 2015. №4. Душанбе. С. 73-98;
- Бобомуллоев С.Г. Верховья Зарафшана во II тыс. до н.э. – Душанбе, 1998. – 210 с.
- Бобомуллоев С.Г. Погребение Зардча-Халифа // Изв. РТ. Сер. общ. наук. – Душанбе. – 1993. – № 3.
- Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ. – Душанбе, 2016.
- Бобохонов М. Таърихи тоҷикони ҷаҳон. -Душанбе: «Маориф», 1999.
- Бобохонов Р. Пережитки древних верований горных таджиков Южного Таджикистана (XX в.) // Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. – 2012. – №3(93). – С.3-13.
- Бобохонов Р. С. Таджикистан (XX в.). Упадок и возрождение традиционализма /Р.С.Бобохонов. – М., 2010.
- Богоутдинов А. К вопросу о консолидации таджикской нации // Материал научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана в эпоху социализма. - Сталинабад, 1957. – 22 с.
- Богуманова З.З. На пути культурного взаимообогащения. - Душанбе: «Дониш», 1988.
- Бойматов Л.Д. Сочинение Рашидаддина как источник по истории народов Средней Азии в XIII в. – Душанбе,1983.
- Бойс Мэри. Зороострийцы. Верования и обычаи. – М: Наука, 1987. – 301 с.
- Болдырев А. Н. Некоторые вопросы становления и развития письменных языков в условиях феодального общества. «Вопросы языкознания». – № 4. – 1956.
- Болдырев А.Н. Зайнабдин Васифи. Таджикский писатель XVI в. (Опыт творческой биографии). – Сталинабад,1957.

- Болдырев А.Н. Таджикский писатель XVI в. Зайнаддин Васифи и его произведение «Удивительные события». Автореф... д-р филол. наук. – Л., 1954.
- Болелов С. Б. Керамика эпохи Великих Кушан на территории Бактрии (конец I – первая половина II в.н.э.). Традиции и инновации // Культура, история и археология Евразии. – М., 2009.
- Болелов С.Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии //СА. – 1994. – №4.
- Болтаев М.Н. Абу Али Ибн Сина – великий мыслитель, ученый – энциклопедист средневекового Востока. – Ташкент, 1980.
- Большаков О.Г., Негматов Н.Н. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента // Тр. ТАЭ. – Т. III. – МИА. – № 66. – М.; Л., 1958.
- Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003. – 1888 с.
- Большой Российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 2003. – 1888 с.
- Бондаренко О. Этническая прогностика: Возможно ли ее создание? //Центральная Азия и Кавказ. М., 1999. – № 3.
- Борисковский П.И. Начальный этап первобытного общества. – Л., 1950.
- Боровков А.К. Филологические заметки // Сборник статей по истории и филологии народов Средней Азии, посвященный 60-летию со дня рождения А.А. Семенова. Сталинабад: Ан Тадж. ССР, 1953. – С. 49-53.
- Бороффка Н., Бубнова М., Вайсгербер Г., Луц Й., Парцингер Г., Перницка Е., Старшинин Д., Циерны Я., Якубов Ю. Исследования в районе древних разработок олова в Северном Таджикистане (Мушистон и Такфон) // АРТ. 2000. – Вып. 27.
- Бостонгухар С. Верховья Зарафшана во II тысячелетии до н.э. / С. Бостонгухар. – Душанбе, 1998. – 210 с.
- Брагинский И.С. Из истории персидско-таджикской литературы. – М.: Наука, 1972. – 524 с.
- Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 495 с.
- Брагинский И.С. Из истории таджикской народной поэзии: элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности / И.С. Брагинский; отв. ред. Б. Н. Заходер. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 496 с.

- Брагинский И.С. Исследования по таджикской культуре -М.: Наука, 1977. - 288 с.
- Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. – М., 1988.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. - М.: Наука, 1983. – 414 с.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М.: Наука, 1973. – 283 с.
- Бромлей Ю.В. Этнос и этнонациональный организм//«Вестник АН СССР». 1970. – №8.
- Брыкина Г.А. Карабулак. – М., 1974.
- Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. – М., 1982.
- Брюне Ф., Раззоков А., Мутан Б. Археологическое исследование Саразма в 2013 г. таджикско-французской совместной экспедицией (МАФАК) // АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39.
- Брюнэ Ф., Раззоков А. О новом понимании Энеолита в Центральной Азии. Каменная индустрия Саразма (Таджикистан): первые результаты технологического анализа // Муаррих. – Душанбе, 2016. – № 2.6.
- Брюнэ Ф., Франкфор А.-П., Раззоков А., Мутин Б. Результаты археологических исследований Саразма в 2012 году (Труды таджикско-французской совместной экспедиции МАФАК). // АРТ. – Душанбе, 2016. – Вып. 38.
- Бубнова М. А. Археология Памира за 40 лет // Памироведение. – Душанбе. 1985. – Вып. 2.
- Бубнова М. А. Вопросы заселения и условия обитания человека на территории Горно-Бадахшанской автономной области (каменный век – эпоха бронзы) // Арийская цивилизация в контексте евроазиатских культур. – Душанбе, 2006.
- Бубнова М.А. Археологическая карта Таджикистана. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе, 1997.
- Бубнова М.А. Археологическая карта Таджикистана. Горно-Бадахшанская автономная область. Восточный Памир. – Душанбе, 2015.
- Бубнова М.А. Археологические исследования на Восточном Памире в 2003 и 2008 гг. // АРТ. –Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV.

- Бубнова М.А. Горно-Бадахшанская автономная область. Западный Памир (памятники II тыс. до н.э. – XIX в.). – Душанбе, 1997.
- Бубнова М.А. Горно-металлургическая область Шелджи в IX-XII вв. н.э. – Автореф. канд. дисс. – Л. – 1963. – 19 с.
- Бубнова М.А. Кадастр древних рудников Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. – Душанбе, 1991.
- Бубнова М.А. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI (1976 г.). – С. 171-184.
- Бубнова М.А. Раскопки и разведки древних и средневековых памятников в долине Большого Марджаная и оз. Яшилькуль // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV (1984 г.).
- Бубнова М.А., Ранов В.А. Археологическое изучение территории г. Душанбе // ИБ МАИКЦА. – Вып.9. – М., 1985. – С.103-118.
- Бузургзода Л. Фонетикаи забони адабии тоҷикӣ. – Сталинобод, 1940.
- Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. / Изд. 2-е. – М.: Наука, 1988.
- Булгаков. П.Г. Гуманитарное наследие Беруни // Беруни и гуманитарные науки. – Ташкент, 1972.
- Бунак В. В. *Станіа арменіса*: Исследования по антропологии Передней Азии. М., 1927. (Тр. Антропологического НИИ при 1 МГУ. Вып. 2).
- Бунак В. В. Род Ното: его возникновение и последующая эволюция. - М., 1980.
- Бунак В.В. Муляж мозговой полости палеолитического детского черепа из грота Тешик-Таш. Узбекистан // Сб. МАЭ АН СССР. - Т. 13. - М.: Наука, 1951.
- Бунак В.В. Раса как историческое понятие // Наука о расах и расизм. Труды Ин-та антропологии МГУ. - Вып. IV. - М.,-Л., 1938.
- Бунак В.В. Расы. Большая медицинская энциклопедия. - Т. 28. - М., 1934.
- Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. - 1956. - № 1.
- Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // ТИЭ. - Т. 49. - 1958.
- Бунак В.В., Нестурх М.Ф., Рогинский Я.Я. Антропология. - М., 1941.
- Бурнашев Т.С. Путешествие от сибирской линии до г. Бухары в 1794 и обратно в 1795г.// Сибирский вестник. – СПб.,1818.
- Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда о высшей расе. <https://rutlib6.com/book/2100/p/20>

- Буровский А. Арийская Русь. Ложь и правда, о высшей расе. <https://rutlib6.com/book/2100/p/20>
- Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака: V – начало XIII в. – Москва: Наука, 1974. – 140 с.
- Бушков В.И. К проблеме топонимов Авестийских гимнов / В.И. Бушков // ЭО. – 1998. – № 1. – С. 60-69.
- Бушков В.И. Население Северного Таджикистана: формирование и расселение. – М., 1995.
- Бушков В.И., Толстова Л.С. Население Средней Азии и Казахстана (очерки этнической истории) // Расы и народы. – М., 2001. – Вып. 27.
- Бэшем А.Л. Чудо, которым была Индия / Пер. с англ. 2-е изд. – М.: Восточная литература, 2000. – 614 с.
- Бюрк А. Путешествие венецианца Марко Поло / Под. ред. А.Шимякина. – М., 1893.
- Вавилов Н.И. Культурная флора Таджикистана в её прошлом и будущем / Избр. произв. – М.-Л., 1965. – Т. 5.
- Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.
- Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры: монография / под ред. В.И. Молодина. – Барнаул: Азбука, 2014.
- Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. VII в. до н.э. – VIII в. н.э. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 359 с.
- Вайнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. – М., 1966.
- Валиев А. Историческая этнология таджиков (XI-XV вв.). – Душанбе, 2009. – 136 с.
- Валиев А. Клавихо Рюи Гонзалес // ЭСТ. – Душанбе, 1981. – Т.3.
- Валиев А. Махмуди Кошгари // ЭСТ. – Душанбе, 1983. – Т.4.
- Валитова А.А. Этнонимы в тюркоязычном памятнике XI в. "Кутадгу билиг" // УП Международный конгресс антропологической и этнографической наук. – М., 1964.
- Валиханов Ч.Ч. Статьи из «Географического статистического словаря Российской Империи» // Собр. соч. – Алма-Ата, 1985.
- Васильев С.В., Ходжайов Т.К. Антропология Средней Азии в палеолите // Вестник антропологии. – Вып. 13. – М., 2006. – С. 31-35.

- Васильцов К. С. «Быкочеловек», пророк Дауд и священные кузницы: несколько замечаний по поводу двух фотографий из коллекции И. И. Зарубина // СМАЭ. - 2014. - Т. LIX. - С. 6-16.
- Васильцов К. С. Из истории исмаилитского призыва в Бадахшане // Таджики. История, культура, общество. - СПб, 2014. - С. 190-210.
- Васильцов К. С. Природные места поклонения Западного Памира // Центральная Азия: традиция в условиях перемен. - Вып. 3. - СПб., 2012. - С. 205-243.
- Вековые образы и бродячие сюжеты в традиционном искусстве Средней Азии. – Ташкент, 1987.
- Вексина М. Лингвистический и палеографический анализ греческой надписи с посвящением Оксу на глиняной форме для отливки сосуда // АРТ. – 2010. – Вып. XXXIV. – С. 226–240.
- Величко А.А., Арсланов Х.А., Герасимова С.А., Исламов У.И., Кременецкий К.В., Маркова А.К., Ударцев В.П., Чиколини Н.И. Стратиграфия и палеоэкология раннепалеолитической пещерной стоянки Сель-Унгур (Советская Средняя Азия) // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990.
- Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношения России с Средней Азией со времени кончины Абулхайра. – Уфа, 1853. – Т.1.
- Венюков М. И. Россия и Восток. Собр. геогр. и полит, статей.– СПб, 1877.
- Веселовский В.Г., Мукимов Р.С., Мамадназаров М.Х., Мамаджанова С.М. Архитектура Советского Таджикистана. – М., 1987.
- Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве с древнейших времен до настоящего. – СПб., 1877.
- Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. Материалы Хорезмской экспедиции. - Вып. 10. - М., 1975.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья // ТХЭ. – М., 1981. – Вып. 19.
- Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия: Материалы Сов.-Афган. археол. экспедиции. – М., 1979. – Вып. 2.
- Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. – СЭ, 1957. - № 1.

- Виноградов А.В. Работы на могильнике Тумеккичиджик в Северной Туркмении // АО 1973. - М., 1974. - С. 500.
- Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. – М., 1986.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Исследования в юго-западных Кизилкумах. – М., 1970.
- Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан: этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. – М., 1975.
- Виноградов В.А. Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. – М., 1979. – Вып. 2.
- Виноградова Н. М. Могильник Тандырйул в Южном Таджикистане // Инф. бюлл. - М.: Наука, 1991. - Вып. 18. - С. 68–88.
- Виноградова Н. М. Отчет о раскопках могильника Таидырйул в 1975 г. // АРТ. – 1980. – Вып. XV (1975 г.).
- Виноградова Н. М. Памятники эпохи средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане // Вестник древней истории. - 2011. - № 4. - С. 84–98.
- Виноградова Н. М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М.: ИВ РАН, 2004. – 299 с.
- Виноградова Н. М., Гётцельт Т., Пьянкова Л. Т. Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // Российская археология. -2003. - № 1. - С. 103–115.
- Виноградова Н. М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Средневекового Востока / Б. Литвинский, ред. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986.
- Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. 2009. - Вып. XXXIII. - С. 35–72.
- Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году // АРТ. - 2010. - Вып. XXXIV.
- Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер 2012. – Тойфер М. Археологические исследования могильника Гелот в 2009 году // АРТ. - 2012. - Вып. XXXV.

- Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году // АРТ. - 2013. - Вып. XXXVI.
- Виноградова Н. М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М. Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана. – На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И.Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. - Спб, 2010. - С. 389-411.
- Виноградова Н. М., Пьянкова Л. Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // ИБ МАИКЦА.– М.: Наука, 1990. С. 98–112.
- Виноградова Н.М, Ранов В. А., Филимонова Т. Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). - М., 2008.
- Виноградова Н.М. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века // ЮТАЭ (1978). - 1984.
- Виноградова Н.М. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАЭ весной 1979 г. // АРТ, вып. XIX. - Душанбе, 1986.
- Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы / Н.М. Виноградова. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. – 299 с.
- Виноградова Н.М., Бобомуллоев С. Предварительные результаты исследований могильника Фархор – памятника эпохи бронзы на юге Таджикистана, весной 2014 г. // Маргианская экспедиция. Труды. - Т.6. - М., 2016. - С. 534-552.
- Виноградова Н.М., Бобомуллоев С.Г., Бобомуллоев Б.С. Отчет об археологических исследованиях на могильнике эпохи средней бронзы Фархор в Южном Таджикистане осенью 2013 года// АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 71-86.
- Виноградова Н.М., Е.Е. Кузьмина. Контакты степных и земледельческих племён Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. – Москва: Наука. – 1986.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте. // Проблемы культуругенеза и культурного наследия. - СПб, 2009. - С. 102-116.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи).– М.: ИВ РАН, 2018.– 276 с.: ил.

- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Ломбардо Д., Тойфер М. Новые исследования Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 2010 году (могильники эпохи бронзы Гелот и Дарнайчи) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. – М., 2013.
- Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г., Тойфер М. Погребения эпохи бронзы в окрестностях кишлака Гелот на юге Таджикистана // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И.Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. - СПб., 2010. - С. 389-411.
- Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангуртгута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового в.) – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2008. – 472 с.
- Виола В., Зайдлер Х., Дитер цур Нэдден. Изучение верхних краев пирамид височных костей OR-1 с помощью компьютерной томографии // Грот Оби-Рахмат. - Новосибирск, 2004.
- Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. По материалам Уйгарака // ТХАЭЭ. – 1973. – Т. 8. – 160 с.
- Вишняцкий Л.Б., Любин В.П. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблема первоначального заселения. // Археологический альманах. – Донецк, 1995. - № 4.
- Вишняцкий Л.Б. Изучение палеолита Средней Азии (материалы, методика, концепции). // СА. -1989. - №1.
- Вишняцкий Л.Б. На подступах к искусству (палеолит) // Стратум: структуры и катастрофы. – СПб, 1997.
- Вишняцкий Л.Б. О возрасте палеолита северо-западной Туркмении // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990.
- Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. - СПб.: Европейский дом, 1996.
- Вишняцкий Л.Т. О предыстории и причинах технических инноваций, знаменующих начало верхнего палеолита // Проблемы археологии каменного века. Сборник научных трудов. – Уссурийск, 1997.
- Волишевский К. Преемники Петра / Пер. с франц. Репринтное воспроизведение изд. 1912 г.– М., 1990.

- Воловников В. Г. По дорогам Востока и времени (вступительная статья) // Посланники Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. – М., 1986.
- Волошин В.С. Ашельские бифасы из местонахождения Вишневка-3 (Центральный Казахстан) // СА. – 1988 - № 4.
- Волошин В.С. Стратиграфия и периодизации палеолита Центрального Казахстана. // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки // Докл. межд. симпоз. – Новосибирск, 1990.
- Воробьева-Десятовская М. И. Памятники письмом кхароштки и брахми из советской Средней Азии// История и культура. Центральной Азии/ Г. М. Бонгард-Левин и др.– М., 1983.– С. 22-96.
- Воронина В.Л. Городище древнего Пенджикента как источник для истории зодчества // Архитектурное наследство. – 1957. – № 8. – С. 115-142.
- Воронина В.Л. Изучение архитектуры древнего Пенджикента // МИА СССР. – № 15. – Тр. СТАЭ. – Т. I. – М.; Л., 1950.
- Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. – М.: Стройиздат, 1977.
- Воронина В.Л. Народная архитектура Северного Таджикистана. – М., 1959. – 72 с.
- Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии // СА. – 1959. – №1.
- Воҳидов А. Аз таърихи луғатнависию тоҷику форс. – Самарканд, 1980.
- Всеобщая история архитектуры. – Т. 8
- Всеобщая история архитектуры, в 12-ти томах. – Т. 1. – М.: Стройиздат, 1970.
- Вяткин В.А. Афрасиаб – городище бывшего Самарканда. – Ташкент, 1927.
- Вяткин В.Л. Материалы к исторической топографии Самаркандского вилайята. – Самарканд. – 1902. – Вып. 7.
- Габуния М.К. Ранние этапы древнекаменного века в регионе Южно-Грузинского нагорья. // Археологические Вести. – СПб, – Вып.14.
- Гаджиева Н.З. Тюркские языки // Языки мира. Тюркские языки. - М., 1997. - С. 17-34.
- Гамбург Б.З., Горбунова Н.Г. Могильник эпохи бронзы в Ферганской до-

- лине. – КСИИМК. – Вып. 63. – М., 1956.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейские языки и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. – С. 440-1328.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры (в двух частях). - Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – 519 с.
- Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972. – С. 196.
- Гафуров Б. Точикон (дар ду чилд). Таърихи қадимтарин, қадим ва асри миёна. – Душанбе: Ирфон, чопи аввал. – 1983, чопи дувум дар як чилд. – Душанбе, 2008.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – в 2-х томах. – Душанбе: Ирфон, 1989. – 384 с.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М.: Наука, 1972. – 657 с.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история / Под общей ред. Б.А. Литвинского. - Душанбе: Ирфон, 1989 [Первое издание – М.: Наука, 1972].
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. – М., 1972.
- Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. В 2-х томах. – Душанбе, 1989. – 860 с.
- Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский и Восток. – М.: Наука, 1980.
- Гафуров Р. Забон ва услуби Раҳим Чалил. – Душанбе, 1966.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей: в 2 ч. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. – Ч.1. – 408 с.
- Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. - М., 1949.
- Гердер И.Г. Идея к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
- Геродот. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 480 с.

- Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г.А. Страфоновоого. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
- Гёрсдорф И. Датировка пробы по С14 со стоянок Тахти-Сангина и Люлякутал // АРТ. - Вып. XXIX. - Душанбе.- С. 158–159.
- Гинзбург В. В. Антропологическая характеристика саков Памира // КСИИМК. – 1960. – Вып. 80.
- Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.
- Гинзбург В. В. Антропологические данные к вопросу об этногенезе населения Среднеазиатского междуречья в кушанскую эпоху // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.
- Гинзбург В. В. Антропологические материалы из Вуадильского и Ак-Тамского могильника // КСИИМК. - Вып. 69. - 1957.
- Гинзбург В. В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА, № 15. Тр. Согдийско-Таджикской археологической экспедиции. - Т. 1. - М., – Л., 1950.
- Гинзбург В.В. Антропологические материалы из окрестностей древнего Пенджикента // МИА. - № 66. - 1958.
- Гинзбург В.В. Антропологические материалы к этногенезу таджиков // КСИИМК. - Вып. 61. - М., 1956а.
- Гинзбург В.В. Антропологические материалы по этногенезу таджиков //Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (АН СССР). – 1960. – Вып.80.
- Гинзбург В.В. Антропологический состав населения Западного Памира. По материалам Н.В.Богоявлинского//Антропологический журнал. – 1957.№1.
- Гинзбург В.В. Антропология современного и древнего населения Средней Азии // Anthropos. - № 15 (n.s. 7). - Vrno, 1963.
- Гинзбург В.В. Горные таджики. Материалы по антропологии таджиков Каратегина и и Дарваза. – М., Л.,1937. – 475 с. (Труды Ин-та археологии и антропологии АН СССР. – Т.16.).
- Гинзбург В.В. Древнее население Центрального Тянь-Шаня и Алтая по антропологическим данным (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). // ТИЭ. - Т. 21. - М., 1954.
- Гинзбург В.В. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища

- горных таджиков // Советская этнография. – 1936. – №3.
- Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Северного Казахстана // Сборник Музея антропологии и этнографии. - Т. XXI. - М.-Л., 1963.
- Гинзбург В.В. Материалы к антропологии древнего населения Ферганской долины // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 1. - М., 1956.
- Гинзбург В.В. Материалы к антропологии Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы // Труды ЮТАКЭ. - Т. IX. - Ашхабад, 1959. - С. 102-106.
- Гинзбург В.В. Материалы к краниологии Согда // Труды Таджикской археологической экспедиции. – М.; Л., 1953. – Т. II.
- Гинзбург В.В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии // КСИЭ. - Вып. XI. – 1950.
- Гинзбург В.В. Основные вопросы палеоантропологии Средней Азии в связи с изучением этногенеза ее народов // КСИЭ. - Вып. I. - М., 1959.
- Гинзбург В.В. Первые антропологические материалы к проблеме этногенеза Бактрии // МИА. - №15. - 1950.
- Гинзбург В.В. Раса Среднеазиатского междуречья и ее происхождение. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. - М., 1964.
- Гинзбург В.В. Расовые типы Средней Азии и их формирование в процессе этногенеза ее народов // ТТГУ. – Вып.235. Исторические науки. – Кн.39. – 1964.
- Гинзбург В.В. Таджики предгорий // Сборник МАЭ. XII. - Л., 1949.
- Гинзбург В.В., Гохман И.И. Костные остатки человека из Самаркандской палеолитической стоянки // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. - Л.: Наука, 1974.
- Гинзбург В.В., Дебеч Г.Ф., Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Очерки по антропологии Казахстана // КСИЭ. - 1952. - Вып. XVI.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Антропологический состав населения южной Туркмении в эпоху энеолита и бронзы (по материалам раскопок Кара-Депе и Геоксюра) // Труды ЮТАКЭ. - Т. X. - Ашхабад, 1961. - С. 478–528.
- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. - М.:

Наука, 1972. - 372 с.

- Гладилин В.Н., Ситливый В.И. Ашель Центральной Европы. – Киев, 1990.
- Гланц М., Виола Б., Чикишева Т. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // Грот Оби-Рахмат. - Новосибирск, 2004.
- Глушков И. Г. Керамика самусьско-сейминской эпохи лесостепного Прииртышья. Автореф. дисс. канд. историч. наук. - Новосибирск, 1986.
- Голосов Д. Поход в Хиву в 1839 г. // Военный сборник – СПб., 1863. – Т. 29. – № 1.
- Горбунова Н.Г. Культура Ферганы в эпоху раннего железа. – Археологический сборник [Государственного Эрмитажа]. – Л., 1962. – Вып.5.
- Горбунова Н.Г. О культуре степной бронзы Ферганы // Археологический сборник. – СПб: Государственный Эрмитаж. – 1995. – № 32. – 136 с.
- Горбунова Н.Г., Гамбург Б.З. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине // КСИИМК. - Вып. 63. - 1956.
- Горбунова Н.Г., Гамбург Б.З. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины // СА. - 1957. - № 3. - С. 130-135.
- Грамматикаи забони тоҷикӣ, к 1. Фонетика ва морфология. – Сталинобод, 1956.
- Грамматикаи забони тоҷикӣ. Синтаксис. – Душанбе, 1963.
- Грантовский Э. А. Индоиранские касты у скифов / Э.А. Грантовский // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, [№] 123. Москва. 9-16 августа 1960 г.-М.: Изд-во Восточная литература, 1960.
- Грантовский Э. А. О распространении иранских племен на территории Ирана // История Иранского государства и культуры. – М.: Наука, 1971. – С. 286-328.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. Основные проблемы. Вопросы хронологии. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 343 с.
- Грантовский Э.А. Послесловие в книге Мэри Бойс «Зороастрийцы: верования и обычаи». – С. 286.
- Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. Отв.

- ред. М. А. Дандамаев; Институт Востоковедения РАН. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Восточная литература, 2007. – 510 с.
- Грантовский Э.А. Серая керамика, «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). Душанбе, 17-22 октября 1977 г. – М.: Наука, 1981. – С. 245-273.
- Гребёнкин А.Д. Таджики // Таджики в источниках и трудах исследователей. - Душанбе, 2013.
- Гремяцкий М.А. Череп ребенка-неандертальца из грота Тешик-Таш. Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М., 1949.
- Гречкина Т.Ю. Отчет о работах Зарафшанского палеолитического отряда в 1994 г. Самарканд. Архив Института археологии АН РУз. Ф. 4, 0, 1. Д. 236. 1995. – Цит по: Ходжайов, 2004.
- Григорьев В.Г. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР. – М., 1970.
- Григорьев Г.П. Северный ашель, южный ашель, кавказский ашель // Всесоюз. археол. конф. Достижения советской археологии в XI пятилетке. – Баку, 1985.
- Григорьев Г.П., Ранов В.А. О характере палеолита Средней Азии. – Тез. докл. сессии посвящ. Итогам полевых археолог. исслед. в 1972 г. в СССР. – Ташкент, 1973.
- Григорьев С.Д. Древние индоевропейцы. Опыт исторической реконструкции. – Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1999. – 443 с.
- Громов А.В. Древнее население долины р. Сумбар (Юго-Западный Туркменистан) // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. - СПб., 2004. - С. 8-20.
- Громов А.В. Население Юго-Западного Туркменистана в эпоху поздней бронзы // Антропология сегодня. - Вып. 1. - СПб., 1995. - С. 151-160.
- Грушанская Ж.Я. Археологические памятники ранних кочевников на Памире. Рукопись. – Архив отдела археологии Института истории, археологии и этнографии АН РТ.
- Грязнов М. П. Афанасьевская культура на Енисее. – СПб, 1999.
- Губаева С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX в.) // Советская этнография. – 1987. – №1. –

С.91-92.

- Губогло М.Н. Современные языковые процессы (опыт, уроки и задачи социологического изучения) // Расы и народы. - М., 1979. – вып. 9.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. - Ташкент: ФАН, 1966. - 266 с. (Труды Махандарьинского отряда Узбекостанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР. Кн. I).
- Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966. – 268 с.
- Гумилёв Л. Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. – 1967. – № 3.
- Гумилёв Л. Н. Эфталиты и их соседи // ВДИ. – 1959. – № 1, стр. 129-140.
- Гумилев Л.Н. Вспышки этногенеза. Социальная и этногенетическая история. Конец и вновь начало. – М: Ди Дик, 1997.
- Гумилев Л.Н. География этноса в ее исторический период. – Л., 1990.
- Гумилев Л.Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. - М., 1960.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли.-Л.: Гидрометеиздат, 1990.- С. 59.
- Гумилев Л.Н. Эфталиты – горцы или степняки // ВДИ. - 1967. № 3. - С. 91 – 98.
- Гумилев Л.Н. Эфталиты и их соседи в IV в. // ВДИ. - 1959. - № 1. - С. 129-140.
- Гуревич Л.Л. Анализ городского пространства древнего Пенджикента // УСА. – Л., 1979. – Вып.4. – С. 39-40.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. – Баку, 1985.
- Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. - М., 1979.
- Давидович Е.Н., Литвинский Б.А. Археологический очерк Исфаринского района // Труды АН Таджикской ССР. - Т. 35. - Сталинабад, 1956.
- Давыдов А.С. Этническая принадлежность коренного населения горного Бадахшана (Памира). – Душанбе, 2005. – 152 с.
- Дальверзинтепа. Кушанский город на юге Узбекистана. – Ташкент: Изд. «Фан», 1978.

- Дальский А. Н. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшан. // МИА, 1950. – N 15. – С.232–240.
- Дальский Н.А. Наскальные изображения Таджикистана // ИВГО. – 1949. – Т.81. – Вып.2.
- Дебец Г.Ф. Антропологические исследования в Афганистане // Новые данные к антропологии Северной Индии. - М.: Наука, 1980.
- Дебец Г.Ф. О положении палеолитического ребенка из пещеры Тешик-Таш в системе ископаемых форм человека. - М., 1947.
- Дебец Г.Ф. Об антропологических особенностях человеческого скелета из пещеры Тешик-Таш // Труды Узбекского филиала АН СССР. Сер. История и археология. - Вып. 1. - Ташкент, 1940.
- Дебец Г.Ф. Опыт графического изображения классификации человеческих рас // СЭ. - 1958. - № 4.
- Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР. - Т. 4. - М.-Л., 1948.
- Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологический материал как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. - 1952. - №1.
- Деникер И. Человеческие расы. - СПб., 1902.
- Денисов Е. П. Могильник Ксиров в контексте погребальных памятников кочевников Северной Бактрии-Тохаристана II в. до н.э.– III в. н. э. /К этнической истории Северной Бактрии кушанского времени.-Ставрополь,1999.-131 с.
- Денисов Е.П. Отчет о работе Дангаринского отряда в 1974 г.//АРТ. – Душанбе, 1979.– Вып.14.– С.214-216.
- Деревянко А., Петрин В., Таймагамбетов Ж. Раннепалеолитические комплексы в травертинах Южного Казахстана (Вариант адаптационной модели). // Евразийское сообщество: экономика, политика, безопасность. – Алма-Ата, 1997. - №3 (19).
- Деревянко А.А. Проблемы антропогенеза и заселения человеком Восточной части Евразии // Современные проблемы науки. – Новосибирск, 2006.
- Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. - № 2 (22).
- Деревянко А.П. Миграции, конвергенция, аккультурация в раннем палеолите Евразии. // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. -

Книга 1. – М., 2006.

- Деревянко А.П. Проблема заселения древними популяциями человека Евразии. // Современные проблемы археологии. / Материалы всероссийского археологического съезда (23-28 октября 2006 г. Новосибирск). – Новосибирск. 2006. - Т.1.
- Деревянко А.П. Три глобальных миграции человека в Евразии. Происхождение человека и заселение им Юго-Западной, Южной, Восточной, Юго-Восточной Азии и Кавказа. – Новосибирск, 2015.
- Деревянко А.П., Кривошапкин А.П., Анойкин А.А., Кулькова И.В., Кулик И.А., Рини П.Дж., Виола В.Т., Гланц М., Исламов У.И. Грот-Обирахмат – опорный памятник финального среднего палеолита и начального этапа перехода к верхнему палеолиту на территории Средней Азии. // Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск, 2005.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск, 2001.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Исабеков З.К. Рыбалко А.Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. – Новосибирск, 2000.
- Деревянко А.П., Тамагамбетов Ж.К., Бексеитов Г. и др. Исследование памятников каменного века на северо-восточном склоне хребта Каратау (Южный Казахстан) в 1996 г. // Новейшие археологические и антропологические открытия в Сибири: Мат-лы IV Годовой итоговой сессии ИАЭТ СЦ РАН. – Новосибирск, 1996.
- Деревянко А.П., Шуньков В.М., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Европе в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск, 2014.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В. Сколько предков у современного человека. // В защиту науки. – 2012. № 9.
- Джахонов У.Д. Земледелие таджиков долины Соха в конце XIX – начале XX в. – Душанбе, 1989. – 216 с.
- Дженкинсон А. Путешествие в Среднюю Азию в 1558-1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. – Л., 1937.

- Джумъакул А. История изучения лессового палеолита Таджикистана // Материалы 52-й Международной научной студенческой конференции МНСК–2014. 11–18 апреля 2014 г. Археология. - Новосибирск, 2014. - С. 17-18.
- Джурабаев Д.Х. Из истории жилищной культуры таджиков (по письменным, археологическим и этнографическим источникам).- Худжанд, 2009. – 272 с.
- Джуракулов М. Д, Аванесова Н. А. Новые исследования по Сазаганскому поселению // ИМКУ. – Ташкент, 1984. – Вып. 19.
- Джуракулов М. Д, Холматов Н. У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент: Фан, 1991. – 124 с.
- Джуракулов М. Дж., Ходжайов Т.К. Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии, древней истории и этнографии (Сб. науч. трудов). - Самарканд, 1984.
- Джуракулов М.Д, Ходжойов Т.К. Древнейшее, древнее и средневековое население Зарафшанской долины: уч. пособие. – Самарканд: СамГУ, 1987. – 42 с.
- Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита Средней Азии. – Ташкент, 1987.
- Джуракулов М.Д. Каменный век бассейна Зарафшана: дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. - Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 1992. – 58 с.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан. – 1991.
- Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1981.
- Джуракулов М.Д., Холюшкин В.А., Батиров Б.Х. Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии. Палеолит Средней и Восточной Азии. - Новосибирск: Наука, 1980.
- Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. Горы и равнины: культурные контакты (неолит Среднего и Нижнего Зарафшана). – Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. - Самарканд–Бишкек, 2005. - С. 75–81.
- Диноршоев М.Д. Вклад эпохи Саманидов в развитие духовной культуры Центральной Азии //Фалсафа дар аҳди Сомониён. – Душанбе: Дониш, 1999. – С. 66–81.

- Добровольская М.В., Медникова М.Б. «Взрослые» дети неандертальцев: гистологическое исследование ювенильных индивидов из пещеры Окладникова. // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск, 2013.
- Доварӣ Ғ.Ҷ. Таҳлили забонӣ ва таърихи вожаи «тоҷик» бар мабнои осори кашфшуда. - Душанбе, 2016. – С. 117.
- Додонов А.Е. Антропоген Южного Таджикистана. – М., 1986.
- Додонов А.Е. Четвертичный период Средней Азии. – М., 2002.
- Додонов Е.А., Ранов В.А. Геохронология памятников каменного века Южного Таджикистана // Новые данные по геохронологии четвертичного периода: к XII конгрессу ИНКВА (Канада, 1987 г). – М. 1987.– С. 187-196.
- Додхудоева Л. Научное наследие А.А. Семенова и М.С.Андреева (архивные документы). – Душанбе: Дониш, 2013.
- Додхудоева Л.Н. Свадебные обряды исмаилитов Памира // Проблемы истории, культуры, филологии стран Азии. – Л.,1973. – Вып. 1(60). – С.31-39.
- Долгая Г.А. Лянгар: остановленное время. С.7/ http://samlib.ru/d/dolgaja_ga/langar.shtml
- Долуханов П.М. Региональные различия и групповое самосознание в каменном веке Европы. // Локальные различия в каменном веке. – СПб, 1999.
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М.: Наука, 1985.
- Древности Таджикистана. Каталог выставки. – Душанбе, 1985.
- Древняя Бактрия // Материалы Советско-Афганской экспедиции 1964-1973гг. – М., 1976.
- Дружинина А. П., Худжагелдиев Т. У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти Сангин в 2006 г. // АРТ. – Вып. XXXII. 2008. - С. 50–76.
- Дружинина А.П. Археологические исследования городища Тахти-Сангин в 2010 г. // АРТ. – 2016. – Вып. XXXVI. – С.149-162.
- Дружинина А.П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени // АРТ. – 2004. – Вып. XXIX. – С. 224-236.
- Дружинина А.П. Раскопки на городище Тахти-Сангин в 1998-1999 гг. //

АРТ. - Вып. XXVII. 2000. - С. 243, 259.

Дружинина А.П., Худжагелдиев Т.У. Открытие неолитической стоянки под зданием храма Окса на городище Тахти-Сангин (Южный Таджикистан) // АРТ.– Душанбе.– 2004.– Вып. 29.– С. 131-158.

Дружинина А.П., Худжагельдиев Т.У., Инагаки Х. Отчет о раскопках на городище Тахти-Сангин в 2009-2010 гг. Работы на площади храма Окса в раскопах № 17 и № 18 // АРТ. – 2016. – Вып. XXXVIII. – С. 280–316.

Дружинина А.П., Худжагельдыев Т.У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах храма № 17 и № 18 // АРТ. – 2009. – Вып. XXXIII. – С. 107-136.

Дубова А.И., Дубова Н.А., Рыкушина Г.В. Антропологическая характеристика групп ирони и арабов Средней Азии // Полевые исследования Института этнографии 1980-1981. - М.: Наука, 1982. - С. 186-195.

Дубова Н.А. Антропологическая характеристика некоторых групп населения Северного Таджикистана // ВА. - Вып. 52. - М., 1976. - С. 169-184.

Дубова Н.А. Антропологические и этнические общности на территории Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. - М., Старый сад, 2000. - С. 181-182.

Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. - М., 2006. - Т. 1. - С. 301-306.

Дубова Н.А. Антропологический покров Туркменистана в древности и в наши дни // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В.И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т. 3. - СПб.: Алетейя, 2010. - С. 484-503.

Дубова Н.А. Антропологический состав населения Северного Таджикистана и этногенетические проблемы Среднеазиатского региона. Ч.1,2. Деп. рук. ВИНТИ № 6944-В-85. - М., 1985.

Дубова Н.А. Антропологический состав современного населения Средней Азии и пути его формирования // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. М., Вып. 4.

- М., 1991.

- Дубова Н.А. Антропология Гонур Депе: так есть ли степной антропологический компонент у земледельцев II тыс. до н.э. Южного Туркменистана? // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Всероссийская научная конференция. - Барнаул, 2008. - С. 201-205.
- Дубова Н.А. Биологическая и социально-культурная дифференциация человечества. (История, экология и политика) // Расы и народы. Вып. 34. - М., Наука, 2009. - С. 49-77.
- Дубова Н.А. К антропологии современных бахтиар // Вестник антропологии. Вып. 20. - М.: ИЭА РАН, 2011б. - С. 15-22.
- Дубова Н.А. К проблеме формирования памиро-ферганской расы // СЭ. - 1978. - № 4.
- Дубова Н.А. Миграции и торговля: антропологические заметки // Краткие сообщения ИА РАН. - Вып. 223. - М.: Наука, 2009а. - С. 224-243.
- Дубова Н.А. Могильник и царский некрополь на берегах большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации. - М., 2004. - С. 254-281.
- Дубова Н.А. Неразрывная связь. Биология человека и его история. Саарбрюкен: Lap Lambert Academic Publishing, 2011.
- Дубова Н.А. Новые антропологические данные к проблеме взаимодействия скотоводов и земледельцев Средней Азии в эпоху бронзы // Записки ИИМК РАН. - № 6. - СПб.: «Дмитрий Буланин», 2011. - С. 143-156.
- Дубова Н.А. Новые антропологические исследования на Памире // Полевые исследования Института этнографии 1978. - М., 1980. - С. 207-211.
- Дубова Н.А. Распределение антропометрических признаков в Северном Таджикистане // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира. - М., 1976.
- Дубова Н.А. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. - М.: Старый сад, 1996.
- Дубова Н.А., Куфтерин В.В. Антропология могильника Шахидон: предварительные результаты исследования материалов из раскопок 2012 – 2013 гг. // АРТ. 2013. Душанбе, в печати.
- Дудин С.М. Фотография в этнографических поездках // Казанский музей-

ный сборник. - 1921. - №1, 2.

- Дуке Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане // Успехи среднеазиатской археологии. – Л., 1975. Вып.3.
- Дуке Х. Чиракчинское поселение. // ИМКУ. - Т., Фан, 1982, Вып.17.
- Дурри дарёи дарй ва шеваи шимолй. – Душанбе, 1999.
- Дьяконов И.М. Восточный Иран до Кира: (К возможности новых постановок вопроса) //История Иранского государства и культуры: К 2500-летию Иранского государства. – М., 1971. – 350 с., схемы, ил. – С. 122-154.
- Дьяконов И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. / И.М. Дьяконов; отв ред. К.В. Тревер. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 486 с.
- Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов / И.М. Дьяконов // ВДИ. – 1982. – № 3. – С. 3-30; № 4 – С.11-25.
- Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. – 1982. – № 3. – С. 3-30; № 4 – С.11-25.
- Дьяконов И.М. Рецензия на книгу: Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы (Материалы и исследования по археологии СССР, № 73. - М.,-Л., 1959 // ВДИ. – 1960. – № 3. – С. 196-203.
- Дьяконов М. М. Росписи Пенджикента и живопись Средней Азии // Живопись древнего Пенджикента. - М., 1954.
- Дьяконов М. Путешествия в Среднюю Азию от древнейших времен до наших дней. – Л.,1932.
- Дьяконов М.М. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиян) // МИА. – 1953. – №37. – С.258-275.
- Дьяконов М.М. Древняя Бактрия / М.М. Дьяконов // По следам древних культур. – М.: Гос-ое изд-во культурно-просветит. лит-ры, 1954.
- Дьяконов М.М. Древняя Бактрия // По следам древних культур. – М.: Гос-ое изд-во культурно-просветит. лит-ры, 1954. – С. 305-334.
- Дьяконов М.М. Очерк истории древнего Ирана. - М.: Наука, 1961.
- Дьяконов М.М. Перспективы археологического изучения Таджикистана // Труды Таджикского филиала АН СССР, История, археология, этнография, язык и литература.– Сталинабад, 1951.– Т. XXIX.
- Дьяконов М.М. Работы Кафирниганского отряда // МИА, №15. Труды Согдийско-таджикской экспедиции. Т.1.
- Дьяконов М.М. Сложение классового общества в Северной Бактрии //

- СА. – 1954. – Т.19. – С.121-140.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / Ж. Дюмезиль; Пер. с фран. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1986. – 234 с.
- Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев; Пер. с фран. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1986. – 234 с.
- Ёкубшоҳ Ю. Давлати Каниён. – Душанбе: «ЭР-граф», 2012.
- Елизаренкова Т.Я., Кибрик А.А., Куликов Л.И. (ред) 2004: Языки Мира. Индоарийские языки. - Москва: Академия.
- Елизаренкова Т.Я. «Ригведа» – великое начало индийской литературы и культуры //Ригведии: Мандалы 1-1У. – М.: Наука, 1986. – С. 429-431.
- Еремеев. Е.Д. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – М.: Наука, 1971.– 274 с.
- Ершов Н.Н. Каратаг и его ремесла (историко-этнографический очерк). - Душанбе,1984. – 120 с.
- Ершов Н.Н. Сельское хозяйство таджиков Ленинабадского района Таджикской ССР перед Октябрьской революцией (историко-этнографический очерк). – Душанбе, 1960. – 174с. (Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Тадж. ССР. – Т.28.).
- Ершов Н.Н., Кисляков Н.А.,Пещерева Е.М. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. – М.; Л., 1954. – 232 с. (ТИЭ АН СССР. Т. XXIV).
- Еськина О. К. Современная свадьба таджиков // Вестник университета. – Душанбе, 2005. – № 1(6). – С.139-141.
- Еськина О.К. Отражение этнических процессов в одежде таджиков (советский период) // Вестник Педуниверситета. – Душанбе,2004. – №6. – С.21-25.
- Ефремов Ф. Десятилетнее странствование. – М.,1952.
- Живопись древнего Пенджикента. – М., 1953.
- Жилище народов Средней Азии и Казахстана. – М.:Наука,1982. – 240 с.
- Жуков В. А. Находка древнетюркского изваяния в Таджикистане // МКТ.– Душанбе, 1978.– Вып. 3.– С. 120-121.
- Жуков В.А. Новые данные по каменному веку Ленинабадской области (работы 1983 г.)// АРТ. – Вып.23. – Душанбе, 1991. – С.15-21.
- Жуков В.А. О работе по изучению каменного века в 1984 г. // АРТ– Душанбе, 1993. – Вып.24.– С.40-43.

- Жуков В.А. Перспективы изучения каменного века Памира // Палеоэкология древнего человека. – М. – 1977.
- Жуков В.А. Работы Маркансуйского археологического отряда в 1980 г. // АРТ – Душанбе, 1987. – Вып. XX (1980 г.).
- Жуков В.А. Раскопки пещеры «Истыкская» (1978-1979 гг.) // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып. 19. – 51-65.
- Жуков, В.А., Ранов В.А. Древние колесницы на Памире // Памир. – 1974. – № 11.
- Жуковский С. В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. -Пг., 1915.
- Жуковский С.В.К истории сношений России с Бухарой и Хивой конца ХУШ в. (Посольство переводчика Бекчурин в Бухару в 1781 г.) // Восточный сборник Об.-ва русской ориенталистики. – Пг., 1916. – Кн. 2.
- Забелина Н.Н. Раскопки на городище Кала-и Мир // МИА.-1953.- №37. - С.294-301.
- Забони адабии ҳозираи тоҷик. Синтаксис. – Душанбе, 1970.
- Забони адабии ҳозираи тоҷик. Фонетика, лексикология ва морфология, Қ. I.- Душанбе, 1973.
- Завьялов В. В. Исторический обзор путешествия в Бухару. -Уфа, 1858.
- Завьялов В.А. Кушаншахр при Сасанидах (по материалам раскопок городища Зартепа). – СПб., 2008.
- Заднепровский Ю. А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии// КСИА. – 1981. – Вып.167: Археология Сибири, Средней Азии и Кавказа. – С. 23-28.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. – 1962. – №118. – С.77-80
- Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине// Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.; Л., 1966.
- Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА. – 1962. – №118. – 328 с.: ил., 3 л.ил.
- Зайнадин Васифи. Бадаи ал-вакаи. Критический текст, введ.и указ.- 1961. -Т.1-2.
- Залесов Н. Посольство в Хиву капитана Никифорова в 1841 г. // Военный сборник. – Т.ХХII. – СПб., 1867. – №11.
- Замятнин С.Н. Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 г. // Труды

- ТМН СССР. – Сталинабад, 1951. – Т.29.
- Запорожченко А. В. Шаманские реминисценции в духовной культуре индоиранцев. – Новосибирск, 2007.
- Заратустра. Учение огня. Гаты и молитвы. – М., 2006.
- Зарубин И. И. Орошорские тексты // Памирская экспедиция 1928г. Труды экспедиции. - Л., 1930. - Вып. VI: Лингвистика.
- Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // СМАЭ. - 1918. - Т. V.
- Зарубин И.И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга // СМАЭ. – 1918. – Т. V. – Вып. 1. – С.97-148.
- Зарубин И.И. Население Самаркандской области. Его численность, этнографический состав и территориальное распространение. – Л., 1926. – 34 с.
- Зарубин И.И. Обувь горных таджиков долины Бартанга // СМАЭ. - 1916. - Т. III. - С. 89-94/576-584.
- Зарубин И.И. Путь с р. Язгулем, р. Бартанга и р. Грунт // Известия Туркестанского отделения Имп, РГО. - Ташкент, 1916. - Т. XII. - Вып. 2.
- Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края // Труды КИПС. Л., 1925.
- Зданович Г.Б. Архитектура поселения Аркаим / Г.Б. Зданович // Маргулановские чтения. 1990: сб. материалов конф. – М.: ИА АН Казахстана, 1992. – Ч. 1.
- Зданович Г.Б. Батанина И.М. Аркаим – Страна городов: Пространство и образы (Аркаим: горизонты исследований). - Челябинск: Изд-во Крокус; Юж.-Урал. кн. изд-во, 2007. – 260 с.
- Зезенкова В. Я. К этногенезу расового типа Среднеазиатского междуречья // Проблема археологии Средней Азии. Тезисы докладов. - Л., 1968.
- Зезенкова В. Я. Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва // ТЮТАКЭ. - Т. IX. - 1959.
- Зезенкова В. Я. Некоторые краниологические материалы кушанского времени в средней Азии // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.
- Зезенкова В. Я. Скелет из погребения в поселении эпохи бронзы близ г. Чуста // Советская антропология. - 1958. - № 3.

- Зезенкова В.Я. Краниологический материал из могильников Бухарской области // ИМКУ. - Вып. 4. - Ташкент, 1963.
- Зеймаль Е. В. Разведочные работы Гиссарско-Пянджского отряда ЮТАЭ в 1974 г. // АРТ. – Душанбе, 1979а. – Вып. 14. – С. 136-137.
- Зеймаль Е.В. Амударьинский клад (каталог выставки). – Л., 1979.
- Зеймаль Е.В. Буддийский монастырь Уштурмулло (работы 1982 г.) // АРТ. Вып. XXII (1982 г.). - Душанбе, 1990.
- Зеймаль Е.В. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // СНВ. Вып. 10. М., 1971.
- Зеймаль Е.В. Древние монеты Таджикистана. – Душанбе, 1983. – 309 с.
- Зеймаль Е.В. Кубок из погребения в Суджине // АРТ. – Сталинабад, 1961. – Вып. 6. – С. 167-168.
- Зеймаль Т. И. Древние и средневековые каналы Вахшской долины // Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. 10. – С. 46–47.
- Зеймаль Т.И. Амударьинский клад. Каталог выставки. -Л.: Искусство, 1979. – 95 с.
- Зеймаль Т.И. Буддийская ступа у Верблюжьей Горки // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С.70-78.
- Зеймаль Т.И. Буддийский комплекс Шутур-Мулло // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19. – С.186-202.
- Зеймаль Т.И. Буддийский монастырь Уштур-Мулло (работы 1982 г.) // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып.22. – С.255-261.
- Зеймаль Т.И. Из прошлого Вахшской долины // Археологи рассказывают. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1959.
- Зеймаль Т.И. Раскопки буддийского комплекса Уштур-Мулло в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып.21. – С.325-336.
- Зелинский А.Н. Древнее погребение на Южном Памире // Страны и народы Востока. – М., 1965. – Вып. 4.
- Зелинский А.Н. Древние крепости на Памире // Страны и народы Востока. – М., 1964. – Вып.3.
- Зеҳнӣ Т. Аз таърихи лексикаи забони тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 1987.
- Зеҳнӣ Т. ва Бакозода Х. Сарф. – Сталинобод, – Самарканд, 1931 (на латин. графике).
- Золотарева И.М. Соматологические исследования в Ферганской долине // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - М., 1956. - Т.1.

- Зороастрийские тексты. Суждения Духа Разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение Основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М. Чунаковой. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», РАН, 1997. – 352 с.
- Зубаков В.А. Эволюция первобытного человечества и климат // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки (Доклады Международного симпозиума). – Новосибирск, 1990.
- Зубов А.А. Гохман И.И. Некоторые дополнительные одонтологические данные в связи с описанием костных останков человека с палеолитической стоянки Самарканд // Вестник антропологии. Научный альманах. - Вып. 10. - М., 2003.
- Зубов А.А. Еще раз о зубах из пещеры Сельунгур // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2009. - №2 (38).
- Зубов А.А. Трудные эпизоды в ходе расселения древнейшего человечества // Российский археологический ежегодник. – 2012, № 2.
- Зубов А.А. Человек заселяет свою планету. – М., 1963.
- Зубов А.А., Халдеева Н.И. Одонтология в современной антропологии. - М., 1989.
- Зубов А.А., Ходжайов Т.К. Палеолитическая стоянка Сельунгур: (Антропологическое исследование) // Вестн. антропологии. - М., 2004. - Вып. 11. – С. 21-27.
- Ибрагимов Н. "Путешествие" Ибн Баттуты (1339) как источник по истории Средней Азии //Средняя Азия в древности и средневековья. – М.,1977;
- Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. – М.,1988.
- Иброхимов М.Ф. Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе, 2013.
- Иванов В.А., Гарустович Г.Н., Пилипчук Я.В. Средневековые кочевники на границе Европы и Азии.– Уфа: Изд-во БГПУ, 2014. – 396 с.
- Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. - М., 2004. - С. 41-67.
- Иванов Г.П. Кашкарчинский могильник – новый памятник эпохи бронзы в Фергане // ОНУ. - Ташкент, 1988. - № 10.

- Иванов С.В. К вопросу о значении изображений на старинных предметах культа у народов Саяно-Алтайского нагорья. // МАЭ. – М. – Л., 1955. – Т. XIX.
- Иванов С.В. Сибирские параллели к магическим изображениям из эпохи палеолита // Советская этнография. – 1934. – № 4.
- Ивановский А.А. Население земного шара. Опыт антропологической классификации. - СПб., 1911.
- Ивановский А.А. Об антропологическом составе населения России. СПб., 1904.
- Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // ВДИ. - 2011. - №4. - С. 110-129.
- Из истории коллективизации сельского хозяйства и колхозного строительства в Таджикской ССР // Сб. документов. - Душанбе, 1973.
- Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. - М., Труды ГИМ, 1941. – вып. XV.
- Известия Академии наук, историко-филологическое отделение. - 1915. - Т. IX №7.
- Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношении. -1913, 1914.
- Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. - М.: УРСС, 2003.
- Ильясов Дж. Я. Раскопки на северном некрополе Дабилькургана // МТЭ. – Елец, 2011. – Вып.8.
- Имп. Академия наук 1889-1914. 1917. - Т. II: Материалы для истории академических учреждений за 1889-1914гг. - Ч. 1.
- Иностранцев К.А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса / К.А. Иностранцев // ЖМНП. – 1911. – Ч. XXXI (новая серия).
- Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. - СПб, 1909.
- Иностранцев К.А. Река Ёрāн-Вэджа в парсийской традиции // РАН. – 1917. – Сер. VI. – № 12.
- Ионесов В.И. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии. Автореф.дисс. канд. ист. наук. - Самарканд, 1990.

- Исаков А. И. Верховья Зарафшана в эпоху энеолита и бронзы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада. - Л.: ИИМК РАН, 1991а. 37 с. Исаков А. Богатое женское захоронение из Саразма (Таджикистан) // АВ. - 1992. - № 1.
- Исаков А. И. Отчет о работе на Саразме в 1980 г. // АРТ. – 1987а. – Вып. 20.
- Исаков А. И. Раскопки на поселении Саразм // АО 1979 г. - М., 1980.
- Исаков А. И. Саразм. - Душанбе, 1991.
- Исаков А. И., Безенваль Р. М., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С. Г. Работы советско-французской экспедиции в 1990 г. // АРТ. – 2001. – Вып. 28.
- Исаков А. И., Потемкина Т. М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА.– 1989.– № 1. - С. 145–167.
- Исаков А. И., Раззоков А. Р., Бобомуллоев С. Раскопки Саразмского археологического отряда в 1988 г. // АРТ. - 2000. - Вып. 27.
- Исаков А. О работе международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. - 1994. - Вып. 25.
- Исаков А., Потёмкина Т.М. Раскопки могильника Дашти-Кози //Археологические открытия 1986 года.– М.,1988.– С.514-518.
- Исаков А., Раззоков А. Отчет о работах саразмского отряда в 1986 г. // АРТ. – Душанбе – Худжанд, 2005.
- Исаков А.И. Верховья Зарафшана в эпоху энеолита и бронзы (К проблеме многоочагового развития Средней Азии в раннеземледельческую эпоху) // Автореф. дис... д.и.н.– Л., 1991.
- Исаков А.И. Древний Пенджикент. – Душанбе, 1982.
- Исаков А.И. Исследование Саразмского отряда в 1984 г. //АРТ. – Душанбе, 1993.– Вып. 24.– С.127-130.
- Исаков А.И. Некрополь Саразма и развитие раннеземледельческой культуры на верхнем Зарафшане // Технологический и культурный прогресс в раннеземледельческую эпоху / тез. Докладов Республиканского совещания. – Ашхабат, 1987.
- Исаков А.И. О работе Международной археологической экспедиции на поселении Саразм в 1985 г. // АРТ. – Душанбе,1994. – Вып. 25. – С. 85-99 (с.85-86).
- Исаков А.И. Работы Косатарошского отряда в 1977 г. // АРТ. - Душанбе. – 1983. – Вып.17.

- Исаков А.И. Разведки и раскопки Саразмского массива в 1981г. // АРТ.– Душанбе. – 1988.– Вып. 21.– С. 186-198 (с. 187).
- Исаков А.И. Раскопки в Саразме // АО 1978 г. - М. 1979.
- Исаков А.И. Саразм – новый раннеземледельческий памятник Средней Азии // СА. – 1986. – №1.
- Исаков А.И. Саразм (к вопросу становления земледельческой культуры Зарафшанской долины / раскопки 1977-1983 гг.). – Душанбе, 1991.
- Исаков А.И. Тайна захоронения «богини» // Наследие предков. – Душанбе, 1998. – № 36.
- Исаков А.И. Цитадель древнего Пенджикента. – Душанбе, 1977.
- Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // Советская археология, 1989. - № 1.
- Исаков А.И., Эшонкулов У. Работы Косатарошского отряда // Археологические открытия 1977 г. - М., 1978.
- Исамиддинов М. Х., Сулейманов Р.Х. Еркурган (стратиграфия и периодизация). – Ташкент: Фан. – 1984. – 159 с.
- Искандаров Б. И., Масов Р. М. Россия и Таджикистан – Душанбе: «Ирфон», 1984.
- Исламов У. К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана // ИМКУ. – Ташкент, 1975. – Вып. 12.
- Исламов У. Кельтеминарская культура на Махан-Дарье // Научные работы и сообщения АН Узб. ССР. Отделение общ. наук. Кн. 4. - Ташкент, 1961.
- Исламов У. Многослойная стоянка кельтеминарской культуры в низовьях Зарафшана // История материальной культуры Узбекистана. – 1963. – Ташкент. – Вып.4.
- Исламов У. Обиширская культура. – Ташкент, 1980.
- Исламов У. Первая палеолитическая стоянка в Ферганской долине // ОНУ. - № 8. - 1984.
- Исламов У.И. Древнейшая пещерная палеолитическая стоянка Сельунгур в Ферганской долине // СА. - 1990. - № 2. - С. 115-127.
- Исламов У.И. Пещера Мачай. – Ташкент, 1975.
- Исламов У.И., Зубов А.А., Харитонов В.М. Ашельский памятник Сельунгур в Ферганской долине // Вопросы антропологии. - 1988. - Вып. 80. - С. 38-49.

- Исламов У.И., Крахмаль К.А. Палеоэкология и следы древнейшего человека в Центральной Азии. - Ташкент, 1995.
- Исламов У.И., Кривошапкин А.И. Результаты работ археологического палеолитического отряда за 2000 г. Обирахмат. // Археологические исследования в Узбекистане. 2000 год. – Самарканд, 2001.
- Исмагулов О. Краниологические материалы к антропологии ранних кочевников Среднего Прииртышья // Известия АН Казахской ССР. Сер. общ. наук. - Алма-Ата, 1967. - №3.
- Исмагулов О. Проблема формирования антропологического типа казахов по данным краниологии древнего и современного населения Казахстана. - Алма-Ата, 1970.
- Исматуллоев Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. – Сталинобод, 1954.
- Исмоилов И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1972.
- Исоков А. Саразм – огози тамаддуни халқи тоҷик. Панҷакенти Сугд.– Хучанд. – 2005.– 401с.
- Исоматов М.М. Эфталитское государство и его роль в истории Центральной Азии. Автореф. доктор. дисс. - Душанбе, 2009.
- История Академии наук СССР. 1803-1917. - М.-Л., 1964.
- История Горно-Бадахшанской автономной области / С древнейших времен до новейшего периода. – Глава II. Каменный век. – Душанбе, 2005. – Т. 1.
- История и этнография народов Средней Азии. – Душанбе, 1981. – 153 с.
- История Имп. Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846-1896. - СПб, 1900.
- История таджикского народа / Под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. - Т. 1. - Душанбе, 1998.
- История таджикского народа. – М., 1964. – Т.2. – Кн.2.
- История таджикского народа. – Том 1: Древнейшая и древняя история. /Под редак. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. – Душанбе: АН РТ, 1998.
- История таджикского народа. Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш. – 1998. – Т.1. – 752 с.
- История Узбекской ССР. – Ташкент, 1955. – Т. I. – Кн. первая.
- История Шугнана. Пер.А. А. Семенова. - Ташкент, 1916.
- Исхаков М., Камолитдин Ш., Бабаяров Г. Титулатура доисламских правителей. - Ташкент, 2009.

- Итина М. А., Яблонский Л. Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Восточная литература РАН. – 2001. – 186 с.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II – начало I тыс. до н.э. – М. – 1977. – 240 с.
- Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
- Итина М.А. Раскопки могильника тазабагьябской культуры Кокча 3 // Материал Хорезмской экспедиции. - Вып. 5. - М., 1961.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний Бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Изд. фирма Восточная литература. РАН, 2001. – С. 32-34. – 295 с.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). - М., 1997.
- Итина МА. О месте тазабагьябской культуры среди культур степной бронзы // СЭ. – 1967. – № 2.
- Иткин И.Б., Бурлак С.А. Тохарские языки; Тохарский А язык; Тохарский В язык. В кн. Языки Мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. - Москва: Academia. С. 386 – 485.
- ИТН 1 – История таджикского народа. Древнейшая и древняя история / Под ред. академика АН Республики Таджикистан Б.А. Литвинского и члена –корреспондента АН Республики Таджикистан В.А. Ранова. – Душанбе: Суруш.– 1998.– Т.1.– 752 с.
- ИТН 2 – История таджикского народа. Эпоха формирования таджикского народа /Под редакцией академика академии наук Республики Таджикистан Н.Н. Негматова.– Душанбе – 1999.– Т. 2.– 649 с.
- ИТН 3 – История таджикского народа. (Период развития феодального общества). – Душанбе: «Дониш», 2013. – Том 3.– 580 с.
- Итоги всесоюзной переписи населения 1959 г.//Таджикская ССР. - М.: Госстатиздат, 1963.
- Ишанкулов Х.Т. Брак и свадьба у населения Ходжента в новое время (конец XIX – начало XX вв.). – Душанбе: Дониш, 1972. – 121 с.
- Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III–VII вв.). – Ташкент, 1977.
- Кабуснаме. Энциклопедия персидско-таджикской прозы. – Душанбе,

1986. – С. 36-37.

- Кайковус Унсурмаоли. Кабуснамэ / Перев. и предис. Е.Э. Бертельса. – М., 1958.
- Кайковус Унсурмаоли. Кобуснома. – Душанбе, 1979.
- Каландаров Т. Шугнанцы (историко-этнографическое исследование). – М., 2004. – 478 с.
- Каландаров Т.С., Шоинбеков А.А. Некоторые аспекты похоронной обрядности народов Западного Памира // Вестник антропологии. – 2014. – №1(27). – С.70-83.
- Каменецкий И.С. Археологическая культура – ее определение и интерпретация / И.С. Каменецкий // СА. – 1970. – № 2. – С. 18-36.
- Каменный век / Всемирная история. – Минск-Хорвест-Москва, 2002.
- Камолиддинов Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим. – Душанбе, 1967.
- Кангуртут. Материалы археологической экспедиции 2015-2016 гг. - Вып.1. - Душанбе, 2017.
- Капранов В. А. «Лугати фурс» Асади Тусӣ и его место в истории таджикской (форси) лексикографии. – Душанбе, 1964.
- Капранов В. А. Таджикско-персидская лексикография в Индии XVI-XIX вв. – Душанбе: Дониш, 1987.
- Каримова А. А. Говор таджиков_Бухары. – М., 1957.
- Каримова Г. Р. Культурные сооружения Саразма (по материалам раскопок А. И. Исакова в 1978–1986, 1989, 2000 гг.) // АРТ. – 2009. – Вып. 33.
- Каримова Г.Р. Головной убор саразмской жрицы // Археология и история Таджикистана. К 80-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Таджикистан Юсуфа Якубовича Якубова. – Сб. статей / Отв. редактор Г.Р. Каримова. – Душанбе: «Дониш». – 2017.
- Каримова Г.Р. Дозороастрийские верования древнего Саразма // Наследие предков. – Душанбе, 2012. - № 15.
- Каримова Г.Р. Зеркало в связи с погребальными обрядами в эпоху энеолита и бронзы (по материалам древних могильников Таджикистана). // Последний энциклопедист: к 90-летию юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. – М. – 2013.
- Каримова Г.Р. Саразмское зеркало в контексте обряда (проблема типологии погребальной культуры) // Наследие предков. – Душанбе,

2011. - № 14.

- Каримова Г.Р. Случайные находки топора – тесла и кельтов в Пенджикентском районе // АРТ. – Душанбе. – 2013. – Вып. 36.
- Каримова Г.Р. Таджикистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том I. Традиционные верования и шаманизм. – Самарканд: МИЦАИ.– 2016. – С.138-199.
- Каримова Г.Р., Курбанов Ш.Ф. Наскальные изображения в сае Хавзак // АРТ. – Душанбе, 2014.– Вып. 37.– С. 78-99.
- Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. – М.,1976. – 327 с.
- Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). – М., 1976.
- Кармышева Б.Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (полевые исследования Ф.А.Фиельструпа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – М.,1988. – Вып.10.
- Касымов М.Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане // Палеолит и неолит СССР. Т. 7. Л.: Наука, 1972.
- Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): Автореф. дис. д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990.
- Каталог исторических памятников Таджикистана. /Составитель М. Азизов.– Душанбе, 2011.
- Кедров Б.М., Розенфельд Б.А. Абу Райхан Бируни. – М.,1973.
- Кирчо Л. Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // ЗИИМК. - 2007. - № 2.
- Кирчо Л. Б. Изделия из камня и источники сырья в период ранней бронзы (по данным Алтын-депе, южный Туркменистан) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. - Спб., 2014.
- Кирчо Л. Б. Изучение культурной трансформации раннеземледельческих обществ (по материалам новых раскопок на Алтын-депе и Илгынлы-депе) // Российская археология. – 1999. – № 2.
- Кирчо Л. Б. К вопросу об экономической основе расцвета Маргианской цивилизации. // На пути открытия цивилизации. Сборник статей

- к 80-летию В.И.Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. - Спб, 2010.
- Кирчо Л. Б. Погребальный инвентарь Алтын-депе // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Депе). - СПб: ИИ РАН, Нестор-История, 2005. - Ч. II. Гл. 3. (Труды ИИМК РАН. Т. XVI).
- Кирчо Л. Б. Технология производства и типология изделий из глины на Алтын-депе в эпоху энеолита // Техничко-технологический потенциал энеолитического населения Алтын-депе как основа становления раннегородской цивилизации. - СПб.: Европейский дом, 2008. (Тр. ИИМК РАН. Т. 28).
- Кирчо Л.Б. Древние связи населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана (начало формирования торговых путей в Средней Азии) // Записки ИИМК РАН. – СПб: Дмитрий Буланин, 2007. – №2.
- Кирчо Л.Б. Начало формирования торговых путей в Средней Азии (культурные взаимодействия населения Южного Туркменистана и долины Зарафшана во второй половине IV-III тыс. до н.э.) // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития (Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летию юбилею города Самарканда). – Ташкент – Самарканд: Фан. – 2007а.
- Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии археологических памятников Средней Азии V–II тыс. до н.э. // Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Депе). - СПб: ИИ РАН, Нестор-История, 2005.
- Кирчо Л.Б., Попов С.Г. К вопросу о радиоуглеродной хронологии древнейших цивилизаций Средней Азии // Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. – СПб., – Кишинев – Одесса, 1999. – № 2. – С. 350-361.
- Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. - 294 с.
- Кисляков Н.А. Древние формы скотоводства и молочного хозяйства у горных таджиков бассейна р. Хингоу // Известия ТФАН СССР. 1949. №15. – С.37-46.

- Кисляков Н.А. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу // Советская этнография: сб. статей. – 1939. – №2. – с.149 – 179 с илл.
- Кисляков Н.А. Наследование и раздел имущества у народов Средней Азии и Казахстана (XIX – начало XX в.). Л.: Наука,1977. – 131 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР).
- Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX – начала XX века. – М.-Л.,1959. – 269 с. (Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – Т.44).
- Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. – Л.: Изд-во АН СССР,1936. – 160 с.
- Кисляков Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна реки Хингоу // Советская этнография. – 1947. – №1. – С.108-125 с илл.
- Кисляков Н.А. Этнографическое изучение Таджикистана // Труды Т ФАН СССР. – Душанбе, 1951.– Т.29. – С.53-66.
- Кисляков Н.А.Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. – Л.: Наука,1969. – 240 с.
- Кисляков Н.А.Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. – М.,1962. – Т.1. – С.528-637.
- Кисляков Этнографическое изучение Каратегина и Дарваза // Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш,1966. – Вып.1. – С.9-24.
- Китов Е.П. Палеоантропология населения Южного Урала эпохи бронзы. Автореф. дисс. канд. истор. наук. - М: ИЭА РАН, 2011.
- Китов Е.П. Хохлов А.А Палеоантропология срубно-алакульского времени Южного Урала // Вестник антропологии. Научный альманах. - Вып. 16. - М.: Проект-Ф, 2008.
- Кияткина Т. П. Краниологические материалы из курганных могильников Северной Бактрии // Мандельштам А. М. Памятники кушанского времени в Северной Бактрии. – Л., 1973.
- Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. - Душанбе, 1976.
- Кияткина Т. П. Погребение кочевников кушанского времени на правобережье Амударьи (антропологические материалы) // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.

- Кияткина Т. П. Формирование антропологического облика населения Таджикистана. - М., 1964.
- Кияткина Т. П. Формирование антропологического типа таджиков по палеоантропологическим данным. Дисс. канд. истор. наук. - Душанбе, 1965.
- Кияткина Т.П. Антропологические работы в Таджикистане в 1971-1980 гг. // АРТ. – Вып.20 (1980 г.). – Душанбе, 1987.
- Кияткина Т.П. Краниологические материалы с городища Ках-Каха (Шахристан II) // Известия отделения общественных наук АН ТаджССР. Вып. 1(24). - Сталинабад, 1961.
- Кияткина Т.П. Краниологические материалы с Западного Памира // Памироведение. – Душанбе, 1984. – Вып. I.
- Кияткина Т.П. Краниологический материал из Алтын-депе (1971) // Каракумские древности. - Вып. 5. - Ашхабад, 1977.
- Кияткина Т.П. Краниология энеолитического Алтын-депе // Новые исследования по археологии Туркменистана. - Ашхабад, 1980.
- Кияткина Т.П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. – Душанбе, 1976.
- Кияткина Т.П. Новые палеоантропологические материалы из раскопок в Южной Туркмении (Алтын-депе) и Южном Таджикистане (Шах-тепе) // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. - Ташкент, 1973.
- Кияткина Т.П. О тюрках в древнем Тохаристане (Материалы могильника Байтудашт) // материалы к антропологии уральской расы / Отв. ред. И.И. Гохман, Р.М. Юсупов. - Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992.
- Кияткина Т.П. Определение антропологического материала с земледельческого памятника Кангурттут в Южном Таджикистане // Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзового века) / отв. ред. Б.А. Литвинский. - М.: ИВ РАН, 2008.
- Кияткина Т.П. Палеоантропология древнейшей и древней Средней Азии // История таджикского народа / Ред. Н.Н. Негматов. - Т. 1. - Душанбе, 1998.
- Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии эпохи бронзы. – Душанбе: Дониш. – 1987. – 123 с.

- Кияткина Т.П. Палеоантропология Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). - Душанбе: Дониш. – 1982.
- Кияткина Т.П. Черепа эпохи бронзы с территории Юго-Западного Таджикистана // Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА СССР. № 145. - Л., 1968.
- Кияткина Т.П., Ранов В.А. Первые антропологические находки каменного века в Таджикистане (неолитические черепа из Туткаула). – ВА, 1971, № 37. – С. 134-139.
- Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / Перев. со староиспанского И.С.Мираковой. – М., 1990.
- Клавихо Рюи Гонзалес де. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403-1406 гг. / Подлинный текст с перев. и примеч. И.И. Срезневского. – СПб., 1881.
- Клапчук М.Н. Галечные орудия местонахождения Музбель 1-2 в Центральном Казахстане. // По следам древних культур Казахстана. – Алама-Ата, 1970.
- Клапчук М.Н. Местонахождение галечных орудий Обалысан 1 в Центральном Казахстане. // СА – 1971. – № 1.
- Клейн Л. С. Археологические источники. Второе, дополненное изд.[книги 1978 г.] Санкт-Петербург, Фарн (в серии: Классика археологии). 1995.
- Клейн Л. С. Археология и этногенез (новый подход). – Методологические проблемы изучения истории этнических культур. Ереван, изд. Академии наук АрмССР: 1978. – С.25-33.
- Клейн Л.С. Введение в теоретическую археологию. Книга I. Метаархеология. С.-Петербург, Бельведер, – 2004.– 472 с.
- Клейн Л.С. Предмет археологии. – Археология Южной Сибири (Известия кафедры археологии Кемеровского университета, вып. 9). Кемерово, издат. Кемеровского университета: 1977. – С. 3-14.
- Клейн Л.С. Проблема определения археологической культуры // СА. – 1970. – № 2. – С. 37-51.
- Клейн Л.С. Феномен советской археологии. - С.-Петербург, Фарн, 1993.
- Клейн Л.С. Этногенез и археология. Том 1: Теоретические исследования. – СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. – 528 с.

- Клёсов А. А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? Ответ дает ДНК-генеалогия.-Интернетпортал:Технополис-завтра ([grampr.info/news/64/ Full/ id=6426](http://grampr.info/news/64/Full/id=6426))
- Клёсов А. А. Читая Л. С. Клейна «Древние миграции и происхождение индоевропейских народов». - Санкт-Петербург, 2007. Часть I. – Вестник Российской Академии ДНК-генеалогии (Канада), т. 4. - № 1. – С. 40-65.
- Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кнабе Г.С.Словарные заимствования и этногенез//Вопросы языкознания,1962.- №1.
- Книпович Т.Н. Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода // КСИИМК. – М.; Л., 1949. – Вып.28.
- Коган А.И. Дардские языки. Генетическая характеристика. - Москва: Восточная литература, 2005.
- Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // АЭАЕ. - 2009. - № 4 (40).
- Козинцев А.Г. Сунгирь: старый спор и новые аргументы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 1 (17).
- Козинцев А.Г. Так называемые средиземноморцы Южной Сибири и Казахстана, индоевропейские миграции и происхождение скифов // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2008. - № 4(36).
- Кол Ф.Л. Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс) // РА. - №2. - 2005.
- Колесников А.И. О термине «марзбан» в Сасанидском Иране // Палестинский сборник.– М.; Л., 1981.– Вып. 27.– С. 49 – 56.
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Флас Д., Леревянко А.П., Исламов У.И. К вопросу о выделении фации зубчатого мустье на материалах памятников Средней Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1 (49).
- Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Шнайдер С.В., Рудая Н.А., Худжагельдиев Т.У., Филимонова Т.Г., Шуньков М.В. Шугноу

- верхний палеолит на подступах к Памиру. – Новосибирск, 2017.
- Колобова К.А., Шнайдер В.А., Кривошапкин А.И. Новая интерпретация комплекса самаркандской стоянки // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск, 2005.
- Колобова К.А., Шнайдер С.В., Кривошапкин А.И., Филимонова Т.Г., Худжагельдиев Т.У. Новая интерпретация каменной индустрии нулевого слоя стоянки Шугноу (Припамирье) // Археология. – Барнаул, 2016.
- Колпаков А. Археологические памятники на юге Таджикистана // Кулябская правда, 1947, 24 июня.
- Кольцов П.М. Неолитические культурные образования Северо-Каспийской области. // Казахское ханство в потоке истории. – Алматы, 2015.
- Комаров А.М. Новая мезолитическая стоянка Каир-Шах V в Северном Прикаспии // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара, 1998.
- Кондауров А. Н. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев // Советская этнография, 1935, №6.
- Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев // ТИЭ. 1940. Т. III. Вып. 1.
- Кононенко Е.И. Месопотамская глиптика 3-го тысячелетия до н.э. – М.: Либроком, 2009. – 256 с.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. - М.: Наука, 2004.
- Корневский С.Н. Этапы, варианты и многокомпонентность майкопско-новосвободненской общности на современном этапе изучения // 5-я международная конференция «Алексеевские чтения» памяти академиков Т.И. Алексеевой и В.П. Алексеева. Человек и окружающая среда. Этапы взаимодействия. 6-8 ноября 2013 г. - М., 2013.
- Коробкова Г. Ф. Функциональная типология орудий труда и других неметаллических изделий Алтын-депе // Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. Материалы Юж-

- но-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. – СПб. – 2001. – Вып. 5. – 212 с.
- Коробкова Г.Ф. К проблеме неолитических скотоводов Средней Азии / Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР. – Ташкент, 1973.
- Коробкова Г.Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // Археология СССР. – М., 1989.
- Коробкова Г.Ф. Орудия труда в системе производительных сил первобытного общества. // Вопросы теории археологии и древней истории. – Ашхабад, 1981.
- Коробкова Г.Ф. Средняя Азия и Казахстан // Неолит. Археология СССР. – М., 1996.
- Коробкова Г.Ф. Туркмения в эпоху мезолита // Первобытный Туркменистан. – Ашхабад, 1976.
- Коробкова Г.Ф., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности). // *Stratumplus*. – 2000. – Вып.1.
- Коробкова Г.Ф., Ранов В.А., Неолит горных районов Средней Азии // Проблемы археологии Средней Азии. - Л., 1968.
- Қосимова М. Н. Таърихи забони адабии тоҷик. Қ. 1. – Душанбе, 2003.; Қ. 2. – Душанбе, 2016.
- Косимова М. Чумлаи пайрави шартӣ дар забони адабии тоҷик. – Душанбе, 1961.
- Коссович К.А. Четыре статьи из Зендавесты, с присовокуплением транскрипции, русского и латинского переводов, объяснением, критических примечаний, санскритского перевода и сравнительного глоссария. – СПб.: Типогр. Императорской Академии, 1861. – 159 с.
- Костомаров Н. И. Очерки торговли Московского государства в XVI – XVII столетиях. – СПб., 1862.
- Костылев В. И. Иван Грозный. – М., 1955. Кн. I.
- Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки: сб.статей. – М., 1979. – 248 с.
- Кочеткова В.И. Основные этапы эволюции мозга и материальной культуре древних людей // ВА. – 1967. – №.26.

- Кочеткова В.И. Эволюция мозга в связи с прогрессом материальной культуры // У истоков человечества. – Л., 1964.
- Кошеленко Г.А. Культура Парфии. – М.: Наука, 1966.
- Кривошапкин А.И. Оби-рахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту в Центральной Азии.//Автореф. док. ист. наук.-Новосибирск, 2012.
- Кругликова И. Т. Дильберджин. – М., 1977.
- Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. (раскопки 1970 – 1973 гг. - М., 1977. - Ч.2.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. – Ч. 1. – М.: Наука, 1974.
- Крюкова В.Ю. Зороастризм. – СПб, 2005.
- Кубатин, А.В. Древнетюркские термины в согдийских документах с горы Муг //Урало-алтайские исследования.– Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 2014.– № 3 (14).– С.12-23
- Кузнецов Б.И. Древний Иран и Тибет: история религии Бон. ЕВРАЗИЯ. - СПб.,1998.
- Кузьмина Е. Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. - Москва, МГП «Калина» ВИНТИ РАН, 1994.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний Сад, 2008. – 558 с.
- Кузьмина Е.Е. В стране Кавата и Афрасиаба. – М.-Л.: Наука, 1971. – 495с., илл.
- Кузьмина Е.Е. Древние скотоводы от Урала до Тянь-Шаня. – Фрунзе: Илим, 1986. – 135 с.
- Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии «Бактрийский мираж» и археологическая действительность // ВДИ. - № 1. - 1972.
- Кузьмина Е.Е. Конь в религии и искусстве саков // Скифы и сарматы. – Киев: Наукова думка, 1977. – С. 96-119.
- Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. //САИ. – Вып. 4-9 – М.: Наука, 1966.–149 с.
- Кузьмина Е.Е. Некоторые спорные вопросы истории первобытной культуры в низовьях Зарафшана // СА. – 1968. – № 2.
- Кузьмина Е.Е. О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник, IV. – М., 1986. – С.169-174.

- Кузьмина Е.Е. О некоторых аспектах проблемы культуры и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Искусство и археология Ирана. – М., 1971. – С.172-178.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение иранцев. – М.: Наука, 1994. – 464 с.
- Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.) – Душанбе, 17-22 Октября 1977 г. – М.: Наука, 1981. – С.101-125.
- Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев и генезис индоевропейцев: современная борьба гипотез в лингвистике и археологии // Проблемы истории и культуры древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Григория Максимовича Бонгард-Левина. 15 декабря 2010 г. / Ред. Г.Ю. Колганова, А.А. Петрова, А.В. Сафронов. - М: ИВ РАН, 2010.
- Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура). – Наука, 1977.
- Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М. Наука, 1976. – 279 с.
- Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. - М.-Л. 1954.
- Кун. А.Д. Материалы для статистики Туркестанского края. - 1870. вып. 4.
- Курбанов А. Эфталиты. – СПб., 2006.
- Курбанов Ш.Ф. Античные памятники верховьев Зарафшана. – Душанбе: Ирфон. –2014. – 248 с.
- Курбанов Ш.Ф. Коропластика кушанской эпохи из Тали Хамтуда (II в. до н.э. – IV в. н.э.) // Вклад иранских народов в развитие мировой цивилизации. Тезисы докладов конференции. – Душанбе, 1992. – С. 60.
- Курбанов Ш.Ф. Музыкальный инструмент из Тали Хамтуда I – III вв. н.э. // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Тезисы докладов и

- сообщений Международного симпозиума.– Душанбе.– 1990.– С. 153-154.
- Курбанов Ш.Ф. Тали Хамтуда //50 лет раскопок древнего Пенджикента. Тезисы докладов научной конференции.– Пенджикент, 1997.– С. 33-34.
- Курбанов Ш.Ф., Каримова Г.Р. Случайная находка – «ладьевидный» топор из селения Урметан // АРТ. – Душанбе, 2012. – Вып. 35.
- Куренной В.Н. Градостроительство в Средней Азии в VII-XII вв.: автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1972.
- Кутимов Ю.Г. Археологические исследования могильника эпохи поздней бронзы Кумсай в 2012-2013 гг// АРТ. – Душанбе, 2017. – Вып. 39. – С. 40-68.
- Кутимов Ю.Г. Культурная атрибуция керамики степного облика эпохи поздней бронзы южных районов Средней Азии (Туркменистан) // Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. – СПб-Кишинев-Одесса, 1999. – № 2. – С. 314-322.
- Кутимов Ю.Г. Некоторые аспекты развития и абсолютной датировки Тазабагьябской культуры Южного Приаралья // Археологические Вести. – 2002. – № 9. – С. 191-203.
- Куфтерин В.В. Антропозология и особенности биосоциальной адаптации древнего населения юга Средней Азии. Автореферат дисс. канд. биол. наук. –Тольятти, 2012.
- Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау I – древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // БКИЧП. – 1977. - № 47.
- Лазаренко А.А., Ранов В.А. Каратау I –древнейший палеолитический памятник в лёссах Средней Азии // БКИЧП. -1977. – № 47. – С.50-56.
- Лаухин С.А., Поспелова Г.А., Ронен А., Ранов В.А., Шаронова З.В., Волгина В.А., Бурдукевич Я., Цацкин А. Древнейшие миграции палеолитических людей из Африки в Европу вдоль берега средиземного моря: палеомагнитные свидетельства // Доклады АН. – 1999. - Т. 309. - № 3.
- Лебедева Е.Ю. Изучение отпечатков растительного происхождения на глиняной печной обмазке с поселения Кангурттут // В кн. Н.М. Виноградовой. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. М.

- Лев Д. Н. Погребение бронзовой эпохи близ Самарканда // КСИА. – 1966. – Вып. 108.
- Лев Д. Н. Самаркандская палеолитическая стоянка. Предварительная сообщение // ИМКУ. Вып. 6. – Ташкент, 1965.
- Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде // Труды СамГУ. – Выпуск 135. – Самарканд, 1964.
- Левин З.И. Ислам и национализм в странах зарубежного Востока. – М., Мысль, 1988. – 223 с.
- Левин М.Г., Рогинский Я.Я. Основы антропологии. – М., 1955.
- Левина Л.М. Раскопки могильников в окрестностях городищ Бедаик-асар, Кос-асар Томпак-асар // Низовье Сыр-Дарьи в древности. – Вып. 3. Джетыясарская культура. – Ч.2. – М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1993. – С. 32-193.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 396 с.
- Лелеков Л. А. Авеста в современной науке. – М., 1992.
- Лелеков Л.А. Сошаянт. В мифологическом словаре. (Гл. Ред. Мелетинский – М: СЭ. 1991. - С. 482).
- Лелеков Л.А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях / Л.А. Лелеков // Древняя индия. Историко-культурные связи. – М.: Наука, 1982. – С. 148-163.
- Леонтьев А.В. Проблемы развития психики. – М., 1981.
- Лерх П. О Туркестанском фотографическом альбоме // ИРГО. Т. X. №2. СПб., 1874.
- Лившиц В. А. Иранские языки народов Средней Азии // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. – М., 1962.
- Лившиц В. А. Кушаны: письменность и язык // Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.
- Лившиц В. Материал, предоставленный к проекту «Этногенез и этническая история таджикского народа». – Л.1-2. (рукопись).
- Лившиц В.А. Общество Авесты // История таджикского народа. Т. I: с древнейших времен до V в. н.э. - М., 1963.
- Лившиц В.А. Парфянская ономастика: отечественные исследования. - СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2010
- Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. - СПб: Филологический факультет СПбГ, 2008

- Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.
- Лившиц В.А. Тохарская надпись на хуме // ДАН Тадж. ССР. – 1953. – Вып.7. – С.23-28.
- Лимборская С.А., Хуснутдинова Э.К., Балановская Е.В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. - М., 2002.
- Литвинский Б. А Среднеазиатский центрический мавзолей. Проблема генезиса. // Этнография и археология Средней Азии.– Москва, 1979.– С.65-70.
- Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. - М., 1983.
- Литвинский Б. А. Буддийский храм Калаи-Кафирниган // Археологические открытия 1977 г. - М., 1978. - С. 558–559.
- Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира». - М., 1972.
- Литвинский Б. А. Калаи Кафирниган (раскопки 1976г.) // АРТ. - Душанбе, 1982. Вып. XVI (1976г.).
- Литвинский Б. А. Калаи-Кафирниган (раскопки 1974 г.) // АРТ. – Душанбе, 1979а.– Вып. 14.
- Литвинский Б. А. Кушанских город. Индийско-среднеазиатские параллели // Древний Восток и мировая культура. - М., 1981.
- Литвинский Б. А. Настенная живопись Калаи-Кафирнигана // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура)- М., 1981. - С. 116–138.
- Литвинский Б. А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Общие проблемы. – М., 1990. – Вып. 1.
- Литвинский Б. А., Виноградов Ю. Г., Пичикян И. Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4. – С.84-110.
- Литвинский Б. А., Денисов Е. Буддийская часовня в Кафыр-Кале // АРТ.– Душанбе, 1973.– Вып. 10.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан). Раскопки. Архитектура. Искусство. 3-е изд., испр. и доп. – СПб., 2010.

- Литвинский Б. А., Мухиддинов Х.Ю. Античное городище Саксанохур (Южный Таджикистан) // СА. - 1969. - №2.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. - № 3.
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин – каменное городище (раскопки 1976–1978 гг.) // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981;
- Литвинский Б. А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. - М., 2000. Т.1.
- Литвинский Б. А., Седов А. В. Тепай-шах. Культурные связи кушанской Бактрии. - М., 1983.
- Литвинский Б.А. [Рец. на:] Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.; Л., 1962// СА. – 1965. – №4. – С.262-263.
- Литвинский Б.А. Ареал древнепамирской культуры // Памироведение. - 1985. – Вып. II.
- Литвинский Б.А. Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (некоторые итоги и проблемы). // АРТ. – Душанбе, 1973. – Вып.Х. – С.5.
- Литвинский Б.А. Буддизм в Средней Азии (Проблемы изучения) // Вестник древней истории, 2001 г. - № 4.
- Литвинский Б.А. Даханинский могильник эпохи бронзы в Западной Фергане // КСИИМК. – М. – 1960. – Вып. 80.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира» / Б.А. Литвинский. – М.: 1972. – 269 с.
- Литвинский Б.А. Исторические судьбы Восточного Туркестана и Средней Азии // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История. Культура. Связи. – М., 1984.
- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. - М., 1972.
- Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. АН Тадж. ССР. Отдел обществ. Наук, № 1. – Душанбе, 1961.
- Литвинский Б.А. О топорах эпохи бронзы из Таджикистана // Изв. ООН Тадж. ССР. – Сталинабад: изд. АН Тадж. ССР, 1961. – Вып. 1 (24).
- Литвинский Б.А. Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайракумов // История таджикского народа. – М., 1963. – Т.1.

- Литвинский Б.А. Памятники эпохи бронзы и раннего железа // Древности Кайрак Кумов. / Тр.ИИ АН Тадж.ССР. – 1962. – Т.ХХХІІІ.
- Литвинский Б.А. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977 гг.) // ВДИ,1977.- №4
- Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии. – М., 1976.
- Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. (Среднеазиатский аспект арийской проблемы). // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981. Т.1.
- Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории Средней Азии во II тысячелетии до н.э. // В кн.: Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). - М., 1981.- Т.1, М.: Восточная литература, 2001. - Т. 2.
- Литвинский Б.А. Таджикистан и Индия: (Примеры древних связей и контактов) / Б.А. Литвинский // Индия в древности. – М.: Наука, 1964. – С. 143-165.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т.3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. – М.: Восточная литература, 2010. – 664 с.
- Литвинский Б.А. Этногенез и этническая история народов Средней Азии и Казахстана в древности и средневековье (теоретический аспект) // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Общие проблемы. – М.,1990. – Вып.1. – С.21-41.
- Литвинский Б.А. Этногенетические процессы в раннесредневековой Фергане (палеоантропологический и лингвистический аспекты) // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М., 1977.
- Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестн. древней истории. – М. – 1985. – № 4.
- Литвинский Б.А., Давидович Е.А. Предварительный отчет о работах Хутальского отряда на территории Вахшской долины в 1953 г// Докл. АН Тадж. ССР.– Душанбе, 1954.– № 11.– С. 53 – 60.

- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Аджина-Тепа. Архитектура, живопись, скульптура. – М., 1971. – 158 с., ил.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Раскопки и разведки в Южном Таджикистане в 1961 г. АРТ. – Душанбе, 1964. – Вып. IX. – С. 84-86.
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И. Раскопки на Аджинатепе и Кафыркала в 1970 г. // АРТ. – М. – 1973. – Вып. X (1970 г.).
- Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.Н. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. // АРТ. – Вып.13. – Душанбе, 1977. – С.76-92.
- Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов: Древнейшая история Северного Таджикистана (Тр. АН Тадж-ССР. Ин-т истории им. А.Дониша; Т. 33). – Душанбе, 1962. – 405 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Тахти-Сангин – Каменное городище (раскопки 1976-1978 гг.) // Культура и искусство Древнего Хорезма. - М., 1981. - С. 206-210.
- Литвинский Б.А., Пичикян И. Р. Эллинистический храм Окса. – М., 2000. Т. 1.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Золотые пластины из Храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. – 1992. – № 3. – С. 94-111.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Открытие шедевров бактрийского искусства // Памятники культуры. Новые открытия 1983 г. – М.-Л.: Наука, 1985.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса (Южный Таджикистан). – М.: Вост. лит., 2000. – Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – 503 с.
- Литвинский Б.А., Ранов В.А. Раскопки навеса Ак-Танги в 1959 г. // АРТ. – Душанбе, 1961. – Вып. VII (1959). – С. 30-49.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. – М., 1984. – 237 с.
- Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепай-шах. Культура и связи Кушанской Бактрии. – М., 1983.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине.– М.: Наука, 1985.– 266 с.
- Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в Южном Таджикистане// УСА.– 1972. – Вып.1.

- Литвинский, Б. А., Зеймаль, Т. И. Буддийский монастырь Аджина-тепа (Таджикистан): Раскопки. Архитектура. Искусство /под ред. Т. К. Мкртычева. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Нестор-История, 2010. – 320 с.: ил. – (Archaeologica Varia).
- Лобысевич Ф. И. Поступательное движение в Среднюю Азию в торговом и дипломатическо-военном отношениях. Дополнительный материал для истории Хивинского похода 1873 года. – СПб., 1900.
- Ломов С. П., Сосин П. О почвах палеолитической стоянки Каратау 1 в Южном Таджикистане. //Известия АН Тадж. ССР, отд. биол. наук, 1976.– №4(65).– С. 93-99.
- Ломов С.П., Кошкина А.А., Сусликов В.Н. О почвообразовании на Памире в голоцене // Почвоведение. – 1990. – № 9.
- Ломов С.П., Ранов В.А. Погребенные почвы Таджикистана и распределение в них палеолитических орудий // Почвоведение.– 1984.– №4.– С. 21-30.
- Лукницкий П. П. Путешествия по Памиру. - М., 1955.
- Лунева. В. Ювелирное искусство Северной Бактрии. Ташкент, 2005.
- Лунин Б. В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. - Ташкент, 1958.
- Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии: дис. канд. ист. наук. – СПб, 2004.
- Лыкошкин Н.С. Хороший тон на Востоке. К полувековому юбилею завоевания русскими Туркестанского края. – Петроград, 1915.
- Любин В.П. Homo Erectus – первооткрыватель Евразии // Природа. – 1997. – № 11.
- Любин В.П. Нижний палеолит. // Каменный век на территории СССР. – М., 1970.
- Любин В.П. Палеолит Туркмении. // СА. - 1984. – № 1.
- Любин В.П. Проблема первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. – 1998. – № 5.
- Любин В.П., Беляева Е.В., Ожерельев Д.В. Исследование раннего ашеля в северной Армении // АО 2010-2013 гг. – М., 2015.
- Люшкевич Ф. Д. К вопросу изучения калыма у народов Средней Азии//Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1987. - Л., 1988. - С. 14-15.

- Люшкевич Ф. Д. К изучению традиционного и современного в семье народов Средней Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1986.- Л., 1987. - С. 8-9.
- Люшкевич Ф. Д. К истории формирования населения Бухарской области // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1980.- Л., 1988. - С. 9-11.
- Люшкевич Ф. Д. Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского междуречья // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Вып. III. Этнография. - М., 1991. - С. 24-34.
- Люшкевич Ф. Д. О значении термина «калым» у народов Средней Азии // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Апрель 1983.- Л., 1983. - С. 14-15.
- Люшкевич Ф. Д. Одежда как источник изучения этнической истории Бухарской области // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1981. - Л., 1981. - С. 13-14.
- Люшкевич Ф. Д. Типы женских головных уборов в бухарском оазисе и прилегающих районов как один из этноопределяющих признаков (первая половина XXв.) // Краткое содержание докладов среднеазиатско-кавказских чтений. Ноябрь 1983. Л., 1983. С. 4-5.
- Люшкевич Ф.Д. Одежда таджикского населения Бухарского оазиса в первой половине XX в. // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л.,1978. – Т.34. – С.123-144.
- Мадамиджанова З. Арабы Таджикистана в конце XIX – нач. XX в.в. // Этнографическое обозрение. – М. : Наука,1998. – №3.
- Мадамиджанова З. Арабы Таджикистана: некоторые вопросы этнической истории // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. – М.,1991. – С.131-137 (соавтор Бушков В.И.).
- Мадамиджанова З. Обрядовая традиция таджиков в свете этнических процессов в Центральной Азии // Серия лекций: Университет Центральной Азии. – Душанбе,2015. – С.185-208.
- Мадамиджанова З. Пути развития семейных традиций, Обычаев и обрядов в Таджикистане // Вестник ЦСИ. – Душанбе, 2008. – №1(16).

- Мадамиджанова З. Семейные традиции арабов Таджикистана // Сборник материалов по культуре кочевников. – Ташкент, 2006.
- Мадамиджанова З. Структура современной семьи арабов Южного Таджикистана // Материалы по истории таджикского народа (методические разработки для студентов ВУЗов). – Ленинабад, 1989. – С.30 – 31.
- Мадамиджанова З.М. Этнокультурный взгляд на наследие таджиков // ... Центральная Азия: собственный взгляд... Пер. А. Трубицин.– Б.: 2006.–498.с.
- Маджидов Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка. – Душанбе, 2008.
- Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. – Т.II. – 251 с.
- Майтдинова Г.М. История таджикского костюма. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье. – Душанбе, 2004. – Т.1.
- Маковельский А.О. Авеста. – Баку: Изд-во АН АзССР, 1960. – 148с.
- Макшеев А. И. Географические сведения «Книги Большого Чертежа» о киргизских степях и Туркестанском крае. Отт. из ЗИРГО по отделению этнографии. - СПб, 1879. – Т. VI.
- Макшеев А. И. Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских. – СПб, 1890.
- Малашенко А. Ислам и политика в государствах Центральной Азии //Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №54. – С. 61–69.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.
- Мамаджанова С. Вопросы реконструкции архитектурных памятников Уструшаны (на примере замка Чильхуджра) // МКТ. – Душанбе, 1987. – Вып. 4. – С. 284-302.
- Мамаджанова С., Мукимов Р. Архитектура и градостроительство Душанбе. – Душанбе: Изд. ОО «ICOMOS в Таджикистане», 2008.
- Мамаджанова С.М. Архитектурные памятники Уструшаны VI-X вв. (исследование и реконструкция): автореф. дисс... канд. ист. наук. – М., 1983.
- Мамаджанова С.М. Некоторые принципы и приемы организации жилой архитектуры Верхнего Зарафшана // Материалы по истории и

- истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С. 98-111.
- Мамаджанова С.М., Мукумов Р.С. Вопросы преемственности традиций в зодчестве Мавераннахра IX-XI вв. // Абуали ибн Сино и его эпоха. – Душанбе, 1980. – С. 82-90.
- Мамадназаров А. Становление и развитие таджикской переводной лексикологии XX и начала XXI вв. – Душанбе, 2016.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. - Л., 1975.
- Мандельштам А. М. О некоторых вопросах сложения таджикской народности в Среднеазиатском Междуречье // СА. – 1954. – Вып. XX.
- Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии// Тр. ТАЭ, т. VII. - Л., 1975.
- Мандельштам А. М.Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане.- Л.: Наука, 1968. - 184 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 145).
- Мандельштам А.М. История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии: автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.575 / Мандельштам Анатолий Максимилианович. – М.-Л., 1972. – 52 с.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию // МИА. Труды археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории АН Таджикской ССР. - М.; Л., 1966.Т.V. №15.
- Мандельштам А.М. Кочевники на пути в Индию. //МИА, N136.– М.-Л., 1966.
- Мандельштам А.М. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении – 1967. – Вып. 112. – С. 61-65.
- Мандельштам А.М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. - Л., 1975.
- Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане / МИА – Л., 1968. – № 145.
- Мандельштам А.М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. – 1966. – Вып. 108. – С. 106-108.
- Мандельштам А.М. Предварительный отчет о работах Верхне-Зеравшанского отряда в 1953 г //Доклады АН Тадж. ССР. 1954.- Вып. 11. -С. 31-37 (с.31-34).
- Мандельштам А.М. Происхождение и ранняя история кушан в свете археологических данных // Центральная Азия в кушанскую эпоху.

- М., 1974.
- Мандельштам А.М. Раскопки на Батур-Тепе в 1955 г // АРТ. – (Труды АН Тадж. ССР, т. LXIII). – Сталинабад, 1965. – Вып. 3.
- Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1979.
- Мардонова А. По этнографии таджиков Файзабада. (Суеверия и запреты похоронного обряда) // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С.221-238.
- Мардонова А. Обычай и обряды детского цикла у таджиков верховьев Зарафшана в прошлом и настоящем // Советская этнография. – 1984. – №3.
- Маркарян Э.С. О генезисе человеческой деятельности и культуре. – Ереван, 1973.
- Марков Г. Е. Грот Дам-Дам-Чешме II в Восточном Прикаспии. – СА, 1966 – № 2.
- Марков Г.Е., Дурдыев М.Б. Новые исследования первобытных памятников в Прикаспии // Каракумские древности. – Ашхабад, 1977. – Вып. V.
- Маркс К. Капитал. // Маркс К. и Энгельс Ф. Пол. собр. соч. – Т.23.
- Маршак Б.И. К вопросу о восточных противниках Ирана в V в. // СНВ. – М., 1971. Вып. X.
- Маршак Б.И. Пещера Гори Гург близ Пенджикента // АРТ.– (Труды АН Тадж. ССР, т. 103). – Сталинабад, 1959. – Вып. 5. – С. 171-173.
- Маршак Б.И. Подъемная машина в храме древнего Пенджикента // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 95-103.
- Масальский В.М. Туркестанский край. – СПб, 1913.
- Масимов И. С. Истоки древнемургабской цивилизации // Культурное наследие Туркменистана (глубинные истоки и современные перспективы) // Материалы к международной научной конференции.- Ашхабад- СПб., 2000. - С. 25-26.
- Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовий Мургаба // СА, 1979. -№ 1.
- Масимов И.С. История археологического изучения Маргианы // КЦ 204-2006. - СПб., 2008.
- Масимов И.С. К вопросу об освоении низовий Мургаба древнеземледельческими племенами // Известия АН Туркменской ССР. Серия

- Общественных наук. №2. - Ашхабад, 1979. - С.72-77.
- Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент, 1962. – Часть III (1869-1880 гг.).
- Маслова О.В. Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. – Ташкент, 1971. – Часть IV (1881-1886 гг.).
- Масов Р.М. История топорного разделения. - Душанбе: Ирфон, 1991. – 189 с.
- Масов Р.М. Таджики: история с грифом «совершенно секретно». – Душанбе: Центр культурного наследия, 1995.
- Масов Р. М., Ранов В. А. Гиссарская культура и ее роль на ранних этапах этногенеза таджикского народа // Мероси ниёгон (Наследие предков). – Душанбе. – 2003. – № 6.
- Массон В. М. – Вадим Михайлович Массон: Биобиблиограф. указ. / Сост. Л. М. Всевиов. Ин-т истории материальной культуры РАН. - Л., 1999. - 43 с.
- Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА, № 73. - М.-Л., 1959.
- Массон В. М. Культурогенез Древней Центральной Азии. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Изд-во СПбГУ, 2006. – 384 с.
- Массон В. М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // Stratum Plus. – Кишинев. – 1999. – № 2.
- Массон В.А. Неолит Средней Азии // Каменный век на территории СССР. – М., 1970.
- Массон В.М. Алтын-депе. // ТЮТАКЭ. - Т. XVIII. - Л., 1981.
- Массон В.М. Джейтунская культура // ТЮТАКЭ. – 1960а. – Т. 10.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы // МИА. – 1959. – № 73. – 216 с.
- Массон В.М. Древнейшая земледельческая культура Средней Азии // ИАН ТуркмССР. Сер. обществ. наук. – 1960б. – № 1.
- Массон В.М. Древнейший Ближний Восток: история земледельческо-скотоводческой экономики // Археология Старого и Нового Света. – М. – 1982.
- Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии / В.М. Массон // Stratum от Балкан до Гималаев: Время цивилизаций. – СПб., – Кишинев – Одесса, 1999. № 2. – С. 278-283.

- Массон В.М. Древние цивилизации Востока и степные племена в свете данных археологии // *Stratum*. От Балкан до Гималаев. Время цивилизаций - № 2. - СПб., Кишинев, Одесса, 1999.
- Массон В.М. Еще раз о геродотовской реке Акес // *Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран*. – М.: Наука, 1967. – С. 172-175.
- Массон В.М. К вопросу о мезолите Передней Азии. // У истоков древних культур (эпоха мезолита). – МИА – М.-Л., 1966 – № 126.
- Массон В.М. Кара-депе у Артыка // *Труды ЮТАКЭ*. – Ашхабад, 1961. – Т. X. – 338 с.
- Массон В.М. Культурогенез Древней и Центральной Азии. – СПб: Филологический факультет СПбГУ. – 2006. – 384 с.
- Массон В.М. Культурогенез древней Центральной Азии. – СПб., изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – 384 с.
- Массон В.М. Первые цивилизации / АН СССР. ЛОИА. – Л.: Наука. – 1989. – 276 с.
- Массон В.М. Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) / АН СССР. ИА. – Л.: Наука. – 1971. – 208 с.: ил. – (МИА; № 180).
- Массон В.М. Протогородская культура Алтын Депе // *АО* 1966. 1967.
- Массон В.М. Протогородская цивилизация юга Средней Азии.// *СА*.- 1967. – № 3.
- Массон В.М. Раскопки на Алтын Депе // *АО* 1965. 1966.
- Массон В.М. Средняя Азия и Древний Восток. – М.-Л., 1964.
- Массон В.М. Традиции и инновации в процессе культурогенеза: (В свете данных археологии) // *Преемственность и инновации в развитии древних культур*. – Л. – 1981.
- Массон В.М. Энеолит СССР. – М.: Наука. – 1982а. – 360 с.: ил., карт. – (Археология СССР. [Т. 4]).
- Массон В.М. Эпоха первых цивилизаций юга Центральной Азии // *ЗВО-РАО*. Новая серия. – СПб., 2006. – Т. II (XXVII). – 215 с.
- Массон В.М. Южнотуркменистанский центр раннеземледельческих культур: (В свете работ ЮТАКЭ 1955–1958 гг.) // *ТЮТАКЭ*. – 1960. – Т. 10.
- Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. - Т.1. - 1964.

- Массон В.М., Сарияниди В.И. Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. Опыт классификации и интерпретации // М.: ГРВЛ, 1973. - 208 с.
- Массон М.Е. Городища старого Термеза и их изучение // Тр. Узб. филиала АН СССР. – Сер. I. – Вып. 2. – ТАКЭ – 1936. – Ташкент, 1940.
- Массон М.Е. Некоторые новые данные по истории Парфии // ВДИ. – 1960. – М. – № 3. Массон М.Е., Пугаченкова Г.А. Парфянские ритоны Нисы // Труды ЮТАКЭ. – 1954. – М. – Вып. IV.
- Массон М.Е. Яйца страусов в Узбекистане // Социалистическая наука и техника. – 1961. – №5.
- Масъалаҳои шевашиносии тоҷик. Ҷ. I. – Душанбе, 1970.
- Материальная культура Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1989. – Вып.4.
- Материальная культура таджиков верховьев р. Зарафшан. – Душанбе: Дониш, 1973. – 298 с.
- Матюхин А.Е. О специфике культурного процесса в раннем палеолите (на примере галечных орудий и бифасов) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. – Л., 1981.
- Матюхин А.Е. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1983.
- Матюшин Г.Н. О корреляции культур Юго-Запада Сибири, Прикаспия и Ближнего Востока в эпоху мезолита // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. – Новосибирск, 1975.
- Матющенко В.И. Западная Сибирь в системе древних культур Евразии // Вестник Омского университета. - 1997. - Вып. 2.
- Махмадов А.Н. Мукадимаи идеяи миллӣ. – Душанбе: «Эр-граф», 2013.
- Махмадов А.Н., Саъди Махди. Вожаи «Тоҷик» бешубҳа аз тоҷ аст // Забон ва худшиносии миллӣ. – Душанбе, 2008. – С.
- Махмадов А.Н., Саъди Махди. Вожаи «Тоҷик» бешубҳа аз тоҷ аст // Забон ва худшиносии миллӣ. – Душанбе, 2008.
- Махмадшоев Р., Обидов У. С. Айни о происхождении и значении этнонима «таджик» // Изв. АН Тадж. ССР, Отд. Общ. Наук, №2 (100), 1980. – С.92-94.
- Мачидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик, ҷилди 1. – Душанбе, 2007.
- Мачидов Ҳ. Сехри сухан. Форсии тоҷикӣ. – Душанбе, 2014;
- Маъсумӣ Н. Забон ва услуби Аҳмади Дониш. – Душанбе: Дониш, 1976.

- Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. – Сталинобод, 1959.
- Медведская И. Н. Раскопки в Шаартузе в 1975 г. // АРТ.– Душанбе, 1980.- Вып. 15
- Медоев А.Г. Ареалы палеолитических культур Сары-Арка // Степная цивилизация Восточной Евразии. Древние эпохи. – Астана, 2003. – Т.1.
- Медоев А.Г. Геохронология палеолита Казахстана. – С.41.
- Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. – М.: Наука, 1975.
- Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего востока. – М., 1972.
- Мерперт Н. Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога. – М., 2011.
- Мерперт Н. Я. Миграции эпохи неолита и энеолита // СА, 1978.– №3.– С. 9-28.
- Меҳрдод Баҳор. Вожаномаи Бундаҳишн (Вожаномаи пахлавии «1»), интишороти «Бунёди фарҳанги Эрон» номер 17, издание акционерного общества Иран, Тегеран, исфарндмох 1345 (1967), с. 149.
- Меҳрдод Баҳор. Вожаномаи Бундаҳишн (Вожаномаи пахлавии «1»), интишороти «Бунёди фарҳанги Эрон» номер 17, издание акционерного общества Иран, Тегеран, исфарндмох 1345 (1967), с. 149.
- Мец Адам. Мусульманский ренессанс. – М.: ВиМ, 1996. – 536 с.
- МИА СССР. – № 15 (Тр. СТАЭ. – Т. I). – М.; Л., 1950.
- МИА СССР. – № 37 (Тр. ТАЭ. – Т. II). – М.; Л., 1953.
- Миклашевская Н.Н. К вопросу об удельном весе центральноазиатского элемента в образовании антропологического типа киргизов // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 2. - М., 1959.
- Миклашевская Н.Н. Результаты палеоантропологических исследований в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. 2. - М., 1959.
- Миклашевская Н.Н. Соматологические исследования в Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. - Т. I. - М., 1956.
- Минаев И. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. – СПб., 1879.

- Мир Мухаммед Амини Бухари. Убайдулла-наме / Перев. с тадж. и примеч. А.А.Семенова. – Ташкент, 1957.
- Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката и проблемы зороастрийской идеологии в Северной Средней Азии. – Автореф. дисс... доктора исторических наук. – Душанбе, 1995. - 45 с.
- Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: раскопки и исследования // Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. – Душанбе, Ому, 2003.
- Мирбабаев А.К. Дахмаки Курката: Раскопки и исследования. История, архитектура и искусство Уструшаны. – Душанбе, 2013.
- Мирбабаев А.К. Новые скальные склепы Курката // АО. 1978. – М., 1979. – С.579.
- Мирбабаев А.К. О работе Куркатского отряда в 1977 г. // АРТ. – Душанбе, 1983. – Вып. XVII (1977г.).
- Мирбабаев А.К. О работе Куркатского отряда в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. XVIII (1978г.).
- Мирбабаев А.К. О работе Уструшанского отряда в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI (1976 г.).
- Мирзоев А. Абуисхок. – Душанбе, 1971.
- Мирзоев А. Ибораҳои феълии замони дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе. 1972.
- Мирзоев А. Рудаки. Жизнь и творчество. – М., 1968.
- Мирзоев А. Сайидо Насафи и его место в истории таджикской литературы. – Сталинабад, 1954.
- Мирзоев А. Сайфии Бухори ва роли у дар адабиёти доираҳои хунараманди // Изв. Отд. общ. наук АН Тадж. ССР. – Сталинабад, 1957. – №7.
- Мирзоев Г. Дж. Особенности формирования и трансформация исламского религиозного сознания таджиков. – Душанбе: изд. «Дониш», 2011. -124 с.
- Моногарова Л.Ф. Изменение семейного уклада припамирских народностей за годы социалистического строительства. – М.: Наука, 1973.
- Моногарова Л.Ф. Преобразование в быту и культуре припамирских народностей. – М.: Наука, 1972. – 174 с.
- Моногарова Л.Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР // Страны

- и народы Востока. – М., 1975. – Вып. 16. – С. 174-191.
- Моногарова Л.Ф. Язгулемцы Западного Памира (по материалам 1947-1948 гг.) // Советская этнография. – 1949. – №3. – С. 89-108.
- Моногарова Л.Ф. Преобразование в быту и культуре припамирских народностей / Академия Наук СССР. Ин-т этнографии им. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1972.
- Моногарова Л.Ф. Современная городская семья таджиков // Материалы к серии народы содружества независимых государств. – М., 1992.
- Моногарова Л.Ф., Мухиддинов И. Современная сельская семья таджиков // Материалы к серии «Народы содружества независимых государств. – М., 1992.
- Морган Л.Г. Древнее общество. – Л., 1934.
- Москаленко Н.А. Позднепалеолитические стоянки Шахристана // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. 24. – С. 44-50.
- Мукимов Р.С. К проблеме периодизации архитектурного наследия Мавэранныхра средних веков // Информ. бюлл. МАИКЦА. Специальный выпуск. – М., 1987. – С. 59-64.
- Мукимов Р.С., Мамаджанова С.М. Своеобразие сводчатых конструкций в архитектуре Таджикистана в древности и средневековье // Изв. АН ТаджССР. Серия: востоковедение, история, филология. – 1988. – № 2(10). – С. 31-39.
- Муллокандов М. Археологические работы в долине Обимазара // АРТ. – Душанбе, 1987. – Вып. 20.
- Муллокандов М. Археологические работы в долине р. Обимазар. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. 21. – С. 404– 415.
- Муллокандов М. Изучение археологических памятников Ховалингского района (долина р. Обимазар) // История и культура Куляба (прошлое и настоящее). – Душанбе, 1988. – С. 26-27.
- Муллокандов М. Раннесредневековый буддийский монастырь Хиштепа в Ховалингском районе Таджикистана // МАИКЦА. – М., 1990. – Вып. 17.
- Муродов О. Древние образы мифологии у таджиков долины Зарафшана (этнограф. иссл. к истории религии и атеизма). – Душанбе: До-ниш, 1979. – 116 с.
- Мустафакулов С. И. Антропологические исследования в Старом Термезе

- // Археологические исследования в Узбекистане – 2003г. - Ташкент, 2004.
- Мустафакулов С. И. Антропологические исследования на Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2001г. - Ташкент, 2002.
- Мустафакулов С. И. Население Бактрии-Тохаристана в эпоху античности // ИМКУ. - Самарканд, 1998. Вып. 29.
- Мустафакулов С. И. Новые антропологические материалы из Каратепа // Археологические исследования в Узбекистане – 2002г. - Ташкент, 2003. Вып. 3.
- Мустафакулов С. И., Ходжайов Т. К. Краниологические материалы эпохи античности из Бактрии – Тохаристана // ИМКУ. - Самарканд, 1992. Вып. 26.
- Мустафакулов С. Население Тохаристана в эпоху раннего Средневековья // ИМКУ. –Ташкент, 2002. – Вып. 33.
- Муҳаммад А.Н. Сиёсатшиносии этникӣ. – Душанбе, 2017. – С. 80.
- Муҳаммад Юсуф Мунши. Муқимханская история / Перев. с тадж. с примеч. проф. А.А.Семенова. – Ташкент, 1957.
- Муҳаммадиев М. Баъзе масъалаҳои забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1965.
- Муҳаммадиев М. Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1970.
- Муҳаммадиев М. Очеркҳо оид ба баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1965.
- Муҳаммадиев М. Очеркҳо оид ба лексикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе, 1968.
- Муҳиддинов И. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX- начале XX века. – М.: Наука, 1975. – 126 с.
- Муҳиддинов И. Особенности традиционного земледельческого хозяйства припамирских народностей в XIX – начале XX века. – Душанбе: Дониш, 1984. – 196 с.
- Муҳиддинов И. Памир // Вокруг света. - М., 1972. – С. 36.
- Муҳиддинов И. Реликты домусульманских обычаев и обрядов земледельцев Западного Памира (XIX – начало XX в.). – Душанбе: Дониш, 1989. – 98 с.
- Мухтаров А. Новые находки каменных капителей кушанского времени из Шахринау (Южный Таджикистан) // Изв. АН ТаджССР. Отдел.

- обществ. наук. – 1968. – №3. – С.37-40.
- Назарзода С. «Аҷоиб-ул-махлуқот» ва вожашиносии таърихии форсӣ-тоҷикӣ. – Душанбе, 1999.
- Назарзода С. Забон ва истилоҳот (Андешаҳо дар атрофи забони тоҷикӣ ва ташаккули истилоҳот). – Душанбе: Дониш, 2003.
- Назарзода С. Имло ва забони адабӣ. – Душанбе, 2015.
- Назарзода С. Истилоҳоти забони тоҷикӣ: таърих, гаройиш ва дурнамо. – Душанбе, 2014.
- Назарзода С. Лингвистическое изучение классических письменных памятников (на примере «Аджоиб-ул-махлуқот ва гароиб-ул-мавҷудот» Ахмада Гуси). – Душанбе, 2004.
- Наимов М., Сагтаров А. Россия и Таджикистан. - Душанбе, 2004
- Наказы Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару Балх, Юргенч 1669 // Русская библиотека. – СПб., 1894. – Т.15.
- Нам Е.В. «Вещь» и «символ»: к проблеме прочтения символики шаманских атрибутов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 6 (26).
- Народное хозяйство СССР в 1975 г. - М., 1976.
- Наршахи, Мухаммад. История Бухары / Пер. Н.Лыкошина. Под ред. В.В.Бартольда. – Ташкент, 1897. – 123 с.
- Насафи ас-Самарканди. Кандия Малая. / Перев. Н.Вяткина // СКСО. – Самарканд, 1906. – Вып. VIII.
- Национальные процессы в СССР. - М., 1991.
- Негматов Н.Н. Арийская «золотая подкова» Евразии (попытка культурно-антропологической концепции // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы Международной научной конф. Кн. 1. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 62-64.
- Негматов Н.Н. Арийская «золотая подкова» Евразии (попытка культурно-антропологической концепции // Степи Евразии в древности и средневековье. Мат-лы Международной научной конф. Кн. 1. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002.
- Негматов Н.Н. Государство Саманидов. – Душанбе: Дониш, 1977. – 279с.
- Негматов Н.Н. Исследования СТАКЭ в 1984 г. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып.24.
- Негматов Н.Н. К проблеме компактных селений Уструшаны и Ходжентской области в средние века // МКТ. – Душанбе, 1978. – Вып. 3.

– С. 146-164.

Негматов Н.Н. Прародина Ариев. – Душанбе, 2005. – 55 с.

Негматов Н.Н. Степи Азии и Арйанвэджа // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. конф. Ч. 1. – Кемерово: КЕМГУ, 1987. – С. 17-20.

Негматов Н.Н. Степи Азии и Арйанвэджа // Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. конф. Ч.1. – Кемерово: КЕМГУ, 1987.

Негматов Н.Н. Таджикистан на пути к урбанизации// Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982.

Негматов Н.Н. Таджикский феномен: теория и практика. – Душанбе, 1997. – 406 с.

Негматов Н.Н. Уструшана// Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. – М., 1999.

Негматов Н.Н. Ходжент и Уструшана в древности и средневековье (середина I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Автореф. дисс. док. ист. наук. М., 1968.

Негматов Н.Н. Ходжент. Основные этапы истории // Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986. – С.3-5.

Негматов Н.Н., Беляева Т.В., Мирбабаев А.К. К открытию города эпохи бронзы и раннего железа – Нуртеппа // Исследование по истории и культуре Ленинабада. – Душанбе, 1986.– С.89-111.

Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана // ПК НО. – 1983. – Л., 1985. – С.501-507.

Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К. Находки скульптурных голов и других изделий из Исфаринской долины // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19. – С.413-425.

Негматов Н.Н., Мирбабаев А.К., Абдурасулов М.А. О работе Куркатского отряда // АО. 1977. – М., 1978. – С.559-560.

Негматов Н.Н., Мукимов Р.С., Хакимов Н.Г., Воднев В.В., Мандельштам А.М. Ариана и Арйанвэджа (история и цивилизация). – Худжанд: Ношир, 2006. – 712 с.

Негматов Н.Н., Пулатов У.П., Хмельницкий С.Г. Уртакурган и Тирмизактепа. – Душанбе, 1973.

Негматов Н.Н., Салтовская Е.Д., Кияткина Т.П. Изучение погребальных памятников на территории Уструшаны // Труды Института ис-

- тории, археологии и этнографии АН ТаджССР. - Т. 27. - Душанбе, 1961.
- Негматов Н.Н., Соколовский В.М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия. – М., 1975. – С. 438-458.
- Негматов Н.Н., Соколовский В.М. Реконструкция и сюжетная интерпретация росписей малого зала дворца афшинов Уструшаны // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана / Тез. науч. конф. в г. Пенджикенте Таджикской ССР. – Душанбе, 1977.
- Негматов Н.Н., Хмельницкий С.Г. Средневековый Шахристан. – Душанбе, 1966.
- Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии / И.В. Пьянков // Восток. –1995. – № 6. –С. 27-46.
- Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии / И.В. Пьянков // Восток. –1995. – № 6.
- Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка. – Сталинабад, 1956.
- Неменова Р.Л., Мардонова А. Историко-этнографическое изучение Гиссарского края. – Душанбе, 2015.
- Неменова Р.Л. Таджики Варзоба. – Душанбе, 1998. – 251 с.
- Неразик Е.Е. Предки таджикского народа в IV-V вв. н.э. // ИТН. – М., 1963. – Т. 1.
- Неразик Е.Е. Сельские поселения афригидского Хорезма. – М., 1966.
- Нефёдкин А.К. Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.). – СПб, 2001.
- Нечвалода А.И. Палеоантропологические материалы из некрополей Гелот и Дарнайчи // Археологические работы в Таджикистане. - Вып. 36. - Душанбе, 2012.
- Нечвалода А.И. Палеоантропологические материалы из раскопок могильника Гелот в 2009 году // Археологические работы в Таджикистане. - Вып. 35. - Душанбе, 2012.
- Нечвалода А.И. Череп из богатого земледельческого погребения эпохи бронзы в Гелоте // АРТ. - Вып. 34. - Душанбе, 2010.
- Ниёзӣ Ш. Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. – Сталинобод, 1954.
- Низамулмульк. Сиасет-наме. (Книга правил) / Перев., введ. примеч.

- Б.Н.Заходера. – М. – Л.,1949.
- Низомии Арузии Самарканди Собрание редкостей или четыре беседы / Перев. с перс. С.И. Баевского, З.Н. Ворожейкиной. – М.,1963.
- Низомии Арузии Самарканди. Чахор макола. – Душанбе, 1986.
- Никифоров Л. А. Россия в период реформ Петра I. – М., 1973.
- Нильсен В.А. Архитектура Средней Азии V-VIII вв.
- Нильсен В.А. Сельские постройки периода раннего феодализма в Узбекистане // Архитектурное наследство. – 1964. – Вып. 17.
- Новиков В.П., Радилиловский В.В. К истории горнорудных промыслов и металлургии древнего Гиссара // Очерки по истории геологии Таджикистана. – Душанбе, 1990. – Вып. 1.– С.54-103.
- Новоженков В. А. Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии. – М.: Таус, 2012.
- Носири Хисрав. Сафарнома. – Душанбе,1970.
- Нуров А. Фарханги осори Ҷомӣ. – Душанбе, 1984.
- О. Мень Александр. Ветхозаветные пророки. - Л.,1991. – С.216.
- Обельченко О. В. Курганные могильники эпохи кушан в Бухарском оазисе. Центральная Азия в кушанскую эпоху. - М., 1974.
- Ожерельев В.Д., Селезнев А.Б. Работы Северокавказской палеолитической экспедиции на многослойных стоянках Мухай I, II в 2010-2013 гг. // АО 2010-2013 гг. – М., 2015.
- Окладников А. П. Этногенез и культуригенез. – Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока (Тезисы докладов Всесоюзной конференции 18-21 декабря 1973 г.). - Новосибирск, 1973. – С. 5-11.
- Окладников А. П., Исследования памятников каменного века Таджикистана // Труды Таджикской археологической экспедиции. - Т. 3. - М.; Л., 1958.
- Окладников А.П. Древнейшее прошлое Туркменистана // Тр. Ин-та истор., арх. и этног. – Ашхабад, 1956. – Т. 1. – Ашхабад, 1951. – Т. 2.
- Окладников А.П. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия) // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М.: Изд. МГУ, 1949.
- Окладников А.П. Исследование памятников каменного века в бассейне

- р.Сырдарьи осенью 1955 г. // АРТ. – Сталинабад, 1956. – Вып. III. – С.5-10.
- Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Северного и Южного Таджикистана в 1956 г. // АРТ. – Сталинабад, 1959б. – Вып. IV. – С.7-15.
- Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана: Предварительное сообщение о работах 1948, 1952-1954 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. – М., 1958. – № 66.
- Окладников А.П. Исследование памятников каменного века Таджикистана: Предварительное сообщение о работах 1948, 1952-1954 гг. // Труды ТАЭ. – М.-Л., 1958. – Т.3. – МИА СССР. - № 66.
- Окладников А.П. К вопросу о мезолите и эпипалеолите Азиатской части СССР // МИА СССР. – М., 1966. – № 126.
- Окладников А.П. Каменный век Таджикистана. – Итоги и проблемы // Всесоюзн. Совещ. арх. и этногр. Средней Азии. – М., 1959; Окладников А.П. Палеолит и мезолит Средней Азии // Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – М.-Л., 1966.
- Окладников А.П. Неандертальский человек и следы его культуры в Средней Азии. Предварительные данные и выводы о раскопках в гроте Тешик-Таш // СА. - 1940. - № 6.
- Окладников А.П. О датировке забайкальских писаниц // Записки Бурят-Монгольского научн.-иссл. ин-та культуры. – М., 1952. – Вып. XVI.
- Окладников А.П. О работах по изучению каменного века Таджикистана в 1957 г. / Труды АН ТаджССР. – Т. СIII. – Вып. V. – 1959.
- Окладников А.П. Петроглифы Байкала – памятники древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – 125 с., 41 ил.
- Окладников А.П. Петроглифы Центральной Азии. – Л.: Наука, 1980. – 271 с.
- Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древнейшей культуры прикаспийских племен Туркмении // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1956. – Т.7.
- Окладникова Е. А. Образ человека в наскальном искусстве Центрального Алтая // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. - Новосибирск, 1987.

- Омар Хайям. Трактаты / Перев. Б.А. Розенфельд. – М., 1961.
- Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. – М., 1960.
- Основы иранского языкознания. Кн.1: Древнеиранские языки. Отв ред. В.С. Расторгуева. – М.: Наука, 1979. – 387 с.
- Отт М. «Технические стили» в доистории. // Локальные различия в каменном веке. – СПб, 1999.
- Очерки истории СССР. Период феодализма в России в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. - М., 1954.
- Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. - Т. I-III. - Ереван, 1957-1959.
- Ошанин Л.В. Данные к географическому распространению главнейших антропологических признаков населения Средней Азии и опыт выявления основных расовых типов Средней Азии // Труды IV Всесоюзного съезда зоологов, анатомов и гистологов. - Киев, 1931.
- Ошанин Л.В. Иранские племена Западного Памира. - Ташкент, 1937.
- Ошанин Л.В. К сравнительной антропологии этнических групп пришлых из Передней Азии – евреев и арабов и этнических групп Узбекистана – узбеков и таджиков // Материалы по антропологии населения Узбекистана, вып. 1. – Ташкент, 1929.
- Оштиёни Мухандис Джалолиддин. Зартушт, маздаясно ва хукумат». – Техрон, 1369.
- Павленко И. И. Петр I. – М., 1975.
- Памяти Михаила Степановича Андреева: сб. статей по истории и филологии народов Средней Азии / Труды АН Тадж. ССР. – Душанбе, 1960.
- Памятники архитектуры Туркменистана. – М.: Стройиздат, 1974.
- Панков А. В. К истории торговли Средней Азии с Россией, XVI–XVII вв. // В.В. Бартольд - туркестанские друзья, ученики и почитатели. -Ташкент, 1927.
- Панфилов О.В. Поиски и фиксация наскальных изображений Северного Таджикистана в 1976-1979 гг//Археологические работы в Таджикистане. Вып. XIX (1979 г.). – Душанбе: Дониш, 1986. – С. 432-446.
- Пахалина Т.Н. О происхождении топонимов «Ишкашим», «Язгулем» и «Вахан» // Иранское языкознание: история, этимология, типоло-

- гия. К 75-летию профессора В.И. Абаева.- М.: Наука, 1976 – С.43-49.
- Пахалина Т.Н. Памирские языки. - М.: Наука, 1969. - 163 с.
- Пахомов М.М., Никонов А.А., Ранов В.А. Палеогеографические условия Северного Памира в раннем голоцене по результатам изучения мезолитической стоянки Ошхона // ДАН Тадж. ССР. – 1977. – Т.20. - № 5.
- Пахомов М.М., Ранов В.А., Никонов А.А. Некоторые данные по палеогеографической обстановке неолитической стоянки Туткаул // СА. - 1974. – № 4.
- Пелих Г. И. Происхождение селькупов. - Томск, 1972.
- Перевозчиков И.В. Современные антропологические типы Средней Азии, их классификация и происхождение // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - М., 1991.
- Перепись населения Таджикистана. - Душанбе, 2000.
- Пестряков А.П. Антропологическое исследование некоторых групп населения Таджикистана и Узбекистана // СЭ. - 1975. - № 1.
- Пестряков А.П. Антропология населения юго-востока Средней Азии. - М., 2000.
- Петрушевский И.П. Рашидаддин и его исторический труд "Сборник летописей" // Рашидаддин. Указ. раб. – Т.1. – Кн. 1.
- Пещерева Е.М. Гончарное производство Средней Азии. Труды Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. – М.,1959. – Т.ХII.
- Пещерева Е.М. Женское гончарное производство: дис.. д-ра. ист. наук. – М.; Л.,1959..
- Пещерева Е.М. Ягнобские этнографические материалы. – Душанбе: До-ниш, 1976. – 98 с.
- Пигулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. – М.;Л., 1941.
- Пидаев Ш. Р. Керамика Джика-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. М., 1984.
- Пилипко В.И. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркестана: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1989.

- Пилипко В.И. Становление и развитие парфянской культуры на территории Южного Туркестана: автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. – М., 1989.
- Пинчукова И.М. Систематическое положение ребенка из пещеры Тешик-Таш // Проблемы эволюционной морфологии человека и его рас. - М.: Наука, 1986.
- Писарчик А.К. Михаил Степанович Андреев (1873 – 1948) – исследователь культуры и быта народов Средней Азии // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Л., М., 1977. – С.126-132. (Тр.Ин-та этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. – Т.140).
- Писарчик А.К. Народная архитектура Самарканда XIX – XX вв. – Душанбе, 1975. – 139 с.
- Писарчик А.К. Одежда таджиков Нураты. – Душанбе: Сафир, 2003.
- Писарчик А.К. Этнографическая наука в Таджикистане (1920-1990). – Душанбе, 2002. – 170 с.
- Писарчик А.К. Этнографическая работа в Таджикистане // Изв. АН Тадж.ССР. Отд. общ. наук. – Сталинабад, 1954. – Вып.6.
- Писарчик М.С. Этнография // Таджикская Советская Социалистическая Республика. Спецтом ЭСТ. – Душанбе, 1974. – С. 238.
- Пичикян И. Р. Культура Бактрии. – М., 1991.
- Пичикян И. Р. Культура Бактрии: ахеменидский и эллинистический периоды. - М., 1991.
- Пичикян И.Р. Возобновление работ на Каменном городище // АРТ. – 1982. – Вып. XVI. – С. 73–83.
- Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистические периоды. - М.: Восточная литература, 1991.
- Пичикян И.Р. Открытие культового комплекса на Каменном городище в 1978 г. // АРТ. – 1984. - Вып. XVIII. - С. 102-109.
- Пичикян И.Р. Раскопки Каменного городища в 1977 г. // АРТ. – 1983. - Вып. XVII. - С. 95-104.
- Пичикян И.Р. Тахти-Сангин: Открытие культовых закладов // АО 1980 года. – 1981. – С. 206–210.
- Пичикян И.Р., Войтов В.И., Дубровин А.Ф., Арабов С.Ф., Колпаков А.А. Раскопки Шаартузского разведывательного отряда на Каменном городище // АО 1976 года. - 1977. - С. 571.

- Поляков С.П. Историческая этнография Средней Азии и Казахстана. – М.,1980. – 168 с.
- Поляков С.П. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. – М.,1989.
- Попов А.Н. Сношения России с Хивой и Бухарою при Петре Великом // Записки ИРГО. – СПб.,1853. – Кн.9.
- Попова Н.Ф. Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX-XX вв. // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX – начале XX века. – С.-Петербург, 2008.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. – Л.: Наука, 1991. – 321 с.
- Потапов Л.П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // Советская этнография. – 1935. – №4-5.
- Проблема расы в российской физической антропологии / Под ред. Т.И. Алексеевой, Л.Т. Яблонского. - М., 2002.
- Проблемная ситуация в современной археологии / Под ред. В.Ф.Генинга, С.В.Смирнова, Ю.В.Захарчука. – Киев, 1988.
- Проблемы майкопской культуры в контексте Кавказо-Анатолийских связей. Межднациональный симпозиум. - Тбилиси, 2013.
- Прокопий Кессарийский. История войн римлян с персами / Пер. с греч. С. Дестуниса. – СПб., 1876.
- Пругер Е. Горный промысел Южного Согда – Кеша. - Ташкент, 1986.
- Птицын Г.В. К вопросу о географии Шахнаме // Труды Отдела Востока Гос. Эрмитажа. - Л., 1947. - Т. IV. - С. 293-311.
- Пугаченкова Г. А. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. - Ташкент, 1966.
- Пугаченкова Г.А. Бактрийский жилой дом (к вопросу об архитектурной типологии) // История и культура народов Средней Азии. – М.: Наука, 1978.
- Пугаченкова Г.А. К типологии монументального зодчества древних стран ираноязычного региона // Искусство и археология Ирана и его связь с искусством народов СССР с древнейших времен. – М., 1979.
- Пугаченкова Г.А. Новое в художественной культуре античного Согда // Памятники культуры. Новые открытия. – Л., 1985.
- Пугаченкова Г.А. Термез. Шахрисябз. Хива. – М., 1976.
- Пугаченкова Г.А. Храм и некрополь в Парфянской Нисе. Из работ

ЮТАКЭ // ВДИ. – 1953. – М. – № 3.

- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан // Очерки истории и культуры: древность и средневековье. – Ташкент: 1990, Фан. – 218 с.
- Пулатов У.П. «Дом огня» в Уструшане // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана / Тез. докл. Всесоюзн. научн. конф. в г. Пенджикенте ТаджССР. – Душанбе, 1977. – С. 77-79.
- Пулатов У.П. Чильхуджра. – Душанбе, 1973. – 194 с., илл.
- Путешествие в Среднюю Азию. – 1558–1560 гг. // Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Пер. с англ. Ю. В. Готье. – Л., 1937.
- Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции. – Душанбе: Дониш, 1982.
- Пьянков И.В. Бактрия в античной традиции: (Общие данные о стране: название и территория). – Душанбе: Дониш, 1982. – 64 с.
- Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Мат-лы Междунар. научной конф., посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. Москва, 14-16 окт. 1998 г. – М.: Изд.ая фирма «Восточная литература», 2001. – С. 334-348.
- Пьянков И.В. Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции) // Древние цивилизации Евразии. История и культура / Мат-лы Междунар. научной конф., посвященной 75-летию Б.А. Литвинского. Москва, 14-16 окт. 1998 г. – М.: «Восточная литература», 2001.
- Пьянков И.В. Зороастр в истории места и времени // ВДИ. – 1996. – № 3. – С. 3-23.
- Пьянков И.В. Зороастр в истории Средней Азии: проблема места и времени (Опыт исторической реконструкции) // ВДИ. – М.: Наука, 1996. – № 3.
- Пьянков И.В. К вопросу о путях проникновения ираноязычных племен в Переднюю Азию // Переднеазиатский сборник. III: История и филология стран Древнего Востока. – М: Наука, 1979. – С. 193-207.
- Пьянков И.В. К вопросу о саках на Памире // Памироведение, 1985. – Вып. II.

- Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической истории древней Средней Азии // Восток. 1995. № 6. С. 27-46.
- Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. – М., 1988.
- Пьянков И.В. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской экспедиции. – М.: Наука, 1983. – С. 66-67.
- Пьянков И.В. Река Ох и Арьяна Вайджа // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке: Тез. докл. конф. посвященной десятилетию Южно-Таджикистанской экспедиции. – М.: Наука, 1983.
- Пьянкова Л. Т. Генезис и периодизация памятников бронзового века в Таджикистане // Проблемы истории культуры таджикского народа. - Душанбе: Гиссарский историко-культурный заповедник, 1992.
- Пьянкова Л. Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. - Душанбе, 1989.
- Пьянкова Л. Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (Московский район) в 2002 г. // АРТ, вып. XXVIII. - Душанбе, 2003.
- Пьянкова Л.Т. Археологическая разведка по среднему течению реки Кафирниган // АРТ. – Вып.22. – Душанбе, 1990.
- Пьянкова Л.Т. Бронзовый век Южного Таджикистана // Изв. АН Тадж-ССР. Сер.: востоковедение, история, филология. - 1986. – № 4.
- Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бешкентской культурах // Культура первобытной эпохи Таджикистана (от мезолита до бронзы). – Душанбе, 1982. - С.37,38.
- Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. – Душанбе, 1989.
- Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана: (По материалам могильника эпохи Бронзы «Тигровая Балка»). – Душанбе: Дониш, 1989. – 252 с.
- Пьянкова Л.Т. К вопросу о семейных и общественных отношениях в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников вахшской

- культуры) // МКТ. – Вып.4. – Душанбе, 1987.
- Пьянкова Л.Т. Находки бронзового века из Нурека // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981а.
- Пьянкова Л.Т. Раскопки на поселении Тегузак в 1981 г. // АРТ – Душанбе. 1988. – Вып. XXI.
- Пьянкова Л.Т. Раскопки погребений вахшской культуры в могильнике Обкух (московский район) в 2002 г. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С.194-228.
- Пьянкова Л.Т. Энеолит и бронзовый век // История таджикского народа. - Т. I: Древнейшая и древняя история. – Душанбе: Суруш, 1998. – С. 124-200.
- Пьянкова Л.Т. Юго-Западный Таджикистан в эпоху бронзы // МАИКЦА. Информационный бюллетень. – М., 1981. – Вып.1
- Пярых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. – 2000. – № 4.
- Раджабов З.Ш. Очерки истории культурного строительства в Таджикистане. - Душанбе: Дониш, 1976.
- Радилюловский В.В. Стоянка каменного века в Варзобском ущелье // АРТ.– Душанбе, 1979.– Вып. 14.
- Радилюловский В.В., Новиков В.П. Стоянки и сырьевые источники каменного века в долине р.Ширкент // Природа и древности Ширкента. –Душанбе, 1993.
- Раззоков А. Р. Древние рудники верховьев долины Зарафшана // 50 лет раскопок древнего Пенджикента: ТД науч. конф. 15–20 августа 1997 г. Пенджикент, 1997. - С. 44–46.
- Раззоков А. Р. Костяные орудия Саразма (по следам работы). – 1992.
- Раззоков А. Р. Работа Саразмского отряда в 2002 г. // АРТ. – 2005. – Вып. 30. – С. 77– 80.
- Раззоков А.Р. Саразм (орудия труда и хозяйство по экспериментально-трассологическим данным). - Душанбе: Эчод, 2008. - 136 с.
- Раззоков Ф. Керамические горны древнеземледельческого поселения Саразм (IV–III тыс. до н.э.) // Мероси ниёгон (Наследие предков). - Душанбе: Национальный музей древностей Таджикистана. – 2012. – № 15. – С. 31–37.
- Раззоков Ф. Строительные комплексы древнеземледельческого поселения Саразм в IV–III тыс. до н.э. – СПб: НКТ, 2016. – 248 с.

- Ранов В. А. Бегущие по скалам: Наскальные рисунки Памира / редак. Каримова Г.Р., Худжагелдиев Т.У. – Душанбе: Дониш, 2016. – 412 с. и др.
- Ранов В. А. Изучение каменного века Таджикистана // Доклады Академии наук Таджикской ССР. – Сталинабад, 1953. – Вып. 9.
- Ранов В. А. Раскопки в 4-6 палеопочвах лёссово-почвенного разреза Оби-Мазар в 1995 и 1997 годах // АРТ – Душанбе, 2005. – Вып.30.– С.– 14-32.
- Ранов В. А., Соловьёв В. С. Душанбе – город древний. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.
- Ранов В.А. Амосова А.Г. Завершение раскопок стоянки Каратау-1 // Древние цивилизации: История и культура. – М., 2001.
- Ранов В.А. Археологические исследования на возвышенности Кара Бура в 1959 г. // АРТ, – Душанбе, 1961. – Вып. 7.– С. 16-29.
- Ранов В.А. Археологическое изучение Памира // Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе, 1981.
- Ранов В.А. Бегущие по скалам: наскальные рисунки Памира. – Душанбе: Дониш, 2016. – 412 с.
- Ранов В.А. Генезис и периодизации памятников каменного века в Таджикистане // Проблемы истории и культуры таджикского народа. – Душанбе, 1992.
- Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии (происхождение, распространение, особенности) // История и культура востока Азии: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985.
- Ранов В.А. Гиссарская культура: распространение, хронология, экономика. // Культура первобытной эпохи Таджикистана. – Душанбе, 1982. – С. 22-41.
- Ранов В.А. Древнейшие страницы истории человечества. – М.,1988.
- Ранов В.А. Изучение каменного века Средней Азии за двадцать лет (1945-1965 гг.); // Материальная культура Таджикистана. – Душанбе, 1968. – Вып.1.
- Ранов В.А. Итоги разведок памятников каменного века на Восточном Памире (1956-1958 гг.). // МИА. – М.-Л., 1964.– № 124. – С. 7-50.
- Ранов В.А. К изучению мустьерской культуры в Средней Азии // МИА. – Л., 1971. – № 173. – С. 209-232.

- Ранов В.А. Каменный век // История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – Т. 1. – Гл. 2.
- Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. – Душанбе, 1965.
- Ранов В.А. Каменный век Таджикистана. - Душанбе, 1965. - 145 с.
- Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Авторф. дис... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988.
- Ранов В.А. Колесницы ариев по данным петроглифов Акджилги (Восточный Памир) // Арийская культура. – Душанбе, 2006.
- Ранов В.А. Лаухин С.А. Результаты раскопок мустьерской стоянки Худжи в Гиссарском районе Таджикистана // Всероссийское совещание «Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI в.». - СПб., 1998.
- Ранов В.А. Лаухин С.А. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. - 2000. - № 9.
- Ранов В.А. Лёссово-почвенная формация Южного Таджикистана и лёссовый палеолит // АРТ. – Душанбе, 2000.– Вып. 27.– С.21-49.
- Ранов В.А. Могут ли геометрические микролиты быть показателем миграционных процессов в Средней Азии // Древность. Труды Российского археологического общества. – 1996. – Вып. 19.
- Ранов В.А. Некоторые вопросы заселения Памира в древности // Памироведение. – Душанбе, 1985. – Вып. 2.
- Ранов В.А. Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру // Acta Archaeologica Carpathica. – 1976. – Vol.16.
- Ранов В.А. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии // Изв.АН Тадж.ССР. Отд-ние общест. наук. – 1968б, № 3. – С.3-11.
- Ранов В.А. Освоение Высокой Азии человеком каменного века (на примере гор Средней Азии) // Средняя Азия в древности и средневековье. – М., 1977.
- Ранов В.А. Палеолит Переднеазиатских нагорий // Палеолит Ближнего и Среднего Востока. – Л., 1978.
- Ранов В.А. Памир и проблемы заселения высокогорной Азии человеком каменного века // Страны и народы Востока. – М., 1985. – Вып. XVI.
- Ранов В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1971 г.: (Раскоп-

- ки площадки перед пещерой Огзи-Кичик) // АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып. XI (1971 г.).
- Ранов В.А. Раскопки нижнепалеолитической стоянки Лахути 1 в 1979 г. // АРТ. – Душанбе, 1986. – Вып.19.– С. 11-36.
- Ранов В.А. Раскопки палеолитической стоянки Кульдара // АРТ – Душанбе, 1987. – Вып. 27.– С. 11-32.
- Ранов В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире // АРТ. – Душанбе, 1962. – Вып.8.– С.16-24.
- Ранов В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире в 1960 г. // АРТ. – Душанбе, 1962. – Вып. 8 (1960 г.).
- Ранов В.А. Раскопки памятников первобытнообщинного строя на Восточном Памире // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1962. – Вып. XXXIV. – 158 с.
- Ранов В.А. Результаты разведок каменного века в 1955 г. //АРТ. – Сталинабад, 1956.– Вып.III.
- Ранов В.А. Результаты разведок каменного века в 1957 г. (в низовьях Вахша и на Восточном Памире) // АРТ.– Сталинабад, 1959. – Вып. V.
- Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты // СЭ. – 1961. – №6.
- Ранов В.А. Семиганч – новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане // МИА, № 185 (Палеолит и неолит СССР, т. VII). – Л., 1972.
- Ранов В.А. Скопление костей в пещере Огзикачичик и его возможное культовое значение. Тез. докл. на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974-1975 гг. – Душанбе, 1976.
- Ранов В.А. Стоянка Оби-Киик и некоторые вопросы изучения мезолита юга Средней Азии // Первобытная археология – поиски и находки.– Киев, 1980.– С. 82-90.
- Ранов В.А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу: (раскопки 1969-1970 гг.) // АРТ.– М., 1973. – Вып. X (1970 г.). – С. 42-61.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. Завершение раскопок стоянки Каратау – 1 // Древние цивилизации. История и культура. – М., 2001.– С. 383-408.

- Ранов В.А., Амосова А.Г. Работы отряда по изучению каменного века // АРТ – Душанбе, 1993. – Вып. 24 (1984 г.).
- Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 году // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. 18. – 11-47.
- Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки пещерной стоянки Огзи-Кичик в 1977 году // АРТ. – Душанбе, 1977. – Вып. 7 (1977 г.). – С. 7-33.
- Ранов В.А., Гурский А.В. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской ССР // Советская этнография. – 1966.– № 2.– С. 110-119.
- Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // БКИЧП. – 1987. – № 56. – С. 65-75.
- Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // БКИЧП. - 1987. – № 56.
- Ранов В.А., Жуков В.А. Петроглифы на р. Северная Акджилга (Восточный Памир) // Археологические открытия 1971 года. - М., 1972. – С. 540-541.
- Ранов В.А., Жуков В.А. Работы отряда по изучению каменного века в 1976 г. // АРТ. – Душанбе, 1982. – Вып. XVI.– С. 9-30.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Каменный век Афгано-Таджикской депрессии. – Душанбе: Деваштич, 2005.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Наскальные изображения в долине и верховьях Зарафшана // Археологические работы в Таджикистане.– Душанбе, 2013.– Вып. 36.– С.249-273.
- Ранов В.А., Каримова Г.Р. Отчет исследования коллекции каменных орудий Саразма Пенджикентской археологической базы за 1989 г.(рукопись).
- Ранов В.А., Колобова К.А., Кривошапкин А.И., Филимонова Т.Г. Шугноу – уникальный памятник верхнего палеолита в Центральной Азии. // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск, 2005.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Неолит горных районов Средней Азии. // Проблемы археологии Средней Азии. – Л., 1968.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссар-

- ской культуры в Южном Таджикистане // СА – 1971. – № 2. – С. 133-147.
- Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. Туткаул многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // СА. – 1971. – № 2.
- Ранов В.А., Лаухин С.А. Новые раскопки стоянки Худжи, Таджикистан (предварительное сообщение) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998а. – Т. 2. – С. 352-357.
- Ранов В.А., Лаухин С.А. Проблемы геохронологии лессового палеолита Южного Таджикистана // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – Т. 2. – С. 345-351.
- Ранов В.А., Лаухин С.А., Зубов А.А. Новости. Кратко // Природа. - 1998. - № 7. ([http://vivovoco.astronet.ru/vv/news/prioda/pr_07_98.htm](http://vivovoco.astronet.ru/vv/news/priroda/pr_07_98.htm)).
- Ранов В.А., Лаухин С.А., Худжагелдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки второй палеопочвы стоянки Хонако III в 1997 г. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII. – С. 18-63.
- Ранов В.А., Несмеянов С.А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. – Душанбе, 1973.
- Ранов В.А., Никонов А.А., Пахомов М.М. Люди каменного века на подступах к Памиру (Палеолитическая стоянка Шугноу и ее место среди окружающих памятников) // Acta Archaeologica. – 1976. – Т. XVI.
- Ранов В.А., Сидоров Л.Ф. Развитие природы Памира как среды существования человека. – Страны и народы Востока. – М., 1965. – Вып. 4.
- Ранов В.А., Филимонова Т.Г. Раскопки неолитического поселения Кангурттут в 1987-1990 гг. // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. 28. – С. 64-116.
- Ранов В.А., Филимонова Т.Г., Никонов А.А. Алайская стоянка // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающегося археолога Вадима Адександровича Ранова. – Новосибирск, 2015.
- Ранов В.А., Худжагельдиев Т.У., Шефер Й. Раскопки 4-ой палеопочвы разреза Хонако III (Южный Таджикистан) в 2003 г. // АРТ – Душанбе, 2004. – Вып. 29. – С. 71-120.
- Ранов В.А., Шараров Ш., Никонов А.А. Фауна млекопитающих, археология и геология стоянки Огзи Кичик (Южный Таджикистан) //

- ДАН Тадж.ССР. - 1973. – Т.16. – №7.
- Ранов В.А., Шефер И. Лессовый палеолит // Археология, этнография и антропология Евразии. – М., 2000. – Т.2, № 2. – С. 20-32.
- Ранов В.А., Шнайдер С.В., Павленок К.Д. Мезолитические комплексы памятника Туткаул (Таджикистан) // Российская археология. – 2015, № 2.
- Ранов В.А., Юнусалиев М.Б. Предварительные результаты исследования мустьерской стоянки Тосор // Археологические памятники Прииссыкуля. – Фрунзе, 1975.
- Ранов В.А., Юркевич Э.А. Стоянка с кремневым инвентарем в долине Пянджа // КСИА – М., 1973. – Вып. 136.
- Ранов В.А., Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь стоянки Дарай Шур и его культурные связи // Культура первобытной эпохи Таджикистана: (от мезолита до бронзы) – Душанбе, 1982.
- Рапен К. Святилища Средней Азии в эпоху эллинизма // ВДИ. –1994. – № 4. – С. 128-140.
- Рапэн Кл. Эллинистическая сокровищница Айханум // Городская культура в Бактрии-Тохаристана и Согда: античность, раннее средневековье. – Ташкент: Изд. «Фан», 1987.
- Распопова В. И. Поясной набор Согда VII – VIII вв. // СА.– 1965.– № 4.– С. 78-91.
- Распопова В.И. Жилище Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). – Л.: Наука,1990. – 207 с.
- Распопова В.И. Один из базаров Пенджикента VII-VIII вв. – Страны и народы Востока. – М., 1971. – Вып. X. – С. 67-75.
- Расторгуева В. С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров. – М., 1964.
- Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. – М., 1964.
- Расторгуева В.С. (отв. ред). Языки Мира. Иранские языки. Том I-II-III. - Москва: Индрик.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. - Т. 2. b-d. - М.: Изд. фирма Восточная литература, 2003. – 502 с.
- Расторгуева В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. - Т. 1. М.: Восточная литература, 2000. - С. 318-319.

- Рауфов Х. «Фарҳанги Чаҳонгирӣ» ҳамчун сарчашмаи лексикографияи тоҷику форс. – Душанбе, 1973.
- Рахимов М.Р. Зарафшанская этнографическая экспедиция 1958 – 1961 гг. // Изв. АН Тадж. ССР. Отд. общ. наук. – Душанбе, 1963. - №1(32).
- Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (историко-этнографический очерк). – Душанбе, 1957. - 221 с. (Тр.ИИАЭ АН Тадж. ССР. – Т.43).
- Рахимов Р.Р. «Мужские дома» в традиционной культуре таджиков. – Л., 1990. – 154 с.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Нигоҳе ба таърих ва тамаддуни ориёӣ. – Душанбе, 2006.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Ориёӣҳо ва шиноҳти тамаддуни ориёӣ. – Душанбе: Ирфон, 2006.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Тоҷикон дар оинаи таърих. Китоби дуум. Аз Ориён то Сомониён. – Душанбе: Ирфон, 2002.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Тоҷикон дар оинаи таърих. Китоби сеум. Аз Ориён то Сомониён. – Душанбе: Ирфон, 2006.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Тоҷикон дар оинаи таърих. Китоби чорум. Аз Ориён то Сомониён. – Душанбе: Ирфон, 2009.
- Раҳмон, Эмомалӣ. Тоҷикон дар оинаи таърих. Китоби якум. Аз Ориён то Сомониён. – Душанбе: Ирфон, 1999.
- Рахмонов Э. Таджики в зеркале истории. – Душанбе: Изд. «Ирфон», 1996.
- Рашидаддин. Сборник летописей / Перев. с персид. Л.А. Хетагурова, ред. и примеч. проф. А.А. Семенова. – М.-Л., 1952. – Т.1. – Кн.1; Т.1. – Кн.2 / Перев. с персид. О.И.Смирновой. – М.; Л., 1952; Т.II / Перев. с персид. Ю.И.Верховского. – М.; Л., 1960;
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. Избр. труды. – М., 1978.
- Ригведа. Мандалы I-IV. Изд. подготовила Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 767с.
- Ригведии: Мандали 1-1У. – М.: Наука, 1986.
- Риттер К. Иранъ. - Ч. 1. Перевод и дополнения Н.В. Ханькова. – СПб.: Изд. Имп. Р.Г.О., 1874. – 656 с
- Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // Археология СССР / Палеолит СССР. – М., 1984. - С. 233.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. - М., 1963, 1979.

- Розенфельд А. З. Бадахшанские говоры таджикского языка. – Л., 1971.
- Розенфельд А.З. Материалы по этнографии и пережиткам древних верований таджикоязычного населения Советского Бадахшана // Советская этнография. – 1970. – №3.
- Рохлин Д.Г. Некоторые данные рентгенологического исследования детского скелета из грота Тешик-Таш, Южный Узбекистан // Тешик-Таш. Палеолитический человек. - М.: Изд. МГУ, 1949.
- Ртвеладзе Э. В. Монеты Катфара / Гатфара-предводителя эфталитов // Нумизматика Центральной Азии. – Ташкент, 2004. Вып. VII.
- Ртвеладзе Э. В. Цитадель Дальверзинтепе // Дальверзинтепе – кушанский город на юге Узбекистана. –Ташкент, 1978.
- Ртвеладзе Э.В. К итогам стратиграфических исследований на городище Кампыр-тепа в 2002-2006 гг. // МТЭ. Археологические исследования Кампыр-тепа и Шортепа. - Ташкент, 2008. Вып. 5.
- Ртвеладзе Э.В. Северный Тохаристан в V-VIII вв. // Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Очерки истории и культуры, древность и средневековье. – Ташкент, 1990.
- Ртвеладзе Э.В. Средневековый могильник Биттепа в Чаганиане // СА. 1986. №4.
- Рузанов В. Д. К вопросу о связях между севером и югом Средней Азии в эпоху бронзы (по данным спектро-аналитического исследования меди, бронзы) // Взаимодействие кочевых и оседлых культур на Великом шелковом пути (Тез. докл. междунар. семинара ЮНЕСКО. Алма-Ата: 15-16 июня 1991 г.). – Алма-Ата, 1991.
- Рузанов В.Д. Кратко об основных итогах изучения металла культур с лепной расписной керамикой эпохи бронзы Ташкентско-Ферганского региона // Столице Узбекистана Ташкенту 2200 лет. Материалы Международной научной конференции, посвященной 2200-летию юбилею города Ташкента. - Ташкент, издательство «Фан» Академии наук Республики Узбекистан, 2009. – 390 с.
- Рузанов В.Д. О химическом составе металла Северной Бактрии // Материалы советско-французского коллоквиума: «Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда». Тезисы докладов. – Ташкент. – 1986.
- Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик. – Ду-

шанбе, 1972.

- Рыбин Е.А., Славинский В.С., Цыбанков А.А. Типология расщепления камня в среднем палеолите Кыргызстана (по материалам стоянки Тоссор) // Возвращение к истокам. Сборник памяти выдающего археолога Вадима Александровича Ранова. – Новосибирск, 2005.
- Рычков Ю.Г. Антропология и генетика изолированных популяций. (Древние изоляты Памира). - М., 1969.
- Рычков Ю.Г. Происхождение расы Среднеазиатского междуречья // Труды Ташкентского Государственного университета. - Вып. 235. - Ташкент, 1964.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Генетика и этногенез // ВА. - Вып. 64. - 1980.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Генетика и этногенез. Историческая упорядоченность генетической дифференциации популяций человека (Модель и реальность) // ВА. - Вып. 75. - 1985.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Генетика и этногенез. Состояние и тенденции генетического процесса в связи с особенностями развития народонаселения Европы (зарубежной) // ВА. - Вып. 72. - 1983.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Генетическая память об этногенезе // Этнические связи народов Севера Азии и Америки по данным антропологии. - М., 1986.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В. Модель взаимодействия генетического и этнологического процессов в народонаселении // Четвертый съезд ВОГиС. Тезисы докладов, ч. IV. - Кишинев, 1982.
- Рычков Ю.Г., Ящук Е.В., Веселовская Е.В. Генетика и этногенез (О генетической прапамяти систем коренного населения Северной Азии и Америки) // ВА. –Вып. 69. - 1982а.
- Сабзаев С. Забон ва сабки баёни Мавлоно Чалолитдини Балхӣ. – Душанбе, 2014.
- Сабзаев С. Забон ва услуби шоирони маорифпарвар. – Душанбе: Маориф, 1991.
- Сабитов Ж.М., Балановский О.П. Комплексные исследования этногенеза: союз геногеографии и этнографии // Вестник антропологии. - 2017. - № 2 (38).
- Савельев П. Бухара в 1835 году с присоединением известий обо всех европейских путешественниках, посетивших этот город до 1835

- года включительно. – СПб., 1936.
- Савельев П. С. Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. – СПб., 1847. – С. XXXVIII., – С. XIV., – С. XVI.
- Сагалаев А.М. К проблеме «вещь» и «миф» в культуре урало-алтайских народов (опыт прочтения символики посоха) / Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. Матер. XII Зап. – Сибирской арх. – этнограф. конф. – Томск, 2001.
- Сагалаев А.М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. - Новосибирск, 1991.
- Сагдуллаев, А.С. Лушпенко О. Н. Новые данные к изучению древнесогдийских поселений // Общественные науки в Узбекистане. – 1989. – № 12.
- Саидризо Ализодаи Самарқандӣ. Сарфу нахви забони тоҷикӣ. – Самарқанд, – Душанбе, 1926 (на латин. графике).
- Сайидо Насафи. Избранное. – Сталинабад, 1949.
- Саймиддинов Д. Вожашиноси забони форсии миёна. – Душанбе, 2001.
- Саймиддинов Д. Пажӯҳишҳои забоншиносӣ. – Душанбе, 2013.
- Салтовская Е.Д. Некоторые новые материалы о «ферганских кочевниках» // Успехи среднеазиатской археологии. – Вып.3. – Л.: Наука, 1975.
- Салтовская Е.Д. О погребениях ранних скотоводов в Северо-Западной Фергане // КСИИМК. – 1978. – Вып.154. – С.95-99.
- Салтовская Е.Д. Раскопки Дунгча-тепе в 1978 г. // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып.18. – С.314-323.
- Самойлик П.Т. К вопросу о стратиграфии и топографии Хисортепа // Проблемы истории культуры Таджикистана. - Душанбе, 1993.
- Сарианиди В. И. 1979: К вопросу о культуре Заманбаба // Этнография, археология Средней Азии. - М.: Наука, 1979. - С. 23–28.
- Сарианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. - М.: Наука, 1977. - 172 с. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1974 гг.).
- Сарианиди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
- Сарианиди В. И. Некрополь Гонура и иранское язычество. - М.: Мир-медиа, 2001. 244 с.
- Сарианиди В. И. Составные статуэтки Бактрии и Маргианы // ВДИ. - М.,

1995. - С. 75-79.

- Сарианиди В. Культура расписной керамики раннежелезного века Юго-Западной Азии // ИБ МАИКЦА. – М., 1985. – Вып. 9.
- Сарианиди В. Маргуш: Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. - Ашхабад, 2002.
- Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении / Отв. ред. М.Е. Массон. - М., Наука. – 1965. – 81 с., XXVII табл. (Археология СССР. Свод археологич. источников, БЗ-8, 4.IV).
- Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // ТЮТАКЭ. – Ашхабад. – 1960.
- Сарианиди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа: Автореф. дис. д-ра ист. наук. - М.: Ин-т археологии АН СССР, 1975. - 55 с.
- Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. – Ашгабат: Метбугат, 2006. – 327 с.
- Сарианиди В.И. Дворцово-храмовый комплекс Северного Гонура // Российская археология. - 2007. - № 1.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг.– М.: Наука, 1977. – 171 с.
- Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана // Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969-1974 гг. – М.: Наука, 1977. – 171 с.
- Сарианиди В.И. Древности низовий Мургаба // АО 1972 г. - М., 1973.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш / Отв. ред. А.А. Росляков. - Ашхабад: Ылым, 1990. - 316 с.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. – Ашхабад: Ылым, 1990. – 316 с.
- Сарианиди В.И. Древняя Бактрия: новые аспекты старой проблемы // Этнические проблемы Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). – М.: Наука, 1981. – С. 180-191.
- Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М.: Старый сад, 2010. – 200 с.
- Сарианиди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства

- протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М.: Старый сад, 2010. – 200 с.
- Сарианиди В.И. Исследование памятников Дашлинского оазиса // Древняя Бактрия. - М.: Наука, 1976. (Материалы Советско-Афганской экспедиции 1969–1973 гг.).
- Сарианиди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашгабат: Turkmendowlethabalarlary, 2002. – 360 с.
- Сарианиди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. – М., 2001. – 244 с.; Сатаев Р.М. Животные в культуре Древней Маргианы / отв. ред. Н.А. Дубова – М.: Старый сад. – 2016.
- Сарианиди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. (Археология СССР. САИ. БЗ-8. 4.IV). - М., 1965.
- Сарианиди В.И. Переднеазиатские арии в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т. 4. - М.: Старый сад, 2012.
- Сарианиди В.И. Терракотовая головка с Улуг-депе и ее месопотамские прототипы // СА. - 1969. - № 3.
- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. - М.: Наука, 1989.
- Сарианиди В.И. Царский некрополь на Северном Гонуре // Вестник древней истории (ВДИ). - № 2 (257).
- Сарианиди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр // Труды ЮТАКЭ. Т. X. - Ашхабад, 1961.
- Сарианиди В.И., Дубова Н.А. Мозаика III тыс. до н.э. в Гонур Депе (Туркменистан) // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б.А. Литвинского. - М.: Институт востоковедения РАН, 2013.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. Фергана. Чустская культура. – Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
- Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур-Деде // Труды Маргианской археологической экспедиции. - Т.2. - М., 2008.
- Сафронова В.А. «Индоевропейские прародины».– Горький, 1989.
- Саъдиев С. Сузани ва мухити адабии Самарканди асри XII. – Душанбе, 1974.
- Сверчков Л.М. К вопросу о происхождении и распространении катакомбного способа захоронения // Культуры степной Евразии и их

- взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. - Кн. 2.
- Сверчков Л.М. Тохары. Древние индоевропейцы в Центральной Азии. – Ташкент: SMI – ASIA, 2012. – 240 с.
- Седов А. В. Археологические комплексы Кобадияна кушано-сасанидского времени (середина IV–Vвв.) // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987.
- Седов А. В. Кобадиян на пороге раннего средневековья.– М.: Наука, 1987.– 202 с.
- Седов А. В. Могильники Бешкента // Шедевры древнего искусства и культуры Таджикистана / Материалы ЮТАЭ. Каталог выставки. - М., 1983.
- Седов А. В. Разведки и раскопки в Бешкентской долине // АРТ.– Душанбе, 1983.– Вып. 17.
- Седов А. В., Керзум А. П. Раскопки в Бешкентской долине в 1978 году // АРТ.– Душанбе, 1984.– вып. 18.– С. 122.
- Седов А.В. Бактрийско-сасанидские параллели в коропластике. Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. – М., 1979. – С.68-70.
- Селезнев А.Б. Исследование раннепалеолитической стоянки Мухай I в 2011-2013 гг. –КИСИА. – Л., 2014. – Вып.235.
- Семенов А.А. Избранные произведения. – Душанбе, 2013. - 408 с.
- Семенов А.А. Этнографические очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза. – М., 1903.
- Семенов В.А. Древнейшая миграция индоевропейцев на восток // Археологический вестник. – СПб. – 1993. – Вып. 4.
- Семенов С.А. Введение. // Технология производства в эпоху палеолита – Л., 1983.
- Семенов С.А. Развитие техники в каменном веке. – Л., 1968.
- Си Ю Цзи или описание путешествия на Запад / Перев. с китайского и примеч. Архимандрита Палладия // Труды чл. Росс. духовной миссии в Пекине. – СПб.,1866. – Т.IV.
- Сиев Б. Ташаккули чонишинхо дар забони тоҷикӣ – Душанбе: Ирфон, 2002.
- Симакова А. Н. Результаты палинологического анализа разреза Кангуртут // АРТ. – Душанбе, 2003. – Вып. XXVIII.

- Симнонӣ, Паноҳӣ. Хоҷа Насираддини Тусӣ. Осмони хунар ва офтоби замин. – Техрон, 1376/1997.
- Симс-Вильямс Н. Новые бактрийские документы // ВДИ. – 1977. – № 3.
- Смагулов Е.А., Баратов С.Р. Некрополь эпохи бронзы в окрестностях г. Туркестан (археологические работы в 2000 году на могильнике Шербай // Отан Тарихы. - Алматы, 2004. – № 3–4.
- Смирнов А.П. К вопросу об археологической культуре // СА. – 1964. – № 4. – С. 3-10.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 381 с.
- Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. – М.: Наука, 1977. – 82 с.
- Смирнов С.В. Становление основ общественного производства (материально-технический аспект проблемы). – Киев, 1983.
- Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949 – 1956 гг.). - М., 1963.
- Смирнова О. И. Сводный каталог согдийских монет. - М., 1981.
- Смирнова О.И. Археологические разведки в Уструшане в 1950 г. // МИА. – 1953. – № 37.
- Смирнова О.И. Очерки истории Согда. - М., 1970.
- Советский Таджикистан за 60 лет. Стат. сборник. - Душанбе: Ирфон, 1984.
- Согдийские документы с горы Муг (юридические документы и письма) / Чтение, перевод и комментарий В.А. Лившица.– М.: Издательство восточной литературы, 1962.– Вып II.– 222 с.
- Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод и комментарии М.А. Боголюбова и О.И. Смирновой / Хозяйственные документы.– М.: Издательство восточной литературы, 1963.– Вып III.– 132 с.
- Согдийские документы с горы Муг. Чтение, перевод, комментарий / А.А. Фрейман (описание, публикации и исследование документов).- М.: Издательство восточной литературы, 1962.– Вып I.-93 с.
- Соколова В.С. Очерки по фонетике иранских языков. – М.; Л., 1953.
- Соколова В.С. Фонетика таджикского языка. – М.; Л., 1949.
- Соловьев В. Древняя столица Вахшской долины // Мероси ниёгон. – Вып. 1. – Душанбе, 1992. – С. 25-29, ил.
- Соловьёв В. С. Искусство раннесредневекового Тохаристана. – Елец, 2007.

- Соловьёв В. С. Северный Тохаристан в раннем средневековье. – Елец, 1997.
- Соловьёв В.С. Могильник Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991.
- Соловьёв В.С. Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. – 1985.
- Соловьёв В.С. Работы на Кафыркале в Вахшской долине в 1980 г. // АРТ. – Душанбе. – 1987. – Вып. XX (1980 г.). – С. 172-178.
- Соловьёв В.С. Раннесредневековая керамика Северного Тохаристана. – Елец, 1996.
- Солодовников К. Н. Антропологические материалы из могильника Сальдьяр-1 в связи с вопросами происхождения афанасьевской культуры // Ларин О. В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. - Барнаул, 2005.
- Солодовников К.Н. Антропологические материалы из могильника андроновской культуры Фирсово-XIV к проблеме формирования населения Верхнего Приобья в эпоху бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. - Тюмень: «Изд-во ИПОС СО РАН», 2005. - №6.
- Солодовников К.Н. Связи населения казахстанских степей и Алтайского региона в эпоху бронзы по данным палеоантропологии // Изучение историко-культурного наследия Центральной Европы: Маргулановские чтения-2008. - Караганда, 2009.
- Солодовников К.Н., Рыкун М.П. Материалы к антропологии пахомовской культуры эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник антропологии. - Вып. 19. - М., 2011.
- Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. - С. 142-176.
- Сосин П. М., Шефер И., Ранов В. А. Геологические и экологические проблемы Республики Таджикистан. - Душанбе, 2000. –Институт геологии АН РТ.– С. 96 – 99.
- Соффер О.А. Динамика ландшафтов и социальная география позднего

- плейстоцена. Сравнение Кловиса и Костенок. // Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. – М., 1997.
- Срезневский И. Следы древнего знакомства с Южной Азией. Девятый век // Вестник Императорского русского географического общества (ВИРГО) за 1859 г. – СПб., 1854. – Кн., I.
- Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
- Ставиский Б. Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. Материалы и исследования по данным археологии. - М., 1998.
- Ставиский Б.Я. Археологические работы в бассейне Магиандарьи в 1957 г //АРТ (Труды АН Тадж. ССР, т. СШ). – Сталинабад, 1959.– Вып. 5.– С. 65-82.
- Ставиский Б.Я. Археологические работы в районе Магиандарьи в 1957-1959 гг. //СГЭ. – Л., 1961а.– N 21.– С. 57-60.
- Ставиский Б.Я. Капители древней Бактрии // СА. – 1972. – №2. – С.41-50.
- Ставиский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. – М.: Наука, 1977.
- Ставиский Б.Я. Основные этапы освоения земледельческим населением горных районов Верхнего Зарафшана (Кухистана) // Материалы этнографического отделения ВГО. – Вып.1. – Л., 1961.
- Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1958 г. //АРТ. (Труды Института истории им. А.Дониша, т. 27). – Сталинабад.– 1961б.– Вып. 6.– С. 101-112.
- Ставиский Б.Я. Работы Магианской группы в 1959 г. //АРТ (Труды Института истории им. А.Дониша АН Тадж. ССР, т. 31).– Душанбе, 1961в.– Вып. 7.– С.101-105.
- Ставиский Б.Я. Среднеазиатские традиции ахеменидского периода в культуре эллинистической и кушанской Бактрии // Древнейшие культуры Бактрии: Среда, развитие, связи // Тезисы первого советско-французского симпозиума «Археология древнейшей Бактрии». – Душанбе, 1982. – С.88-90.
- Ставиский Б.Я., Большаков О.Г., Мончадская Е.А. Пенджикентский некрополь // Тр. Таджикской археологической экспедиции. - М.; Л., 1953. – Т. II. МИА, № 37.
- Сталин И.В. Сочинения. – Т. 18. – Тверь, 2006. С. 211–212.
- Станкевич И. Л. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке

- // Древность и средневековые народов Средней Азии. - М.: Наука, 1978. - С. 17–31.
- Старостин С.А. Indo-European glottochronology and homeland // Труды по языкознанию. - 2007б.
- Старостин С.А. Indo-European among other language families: problems of dating, contacts and genetic relationships // Труды по языкознанию. - 2007а.
- Старостин С.А. Subgrouping of Nostratic: comments on Aharon Dolgopolsky's «The Nostratic Macrofamily and Linguistic Paleontology» // Труды по языкознанию. - 2007.
- Старостина О.В. Традиционный женский костюм равнинных таджиков (конец XIX – начало XX в.) // Таджики: история, культура общества. – СПб: Музей антропологии и этнографии РАН, 2014. – С.366-402.
- Старчевский А. В. Переводчик с русского языка на сартовский. – СПб, 1886.
- Статистический ежегодник Республики Таджикистан. - Душанбе, 2002.
- Статистический ежегодник Республики Таджикистан. – Душанбе, 2004.
- Стеблин-Каменский И. М. Первое путешествие И.И. Зарубина на Памир летом 1914г. // Кунсткамера. Этнографические тетради. - 1993. - Вып.1.
- Стеблин-Каменский И.М. Памирские языки о мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 238-241.
- Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978. – С. 72-74.
- Стеблин-Каменский И.М. Река иранской прародины // Ономастика Средней Азии. – М.: Наука, 1978.
- Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь Ваханского языка. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. – 480 с.
- Степанов Н. Ф., Поляков А. В. Афанасьевская культура: история изучения и современное состояние // Афанасьевский сборник. - Барнаул, 2010.
- Степанова Н. Ф. Афанасьевская культура Горного Алтая и Енисея: погребальный обряд и керамика (сходство и различия) // Афанасьевский сборник. - Барнаул, 2010.

- Степанова Н. Ф. К вопросу о выделении обрядовых групп афанасьевской культуры Горного Алтая // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584 с.
- Степанова Н. Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. ТД и сообщений к Всесоюз. науч. конф. - Барнаул, 1991.
- Степанова Н. Ф. Некоторые итоги статистического анализа признаков погребального обряда афанасьевской культуры Горного Алтая // Западная и Южная Сибирь в древности. - Барнаул, 2005.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о хронологии Афанасьевской культуры Горного Алтая // Археологические исследования степной Евразии. – Караганда: Tengri Ltd., 2013. – С. 61-70.
- Степанова Н.Ф. Погребение эпохи бронзы на могильнике Ело-2 в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии. – Сборник научных трудов / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: ГАГУ, 2010а. –№3 (15) – 176 с.
- Страбон. География в 17 книгах / пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. – М.: Наука, 1964. – 940 с.
- Страбон. География. – перевод Мищенко. – М., 1879. – Книга 11. – Глава 8.
- Сулейманов Р.Х. Грот Оби-Рахмат и проблемы палеолита Центральной Азии. // Археология Узбекистана. – Самарканд, 2010. – Вып.1.
- Сулейманов Р.Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. – Ташкент, 2000.
- Сулейманов Х.Р. Статистическое изучения грота Оби-Рахмат. – Ташкени, 1972.
- Султанов Э. Палеолитическое местонахождение Капчигай II (по результатам исследований 2002 г.) // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2005. – Вып.1.
- Султон Мирзо Хасан. Ташаккул ва тақомули истилоҳоти илмии форсӣ-тоҷикӣ, – Душанбе, 2008.
- Сухарева О. А. К истории художественного ремесла в Узбекистане // СМАЭТ. XIV. М.-Л., 1953.
- Сухарева О.А. Задачи этнографии в Средней Азии // Социалистическая наука и техника. – Ташкент, 1939. – №5. – С.61-65.

- Сухарева О.А. История среднеазиатского костюма. Самарканд.(2-я половина XIX – начало XX в.). – М.,1982.
- Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. – М., 1976. – 355 с.
- Сухарева О.А. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии // Советская этнография. – 1940. – Т.2. – С.172-176.
- Таджиев Д.Т. Причастия в современном таджикском литературном языке. – Сталинабад, 1954.
- Таджиев Д.Т. Способы связи определения с определяемым в современном таджикском литературном языке. – Сталинабад, 1955.
- Таджиев Д.Т. Чумлахои мураккаби тобеи сертаркиба. – Душанбе, 1966.
- Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе,1976. – Вып.3. – 312 с.
- Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш,1966. – Вып.1. – 321 с.
- Таджики Каратегина и Дарваза. – Душанбе: Дониш,1970. – Вып.2. – 312 с.
- Таджикистан: (Природа и природные ресурсы). Отв. ред. Х.М.Саидмуродов, К.В.Станюкович: АН ТаджССР. – Душанбе, 1982.
- Таймагамбетов Ж.К. Еще раз о стратифицированной стоянке эпохи палеолита Майбулак // Казахстан и Евразия сквозь века. – Алматы, 2010.
- Таймагамбетов К.Т. Геолого-геоморфологические условия Казахстана, проблемы палеогеографии и среда обитания древних гоминид в аридной полосе Евразии // Известия НАН РК. Серия общест. наук. - 1993 – № 5.
- Тайнби А. Постигание истории. – М.: Прогресс, 1941. – С.233.
- Тамазов А.И. Работы на стоянке Айникаб 1 и Айникаб 6 в Центральном Дагестане. // АО 2010-2013 гг. – М., 2015.
- Тарле Б. В. Русский флот и внешняя политика Петра I // Собр. соч. - М., 1962. – Т. XII.
- Ташкенбаев Н.Х. О результатах исследования Ходжамазгильской верхнепалеолитической стоянки // ИМКУ. – М., 1986. – Вып.20.
- Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. – Ташкент: Фан 1980. – 147с.
- Ташходжаев Ш.С. Художественная поливная керамика Самарканда. – Ташкент, 1967.

- Тебеньков О.Д. Древнейшие сношения Руси с прикаспийскими странами. – Тифлис, 1892.
- Тенирев Э.Р. (отв. ред). Языки Мира. Тюркские языки. Москва: Индрик, 1997.
- Тереножкин А.И. Археологические находки в Таджикистане // КСИИМК. – М., 1948. – Вып. 20.
- Терехова Н. Н. Обработка металлов в Древней Маргиане // В кн.: В.И. Сарианиди. Древности страны Маргуш. - Ашхабад, 1990.
- Терлецкий Н. С. К вопросу о почитании деревьев у таджиков (культ кипариса в контексте мусульманской практики паломничества и поклонения) // Таджики. История, культура, общество. - СПб., 2014. – С. 211-239.
- Терлецкий Н. С. Остон «разрешающий затруднения» (некоторые сведения об одном из мест паломничества и поклонения Западного Памира) // Иран-наме. 2011. - С. 146-157.
- Терлецкий Н.С. Сулейман-Тоо в фотоколлекциях МАЭ // СМАЭ. 2014. - Т. LIX. - С. 287-308.
- Тишков В.А. Пространство, граница и культура в советской и постсоветской этнологии // Человек: его биологическая и социальная история. – Москва-Одинцово, 2010. – Т.1.
- Тойфер М. Результаты раскопок на памятниках Сариджар 2 и Карим Берды в Южном Таджикистане // АРТ. - 2014. - Вып. XXXVII.
- Тойфер М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. - 2014. -Вып. XXXVII.
- Тойфер М., Худжагелдиев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти-Сангин в 2008 г. // АРТ. - 2010. - Вып. XXXIV.
- Тойфер. М., Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г. К вопросу об абсолютной датировке погребений бронзового века с некрополей Гелот и Дарнайчи // АРТ. – Душанбе, 2014. – Вып.37.
- Токарев С.А. Истоки этнографической науки. – М., 1978.
- Токарев С.А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. - 1949. - №.3.
- Толковый словарь русского языка. - Том. I: А – Кюрины / Сост. Г.О. Винокур и др. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935. – 1562 стб.

- Толстов С. П. Бируни и его время // Бируни (сборник). – М., 1950.
- Толстов С. П. Периодизация древней истории Средней Азии //КСИИМК. – 1949. – Вып. 28.
- Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1948. – 352 с.
- Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. – М.: Изд-во Восточная литература, 1962. – 324с.
- Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 328 с.
- Толстов С.П., Итина М.А. Проблема суярганской культуры // Советская археология. - 1960. - № 1.
- Тошматов Н.Э. Традиционная свадебная обрядность населения г.Ура-Тюбе и его сельской округи (конец XIX – первая половина XX вв.). – Душанбе: Бухара, 2016. – 260 с.
- Тошматова Г.Х. Состояние этнографической науки в Таджикистане в 90-х гг. XX в. // Вестник университета. – Душанбе: РТСУ, 2010. – №3(29). – С.134-140.
- Тошматова Г.Х. Этнографическое исследование Таджикистана в 80-х годах XX века // Вестник университета. – Душанбе: РТСУ, 2009. – №4(26). – С.80-90.
- Тревер К. В. Кушаны, хиониты, эфталиты по армянским источникам IV–VII вв.// СА. – 1954. – Вып. XX.
- Тревер К.В. Гопатшах – пастух-царь // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока. – 1940. - Т. II. – С. 136-146.
- Тревер К.В. Гопатшах – пастух-царь // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела Востока. – 1940. - Т. II.
- Тревер К.В. Кушаны, хиониты и эфталиты по армянским источникам IV–VII вв. (К истории народов Средней Азии) // СА. - 1954. - № 21.
- Тревер К.В. Этнический состав населения Средней Азии в VI-VII вв. до н.э. // СЭ. Сборник статей. VI-VII. - М.-Л., 1947.
- Третьяков П.Н. Этногенетический процесс в археологии // Советская археология. -1962. - № 4.
- Трофимова Т. А. Черепа из могильника тазабагъябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. - Вып. 5. - М., 1961а.
- Трофимова Т. А. Черепа из оссуарного некрополя возле Байрам-Али // Материалы Хорезмской экспедиции. - Вып. 2. - М., 1959.

- Трофимова Т.А. К вопросу об антропологическом типе населения Южного и Восточного Узбекистана в эпоху бронзы // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Научные труды ТашГУ. Вып. 235. Ташкент, 1964.
- Трофимова Т.А. Население Средней Азии в эпоху энеолита и бронзового века и его связи с Индией (по данным краниологии) // Современная антропология. – М., 1964.
- Трофимова Т.А. Неолитические черепа кельтеминарской культуры из могильника Тумек-Кичиджик в Северной Туркмении // Этнография и археология Средней Азии. – М: Наука. – 1979. – 178 с.
- Трофимова Т.А. Ранние связи Приаралья по данным палеоантропологии // *Anthropos*. №19, (n.s. II). - Brno, 1967.
- Трофимова Т.А. Расовые типы населения Средней Азии в эпоху энеолита и бронзы // КСИЭ. - Вып. 36. - М.: Изд-во АН СССР, 1962.
- Тур С. С. К вопросу о происхождении и функциях обычая кольцевой деформации головы // Археология, антропология и этнография Сибири. - Барнаул, 1998.
- Тургунов Б. А. Изучение Айртамского могильника // ИМКУ. - Ташкент, 2002. Вып. 33.
- Турсун Акбар. Самандар и Зулкарнай : к историософии таджиков // Таджики: история, культура, общество. – СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Турсунов Н.О. Развитие городских и сельских поселений Северного Таджикистана в XVIII – начале XX вв. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 541с.
- Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана в XIX-начале XX вв. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 332 с.
- Турсунов Н.О., Исомитдинов Д. Деревообделочные ремесла и промыслы Худжанда в конце XIX – начале XX вв. – Худжанд, 2012.
- Удеумурадов Б. Н. Алтын-депе и Маргиана: связи, хронология, происхождение. - Ашхабад, 1993.
- Фазлаллах ибн Рузбихан. Михман-наме-йи Бухара. – М., 1976.
- Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ /зери таҳрири С. Назарзода, А. Хоркашев. Ташаккули таркиби луғавӣ ва калимасозӣ. –Душанбе, 2014.
- Фаршид Х. Эхо Хорасана сквозь века и тысячелетия. – М., 2005. – 142с.

- Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. – М., 1956.
- Филанович М.И. К вопросу о расселении ариев по данным археологии Средней Азии // Индия и Центральная Азия (доисламский период). – Ташкент, 2000. – С. 121-125.
- Филанович М.И. К типологии раннесредневековых святилищ огня Согда и Чача. – Ташкент, 1987.
- Филимонова Т.Г. Верхний палеолит и мезолит Афгано-Таджикской депрессии. // Автореф. канд. ист.н. – Душанбе, 2006.
- Филимонова Т.Г. Изучение каменного века в Советском районе в 1983 г. // АРТ. – Душанбе, 1991. – Вып. XXIII (1983 г.).
- Филимонова Т.Г. Каменный инвентарь с поселения бронзового века Тошгузар // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск, 2002.
- Филимонова Т.Г. Отчет о работе Ширкентской группы Колхозабадского археологического отряда за 1986 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. 26. – С. 323-336.
- Филимонова Т.Г. Стоянка каменного века Харкуш // Природа и древности Ширкента. – Душанбе, 1991. – С. 40-60.
- Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р. Отчет о раскопках Дангаринского археологического отряда в 2007-2008 годах // АРТ. – Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV.
- Филимонова Т.Г., Дубова Н.А., В.В.Куфтерин и др. Антропологический облик населения селения Сичарог (результаты первого сезона работ Антропологической группы Рогунской археологической экспедиции в июле-августе 2017 г.). – Душанбе, 2018.
- Филимонова Т.Г., Радиллиловский В.В., Лим С. Открытие палеолитической стоянки в южных предгорьях Гиссарского хребта // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX.
- Филиппов А.К. Связь формы и функции изделий человека в палеолите. – Автореф. канд. дис. – Л., 1977.
- Фирдавси Абулкосим. Шохнома. – Душанбе: Адиб, 1991.
- Фирдауси А. Шахнаме. Т. 2: От сказания о Ростеме и Сохрабе до сказания о Ростеме и хакане Чина; пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. А.А. Старикова; отв. ред. А. А. Стариков. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 643 с.

- Фирдауси А. Шахнаме. Т.3: От сказания о битве Ростема с Хаканом Чина до царствования Лохраспа; пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; под ред. А. Азера; коммент. А.А. Старикова; отв. Ред. А. А. Стариков. - М.: Изд-во АН СССР, 1965 – 591 с.
- Фирдауси А. Шахнаме. Том 1: От начала поэмы до сказания о Сохрабе. Изд. подг. Ц.Б. Бану, А. Лахути, А.А. Стариков. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 675 с.
- Фирдоуси А. Шахнаме. Том 4: От царствования Лохраспа до царствования Искандера /пер. с фарси Ц.Б. Бану-Лахути; коммент. В.Г. Луко-нина / под ред. А. Азера. – М.: Наука, 1969.
- Фирдоуси. Шахнаме / В пер. И.Б.Бану-Лахути и В.Г.Берзнева. – М.: «Наука», 1989. Т.6.
- Фишпейн Майкл. Религиозные традиции иудаизма// Религиозные тради-ции мира. Пер. с англ. – Бишкек, 1997. - С.177.
- Флавий Иосиф. Иудейские древности. – Минск: «Беларусь».1994.
- Формозов А. А. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? – Советская Археология, 1957. - №4. – С. 66-74.
- Формозов А.А. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане // КСИИМК. - Вып. 25. - М.-Л., 1949.
- Формозов А.А. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье За-раут-Сай // СА. – 1966. - № 4.
- Фрай Р. Наследие Ирана. – М.: Изд-во вост, лит., 1972. – 467с.
- Фрай Р. Наследие Центральной Азии. От древности до тюркского наше-ствия. Пер. с англ. Л.Н. Додхудоевой; под общ. ред. В.А. Ранова. – Душанбе, 2000. – 292 с.
- Франкфор А.-П. Печати Окса: разнообразие форм и изменяемость функ-ций // ВДИ. -1997. - №4.
- Фрибус А. В. Афанасьевская культура и системы взаимодействия в степ-ной Евразии эпохи палеометалла // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012. Кн. 2. – 584.
- Фрибус А. В. Происхождение афанасьевской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1999.
- Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана // Учен. Записки Тадж. Гос. Универ. – Сталинабад, 1956. – Т. XIV.

- Хайтун Д.Е., Шибаета Ю.А. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира. // Тр. истор.-филолог. факта ТГУ / Уч.зап. – Сталинабад, 1955. – Т.7.
- Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). – М.: Наука, 1974.
- Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В.Ханыков – востоковед и дипломат. – М.,1977.
- Хамиджанова М. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. – Душанбе: Дониш,1974. –179 с.
- Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии / Пер. с франц. – М.: Наука, 1976.
- Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии. – М.: Наука, 1977. – С.70.
- Ханыков Н.В. О таджиках // Таджики в источниках и трудах исследователей. - Душанбе. 2013. – с.38.
- Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843.
- Ханыков Н.В. Примеч. ко 2-й главе кн. К.Риттера. Жители восточного рубежа Ирана, аборигены и переселенцы. Таджики.
- Ханыков Н.В. Примечание к объяснению 2-му II-й главы Риттерова подлинника: Жители восточного рубежа Ирана – аборигены и переселенцы. Из книги: Риттер К. Иран. – СПб., 1874. – 657с.
- Ханыков Н.В. Экспедиция в Хорасан / Перев. с франц. – М.: Наука, 1973.
- Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями // Записки Императорского русского географического общества (ЗИРГО) – 1851. - Кн. V.
- Ҳасанов А. Мухтасар аз таърихи тадқиқи забони адабии классикӣ. – Душанбе, 1999.
- Хафиз Таниш Бухари. Абдулланаме. – Ташкент,1966-1969. – Т.1-2.
- Хить Г.Л. Дерматоглифика народов СССР. - М., 1983.- Л., 1983.
- Хлопин И.Н. Изготовление ворсовых ковров в Средней Азии в эпоху бронзы // КСИА. – М. – 1980. – Вып. 161. – С. 31-36.
- Хлопин И.Н. Могильник Пархай II (некоторые итоги исследования) // СА. – 1989. – С. 113-130.
- Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. – СПб.: Европейский Дом, 1997. – 301 с.
- Хлопин И.Н. Энеолит южных областей Средней Азии. Часть 1. Памятни-

- ки раннего энеолита южной Туркмении // САИ. – БЗ-8. – М.-Л. – Наука.
- Хлопин И.Н. Эпоха бронзы Юго-Западного Туркменистана. - СПб., 2002.
- Хлопин И.Н. Юго-Западная Туркмения в эпоху поздней бронзы (по материалам Сумбарских могильников). – Л.: Наука, 1983. – 241 с.
- Хмельницкий С.Г. Общественные здания в древнем Пенджикенте // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник, 1977 г. – Л., 1977. – С. 408-416.
- Хмельницкий С.Г. Ходжа Машхад. – Рига, 2001.
- Хмельницкий С.Г., Атаханов Т.М. О работе Шаартузского археологического отряда в 1968-1970 гг. // АРТ. – Вып. X. – М.: Наука, 1973. – С. 187-204.
- Ходжаева Н. Авестийская «Арианам-Вайджа» по данным «Видевдата» и «Михр-яшта» (к вопросу локализации) // Вестник Таджикского национального университета (научный журнал). Серия гуманитарных наук. – 2009. – № 6 (54). – С. 30-37.
- Ходжаева Н. Авестийские географические названия в преданиях об авестийских царях // Вестник Таджикского Национального университета (научный журнал) Серия гуманитарных наук (часть I). – 2010. – № 4(60). – С. 3-11.
- Ходжаева Н. Географические номиналы в «Авесте» и в орогидрографической схеме // Узбекистанский гуманитарный журнал. Общественное мнение. Права человека. – 2001 № 1(13). – С. 109-116.
- Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: Дониш, 2017. – 383 с.
- Ходжаева Н. Индоарийцы и локализация Арианам-Вайджа // История горнобадахшанской области. - Том. I. – Душанбе, 2004. – С. 124-143.
- Ходжаева Н. Историческая география по данным «Авесты» и пехлевийских источников: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. – Душанбе, 2000.
- Ходжаева Н. Локализация авестийских гор Хара Березаити, рек Вахвидатия, Ранха и моря Ворукаша. - Душанбе: Дониш, 2003. – 135 с.
- Ходжаева Н. Памир в географических представлениях древних иранцев // Вопросы Памироведения. – 2013. – № 1. – С. 188-212.
- Ходжаева Н.Д. Динамика развития географических представлений о Центральной Азии в древней и раннесредневековой иранской тра-

- диции: дис.... д-ра ист. наук: 07.00.09. - Душанбе, 2016.
- Ходжаева Н.Д. Динамика развития географических представлений о Центральной Азии в древней и раннесредневековой иранской традиции: дис.... д-ра ист. наук: 07.00.09. - Душанбе, 2016.
- Ходжаева Н.Дж. Авестийские реки в «Бундахишне» // Вестник Таджикского национального университета, 2013. – 3 / 5(118).
- Ходжаева Н.Дж. Историческая география по данным «Авесты» и пехлевийских источников: автореф. дис. канд. ист. наук. – Душанбе, 2000.
- Ходжаева Н.Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. – Душанбе: Дониш, 2017. – 383 с.
- Ходжайов Т. К. Антропологические исследования материалов Восточного и Западного Памира (по территориальным группам) // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Душанбе, 2005. –Т 1.
- Ходжайов Т. К. География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS. Междисциплинарные исследования в археологии Вып. 5 / Отв. ред. М. Б. Медникова. - М.: ИА РАН, 2006.
- Ходжайов Т. К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. - Ташкент, 1980.
- Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы этнической истории населения Средней Азии. - Ташкент, 1986.
- Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения раннесредневековой Средней Азии // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана / Тез. Всесоюзн. научн. конф. в г. Пенджикенте Таджикской ССР. – Душанбе, 1977. – С. 39.
- Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. – Ташкент, 1977.
- Ходжайов Т.К. Динамика ареалов антропологических типов на территории Средней Азии: неолит – начало XX в. // СЭ. - 1983. - № 3.
- Ходжайов Т.К. К палеоантропологии древнего Узбекистана. - Ташкент, 1980.
- Ходжайов Т.К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // ЭО. - 2000. - № 2.

- Ходжайов Т.К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа // Материалы к этнической истории населения Средней Азии. - Ташкент, 1986.
- Ходжайов Т.К. Население и культура Сазаганской стоянки эпохи неолита // Вопросы археологии и этнографии. – Самарканд. – 1984.
- Ходжайов Т.К. Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы среднего и верхнего Зерафшана // ВА.– М., 2004. Вып. 11.
- Ходжайов Т.К. О преднамеренной деформации головы у народов Средней Азии в древности // Вестн. Каракалпакского фил. АН УзССР. - № 4. - Нукус, 1966.
- Ходжайов Т.К. Обычай преднамеренной деформации головы в Средней Азии // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. Сер. «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 2 / Ред. Г. В. Рыкушина, Н. А. Дубова. - М., 2000а.
- Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис....д-ра ист. наук. - М., 1981
- Ходжайов Т.К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис. д-ра ист. наук. - М., 1981.
- Ходжайов Т.К. Результаты изучения новых антропологических материалов сакских погребений Восточного Памира // АРТ 29. – Душанбе, 2004.
- Ходжайов Т.К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья. (Антропологические исследования). - Ташкент, 1987.
- Ходжайов Т.К., Мамбетуллаев М.М. Раннесредневековый некрополь Куюккала. - Москва: Ассоциация Экоств, 2008.
- Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И. Формирование антропологических особенностей населения Согда // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей / Рос. акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: А.В. Громов, В.И. Хартанович]. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2009. – 293 [2] с.: ил.
- Ходжайов Т.К., Мустафакулов С.И. Формирование антропологических особенностей населения Согда // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях: сборник научных статей / Рос.

- акад. наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; [отв. ред.: А.В. Громов, В.И. Хартанович]. – СПб: МАЭ РАН, 2009. – 293, [2] с.: ил.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Дальверзинский наус: к антропологии кушанской Бактрии. Ч. 1 // Вестник антропологии. - Вып. 17. - М., 2009.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Дальверзинский наус: к антропологии кушанской Бактрии. Ч. 2 // Вестник антропологии. - Вып. 18. - М., 2010.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. К антропологии населения Средней Азии в эпоху неолита и бронзы // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях / сб-ик памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Отв. ред. В.И. Молодин, А.В. Епимахов. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 525-529.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Монголоидность у населения Средней Азии, и ее эпохальные изменения // Среднеазиатский этнографический сборник. - Вып. 4. - М.: Наука, 2001.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Т.К. Антропология и этническая история узбекского народа. – Ташкент. – 1995.
- Холматов Н.У. Неолит Каратюбе Среднего Зарафшана // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. – Самарканд-Ташкент. – 2010.
- Ҳомидов Д. Шевашиносӣ. – Душанбе, 2016.
- Хоренаци Мовсес. История Армении. Пер. с древнеарм. и примеч. Г. Саркисяна. Ереван: Айастан, 1990. - С.140; Агвангелос История Армении. Пер. с древнеарм., вступ. Статья и коммент. К.С. Тер-Давтян и С.С. Аревшатяна. - Ереван: Наири, 2004. - С. 15, 55.
- Хохлов А.А. Палеоантропология Волго-Уралья эпох неолита – бронзы. Автореф. доктор. дисс... М.: ИЭА РАН, 2013.
- Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. - Самара: Центр «Интеграция», 2000.
- Хохлов И. Статейный список посольства в Бухарию дворянина И.Хохлова. Сборник князя Хилкова. – СПб.,1879.
- Хочаев Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI. – Душанбе,

2013.

- Хочаев Д. Хоча Ҳасани Нисорӣ ва афкори забоншиносии ӯ. – Душанбе, 2004.
- Хочаев Д., Кабиров Ш. Синтаксис ва пунктуатсия. – Душанбе, 1991.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2 / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.
- Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2 / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузицина. – М.: Высшая школа, 1980. – 256 с.
- Хрисанф, митрополит Новопатрасский. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 г. /введ. и примеч. В. В. Григорьева // Чтения в Обществе истории и древности России при Московском университете.– М., 1861. Кн. I.
- Хромов А. К истории интерпретации этнонима «таджик» //Забоншиносии тоҷик. – Душанбе, 1984.– С.28-39.
- Хромов А. Л. Говоры таджиков Матчинского района. – Душанбе, 1962.
- Хронология эпохи позднего энеолита – средней бронзы средней Азии (погребения Алтын Депе). - СПб: ИИ РАН, Нестор-История, 2005.
- Худойбердиев Р.А. Гречкина Т.Ю. Замичатош – Новый памятник каменного века // Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. Тезис докладов конференции. – Самарканд. – 1992.
- Худуд-ул-олам. (Текст подготовлен к изданию Н. Касымовым, отв. ред. и автором предисловия А. М. Мухтаровым). – Душанбе: «Дониш», 1983.
- Хужаназаров М., Сайфуллаев Б. Кук-Аяз – новый палеолитический памятник в Кызылкумах. // ИМКУ. – Самарканд, 2000. – Вып.31.
- Хушваков Н.О. Поздний палеолит Ташкентского оазиса (технотипологическое исследование по материалам верхних (I-III) слоев Кульбулака). – Ташкент – Дисс. к.и.н.
- Цалкин В.И. Предварительные результаты изучения фаунистического материала из раскопок Джебела, произведенных А.П.Окладниковым // Труды ЮТАКЭ. – Ашхабад, 1956.
- ЦГА Тадж.ССР, ф.279, оп.2, д.112, л. 57-60., оп. 2, д. 120, л. 69,78.

- Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. канд дисс. – Новосибирск. – 1984а.
- Цыб С.В. Ранняя группа Афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая. – Барнаул. – 1984.
- Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации; Пер. с англ. И.А. Емеца. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 270 с.
- Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. – М., 1956.
- Чаргынов Т.Т. Многослойный стратифицированный палеолитический памятник Юлташ-Сай // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. – Бишкек, 2007.
- Чвырь Л.А. Таджикские ювелирные украшения. (Материалы к историко-культурному районированию Таджикистана). – М.: Наука, 1977. – 144 с.
- Чебоксаров Н.Н. Основные принципы антропологических классификаций // Труды ИЭ. - Т. 16. - М., 1951.
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А. Народы, расы, культуры. - М., 1971.
- Чедия О.К. Морфоструктуры и новейший тектогенез Тянь-Шаня. – Фрунзе, 1986.
- Чернецов В.Н. Наскальные изображения Урала // Археология СССР. Свод археологических источников. – М., 1971. – Вып. В4-12.
- Чеха А.М. Местонахождение с бифасами в северном Приаралье. Периодизация и корреляция // Новые материалы и методы археологических исследований. – М., 2013.
- Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII веках // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. - Вып. 3, Ч. 1. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932.
- Шайдуллаев Ш. Жаркутанская пиктография родоначальник письменности. – информационный портал 12uz.com.
- Шайдуллаев Ш.Б. Находка раннего железного изделия на юге Узбекистана // Древний Окс в среднеазиатском контексте. - Ош, 1998.
- Шаниязов К. Узбеки-карлуки (историко-географический очерк). – Ташкент, 1964. – С. 29.
- Шапошников А. К. Индоевропейский этногенез – свидетельствуют мифо-

- логия, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований (сборник трудов конференции памяти проф. В. А. Сафронова). - Москва, МГОУ, 2010.- С. 251-262.
- Шарипов Т. Истилоҳоти ҳуқуқшиносии тоисломӣ дар забони тоҷикӣ. – Душанбе, 2008.
- Шарипов Х. Тоҷикони бурунмарзи. [Заграничные таджики]. – Худжанд, 1999. – 511 с.
- Шаропов Н. Пути развития лексики современного литературного языка. – Душанбе, 1988.
- Шафаков Х. Историко-этнический очерк по животноводству Восточной Бухары (конца XIX – начала XX вв.). – Душанбе: Эр-граф, 2016. – 170 с.
- Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. - Л.: Наука, 1984.
- Шепелев А. Очерк военных и дипломатических сношений России со Средней Азией. Материалы для истории Хивинского похода 1873 г. – Ташкент, 1879.
- Шер Я.А. К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша // Культура Востока. – Л., 1978.
- Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М., 1980.
- Шеркова Т. А. Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты). М., 1991.
- Шильдбергер И. Путешествия... по Европе, Азии и Африке с 1394 г. по 1427 г. / Перев. с немецк. и снабдил примеч. Ф. Браун // Зап. имп. Новорос. ун-та. – Одесса, 1967. – Т.1.
- Ширинов Т. Алтари огня из храма Джаркутана – памятника развитой бронзы юга Узбекистана // ИМКУ. – 1990. – № 23. – С. 69-79.
- Ширинов Т. Средняя Азия во II. до н.э. // ИМКУ. – 2000. – № 31. – С. 35-49.
- Широкова З.А. Таджикский костюм конца XIX-XX. – Душанбе, 1993.
- Широкова З.А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. – Душанбе, 1976. – 205 с.
- Шишкин В.А. Афрасиаб. Сокровищница древней культуры. – Ташкент, 1965.

- Шишкина Г.В. Древний Самарканд и его округа // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (античность, раннее средневековье) / Материалы Советско-Французского colloquiuma. - Самарканд, 1986. – Ташкент, 1987. – С. 164-170.
- Шишкина Г.В., Сулейманов Р.Х., Кошеленко Г.А. Согд // Археология СССР: Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. – М., 1985.
- Шкода В.Г. К вопросу о северных связях Саразма // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез.конф. к 90-летию М.П.Грязнова. – Санкт-Петербург, 1992.
- Шкода В.Г. Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V-VIII вв.). – СПб., 2009.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. – М., 1989.
- Шоҳаҳмад А. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ. – Хучанд, 2015.
- Шохуморов А. Памир – страна Ариев. – Душанбе, 1997. – 195 с.
- Штейнбек М. Социальная наследственность и завтрашний день // Будущее науки. – М., 1974. – Вып.7.
- Шюре Э. Великие посвященные (очерк эзотеризма религии). Второе издание. - Калуга, 1914.
- Щеглов Д.А. Кочевые народы по сведениям историков Александра Великого // ЗВОРАО. – СПб., 2006. – Т. II. (XXVII) – С. 276-316.
- Щелинский В.Е. К изучению техники, технологии изготовления и функций орудий мустьерской эпохи // Технология производства в эпоху палеолита. – Л., 1983.
- Щербаков Д. И. Полезные ископаемые // Средняя Азия. - М., 1968.
- Щетенко А.Я. О периодизации культур эпохи поздней бронзы юга Средней Азии (К 100-летию экспедиции Р. Помпелли) // ЗВОРАО. - СПб., 2006. - Т. II (XXVII). - С. 317-345.
- Щетенко А.Я. Проблемы хронологии цивилизации эпохи бронзы Средней Азии // Археологические вести. – 2001. – № 8. – С. 268-274.
- Эдельман Д.И. «Бурушаски язык». В кн. Языки Мира. Палеоазиатские языки. - Москва: Индрик. С. 204 – 220.
- Эдельман Д.И. Географические названия Памира // Страны и народы Востока. Вып. XVI. Памир. – М: Изд-во «Наука», 1975. – С. 41-62.
- Эдельман Д.И. Языки Мира. Дардские и нуристанские языки. - Москва: Индрик, 1999

- Эдельман Д.И. Языковые данные о заселении Памира // История Горно-Бадахшанской автономной области. – Т 1: С древнейших времен до новейшего периода. – Душанбе, 2005.
- Эликай Дехно Сорайя Алиашраф. К проблеме связей Ирана и Средней Азии в бронзовом веке (на примере изображений на печатях и их оттисков на керамике). – Диссертация. – Душанбе. – 2016.
- Эмомалӣ Раҳмон. Дин ва чомаа. – Душанбе: «Шарки озод», 2013. – 671с.
- Эмомали Рахмон. Забони миллат – ҳастии миллат. – Душанбе, 2016. – 492 с.
- Эмомали Рахмон. Независимость Таджикистана и возрождение нации. Т.6. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 568 с.
- Энеолит СССР. Сер. Археология СССР. - М.: Наука, 1982.
- Энсиклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик, чилдҳои 1-3. – Душанбе: Советская энциклопедия, 1988-2004.
- Энсиклопедияи миллии тоҷик, чилдҳои 1-4. – Душанбе: Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2011-2014.
- Энсиклопедияи Советии Тоҷик. Чилдҳои 1-8. – Душанбе: Советская энциклопедия, 1978-1988.
- Этническая одонтология СССР. - М., 1979.
- Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М., 1981.
- Этнография в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1989. – 210 с.
- Этнография Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1985. – 180 с.
- Эшонкулов У. История земледельческой культуры Горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). – Душанбе: Деваштич, 2007.– 849 с.
- Эшонкулов У. История ирригации Верхнего Зерафшана (с древнейших времен до начала XX в.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Самарканд, 1969.
- Эшонкулов У. Оросительные системы восточной части правобережья Зерафшана // АРТ. – Вып.22 (1982 г.). – Душанбе, 1990. – С.72-90.
- Юлдашев М. Ю. К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. – Ташкент, 1964.
- Юм Роберт. Адёни зиндаи джахон. тарҷ. Дуктр Абдурахим Гувохи. Дафтари нашри фарҳанги исломи. С. 1329. – С.268.
- Юнусалиев М.Б. Палеолитическая стоянка в Чуйской долине – Георгиевский Бугор. // По следам памятников истории и культуры Кыр-

гызстана. – Фрунзе, 1982.

- Юсупов А. Неолитическая стоянка Тегузак // Материалы по археологии и истории Таджикистана. – Душанбе, 1977.
- Юсупов А.Х. Археологические исследования Байпазинского и Вахшского археологического отрядов в 1983 г. // АРТ, вып. XXIII (1983). – Душанбе, 1998. – С. 151–164.
- Юсупов А.Х. Изучение памятников каменного века в Яванской долине (1971 г.). – АРТ. – Душанбе, 1975. – Вып. XI. – С. 36-48.
- Юсупов А.Х. Неолитическое поселение Сай-Сайед на юго-западе Таджикистана // СА. – 1975. – №2. – С. 138-147.
- Юсупов А.Х. Пещера Кумтепа. // Материалы по истории и истории культуры Таджикистана. – Душанбе, 1981. – С. 10-19.
- Юсупов А.Х. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1975 г. // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып. 15. – С.50-62.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Археологические исследования стоянок каменного века на юге Таджикистана в 1985 г. // АРТ. – Душанбе, 1994. – Вып. XXV (1985 г.).
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Археологическое исследование памятников каменного века в Дангаринском и Яванском районах в 1982 г. // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып. 22. – С. 195-211.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Археологическое исследование памятников каменного века в Дангаринском и Яванском районах в 1982 г. // АРТ. – Душанбе, 1990. – Вып. XXII (1982 г.).
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. 21. – С. 234-246.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследование археологических памятников в зоне Нурекского водохранилища в 1981 г. // АРТ. – Душанбе, 1988. – Вып. XXI (1981 г.).
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования археологических памятников на юге Таджикистана в 1980 г. // АРТ – Душанбе, 1987– Вып. 20. – С. 96-104.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования в зоне Нурекского водохранилища в 1986 г. // АРТ. – Душанбе, 2005. – Вып. XXVI (1986 г.).
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Исследования каменного века на юге Таджикистана в 1984. // АРТ. – Душанбе, 1993. – Вып. 24. – С.216-226.

- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Палеолитические местонахождения среднего течения реки Вахш // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: Тез. докл. конф. посвящ. 50-летию открытия Тешик-Таша. – Ташкент, 1988.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Периодизация стоянок каменного века среднего течения р.Вахш / Изв. АН Респ. Тадж. Серия востоковедение, история, филология. - 1992. – № 3.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Разведывательные работы Вахшского отряда в 1976 г. // АРТ. – Душанбе. 1982. – Вып. 16. – С 48-54.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш: (Работы 1978 г.) // АРТ. – Душанбе, 1984. – Вып. 18.– С.52-58.
- Юсупов А.Х., Филимонова Т.Г. Стоянки каменного века Яванской долины и среднего течения р. Вахш: (Работы 1978 г.) // АРТ. – 1984. – Вып. I (1978 г.).
- Юсупов Р.М. Расогенетические связи Южного Урала и Приаралья в эпоху раннего железа // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. IV. Антропология. - М., 1991.
- Юсупов Ш. Исследователь Сареза Г. А. Шпилько // Памироведение. Душанбе, 1985. Вып. II.
- Юсуф Хос Хожиб. Кутадгу билиг. – Ташкент, 1990; Юсуф Баласагунский. Благодатное знание. – М., 1983.
- Юсуфбекова З. Семья и семейный быт шугнанцев. Конец XIX – начало XX вв. – М.: ИЭА РАН, 2015. – 222с.
- Юсуфшохи Ёкубшох. Давлати Каёниён [Государство Каянидов]. – Душанбе: Эр-граф, 2012. – 544 с.
- Яблонский Л. Древнейшее население Южного Приаралья // Древнейшее население низовий Амударьи. / Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. – Т. XV. – М. – 1986.
- Яблонский Л.Т. Древнейшее население южного Приаралья // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи. М., 1986.
- Яблонский Л.Т. Еще раз к вопросу о формировании расы Среднеазиатского междуречья (в свете новых палеоантропологических материалов из Приаралья) // Антропологические и этнографические сведения о населении Средней Азии. - М., 2000.

- Яблонский Л.Т. Население раннесакского времени в Приаралье: археолого-палеоантропологический подход к проблеме этногенеза // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. - Вып. IV. Антропология. - М., 1991.
- Яблонский Л.Т. Некрополи древнего Хорезма. - М.: Наука, 1999а.
- Яблонский Л.Т. Расогенез в Южном Приаралье: модель формирования северного варианта расы Среднеазиатского междуречья // Вторые антропологические чтения памяти академика В.П. Алексеева. - М., 1999.
- Яблонский Л.Т. Саки Приаралья: общее и особенное // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии. Тезисы докладов Круглого стола, посвящённого 20-летию Независимости Республики Казахстан. - Караганды, 2011. - С. 88-91.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. Археологи и антропология могильников. - М., 1996.
- Яблонский Л.Т. Череп человека из Кангурттута // Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистан в эпоху поздней бронзы. - М.: ИВ РАН, 2004.
- Якуби. Китаб ал-булдан // Материалы по истории туркмен и Туркмении. - М.-Л., 1939. - Т.1.
- Якубов Ю. Где находится авестийский ориенвич (*ōrionvij*)? / Ю. Якубов // Известия Академии Наук Республики Таджикистан. Отделение общественных Наук. - 2006. - С. 96-102.
- Якубов Ю. Где находится авестийский ориенвич (*ōrionvij*)? // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Отделение общественных Наук. - 2006. - №3.
- Якубов Ю. Паргар в VII-VIII вв. - Душанбе, 1979.
- Якубов Ю. Работы ВерхнеЗарафшанского археологического отряда на поселении Наврузшах // АРТ. Душанбе, 1993. - Вып. 24. - С. 296-304.
- Якубов Ю. Работы Зарафшанского отряда в 1975 г. // АРТ. - 1980. - Вып. 15.
- Якубов Ю. Раннесредневековые сельские поселения Горного Согда (к проблеме становления феодализма). - Душанбе, 1988.
- Якубов Ю. Религия древнего Согда. - Душанбе: Дониш, 1996.
- Якубов Ю. Я., Муллокандов М. М. Работы Каратегинского отряда (1980 г.) // АРТ. - Душанбе, 1987. - Вып. XX (1980 г.). - С. 199.

- Якубов Ю., Довуди Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. - Душанбе, 2006.
- Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Археологические раскопки в г. Кулябе и прилегающих территориях в 2001-2003 гг. // АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX (2003 г.).
- Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. История Куляба с древнейших времен до наших дней. – Душанбе, 2006.
- Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Сафаров Х. Археологические раскопки на территории г. Кулябе и его пригородов в 2005 г. // АРТ. – Душанбе, 2007. – Вып. 31. – С. 6-21.
- Якубов Ю.Я. Археологические памятники Ляхша // АРТ.– Душанбе, 1984.– Вып. 18.– С.178-193.
- Якубов Ю.Я. Паргар в VII-VIII вв. н.э. – Душанбе, 1979.
- Якубов Ю.Я. Работы Зарафшанского отряда в 1975 г. // АРТ. – Душанбе, 1980. – Вып. 15. – С.168–170.
- Якубов Ю.Я. Результаты работ Дарвазского археологического отряда на городище Калаи Кухна за 2012 г. // АРТ. – 2016. Вып. XXXVIII. – С. 152-154.
- Якубов, Ю. Муллокандов М. Работы Каратегинского отряда // АРТ.– Душанбе, 1987. – Вып. 20.– С. 194-201.
- Якубовский А. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. - Вып. 3. - Ч. 1. – Л.: Изд-во АН СССР, 1932 (на обложке почему-то обозначена дата 1933).
- Якубовский А. Ю. Живопись древнего Пенджикента по материалам таджикско-согдийской археологической экспедиции 1948-1949гг. // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. Т.VII. № 5. 1950.
- Якубовский А.Ю. Древний Пенджикент // По следам древних культур. – М., 1951.
- Янес. М. А. Фаня Давыдовна Люшкевич // АФ. - 2008. - № 8. - С. 467-478.
- Ярхо А.И. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии // Антропологический журнал. - 1933. - № 3.
- Ярхо А.И. Киргизы // За индустриализацию Советского Востока. - М.,

1934.

- Яценко С.А. Древние тюрки: Костюм на разноцветных изображениях // Museum, Интернет-конференция «Древности в музейных коллекциях». – Харьков, 2007. URL: <http://www.formuseum.info/2007/11/25>.
- Adams, Douglas Q. A Dictionary of Tocharian B: Revised and Greatly Enlarged. Leiden Studies in Indo-European, 10. Amsterdam: Rodopi. 2013.
- Ajaib al-Makhlugat va Gharaib al Mavjudat by Mohammad ibn Mahmud Tusi. – Edited by Manoochehr Sotoodeh, Ph.D., Tehran, 1966. – P.202.
- Altheim F., Stiehl R. Geschichte Mittelasiens im Altertum / F. Altheim, R. Stiehl. – Berlin: de Gruyter, 1970. – 811 s.
- Altheim F., Stiehl R. Die Araber in der Alten Welt. Bd. I-V. Berlin 1969.
- Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer. Iran in the Louvre Collection // G.Ligabue, S.Salvatori (изд). Bactria – an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan. Venedig, 1990.
- Amiet P. Bactriane proto-historique // Syria. T. 54. Fasc. 1-2. 1977. P. 89–121.
- Amiet P. L'age des echanges inter-iraniens 3500–1700 avant J. – C. Paris, 1986.
- An Introduction to ancient Iranian religion: Reedings from the Avesta and Achaemenid inscriptions / Transl. and Ed. by W. Malandra. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Pr., 1983. – 195 p.
- Andronov, Michail S. 2001 A Grammar of the Brahui Language in Comparative Treatment (= LINCUM Language Research, 01). München: LINCUM Europa.
- Angel J.L. Skeletal material from Attica // Hesperia. V. 14, 1945.
- Arensburg B., Lahr M.M. Skeletal robusticity in the Epipaleolithic of North Africa and the Levant // Paléorient. 1995, Vol. 21 N°2. pp. 87-96.
- Ashtiani J. Zarathushtra / J. Ashtiani; transl. by M. Nourbakhsh. – Tehran: Enteshar Publication, 2002. – 456. p.
- Avanesova N. Buston VI – the peculiarities of the protobactrian complex of Uzbekistan. Information Bulletin, IASCCA, 20, Moscow, 1996.
- Avanessova N. A. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'age du bronze: Relations et influences mutuelles // Lyonnet B. Sarazm (Tadjikistan) ceramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). Paris: De Boccard, 1996. P. 117–131 (Mémoires de

- la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. 7).
- Awistā. Kuhantarīn sūrudhā wa matnhā-i Īrānī guzārš wa pažuhiš-i Ġalīl Dūsthwāh. – Tihrān: Intišārāt-i Murwārīd, 1375 (1997). – 1206 s. (2 vol. in Persian).
- Baghestani Susanne. Metallene Compartimentsiegel aus Ost-Iran, Zentralasien und Nord-China.: Verlag mari leidorf Jmbh. Rahden / Westf. – 1997. – 427 p.
- Bailey H.W. Arya II / H.W. Bailey // BSOAS. – 1960. – Vol. 23, № 1.
- Bailey H.W. Iranian Studies I / H.W. Bailey // BSO(A)S. – 1932. – Vol. 6, pt. 4.
- Bailey H.W. Iranian Studies VI / H.W. Bailey // BSOS, 1933 / 35. Vol. 7. Issue 4.
- Bailey H.W. Iranian Studies VI / H.W. Bailey // BSOS. 1932 / 33.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch / Chr. Bartholomae. – Strassburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 sp.
- Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. – Strasburg: Verlag Von Karl J. Trübner, 1904. – 2000 sp.
- Beal S. Buddhist records the western World. – Dehli, 1981.
- Benveniste E. E Coutumes funéaires de l'Arachosie ancienne / E. Benveniste // A Locust's Leg : Studies in Honour of S.H. Taqizadeh. – London: Persy Lund Humphreys, 1962.
- Benveniste E. L'Eran-vēj et l'origine légendaire des Iraniens / E. Benveniste // BSOS. – 1933-1935. – VII.
- Berger, Hermann 1998: Die Burushaski-Sprache von Hunza und Nager. Teil I: Grammatik. Teil II: Texte mit Übersetzungen. Teil III: Wörterbuch (= Neuindische Studien, 13). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Bernard P. Fouilles d'A Khanoum. T. I. Paris, 1973 (MDAFA,t.21).
- Bernard P. Francfort H-P. Études de géographie historique sur la plaine d'Aïkhonoum (Afghanistan) / P. Bernard, H-P. Francfort. – Paris : CNRS, 1978. – 106 p.
- Bernard P. La temple du dieu Oxus a Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // Studia Iranica, 1994. – T. 23. – P. 81–121.
- Bernard P. Ai Khanum on the Oxus: a Hellenistic cite in Central Asia. // «Proceedings of the British Academe». Vol. 53. – London, 1967.
- Bernhard W. Ethnische Anthropologie von Afganistan, Pakistan und Kashmir. Stuttgart, New York, 1991.
- Bernhard W. Human skeletal remains from the cemetery of Timargarha // Paki-

- stan Archaeology. 1967. N 3.
- Besenal R., Isakov A. Sarazm et les debuts du peuplement agricole dans la region de Samarkand. – Arts Asiatiques. – 1989. – T.44;
- Biasutti R. La razze e i populi della Terra. Tt. 1-4. Torino, 1959.
- Biasutti R. Studi di antropogeografia generale. Studi sulli distribuzione dei carattere antropologici // Mem. geograf. VI. Firenze, 1912.
- Biswas A. The political History of Huns in India. – Dehli, New Dehli, 1977.
- Blažek, Václav 2011. Tocharian Studies. Works 1. Brno: Muni Press.
- Bobomulloev S., Vinogradova N., Bobomulloev B. (with contributions, by M. Teufer and G. Lombardo). Preliminary results of research of the Burial Ground of Farkhor, the Middle Bronze Age Monument in the South of Tadjikistan. // Материалы Фархорской экспедиции, вып. I, 2017. Душанбе. С. 78-127.
- Boev P. Rassentypen der Balkaninsel und der Ostägäichen Inselwelt und der Bedeutung für die Herkunft ihrer Bevölkerung. Sofia, 1972.
- Boroffka N.G.O. Archaeology and Its Relevance to Climate and Water Level Changes: A Review / N.G.O. Boroffka // The Aral Sea Environment. Series: The Handbook of Environmental Chemistry. Vol. 7. Ed. by A.C. Kostiany, A.N. Kosarev. – Heidelberg-Berlin: Springer-Verlag, 2010.
- Boundahiš-i hindī. Tashīh va tarjoma-ye Ruqīya Bihzidī. – Tehran, 1368 (=1990). – 392 s.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism / M. Boyce. – Leiden-Köln: E.J. Brill, 1975. – Vol. I. – 347 p.
- Boyce M. A History of Zoroastrianism. Zoroastrianism Under the Achaemenians / M. Boyce. – Leiden: E.J. Brill, 1982. – Vol. II. – 306 p.
- Boyce M. Avestian People. – EIr. 1987. – Vol.3. Fasc.1.
- Boyce M. Zoroastrianism: Its Antiquity and Constant Vigour (Columbia Lectures on Iranian Studies: № 7) / M. Boyce. – Costa Mesa, California, 1992. – 204 p.
- Boyce M., Grenet F. A History of Zoroastrianism. – Leiden; N.Y.; København; Köln: E.J. Brill, 1991. – Vol. 3. – 596 p.
- Braun-Holzinger E.A. Frühdynastische Beterstatuetten, Berlin, 1977.
- Brough, John 1996. Collected papers. London: SOAS.
- Brunet F. Razzokov A. Towards a New Characterisation of the Chalcolithic in Central Asia. The Lithic Industry of Sarazm (Tajikistan): the First

- Results of the Technological Analysis. // Lefevre V., Didier A. and Mutin B. (eds). *South Asian Archaeology and Art 2012*, volume 1 (Man and environment in Prehistoric and Protohistoric South Asia: New Perspectives). – Brepols, 2015. – P. 49-62.
- Brunet F. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion // Desrosiers P. M. (ed.), *The Emergence of Pressure Blade Knapping: From Origin to Modern Experimentation*: Springer-Verlag, Heidelberg. – 2012. – P. 307-328.
- Bryn H. Die Entwicklung der Menschenrassen. H.II // *Anthropos*. 1926. XXI.
- Burney Ch. Beyond the frontiers of empire: Iranians and their ancestors / Ch. Burney // *Iranica Antiqua*. – 1999. – XXXIV.
- Callieri P. Huns in Afghanistan and the North-West of the Indian Subcontinent: the gliptic evidence // *Coins, Art and Chronology*. – Vienna, 1999.
- Cappieri M. Die asiatische Proto-Mediterranen // *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*. 1961. N 2.
- Cardona, George/Jain, Dhanesh K., eds. 2003. *The Indo-Aryan Languages*. London – New York: Routledge.
- Casal J.M. Fouilles de Mundigak. // *MDAFA T.XVII*. Paris. 1961.
- Casanova M. La vaisselle d'albâtre de Mésopotamie, d'Iran et d'Asie Centrale aux IIIe et IIe millénaires avant J.-C. Paris: Éditions Recherche sur les Civilisations, 1991. 112 p. (Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale. T. IV).
- Cauvin J. Les premiers villades de Syrie – Palestine du IX-eme au VII – eme millénaire avant J.C. – Lyon, 1978.
- Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux. Recueillies et commentées par Ed. Chavannes. St-Petersbourg, 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции. 6).
- Chiu-Chung-Lang. Discovery of Paleoliths on the Tibet-Tsinghai plateau // *Verterbrata Palasiatica*. – 1958. – Vol. 2, № 2-3. – P. 162-163.
- Chmelnizij Sergej. Zwischen Kuschanen und Arabern. Die Architektur Mittelsiens im V-VII Jh. S.172-175.
- Christensen A. Études sur le Zoroastrisme de la Perse antique. – København: Bianco Lunos Bogtrykkeri, 1928 / A. Christensen. – 59 p. (Det. Kgl. Danske Videnskabernes Selskab. Historisk-filosofiske meddelelser, XV, 2).
- Christensen A. Le chapitre du Vendidad et l'histoire primitive des tribus irani-

- ennes / A. Christensen. – Kobenhavn: I kommission hos E. Munksgaard, 1943. – 92 p.
- Christensen A. Quelques notices sur les plus anciennes periodes du Zoroastrisme / A. Christensen // *Acta Orientalia*. Copenhagen, 1926. – № 4. – P. 81-115.
- Christensen P. The Decline of Iranshahr. Irrigation and Environments in the History of the Middle and East, 500 B.C. to A.D. 1500. – Copenhagen: Museum Tuscu, Ianum Press, University of Copenhagen, 1993. – 351 p.
- Coon C.S. Living races of man. L., 1965.
- Coon C.S. The Races of Europe. NY., 1939.
- Czekanowski J. Czlowiek e czasie i przesrzeni. Warsawa, 1967.
- Czekanowski J. Les buts et les méthodes de l'école anthropologique polonaise // *L'Anthropologie*. T.45. 1935; T.46. 1936.
- Dâdistân-î Dînik and the epistles of Mânûskîhar. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1882. – 480 p. Part II: Dâdistân-î Dînik. Transl. by E.W. West. – P. 1–276. (SBE, vol. 18).
- Dalton O.M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal. [3-е изд.]. – London, 1964
- Davis R. Palaeolithic of Afghanistan / ed. By Allchin R., Hammond N. – London, 1968.
- Davis R., Ranov V.A. Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8.
- Davis Richard. The Paleolithic // *The Archaeology of Afghanistan (from earliest times to the Timurid period)*. – London, New York, Sanfrancisco, 1978.
- Degener, Almuth 1998. Die Sprache von Nisheygram im afghanischen Hinduksch (= Neuindische Studien 14). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Deniker J. Essai d'une classification des races humaines basee uniquement ssur les caracteres physiques // *Bull. Soc. d'Anthr.* III ser. T. XII. Paris, 1889.
- Dennell R.W., Rendell H.M., Hailwood E.A. Early Tool-making in Asia. Tow-million-years old artifacts in Pakistan. // *Antiquity* – 1988. – Vol.62, N.234.
- Desritio imperii moslemici auctore Shamsio d-din Abdollah Mohammad ibn Ahmed ibn abi Bekr al-Banna al-Basshari al-Mokaddasi.Ed.M.J. de

- Gjeje. *Lugduni Batavorum*, 1877; ed. 2, 1906.
- Dhalla M.N. *History of Zoroastrianism* / M.N. Dhalla. – New York, Oxford Univ. Press, 1938. – 525 p.
- Diakonov I.M. *Two Recent Studies of Indo-Iranian Origins* / I.M. Diakonov // *JAOS* – 1995. – № 115.
- Dixon R. *The Racial history of man*. N.Y.-L., 1923.
- Drujinina A. *Die Ausgrabungen in Takht-i Sangin im Oxos-Tempelbereich (Süd Tadzikistan). Vorbericht der Kampagnen 1998-1999* // *AMIT*. – 2001. – S. 257–282.
- Drujinina A. P., Boroffka N.&R. *First preliminary report on the excavations at Takht-i Sangin 2004*. // *Bulletin of Miho Museum*. Vol. 6. 2006.
- Drujinina A., Lindström G. *Kultgefäße im Oxus-Tempel – zur Frage der Kultkontinuität im unruhigen 2. Jh. v. Chr.* // *Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien*. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013.
- Dubova N.A. *Qui vivait a Gonur Depe?* // *Dossier de l'archeologie et sciences des origines*. N 317. Octobre 2006.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. *Necropolis and Area 5 of Gonur-depe: some anthropological data* // *У истоков цивилизации. Сборник в честь 75-летия В.И. Сарияниди* / Ред.: Косарев М.Ф., Кожин П.М., Дубова Н.А. М., 2004.
- Dubova N.A., Rykushina G.V. *New data on anthropology of the necropolis of Gonur-Depe* // *Sarianidi V. Necropolis of Gonur*. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007.
- Duchesne-Guillemin J. *La religion de l'Iran Ancien* / J. Duchesne-Guillemin. – Paris: Presses Univ. de France, 1962. – 411 p.
- Dupree L. *Stone age archaeology in Afghanistan* // *Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук*. – М., 1970. – Т. 5.
- Durkin-Meisterernst, Desmond (2004). *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. (Dictionary of Manichaean texts, Vol. III, pt. 1). Turnhout, Belgium: Brepols.
- Durkin-Meisterernst, Desmond. *Grammatik des Westmittelliranischen (Parthisch und Mittelpersisch)*. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften. 2014.
- Early Sources for South Asian Substrate Languages. Mother Tongue, Special*

Issue, Oct. 1999.

- Eickstedt E.F. v. Geschichte der Anthropologischen Namengebung and Klassifikation (unter Betonung der Erforschung von Südasien) // Z. für Rassenkunde. Stuttgart, 1937.
- Eickstedt E.F. v. Rassentypen und Typendynamik von Asien // *Historia Mundi*. Ein Handbuch der Weltgeschichte. Bd «Frühe Menschheit». München, 1952.
- Eickstedt E.F.v. Rassenkunde und Rassengeschichte der Menschheit. Stuttgart, 1934.
- Enoki K. On the Date of the Kidarites // *Memoires of the research Department of Toyo Bunko (The Oriental Library)*. – Tokyo, 1969. – № 27.
- Enoki K. On the Nationality of the Ephtalites // *Memoirs of the Reserch Department of the Toyo Bunco*. N 18. Tokyo. 1959.
- Erdal, Marcel (2004): *A Grammar of Old Turkic (= Handbook of Oriental Studies, Sect. 8, Vol. 3)*. Leiden – Boston: Brill.
- Francfort H.-P. Central Asian Petroglyphs: between Indo-Iranian and Shamanistic interpretations // *The Archaeology of Rock-Art*. – Cambridge. 1998.– P. 305-315.
- Francfort H.-P. The cultures with painted ceramics of south Central Asia and the problems their relations with the north-eastern steppe zone (late 2nd – early 1st millennium BC) / H.-P. Francfort // *Migration and Kulturtransfer. Acten des Internationalen Kolloquiums*. Berlin, 1999. – Bonn, 2001. – P. 221-235
- Francfort H-P. Fouilles de Shortugai, recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Vol. I / H-P. Francfort. – Paris: Duffusion de Boccard, 1989. – P. 446-447 (*Memoires de la mission archaeologique*. T.2).
- Francfort H-P. Observations sur la Bactriane meridionale a l'age du bronze / H-P. Francfort // *Infromation Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia*. – M., 1996. – Issue 19. – P. 67-76.
- Francfort P.-H. Fouilles de Shortugai. Recherches sur l'Asie Centrale protohistorique. Paris: Diffusion de Boccard, 1989. Vol. I. Texte. 517 p.; Vol. II. Illustrations (105) et Planches (XLII). (*Mémoires de la Mission Archéologique Française en Asie Centrale*. T. II).
- Francfort P.-H. How thetwins met: Indus Oxus Bronze Age Civilisations in Eastern Bactria. Shortugai revisitet forty years later. // *Маргианская*

- экспедиция. Труды, т.6. М. 2016. P. 461-475.
- Francfort P.-H. The cultures with painted ceramics of the south Central Asia and their relations with the northeastern steppe zone (late 2-nd – early 1-st millennium B.C.). – Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001. S. 221-235.
- Francfort P.-H. The Late Periods of Shortughai and the Problem of the Bishkent Culture (Middle and Late Bronze Age in Bactria) // *М SAA*. 1979. Berlin, 1981. P. 191-202.
- Frankfort H. P. Les palettes du Gandhara. Paris, 1979.
- Fray R. New Views on the Homeland of the Indo-Europeans / R. Fray // *Journal of the K.R. Cama Oriental Institute*. Bombay. – 1992. – № 58. – P. 1-5.
- Fray R. Zoroastrians in Central Asia / R. Fray // *Journal of the K.R. Cama Oriental Institute*. – Bombay, 1992.
- Fussman G. Entre fantasmies, science et politique / G. Fussman // *Āryas, aryens et Iraniens en Asie Central*. – Paris: de Boccard, 2005. – P. 197-233.
- Fussman G., Kellenz J., Francfort H-P., Tremblay X. *Āryas, aryens et iraniens en Asie Centrale* / G. Fussman, J. Kellenz, H-P. Francfort, X. Tremblay. – Paris: Edition-Diffusion de Boccard, 2005. – 350 p.
- Gafurov B.G. The study of Aryan problems in USSR / B.G. Gafurov // *Proc. 29th Inter. Cong. of Orientalists (Ancient Iran Sec.)*. – 1975.
- Geiger W. Civilization of the Eastern Iraniāns in ancient times: With introduction on the Avesta Religion. Vol. 2: The Old Iranian Polyty and the Age of the Avesta / W. Geiger. – London: Henry Frowde Amen Corner, 1886. – 299 p.
- Geiger W. Die Pehleviversion des Ersten Capitels des Vendīdād / W. Geiger. – Erlangen: Reichert, 1877. – 32 s
- Geiger W. Ostīrānische Kultur im Altertum / W. Geiger. – Erlangen: Aelan Neudr. d. Ausg., 1882. – VIII, 520 s.
- Geiger W. Vaterland und Zeitalter des Awesta und Seiner Kultur / W. Geiger // *Sitzungsberichte der königlichen bayerischen Akademie der Wissenschaften*. – 1884. – № 2. – S. 315-385.
- Gentelle P. Irrigation antiques en Bactriane du nord, les inferences historiques // *La Bactriane au Carrefour des routes et civilisations de Asie central*. Paris, 2001.

- Gershevitch I. The Avestan hymn to Mithra / I. Gershevitch. – Cambridge, 1959. – 357 p.
- Gershevitch I. Zoroaster's own contribution / I. Gershevitch // JNES. – 1964. – Vol. XXIII – № 1.
- Gholami, Saloumeh. Selected Features of Bactrian Grammar. (PhD dissertation). Göttingen 2009.
- Giuffrida-Ruggieri V. Homo sapiens. Einleitung zu einem Kurse der Anthropologie. Wien, 1912 / 1913.
- Gnoli G. Avestan Geography. – EIr. 1987. – Vol.3. Fasc.1. – P.46-47; CHI. – Vol.III, 1. – P.438-440
- Gnoli G. De Zoroastre à mani. Qutre leçons au college de France / G. Gnoli. – Paris: l'Institut d'Etudes Iraniennes, 1985. 98 p.
- Gnoli G. De Zoroastre à mani. Qutre leçons au college de France / G. Gnoli. – Paris: l'Institut d'Etudes Iraniennes, 1985. 98 p.
- Gnoli G. More on the Sistanic hypothesis / G. Gnoli // East and West. 1977. № 2. P. 309-320.
- Gnoli G. More on the Sistanic hypothesis // East and West. 1977. №2.
- Gnoli G. Ricerche storiche sul Sistān antico / G. Gnoli // IsmeoRepMem, X. – 1967. – 155 s.
- Gnoli G. The Idea of Iran. An Essay on its Origin / G. Gnoli // Serie Orientale Roma, LVII. – Rome: Instituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1989. – 216 p.
- Gnoli G. Zoroaster's Time and Homeland: A Study on the Origins of Mazdeism and Related Problems. – Naples, 1980. – P.130-131;
- Gnoli G. Zoroaster's time and Homeland: A study on the Origins of Mazdeism and Related Problems / G. Gnoli. – Naples: Instituto Universitario Orientale, 1980. – 279 p.
- Görsdorf J., Huff D. C14-Datierungen von Materialien aus der Grabung Džarkutan, Uzbekistan // AMIT, B. 33. Berlin, 2001.
- Gregory W.K. Conspectus of the species and chief races of Hominidae // J. of Dental Research. III. 1921.
- Grenet F. An Archaeologist's Approach to Avesta Geography / F. Grenet // Birth of the Persian Empire. – Vol. I. Ed. by V.S. Curtis and S. Stewart. – London, New-York: I.B. Tauris, 2005. – P. 29-51.
- Grenet F. An Archaeologist's Approach to Avesta Geography // Birth of the Persian Empire. – Vol. I. Ed. by V.S. Curtis and S. Stewart. – Lon-

- don, New-York: I.B. Tauris, 2005.
- Grenet F. Bāmiyān and the Mihr Yašt / F. Grenet // Bulletin of the Asia Institute. – 1993. – Vol. 7. – P. 87-94.
- Grenet F. L'onomastique iranienne á Ai-Khanoum // Bulletin de correspondance helléque. 1983. T. 107.
- Grenet F. Zoroastre au Badakhshân / F. Grenet // Studia Iranica. – 2002. – Tome 31, fascicule 2. – P. 193-214.
- Günther H. Die Nordische Rasse bei den Indogermanan Asiens. München, 1934.
- Gunz P., Bulygina E. The Mousterian child from Teshik-Tash is a Neanderthal: A geometric morphometric study of the frontal bone // Am. J. Phys. Anthropol. 2012. Sep. 14 (10.1002 / ajpa.22133. [Epub ahead of print]) <http://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/22976750>.
- Gupta P., Dutta P. C, Basu A. Human skeletal remains from Harappa. Anthropological Survey of India. Memoir N 9. Calcutta, 1962.
- Haddon A. The Races of man and their distribution. Cambridge, 1924.
- Hakemi A. Shahdad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Rome: IsMEO, 1997. 721 p. (Istituto italiano per il medio ed estremo oriente. Centro scavi e ricerche archeologiche. Reports and Memoirs. Vol. 27).
- Hakemi A., Sajjadi S. Shahdad excavations in the context of the oases civilization Bactria. – G. Ligabue, S.Salvatori (изд.) An ancient oasis civilization from the Sands of Afghanistan. Venedig, 1990.
- Harmatta J. The emergence of the Indo-Iranians: the Indo-Iranian languages // History of Civilization of Central Asia. Paris. – 1992.
- Henning W.B. Zoroaster. Politican or Witch-Doctor / W.B. Henning // Ratanbai Katrac lectures, 1949. – London: Oxford Unvisv. Press, 1951. – 51 p.
- Herzfeld E. Zoroaster and his World / E. Herzfeld. – Princeton: Princeton Univ. Press.,1947. – Vol. I–II. – 821 p.
- Herzfeld E. Zoroaster and His World. – Princeton: Princeton University Press, 1947– Vol. I–II. – 821 p.
- Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age Oasis Civilization in Cetral Asia. Cambridge, 1994.
- Hiebert F.T. Production evidence for the origins of the Oxus Civilization / F.T. Hiebert // Antiquity. – June 1994. – Vol. 68, № 259. – P. 372-387.
- Hiebert F.T. South Asia from Central Asia perspective / F.T. Hiebert // The In-

- do-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity / ed by. G. Erdosy. – Berlin-New-York: De Grayter, 1995. – P. 192-205.
- Hiebert F.T., Lamberg-Karlovsky C.C. Central Asia and the Indo-Iranian Borderlands / F.T. Hiebert, C.C. Lamberg-Rarlovsky // IRAN, 1990. XXVIII. P. 1-15.
- Hinüber, Oskar von 1986. Das ältere Mittelindisch im Überblick. Wien: Verlag der österreichischen Akademie d. Wissenschaften.
- History of Civilization of Central Asia. Vol. I. The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. Ed. by A.H. Dani, V.M. Masson. – Paris: UNESCO, 1992. – 569 p.
- Hoffmann K, Narten J. Der Sasanidische Archetypus. Untersuchungen zur Beschreibung und Lautgestalt des Avestischen / K. Hoffmann, J. Narten. – Wiesbaden: Reichert, 1989. – 98 s.
- Holloway R.L. The poor brain of Homo sapiens neanderthalensis: see what you please... // Ancestors: The Human Evidence. – New York, 1985.
- Humbach H. A Western Approach to Zarathustra / H. Humbach // Journal of the K. R. Cama Oriental Institute, 1984. – № 51. – P. 15-32.
- Humbach H. A Western Approach to Zarathustra / H. Humbach // Journal of the K. R. Cama Oriental Institute, 1984. – № 51.
- Humbach H., Elfenbein J.H., Skaervø P.O. The Gāthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. Part I: Introduction, Text and Translation / H. Humbach, J.H. Elfenbein, P.O. Skaervø. – Heidelberg: Karl Winter-Universitätsverlag, 1991. – 195 c.
- Humbach H. Die Awestische Länderliste / H. Humbach // Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens. 1960. № 4. P. 283-298.
- Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale // Corp. Incr. Iran. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by International Committee. London: SOAS, 2012.
- Irinkaus E. and Howells W.W. The Neanderthals. // Scientific American. – Desember, 1979.
- Isakov A.I., Lyonnet B. Céramiques de Sarazm (Tadjikistan, URSS): problèmes d'échanges et de peuplement à la fin du chalcolithique et au début de l'âge du bronze // Paleorient. – 1988. – vol. 14, num. 1.
- Isakov A. Excavations in the Bronze Age Settlement in Sarazm. // The Bronze

- Age Civilization / Central Asia, Recent Soviet Discoveries / Kohl P.L. (ed.) Armonk, New York: I.Á. Sharpe, 1981. – P. 273.
- Ivantchik A.I. Neue griechische Inschriften aus Tacht-i Sangin und das Problem der Entstehung der baktrischen Schriftlichkeit // Zwischen Ost und West. Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern. 2013.
- Jackson A.V.W. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran / A.V.W. Jackson. – L.-N.Y.: Columbia Univ. Press; Macmillan, 1899. – 314 p.
- Jackson A.V.W. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran / A.V.W. Jackson. – L. – N.Y.: Columbia Univ. Press; Macmillan, 1899. – 314 p.
- Janhunen, Juha (ed.): The Mongolic Languages. Routledge, London 2003
- Jettmar K. Bemerkungen zu Arkaim / K. Jettmar // Eurasia Antiqua. – 1997. – Bd. 3. – S. 249-254
- Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians / K. Jettmar // Этнические проблемы Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981. – С. 220-229.
- Jettmar K. Fortified «Ceremonial Centres» of the Indo-Iranians // Этнические проблемы Центральной Азии в древности. – М.: Наука, 1981.
- Johanson, Lars / Csató, Éva Ágnes, eds. (1998): The Turkic Languages. London – New York: Routledge.
- Kaniuth K., Teufer M. Zur Sequenz des Gräberfelds von Rannij Tulchar und seiner Bedeutung für die Chronologie des spätbronzezeitlichen Baktrien, AMIT, B. 33. Berlin, 2011.
- Kaniuth Kai. Metallobjekte der Bronzezeit aus Nordbaktrien. – Archäologie in Iran und Turan, B. 6. Mainz, 2006.
- Kellens J. Avesta // Encyclopedia Iranica / ed. by E. Yarshater. – L.: Routledge and Kegan Paul, 1988. – Vol. 3.
- Kellens J. La pantheon de l'Avesta ancien / J. Kellens. – Wiesbaden: Dr. Ludvig Reichart Verlag, 1994. – 159 p.
- Kellens J. Les airiia – ne sont des āryas: ce sont déjà iraniens / J. Kellens // Fussman G., Kellens J., Francfort H-P., Tremblay X. Āryas, aryens et iraniens en Asie Centrale. – Paris: Edition-Diffusion de Boccard, 2005. – P. 233-252.
- Kent R. G. Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. – New Haven, Connecticut: American Oriental Society, 1953. Sunderman W. An Early Attestation of the Name of Tajiks // Medioiranica. Proceedings of the Inter-

- national Colloquim Organized by the Kakholieke Universiteit Lauven from the 21st to the 23rd of May 1990 (*Orientalia Lovaniensia Analetica* 48). – Lauven, 1993. – P. 163-171.
- Khan, Geoffrey 2008. *Arabic Documents from Early Islamic Khurasan*. London: Nour Foundation.
- Khlopin I.N. *Zoroastrianism: Location and Time of Its Origins // Iranica Antiqua*. – 1993. – Vol. XXVII.
- Khlopin: *Zoroastrianism: Location and Time of Its Origins / I.N. Khlopin // Iranica Antiqua*. – 1993. – Vol. XXVII. – P. 96-116.
- Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // *Nature*. 449. P. 902-904 (18 October 2007) (10.1038/nature06193; Received 15 March 2007; Accepted 23 August 2007; Published online 30 September 2007).
- Krogman W.M. *The Peoples of Early Iran and Their Ethnic Affiliations // Am. J. of Phys. Anthropol.* Vol. 26. 1940.
- Kurbanov A. *The Archaeology and History of the Hephtalites*. – Bonn, 2013.
- Kuzmina E. *Les steppes de l'Asie Centrale à l'époque de Bronze – La Culture d'Andronovo / E. Kuzmina // Les Dossiers Archaeologie*. – 1993. 3. 185. – P.82-89.
- Kuzmina E. *Les steppes de l'Asie Centrale à l'époque de Bronze – La Culture d'Andronovo / E. Kuzmina // Les Dossiers Archaeologie*. – 1993. 3. 185.
- Kuzmina E. *The Origin of the Indo-Iranians / E. Kuzmina; ed. by J.P. Mallory*. – Leiden, Boston: Brill, 2007. – 762 p.
- Lamberg-Karlovsky C.C. *Reflections on the Central Asian Bronze Age / C.C. Lamberg-Karlovsky // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia*. – M., 1993. – Issue 19. – P. 29-40.
- Lamberg-Karlovsky C.C. *The Indo-Iranians / C.C. Lamberg-Karlovsky // Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43. – No 1. – P. 63-88.
- Lamberg-Karlovsky C.C. *The Indo-Iranians // Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43. – No 1.
- Leakey M. *Olduvai Gorge*. – Cambridge, 1971. – Vol. 3.
- Lee J., Sims-Williams N. *The Antiquities and inscription of Tang-i Safedak // SRAA*. – 2003. № 9. – Pp. 159-184.

- Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al Baladsori, quem e codice Leidensi et codisi Musei Britannici ed. M.J. de Goeje, Lugduni Batavorum. 1866.
- Lieberman L. The debate over race: a study in the sociology of knowledge // *Phylon*. 1968. N. 39.
- Litvinskij, B.A., Pičikjan, I. R.: *Taxt-i Sangîn. Der Oxus-Tempel. Grabungsbe- fund, Stratigraphie und Architektur // Archäologie in Iran und Turan.* 4 – Mainz: Verlag von Zabern, 2002. – 124 S.
- Litvinsky B.A., Pichikian I.R. The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus // *The Archaeology and Art of Central Asia Studies From the Former Soviet Union.* – Michigan: Ann Arbor, 1996. – (Bull. of the Asia Institute; vol. 8).
- Lommel H. *Anahita-Sarasvati // Asiatica.* – Leipzig: Festschrift F.Weller. Lpz., 1954.
- Ľubomír Novák. *Problem of Archaism and Innovation in the Eastern Iranian Languages (PhD Dissertation).* Praha 2013.
- Lubotsky, Alexander, 2001. «The Indo-Iranian substratum.» In: *Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations. Papers presented at an international symposium held at the Tvärminne Research Station of the University of Helsinki 8-10 January 1999.* (Mémoires de la Société Finno-ougrienne 242.) Chr. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). Helsinki, 301-317. Witzel 1999.
- Lundman B. *Geographische Anthropologie // Rassen und Völker der Erde.* Stuttgart, 1967.
- Lurje P. B. *Personal Names in Sogdian Texts.* Wien, 2010.
- Lyonnet B. (avec la collaboration de A. Isakov et le participation de N. Avanessova). *Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien).* Paris: De Boccard, 1996. 131 p. (Mémoires de la mission archéologique française en Asie Centrale. T. 7).
- Lyonnet B. *Sarazm (Tadjikistan). Céramiques (Chalcolithique et Bronze An- cien).* The chronology of Early Agricultural Cultures in the Central Asia Interfluvial Area during the early Metal Period // *Mémoires de la Mission Archéologiques Française en Asie Centrale / ed. De Boc- card.* – Paris. – 1996.
- Mallory J.P., Mair V.H. *The Tarim Mummies: Ancient China and the Mystery*

- of the Earliest Peoples from the West. London: Thames & Hudson, 2000.
- Malzahn, Melanie, ed. 2007. *Instrumenta Tocharica*. Heidelberg: Winter.
- Mans Religins by Jonn B.Noss. New York, 1956. Персидский перевод: Таърихи джомеъи адён: аз оғоз то имрӯз ю Перю Алиагар Хикмат. Интишороти исломи –1354. – С. 305.
- Madamidjonova Z.M Die geschichte Tadschikistans // *Zentralasien Eine Innenansicht..* Übersetzung: Alexander Trubizin.– B.: 2006 – 498 – Seiten in Russisch und Deutsch.
- Markwart J. Vehrot und Arang / J. Markwart. – Leiden: Brill, 1938. – 202 s.
- Marquart J. Ērānšāhr nach der Geographie des Ps. Moses Xorenaci / J. Marquart. – Berlin : Weidmann, 1901. – 358 s. (Abhandlungen der Kgl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Philologisch-Historische Klasse, N.F., III, 2)
- Marquart J. Eranšarch nach der Geographie des Ps Moses Xorenac'i. Berlin, 1901 (AKGWG. N. F. Bd. 3, № 2). – S. 216.
- Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. Vol. 2. / J. Marquart – Leipzig: Dietrich, 1905. – 258 s.
- Masson V.M. The proto-Bactrian group of the civilization in the Ancient East // *Antiquity* 63, 1988.
- Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 2 / M. Mayrhofer. – Heidelberg, 1963. – 700 s.
- Mayrhofer M. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Lief. 2. – Heidelberg, 1963. – 700 s.
- Menges, Karl H. (1995): *The Turkic Languages and Peoples. An Introduction to Turkic Studies*, 2nd, rev. ed. (= Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica, 42). Wiesbaden: Harrassowitz.
- Monchi-Zadeh D. Topographisch-historische Studien zum iranischen Nationalepos / D. Monchi-Zadeh. – Wiesbaden Steiner, 1975. – 309 s. (ADMG, XLI, 2).
- Montandon G. L'olognese humaine. (Ologenisme). Paris, 1928.
- Montandon G. La race, les races. Mise ou point d'ethnologie somatique. Paris, 1933.
- Morgenstierne G. Indo-Iranian frontier languages. Vol. II: Iranian Pamir languages. Yidgha-Munji, Sanglechi-Ishkashimi and Wakhi / G. Morgenstierne. – Oslo: Universitetsforlaget, 1938. – I-XXIV, 630 p.

- Movius H.L. *Man and Pleistocene Stratigraphy in Southern and Eastern Asia*. Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. – Cambridge, 1944.
- Naveh, Joseph, Shaked, Shaul 2012. *Aramaic Documents from Ancient Bactria*. London: Studies in the Khalili Collection.
- Neues Licht auf eine alte Kultur. Die frühbuddhistischen Handschriften aus Gandhara. Akademie Aktuell. Zeitschrift der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Ausgabe 01/2013.
- Novikov V.P., Radililovsky V.V. *Stone Age siliceous rocks from Hissar (Southern Tien-Shan) // Actes du V Colloque international sur le Silex 1990*.
- Nyberg H.S. *Biographie de Zaratustra dans le Denkart / H.S. Nyberg // Acta Iranica 7, 1974. – Vol. IV. – P. 503-519*.
- Nyberg H.S. *Biographie de Zaratustra dans le denkart // Acta Iranica 7. – Leiden: E.J. Brill, 1975. – Vol. 4*.
- Nyberg H.S. *Die Religionen des alten Iran. Transl. from Swedish into German by H.H. Schaeder / H.S. Nyberg. – Leipzig: J.C. Hinrichs Verlag, 1938. – 506 s*.
- Oettinger N. *Untersuchungen Zur Avestischen Sprache am Beispiel des Ardvīsūr-Yašt / N. Oettinger. – Erlangen: Habilitationsschrift, 1985. – 381 s*.
- Pahlavi Texts. Pt. I: *Selections of Zâd-Sparam. Chapters I-XI. Transl. by E.W.West – Oxf.: Oxford University Press, 1880. – P.153-187 (SBE, vol. V.); Pt. V: Marvels of Zoroastrianism. Selections of Zâd-Sparam. Chapters XII-XXIV. Transl. by E.W.West – Oxf.: Clarendon Press, 1897. – P. 133-171 (SBE, vol. XLVII)*.
- Pahlavi texts. Pt. V: *Marvels of Zoroastrianism. Dînkard. Books V, VII; Selections of Zâd-Sparam. Transl. by E.W.West. – Oxf.: Clarendon Press, 1897. – 182 p. Dînkard. – P. 3-130 (SBE, vol. XLVII)*.
- Palmer L.R. *Arya-. A Homological Sketch // Antiquitates Indogermanicae / hrsg. von M. Mayerhofer. – Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck: Inst. für Sprachwiss. der Univ. Innsbruck, 1974*.
- Parpola A. *The coming of the Aryans to Iran and India and the cultural and ethnic identity of the Dāsas / A. Parpola // Studia Orientalia, 1988. № 64. P. 195-302*.
- Parpola A. *The Problem of the Aryans and the Soma. Textual-linguistic and ar-*

- chaeological evidence / A. Parpola // *The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity.* – Berlin – N.,- Y., 1995. – P. 353-372.
- Parzinger H. *Grundzüge der Vor- und Frühgeschichte Sogdiens // Archäologie in Iran und Turan.* Berlin. 2003.
- Pinault, Georges-Jean 2008. *Chrestomatie tokharienne. Textes et grammaire.* Leuven-Paris: Peeters.
- Pittard E. *Les races et l'histoire.* Paris, 1924.
- Pittard E. *Les relations anthropologiques entre d'Asie mineure et l'Europe à la période néolithique // Türk Tarih Kurumu Belleten. T. 2. № 56.* 1938.
- Pjankova L. *Jüngbronzezeitliche Gräberfelder im Vachs-Tal, Süd-Tadjikistan.* München, 1986.
- Pjankova L. *Les particularités de l'évolution historique du Tadjikistan méridional à l'Âge du Bronze // Dans: L'archéologie de la Bactriane ancienne.* Paris, 1985.
- P'jankova L.T., Litvinskij B.A., Bobomulloev S., Kaniuth K., Teufer M. *Das bronzezeitliche Gräberfeld von Makonimor, Tadjikistan, AMIT, B. 41, Berlin, 2009.*
- Pottier M.-H. *Matériel funéraire de la Bactriane Méridionale de l'âge du bronze.* Paris: Editions Recherche sur les Civilisations, 1984. 232 p. (Mémoire n° 36).
- Pougatchenkova G. *Les Tresors de Dalverzine Tepe. L., 1978.*
- Ptolemaeus Claudius *Geography. Book 6 : Middle Asia, Central And North Asia, China. Text and English-Germany transl. By H. Humbach, S. Zieglar.* – Wiesbaden : Reichert, 1998. – 260 p.
- Pugachenkova G.A. *The Antiquities of Transoxiana in the Light of Investigations in Uzbekistan (1985-1990) // Ancient Civilization from Scythia to Siberia. An International Journal of Comparative Studies History and Archaeology.* – 1995. – Vol. II. – № 1.
- Pyankova L. *Pottery of Margiana and Bactria in the Bronze Age.* – Information Bulletin, IASCCA, 19. Moskow, 1993.
- Pyankova L. *The Settlement of Karimberdy. Information Bulletin, IASCCA, 20. 1996.*
- Quatrefages A. *de Histoire generale des races humaines. P. 2.* Paris, 1889.
- Ranov V. *The «Loessic Palaeolithic» in Southern Tadjikistan, CENTRAL*

- Asia; its industries, chronology and correlation.// *Quaternary Science Reviews*. – 1995, Vol. 14. – P. 731-745
- Ranov V.A. *Petroglyphs of Central Asia* / Tashbayeva K., Khujanazarov M., Ranov V.A., Samashev Z. – Bishkek, 2001.
- Ranov V.A. *Petroglyphs of Tadjikistan*// Tashbaeva K. et al., *Petroglyphs of Central Asia*.-Bishkek, 2001, p. 122-150
- Rapoport V.A. Some aspects of the evolution of Zoroastrian funeral rites (according to archaeological finds) / V.A. Rapoport // *Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва 9-16 августа 1960 г.* – М.: Изд-во Восточная литература, 1963. – Т. III. – С. 130-131.
- Reynolds L.T., Liberman L. *Race and racism in science and society* // *Humanity and society*. 1984. Winter.
- Rossi-Osmida G. *Adji Kui Oasis. The citadel of the Figurines. Vol. I. Venezia: Il Punto*, 2007.
- Rougemont Georges 2012 *Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale*. London: School of Oriental and African Studies.
- Š. R. Pidaev, G. Fussman, T. D. Annaev, avec une contribution de Nicholas Sims-Williams et le collaboration d'Eric Ollivier. *Monuments budiques de Termez. I. Catalogue des inscriptions sur poteries. I/1. Introductions, catalogues, commentaires*. Paris: Édition-diffusion de Boccard 2011.
- Sajjadi S.M.S. *Exavations at Shahr-i-Sokhta. First Preliminary Report of the Exavations of Graveyard 1997-2000* // *Iran* 2003, vol.XLI. 2003. P.21-97.
- Salomon, Richard 1998. *Indian epigraphy*. New York – Oxford. Oxford University Press.
- Salvatory S. *Bactria and Margiana Seals. A New Assessment of Their Chronological Position and Typological Survey* // *EW*, v. 50, N 1–4, Roma, 2000. P. 97-145.
- Salvatory S. *Early Bactrian objects in private collections*. G. Ligabue, S. Salvatori (ed.) *An ancient oasis civilization from the Sands of Afghanistan*. Roma, 1989, P. 181-247.
- Salvatory S. *Oxus civilization cultural variability in the light of its relations with surrounding regions: the middle bronze age*. // *У истоков цивилизации*. М, 2004. С. 92-101.

- Sander, Lore 1981. Buddhist Literature in Central Asia. In: Encyclopaedia of Buddhism, IV. The Government of Sri Lanka. P. 52–75.
- Sanjana R.E. Zarathushtra and Zarathushtranism in the Avesta / R.E. Sanjana. Leipzig : Harrasowitz, 1906. – 277 c.
- Sanjana R.E. Zarathushtra and Zarathushtranism in the Avesta. Leipzig: Harrasowitz, 1906. – 277 c.
- Sarianidi V. Die Kunst des alten Afghanistan. Leipzig, 1986.
- Sarianidi V. Myths of Ancient Bactria and Margiana on the Seals and Amulets. Moscow: Penta Graphic, Ltd, 1998. 336 p.
- Sarianidi V. Necropolis of Gonur. 2nd Edition. Athens, Kapon Editions, 2007.
- Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrianism / V.I. Sarianidi. – Athens: Kapon, 1998. – 192 p.
- Sarianidi V.I. Margiana in the Ancient Orient / V.I. Sarianidi // Information Bulletin of the International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. – M., 1993. – Issue 19. – P. 5-28.
- Sarianidi V.I. New Finds in Bactrian and Indo-Iranian Connections / V.I. Sarianidi // South Asian Archaeology 1977. Papers from the Forth International Conference of the Association of South Asian Archaeologists in Western Europe, held in the Instituto Universitario Orientale – Naples, 1979. – P. 643-659.
- Schäfer J. und Sosin P. M. Am Fuße des Pamir – Archäologie in der Steilwand // Archäologie in Deutschland 2 / 2013.
- Schafer J., Ranov V. A. Middle Palaeolithic blade industries and Hre Upper Palaeolithic of Central Asia. – Pnehistor. // Anatolie Genese de deux mondes – Liege, 1998.
- Schafer J., Ranov V.A., Sosin P.M. Loess stratigraphy and settlement patterns by Palaeolithic hominids in Khovaling, South Tadjikistan. // Loessfest '99, Extended abstracts – London, 1999 – P.212-215.
- Schafer J., Ranov V.A., Sosin P.M. The «cultural evolution» of Man and the chronostratigraphical back-ground of changing environment in the loess pale soil sequences of Obi-Mazar and Khonako (Tajikistan) // Anthropology. 1998. – V. 36. N 1-2.
- Schlumberger D. Le Berre M., Fussman G. Surkh Kotal en Bactriane. Vol. I-II. Paris, 1983/
- Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p. (Publica-

- tions of the Iranian Section of the University Museum).
- Schmidt. Tepe Hissar Excavation 1931. Museum Journal, XXIII, 4. Philadelphia, 1933.
- Schmitt R. Die Altiranischen Sprachen im Überblick / R. Schmitt // Compendium Linguarum Iranicarum. – Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert, 1989. – S. 25-31.
- Schmitt, Rüdiger 2000. Die iranischen Sprachen in Geschichte und Gegenwart. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert.
- Schmitt, Rüdiger, hg. 1989 Compendium Linguarum Iranicarum. Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert.
- Schwidetzki I. Das Menschenbild der Biologie. Stuttgart, 1959.
- Schwidetzki I. Grundlagen der Rassensystematik. 2 ed. Zürich, 1974.
- Schwidetzki I. Turaniden Studien. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abh. der Mathematisch-Naturwissenschaftliche Klasse. № 9. Wiesbaden, 1950.
- Semaw S. The world's oldest stone artifacts from Gona Ethiopia: Their Implication for Understanding Stone Technology and Patterns of Human Evolution between 2,6-1,5 Million Years Age // Journal of Archaeologist Scientist. – 2000. N 27.
- Sergi G. Description of some skulls from North Kurgan Anau // Pumpelly R. Explorations in Turkestan. Washington, 1908a. P. 445-446.
- Sergi G. Di una classificazione rationale dei gruppi umani. (Descorso) // Atti Soc. Ital. progr. sci. Roma, 1908.
- Shaffer J.G. The Later Prehistoric Period // Archaeology of Afghanistan / ed. by Allchin R., Hammond N. – London, New York, San Francisco, 1978.
- Sher Ja. Sibérie du Sud: Oglakhty I-III (Russie, Khakassie) // Mémoires de la MAFAC. –V.1, fasc. 1. 1994.
- Sims-Williams N. The Arab-Sasanian and Arab Hephthalite coinage: a view from the East. // De la Vaissier (ed.) Islamization de l'Asie Centrale. – Paris: Diffusion Peeters Press, 2008. – P. 115-130.
- Sims-Williams N., Cribb J. A. New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road, Art and Archaeology. IV. Kamakura. Japan, 1995/96.
- Sims-Williams, Nicholas 2000 – 2007 – 2012 Bactrian documents, vol. I-II-III (Corpus inscriptionum Iranicarum, Pt. II Vol. III). London: Nour foundation.

- Sims-Williams, Nicholas, Durkin-Meisterernst, Desmond 2012 Dictionary of Manichaean Texts: Texts from Central Asia and China: Dictionary of Manichaean Sogdian and Bactrian. (Dictionary of Manichaean texts, Vol. III, pt. 3). Turnhout, Belgium: Brepols
- Skjærvø P.O. Indo-European and Indo-Iranian Heritage of Avestan / P.O. Skjærvø // The Wiley Spiegel F. Vishtāspa (Bīftāçpa) oder Hystaspes und des Reich von Baktra / F. Spiegel // Sybels Historische Zeitschrift. Vol. VIII. – München-Berlin, Oldenburg, 1880. – S. 1-21
- Skjærvø P.O. The Achaemenids and the Avesta / P.O. Skjærvø // Birth of the Persian Empire. Ed. by V.S. Curtis, S. Stewart. – London, New-York: I.B. Tauris in association with The London Middle East Institute a SOAS and the British Museum, 2005. – P.52-84.
- Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians / P.O. Skjærvø // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Ed. by G. Erdosy. – Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. – P. 166. (Indian Philology and South Asian Studies. Vol. I) – P.155-176.
- Skjærvø P.O. The Avesta as source for the early history of the Iranians // The Indo-Aryans of Ancient South Asia. Language, Material Culture and Ethnicity. Ed. by G. Erdosy. – Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 1995. – P. 166. (Indian Philology and South Asian Studies. Vol. I).
- Skjærvø, Prods Oktor 1995 «Aramaic in Iran». *Aram* 7: 283-318.
- Skjærvø, Prods Oktor 2002 Khotanese Manuscripts from Chinese Turkestan in The British Library. A Complete Catalogue wuth Texts and Translations. London: The British Library.
- Spengler R.N., Wilcox G. Archaeobotanical results from Sarazm, Tajikistan, an Early Bronze Settlement on the edge: Agriculture and exchange. // *Journal of Environmental Archaeology*. – 2013. – Vol. 18(3). – P. 211-221.
- Spiegel F. Eran. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. Betirage zur Kenntniss des Landes und seiner Geschichte. Berlin, 1863. S. 146.
- Spiegel F. Eran. Das Land zwischen dem Indus und Tigris. Betirage zur Kenntniss des Landes und seiner Geschichte. Berlin, 1863. S. 146.
- Starostin, Sergei A., Anna V. Dybo, and Oleg A. Mudrak. 2003. Etymological Dictionary of the Altaic Languages. Leiden: Brill.
- Steblin-Kamensky I.M. Avestan *kəmāciṭ paiti čaprušanam* / I.M. Steblin-

- Kamensky // *East and West*, 1995. № 45 (1-4). P. 307-310
- Steblyn-Kamensky I.M. *Avestan kəmāčīṭ paiti čaprušanam* // *East and West*, 1995. № 45 (1-4).
- Sundermann W. An early attestation of the name of the Tajiks // *MedioIranica*. Ed. By W. Skalmowski, A. Von Tongero. Louvain, 1993. – P. 162-171.
- Sundermann W. An early attestation of the name of the Tajiks // *MedioIranica*. Ed. By W. Skalmowski, A. Von Tongero. Louvain, 1993. – P. 162-171.
- The Bisutun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version // *Corp. Inscr. Iran. Pt I. Inscription of Ancient Iran. Vol. II: Texts I*. Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Prints, 1978 (Babylonian Text, including the Babylon fragments, Eng. transl. by E. Voigtlander).
- The Bisutun Inscription of Darius the Great: Babylonian Version // *Corp. Inscr. Iran. Pt I. Inscription of Ancient Iran. Vol. II: Texts I*. Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Prints, 1978 (Babylonian Text, including the Babylon fragments, Eng. transl. by E. Voigtlander).
- The Bundahis, Bahman-Yasht [Pahlavi], and Shâyast [and: Appendix to the Bundahis: Selections of Zâdspram, brother of dastûr Pârs and Kirmân, A.D. 881. – Oxford, University Press, 1880. – 434 p. Part I. Chapters I-IX (Paraphrase of Bundahis, I-XVII)]. Transl. by E. W. West. – P. 1–151. (SBE, vol. 5).
- The Gâthās of Zarathushtara and the Other Old Avestan Texts. Part I: Introduction, Text and Translation / H. Humbach, J.H. Elfenbein, P.O. Skaervø. – Heidelberg: Karl Winter-Universitätskerlag, 1991. – 195 c.
- The Inscriptions of Naqš-i Rostam // *Corp. Inscr. Iran. Part I. Inscription of Ancient Iran. Vol. I. The Old Persian Inscriptions. Portfolio II: Plates XXV-XLVIII* / Ed. by an International Committee. London: Percy Lund Phries, 1957.
- The travels of ibn Battuta (ad/ 1325-1354)/Vol/I/Naktuvt Society/Cambridge. – 1971/
- The Zend-Avesta. Part I. The Vendîdâd. Transl. by J. Darmesteter. – Oxf.: Oxford University Press, 1880. – 240 p. (SBE. Vol. IV); Part II. The Yasna, Visperad, Sîrôzahs, Yasts, Nyâyis. – Oxf.: Clarendon Press,

1883. – 384 p. (SBE. Vol. XXIII).
- Thieme P. Der Fremdling im Rgveda. Eine Studie über die Bedeutung der Worte arí, arya, aryaman und ārya / P. Thieme. – Leipzig: Brockhaus, 1938. – 178 s.
- Thomas Jügel. Die Entwicklung der Ergativkonstruktion im Alt – und Mitteliranischen. (PhD Disseration). Frankfurt 2012.
- Tomaschek W. Centralasiatisch Studien I. Sogdiana. – Wien. – 1877.
- Tosi M. Excavations at Shahr-i Sokhta. Preliminary Report on the Second Campaign, September-December 1968 // East and West. 1969. Vol. 19. № 3–4.
- Trinkaus E., Ranov V.A., Laukhin S. Middle Palaeolithic Human deciduous in Cisor from Khudji, Tadjikistan. // Journal of Human Evolution. – 2000. N 38.
- Vallois H. Les ossements humains de Sialk // Girshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan. T. 2. Paris, 1939.
- Vassal P. Brachycéphalie cloître et terrain granitique // Revue Pathol., Génét., Physiol., Clin. 1957. Vol. 57. N 688.
- Viae regnorum Descriptio ditionis moslemica autore Abu Ishak al – Farisi al – Istakhri. Ed.M.J.de Goeje. Lugduni Batavorum. 1870.
- Vinogradova N. Südtadžikistan in der Spätbronze und Früheisenzeit. – Migration und Kulturtransfer. Akten des Internationalen Kolloquiums. Berlin, 23. bis 26. November 1999. Bonn, 2001.
- Vinogradova N. Will the Monuments of the Middle Bronze Age be discovered on the Territory of Southern Tadjikistan? // SAA 2007, v.1. Ravena.
- Vinogradova N., Winkelmann S. The rich grave in the burial ground of Gelot (South Tajikistan). // SAAA 2010. Contextualizing Material Culture in South and Central Asia in Pre-Modern Times. Brepolis, 2016.
- Vinogradova N.M. Preliminary results of the excavations at the Necropolis of Farkhor, a middle Bronze Age in Southern Tadjikistan // Routes del’Orient. Revue d’archéologie de l’orient ancien, N 2, 2015. Paris.
- Vogelsang W. The sixteen lands of Videvdat 1 Airyânəm Vaêjah and the homeland of the Iranians // Persica, 2000. N. XVI.
- Vogelsang W.R. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence / W. Vogelsang. – Leiden, New-York, Brill, 1992. – 344 p.

- Vogelsang W.R. The Rise and Organisation of the Achaemenid Empire: The Eastern Iranian Evidence. – Leiden, New-York, Brill, 1992.–344p.
- Weidenreich F. The Paleolithic Child from the Teshik-Tash cave in Southern Uzbekistan (Central Asia) // *Am. J. of Phys. Anthropology* (n.s.). Vol. 3. N 2. 1945.
- Windfuhr, Gernot, ed. 2009-10. The Iranian languages. London, NY: Routledge.
- Winkelmann S. Gedanken zur Herkunft und Verbreitung iranischer und mitelasiatischer Gewichte // *Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft zu Berlin*. Berlin, 1997. Nr. 129.
- Witzel M. The Home of the Aryans / M. Witzel // *Anusantatyaī*. Festschrift für Jahanna Narten zum 70. Geburtstag / hrsg.: A. Hintze, E. Tichy. – Dettelbach: Röl, 2000. – P. 283-338 (Münchener Studien zur Sprachniscwissenschaft; Bd.19
- Witzel M. The Home of the Aryans // *Anusantatyaī*. Festschrift für Jahanna Narten zum 70. Geburtstag / hrsg.: A. Hintze, E. Tichy. – Dettelbach: Röl, 2000. (Münchener Studien zur Sprachniscwissenschaft; Bd.19.
- Yarshater, Ehsan, ed., 1982–ff *Encyclopaedia Iranica*. Vol 1-16. London – Boston – Henley: Routledge & Kegan Paul; Costa Mesa: Mazda Publishers; New York, NY: Bibliotheca Persica Press; New York, NY: Encyclopædia Iranica Foundation (также в сети Интернет, <http://www.iranicaonline.org/>).
- Yule H. The geography and history of the upper waters of the Oxus / H. Yule // Wood J. A journey to the source of the river Oxus / J. Wood. – London: John Murray, 1872. P. XXI-CVII.
- Yutaka Yoshida. Some new readings of the Sogdian version pf the Karabulagasun inscription // *Documents et archives de l' Asia Centrale*, Kyoto, 1990. – C.117-123.

*Разрешено к печати 30.03.2021. Сдано в печать 31.03.2021.
Бумага офсетная. Формат 70x100¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 86,57. Заказ № 50. Тираж 500 экз.*

МН «Дониш»

***Издательское учреждение «Дониш» НАНТ:
734029, г. Душанбе, ул. С.Айни, 299/2.***